This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

3 3433 07855279 5

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ,

12532

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

НА 1851 ГОДЪ.

Часть I.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографии.
1851.

7—

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
770750A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1935 L

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Января 1-го 1851 года.

Цензоръ Д. Рожевскій.

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ.

1851.

№ 1. Январь. Кн. 1.

КНЯЗЬ МСТИСЛАВЪ ГАЛИЦКІЙ.

Мстиславъ Галицкій былъ сынъ того Мстислава Храбраго, что остригъ голову и бороду Андрееву послу, и отбился въ Вышегородѣ одинъ отъ всей сборной рати Великаго Князя Суздальскаго, которая приходила его взять, во что бъ ни стало, живаго или мертваго. Вотъ каковъ былъ его отецъ, — и сынъ пошелъ по отцѣ. Хоть и всѣ Князья Ростиславова племени, къ которому принадлежали эти Мстиславы, отличались, по мнѣнію современниковъ, своими доблестями, но всѣхъ ихъ много превзошелъ Мстиславъ Галицкій, и лѣтописи единогласно даютъ ему прозваніе Удалаго. Никто не бился такъ крѣпко, никто не ходилъ на войну такъ шибко, какъ Мстиславъ; никто не брался за такія трудныя дѣла изъ одного спасибо, какъ Мстиславъ; и ни чье имя по древней Руси не носилось съ такою громкою славой, какъ Мстиславово Чуть гдѣ становилось мудрено и тяжко, чуть когда налегала сила черезъ мѣру, чуть куда собирались опасности, туда, Князья, города, волости, звали на выручку Мстислава, и Мстиславъ

PERL JAN 21 1935

Digitized by Google

падалъ, какъ снѣгъ, на голову врагамъ изъ-за горъ, изъ-за рѣкъ, изъ-за лѣсу; поспѣвалъ вездѣ — изъ Торопца въ Новгородъ, изъ Новагорода въ Суздаль, и въ Кіевъ, и въ Галичь. «Во многѣ Богъ и въ малѣ Богъ», восклицалъ безстрашный Князь, и съ горстью своей храброй дружины, бросался въ середину супротивныхъ полковъ, пробѣгалъ ихъ ряды вдоль и поперегъ, съ топоромъ въ рукѣ, сѣкущій на право и на лѣво, и спору конецъ не замедлялся: враги показывали плеча, а побѣдитель, оставаясь на полѣ сраженія, разсыпалъ щедрой рукою добычу передъ своими товарищами: бери кому что надо. Онъ отдавалъ все, а себѣ ничего, — ничего отъ Новагорода, что избавилъ отъ насилій и озарилъ новымъ блескомъ; ничего отъ Владимира, гдѣ выправилъ онъ столъ Великаго Княжества старшему сыну, обиженному отцемъ; ничего отъ Русской земли, которую удержалъ онъ за своими родственниками, Мономаховичами, коихъ грозилъ изгнать оттуда навсегда Олеговичь, Чермный; ничего отъ Галича, вырваннаго имъ изъ когтей Польши и Венгріи. Онъ радъ былъ только помогать, тѣсняся на великія дѣла, какъ его отецъ; ему весело было только бороться, ему любо было съ малою толикой одолѣвать множество. И долго не зналъ онъ себѣ равнаго, долго никто не смѣлъ ему противиться Гдѣ онъ, тамъ успѣхъ и побѣда. Добрый, искренній, великодушный, онъ пріобрѣлъ общую любовь и уваженіе. Пусть годы текутъ, пусть время беретъ свое, — старость не мѣшаетъ еще могучему витязю; духъ его бодръ, сердце бьется живо, — но вонъ, изъ отдаленныхъ пустынь Азіи, на дикихъ коняхъ своихъ несутся Татары....

—

Обозримъ обширное поприще бурной жизни Мстиславовой.

Имя его встрѣчается въ первой разъ подъ 1195 годомъ. Молодой человѣкъ еще тогда, онъ держалъ Треполь, южной городъ Кіевскій, подъ рукою дѣда, Великаго Князя Рюрика Ростиславича. Двоюродный братъ его Ростиславъ

Digitized by Google

пригласилъ его съ собой на охоту за Половцами, получивъ благопріятныя извѣстія отъ пограничныхъ Черныхъ Клобуковъ. Братья соединились за Росью, и пустились къ погапымъ изъѣздомъ. Переправясь чрезъ Ивлю, рѣку Половецкую, освѣдомились Князья отъ сторожей о мѣстѣ кочевей на Русской сторонѣ Днѣпра, пошли на нихъ ночью, и на разсвѣтѣ ударили въ вежи, разбили, и ополонились скотомъ, конями, челядью.

Послѣ этого удачнаго изъѣзда долго не слыхать было ничего о нашемъ Мстиславѣ. Главными дѣйствующими лицами были старшіе Князья: дядя его, Великій Князь Кіевскій Рюрикъ, зять Рюриковъ Романъ Волынскій, Князь Черниговскій Святославъ, Всеволодъ, Великій Князь Суздальскій, — и ему не было никакой возможности отличиться, а развѣ исполнять чужія приказанія: такъ въ 1197 г. посылалъ его Рюрикъ въ Галичъ, просить тамъ помочи противъ строптиваго зятя, и онъ вмѣстѣ съ Володимеромъ Галицкимъ ходилъ воевать волость Романову около Перемиля; такъ въ 1205 году принималъ онъ участіе въ большомъ общемъ походѣ на Половцевъ, съ которыми былъ онъ однакожъ въ родственномъ союзѣ, женясь на дочери ихъ Князя Котяна.

Больше ему было дѣлать нечего, а вскорѣ онъ принужденъ былъ и совсѣмъ уйдти изъ Руси — съ пустыми руками: Всеволодъ Черный, смѣлый, честолюбивый, дѣятельный, воспользовавшись благопріятными обстоятельствами, выгналъ дядю Мстиславова Рюрика изъ Кіева, и хотѣлъ овладѣть всею Русской землею, на перекоръ Мономаховичамъ, которые старались прежде отсторонить отъ нея Олеговичей. Всѣ они, одинъ за другимъ, должны были оставить ее, и очередь дошла наконецъ до Мстислава въ Торческѣ: послѣ тѣсной осады онъ выпросился вонъ, и пошелъ искать себѣ угла въ родовомъ своемъ княжествѣ, Смоленскомъ, гдѣ двоюродный братъ и далъ ему въ кормленье пограничный городъ Торопецъ.

—

Digitized by Google

Здѣсь-то, нечаянно, неожиданно для него самаго, открылось поприще для его дѣятельности, рѣшилась судьба его, и онъ, отъ подвига къ подвигу, отъ войны къ войнѣ, смѣлѣй и смѣлѣй, шире и шире, сдѣлался наконецъ судьей и почти главою всѣхъ Князей своего времени.

Сосѣднее Новогородское княжество было унижено до крайности Великими Князьями Суздальскими. Всеволодъ заставлялъ Новогородцевъ, самихъ, просить себя о предназначенныхъ имъ Князьяхъ, указывалъ всѣмъ властямъ пріѣзжать за ними во Владиміръ, мѣнялъ ихъ по своему благоусмотрѣнію, призывалъ ратныхъ людей къ себѣ на службу, даже казнилъ смертію своихъ супротивниковъ на Ярославовомъ дворищѣ. Новогородцы терпѣли, уступая одной необходимости, а всего болѣе голоду, которымъ часто могъ стращать или наказывать ихъ сильный Князь Суздальскій, но непривыкши къ такому образу дѣйствій, роптали, скорбѣли, и жалобы ихъ разносились повсюду.

И вотъ услышалъ ихъ Мстиславъ сидя въ своемъ Торопцѣ. Что же—онъ вздумалъ вступиться за Новгородъ, (гдѣ княжилъ недавно его отецъ, любимецъ Ногогородцевъ), и съ малой дружиной своей пришелъ въ близкій Торжекъ. Тамъ, не говоря ни слова, не объявляя никому причины, захватываетъ онъ Посадника и Бояръ Всеволодова сына, княжившаго въ Новѣгородѣ, Святослава, налагаетъ на нихъ оковы, беретъ имѣніе, до чего рука дошла, и посылаетъ сказать Новогородцамъ: «кланяюсь Святой Софіи и гробу отца моего, и всѣмъ Новогородцамъ. Я услышалъ о насильѣ, что вы терпите отъ Князей. Мнѣ жаль стало моей отчины — и вотъ пришелъ я къ вамъ на помочь.»

Новогородцы обрадовались безъ памяти такому заступнику, не думаному, не гаданому. Безъ размышленія, безъ соображенія о томъ, будутъ ли они въ силахъ бороться съ могущественнымъ Всеволодомъ, они принимаютъ тотчасъ предложеніе Мстислава, и отправляютъ къ нему почетное

Digitized by Google

посольство: «приходи, Князь, мы ждемъ тебя.» А сына Всеволодова сажаютъ на Владычнѣмъ дворѣ подъ стражу со всѣми его мужами, пока управятся съ отцемъ.

Мстиславъ пришелъ въ Новгородъ, и былъ торжественно посаженъ на столѣ. Новогородцы ликовали. Но дѣятельный Мстиславъ не думалъ о пирахъ и весельяхъ, а собравъ всѣ вои, поспѣшилъ на встрѣчу Всеволоду, отъ котораго надо было опасаться сильнаго нападенія за кровную обиду.... Нѣтъ,—старому Князю, передъ жданной смертью, жаль или страшно стало за свое милое дѣтище: онъ искренно или притворно укротился. «Ты мнѣ сынъ», прислалъ онъ сказать Мстиславу, «а я тебѣ отецъ. Пусти мнѣ Святослава и мужей его; отдай, что захватилъ, а я отпущу гостей Новогородскихъ съ товарами.» Мстиславъ согласился, и они примирились. Такимъ образомъ Торопецкій Князь сдѣлался Княземъ Новогородскимъ, и счастіе объявило себя на его сторонѣ.

Но онъ былъ остороженъ, и боялся повѣрить, чтобъ Великій Князь Суздальскій уступилъ ему такъ дешево Новгородъ и забылъ обиду. Тогда же осмотрѣлъ границы и распорядился вездѣ для обороны: гдѣ велѣлъ срубить городъ; гдѣ опредѣлилъ надежнаго посадника; Луки поручилъ брату, Володимеру Псковскому; а самъ сталъ на опасномъ мѣстѣ, въ Торжкѣ, блюсти главной волости Новогородской.

—

Наконецъ убѣдясь, что со стороны Суздальскаго княжества ему опасаться нечего, Мстиславъ пошелъ ходить съ мечемъ по сосѣдямъ, которые давно не видали Русскихъ воевъ.

Въ 1212 году напалъ онъ на Чудь, рекомую Торму*, и возвратился съ богатою добычею, пригнавъ множество скота.

На зиму ходилъ онъ еще на другую Чудь и подступилъ къ Медвѣжьей Головѣ.** Жители вышли изъ города и поклонились Князю. Онъ взялъ съ нихъ дань и далъ имъ миръ.

---

* Нынѣ есть Кирхшпиль Торма, Лифляндской губер. Дерптскаго уѣзда. См. Арцыбышева т. II, пр. 1769.

** Медвѣжья голова, или Оденпе, не далеко отъ Дерпта.

Digitized by Google

Потомъ (1214) со Псковскимъ и Торопецкимъ Князьями ходилъ Мстиславъ на третье племя Чуди, Ереву,* прошелъ всю Чудскую землю до моря, потратилъ ихъ села, взялъ ихъ осѣки, и осадилъ городъ Воробіинъ.** Чудь Еревская поклонилась ему также, какъ и Торма. Онъ взялъ дань, отдалъ двѣ части Новогородцамъ, а третью своимъ дворянамъ.

—

Не успѣлъ онъ воротиться въ Новгородъ, какъ явились къ нему послы отъ братьевъ: Всеволодъ Чермный, твердый въ своемъ намѣреніи, выгонялъ остальныхъ изъ Руси за то, что они будто содѣйствовали гибели двухъ Олеговичей въ Галичѣ. «Поди къ намъ», звали изгнанники своего брата, «поищемъ нашей отчины. Всеволодъ Святославичь не творитъ намъ части въ Русской земли.» Мстиславъ созвалъ вѣче на Ярославлѣ дворѣ, и обратился къ Новогородцамъ съ просьбою идти Кіеву на Всеволода. «Куда ты глазами взглянешь, туда мы головы свои бросимъ», отвѣчали они любимому Князю, и Мстиславъ собрался съ ними, немедля, въ походъ. Полки дошли благополучно до Смоленска. Здѣсь случилась ссора у Смольянъ съ Новогородцами, которые убили одного Смольянина, и потомъ отказались идти за Княземъ. Князь сталъ звать ихъ на вѣче— разобрать дѣло вмѣстѣ. Они не шли. Тогда Мстиславъ, «цѣловавъ всѣхъ», поклонился имъ, пожелалъ добраго здоровья, и ушелъ въ походъ одинъ съ своею дружиной.

Новогородцамъ стало совѣстно; они сотворили вѣче о себѣ, и почали гадать.*** Посадникъ Твердиславъ сказалъ: «братцы! дѣды и отцы наши страдали за Русскую землю. Пойдемъ и мы.» И Новогородцы догнали Мстислава, помирились съ нимъ, продолжали путь вмѣстѣ, достигли не-

---

* Ервенскій повѣтъ, Естляндской губ., въ коемъ повѣтовой городъ Венсенштеинъ. Арц. т. II, пр. 1177.

** Кажется, Кирхшпиль Верпель, Естляндской губ., Викскаго повѣта. Арц. ib. 1776.

*** Гадать=разсуждать. О себѣ=сами собою, одни.

Digitized by Google

пріятельскихъ волостей, разорили по Днѣпру Черниговскіе города, взяли Рѣчицу на щитъ. Наконецъ подступили они подъ Вышгородъ и начали биться. Мстиславъ одолѣлъ и Всеволодъ бѣжалъ за Днѣпръ. Вышегородцы отворили ворота. Мстиславъ тотчасъ въ Кіевъ, посадилъ на столъ двоюроднаго своего брата, Мстислава Романовича, и пошелъ Чернигову, преслѣдуя врага. Двѣнадцать дней продолжалась осада. Всеволодъ умилостивилъ, кажется, добраго противника, отказавшись отъ своихъ притязаній. Князья взяли миръ, и Новогородцы, осыпанные подарками съ Княземъ, воротились домой всѣ здравы.

Мстиславъ не долго остался съ ними. Побывавъ на Руси, онъ увидѣлъ и услышалъ много новаго, особенно по Галицкимъ дѣламъ, и рѣшился попытать своего счастья. Вскорѣ по возвращеніи онъ созвалъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ, и разпрощался съ Новогородцами, сказавъ имъ: «есть мнѣ орудья* въ Руси, и вы вольны въ Князьяхъ.»

—

Новогородцы избрали (1215) зятя Мстиславова, сына Всеволода, Великаго Князя Суздальскаго, который, жестокій врагъ ихъ, не за долго предъ тѣмъ, умеръ, оставивъ свой столъ второму сыну Георгію, мимо старшаго Константина. Этотъ выборъ былъ очень неудаченъ. Ярославъ не походилъ на Мстислава. Гордый, раздражительный, упрямый, мстительный, онъ не могъ ужиться съ Новогородцами. Вскорѣ начались у нихъ распри; Ярославъ управлялся по своему, и наконецъ уѣхалъ отъ нихъ въ Торжокъ, близкій къ его Твери. Новогородцы послали къ нему пословъ, съ объясненіями и приглашеніями; онъ, не отвѣчая ни слова, задерживалъ пословъ, хваталъ вездѣ купцевъ съ ихъ товарами, а въ Новгородѣ случился на ту пору ужасный голодъ и дороговизна хлѣба, такъ, что бѣдные жители продавали дѣтей своихъ гостямъ одерень**. Ярославъ

---

* Орудья=дѣла.

** Одерень=въ крѣпость и рабство (иностраннымъ купцамъ).

Digitized by Google

непускалъ туда ни одного воза съ хлѣбомъ, и Новогородцы не знали, что имъ дѣлать, опять послали пословъ, и опять Ярославъ задержалъ ихъ, въ третій разъ также, — «и бысть въ Новѣгородѣ печаль и вопль....»

—

Вдругъ, откуда ни возмись, является между ими дорогой ихъ Мстиславъ. Мудрено описать ихъ удивленіе, а радости было еще больше. «Кланяюсь святой Софіи», возговорилъ онъ зычнымъ голосомъ, созвавъ вѣче, «я услыхалъ о вашихъ бѣдахъ. Либо ворочу вамъ вашихъ мужей и ваши волости, либо повалю головою за Новгородъ.» Новогородцы были въ восторгѣ. Князь поцѣловалъ имъ крестъ, они ему — въ животъ и смерть. Намѣстникъ Ярославовъ былъ тутъ же взятъ, и дворяне его окованы.

Когда пришла вѣсть къ Ярославу, что содѣялося въ Новѣгородѣ, и кто туда пожаловалъ, — онъ понялъ, что дѣла примутъ другой оборотъ, и что надо думать ужь и о себѣ: изгошилъ твердь,* засѣкъ всѣ пути отъ Новагорода, заперъ рѣку Тверцу, а въ Новгородъ подослалъ сто Новогородскихъ мужей изъ числа имъ захваченныхъ, чтобъ они старались всячески выжить оттуда Мстислава. Мужи взялись, а пріѣхавъ къ себѣ домой, отперлись отъ Ярослава, и стали со всѣми своими за одно противъ общаго ворога, о которомъ теперь никто и слышать не хотѣлъ.

Мстиславъ попытался впрочемъ кончить съ нимъ дѣло полюбовно, и послалъ Торжку попа Юрья съ своимъ мужемъ сказать ему: «сыну, кланяюсь тебѣ! Мужей моихъ и гостей пусти, а самъ съ Торжка иди, и возми со мной любовь.»

Ярославъ упорствовалъ, и отпустилъ попа безъ мира, а Новогородцевъ созвалъ всѣхъ на поле за городъ, въ мясопустную субботу, мужей и гостей, числомъ больше двухъ тысячъ, оковалъ и разослалъ по своимъ городамъ, конями ихъ и товарами одѣлилъ своихъ, и приготовлялся встрѣ-

---

* Изгощить твердь = укрѣпить городъ, крѣпость.

Digitized by Google

тить Мстислава, надѣясь на помощь брата своего Георгія, Великаго Князя Суздальскаго, котораго сторону держалъ онъ противъ старшаго Константина.

Тяжело приходилось Новогородцамъ. Лучшіе ихъ люди были взоиманы, меньшіе разошлись отъ голода по сторонамъ. Много перемерло. На лицо было мало,—и тѣ, разстревоженные, истомленные, упали духомъ. Одинъ Мстиславъ неунывалъ. Онъ созвалъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ, поговорилъ, и прогналъ робость, «И въ многѣ, братья, Богъ, и въ малѣ Богъ и въ правдѣ, Да не будетъ Новгородъ Торжкомъ, ни Торжекъ Новымгородомъ. Гдѣ святая Софія, тамъ Новгородъ. Пойдемъ же искать мужей своихъ—вашей братьи и волости.»

На новой годъ, Марта 1-го, во вторникъ на чистой недѣлѣ (1216), выступилъ Мстиславъ на зятя своего Ярослава, — но по другой дорогѣ, по которой тотъ не ожидалъ его: озеромъ Селигеромъ. (Такъ успѣхъ былъ ненадеженъ, и опасность была такъ велика, что черезъ день изъ Новагорода бѣжало нѣсколько мужей, переступивъ крестъ, къ Ярославу, съ женами и дѣтьми). Мстиславъ, пришедъ въ свою волость, послалъ людей въ зажитье* запастися кормомъ для себя и для коней, что и было исполнено. Онъ стоялъ уже вверху Волги, какъ услышалъ, что дѣятельный Ярославъ прислалъ и въ эту сторону брата Святослава съ многими воями осаждать Ржевку, его городецъ въ Торопецкой волости, гдѣ затворился и отбивался Ярунъ съ сотней воиновъ. Мстиславъ поспѣшилъ къ нему на помощь, съ своими пятью стами (вотъ все его ополченіе), но осаждавшіе удалились еще прежде. Тогда Мстиславъ, вмѣстѣ съ братомъ Володимеромъ Псковскимъ, двинулся впередъ, и взялъ Зубцовъ на Вазузѣ. Тамъ приспѣлъ къ нему еще союзникъ, двоюродный братъ, Князь Володимеръ Рюриковичъ, съ Смольянами, и они пошли по Волгѣ воюючи. Остановясь на Холохольнѣ, Князья повторили Ярославу предложеніе о миръ. «Мира не хочу», отвѣчалъ имъ гордый, «вы пошли,—ну, и идите, и изо ста человѣкъ не останется у васъ по одному.»

---

* Зажитье=фуражировка.

Digitized by Google

«Такъ и быть», сказали промежъ себя Князья, «ты Ярославъ съ плотью, а мы съ честнымъ крестомъ.»

Новогородцы совѣтовали Князьямъ идти на Торжекъ. «Нѣтъ, не годится», отвѣчали они, «если пойдемъ на Торжекъ, то мы попустошимъ Новогородскую волость, а мы лучше поворотимъ къ Твери.» Они поворотили къ Твери, и начали жечь села....

Ярославъ, услышавъ о разореніи своей волости, оставилъ Торжокъ, и забравъ старѣйшихъ бояръ и Новгородцевъ молодыхъ изборомъ, а Новоторжцевъ всѣхъ, переѣхалъ въ Тверь, чтобъ ее защитить. Посланные имъ сто избранныхъ мужей въ сторожу наткнулись, въ 15 верстахъ отъ города, на соединенныхъ Князей, которые, разставивъ полки, давали видъ рати великой. Ярунъ съ молодью бросился на нихъ, большая часть сторожей осталась на мѣстѣ, другіе взяты въ плѣнъ, и немногіе спаслися бѣгствомъ назадъ въ Тверь.

Но Мстиславъ не думалъ идти туда, а устремился въ другую сторону. «Пойдемъ къ Переяславлю,» сказалъ онъ Князьямъ. Этотъ путь былъ далекъ, идти трудно, но тамъ дожидался его, какъ говорилъ онъ, третій другъ.

Кто же былъ этотъ другъ, на котораго могъ надѣяться Мстиславъ? Константинъ, сынъ Всеволодовъ, старшій братъ Ярослава и Георгія, который съ досадою сидѣлъ въ Ростовѣ, и ждалъ случая отнять у меньшаго брата Владимиръ, принадлежавшій ему по праву. Если Юрій былъ за Ярослава, то по этой одной причинѣ Константинъ долженъ былъ взять сторону Мстислава. Такъ разсчитывалъ сей послѣдній, и не ошибся въ разсчетѣ.

Князья обошли Тверь низомъ, прошли Шошу и Дубну*, и отрядили къ Константину боярина Яволода, котораго пошелъ провожать на рубежъ Володимеръ Псковскій съ Псковичами и Смольяне. Они всѣ шли по Волгѣ воюючe, взяли и пожгли городъ Коснятинъ и все Поволожье. Тамъ встрѣ-

* Эти рѣки протекаютъ между нынѣшними Московскою и Тверскою губерніями.

Digitized by Google

тилъ ихъ изъ Ростова воевода Еремей, и повѣдалъ имъ: «Князь Константинъ кланяется вамъ; онъ радъ, слыша о вашемъ приближеніи. Вотъ вамъ отъ него пять сотъ мужей, а вы пошлите къ нему отъ себя со всѣми рѣчами шурина его Всеволода.» Они отправили къ нему Всеволода, и продолжали идти внизъ по Волгѣ, потомъ поворотили къ Переяславлю, побросавъ воза и сѣвъ на коней. Апрѣля 9, на Великъ день, въ городищѣ на Сарѣ, присоединился къ нимъ самъ Константинъ Всеволодовичь. Они обрадовались свидѣвшеся и поцѣловали крестъ, спѣша вмѣстѣ къ Переяславлю, — но Ярослава тамъ уже не было. Онъ ушелъ къ брату Георгію во Владиміръ. Князья сами оборотились туда.

Новогородская война принимала другое значеніе. Междоусобіе перенеслось въ предѣлы Суздальскаго Княжества, дотолѣ свободнаго отъ войнъ. Дѣло пошло не объ одной выручкѣ Новогородскихъ мужей и спорѣ между Мстиславомъ и Ярославомъ, а о столѣ Великаго Княжества: кому сидѣть — старшему Константину, имѣвшему право, или младшему Юрью, которому отдалъ отецъ.

И Юрій, почувствовавъ это, поднялъ всю свою силу — и Суздальцевъ, и Муромцевъ, и Бродниковъ, и Городчанъ, «было согнано и до поселей и до пѣшцевъ.» Нечего говорить, что и Ярославъ вывелъ всѣ свои полки, съ захваченными Новгородцами и Новоторжцами; меньшіе братья также. У Юрья стяговъ было 13, а трубъ и бубновъ 40*. А Константинъ со всѣми своими полками былъ при Мстиславѣ. Оле страшно чудо и дивно, братья, восклицаетъ Лѣтописатель, дѣти шли на отца, братъ на брата, рабы на господина, а господинъ на рабовъ.

Во Владимирскомъ Княжествѣ, на сѣверѣ, начинались тѣже междоусобія, что были и на югѣ, между Князьями Кіевскими, Черниговскими, Галицкими и прочими.

Полки сблизились.

---

* Стяги = пѣшіе полки, трубы и бубны = конные, по мнѣнію Арцыбышева.

Digitized by Google

Ярославъ и Юрій стояли на рѣкѣ Кзѣ, а Мстиславъ и Володимеръ съ Новогородцами поставили своихъ близь Юрьева; Константинъ дальше, на рѣкѣ Лициѣ. Рѣшительный часъ наступалъ.

Какъ ни смѣлъ и запальчивъ былъ Мстиславъ, однако, увидѣвъ полки Юрья и Ярослава стоящие, разсчелъ, что силы у нихъ далеко неравны, и испытывалъ мира. Онъ послалъ Ларіона Соцкаго къ своимъ противникамъ, сказать — Князю Юрью: «кланяемся. Обиды намъ съ тобою нѣтъ, обида намъ съ Ярославомъ.» Князь Юрій отвѣчалъ; «братъ Ярославъ и я едино есмя.» Князю Ярославу посолъ сказалъ отъ Мстислава: «пусти мужей Новогородскихъ; что зашелъ волости Новогородской, Волокъ, вороти, и миръ съ нами возми; крестъ намъ поцѣлуй.» Ярославъ отвѣчалъ: «мира не хочу, мужи у меня, а вы далеко зашли, и попали какъ рыба на сухо.»

Ларіонъ принесъ отвѣтъ того и другаго брата своимъ Князьямъ. Тогда они послали къ обоимъ братьямъ вмѣстѣ послѣднюю рѣчь: «братья Княже Юрій и Ярославъ! Мы пришли не на кровопролитье, Не дай Богъ крови творити. Управимся такъ. Мы всѣ одинъ родъ. Отдадимъ старѣйшинство Князю Константину. Посадите его во Владимирѣ, а вамъ Суздальская земля вся.» Князь Юрій отвѣчалъ: «скажи братьи моей, Князьямъ Мстиславу и Володимеру — вы пришли, такъ и уйдите, куда хотите. Если отецъ несмогъ помирить меня съ Константантиномъ, то вамъ нечего уже браться за то. А брату Константину молви: переможешь насъ, тебѣ вся земля.«

Такъ надмился Юрій и Ярославъ, видя свою силу, что не хотѣли слушать о мирѣ, — и начали пировать въ шатрѣ съ своими боярами. Веселье было шумное. Только и рѣчей, что о предстоявшей битвѣ. Почти всѣ несомнѣвались въ побѣдѣ, — но было и противное мнѣніе. Одинъ бояринъ сказалъ Юрью и Ярославу: «а лучшебъ, Князья, вамъ помириться, и отдать старѣйшинство Князю Константину. Меньшая братья въ вашей воли, и спорить съ вами не будутъ. Подумайте о томъ, что при нашихъ полкахъ нѣтъ Ростиславова пле-

Digitized by Google

мени, — мудры тѣ Князья, и рядны, и хоробры, а каковъ Мстиславъ Мстиславичь въ томъ племени, вы сами вѣдаете: дана ему отъ Бога храбрость изо всѣхъ! И мужи ихъ, Новогородцы и Смольяне, дерзи къ бою. А, господина, гадайта?» Не люба была эта рѣчь Князьямъ Юрью и Ярославу. За то другіе говорили: «Князья Юрій и Ярославъ, неопасайтеся! Не было того ни при отцѣ вашемъ, ни при дѣдѣ, ни при прадѣдахъ, чтобъ вошелъ кто ратью въ сильную землю Суздальскую и вышелъ изъ нея цѣлъ. Хотя бы вся Русская земля наступила, — и Галицкая, и Кіевская, и Смоленская и Черниговская, и Новогородская, и Рязанская, и тѣ неуспѣли бы ничего противу нашей силы, — а нынѣшніе полки, да мы сѣдлами ихъ закидаемъ» Такія слова нравились Князю Ярославу, и онъ, жестокаго сердца, обратясь къ боярамъ и первымъ людямъ своимъ, сказалъ: «пришелъ бы товаръ въ руки, намъ все — кони, брони, порты, только небрать никого живаго; кто возметъ, тотъ самъ будетъ убитъ. Хоть бы золотомъ у кого было шито оплечье, все равно, убивать; кто утечетъ изъ полка, не убитъ.... поимаемъ.... вѣшать либо распинать. Чтобъ не осталось ни одного въ живыхъ. А о Князьяхъ, что попадутся къ намъ въ руки, мы разсудимъ послѣ.

Потомъ Князья отпустили людей, и, оставшись одни, начали дѣлить города между собою. Князь Юрій заключилъ: «мнѣ, братъ Князь Ярославъ, Владимирская земля и Ростовская, тебѣ Новгородъ, а Смоленскъ брату Святославу; Кіевъ отдать Черниговскимъ Князьямъ, а Галичь намъ же.» Они поцѣловали крестъ между собою, и написали грамоты, чтобы того переступати.

А что происходило въ Мстиславовомъ стану? Тамъ небыло такой надежды и веселья; напротивъ, сомнѣніе колебало сердца. Братья опасались больше всего, чтобъ Константинъ, убоясь силы, неизмѣнилъ имъ. Долго толковали они между собою, и наконецъ привели его снова къ кресту, — потомъ начали приготовляться къ бою, и велѣвъ затрубить въ трубы, и кликнуть во всѣхъ полкахъ, двинулись къ Липицамъ, куда вызывали ихъ противники.

Digitized by Google

А Суздальцы, ночью, отошли отъ Липицъ чрезъ оврагъ на гору Авдову. Мстиславъ, Володимеръ, Константинъ и Всеволодъ, поставили свои полки на горѣ Юрьевой, подъ коей протекалъ ручей Тунегъ. Они послали еще къ Юрью трехъ мужей просить мира, — «а если не дашь мира, то отступи дальше на ровное мѣсто, и мы перейдемъ на вашу сторону; или мы оборотимся назадъ къ Липицамъ, а вы станете на наше мѣсто.» Юрій отвѣчалъ: «ни мира не беру, ни отступаю; вы прошли столько земли,— черезъ этотъ ли оврагъ не переберетесь.» Суздальцы надѣялись на свое укрѣпленіе: гора была оплетена плетнемъ, осована кольемъ, на случай ночнаго нападенія.

Завернула стужа, подулъ сильный вѣтеръ: Князья послали было свою молодь противъ Ярославовыхъ людей, но какъ-то не жарко схватились они, бились цѣлой день до ночи, и ничего не вышло.

Среди опасеній, въ нерѣшимости, пришла имъ въ голову новая мысль—идти прямо ко Владимиру, оставленному безъ защиты. Не трогая полковъ, они начали доспѣвать въ станахъ. Противники, замѣтивъ движеніе, подумали, что они хотятъ бѣжать, спустились было съ горы, а тѣ оборотились и попятили Суздальцевъ. Между тѣмъ подоспѣлъ и Володимеръ Псковскій изъ Ростова.

Константинъ отговорилъ идти на Владимиръ: «если мы пойдемъ мимо ихъ, то они возмутъ насъ въ тылъ, а другое дѣло: мои люди къ бою не дерзки, разойдутся по городамъ.» «Такъ пойдемъ на нихъ прямо, братья Володимиръ и Константинъ,» воскликнулъ Мстиславъ, которому становилось уже скучно среди этой неизвѣстности и нерѣшимости,— «гора насъ непобѣдитъ и гора намъ не поможетъ.» Это было Апрѣля 21, въ четвергъ, на второй недѣлѣ по Пасхѣ.

Полки выстроились: Володимеръ Смоленскій сталъ съ краю противъ Ярослава, подлѣ него Мстиславъ и Всеволодъ съ Новогородцами передъ Юрьемъ; Володимеръ Псковскій съ Псковичами, а за нимъ Константинъ съ Ростовцами, лицемъ къ меньшей братьѣ.

Digitized by Google

Мстиславъ и Володимеръ такъ укрѣпляли своихъ воевъ: «братья, мы вошли въ землю сильную: станемъ крѣпко. Назадъ оглядываться нечего; побѣгше не уйти! Позабудемъ же домовъ, женъ и дѣтей. Двухъ смертей не бывать, одной не миновать. Биться будемъ, кто хочетъ пѣшій, кто хочетъ на конѣ.» Новогородцы закричали: «не хотимъ измрети на коняхъ, но какъ отцы наши на Колокшѣ будемъ биться пѣши,» — соскочили съ коней, сбросили съ себя платье, разулись, — и кинулись впередъ пѣшіе. Мстиславъ былъ тому очень радъ. Смольяне бросились также пѣшіе. За ними отрядилъ Князь Володимеръ своего мужа Ивора Михайловича съ полкомъ, а сами Князья и воеводы слѣдовали сзади на коняхъ.

Передніе, недождавшись никого, съ крикомъ и воплемъ ударили въ Ярославовыхъ пѣшцевъ. Тѣ не выдержали перваго напора, подались назадъ, а эти за ними, — бьютъ, подсѣкаютъ стягъ Ярославовъ, — и вотъ подоспѣлъ съ полкомъ Иворъ, подъ которымъ въ оврагѣ споткнулся было конь и онъ едва выбрался оттуда.... вмѣстѣ досѣкаются они до другаго стяга Ярославова.... здѣсь завязывается жаркая схватка, а Князья еще недоѣхали. Мстиславъ видитъ издали опасность.... онъ неутерпѣлъ. «Не дай Богъ, братъ Володимеръ, выдать добрыхъ людей,» кричитъ онъ брату, и пускается во весь опоръ на противниковъ сквозь своихъ пѣшцевъ. Полкъ его за нимъ. За нимъ и Володимеръ съ Смольянами, Всеволодъ Мстиславичь съ дружиною. Ударили и Володимеръ съ Псковичами и Константинъ съ Ростовцами. Мстиславъ впереди. Ничто противустать ему не можетъ. Всѣ предъ нимъ уклоняются, всѣ пятятся. Три раза безъ сопротивленія проѣхалъ онъ сквозь полки Ярославовы и Юрьевы, сѣкучи топоромъ людей, кто попадался ему на дорогѣ. Топоръ у него былъ съ поворозою на рукѣ. Кого доставала его рука, тотъ уже неподнимался съ мѣста. Володимеръ неотставалъ отъ Мстислава. И такой крикъ поднялся отъ живыхъ, вытье отъ прободенныхъ, что въ городѣ Юрьевѣ было все слышно. Будто стонъ стоялъ въ полѣ. Враги, ошеломленные отъ ударовъ, объятые страхомъ, пустились бѣжать по всѣмъ дорогамъ, кто въ ближній городъ, кто во Владимиръ, кто въ Переяславль.

Digitized by Google

А Юрій еще держится противъ брата Константина. Вражда у нихъ закоренѣлая. Имъ сѣча на животъ или смерть. Побѣдителю столъ Великаго Княжества, побѣжденному нѣтъ надежды и на кусокъ хлѣба. Ему терять больше всѣхъ. Онъ держится. Братъ Ярославъ, виновникъ войны, стоитъ уже подлѣ него, помогаетъ....

Между тѣмъ Мстиславъ и Володимеръ досѣклись до Ярославовыхъ товаровъ. Вои его всѣ разбѣжались. Мстиславъ закричалъ: «братья Новогородцы! не стойте къ товару, прилежите бою, чтобъ не воротились они, образумясь. Тогда они вѣдь измятутъ насъ!» И Новогородцы стали крѣпко, а Смольяне принялись грабить товары, — но никто не возвращался. Сѣча продолжается только на другой сторонѣ, да и тамъ уже недолго.

Юрій, видя «полки пожинаемые вездѣ яко класы на нивѣ,» видя воевъ Ярославовыхъ сбитыхъ, наконецъ смутился.... еще нѣсколько ударовъ.... страхъ запалъ въ сердце; и онъ въ отчаяньѣ поворотилъ своего коня въ сторону, братъ Ярославъ въ другую; они поскакали безъ памяти....

Трехъ коней задушилъ Юрій дорогою, — и прискакалъ во Владимиръ на четвертомъ, въ одной сорочкѣ; подкладъ и тотъ онъ изъ подъ себя выбросилъ. Ступъ былъ въ часъ обѣда, а онъ прискакалъ во Владимиръ о полуднѣ. Вотъ какъ онъ гналъ! Во Владимирѣ оставались только жены и дѣти, черницы и попы. Завидя скачущаго ратника, они обрадовались, подумавъ: наши одолѣваютъ, посолъ отъ Князя! А какъ спознали, что это былъ самъ Князь Юрій, то ужасъ напалъ на всѣхъ. Юрій въ безпамятствѣ кричалъ еще издали: твердите городъ, твердите городъ*, и началъ ѣздить около стѣнъ и распоряжаться. Къ вечеру набѣжали многіе съ битвы, кто раненый, кто нагой, полумертвой — и поднялся въ городѣ плачь вмѣсто жданнаго веселья....

Поутру Князь созвалъ людей. «Братья Владимирцы,» сказалъ онъ жалобно, «затворимся въ городѣ. Можетъ быть,

---

* Т. е. укрѣпляйте крѣпость.

Digitized by Google

Богъ дастъ, мы отобьемся.» «Княже Юрій,» отвѣчали люди, «съ кѣмъ затвориться намъ? Братья наши избиты, а другіе изоиманы. Остальные прибѣжали безъ оружія. Съ кѣмъ же мы станемъ?» Князь Юрій сказалъ: «все это знаю, но не выдайте меня брату Константину, ни Мстиславу, ни Володимеру, чтобъ я вышелъ изъ города по своей волѣ. Владимирцы обѣщались.

—

А что происходило съ Ярославомъ? Какъ Юрій во Владимиръ, такъ Ярославъ прискакалъ въ Переяславль на пятомъ конѣ, заморивъ четырехъ. Но ему мало было перваго зла, замѣчаетъ лѣтописецъ, ему мало было крови, пролитой въ Новѣгородѣ, Торжкѣ, на Волокѣ: съ сердцевъ, велѣлъ онъ перехватать всѣхъ Новогородцевъ и Смольянъ, которые пришли гостбою* въ землю его, и пометать кого въ погребъ, кого въ тѣсную избу, кого въ гридницу, — полтораста ихъ въ одну ночь задохлось; только пятнадцать человѣкъ Смольянъ, посаженныхъ особо, остались въ живыхъ.

Возвратимся къ побѣдителямъ, или лучше къ побѣдителю, потому что онъ, Мстиславъ, одинъ крѣпкой своею мышцею, доставилъ побѣду надъ непріятелемъ, который былъ ихъ во столько разъ сильнѣе.

Не уйдти бы Юрью и Ярославу, говоритъ лѣтописецъ, еслибъ Мстиславъ захотѣлъ ихъ преслѣдовать, и онъ въ тотъ же день изгонилъ бы Владимиръ.** Но, милостивое племя Ростиславле, Князья не хотѣли гнаться, и остались на мѣстѣ побоища. На другой день, тихо, подошли вои ко Владимиру, и остановились передъ стѣнами. Князья объѣхали стѣны, кругомъ высматривая, съ которой стороны занять его. Ночью загорѣлся княжой дворъ. Въ суматохѣ легко было напасть на городъ и ворваться; такъ и хотѣли Новогородцы, — но великодушный Мстиславъ не пустилъ; его примѣру послѣдовалъ и Володимеръ, не позволивъ на другую ночь, во втор-

---

* Для торговли.

** Взять изгономъ, изгонить=взять вдругъ, нечаянно, недопустивъ обороны.

Digitized by Google

никъ, Смольянамъ воспользоваться новымъ общимъ пожаромъ города, со втораго часа ночи до свѣта. Юрій выслалъ къ Князьямъ съ челобитьемъ: «не ходите на меня теперь, а завтро я самъ выйду изъ города.»

Поутру рано выѣхалъ Князь Юрій съ двумя братьями, поклонился Князьямъ Мстиславу и Володимеру, и сказалъ: «братья, вамъ челомъ бью! Вамъ животъ дати и хлѣбомъ накормите, а братъ мой Константинъ въ вашей воли,» то есть онъ не будетъ спорить о томъ, что вы обо мнѣ положите. Мстиславъ и Володимеръ управили ихъ*, и отдали старшему Константину столъ Великаго Княжества, а Юрью Радиловъ городецъ,** куда тотъ немедля и отплылъ, въ ладьяхъ и насадахъ, съ женою и людьми своими. Оставляя любезный свой Владимиръ, онъ зашелъ въ Соборъ, и ударивъ челомъ у отечняго гроба, плачущій сказалъ: «суди Богъ брату Ярославу — до чего онъ меня довелъ.» А Константинъ въѣхалъ въ Владимиръ, встрѣченный священствомъ и всѣми людьми, одарилъ всѣхъ Князей и Бояръ на радостяхъ многими дарами, и привелъ Владимирцевъ къ кресту.

—

Ярославъ, между тѣмъ, затворился въ Переяславлѣ, «пребывая въ злобѣ, и дыша гнѣвомъ.» Онъ не хотѣлъ покориться, надѣяся выдержать осаду. Но не долго продолжалась его надежда. Мстиславъ не думалъ оставить дѣла безъ конца. Въ пятницу, на третьей недѣлѣ по Пасхѣ, двинулись его вои къ Переяславлю.... и смутился Ярославъ! Увидя, что какъ-нибудь дѣло кончиться не можетъ, началъ высылать пословъ на встрѣчу Князьямъ, моляся о мирѣ. Князья шли впередъ, неслушая его рѣчей.

Во вторникъ по утру выѣхалъ онъ самъ, и какъ ни тяжело было его гордому сердцу, ударилъ челомъ Князю Константину: «Господине! Дѣлай со мною что хочешь. Не выдавай

---

* Управить=рѣшить дѣло, споръ, между кѣмъ, опредѣлить, кому что слѣдуетъ.

** На Волгѣ, въ 20 верст. выше Балахны, Нижегородской губ.

Digitized by Google

меня только отцу моему Князю Мстиславу, ни Князю Володимиру, а накорми хлѣбомъ самъ, какъ тебѣ угодно.»

И Князь Константинъ исполнилъ его желаніе, управилъ его съ тестемъ, велѣвъ освободить Новогородскихъ мужей, бояръ, купцевъ, возвратить ихъ имѣніе, отказаться отъ волостей. Не доходя еще Переяславля, Князья уладились между собою совершенно.

Въ середу на Преполовенье пришли они къ городу. Ярославъ одарилъ Князей и воевъ многими дарами. Мстиславъ принялъ дары, но въ городъ въѣхать не хотѣлъ, а потребовалъ къ себѣ только дочь, жену Ярославову, также, что живыхъ оставалось тамъ Новогородцевъ, и расположился станомъ за городомъ. Князь Ярославъ нѣсколько разъ присылалъ къ тестю съ мольбою о своей Княгинѣ, но Мстиславъ оставался непреклоннымъ. Напрасно Ярославъ говорилъ: «мало ли какія ссоры бываютъ между Князьями. Я виноватъ, и крестъ меня убилъ,» но Мстиславъ никакъ не хотѣлъ отпустить къ нему дочери.

Въ туже ночь, опредѣливъ всѣ условія, союзные Князья разошлись: Мстиславъ къ себѣ домой въ Новгородъ, Константинъ во Владимиръ, Володимиръ одинъ въ Псковъ, другой въ Смолешскъ.

«Сильные полки побѣдили они,» говоритъ лѣтописецъ, «взяли свою честь и славу.» Можно себѣ представить, какая радость была въ Новѣгородѣ, когда всѣ мужи пріѣхали изъ тяжкаго, долгаго плѣну, волости возвращены, и противная власть Суздальская надъ ними была уничтожена. Они вспомнили старое время, и дорогъ имъ сталъ Мстиславъ еще болѣе, но любовались они имъ не долго, не долго отдыхалъ мужественный витязь....

На слѣдующій годъ (1217) поѣхалъ онъ въ Кіевъ, и воротился почти только проститься съ Новогородцами. Созвавъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ (1218), онъ сказалъ: «кланяюсь Святой Софіи, и гробу отца моего, и вамъ всѣмъ. Хочу искать Галича, но васъ не забуду никогда. При-

Digitized by Google

веди меня Богъ лечь у Святой Софіи подлѣ отца. Прощайте.» Новогородцы много и долго уговаривали Мстислава, который сдѣлалъ имъ столько добра, и такъ пришелся имъ по нраву, котораго они такъ любили, къ которому такъ привыкли. «Не ходи, Князь» молили они его печальные, «останься съ нами, куда тебѣ!» и никакъ не могли убѣдить. Онъ разпростился съ ними, и уѣхалъ — искать новыхъ опасностей и новыхъ подвиговъ въ сторонѣ, совершенно противоположной Суздалю и Новугороду — въ Галичѣ.

—

Галицкое княжество, вымороченное по пресѣченіи рода Ростиславичей въ лицѣ знаменитаго Ярослава Осьмосмысла (1187), и его недостойнаго сына Володимера (около 1200 г.), переходило тогда изъ рукъ въ руки между многими соискателями, своими и чужими, среди безпрерывныхъ смутъ, измѣнъ, и кровопролитій,—досталось было на время сосѣднему Князю Роману Волынскому, который погибъ въ походѣ на Ляховъ, оставя двухъ малолѣтныхъ сыновъ, Даніила и Василька, — наконецъ оно было захвачено иноплеменниками, Уграми и Поляками, мнимыми покровителями сиротъ. Но они не могли мирно раздѣлить добычи.

Король Польскій Лешко Бѣлый и Король Венгерскій Андрей поссорились между собою за владѣніе. Первый предложилъ тогда Галичь Мстиславу, лишь бы не оставался онъ во владѣніи у соперника. «Ты мнѣ братъ», писалъ онъ къ нему въ Новгородъ, въ злобѣ на Андрея, — «иди и сядь въ Галичѣ». Мстиславъ послушался зова.

—

Проведя почти всю свою жизнь на югѣ, знакомый со всѣми тамошними дѣлами, давно уже зарился онъ на эту богатую и обильную волость, и хотѣлъ положить свой топоръ на вѣсы рѣшенія, для чего, вѣроятно, и пріѣзжалъ въ Русь изъ Новагорода еще въ 1206 году.

Рѣшась теперь при благопріятныхъ обстоятельствахъ приступить къ исполненію давняго замысла, пріѣхалъ онъ въ Кіевъ и началъ собирать вои. Сборы продолжались не долго. Кто былъ не радъ стать подъ стяги Мстиславовы,

Digitized by Google

любимые побѣдою! Снарядясь, онъ пошелъ наконецъ въ походъ, — и одинъ страхъ отъ его имени обратилъ враговъ въ бѣгство. Воронье, что терзали бѣдной Галичь, разлетѣлись, почуявъ сокола. Свирѣпый Бенедиктъ Лысый, намѣстникъ Андреевъ, бѣжалъ въ Угры съ Судиславомъ, опекуномъ малолѣтнаго Королевича, Галичь сталъ пустъ, и Мстиславъ безъ всякаго затрудненія сѣлъ на столѣ Галицкомъ. Легкій успѣхъ, — но труды были еще впереди!

Угры не могли же отказаться легко отъ своей завидной добычи. Мстиславъ на всякой случай долженъ былъ приготовляться къ встрѣчѣ. Онъ выдалъ дочь свою Анну за Даніила, получившаго между тѣмъ, послѣ многихъ бѣдъ и превратностей, отчину свою, Княжество Владимирское, — надѣясь имѣть въ немъ вѣрнаго сотрудника и помощника противъ иноплеменниковъ. Но не съ одними Уграми предстояла борьба.

Непостоянный Лешко взялъ вскорѣ ихъ сторону, хоть противъ нихъ только что призвалъ Мстислава, — и вотъ по какому случаю:

Во время смутъ онъ овладѣлъ нѣкоторыми городами Владимирскими. Даніилъ, возмужавъ и утвердясь на отцовскомъ столѣ, потребовалъ ихъ назадъ. Лешку не хотѣлось разстаться съ ними. Даніилъ пожаловался Мстиславу. Тотъ отвѣчалъ: «за первую любовь, я не могу возстать на него; ищи другихъ помощниковъ.»

Молодой Князь Владимирскій рѣшился управиться одинъ, и занялъ всю свою Украйну, разбилъ и Ляховъ, высланныхъ Лешкомъ воевать по Бугу. Тогда Лешко озлобился, и полагая, что зять дѣйствуетъ за одно съ тестемъ, вступилъ тотчасъ въ переговоры съ Андреемъ: «Я отказываюсь отъ части своей въ Галичѣ,» говорилъ онъ, «и отдаю все зятю.» (т. е. Андрееву сыну, женатому на его дочери), выгонимъ только Русскихъ.»

Андрей не могъ ничего желать лучше. Онъ собралъ войско, и подступилъ къ Перемышлю. Ярунъ тысяцкій долженъ былъ бѣжать. Вои, присланные Мстиславомъ къ Городку,

Digitized by Google

отложившемуся съ людьми Судислава, были разбиты подоспѣвшими Уграми и Ляхами. Въ схваткѣ убитъ дьякъ Мстиславовъ Василій, по прозванію Молза; съ Михалка Скулы враги сняли трое золотыхъ цѣпей, потомъ отсѣкли голову и принесли къ Коломану. Мстиславъ стоялъ на Зубрьѣ, съ Князьями Кіевскими и Черниговскими. Туда прибѣжали къ нему разбитые Бояре и извѣстили его о силѣ вражеской. Онъ увидѣлъ, что не можетъ спорить теперь, и отошелъ дальше назадъ, убѣдивъ Даніила и Александра Бельзскаго подержаться въ Галичѣ. Даніилъ затворился, а Александръ не посмѣлъ. Коломанъ и Ляхи подступили къ городу, бились долго на Кровавомъ Броду, но оставили его, устремились на Мстислава, и принудили выйдти изъ земли. Онъ успѣлъ однакожъ дать знать зятю, чтобъ тотъ выходилъ изъ засады, и Даніилъ, оказавъ великую храбрость и ловкость, прошелъ почти черезъ непріятельскіе полки, достигнулъ Днѣстра, отгуда прилылъ къ Мстиславу, который великую хвалу сотворилъ своему мужественному зятю, далъ ему многіе дары, и даже борзаго своего сиваго коня. Онъ не думалъ, разумѣется, уступать, и не имѣя почти никакихъ у себя воевъ, рѣшился найдти ихъ индѣ. «Пойди, Княже, въ свой Владимиръ», сказалъ онъ, «а я пойду въ Половцы, и мы отомстимъ свой соромъ.»

—

Угры торжествовали. Къ Коломану на помощь пришелъ въ Галичь воевода Филя прегордый, какъ отзывается объ немъ Волынская лѣтопись: «онъ надѣялся объять всю землю, потребить море», и говорилъ обыкновенно: острый мечу, борзый коню — многая Руси. Еще была у него пословица: однимъ камнемъ можно горшковъ перебить много.

Наконецъ пронесся слухъ, что идетъ Мстиславъ съ Половцами. Лешко поспѣшилъ на Даніила, борони ему идти на помощь къ тестю. Фильній не сомнѣвался въ побѣдѣ: оставивъ молодаго Коломана въ Галичѣ съ женою, онъ укрѣпилъ городъ, и къ великому соблазну православныхъ, употребилъ церковь Пресвятыя Богородицы подъ стѣну, а самъ пошелъ на встрѣчу съ Уграми, Ляхами и Галичанами. Мстиславъ ожидалъ его, вмѣстѣ съ вѣрнымъ своимъ другомъ, и пер-

Digitized by Google

вымъ сподвижникомъ подъ Липицами, Княземъ Володимеромъ Рюриковичемъ Смоленскимъ. Половцы поставлены были въ засадѣ, чтобъ ударить, когда разгорится бой. Полки приближались. Нетерпѣливый Мстиславъ выѣхалъ впередъ на высокій холмъ, чтобъ обозрѣть вѣрнѣе ихъ количество и силу....

Володимиръ, замѣтивъ изъ своего полка его одного на виду передъ врагами, испугался, чтобъ не случилось чего съ нимъ, — а отъ него зависѣло все, — прискакалъ къ безстрашному и убѣждалъ воротиться назадъ къ своимъ. Мстиславъ спускается быстро и тотчасъ велитъ начать сраженіе, обѣщая своимъ воямъ побѣду силою честнаго креста. Полки ступились. А на Володимировомъ крылѣ дѣло загорѣлось еще прежде. Ляхи напирали сильно. Наши будто оробѣли, побѣжали, Князья съ ними, Ляхи пустились въ погоню. Часть Венгровъ присоединилась къ преслѣдователямъ, считая побѣду рѣшенною. Всѣ они удалились на большее разстояніе отъ побоища, а Мстиславъ все еще стоялъ. Увидя противъ себя малочисленный остатокъ, онъ ударилъ съ Половцами въ тылъ Венграмъ и Галичанамъ, и привелъ ихъ въ совершенное замѣшательство. Тогда и Володимеръ Рюриковичъ, условясь, вѣроятно, заранѣе, оборотился на нихъ съ прочими бѣглецами, — и враги были смяты совершенно. Фильній былъ взятъ здѣсь въ плѣнъ. Безъ воеводы упалъ духъ у воевъ. Бѣжать было некуда, и сражаться нельзя. Половцамъ и Русскимъ оставался только трудъ убивать ихъ. Между тѣмъ первые Ляхи возвращались съ пѣснями на побоище, не предчувствуя пораженія Венгровъ и Галичанъ. Половцы окружили ихъ со всѣхъ сторонъ съ однимъ Княземъ, и началась новая рѣзня. Они бѣжали: на другой сторонѣ развѣвалось бѣлое знамя; несчастные Ляхи устремились туда, думая, что это ихъ товарищи держатся, а знамя было распущено Русскими, которые принимали ихъ на мечи, по приказанію Мстислава, не велѣвшаго давать ни кому пощады. Побѣда одержана совершенная. Нельзя было счесть убитыхъ, трупы лежали ворохами, кровь вездѣ лилась потоками. Вопли раненыхъ и умирающихъ слышны были въ Галичѣ. А Половцы принялись грабить — [illegible]ней, одеждъ, оружія, мно-

Digitized by Google

жество Поляковъ и Венгерцовъ угнали они въ неволю. Тогда и Галичане, услышавъ о побѣдѣ, начали убивать тайно остававшихся у нихъ Венгровъ, какъ овецъ. Русскіе превозносили Мстислава до небесъ, и за такую совершенную побѣду, что одержалъ онъ, и за приказъ не давать пощады Уграмъ и Ляхамъ. Красное ты наше солнышко, ясный ты нашъ соколъ; самъ Богъ насылаетъ тебя смирять гордыхъ и строптивыхъ, чтобъ не смѣли хвалиться предъ тобою побѣдою,— восклицали они въ восторгѣ, и слава Мстислава между Русскими воями совершенно утвердилася: нѣтъ ему равнаго воителя!

Онъ подступилъ къ Галичу.

Остававшіеся тамъ съ Коломаномъ Угры и Ляхи рѣшились съ отчаянія защищаться до послѣдней капли крови. Смерть ждала ихъ предъ городомъ та же, что и въ городѣ. Приготовляясь къ осадѣ, они выгнали всѣхъ жителей съ женами и дѣтьми, опасаясь голода, равно какъ и измѣны съ ихъ стороны. Плѣнный Фильній, вѣроятно, по приказу Мстислава, совѣтовалъ имъ, не противиться побѣдителю, которому самъ Богъ предалъ во власть всю Галицкую землю, — но они не послушались. Потомъ послалъ къ нимъ Мстиславъ своего тысяцкаго Димитрія съ предложеніемъ сдаться, и также безъ успѣха. Наконецъ самъ подъѣхалъ къ крѣпости, и въ третій разъ они отказались. «Ну такъ готовьтесь на убой, а не къ сраженію», угрозилъ раздраженный Князь. Полки его окружали со всѣхъ сторонъ крѣпость. Къ несчастію осажденныхъ, однѣ заднія ворота оставили они безъ нужнаго вниманія. Русскіе сдѣлали подъ ними подкопъ, ворвались въ крѣпость, и впустили туда ночью Мстислава съ его людьми. Произошло всеобщее замѣшательство. Враги металися изъ стороны въ сторону среди ночнаго мрака, и падали подъ остріемъ меча. Славный лѣтописатель Польскій, Архіепископъ Краковскій Кадлубко, и Канцлеръ Иванъ успѣли убѣжать изъ города. Коломанъ съ женою спасся въ церковь, которую еще до похода укрѣпилъ самъ Фильній, соединивъ ее съ ближайшею стѣною. Нѣсколько Угровъ и Ляховъ послѣдовало за нимъ; одни взбѣжали на каморы церковные, другіе

Digitized by Google

поднялись на веревкахъ, и начали бросать оттуда каменьями. На разсвѣтѣ Мстиславъ окружилъ это послѣднее убѣжище, и вызывалъ Коломана для переговоровъ. Приближенные убѣждали его не выходить и не соглашаться ни на что, въ надеждѣ, не подоспѣетъ ли помощь отъ отца, который долженъ былъ уже получить извѣстіе объ ихъ положеніи. Мстиславъ стоялъ. Хлѣба было припасено хотя мало въ церкви, но пить было нечего, и жажда одолѣвала несчастныхъ. Мстиславъ, сжалясь, послалъ имъ бочку воды, и они приняли ее какъ драгоцѣннѣйшій даръ, и раздѣлили между собою по мѣркѣ, хотя впрочемъ и половина не утолила жажды.

Наконецъ къ жаждѣ присоединился и голодъ. О помощи было неслыхать ни откуда, — и осажденные отворили ворота. Мстиславъ велѣлъ вывесть Венгерскихъ и Польскихъ бояръ съ ихъ женами, и роздалъ ихъ по Половцамъ и по своей дружинѣ. Послѣдній вышелъ молодой Коломанъ съ женою и былъ отосланъ подъ стражею въ Торческъ. Враждебный Мстиславу Галицкій бояринъ Судиславъ попался здѣсь также въ его власть. Онъ обнималъ ноги Князевы и обѣщался работать ему вѣрно. Князь не попомнилъ зла, повѣрилъ словамъ его, себѣ на бѣду, и, почтивъ его честію великою, далъ ему Звѣнигородъ. Торжество Мстислава было полное, и раздѣлить оное пріѣхалъ вскорѣ храбрый Даніилъ, которому Лешко мѣшалъ до сихъ поръ соединиться съ нимъ и принять участіе въ войнѣ. Русскіе Епископы вѣнчали Мстислава, какъ утверждаютъ нѣкоторые изъ новыхъ лѣтописцевъ, златымъ вѣнцемъ Коломановымъ, доставшимся ему въ руки, и онъ принялъ на себя имя царя Галицкаго.

Андрей, услышавъ о происшедшемъ, прислалъ къ Мстиславу вельможу своего Яроша требовать, чтобъ тотъ освободилъ его сына и всѣхъ плѣнниковъ, не то — подниметъ на него все царство свое и придетъ войною. «Побѣда не въ твоихъ рукахъ, а въ Божіихъ,» отвѣчалъ Мстиславъ спокойно, «приходи, и я тебя встрѣчу, надѣяся на помощь небесную.»

Второе посольство привезло рѣчи болѣе умѣренныя: Король Венгерскій увидѣлъ, что Мстислава устрашить ни

Digitized by Google

чѣмъ нельзя, и что лучше прибѣгать къ другимъ средствамъ. Супруга Андрея отправила къ нему отъ себя особыхъ мужей молить о сынѣ. Мстиславъ долго не соглашался, опасаясь, чтобъ Галицкіе бояре, его не любившіе, не приняли опять стороны Коломановой, и не затѣяли новой войны. Посольства не прерывались. Предложенія слѣдовали однѣ за другими. Начались переговоры. Наконецъ рѣшено было, особенно вслѣдствіе совѣтовъ Судиславовыхъ, что Мстиславъ освобождаетъ Коломана и плѣнныхъ Угровъ, а онъ отказывается отъ Галицкаго Княжества, которое чрезъ три года предоставляется въ приданое дочери Мстиславовой, Маріи, вступающей въ супружество со вторымъ Андреевымъ сыномъ Андреемъ; теперь Угры получаютъ только Перемышль. Лешко озлобился на Андрея за этотъ договоръ, коимъ дочь его лишалась Галича, и старался посредствомъ Папы разрушить его, но напрасно, и поневолѣ помирился онъ съ Русскими Князьями.

—

Мстиславъ имѣлъ еще случай показать доброе сердце, умилостивъ Даніила, который хотѣлъ было наказать войною двоюроднаго брата своего Князя Бельзскаго за его союзъ со врагами: тесть сказалъ зятю: «пожалуй брата Александра,» — и онъ, разоривъ только окрестности Бельза, воротился въ Володимиръ.

—

Такимъ образомъ дѣла, кажется, совершенно устроились: Мстиславъ владѣлъ безспорно Галичемъ, зять его Даніилъ Волынью. Враги смирились, сосѣди утихли, и никто не смѣлъ потревожить доблихъ Князей, одного въ возрастѣ цвѣтущей юности, другаго въ лѣтахъ мужественной старости, окруженныхъ вѣрными, испытанными дружинами. Отъ Польши и Венгріи, съ Юга и Сѣвера, небо надъ ними было ясно и чисто, какъ вдругъ на Востокѣ, неожиданно, показалась, въ дали, черная туча! Къ счастію не знать еще было никому, сколько въ ней грозы!

Котянъ, тесть Мстислава, старшій между Половецкими Князьями, является въ Галичь со многими своими подруч-

Digitized by Google

никами, всѣ трепещущіе отъ страха. Никогда не видали Половцевъ въ такомъ смятенномъ, странномъ положеніи. И признаковъ нѣтъ прежней дерзости, прежняго высокомѣрія! Тихіе, смиренные и униженные, съ поклонами и дарами, приходятъ они къ Мстиславу и молятся: «помоги намъ, пришли на насъ враги и погубили нашу землю. Они придутъ скоро и къ вамъ, если вы теперь намъ не поможете, и изсѣкутъ васъ какъ изсѣкли насъ. Помоги намъ!»

Что сдѣлалось съ вами? кто погубилъ васъ? какіе враги? откуда они? спрашиваетъ Князь и его бояре испуганныхъ бѣглецовъ, и не могутъ получить никакого удовлетворительнаго отвѣта. Половцы сами ничего не знали порядочно, говорили различно, умѣли описать только свое пораженіе: «враги ихъ пришли со стороны Каспійскаго моря, числомъ ихъ было очень много, храбрость и силу показали великую, злобы еще больше. Сначала поплѣнили они Ясовъ, Обезовъ, Касоговъ. Половцы стали было противъ нихъ съ самымъ сильнымъ своимъ Княземъ Юрьемъ Кончаковичемъ, и не могли устоять. Многіе были побиты, другіе загнаны въ луку моря, за Донъ, за Днѣпръ. Юрій Кончаковичь и Данило Кобяковичь были убиты. Прочіе перебрались черезъ валъ Половецкій, въ Русскую землю....»

Вотъ что можно было понять и разобрать изъ ихъ словъ,—впрочемъ въ ихъ голосѣ, на ихъ лицахъ, во всемъ ихъ разстроенномъ видѣ, заключалось самое ясное и убѣдительное доказательство о справедливости ихъ жалобъ, объ опасности положенія, о силѣ враговъ.

Но какъ ихъ зовутъ? спрашиваютъ Русскіе, удивляясь въ свою очередь смутнымъ разсказамъ.

«Зовутъ ихъ Татарами»,—и въ первый разъ услышалось на Руси зловѣщее имя!

—

Мстиславъ рѣшился созвать Князей въ Кіевъ на-снемъ для разсужденія объ этихъ новыхъ происшествіяхъ, касающихся до всей Русской земли. Понеслись гонцы съ повѣстками во всѣ стороны.

Digitized by Google

Повѣщенные Князья собрались — Мстиславъ Романовичь Кіевскій, съ сыномъ Всеволодомъ и зятемъ Андреемъ, Мстиславъ Святославичь Черниговскій съ сыномъ, Михаилъ Всеволодовичь Черниговскій (будущій мученикъ), Даніилъ Романовичь Волынскій, Олегъ Курскій, Мстиславъ нѣмый, и многіе другіе.

Туда собрались и всѣ Половецкіе нáбольшіе. Они обходили Князей отъ одного къ другому, кланялись, просили, дарили коней, верблюдовъ, буйволовъ, дѣвокъ. Одинъ изъ нихъ Бастѣй принялъ Христіанскую вѣру. Всѣ средства употребляли они, чтобъ подвигнуть Русскихъ къ участію и защитѣ. Котянъ дѣйствовалъ больше всего на Мстислава Галицкаго,—и мудрено ли было воспламенить этого неустрашимаго витязя, въ которомъ лѣта не угашали браннаго духа!

Его самаго уже волновало любопытство, что это за новые воины, предъ которыми все такъ преклонялось; его самаго уже брало нетерпѣніе помѣряться съ ними силою, коей также до сихъ поръ никто не могъ противиться — и Чудь, и Угры, и Ляхи, и Половцы, и всѣ прочіе. А теперь его умоляютъ о помощи, отъ него ожидаютъ спасенія! Всей Русской землѣ предстоятъ опасности! Надо же предупредить ихъ!

Князья думали долго и толковали между собою. Мстиславъ Галицкій, старшій между ними, убѣждалъ ихъ на общемъ совѣтѣ такъ: «Если мы теперь не поможемъ Половцамъ, то они передадутся Татарамъ, и наступятъ вмѣстѣ на Русскую землю. Тогда силы у нихъ будетъ еще больше». Опредѣлено было помочь Котяну, а такъ какъ битва съ врагами лучше въ чужой землѣ, чѣмъ въ своей, то и рѣшились Князья идти имъ на встрѣчу. Половцы, ждавъ-недождавшись этого рѣшенія, возрадовались. Надежда блеснула предъ ними отомстить свое пораженіе. Немедля князья разъѣхались по своимъ волостямъ строить вои. Къ Великому Князю Суздальскому Юрью Всеволодовичу послано было извѣстіе съ просьбою приходить скорѣе на помощь.

—

Digitized by Google

Къ веснѣ снарядились Князья. Сборнымъ мѣстомъ назначенъ былъ на Днѣпрѣ, близь Заруба, островъ Варяжскій, свидѣтельствовавшій своимъ именемъ объ удалыхъ набѣгахъ первыхъ витязей. Съ Апрѣля мѣсяца потянулись туда со всѣхъ сторонъ полки, кто въ лодьяхъ, кто на коняхъ, кто пѣшій. Тамъ собрались Кіяне и Черниговцы, Галичане и Волыняне, Смольяне и Переяславцы. Столько было людей, что весь Днѣпръ покрылся ими; мы переходили рѣку по лодьямъ, какъ по суху, говоритъ очевидецъ, и воды изъ подъ нихъ было невидно. А Куряне, Трубчане и Путивльцы пришли коньми, всѣ съ своими князьями. Слышался уже и Василько Константиновичь, племянникъ Великаго Князя Юрія, посланный съ вспомогательной дружиной Ростовской и Суздальской. Выгонцы Галицкіе, въ тысячѣ ладьяхъ, приплыли Днѣпромъ въ море, поднялись въ Днѣпрѣ до пороговъ, и стали у рѣки Хортицы на Протолчьемъ броду, подъ начальствомъ Юрья Домамирича и Держикрая Володиславича. Половцевъ прибывало ежедневно. Послыша новую брань, они какъ будто стекались со всѣхъ сторонъ ободренные, испытать еще разъ счастья. Всѣ отправились въ путь.

Лѣто въ тотъ годъ было жаркое. Дождей не перепадало ни капли. Солнце палило жестоко. Отъ необыкновенной засухи земля трескалась, лѣса и болота загорались. Воздухъ наполнялся дымомъ и смрадомъ, и мгла прилегала къ землѣ. Вблизи не видать было человѣка. Птицы не могли летать и задыхаясь падали мертвыя. По ночамъ являлась необыкновенная звѣзда на западѣ, пуская лучи не въ лице человѣку, а какъ бы къ полуденью. Она выходила съ вечера по закатѣ солнечномъ, и сіяла ярче другихъ звѣздъ. Такъ продолжалось семь дней, а потомъ четыре дни пускала она лучи къ востоку, и пропала. Между тѣмъ Татары, разбившіе Половцевъ, подвигались медленно вверхъ по ихъ странѣ. Услышавъ о приближеніи многочисленнаго ополченія Русскаго, вдали отъ главной своей силы, они, кажется, усомнились, и выслали къ намъ пословъ. «Слышимъ, что вы поднялись противъ насъ, повѣривши Половцамъ, но мы не на васъ пришли, мы вашей земли не-

Digitized by Google

занимали, ни селъ вашихъ, ни городовъ вашихъ; мы пришли на холопей своихъ и конюховъ, Половцевъ: возмите съ нами миръ. Прибѣгутъ къ вамъ Половцы, бейте ихъ, а имѣніе ихъ берите себѣ. Мы знаемъ, что и вамъ они причинили много зла.» Такъ говорили послы.

А Половцы шептали Русскимъ Князьямъ другое, возбуждая на брань, и стараясь всѣми мѣрами, чтобъ они не соглашались мириться, — и Русскіе Князья избили пословъ! Пошли неостанавливаясь далѣе, внизъ по Днѣпру, — судьба ихъ влекла, — и достигли Олешья (противъ Херсона).

Татары прислали другихъ пословъ: «видимъ, что вы слушаетесь Половцевъ, вы убили нашихъ пословъ, и идете противъ насъ — идите, а мы васъ не трогаемъ. Надо всѣми нами Богъ». Вторыхъ пословъ Князья отпустили.

Они все шли далѣе. Вдругъ пронеслась въ станѣ молва, что показались впереди Татары высматривать Русскихъ людей. Молодой Князь Данилъ Романовичь вскочилъ на коня и понесся впередъ — увидѣть, что это за люди. Нѣсколько другихъ молодыхъ Князей погнались вслѣдъ за нимъ, увлеченные тѣмъ же любопытствомъ «къ невиданной рати». Соглядатаи, впрочемъ многочисленные, завидя ихъ приближеніе, съ поспѣшностію скрылись. Впечатлѣніе произвели они различное. Одни говорили, что это «простые люди», другіе считали ихъ ратниками и добрыми воями. Юрій Домамиричь твердилъ, что они стрѣльцы, лучшіе Половцевъ, но молодые Князья переспорили всѣхъ и пристали къ старшимъ: «Княже Мстиславе и другій Мстиславъ, не стойте! Поидемъ противу имъ!» — Мстиславу самому хотѣлось скорѣе къ дѣлу, — столько же пылкій, онъ послушался молодежи, и — переправился черезъ Днѣпръ въ тысячѣ человѣкъ. Это было во вторникъ. Безстрашный, пошелъ онъ впередъ, по полю Половецкому, встрѣтилъ сторожей Татарскихъ, напалъ, — и разбить ихъ стоило ему одного удара. Наши отняли множество скота, такъ что стало его на всѣ вои, и пустились въ погоню сѣкуще. Татары, желая спасти начальника своего Гемябека, зарыли его живаго въ землю, «въ курганѣ Половецкомъ,» но Рус-

Digitized by Google

скіе нашли. Половцы выпросили его себѣ у Мстислава и убили. Первый успѣхъ ободрилъ рать. Всѣ Князья переправились черезъ Днѣпръ, и поспѣшили вслѣдъ за Мстиславомъ, который въ жару отъ первой удачи шелъ впередъ не останавливаясь, и горѣлъ желаніемъ сразиться съ главною ратью. Девять дней шли они и достигли рѣки Калки*—роковая черта; за нею стояла вся сила Татарская.

Мстиславъ, у котораго никто не могъ оспоривать военачальства, велѣлъ Даніилу съ полкомъ своимъ и нѣкоторыми другими перейдти рѣку, потомъ перешелъ самъ, послалъ своего храбраго Яруна съ Половцами въ сторожахъ, расположился станомъ, но не утерпѣлъ и поѣхалъ самъ вслѣдъ за Яруномъ. Окинувъ взглядомъ полки Татарскіе, — Богъ знаетъ, какъ они ему представились, и что за затмѣніе въ очью его приключилося, — онъ поворотилъ своего коня, и прискакавъ къ своимъ, велѣлъ въ то же мгновеніе готовиться къ бою. А Мстиславъ Кіевскій и Мстиславъ Черниговскій стояли одаль въ своихъ станахъ, ничего не зная о томъ, что битва начинается. Ослѣпленный витязь не послалъ сказать имъ ни слова, увѣренный въ побѣдѣ, и желая всю ея славу присвоить одному себѣ.

Даніилъ ѣхалъ впереди, «бѣ бо дерзъ и храбръ: отъ главы и до ногу не бѣ въ немъ порока.» Съ боярами Василькомъ Гавриловичемъ и Семеономъ Олюевичемъ,—помянемъ здѣсь храбрыхъ,—начали они первые битву. Бояринъ Василько сбоденъ былъ на первомъ сступѣ. Даніилъ получилъ ударъ въ грудь, но, молодой и сильный, «буести ради,» говоритъ очевидецъ, не почувствовалъ онъ раны, и не видалъ, какъ кровь изъ него лилась. Мстиславъ Нѣмый, увидя его раненаго и бьющагося, поспѣшилъ къ нему на помощь,—онъ друженъ былъ съ его отцемъ, и любилъ его какъ сына. Нечего говорить о Мстиславѣ Галицкомъ. Олегъ Курскій подвизался съ ними крѣпко. Татары бѣжали отъ мужественныхъ витязей. Казалось — начало было счастливо. Ярунъ съ Половцами на-

* Нынѣ Калецъ, Маріупольскаго уѣзда Херсонской Губерніи.

Digitized by Google

чалъ также биться на своей сторонѣ, но Половцы,—они погубили нашу рать! Съ робостью ль приступили они къ дѣлу, или страхъ напалъ на ихъ сердце внезапно, или увидѣли они невозможность и безполезность спора, — только послѣ перваго ступа они дрогнули, замѣшалися. Татары наперли крѣпче съ крикомъ и воплемъ—передніе попятили заднихъ, задніе крайнихъ, — еще напоръ, еще ударъ, — и Половцы побѣжали, побѣжали всѣми своими толпами, прямо на станы нашихъ Князей, которые, не знавшіе ничего, не успѣли еще поставить своихъ полковъ въ порядокъ. Половцы смяли ихъ совершенно. Никто не понималъ, что происходитъ; никто не зналъ, что ему предпринять. Крики отчаянія варваровъ, лишившихся послѣдней надежды, заглушали все. Они разбѣжались во всѣ стороны, пѣшіе, конные, съ телегами, и произвели общее замѣшательство. Татары навалились на остальные, державшіеся еще полки, всѣми силами, началась сѣча злая и лютая, но духъ упадалъ, сомнѣніе овладѣвало, а враговъ нагонялось больше и больше, они стрѣляли неудержно, и пронзали противниковъ. Князья увидѣли, что стоять имъ нельзя. Храброму Даніилу нестало мочи. Огонь снѣдалъ его внутренность. Жажда мучила его, — онъ поворотилъ коня къ рѣкѣ, и припалъ напиться воды; тогда только почувствовалъ онъ свои раны, и бѣжалъ съ прочими. Бѣжалъ и нашъ Мстиславъ Галицкій, бѣжалъ въ первый разъ отъ роду, разумѣется истощивъ всѣ силы въ битвѣ, хотя описатель и не исчисляетъ его подвиговъ, бѣжалъ вѣрно съ горькимъ чувствомъ своей вины. Татары погнались за ними до Днѣпра, и убили шесть Князей: Святослава Яневскаго, Изяслава Ингваревича Луцкаго, Святослава Шумскаго, Мстислава Черниговскаго, Юрья Несвижскаго. Изъ бояръ Иванъ Дмитріевичь палъ еще въ первой схваткѣ съ двумя своими товарищами. Иныя лѣтописи называютъ Александра Поповича съ его слугою Торопомъ, и Добрынею Рязяничемъ златымъ поясомъ. До семидесяти богатырей Русскихъ погибло, и, говорятъ, изъ всѣхъ воевъ спасся едва десятый: «убійство безчисленное сотворися». Такая побѣда надъ Князьями Русскими, какой никогда не бывало, случилась Мая 31 въ пятницу,

Digitized by Google

на память Св. Апостола Ермія. Во время бѣгства и Половцы убили многихъ изъ нашихъ, инаго изъ-за коня, инаго изъ-за портъ. Мстиславъ, прибѣжавъ къ Днѣпру, переправился, и велѣлъ истребить лодьи, зажечь и изрубить, чтобъ Татарамъ нельзя было гнаться.

Но не всѣ вои, не всѣ Князья Русскіе, бѣжали. Остался одинъ, Мстиславъ старый, Великій Князь Кіевскій. Не предувѣдомленный о сраженіи, онъ стоялъ съ своимъ полкомъ на каменистой горѣ надъ рѣкою Калкой. Увидѣвъ съ высоты бѣгство Русскихъ Князей, Мстиславъ не двинулся съ мѣста съ своимъ зятемъ Андреемъ и Александромъ Княземъ Дубровицкимъ: онъ рѣшился, кажется, принять вольную смерть за отечество и сохранить честь Русскаго имени,—старшій изъ всѣхъ Князей Русскихъ. Укрѣпивъ свой станъ, онъ три дня бился съ Татарами, которые напрасно вступали съ нимъ въ переговоры, обѣщая отпустить его на искупъ. Наконецъ воевода Бродниковъ поклялся за нихъ въ исполненіи слова. Князь повѣрилъ, и былъ преданъ измѣнникомъ, связанный съ зятьями, Татарамъ. Они взяли городъ, и изсѣкли людей; Князей положили подъ доски, а сами сѣли сверху обѣдать, и «тако ту скончаша Князи животъ свой.»

Татары остервенѣлые шли впередъ, предавая все огню и мечу. Напрасно жители по дорогѣ выходили къ нимъ на встрѣчу съ крестами: пощады не было никому. «Се же бысь за грѣхы наша Богъ вложи недоуменіе въ насъ, и погибе множество людей, и бысть вопль и воздыханіе и печаль по всѣмъ градамъ и по волостямъ.»

Дошедъ до Новагорода Святополческаго, грозные враги поворотились назадъ и скрылись. Никого не осталось, ничего не стало слышно. Все утихло и успокоилось.

Народъ образумился. Какъ будто свирѣпый вихорь пронесся по пространству, ломая и разрушая все встрѣчное, помрачая зрѣніе: онъ пронесся, и опять возсіяло солнце, открылось небо, ожила природа.

Что это за люди? Откуда они? Куда ушли они? Какой языкъ у нихъ? Какая вѣра? Какого они рода?—спрашивали

Digitized by Google

себя Русскіе люди въ недоумѣніи, опомнясь послѣ перваго переполоха, и не видя предъ собою никого болѣе. Всѣ спрашивали другъ друга, но никто не умѣлъ отвѣчать никому. Одни толковали, что это старые Печенѣги, другіе называли ихъ Таурменами, безбожными Моавитянами. Книжники разсуждали, что это должны быть тѣ люди, которыхъ загналъ Гедеонъ, что они вѣрно пришли изъ пустыни между Востокомъ и Сѣверомъ, что объ нихъ предсказывалъ святый Меѳодій Патрскій: «придти имъ къ скончанію вѣка, и поплѣнить всю землю отъ востока до Евфрата, и отъ Тигра до Понтскаго моря кромѣ Ѳіопіи.» «Нѣтъ», заключали православные, выслушавъ ученыя рѣчи, «Богъ одинъ знаетъ, что это за люди, а насылалъ Онъ ихъ на насъ за грѣхи наши; обратилъ же вспять, ожидая нашего покаянія.»

—

Не долго пережилъ Мстиславъ Калкское пораженіе; на третій годъ онъ скончался, — проведя послѣднее свое время среди измѣнъ, въ безпрестанныхъ тревогахъ, сомнѣніяхъ и горестяхъ. Грустно досказывать его жизнь, хоть и въ этомъ періодѣ встрѣчаются безпрестанно прежнія прекрасныя черты его характера, совершенно рыцарскаго, только въ Русскомъ духѣ:—черты великодушія, отваги, пылкости, добросердечія.

Даніила, зятя своего, любилъ онъ отъ души, — и кто же былъ достойнѣе любви его! Это говорилъ Мстиславъ на смертномъ одрѣ своемъ, это засвидѣтельствовалъ онъ при первомъ появленіи своемъ въ Галичѣ, отдавъ за него старшую дочь свою, и принявъ вмѣстѣ столько трудовъ для изгнанія иноплеменниковъ. Но за что-то разсердился онъ на Даніила. Александръ Бельзскій, ненавидя Даніила, равно какъ и брата его за «злую ночь», обрадовался случаю отмстить соперникамъ. «Зять твой хочетъ убить тебя, зять твой поваживаетъ на тебя Ляховъ»,—твердилъ онъ безпрестанно въ уши Мстиславу, представлялъ доказательства,— и столько же легковѣрный, какъ и добродушный, онъ повѣрилъ было клеветнику, и вышелъ съ волми на Лысую гору въ помощь Александру, а Даніилъ призвалъ Ляховъ. На-

Digitized by Google

чалась брань, больше въ пользу мужественныхъ дѣтей Романовыхъ, и Мстиславъ призвалъ на другой годъ тестя Котяна съ Половцами, вѣрнаго своего Володимера Рюриковича Кіевскаго, какъ будто собираясь на Ляховъ, все по совѣту Александрову. Но ему противна была вражда съ Даніиломъ, и онъ вздумалъ вдругъ рѣшить дѣло иначе, не прибѣгая къ оружію, не обнажая меча—очною ставкою, совѣтомъ. Александръ, не смѣя идти, прислалъ своего боярина Яна. Мстиславъ объявилъ всѣмъ Князьямъ, призваннымъ на снемъ, о причинахъ, побуждающихъ его къ войнѣ, и оборотясь къ послу Александрову, повторилъ: «твоя рѣчь, Яню, что Даніилъ возводитъ второе на меня Ляховъ». Доказательствъ не привелося, и клевета Александрова, ложь Янева, обнаружились. Тогда всѣ Князья рѣшили, чтобъ Мстиславъ отнялъ у Александра всю его волость за свой сбромъ. Но добродушный витязь простилъ виноватаго, оставивъ его владѣть спокойно своей волостью, и всѣ Князья похвалили его за братолюбіе. А Даніилъ, невинно предъ нимъ обнесенный, принятъ имъ былъ еще съ бо́льшею любовію, чѣмъ прежде. Онъ почтилъ его, равно какъ и дочь свою Анну, дарами великими, и далъ ему своего борзаго коня Атказа, какого тогда нигдѣ не бывало. Въ Перемилѣ Князья всѣ утвердили миръ между собою.

—

Это случилось въ 1125 году, а въ 1126 новое огорченіе испыталъ онъ. Жирославъ, одинъ изъ мятежныхъ бояръ Галицкихъ, выдумалъ на него басню, будто онъ хочетъ уйдти въ поле и предать ихъ всѣхъ тестю своему Котяну на избитье; тѣ повѣрили и ушли въ Угорскія горы, а оттуда прислали пословъ къ Князю спросить о рѣчахъ Жирославовыхъ,—а у него и въ умѣ ничего подобнаго не было. Онъ послалъ отъ себя духовника своего Тимоѳея увѣрить бояръ, что Жирославъ оклеветалъ его предъ ними. Тимоѳей поклялся и привелъ всѣхъ удалившихся. Мстиславъ обличилъ клеветника и изгналъ изъ Галича. Бояре остались однакоже не расположенными, какъ прежде, и старались отъ него избавиться. Онъ окруженъ былъ со всѣхъ сторонъ измѣнниками

Digitized by Google

и предателями; одинъ былъ чистый человѣкъ, который любилъ его отъ сердца, и котораго онъ любилъ отъ сердца, по сходству ихъ нравовъ и расположеній,—и отъ того старый Князь былъ безпрестанно отвлекаемъ, увидѣвъ ясно только предъ смертію его совершенную правоту; но не станемъ упреждать происшествій.

—

Король Венгерскій Андрей, получивъ, еще до слуха о Татарахъ, для сына своего Перемышль, хотѣлъ скорѣе получить все, и подъ какимъ-то предлогомъ, вѣроятно возбужденный боярами, явился въ Галицкой волости, взялъ Перемышль, откуда сынъ его предъ тѣмъ бѣжалъ, Звѣнигородъ, и наконецъ послалъ вои подъ Галичь. Самъ онъ не пошелъ туда, боясь смерти, предсказанной ему волхвами, «узрѣвше Галичь.» Днѣстръ наводнился, и нельзя было переправиться. Мстиславъ вышелъ изъ города самъ противъ Угровъ, но они посмотрѣли на насъ, говоритъ лѣтописецъ, и ушли въ свои станы къ Королю. Король обратился къ Теребовлю, и взялъ Теребовль, потомъ взялъ Тихомль, потомъ пришелъ подъ Кременецъ, подъ которымъ избито и ранено было много Угровъ.

Мстиславъ послалъ къ Даніилу боярина Судислава сказать: «не оступай отъ меня.» Даніилъ отвѣчалъ: «имѣю правду въ сердцѣ моемъ.» Князь Галицкій, увѣрясь въ его преданности, рѣшился идти впередъ на Короля, которой стоялъ въ Звѣнигородѣ. Угры вышли на встрѣчу изъ становъ королевскихъ; произошло сраженіе, и они были разбиты, Мстиславъ побѣдилъ, — послѣдняя его побѣда, — и преслѣдовалъ бѣглецовъ до становъ. Самъ воевода Королевскій Мартинишъ былъ убитъ. Андрей устрашился, и поспѣшилъ скорѣе изъ земли. Даніилъ и Василько, которые мѣшали Лешку подать ему помощь, загораживая ему дорогу на Бугѣ, присоединились теперь къ Мстиславу, и убѣждали его преслѣдовать Короля Венгерскаго, потому что онъ вовсе изнемогъ, а хитрый Судиславъ, вкравшійся въ довѣренность къ Мстиславу, старался отговорить, не хотя ему гибели, и полагая на него свою надежду. Мстиславъ дался въ обманъ, и Андрей выбрался благополучно во свояси.

Digitized by Google

Этого мало было Судиславу. Онъ началъ приставать къ своему Князю, чтобъ тотъ, въ избѣжаніе новыхъ распрей и браней, отдалъ по прежнему договору Галичь Андрееву сыну съ дочерью, ему уже обрученной: «Галича не можешь ты держать самъ, потому что бояре не хотятъ тебя.» Мстиславъ рѣшался отдать Галичь Даніилу, а бояре его Судиславъ и Глѣбъ Еремеевичь толковали: «если ты отдашь Королевичу, то можешь взять у него назадъ, когда захочешь; а если отдать Даніилу, то уже не видать его тебѣ никогда, потому что Галичане желаютъ Даніила.» Начались переговоры, и Мстиславъ предоставилъ Галичь Королевичу Андрею, а себѣ взялъ Понизье, или нынѣшнюю Подолію, и отошелъ въ Торческъ.

Между тѣмъ Мстиславъ Нѣмой, что оказалъ помощь на Калкскомъ побоищѣ храброму Даніилу, умирая, передалъ ему на руки сына Ивана и завѣщалъ ему волость свою, но по смерти Ивановой Луцкомъ завладѣлъ Ярославъ Ингваревичь, а Черторижскомъ Пшняне.

Даніилъ вскорѣ (1227) добылъ Луцкъ, а о Черторжискѣ послалъ заслуженнаго своего боярина Дамьяна жаловаться тестю: не подобаетъ Пинянамъ держать Черторижска. Мстиславъ, неизвѣстно по какимъ обстоятельствамъ, видѣлъ тогда уже свою ошибку, чувствовалъ раскаяніе, и сбирался поправить испорченное. Много толковавъ съ Дамьяномъ, заключилъ добрый Князь свою рѣчь къ Даніилу слѣдующими словами: «сыну! я согрѣшилъ, не отдавъ тебѣ Галича, но давъ иноплеменнику. Обольстилъ меня лстецъ Судиславъ! Но, Богъ дастъ, мы пойдемъ на нихъ еще. Ты съ своими полками, а я призову Половцевъ. Если Богъ намъ поможетъ, ты возмешь себѣ Галичь, а я останусь въ Понизьѣ. Что же касается до Черторижска, то ты правъ». Даніилъ, получивъ согласіе тестя, пошелъ на виноватый городъ и взялъ его ратью.

—

Между тѣмъ Мстиславъ, хотя еще не въ глубокой старости, разнемогся. Почувствовавъ приближеніе смерти, онъ пожелалъ видѣть Даніила, «жадящу ему видѣти сына своего Данила, бѣ-бо имѣя до него любовь велику въ сердцѣ своемъ.»

Digitized by Google

Ему хотѣлъ онъ препоручить дѣтей своихъ и домъ свой,— но злонамѣренные бояре, особенно Глѣбъ Еремѣевичь, изъ зависти не допускали его, — и славный Князь Галицкій умеръ одинъ, въ какомъ-то захолустьѣ, неизвѣстномъ лѣтописателямъ, заключая свою жизнь, исполненную такихъ тяжелыхъ трудовъ, такихъ блистательныхъ подвиговъ, такой постоянной почти удачи,—самою печальной, безвѣстной кончиной, оставляя все семейство на произволъ судьбы. Участь всѣхъ Князей удѣльнаго, до-Московскаго періода, не смотря на всѣ ихъ подвиги, силу, славу. Счастливъ еще: онъ умеръ не подъ игомъ, — счастливъ еще: онъ умеръ не рабомъ, — безъ мысли, что придутъ опять Татары, — и останутся на долго!

М. Погодинъ.

Digitized by Google

ПРОХОЖІЙ.

СВЯТОЧНЫЙ РАЗСКАЗЪ.

I.

ПРОЛОГЪ.

.... Да, по истинѣ, это была страшная ночь! Старики говорили правду: такая ночь могла только выпасть на долю *Васильеву вечеру*. И въ самомъ дѣлѣ, всѣмъ и каждому чудилось что-то недоброе въ суровомъ, непреклонномъ голосѣ бури. Изъ пустаго не стали бы выводить страховъ! (Этакъ, пожалуй, пришлось бы бояться каждой мятели, а между тѣмъ и всей-то зимы никто не боится). Всякой знаетъ, что зима ходитъ въ медвѣжьей шкурѣ, стучится по крышамъ и угламъ и будитъ бабъ топить ночью печи; идетъ ли она по полю,—за ней вереницами ходятъ мятели и просятъ у нея дѣла; идетъ ли по лѣсу, — сыплетъ изъ рукава иней; идетъ ли по рѣкѣ,—куетъ воду подъ слѣдомъ на три аршина, — и что жь! — Всякой встрѣтившійся съ нею прикутается только въ овчину, повернется спиною да идетъ на полати!

На этотъ разъ однако жь иное было дѣло.

Посреди свиста и завыванія вѣтра, внятно слышались дикіе голоса и стоны, то пѣвучіе и какъ будто терявшіеся въ отдаленьи за гумнами, то отрывчатые, пронзительные, раздававшіеся у самыхъ воротъ и оконъ и забиравшіеся даже въ трубы и запечья. Выходилъ ли кто на улицу,—передъ

Digitized by Google

нимъ зримо почти носились незнакомые, чуждые образы; изъ мрака и вихрей возникали то и дѣло страшные, никому невѣдомые лики.... Да, старики говорили правду, когда, прислушиваясь чуткимъ ухомъ къ реву мятели, утверждали они, что буря бурѣ розпь, и что шишига, или вѣдьма, или нечистая сила (что все одно) играла теперь сватьбу, возвращаясь съ гулянокъ.

Но хорошо имъ было такъ-то раздобаривать, сидя на горячей печкѣ. Что имъ дѣлалось посреди веселья, криковъ ребятъ и шумнаго говора гостей, наполнявшихъ избу! (Въ Васильевъ вечеръ, какъ вѣдомо, одна только буря злится да хмурится). Студеный вѣтеръ не проникалъ ихъ членовъ нестерпимымъ ознобомъ, снѣжные хлопья не залипали имъ очи, шипящіе вихри не рвали на части ихъ одежды, не опрокидывали ихъ въ снѣжные намёты.... какъ это дѣйствительно было съ однимъ бѣднякомъ, прохожимъ, брошеннымъ въ эту ночь посреди поля, далеко отъ жилья и голоса человѣческаго....

Много грозныхъ ночей застигало прохожаго, много вьюгъ и непогодъ вынесла сѣдая голова его,—но такой ночи онъ никогда еще не видывалъ. Затерянный посреди сугробовъ, по колѣна въ снѣгу, онъ тщетно озирался на стороны или ощупывалъ костылемъ дорогу: мятель и сумракъ сливали небо съ землею, снѣжныя горы, взрываемыя могучимъ вѣтромъ, двигались какъ волны морскія, и то разсыпались въ обледенѣломъ воздухѣ, то застилали дорогу; гулъ, ревъ и смятенье наполняли окрестность. Напрасно также силился онъ подать голосъ: крикъ застывалъ на губахъ его и не достигалъ ни до чьего слуха; грозный ревъ бури одинъ подавалъ о себѣ вѣсть въ мрачной пустынѣ, одинъ онъ отзывался въ чьемъ нибудь сердцѣ.... Отчаянье начинало уже проникать въ душу путника, страшныя думы бродили въ головѣ его и воплощались въ видѣнія: на дняхъ знакомый мужичекъ, застигнутый такою-же точно погодой, сбился съ пути на собственномъ гумнѣ своемъ, и на другой день, объ утро, нашли его замерзшаго подъ плетнемъ собственнаго

Digitized by Google

огорода; третьяго дня постигла такая же участь бабу, которая не могла найдти околицы; вечоръ еще, посреди самой улицы нашли мертвую калѣку-перехожую, которая за мятелью не различила избушекъ....

Такъ думалъ прохожій; а вьюга между тѣмъ съ часу на часъ подымалась сильнѣе и сильнѣе. Вотъ повернула она, поднялась хребтомъ на пригоркѣ, закрутилась вихремъ, пронеслась надъ головою путника, загудѣла въ поляхъ и ударила на деревню. Вздрогнули бѣдныя лачужки, внезапно пробужденныя отъ сна посреди темной холодной ночи; замирая отъ страха, онѣ тѣсно прижались другъ къ дружкѣ, закутались до верху своимъ снѣжнымъ покровомъ, прилегли на бокъ и трепетно ждутъ лютаго вихря. Но вихрь, привыкшій къ простору, рвется и мечется пуще прежняго въ тѣсныхъ закоулкахъ и улицахъ. Разбитый на части, онъ разомъ, со всѣхъ сторонъ нападаетъ на лачужки, всползаетъ на шаткія стѣны, гудитъ въ стропилахъ, ломаетъ тамъ сучья, срываетъ воробьиныя гнѣзда, сверлитъ кровлю и выхвативъ клокъ соломы, бросается на кровлю, силясь сбросить пѣтушка или конька на макушкѣ; и тогда какъ одна часть бури реветъ вокругъ дома, другая уже давно проползла шипящею змѣею подъ ворота, ринулась въ клѣти и сараи, обѣжала навѣсы, и не найдя тамъ, вѣроятно, ничего, кромѣ вьющагося снѣга, напала на беззащитную жучку, свернувшуюся клубкомъ подъ рогожей.... Но вотъ вихрь прилегъ на земь, загудѣлъ вдоль плетня, украдкою подобрался къ калиткѣ, поднялся на дыбы, сорвалъ ее съ петель, бросился на улицу, присоединился къ другому, третьему, и снова грозный ревъ наполнялетъ окрестность....

Но что да этого! По всему крещеному міру не было все-таки бѣдной избенки, не было такого скромнаго уголка, гдѣ бы не раздавались веселыя пѣсни, гдѣ бы не было тепло и пріютно!

Тамъ,—шумная толпа ребятишекъ рѣзво прыгаетъ по лавкамъ и нарамъ, выбрасывая изъ рукава нарочно припасенныя про случай хлѣбныя зерна, и звонко распѣвая:—«Уроди,

Digitized by Google

Боже, всякаго хлѣбца, по закорму, что по закорму да по великому; а и стало бы того хлѣбушка на весь міръ крещеный!....» Между тѣмъ, старшая хозяйка дома, — мать или тетка, отбиваясь одною рукою отъ колючихъ иглъ овса и гречи, пущенныхъ въ нее какъ бы нечаянно шаловливымъ парнемъ, другою приподнявъ надъ головою зажженную лучину, суетливо ходитъ взадъ и впередъ и набожно подбираетъ зерна въ лукошко для будущаго посѣва. Остальные члены избы, кто усѣвшись подъ иконы, кто стоя въ углу, молча, но весело глядятъ на совершеніе обряда; даже старая, подслѣповатая бабушка, много лѣтъ не сходившая съ печки, свѣсилась на перекладину поглядѣть на внучекъ, — на семейную радость!

Въ другой избѣ крики и хохотъ раздаются еще громче. Рой молодыхъ дѣвокъ натискался въ избу. Двери плотно заперты; окно на улицу завѣшено прорванной понявой. Одна изъ нихъ,—самая востра я,—стоитъ на слуху въ сѣнечкахъ: не идетъ ли кто. Остальныя заняты дѣломъ: кто повязываетъ на голову войлокъ, обвитый вокругъ палки, кто натягиваетъ армякъ или покрываетъ маленькую головку неуклюжей шапкой, обтыканной по краямъ ради смѣха льняными прядями, обсыпанными мукою; кто прикутывается въ овчину вывороченную наизнанку;—это наряженныя! Хохотъ, визгъ, шушуканье, писк, не прерываются ни на минуту. Надо же весело справить послѣдній день Васильева вечера! Въ третьей избѣ громкой говоръ и восклицанія смѣнились на минуту молчанкою. Ребята, бабы, большіе и малые, всѣ пришипились. Тамъ подъ сладкой шумокъ верстена и прялки тянутся мѣрныя розсказни старика дѣда. Семейка сѣла въ кружокъ, и пригнувшись къ одной лучинѣ не пропускаетъ ни одного звука, ни одного движенія разскащика. Разсказъ, прерываемый трескомъ мороза, который стучитъ въ углы и заборы, благополучно дотянулся однакожъ за полночь. Лучина скоро угаснетъ. И тогда, вся семья, женатые и холостые, большіе и малые, заползутъ на печку и предадутся мирному отдыху, ни мало не заботясь, что вьюга реветъ и завываетъ въ полѣ и вокругъ дома....

Digitized by Google

О! счастливъ, сто разъ счастливъ тотъ, у кого въ такую ночь родной кровъ, родная семья и теплая печка!!....

Такъ по крайней мѣрѣ думалъ.... но не до того впрочемъ было прохожему, чтобы умомъ раскидывать! Отчаянье уже давно завладѣло его душею. И если какія нибудь мысли и приходили ему въ голову, — имъ все-таки не время теперь было опредѣляться въ ясную думу; онѣ мелькали передъ нимъ такъ же быстро, какъ снѣжные хлопья, несомые лютой мятелью, посреди которой стоялъ онъ съ обнаженною сѣдою головой и замиравшимъ сердцемъ, — и такъ же быстро уносились и смѣнялись другими мыслями, какъ одинъ вихрь смѣнялся другими вихрями....

Силы начинали покидать его. Онъ провелъ окоченѣвшею ладонью по мерзлымъ волосамъ, окинулъ мутными глазами окрестность и крикнулъ еще разъ.

Но крикъ снова замеръ на помертвѣлыхъ устахъ его.

Прохожій медленно опустился въ сугробъ и трепетною рукою сотворилъ крестное знаменіе.

Буря между тѣмъ пронеслась мимо: все какъ будто на минуту стихло.... и вдругъ, нежданно, въ сторонѣ, послышался лай собаки.... Нѣтъ, это не обманъ, — лай повторился въ другой и третій разъ....

Застывавшее сердце старика встрепенулось; онъ рванулся впередъ, простеръ руки и пошелъ на слухъ.... Немного погодя, ощупалъ онъ сараи, и вскорѣ изъ-за угла мелькнули передъ нимъ привѣтливые огоньки избушекъ.

II.

Хозяинъ въ дому, — какъ Адамъ въ раю,
Виноградье красно-зеленое.
Хозяйка въ дому, — какъ аладья въ меду,
Виноградье красно-зеленое.
Малыя дѣтушки, — какъ олябышки,
Виноградье красно-зеленое!!

Простонародная пѣсня.

—Ахъ вы пострѣлы вы этакіе!!....Вишь залади ли: пусти да пусти на улицу! Уймитесь вы али нѣтъ?!...—закричала въ сотый

Digitized by Google

разъ старостиха, подбѣгая дробнымъ шажкомъ къ нѣсколькимъ парнишкамъ и дѣвченкамъ, которые стояли у дверей и голосили на всю избу. — Молчать! вотъ я васъ погуляю!.... Молчать, говорятъ!!.... прибавила она, внезапно останавливаясь надъ маленькою толпою съ распростертыми въ воздухѣ руками, какъ коршунъ надъ стадомъ утятъ. Но ребятишки успѣли уже выхватить изъ среды своей младшаго брата, неуклюжаго карапузика лѣтъ пяти, съ огромнымъ кускомъ ржаной лепешки во рту, выставили его впередъ, и прежде чѣмъ рука матери опустилась къ низу, отступили въ уголъ.

— Это Филька кричалъ, а не мы....—проговорили они въ одинъ голосъ, тискаясь другъ на дружку.

— То-то, Филька, я вамъ дамъ Фильку, смотрите вы у меня!—произнесла старуха, отступая въ свою очередь и грозя въ уголъ.

Она повернулась къ нимъ спиною, и мгновенно обратила вскипѣвшую досаду на старшую дочь—дѣвушку лѣтъ семнадцати, сидѣвшую на лавочкѣ, подлѣ окна.

— Ну чего ты сидишь,—ноги-то развѣсила,—начала старуха, принимаясь снова размахивать руками, — что̀ сидишь?.... Нешто не видишь—лучину надо поправить; словно махонькая какая: все ей скажи да скажи, сама разума не приложитъ!....

Дѣвушка встала, молча вынула изъ горшка новую лучинку, зажгла ее, подержала огнемъ къ низу, заложила въ свѣтецъ, и сѣла со вздохомъ на прежнее свое мѣсто.

Дурное расположеніе старухи ни мало однакожъ не измѣнилось. Волненіе и досада проглядывали по прежнему въ каждомъ ея движеніи.

Она суетливо подошла къ окну, прислушалась сначала къ реву бури, которая сердито завывала на улицѣ,—потомъ вернулась на середину избы, и обнаруживая сильное нетерпѣніе, начала вслушиваться въ храпѣнье, раздававшееся съ печки.

— Левонычь, а Левонычь,—заговорила она наконецъ, топнувъ ногою и устремляя глаза на рыжую бороду, кото-

Digitized by Google

рая выглядывала вострымъ клиномъ изъ-за края печки, — Левонычь, слышь говорятъ: вставай! Ну чего ты въ самомъ-то дѣлѣ разлегся, словно съ устали; полночи дожидаешься, что-ли?—вставай говорятъ!

— О?—о—о!! Господи!....Господи.... Чего тебѣ, ну?— отозвался староста, зѣвая и потягиваясь.

— Тьфу, увалень! прости Господи;—тебѣ что? тебѣ что?....—подхватила она съ сердцемъ и стараясь передразнить его,—тебѣ что?.... Самъ наказывалъ будить; память заспалъ что ли? Я чай у Савелія давно завечеряли; ты думаешь староста, такъ и ждать тебя станутъ,—пешто возьмешь; вставай, говорятъ!

—Ммм....—простоналъ староста, переваливаясь на другой бокъ; при этомъ борода его исчезла и на мѣстѣ ея показалась багровая, глянцовитая лысина, на которой свѣтъ лучины отразился какъ въ стеклѣ.

— Слышь, говорятъ: понаведывались за тобою отъ Савелья, сказываютъ и мельникъ тамъ, и пономарь,—крикнула она, обнаруживая крайнее нетерпѣніе.

Но на этотъ разъ лысину покрылъ овчинной полушубокъ, и уже старостиха ничего не услышала кромѣ удушливаго храпа и сопѣнья.

Старостиха была баба норовистая и ни въ чемъ не терпѣла супротивности. Не раздумывая долго, она бросилась къ печкѣ и занесла уже правую руку въ стремячко, съ твердымъ намѣреніемъ стащить соннаго старосту на полъ, какъ въ эту самую минуту раздалась стукотня въ окнѣ, и, вслѣдъ за тѣмъ, кто-то запѣлъ тоненькимъ голосомъ:

Коляда, коляда!
Пришла коляда!
Мы ходили, мы искали
По всѣмъ дворамъ, по проулочкамъ....

— Мамка, пусти къ ребятамъ на улицу!—заголосили въ тоже время ребятишки, выступая изъ угла, — пусти хоша поглядѣть....

Digitized by Google

— Цыцъ, окаянные!.... цыцъ!—крикнула старостиха, ухватившись въ торопяхъ за ногу мужа и поворачивая назадъ голову.

— Мамка, мамка!....— заголосили громче парнишки, подстрекаемые пѣніемъ за окномъ, которое не умолкало,— пусти поглядѣть на ребятъ....

Но старостиха не дослышала далѣе; она соскочила наземь, схватила вѣникъ и со всѣхъ ногъ метнулась въ уголъ.

Ребятишки снова выставили впередъ Фильку.

Но на этотъ разъ дѣло обошлось иначе. Старуха ухватила своего любимца за шиворотъ, вѣникъ зашипѣлъ, Филька испустилъ пронзительной крикъ и болтнулъ въ воздухѣ ногами.

—Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ!....приговаривала мать, скрѣпляя каждое слово новымъ ударомъ;—ну перестань же, перестань, присовокупила она, смягчая неожиданно голосъ и увлекая его къ столу,—перестань, говорятъ,—на пирожка, на пирожка,—продолжала старуха, суя ему подъ носъ кусокъ, — на́ пирожка.... а, такъ ты не хочешь, пострѣлъ, не хочешь.... на́ же тебѣ, на́ тебѣ!—И вѣникъ снова зашипѣлъ въ воздухѣ....— Ну на́ пирожка.... возьми.... о! о! уймешься ты али нѣтъ?!.... опять!.... постой же, постой....

И вѣникъ поднялся уже въ третій разъ, какъ за окномъ раздался новый стукъ, но только сильнѣе прежняго, и тотъ же голосъ запѣлъ, но только настойчивѣе:

Чанны ворота!
Посконна борода!
Кричать ли Авсень?....

— Матушка, подай имъ хоть лепешку,—сказала старшая дочь, робко взглядывая на мать, и потомъ обращая съ любопытствомъ живые, чорные глаза свои на окно,—они, матушка, такъ-то хуже не отстанутъ....

—Не отстанутъ! ахъ ты дура, дура!—крикнула старостиха, бросая Фильку и останавливаясь въ попыхахъ посередь избы,— а вотъ погоди, я имъ дамъ лепешку....

Но шумъ подъ окномъ обратился уже въ неистовые крики, сопровождаемые присвистываньемъ, прищелкиваньемъ, и голосъ распѣвалъ во все горло:

Digitized by Google

Чанны ворота,
Посконна борода,
Честь была тебѣ пропѣта,
Подавай лепешку
Въ заднее окошко!!

Присоединенный къ этому вой Фильки и ревъ остальныхъ дѣтей остервенили въ конецъ старуху; и Богъ вѣсть, чѣмъ бы все это кончилось, если бъ не голосъ старосты, который раздался почти въ то же время съ печки:

— Старуха.... о! о!!.... что у васъ тамъ такое? соснуть не дадутъ..... никакъ колядки задумали пѣть.... гони ихъ....

— А самъ-то ты что лежишь на нечкѣ, увалень ты этакой! Бьюсь не добьюсь поднять его на ноги; тьфу!....

Старой чортъ, подай пирога,
Не даешь пирога,—изрубимъ ворота,
Авсень!....

Раздалось снова за окномъ.

— Вишь черти!—вымолвилъ староста, подпираясь локтемъ и лѣниво потирая лысину,—поди уйми ихъ, старуха, чего стоишь.

Старостиха подняла окно и высунулась на улицу; но почти въ тужъ минуту отскочила на середину избы. Нѣсколько комковъ снѣгу влетѣли вслѣдъ за нею.

— Ухъ! окаянные! ухъ, дьяволы!!—завопила старуха, протирая глаза и метаясь, какъ угорѣлая, изъ угла въ другой;—гдѣ кочерга?.... гдѣ!? а все ты, увалень! лежитъ себѣ, словно съ ногъ смотался,—не шелохнется, хоть домъ гори....

На будущій годъ
Осиновый тебѣ гробъ!!

Крикнулъ кто-то звучнымъ голосомъ, ударивъ кулакомъ въ оконную раму.

— А вотъ погоди, погоди—проговорилъ староста, спускаясь наконецъ съ печки,—дамъ тебѣ осиновый гробъ; это, я знаю, все Гришка Силаевъ озорничаетъ, погоди, я тебѣ шею-то накостыляю,— заключилъ онъ, ставъ на полъ и протирая глаза....— вы чего?.... Ну чего воете?

Digitized by Google

— Тятька, пусти насъ на улицу! жалобно отозвались ребята.

— На улицу,—прытки добрѣ; слышите, погода какая, замерзнуть небось хочется.... Парашка, давай кушакъ да шапку, они, кажись, на лавкѣ подъ образами, давай, пора идти, я чай и взаправду у Савелія завечеряли....—примолвилъ онъ, обращая сонные глаза на старшую дочь, которая во все это время также неподвижно сидѣла на лавочкѣ, изрѣдка лишь поглядывая завистливо на уличное окно.

— Ну, вотъ, давно бы такъ, ступай-ка, ступай!.... и то два раза спрашивали,—сказала старуха, торопливо подавая варежки.

—Вотъ что, хозяйка,—вымолвилъ мужъ, останавливаясь у двери, — смотри, безъ меня никого не пущай въ избу; неравно наряженные придутъ, — гони ихъ въ три шеи... Повадились нынче таскаться....А пуще всего не пущай Домну,— чтобъ и духу ея здѣсь не было....

— Чего ей ходить-то,—недовольнымъ голосомъ возразила жена, — не бось не придетъ.... Да вотъ постой, я припру за тобой шестомъ калитку....

Сказавъ это, она набросила полушубокъ на плеча, и ворча что-то подъ носъ, поплелась за мужемъ.

Очутившись на крылечкѣ, староста остановился, ошеломленный стужею и вѣтромъ, который съ такою силой мутилъ по двору снѣгъ, что нельзя даже было различить навѣсовъ:

— Ухъ! морозно добрѣ стало, старуха.... ухъ.... ишь какъ ее, погодка-то разгулялась.... у!....

Онъ ухватился обѣими руками за шапку и попятился назадъ.

— Ну вотъ еще что выдумалъ! первинка тебѣ небось; ступай, ступай; тебѣ такъ съ просонья почудилось; вистимо вѣтеръ гудётъ, — зимнее дѣло; ступай, у Савелія давно ужъ я чай завечеряли,—ступай, говорю, не страмись....

И вцѣпившись въ мужнинъ кожухъ, она силою почти стащила его съ крылечка и повлекла по двору.

Digitized by Google

Пробравшись къ воротамъ, она отворила калитку, оглянулась во всѣ стороны и наконецъ вытолкнула мужа на улицу.

Видно было, что она ждала кого-то и боялась, чтобы мужъ не встрѣтился съ гостемъ. Какъ только шаги его заглушились ревомъ бури, лицо старостихи просвѣтлѣло; вопреки обѣщанію, она отворила настежь калитку и вернулась въ избу.

— Ну что жъ ты, Парашка, сидишь? Отецъ ушелъ, и ты ступай на улицу,—сказала она, неожиданно обращая рѣчь къ старшей дочери.

— Я думала, матушка, ты не велишь.... — отвѣчала дѣвушка, радостно вставая съ мѣста.

— Мамка, пусти и насъ!! — произнесъ сквозь слезы голосъ изъ угла.

— Што-о-о!!.... —воскликнула старуха, быстро поворачиваясь къ углу.

Злосчастный Филька снова предсталъ было передъ матерью, но съ тою однакожъ разницею, что на этотъ разъ онъ сильно упирался ногами, кричалъ во все горло и отбивался руками и ногами отъ рукъ сестеръ и братьевъ, которые за него прятались.

— Чего вы, пострѣлы, все его впередъ суете?! я не што не вижу ... подь сюда, касатикъ, — заключила старостиха, гладя по головѣ своего любимца, и закутывая его въ то же время въ полушубокъ. — Ну, — крикнула она взглядывая нерѣшительно на уголъ,—ступайте на улицу!!.... Радостный крикъ, единодушно вырвавшійся изъ угла, былъ единственнымъ отвѣтомъ.

— Цыцъ, пострѣлы!—задребезжала старуха, затыкая сначала уши и пускаясь потомъ въ догонку то за однимъ, то за другимъ, — цыцъ!—никого не пущу.... тьфу, окаянные, прости Господи—пошли вонъ!!.... А ты, моя касатушка, не смѣй у меня шляться по улицѣ! — прибавила она, повертываясь къ Парашѣ, которая взялась уже за скобку двери,—будь довольна, что изъ избы-то тебя выпу-

Digitized by Google

стили;—не стать же тебѣ шаламберничать съ ребятами;—сиди у воротъ, и шагу не смѣй ступить безъ спросу!....

Дѣвушка, не ожидавшая, вѣроятно, такого притѣсненія, опустила къ полу веселое свое личико и молча послѣдовала за своими братьями и сестрами, голоса которыхъ раздавались уже за воротами.

III.

Ахъ, ты Домна, Домна....
.... —баба ты удалая!....
Простонародная пѣсня.

Секунду спустя, старостиха осталась одна-одинешенька посреди избы. Этого только, казалось, и добивалась она такъ долго. Ворчливое выраженіе на лицѣ ея мигомъ смѣнилось какою-то довольною заботливостію. Она бросилась къ печкѣ, вынула одинъ за другимъ нѣсколько горшковъ, поставила ихъ на столъ противъ образовъ, и приготовила все нужное для сытной трапезы; послѣ этого, старуха поспѣшно набросила на голову старый зипунъ, зажгла лучину, и заслоняя ее ладонью отъ вѣтра, вошла въ сѣни. Тутъ пригнула она на бокъ голову и стала внимательно вслушиваться; убѣдившись, что слышанный ею шумъ происходилъ единственно отъ бури,—старуха захлопнула дверь на крылечко и вошла въ комору или чуланъ, прилѣпленный, какъ ласточье гнѣздо, къ одному изъ угловъ сѣней. Сквозь щели этаго чулана, сколоченнаго живьемъ изъ досокъ, проходилъ свободно не только вѣтеръ, но даже сѣялся въ изобиліи снѣгъ, и многихъ трудовъ стоило старостихѣ найдти укромное мѣсто для лучины; приткнувъ ее наконецъ кой-какъ за пустую бочку, она вытащила изъ-подъ нары сундучекъ, отворила его помощію витаго ключика и принялась выкладывать на полъ разное добро: поочередно выступили, одна за другою, старыя попявы, куски холста, мотки, коты, низаные бисеромъ подзатыльники и наконецъ полотенца; добравшись до послѣднихъ, старуха бережно отложила два изъ нихъ въ сторону и продолжала разбирать свое имущество. Она уже подбиралась къ самому дну сундучка, какъ вдругъ на крылечкѣ послышалось топанье чьихъ-то ногъ; старостиха насторо-

Digitized by Google

жила слухъ и затаила дыханіе. Раздавшійся немного погодя кашель возвратилъ однакожъ спокойствіе на лице ея; откашлянувшись въ свой чередъ, она сунула подъ мышку отложенныя два полотенца, и приподнявъ надъ головою лучину, вернулась въ сѣни; задвижка щелкнула, дверь на крылечко отворилась, и въ сѣни вошла, покрякивая и оттаптывая ноги, дюжая, плечистая баба съ пухлыми щеками и крошечными черными глазками, которые бѣгали какъ мышенки, несмотря на то, что имъ очевидно тѣсно становилось посреди многочисленныхъ складокъ, образовавшихся отъ наплывшаго жиру. Въ одной рукѣ держала она довольно полновѣсный горшокъ, прикрытый тряпицею; другая рука ея придерживала на груди прорванную шубейку, которая прикрывала ей плечи и голову.

Увидя передъ собой старостиху, дюжая баба приподняла горшокъ такъ, чтобы онъ бросился ей тотчасъ же въ глаза, и поклонилась.

—Здравствуй, Домна Емельяновна, добро пожаловать!—произнесла та, кланяясь въ свою очередь.

Вслѣдъ за тѣмъ, она прикрыла полою зипуна лучину и отошла немного въ сторону.

—А что, касатушка, никого у васъ нѣтъ?—прохрипѣла Домна, осматриваясь нерѣшительно на стороны.

—Никого, родная, всѣ и малы и велики со двора ушли,—отвѣчала старостиха, утвердительно моргая глазами.

Услыша это, гостья мгновенно пріободрилась, отряхнула снѣгъ, покрывавшій шубейку, постучала ногами объ полъ и оправилась. Послѣ того, она повернулась спиною къ хозяйкѣ, и обмакнувъ нѣсколько разъ сряду жирную ладонь свою въ горшокъ, принялась опрыскивать какою-то жидкостію притолку, стѣны сѣничекъ и порогъ, нашептывая что-то подъ носъ.

Старостиха стояла во все это время въ углу какъ стопочка, и только моргала глазами; сморщенное лицо ея поворачивалось и слѣдило однакожъ подобострастно за каждымъ движеніемъ гостьи. Наконецъ, она проворно вынула одно полотенцо, и улучивъ минуту, когда Домна окончила причитаніе, подала его съ поклономъ.

Digitized by Google

Ощупавъ полотенцо, Домна снова повернулась спиною, покосилась на старуху, и сдѣлавъ, видъ какъ будто обтираетъ имъ спрыснутые дверь и полъ, спрятала его за пазуху. Послѣ того, она закрыла горшокъ, поставила его на полъ и подошла къ старотихѣ, какъ бы ни въ чемъ не бывало.*

— Спасибо тебѣ, Домна Емельяновна, что понавѣдалась, сказала старостиха, отвѣшивая маховой поклонъ, а я ужъ чаяла, касатка, ты за мятелью-то не зайдешь ко мнѣ; выходила за ворота, смотрю гудетъ погода, мѣтъ, думаю, не бывать тебѣ....

— И—и—и.... Христосъ съ тобою, съ чего жъ не бывать,—ужъ коли посулила, стало приду,—отвѣчала скороговоркою Домна, да и пригоже ли дѣло, родная, солгать въ такую пору....

— То-то, болѣзная.... зайди въ избу, Емельяновна, — отогрѣйся.

— Спасибо тебѣ на ласковомъ словѣ, отвѣчала Домна. Старостиха отворила дверь и обѣ вошли въ избу.

Хозяйка засуетилась у печки, и пригласивъ гостью присѣсть къ образамъ, поставила передъ ней скляницу, заткнутую ветошью, вмѣстѣ съ толстенькимъ стаканчикомъ, вертѣвшимся на донышкѣ какъ волчекъ. Гостья не долго отнѣкивалась, выпила вино бычкомъ, т. е. однимъ духомъ до послѣдней капельки, и кашлянувъ, закусила пирожкомъ съ кашей.

Вообще должно сказать, Домна не была ни въ какомъ случаѣ бабою ломливой или привередливой. Баба была бойкая, вострая! Да и можно ли по настоящему быть иначе сиротѣ безпріютной, вдовѣ безпомощной? Извѣстно: живешь мірскимъ состраданіемъ, пробавляешься чужими крохами, тутъ всякой того и смотри сядетъ тебѣ на плеча, да еще спасибо скажешь, коли шею не наколотятъ, — на

---

* Обрядъ этотъ совершается на Васильевъ вечеръ и извѣстенъ въ Великороссіи подъ названіемъ: *смываніе лихоманокъ*. Смываніе производится (какъ увѣряютъ, покрайней мѣрѣ, плутовки, пользующіяся довѣріемъ поселянъ) снадобьемъ изъ четвертковой соли, золы изъ семи печей и угля, выкопаннаго въ Иванъ день изъ-подъ чернобыльника.

Digitized by Google

чести людской не уѣдешь далеко! Домна знала это какъ нельзя лучше, и потому, желая избѣгнуть, по возможности, сиротской невзгоды, норовила всегда сѣсть сама на чужія плеча. И будь безъ хвоста, да не кажися кургузъ, говоритъ пословица. И такъ ловко вела она свое дѣльцо, что никто не пѣнялъ на нее; каждый, напротивъ, встрѣчалъ ее съ поклономъ и принималъ съ почетомъ. Съ уголька ли спрыснуть, заговорить ли отъ прострѣла, смыть ли лихоманку, — вездѣ и всегда она одна. Не за долго еще до настоящаго времени, слыла она первою запѣвалкою и хороводницею во всемъ околоткѣ; никто не подлаживалъ такъ складно подъ пѣсню въ обломокъ косы, никто не выплясывалъ и не разводилъ такъ ловко руками, ни чей голосъ ни раздавался звучнѣе; но съ тѣхъ поръ, какъ надорвала она горло на гулянкѣ въ день приходскаго праздника, и голосъ ея, дребезжавшій на всеобщее удивленье какъ неподмазаное колесо, захрипѣлъ какъ у опоёной клячи, — слава ея въ околоткѣ стала еще почетнѣе. Лѣшій ее знаетъ, какъ она это дѣлала, — но теперь въ сосѣднихъ деревняхъ безъ Домны, — что безъ праваго глазу. Безъ нея не обходится ни одна свадьба, потому что не будь Домны, и свадьбѣ бы не состояться; она поклонилась отцу, поклонилась матери, и уладила дѣльцо; на пирахъ является она бабкою позываткой; — первая затѣваетъ пляску, первая пьетъ сусло и бражку. Въ зимніе, долгіе вечера, — Домна не баба, а просто золото. Она все знаетъ: кто хочетъ или задумалъ только жениться, кого за мужъ выдаютъ, гдѣ и за что поссорились люди; тамъ строчитъ она сказку узорчатую, тутъ поворожитъ, здѣсь спрыснетъ студенцемъ, — словомъ, на все про все. И крова кажись нѣту, и мужа нѣту — сирота какъ есть круглая, а живетъ себѣ припѣваючи. Да и о чемъ тужить? Сама не разъ говорила Домна: — «И то правда, касатушки, подъ окошечкомъ выпрошу, подъ другимъ съемъ, подъ третьимъ высплюсь, — поддевочка-то сѣра, да волюшка-то своя!»....

Такъ вотъ какова была гостья старостихи.

Digitized by Google

— Ну, что, касатка, я чай у сосѣдей была?—спросила старостиха, придвигая къ ней пирогъ.

—Какже, родная,—скороговоркою отвѣчала Домна, косясь однимъ глазомъ на стклянницу, другимъ на чашку съ гороховымъ киселемъ, — когда жь и быть-то какъ не нынче; кому охота напустить къ себѣ въ домъ злую лихость: та— Домна Емельяновна пособи, другая также! — ну я не отнѣкиваюсь отъ добраго дѣла; вистимо, долго ли накликать бѣду; о-охъ! знамо не простой день, касатка, — Васильевъ вечеръ.... Нонѣ, болѣзная ты моя, лихоманку-то выпираетъ изъ преисподней морозомъ.... Вотъ она и снуетъ, окаянная, по свѣту, — ищетъ виноватыхъ; гдѣ теплая изба, туда и она.... притаится, это, за простѣнокъ али притолку, и ждетъ нечисть, не подвернется ли кто.... Я сама ихъ видала, всѣхъ сестеръ видала.... ужъ въ чемъ кажись только душа есть: тощія, слѣпыя, безрукія такія.... а не смой изъ дому— затрясутъ, поди, до смерти,—прибавила Домна, надламывая пирожка и взглядывая на старостиху, которая сидѣла противъ нея на лавочкѣ, и прищурившись, какъ кошка на печкѣ, мотала въ тягостномъ раздумьи головою.

— Вотъ, скажу тебѣ,—продолжала Домна, — видѣла я мужика въ Груздочкахъ, такъ ужъ подлинно жалости подобно.... И здоровъ былъ и рослъ, что хмѣлина въ вёсну, а какъ напала, это, она на него, — похирѣлъ словно трава подкошоная.... А все отъ того, что жена его поартачилась, да не пустила смыть лихоманку въ Васильевъ вечеръ....

— Ахти, касатка, эки дѣла какія; что жъ она, — недобрая мать,—злобу какую на мужа-то имѣла?.... —спросила старостиха.

— А кто ее знаетъ,—я не мало ее тогда уговаривала....

— Да что жъ ты, родная, не пьешь-не ѣшь ничего....— произнесла хозяйка, принимаясь суетиться, — не позорь нашего хлѣба-соли.... выпей еще стаканчикъ....

—Спасибо тебѣ на ласковомъ словѣ,—отвѣчала Домна, радостно принимая приглашенье; ну такъ вотъ, родная, какъ почала она трясти его, трясла, ужъ она это, трясла, чуть

Digitized by Google

не до смерти, насилу отшептали, совсѣмъ было сгибъ человѣкъ.... Да постой, не нынче, такъ завтра у васъ въ деревнѣ приключится такое дѣло, — коли еще не хуже....

— О-охъ!—произнесла старостиха, со страхомъ озираясь на сторону, — что жъ такое, родная ?....

— А вотъ что, отвѣчала Домна, отдувая багровыя свои щеки, захожу это я нынче, объ утро, къ Василисѣ, сосѣдкѣ твоей, вистимо, касатка, не изъ корысти какой, чтобъ мнѣ сошлось что за хлопоты, захожу къ ней,—а такъ по простотѣ моей сиротской; извѣстно, люди бѣдные, нешто̀ съ нихъ возьмешь.... Маешься ты, говорю, Василиса съ своимъ сыномъ, дай, говорю, отведу я отъ него нечистую силу, нынче только, говорю, и можно образумить каженника, — сама чай вѣдаешь день какой,—куда-те, и слышать не хочетъ; да это бы еще нешто, Богъ съ ней, а то, туда же, окрысилась на меня: вы, говоритъ, по деревнѣ про сына пустили толки, то, да се.... Ну, думаю себѣ, дѣлай какъ знаешь, сама напослѣдяхъ спокаешься, не здобровать тебѣ съ твоимъ каженникомъ !....*

Тутъ Домна покосилась украдкою на старостиху и сказала, понизивъ голосъ:

«Ты, касатка, не подпущай его, смотри, близко къ дому, я давно хотѣла съ тобой, на досугѣ, глазъ на глазъ поговорить....

Старостиха насторожила уши.

— Онъ, слышала я отъ добрыхъ людей,—продолжала таинственно Домна,—за твоей дочкой увивается.... избави Господи!.... У каженниковъ дурной глазъ! того и смотри, испортитъ дѣвку ...

— Что̀ ты, касатка, — охъ!.... Да подступись онъ только.... Да я и ему-то, и его матери-то всѣ глаза выплюю !....—возразила съ негодованіемъ старостиха;—я, родная, какъ только провѣдала про эвто дѣло, и дочь-то не пускаю со двора, зарокомъ наказала не ходить за ворота....

---

* *Каженникомъ* называютъ въ деревняхъ человѣка, одержимаго меланхоліей или душевною тоскою, а иногда просто безъ причины. Не ходитъ парень въ хороводы, — ну и каженникъ!

Digitized by Google

— То-то, болѣзная, — я не въ проносъ говорю тебѣ такое слово; ты дѣвку-то свою не пущай, а онъ, окаянный, все возьметъ свое, коли заберетъ на умъ, — напуститъ на нее лихость,—а ты поди плачь, тоскуй опосля.... По моему, до грѣха, надо отводить его какъ ни есть отъ пея, чтобъ дѣвка-то опостыла ему,—безъ этаго не миновать вамъ бѣды.... Ужъ лучше, коли на то пошло, продайте вы ее въ чужую деревню, я и женишка пріищу. Такого ли жениха вамъ на-дыть. Да ему и въ ротъ не вкинется и во снѣ не приснится такое счастье.... Она у тебя пригожѣе всѣхъ молодицъ села.... Вотъ довѣдалась я (люди добрые сказывали) и она,—Василиса-то, на то же норовитъ; стану, говоритъ, просить барина!.... Пригодное ли дѣло, касатка, вамъ съ ними родниться, шишь-голь, да и полно! Вамъ просвѣту не дадутъ: вишь, скажутъ, породнились съ кѣмъ!.... Вистимо, кто про что: другому и крохи пропустить нечемъ,—да доброй человѣкъ, а этотъ, болѣзная ты моя, каженникъ!! Ужъ что это за человѣкъ: чурается добрыхъ людей, словно собакъ паршивыхъ, ни съ кѣмъ слова не промолвитъ, ни въ пляску, ни въ пѣсни.... я тебѣ говорю: отлучи ты его до бѣды отъ дѣвки-то!....

— О-охъ! я и сама о томъ думаю, касатушка.... помоги, Домна Емельянова,—произнесла съ явнымъ безпокойствомъ старостиха, —рада служить тебѣ всѣмъ добромъ,— отведи ты его, Богъ съ нимъ! отъ моей дочери....

Тутъ старостиха привстала съ лавки, поклонилась гостьѣ, и положила передъ ней на столъ второе полотенцо.

— Спасибо тебѣ на ласковомъ словѣ,—отвѣчала Домна, спрятавъ полотенцо, какъ бы не взначай, за пазуху,—рада и я служить тебѣ,—изволь, помогу,—слушай....

И Домна подсѣла уже къ старостихѣ и прильнула къ ея уху,—но въ самую эту минуту раздался такой сильный ударъ въ ворота, что обѣ бабы невольно подпрыгнули на лавочкѣ и стукнулись головами.

— Охъ, родная,—воскликнула Домна, бросаясь въ попыхахъ изъ одного угла въ другой, — никакъ мужъ твой идетъ,—вотъ накликали бѣду!....

Digitized by Google

Старостиха въ это время подбѣжала къ окну, подняла его и выглянула на улицу.

— Нѣтъ, касатка, не онъ!—крикнула она, просовываясь въ избу и обращаясь къ Домнѣ, которая стояла уже въ дверяхъ,—не онъ; вѣтеръ сорвалъ доску съ надворотни,—не бойся, — онъ у Савелія на вечеринкѣ и не скоро вернется, — сиди безъ опаски....

— Охъ, касатка, всполохнулась я добрѣ,—вымолвила гостья, отдуваясь и прикладывая ладонь къ лѣвому боку,—ну кабы онъ, бѣда, думаю;—серчаетъ онъ на меня,.... а сама не знаю за что.... провалиться мнѣ, стамши, коли знаю....

Но рѣчь Домны снова была прервана такимъ страшнымъ грохотомъ подъ воротами, у плетней и подъ навѣсами, какъ будто буря, собравъ всѣ силы свои, разомъ ударила на избу старосты.

— Съ нами крестная сила!—пробормотала хозяйка дома, творя крестное знаменіе.

—Охъ, не къ добру, родная,—проговорила Домна, крестясь въ свою очередь, — слышь, какъ вдругъ все загудѣло.... Охъ, вотъ такъ-то какъ шла я къ тебѣ.... иду,—вдругъ отколѣ ни возьмись замело меня совсѣмъ и зги не видно: куда итти, думаю, и сама не знаю, стою это я, касатка, —слышу кто-то словно подлѣ меня всплакался.... да жалостливо такъ.... охъ, не къ добру....

Мало по малу однакоже и хозяйка и гостья успокоились. Буря пронеслась мимо. — Старостиха бережно заперла двери и снова сѣла на лавочку; Домна откашлянулась, нагнулась къ ея уху и стала ей что-то нашептывать.

IV.

Чижикъ пыжикъ, у воротъ,
Воробышекъ махонькой,
Эхъ, братцы, мало насъ!
Голубчики, нѣмножко....
Иванъ сударь, — поди къ намъ,
Андреевичь, приступись....
Простонародная пѣсня.

Парашѣ страхъ однакожь прискучило сидѣть подъ окнами своей избушки. Въ первое время, послѣ того какъ про-

Digitized by Google

водила она маленькихъ сестеръ и братьевъ за ворота, ее радовало, что привелось по крайней мѣрѣ разъ посидѣть свободно на улицѣ, что, можетъ статься, удастся хоть издали прислушаться къ веселымъ пѣснямъ подругъ; полная такихъ мыслей, она не замѣчала скуки, пока наконецъ не увидѣла ясно, что ожиданія обманули ее. — Сколько ни напрягала она вниманія, — всюду слышался ревъ бури, которая, врываясь поминутно въ деревню, грозно завывала, метаясь изъ конца въ конецъ улицы; глухая ночь царствовала повсюду; изрѣдка лишь, проникая мракъ, сквозь снѣжную сѣть, мелькали кое-гдѣ, какъ искры, огоньки дальнихъ избушекъ. Параша не понимала, куда такъ скоро могла дѣться рѣзвая толпа ребятъ и дѣвокъ, не давно еще шумѣвшихъ подъ ея окнами. — «Неужто запугали ихъ мятель и холодъ? подумала она, стараясь проникнуть въ сотый разъ темноту ее окружавшую, — чего жъ тутъ бояться!?.... О! еслибъ только дали мнѣ волю присоединиться къ нимъ, я бы всѣхъ ихъ пристыдила. А можетъ быть, они забились въ избы, не страха ради, а ради забавы.... Я чай гадаютъ они, или наряжаются.... куда какъ весело!!..» Параша взглянула на окно своей избушки и загрустила еще сильнѣе прежняго. Не смѣя ослушаться матери, но со всѣмъ тѣмъ не желая вернуться въ скучную избу,—она подошла къ заваленкѣ, оттоптала снѣгъ въ углу, между стѣною и выступомъ бревенъ, прикуталась съ головою подъ овчиннымъ своимъ тулупчикомъ, и съежившись клубочкомъ какъ котенокъ, закрывъ глаза, принялась съ горя умомъ раскидывать. Она мысленно переносилась въ каждую избу; тамъ невидимкою присутствуетъ она посреди веселаго сборища; тутъ прислушивается къ говору парней, здѣсь подруги наряжаютъ ее: она смотрится въ крошечное, оправленное зеркальцо, — глядитъ и глазамъ не вѣритъ, какъ пристала къ ней высокая шапка съ золотомъ, синій кафтанъ и красная рубаха съ пестрыми ластовицами; въ другомъ мѣстѣ.... но не перечесть всего, о чемъ думаетъ молоденькая дѣвушка. Кончилось тѣмъ, что Параша не утерпѣла, сбросила съ головы овчину, заглянула въ окно къ матери, и убѣдившись,

Digitized by Google

вѣроятно, что съ этой стороны не предстояло опасности,— соскочила съ завалѣнки и украдкою подобралась къ сосѣдней избѣ. Изба эта,—хилая лачужка, занесенная почти до верху снѣгомъ, отдѣлялась всего на всего отъ избы старосты длиннымъ навѣсомъ, и Парашѣ стоило только сдѣлать нѣсколько прыжковъ, чтобы очутиться подъ единственнымъ ея окошкомъ. — Дѣвушка прильнула свѣженькимъ своимъ личикомъ къ стеклу, сквозь которое проникалъ огонекъ, и затаивъ дыханіе, долго смотрѣла во внутренность избушки. Но и тутъ, казалось, ожиданія обманули ее. Параша нахмурила тоненькія свои брови и думала уже вернуться назадъ, когда совершенно неожиданно до слуха ея коснулся чей-то тоненькой голосокъ. Голосъ выходилъ изъ-за ближайшаго овина; Параша притаилась въ уголъ и стала вслушиваться; голосъ, очевидно принадлежавшій женщинѣ, напѣвалъ между тѣмъ протяжно:

Ай звѣзды, звѣзды,
Звѣздочки!
Всѣ вы, звѣзды,
Одной матушки,
Бѣлрумяны вы,
И дородливы!....
Гляньте, выгляньте
Въ эту ноченьку!....

«Это должно быть Кузнецова Дунька загадываетъ себѣ счастье....— подумала Параша,—но гдѣ же видитъ она звѣзды?!....—продолжала она, прикутываясь въ тулупчикъ и поднимая къ верху голову, — ухъ! какъ темно и страшно ... ну, долго же придется ей ждать звѣздочку.... А что, всѣ вѣдь нынче гадаютъ.... дай-ка и я себѣ загадаю ... что-то мнѣ выпадетъ?....» Послѣднее заключила она, стоя уже подлѣ своей избы; она оглянулась сначала на всѣ стороны, потомъ обратилась снова почему-то къ сосѣдней лачужкѣ и произнесла на распѣвъ:

Взалай, взалай, собаченька,
Взалай, сѣренькой волчекъ!
Гдѣ собачка залаетъ,
Тамъ и мой суженой....

Digitized by Google

Но каково же было удивленіе дѣвушки, когда съ сосѣдняго двора, какъ нарочно, отозвался лай собаки.

Лай замолкъ, а Параша все еще стояла какъ прикованная на мѣстѣ; сердце ея билось сильнѣе; не довѣряя своему слуху, она готовилась повторить пѣсню, но голоса и хохотъ, раздавшіеся внезапно съ другаго конца улицы, привлекли ея вниманіе.

— Тащи, каженника, тащи его!.... что онъ взаправду артачится.... тащи его, ребятушки, пущай наряжается съ нами.... тащи его,—не слушай!!—кричалъ кто-то, надрываясь со смѣху.

Параша бросилась сломя голову на завалепку, вытянула впередъ голову и, казалось, боялась проронить одно слово.

Голоса и хохотъ приближались съ каждою минутой; вскорѣ различила она толпу, которая направлялась прямо къ ея избѣ.

— Ребята, никакъ у старосты огонь! катай туда!—закричалъ тотъ же голосъ, по которому Параша тотчасъ же узнала перваго озорника деревни, Гришку Силаева;—полно тебѣ, Алешка, козыриться, — не топырься; — сказано, что не выпустимъ, такъ стало такъ и будетъ; полно тебѣ слыть каженникомъ, пришло время развернуться, мы изъ тебя дурь-то вызовемъ.... тссс!.... тише ребята, ни гугу; дѣвки, полно вамъ шушукаться, никакъ кто-то сидитъ у старосты на заваленкѣ....

— Дѣвушки, касатушки, ... Охъ!!....—заговорило въ въ одно время нѣсколько тоненькихъ голосковъ.

— Ну чего вы жметесь другъ къ дружкѣ, чего? небось не съѣдятъ,—шепнулъ Гришка Силаевъ, — ступайте за мной....

И толпа наряженныхъ, стиснувшись въ одну плотную кучку, пододвинулась ближе.

Гришка сдѣлалъ шагъ впередъ; и вдругъ залился звонкимъ, дребежжащимъ хохотомъ.

— Э! такъ это вотъ кто!—здравствуй старостина дочка, произнесъ онъ, снимая обѣими руками шапку и кланяясь Парашѣ чуть не въ ноги.

Digitized by Google

— Дѣвушки, касатушки, и вправду она,—воскликнули дѣвушки, окружая подругу,—что ты здѣсь дѣлаешь? пойдемъ съ нами, полно тебѣ сидѣть,—смотри, какъ мы нарядились! пойдемъ!!....

— Нѣтъ, мнѣ нельзя.... я и рада бы, да право нельзя, касатушки.... того и смотри матушка позоветъ.... — отвѣчала Параша, заглядывая въ право и лѣво и какъ бы желая различить кого-то въ толпѣ.

— А развѣ матушка твоя дома? — спросилъ Гришка.

— Дома.

— И отецъ дома?

— Нѣтъ, отецъ у Савелія на вечеринкѣ, — возразила Параша.

Гришка радостно хлопнулъ въ ладоши, прыгнулъ на завалинку и столкнулся носъ съ носомъ съ старостихою, которая совершенно неожиданно отворила окно и высунулась на улицу.

Гришка свиснулъ, и бросился въ самую середину толпы, которая откинулась въ сторону.

— Ахъ, вы, проклятые!!.... Кто тамъ?.... Чего вамъ надыть!?.... пошли вонъ, окаянные?!!.... Парашка! Парашка!— что те не докличешься.... ступай въ избу, гдѣ ты? о! постой, я тебя проучу!!....

Параша откликнулась, набросила на голову полушубокъ, и вздохнувъ, отправилась къ воротамъ.

— Параша,—крикнулъ ей во слѣдъ Гришка,—кланяйся маменькѣ, — цѣлуй у ней ручки; скажи, что всѣ-молъ мы, славу Богу, здоровы и ей того же желаемъ....

— Ахъ, ты охлестышь поганый!—взвизгнула старостиха, высовываясь по грудь изъ окна,—погоди, постой,—я тебѣ дамъ знать!!....

— Что ты, маменька, глотку-то дерешь?.... не обиждайся, за добрымъ дѣломъ къ тебѣ, родная....—отозвался Гришка, пробираясь украдкою съ огромнымъ комкомъ снѣга подъ полою; — приходили звать тебя въ гости; неравно обознаешься; ищи ты насъ вотъ какъ: ворота досчаные, собака новая, въ избѣ два окна, какъ найдешь, — прямо

Digitized by Google

придешь! — заключилъ онъ, пуская комокъ въ старостиху, которая успѣла однакожь во время захлопнуть окно.

Толпа захохотала.

— Эхъ, промахнулся!—произнесъ Гришка, отряхая руки, а жаль, кабы не обмишулился, было бы чѣмъ закусить.... ишь ее, баба-яга какая.... Ребята, на зло же ей, слушай: старосты нѣтъ, пойдемте къ ней въ избу.... выворотимъ каженнику овчину, онъ будетъ медвѣдемъ, а я вожакомъ,— ладно, что ли? Ну, Михайло Иванычь, поворачивайся, да не пяль глаза на стороны, — сказано не выпустимъ, пойдешь съ нами!! прибавилъ онъ, стаскивая полушубокъ съ плечь молодаго парня, который впрочемъ довольно охотно поддавался.

— А ну, быть стало по вашему!!— неожиданно воскликнулъ молодой парень, отрывая глаза отъ старостина окна и принимая какъ будто рѣшительное намѣреніе, — давайте овчину, я самъ выворочу.... Ну такъ, ладно что ли?— заключилъ онъ, просовывая ноги въ рукава вывороченной овчины и тяжело поворачиваясь передъ толпою, которая разразилась звонкимъ смѣхомъ.

— Ай да молодецъ!! — заревѣлъ Гришка, топая въ восторгѣ ногами, — я вамъ говорилъ: на него только наговорили, какой онъ каженникъ!! давай другую овчину, закутаемъ ему голову, такъ! ну-ка-сь, Михайло Иванычь: а какъ ребята за горохомъ хаживали.... ну-у!-у!!.... ай да Алеха! Я говорилъ вамъ, не сплохуетъ! Онъ только прикидывался тихоней, а они ему вѣрили.... Ребята, стойте!!—крикнулъ Гришка, останавливая толпу, которая уже двинулась къ воротамъ старостиной избы,—стойте; по моему вотъ что: дайте ей, старой вѣдьмѣ, опомниться, она теперь взбеленилась, такъ ужъ за одно придется ей сердчать.... дадимъ-ка ей лучше простыть, да тогда, на спокоѣ-то, и потревожимъ ее, пущай-де знаетъ! Пойдемте, какъ есть, слѣдомъ къ Савелью, теперь пиръ-горой; народу тамъ гибель, потѣшимся на славу,—а тамъ сюда добро пожаловать.... такъ что-ли?....

— Пойдемте, пойдемте!—отозвались разомъ всѣ присутствующіе.

И толпа, повернувшись лицомъ къ вѣтру, весело понеслась за Гришкой на другой конецъ деревни.

Digitized by Google

Но не достигла она и половины дороги; какъ вдругъ буря, смолкнувшая на время, снова ударила всей своей силой; все помутилось вокругъ, и наряженные наши не успѣли сдѣлать одного шагу, какъ уже увидѣли себя окруженными со всѣхъ сторонъ вихремъ.

— Держись, не вались!—крикнулъ Гришка, сгибаясь въ три погибели и становясь спиною къ мятели,—наша возьметъ, стой крѣпче, не робѣй; эй вы любушки, голубушки, присовокупилъ онъ, пробираясь къ дѣвушкамъ,—что приши-пились? — играйте пѣсни !....

— Полно тебѣ, Гришка.... охъ, дѣвушки, страшно! охъ, касатушки, страшно! — раздавалось то съ одной стороны, то съ другой.

— Страшно.... у! у! у!....— произнесъ Гришка, становясь на четвереньки и принимаясь то хрюкать свиньею, то выть волкомъ;—ой дѣвушки, смотрите-ка, смотрите.... вонъ вѣдьма на помелѣ ѣдетъ, ей-ей вѣдьма,—у!—смотри сторонись, хвостомъ зацѣпитъ!....—Дѣвушки, прятавшіяся другъ за дружкою, подняли головы и вдругъ испустили пронзительный крикъ. Въ сторонѣ, за мятелью, послышался дѣйствительно чей-то прерывающійся, замирающій стонъ.... Въ эту самую минуту, вѣтеръ рванулъ сильнѣе, вихрь пронесся мимо и въ мутныхъ волнахъ снѣга, между сугробами, показался страшный образъ старика съ распростертыми впередъ руками....

Но толпа успѣла уже разбѣжаться во всѣ стороны.

V.

За дубовы столы,
За набраные,
На сосновыхъ скамьяхъ,
Сѣли званые.
На столахъ, куръ, гусей,
Много жареныхъ,
Пироговъ, ветчины
Блюда полные!

Кольцовъ.

Между тѣмъ, пирушка у Савелія шла на славу; народу всякаго, званаго и незваного, набралось къ нему такое мно-

Digitized by Google

жество, что кажись пришелъ бы еще одинъ человѣкъ, такъ и мѣста бы ему не достало. Даже подъ самымъ потолкомъ торчали головы; посѣднія, впрочемъ, принадлежали большей частію малолѣтнимъ парнишкамъ и дѣвченкамъ, которые, будучи изгоняемы отовсюду, рѣшительно не знали уже куда приткнуться. И какъ, въ самомъ дѣлѣ, сидѣть дома, когда у сосѣда вечеринка, да еще въ какое время,—въ святки? Того и смотри нагрянутъ наряженые, пойдутъ пляски, пѣсни.... деревенскимъ ребятамъ все въ диковинку! и вотъ томимые любопытствомъ, пробираются они сквозь перекрестный огонь пинковъ и подзатыльниковъ, взбираются на лавки, сползаютъ на печку и полати, мостятся другъ на дружку, только лишь бы поглядѣть на веселье. Между ними попадаются такіе бойкіе, которые, незная куда дѣвать маленькаго братишку, заснувшаго у нихъ на рукахъ, забрались вмѣстѣ съ нимъ на зыбкую перекладинку,—и висятъ себѣ, какъ бы ни въ чемъ не бывало!

Въ избѣ жарко какъ на полкѣ; никто однакожъ не думаетъ отступать къ двери; каждый, напротивъ того, норовитъ изо всей мочи, какъ бы протискаться впередъ, къ красному углу, гдѣ происходитъ угощенье.—Тамъ, за столомъ, покрытымъ рядномъ, обложеннымъ по краямъ ложками и обломками пироговъ и хлѣба, сидѣли гости званые и почетные.

На самомъ первомъ мѣстѣ, подъ образами, въ которыхъ дробился свѣтъ восковой свѣчки вмѣстѣ со свѣтомъ сальнаго огарка, воздвигнутаго на столѣ,—бросался прежде всего въ глаза мельникъ и жена его,—оба толстые, оба красные какъ очищенная свекла, оба, по видимому, готовые лопнуть отъ жару. Подлѣ нихъ, по правую руку, сидѣлъ пономарь изъ чужой вотчины, долговязый, рябой какъ кукушка, косой какъ заяцъ, съ вострымъ обточенымъ носомъ и коротенькой взъерошеной косичкой на затылкѣ; жаръ дѣйствовалъ на него совсѣмъ иначе чѣмъ на мельника: онъ, казалось, сушилъ и коробилъ его какъ щепку. Подлѣ пономаря сидѣлъ сотской,—крошечный, мизерной, мозглявой старикашка лѣтъ семидесяти пяти, но живой и вертлявый,

Digitized by Google

щупавшій поминутно то медаль на груди форменной инвалидной шинели, то дергавшій себя за кончики сѣдыхъ волосъ, изрѣдка торчавшихъ по обѣимъ сторонамъ лысины; слезливые глаза его щурились постоянно, тогда какъ ротъ, украшенный одними деснами, былъ постоянно открытъ и сохранялъ такое выраженіе, какъ будто сотскаго парилъ кто-то сзади наижесточайшимъ образомъ самымъ жгучимъ вѣникомъ. По лѣвую руку мельника находился знакомый уже намъ староста и рядомъ съ нимъ хозяинъ дома — рыжій, плечистый мужикъ, такой же толстый почти, какъ мельничиха. Съ обоихъ потъ катилъ градомъ, но оба не замѣчали этаго и, казалось, были очень довольны сосѣдствомъ другъ друга, потому то и дѣло обнимались. По обѣимъ сторонамъ описанныхъ лицъ, на лавочкахъ подлѣ стола и немного поодаль, сидѣли еще гости, то же званые, но менѣе почетные. Тутъ были и старики, и молодые, и бабы съ ихъ ребятами; всѣ они расположились семьями: гдѣ мужъ съ женой, гдѣ старуха съ снохой. Каждая семья явилась въ гости съ своей чашкой и ложками; радушіе хозяевъ ограничивалось снабженіемъ съѣстнаго; и такъ какъ хозяйка приготовила кисленькаго и солененькаго вволю, а хозяинъ принесъ чѣмъ и ротъ прополоснуть, то гости были очень довольны.... Немолчный говоръ, восклицанія, хохотъ, раздававшіеся вокругъ стола, свидѣтельствовали достаточно довольство присутствующихъ. Но всѣхъ довольнѣе былъ, повидимому, все-таки самъ хозяинъ.

— Александръ Елисѣичь, сватъ! кумушка Матрена Лексѣвна, Кондратій Захарычь!— еще стоканчикъ, милости просимъ, попатужтесь маленько....— кричалъ Савелій, приподымаясь поминутно съ штофомъ въ одной рукѣ, съ стакаиомъ въ другой, и кланялсь поочередно каждому изъ гостей своихъ.— Лександръ Елисѣичь, что жъ ты, откушай,— полно тебѣ отнѣкиваться,— ну хошь пригубь, — прибавилъ онъ, обращаясь настойчивѣе къ мельнику, который пыхтѣлъ, какъ быкъ, взбирающійся на гору.

— О— охъ!— не много ли, примѣрно, будетъ, Савелій Трофимычь,—отвѣчалъ гость; но взялъ однакожъ стаканъ,

Digitized by Google

тягостно возвелъ къ потолку тусклые, водянистые глаза свои, испустилъ страдальческій вздохъ, и проговоривъ: — «Господи, прости намъ прегрѣшенія наши!» выпилъ все до капельки.

— Гости дорогіе, милости просимъ; Данила Левонычь, ты что? аль боишься уста опорочить; пей, да подноси сосѣду,—продолжалъ Савелій, передавая штофъ старостѣ и подмигивая на пономаря, который сидѣлъ раскрывъ ротъ какъ птица, умирающая отъ жажды, что̀ не мѣшало ему однакожъ усердно вертѣть лѣвымъ глазомъ вокругъ мельничихи.—Дядя, а дядя, дядя Щеголевъ! полно тебѣ раздобаривать, успѣешь еще наговориться.... Эхъ, а еще куражился: всѣхъ, говорилъ, положу лоскомъ! что жь ты?!.... Хороберъ видно на словахъ!—заключилъ Савелій, протягивая руку къ сотскому, который разсказывалъ что-то мельнику.

— Подноси, подноси знай, да не обноси, — захрипѣлъ старикашка, заливаясь удушливымъ, разбитымъ смѣхомъ; онъ взялъ стаканъ, бодро привсталъ съ мѣста, произнесъ: «всѣмъ гостямъ на бесѣду и во здравіе!»—выпилъ вино, крикнулъ и постучалъ себя стакаиомъ въ голову.

— Вишь, балагуръ, занятный какой: ай-да Щеголевъ! раздалось со всѣхъ концовъ посреди хохота.

— Такъ, какъ же тяжко, примѣрно, вамъ было въ ту пору? — спросилъ мельникъ, когда усѣлся Щеголевъ.

— А ты думаешь какъ?—возразилъ Щеголевъ, бодрившійся и дѣлавшійся словоохотливѣе по мѣрѣ того, какъ штофы пустѣли, куда жуткопришлось: народъ весь разбѣжался; избы, знаешь ты, супостатъ раззорилъ, очистилъ все до послѣдняго зернышка; сами прохарчились.... захочешь пирожка,—ладно молъ,—льду пососешь, захочешь щецъ, — водицы похлебай, — а другаго чего и не спрашивай!....

— А что, примѣрно, бывалъ самъ въ сраженіи?—перебилъ мельникъ, выставляя впередъ подбородокъ и осѣняя ротъ крестнымъ знаменіемъ.

— И-и.... Александръ Елисѣичь, спросите, гдѣ онъ только не былъ, какихъ сраженій не видалъ, ходилъ подъ Кутузовымъ противъ Француза, — подлинно любопытствія

Digitized by Google

всякаго достойно!—произнесъ пономарь, значительно обводя косыми глазами компанію, и потомъ стараясь снова сосредоточить ихъ на мельничихѣ, которая переминалась на одномъ мѣстѣ, какъ откормленая гусыня.

— Такъ ты Кутузова-то видалъ? сказываютъ, сильный, примѣрно, былъ человѣкъ....—спросилъ мельникъ, глубокомысленно насупивая брови.

— Кутузова-то! воскликнулъ Щеголевъ, заливаясь снова разбитымъ своимъ смѣхомъ и хорохорясь несравненно болѣе прежняго, — а ты думаешь какъ!.... какъ сядетъ бывало на коня.... ухъ!! — ничего, говоритъ, не боюсь! Самъ батюшка Царь его жаловалъ; разъ на паратѣ собственноручно цаловалъ его.... Русакъ былъ, настоящій русакъ! Кутузовъ, говоритъ ему, возьми себѣ за услуги твои Смоленское.... возьми ужъ, говорятъ, и Голенищева въ придачу! Вотъ такъ настоящій былъ воинъ!! Ничего, говоритъ, не боюсь!! куда ни покажется,—такъ лоскомъ и кладетъ супостата,—какъ ты думаешь: самъ на конѣ сидитъ, а надъ нимъ, слышь ты, двуглавый россійской орелъ летитъ.... ничего, говоритъ, не боюсь!!!....

— Ну, а самъ-то ты, самъ, бывалъ въ сраженіяхъ? Страшно чай.... — продолжалъ распрашивать Александръ Елисѣичь.

— Чего страшно!—ничего не страшно: Французъ ли, супостатъ ли.... пали, да и только!! бей его врага супостата! — крикнулъ Щеголевъ, ударивъ кулакомъ по столу.

— Я чай въ пушку ударили? — вымолвилъ пономарь, выглядывая изъ-за мельничихи.

— Въ пушки ударили, въ барабаны забили,—пули и картечи летѣли намъ на встрѣчу! — подхватилъ Щеголевъ, отчаянно потряхивая головою, въ которой начинала уже бродить нескладица.

— Лександръ Елисѣичь, еще стаканчикъ, полно тебѣ спѣсивиться, — откушай! — перебилъ Савелій.

— Нѣтъ, Савелій Трофимычь, надо настоящимъ дѣломъ разсуждать, ей, ей, примѣрно, не по моготѣ....

— Кондратій Захарычь,—милости просимъ!....

Digitized by Google

— Много довольны, кушайте сами; много довольны вашимъ угощеньемъ,—отвѣчалъ пономарь, принимая стаканъ и раскланиваясь на стороны.

— Кума, Матрена Алексѣвна, не обезсудь, просимъ покорно,—продолжалъ хозяинъ, осклабляя зубы на мельничиху, которая сидѣла, понуривъ голову, съ видомъ крайняго изнеможенія,—понатужтесь еще; дай тебѣ Господи долго жить, да съ нами хлѣбъ-соль водить....

Мельничиха допила вино, потупила глаза и прокатила стаканъ по столу, что значило, что она напрямикъ отказывалась.

— Сватъ Данила, угощайтесь, — ну, первинка тебѣ что ли!....

— Такъ и быть, согрѣшу,—обижу свою душу,—выпью, во здравіе и многолѣтіе!!....

— Вотъ такъ-то .. Эй Авдотья, давай перемѣну!—крикнулъ хозяинъ, упираясь спиною и локтями въ толпу, которая чутъ не сидѣла на его шеѣ, и оборачиваясь назадъ къ печкѣ, гдѣ слышался писклявый говоръ бабъ и звяканье горшковъ.

— Сей часъ!!—отозвался пронзительный голосъ, покрывшій на минуту шумъ гостей; вслѣдъ за тѣмъ послышались звуки, похожіе на то, когда ломаютъ щепки, но означавшіе въ сущности, что хозяйка отвѣсила нѣсколько подзатыльниковъ ребятамъ, осаждавшимъ блюда; минуту спустя, изъ середины толпы выступила жена Савелія, сопровождаемая двумя снохами, державшими въ каждой рукѣ по огромной чашкѣ.

— Куманекъ, сватушка, кушайте, угощайтесь, милости просимъ, — кумушка, Матрена Лексѣвна, прикушай, касатка, ты у насъ дорогая гостьюшка,—сказала хозяйка—сухая, высокая баба съ сморщеннымъ лицомъ и провалившимися губами, которыя корчились и сжились, чтобы произвести привѣтливую улыбку,—кушайте, родные вы мои,—не судите хлѣбъ-соль, укланялись, угощаючи васъ,—продолжала она, отвѣшивая маховой поклонъ мельничихѣ, тогда

Digitized by Google

какъ обѣ снохи подставляли чашки гостямъ, сидѣвшимъ съ своими ложками на лавкахъ.

— Много довольны вашимъ хлѣбомъ и солью! спасибо за ласку и угощенье, дай тебѣ и дѣткамъ твоимъ всячеcкаго благополучія отъ Царя небеснаго!.... раздалось отвсюду.

— Авдотья, давай перемѣну!! — крикнулъ снова Савелій, начинавшій покачиваться во всѣ стороны, не смотря на то, что сильно упирался на старосту.

— Кумушка, Матрена Лексѣвна, не побрезгай, возьми хоть орѣшковъ, хоть орѣшковъ возьми.... говорила хозяйка, кланяясь и поднося чашку съ орѣхами мельничихѣ, — возьми, не прогнѣвайся, возьми ужотко дѣткамъ, твоимъ зубки позабавить, себѣ на потѣху....

— Пули и картечи.... летѣли.... къ намъ на встрѣчу! пробормоталъ неожиданно Щеголевъ, поднимая голову.

— Ну, Господь съ тобой, касатикъ, отвѣчала хозяйка, кушай во здравіе!!....

— Авдотья, давай перемѣну!!—крикнулъ снова Савелій.—Эге....ге ... братъ, Щеголевъ, присовокупилъ онъ, размахивая руками передъ сотскимъ, который клевалъ носомъ корку пирога, — что жъ ты хотѣлъ-то всѣхъ лоскомъ положить?!....

— Давай!.... прохрипѣлъ Щеголевъ, болтнувъ головою, какъ будто кто далъ ему подзатыльника, — ничего не боюсь! ... пули ...картечи.... летѣли....

— Эй, Кондратій Захарычь! очень вы тутъ толмачите! заключилъ Савелій, махнувъ рукою и поворачиваясь къ попомарю, который разговаривалъ съ мельникомъ.

— А вотъ, Александръ Елисѣичь разсказывалъ, какой случай вышелъ съ Шушеловскимъ мужикомъ, Кирилой Власовымъ; небось ты его знаешь?....

— Трафилось видѣть,—а что за случай такой?

— Да не сегодня, такъ завтра помретъ, за попомъ посылали ...

— Ой ли, да съ чего такъ?....—спросило нѣсколько голосовъ.

Digitized by Google

— Разскажи, Александръ Елисѣичь,— шепнулъ пономарь, любознательно вглядываясь однимъ глазомъ въ мельника, тогда какъ другой глазъ не менѣе любознательно устремился на мельничиху.

— А вотъ что, — началъ мельникъ, останавливаясь на каждомъ словѣ, чтобы перевести одышку,— недѣли три тому будетъ, пошелъ какъ-то Кирила на Каменскую мельницу; дѣло было къ вечеру, гораздо ужъ смерклось; взялъ, примѣрно, шапку, пошелъ. Пришелъ, примѣрно, на мельницу, помолотился, взялъ мѣшекъ съ мукою и идетъ домой. Время стояло, какъ нынче, мятель, примѣрно, такая буря, зги не видать,— продолжалъ Александръ Елисѣичь, посматривая поочередно то на того, то на другаго, тогда какъ присутствующіе, подстрекаемые любопытствомъ, двигались къ нему и вытягивали шеи;—вотъ сталъ онъ подходить къ лѣсу, миновалъ было половину, вдругъ слышитъ, кто-то кликнулъ его по имени. Кирила Власовъ! зоветъ, примѣрно, какъ словно знакомый какой человѣкъ, либо сродственникъ.... онъ глядь, никого. Въ другой разъ,— онъ опять остановился, — опять никого.... «Кто тамъ?!» крикнулъ;—никто, примѣрно не откликается.... Чтой-то за диво!.... Вотъ онъ опять пошелъ; что ни шагъ ступитъ, зоветъ его кто-то по имени да и полно!.... Вотъ приходитъ онъ домой; сѣлъ, поѣлъ, легъ на печку, не спится.... словно, говоритъ, мутитъ меня стало.... Ну, нечего дѣлать, всталъ это онъ, сѣлъ на лавку и сталъ примѣрно сумлѣваться.... Кто, говоритъ, звалъ меня въ лѣсу?.... Сталъ это онъ такъ то сумлѣваться, вдругъ слышитъ стучатъ въ окно....—«Кто? говоритъ,—кого надыть?....» «Пусти, Власычь, пусти, примѣрно, переночевать!..» отозвалось за окномъ. Какъ услыхалъ, говоритъ, такъ индо по закожью меня и дернуло, вся кровь, говоритъ, запечаталась во мнѣ.... слышу, говоритъ, тотъ же голосъ, что звалъ меня въ лѣсу....

— Подлинно диковинное дѣло и всякаго любопытствія достойно! — произнесъ со вздохомъ пономарь, обращая на этотъ разъ оба глаза на сосѣдку. Но только-что успѣлъ онъ это сдѣлать, какъ оба глаза его вмѣстѣ съ глазами

Digitized by Google

мельника и всѣхъ присутствующихъ устремились въ одно мгновеніе на уличное окно.

Въ окнѣ послышался стукъ.... Всѣ оглянулись и невольно попятились назадъ.

Стукъ въ окнѣ повторился.

— Ну, чего вы!?.... — крикнулъ Савелій, обращаясь къ бабамъ, которыя съ визгомъ побросались въ сторону,—кума! Матрена Лексѣвна! полно тебѣ!—присовокупилъ онъ, вставъ съ мѣста и подталкивая мельничиху, которая повалилась всею своею тяжестію на сотскаго и притиснула долговязыя ноги пономаря, успѣвшаго уже прыгнуть на лавку;—ну чего вы! экъ!—ишь ихъ!.... — Тутъ Савелій повернулся назадъ къ двери, гдѣ происходила какая-то каша, въ которой все двигалось, кричало и тискалось, — куда вы! стойте, я погляжу пойду!....

Савелій сдѣлалъ шагъ къ окну, но стукъ раздался снова, сопровождаемый на этотъ разъ голосомъ, отъ котораго вздрогнули въ самыхъ дальнихъ углахъ избы.

— О-охъ! касатикъ, Савелій Трофимычь, не ходи! съ нами крестная сила!—проговорила хозяйка, вцѣпившись въ мужнину рубаху.

— Кто тамъ?! — крикнулъ, что есть мочи, Савелій, придвигаясь къ окну.

— Про....хо....жій.... — отвѣчалъ дрожащій, прерывающійся голосъ.

— Чего надыть?! — гаркнулъ Савелій.

— Пусти.... перено.... чевать.... озябъ.... — отвѣчалъ голосъ, заглушаемый ревомъ мятели.

— Ступай! ступай! коли ты добрый человѣкъ,—сердито отозвался Савелій, дѣлая еще шагъ къ окну,—ступай, по добру по здорову, много васъ шляется, — проваливай, проваливай.... здѣсь не мѣсто, ступай!.... Эй, Лександръ Елисѣичь, Данило! кума! гости дорогіе! что жъ вы, аль не слышите? чего всполохнулись, — это должно быть какой-нибудь христарадникъ, а вы и взаправду подумали.... садитесь, милости просимъ.... ишь нашелъ время таскаться, да грызть окна....

Digitized by Google

— Да ты, касатикъ, посмотри въ окно!—сказала хозяйка, робко выглядывая изъ толпы.

— Чего смотрѣть! говорятъ те толкомъ, — нищенка!

— Охъ, нѣтъ, родной, нѣтъ, Савелій Трофимычь, обойдика вокругъ двора,—оно вѣрнѣе,—обойди, касатикъ! — раздалось въ толпѣ бабъ.

— Ну пошли.... съ вами не столкуешь!.... эй Лександръ Елисѣичь, сватъ Данило, Кондратій Захарычь,—полно вамъ; кума, Матрена Лексѣвна, просимъ покорно, просимъ не сумлѣваться, — чего вы взаправду переполошились, садитесь—говорилъ Савелій усаживая гостей, которые, не слыша болѣе шума за окномъ, начинали мало по малу оперяться,—Авдотья, давай перемѣну!....

Гости, ободренные окончательно тишиною, водворившеюся за окномъ, усѣлись по прежнему на свои мѣста; мельничиха освободила задыхающагося Щеголева, пономарь завертѣлъ снова лѣвымъ глазомъ вокругъ сосѣдки, на столѣ появились два новые штофа, снохи перемѣнили чашки на ковши съ сусломъ и брагою, и веселая вечеринка, прерванная на время, продолжалась на славу радушнымъ хозяевамъ.

VI.

Ахъ, ты сѣй, мати, мучицу, пеки пироги,
Слава!
Какъ къ тебѣ будутъ гости нечаянные,
Слава!
Какъ нечаянные и незваные....
Слава!
Къ тебѣ будутъ гости, ко мнѣ женихи!....
Слава!

Простонародн. пѣсня.

— Ребята!.... эй!!.... гдѣ вы?! — крикнулъ Гришка Силаевъ, останавливаясь на другомъ концѣ улицы и оглядываясь во всѣ стороны.

Онъ приложилъ указательные пальцы обѣихъ рукъ къ губамъ, испустилъ дребезжащій, пронзительный свистъ и сталъ прислушиваться.

Digitized by Google

— Кто тутъ?—робко отозвалось нѣсколько тоненькихъ голосковъ подлѣ сосѣднихъ воротъ.

Гришка повернулся къ воротамъ и свиснулъ во второй разъ.

— Гришка, ты? — повторили тѣже голоса, и вслѣдъ за тѣмъ изъ-за саней выглянула сначала одна голова, потомъ другая и наконецъ показался парень и нѣсколько дѣвушекъ.

— Я, я, — ступайте сюда, не бойтесь.... кто это? — воскликнулъ Гришка, достигая ихъ однимъ прыжкомъ и принимаясь ощупывать круглое лицо парня; — э-э!! Петрушка Глазунъ!! смотри-ты, куда затесался, — съ дѣвками!!....

— Я нарочно побѣжалъ съ ними.... онѣ, вишь, задумали по домамъ разойдтись....

— Ну, ладно, ладно, пойдемте!....

— Охъ, касатушки, страшно, охъ, дѣвушки, страшно! Гришка, куда ты насъ тащишь? — а ну какъ онять встрѣнется.... — проговорили дѣвушки, прижимаясь другъ къ дружкѣ и боязливо выглядывая изъ-за полушубковъ.

— Ну, вотъ, полно вамъ ломаться, пойдемте; лихъ его, пущай встрѣнется; вы и взаправду думаете лѣшій какой, али вѣдьма....

— Вистимо, — чего бояться, — произнесъ въ сторонѣ мягкой голосъ, по которому всѣ присутствующіе узнали тотчасъ-же Алексѣя каженника, — должно-быть намъ такъ почудилось, а не то вѣрно какой-нибудь побирушка.... — прибавилъ онъ, присоединясь къ толпѣ.

— Айда Алеха! молодца, право слово — молодца! Дѣвки! скажите: съ чего онъ такъ расходился? отколѣ прыть взялась!.... ну идемте что ли?....

И Гришка, сопровождаемый дѣвками, Петрушкой и Алексѣемъ, который еле-еле передвигалъ ноги, запрятанныя въ рукава вывороченнаго полушубка, сталъ пробираться подлѣ избъ.

— Эй, ребята, дѣвки! выходите, — полно вамъ! — кричалъ онъ, останавливаясь поминутно и оглядываясь на стороны.

Digitized by Google

— Кто тамъ?....

— Выходи, — чего спрашиваешь, — ступай, такъ увидишь!

— Да какъ же звать?....

— Зовутъ Зовуткой, а величаютъ уткой!

Раздавался хохотъ, и толпа прибывала новымъ озорникомъ.

Такимъ образомъ, разбѣжавшіеся парни и дѣвки примыкали одинъ за другимъ къ наряженнымъ, и толпа не успѣла дойдти до конца деревни, какъ уже всѣ почти оказались на лицо.

— Чего оглядаетесь на стороны? небось лѣшій-то давно лыжи навострилъ, — такъ испужали его наши дѣвки, — куда прытки голосить!—сказалъ Гришка, останавливая толпу,— ну всѣ-ли здѣсь?.... Бука, ступай сюда; ты, коза, пойдешь слѣдомъ за букой; каженникъ становись здѣсь, я тебя поведу; а за нами баба-яга; баба-яга.... ну поворачивайся, да смотри, не плошай.... —прибавилъ онъ, повертывая за плеча долговязаго парня въ понявѣ съ платкомъ на головѣ и сидящаго верхомъ на помелѣ.

— А куда намъ идти-то? — спросилъ кто-то.

— Сказано къ Савелію.

— Нѣтъ, ребята, — слушай, Гришка; — пойдемте лучше въ другую избу, — туда не проберешься; я было сунулся, — куда-те: въ сѣняхъ народъ стоитъ....

— И то, пойдемте-ка лучше, — коли ужъ идти, пойдемте къ старостѣ, какъ прежде хотѣли, — вымолвилъ Алексѣй.

— Слышь, ребята, слышь, что говоритъ каженникъ; ай-да Алеха! — закричалъ Гришка,—чтой-то, братцы, я замѣтилъ, больно онъ расходился нынче; никогда такого не бывало!.... должно быть не спроста.... Слышь какъ его раззадориваетъ идти къ старостѣ; ужъ не Парашка-ли тому виною.... пойдемъ, да пойдемъ!.... — А ну, быть, какъ сказалъ каженникъ, — качай!.... И Гришка, подпершись въ бока, выступилъ впередъ и запѣлъ приплясывая:

Чижикъ, пыжикъ у воротъ,
Воробышекъ махонькой....
Эхъ, братцы, мало насъ,
Голубчики, немножко!....

Digitized by Google

— Тише, Гришка, что ты орешь, услышитъ старостиха, не пуститъ насъ....

— Небось! мятель гудитъ, — не услышитъ! Смотри, только, ребятушки, не обознаться-бы намъ....

— Ну вотъ, тише, говорятъ; развѣ не видишь, — вотъ и изба....

— Ребята, стой! — шепнулъ Гришка, снова останавливая толпу, — у старосты огонь, поглядите, кто у нихъ въ избѣ, не вернулся-ли хозяинъ?....

— Нѣтъ, вижу! — отвѣчалъ такъ-же тихо Петрушка, взобравшійся на заваленку, — никого нѣтъ; сидятъ старуха да дочь....

— Ладно, подбирайся къ воротамъ; тихонько смотри.... такъ, ладно.... Братцы, никакъ калитка-то заперта.... стой! Кто изъ васъ цѣпкой, — полѣзай черезъ ворота, да сними запоръ.

— Давай я пойду, — сказалъ Алексѣй, двигаясь къ воротамъ.

— Нѣтъ, ты и коза, не трогайтесь съ мѣста; Петрушка, ступай сюда, — шепнулъ Гришка, подставляя спину.

Петрушкѣ чихарда была въ привычку; онъ прыгнулъ на плеча товарища, уцѣпился руками за перекладину воротъ, и минуту спустя, бухнулся въ сугробъ, по ту сторону воротъ. Шестъ, припиравшій калитку, былъ снятъ, и толпа, затаивъ дыханіе, начала пробираться по двору старосты къ крылечку.

— Тссс.... произнесъ Гришка, останавливаясь на крылечкѣ и подымая руку къ верху, — дверь заперта изнутри!.... ничего, молчи, я дѣло справлю: смотрите только, какъ свисну, всѣ за мной въ одну плетеницу, да не робѣй, дружно!

Сказавъ это, онъ ударилъ кулакомъ въ дверь.

Минуту спустя, въ сѣняхъ послышались шаги.

— Кто тамъ? — спросила хозяйка.

— Отворяй! — отвѣчалъ Григорій, поддѣльваясь подъ голосъ старосты.

— Ты, Левонычь?....

Digitized by Google

— Отворяй, говорятъ.... аль не признала! — продолжалъ Гришка, стараясь прикинуться пьянымъ.

Старуха проворчала что-то сквозь зубы и загремѣла запоромъ; вслѣдъ за тѣмъ она выглянула на крылечко, но въ туже секунду подъ самымъ ея ухомъ раздался пронзительный свистъ, и не успѣла она крикнуть, какъ уже толпа ринулась въ сѣни, сшибла ее съ ногъ и ударилась съ визгомъ и хохотомъ въ избу.

— Ай, батюшки, рѣжутъ! ай, касатики, рѣжутъ! — завопила старуха, бросаясь какъ угорѣлая въ уголъ сѣничекъ и забиваясь между корытами и досками....

Страхъ ея не былъ однакожъ продолжителенъ; заслышавъ пѣсни, пляски и хохотъ, раздавшіеся залпомъ въ избѣ, она высвободилась изъ засады и кинулась къ растворенной настежь двери. Увидя толпу наряженныхъ, и дочь, стоявшую посреди ихъ съ веселымъ, смѣющимся лицомъ, старостиха окинула глазами сѣни; но не найдя, вѣроятно, ни кочерги, ни полѣна, метнулась въ избу и прямо повалилась на медвѣдя, который переминался съ ноги на ногу, стоя передъ Парашею.

— Ахъ, ты разбойникъ! ахъ ты окаянный! — взвизгнула она, принимаясь тормошить медвѣдя, который не двигался съ мѣста, не сводилъ глазъ съ дѣвушки, и казалось не замѣчалъ, что происходило вокругъ.

— У..у..у! — захрипѣлъ бука, вынырнувъ неожиданно изъ-за медвѣдя, и ставъ между нимъ и старостихою, простеръ къ ней руки, обернутыя соломой.

— Бя!-бя!-бя! — затрещала коза, дергая се сзади.

— Бу.... у.... у.... ревѣлъ бука, пыряя ее рогами.

— Кудахъ! кудахъ, ррр.... ррр.... зашипѣлъ, откуда ни возмись, журавль, т. е. долговязый, плечистый парень, у котораго рука была притянута къ головѣ и все это окутано было рогожей, — ррр.... присовокупилъ журавль, тыкая ее въ бокъ веретеномъ, изображавшимъ клювъ.

Пострѣлы! черти! собаки! — вопила старостиха, отбиваясь руками и ногами.

— Полно, тетенька, не сердчай, — запищала скороговоркою баба-яга, заметая слѣдъ помеломъ и смѣло наступая

Digitized by Google

на старуху, которая задыхалась отъ злобы, — слушай: загадаю тебѣ загадку: двое идутъ, двое несутъ, а самъ-треть поетъ.... не любо?.... изволь другую: подъ лѣсомъ, лѣсомъ,— пестрые колеса висятъ, дѣвицъ украшаютъ, молодцовъ дразнятъ.... не угадала?.... Серьги, тетенька, серьги....

— Поди прочь, лѣшій! — крикнула старостиха, замахиваясь обѣими руками на бабу-ягу, но оглушенная визгомъ и хохотомъ, въ тужъ минуту обратилась къ толпѣ дѣвушекъ.

— А вы, безстыжія! погоди, постой! о! Грушка Дорофеева, я тебя признала, — ахъ ты, срамница!! — прибавила она, бросаясь на толстенькую дѣвушку, прятавшуюся за подругъ; но Груша нырнула въ толпу, толпа раздвинулась и старостиха прямехонько наткнулась на Гришку, козу и медвѣдя, которые вертѣлись вокругъ ея дочери.

— Ну-ко-сь, Михайло Иванычь, — заговорилъ Гришка, размахивая палкою такъ ловко, что старостиха никакъ не могла приступиться, — потѣшь, покажи господамъ честнымъ и хозяйкѣ дорогой, какъ малые ребята горохъ ворова.... а ... а.... ли.... а, ну, поворачивайся, — крикнулъ онъ, дернувъ за веревку, привязанную къ поясу медвѣдя, который все-таки не двигался съ мѣста и не отрывалъ глазъ отъ Параши, — а ну, ну, полно, аль приворожила тебя красная дѣвушка,.... ну, коза, валяй, начинай!! ... Михайла Ивацычь, чтожъ ты взаправду уставился, не кобенься, кланяйся хозяюшкѣ молодой да въ самыя ножки! — присовокупилъ Гришка, опуская палку на плеча медвѣдя, который на этотъ разъ повалился очень охотно въ ноги Парашѣ, — такъ, ну, коза, живо!!....

Тутъ Гришка, продолжая размахивать палкой, пустился въ присядку вмѣстѣ съ козою, припѣвая скороговоркою:

Антонъ козу ведетъ,
Антонова коза нейдетъ;
А онъ ее подгоняетъ
А она хвостикъ подымаетъ....
Онъ ее возжами,
Она его рогами....

Старостиха кричала, бранилась, но уже никто ее не слушалъ; все вокругъ нее заплясало, завертѣлось, и трудно

Digitized by Google

опредѣлить, чѣмъ бы кончилась потѣха, если бъ въ самомъ разгарѣ суматохи, не раздалось внезапно изъ сѣничекъ:

— Староста идетъ!!....

Казалось, громъ, упавшій въ эту минуту на избу, не произвелъ бы такого дѣйствія на присутствующихъ. Раздался оглушенный визгъ; баба-яга бросила помѣло, Гришка палку, журавль—веретено, и всѣ, перепрыгивая другъ черезъ дружку, какъ бараны, побросались въ дверь, преслѣдуемые старостихою, у которой, откуда ни возмись, явилась въ рукахъ кочерга.

— А! разбойники! что взяли!! что взяли!.... — кричала она, нападаясъ яростію на бѣглецовъ и не замѣчая въ попыхахъ медвѣдя, который запутался въ своихъ овчинахъ, стоялъ посреди избы и оглядывалъ со страхомъ углы и лавки.

— Что взяли!! — продолжала старостиха, врываясь въ сѣни, — Левонычь! Левонычь! держи ихъ, не пущай, смотри.... держи разбойниковъ!!...

Медвѣдь быстро оглянулся на дверь и сбросилъ овчину, покрывавшую ему голову.

— Параша, это я! не бойся.... — произнесъ онъ, обращаясь къ дѣвушкѣ, которая боязливо пятилась къ печкѣ,— спрячь меня! — видитъ Богъ, для одной тебя пришелъ къ вамъ.... слышь, отецъ идетъ?! — прибавилъ онъ, высвобождая одну ногу изъ рукава овчины.

Страхъ Параши прошелъ повидимому тотчасъ же, какъ только медвѣдь показалъ настоящую свою голову. Раздумывать долго нельзя было; голосъ старосты и жены его приближался и слышался уже на крылечкѣ. Надо было на что-нибудь рѣшиться.... Дѣвушка взглянула еще разъ на парня и указала ему подъ лавку. Едва Алексѣй успѣлъ спрятать свои ноги, какъ староста и жена его вошли въ избу. Глаза Даниды блуждали неопредѣленно во всѣ стороны, и вообще на опухшемъ лицѣ его изображалась сильная тревога.

— Ну чего ты уставился, что глаза-то выпучилъ?.... Тьфу! прости Господи,—произнесла старуха, бросая съ сердцемъ кочергу и размахивая передъ мужемъ руками, — кричу ему: держи ихъ, не пущай!....

Digitized by Google

— Охъ.... дай духъ перевести.... мнѣ почудилось.... — перебилъ староста, протирая глаза.

— То-то, съ пьяна-то черти знать тебѣ показались!.... толкомъ говорятъ, — ребята были, чтобъ ихъ собаки поѣли! Пришли, давай, разбойники, все верхъ дномъ вертѣть; содомъ такой подняли проклятые....

— Погоди.... стой! я съ ними справлюсь; ты скажи только, кто да кто былъ,—произнесъ не совсѣмъ твердо староста, у котораго хмѣль отшибалъ нѣсколько языкъ и память.

— Извѣстно, кому больше какъ не Гришкѣ Силаеву; проклятый такой, чтобъ ему....

— Ладно, ладно.... а вѣдь мнѣ почудилось.... У Савелія, слышь ты, таку диковинку разсказывали.... иду я такъ-то домой, втемяшилось мнѣ эвто въ голову.... а тутъ они проклятые понагрянули.... не думалъ ни гадалъ.... да постой, я имъ задамъ завтра таску, особливо Гришкѣ.... я давно запримѣтилъ....

Староста не докончилъ рѣчи; голова его откинулась назадъ, ротъ искривился, глаза выкатились какъ горшки и остановились на одной точкѣ.

Увидя что-то мохнатое, выползавшее изъ-подъ лавки, старуха съ визгомъ вцѣпилась въ мужа. Одна Параша не тронулась съ мѣста; она опустила только зардѣвшее лицо свое и принялась перебирать въ рукахъ край передника.

Алексѣй вышелъ изъ своей прятки и всталъ на ноги.

Данила повалился на лавку; старуха закрыла лицо руками и послѣдовала его примѣру.

— Данило Левонычь, тетушка Анна, не пужайтесь, — это я.... — произнесъ Алексѣй, дѣлая шагъ впередъ.

Заслыша знакомый голосъ, мужъ и жена подняли голову.

— Какъ!!.... ахъ ты, окаянный!! — воскликнула старостиха, мгновенно приходя въ себя, — Левонычь, хватай его!..

— Каженникъ!.... — проговорилъ староста, протирая глаза и тяжело приподымаясь съ мѣста.

— Хватай его, держи! — голосила старуха, принимаясь толкать мужа.

Digitized by Google

— Полноте вамъ сумлѣваться.... — сказалъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ Алексѣй, — я не воръ какой, не убѣгу отъ васъ, самъ дамся въ руки....

— Чего тебѣ надыть?! — заревѣлъ Данило, грозно подходя къ парню.

— А! такъ вотъ какъ! — крикнула старостиха, кидаясь на дочь, такъ вотъ ты какими дѣлами.... погоди, я съ тобой справлюсь!

— Тетушка Анна, не тронь ее.... — сказалъ Алексѣй, становясь между дочерью и матерью; — видитъ Богъ, она не причастна.... я во всемъ причиной, и винюсь передъ вами....

— А вотъ погоди, ты у меня скажешь, за чѣмъ затесался подъ лавку, — вымолвилъ староста, хватая парня.

— Погоди, дядя Данило, постой, незамай, — я винюсь и безъ того.... пришелъ съ ребятами къ тебѣ; думали позабавиться, пѣсни поиграть.... кричатъ: ты идешь.... всѣ вонъ кинулись, я одинъ не поспѣлъ, — вотъ и вся вина моя.... а она, дочь твоя, Данило Левонычь, видитъ Богъ ни въ чемъ не причастна!....

— Да ты, дурень ты этакой, что его слушаешь! — тащи его въ сѣни.... дай ему таску, чтобъ помнилъ впередъ.... тащи его.... ахъ ты, ахаверникъ, каженникъ проклятый!.... постой, я те дамъ знать.... — голосила старостиха, подталкивая Алексѣя въ спину, тогда какъ мужъ тащилъ его въ сѣни,— такъ, такъ, хорошенько ему, разбойнику!!..

Увѣщанія и разговоры были напрасны; староста и жена его стащили бѣднаго Алексѣя на дворъ и вскорѣ послышался шумъ свалки.

— Ну, теперь, я съ тобой поговорю, — начала старостиха, торопливо вбѣгая въ избу, — ахъ ты срамница ты этакая!.... да гдѣ она?.... Парашка!! — крикнула она оглядываясь во всѣ стороны. Увидя дочь, которая стояла на лавочкѣ и просунувшись поясъ въ окно, глядѣла на улицу, старуха пришла въ неописанную ярость.

— Что ты тутъ дѣлаешь? — взвизгнула она, втаскивая ее въ избу и замахиваясь обѣими руками.

Digitized by Google

— Безъ тебя, матушка, постучали въ окно.... я отворила.... какой-то человѣкъ....

— Какой человѣкъ?....

— Должно быть, нищенка....

— Какой тамъ еще лѣшій? — произнесъ староста, входя въ это время въ избу.

— Нищенка, батюшка,—отвѣчала Параша, — просится переночевать....

— А! это должно быть тотъ самый, что стучался къ Савелью, да всѣхъ насъ переполошилъ, — проговорилъ Данило, нетерпѣливо подходя къ окну, въ которомъ мелькнула блѣдная тѣнь человѣка; — погоди же, я тебя выучу таскаться по ночамъ.... Чего тебѣ надо? — крикнулъ онъ, просовывая голову на улицу, — отваливай, отваливай отселева, коли не хочешь, чтобы я проводилъ! Вишъ нашелъ постоялый дворъ; въ какую пору таскаться выдумалъ.... Погоди, я еще узнаю завтра, что ты за человѣкъ такой!.... Ступай, ступай!.... Вишь, взаправду, повадились таскаться,—примолвилъ староста, захлопывая окно,—прогнали съ одного двора чуть не въ зашей, нѣтъ, въ другой лѣзетъ.... И добро бы время какое, — а то мятель, вьюга, стужа.... тутъ и собака, кажись, лежитъ, не шелохнется, а онъ слоняется да окна грызетъ.... поди ты!.... о-охъ! — заключилъ Данила, зѣвая и разваливаясь на печкѣ.

VII.

Мы ходили, мы искали
Коляду, коляду,
По всемъ дворамъ, по проулочкамъ.
Нашли коляду
У Василисина двора.
Здравствуй хозяинъ со хозяюшкой,
На долги вѣка, на многи лѣта!!

Простонародн. пѣсня.

«Вотъ не было тоски и печали!» подумалъ Алексѣй, выходя изъ старостиныхъ воротъ на улицу; «все какъ есть, все теперь пропало! — продолжалъ онъ, равнодушно шагая по сугробамъ и не обращая вниманія на студеный вѣтеръ, который гналъ ему въ лицо цѣлое море снѣгу; — и

Digitized by Google

зачѣмъ было мнѣ попытать свое счастье, зачѣмъ было идти къ нимъ въ избу!?.. Какъ словно не зналъ я, не вѣдалъ,— не вернуть этимъ пропавшаго дѣла. Коли прежде зарокомъ не велѣлп ей молвить слова, — бѣгала она отъ меня какъ отъ волка, теперь, стало, и подавно ждать нечего.... Эхъ, загубилъ я въ конецъ свою голову!....»

Раздумывая такимъ образомъ, онъ не замѣтилъ, какъ очутился подъ воротами своей избенки. Изъ слуховаго окна все еще мелькалъ огонекъ, и Алексѣй, не ожидавшій застать старуху-мать на ногахъ, поспѣшилъ въ избу.

Но старушка предупредила его; она давно сидѣла на сторожкѣ, прислушиваясь къ малѣйшему шуму и шороху. Чуткій слухъ не обманулъ ее. Заслышавъ знакомые шаги, она суетливо поправила платокъ на головѣ, взяла лучину, и прежде чѣмъ сынъ успѣлъ пройдти дворъ, стояла уже въ сѣнничкахъ.

— Охъ, родной мой! куда это ты запропастился? — произнесла она, выбѣгая на крылечко и заслоняя дрожащею ладонью лучинку,—ужъ я ждала, ждала; время, думаю, не доброе, не приключилось ли чего, помилуй Богъ....

— Нѣтъ, матушка, ничего, — весело отвѣчалъ Алексѣй, взбираясь по ступенькамъ.

— То-то, родной.... а я сижу такъ-то да думаю....

И старушка, улучивъ минуту, когда парень прошелъ мимо, перенесла лучину въ лѣвую руку, взглянула на сына, и отвернувшись нѣсколько въ сторону, сотворила крестное знаменіе.

Послѣ этаго она догнала его и оба вошли въ избу.

Избенка была крошечная; стѣны ея, перекосившіяся во многихъ мѣстахъ и прокопченныя дымомъ, были такъ черны, что даже съ помощью лучины едва едва можно было различить что-нибудь въ углахъ. Но не смотря на то, вездѣ, куда только проникалъ глазъ, виднѣлись слѣды заботливости и строгаго порядка; все показывало, что старушка была добрая, радѣльная хозяйка. Ничто не валялось зря,—гдѣ ни попало; все было прибрано къ мѣсту; земляной полъ былъ чисто-начисто выметенъ; и хотя печать бѣдности отражалась на каждомъ предметѣ, но все-таки лачужка Василисы гля-

Digitized by Google

дѣла какъ-то уютнѣе, привѣтливѣе, теплѣе многихъ сосѣднихъ избъ. Наружность самой хозяйки соотвѣтствовала какъ нельзя лучше ея жилищу: это была крошечная, тщедушная старушенка, съ вдавленною грудью, прикрытою толстой, заплаченной, но чистой рубахой. Голова ея, повязанная ветхимъ платкомъ съ длинными концами назади, склонялась постоянно на бокъ, — ни дать ни взять какъ кровля ея избенки. Лицо Василисы было желто и покрыто мелкими, какъ паутина, морщинками, но столько еще веселости отражалось въ ея свѣтлыхъ глазахъ, столько добродушія проглядывало въ потускнѣвшихъ, истертыхъ чертахъ, что нельзя было не полюбить ее съ разу.

Заложивъ въ свѣтецъ лучинку, она тотчасъ же подошла къ сыну.

— Алеша, погляди-ка-сь на меня.... ты словно, касатикъ, не веселъ?....

— Нѣтъ, матушка, право ничего,—отвѣчалъ парень, отходя къ печкѣ и принимаясь развѣшивать на шесткѣ вымокшую овчину.

— Полно, родной, я вижу.... не тотъ ты былъ, какъ пошелъ изъ дому; ужъ не прилучилось ли чего? вымолвила старушка, преслѣдуя сына и устремляя на него пытливый взглядъ.

— Взаправду ничего, — сказалъ Алексѣй, стараясь засмѣяться, — ходилъ съ ребятами по сосѣдямъ, вездѣ пиръ такой, веселье... съ чего кажись быть не веселу!....

— То-то, то-то, касатикъ, съ чего тебѣ кручиниться.... а я такъ-то, сижу да думаю: куда молъ, думаю, запропастился....

— Я, признаться, матушка, не чаялъ, что ты станешь меня дожидаться....

— Ахъ ты, голова, голова,—а то какъ же? Такъ-таки лечь мнѣ да махнуть рукой!.... Вспомни-ка какой нынче вечеръ!... Развѣ ты запамятовалъ, что было у насъ прошлаго года?.... нуткась, ну, раскинь-ка умомъ,—весело перебила она, качая головою и не отрывая глазъ отъ парня.

— Не помню, матушка,—отвѣчалъ Алексѣй, разглаживая волосы.

Digitized by Google

— Не помнишь!.... ахъ ты, голова, голова; а я-то жду да жду его....

— Что жъ такое, матушка?.... видитъ Богъ,не запомню....

— Ну, молчи только, молчи, коли такъ,—сказала она, лукаво подмигивая однимъ глазомъ, — ставь скорѣй свѣтецъ къ столу, да засвѣти новую лучину.

Старушка поправила платокъ на головѣ, повернулась къ сыну спиною и торопливо подошла къ печкѣ.

— А! знаю, знаю!!.... — воскликнулъ Алексѣй, слѣдившій съ любопытствомъ за всѣми движеніями матери,—знаю, ты какъ въ запрошломъ году хочешь кашу вынимать!—примолвилъ онъ, дѣлая шагъ къ старушкѣ, которая неожиданно показалась изъ-за печки съ полновѣснымъ горшкомъ въ рукахъ.

— Молчи, только молчи,—вымолвила она, отклоняя сына локтями и заботливо ставя горшокъ на столъ, — ну теперь садись, да смотри что-то пошлетъ намъ Господь.... Ахъ! родной!.... погляди-ка, погляди, какой полной!.... ностой.... нѣтъ, и не треснулъ нигдѣ, какъ есть нигдѣ!!—радостно говорила она, ощупывая горшокъ, между тѣмъ какъ сынъ разсѣянно и какъ-то принужденно глядѣлъ на все происходившее; — а ну-ка-сь, ну, посмотримъ, что-то скажется....

Тутъ Василиса прильнула еще ближе къ горшку и бережно сняла пѣнку.

— Вотъ не чаяла не гадала!! Ахти, касатикъ, родной ты мой!!—воскликнула она, всплеснувъ руками и взглянувъ на сына, который обнаружилъ тотчасъ же веселость, — погляди-ка красная какая! да разсыпчатая какая!!.. Ахти, родные вы мои, да и полная, полная, — словно и не кипѣла.... а ну, дай-то Господи, кабы сбылось!....

— Что жъ, по твоему, матушка, чему же быть? — спросилъ сынъ.

— А быть, родной ты мой, дѣлу хорошему.... ахъ, кабы Господь пособилъ намъ! — отвѣчала старушка, творя крестъ, — слышь, коли такъ-то, — прибавила она, указывая на горшокъ, — люди добрые, дѣды наши, сказывали, — быть благополучію всему дому, будущій урожай и.... и.... и талантливую дочку!....

Digitized by Google

Алексѣй недовѣрчиво улыбнулся.

Въ самую эту минуту кто-то постучался въ окно.

— Слышалъ, Алеша?.... — спросила старушка, оглядываясь въ ту сторону.

— Никакъ стукнули въ окно, — отвѣчалъ парень, приподымаясь съ лавки.

— Погоди, Алеша.... охъ! съ нами святая сила!.... — сказала старушка, удерживая сына.

— Ничего, матушка, должно быть изъ сосѣдей кто; можетъ статься, нужда какая; постой-ка погляжу.... Кто тамъ?— крикнулъ онъ, прикладывая лицо свое къ окну и стараясь разглядѣть сквозь снѣговое узорочье стекла.

Съ минуту продолжалось молчанье, прерываемое визгомъ мятели, которая люто завывала вокругъ избушки.

— Кто тамъ? — повторилъ Алексѣй.

— Прохожій.... — отвѣчалъ трепещущій, вздрагивающій голосъ,—пустите.... во имя Христово.... — прибавилъ голосъ, дѣлавшій явныя усилія, чтобы внятно произносить слова.

— Слышь?—сказалъ Алексѣй, поворачиваясь къ матери,— вѣрно съ пути сбился, за мятелью, пущай его обогрѣется....

— Охъ, касатикъ,—вымолвила старушка, нерѣшительно взглядывая на окно.

— А чтожь, вѣдь не убудетъ у насъ.... ктому же не помирать ему взаправду на улицѣ.

— Вистимо, родной, не убудетъ.... ну, Господь съ тобой, какъ знаешь, такъ и дѣлай.... покличь его.

— Дядя! а дядя! ступай на дворъ, — крикнулъ Алексѣй, стукнувъ въ окно; погоди, матушка, я выду на дворъ, провожу его, а то и не найдетъ, пожалуй....

Алексѣй набросилъ на плеча овчину и вышелъ на крылечко.

— Дядя! гдѣ ты? сюда ступай!—крикнулъ онъ, поворачиваясь къ воротамъ.

Мятель ревѣла по прежнему; снѣжные хлопья, валившіе со всѣхъ сторонъ, усиливали темноту и безъ того уже мрачной ночи; на дворѣ нельзя даже было различить собственной руки.

Digitized by Google

— Сюда, дѣдушка!.... ступай на голосъ! — продолжалъ кричать парень.

Глухой стонъ отозвался гдѣ-то въ сторонѣ, и минуту спустя, неровные шаги зазвучали на шаткихъ ступеняхъ крылечка.

— Сюда, дѣдушка, сюда.... — сказалъ Алексѣй, входя въ сѣни и отворяя дверь избы, чтобы видно было куда идти, — войди, отогрѣйся....

Прохожій вошелъ въ избу.

Алексѣй взглянулъ на него при свѣтѣ лучины и невольно отступилъ къ матери, которая попятилась къ образамъ и перекрестилась.

Передъ ними стоялъ, едва держась на ногахъ, сѣдой старикъ, лѣтъ семидесяти, — блѣдный и растрепанный, походившій скорѣе на пришлеца съ того свѣта, чѣмъ на живаго человѣка. Страшная худоба изнеможеннаго лица его и блѣдные, совсѣмъ почти бѣлые зрачки, глядѣвшіе мутно и безжизненно, довершали это сходство. Онъ дрожалъ всѣми своими членами; зубы его щелкали; холщевая сума, висѣвшая за его спиною и мерзлыя лохмотья рубища, прикрывавшія тощую его грудь, плеча и ноги, тряслись въ свою очередь, слѣдуя движеніямъ закутаннаго въ нихъ тѣла. Онъ медленно поднялъ окоченѣвшія свои руки, провелъ ими по головѣ, сдѣлалъ шагъ впередъ, хотѣлъ что-то сказать, но рѣчь его вышла нескладна. Онъ глубоко вздохнулъ, ощупалъ невѣрными руками стѣну и опустился въ изнеможеніи на лавочку.

— Что ты, дѣдушка, аль прозябъ добре? посиди, посиди, отогрѣйся; изба у насъ теплая, — сказалъ Алексѣй, въ которомъ страхъ смѣнился жалостливымъ участіемъ. Онъ подошелъ къ старику.

— Вистимо, касатикъ; да ты бы къ печкѣ-то сѣлъ.... — проговорила Василиса, слѣдуя за сыномъ.

Бѣлые зрачки старика устремились какъ-то неопредѣленно на хозяевъ лачужки; онъ снова хотѣлъ что-то сказать и снова дрожавшія губы не повиновались ему; онъ опустилъ голову и принялся ощупывать края лавки и рубище.

Digitized by Google

— Погоди, дѣдушка, я подсоблю, рукп-то у тебя окоченѣли, ничего съ ними не сдѣлаешь.... — произнесъ Алексѣй, видя, что старикъ хотѣлъ освободиться отъ сумы, которая перетягивала ему грудь и плеча;—положи ее на лавочку.... ладно; тебѣ бы лучше разуться, право ну,—скорѣй бы отогрѣлъ ноги.

— Вистимо, касатикъ, разуться, ишь застылъ какъ,— перебила Василиса, качая головою, — разунься, да подь къ столу, я чай съ пути-то поснѣдать хочешь ...

И не дожидаясь отвѣта, она придвинула къ столу лучину и начала хлопотать подлѣ горшковъ.

— Ну, дядя, вставай, повечеряй поди, — сказалъ Алексѣй.

— Ась?....

— Повечеряй поди!—крикнулъ парень, наклоняясь къ его уху,—съ дороги-то, я чай, проголодался.

— Нѣтъ.... охъ.... спасибо, касатикъ.... спасибо.... — простоналъ старикъ, останавливаясь на каждомъ словѣ.

Онъ замоталъ какъ-то безсильно головою, ухватился руками за края лавки, закрылъ глаза и вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ.

— Что жъ ты родной, аль недужится?.... — спросила Василиса, подходя къ прохожему и стараясь вглядѣться ему въ лицо; — знамо, въ таку-то пору, безъ одежы.... тебѣ, родной, попариться бы надыть, да время-то вишь позднее....

Старикъ приложилъ изрытую ладонь къ тощей груди своей и закашлялся; кашлю этому, казалось, конца не было.

— Спасибо.... — проговорилъ онъ, переводя одышку и подымая глаза на хозяйку, — спасибо вамъ.... что пустили....

— И—и—и.... касатикъ, Господь съ тобой! сиди, сиди, обогрѣйся.... да ты бы право поснѣдалъ чего, — кашки, а не то и киселикъ есть у насъ....

— Нѣтъ.... спасибо.... охъ!.... вотъ кабы парень-то твой.... пособилъ.... силъ моихъ нѣтъ....

Онъ хотѣлъ еще что-то прибавить, но слова замерли въ его горлѣ; онъ ощупалъ вокругъ себя мѣсто, придвинулъ суму и медленно сталъ опускаться на лавку.

Digitized by Google

— Не нудь себя, дѣдушка, не нудь,—вымолвилъ Алексѣй, подсобляя старику растянуться на лавкѣ и подкладывая ему подъ голову сумку, — ну, дѣдушка, ладно что-ли?

— Ладно, ладно, спасибо.... родной ... охъ! — проговорилъ старикъ, сжимая губы, чтобы удержать стоны и щелканье зубовъ.

— Ладно, такъ и Христосъ съ тобой; спи, авось ночью переможешься, объ утро легче станетъ.... Я чай и намъ пора, матушка, — примолвилъ парень, обратясь къ матери; но увидя, что она молилась передъ образами, онъ взобрался на печку и началъ раздѣваться.

Не много погодя, старушка затушила лучину и присоединилась къ сыну.

Въ избушкѣ стало тихо....

По мѣрѣ того, однакожъ, какъ тишина и спокойствіе возникали внутри, голосъ бури, незамѣчаемый и забытый посреди разговоровъ и происшествія ночи, поднимался слышнѣе и слышнѣе; ревъ вѣтра, то глухой, какъ похоронное причитанье, то свирѣпый и пронзительный, какъ дикая, разгульная пѣсня, загудѣлъ снова на дворахъ и въ навѣсахъ. Иной разъ, весь этотъ грохотъ мятели падалъ какъ-бы сломанный внезапно на пути своемъ вражескою силой, — воцарялось мертвое молчаніе.... И вдругъ, откуда ни возьмись, летѣли новые вихри, росли, подымались хребтами, вторгались со всѣхъ сторонъ въ проулки, потрясали ворота, навѣсы, и дико рвались вокругъ лачужекъ, какъ бы желая срыть ихъ съ основанія.

Но сколько ни надрывалась буря, сколько ни разсылала она вихрей, — все было напрасно; грозный ревъ не доходилъ, по крайней мѣрѣ, до слуха Василисы; утомленная дневными хлопотами и заботами, старушка не успѣла перекрестить изголовье, какъ уже голова ея склонилась и сладкой сонъ оковалъ утомленные ея члены. Чтожъ касается до Алексѣя, — ему также ни почемъ былъ голосъ вьюги; преданный весь происшествію въ домѣ старосты, — происшествію, которое разрушало въ конецъ его надежды, онъ лежалъ, не смыкая глазъ, и ничего не слышалъ.... Глухой стонъ,

Digitized by Google

раздавшійся на лавкѣ подъ образами, вывелъ его, однакожъ, изъ забывчивости; онъ вспомнилъ присутствіе прохожаго и насторожилъ слухъ.

Стонъ повторился еще протяжнѣе.

— Дѣдушка, что ты? — спросилъ парень, приподымаясь на локтѣ.

— Подь сюда ...

Голосъ, съ какимъ были произнесены эти слова, отозвался почему-то въ самомъ сердцѣ молодаго парня; онъ проворно соскочилъ съ печки, нащупалъ въ потьмахъ свѣчку, зажегъ лучину и подошелъ къ лавкѣ.

Старикъ лежалъ по прежнему въ ростяжку; члены его перестали однакожъ трястись и только бѣлые зрачки его блуждали съ безпокойствомъ вокругъ.

— Что съ тобой, дѣдушка? прихватило, что-ли? — вымолвилъ Алексѣй, нагибаясь къ блѣдному, заостренному лицу старика.

— Гдѣ старуха-то.... я ее не вижу.... она тебѣ мать?— произнесъ больной.

— Мать; а что?.... — спросилъ Алексѣй, котораго невольно начиналъ пронимать страхъ.

— Позови ее сюда.... — отвѣчалъ старикъ едва внятно.

Алексѣй заложилъ въ свѣтецъ лучину, разбудилъ мать, и минуту спустя, оба очутились подлѣ лавки.

— Тетушка,—сказалъ старикъ, обращая тусклый взоръ на Василису, — пришелъ видно мой часъ помирать.... ты и парень твой.... не отогнали меня.... пустили какъ роднаго.... Богъ васъ не оставитъ....

— И-и-и, касатикъ, что ты, опомнись.... старѣе да хворѣе тебя живутъ.... полно, — Богъ милостивъ!..

— Нѣтъ, тетка, чую—смерть пришла.... спасибо вамъ.... охъ.... не дали помереть на улицѣ.... будьте же до конца родными мнѣ.... никого у меня нѣтъ.... все мое.... добро....

Онъ отвелъ глаза отъ старухи и остановился.

— И-и-и, касатикъ, на что намъ добро твое, мы не изъ корысти какой пустили тебя; мы, касатикъ, и своимъ довольны, благодаримъ Царя небеспаго!...

Digitized by Google

больной снова устремилъ потухающій взоръ на старуху, хотѣлъ что-то сказать, но снова остановился. Видно было, что въ душѣ его происходила борьба между желаніемъ высвободить какую-то тайну и страхомъ сообщить ее слишкомъ рано. Прошло нѣсколько минутъ тягостнаго ожиданія для Василисы и ея сына, которые стояли, прикованные страхомъ, и не сводили глазъ съ старика. Едва слышный стонъ вырвался наконецъ изъ груди его; онъ приподнялъ длинныя, сухія руки, вперилъ полуоткрытые глаза на старуху и произнесъ отрывисто:

— Пошли.... сына въ село.... Аблезино.... тамъ.... за рощей.... подлѣ громоваго колодца.... дупло.... зарыта ку.... кубышка, — двадцать лѣтъ копилъ!.. никому только.... не сказывай.... — продолжалъ онъ ослабѣвающимъ голосомъ, — вы меня.... призрѣли.... возьмите.... за добро ваше.... Господи! прости прегрѣшенія.... охъ!....

— Касатикъ, дѣдушка! что ты,— очнись!! Христосъ съ тобой, кормилецъ, слышь: не сбѣгать ли парню за попомъ?.... — крикнули въ одно время Василиса и сынъ ея.

Старикъ скрестилъ руки на груди, потянулся и закрылъ глаза.

Василиса и сынъ ея бросились къ лучинѣ.

Когда они вернулись къ лавкѣ и взглянули при трепетномъ свѣтѣ угасающей лучины въ лицо прохожему, — онъ былъ уже мертвъ.

VIII.

Катилося зерно по бархату,
Слава!
Еще лито зерно бурмицкое,
Слава!
Прикатилося зерно ко яхонту,
Слава!
Купенъ жемчугъ съ яхонтомъ,
Слава!
Хорошъ молодякъ съ молодкою!
Слава!
Простонародн. пѣсня.

Зима прошла давнымъ давно; о вьюгахъ и мятеляхъ и помину не было въ нашей деревушкѣ. Мужички только-что поубрались съ хлѣбцемъ и откосились. Улица, заметенная когда-

Digitized by Google

то сугробами снѣга, представляла теперь самое оживленное и веселое зрѣлище. Повсюду толпился народъ; въ околоткѣ деревень было не мало и по принятому обыкновенію взаимнаго угощенія на храмовыхъ праздникахъ, всѣ окрестные обыватели сошлись и съѣхались къ сосѣдямъ

Время выдалось къ тому самое пригодное: день былъ прекрасный; на небѣ ни облачка, въ воздухѣ стояла такая затишь, что осиновый листъ не шелыхался. Все располагало къ веселью. И нельзя впрочемъ было жаловаться, — веселились изрядно! Пѣсни, крики, шумъ, несвязный говоръ, — раздавались со всѣхъ сторонъ, лучше чѣмъ на иномъ базарѣ. Красныя рубашки, шапки съ заломомъ, повитыя цвѣтами, желтые и алые платки, понявы,—сіяли такимъ ослѣпительнымъ блескомъ, что даже и у трезвыхъ рябило въ глазахъ. Шумъ, носившійся надъ деревней, переходилъ постепенно изъ одного конца въ другой; то подымался онъ вокругъ рогожнаго навѣса купца съ краснымъ товаромъ, расположившагося подлѣ часовни у колодца, то вдругъ неожиданно сосредоточивался на серединѣ улицы, гдѣ водили хороводы.... Звонкая, оглушительная, дребезжащая пѣсня охватывала на минуту всю деревню и снова все это заглушалось ревомъ, визгомъ и хохотомъ, раздававшимся внезапно изъ толпы фабричныхъ, глазѣвшихъ, какъ боролись два дюжіе батрака съ ближайшихъ мельницъ.

Время подходило уже къ вечеру, — когда знакомый нашъ Савелій Трофимычь вышелъ на крылечко своей избы, сопровождаемый пономаремъ и сотскимъ.

— Ну, Кондратій Захарычь, не взыщи за угощенье, чѣмъ богаты, тѣмъ и рады, годъ выдался плохой, наказалъ насъ Господь,.... не взыщи,—уклонялись, видитъ Богъ, уклонялись, — сказалъ Савелій, принимаясь обнимать пономаря.

— Много довольны ... много.... дай Богъ вѣкъ съ тобой хлѣбъ-соль водить!.... — отвѣчалъ гость, утирая обшлагомъ рукава слѣды поцѣлуевъ радушнаго хозяина.

— Не взыщи и ты, — ничего не жалѣли для дорогаго гостя,—продолжалъ Савелій, обращаясь къ сотскому, который слѣдовалъ сзади и зажмуривъ глаза, придерживался къ стѣнкѣ

Digitized by Google

Но Щеголевъ, вмѣсто отвѣта, покачнулся въ сторону, приложилъ ладонь къ правой щекѣ, осклабилъ беззубыя свои десна и запѣлъ хриплымъ голосомъ:

Охъ, плыла-а — утка!
Плы-ла ут-ка....
Вдоль по-морю....

— Полно, Щеголевъ.... полно-же, замѣтилъ съ укоромъ пономарь, удерживая соцкаго, который, очутившись на дворѣ, чуть было не клюнулся на порожнюю телѣгу. —

— Незамай его, Кондратій Захарычь, нонѣ всѣ у насъ въ росхмѣль ... слышь какъ потѣшаются?.... Ты куда, Кондратій Захарычь? спросилъ Савелій, останавливаясь надъ воротами,

— На навоселье....

— Ой-ли? къ кому?....

— Къ Алексѣю; какъ шелъ къ тебѣ, встрѣтился я съ нимъ, — звалъ подъ вечеръ.

— Пойдемъ вмѣстѣ; онъ и меня звалъ;.... а развѣ ты не былъ у него?

— Нѣтъ, не привелось

— Такъ стало и избы его не видалъ.... Ну ужъ вотъ такъ изба, Кондратій Захарычь.... такой кажись во всемъ околодкѣ нѣту,

— Слыхалъ, слыхалъ; да гдѣжъ видѣть: я съ самой зимы, — помнишь у тебя угощались, — съ той поры не навѣдывался къ вамъ въ деревню.

— Двѣсти рублевъ за избу-то далъ....

— Сказывали мнѣ, отвѣчалъ пономарь, придерживая Щеголева, который совершенно неожиданно приткнулся къ нему спиною; — правда-ли, Савелій Трофимычь, говорятъ, нищенка-то отговорилъ ему тысячу рублевъ?!....

— Нѣтъ, тысячу не тысячу, а вѣрныхъ четыреста.... да нешто этого мало?

— Скажи на милость, какое дѣло! Сказывали, случилось то въ ту самую пору, какъ мы у тебя пировали, — въ Васильевъ вечеръ, помнишь,—кто-то еще стукнулъ въ окно?

— Ну вотъ поди жъ ты! Эка дурость напала тогда на насъ!.... Вѣдь стучалъ да просился тотъ же нищенка;

Digitized by Google

а намъ съ пьяну-то показалось и невѣсть что.... Стучалъ это онъ по всѣмъ дворамъ, ходилъ, ходилъ, да и набрелъ на Василисину избу, — тѣ его и пустили.... Пришла ночь; полеглись, — вотъ и сталъ онъ отходить. «Такъ и такъ, говоритъ, вы, говоритъ, меня не отогнали,—вамъ и добро мое....» Повѣдалъ имъ, гдѣ и какъ найдти.... Вступились было за эвто дѣло, анъ нѣтъ; Аблезинской баринъ все какъ есть велѣлъ передать Алексѣю, и нашему барину повѣстилъ, — все имъ досталось!....

— Подлинно диковинное дѣло и всяческаго любопытствія достойно,—перебилъ пономарь, пожимая плечами и подымая брови, — скажи на милость, Савелій Трофимычь, какъ же это староста-то вашъ подался?.... сказывали, былъ онъ въ ссорѣ съ ихъ домомъ,—знать этого, говоритъ, не хочу!....

— Да, мало ли что говорилъ онъ.... корячился, пока у Алексѣя гроша не было; а какъ пронюхалъ, какъ довѣдался, такъ и перечить не сталъ; каженникъ, да каженникъ, — только бывало и слышно.... а тутъ обрадовались, пошли вертѣть хвостомъ.... оглянуться не успѣли, какъ они свадьбу сыграли....

— Гдѣ свадьба?!.. какая свадьба?.... пойдемъ!....—прохрипѣлъ неожиданно Щеголевъ, насовываясь на Савелія; — дядя Савелій.... а дядя Сав.... ты мнѣ теска.... Много довольны, вотъ какъ передъ Богомъ.... много довольны.... — продолжалъ онъ, протягивая руки, чтобъ обнять теску, но потерялъ равновѣсіе и рухнулся на пономаря.

— Экъ его охочь до винца!—произнесъ, смѣясь, Кондратій Захарычь, прислоняя сотскаго къ воротамъ.

— Куды-те, замѣтилъ Савелій, — другой выпьетъ, — какъ платкомъ утретъ, а этотъ словно огнемъ выжигаетъ; ну да Господь съ нимъ, мы, Кондратій Захарычь, на улицѣ-то затеряемъ его въ народѣ; я его не звалъ, самъ назвался ко мнѣ, — съ нимъ только провозишься.... Щеголевъ! пойдемъ съ нами! крикнулъ Савелій, взявъ сотскаго подъ руку.

Пономарь подхватилъ его подъ другую руку, всѣ трое выбрались за ворота и вскорѣ замѣшались въ толпѣ.

Digitized by Google

— А! Данила Левонычь, ты ли это!? — воскликнулъ пономарь, отступая передъ высокимъ мужикомъ съ желтою бородою, желтымъ лицомъ и желтыми волосами.

— Здорово, Кондратій Захарычь, — отвѣчалъ староста, слегка приподымая шапку, — чему ты дивуешься, — не призналъ?

— Да кто тебя признаетъ, вишь какъ перемѣнился, что съ тобой, — хвораешь что ли?....

— Что станешь дѣлать! — отвѣчалъ староста, махнувъ рукою,—такая-то бѣда стряслась на меня,—бьетъ лихоманка окаянная да и полно, — вотъ почитай четыре мѣсяца, али пять,—съ самыхъ святокъ.... весь домъ съ ногъ сбила, всѣхъ даже ребятъ перебрало.... а старуху мою такъ повернула, что о-сю пору ногъ не переведетъ!

— Поди жъ ты; съ чего бы быть такому?

— Тебѣ бы, Данила Левонычь,—я говорилъ тогда,—надыть поворожить на Васильевъ вечеръ,—не упустить этого дѣла ... вотъ хозяйка моя позвала Домну, велѣла ей смыть лихоманку, — такъ ничего,.... помиловала, и не слыхать совсѣмъ.

— Была она и у насъ, Домна-то,—чтобъ ее черти ѣли,—да ничего не пособило,—знать ужъ такъ Господь Богъ наслалъ за грѣхи наши,—отвѣчалъ староста, зѣвнувъ и перекрестивъ ротъ.

— Ну прощай, Данило Левонычь!

— Вы куда?....

— Къ твоему зятю, — звалъ на новоселье.

— А ты куда?—спросилъ Данило, обращаясь къ Савелью.

— И я туда же.

— Ступайте!—отвѣчалъ староста, поворачиваясь къ нимъ спиною.

Немного погодя, Савелій и пономарь пробились сквозь толпу, вышли на другой конецъ улицы и завернули въ узенькой переулокъ, залитый свѣтомъ заходящаго солнца.

Посереди переулка, между широкимъ сараемъ и плетнемъ, изъ-за котораго сквозь густыя вѣтви рябины выгля-

Digitized by Google

дывала верхушка скирды, — подымалась высокая сосновая изба съ крытымъ крылечкомъ и бѣлою трубою. Окна, ворота, убитыя гвоздями съ жестяными головками, окраины крыши, вплоть до деревяннаго конька на макушкѣ, были обшиты словно полотенцо, вычурными, рѣзными подизями, горѣвшими на солнцѣ какъ вылитые изъ золота. Двѣ-три тучныя, темнозеленыя вѣтки рябины, усѣянныя красными гроздами дозрѣвшаго плода, высунувшись нѣсколько впередъ, набрасывали косвенно густую, зубчатую тѣнь на лѣвый уголъ избы и заслоняли одно окно; но это служило только къ выгодѣ другаго окна, хвастливо выказывавшаго свой ставень съ ярко намалеванными цвѣтами, и всѣ четыре стекла, въ которыхъ играли и дробились послѣднія вспышки потухающаго дня.

На ступеняхъ крылечка сидѣла Василиса въ синей поддевкѣ изъ домотканной крашенины, въ новомъ платкѣ, повязанномъ врозь-концы; подлѣ нея стоялъ Алексѣй въ темномъ кафтанѣ, небрежно висѣвшемъ на плечахъ, въ красной, александрійской рубахѣ. Но непокорные глаза пономаря окончательно разбѣжались, когда онъ взглянулъ на Парашу, которая стояла, подпершись круглыми локтями на перила и опустивъ немного голову. И въ самомъ дѣлѣ, — способствовала ли къ тому бѣлая коленкоровая рубашка, обшитая на плечахъ красными городочками и ловко обхватывающая полную грудь, или алый платокъ, повитый вокругъ смуглаго ея личика, — но только трудно было узнать въ ней прежнюю дѣвушку. Кондратій Захарычь не успѣлъ навести оба глаза на Савелія и сообщить ему свои замѣчанія, — какъ уже съ крылечка замѣтили приближающихся гостей и спѣшили къ нимъ на встрѣчу.

— Кондратій Захарычь, Савелій Трофимычь, — куда это вы запропастились?!.... ужъ мы ждали васъ, поджидали!.... сказалъ Алексѣй, раскланиваясь передъ каждымъ гостемъ.

— А вотъ.... Савелій Трофимычь задержалъ; я бы къ вамъ давно понавѣдался.... — отвѣчалъ пономарь, приподымая шляпу и дѣлая тщетныя усилія, чтобы оторвать лѣвый глазъ съ запонки на груди Параши.

Digitized by Google

— Ну, кумъ, свалилъ на меня вину...., — произнесъ самодовольно смѣясь Савелій, — такъ и быть, беру грѣхъ на свою душу!!.... авось не посерчаютъ....

— Что жъ вы стоите, гости дорогіе?.... сказала Василиса, низко кланяясь, — войдите, милости просимъ, войдите, касатики....

— И-то, и-то.... — вымолвилъ Савелій, разглаживая бороду, — вѣдь мы къ вамъ на новоселье пришли....

— Милости просимъ, милости просимъ, рады вамъ!.... заключили Алексѣй и Параша, сторонясь, чтобы дать имъ дорогу.

Кондратій Захарычь сдѣлалъ неимовѣрное усиліе, — оторвалъ оба глаза отъ запонки, устремилъ ихъ на крылечко, и сопровождаемый Савеліемъ и хозяевами, вошелъ въ избу.

Д. Григоровичъ.

Digitized by Google

ДОСТОВѢРНѢЕ ЛИ СТАНОВИТСЯ ИСТОРІЯ?

Записка, представленная въ Академію Наукъ, Президентомъ ея Графомъ Сергѣемъ Семеновичемъ Уваровымъ.

Лекціи Вильмена о литературѣ останутся на всегда образцомъ вкуса, литературной прозорливости и учености. Въ одной изъ этихъ превосходныхъ лекцій, авторъ выражаетъ свое мнѣніе, что есть три главные вида исторіи: гадательная (древнихъ временъ), критическая или ученая, и, какъ называетъ знаменитый писатель, исторія полная, придавая послѣднее названіе временамъ новѣйшимъ, т. е. всему пространству времени отъ XV вѣка и изобрѣтенія книгопечатанія. «Съ этого времени» — говоритъ г. Вильмен — «образованіе достигло до значительной степени, хотя и не изгладились еще нѣкоторые слѣды варварства, пособія науки размножились достаточно, всѣ событія въ жизни народовъ записаны довольно тщательно и исправно, такъ что здравый смыслъ, съ помощью труда, въ состояніи открывать истину: съ этого-же времени степень достовѣрности въ событіяхъ сдѣлала для писателя однимъ изъ главныхъ условій — многочисленность подробностей.

Такое опредѣленіе новѣйшей исторіи, кажется мнѣ, вызываетъ не одно немаловажное возраженіе. Нѣтъ сомнѣнія, что исторія древнихъ временъ основана на догадкахъ: она скорѣе дѣло вѣры, нежели обсужденія. За то и вынуждены мы допустить ее едва ли не въ томъ видѣ, въ какомъ построили намъ ее поэты, историки и риторы. Прилагать къ временамъ отдаленнымъ новѣйшую критику — дѣло такой учености, въ которой отдаютъ себѣ отчетъ одни посвя-

Digitized by Google

щенные въ науку; но если смотрѣть на исторію со стороны ея отношеній ко всему образованію, какъ духовной пищѣ для большинства, если видѣть въ ней цѣпь преданій, переходящихъ изъ рода въ родъ, и навсегда запечатлѣвающихся въ памяти народовъ, не трудно, по моему, удостовѣриться, что для нихъ условія новой исторіи тѣ же, что условія древнѣйшей для ученыхъ. Человѣческому уму, склонному къ синтезу, прирожденъ инстинктъ — стремиться къ положительному въ пріобрѣтенныхъ познаніяхъ, и охотно подчиняться утвердившемуся мнѣнію, хотя бы условному. Къ чему повели огромные труды Нибура, который, безъ малѣйшихъ, да и невозможныхъ, возраженій, разрушилъ всѣ основанія Римской исторіи? Они заняли трудолюбивые досуги весьма ограниченнаго числа критиковъ, заслужили ихъ одобреніе, и только.... Въ чемъ результатъ критики Ф. А. Вольфа на Гомера, этой во всѣхъ отношеніяхъ удивительной критики, гдѣ даровитѣйшій изъ издателей Гомера такъ побѣдоносно подвергаетъ ученому разложенію сомнительную личность поэта, очистивъ предварительно его текстъ? Ни одинъ филологъ не осмѣлится бороться съ Вольфомъ, но послѣ столькихъ ученыхъ работъ, оставшихся безъ отвѣта, вопросъ не подвинулся ни на шагъ: ни Ромулъ, ни Гомеръ не вычеркнуты изъ списка людей, нѣкогда живщихъ; они живутъ въ воображеніи большинства, какъ будто бы эти два критика и ничего не писали. Самые ученые, свидѣтели безуспѣшности или малоуспѣшности этого строгаго приложенія анализа, казалось, усомнились въ пользѣ обширныхъ изслѣдованій. Въ ихъ глазахъ, Гомеръ все таки Гомеръ, жилъ ли онъ когда или нѣтъ; для нихъ не важно — представляетъ ли это слово школу, или оно — имя одного человѣка, автора Иліады. Точно такъ-же мужи истинной науки, когда восходятъ къ началу Рима, не раздумывая употребляютъ обычныя формы историческихъ данныхъ: они не позволяютъ себѣ педантически отвергать все предшествующее Пуническимъ войнамъ, и, не колеблясь, говорятъ о Нумѣ и Горацiѣ Коклесѣ, какъ говорятъ о Гомерѣ и о преданіяхъ, связанныхъ съ его именемъ. И, конечно, не най-

Digitized by Google

дется ни одного ревнителя науки, который бы не предпочелъ дюжины неизданныхъ стиховъ Иліады, или отысканной страницы Тита Ливія, всевозможнымъ критическимъ пыткамъ, разрушающимъ существованіе поэта, или подлинность историка.

И такъ, если степень достовѣрности древней исторіи подчинена условіямъ причудливымъ, подъ вліяніемъ которыхъ вѣроятное дѣлается вѣрнымъ, а критическій анализъ, самый совершенный, едва вскрываетъ ихъ,—разсмотримъ же новыя условія новѣйшей исторіи, и взглянемъ, на сколько средства изъ нихъ вытекающія увеличиваютъ ея достовѣрность. Неоспоримо, что источники исторіи, со времени книгопечатанія, сдѣлались несмѣтны; критика была и настойчива и искусна, событія записывались съ мелочною точностью; но болѣе ли обезпечена ихъ достовѣрность? Такой порядокъ вещей благопріятствуетъ ли отысканію истины лучше прежняго? Ближе ли мы наконецъ къ свѣту?

Вопросъ этотъ, такъ же какъ и предыдущій, представляетъ двѣ стороны, совершенно различныя; съ одной видимъ доблестный трудъ историка, посвящающаго себя на то, чтобы распутать этотъ страшный хаосъ данныхъ обильныхъ, но пристрастныхъ, и противорѣчащихъ между собою; съ другой не знаемъ, что еще приметъ изъ этихъ изысканій вѣрованіе народовъ, и что изъ нихъ дѣйствительно взойдетъ въ область общихъ познаній. Я позволяю себѣ думать, что въ противоположность историку древности, историкъ новѣйшій, въ многочисленности подробностей, въ безконечномъ разнообразіи источниковъ, и сверхъ того въ современномъ настроеніи умовъ, встрѣчаетъ препятствія, одолѣть которыя не всегда въ его власти. Страсть нашего вѣка къ разъединяющему анализу, ненависть ко всякому синтезу, религіозному, историческому или нравственному, совершенное отсутствіе вѣры, распространенное и на область дѣйствительности, болѣе или менѣе таинственной — все это вмѣстѣ представляетъ затрудненія, которыхъ не знали древніе, и которыя, по малой мѣрѣ, равняются недостатку въ достовѣрныхъ источникахъ и исторической критикѣ для временъ отдаленныхъ; этотъ недостатокъ, находившій свое воспол-

Digitized by Google

неніе въ искреннихъ убѣжденіяхъ, отчасти исчезалъ передъ могущественнымъ авторитетомъ историка, всякій разъ, когда его повѣствованія, особенно драматическія, отвѣчали религіознымъ вѣрованіямъ, простодушной вѣрѣ младенческихъ народовъ, и даже ихъ наслѣдственнымъ предразсудкамъ. Исторія, наравнѣ съ религіею и поэзіею, имѣла у древнихъ одно, общее начало: ея досточтимымъ органомъ и, въ нѣкоторомъ смыслѣ, божественнымъ, былъ всегда одинъ и тотъ же *Vates*; поэтому нельзя разсѣять преданій, окружающихъ колыбель Греческой поэзіи и основаніе Рима, не разрушивъ въ то же время всего синтеза древности, какимъ является онъ въ своей общепринятой формѣ, исключающей всякую другую. Короче, каждый изъ насъ воленъ опровергать истину древней исторіи, но съ условіемъ — вовсе безъ нея обходиться. Можно отрицать ее, но замѣнить ее не чѣмъ.

Съ XV вѣка, все измѣняется: не только событія принимаютъ иной характеръ, но и раждаются во множествѣ идеи, которыя сильнѣе событій, и сообщаютъ образованію новое направленіе: религіозныя, правительственныя, литературныя, художественныя, торговыя, онѣ не останавливаются ни передъ чѣмъ предшествовавшимъ, и, въ своей безпредѣльной отвагѣ, нападаютъ уже и на основанія авторитета во всемъ. Книгопечатаніе благопріятствуетъ этому страннному порыву: множество умовъ увлекается въ этомъ новомъ потокѣ. Богословіе, философія, исторія, юриспруденція, науки естественныя и политическія—все въ одно время и рождается и разлагается. Неутомимое любопытство, подстрекаемое самыми пылкими страстями, бросается на обширную область вѣдѣнія, какъ бы впервые разоблаченную. XV столѣтіе одно являетъ собою великій переломъ въ человѣческомъ умѣ; но что дѣлать историку, или, точнѣе, что сдѣлали историки, писавшіе объ этомъ времени, для того, чтобы открыть истину, или, покрайней мѣрѣ, подойдти къ ней среди этого безначалія человѣческой мысли? Гдѣ тотъ писатель, который бы съумѣлъ снять вѣрное изображеніе съ Реформаціи, и нарисовать ея картину болѣе или менѣе прагматически?

Digitized by Google

И есть ли возможность, среди несмѣтной массы взаимныхъ обвиненій, уликъ неистовыхъ, очевидныхъ клеветъ и узаконенныхъ басенъ, держать историку вѣсы правосудія и обнимать совокупность великаго переворота? Современному историку, съ перваго шага несущему на себѣ всю тяжесть закона самаго безусловнаго безпристрастія, предоставлено допрашивать только свидѣтелей, пристрастныхъ до нелѣпости; напрасно сталъ бы онъ искать средства согласить ихъ, добиваться исторической середины: нѣтъ возможнаго примиренія между показаніями партій, тѣмъ болѣе искренними, что онѣ гордятся своимъ фанатизмомъ, и что вся ихъ заслуга въ страсти, ихъ одушевляющей. Нѣтъ сомнѣнія — важные труды уже разобраны съ особеннымъ вниманіемъ, совершены удивительныя изслѣдованія, другіе источники только ждутъ изыскателей, но какое сочиненіе о Реформаціи, явившееся въ два послѣднія столѣтія, открыло историческую истину въ томъ видѣ, въ какомъ требуемъ мы ея теперь? Мы имѣли до сихъ поръ, отъ той ли, отъ другой ли партіи, или одни *facta*, или извлеченія въ родѣ Вольтеровыхъ или Юмовыхъ, чрезвычайно забавныя, но безъ заботы объ истинѣ, и таково, надо замѣтить, неминуемое слѣдствіе обязанности, возложенной на историка, быть безпристрастнымъ во что бы то ни стало. Отсюда этотъ историческій скептицизмъ, послѣдняя форма новѣйшей исторіи, форма наиболѣе сообразная съ духомъ сомнѣнія, овладѣвшимъ и идеями и убѣжденіями; отсюда — или недобросовѣстныя апологіи въ пользу той или другой проигранной тяжбы, или сокращенныя обозрѣнія, въ которыхъ все распредѣлено по порядку чиселъ, методически раздѣлено на главы, но гдѣ недостаетъ положительной оцѣнки, а убѣжденіе писателя заглушено страхомъ высказать нравственное правило— форма исторіи тѣмъ болѣе опасная, что она, болѣе или менѣе непосредственно, ведетъ къ отрицанію добра и зла, исключаетъ изъ исторіи Провидѣніе, и замѣняетъ великіе законы общественнаго порядка Богъ знаетъ какимъ искусственнымъ механизмомъ, рожденнымъ отъ случая и унижающимъ достоинство человѣка, у котораго отнимаетъ его лучшія надежды.

Digitized by Google

Но можетъ быть, возразятъ мнѣ, свѣтъ яснѣетъ по мѣрѣ того, какъ происшествія приближаются къ исторіку. Такъ ли это съ Французскою революціею, величайшимъ и послѣднимъ изъ событій, котораго наше поколѣніе по большей части было свидѣтелемъ, и которое остальные узнали изъ первыхъ устъ? Въ несмѣтной грудѣ сочиненій о революціи, сочиненій разныхъ видовъ, цвѣтовъ и мнѣній, нашлась ли, до сихъ поръ, хоть одна путеводная нить, коею могъ бы безбоязненно воспользоваться добросовѣстный историкъ, задумавшій воспроизвесть достопримѣчательную эпоху, о которой было сказано, написано и напечатано все, и которой ни малѣйшая подробность не была умолчана отъ публики? Совсѣмъ напротивъ: мракъ, повидимому, увеличивается по мѣрѣ того, какъ увеличивается число издаваемыхъ сочиненій. Скептицизмъ съ каждымъ мгновеніемъ принимаетъ характеръ болѣе рѣшительный среди преній, противорѣчащихъ одно другому, но не ведущихъ ни къ какому заключенію, — свидѣтельствъ до-нельзя противоположныхъ, а въ особенности безразсудныхъ софизмовъ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе накопляемыхъ по произволу необузданнаго воображенія компиляторовъ. Не говоря уже о той постыдной игрѣ ума, съ помощью которой иные любятъ обращать эту колоссальную и кровавую трагедію въ тему самыхъ неожиданныхъ панегириковъ, нельзя не замѣтить, что положительно ни одно событіе этой эпохи, ни одинъ характеръ, ни одна правительственная мѣра, не приняты безъ возраженія, не рѣшены безъ ограниченія. Все, до послѣдней фазы революціи, было передѣлываемо произвольно, и искажается съ каждымъ днемъ больше и больше. Посмотрите, что сдѣлали изъ Наполеона. Изъ генія мощнаго, но крутаго и полудикаго, изъ отъявленнаго врага революціи, изъ плотной, могучей фигуры, изъ ума положительнаго и абсолютнаго, сдѣлали проповѣдника либеральныхъ идей, апостола демократіи, символическое лицо, наконецъ миѳъ, годный развѣ занять мѣсто между туманными привидѣніями Оссіана. Предъ глазами нашими росла и распространялась эта историческая фантасмагорія; и нынѣ у насъ

Digitized by Google

два Наполеона, совершенно различные, одинъ выработанный для народа изъ пѣсенъ Беранжѣ и разсказовъ Марко де-Сентъ-Илера; другой, со всѣми его славными качествами и не менѣе славными заблужденіями, тоже еще живъ покуда въ памяти современниковъ или въ зрѣлой оцѣнкѣ степенныхъ умовъ, свыкшихся съ спокойнымъ изученіемъ дѣлъ человѣческихъ; но послѣдній уже блѣднѣетъ передъ первымъ, и вѣроятно, что черезъ сто лѣтъ Наполеонъ-миѳъ или революціонеръ, Наполеонъ-Геркулесъ или богъ солнце, перевѣситъ въ толпѣ всякое другое убѣжденіе, невзирая на сопротивленіе исторической критики, которое въ то время ограничится небольшимъ числомъ адептовъ, быть можетъ, не превышающимъ числа нынѣшнихъ послѣдователей Вольфа и Нибура.

Послѣ этихъ двухъ разительныхъ примѣровъ, взятыхъ на удачу изъ множества другихъ, можно предложить себѣ вопросъ: подвигается ли дѣйствительно впередъ достовѣрность исторіи отъ того, что съ XV-го столѣтія все обнародывалось и печаталось, и не встрѣтила ли новѣйшая исторія, обмѣнявшись условіями съ древней, новыхъ препятствій, въ противоположномъ смыслѣ отдалившихъ уясненіе событій, и, заградившихъ путь къ свѣту избыткомъ въ матеріалахъ? Исторія временъ отдаленныхъ лишена достовѣрности за невозможностію аналитически опредѣлить цѣну источниковъ, и за отсутствіемъ неопровержимыхъ свидѣтельствъ. Эта исторія очевидно несетъ на себѣ печать условности: чувствуемъ, что напрасно было бы искать въ ней безусловной истины, и что чѣмъ болѣе освятило ее единодушное согласіе народовъ, тѣмъ непокорнѣе она критическому изслѣдованію, сколько нибудь глубокому. Можно, сказали мы, отрицать исторію отдаленныхъ временъ, но все, что̀ осталось отъ нея, то̀, подобно памятникамъ древняго искусства, уцѣлѣвшимъ отъ разрушенія, прочно какъ гранитъ или бронза. Надъ этими несокрушимыми памятниками тщетно изощряется прозорливость современнаго анализа. Геродотъ и Титъ Ливій принимаютъ неоспоримо оттѣнокъ романтическій, восходятъ ли они къ началу своихъ народовъ, раз-

Digitized by Google

сказываютъ ли современныя имъ событія; другіе, какъ Ѳукидидъ и Тацитъ, явно обнаруживаютъ печать политической страсти, совершенно противоположную нашимъ понятіямъ о философскомъ безпристрастіи, перенесеннымъ на поприще исторіи; но отнимите вы этихъ великихъ писателей, и нѣтъ у васъ древней исторіи. То же самое, но въ гораздо-большей мѣрѣ, можно сказать объ исторіи Востока: преданія Индійцевъ, Китайцевъ, Персовъ и другихъ Азіатскихъ народовъ, сохранившихъ слѣды прошедшаго, исполнены такимъ множествомъ дѣлъ уродливо-баснословныхъ, что во всемъ, о первобытныхъ временахъ, они положительно не совмѣстны ни съ какой системой хронологіи, ни съ какимъ разумнымъ закономъ исторіи.

Есть въ будущей участи историка временъ новѣйшихъ еще одна странная точка зрѣнія, на которую указать не безполезно. По огромному количеству книгъ, ежегодно выпускаемыхъ книгопечатаніемъ, можно составить себѣ понятіе объ чудовищной цифрѣ, какой достигнутъ чрезъ два или три столѣтія эти непрерывающіяся изданія. Тогда положеніе историка будетъ еще невыгоднѣе: если онъ захочетъ прибѣгнуть къ печатнымъ свидѣтельствамъ, передъ нимъ откроется бездна, на изслѣдованіе которой не станетъ жизни человѣка; пренебрежетъ онъ ими — онъ лишитъ свое повѣствованіе права на довѣріе, и измѣнитъ существенному закону исторіи. Безъ преувеличенной смѣлости можно предполагать, что въ эпоху, болѣе или менѣе отдаленную отъ нашей, область каждой отдѣльной науки, безпрерывно разширяясь, выступитъ за границы вѣдѣнія, и что тогда историкъ, наравнѣ съ другими спеціалистами, посвятившими себя той или другой отрасли науки, задавленный подъ тяжестью предшествовавшихъ изысканій, скорѣе будетъ связанъ въ своихъ занятіяхъ, нежели облегченъ огромнымъ количествомъ явленій книгопечатанія. Сомнительно, чтобы подобный порядокъ вещей, приблизительно вѣроподобный, послужилъ къ упроченію достовѣрности въ дѣлѣ всѣхъ вообще человѣческихъ познаній, а исторіи въ особенности.

Digitized by Google

Не боясь подвергнуться упреку во излишней любви къ парадоксу, можно, я думаю, заключить изъ этихъ выводовъ, что изобрѣтеніе книгопечатанія породило новыя условія и въ отношеніи къ исторіи, и въ отношеніи къ историку, но что эти условія не болѣе благопріятствуютъ исторической достовѣрности, чѣмъ прихотливая и безусловная свобода историковъ древности и среднихъ вѣковъ до XV-го столѣтія. Затрудненія не тѣ конечно, но они не менѣе дѣйствительны, не менѣе очевидны. Если и дано уму человѣческому миновать ихъ, то не позволено ему ослѣпляться о положеніи вопроса. Безполезность усилій современной критики, въ ея приложеніи къ древности, за исключеніемъ немногихъ отдѣльныхъ вопросовъ хронологіи или кое-какихъ подробностей о нравахъ, искусствахъ и внѣшней жизни древнихъ, достаточно признана; но приложеніе критическаго разбора къ современной исторіи — многіе ли принесло плоды по сіе время? А если и теперь уже ощутительна крайняя несоразмѣрность приготовительныхъ трудовъ съ результатами, которые историкъ старается извлечь изъ множества источниковъ, открытыхъ его изслѣдованіямъ, не грозятъ ли эти затрудненія сдѣлаться непреодолимыми, когда, благодаря книгопечатанію, съ одной стороны въ страшной мѣрѣ увеличится количество книгъ, а съ другой, духъ сомнѣнія, скептицизмъ, обращенный въ систему, окончательно распространится на всѣ отрасли знанія и станетъ верховнымъ закономъ и послѣднимъ словомъ человѣческаго разума?

Порѣчье, въ Іюнѣ 1850 г.

Digitized by Google

ТЕОРІЯ СМѢШНАГО,

СЪ ПРИМѢНЕНІЕМЪ КЪ РУССКОЙ КОМЕДІИ.

Давно уже сдѣлалась общимъ мѣстомъ въ современной журналистикѣ нашей мысль, что Русская литература отличается въ особенности оригинальною комедіею и вообще комическимъ элементомъ, который, кромѣ комедіи, проявился у насъ въ сатирѣ, въ сказкѣ, въ баснѣ, въ эпиграммѣ. Онъ виденъ и въ древней народной словесности: онъ отзывается и въ пословицахъ, и въ притчахъ, и въ сказкахъ, и въ словѣ Даніила Заточника, и въ сказаніи о Мутьянскомъ воеводѣ Дракулѣ, и въ посланіи Грознаго, и въ пѣсняхъ, собранныхъ козакомъ Сибирскимъ Киршею. Зародышь былъ: когда привилась къ намъ художественная поэзія народовъ образованныхъ, онъ развился въ произведеніяхъ самостоятельныхъ.

Русская комедія поражала недостатки общественные, какъ комедія Аристофановская, но она не выводила личностей, какъ сія послѣдняя, и не хохотала съ отчаянія, потому что всегда признавала крѣпость здравыхъ силъ въ Русскомъ народѣ и государствѣ, способныхъ излечить каждый недостатокъ. Элементомъ сатиры и комедіи поразительно наше сходство съ Римлянами, народомъ также практическимъ, какъ и мы; но Римляне брали содержаніе своей комедіи у Грековъ, во времена греческаго разврата. Плавтъ вносилъ однако Римскую жизнь въ списки съ Греческой комедіи. Намъ также дѣятельная сцена Запада посылала и посылаетъ теперь огромный запасъ комедій и водевилей, которые, какъ эфемеры, возрождаются на нашей

Digitized by Google

сценѣ въ то самое время, какъ уже умерли на западной, и также умираютъ. Но наша художественная комедія образовалась независимо отъ этого движенія театральныхъ афишекъ, а не драматической поэзіи. У насъ нѣтъ такъ называемой комедіи характеровъ, которая беретъ отвлеченный порокъ человѣка: Скупаго, Нелюдима, Лицемѣра, Брюзгу, и рисуетъ его отдѣльно, принося ему въ жертву все цѣлое. Если и встрѣчаются такія комедіи у Княжнина и Хмѣльницкаго, то въ подражаніяхъ болѣе или менѣе неудачныхъ. У насъ нѣтъ комедіи интриги, кромѣ подражаній; запутанность дѣйствія не въ характерѣ нашей жизни. Интрига не наше слово и не наше дѣло: у насъ нѣтъ довольно хладнокровія, чтобы вести ее. Скорѣе могла бы образоваться у насъ комедія сплетни: мы быстры, мы горячи на слово, и чрезвычайно какъ ему легковѣрны. Страсти наши разъигрываются въ словахъ, а не въ дѣлахъ. На словахъ мы кровожадны, мстительны, коварны, хитры, лукавы; на словахъ мы уморимъ, сожжемъ, утопимъ, опозоримъ, женимъ, разведемъ, оклевещемъ, предадимъ казни, — и въ заключеніе простимъ, подружимся и будемъ каждый день звать обѣдать. Удивительно, какъ до сихъ поръ комедія сплетни не перешла у насъ изъ міра дѣйствительнаго на сцену, какъ наши комики не воспользуются этимъ ежедневнымъ матеріаломъ комизма, который неистощимо доставляетъ имъ праздность свѣтскаго общежитія. У Грибоѣдова есть одна только сцена, одинъ только мотивъ, взятый изъ этого міра, когда Чацкаго выдаютъ за сумасшедшаго, и онъ принадлежитъ къ числу первыхъ красотъ его Горя отъ ума. Видно дѣйствительность такъ сильна, что превозмогаетъ искусство; видно комическіе таланты сознаютъ, что сцена свѣта, гдѣ ежедневно разъигрываются комедіи и водевили сплетней безъ аффишъ, безъ газетныхъ объявленій, безъ платы за билеты, актерами безъ званія актеровъ, сама гораздо занимательнѣе того зеркала, которое они могли бы навести на нее.

Стихія комедіи—смѣшное. Теорія смѣшнаго даетъ главныя основанія для теоріи комедіи. Значеніе комедіи оте-

Digitized by Google

чественной, во всѣхъ ея важнѣйшихъ явленіяхъ, какъ прошедшихъ, такъ и намъ современныхъ, не можетъ быть ясно безъ этихъ основаній. Постараемся изложить ихъ.

Смѣшное, вмѣстѣ съ ужаснымъ, составляетъ видъ такъ называемаго отрицательно-изящнаго. Прежде чѣмъ приступимъ къ изложенію своего мнѣнія, предложимъ то, что̀ сдѣлано для теоріи смѣшнаго другими теоретиками.

Изъ древнихъ, *Аристотель* въ своей Пінтикѣ, говоря о комедіи, далъ слѣдующее опредѣленіе для смѣшнаго. «Комедія», говоритъ онъ, «есть представленіе чего-нибудь низ«каго, но не всегда порочнаго, а того постыднаго, которое «производитъ смѣшное, ибо *смѣшное есть какая-нибудь ошибка, «что-нибудь постыдное, но безвредное.* Такъ на прим. смѣш«ное лицо будетъ дурное, искривленное, но безъ вреда.» Этотъ признакъ безвредности, который замѣтилъ Аристотель въ смѣшномъ вообще, приноситъ честь его наблюдательности. Въ самомъ дѣлѣ, если возьмемъ примѣръ не смѣшнаго художественнаго, но смѣшнаго въ жизни, то замѣтимъ, что только надъ тѣмъ можемъ мы безукоризненно смѣяться, что̀ не приноситъ совершеннаго вреда. Человѣкъ шелъ по улицѣ и упалъ: это можетъ быть смѣшно въ такомъ только случаѣ, если онъ не повредилъ себѣ паденіемъ, а если онъ ушибся, то нравственное чувство въ насъ не допуститъ никакого смѣха. Но если мы обратимся къ примѣрамъ художественнаго смѣшнаго, то находимъ, что не одно безвредное, но и вредное подвергается осмѣянію. Такъ напр. въ комедіяхъ, которыми такъ обильна наша литература, мы видимъ, что самые вредные пороки, страсти, злоупотребленія, подвергаются публичному, художественному осмѣянію. Но должно замѣтить, что когда мы созерцаемъ въ комедіи пороки, страсти, то въ это самое время удаляемъ идею того вреда, который въ этихъ порокахъ находится. Когда же въ комическомъ представленіи порока, изъ самого глубокаго смѣха извлекаемъ сознаніе того, что онъ нравственно для насъ вреденъ, то нашъ смѣхъ получаетъ суровый, важный, стро-

Digitized by Google

гій характеръ. Въ человѣкѣ чувствительномъ и добросердечномъ, онъ можетъ перейдти даже въ слезы, особенно когда вспомнитъ онъ, что это вредное наноситсл его отечеству, его согражданамъ, его ближнимъ, и должно замѣтить, что комики геніальные всегда сильно чувствуютъ эту близость трагическаго съ комическимъ, это сосѣдство грусти и смѣха. При мысли объ этомъ, нельзя не припомнить тѣхъ особенностей, которыя встрѣчаются въ нашей отечественной комедіи, ибо примѣры, конечно, должны приводитьсл преимущественно изъ нашей словесности: они оправдаютъ истину Аристотелева замѣчанія, что мысль о вредѣ вредитъ смѣшному и съ нимъ не совмѣстима. Вспомнимъ у Фонъ-Визина, въ заключительной сценѣ, когда Простакова, получивъ прощеніе отъ Стародума и мгновенно возвращалсь къ своей жестокости, выражается такъ: «Простилъ! Ахъ, батюшка; ну ужь теперь-то я дамъ зорю!».... Въ это время Простакова становится для насъ отвратительною: комикъ, сдѣлавшій ее главнымъ орудіемъ того смѣха, котораго не было бы безъ Простаковой, представилъ ее въ заключеніе такою, ибо въ это самое время ярче всего предстаетъ для насъ вся вредная сущность, лежащая въ основѣ души этой женщины. Но этимъ не удовлетворяется однакожъ комикъ; возбудивъ отвращеніе къ Простаковой, онъ черезъ нѣсколько сценъ возвращается самъ и возвращаетъ насъ къ болѣе человѣческому чувству. Когда Простакова, оставленная всѣми и обнаружившая всю внутреннюю мерзость безнравственнаго существа своего, обращается, какъ мать, къ своему сыну, то онъ говоритъ ей: «да отвяжись же, матушка!» Тутъ мы переходимъ отъ чувства отвращенія къ чувству жалости: Простакова намъ становится жалкою. Впрочемъ многое, конечно, можетъ здѣсь зависѣть и отъ особенностей нравственнаго нашего расположенія. Въ 3-мъ дѣйствіи *Ябеды*, хоръ ябедниковъ производитъ дѣйствіе на многихъ, вовсе несмѣшное. Хоръ этотъ звучитъ какимъ-то адскимъ хоромъ, и здѣсь комическое превращается какъ бы въ трагическое. Фамусовъ, образецъ комической глупой безсознательности, въ 4-мъ дѣйствіи становится для насъ

Digitized by Google

жалкимъ, когда передъ нимъ обличается поведеніе его дочери, воспитанной имъ только въ фигуранткахъ для его баловъ. Точно тоже въ Ревизорѣ Гоголя: сцена Городничаго, по отъѣздѣ Ревизора, съ купцами, отъ смѣха переноситъ насъ къ дѣйствію важному, строгому, поучительному. Еще болѣе это замѣтно въ послѣдней, нѣмой сценѣ у Гоголя, которую мы только читаемъ, но на сценѣ она никогда неисполняется, потому, можетъ быть, что исполнить ее или трудно, или даже невозможно. Тѣмъ не менѣе важно требованіе, которое комикъ объявилъ печатно. Онъ находилъ необходимымъ исполненіе этой сцены для того, чтобы вся его идея вполнѣ выразилась. Это наружное обличеніе совѣсти людей, въ комедіи осмѣянныхъ, указываетъ на то, какъ глубоко поэтъ сознавалъ всю важность той стороны предмета, которую выдалъ на публичное осмѣяніе. Такимъ образомъ, признакъ безвредности, замѣченный Аристотелемъ, совершенно остается истиннымъ; ибо въ самыхъ превосходныхъ произведеніяхъ комедіи мы видимъ, что тамъ, гдѣ уже смѣшное обнаруживаетъ вредное, производится дѣйствіе важное, суровое, строгое.

Отъ этого опредѣленія смѣшнаго, по Аристотелю, которое не совсѣмъ полно, но тѣмъ не менѣе замѣчательно, я перехожу къ опредѣленію смѣшнаго, которое изложилъ *Жанъ Поль Рихтеръ* въ своей теоріи. Тѣмъ болѣе считаю за нужное это сдѣлать, что онъ въ ней коснулся мнѣній всѣхъ тѣхъ философовъ, которые опредѣляли смѣшное до него, такъ что, излагая теорію Ж. П. Рихтера, мы съ тѣмъ вмѣстѣ скажемъ и о тѣхъ, которые ему предшествовали въ опредѣленіи этого вида отрицательно-изящнаго.

Ж. П. Рихтеръ, говоря о смѣшномъ, обращаетъ прежде всего вниманіе на то разнообразіе ощущеній, которое оно доставляетъ. Самъ сознаетъ онъ трудность опредѣленія и указываетъ на подобное сознаніе у Цицерона и Квинтиліана. Критику мнѣній постороннихъ начинаетъ онъ собственно съ *Канта*. Кантъ опредѣляетъ смѣшное разрѣшеніемъ какого нибудь ожиданія въ ничто. На это возражаетъ Ж. П. Рих-

Digitized by Google

теръ тѣмъ, что не всякое ожиданіе, переходящее въ ничто, причиняетъ смѣхъ. Такъ, напримѣръ, если мы ожидаемъ чего нибудь ужаснаго и оно не случится, то подобное разрѣшеніе доставляетъ намъ удовольствіе, а не производитъ смѣха. Бываетъ напротивъ иногда, что человѣкъ ничего не ожидаетъ, и вдругъ можетъ что нибудь явиться, приводящее въ смѣхъ. Принявши свое опредѣленіе смѣшнаго къ эпиграммѣ, Кантъ говоритъ, что эпиграмма смѣшитъ насъ посредствомъ сочетанія великаго съ малымъ. Ж. П. Рихтеръ противорѣчитъ Канту и въ этомъ, говоря, что не всегда сочетаніе великаго съ малымъ можетъ быть смѣшно, напр. сочетаніе Ангела и червяка. Можно, по этому случаю, въ опроверженіе Канта, припомнить извѣстный стихъ Державина, гдѣ сочетаніе Царя съ рабомъ, и Бога съ червемъ въ понятіи о человѣкѣ производитъ чувство высокаго, а не смѣшнаго.

Если, продолжаетъ Жанъ Поль, къ опредѣленію Кантову сдѣлать прибавленіе и сказать такъ: внезапное разрѣшеніе ожиданія чего нибудь важнаго въ смѣшное ничто, — то все таки не подвинемъ мы опредѣленія нашего далѣе — и должны спросить: въ чемъ же смѣшное-то заключается? Жанъ Поль болѣе доволенъ опредѣленіемъ Аристотеля, чѣмъ Кантовымъ: оно, по его мнѣнію, ближе подходитъ къ истинѣ, однако не вполнѣ.

Шиллеръ говоритъ, что смѣшнымъ бываетъ предметъ тогда, когда представляется намъ ниже того, чѣмъ на самомъ дѣлѣ есть. Жанъ Поль противорѣчитъ Шиллеру, указывая на предметы, которые тѣмъ самымъ и производятъ смѣхъ, что совпадаютъ совершенно съ дѣйствительностію.

Не будучи доволенъ опредѣленіемъ Шиллера, Жанъ Поль переходитъ къ собственному. Задавая себѣ задачу — опредѣлить смѣшное, онъ обращается сначала къ опредѣленію причины: какимъ образомъ ощущеніе какого нибудь недостатка, несовершенства, поражаемаго смѣшнымъ, можетъ доставить человѣку удовольствіе? Въ самомъ дѣлѣ, смѣхъ все таки направляется на наши недостатки. Какимъ же образомъ можетъ онъ доставить намъ изящное наслажденіе? Всякое ощущеніе изящнаго непремѣнно должно возвеличить нашу

Digitized by Google

душу; если оно ее не возвеличиваетъ, въ такомъ случаѣ не достигаетъ своей цѣли. Смѣшное же совершенно противорѣчитъ высотѣ природы человѣческой и скорѣе ее уничтожаетъ, нежели возвеличиваетъ. Чтобы опредѣлить смѣшное, — по мнѣнію Жанъ Поля, надобно опредѣлить сначала то, что ему противоположно, а смѣшному противополагается высокое. Смѣшное есть врагъ высокаго. Эту противоположность замѣтили и Французы въ остроумномъ выраженіи: du sublime au ridicule il n'y a qu' un seul pas. За этимъ слѣдуетъ въ Жанъ-Полевой Эстетикѣ изложеніе теоріи высокаго, какъ эпизодъ къ теоріи смѣшнаго. По Жанъ Полю, высокое есть безконечно великое: отсюда ясно, что смѣшное, какъ его противоположность, есть безконечно малое. Какъ же это понять? Безконечно малое въ физическомъ мірѣ не составляетъ предмета смѣшнаго; тогда какъ безконечно великое въ физическомъ мірѣ насъ поражаетъ, какъ явленіе высокое. Ясно, что здѣсь безконечно малое должно разумѣть не въ физическомъ смыслѣ, но надобно разумѣть его въ нравственномъ. Но въ нравственномъ можетъ ли быть что нибудь малое? Нравственность сама въ себѣ, внутрь направленная на себя, внутри сознаваемая, производитъ уваженіе. Недостатокъ этого сознанія нравственнаго производитъ презрѣніе. Внѣ же, на другихъ направленная нравственность, производитъ любовь. Недостатокъ ея производитъ ненависть. Смѣшнаго нельзя ни презирать, ни ненавидѣть: ибо для презрѣнія оно слишкомъ маловажно, для ненависти слишкомъ ничтожно.

И такъ, собственно въ нравственномъ царствѣ человѣка не можетъ быть смѣшнаго; ибо здѣсь нѣтъ ничего безконечно-малаго. По этому остается для смѣшнаго только царство разума, и въ человѣкѣ только неразумное. Чтобы оно чувственно на насъ подѣйствовало, — оно должно заключаться или въ дѣйствіи, или въ состояніи. Ошибка сама по себѣ, какъ незнаніе, еще не смѣшна, но когда она проявляется въ дѣйствіи, становится смѣшною. Здоровый человѣкъ, который считаетъ себя больнымъ, становится смѣшонъ тогда только, когда онъ употребляетъ средства противъ мнимой своей болѣзни. Но должно замѣтить, что дѣйствія без-

Digitized by Google

умнаго, несообразныя разуму, тогда только дѣлаются смѣшными для него, когда онъ переходитъ къ разумнымъ дѣйствіямъ. Человѣкъ, въ то самое время, когда дѣйствуетъ, смѣшнымъ самому себѣ быть не можетъ. Надобно, чтобы сознаніе его взошло градусомъ выше, и тогда только онъ можетъ на самаго себя взглянуть съ смѣшной точки зрѣнія. Такимъ образомъ, чѣмъ выше элементъ разумный, тѣмъ выше сознаніе смѣшнаго въ элементѣ неразумномъ.

Жанъ Поль, опредѣливъ такимъ образомъ сферу смѣшнаго и самое смѣшное, переходитъ къ источнику удовольствія, который въ смѣшномъ заключается. Въ чемъ же этотъ источникъ? Конечно, говоритъ Жанъ Поль, не въ тѣлесномъ нашемъ удовольствіи: щекотаніе производитъ, можетъ быть, иногда дѣйствіе пріятное, но если оно продолжится, то этотъ смѣхъ становится мученіемъ для человѣка. Если бы удовольствіе смѣха заключалось въ тѣлесномъ удовольствіи, то и смѣхъ истерическій доставлялъ бы удовольствіе, а между тѣмъ онъ есть страданіе. Англичанинъ *Гоббесъ* объяснялъ это удовольствіе изъ удовлетворенія гордости человѣческой. Человѣкъ, который смѣется надъ неразумнымъ, удовлетворяетъ какъ бы своему внутреннему сознанію, разуму, слѣд. тѣмъ потѣшаетъ свою гордость. Жанъ Поль Рихтеръ возражаетъ на мнѣніе Гоббеса замѣчаніемъ, что чувство гордости есть скорѣе чувство важное въ человѣкѣ. Смѣющійся, напротивъ, добросердеченъ и готовъ самаго себя поставить на ряду съ тѣмъ, чему смѣется. Дѣти и женщины смѣются чаще и охотнѣе. Добродушный и смиренный до безличности Арлекинъ смѣется надъ всѣмъ; гордый же Мусульманинъ не будетъ смѣяться ни надъ чѣмъ. Люди смѣющіеся любятъ, чтобы съ ними вмѣстѣ смѣялся всякій, а гордецы не таковы. Они наслаждаются гордостію своею въ самоуслажденіи своей личности, и этого чувства ни съ кѣмъ не раздѣлятъ. Удовольствіе въ смѣшномъ можетъ происходить не отъ недостатка доброты въ человѣкѣ, но отъ присутствія добра. Элементъ этого удовольствія заключается въ свойствѣ игры нашего разума, особенно въ остроуміи, — въ свойствѣ того, что Нѣмцы называютъ Witz, и въ какомъ-то нерѣшительномъ

Digitized by Google

состоянін человѣка между горемъ и радостію, ибо смѣхъ нельзя назвать совершенною радостію: въ немъ есть ощущеніе лишенія, недостатка.

Нельзя не согласиться, что всѣ эти замѣчанія чрезвычайно глубоки, извлечены изъ психологическихъ наблюденій надъ человѣкомъ. Въ дополненіе къ тому, что говоритъ Жанъ Поль, я считаю за нужное привести нѣсколько словъ изъ того Русскаго писателя, который въ наше время владѣетъ скипетромъ смѣшнаго въ комедіи, и потому въ своихъ сочиненіяхъ представилъ намъ много данныхъ для нашей теоріи. Я разумѣю — *Гоголя*. Прочтемъ заключительныя слова изъ «Театральнаго разъѣзда.»

....«Мнѣ жаль, что никто не замѣтилъ честнаго лица, «бывшаго въ моей піесѣ. Да, было одно честное, благород«ное лицо, дѣйствовавшее въ ней во все время продолженія «ея. Это честное, благородное лицо былъ — смѣхъ. Онъ «былъ благороденъ потому, что рѣшился выступить, несмотря «на низкое значеніе, которое дается ему въ свѣтѣ. Онъ былъ «благороденъ потому, что рѣшился выступить, несмотря на «то, что доставилъ обидное прозванье комику, прозванье холо«днаго эгоиста, и заставилъ даже усумниться въ присутствіи «нѣжныхъ движеній души его. Никто не вступился за этотъ «смѣхъ. Я комикъ, я служилъ ему честно и потому долженъ «стать его заступникомъ. Нѣтъ, смѣхъ значительнѣй и глубже, «чѣмъ думаютъ. Не тотъ смѣхъ, который порождается времен«ной раздражительностью, желчнымъ, болѣзненнымъ располо«женіемъ характера; не тотъ также легкій смѣхъ, который «весь излетаетъ изъ свѣтлой природы человѣка, излетаетъ «изъ нея потому, что на днѣ ея заключенъ вѣчно-біющійся «родникъ его, но который углубляетъ предметъ, заставляетъ «выступить ярко то, что проскользнуло бы, безъ проницаю«щей силы котораго мелочь и пустота жизни не испугала бы «такъ человѣка. Презрѣнное и ничтожное, мимо котораго онъ «равнодушно проходитъ всякій день, не возросло бы передъ «нимъ въ такой страшной, почти каррикатурной силѣ, и онъ «не вскрикнулъ бы, содрогаясь: неужели есть такіе люди? «тогда какъ, по собственному сознанью его, бываютъ хуже

Digitized by Google

«люди. Нѣтъ, несправедливы тѣ, которые говорятъ, будто «смѣхъ возмущаетъ. Возмущаетъ только то, что мрачно, а «смѣхъ свѣтелъ. Многое бы возмутило человѣка, бывъ пред«ставлено въ наготѣ своей; но озаренное силою смѣха, несетъ «оно уже примиреніе въ душу. И тотъ, кто понесъ бы мщеніе «противу злобнаго человѣка, уже почти мирится съ нимъ, «видя осмѣянными низкія движенія души его. Несправедливо «говорятъ, что смѣхъ не дѣйствуетъ на тѣхъ, противу «которыхъ устремленъ, и что плутъ первый посмѣется надъ «плутомъ, выведеннымъ на сценѣ: плутъ-потомокъ посмѣется, «но плутъ-современикъ не въ силахъ посмѣяться! Онъ слы«шитъ, что уже у всѣхъ остался неотразимый образъ, что «одного низкаго движенія съ его стороны достаточно, чтобы «этотъ образъ пощелъ ему въ вѣчное прозвище; а насмѣшки «боится даже тотъ, кто уже ничего не боится на свѣтѣ. Нѣтъ, «засмѣяться добрымъ, свѣтлымъ смѣхомъ, можетъ только одна «глубоко-добрая душа. Но не слышатъ могучей силы такого «смѣха: что смѣшно, то низко, говоритъ свѣтъ; только тому, «что произносится суровымъ, напряженнымъ голосомъ, тому «только даютъ названіе высокаго....»

«Во глубинѣ холоднаго смѣха могутъ отыскаться горячія «искры вѣчной, могучей любви. И почему знать, можетъ-быть «будетъ признано потомъ всѣми, что въ силу тѣхъ же зако«новъ, почему гордый и сильный человѣкъ является ничтож«нымъ и слабымъ въ несчастіи, а слабый возрастаетъ, какъ «исполинъ, среди бѣдъ, въ силу тѣхъ же самыхъ законовъ, «кто льетъ часто душевныя, глубокія слезы, тотъ, кажется, «болѣе всѣхъ смѣется на свѣтѣ!....»

Теперь постараемся въ изслѣдованіи собственномъ коснуться тѣхъ вопросовъ, которые ускользнули отъ вниманія нашихъ предшественниковъ въ теоріи смѣшнаго.

Разсматривая виды положительно-изящнаго, мы замѣчаемъ, что въ природѣ и искусствѣ есть предметы, которые по своему внутреннему и внѣшнему совершенству могутъ быть названы положительно-изящными. Таковы предметы *высокаго* и *прекраснаго*, или того, что мы называемъ *милымъ*. Но есть другіе предметы, которые носятъ на

Digitized by Google

себѣ печать недостатка, несовершенства, и не смотря на то, допускаются въ міръ изящнаго. Таковы предметы *смѣшнаго* и *ужаснаго*. Весьма замѣчательно, что міръ изящнаго такъ разнообразенъ, что онъ допускаетъ въ себя не только тѣ предметы, которые ознаменованы печатью совершенства, но даже и тѣ, которые имъ совершенно противорѣчатъ. Изслѣдованіе наше объ этихъ предметахъ должно состоять въ томъ, чтобы рѣшить: на чемъ можетъ основываться наслажденіе, ими доставляемое? этотъ вопросъ предложилъ и Ж. П. Рихтеръ, но онъ не совсѣмъ удовлетворительно разрѣшилъ его. Какимъ образомъ несовершенства допускаются въ міръ изящнаго и, дѣйствуя въ противность тѣмъ совершенствамъ, которыя изящное представляетъ, могутъ удовлетворять закону, который мы ставимъ для положительно-изящнаго, водворяющаго гармонію въ душѣ нашей? Сравнивая виды положительно-изящнаго съ видами отрицательно-изящнаго, мы можемъ замѣтить, что первые находятся какъ въ природѣ, такъ и въ искусствѣ. Что же касается до вторыхъ, то мы видимъ, что смѣшнаго въ природѣ нѣтъ. Оно принадлежитъ только человѣку. Если мы и смѣемся иногда надъ нѣкоторыми животными, то въ такомъ только случаѣ, когда примѣняемъ ихъ свойства къ человѣку. Въ этомъ смыслѣ и неодушевленная природа иногда подлежитъ нашему смѣху. На всемъ этомъ основана возможность *Басни*. Неодушевленная и животная природа тогда только подаетъ поводъ къ смѣху, когда человѣкъ влагаетъ, такъ сказать, въ нее разумную душу, и то, что̀ принадлежитъ человѣку, переноситъ въ міръ вещей. Собственно же смѣшнаго въ природѣ нѣтъ, да и быть не можетъ; потому что все въ природѣ необходимо и слѣдуетъ одному, своему, установленному закону. Почему же въ человѣкѣ есть смѣшное и откуда оно произошло? Чѣмъ отличается человѣкъ отъ природы? — Своею свободою. Ему принадлежитъ разумная и нравственная свобода. Откуда же проистекаетъ смѣшное? Конечно, отъ злоупотребленія свободы произошло оно, какъ и всякое несовершенство. Но несовершенство въ человѣкѣ двояко. Злоупотребленіе свободы нравственной произ-

Digitized by Google

вело зло нравственное, которое не можетъ быть предметомъ смѣха, ибо смѣхъ надъ зломъ, какъ зломъ, былъ бы вреденъ. Въ этомъ отношеніи нужно отдать честь глубокому замѣчанію Ж. П. Рихтера. Злоупотребленіе свободы нравственной отозвалось и въ разумѣ неразумнымъ, глупостью, дурачествомъ, и вотъ что̀ собственно составляетъ предметъ смѣшнаго. Однако мы смѣемся и надъ пороками, и надъ страстями, и надъ всякимъ зломъ человѣческимъ. Это такъ. Но мы смѣемся надъ ними по стольку, по скольку пороки наши представляютъ глупость, дурачество наше, а не по стольку, по скольку онѣ намъ вредны. Въ самой комедіи, по скольку неразумное связано съ нравственнымъ, по стольку и комическое граничитъ уже съ трагическимъ.

Вотъ почему Гоголь говоритъ, что за смѣхомъ комедіи скрываются въ душѣ слезы, и онѣ скрываются въ душѣ каждаго добраго и честнаго гражданина, который смѣется наружно надъ неразумными пороками въ обществѣ и внутренно скорбитъ о томъ вредѣ, который ими наносится и ближнему его и ему самому.

Это опредѣленіе смѣшнаго примѣнимъ къ нѣкоторымъ примѣрамъ изъ произведеній отечественной словесности. Но прежде нежели говорить о произведеніяхъ художественныхъ нашей литературы, обратимъ вниманіе на то: какъ Русскій простолюдинъ, предаваясь своей врожденной ироніи, смотритъ съ комической стороны на самаго начальника зла — на дьявола. Русскій человѣкъ, истинный, неизмѣненный никакимъ вліяніемъ, называетъ дьявола просто дуракомъ. Онъ смѣется надъ нимъ и выражается такъ: «дуракъ самъ въ ямѣ сидитъ, да и людей за собою туда же въ нее тащитъ.» Вотъ настоящая, можно сказать, теорія зла и смѣшнаго въ комедіи, выраженная простыми рѣчами Русскаго человѣка-комика. Благо бы было человѣку, если бы онъ увѣрился въ томъ, что зло есть величайшая глупость, величайшее дурачество, еслибы увѣрился въ этомъ особенно намъ современный человѣкъ, который такъ высоко цѣнитъ разумное и такъ сильно этою способностію развивается. Должно сказать, что и въ произведеніяхъ нашей словесности этотъ глубокій смыслъ Русскаго пониманія смѣшнаго и зла въ комедіи олицетворился

Digitized by Google

въ комедіяхъ нашихъ и въ той части вообще поэтическихъ произведеній, которыя изображаютъ недостатки человѣческіе въ нашей Русской природѣ. Такъ *Фонъ-Визинъ* въ своемъ Недорослѣ и Бригадирѣ представилъ намъ все неразуміе невѣжества, которое не признавало воспитанія, и то неразуміе, которое считало образованіемъ одно слѣпое подражаніе иностранному, выражаемое только во внѣшности, въ формѣ. Что доставляетъ намъ наслажденіе въ комедіяхъ Фонъ-Визина, какъ не эти неразумныя рѣчи всѣхъ дураковъ и низшаго и высшаго общества, которые выведены и въ Недорослѣ его и въ Бригадирѣ? Нельзя не удивляться его генію въ томъ, какъ онъ умѣлъ изъ человѣческихъ глупостей соткать художественное цѣлое и извлечь наслажденіе, — какъ онъ умѣлъ сосредоточить все это неразумное и нелѣпое для того, чтобы мы сами въ себѣ ощутили сильнѣе способность быть разумными: ибо комедія, представляя намъ въ смѣшномъ видѣ неразумную сторону общественной жизни, тѣмъ самымъ способствуетъ возвышенію разумной стороны нашего существа. *Капнистъ*, хотя не съ такимъ талантомъ, какъ Фонъ-Визинъ, представилъ все неразуміе неправосудія въ обществѣ гражданскомъ. Должно сказать, что «Ябеда» не производитъ на насъ такого впечатлѣнія, какъ комедія Ф. Визина, потому что комедія Капниста имѣетъ гораздо болѣе важный и суровый характеръ, и походитъ во многихъ мѣстахъ скорѣе на трагедію, чѣмъ на комедію. *Крыловъ* въ своихъ басняхъ представилъ намъ всѣ неразумныя стороны, взятыя по мелочамъ. Басня Крылова есть поэзія здраваго разсудка; а потому все то, что противорѣчитъ ему, такъ мастерски и такъ мѣтко было имъ обличено. *Грибоѣдовъ* представилъ намъ всю неразумную пустоту свѣтскаго общества, которое занято одною внѣшнею формою жизни и раздѣляетъ ее на три дѣйствія: на приготовленіе къ балу, на самой балъ и на толки послѣ бала, и какъ будто рѣшительно не признаетъ никакой иной цѣли существованія. Это-то безцѣльность, эта пустота жизни поражаетъ насъ въ «Горѣ отъ ума» и тѣмъ болѣе разительно, что середи этого общества, безъ цѣли существующаго, пустаго, занятаго одними сплетнями и пересудами, является человѣкъ даровитый, съ

Digitized by Google

образованіемъ, сочувствующій и своему отечеству и образованію народовъ иноземныхъ, намъ предшествовавшихъ въ немъ, и этотъ умный человѣкъ, середи пустаго общества, теряетъ свой умъ, является самъ какъ будто безумнымъ. Вотъ то отношеніе, которое, по моему мнѣнію, существуетъ между Чацкимъ и тѣмъ обществомъ, которое его окружаетъ. Умный человѣкъ, дурѣющій посреди неразумнаго общества и наружно теряющій сокровище, Богомъ данное ему, разумъ—вотъ главное дѣйствіе комедіи Грибоѣдова, относительно къ ея герою. *Гоголь* въ своемъ Ревизорѣ представилъ намъ некакой-нибудь городъ, какъ самъ онъ выражается, но сборное мѣсто, куда съ разныхъ сторонъ нашего отечества стеклись злоупотребленія, пороки, которые поэтомъ въ разныхъ углахъ Россіи замѣчены. Никто изъ Комиковъ нашихъ не доводилъ нелѣпости рѣчей до такой чудной поэзіи, до какой доводилъ ее Гоголь.

Теперь слѣдуетъ вопросъ: какъ же изображеніе всѣхъ несовершенствъ въ человѣкѣ, — его неразумія, столько унижающаго его природу, которая самимъ Богомъ сотворена разумною, можетъ доставлять наслажденіе художественное человѣку, и какимъ образомъ здѣсь исполняется тотъ законъ, который мы ставимъ относительно впечатлѣній, производимыхъ на насъ изящнымъ, а именно: возвышеніе въ насъ человѣческой природы? Изъ примѣровъ, выше приведенныхъ, самъ собою раждается отвѣтъ на него: чѣмъ полнѣе, чѣмъ ярче представляетъ намъ комедія неразумную сторону существа нашего, тѣмъ сильнѣе въ сознаніи нашемъ, возбуждаетъ идею разумнаго существа,—Богомъ опредѣленнаго бытія нашего. Въ этомъ хохотѣ, въ которомъ человѣкъ предаетъ все неразумное бытія своего уничтоженію, яснѣе создается и возникаетъ идеалъ противоположнаго бытія, бытія разумнаго. Чѣмъ искреннѣе смѣется человѣкъ надъ неразумною своею стороною, тѣмъ полнѣе сознаетъ возможность разумной своей стороны. Вотъ откуда объясняется то наслажденіе, которое доставляетъ намъ изображеніе неразумнаго, и вотъ то плодотворное сѣмя, которое кладетъ комедія въ нашу душу. Вотъ и художественное ея дѣйствіе и нравственная ея польза; обѣ онѣ здѣсь ясно совмѣщаются и должны совмѣщаться. Это сознаніе разумнаго

Digitized by Google

совершенства, какъ противодѣйствіе, вызываемое смѣшнымъ зрѣлищемъ неразумнаго, и объясняетъ намъ то возвышеніе нашей природы и то гармоническое впечатлѣніе, которое водворяется въ насъ при созерцаніи комическаго. Здѣсь же заключается и *различіе*, которое должно признать *между смѣхомъ фарса и смѣхомъ комедіи*, смѣхомъ пустой шутки, и истинно комическимъ смѣхомъ художественнаго произведенія, — что̀ нерѣдко смѣшивается по обычаю нашей сцены: давать вмѣстѣ съ комедіею пустой фарсъ, не только на равныхъ правахъ, но даже иногда и съ уступкою въ пользу фарса. Смѣхъ фарса есть смѣхъ пустой, забавный, скоропогасающій, преходящій и внутри холодный; смѣхъ комедіи, напротивъ, есть смѣхъ глубокій, скрывающій слезы, имѣющій всегда истинно-важное значеніе и, какъ мы сказали, смѣхъ, очищающій человѣка отъ всего неразумнаго въ пользу разумнаго. Однимъ изъ вѣрныхъ средствъ — отличать смѣхъ фарса отъ смѣха комедіи, признать должно *время*. Фарсы безпрестанно раждаются на сценѣ, особенно въ Парижѣ, оттуда переходятъ на другія сцены, и скоро исчезаютъ, какъ эфемерныя насѣкомыя въ мірѣ литературномъ. Фарсъ, который смѣшилъ нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ тому назадъ, не смѣшитъ болѣе и проходитъ, тогда какъ комедія истинно-художественная заключаетъ въ себѣ хохотъ всегда живущій. Комедіи Аристофана, которыя связаны съ народомъ Греческимъ однимъ условіями жизни и которыя для насъ въ этомъ отношеніи совершенно чужды, остаются смѣшными, какъ смѣшно всякое неразуміе человѣческое, въ какомъ бы оно народѣ ни происходило. Такъ до сихъ поръ дѣйствуютъ на насъ комедіи Мольера и будутъ дѣйствовать комедіи всякаго истиннаго художника, — а потому осѣлкомъ для того, чтобы отличить комедію художественную отъ комическаго фарса, — можетъ служить время.

С. Шевыревъ.

Digitized by Google

ПРОЕКТЪ ЗАВОЕВАНІЯ АМЕРИКИ, ПОДАННЫЙ ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ.

Проектъ о завоеваніи Его Цесарскому Величеству Великоросійскому зѣло великихъ и богатыхъ земель съ почтеніемъ за секретъ предлагаемой.

Извѣстіе.

Какія земли обрѣтаютца въ Зюйдной сторонѣ Америки въ Магелланіи, Уругвои, Гваире, Парана, въ срединѣ Бразиліи и Амазонахъ съ Гвіаною, числомъ болше 80 королевствъ, княжествъ, провинцей и народовъ, которыя по се число ни отъ какого Европскаго Короля не завоеваны, но волны; отъ болшей части плодородныя, подъ здравымъ воздухомъ, богати металями и лехко можно завоевать и которыя видятся для Цесарскаго Величества Російскаго сохранены быть, къ завоеванію и владѣнію. Жители оныхъ приведены отчасти во христіанство чрезъ духовныхъ проповѣдниковъ, а болшая часть есть еще невѣрныхъ, въ картѣ желтою и синею краскою означенныя.

И что здѣсь наивящаго примѣчанія достойно, есть сіе, что въ тѣхъ земляхъ находятца многія драгоцѣнныя товары, яко сахаръ, кока, кошинель (канцеляріи семя), индиго (краска крутикъ), табакъ, кожи, шерсть, ленъ, шолкъ и пенка; такожъ мѣдь, желѣзо, свинецъ, олово, селитра, пикъ, ртуть. А особливо находятся въ Малдонадахъ, Тупинамбахъ, Гваяне, и протчихъ зѣло богатыя мины золотыя и серебряныя въ преизобиліи, такожъ золотой песокъ въ землѣ и во многихъ рѣкахъ и жемчужная ловля.

Digitized by Google

Авторъ сего проекта въ молодости своей въ тѣхъ земляхъ многія лѣта бывъ, и проѣхавъ, усмотрилъ, что тамъ знатныхъ крѣпостей нѣтъ и преизобиліе въ пищѣ и многія жители зѣло склонны подъ владѣніемъ силного Европскаго Короля быть и совершенно поддадутца, коль скоро надлежащая Европская армейка туды прибудетъ, не занимая ни Гишпанскихъ, ни Португальскихъ мѣстъ, которыя близко граничатца.

Способы.

Къ тому бъ было потребно: 12000 салдатъ съ 4000 драгунъ; лошади тамъ найдутся.

60 болшихъ транспортныхъ кораблей, 30 меншихъ для рѣкъ.

10 военныхъ кораблей для конвоя и ружье на 40000 человѣкъ.

Провіанту на 8 или 9 мѣсяцевъ, хотя обыкновенно въ 3 мѣсяца перейти можно.

Аммуниціи и военныхъ инструментовъ по размѣру.

Наличныхъ денегъ взять надлежитъ 400,000 гулденовъ на фортификаціи, свѣжей провіантъ, новыя наборы, корреспонденціи и награжденіе и протчее.

Учителей, офицеровъ, купцовъ инженеровъ, плотниковъ и протчихъ.

И понеже его Цесарское Величество всѣ тѣ способы имѣетъ, то оная экспедиція не во много станетъ и все возвращено будетъ. И какъ оное войско въ 3 или 4 мѣсяца туды прибудетъ, то можно оныя земли, а наипаче богатѣйшія въ 2 или 3 года завоевать.

Прибылм.

Что касается до всѣхъ прибылей, которыя Его Величество и его подданныя изъ сихъ землей получить могутъ, будутъ зѣло велики и между другими сіи слѣдующія.

1. Его Цесарское Величество можетъ тамъ изъ доходовъ той земли содержать 60 или 80 тысячь салдатъ и рейтаровъ, такожъ 40 или 50 военныхъ кораблей, которыя и во Европѣ отчасти службу чинить могутъ.

Digitized by Google

2. Изъ волотыхъ и серебряныхъ минъ можно по вся годы многія милліоны гулденовъ получить.

3. Съ каждаго индіанца ежегодно по ефимку, что также нѣсколько милліоновъ гулденовъ сочинитъ.

4. Съ каждой плодородной четверти земли по $^1/_2$ гулдена на годъ.

5. Роздавать многія богатыя губерніи.

6. Изъ своихъ собственныхъ поселеній брать желѣзо, юхъ, лѣсъ, и пеньку на корабли, шерсть, ленъ, селитру, на войско въ Лифляндіи.

7. Коммерцъ Коллегіа въ Петербургѣ можетъ одна туды торговать, чрезъ способы жалованныхъ грамотъ и правъ многія деньги въ казну Его Величества получить.

8. Можно изъ оныхъ земель вывозить множество шолку, пита, пеньки, льну, шерсти, выбайки въ Петербургъ въ дѣло; и манифактуры изъ нихъ здѣланныя можно паки возить въ индѣйскія земли и тамъ продавать со многою прибылью; а за то паки вывозить сахаръ, табакъ, кошинель, и протчее и во всѣ Европскія земли возить и продавать чрезъ Коммерцъ Коллегію Петербургскую.

9. Потомъ можно лутчей договоръ учинить съ Гишпаніею и Португаллією для торговли въ Перу и Бразиль.

10. Можно чрезъ тотъ способъ много способныхъ матрозовъ и кораблей имѣть.

11. Можно тамъ 2-хъ или 3-хъ патріарховъ держать и вицероевъ, дабы и духовная польза тѣхъ народовъ произведена была.

12. Можно возвратить всѣ протори сей экспедиціи и многія подати ежегодно собрать.

Итако сей авторъ уповаетъ, что все то въ тѣхъ земляхъ и во Европѣ Цесарю и его подданнымъ на всякой годъ по 80 милліоновъ гулденовъ прибыли принесетъ. А хотя и половина завоевана будетъ то близъ 40 милліоновъ принесетъ. И въ краткомъ времени можно изъ тѣхъ земель вывозить по 80 и 100 тысячь салдатъ во Европу или въ Азію противъ Турковъ или Персіанъ для вспоможенія къ завоеванію многихъ земель и городовъ его Цесарскому Величеству

Digitized by Google

Російскому и ко освобожденію многихъ тысячь христіанъ изъ неволи и къ попранію враговъ христіанскихъ.

Заключеніе.

Авторъ сего дѣла не сумнѣваетца, чтобъ его Высокоцесарское Величество не изволилъ сей экспедиціи такого малаго иждивенія, совершеннаго слѣдованія и толикой пользы исполнить, а особливо когда вящее изъясненіе и подлинность получитъ, которое оной авторъ подать готовъ, ежели того востребуютъ. Такожъ въ готовности обрѣтается съ любви къ славѣ и наивящей пользѣ высокопомянутого Его Цесарскаго Величества со всякою прилѣжностію, твердостію и вѣрностію вспомогать исполнить.

Но потребно есть, чтобъ сіе великое дѣло въ самой тайнѣ чинено было, подъ чужимъ имянемъ исполнено и все въ Іюлѣ мѣсяцѣ въ готовности было.

Такожъ имѣетъ 12-ти Російскимъ господамъ каждому земля дана быть толь велика, какъ Голландія, въ графство, противъ дачи погодной подати Его Высокопомянутому Величеству. И еще 12-ти другимъ господамъ, которыя совѣтомъ и дѣломъ сію экспедицію произвесть вспомогать будутъ; и каждой сверхъ податей Цесарю и въ Коммерцъ Коллегію имѣетъ обязанъ быть въ Петербургѣ полаты и сто дворовъ построить.

Переводилъ Петръ Ларіоновъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ проэктъ, случайно встрѣтившійся намъ въ числѣ разныхъ бумагъ XVIII столѣтія, поданъ былъ Петру Великому. Къ сожалѣнію имя автора неизвѣстно; но вѣроятно онъ былъ Голландецъ, потому что оригиналъ, съ котораго въ то время слѣланъ предлагаемый переводъ, писанъ на Голландскомъ языкѣ. Времени, когда былъ поданъ проэктъ, мы также не знаемъ; можно впрочемъ догадываться, что это было около двадцатыхъ годовъ XVIII столѣт., и можетъ быть не задолго до кончины Государя.

Вмѣстѣ съ проэктомъ представлена была карта, о которой упомянуто въ началѣ; но она не сохранилась.

И. Забѣлинъ.

Digitized by Google

ПИСЬМО ГЕРЦОГА КАРЛА БИРОНА КЪ Г. ШУБИНУ*.

Государь мой Иванъ Алексѣевичь.

Въ то же время, какъ мы пріѣхали, то Государя не было въ Петербургѣ, а на встрѣчу ѣздилъ весь дворецъ, ибо Ея Высочество Герцогиня Голштинская прибыла. И такъ какъ она и принцессы....** получили орденъ Екатерины Кавалерія, а Его Величество Король Пруской прислалъ Кавалерію къ нашему Императору, и Его Величество цѣлой день носили, и пальба до 4 часа послѣ полуночи продолжалась; и видно, что миромъ пахнетъ. Нонича новой штатъ вышелъ всѣмъ гвардіямъ, и этотъ корпусъ убавится. И слышно, что и штатъ новой сочиняютъ о другихъ чинахъ, и будто дворянамъ воля будетъ погодно выбирать воеводовъ, однако донынѣ еще неготово. Матушкѣ Икилиной (Акулинѣ) Максимовнѣ мои всенижайшіи поклонъ. А теперь еще сутки нѣтъ, что пріѣхали. То и люди, обозъ, отстали. Не успѣлъ послать табаку, а непремѣнно пришлю. Сударку моему сто разъ обнимаю, то есть сынъ вашъ. О нашемъ домѣ Шишкинъ предъ отъѣздомъ своимъ въ Сенатъ представлялъ для монетнова двора, и намъ сказывали, что сперва очень насъ и васъ поносилъ, а послѣ очень хвалилъ. Что съ нами возпослѣдуетъ, буду тебя моего друга увѣдомлять, и сердечно радъ всегда вамъ служить, только пиши и прикажи, а мнѣ время нѣтъ болѣе писать. Карлъ Принцъ Б.

ПИСЬМО ГЕРЦОГА ПЕТРА БИРОНА КЪ НЕМУ ЖЕ.

Государь мой Иванъ Алексѣевичь. Имѣющіяся мои деньги сто рублевъ на Иванѣ Алексѣевичѣ Толбухинѣ прошу оные отъ нево принять и употребить на расходъ оставшимся нашимъ людямъ, а что за расходомъ останется пожаловать къ намъ переслать. Впрочемъ остаюсь съ моимъ почтеніемъ вашъ Государя моего покорный слуга Peter CR. Curland.

1762 года 11 Марта. Ярославль.

---

* Правописаніе исправлено. Подлинники въ древлехранищѣ *М. П. П.*

** Здѣсь стоитъ слово изъ трехъ буквъ, изъ коихъ средняя есть и. Можетъ быть ейя, вмѣсто ея.

Digitized by Google

ПИСЬМО

ПРЕОСВЯЩЕННАГО ТИХОНА, ЕПИСКОПА ВОРОНЕЖСКАГО,

о примиреніи.

Высокородный Господинъ И. В—чь,

мнѣ о Христѣ братъ любезнѣйшій.

Слышно, что у васъ судъ былъ съ капитаномъ Ѳ. Л-ымъ, яко бы онъ какимъ то словомъ обезчестилъ васъ, и сей Л-нъ уже давно умре; слышно также, что покойный къ вамъ посылалъ просить прощенія, и вы, не простивъ его, нынѣ на сынѣ его ищете безчестія. Ежели то правда, прошу терпѣливо послушать, и по совѣту моему учинить. Знайте, что памятозлобіе первая въ человѣкѣ корысть діаволу, и онъ ни о чемъ такъ не радуется, какъ о злобномъ сердцѣ, ибо памятозлобный человѣкъ отъ Бога въ согрѣщеніи прощенія не получаетъ, понеже самъ не прощаетъ. Такъ Христосъ научаетъ во Евангеліи (Матѳея главы 6): Аще не отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, ни Отецъ вашъ не отпуститъ согрѣшеній вашихъ. Какъ и молиться будете Богу: «Остави намъ долги наши; якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ», если сами не оставляете? Братъ нашъ такоже, какъ и мы; онъ словомъ обезчестилъ насъ, оскорбилъ: а мы черви, земля, пепелъ, грязь смрадная — Бога Создателя, своего Господа, великаго и страшнаго, котораго сами силы небесныя ужасаются и трепещутъ, на всякъ день сколько разъ прогнѣвляемъ? Какого убо мы надѣемся получить отъ Бога прощенія, когда мы подобныхъ себѣ не прощаемъ? Другъ другу согрѣшаемъ, другъ друга и про-

Digitized by Google

щать должно. Прочитайте притчу у Матѳея Евангелиста въ 18 главѣ; написанное къ концу главы страшно слышать таковымъ, кои долговъ ближнимъ не оставляютъ.

Вотъ вы знаете и то, что и вы умрете, а когда, неизвѣстно; можетъ быть, или сегодня или завтра и что жъ, когда въ сей злобѣ смерть застанетъ Л-нъ свое смиреніе показалъ, и ваше безчестіе тѣмъ наградилъ; а что просилъ у васъ прощенія, и тѣмъ у васъ изъ долгу вышелъ, чего жъ вы болѣе ищете теперь? На васъ тотъ долгъ лежитѣ, чтобъ брату своему отпустить. Ежели же не оставите и въ долгу семъ умрете, какой у Бога милости надѣетесь? А сынъ Л-нъ вамъ въ чемъ виноватъ? Когда бъ вы искали долгу денежнаго: то должно сыну за отца отвѣчать и платить; понеже сыну отцовское имѣніе осталось. А то отецъ обезчестилъ, а на сынѣ безчестія ищете; будто сынъ сообщникъ въ безчестіи отцу былъ и научалъ отца! Чему статься не можно. Прошу покорно, оставьте, разсѣките весь злопомнѣнія узелъ; простите брату согрѣшеніе, оставьте покойному долгъ; или паче, свой долгъ съ себя сложите и не останьтеся въ долгу до смерти, а съ сыномъ его, яко съ невиннымъ, помиритеся Бога ради!

Повѣрьте, что все сіе происходитъ отъ бѣса, который людей приводитъ ко враждѣ. Оплюйте убо вы сего шепчущаго непріязненна духа, мысль отмстительную влагающаго; а послушайте Христа Спасителя нашего, миросодѣтеля, который и о своихъ распинателяхъ ко Отцу небесному молился, и намъ тоже дѣлать повелѣлъ, глаголя: «Любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ, благословите кленущія.» Простите ближнему, да сами отъ Христа прощеніе получите, а какого прощенія надѣетеся, ежели сами не прощаете? Тотъ, на кого вы нынѣ обратили гнѣвъ свой,—сынъ умершаго отца, со смиреніемъ къ вамъ пріидетъ, и будетъ просить прощенія. Ежели съ нимъ помиритеся, будетъ ваша любовь до смерти поминаться. О вашемъ мирѣ ваши друзи возрадуются, рабы ваши васъ возлюбятъ, прочіе сосѣди ублажатъ, сатана будетъ мучиться, (ибо Христіанская любовь зѣло его мучитъ, какъ вражда

Digitized by Google

увеселяетъ), Христа сыну Божію, мира любителю, будетъ благоугодно. Я недостойный вашъ Пастырь, услышавъ, буду благодаренъ, и духомъ возрадуюсь, и ваше милостивое имя въ памяти запишу. Сдѣлайте жъ сію милость; въ чемъ вопервыхъ себѣ, чтобъ вамъ тѣмъ самымъ отъ Бога милость получить; потомъ брату своему, со смиреніемъ приходящему, чтобы успокоиться; и мнѣ сдѣлаете милость, ибо желаніе мое исполните. Богъ милостивый и мироподатель да умягчитъ и преклонитъ ваше сердце. Сіе вамъ по должности своей написалъ. — Каждый искомыя милости да получитъ! Вотъ вамъ посылаю Пресвятый образъ Спасителя моего и твоего; чрезъ сіе имя молю васъ. Сіе имя Ангеломъ дивно, Апостоламъ, Мученикамъ, Святителямъ и Преподобнымъ любимо, намъ грѣшнымъ сладко; понеже о немъ намъ только и надежды и упованія. Оставьте памятозлобіе, я васъ прошу о семъ по своей должности. И когда сіе исполните, меня одолжите; понеже мнѣ польза будетъ, когда вы примиритеся. Впрочемъ симъ заключаю: Сія моя худая бумажка и недостойная мнѣ во свидѣтельство, вамъ во изобличеніе будетъ на страшномъ судѣ Христовомъ. А когда вамъ кто противное сему посовѣтуетъ, не слушайте его; отъ духа то лукаваго происходитъ. Прочитайте все Евангеліе, и все имѣете увидѣть. До отвѣтнаго письма остаюсь,

Ваше Высокоблагородіе,

моего милостиваго Государя покорный слуга, недостойный молитвенникъ, недостойнѣйшій Епископъ Воронежскій Тихонъ.

Декабря 4 дня,
1764 года.
Воронежъ.

(Сообщ. И. М. Снегиревымъ)

Digitized by Google

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ ВЪ 1850 ГОДУ.

(*Учено-литературный журналъ, издаваемый А. Краевскимъ.*)

Мнѣніе Москвитянина объ О. З., прежнихъ и послѣднихъ, вообще, выражено было нѣсколько разъ и очень ясно. Мы представимъ здѣсь ихъ обозрѣніе только за прошедшій годъ, позволяя себѣ сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній въ заключеніи.

Въ 1850 году помѣщено было въ Отечественныхъ Запискахъ много оригинальныхъ повѣстей; но много ли въ самомъ дѣлѣ выиграла здѣсь Русская литература? — Пересмотримъ ихъ. *Коломенская роза* — романъ изъ первыхъ годовъ девятнадцатаго столѣтія — В. Р. Зотова.

Зачѣмъ написанъ этотъ романъ? Была ли у автора потребность высказать какую-нибудь задушевную, тревожившую его мысль, или родились ли въ его душѣ живые образы, просившіеся неотступно на свѣтъ? Ни чуть не бывало. — Романъ написанъ потому, что такъ очень легко писать; что авторъ владѣетъ языкомъ, способностію (правда не хитрою) выдумывать оригиналовъ — въ родѣ Сижова, доктора Гржны и т. д.; — наконецъ потому, что есть многочисленный классъ людей, готовый читать, въ свободное время, что угодно, лишь бы описывались какія-нибудь происшествія. Соображая все это, не мудрено повѣрить, что авторъ дѣйствительно исполнитъ свое новое предпріятіе — и подаритъ Русской публикѣ небывалый по величинѣ романъ, *Старый Домъ*, котораго одинъ прологъ занялъ двѣ книги Отечественныхъ Записокъ прошлаго года. Что жъ? — Читатели, конечно, найдутся, — а больше чего же надо намъ въ промышленный вѣкъ?

Вотъ другая повѣсть: *Чердный гость* — Бернета. Но это уже, собственно говоря, анекдотъ, и анекдотъ въ самомъ дѣлѣ любопытный, хотя и неправдоподобный. — Къ Г-ну Росникову ночью врывается маска и зоветъ его въ маскарадъ. Росниковъ соглашается. Тамъ съ нимъ происходятъ различныя исторіи, и наконецъ, въ чужой шубѣ, каретѣ и съ чужой женой, онъ уѣзжаетъ въ чужой домъ. Принужденный бѣжать оттуда, онъ выходитъ уже въ своей шубѣ, въ своей

Digitized by Google

шляпѣ и калошахъ. Это, на первый разъ, очень странное обстоятельство весьма, впрочемъ, удачно объясняется въ повѣсти. —

Другая повѣсть: Бернета *Не судите по наружности.*— Но пусть читатель самъ судитъ о ея достоинствахъ по слѣдующимъ двумъ отрывкамъ. Герой повѣсти, повытчикъ какого-то степнаго уѣзднаго города, говоритъ съ Графомъ:

— Здравствуйте! сказалъ графъ, подступая ко мнѣ: — вы.... повытчикъ?

— Повытчикъ, ваше сіятельство.

— У, да какой вы гигантъ!

— Передъ вашимъ сіятельствомъ я всегда маленькій человѣкъ.

— Ну, нѣтъ.... развѣ только въ нѣкоторыхъ случаяхъ и отношеніяхъ. Я думаю, въ васъ вершковъ двѣнадцать?

— Ваше сіятельство двумя вершками изволили повысить.

— Стало-быть десять. И этаго слишкомъ-много. Славный ростъ, молодецкій ростъ! Впрочемъ извините. А какъ васъ звать?

— Не извольте, ваше сіятельство, объ этомъ безпокоиться; я и безъ зова буду навѣщать васъ.

— Не то: я желаю знать ваше имя, отечество и фамилію.

— Дѣдушка мой, Илларіонъ Пандіонъ, нарёкъ своего единственнаго сына Родіономъ, а сынъ его Родіонъ Пандіонъ назвалъ единственнаго внука моего дѣдушки Илларіономъ.

— Стало-быть, вы — Родіонъ Илларіоновичъ Пандіонъ?

— Нѣтъ, ваше сіятельство, Илларіонъ Родіоновичъ Пандіонъ!

— Такъ, такъ. Но обратимся теперь къ дѣлу. Мнѣ, господинъ повытчикъ, говорили, что у васъ прекрасная рука.

— Нельзя сказать, отвѣчалъ я простодушно, и, поднявъ лѣвую свою руку, растопырилъ ея пальцы какъ грабли.

— Экая огромная ручища! произнесъ графъ, улыбаясь: — да какая же она черная!

— Все оттого, ваше сіятельство, что я не прячу ея въ лайковый футляръ.

— То-есть, вы не употребляете перчатокъ; что-же вы на рукахъ-то носите, калоши, что ли?

Не правда ли что это остроумно? И вотъ какъ разсуждаетъ тотъ же герой одинъ на свободѣ:

Плачь, бѣдная женщина, плачь! для тебя уже не возможно на землѣ полное, безмятежное, цвѣтущее счастіе! Никто уже тебя не подаритъ имъ, ничья сила не перемѣнитъ прошедшаго! И если когда-нибудь великодушная, мужественная любовь подастъ тебѣ вѣчно-неизмѣнную руку — все же по свѣтлому небу вешняго

Digitized by Google

вашего праздника станутъ пробѣгать тёмныя облака мертвящихъ воспоминаній; все же въ вашемъ неразрывномъ союзѣ будетъ съ одной стороны — ничѣмъ неоплатная жертва, съ другой — робкая, сознающая свое безсиліе благодарность; все же гармонія взаимныхъ вашихъ отношеній отзовется не торжественнымъ, радостнымъ гимномъ увѣнчанной добродѣтели и невинности, а только тихой, унылой мелодіей прекраснѣйшихъ сердецъ, искупившихъ одно другое!

По поводу этой повѣсти мы слышали одно очень дѣльное мнѣніе, — что въ произведеніяхъ такого рода нужно искать не эстетическаго, а психологическаго интереса — именно постараться возсоздать, для поученія публики, тѣ странные душевные процессы, какими оно создавалось въ душѣ автора. Но какъ ни любопытенъ бы былъ разборъ такого рода, мы не чувствуемъ себя въ силахъ взяться за него.

Къ числу странныхъ и неразгаданныхъ произведеній принадлежитъ также *Портретъ* — фантастическій разсказъ Т. Ч., автора впрочемъ съ талантомъ. Очевидно повредило художественности этой повѣсти какое-то странное направленіе, и сдѣлало этотъ фантастическій разсказъ совершенно непонятнымъ. Это какой-то бредъ, послѣ котораго кружится голова и больше ничего. А между тѣмъ нельзя не сознаться, что и въ этомъ бреду виденъ талантъ.

Повѣсть Чернова *Двойникъ* нельзя пропустить безъ вниманія. Авторъ ея безъ сомнѣнія человѣкъ умный и чувствующій. Предметъ выбранный имъ для повѣсти не лишенъ живаго современнаго интереса. Но, что касается до формы, едва ли она идетъ къ внутреннему содержанію его разсказа. Мы очень далеки отъ мысли упрекать кого бы то ни было за избранную имъ форму. Собственно говоря, нѣтъ формы, которая бы не годилась вообще; но, когда произведеніе лежитъ предъ нами уже готовое, мы имѣемъ полное право судить объ удачномъ или неудачномъ выборѣ формы, и предполагать, что та же самая мысль стала бы яснѣе и сильнѣе, будучи выражена иначе. Судите сами, къ чему приданъ фантастическій колоритъ слѣдующему весьма простому дѣлу: Молодой человѣкъ рѣшается на крутой переломъ въ своей жизни; онъ хочетъ бросить свою

Digitized by Google

прежнюю *беззаботность*, разстаться съ юношескими, благородными, но, по его мнѣнію, непримѣнимыми къ практической жизни стремленіями, и идти по новому пути, гдѣ въ будущемъ ему видятся положенія въ обществѣ, удобства жизни, — хорошій столъ и т. д., — однимъ словомъ всѣ прочныя, не мечтательныя наслажденія. Въ пользу своего обдуманнаго рѣшенія онъ успѣлъ уже принесть жертву — это Вѣрочка, бѣдная дѣвушка, страстно его любящая. Онъ бросилъ ее потому, — какъ самъ говоритъ, — что она не имѣла никакого воспитанія, что она не могла слѣдовать за нимъ въ ту сферу жизни, куда влекли его сильныя желанія и страсти, проснувшіяся съ годами.» Идя послѣдовательно, онъ женится на скромной дѣвушкѣ изъ хорошаго семейства, беретъ выгодное мѣсто, нанимаетъ хорошую квартиру; но скоро оказывается, что для достиженія новой выбранной имъ цѣли недостаетъ, ни женинаго приданаго, ни жалованья, получаемаго съ выгоднаго мѣста; а между тѣмъ онъ уже слишкомъ затянулся: новое положеніе въ свѣтѣ, новыя связи имѣютъ свои требованія, для выполненія которыхъ нужны деньги. Гдѣ взять ихъ? — Остаются такъ называемыя неблагородныя средства. Герой нашъ останавливается на минуту предъ этимъ пожертвованіемъ; но ему нѣтъ ни откуда поддержки. Тесть и теща прямо намекаютъ ему на эти неблагородныя средства; женѣ то же хочется непремѣнно дачи. Тогда онъ падаетъ окончательно. — Конечно, вся эта постепенная борьба можетъ быть не лишена драматическаго интереса; но вы все-таки видите, что это самая пошлая, обыкновенная исторія. Человѣкъ съ художественною способностію могъ бы конечно и изъ этого предмета сдѣлать хорошую повѣсть. Онъ вывелъ бы на сцену нѣсколько живыхъ, цѣльно задуманныхъ лицъ, взялъ бы для этого типы, представляемые современнымъ обществомъ, въ основаніе положилъ бы характеръ своего героя, и изъ естественнаго столкновенія между собой этихъ лицъ — стройно и послѣдовательно проистекло бы то событіе, которое взято Г. Черновымъ за основу его повѣсти. Но всего этого авторъ, повидимому, не могъ сдѣлать, и потому онъ

Digitized by Google

принужденъ былъ вывесть на сцену двойника, что-то весьма темное, — доктора Морица; наконецъ, все это изложить въ видѣ записокъ (способъ, замѣтимъ, самый удобный для тѣхъ, кого не стаѣтъ на созданіе характеровъ). Только посредствомъ всѣхъ этихъ искусственныхъ мѣръ, успѣлъ онъ достигнуть до того, что повѣсть читается съ интересомъ, хотя какимъ-то лихорадочнымъ. Что касается до достоинствъ повѣсти, то мы уже сказали объ нихъ въ началѣ. Достоинства эти принадлежатъ болѣе лицу автора, проглядывающему во всей повѣсти.

Графъ Соллогубъ помѣстилъ въ Отечественныхъ Запискахъ прошлаго года два произведенія: *Бѣда отъ нѣжнаго сердца*, комедія-водевиль, и *Старушка* — повѣсть. О комедіи-водевилѣ можно сказать развѣ только то, что, благодаря талантамъ актеровъ, она имѣла успѣхъ на Петербургской и Московской сценахъ. Что касается до художественнаго достоинства этой комедіи, то вѣроятно и самъ авторъ не приписываетъ ей въ этомъ отношеніи большаго значенія. Особенно поражаетъ въ этомъ водевилѣ слѣдующее обстоятельство: женскія лица и отношенія между ними писаны съ явной претензіей на правдоподобность, и въ самомъ дѣлѣ намекаютъ на нѣчто, дѣйствительно существующее; тогда какъ самъ герой рѣшительно неправдоподобенъ, такъ, что трудно себѣ представить, какъ можетъ подобная вещь придти въ голову. Его же повѣсть: *Старушка*, можетъ служить образцомъ умѣнья ловко и занимательно разсказывать вещи, сами по себѣ представляющія очень мало интереса. — Принадлежи эта повѣсть другому писателю, неизвѣстному еще или малоизвѣстному въ нашей литературѣ, мы бы конечно похвалили ее за легкое и живое изложеніе, наконецъ за похвальное желаніе выставить на показъ этотъ типъ старушекъ, эгоистическихъ и безчувственныхъ ко всему, что только не равно имъ по происхожденію. И этими достоинствами нельзя пренебрегать въ писателяхъ; но мы имѣли полное право ожидать отъ Графа Соллогуба чего-нибудь поважнѣе. По этому пусть не прогнѣвается онъ, если мы напомнимъ ему, что писатель, заинтересовавшій публику своимъ талан-

Digitized by Google

томъ и дорожащій мнѣніемъ читателей, долженъ быть строгъ къ самому себѣ въ выборѣ пьесъ для печатанія. — Знакомые уже давно съ произведеніями Гр. Соллогуба и его умѣньемъ писать, мы вполнѣ увѣрены, что ему ничего не стоитъ написать и еще нѣсколько разсказовъ въ родѣ *Старушки*; но печатать такія повѣсти, значитъ размѣнивать свой талантъ, и, ради легкости, уклоняться отъ своей настоящей дороги, указанной талантомъ, но, конечно требующей болѣе труда и вниманія.

Тѣни прошлаго—повѣсть Т. Ч., читается съ большимъ удовольствіемъ: въ ней нравится и оригинальность формы и мысль, ловко проведенная чрезъ весь разсказъ. Мы познакомимся съ ея содержаніемъ: Герой ея, Сергѣй Сергѣевичъ Березовъ, одинъ изъ тѣхъ пустыхъ людей, которыхъ, подъ именемъ разочарованныхъ, выводятъ съ такою охотою въ своихъ повѣстяхъ наши писатели. Можно бы было замѣтить, что пора уже бросить это до крайности истертое и отчасти ходульное лицо, и обратиться къ типамъ, представляемымъ дѣйствительною современною жизнію; но дѣлать нечего — автору угодно было избрать его въ герои, и потому скажемъ нѣсколько словъ объ его характерѣ. — Сколько можно понять изъ не совсѣмъ полной отдѣлки этого лица, авторъ хотѣлъ представить человѣка довольно холоднаго, пустаго, преимущественно безхарактернаго, но не глупаго, и оттого скучающаго въ бездѣйствіи. Отличительная черта его состоитъ въ эгоизмѣ — въ постоянныхъ заботахъ о своей личности, доведенныхъ до такой степени, что онъ никакъ не умѣетъ жить въ настоящемъ, боится всякаго рѣшительнаго поступка, всякаго увлеченія, опасаясь связать себя чѣмъ бы то ни было и дорожа какой-то фантастической свободой. — Эта послѣдняя черта очень ловко подмѣчена авторомъ въ современномъ обществѣ. — Впрочемъ на немъ останавливаться долго не за чѣмъ: не художественность характеровъ составляетъ достоинство этой повѣсти, а, если можно такъ выразиться, элементъ лирическій. Можетъ быть удивятся, если мы скажемъ, что *Тѣни прошлаго* не повѣсть, а скорѣе лирическое произведеніе — а между

Digitized by Google

тѣмъ это такъ. Въ этомъ разсказѣ нѣтъ даже дѣйствія — это рядъ картинъ, вызываемыхъ Березовымъ изъ его прошлой жизни; ему, скучающему жизнію, являются по очереди всѣ женщины, которыхъ онъ любилъ, или, лучше сказать, съ которыми онъ вступалъ въ какія-то странныя отношенія, нѣсколько похожія на отношенія любящихъ другъ друга. Всѣ эти картины прошлаго возбуждаютъ въ душѣ его одну и ту же тоску, которая наконецъ, разрѣшаясь въ видѣ вопроса: *для чего вы сберегали себя, Сергѣй Сергѣевичъ*? — очень эффектно заключаетъ повѣсть. — Намъ кажется, что такой сюжетъ годится, какъ нельзя болѣе, для лирическаго стихотворенія. Нѣкоторыя изъ тѣней очень милы и граціозны; такъ напр. созданіе Ольги сильно свидѣтельствуетъ въ пользу художественной способности автора: отношенія ихъ съ Сергѣемъ Сергѣевичемъ разобраны подробно и вѣрно. Чтобы дать ближайшее понятіе о разбираемой повѣсти, выписываемъ явленіе одной изъ первыхъ тѣней; при всей своей краткости, она даетъ понятіе и о характерѣ Березова и о родѣ таланта автора:

И третья картина возникла предъ его мысленнымъ взоромъ. Такіе же сумерки стелятся по красивой гостиной; карета стоитъ у крыльца; черноволосая женщина выходитъ на-встрѣчу девятнадцатилѣтнему Сержу, съ театральной афишей и перчатками въ одной рукѣ, и съ выдвижнымъ лорнетомъ въ другой.

— Я пришелъ проститься, сказалъ Сержъ.

— А!—и лорнетъ вмѣстѣ съ афишей поспѣшно положенъ на столъ, перчатки упали. — Вы ѣдете?.. надолго?

— Служить ѣду.

— Значитъ, надолго, навсегда?.. Садитесь!

Они сѣли.

— Мнѣ лучше уйдти, говоритъ Сержъ. — вы ѣдете въ театръ. Я вамъ помѣшалъ.

— Вы ѣдете навсегда и такъ спѣшите меня оставить. Замолчали.

— Прощайте, сказалъ онъ черезъ минуту, поднимаясь.

— Постойте!

Онъ опять сѣлъ.

— У васъ нѣтъ знакомыхъ въ Петербургѣ?—спросилъ онъ съ замѣшательствомъ, не зная что говорить.

— Есть, да Богъ съ ними! — отвѣчаетъ она съ досадой.

Digitized by Google

— Право, я вамъ помѣшалъ; вы сердитесь.

— Ничуть, я не поѣду въ театръ.

— Что же вы такъ? Я лучше уйду....

Она слегка пожала плечами.

— Сергѣй Сергѣевичь, послушайте....

— Что прикажете?

Онъ обернулся съ этимъ вопросомъ; она замолчала. Оба были въ нерѣшимости.

— Прощайте, сказалъ онъ, вставая снова.

Онъ подошелъ поцѣловать ея руку.

— Прощайте.... Она удержала его за руку, заставила взглянуть себѣ прямо въ глаза. — «Прощайте.... Сержъ!....» прибавила она тихо, ласкающимъ, нѣжнымъ голосомъ.

Онъ поцѣловалъ у ней руку съ нѣкоторымъ смущеніемъ.

— Ne m'oubliez pas complètement, сказала она, очаровательно улыбаясь поблѣднѣвшими губами.

Онъ былъ почти уже за дверью, но оглянулся, хотѣлъ что-то сказать, произнесъ только *jamais*, и захлопнулъ дверь за собой очень-сильно.... отворилъ снова, извинился, что такъ стукнулъ. Она разсмѣялась.

— Останьтесь еще, хоть на минуту, сказала она непринужденно.

— Нѣтъ, право, вамъ пора въ театръ.

Глаза ея увлажились, когда дверь затворилась вторично что-то странное сжало ея сердце и вырвалось неестественнымъ смѣхомъ.

— Ребенокъ! проговорила она, укусивъ до крови свои полныя, свѣжія губы.

И, Боже мой! сколько было обманутаго чувства въ этомъ злом словѣ: «ребенокъ!»

Тутъ Бруско порывистымъ движеніемъ толкнулъ Березова и заставилъ его открыть глаза. Картина исчезла; вмѣстѣ съ нею исчезъ девятнадцатилѣтній Сержъ. На зеленой кушеткѣ сидѣлъ утомленный каждодневной предзакатной порой Березовъ.

Г. Тургеневъ помѣстилъ въ Отечественныхъ Запискахъ одну повѣсть: *Дневникъ лишняго человѣка*. Оригинальное дарованіе этого писателя и заслуженный успѣхъ прежнихъ его произведеній, въ особенности *Записокъ Охотника*, заставляютъ насъ остановиться со вниманіемъ и на новомъ его произведеніи. Прежде всего въ *Дневникѣ лишняго человѣка* поражаетъ насъ то обстоятельство, что лицо, выводимое авторомъ въ настоящей повѣсти, уже не новость, не только вообще въ нашей литературѣ, но и въ произведе-

Digitized by Google

ніяхъ того же автора. Мы уже познакомились съ этимъ типомъ въ Гамлетѣ Щигровскаго уѣзда, и, сколько намъ кажется, познакомились полнѣе и короче. — И тамъ насъ остановило стремленіе Г. Тургенева представить въ одномъ лицѣ современное болѣзненное развитіе въ крайней степени, и здѣсь то же самое направленіе выразилось еще въ бо̀льшей мѣрѣ; но тамъ нѣкоторая уродливость героя спасалась по крайней мѣрѣ комическимъ направленіемъ разсказа; здѣсь же, когда авторъ очевидно старается возбудить участіе къ своему герою, какъ-то тяжело и непріятно видѣть, вмѣсто живаго лица, крайнее олицетвореніе современнаго недостатка, встрѣчаемаго во многихъ людяхъ. — Все, что мы сказали до сихъ поръ, относится не столько къ Тургеневу, сколько вообще къ несовсѣмъ художественному направленію — представлять въ одномъ лицѣ какую-нибудь черту, развитую до послѣдней крайности. Обыкновенно при этомъ жертвуется цѣлостію лица ради вмѣщенія въ него сколько можно бо̀льшаго числа, подмѣченныхъ въ самомъ себѣ и въ другихъ, чертъ. Въ отношеніи наблюдательности Г. Тургеневъ явился такимъ же художникомъ въ *Дневникѣ лишняго человѣка*, какъ и въ своихъ прежнихъ произведеніяхъ. Есть черты, до того вѣрно подмѣченныя, до того глубоко выхваченныя изъ души, что вдругъ припоминаешь нѣчто подобное и въ своей собственной душѣ, и во множествѣ другихъ людей. Нещаднымъ анализомъ авторъ преслѣдуетъ часто какое-нибудь душевное движеніе до послѣдней глубины и мелочности, поражая васъ своимъ знаніемъ человѣка. Только, когда уже прочтете весь *Дневникъ*, замѣтите, что изъ всѣхъ чертъ, доставлявшихъ вамъ наслажденіе своею вѣрностію, не слагается одного живаго образа, и произведенію недостаетъ той оконченности и замкнутости, которая есть главное достоинство произведеній вполнѣ художественныхъ.

Съ особеннымъ удовольствіемъ останавливаемся мы на повѣсти *Анна Михайловна*, которой авторъ, Г-жа Крестовская, является, кажется, въ первый разъ въ Русской литературѣ. Мы было готовы были сказать о ней, что она подаетъ

Digitized by Google

большія надежды; но, во-первыхъ, эта фраза очень избита, во-вторыхъ, намъ какъ-то несчасливится на надежды; лучше удержаться до времени отъ какихъ-либо сужденій о талантѣ автора и ограничиться разборомъ его перваго произведенія. Достоинство повѣсти заключается въ мѣткой наблюдательности, ловкомъ изложеніи, умѣньи поставить и свести дѣйствующія лица. Когда читаешь его повѣсть, провинціальная жизнь со всѣми ея мелочами, дрязгами, стремленіемъ задавить всякую личность, всякое мнѣніе, выходящее хоть сколько-нибудь за черту обыкновеннаго — все это несется какъ будто живое передъ глазами. Но не смотря на то, или, лучше сказать, потому именно, что выведено очень много различныхъ лицъ, всѣ онѣ рисуютъ больше самую жизнь провинціальную, оставаясь сами въ какомъ-то полусвѣтѣ, въ неясныхъ очеркахъ. Вообще автору можно замѣтить, что онъ напрасно не сосредоточилъ своего вниманія на нѣсколькихъ лицахъ, которыя оттого вышли бы полнѣе и оригинальнѣе; между тѣмъ какъ теперь, когда ихъ столько на сценѣ, всѣ они вышли очень похожими другъ на друга, или, по крайней мѣрѣ, различіе между ними такъ не велико, что забывается тотчасъ послѣ прочтенія; конечно, это не примѣняется къ двумъ главнымъ дѣйствующимъ въ повѣсти лицамъ: — Анна Михайловна и Окольскій очерчены гораздо полнѣе; они могли бы даже назваться вполнѣ художественными лицами, еслибы не было такъ замѣтно желанія автора представить Анну Михайловну слишкомъ прекрасною женщиною, отчего она выходитъ какою-то героиней; а Окольскаго, въ противоположность, слишкомъ пустымъ и дурнымъ человѣкомъ. Эта задняя мысль повела автора къ нѣсколькимъ несообразностямъ, по крайней мѣрѣ заставила его ввести въ характеры того и другаго такія черты, которыя мѣшаютъ имъ быть вполнѣ живыми и вѣрными природѣ лицами. Всѣ эти маленькіе недостатки вполнѣ вознаграждаются, по нашему мнѣнію, умѣньемъ автора описывать провинціальныя сцены: хорошихъ сценъ въ этой повѣсти такъ много, что мы рѣшительно затрудняемся, какую изъ нихъ представить нашимъ читателямъ для образца....

Digitized by Google

Для полноты обзора изящно-литературныхъ произведеній остается сказать о повѣсти Г. Григоровича *Неудача*. Вообще мы признаемъ въ авторѣ довольно большой талантъ, и потому были не совсѣмъ пріятно поражены появленіемъ этой повѣсти, безспорно уступающей всѣмъ предшествовавшимъ произведеніямъ Г. Григоровича. Вся повѣсть держится на драматическомъ положеніи человѣка, преданнаго живописи и въ высокой степени способнаго къ ней, но котораго семейныя обстоятельства принуждаютъ бросить любимое занятіе, разстаться со всѣми мечтами о будущей славѣ и сдѣлаться чиновникомъ въ какомъ-то уѣздномъ городкѣ. Конечно, всѣ подобные случаи печальны и производятъ на душу сильное впечатлѣніе, которое многими принимается за эстетическое наслажденіе и ставится въ заслугу автору. Но мало ли есть въ самой жизни внѣшнихъ обстоятельствъ, которыя бываютъ причиною несчастій людей на цѣлую жизнь. Разсказъ о всѣхъ подобныхъ бѣдствіяхъ, конечно, произвелъ бы такое же сильное впечатлѣніе; но вѣдь ато уже переходитъ въ анекдоты печальнаго содержанія, которые годятся только для того, чтобы доставить случай поплакать охотникамъ до слезъ, и позадуматься надъ тѣмъ, какіе горестные бываютъ въ жизни случаи. Пишетъ же Г. Григоровичъ такія прекрасныя вещи, какъ «Четыре времени года», и мы бы посовѣтывали ему преимущественно остановиться на этомъ родѣ, къ которому онъ имѣетъ очевидное призваніе; притомъ идиллическая форма такъ идетъ къ воспроизведенію нашего простонароднаго быта.

Еще нѣсколько словъ, прежде нежели перейдемъ къ другимъ отдѣламъ журнала.... Можетъ быть, нѣкоторымъ покажется слишкомъ строгимъ и придирчивымъ сужденіе наше о нѣкоторыхъ произведеніяхъ, не лишенныхъ ни занимательности, ни живости изложенія, и въ которыхъ однако мы все-таки нашли очень мало достоинствъ. Все это происходитъ отъ точки зрѣнія, съ которой мы смотримъ на произведенія изящной литературы. Говорить подробно о нашей точкѣ зрѣнія, т. е. о нашихъ требованіяхъ отъ изящныхъ произведеній словесности, было бы здѣсь неумѣ-

Digitized by Google

стно; въ существенныхъ же чертахъ эти требованія, конечно, объяснились изъ сужденій нашихъ о разобранныхъ повѣстяхъ и романахъ. Мы нисколько не думали быть новыми и оригинальными во взглядѣ на изящную словесность; требованія наши отъ нея суть, конечно, требованія и многихъ другихъ критиковъ; мы рѣшились только остаться вѣрными себѣ и цѣнить всѣ произведенія со стороны ихъ чисто-художественнаго достоинства, не увлекаясь никакими посторонними искусству достоинствами; оттого-то, конечно оказалось такъ мало произведеній замѣчательныхъ.

Перейдемъ къ другимъ отдѣламъ.

Къ отдѣлу матеріаловъ по Русской исторіи можно отнести *Записки Андрея Тимоѳеевича Болотовича*, Досихъ поръ этихъ записокъ вышло уже шесть частей; по большей части авторъ разсказываетъ только свои личныя похожденія, часто вдаваясь въ подробности, ни для кого не занимательныя. Конечно, нельзя сказать, чтобы эти записки были вообще безполезны, но надобно сознаться, что они скучны и даютъ слишкомъ мало, въ соразмѣрности съ трудомъ, который нуженъ, чтобы прочесть ихъ всѣ. Въ Современникѣ сократили же записки Гёте; тѣмъ болѣе простительно было бы сократить и *Записки Болотова*.

Изъ статей ученаго содержанія, болѣе замѣчательныхъ, въ Отечественныхъ Запискахъ 1850 года были слѣдующія: Г. Аѳанасьева: *Изслѣдованія начала торговаго законодательства Петра Великаго, Историческое развитіе вопросовъ о призрѣніи въ Россіи*, и наконецъ *Объ археологическомъ значеніи Демостроя*. Мы не станемъ ничего говорить здѣсь объ этихъ замѣчательныхъ статьяхъ, потому что Редакторъ Москвитянина, это его часть, — намѣренъ предложить читателямъ скоро большую статью обо всѣхъ дѣятеляхъ Русской Исторіи.

А. Б. Ордынскій помѣстилъ въ Отечественныхъ Запискахъ прошлаго года три статьи ученаго содержанія: *Аристофанъ*, продолженіе статьи, помѣщенной прежде; *Греческія женщины*, и наконецъ: *Внѣшняя обстановка домашней жи-*

Digitized by Google

зни древняго Грека. Первая статья состоитъ почти исключительно изъ переводовъ различныхъ мѣстъ изъ Аристофановыхъ комедій. Самая мысль — предложить довольно много отрывочныхъ переводовъ въ журнальной статьѣ, намъ очень нравится: полный, хотя и хорошій, переводъ Аристофановыхъ комедій, едвали бы нашелъ у насъ очень многихъ читателей; поэтому очень полезны такія статьи, которыя мимоходомъ и понемногу пріучаютъ публику къ знакомству съ произведеніями Греческихъ классиковъ; они подготовляютъ вкусъ публики и сдѣлаютъ наконецъ возможнымъ появленіе полныхъ переводовъ классиковъ — дѣло, конечно, весьма трудное безъ поддержки со стороны читателей. Не можемъ не замѣтить о странности языка, который Г. Ордынскій употребляетъ для своихъ переводовъ. Искусственное смѣщеніе простонародныхъ, и часто очень простонародныхъ, словъ и выраженій съ обыкновенными литературными только пестритъ языкъ, а совсѣмъ не даетъ ему простоты подлинника, которой хотѣлось достичь Г. Ордынскому. Въ двухъ остальныхъ статьяхъ мы видимъ желаніе автора передать Русской публикѣ результаты ученыхъ изслѣдованій о Греческой жизни. Нѣмецкія и другія ученыя сочиненія по этой части недоступны для большинства публики, а между тѣмъ знакомство съ такимъ народомъ, какъ Греческій, занимательно въ высшей степени для каждаго образованнаго человѣка. Г. Ордынскій принялъ на себя — дѣлать общимъ достояніемъ то, что до сихъ поръ скрывалось по частямъ и отрывочно въ многотомныхъ и сухихъ Нѣмецкихъ сочиненіяхъ. Вполнѣ благодарные ему за такое дѣло, мы считаемъ однако необходимымъ сдѣлать одно замѣчаніе объ общемъ характерѣ его статей.

Не знаемъ, производятъ ли онѣ и на другихъ такое же впечатлѣніе; но намъ онѣ кажутся какъ будто неоконченательно отдѣланными. Есть какая-то шероховатость въ изложеніи, нѣсколько мѣшающая ихъ общепонятности. Статьи его суть простое собраніе свѣдѣній о Греческой жизни, взятыхъ ли имъ у другихъ изслѣдователей, или почерпнутыхъ изъ прямыхъ источниковъ. Конечно этотъ недостатокъ

Digitized by Google

выкупается интересомъ содержанія, для многихъ совершенно новаго; но нельзя ли соединить этотъ интересъ съ болѣе легкимъ и плавнымъ изложеніемъ.... Посмотрите какъ пишутся Французскія сочиненія этого рода.

Къ числу замѣчательныхъ статей ученаго содержанія принадлежитъ небольшая статья Г. М. Соловьева: *О вліяніи природы Русской Государственной области на ея исторію.* Сколько намъ помнится, это еще первая попытка приложить новѣйшій плодотворный взглядъ на географію въ Россіи. *Система Государственныхъ займовъ въ Европѣ* прекрасна и по изложенію и по интересу разбираемыхъ въ ней вопросовъ. Кажется, ни одна другая наука тамъ не бѣдна у насъ сочиненіями, какъ наука народнаго хозяйства; поэтому нельзя довольно благодарить автора, какъ за это, такъ и за предъидущія его статьи, доступныя всѣмъ по легкости изложенія и между тѣмъ передающія вполнѣ результаты современныхъ изслѣдованій и вѣрный взглядъ на явленія экономическаго міра.

Статья М. С. Хотинскаго: *Современныя астрономическія открытія*, представляетъ полную, хотя и бѣгло очерченную, картину новѣйшихъ успѣховъ астрономіи. Авторъ строго отличаетъ дѣйствительныя открытія астрономовъ отъ мнимыхъ, еще не всѣми признанныхъ, какъ напр. открытіе центральнаго солнца Медлеромъ. Вся статья написана съ знаніемъ дѣла и съ увлеченіемъ, достойнымъ истиннаго ученаго, заступается ли онъ за Леверье, или возстаетъ на нелѣпые предразсудки, существующіе еще до сихъ поръ въ астрономіи.

Коротенькая статья П. Басистова — *Объ историческомъ значеніи Платонова Симпосіона*, отличается картиннымъ изложеніемъ и фразистымъ языкомъ. Не знаемъ, много ли новаго можетъ сообщить статья, написанная такимъ образомъ. Подобный методъ изложенія діаметрально противоположенъ методу Г. Ордынскаго: сколько въ этомъ послѣднемъ безцеремонности и вмѣстѣ съ тѣмъ безъискусственности, столько въ первомъ отдѣлки, но за то и чопорности,

Digitized by Google

Статья Г. Боткина: *Объ эстетическомъ значеніи новой фортепьянной школы*, написана съ цѣлію разъяснить извѣстный споръ между приверженцами Нѣмецкой классической музыки и послѣдователями новой школы. Г. Боткинъ становится на сторону послѣднихъ и видитъ въ новой школѣ побѣду истинной музыки надъ схоластикой. Не будучи знатоками въ музыкѣ, мы не можемъ рѣшить, на сколько справедливо вообще мнѣніе автора; но прочли статью его съ удовольствіемъ, и со многимъ принуждены были согласиться.

Переводъ *Наивной и сантиментальной поэзіи Шиллера* напомнилъ намъ, какихъ капитальныхъ сочиненій Нѣмецкихъ и другихъ ученыхъ нѣтъ еще у насъ въ переводѣ.

Мы исчислили только тѣ статьи ученаго содержанія, которыя по чему-нибудь обратили на себя особенно вниманіе; но есть еще и другія, также не лишенныя интереса, о которыхъ мы впрочемъ не упоминаемъ для того, чтобы не растянуть слишкомъ и безъ того уже длинной статьи нашей.

Перейдемъ къ отдѣлу критики.

Одна изъ самыхъ замѣчательныхъ статей въ этомъ отдѣлѣ есть, безъ сомнѣнія, критика Ѳ. Буслаева на *Мысли объ исторіи Русскаго языка*, *Срезневскаго*. Оцѣнивъ по заслугамъ сочиненіе Г. Срезневскаго, авторъ критики рѣшаетъ, кромѣ того, главнѣйшіе вопросы, касающіеся исторіи Русскаго языка; эти вопросы приводятся, по его мнѣнію, къ слѣдующимъ: въ какомъ отношеніи стоитъ исторія языка къ современному его состоянію? Необходимо ли историческое изученіе языка для теоріи и слога современнаго? Соотвѣтствуетъ ли историческое развитіе языка успѣхамъ умственной и положительной жизни народа? Наконецъ, въ какой связи состоитъ исторія языка Русскаго съ сравнительною грамматикою языковъ Индо-Европейскихъ? Рѣшая эти вопросы, интересные въ высшей степени, какъ, конечно, замѣтилъ читатель, Ѳ. Буслаевъ обнаруживаетъ свое глубокое филологическое образованіе, и, скромно увѣряя въ началѣ статьи, что читатель найдетъ въ ней только болѣе подробныя объясненія тѣхъ краткихъ мыслей и намековъ, кото-

Digitized by Google

рыми такъ искусно умѣлъ заинтересовать ихъ авторъ *Мыслей*, онъ высказываетъ въ самомъ дѣлѣ много новаго и оригинальнаго. Вообще статья эта принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыхъ нельзя не прочесть человѣку, не холодному къ успѣхамъ науки. Новость предмета и въ особенности существующая у насъ шаткость понятій о немъ придаютъ статьѣ еще болѣе вѣса.

Нельзя не обратить также вниманія на статью *о Стихотвореніяхъ Фета*. Разбирая подробно каждый изъ отдѣловъ собранія стихотвореній А. Фета, авторъ высказываетъ много дѣльнаго о каждомъ изъ родовъ стихотвореній. Близкое знакомство съ иностранной литературой, въ особенности Нѣмецкой, даетъ ему случай дѣлать часто удачныя сближенія съ поэтами Нѣмецкими, и чрезъ подобныя сравненія уяснить ближе родъ таланта нашего отечественнаго писателя. Вообще вся статья написана живымъ и увлекательнымъ слогомъ, и даетъ полное понятіе о поэтической дѣятельности Г. Фета.

Б. Ордынскаго: *Новыя стихотворенія Жуковскаго, Томъ 14, Одиссея—XIII и XIV пѣсни.* Это — продолженіе статьи, напечатанной въ прошломъ году. Авторъ доказываетъ, что къ переводу новыхъ пѣсенъ вполнѣ прилагается мнѣніе, высказанное имъ прежде о первыхъ пѣсняхъ. Послѣ, авторъ разсуждаетъ о многосторонних трудностяхъ передачи Гомера на Русскій языкъ, и наконецъ предлагаетъ образцы собственнаго перевода. Этотъ переводъ не дуренъ и очень близокъ къ подлиннику; но производитъ, какъ мы уже сказали, странное впечатлѣніе своею пестротою.

Нельзя не упомянуть также о разборѣ *Сочиненій Княжнина*, въ которомъ мы видимъ начало большаго предпріятія разобрать сочиненія всѣхъ Русскихъ писателей, по мѣрѣ того, какъ они будутъ выходить въ свѣтъ. Надѣемся, что не ошибемся въ нашихъ ожиданіяхъ. Настоящая статья доказываетъ довольно подробнымъ разборомъ, что эпитетъ *переимчивый*, который Пушкинъ придалъ Княжнину, есть характеристическій для этого послѣдняго.

Digitized by Google

Кромѣ того въ Отечественныхъ Запискахъ былъ разобранъ подробно и съ большимъ знаніемъ дѣла замѣчательный трудъ Мурчисона и другихъ, вышедшій въ прошломъ году въ Русскомъ переводѣ, подъ заглавіемъ: *Геологическое описаніе Европейской Россіи и хребта Уральскаго.* Самое замѣчательное въ этой критической статьѣ есть изложеніе всѣхъ геологическихъ трудовъ въ Россіи, предшествовавшихъ путешествіямъ Мурчисона и другимъ, откуда легко слѣдуетъ, что большая часть открытій, сдѣланныхъ знаменитыми путешественниками, была подготовлена уже прежними изслѣдованіями, что впрочемъ ясно видно и изъ статьи Г. профессора Щуровскаго, помѣщенной въ Москвитянинѣ.

Отдѣлъ Смѣси есть самый богатый въ О. З.; поэтому исчисленіе даже замѣчательнѣйшихъ здѣсь статей заняло бы очень много мѣста. Скажемъ только, что, кромѣ множества оригинальныхъ и переводныхъ статей, здѣсь помѣщенныхъ, кромѣ извѣстій о новыхъ открытіяхъ въ области наукъ и замѣчательныхъ событій, какъ въ отечествѣ нашемъ, такъ и за границей, въ Смѣси О. З. помѣщаются постепенно замѣтки о Петербургскихъ театрахъ. Иногда здѣсь же появляются статьи и о Московскомъ театрѣ, большею частію дѣльныя, которыя показываютъ въ авторѣ большую начитанность по части драматическаго искусства. Сужденія о пьесахъ, ихъ выполненіи и замѣтки объ артистахъ вѣрны, и, сколько намъ извѣстно, представляютъ собою выраженія образованнаго большинства публики. Въ этотъ же, наконецъ, отдѣлъ входитъ музыкальная хроника, въ которой, особенно въ прошломъ году, были прекрасныя статьи объ Итальянской оперѣ.

Въ О. З. прошлаго года были помѣщены въ полныхъ переводахъ три капитальныя произведенія иностранной литературы: Дикенса *Замогильныя записки Пиквикскаго Клуба*, которыя были, правда, переведены у насъ и прежде, но въ искаженномъ видѣ; Теккерея *Базаръ житейской суеты* и наконецъ Бульвера *Семейство Какстоновъ.*

Digitized by Google

Нѣсколько словъ по поводу Французскихъ дѣтскихъ книгъ.

Пробѣгая различныя объявленія, которыми, какъ извѣстно, передъ Рождествомъ и Свѣтлымъ Праздникомъ, газеты бываютъ богаче обыкновеннаго, мы, между другими, читали и объявленія о дѣтскихъ книгахъ, частію Русскихъ, но болѣе иностранныхъ, и въ особенности Французскихъ. Эти объявленія, давно не новыя ни для кого, не остановили ни мало нашего вниманія, и мы, быть можетъ, и не вспомнили бы о вещи столько обыкновенной, еслибы намъ не довелось передъ праздникомъ быть въ нѣсколькихъ книжныхъ магазинахъ. Съ перваго взгляда неотразимо-непріятное впечатлѣніе произвели въ насъ въ этихъ магазинахъ, и преимущественно во Французскихъ, огромные столы, заваленные или, вѣрнѣе, убранные дѣтскими книгами, точь-въ-точь какъ игрушками или конфетными коробками: въ добавокъ, намъ показалось, что никогда не видали мы дѣтскихъ книгъ въ такомъ количествѣ, такой роскоши и великолѣпіи; но мы и всѣмъ этимъ не позволили бы себѣ ни за что занимать нашихъ читателей, еслибы отъ перваго впечатлѣнія не перешли къ положительнымъ выводамъ, а отъ выводовъ къ кое-какимъ размышленіямъ, которыми подѣлиться съ читателями считаемъ нашею обязанностію.

Многіе десятки дѣтскихъ книгъ пересмотрѣли мы въ разныхъ магазинахъ, и убѣдились въ томъ, что больше всего такихъ книгъ—Французскихъ, что хуже всѣхъ Французскія, всѣхъ дороже—тоже Французскія. Въ числѣ Англійскихъ и Нѣмецкихъ изданій для дѣтей есть весьма удовлетворительныя, и мы надѣемся указать на нѣкоторыя изъ нихъ въ непродолжительномъ времени. На этотъ разъ мы поговоримъ только о Французскихъ.

Главное достоинство видѣнныхъ нами Французскихъ дѣтскихъ книгъ—это ихъ наружность; но наружность эта: переплетъ, картинки, золотые обрѣзы, все вмѣстѣ доведено до такой роскоши, что по неволѣ смотришь на книгу не какъ на книгу, а какъ на игрушку; стало быть, самое достоинство — недостатокъ. Внутреннее содержаніе — на половину ниже посредственнаго, на половину едва-едва удовлетвори-

Digitized by Google

тельно: напримѣръ, вдругъ цѣликомъ повѣсти гг. Дюма, Сю и братіи, но только иллюстрированныя, или какія-нибудь пошленькія и сухія моральныя сентенціи, которыя ребенокъ конечно проглотитъ, какъ и всякую *позолоченую* пилюлю, но о которыхъ все-таки сохранитъ воспоминаніе самое непріязненное, какъ о всякой пилюлѣ: лекарство—ужь все лекарство; можно допустить еще біографіи нѣкоторыхъ историческихъ лицъ, нѣкоторыя народныя преданія, облеченныя въ довольно толковыя сказки, и два-три элементарные курса естественныхъ наукъ, приспособленные къ дѣтскому понятію не совсѣмъ неудачно. А цѣны! Волюмъ въ 12 д. л., вмѣщающій въ себѣ 200—250 страницъ крупной и самой разгонистой печати, стоитъ отъ 3-хъ до 8-ми руб. серебромъ. Нѣтъ нужды доказывать, послѣ этого, что всѣ эти изданія доступны только для людей самыхъ богатыхъ, и что только лица высшаго круга могутъ дарить своихъ дѣтей такими книгами. Къ этимъ-то лицамъ въ особенности и обращаемся мы здѣсь.

Грустно видѣть, когда Русскія дѣти въ 10—12 лѣтъ говорятъ по-Французски какъ Французы, а по-Русски какъ не-Русскіе, когда семнадцатилѣтняя дѣвушка знаетъ о Пушкинѣ по слухамъ, и прочтетъ вамъ наизусть любую изъ *Méditations* Ламартина и разскажетъ всевозможные анекдоты о Наполеонѣ, Людовикѣ XIV, Францискѣ, Баярѣ, и даже далѣе; когда человѣкъ взрослый, и родившійся, и воспитанный въ Россіи, пишетъ по-Русски, какъ будто переводитъ каждую фразу съ Французскаго языка, какъ будто самая мысль-то зараждается въ немъ по-ранцузски, а не по-Русски! Да, читатели, для насъ это очень грустно! И мы говоримъ объ этомъ потому, что намъ не только не рѣдко случалось, но и до сихъ поръ случается встрѣчать подобныя явленія. И чего бы не дали мы, чтобъ этихъ явленій не было! Чего бы не дали мы за то, чтобъ стереть навсегда съ лица Русской земли это все еще существующее въ извѣстной части общества предубѣжденіе въ пользу всего иностраннаго, преимущественно—Французскаго,—эту несчастную страсть къ Французскимъ гувернерамъ, въ иныхъ

Digitized by Google

семействахъ передаваемую отъ отца къ сыну вмѣстѣ съ родовымъ наслѣдіемъ, — всю эту методу не-Русскаго воспитанія, по которой и первый звукъ, слышимый ребенкомъ — Французскій, и нянька его — Француженка, и первая азбука — Французская, и первая книжка съ картинками — Французская! Всѣ эти пути и ведутъ къ тѣмъ жалкимъ результатамъ, на которые только что указали мы. И вамъ, читатель, быть можетъ, случалось слышать такія истины: «надо съ ранняго дѣтства учить ребенка иностраннымъ языкамъ: Русскому всегда успѣетъ выучиться»; нѣтъ, мы этого не думаемъ. Мы думаемъ, чѣмъ раньше учить ребенка родному языку, тѣмъ лучше: чѣмъ раньше объяснять ему, что онъ — Русскій, и что каждому человѣку прежде всего необходимо знать свой языкъ, свое отечество, свою исторію — тѣмъ лучше. На этомъ основаніи мы не только не любимъ Французскихъ гувернеровъ, но и скорѣе бы дали въ руки двѣнадцатилѣтнему ребенку Русскую книжку съ дурными картинками и въ бѣдномъ переплетѣ, нежели Французскую — съ хорошими и въ богатомъ, *для* того именно, чтобы первыя впечатлѣнія, первыя понятія ребенка складывались о Русскомъ и по-Русски; на томъ же основаніи мы бы ни за что не подарили семнадцатилѣтней дѣвушкѣ ни одного изъ тѣхъ великолѣпныхъ изданій, въ которыхъ такъ отлично разсказываются и изображаются *граціозныя и милыя* шашни временъ Лудовиковъ или Регентства, ни даже иллюстрированное *Паденіе Ангела*, Ламартина, ни иллюстрированныя *Парижскія Тайны*, съ интереснымъ личикомъ *La-Goualeuse*'ы; но поднесли бы ей иллюстрированныя басни Крылова, или не иллюстрированныя и не нуждающіяся ни въ какихъ иллюстраціяхъ сочиненія Жуковскаго, Пушкина, — даже *Вечера на хуторѣ близъ Диканьки*, не смотря на то, что послѣдними, и по сіе время, смущается щекотливая мораль иной чадолюбивой маменьки, — поднесли бы ей все это для того, чтобъ она научилась и любить свой языкъ, и понимать, что не въ чѣмъ завидовать ему другимъ языкамъ, а подавно — Французскому; что если позволено гордиться той литературой, въ которой были Ламартинъ, Сю и другіе, то нечего

Digitized by Google

стыдиться той, въ которой дѣйствовали Крыловъ, Жуковскій, Пушкинъ, Гоголь, — что если называетъ себя великимъ народъ, у котораго записаны въ исторіи Франциски, Лудовики, Наполеонъ, почему же не великъ тотъ, у котораго были Владимиры, Донскіе, Петръ I, Екатерина II..... Но такъ поступили бы мы, и Богъ знаетъ такъ-ли поступятъ многіе другіе. Напротивъ, мы даже и сами увѣрены, что, если слова наши и произведутъ какое-нибудь сочувствіе въ тѣхъ, кого мы имѣемъ въ виду, и дѣйствіе это, и сочувствіе будутъ далеко не такъ велики, какъ желали бы мы: найдутся все-таки весьма многія лица, которыя если не подарили уже, непремѣнно поспѣшатъ подарить дѣтей своихъ какою-нибудь удивительною Французскою книжкою, въ той счастливой вѣрѣ, что «лучше же подарить книжку, нежели просто игрушку или конфекты.» Но мы не удовлетворились бы такимъ отвѣтомъ, и скажемъ еще: во-первыхъ, пусть лучше ребенокъ играетъ, зная, что у него въ рукахъ игрушка; а не привыкаетъ смотрѣть на книгу какъ на игрушку, пусть лучше ѣстъ конфекты, да говоритъ по-Русски и слушаетъ сказки Русской няни; пусть лучше семнадцатилѣтняя дѣвушка танцуетъ цѣлый день, нежели зачитывается *Вѣчнаго Жида*, да заглядывается на тѣ картинки, гдѣ такъ заманчиво изображаются разные герои и героини соблазнительнаго вѣка; во-вторыхъ, если нужно подарить книгу, дарите же сочиненія Крылова, Жуковскаго, Пушкина; если же вамъ непремѣнно хочется, подарить дѣтскую книгу, а Русскія дѣтскія книги не удовлетворятъ васъ, жалуйтесь, пожалуй на бѣдность нашей дѣтской литературы, но не ищите вообще во Французской никакого богатства, кромѣ вывѣсочнаго; наконецъ, въ-третьихъ, если ваши дѣти хорошо знаютъ по-Русски, и, оставляя непремѣнно, на первомъ планѣ свой языкъ, вы хотите, чтобъ они исподоволь учились и иностраннымъ, подарите имъ, пожалуй, Французскую книжку, но пусть чтеніе ея будетъ у нихъ придаточнымъ занятіемъ, отнюдь не главнымъ. И въ послѣднемъ случаѣ будьте какъ можно строже въ выборѣ.

Digitized by Google

Изъ всѣхъ Французскихъ дѣтскихъ книгъ, видѣнныхъ нами передъ праздниками, мы отдаемъ предпочтеніе слѣдующимъ:

Audoult, L'Herbier des demoiselles, ou Traité complet de la botanique. Paris 1847. 1 v. 4 r. 50 cop. *

Atlas de l'Herbier des demoiselles, plus de 400 grav. color. 1. v. in 4°. Paris 1849. 8 r.

Buffon, Oeuvres Choisies 1 v. in 12. 3 r.

Champagnac, Le Tour du monde, — dessins par J. David. 1 v. 5 r.

Le Génie de l'industrie, 1 v. 6 r.

Сочиненія Госпожи Foa.

Сочиненія г. Nieritz.

Всѣ эти книги можно найдти у книгопродавца Урбена. Содержаніе ихъ — туда и сюда; о картинкахъ и переплетахъ говорить нечего: иной папенька, на старости лѣтъ, и самъ утѣшится.

* Цѣны на серебро.

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ.

1851.

№ 2. Январь. Кн. 2.

ЦИРКЪ ДЕВЯТНАДЦАТАГО ВѢКА.

(*Посвящается Графинѣ Е. В. де Сальясъ-Турнемиръ*)

Morituri te salutant...

I.

Да! я люблю, средь залы позлащенной,
На шумный пиръ задумчиво смотрѣть,
И въ праздничной толпѣ принаряженной
Сквозь маску лицъ во глубь сердецъ глядѣть;
И мыслію, догадкой проясненной,
Ихъ тайнами, ихъ мыслью овладѣть,
Разузнавать ихъ страсть, ихъ цѣль, ихъ волю,
Ихъ грустную, иль радостную долю.

Люблю, хочу, умѣю понимать
Живой душой чужую жизнь и душу,
И хоть могу я многихъ разгадать,
Личины ихъ и роли не нарушу!
Они пришли, чтобъ ловко роль сыграть,
Пускай себѣ! На нихъ я не обрушу
Вниманья безпощадной суеты,
Ни любопытства праздной пустоты!

Они пришли, предъ свѣтомъ, ихъ владыкой,
Противникомъ и вмѣстѣ судіей,
Свершить мудреный подвигъ и великой,
(Иные, — можетъ быть, — послѣдній свой!)

Digitized by Google

Страданью ихъ здѣсь тѣсно, душно, дико,
Простора нѣтъ въ толпѣ душѣ больной;
Но тайный адъ ихъ скрытъ подъ принужденьемъ,
Но лица ихъ сіяютъ наслажденьемъ.

Вѣдь свѣтъ на нихъ глядитъ: они должны

Ему предстать, блестящіе, живые,
Веселые.... Улыбки вѣдь даны,
Чтобъ ими скрыть мученья роковыя!....
Они должны, чтобъ свѣту угодить,
Уставъ его приличія хранить.

Приличіе велитъ — оставить дома
Заботъ, тоски и тяжкихъ мукъ семью;
Таить свою сердечную истому;
Пріязнію одѣть вражду свою;
Не допускать въ веселыя хоромы
Ни правды лучь, ни теплыхъ чувствъ струю;
Не отвѣчать на голосъ, сердцу близкій;
Не замѣчать, что люди злы и низки....

Приличіе велитъ, и хочетъ свѣтъ!
Мы всѣ покорны имъ и ихъ вліянью;
Быть въ милости у свѣта, — вотъ предметъ
Всеобщаго усилья и старанья!....
Рабы его, — несемъ ему привѣтъ,
Какъ въ древности бойцы, среди собранья,
Предъ Цезаремъ, поникнувъ головой,
Несли ему поклонъ предсмертный свой....

И Цезарь нашъ, — нашъ свѣтъ, не рукоплещетъ,
Не удостоитъ насъ хвалы своей!
Зачѣмъ?.... Ему нѣтъ дѣла, что трепещетъ
У насъ въ груди больной гроза страстей:
Мы *тупѣ*.... для насъ балъ пляшетъ, праздникъ блещетъ,
И съ смѣхомъ рѣчь кипитъ въ устахъ людей,
Чего жъ еще?.... Достойная награда,
И требовать не въ правѣ мы пощады!

Digitized by Google

Страдай.... терпи.... терзайся.... умирай!
Но умирай съ достоинствомъ, съ улыбкой!....
И не блѣднѣй.... и духа не теряй:
Свѣтъ не проститъ безсильному ошибки, —
Онъ слабымъ врагъ!.... Будь твердъ!.... Не оплошай
Въ борьбѣ съ самимъ собой, въ смертельной ошибкѣ....
И какъ боецъ средь цирка, такъ и ты
Будь гордъ среди толпы и суеты!....

II.

Вотъ черный фракъ, перчатки щегольскія
И голова въ изящныхъ завиткахъ,
И громкій смѣхъ, и рѣчи удалыя,
И бойкій умъ въ сверкающихъ глазахъ:
Подумаешь, — надежды молодыя
Тутъ кроются въ безоблачныхъ мечтахъ....
Подумаешь, — счастливецъ въ шумѣ бала
Ждетъ милаго живаго идеала....

Нѣтъ! То отецъ семейства: онъ пришелъ
Съ послѣдними червонцами своими,
Отдать себя судьбѣ на произволъ,
Ожить въ игрѣ богатствами чужими,
Спасти дѣтей!.... Его сюда привелъ
Врагъ-нищета.... Съ карманами пустыми,
Съ отчаяньемъ въ душѣ, къ себѣ домой
Назавтра не вернется онъ живой....

И мимо, мимо!.... Много здѣсь подобныхъ
Отыщется несчастныхъ иль глупцовъ....
Толпа привыкла къ нимъ. — Лишь для способныхъ,
Понять въ нихъ драму гибнущихъ умовъ,
Страданій и надеждъ междоусобныхъ,
Проклятій, мукъ, и ропота безъ словъ, —
Лишь для такихъ, внятна въ ихъ дикомъ взорѣ
Нѣмая вѣсть о смертномъ приговорѣ!....

Digitized by Google

III.

Вотъ вамъ другой: — онъ тоже веселъ, милъ,
Онъ тоже сыплетъ шутки, увѣренья, —
А между тѣмъ, недостаетъ въ немъ силъ,
Чтобъ скрыть грызучей зависти мученья:
Онъ мѣста ждалъ. Давно ужъ возложилъ
На эту цѣль всѣ помыслы, стремленья;
Свои запродалъ двадцать лѣтъ давно,
Забылъ, что дважды жить намъ не дано....

Что молодость, здоровье, мощь и сила, —
Все наслажденья проситъ, хочетъ, ждетъ....
И отъ него ужъ гостьей легкокрылой
Умчалась ихъ пора!.... И онъ живетъ
Лишь жаждою *достичь*. — Судьба сулила —
Онъ поприще желанное пройдетъ....
Свершитъ свой путь.... на высотѣ счастливой
Достигнетъ цѣль мечты честолюбивой!

А между тѣмъ, до время сѣдина
Въ златую прядь волосъ его закралась....
Душа его, умомъ поглощена,
Нѣмѣла, вяла, сохла, истощалась....
Онъ днемъ въ трудахъ, проводитъ ночь безъ сна, —
А вышло, что судьба надъ нимъ смѣялась!....
Что онъ желалъ, то получилъ другой!....
Онъ жизнь сгубилъ въ ошибкѣ роковой!....

Онъ мучится теперь, какъ тѣни ада,
Но здѣсь его соперникъ, — и предъ нимъ
Не выдастъ онъ себя, тому въ отраду,
Не измѣнитъ онъ правиламъ своимъ....
Спокойный видъ онъ сохранитъ какъ надо,
Поклонится начальникамъ, большимъ,
И личному врагу протянетъ руку....
И свѣтъ его не разгадаетъ муку!....

Digitized by Google

IV.

Вотъ дѣвушка, красавица, дитя:
Чело ея увѣнчано цвѣтами,
И локонъ свой разсѣянно крутя,
Она порхнетъ, какъ птичка, передъ вами....
Но съ рѣзвыми подругами шутя,
Но въ полькѣ мѣрно стукая ногами, —
Куда глядитъ такъ пристально она?....
Зачѣмъ дрожитъ, смятенія полна?....

И у нея завѣтная есть тайна,
Есть свой романъ печальный и простой!
Она бѣдна; издалека, случайно,
Пришлося ей въ нашъ свѣтъ попасть большой,
Влюбиться.... и судьбой необычайной
Понравиться.... Мечтатель молодой,
Вельможа и богачь, плѣнившись ею,
Назвалъ ее невѣстою своею.

Завистница нашлась, — и гдѣ жь ихъ нѣтъ?
Которая съумѣла клеветою
Разстроить это счастье: — свой обѣтъ
Женихъ презрѣлъ, — и съ знатною княжною
Онъ вступитъ въ бракъ, принявъ родни совѣтъ!
А прежняя невѣста?.... Э! пустое!!....
Въ степной уѣздъ свой, просто, безъ затѣй,
Ну почему бъ и не вернуться ей?

Пускай поплачетъ мать ея, старушка....
Пускай сама терзается она!....

Digitized by Google

Сегодня.... здѣсь.... рѣшится участь ихъ:
Еще попытка, разговоръ, свиданье, —
Узнаетъ онъ, забывчивый женихъ,
Обманъ и ложь пустаго нареканья,
Увидитъ онъ обѣихъ жертвъ своихъ,
Почувствуетъ ихъ горе, ихъ страданье,
Опомнится!.... или махнетъ рукой,
И скажетъ: — «Такъ и быть!.... удѣлъ иной
Назначенъ мнѣ!....» — И обѣ это знаютъ,
И мать и дочь!.... О, какъ дрожатъ онѣ,
Какъ обѣ этой встрѣчи ожидаютъ!....
Какъ много слезъ въ притворной тишинѣ
Ихъ голоса!.... Но, вѣрно, наблюдаютъ
За ними вражьи очи, — и вполнѣ
Онѣ играютъ роль гостей безпечныхъ,
Безъ всякихъ думъ или заботъ сердечныхъ?....
А газъ горитъ.... а музыка гудитъ....
А балъ блеститъ всей живостью своею....
А пляска обаятельно кипитъ!....
Любуется хозяинъ гордо ею,
И думаетъ, что завтра загремитъ
Молва о немъ, хвалой повсюду вѣя,
И праздникомъ доволенъ онъ своимъ,
И свѣтъ взыскательный доволенъ имъ!....
И ни одинъ изъ двухъ не угадаетъ,
Какъ много здѣсь страдальцевъ собралось,
Какіе вопли сердца заглушаетъ
Торжественный оркестръ.... и сколько слезъ
Непролитыхъ обратно западаетъ
На грудь безмолвныхъ жертвъ.... какъ много грозъ,
Семейныхъ тайнъ, размолвокъ, глухихъ стенаній
Здѣсь бродитъ средь безумныхъ ликованій!....

V.

Вотъ старый мужъ молоденькой жены,
Красавицы, кокетки, — словомъ, львицы,
Съ улыбкой и коварствомъ сатаны,
Кому она отличной ученицей;

Digitized by Google

За то, ей всѣ сердца покорены,
Всѣ на цѣпи у мощной чаровницы,
И бѣдный мужъ, съ полдюжиной другихъ,
Лежитъ у ногъ ея, лобзая ихъ....

И онъ ревнивъ!.... какъ Аргусъ баснословный,
Онъ стережетъ ее и день и ночь....
Тѣнь юноши ему ужъ тамъ любовный, —
И эту тѣнь готовъ прогнать онъ прочь!
Онъ чувствуетъ — межъ ними бой неровный,
И уберечь жены ему не въ мочь!....
Влюбленъ и старъ..... [illegible]
Ему ль не страшенъ модныхъ львовъ нападокъ?....

И многимъ ужъ за то старикъ смѣшенъ.
Въ душѣ его они вѣдь не читали!....
Въ рукахъ жены записку видѣлъ онъ,
Она должна отдать ее на балѣ....
Кому?!.... Межъ всѣхъ, *кто* ею предпочтенъ?!....
Чьи происки кокетку привязали?....
Старикъ глядитъ на дверь, и на часы,
И на жену..... [illegible]

[illegible]...Забившись подъ жилетъ,
Ногтями въ грудь впились, какъ черви злые,
Его пять пальцевъ, — и кровавый слѣдъ
Оставили.... Уста его нѣмыя
Грызутъ и рвутъ у *ней* взятой букетъ....
И судорги ревниваго сомнѣнья
Искорчили ревнивца.... Гдѣ же мщенье? ...

А между тѣмъ, веселая жена
Мелькнетъ предъ нимъ, грацьозно вальсируя,
Потомъ пройдетъ, слегка преклонена
На руку кавалера.... И не чуя
Грозы надъ головой, упоена,
Блаженствуя, блистая, торжествуя,
Пошепчется въ углу она съ однимъ,
Даритъ другаго взоромъ огневымъ,

Digitized by Google

А третьяго улыбкой миловидной,
Чтобъ всѣ равно довольны были бъ ей,
И никому не стало бы завидно!....
Чѣмъ кончится нерѣдкій случай сей?
Огласкою, для двухъ семействъ обидной,
Иль сценою, забавной для людей?....
Иль поединкомъ, — смертью человѣка,
За вздоръ и блажь, — въ угодность мнѣнью вѣка?....

А газъ горитъ.... А музыка гремитъ....
А балъ блеститъ всей пышностью своею!....
Толпа гостей по комнатамъ кипитъ....
Любуется хозяинъ гордо ею,
Онъ думаетъ, что завтра протрубитъ
Молва о немъ, хвалой повсюду вѣя....
И праздникомъ доволенъ онъ своимъ,
И мнитъ, что всѣ вокругъ довольны съ нимъ!

VI.

Но шумъ въ дверяхъ.... Взошла, — не то богиня,
Не то царица.... Фея, можетъ быть!....
Движенья, поступь, взоръ, — въ ней все гордыней
И силой дышетъ, словно побѣдить
Она пришла!.... Княгини и графини, —
Предъ ней померкло все! Не отразить
Ни красоты ея, ни обаяній,
Ни блеска, ни ума, ни чарованій!

Нарядъ ея какъ облако паритъ,
На ней горятъ алмазы дорогіе;
Глаза горятъ жарчѣй, и жаръ ланитъ
Сливается съ ихъ блескомъ; снѣговыя
Плеча и руки тверды какъ гранитъ,
Прозрачны какъ янтарь, — а шелковыя,
Густыя косы улеглись съ трудомъ
Надъ мыслящимъ, таинственнымъ челомъ.

Digitized by Google

«Какъ хороша!....» — Она, по крайней мѣрѣ,
Не жертва, не страдаетъ, не грустна?....
Она?!.. Любви словамъ, мольбамъ повѣря,
Свою любовь дала за нихъ она....
Безстрашно, не хитря, не лицемѣря,
Любила, всей душою предана,
Восторженно и свято, — такъ сердечно,
Что страсть свою считала вѣковѣчной!....

А *онъ* такой любви не понималъ,
Иль просто, цѣну дать ей не умѣя,
Онъ счастьемъ не взволнованнымъ скучалъ;
Надъ нимъ оно лежало, тяготѣя,
Какъ плѣнъ, какъ цѣпь. — Но *онъ* предъ *ней* молчалъ....
Въ немъ не было ни истаго злодѣя,
Ни полнаго героя.... Нѣтъ, увы!
Едва ль нашли бъ въ немъ человѣка вы!....

Онъ промѣнялъ любовь души высокой
На чувственный и мелочный развратъ....
Онъ палъ такъ непростительно глубоко,
Такъ низко.... что взглянуть не смѣлъ назадъ
На прежній рай, на свой эдемъ далекій,
Гдѣ херувимомъ у запретныхъ врать
Минувшая его любовь стояла,
И грѣшника безмолвно отвергала....

Она?.... Она стерпѣла!.... Богъ послалъ
На то ей силъ!.... Иль слабою женою,
Какъ трость, она склонилась, — и обвалъ
Пронесся надъ поникшей головою....
Короче: сонъ блестящій миновалъ,
Она очнулась, — нищая душою,
Предъ пепелищемъ тщетныхъ чувствъ своихъ,
Расхищенныхъ надеждъ и грезъ пустыхъ.

И не легко ей было!.... Съ испытаньемъ
Не скоро примирилася она:
Не разъ, своей тоской, своимъ страданьемъ,
Безсонницей своей оглушена, —

Digitized by Google

Конецъ и смерть звала она желаньямъ....
Недавно, на окраинѣ окна,
Готовая упасть, она стояла....
Молчанья чуткимъ ухомъ ожидала....

И броситься хотѣла.... Но тогда,
На улицѣ вдругъ чей-то голосъ шумный
Гульливо разсмѣялся.... Отъ стыда
Опомнилась она ... Тоски безумной
Ей совѣстно вдругъ стало, — и когда
Взглянула внизъ, невольно, неразумно,
Съ товарищемъ узнала тамъ *его*,
Хмѣльнаго.... Не видалъ *онъ* ничего!!....

И нынче, въ первый разъ со дня разлуки,
Они должны здѣсь встрѣтиться, сойтись;
И для того терзающія муки
Въ груди ея мгновенно улеглись;
И для того слѣды заботъ и скуки
Съ лица ея исчезли, — и зажглись
Ея глаза, мечты, тщеславье, воля, —
И слезъ своихъ она не помнитъ болѣ!....

Нѣтъ! помнитъ ихъ!!.... Затѣмъ чтобъ отомстить,
Чтобъ показать спокойное презрѣнье, —
Чтобъ предъ собой, предъ свѣтомъ искупить
Напрасное слѣпое сожалѣнье!....
Сегодня балъ! а завтра, можетъ быть,
Она проснется въ горѣ и волненьѣ....
Но здѣсь она должна блестѣть, сіять,
И въ прахъ *его* безъ милости попрать!....

VII.

И много ихъ еще здѣсь передъ нами,
Гладьаторовъ на битвѣ роковой, —
Хотя въ нашъ вѣкъ не съ тиграми и львами
Имъ суждено вступить въ кровавый бой:

Digitized by Google

Нѣтъ! *объ нихъ самихъ*, — съ ихъ горемъ, съ ихъ страстями
Свершается борьба ихъ!.... Нѣтъ! — Съ судьбой
На жизнь и смерть должны они сражаться,
И свѣту, умирая, улыбаться....

А газъ горитъ.... а музыка гремитъ....
А балъ блеститъ всей пышностью своею....
Толпа гостей волнуется, кипитъ....
Любуется хозяинъ гордо ею,
Онъ думаетъ, что завтра прожужжитъ
Молва о немъ, хвалой и лестью вѣя....
И праздникомъ доволенъ онъ своимъ, —
А свѣтъ, почетный гость, доволенъ имъ!....

Село Вороново, 14 Августа, 1850 года.

Гр. Е. Ростопчина.

КОРОЛЕВИЧЬ.

(*Изъ Уланда.*)

1.

На тронѣ прадѣдовъ сидитъ
Сѣдой король въ палатѣ;
Златой вѣнецъ его горитъ,
Какъ солнце на закатѣ.

—

«Ты первый сынъ мой, ты второй:
Вамъ царство раздѣляю;
А ты, мой милый сынъ меньшой,
Тебѣ что завѣщаю?»

—

— Три корабля мнѣ только дай,
Да старую корону,
И я пущусь въ далекій край
Искать дорогу къ трону.

Digitized by Google

2.

На декѣ юноша стоитъ,
Любуясь кораблями;
Играетъ рѣзвый вѣтерокъ
Волосъ его кудрями.

—

Надулись паруса; скрипитъ
Кормило; вымпелъ вьется;
Кругомъ играя, рой ундинъ
За ними вслѣдъ несется.

—

«Я царь! все царство здѣсь мое
Со мною веселится;
Какъ быстро вольное оно
По свѣтлой влагѣ мчится!»

—

Вотъ громъ вдали загрохоталъ
И тучи набѣжали,
Сверкнули молніи по немъ
И мачты затрещали.

—

Валы вздымаются горой
Надъ черною пучиной,
И тонетъ королевичъ мой
Со всей своей дружиной.

3.

РЫБАКЪ.

Какъ жаль! тамъ потонулъ корабль
Съ разбитыми снастями;
Но, посмотри, никакъ пловецъ
Тамъ борется съ волнами.

—

Онъ бьетъ ихъ мощною рукой,
Опасность презирая:
На головѣ его блеститъ
Корона золотая.

Digitized by Google

ЮНОША.

Я царскій сынъ; но мнѣ чужда
Отчизна дорогая;
Меня на свѣтъ пропзвела
Мать слабая, земная;

—

Но море спльное мнѣ жизнь
Вторично даровало;
Какъ матерь, тамъ оно меня
Съ дружиною качало.

—

Тѣ потонули, а меня
Волна сюда прибила:
Знать, быть мнѣ здѣсь царемъ у васъ
Судьба опредѣлила,

РЫБАКЪ.

Ты съ удочкой къ берегу ходишь
И ранней и поздней порой,
И рыбу все ловишь и ловишь,
А все не поймалъ ни одной.

ЮНОША.

Не рыбу ловить прихожу я
На берегъ пустынный морской:
Мнѣ видѣлось много сокровищъ
Внизу подъ зеленой волной.

8.

Какъ царь, тамъ ходитъ гордый левъ
И гривой потрясаетъ,
И грозный властелина ревъ
Пустыню оглашаетъ.

—

Но я въ степяхъ найду его,
Сражу своей рукою,
И гривой пышною его
Плеча свои покрою.

—

Digitized by Google

Орелъ въ поднебесьѣ паритъ
Надъ темною дубравой,
Онъ къ солнцу вѣчному стремитъ
Полетъ свой величавый.

—

Но я пернатою стрѣлой
И тамъ его достану, —
Своею кровью предо мной
Онъ обагритъ поляну.

6.

По дебрямъ скачетъ дикій конь,
Лишь пыль столбомъ несется,
Изъ-подъ копытъ летитъ огонь,
И грива съ вихремъ вьется.

—

Но королевичъ овладѣлъ
Конемъ неукротимымъ,
И взвился конь и полетѣлъ
Съ бойцомъ неустрашимымъ.

—

И обитатели долинъ
Дивятся исполину,
Который соколомъ съ вершинъ
Несется въ ихъ долину.

—

Могучій конь подъ нимъ храпитъ,
И пышетъ дымъ ноздрями,
Изъ-подъ копытъ огонь летитъ,
И вьется пыль клубами.

—

Къ нему народъ со всѣхъ сторонъ
Стекается толпами:
«Къ намъ небесами посланъ онъ —
Да царствуетъ надъ нами!»

Digitized by Google

7.

Стоитъ высокая скала,
Куда порой взлетаетъ
Одинъ орелъ, — тамъ страшный змѣй
Издавна обитаетъ.

—

Онъ тамъ въ развалинихъ лежитъ
Оградою живою,
Сверкаетъ гребнемъ и гремитъ
Сребристой чешуею.

—

Но безъ меча и безъ щита
Царевичъ достигаетъ
Одинъ вершины страшной той,
И змѣя обнимаетъ.

—

Цѣлуетъ три раза его, —
И диво совершилось —
Очарованье волшебства
Мгновенно сокрушилось.

—

И на рукахъ его лежитъ
Царевна молодая —
И пышный замокъ передъ нимъ
Стоитъ, скалу вѣнчая.

8.

Король съ супругою сидитъ
На тронѣ средь народа;
Златой вѣнецъ его горитъ,
Какъ солнце въ часъ восхода.

—

И рыцари, и пышный дворъ —
Всѣ вкругъ него толпятся,
Всѣ на чету вперяютъ взоръ,
Глядятъ-не наглядятся.

—

Digitized by Google

Стоитъ въ кругу вельможъ двора
Пѣвецъ слѣпой, согбенный;
Онъ чувствуетъ — пришла пора
Для пѣсни вдохновенной.

—

И спала вдругъ съ его очей
Завѣса вѣчной ночи,
И трона блескъ, и свѣтъ огней
Его узрѣли очи.

—

И вдохновеніемъ горя,
Онъ взялъ златую лиру,
И славу юнаго царя
Воспѣлъ на диво міру.

Ѳ. Миллеръ.

ДЛЯ МИЛЫХЪ.

Я стою передъ иконой
И безъ словъ молюсь;
Я молюсь Тебѣ, Создатель,
Объ одномъ прошу:
Пусть пошлется мнѣ страданье;
Духъ къ нему привыкъ, —
Пусть меня забудутъ скоро
Всѣ, кого люблю;
Пусть забудутъ, пусть разлюбятъ,
Только, — Боже мой! —
Посылай имъ, чаще радость,
Счастье посылай,
Если есть его на долю
У Тебя мою —
Эту долю моимъ милымъ
Раздѣли, молю!

Ю. Ж.

Мартъ, 1850 г.?

Digitized by Google

НОЧЬ.

Отъ чего я люблю тебя, свѣтлая ночь!
И зачѣмъ не могу я разстаться съ тобой!....
И за что я люблю тебя, тихая ночь!
Ты не мнѣ — ты другимъ посылаешь покой.

—

Что мнѣ звѣзды, луна, горизонтъ, облака,
Этотъ свѣтъ, что̀ скользя на холодной гранитѣ,
Превращаетъ въ алмазы росинки цвѣтка,
И какъ путь золотой черезъ море бѣжитъ!
Ночь!—за что мнѣ любить твой серебряный свѣтъ?
Усладитъ ли онъ горечь скрываемыхъ слезъ;
Дастъ ли жадному сердцу желанный отвѣтъ;
Разрѣшитъ ли сомнѣнья тяжелый вопросъ?

—

Что мнѣ сумракъ холмовъ, трепетъ сонныхъ листовъ,
Моря темнаго вѣчно шумящій прибой,
Голоса насѣкомыхъ во мракѣ садовъ,
Гармоническій говоръ струи ключевой!
Ночь! за что мнѣ любить твой таинственный шумъ?
Освѣжитъ ли онъ знойную бездну души,
Заглушитъ ли онъ бурю мятежную думъ,
Все, что жарче въ потьмахъ и сильнѣе въ тиши!

—

Самъ не знаю, за что я люблю тебя, ночь,
И зачѣмъ не могу я растаться съ тобой?
Самъ не знаю, за что я люблю тебя, ночь! —
Отъ того, можетъ быть, что далекъ мой покой!....

30 Августа 1850.

Масандра, на южномъ
берегу Крыма.

Я. Полонскій.

Digitized by Google

МАЛОРОССІЙСКІЯ ПѢСНИ.

(Изъ книги, изданной М. Максимовичемъ. Москва, 1827.)

вѣютъ вѣтры.

Віють витры, віють буйны.

—

Вѣютъ вѣтры, вѣютъ буйны,
Ажъ деревья гнутся.
Охъ, болитъ мое сердечко,
Слезы такъ и льются!

—

Въ лютомъ горѣ, безъ милова,
Я веселье трачу;
Только станетъ легче сердцу,
Какъ пойду поплачу!

—

Не помогутъ слезы счастью,
Сердцу легче будетъ....
Кто счастливъ былъ хоть часочикъ,
Повѣкъ не забудетъ!

—

Есть же люди — й сиротской
Завидуютъ долѣ....
Но счастлива ль та былинка,
Что выросла въ полѣ?

—

Въ чистомъ полѣ, на припекѣ,
Безъ росы, безъ крова....
Тяжко, тяжко на чужбинѣ
Безъ дружка милова!

—

Безъ милова, дорогова,
Сталъ мнѣ свѣтъ тюрьмою;
Безъ милова нѣтъ мнѣ счастья,
[illegible] мнѣ и покою!

—

Digitized by Google

Поглядп — поди, мой милый,
Какъ я здѣсь горюю,
Какъ слезами поливаю
Мою долю злую!

—

Кто жъ меня здѣсь приласкаетъ?
Кто, другъ, приголубитъ?
Коли нѣтъ того со мною,
Кого сердце любитъ!

—

Полетѣла бъ я къ милому,
Да куда — не знаю!
Безъ него я сохну, вяну,
Всякъ часъ умираю!

ДОЛЯ.

Де ты ходишъ, моя доле?

Гдѣ ты, гдѣ ты, моя доля?
Гдѣ ты, долюшка моя?
Исходилъ бы, распросилъ бы
Всѣ сторонки, всѣ края!

—

Аль ты въ полѣ, при долинѣ,
Дикимъ розаномъ цвѣтешь?
Аль кукушечкой кукуешь?
Аль соловушкомъ поешь?

—

Али въ морѣ, межъ купцами,
Ты считаешь барыши?
Аль въ хоромахъ гдѣ воркуешь
Подлѣ дѣвицы-души?

—

Digitized by Google

Али въ небѣ ты гуляешь
По летучимъ облакамъ,
И расчесываешь кудри
Красну солнцу и звѣздамъ?

—

Гдѣ ты, гдѣ ты, моя доля,
Доля, долюшка моя?
Что̀ никакъ не допытаюсь,
Не докличусь я тебя!

В Ѣ Д А.

Ой, пійду, я, пійду, съ сего хутора пійду!

Я пойду, пойду, изъ хутора пойду:
е покину ли я въ хуторѣ бѣду?

—

Оглянулась я дорогой, а бѣда
Горемыку догоняетъ по слѣдамъ!

—

Что, бѣда, ты увязалась такъ за мной?
— Я вѣнчалась, безталанная, съ тобой! —

—

Что, бѣда, ты уцѣпилась такъ за мной?
— Я родилась, безталанная, съ тобой! —

Н. Берегъ.

Digitized by Google

СЕЛО ТУРБАИ.

(старинное малороссійское преданіе.)

Горячее солнце жгло не только степь, но и богатое село съ каменной церковью, съ высокой колокольней; нѣтъ отъ него въ защиту ни рощи, ни лѣска; кой-гдѣ только, на огородѣ между подсолнечниками съ опущенными, завялыми листьями, стоитъ небольшая яблоня, да вишня еще меньше ея. — Но за то широкая рѣка окружаетъ это село почти со всѣхъ сторонъ, и по ней, и по ея заливнымъ болотистымъ берегамъ, тянутся длинныя гати; она просвѣжаетъ воздухъ, да и степной вѣтеръ влетаетъ прямо въ село, переговоря на перепутьи съ тростникомъ, который, кланялсь ему, шумно отвѣчаетъ и потомъ выпрямляется высоко, высоко, выше роста человѣка, и шелеститъ своими сѣмячками, точно пересыпаетъ серебряныя блестки. — Но все не весело жить тутъ безъ живой зелени, безъ тѣнистыхъ рощъ: такъ кажется, когда глядишь на это мѣстоположеніе, какъ будто давно не знаешь, что въ самыхъ чудныхъ мѣстахъ грустное сердце не развеселится, а веселому хорошо и въ садикѣ съ одной аллеей изъ акацій и въ тѣсной комнатѣ.

Взгляните въ садъ при панскомъ домѣ — домъ бѣлый, въ одинъ этажъ, покрытъ такъ же какъ избы, ровно, красиво, глянцовитымъ тростникомъ; въ этомъ почти безтѣнномъ саду нѣсколько яблонь, вишень; все въ немъ позавяло, высохло; только у заборовъ черная, сочная ежевика виситъ въ множествѣ между густой своей зелени и защитныхъ, острыхъ шиповъ; но они не защитятъ ее. Молодая пани, свѣжая, румяная, какъ яблоня въ цвѣту, съ толпою дѣвушекъ, дѣвочекъ, проворно сбираетъ ягоды; раздаются пѣсни, говоръ, смѣхъ. — Пани каждый разъ, когда алая кровь, какъ гранатинка, блеснетъ на ея бѣлой рукѣ, отпрыгиваетъ отъ куста съ смѣхомъ и крикомъ; дѣвочки, уколовшись, морщатся, а между тѣмъ все глубже лѣзутъ въ кусты, набирая столько же въ ротъ, сколько въ корзинки.

Digitized by Google

На коврѣ и подушкахъ, подъ яблонью, лежатъ двое молодыхъ людей. Одинъ, выпуская струи дыма и любуясь хорошенькой пани, такъ беззаботно доволенъ и всѣмъ, и собой, что на него весело смотрѣть. Другой, опустя руку съ погасавшей трубкой, глубоко задумался. — «Ну, перестань, моя Марусенька», говоритъ первый, «колоть свои бѣлыя ручки, поди лучше ко мнѣ, отдохни, поговори со мной».— «Погоди, погоди» — отвѣчаетъ пани, съ любовью и веселъемъ взглянувъ на него; — «сейчасъ моя корзинка будетъ полна, тогда и на отдыхъ.— А ужъ какое же я варенье сварю для дорогихъ гостей!» Она лукаво посмотрѣла на задумавшагося молодаго человѣка, но онъ не видалъ ея взгляда.— «Да и васъ сегодня угощу славнымъ пирожнымъ.» — «Не надо, поди только сюда поскорѣй сама».— «Неблагодарный! вотъ трудись для нихъ,—только что выучивалась быть хозяйкой, а онъ мѣшаетъ; ну да ужъ быть по твоему.— Шабашъ, дѣвчата, идите домой. Возьми мою корзинку, Катря»,—сказала она одной изъ дѣвушекъ, которая всѣхъ лѣнивѣе собирала ягоды и безпрестанно глядѣла въ ту сторону, гдѣ лежали молодые люди. Маруся подбѣжала къ яблонѣ, смѣясь бросилась на коверъ, и обнявъ одной рукой говорившаго съ ней, другую дружески протянула его товарищу, говоря ему: — «Что ты задумываешься, милый братецъ? мнѣ бы хотѣлось, чтобы всѣ смѣялись, веселились, какъ я. Я такъ счастлива съ моимъ Андреемъ, что всѣхъ бы хотѣла сдѣлать счастливыми, а тебя, Юрій, непремѣнно и сдѣлаю.«—»Вишь счастливица какая!» проворчала Катря, проходя медленно мимо съ корзинкой въ каждой рукѣ, — «лучше намъ было безъ тебя: однимъ счастье, другимъ — слезы».—«Какое же будетъ мое счастье»? спросилъ, улыбаясь, молодой человѣкъ.—«Разумѣется, ты женишься, женишься на моей милой подругѣ, на моей умной, хорошенькой Ганусѣ.»

Катря остановилась, руки ея дрогнули; сперва изъ одной корзинки, потомъ изъ другой, посыпались ягоды. — «Это что? какая ты неловкая»—закричала съ смѣхомъ пани:— что здѣсь сѣешь. не выростутъ». Юрій покраснѣлъ; потомъ засмѣялся, сказалъ:—«Ну, а если я любезная сестрица, не

Digitized by Google

найду твою подругу ни умной, ни хорошенькой?»—«Ты хочешь разсердить меня, да не удастся: я знаю, какъ только ты ее увидишь, то сердце такъ забьется, что и не сладишь съ нимъ.»—«Едва ли, едва ли!» — «А вотъ увидимъ — Ахъ, Боже, мой; вотъ этотъ разговорился, разсмѣялся: такъ мой муженекъ задумался! Эхъ, право, какіе вы!—Что съ тобой мой милой? ужъ тебѣ бы, кажется, не объ чемъ грустить». — «Конечно, мнѣ не объ чемъ грустить съ тобой, моя Марусенька, мое счастье; да дѣла заботятъ.» — «Дѣла? брось ихъ эти гадкія дѣла».—«Радъ бы бросить, да покойный батюшка еще въ послѣднюю болѣзнь просилъ продолжать непремѣнно дѣло, начатое имъ съ козаками, которые живутъ у насъ въ селѣ, и не уступать этимъ сорванцамъ.—Они съ батюшкой до такой вражды дошли по этой тяжбѣ, что ужъ не зе́мли, а ненависть заставляла ихъ судиться; онъ даже начиналъ ихъ бояться».—Катря какъ-то странно, дико посмотрѣла въ даль, и быстро ушла изъ саду.—«Ненависть! фуй!» сказала пани: — «пожалуй, она и въ твою душу заберется, если ты будешь тягаться и знаться съ этими подьячими, которыхъ я терпѣть не могу; брось эту тяжбу, милый Андрей,» — продолжала она, нѣжно обнимая его и смотря прямо ему въ глаза свѣтленькими, просящими глазками, которымъ, казалось, мудрено отказывать.—«Подумаю» —отвѣчалъ мужъ, цѣлуя ее.—«Что̀ тутъ думать, другъ мой....» — Пани прервала пришедшая старуха, которая остановилась, любуясь счастливой парочкой, и весело улыбаясь, сказала совсѣмъ не то, за чѣмъ пришла. «Вынянчила я тебя на радость, панычь мой ненаглядный, вотъ долю-то Господь послалъ—что̀ за раскрасавица, и голосочикъ-то какой, словно птичка пѣвчая, и доброта-то ангельская.—«Ну, ну, перестань меня хвалить»—сказала, смѣясь, Маруся—«я знаю, ты хитришь, няня: моему Андрею подлаживаешься,—скажи лучше, за чѣмъ ты меня звала?» —«Да вѣдь ты, какъ слѣдуетъ хозяйкѣ, хотѣла сама пирожное заправить.»—«Ахъ да! я было забыла». — И поцѣловавъ мужа, она вспрыгнула, и побѣжала къ дому. Мужъ ея и его братъ встали и пошли за ней; старуха тоже потащилась за ними въ слѣдъ, повторяя: «радость ты наша! красное наше солнышко!»

Digitized by Google

Тихъ, ясенъ вечеръ. Пани весело гуляетъ съ мужемъ и его братомъ. Дѣвушки и дѣвочки качаются на дворѣ на качеляхъ, поютъ звонкія пѣсни; одной только нѣтъ — Катри.—Она ушла, далеко, за мельницу, и покуда шла она туда, ноги ея дрожали, щеки горѣли, но не тѣмъ стыдливымъ румянцемъ, который вспыхиваетъ въ то время, какъ сердце бьется радостной надеждой или замираетъ тихой болзнью; румянецъ этотъ все гуще и гуще, багровыми пятнами выступалъ на ея щеки, а сердце то билось ровно, то останавливалось, какъ подъ холодной, сдавливающей рукой. Катря не одна; съ ней нѣсколько козаковъ; одинъ уже немолодой, надвинувъ шапку на густыя брови и покручивая длинный усъ, всѣхъ внимательнѣе слушаетъ ея прерывистую рѣчь. — «Да, говоритъ она, ужъ это не старый панъ, который свои денежки жалѣлъ; нѣтъ, этотъ ничего не пожалѣетъ, все, что есть въ кладовой, отдастъ, а добьется своего; а въ кладовой-то у насъ, въ сундукахъ, цѣлые мѣшки съ рублевиками, заржавѣли ижно лежавши, а серебра-то серебра ковши такіе, что и не подымешь.» — Глаза козака блеснули жадностью, и двое еще приблизились къ Катрѣ — «Что это вы, братцы,—сказалъ молодой парубокъ, красивый собой,—что намъ до его кладовой, мы не разбойники».... «Не разбойники, прервала Катря, а скоро, какъ разбойниковъ, васъ закуютъ въ желѣзо и завезутъ Богъ знаетъ куда».... «Какъ?» — спросили всѣ.—«Да такъ, панъ нашъ ужъ это знаетъ и ждетъ только бумаги.»— «Да за что?» — «За то, что вы смѣли съ нимъ тягаться въ неправомъ дѣлѣ!» — «Въ неправомъ!»—«Ну! доказывайте вашу правость, нетерпѣливо сказала Катря, съ желѣзомъ на ногахъ и рукахъ. Нашъ панъ свою золотомъ и серебромъ доказалъ. Жаль мнѣ васъ; а ужъ смѣется жъ онъ надъ вами, дурнями.»—Козаки нахмурились, задумались. — Катря ушла, а они долго еще стояли и толковали, и рѣчи ихъ все становились сердитѣе, грознѣе.

Всю ночь мелькали огни въ панскомъ домѣ, но было что-то страшное, зловѣщее въ этихъ перебѣгающихъ огняхъ. Всю ночь слышался тамъ шумъ, но въ немъ сливались стоны съ какимъ-то ужасающимъ, враждебнымъ говоромъ.

Digitized by Google

Взошло солнце. Весело прыгаютъ хохлатые жаворонки вдоль дороги; зимородокъ, не уступающій красотой своихъ бирюзовыхъ перьевъ заморскимъ птицамъ, порхаетъ надъ свѣтлой рѣкой; тихо, серебристо шумитъ тростникъ, качаясь при легкомъ утреннемъ вѣеркѣ. Высокая коляска такой формы, что нынче уже и не увидишь, тащилась на шести лошадяхъ по всегда грязной гати. — «Батюшка, велите поворотить въ село, а не къ панскому дому,»—сказала молодая дѣвушка старику, сидѣвшему возлѣ нея. — «Это за чѣмъ?» спросилъ удивленный старикъ — «Да надо же причесаться, принарядиться.»—«Ахъ вы, дѣвушки, хороши!—сказалъ смѣясь старикъ,—наряды дороже любимой подруги; я думалъ, что ты и минутки потерять не захочешь, такъ нетерпѣливо желаешь увидѣть свою пани Марусю, съ которой не видѣлась съ ея замужства.»—«Да вѣдь она не одна,» закрасневшись, прошептала дѣвушка. Старикъ захохоталъ громкимъ басомъ, и высунувшись изъ коляски, закричалъ: «Петро, въ село къ первой хатѣ.» — Равнодушный Петро повернулъ туда, не подумавъ даже, что бы значило новое приказаніе господина, котораго онъ прежде везъ прямо въ панскій домъ.

Остановились у маленькой бѣлой хатки съ крошечными окнами; казалось, какъ и войдти въ такой игрушечный домикъ? какъ въ немъ живутъ? шевелятся? — Но хотя и тѣсно, а шевелиться въ немъ можно, не опасаясь запачкаться о грязныя стѣны; и внутренность его игрушечная: узенькія лавки, на которыя можно присѣсть, а не сѣсть, гладко выстругапы, столъ накрытъ бѣлымъ, вышитымъ по концамъ, полотенцемъ; зеркальцо въ вершокъ, драпировано тоже вышитымъ полотенцемъ; образа, блестящей фольги, окружены гирляндами изъ бумажныхъ цвѣтовъ; по бѣлымъ стѣнамъ, вокругъ оконъ и вокругъ печки, выведены красныя каемочки.

Дѣвушка вбѣжала въ хату; за ней вошла толстая горничная, таща претолстый мѣшокъ. Въ хатѣ была одна старуха, и казалась очень озабоченною: въ рукахъ ея было что-то блестящее, съ которымъ она не знала куда дѣваться, и носила прятать то въ тотъ, то въ другой уголъ. —

Digitized by Google

Не ласково встрѣтила она вошедшихъ.—Дѣвушка смутилась, но горничная стала прехладнокровно располагаться, говоря:—«Ну вотъ еще, слушай всякую: вѣдь ей, старой вѣдьмѣ, пань за постой заплатитъ.» — Не долго продолжался туалетъ; но сколько передумала молодая дѣвушка, сколько перечувствовала опасенія, надежды, радости, боязни.... По письмамъ своей подруги, она почти влюбилась въ блестящіе глаза, въ черные усики, въ умъ, въ душу Юрія. Не одинъ разъ спросила она у своей горничной: хороша ли она? Не одинъ платочикъ перемѣнила на волнующейся груди.

— «Ну, Гануся, что жъ ты? скоро ли? — закричалъ за дверью старикъ, — тебѣ наряжаться, а мнѣ ѣсть хочется: пожалуй, и къ обѣду не поспѣемъ.»—«Я готова, батюшка.»— Они сѣли въ коляску; съ трудомъ вмѣстилась въ нее опять горничная съ мѣшкомъ. — Лошади, которыя при остановкѣ надѣялись, что ихъ отложатъ и накормятъ, не вдругъ рѣшились опять везти тяжелую коляску.—Но до панскаго дома не далеко,—нѣсколько: ну! ну! и ударовъ кнута—и они на дворѣ. На дворѣ никого нѣтъ, никто не выходитъ.— «Странно,—замѣчаетъ старикъ,—какъ не слыхать, что къ нимъ ѣдутъ, особливо наша коляска и гремитъ и звенитъ.» — Входятъ на крыльцо, въ залу; Гануся то хочетъ опередить медленные шаги своего отца, чтобъ скорѣй увидѣться съ своей подругой, то опять останавливается, боясь встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь другимъ. — Въ залѣ все въ безпорядкѣ: разбитое стекло, фарфоръ, опрокинутые стулья, столы. — «Ай-да покутили! вотъ молодежь-то,— съ смѣхомъ говоритъ старикъ, — не мудрено, что теперь ничего не слышатъ.» — Смѣясь, идетъ онъ въ гостиную по свѣжему слѣду крови; но какъ придти на мысль, что это кровь! Отворилъ дверь и—остолбенѣлъ отъ ужаса.—Хозяева тутъ на полу мертвые, обезображенные: Андрей обнялъ одной рукой жену свою, а другая у него отрублена. Маруся не закрытыми глазами безжизненно глядитъ на него, какъ глядѣла въ послѣднюю минуту; на ея бѣломъ платьѣ и на черной длинной косѣ запеклась кровь. Въ нѣсколькихъ шагахъ Юрій: оледенѣлая рука, безъ двухъ пальцевъ, не выпускаетъ тяжелаго сере-

Digitized by Google

брянаго подсвѣчника, погнутаго, изломаннаго: видно, дорого продалъ онъ жизнь свою; грудь его во многихъ мѣстахъ изранена, голова проломлена; но какъ густы, какъ блестящи его черныя кудри, какъ длинно спускаются темныя рѣсницы на правильныя черты, какъ хороши уста и теперь, сжатыя гнѣвомъ; и что бы было, еслибъ они улыбнулись, еслибъ длинныя рѣсницы поднялись надъ блестящими глазами. — Гануся, то съ воплемъ цѣлуетъ свою мертвую подругу, то безмолвно глядитъ на своего мертваго суженаго. — Вдругъ, къ ней приближается живое существо, котораго она не замѣтила, но и оно едва похоже на живое; лице такъ же блѣдно какъ у мертвыхъ; губы посинѣли, открытые глаза стоятъ.—«Такъ это ты, моя разлучница,— ты, красавица-невѣста!—говоритъ Катря, и стоящіе глаза ея забѣгали, засверкали дико,—снаряжайся подъ вѣнецъ, пирушка началась.»—Не успѣла Гануся опомниться отъ новаго испуга, разсмотрѣть: кто передъ ней; не успѣлъ отецъ ея оттолкнуть отъ нея страшную дѣвушку, какъ она, зарыдавъ, повалилась къ ней въ ноги, говоря:—«О лучше бъ я уступила его тебѣ, а не холодной смерти! Лучше бъ я зачахла отъ ревности, глядя на ваше счастье, да не была бъ злодѣйкой. Лучше бъ истомила меня кручина, даже грызла совѣсть, какъ теперь; я погубила ихъ, погубила; прости за нихъ, за себя, прости,—прости!... Да нѣтъ!... Нѣтъ мнѣ прощенья ни отъ людей, ни отъ Бога!...» закричала она, вскакивая, и дико взвизгнувъ, скрылась изъ дома.—Закрывая лицо, пробѣжала Катря дворъ, улицу, пробѣжала мимо дѣтей, которые стерегли телятъ и жеребятъ у рѣки, и исчезла въ тростникѣ. Громко, звонко шумѣлъ тростникъ, отклоняясь и ломаясь подъ ея дрожащими руками. — «Это моя чалая лошадеика туда забралась»—сказала одна изъ дѣвочекъ, затыкая подолъ изодранной юбки за поясъ, и побѣжала отыскивать ее въ тростникъ втрое выше ея самой. — Всѣ дѣти побѣжали за ней, съ хохотомъ влѣзали они туда и искали тамъ. Вдругъ рѣзкій голосъ на самомъ уже берегу закричалъ: — прочь! Дѣти попрятались, но видѣли и слышали, какъ Катря бросилась въ воду. Съ крикомъ побѣжали они въ село.

Digitized by Google

Старикъ, наконецъ, пришедши въ себя, отвелъ дочь свою въ внутреннія комнаты. Отыскивая людей, онъ нашелъ въ взломанной кладовой старуху-нянюшку, связанную и едва живую; она ему разсказала нѣкоторыя подробности ужасной ночи. Всѣ другіе разбѣжались, попрятались.

На другой день, въ такое же свѣтлое утро, та же коляска ѣхала по той же гати, только въ противную сторону. Въ ней слышались тихія рыданья дѣвушки и грозная рѣчь старика: — «Не пощажу злодѣевъ, разбойниковъ, доберусь до нихъ — говорилъ старикъ, — всѣхъ въ бараній рогъ согну. Здѣсь начнутъ мягко судить, поѣду въ губернскій городъ, тамъ не такъ — въ Петербургъ, до Царя дойду, — только тебя отвезу домой» — «Нѣтъ не домой, батюшка, — сказала Гануся, — а въ Кіевъ; не суждено мнѣ быть замужемъ, не суждено, какъ я думала, быть сестрой любимой подруги, имѣть умнаго, милаго мужа, не хочу я другаго, пойду въ монастырь, буду за нихъ молиться.» — «Что ты? что это вздумала, какъ можно?» — «Нѣтъ, я не разстанусь съ тобой, я тебя не отпущу въ монастырь.» — «А вѣдь разставались со мной, о тдавая человѣку: отъ чего жъ не хотите отдать Богу?» — Старикъ не возражалъ, но глубоко вздохнулъ. Печальна была ихъ дорога.

Не знаемъ, молилась ли черница за душу безвременно погибшаго, или живой заставилъ забыть мертваго. Но угрозы старика сбылись: много и много скованныхъ увели изъ села въ безвозвратный путь. Церковь упразднена: и она и домъ разрушились. Даже самое названіе «село Турбаи» перемѣнено: теперь тутъ деревня Скорбная. Я разсказала то, что мнѣ показалось ясно изъ не совсѣмъ яснаго для меня Малороссійскаго разсказа стараго козака, въ хатѣ котораго мы останавливались въ этой деревнѣ. Послѣ, мнѣ совсѣмъ иначе разсказывали это ужасное событіе; но я отвѣчала, какъ одинъ Французскій авторъ, къ которому прислали достовѣрныя свѣдѣнія о городѣ, котораго онъ описывалъ осаду: *mon siège est fait* (моя осада уже написана), отвѣчалъ онъ. — Да и кто знаетъ, можетъ быть, это именно было такъ: догадка часто вѣрнѣе свѣдѣній.

П. Бакунина.

Digitized by Google

Свѣдѣнія о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена.

Во второй книжкѣ 8-го нумера Москвитянина на 1849 годъ, на страницѣ 88 и слѣд., помѣщено было библіографическое описаніе всѣхъ доселѣ изданныхъ мною книгъ, а въ первой книжкѣ 9-го нумера, на страницѣ 5, сказано, что по прошествіи двухъ столѣтій отъ сближенія Европейскихъ народовъ съ Китаемъ, я первый началъ *разскрывать невѣрность свѣдѣній и неосновательность нѣкоторыхъ мнѣній* о семъ государствѣ, укоренившихся въ Европѣ. Далѣе, на той же страницѣ, присовокуплено, что *Китай и Китайская имперія во всѣхъ изданныхъ мною сочиненіяхъ представляемы были въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они нынѣ существуютъ и въ гражданскомъ, и въ нравственномъ состояніи*; и то, что написано мною о семъ государствѣ, прежде было написано и издано въ свѣтъ самимъ Китайскимъ правительствомъ, а мною токмо повѣрено, и съ точностію передано въ переводѣ. Но, повидимому, все это не вполнѣ проясняло мысль мою, и я на 4 страницѣ яснѣе выразилъ, что Китай *въ знаніи естественныхъ и математическихъ наукъ далеко отсталъ отъ Европы, такъ какъ Европа еще не дошла до Китая въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ.* Такими внушеніями я предварительно совѣтовалъ нашимъ ученымъ не слишкомъ и дешевить тѣмъ, что Китайцы сами о себѣ или о сосѣдственныхъ народахъ писали. Теперь настало время объясниться съ бо́льшею откровенностію, хотя откровенность эта, можетъ быть, нѣкоторымъ не очень понравится.

Сочиненіе, недавно изданное мною, подъ заглавіемъ: *Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена*, также есть извлеченіе изъ Китайскихъ династійныхъ исторій, переведенное съ строгою буквальною точностію: почему въ предувѣдомленіи къ сему сочиненію преимущественно обрисованы свойства Китайской исторіи, какъ главнаго источника, изъ котораго и Европейскіе и Азіат-

Digitized by Google

скіе историки заимствовали свѣдѣнія о древнихъ Средне-Азіатскихъ народахъ. Послѣ столь отчетливаго понятія о Китайской исторіи, кажется, нѣтъ нужды читателю любопытствовать о самомъ переводѣ: но есть уважительная причина, которая обязываетъ меня предварительно сказать, что въ моемъ переводѣ открывается много несходства съ тѣми свѣдѣніями о древнихъ Средне-Азіатскихъ народахъ, которыя западными оріенталистами почерпнуты изъ однихъ и тѣхъ же источниковъ со мною, и сіе несходство заключается притомъ *не въ перемѣнѣ словъ, а въ измѣненіи историческаго повѣствованія.* Въ обоихъ переводахъ одни и тѣ же источники, одни и тѣ же матеріалы; но въ переводѣ западныхъ оріенталистовъ не съ правильной точки наведенъ былъ взглядъ на исторію, а отсюда и значительная разность послѣдовала.

Съ того времени, какъ католическіе вѣропроповѣдники проникли въ Китай, и получили первыя понятія о книжности Китайцевъ, родилась правильная мысль въ нихъ изслѣдовать по Китайскимъ историческимъ источникамъ происхожденіе народовъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена, и осуществилась самими же вѣропроповѣдниками, которые, по изученіи книжнаго Китайскаго языка, положили начало вѣрному изслѣдованію. Они предположили не безъ основанія, что Китайцы, по давнему сосѣдству съ Средне-Азіатскими странами съ сѣвера, безспорно искони имѣли непосредственное сношеніе съ жителями тѣхъ странъ, и что Китайская исторія должна содержать хотя краткія свѣдѣнія объ ихъ обычаяхъ; а потому, утвердившись въ семъ мнѣніи, они съ заботливостію приступили къ разработыванію Китайскихъ историческихъ источниковъ. Достохвальный примѣръ ихъ и въ другихъ возбудилъ охоту къ продолженію сихъ трудовъ, впрочемъ довольно тягостныхъ по новости содержанія. Извѣстно, что надъ исторіею древнихъ Средне-Азіатскихъ народовъ долго лежалъ густой туманъ, сквозь который рѣдко и слабо просвѣчивали сказанія современныхъ Греческихъ и Азіатскихъ историковъ; и потому самыя сіи сказанія требовали основательныхъ изслѣдованій и поясненій.

Digitized by Google

Три находятся пути для изслѣдованія древнихъ историческихъ происшествій: *путь прямой, путь косвенный* и *путь мечтательный* (фантасмагорическій). Когда исторія открываетъ слѣдъ древнихъ происшествій въ письменныхъ современныхъ памятникахъ, географія указываетъ мѣсто, хронологія показываетъ время ихъ событій: то это есть прямой путь, который вѣрно ведетъ къ цѣли, когда идемъ по сему пути съ должною осмотрительностію, не уклоняясь въ стороны. Но если время нѣсколько сгладило и актическіе и фактическіе слѣды древнихъ происшествій, то разсудокъ предписываетъ въ семъ случаѣ собирать данныя, прикосновенныя къ современнымъ обстоятельствамъ изслѣдываемыхъ произшествій. Разобравъ сіи данныя съ критическимъ взглядомъ, и расположивъ съ логическою правильностію, должно извлекать отсюда выводы, которые могли бы приблизительно пополнить утраченное исторіею, т. е. разъяснить темныя мѣста. Это есть косвенный путь, то есть путь производить изслѣдованія чрезъ соображеніе посторонныхъ историческихъ данныхъ, по какимъ-либо обстоятельствамъ прикосновенныхъ къ разсматриваемымъ событіямъ. Сей путь требуетъ основательности въ сужденіяхъ, чтобы правильно опредѣлить самые признаки историческихъ слѣдовъ. Когда же не откроемъ слѣдовъ, съ которыхъ можно было бы начать изслѣдованія, то остается прибѣгать къ догадкамъ и предположеніямъ, основаннымъ на созвучіи словъ, или на поверхостной вѣроятности обстоятельствъ; и посему самыя умозаключенія, выводимыя изъ сихъ догадокъ и предположеній, не имѣютъ твердаго основанія, а подобно миражу представляютъ только признаки неопредѣленныхъ предметовъ. Это есть мечтательный путь, на которомъ нынѣшнее *безотчетное вѣрованіе ученыхъ въ непогрѣшительность авторитетовъ и обольстительное самомнѣніе* иногда далеко отводятъ насъ отъ прямаго пути въ стороны. Въ продолженіе послѣдняго и въ началѣ настоящаго столѣтія въ Европѣ, это былъ любимый путь для историческихъ изслѣдованій, проложенный упоительною мечтою, что съ Европейскимъ просвѣщеніемъ сопряжено какое-то высшее знаніе вещей; почему *и ссылки*

Digitized by Google

на извѣстныхъ писателей приводимы были безусловно, т. е. вовсе не подвергались критической повѣркѣ; а отсюда сколько произошло невѣрностей въ изслѣдованіяхъ, сколько погрѣшностей въ умозаключеніяхъ! Къ чести вѣропроповѣдниковъ, подавшихъ первую мысль къ изслѣдованію Китайскихъ историческихъ источниковъ, должно сказать, что они въ самомъ началѣ стали на точкѣ, съ которой имъ открытъ былъ прямой путь къ правильному изслѣдованію; но вмѣсто того, чтобъ идти прямымъ симъ путемъ, они захотѣли прежнія Европейскія свѣдѣнія о древнихъ Средне-Азіатскихъ народахъ повѣрить, и даже, въ случаѣ небольшой разности, согласить съ Китайскими извѣстіями. Въ этомъ *первоначально состояла погрѣшность ихъ*; ибо при семъ случаѣ, отдавая справедливость Европейскому просвѣщенію предъ Азіатскимъ, они дозволили себѣ пренебречь осторожностію въ критической повѣркѣ коренныхъ актовъ и фактовъ; и потому, при каждой встрѣчѣ несогласія въ обоюдномъ повѣствованіи, мало по малу отступали отъ Китайскихъ подлинниковъ, и такимъ образомъ непримѣтно отклонились на путь косвенный. Когда же ихъ послѣдователи и на семъ пути встрѣтили немаловажныя затрудненія въ согласованіи разности повѣствованій съ событіями, то принуждены были сойти на путь мечтательный, и, при семъ переходѣ, напали *на ложныя понятія о народныхъ названіяхъ*, что еще болѣе разстроило ихъ работу. Желая наконецъ исправить погрѣшности Китайскихъ историковъ, они рѣшились измѣнить самый порядокъ народовъ, какъ въ происхожденіи, такъ и въ названіяхъ, и сею передѣлкою уже дѣйствительно перепутали подлинную исторію Средне-Азіатскихъ народовъ.

Еще Виделу и Гобиль положили первое начало такимъ историческимъ превращеніямъ. Дегинь въ своей исторіи о Гуннахъ, Тюркахъ и Монголахъ распространилъ ихъ новыми выводами.—Клапротъ въ своихъ Запискахъ объ Азіи присовокупилъ къ нимъ систематическое раздѣленіе Средне-Азіатскихъ народовъ, по которому сѣверно-восточные Авганистанцы, подъ названіемъ Усунь, названы потомками Ботническихъ Финновъ, потому только, что имѣли русые волосы

Digitized by Google

и голубые глаза.[1] Собственно надлежало бы при изслѣдованіи сихъ народовъ *предварительно просмотрѣть весь Китайскій текстъ по порядку*, а западные оріенталисты упустили это изъ виду, и напротивъ, приняли въ основаніе одни *отрывки*, въ которыхъ текстъ, по существу своему, не могъ представлять непрерывной связи въ послѣдованіи историческихъ событій; и прерывчивость въ такомъ случаѣ необходимо влекла за собою неточность какъ въ историческомъ, такъ и въ этнографическомъ описаніяхъ. Подобныя замѣчанія должно было бы пояснить примѣрами изъ нашихъ историковъ; но исчисленіе такихъ примѣровъ столь велико, что можетъ навести большую скуку;[2] думаю, что въ Европѣ еще не забыли ученый споръ объ Ойхорахъ, иначе Уйгурахъ, недавно происходившій между двумя первокласснымі оріенталистами нашего времени, изъ которыхъ одинъ доказывалъ, что *Уйгуры были Чешысцы*, т. е. Тюрки; а другой утвер-

---

[1] Осѣдлые народы въ Тюркистанѣ, такъ какъ Татары въ Россіи, наиболѣе имѣютъ правильное очертаніе лица, волосы каштановые, русые и свѣтло-русые, изрѣдка черные; а кочевые Тюркистанцы, въ числѣ ихъ и Крымскіе Татары, вообще имѣютъ смуглое калмыкообразное лицо, волосы черные. Наши ученые, гоняясь за системами, вовсе необращали вниманія на это.

[2] Въ Запискахъ о Монголіи, изданныхъ мною въ 1828 году, напечатана была краткая исторія Монгольскихъ племенъ, извлеченная изъ Китайскихъ источниковъ. Покойный Клапротъ возсталъ противъ сей исторіи; потому что она много, по его мнѣнію, содержала въ себѣ противнаго тому, что до сего времени писано было въ Европѣ о древнихъ обитателяхъ Монголіи, а онъ столько былъ увѣренъ въ справедливости переданнаго Европѣ западными оріенталистами, что даже напечаталъ въ журналахъ о своемъ предпріятіи опровергнуть мою исторію Монгольскихъ племенъ текстами изъ Китайскихъ источниковъ. Но когда началъ повѣрять переводъ западныхъ оріенталистовъ съ Китайскими подлинниками, то совершенно замолчалъ, а сказалъ только, *что если принять мою систему, то надобно сдѣлать большой переворотъ въ древней исторіи восточной Азіи.* Въ отвѣтъ ему съ моей стороны сказано было, что *я написалъ не систему, а самое краткое буквальное извлеченіе изъ Китайскихъ источниковъ.*

Digitized by Google

ждалъ, что *Уйгуры были Тангуты*. Въ самомъ началѣ, если бы разъ взглянуть на подлинную исторію сихъ народовъ, то дѣло безъ спора объяснилось бы одно чрезъ другое, и притомъ довольно просто. Въ послѣдствіи увидимъ, что споръ сей происходилъ безъ малѣйшаго соображенія времени, мѣста и обстоятельствъ въ отношеніи къ лицамъ; почему, хотя въ немъ замѣшаны были Чешысцы, Монголы, Тангуты и Китайцы, всего четыре народа, — а въ самой вещи Уйгуры, главный предметъ спора, были не Тангуты и не Чышысцы, а коренные западные Монголы, т. е. *Калмыки*; мнимые же Уйгуры западныхъ оріенталистовъ, обитавшіе въ царствѣ Гао-чанъ, были *выходцы изъ Китая*, какъ ниже увидимъ.

Въ послѣднее время предъ христіанскою эрою восточная оконечность Небесныхъ горъ находилась подъ Тюркскимъ княжествомъ Гушы. Китайскій дворъ, при первомъ покореніи восточнаго Тюркистана въ 104 году до Рожд. Христ., раздѣлилъ Гушы на два княжества: Чешы переднее и Чешы заднее.[1] Первое изъ нихъ занимало земли нынѣшняго Турпанскаго княжества на южной, а второе занимало земли отъ Баркюля къ западу до Хурь-хара-усу по сѣверную сторону Небесныхъ горъ. Владѣтель передняго Чешы имѣлъ пребываніе въ городѣ Гяо-хэ-ченъ[2], а владѣтель задняго Чешы жилъ въ долинѣ Уту, лежавшей въ нынѣшнемъ уѣздѣ Ки-тхай. Первобытные жители обоихъ Чешы были коренные Тюрки, и тогда все народонаселеніе передняго Чешы не простиралось выше 700, а задняго Чешы выше 527 семействъ.

---

[1] Древняя дорога изъ Китая въ западный край лежала чрезъ Хухуноръ, простираясь по сѣверную сторону южныхъ горъ до Хотана; потомъ поворачивала на сѣверо-востокъ въ переднее Чешы, а оттолѣ на сѣверо-западъ въ заднее Чешы. Отъ сего географическаго положенія обоихъ Чешы южное названо *переднимъ*, а сѣверное *заднимъ*. На картѣ предѣлы обоихъ Чешы означены очертаніемъ дорогъ.

[2] *Гяо-хэ-ченъ*. Это суть Китайскія слова, въ переводѣ: городъ на стрѣлкѣ. Сей городъ построенъ на стрѣлкѣ при разъединеніи рѣки на два потока, окружающіе городъ съ восточной и западной стороны, отъ чего и Китайское названіе. Монголы превратили сіе въ Чжоха-хота.

Digitized by Google

Въ первый походъ Китайцевъ на Кокандъ, въ 104 году до Рожд. Христ., многіе изъ сего ополченія, изнуренные голодомъ при переходѣ чрезъ великую песчаную степь, ушли съ дороги въ переднее Чешы, и навсегда остались въ тамошнихъ горахъ. Симъ образомъ было положено начало первому Китайскому народонаселенію въ Чешы. При семъ должно замѣтить, что переднее Чешы, по географическому его положенію, и нынѣ составляетъ единственный ключь для прохода Китайцамъ въ западный край; а Китаю въ то время необходимо было вооружить западные народы противу Хунновъ, чтобы развлеченіемъ силъ ихъ ослабить ихъ напоръ съ запада на юго-востокъ. Хунны видѣли это, и долго не допускали Китайцевъ утвердиться въ Чешы. Наконецъ въ 90 году предъ Р. Х., вступило въ переднее Чешы Китайское войско, и Чешыскаго владѣтеля отвело въ Китай плѣнникомъ. Но Чешыскій преемникъ и послѣ сего не хотѣлъ прервать связи съ Хуннами; почему въ 67 году переднее Чешы было вторично разорено Китайцами. Послѣ сего Хунны *перевели остальныхъ жителей изъ Чешы далѣе на востокъ*; а Китайскій дворъ для управленія оставленными землями поставилъ военнаго пристава, который близъ города Гяо-хэ-чень построилъ въ 46 году до Р. Хрис. фортъ, чтобы сосредоточить военное управленіе симъ краемъ; а какъ фортъ расположенъ былъ на высокомъ и открытомъ мѣстѣ, а потому Китайцами и названъ *Гао-чанъ-лэй*.[1] Съ сего времени княжество Чешы долго находилось, съ небольшими перемежками, подъ военнымъ управленіемъ Китайской державы. Наконецъ въ 343 году по Р. Хрис., Чжанъ Цзунь,[2] пра-

[1] *Гао* высокій, *чанъ* открытый, *лэй* изъ камня складенный, суть Китайскія слова.

[2] Въ продолженіе безпокойствъ, происходившихъ въ сѣверномъ Китаѣ въ IV столѣтіи, Китайскій сановникъ Чжанъ-Гуй, имѣя въ виду возстановленіе спокойствія въ Хэ-си, просилъ дворъ опредѣлить его правителемъ области Лянъ-чжéу въ губ. Ганъ-су. Принявъ сію должность въ 301 году, онъ успѣлъ благоразумными мѣрами прекратить политическія безпокойства въ Хэ-си, и въ награду за такую заслугу пожалованъ наслѣдственнымъ владѣтелемъ страны сей. Внукъ его Чжанъ

Digitized by Google

витель царства Лянъ, превратилъ укрѣпленіе Гао-чанъ въ областный городъ Гао-хэ-гюнь, названный такъ по городу Гяо-хэ-ченъ. Послѣ сего Гао-чанъ, по смутнымъ обстоятельствамъ въ Китаѣ, былъ подъ зависимостью то Хунновъ, то Китайцевъ. Наконецъ Китайское народонаселеніе, во все сіе время постоянно умножавшееся, превратилось въ аристократическую республику, и около половины пятаго столѣтія Китайскій выходецъ Гань-Шуанъ самъ объявилъ себя правителемъ области Гао-хэ-гюнь. Но въ 444 году Китайскій же выходецъ Гюйкюй Вухой отнялъ сію страну у Гань-Шуанъ, и наслѣдственно передалъ ее младшему своему брату Ань-чжéу. Гань-Шуанъ бѣжалъ въ Жужаньскую орду, гдѣ въ томъ же году и умеръ, а Жужаньскій Ханъ, по взятіи города Гао-хэ-гюнь, убилъ Ань-чжеу, и Гань Боч-жéу, родственника помянутому Гань-Шуанъ, поставилъ царемъ въ Гао-чанъ, въ 460 году. Съ сего времени бывшая Китайская область Гао-хэ-гюнь возведена на степень второстепеннаго царства подъ названіемъ Гао-чанъ-го, т. е. царство Гао-чанъ.[1] Съ шестаго столѣтія владѣтели сего царства начали вводить у себя Китайскій образъ правленія, что сѣвернымъ Кочевымъ очень не нравилось, и они старались всѣми мѣрами препятствовать Китайскимъ нововведеніямъ. Симъ образомъ споръ между Китаемъ и Кочевыми о вліяніи на Гао-чанъ продолжался до 640 года, въ которомъ многочисленное Китайское ополченіе, 140 т., вступило въ Гао-чанъ, и положило конецъ сему царству. По переписи, учиненной при семъ случаѣ Китайскимъ правительствомъ, оказалось, что владѣніе Гао-чанъ, по увѣренію западныхъ оріенталистовъ весьма сильное царство въ восточномъ Тюркистанѣ, заключалось въ 8046

Цзунь, наслѣдовавшій княженіе въ 324 году, объявилъ себя въ 342 году независимымъ владѣтелемъ; но домъ сей въ свою очередь погибъ въ седьмомъ колѣнѣ, а царствомъ Лянъ овладѣлъ Китайскій полководецъ Люй Гуанъ, возвращавшійся въ 385 году изъ похода въ восточный Тюркистанъ, куда онъ съ 100 т. войска посланъ былъ разорить усилившійся городъ Кучу.

[1] Царство Гао-чанъ существовало 180 лѣтъ.

Digitized by Google

семействахъ, изъ коихъ богатые и сильные домы изъ аристократовъ въ то же время были выведены во внутренность Китая. Изъ сего краткаго историческаго обзора Чецы открывается, что: 1) Городъ *Гао-чанъ основанъ Китайцами*, и царство сего имени, со времени его основанія въ 460 году до самаго паденія въ 640 году, *никогда Уйгуріею не называлось*; 2) Жители царства Гао-чанъ наиболѣе были *Китайскіе выходцы, а не Тюрки* и также никогда *не назывались Уйгурами*; и 3) Подлинные Уйгуры, до ихъ вторженія въ восточный Тюркистанъ въ 861 году, *никогда не были въ Чешы.*

Что касается до втораго мнѣнія, защитникъ его утверждаетъ, что нашелъ въ Исторіи Санангъ-Сэченя отрывокъ, въ которомъ сказано, что *Уйгуры были Тангуты.* Любопытство побудило меня нѣсколько разъ пробѣжать Санангъ-Сэченеву Исторію въ Китайскомъ переводѣ, но слово Уйгуръ ни однажды не встрѣчалось. Впрочемъ полная Исторія Уйгуровъ, изложенная въ актахъ и фактахъ Китайскихъ, безъ исключенія вся противорѣчитъ Санангъ-Сэченеву свидѣтельству; а изъ сего видно, что слова: «Уйгуры были Тангуты,» должны быть ошибкою вставленныя въ Санангъ-сэченеву исторію на Монгольскомъ языкѣ, что изрѣдка случается въ Китайскихъ рукописяхъ. И такъ изъ двухъ спорящихъ сторонъ каждая совершенно необдуманно, и притомъ *безъ всякаго основанія, защищала свое мнѣніе.*

Что касается *до подлинныхъ Уйгуровъ*, иначе *Ойхоровъ*, они имѣютъ совсѣмъ другое происхожденіе. За пять вѣковъ до Р. Хр. на сѣверныхъ предѣлахъ губерніи Шань-си обитали инородцы, названные въ Китайской исторіи *Чи-ди.* Они говорили Хуннускимъ, т. е. Монгольскимъ, языкомъ. За два съ небольшимъ вѣка до Р. Х., Чи-ди, вытѣсненные изъ предѣловъ Китая за Великую стѣну на сѣверъ, осѣли въ степяхъ отъ Ордоса къ западу противъ областей Гань-чжéу-фу и Лянъ-чжеу-фу, подъ народнымъ своимъ названіемъ *Дили, иначе Тьлэ.* Въ 361 году по Р. Х. Дилисцы поддались Сяньбійскому дому Тоба, а въ концѣ сего столѣтія отложились отъ него, и ушли чрезъ Великую песчаную степь на

Digitized by Google

сѣверъ въ числѣ 15 союзныхъ домовъ или поколѣній, между которыми сильнѣйшими считались *Сыньято* и *Ойхоръ*, иначе *Уйгуръ*. Сіи 15 поколѣній, по переходѣ Великой песчаной степи на сѣверъ, приняли народное названіе *Гао-гюй*[1], иначе *Гао-чѣ*, и раздѣлили между собою сѣверную Монголію отъ Аргуни до Тарбагатая. Тоба-Гуй сильно огорченъ былъ потерею сей обширной страны, принадлежавшей дому его, по праву завоеванія; почему въ 399 году предпринялъ походъ на сѣверъ, и неожиданно ударивъ на Гаогюйцевъ, нанесъ имъ великій уронъ и въ людяхъ и въ скотѣ. Въ 400 году Ханъ Шелунь, основатель Жужаньскаго ханства, претерпѣлъ пораженіе отъ Тобы-Гуй, при переходѣ Великой песчаной степи на сѣверъ, а въ 402 году ушелъ съ своимъ народомъ далѣе на сѣверъ, и покорилъ Гаогюйскія поколѣнія, что, вѣроятно, было главною причиною похода его на сѣверъ. Въ непродолжительномъ времени усилился домъ Дулга, потомокъ изъ дома Хунновъ, кочевавшій по южную сторону Алтая не подалеку отъ озера Убсы. Онъ покорилъ весь Гаогюйскій союзъ, и уничтожилъ Жужаньское ханство. Но Дулгайскій Чулоханъ началъ неистово поступать съ Гаогюйскими Князьями, и Уйгурскій Ханъ соединенными силами поразилъ его въ 628 году, а въ 647 году, когда царство Гаочанъ, мнимая Уйгурія западныхъ оріенталистовъ, было совершенно уничтожено, Уйгурскій Ханъ, со всѣми 15 Гаогюйскими поколѣніями,[2] торжественно поддался Китаю. Впрочемъ Дулгаскій домъ съ небольшимъ чрезъ 30 лѣтъ снова усилился, и опять подчинилъ себѣ Гаогюйцевъ. Тогда Уйгуръ съ тремя другими поколѣніями обратно ушелъ чрезъ Великую песчаную степь на югъ, и расположился на прежнихъ земляхъ отъ Ордоса къ западу. Въ 741 году открылись у Дулгасцевъ смятенія, во время которыхъ Уйгурскій Ханъ уничтожилъ Дулгаскую

---

[1] *Гао-гюй*, высокая телѣга, суть Китайскія слова: это двуколесная арба.

[2] Въ сіе время въ Гаогюйскихъ поколѣніяхъ считалось 225 т. строеваго войска, а царство Гаочанъ состояло всего изъ 8046 семействъ. См. выше.

Digitized by Google

орду, и въ томъ же году, покоривъ всю сѣверную Монголію, положилъ основаніе Уйгурскому ханству; а изъ оріенталистовъ западной Европы ни одинъ не замѣтилъ, что это *случилось по прошествіи шести лѣтъ по уничтоженіи царства Гаочанъ, мнимой ихъ Уйгуріи.* Но домъ Уйгуръ, прославившійся возстановленіемъ престола въ Китаѣ, послѣ войны съ Тибетомъ, въ свою очередь началъ приходить въ упадокъ; а въ 830 году въ самой ордѣ возникли смятенія, въ продолженіе которыхъ Хягясы наконецъ разорили Уйгурскую орду въ 847 году. Въ сіе время главныя силы Уйгуровъ уклонились съ Ханомъ своимъ на сѣверные предѣлы Китая, гдѣ послѣ совершеннаго разсѣянія мало по малу вновь сосредоточились при Князѣ Панъ-Дэлэ, который въ продолженіе междоусобій въ Тибетѣ занялъ его города Гань-чжеу, Су-чжеу и Ша-чжеу,[1] и основалъ здѣсь Уйгурское ханство. Но сей Ханъ, по заключенному съ Китаемъ союзу, вмѣшался въ войну съ Ордосскими Тангутами, которые, по завоеваніи помянутыхъ городовъ въ 1028 и 1035 годахъ, положили конецъ сему ханству. Пугу Цзинь, другой Уйгурскій Князь, при самомъ разрушеніи Уйгурской орды, ушелъ съ 18 поколѣніями своего народа на западъ въ Тарабагатай, и оттуда, распространяясь по сѣверной полосѣ Небесныхъ горъ, въ 861 году, поразилъ Тибетцевъ въ восточномъ Тюркистанѣ, и основалъ здѣсь второе Уйгурское ханство, которое существовало до временъ Чингиза. Ханы носили титулъ Арл-сланъ-ханъ, и попеременно жили въ Урумци, Харамарѣ, Кучѣ, а наиболѣе въ Турпанѣ, въ которомъ, въ продолженіе трехъ съ половиною столѣтій, укоренили Уйгурское письмо, и донынѣ въ Турпанскомъ княжествѣ употребляемое; а сами чрезъ долговременную тѣсную связь съ туземцами приняли отъ нихъ и языкъ и религію ихъ. А какъ Турпанъ лежитъ въ той самой странѣ, которая предъ Рожд. Хр. составляла переднее Чешы и въ послѣдствіи царство

[1] Сіи города съ 1-го вѣка до Р. Хр. принадлежали Китаю, но въ настоящее время завоеваны были Тибетцами, у которыхъ Уйгуры отняли ихъ.

Digitized by Google

Гаочанъ, то оріенталисты западной Европы безъ основанія вывели отсюда заключеніе, что Уйгуры *по происхожденію были Тюрки, и переднее Чешы есть первобытное ихъ отечество, въ которомъ они еще до Рожд. Хр. обитали.*

Китайскій дворъ, по уничтоженіи царства Гаочанъ, переименовалъ сіе владѣніе округомъ Си-чжеу, и открылъ въ немъ главное военное правленіе. До покоренія Гаочана Дулгасцы занимали земли, принадлежавшія заднему Чешыскому владѣтелю; а когда Китайцы взяли Гаочанъ, то и Дулгасцы покорилось Китаю. Почему въ земляхъ задняго Чешы открытъ округъ Тьхинъ-чжéу, а въ 701 году открыто въ семъ округѣ правленіе сѣвернаго намѣстника. Послѣ сего западный край былъ покоренъ Тибетцами, а съ того времени, какъ Уйгуры вытѣснили Тибетцевъ изъ Тюркистана, и сами заняли сію страну, Гаочанъ, какъ главное мѣстопребываніе подлинныхъ Уйгуровъ, принялъ названіе *Уйгуръ* или *Уйгуріи*. При династіи Сунъ Уйгуры изъ Си-чжеу, т. е. изъ Гаочанъ, прислали въ Китай посланника. При династіи Юань сія страна по-Китайски названа *Вэй-ву-эрръ*, что прямо соотвѣтствуетъ Тюркскому слову *Уйгуръ*. Симъ образомъ народное названіе *Ойхоръ*, а по выговору южныхъ Монголовъ *Хойхоръ*, исподволь измѣнилось въ *Уйгуръ*. Чингизъ-Ханъ, покоривъ восточный Тюркистанъ, поставилъ Даругачи для управленія сею страною. При династіи Минъ Гаочанъ названъ (по-Китайски) Хо-чжéу. Въ 70 ли отъ Хо-чжéу на востокъ лежитъ городъ Лючень, бывшій при династіи Тханъ у. г. Лю-чжунъ, нынѣ Лукчакъ; чрезъ 120 ли отъ Хо-чжèу къ западу лежитъ городъ Турпанъ, бывшій при династіи Тханъ у. г. Гао-хэ-ченъ. Въ началѣ правленія Сю-ань-дэ, 1426 г., Хасанъ владѣтель города Хо-чжéу, Саинь-Тэмуръ-Чемникъ Турпанскій, и Вачила-Темникъ Лукчакскій [1] прислали дань Китайскому двору, которой въ послѣдствіи непрерывали; при настоящей династіи Цинъ въ 23 лѣто правленія Кянь-Лунъ, 1756 г., Пичанскій владѣтель

[1] Изъ сего мѣста видно, что древнее царство Гао-чанъ при династіи Минъ раздѣлено было на три части подъ владѣніемъ трехъ княжескихъ домовъ изъ дома Уйгуровъ.

Digitized by Google

Эминь Хожжо присоединился съ своимъ войскомъ къ Китайцамъ, преслѣдовавшихъ мятежныхъ Чжунь-гаровъ, и поддался Китайской державѣ. Сіи Пичанцы суть прямые потомки Уйгуровъ или Ойхоровъ. *Изъ сихъ-то Уйгуровъ, а не изъ Тюрковъ, были писцы при Чингиз-Ханѣ.* Вотъ истинная исторія Ойхоровъ или Уйгуровъ, о которыхъ Европейскіе ученые написали столько вздора![1] Изъ всего вышеписаннаго остается вывести главное положеніе, что *историческими источниками должно считать одни коренные акты и факты; ссылки на такіе акты и факты можно принимать за вторичные источники, но въ такомъ только случаѣ, когда они заимствуются въ первоначальной своей чистотѣ*, т. е. безъ малѣйшихъ измѣненій и произвольныхъ пояснительныхъ пополненій. Клапротъ, между прочими свѣдѣніями о древнихъ Средне-Азіатскихъ народахъ пишетъ: Земаркъ, посланный Императоромъ Устиномъ въ 569 году изъ Константинополя къ Дизавулу, Великому Хану Тюрковъ, кочевавшихъ въ сѣверо-восточной Азіи, и извѣстныхъ подъ именемъ Ту-гю, получилъ отъ него въ подарокъ, при прощаніи, невольника, родомъ Хэркиса или Киргиза. Наши ученые безъ всякаго изслѣдованія приняли такое свидѣтельство за неопровергаемый актъ. По справкѣ же съ подлинною исторіею древнихъ Средне-Азіатскихъ народовъ оказалось, что Дизавулъ былъ не Тюркскій, а Калмыцкій Ханъ; Ту-гю былъ не Тюркъ, а Дулга, Алтайскій Калмыкъ; Хэркисъ былъ не Киргизъ, а Хягасъ, Томскій Татаринъ. Такъ часто чрезъ измѣненіе текста переиначиваемы были акты и факты, приводимые Европейскими учеными изъ исторіи древнихъ Средне-Азіатскихъ народовъ!

Въ то время, когда изъявилъ я Академіи Наукъ желаніе собранныя мною по Китайскимъ источникамъ свѣдѣнія о древнихъ Средне-Азіатскихъ народахъ привести въ истори-

---

[1] Г. Казембекъ принялъ на себя трудъ собрать въ одно мѣсто все, что Европейскими учеными до сего времени написано было объ Уйгурахъ, и напечаталъ сію статью въ Журналѣ Министерства Народнаго просвѣщенія, подъ заглавіемъ: *Изслѣдованія объ Уйгурахъ*. См. Августъ 1841 года.

Digitized by Google

ческій порядокъ и издать въ свѣтъ, нѣкоторые совѣтовали мнѣ Китайскія свѣдѣнія подкрѣпить свидѣтельствами изъ Греческихъ и Азіатскихъ историковъ. Изъ предувѣдомленія къ сему сочиненію читатель видѣлъ уже, что Китайская исторія писана самимъ Китайскимъ правительствомъ, основана на современныхъ оффиціальныхъ актахъ, утверждена неизмѣнными историческими фактами. На основаніи помянутыхъ причинъ, я полагалъ ближе свидѣтельствами Китайской исторіи прояснить Азіатскихъ историковъ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они писали что-нибудь нѣсколько согласно съ Китайскою исторіею, а Греческіе историки, писавшіе о древнихъ происшествіяхъ въ Средней Азіи, по отдаленности и времени и мѣста, еще и сами требуютъ основательныхъ прояненій. И такъ я рѣшился, по окончаніи обѣщаннаго Академіи Наукъ труда въ переводѣ Китайскаго текста, присовокупить къ нему: *1. Географическій указатель мѣстъ, на которыхъ происходили достопамятныя историческія событія, что, по моему мнѣнію, могло придать большую ясность исторіи; 2. Составить сводъ событій, въ которомъ одни происшествія пояснялись бы ссылками на другія происшествія, имѣющія взаимную, хотя отдаленную связь между собою.* Географическій словарь много задерживалъ меня при точномъ опредѣленіи древнихъ мѣстъ, коихъ прежнія названія давно уже измѣнены; а при составленіи свода въ самомъ началѣ сего труда продолжительная болѣзнь принудила меня отложить это предпріятіе, о чемъ я донынѣ очень сожалѣю. Въ сводѣ событій открывалась возможность прояснить: 1) древнія торговыя сношенія сѣверо-Каспійскихъ Татаръ съ Римомъ и Китаемъ; 2) открыть пути, по которымъ Гунны шли изъ Монголіи въ Европу, и 3) показать давность разселенія народовъ Тунгузскаго племени отъ хребтовъ большаго Хинганскаго и Становаго къ сѣверу и сѣверо-западу. Желательно, чтобы со временемъ наши оріенталисты обратили должное вниманіе и на сіи предметы, не страшась труда, сколько бы ни былъ онъ великъ и тягостенъ; а трудъ этотъ не мало времени потребуетъ для внимательнаго соображенія.

—

Digitized by Google

ПРИБАВЛЕНІЕ О ЦАРСТВѢ ЛЯНЪ, НЕПОСРЕДСТВЕННО ВХОДЯЩЕЕ ВЪ ИСТОРІЮ УЙГУРОВЪ.

Исторія Ойхоровъ, иначе Уйгуровъ, составленная общими усиліями западныхъ оріенталистовъ, въ четвертомъ и пятомъ столѣтіяхъ по Рожд. Хрис., тѣсно связана съ исторіею нѣкоего царства Лянъ. Городъ Гаочанъ, полагаемый столицею Уйгуріи, отъ самаго основанія до паденія царства сего же имени, имѣлъ правителей не Уйгуровъ, а выходцевъ изъ царства Лянъ, и большею частію изъ природныхъ Китайцевъ. Судя по сему, царство Лянъ составляетъ немаловажное звено въ исторіи Уйгуровъ; а между тѣмъ оно представлено съ какою-то безпечною невнимательностію въ разборѣ актовъ, извлеченныхъ изъ Китайскихъ историковъ.

Царство Лянъ занимало сѣверо-западный уголъ Китая, составляющій нынѣ губернію Ганъ-су. Оно случайно возникло въ смутныя времена IV столѣтія по Рожд. Христ. Въ это время открылись междоусобія въ царствующемъ домѣ Цзинь[1], и сіе обстоятельство подало южнымъ Хуннамъ мысль овладѣть сѣвернымъ Китаемъ. Хунны, кочевавшіе въ окружности Ордоса, первые подняли оружіе, и счастіе необыкновенно благопріятствало ихъ предпріятію. Домъ Цзинь въ непродолжительное время потерялъ сѣверную половину Китая. Хунны, овладѣвшіе ею, приняли наименованіе Императорскаго дома Хань (304 — 330.), а потомъ Чжао (330 — 352.) Чрезъ полвѣка Муюнъ, одинъ изъ сильныхъ домовъ въ восточной Монголіи, истребилъ южныхъ Хунновъ, и воцарился въ восточной половинѣ сѣвернаго Китая подъ названіемъ Императорскаго дома Янь (352 — 410), а въ западной половинѣ усилились Тангуты подъ названіемъ Императорскаго дома Цинь (351—417). Еще чрезъ полвѣка Монгольскій домъ Тоба[2], кочевавшій по восточную сторону

---

[1] Домъ Цзинь царствовалъ 265—420.

[2] Домъ Тоба царствовалъ 386 — 558, всего 172 года; изъ нихъ съ 386 подъ названіемъ Вэй, съ 440 подъ названіемъ Юань, иначе Юань-Вэй.

Digitized by Google

Ордоса, выгналъ и Мунновъ и Тангутовъ, и одинъ утвердился въ сѣверномъ Китаѣ подъ наименованіемъ Императорскаго дома Вэй. Такимъ образомъ четвертое столѣтіе протекло въ безпрерывной и жестокой войнѣ царствовавшихъ въ Китаѣ иностранцевъ и между собою и съ южнымъ Китаемъ. Обширное поле открылось для искателей приключеній; а народъ между тѣмъ искалъ спокойнаго пріюта въ краяхъ, удаленныхъ отъ родины. Въ сіе самое время сѣверо-западный уголъ Китая, составлявшій въ послѣдствіи четыре государства подъ названіемъ Лянъ, наполнился пришлецами изъ Китайцевъ, Монголовъ, Тангутовъ и Тюркистанцевъ.

Въ самомъ началѣ упомянутаго рыцарскаго столѣтія Чжанъ Гуй, придворный сановникъ дома Цзинь, имѣя въ виду возстановленіе спокойствія въ Хэ-си,[1] просилъ опредѣлить его правителемъ округа Лянъ-чжѣу. Принявъ сію должность въ 301 году, онъ успѣлъ благоразумными мѣрами прекратить безпокойства въ Хэ-си, и въ награду за сію заслугу пожалованъ наслѣдственнымъ Княземъ владѣнія Лянъ. Внукъ его Чжанъ Цзунь, наслѣдовавшій сіе княженіе въ 324 году, объявилъ себя въ 345 году независимымъ владѣтелемъ съ титуломъ Лянъ-Ванъ. Но въ седьмомъ колѣнѣ сей домъ погибъ, и царствомъ его овладѣлъ Китайскій полководецъ Люй Гуанъ, возвращавшійся въ 385 году изъ похода въ восточный Тюркистанъ, гдѣ поручено ему было разорить усилившійся городъ Кучу. Въ 394 году онъ поставилъ Монгольскаго Князя Туфа-угу[2] правителемъ въ Хэ-си.

---

[1] Хэ-си есть Китайское названіе страны, лежащей по сѣверной границѣ Китая отъ Ордоса къ западу. Нынѣ сія страна заключаетъ въ себѣ области Лянъ-чжѣу-фу, Гань-чжѣу-фу и округъ Ань-си-чжѣу, въ губерніи Гань-су. Хэ-си зн. *отъ Желтой рѣки къ западу. 2. Древній округъ Лянъ-чжеу* нынѣ заключаетъ въ себѣ земли губерніи Гань-су.

[2] Туфа по толкованію Китайской исторіи, есть Монгольское слово, значитъ: одѣяло. Туфа родился во время сна матери подъ одѣяломъ, отъ чего слово одѣяло обращено въ родовое прозваніе *ему*. Угу есть личное имя его 2. *Хуанъ-чжунъ* есть древнее названіе страны, лежащей въ губерніи Гань-су, отъ города Си-нанъ-фу на сѣверъ, по обѣимъ сторонамъ рѣки

Digitized by Google

Туфа-угу покорилъ два Тангутскихъ рода въ Хуанъ-чжунъ и овладѣлъ пятью областями: Ву-вэй, Чжанъ-ѣ, Цзю-цюань, Дунь-хуанъ и Гинь-ченъ, а въ 397 году объявилъ себя владѣтелемъ южнаго царства Лянъ.

Въ томъ же году Гюйкюй Мынсунь,[1] въ отмщеніе за неправедную казнь отца его, поднялъ оружіе противъ владѣтеля Люй-Гуанъ, но не успѣлъ въ своемъ предпріятіи. Родственникъ его Гюйкюй собралъ войско, и областнаго правителя Дуань-ѣ объявилъ владѣтелемъ *сѣвернаго царства Лянъ*. Къ нимъ присоединился Гюйкюй Мынсунь. По смерти Туфа-Угу младшій братъ его Туфа-Лилугу наслѣдовалъ престолъ. Въ слѣдующемъ году онъ опредѣлилъ Китайца Ли-гао правителемъ области Дунь-Хуанъ; но Ли-гао по прибытіи къ должности овладѣлъ пятью областями отъ Дунь-Хуанъ на востокъ, и объявилъ себя владѣтелемъ *западнаго царства Лянъ*. Въ семъ же году Гюйкюй Мынсунь убилъ своего владѣтеля Дуань-ѣ и объявилъ себя владѣтелемъ сѣвернаго царства *Лянъ* въ Чжанъ-ѣ. Такимъ образомъ изъ раздробленія царства Лянъ, еще подъ симъ же названіемъ, составились три царства: южное, сѣверное и западное. Тангутскій домъ Цинь предпринялъ покорить всѣ четыре царства, и послалъ на западъ сильное войско. Люй-Лунъ, владѣтель главнаго царства Лянъ, первый претерпѣлъ пораженіе; а остальные три владѣтеля безъ сопротивленія покорились. Съ сего времени всѣ четыре царства Лянъ поступили подъ покровительство дома Цинь, и принуждены были принять имперскіе, т. е. второстепенные чины. Въ 402 году Туфа Лилугу умеръ, и

Хуанъ-шуй. Древній Хуанъ-чжунъ составляетъ нынѣ область Си-нинъ-фу, а *Ву-вэй* нынѣ есть область Лянъ-чжеу-фу; *Чжанъ-ѣ* область Ганъ-чжеу-фу; *Цзю-цюань* округъ Су-чжеу, *Дунь-хуанъ* округъ Ань-си-чжеу, *Гинь-ченъ* область Лянъ-чжеу-фу. Сіи пять мѣстъ и страна Хуанъ-чжунъ съ областью Си-нинъ-фу составляли южное царство Лянъ.

[1] *Гюйкюй* есть древнее Монгольское слово, составлявшее княжескій титулъ у Хунновъ; въ послѣдствіи оно обращено въ прозваніе рода того Князя, который носилъ этотъ титулъ. Мынсунь есть личное имя.

Digitized by Google

младшій его братъ Туфа-Нотань вступилъ на престолъ. Въ слѣдующемъ году домъ Цинь уничтожилъ старшее царство Лянъ, владѣтеля Люй Лунъ опредѣлилъ въ службу при своемъ дворѣ; а въ бывшей столицѣ его Гу-цзанъ поставилъ правителя. Въ 406 году Туфа Нотань, владѣтель южнаго царства Лянъ, представилъ дому Цинь 3000 лошадей и 30000 барановъ, что принято знакомъ преданности, и Туфа-Нотань опредѣленъ былъ правителемъ въ Гу-цзанъ; а въ 408 году онъ объявилъ себя независимымъ владѣтелемъ. Въ 411 году сѣверный владѣтель взялъ городъ Гу-цзанъ, а въ слѣдующемъ году перенесъ туда свой дворъ и объявилъ себя владѣтелемъ страны Хэ-си. Въ 414 году домъ Цинь уничтожилъ южное царство Лянъ; владѣтель Туфа Нотань взятъ въ плѣнъ и преданъ казни.

Въ 417 году умеръ владѣтель Ли-гао; на престолъ вступилъ сынъ его Ли-Инь. Въ 420 году Гюйкюй Мынсунь убилъ его на сраженіи, и западное царство Лянъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ. Ли-Сюнь, младшій братъ покойнаго Ли-Инь, бѣжалъ въ сѣверныя горы, а оттуда жители области Дунь-Хуанъ призвали его къ себѣ и объявили правителемъ сей области. Въ 421 году Гюйкюй Мынсунь взялъ городъ Дунь-Хуанъ и убилъ Ли-Сюнь. Тханъ Ки [1], правитель области Гинь-ченъ произвелъ возстаніе въ сѣверномъ владѣніи Лянъ, но въ 425 году былъ разбитъ; почему съ племянникомъ своимъ Ли Бао бѣжалъ въ Иву, [2] гдѣ собралъ до 2000 бродячихъ кочевыхъ семействъ, и поддался Жужаньскому Хану. Въ 433 году Гюйкюй Мынсунь умеръ, оставивъ преемникомъ по себѣ малолѣтнаго сына Пути: почему старшій его братъ Гюйкюй Мугянь вступилъ на престолъ въ 439 году. Домъ Юань-вэй покорилъ сѣверное царство Лянъ. Гюйкюй Мыгянь съ 3000 гражданскихъ и военныхъ

---

[1] Тханъ Ки у Г. Казембека названъ Княземъ; но это былъ Китаецъ, не имѣвшій княжескаго достоинства, а важный по званію Государева шурина.

[2] Иву есть древнее названіе страны, составляющей нынѣ въ восточномъ Тюркистанѣ княжество Хами.

Digitized by Google

чиновниковъ вышелъ изъ столицы и предался въ волю побѣдителя. Симъ положенъ конецъ послѣднему изъ четырехъ царствъ подъ названіемъ Лянъ. Гюйкюй Вухой, младшій братъ Мугяновъ, при паденіи царства Лянъ ушелъ въ Дунь-Хуанъ, откуда въ 440 году предпринялъ походъ въ Цзю-цюань; и хотя онъ, покорившись дому Юань-Вэй, былъ оставленъ владѣтелемъ сего города, но, по сильному на него подозрѣнію, городъ Цзю-Цюань обратно взятъ приступомъ; посему Гюйкюй Вухой въ 442 году съ 1000 семействъ ушелъ изъ Дунь-хуанъ на западъ; и хотя при переходѣ чрезъ пески Великой песчаной степи погибло около 5000 семействъ; но, не смотря на это, съ остальнымъ народомъ онъ въ состояніи былъ овладѣть княжествомъ Шаньшань.[1] Въ слѣдъ за уходомъ Гюйкюй-Вухоя Ли Бáо выступилъ изъ Иву съ своими 2000 семействъ, занялъ Дунь-Хуанъ, и поддался дому Юань-вэй. При паденіи Гюйкюй Мугяня подданный его Гань-Шуанъ ушелъ на западъ, и занялъ Гаочанъ. Тханъ-Ки, утѣсняемый Жужаньцами, собралъ своихъ людей, и также пошелъ на западъ, чтобы занять Гаочанъ, но смерть не допустила его достигнуть цѣли своего похода. Братъ его Тханъ Хо, собравъ остальныхъ людей, пошелъ въ переднее Чешы, овладѣлъ тамъ двумя городками, и поддался дому Юань-Вэй. Въ то время, какъ Тханъ-Ки шелъ на Гаочанъ, Гань-Шуанъ притворно покорился Князю Гюйкюй Вухой, чтобы соединенными силами напасть на Тханъ-Ки. Но какъ Вухой съ своимъ войскомъ пришелъ подъ Гаочанъ послѣ смерти Тханъ-Ки, то Гань-Шуанъ рѣшился не впускать его въ городъ. Чрезъ мѣсяцъ Вухой неожиданно напалъ на городъ, и вырубилъ жителей. Гань-Шуанъ бѣжалъ къ Жужаньскому Хану, а Вухой занялъ Гаочанъ, и отдался подъ покровительство дома Сунъ (Лю-Сунъ), который царствовалъ въ южномъ Китаѣ.

---

[1] *Шаньшань* есть названіе кочеваго Тюркскаго владѣнія, лежавшаго въ великой песчаной степи отъ Хами и Турпана на югъ, въ окрестностяхъ Бостанъ-нора. Предъ Р. Хр. сіе княжество содержало въ себѣ 5,700 семействъ, 14,600 душъ и 2,912 ч. войска. Владѣтель имѣлъ пребываніе въ городѣ Унь.

Digitized by Google

Въ 444 году Гюйкюй Вухой умеръ, и младшій его братъ Гюйкюй-ань-чжеу наслѣдовалъ престолъ. Въ 460 году Жужаньскій Ханъ взялъ Гаочанъ и истребилъ родъ его; а Гонь-бо-чжеу, родственника вышеупомянутому Гань-Шуанъ, поставилъ владѣтелемъ въ Гаочанъ. Съ сего времени бывшая Китайская область Гаочанъ поставлена на степень второстепеннаго царства. Въ 497 году Ма-Сюй, владѣтель сего царства просилъ домъ Юань-вэй перевесть его владѣніе въ предѣлы Китая,[1] и ему отвели 500-ли, около 270 верстъ, пустопорожнихъ земель въ Иву: но жители не захотѣли разставаться съ родиною и переселиться на востокъ, почему убили Ма-Сюй, а на престолъ возвели нѣкоего Цзюй Жань, и по прежнему поддались Жужаньскому Хану. Но въ 640 году Китайскій дворъ уничтожилъ царство Гаочанъ; симъ образомъ кончился долговременный споръ между Китаемъ и сѣверными Кочевыми о владычествѣ надъ Чешы; по переписи, учиненной при семъ случаѣ Китайскимъ правительствомъ, оказалось, что царство Гаочанъ даже во время своего могущества, которое приписываетъ ему Дегинь, содержало въ себѣ 8046 семействъ, или домовъ, въ 22-хъ городкахъ. Изъ сего краткаго очерка владѣній Гаочанъ и Лянъ ясно видно, что сіи владѣнія, во все продолженіе своего существованія, никакихъ связей съ домомъ Ойхоровъ или Уйгуровъ не имѣли, чего и самое время ихъ существованія не дозволяло. Владѣніе Лянъ возникло въ 345, пресѣклось въ 459 году; владѣніе Гаочанъ возникло въ 460, кончилось въ 640 году; домъ Ойхоровъ возникъ въ 648 году, и въ то самое время, какъ Гаочанъ—мнимое владѣніе Дегиновыхъ Уйгуровъ—былъ уничтоженъ Китайцами, домъ Ойхоровъ ими же возвышенъ на степень Ханскаго достоинства. Послѣднее обстоятельство совершенно ускользнуло отъ изслѣдованій Европейскихъ оріенталистовъ, и потому не удивительно, что Китайцевъ они назвали Уйгурами. Ойхоры, иначе Уйгуры, были Калмыки, которые только въ 861 году овладѣли городомъ Гаочанъ. *Іакинфъ.*

[1] Т. е. на земли, принадлежавшія Китайской державѣ.

Digitized by Google

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

ПЕРЕПИСКА ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА

СЪ БОЯРИНОМЪ КНЯЗЕМЪ НИКИТОЮ ИВАНОВИЧЕМЪ ОДОЕВСКИМЪ.

(*Списокъ съ Государевы грамоты слово въ слово.*)

Отъ Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа Росіи въ нашу отчину въ Казань, Боярину нашему Князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому милостиво желаемъ, поздравляемъ и з детми твоими, съ Княземъ Алексѣемъ и съ Князь Яковомъ, а мы Великій Государь со святыми Божіими церквами и со всѣмъ нашимъ Государствомъ далъ Богъ здоровы. Да будетъ тебѣ вѣдомо, судбами всесильнаго и всеблагаго Бога нашего, и страшнымъ Его повелѣніемъ изволилъ Онъ Свѣтъ взять сына твоего первенеца, Князь Михаила, и великою милостію въ небесныя обители, Ноября въ 19 въ пятокъ, въ пятомъ часу дни вполы; а лежалъ огневою три недѣли безо дву дней; а разболѣлся при мнѣ Ноября 1 числа, на память Козмы и Доміана, въ понедѣльникъ, и тотъ день былъ я у тебя въ Вешняковѣ, а онъ здравъ былъ; потчивалъ меня, да радъ таковъ, а его такова радостна николи невидалъ; да лошадью онъ да Князь Ѳедоръ челомъ ударили, и я молвилъ имъ: «по толь я пріѣзжалъ къ вамъ, что грабить васъ?» И онъ плачучи да говоритъ мнѣ: «Мнѣ-де, Государь, тебя не видать здѣсь; возмите, Государь, для ради Христа, обрадуй батюшка и насъ, намъ же и до вѣка такова гостя невидать.» И я, видя ихъ нелестное прошеніе и радость не сумѣную, взялъ жеребца темносѣра. Не лошадь дорога мнѣ, всего лутчи ихъ нелицемѣрная служба, и послушанье, и радость ихъ ко мнѣ, что они радовалися мнѣ всемъ сердцемъ. Да жалуючи тебя и ихъ, вездѣ былъ, и въ конюшняхъ, всего смотрѣлъ, во всѣхъ жилищахъ былъ, и кушалъ у нихъ въ хоромѣхъ, и послѣ кушанія послалъ я къ По-

Digitized by Google

кровскому тѣшиться въ рощи въ Карачельскія; онъ со мною здоровъ былъ, и пріѣхалъ того дни къ ночи въ Покровское. Да жаловалъ ихъ обоихъ виномъ и романѣею, и подачами и комками, и ѣли у меня, и какъ отошло вечернее кушанье, а онъ сталъ изъ за стола и почалъ стонать головою, голова-де безмѣрно болитъ, и почалъ бити челомъ, чтобъ къ Москвѣ отпустить для головной болѣзни, да и пошолъ домой, да той ночи хотѣлъ сѣсть въ сани, да ѣхать къ Москвѣ по утру, а болѣзнь та ево почала разжигать.... огневая. А передъ пятницею, въ которую нестало, и полегчило ему, и сидѣлъ и говорилъ, да почала кровь итти изъ носа безпрестани, а сказывалъ мнѣ Князь Ѳедоръ, ведра-де, Государь, съ три вышло, да какъ-де унялась, такъ и отходить началъ. А какъ отшелъ отъ сея прелестныя жизни въ неконча́емую жизнь и неисповѣдимую и неизреченную радость Христа Бога нашего съ покаяніемъ, и какъ принесли тѣло Христа Бога нашего, а онъ въ забыти лежалъ, и какъ учали ево разкликивать, чтобы причастить, и онъ взглянулъ и увидѣлъ священника съ причастіемъ, и учалъ говорить: никако недостоинъ, ей въ судъ себѣ приймаю, и слезы пролилъ безмѣрныя, и священникъ тотъ учалъ говорить: «Отецъ твой Духовный велѣлъ тебя причастить.» И онъ съ часъ говорилъ «недостоинъ», со слезами и съ великимъ покаяніемъ; и говоря много, да и причастилъ священникъ свой, и принялъ памятна и въ разумѣ, и пріемше спутника общего владыку Христа, сталъ тишеть. Причастили въ третьемъ часу дни, а преставился въ пятомъ, а послѣ причастія отнюдь ничево не молвилъ; какъ есть уснулъ; отнюдь рыданія не было, ни терзанія. И тебѣ боярину нашему, и слугѣ, и дѣтемъ твоимъ черезмѣру не скорбить, а нелзя, что не поскорбѣть и не прослезиться, и прослезиться надобно, да въ мѣру, чтобъ Бога наипаче не прогнѣвать, и уподобитца бъ тебѣ Іеву праведному. Тотъ отъ врага нашего общаго діавола пострадалъ, сколко на него напастей приходило, не претерпѣлъ ли онъ, и одолѣлъ онъ діавола; не опять ли ему далъ Богъ сыны дщери? А за что?—за то, что ни во устнахъ не погрѣшилъ; не оскорбился, что мертвы быша дѣти ево. А твоего

Digitized by Google

сына Богъ взялъ, а не врагъ полатою подавилъ. Вѣдаешь ты и самъ, Богъ все на лутчие намъ строитъ, а взялъ его въ доброиъ покаяніи, или ево святово слово ложно: въ чемъ застану, въ томъ и сужду. И воспомяни Златоуста, какъ Царица у Ѳеодорита взяла пять сотъ златницъ и для Іоанна опять отдала, и онъ свѣтъ учелъ ему говорить Ѳеодориту: «Аще бы богатство твое Царица не отдала, то откуды бы собралъ имѣніе, и неточію бы не могълъ, но и неправдою вмѣнилося къ Богу. «И аще бы твой сынъ безъ покаянія умеръ или съ лошади убился и безъ покаянія отшелъ, тебѣ бы какъ имъ владѣть; а теперя радуйся и веселися, что Богъ совсемъ свершилъ, изволилъ взять съ милостію своею, и ты приимай съ радостію сію печаль, а не въ кручину себѣ и не во оскорбленіе. Воспомяни Варлаама Чюдотворца, какъ Новогородца единого избавилъ отъ смерти, а другого не избавилъ, и онъ что отвѣщалъ къ вопрошающимъ братіамъ: «Вы-де разумѣете внѣшняя, а я-де разумѣю внутреняя; единого-де избавилъ для того, что прямо осужденъ къ смерти, и идетъ въ вѣчную погибель, а другій осужденъ напрасно и идетъ въ рай; а се Ангелъ Господень надъ нимъ вѣнецъ держитъ, и я-де ему не помѣшалъ въ рай иттить; а се-де что тому помогать, тому самъ Богъ помощникъ, и уготова ему вѣнецъ.» Тако и ты не оскорбляйся, Богъ сыну твоему помошникъ; радуйся, что лучее взялъ, и не оскорбляйся зѣло, надѣлся на Бога и на него рождшую и на него всѣхъ святыхъ. Потомъ, аще Богъ изволитъ, и мы тебя не покинемъ и съ детьми.... ихъ жаловали и впредь радъ жаловать сына его Князь Юрья, а отца радъ поминать. А Князь Ѳедора я пожаловалъ отъ печали утѣшилъ, а на взносъ и на все погребальныя я послалъ, сколько Богъ изволилъ, потому что впрямь узналъ и провѣдалъ про васъ, что, опричь Бога на небеси, а на земли опричь меня, ни у ково у васъ нѣтъ; и я радъ ихъ и васъ жаловать, толко ты, Князь Никита, помни Божію милость, а наше жалованіе. Какъ живова ево пожаловалъ, такъ и поминать радъ. А мнѣ мнитца, что Богъ изволилъ взять милуючи, нѣдалъ ему дожить большихъ грѣховъ, видя его доброе житіе

Digitized by Google

и житіе ему прекратилъ, да не горше погибнетъ, и изволилъ ево въ добродѣтели застать и въ покаяніи добрѣ, и тотъ радъ кого застанетъ смерть въ покаяніи, а тебя наипаче Богъ хочетъ видети во своихъ заповѣдехъ Господнихъ ходяща, и хочетъ отъ тебя наипаче вѣры, чтобы ты ево волю безпрестани творилъ до издыханія своего. Воспомяни Преподобныхъ отецъ житія: какая бѣда наидетъ на міръ, и они приложатъ слезъ къ слезамъ, къ воплю вопль, къ молитвѣ молитву; такъ и ты приложи къ добродѣтели добродѣтель, а неотчаявайся, токмо уповай и вѣруй всемъ сердцемъ; а надобѣть поминать смертной часъ на всякъ день и часъ. Видишь ли, яко тать смерть крадетъ, за нами злыя и неправедныя грѣхи; крѣпко надобѣть намъ Бога знати и заповѣди ево творить. А преже того мы жаловали къ тебѣ писали, какъ жить мнѣ Государю и вамъ боярамъ; и тебѣ боярину нашему уповать на Бога и на Пречистую Его Матерь и на всѣхъ святыхъ, и намъ великого Государя быть надежнымъ, аще Богъ изволитъ, то мы васъ не покинемъ, мы тебѣ и съ дѣтьми и со внучаты по Бозѣ родителіе, аще пребудете въ заповѣдехъ Господнихъ, и всѣмъ беспомошнымъ и бѣднымъ по Бозѣ помошники. На то насъ Богъ уставилъ, чтобы беспомошнымъ помогать. И тебѣ бы учинить противъ сей нашей милостивые грамоты одноконечно послушать съ радостію, то и наша милость къ вамъ безотступно будетъ. А послали сію нашу грамоту съ Стольникомъ нашимъ съ Михаиломъ Татищевымъ, Ноября 21 дня, въ воскресенье. А его велѣлъ погресть до тебя у Троицы, у его приходу, у старова твоего двора. Писанъ на Москвѣ лѣта 7161, Ноября въ 21 день.

А у подлинной грамоты подъ исподомъ писано: Князь Никита Ивановичъ! Неоскорбляйся, токмо уповай на Бога и на насъ будь надеженъ.

Списокъ съ отписки слово въ слово.

Государю Царю Великому Князю Алексѣю Михаиловичу всея Росіи, холопъ твой Никитка Одоевской челомъ біетъ.

Digitized by Google

Въ нынѣшнемъ, Государь, во 161 году, Декабря въ 4 день въ твоей Государевѣ Царевѣ и Великаго Князя Алексѣя Михаиловича всея Росіи, грамотѣ писано ко мнѣ, холопу твоему, съ Столникомъ съ Михаиломъ Татищевымъ о благостояніи святыхъ Божіихъ церквей и о вашемъ Государскомъ здравіи, и что пожаловалъ ты, Государь, меня холопа своего, изволилъ быть въ вотчинишкѣ моей, въ селцѣ Вешняковѣ, и о болѣзни и о смерти сынишка моего Мишка, о своемъ Государскомъ жалованьи ко мнѣ, холопу своему, и къ дѣтишкамъ моимъ, и милостивое разсужденіе отъ Божественного писанія, чтобы мнѣ, холопу твоему, объ смерти сынишка своего не оскорблятися, и быть благонадежну на всесилнаго Бога и на твою Государскую милость. И сынишка моего Ѳедьку отъ такіе жалости пожаловалъ обрадовалъ своею Государскою милостію, и пожаловалъ, чемъ сынишка моего Мишку и погресть, и мнѣжъ холопу твоему уповать на Бога, и на Пречистую Его Матерь, и на всѣхъ святыхъ, и на твою Государскую милость ко мнѣ, холопу твоему, и къ дѣтишкамъ и ко внучатамъ моимъ; понѣже ты, праведный Государь, беспомошнымъ помошникъ. А сынишку, Государь, моего Мишку велѣлъ погресть у стараго моего дворишка, въ приходу у церкви Живоначальныя Троицы до меня холопа своего. А въ концѣ твоей Государевы грамоты свою Государскую милость приписалъ своею Государскою рукою, да по твоемужъ Государеву Цареву и В. Князя Алексѣя Михайловича всея Росіи указу, того жъ часу приходилъ на твой Государевъ дворъ богомолецъ твой Государевъ, Корнилій Митрополитъ Казанскій и Свіяжскій, и ползова меня холопа твоего духовными и утѣшительными словесы отъ Божественныхъ писаній. О благочестивый великій Государь Царь и В. Князь Алексѣй Михаиловичь, всея Росіи! Откуду начну или кое благодареніе принесу твоему человѣколюбію и милостивому схожденію къ намъ, рабамъ твоимъ, и такому твоему Государскому человѣколюбію и милости не достоинъ; уподобился, Государь, милостивому и человѣколюбивому Богу, крайнему его хожденію къ падшему человѣче-

Digitized by Google

скому роду, понеже онъ, содѣтель нашъ, не возгнушался внити въ домъ Симоновъ, грѣшну мужу витати; тако и ты, Государь, изволилъ въ наше убогое домишко внити, а надъ умершимъ сынишкомъ моимъ такую свою Государскую милость показалъ, яко оставшимся намъ милостивые щедроты изліялъ, и излілсь, Государь, благодать отъ устъ твоихъ, и коснулся бѣдному моему и сокрушенному сердцу, и разгнатъ мракъ темнаго облака, и озарила свѣтомъ богоразумія, и о всѣмъ, Государь, велми Бога благодарю, что сынишка мой Мишка тебѣ, великому Государю, нелѣностно работалъ и служилъ, и на исходъ живота своего съ покалніемъ сподобился причаститися таинственныхъ таинъ Христа Бога нашего; и отъ тебя, Государя, по смерти ево такая милость къ нему и къ намъ, холопомъ твоимъ. Уповаю, Государь, что и отъ небеснаго Царя Христа Бога нашего твоими Государскими молитвами помилованъ будетъ. А на такой твоей Государской милости ко мнѣ, холопу твоему, и къ дѣтишкамъ моимъ и ко внуку Юшкѣ послалъ къ тебѣ Государю сынишку своего Алешку, и Столника Михаила Татищева къ тебѣ Государю, отпустилъ съ сынишкомъ своимъ Алешкою вмѣстѣ, Декабря въ 10.

Digitized by Google

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ИСТОРІИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

ЗАПИСКА ШТЕЛИНА.*

Князь *Кантемиръ* писалъ Русскими стихами сатиры, которыя ходили большею частію въ рукописяхъ. Напечатаны во Франціи въ прозаическомъ переводѣ съ Итальянскаго, съ портретомъ автора.

1732. *Г. Собакинъ*, стихотворецъ, служилъ въ Шляхетномъ Кадетскомъ корпусѣ; писалъ стариннымъ стихосложеніемъ, не отличался особеннымъ дарованіемъ, и былъ вскорѣ забытъ.

1736 до 1741. *Г. Тредьяковскій* перевелъ большую часть моихъ стихотвореній для придворныхъ торжествъ. Они раздавались при Дворѣ и были написаны его стариннымъ стихосложеніемъ.

Примѣч. Тредьяковскій въ 1731 г. написалъ небольшое разсужденіе о Русскомъ стихосложеніи (de la Versification Russienne), въ которомъ доказываетъ, что Русскіе стихи должны въ стихосложеніи согласоваться съ Латинскою просодіею. Но это устройство ихъ противно духу Русскаго языка, и нашло мало одобренія.

---

* Подлинникъ на Нѣмецкомъ языкѣ хранится въ моемъ собраніи. М. П.

Digitized by Google

Около этого же времени *Г. Ломоносов* прислалъ изъ Марбурга (куда онъ былъ посланъ С.-Петербургскою Академіею для усовершенствованія въ наукахъ), нѣсколько одъ тогдашнему Президенту Бар. Корфу; оды эти были написаны совсѣмъ другимъ, новымъ размѣромъ, по образцу Нѣмецкаго, который до того времени не былъ извѣстенъ въ Россіи. Ему въ Германіи понравилась Нѣмецкая поэзія, въ особенности стихотворенія Гюнтера, изъ которыхъ онъ зналъ наизусть цѣлыя піесы. По нимъ писалъ онъ свои Русскіе стихи съ Нѣмецкимъ размѣромъ въ амбахъ, трохеяхъ и дактиляхъ.

1742. Для торжества коронаціи Секретарь Меркурьевъ перевелъ съ Итальянскаго стихами оперу «Clemenza di Tito», вмѣстѣ съ моимъ прологомъ къ ней, но безъ размѣра.

1743. Вышли 3 переложенія.... псалма, сдѣланныя Проф. Ломоносовымъ, Капитан. Сумароковымъ и Профес. Тредьяковскимъ, — и были напечатаны вмѣстѣ.

Съ 1742 Гг. Сумароковъ и Ломоносовъ издавали по временамъ нѣсколько удачныхъ одъ и пѣсенъ. Первый упражнялся также въ трагическомъ и эпическомъ родѣ, подражая Франц. авторамъ.

1746. Вышеупомянутые 3 поэта представили на судъ знатоковъ три свои переложенія псалма, каждый подъ своимъ именемъ.

1750. Нѣкоторые кадеты въ своемъ корпусѣ занимались между собою драматическимъ искусствомъ, представляя одну Французскую трагедію Вольтера, а потомъ Русскую трагедію Сумарокова. Наконецъ при Дворѣ былъ устроенъ для нихъ небольшой театръ, гдѣ они предъ Ея Величествомъ и всѣмъ Дворомъ играли съ большимъ успѣхомъ, и чрезъ это составили свое счастіе.

Имена ихъ: Бекетовъ, Мелиссино, Остервальдъ и Свистуновъ.

Digitized by Google

Въ благополучное царствованіе Ея И. Величества Елисаветы Петровны такъ возвышалась поэзія и прочія изящныя искуства и науки, что онѣ приняли совсѣмъ другой видъ.

Г. Сумароковъ часто писалъ нѣжныя пѣсни, которыя были положены на музыку придворнымъ музыкантомъ Белиградскимъ, и пѣты при Дворѣ съ аккомпаниментомъ лютни.

Г. Ломоносовъ въ торжественные дни ко Двору представлялъ большія оды.

Оба они упражнялись попеременно въ сочиненіи трагедій, которыя игрались при Дворѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ, именно «Синавъ» Сумарокова была переведена на Франц. языкъ въ прозѣ Княземъ Долгорукимъ.

Въ 1750 г. Проф. Готшедъ въ своемъ ежемѣсячномъ изданіи: «das Neuste aus der anmuthigen Gelehrsamkeit»—помѣстилъ ее, переведенную прекрасными Нѣмецкими стихами.

Послѣ и кромѣ этихъ поименованныхъ стихотворцевъ, упражнялись многіе и другіе въ разныхъ родахъ стихотвореній, новѣйшаго размѣра. 1752—3, Адъютантъ Елагинъ сочинялъ по временамъ нѣжныя оды и пѣсни для пѣвцовъ и музыкантовъ.

Около этого времени, именно въ 1753 г., являлись въ Москвѣ различныя остроумныя и колкія сатиры, написанныя прекрасными стихами, на глупости новѣйшихъ Русскихъ поэтовъ подъ вымышленными именами (Autore Barcovio, satyro nato). Студентъ, а въ послѣдствіи Кураторъ Академической Гимназіи, Г. Поповскій отлично перевелъ стихами Horatii artem poeticam.

Онъ такъже перевелъ «Essay up on man» Попе съ Французскаго перевода. Русскій переводъ вышелъ такъ же удаченъ, какъ подлинникъ, и былъ напечатанъ въ Москвѣ, въ 8-ку, въ 1757 году, по ходатайству Г. Каммергера Ивана Ивановича, Duo cum faciunt idem non est idem.

Digitized by Google

Онъ (Поповскій) написалъ нѣсколько одъ, которыя вышли очень удачны, въ особенности одна на день возшествія на престолъ Ея Имп. Вел. Мая 1755 г., которую раздавали при Дворѣ.

Онъ переводилъ при всѣхъ придворныхъ торжествахъ поэтическія объясненія и описанія иллюминацій, фейерверковъ и представленій—соч. Надв. Сов. Штелина, и такъ удачно, что они почти всегда заключали въ себѣ столько же стиховъ и были такого же размѣра, какъ Нѣмецкій оригиналъ.

Въ 1755 г. онъ былъ переведенъ въ Москву въ новый Университетъ, и мѣсто его въ С.-Петербургѣ для этихъ трудовъ занялъ магистръ Академіи *Дубровскій*. Но его переводы не всегда были такъ удачны. Такъ напр. переводъ поэтическаго объясненія фейерверка въ новый 1756-й годъ былъ такъ невѣрно и дурно исполненъ, что не годился къ употребленію. Дмитрій Васильевичъ *Волковъ* сдѣлалъ второпяхъ другой переводъ, болѣе вѣрный и гораздо лучшими стихами.

Съ тѣхъ поръ, какъ при Академіи сталъ выходить журналъ «Ежемѣсячныя сочиненія», гдѣ всякій могъ помѣщать свои статьи, если только онѣ стоили печати, — стали въ немъ по временамъ появляться молодые Русскіе поэты съ одами, элегіями другими мелкими стихотвореніями, которыя были подписываемы начальною буквою имени ихъ автора.

Бригадиръ *Сумароковъ* поставилъ даже себѣ закономъ, чтобъ безъ присылки его стихотворенія не выходила ни одна ежемѣсячная книжка журнала. Потому-то въ каждомъ его мѣсяцѣ, нѣсколько лѣтъ сряду, можно найти по одному и по нѣскольку его стихотвореній.

1758. Ассессоръ *Херасковъ* издалъ въ Москвѣ сочиненную имъ трагедію подъ названіемъ: *Венеціанская монахиня*. Она была напечатана, въ 8-ку, при тамошнемъ Университетѣ.

Digitized by Google

Въ этомъ же году нѣкоторые студенты Петербургскаго Университета (Академіи?) также отличились своими прекрасными стихотвореніями.

Барковъ, переводчикъ съ Латинскаго при Академіи, который, въ слѣдствіе своего безпорядочнаго поведенія, былъ то Адъюнктомъ, то студентомъ, то писцомъ, сдѣлался извѣстнымъ своими острыми сатирами на необразованныхъ новыхъ стихотворцевъ.

При восшествіи на престолъ Его И. Величества Петра III (1762), напечаталъ онъ безъ подписи своего имени прекрасную оду въ 4-ку, и за это получилъ званіе переводчика отъ Президента Академіи. Его главное и полезнѣйшее занятіе при Академіи состоитъ въ исправленіи Русскаго стиля въ переводахъ и въ другихъ сочиненіяхъ, назначенныхъ для печати. Онъ почти совсѣмъ передѣлалъ и издалъ въ 1761 г., въ 4-ку, переводъ Телемака, напечатанный *Хрущовымъ*, въ 8-ку, еще въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны. Кромѣ того онъ давно уже началъ самъ переводить Телемака стихами.

Въ это же время Совѣтникъ Ломоносовъ представилъ въ рукописи Г. Каммергеру Шувалову первую пѣснь своей героической поэмы Петріада, для которой, по его словамъ, онъ положилъ себѣ за правило *ковать* ежедневно по 30-ти стиховъ.

Всѣ его прежнія сочиненія въ стихахъ и прозѣ были въ этомъ году напечатаны въ Москвѣ въ двухъ томахъ, въ 4-ку. Также его Исторія Русскаго Государства была отдана тисненію при Академіи осенью 1758 года, безъ всякаго предварительнаго прочтенія и одобренія. Даже историческая конференція при Академіи не знала ни слова болѣе тѣхъ, которые видѣли это сочиненіе и печатали его. Одинъ потаенный приказъ Президента Академіи утвердилъ ея печатаніе.

Digitized by Google

1759. Въ началѣ этого года Директоръ театра, Бригадиръ Сумароковъ, сталъ издавать ежемѣсячный журналъ на Русскомъ языкѣ, подъ названіемъ «Трудолюбивая пчела.» Въ немъ помѣщались не только разные переводы и оригинальныя сочиненія въ прозѣ, но и многія мелкія стихотворенія, пѣсни, элегіи и проч. Это изданіе печаталось на его счетъ при Академіи, и прекратилось съ окончаніемъ года, вѣроятно потому, что и продажа его не соотвѣтствовала цѣнности содержанія и съ трудомъ покрывала издержки издателя.

Въ 1760 году, въ типографіи Кадетскаго Корпуса напечаталъ онъ, на осьмушкѣ листа, *Извѣстіе*, въ которомъ онъ обвинилъ свое отечество въ неудачѣ и прекращеніи его ежемѣсячнаго изданія. Вину и причину этого несчастія приписывалъ онъ Академической Канцеляріи, которая всегда ему болѣе мѣшала, чѣмъ содѣйствовала при печатаніи журнала; но ни слова не сказалъ о безпокойствахъ, которыя причинилъ онъ Академіи и ея типографіи своимъ неинужнымъ изданіемъ, ни о частыхъ ссорахъ своихъ съ факторомъ типографіи, которыя происходили отъ его неисправности въ уплатѣ Академическихъ издержекъ по этому изданію.

Въ 1761 году, за ссору съ Русскими актрисами, онъ, по Высочайшему повелѣнію былъ отставленъ, отъ должности Директора театра, слѣд. и отъ всякой службы; но удержалъ хорошую пенсію, чтобъ занимать публику своими стихотвореніями, въ новомъ вкусѣ.

Въ этомъ же (1759) году явился изъ типографіи Кадетскаго корпуса еженедѣльный листокъ, съ разными переводами съ Нѣмецкаго и Французскаго языковъ небольшихъ статей, переведенныхъ кадетами, которые упражнялись въ языкахъ. Намѣреніе было не дурно, но дурно то, если всякую бездѣлицу считаютъ достойною печати.

1760. Въ день рожденія Каммергера И. И. Шувалова.... Ноября, Совѣтникъ Ломоносовъ представилъ ему первую пѣснь

Digitized by Google

своей героической поэмы: Петріада, напечатанную въ 4-ку. Она заслужила одобреніе знатоковъ и удивленіе многихъ Россіянъ. Потому и желали видѣть ея продолженіе въ такой же силѣ. Шуваловъ даже обѣщалъ автору собрать для него коллекту въ нѣсколько тысячь рублей, если онъ окончитъ эту поэму.

Примѣч. Лишь только вышла въ свѣта эта первая пѣснь, какъ одинъ непримиримый врагъ поэта (говорятъ, что это былъ Сумароковъ) написалъ на нее комедію, въ которой онъ, вмѣсто музы, умоляетъ о прощеніи безсмертный духъ Петра Великаго, что такой *дикій* поэтъ употребилъ всуе его великое имя.

На кончину Императрицы Елисаветы Петровны явилась очень удачная ода, сочиненная въ Москвѣ молодымъ *Херасковымъ* (пасынкомъ Фельдмаршала Трубецкаго), который еще прежде былъ извѣстенъ разными стихотвореніями. Онъ же напечаталъ оду на коронацію Императрицы Екатерины II. Онъ также для этого торжества, или, правильнѣе, для въѣзда Ея Императорскаго Величества въ Москву, составлялъ прекрасные орнаменты для украшенія деревянныхъ тріумфальныхъ воротъ, по порученію своего вотчима, который былъ Президентомъ Коммиссіи, назначенной для приведенія въ исполненіе коронаціонныхъ торжествъ. Всѣ части этихъ украшеній доказываютъ, что онъ не имѣлъ никакого понятія въ подобныхъ произведеніяхъ, какъ напр. руки, висящія изъ облаковъ, множество грубо выдѣланныхъ символическихъ изображеній, неживописныя картины, разныя вызолоченныя рѣдкости и цѣлыя рѣчи въ стихахъ, вмѣсто надписей и проч. Среди множества этихъ прелестей у Тріумфальныхъ воротъ, ближе къ Кремлю, подлѣ Монетнаго двора, представилъ онъ Ея Императорское Величество Императрицу, стоящую у стола и готовую взять скипетръ и державу, которые лежали на столѣ, съ надписью: за мои труды. Этотъ Русскій изобрѣтатель и стихотворецъ, который никогда не выѣзжалъ изъ своего отечественнаго города, въ 1763 году, послѣ отставки прежняго Ректора Москов-

Digitized by Google

ского Университета, Мелиссино, былъ назначенъ въ Ректоры этого новаго Университета, подъ попечительствомъ Куратора, Тайнаго Совѣтника Ададурова. Въ 1763 году онъ охотно оставилъ Университетъ, ибо Императрица повелѣла ему быть Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Сѵнода. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ получилъ чинъ Тайнаго Совѣтника, и опять сдѣлался Куратором Университета на мѣсто умершаго Высоцкаго (?). По смерти Ададурова, Херасковъ, въ чинѣ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, сдѣлался вторымъ Куратором Московскаго Университета, должность же Ректора занимаетъ уже нѣсколько лѣтъ Статскій Совѣтникъ Приклонскій, бывшій воспитанникъ С.-Петербургскаго Кадетскаго Корпуса, который также никогда не выѣзжалъ изъ отечества.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННИКЪ ВЪ 1850 ГОДУ.*

(*Литературный журналъ, издаваемый съ 1847 г. И. Панаевымъ и Н. Некрасовымъ.*)

Впечатлѣніе, производимое отдѣленіемъ Русской Словесности въ Современникѣ, еще грустнѣе нежели въ Отеч. Зап. Всѣ разсказы, съ немногими исключеніями, какъ будто писаны на одну заказную тему, или даже писаны исключительно только съ тою цѣлію, чтобы наполнить извѣстную часть книжки журнала. Намъ недавно еще пришлось пробѣгать ихъ вторично сплошь, и мы должны признаться, что едва ли что-нибудь можетъ быть безотраднѣе впечатлѣнія, вынесеннаго нами изъ этого чтенія. Отсутствіе всякаго серьезнаго содержанія, недобросовѣстность или крайняя поспѣшность выполненія, повтореніе повсюду однихъ и тѣхъ же достаточно испошлившихся уже характеровъ, вѣчное вращаніе въ одномъ и томъ же заколдованномъ и тѣсномъ кругѣ—вотъ что отличаетъ одну категорію этихъ эфемерныхъ произведеній, категорію, которую сама редакція журнала назвала разсказами о житейскихъ глупостяхъ, и къ которой можно причислить, по всѣмъ правамъ, статьи въ родѣ «*Исторія двухъ пріятелей*», «*Пари*», и т. д. Эти вещи пишутся явно для того только, чтобы липшая повѣсть была въ журналѣ; особеннымъ признакомъ ихъ служитъ, кромѣ того, великосвѣтское направленіе. Другую категорію составляютъ повѣсти и разсказы, обязанные своимъ происхожденіемъ «раздраженію плѣшивой мысли, болѣзненнаго самолюбія», желанію поставить на ходули маленькое *я* героевъ нашего времени. По этой части Современникъ далъ странныя Записки Тамарина и Дачный Разсказъ. Наконецъ въ немногихъ произве-

---

* Москвитянинъ удерживался отъ разбора журналовъ, но въ послѣднее время книгъ вышло очень мало и журналы сдѣлались какъ бы вѣстникомъ всей литературы; поневолѣ должно говорить о нихъ: иначе отдѣленіе критики пришлось бы, по крайней мѣрѣ на текущее время, совершенно уничтожить. Чтобъ сохранить возможное безпристрастіе, редакція поручила разборъ журналовъ молодымъ литераторамъ, принадлежащимъ къ одному поколѣнію съ разбираемыми авторами. Второе требованіе редакціи было—разбирать произведенія *только съ художественной стороны.*

Digitized by Google

деніяхъ видно присутствіе серьезной мысли, еще въ меньшихъ присутствіе творчества и художественнаго такта. Таковы «Записки Охотника», не смотря на то, что въ послѣднихъ изъ нихъ крайне фальшива основа и крайне нехудожественно выполненіе; таковъ неконченный романъ Г-жи Туръ, выкупающій богатствомъ психологическаго анализа свою растянутость и вялость; таковъ «Необдуманный шагъ» Г. Станицкаго, не смотря на плохую отдѣлку; комедія Г. Менщикова: «Причуды», о которой, какъ о произведеніи сколько-нибудь серьезномъ, мы говорили уже въ нашемъ журналѣ; таковъ, наконецъ, въ особенности, «Долгъ» Г-жи Евгеніи Туръ — единственная повѣсть въ Современникѣ, въ которой тонкость анализа соединяется съ простотою и ясностью сочиненія, хотя недостаетъ художественной округленности. Есть наконецъ еще въ Современникѣ и такія произведенія, которыя не подходятъ ни подъ одну изъ принятыхъ нами категорій,—читая которыя, не знаешь, чему болѣе дивиться, неуваженію ли авторовъ ихъ къ самимъ себѣ, или неуваженію ихъ къ публикѣ. Это «Похожденія Ивана Чернокнижникова» и «Новоизобрѣтенная привиллегированная краска.» Для кого и для чего пишутся подобныя вещи — мы рѣшительно не знаемъ.

Чтобы не укорили насъ въ поверхностномъ судѣ, мы рѣшаемся въ подробности разсмотрѣть всѣ эти произведенія, хотя многія изъ нихъ не подлежатъ суду критики, какъ относящіяся скорѣе къ области промышленности, чѣмъ къ области литературы, наравнѣ съ «Сонниками», «Полными Оракулами» и прочимъ хламомъ, издаваемымъ для сбыта на Макарьевской ярмаркѣ.

Начинаемъ съ «Записокъ Тамарина», такъ нецеремонно выставившихъ букву Я на первой страницѣ первой книжки журнала. Прежде всего скажемъ о впечатлѣніи, произведенномъ на читателей этою повѣстью. Читавшіе въ 1846 году Современника «Вариньку» Г. Авдѣева, составляющую какъ бы прологъ къ Запискамъ Тамарина, были удивлены, въ полномъ смыслѣ этого слова, появленіемъ продолженія: никому и въ голову, конечно, не приходило, чтобы можно было растянуть еще на двѣ книжки плохое подражаніе ро-

Digitized by Google

ману Лермонтова; съ другой стороны, при всемъ добромъ желаніи смотрѣть на произведеніе Г. Авдѣева какъ на пародію, не было и до сихъ поръ нѣтъ никакой возможности подозрѣвать въ немъ заднюю мысль: нѣтъ нигдѣ иронiи, а напротивъ, повсюду звучитъ лиризмъ,—насильственный, натянутый, а все-таки лиризмъ, повсюду проглядываетъ такое наивное поклоненіе личности героя, такая безконечная любовь къ ней, такая нѣжная заботливость въ отношеніи къ ея слабымъ сторонамъ, что невольно изумляешься этому непостижимому въ наше время явленію. Не видать нигдѣ, чтобы авторъ былъ выше избраннаго имъ героя, чтобы для него разоблаченъ былъ во всей наготѣ этотъ пустой, пошлый и праздный господинъ, имѣющій претензію на демона; авторъ повѣсти какъ-то дѣтски вѣритъ въ величіе своего Тамарина, въ широту его природы, въ безграничность его стремленій. Въ этомъ-то и важная и многознаменательная сторона романа Г. Авдѣева для будущаго историка нашего поколѣнія.

Мы помнимъ, что въ обзорѣ литературы за 1849 годъ, помѣщенномъ въ Отечественныхъ Запискахъ, очень ловко и вѣрно схвачены были смѣшныя стороны тогда только что начинавшагося романа Г. Авдѣева. Вполнѣ раздѣляя взглядъ критика на «Варинькy», мы не станемъ возвращаться къ давнопрошедшему и начнемъ прямо съ того, что представилъ изъ себя Тамаринъ въ прошломъ году, въ своихъ неоцѣненныхъ запискахъ, которыя, сколько мы знаемъ, стали настольною книгою всѣхъ юныхъ Печориныхъ и юныхъ княженъ Мери Замоскворѣчья и Малой Коломны. Тѣмъ болѣе удовольствуемся мы анализомъ однихъ только записокъ, что въ романѣ Г. Авдѣева есть еще особенное достоинство: его можно начать съ конца, съ средины, съ начала—ad libitum,—вездѣ все тотъ же ненаглядный образъ, вездѣ все тѣ же идейки, вездѣ наконецъ одинаковыя краски.

Напомнимъ только читателямъ, что Тамаринъ, въ слѣдствіе разговора съ другомъ своимъ Островскимъ, выставившимъ ему въ смѣшномъ видѣ его отношеніе съ Варинькой и его будущее съ нею, уѣхалъ въ городъ Н. Здѣсь, какъ видно, не нашлось добраго Ивана Васильича, котораго бы

Digitized by Google

онъ могъ удивлять тѣмъ, что утренній чай замѣняетъ завтракомъ,—и онъ принялся писать дневникъ. Оно иначе и быть не можетъ, — Печоринъ писалъ дневникъ, какъ же ему не писать? Въ глазахъ его нѣтъ вѣдь ничего замѣчательнѣе его собственной достолюбезной личности. И начинаетъ онъ откровенія высокой души своей, какъ слѣдуетъ истинному демону. «Умереть со скуки—говоритъ онъ—выраженіе чисто «иперболическое. Мнѣ кажется, *я началъ скучать съ тѣхъ «поръ какъ въ первый разъ чихнулъ при рожденіи*,—однако, «слава Богу, живу до сихъ поръ». И какъ вѣдь онъ радъ, бѣдный, своей якобы остроумной выходкѣ (надъ которой—замѣтимъ въ скобахъ—точно помрутъ со смѣха всѣ господа, скучающіе отъ бездѣлья, и всѣ барышни, ожидающія появленія такого демона, чтобы ему отдаться, подразумѣвается, платонически), какъ онъ доволенъ, что не принадлежитъ къ счастливцамъ, которыхъ смиренный умъ живетъ по малепьку,—съ какимъ торжествомъ причисляетъ онъ себя къ «семьѣ праздношатающихся умниковъ, которые не умѣютъ примирить дѣятельность души съ дѣятельностію жизни». Между прочимъ, объявляетъ онъ, что не хочетъ жить вмѣстѣ съ Островскимъ, приводя пословицу, что «два медвѣдя въ одной берлогѣ не уживутся, хотя онъ (Островскій) и доказывалъ, что эта пословица не относится ко львамъ»—мѣсто замѣчательное въ высшей степени по своей претензіи.... Далѣе онъ жалуется на свѣтъ, за то, что этотъ свѣтъ говоритъ кое-что объ отношеніяхъ его къ Варинькѣ,—но тутъ онъ явно лжетъ: внутренно, онъ очень доволенъ этими толками, потому что дѣлалъ и будетъ дѣлать все возможное для ихъ возбужденія. Вообще, этому достойному господину нельзя вѣрить ни въ одномъ словѣ, развѣ только проговорится какъ-нибудь, по врожденной пустотѣ и Хлестаковской вѣтренности. Нельзя ему вѣрить, когда онъ, какъ наивная пансіонерка, груститъ о томъ, что у свѣта всегда черный взглядъ на вещи, нельзя ему вѣрить и въ его скукѣ. Самъ же онъ пробалтывается, что ему скучно отъ того, что нѣтъ Вариньки. И Варинька, впрочемъ, не нужна ему, какъ она сама,—ему пріятно было рисоваться передъ нею,

Digitized by Google

пародировать своимъ непризнаннымъ величіемъ, своими грошовыми страданіями. «Я любилъ — пишетъ онъ — задум-«чивый, любящій взглядъ ея темноголубыхъ глазъ, когда, «по праву сельской свободы, сидя вдвоемъ въ саду, въ «теплый осеніій вечеръ, *я передавалъ ей свои холодныя «убѣжденія* или разсказывалъ пеструю повѣсть моей про-«шедшей жизни, а она слушала, пристально смотря на меня «хорошенькими глазками, и *казалось хотѣла спросить ими: «неужели ты все это пережилъ и перечувствовалъ? И нѣтъ «морщинъ на твоемъ челѣ! и нѣтъ въ кудряхъ сѣдаго во-«лоса! и весело можешь ты смотрѣть на вседневную жизнь!»* Чувствуете ли вы, какъ привольно ему, блѣдному сколку съ Печорина,—какъ сладко ему поклоненіе и удивленіе неопытной дѣвочки, основанныя единственно на томъ, что она не знаетъ его, — какъ по сердцу эта ложь его испошленной ложью натурѣ?.... Что за дѣло, что никто, кромѣ незнающей свѣта дѣвчонки или перезрѣлой женщины, не повѣритъ въ это величіе,—онъ доволенъ и такимъ поклоненіемъ. Тутъ онъ искренекъ, потому что тутъ онъ наивно обличаетъ себя самого въ возмущающей душу лжи,—искренекъ онъ и вслѣдъ за тѣмъ, говоря: «Смѣшное, смѣшное! вотъ бичь, отъ котораго блѣднѣетъ наше поколѣніе! вотъ слово, которое убиваетъ хуже чумы,» и т. д. Тутъ онъ весь наголо, со всею своей пустенькой, пошленькой и даже трусливой природой — онъ, имѣющій необъятныя претензіи на демонизмъ. Не бойтесь за его скуку, она не доведетъ его до какого-либо эксцентрическаго поступка, она разсѣется тотчасъ же, какъ только войдетъ онъ опять въ свою сферу.

Варинька съ матерью скачетъ за нимъ въ городъ Н. Но тутъ у нея есть уже наперсница Надинька, зрѣлая дѣва, которую Тамаринъ весьма не любитъ, можетъ быть потому, что она очень сходна съ нимъ, что въ ней, по его собственному выраженію, такъ мѣткому, «все ложно, начиная съ чувствъ и до косы включительно.» Вотъ наконецъ и сфера дѣятельности, вполнѣ достойная его великой души: начинается борьба, въ которой онъ можетъ выказать свои блестящія качества, употребить въ дѣло всю свою тактику. Тактика

Digitized by Google

эта немудреная, хоть и всегда сильная въ отношеніи къ дѣвчонкѣ: вся она заключается въ способности не краснѣть, когда уличаютъ въ явной лжи или лицемѣріи, въ умѣньи не затрудняться таинственнымъ и ничего не значущимъ отвѣтомъ, когда дѣлаютъ щекотливый вопросъ. Тамаринъ любитъ эти ничего не разрѣшающіе отвѣты, какъ любитъ всякую недосказанность, двойственность, ложь положенія. Онъ страшно доволенъ первою встрѣчей съ Варинькой. «Теперь—говорить онъ—наши взаимныя отношенія такого рода, что отъ «нихъ такъ же близко къ короткости, какъ и къ совершенному разрыву.» Далѣе онъ разсуждаетъ и честно и неоспоримо логично: «Мы скоро дойдемъ до той точки, на которой порядочные люди или разрываютъ связь, или женятся. Разрывъ «тогда будетъ труднѣе, чѣмъ теперь, а жениться я не намѣренъ. Другой аргументъ (!): мнѣ порядочно скучно; если я «не буду занятъ Варинькой, мнѣ будетъ еще скучнѣе; къ «тому же Варинька меня любитъ, и разрывъ со мною очень «огорчитъ ее.» (Что за нѣжная гуманность!). «Спрашивается: «благоразумно ли будетъ обрекать себя на скуку, а Варриньку «на печаль изъ одной боязни будущаго? Это сцѣпленіе об«стоятельствъ такъ запутано, что я рѣшаюсь посовѣтываться «съ Ѳедоромъ Ѳедорычемъ.»

И вотъ, по щучьему велѣнью, является Ѳедоръ Ѳедорычь—такая же жалкая пародія на доктора Вернера, какъ самъ Тамаринъ жалкая пародія на Печорина. «Мы не были «съ нимъ друзьями, потому что не вѣрили въ дружбу, *не «были большими пріятелями, потому что уважали другъ «друга.*» Что это такое? — спроситъ удивленный читатель. Мы сознаемся въ нашей ограниченности. Весѣда Тамарина съ Ѳедоромъ Ѳедорычемъ исполнена такихъ дикихъ претензій со стороны двухъ этихъ господъ, что ее слѣдовало бы выписать цѣликомъ въ назиданіе читателей. Ѳедоръ Ѳедорычь еще послѣдовательнѣе Тамарина, — онъ до того послѣдователенъ, что становится даже комиченъ. «Да что жъ въ самомъ «дѣлѣ? — говоритъ онъ по поводу отношеній Тамарина къ «Варинькѣ. — Вы дали Варинькѣ нѣсколько слезъ, ту боль «сердца, которая называется страданіями: да вѣдь это стра-

Digitized by Google

«данія моральныя и относительныя! Они зависятъ отъ раз-«дражительности нервовъ и чувствительности сердца: какія «это страданія! Это не кусокъ черстваго хлѣба, не жесткая «скамья да продранное платье! вотъ страданія такъ страданія! «*За то знаете ли, что вы дѣлаете этимъ?* Вы ее избавите «отъ скуки. Боже! какъ это много! *Вы ей доставите право* «*говорить своимъ подругамъ и вамъ впослѣдствіи, что вы* «*разбили ея жизнь, что вы отравили ея лучшія вѣрованія* «*и прочее и прочее.* Великое для дѣвицы право! И браня «васъ, подруги ея будутъ тайно думать: *счастливица эта* «*Варинька!* И подруги ея будутъ правы, *потому что вы ей* «*дадите жизнь*; и сама Варинька съ наслажденіемъ вспомнитъ «пережитое время. А вы *гордо будете скучать своимъ успѣ-*«*хомъ*, смѣясь надъ мнѣніемъ старухъ вмѣстѣ съ молодежью.» Комично все это потому, что есть тутъ своя относительная правда, т. е. правда въ отношеніи къ тому миражу жизни, какимъ живетъ извѣстная часть нашего такъ называемаго, или, лучше сказать, такъ называющаго себя молодаго поколѣнія, что все это какъ будто цѣликомъ взято изъ разныхъ современныхъ поэтовъ, на разные тоны взывающихъ о *гордомъ страданіи*, о *блаженствѣ страданія* и о прочемъ. Дѣйствительно — и Тамарину и Варинькѣ — жизнь не въ жизнь безъ глубокихъ страданій, безъ душевныхъ язвъ, — жизнь не въ жизнь, если сердце у нихъ не разбито, лучшія вѣрованія — которыхъ собственно никогда и не было — не отравлены. Во что бы то ни стало, надобно разбить сердце, — кто жъ это живетъ съ неразбитымъ сердцемъ! Какъ это жизнь пройдетъ безъ повторенія драматическаго отношенія:

> Они любили другъ друга такъ долго и нѣжно,
> Съ тоскою глубокой и страстью безумно-мятежной,
> Но какъ враги избѣгали признанья и встрѣчи,
> И были пусты и хладны ихъ краткія рѣчи.

Какъ же наконецъ не разстаться въ безмолвномъ и гордомъ страданьи? Горе въ самомъ дѣлѣ женщинѣ, которая не насиловала себя для воспроизведенія подобной драмы, — горе, если здоровое и свѣжее сердце отдала она любящему и любимому человѣку. Нѣтъ, — давайте намъ страданья, во что бы

Digitized by Google

то ни стало, — давайте прошедшаго и вѣчнаго воя о прошедшемъ, хотя бы это прошедшее само въ себѣ не стоило ровно ничего, хотя бы полнѣе и смысла и жизни было настоящее.

Но мы увлеклись тирадою доктора Вернера — онъ же и Ѳедоръ Ѳедорычь, — будемте слѣдить дальше *драматическія* отношенія Тамарина съ Варинькой. Тамаринъ снова *позволяетъ* себѣ увлечься ею, сознается, что онъ *счастливъ, совершенно счастливъ*, и между тѣмъ восклицаетъ: «*какая скука быть совершенно счастливымъ!*» Отъ чего же въ самомъ дѣлѣ это противорѣчіе? Да просто отъ того, что ни въ Тамаринѣ, ни въ Варинькѣ нѣтъ условія для счастія, что всю непосредственность чувства подтачиваетъ у нихъ холодное разсужденіе, и притомъ не самобытное, а внѣшнее, такъ сказать наносное. Оба они вообще подъ вліяніемъ qu'en dira t-on, и въ частности — *глубокій мыслитель* Тамаринъ (каковымъ онъ самъ себя признаетъ такъ откровенно) подъ вліяніемъ пьяной или праздной болтовни Островскаго, а она, эта страстная и свѣжая Варинька, подъ вліяніемъ мелочныхъ разсчетовъ своего *друга* Надиньки, и вмѣсто того, чтобы любить беззавѣтно, безъ задней мысли, «ожесточаетъ сердце дружбой», по выраженію одного непечатавшагося поэта.

Тамаринъ самъ довольно ясно понимаетъ то странное настроеніе души, которое обладаетъ имъ и Варинькой: «что̀ «за странная прихоть сердца — говоритъ онъ — составлять «несчастную любовь, тогда какъ у насъ есть всѣ условія «для счастливой любви? Въ самомъ дѣлѣ, нашу любовь можно «назвать несчастной, потому что сумма маленькихъ страданій «составитъ одно большое. У дикихъ, у необразованныхъ людей «есть ножъ, есть кровь, есть убійства и истязанія. У насъ, «людей отполированныхъ, нервы такъ раздражены, чувстви«тельность такъ утончена, что мы не имѣемъ нужды при«бѣгать къ такимъ сильнымъ и грубымъ средствамъ: у насъ «есть другія мученія — *невниманіе, равнодушіе, предпочтеніе «и насмѣшка — убійственная насмѣшка!* И, Боже мой! какъ «иногда глубоко и тяжко страдаетъ самолюбивый человѣкъ «отъ одного неблагосклоннаго взгляда или небрежнаго отвѣта.»

Digitized by Google

Въ какой степени легко уязвляемо самолюбіе Тамарина, показываютъ его дальнѣйшія отношенія съ Варинькой. По поводу того, что ей вздумалось подразнить его ревность букетомъ довольно пустаго юноши Володи Имшина, онъ рѣшительно выходитъ изъ себя, или лучше сказать, тутъ-то именно онъ и вошелъ опять въ свою колею—*попалъ на эту точку и вертится на этой линіи.* Въ самомъ дѣлѣ, обширное и славное поле дѣйствія раскрывается передъ Ловласомъ города Н**—уничтожить минутное торжество перезрѣлой дѣвы, сокрушить пробудившуюся гордость въ дѣвочкѣ, стереть съ лица земли соперника, котораго нельзя серьезно и счесть соперникомъ. Читая описаніе его подвиговъ, мы повторяли слова неизвѣстнаго критика Современника о Ловласѣ Ричардсона: «Не слышите ли въ этомъ взрывѣ гордаго восторга нѣчто подобное радостному реву льва, подкараулившаго добычу?»

Средство, избираемое Тамаринымъ для мести, разумѣется, женщина, именно Марія Б**, прозванная Маріонъ имъ и его пріятелями. Является по крайней мѣрѣ хоть одно лице, взятое не цѣликомъ изъ романа Лермонтова, хотя такъ же мало, какъ и другія, взятое изъ дѣйствительности. Маріонъ, разумѣется, замужемъ, и разумѣется также, мужа своего въ грошъ не ставитъ. Она пережила уже все, что можетъ пережить женщина,—и говоритъ она иногда точно, какъ женщина много пережившая, но непонятно только, какъ она не видитъ насквозь Тамарина, т. е. не презираетъ его. Онъ же самъ говоритъ, противъ обычая своего, довольно откровенно: «какъ должны быть смѣшны въ ея глазахъ мы, маленькіе Ловласы съ нашими маленькими страстями и маленькими объясненіями.» А между тѣмъ, на балу, куда она отправилась съ букетомъ Тамарина, за которымъ этотъ послѣдній посылалъ чуть не за сто верстъ, Маріонъ прямо говоритъ ему, что она могла бы имъ увлечься, если бы не пережила такъ много. Вообще вся эта сцена съ Маріонъ, хоть и не найдется въ романѣ Лермонтова, за то такъ и отзывается извѣстнымъ стихотвореніемъ поэта:

Digitized by Google

Какъ ты, кружусь въ весельи шумномъ,
Не замѣчая никого,
Дѣлюся съ умнымъ и безумнымъ,
Живу для сердца своего....
Въ толпѣ другъ друга мы узнали,
Сошлись и разошлися вновь,
Была безъ радостей любовь,
Разлука будетъ безъ печали.

Во всей этой сценѣ такъ и сквозитъ повсюду задняя мысль автора: опоэтизировать отношеніе Тамарина и Маріонъ, какъ двухъ существъ равно высшаго разряда, равно принадлежащихъ къ безаконнымъ кометамъ въ кругу расчисленныхъ свѣтилъ, равно разубѣжденныхъ и равно неспособныхъ отдаться увлеченіямъ: отношеніе въ самомъ дѣлѣ трагическое въ стихотвореніи великаго поэта, и возбуждающее невольный смѣхъ, когда имъ прикрываются губернскіе львы и львицы. Г. Авдѣевъ уловилъ даже новый поэтическій оттѣнокъ этого отношенія; это—минута, когда Тамаринъ и Маріонъ собираются на балъ и отдаются какому-то молодому, благоуханному наитію. Въ самомъ-дѣлѣ, представьте въ этомъ состояніи души одного изъ грозныхъ героевъ Байрона, за нѣсколько минутъ до совершенія какого-либо страшнаго дѣла, или одну изъ истинно жившихъ и страдавшихъ героинь Занда, эффектъ выйдетъ поразительный. А здѣсь скажешь только: non erat hic locus. Развѣ можно дорожить подобною минутою въ Тамаринѣ? Всѣ страшныя дѣла его заключаются въ весьма невинныхъ дѣтскихъ шалостяхъ да въ Хлестаковскихъ выходкахъ,—а Маріонъ мы вовсе не знаемъ, потому что нельзя же вѣрить рекомендаціи Тамарина. Что она говоритъ умно—это ровно ничего не доказываетъ. И самъ герой Г. Авдѣева, вращаясь въ безвыходномъ и тѣсномъ кругѣ своихъ идеекъ, мимоходомъ говоритъ вещи не совсѣмъ поняныя. Такъ, напримѣръ, ему удалось довольно рѣзко указать на странности женской дружбы: «Не смотря на все мое вліяніе надъ Варинькой—говоритъ онъ—я не могу *разубѣдить* ее (т. е. говоря по-Русски—убѣдить, потому что съ предлогомъ *раз* смыслъ выходитъ противоположный), что между двумя дѣвочками это чувство неестественное, что это просто

Digitized by Google

«взаимное обмораченіе, средство для одной имѣть вліяніе «на другую. Такъ нѣтъ! говоритъ, что я не понимаю этого «чувства, что я скептикъ, что я ошибаюсь. А просто, на «этихъ губернскихъ барышень находитъ какое-то бѣшенство «на дружбу. *Увидятся во второй разъ въ жизни и ужъ «ходятъ подъ руку, такъ что ихъ водой не разольешь*: «увѣряютъ другъ друга во взаимной симпатіи и разскажутъ «про себя всю подноготную. За тѣмъ начинается переписка, «обмѣнъ колецъ и браслетовъ, внутри *коихъ* вырѣзывается: «A** à son amie B**, годъ, мѣсяцъ и число. *Все это про-«должается, разумѣется, до первой кости*, послѣ чего «слѣдуютъ объясненія, чувствительныя сцены, разрывъ. Тот-«часъ послѣ этого выбирается съ обѣихъ сторонъ новая «подруга: ей жалуются на старую, разсказываютъ всѣ ея «маленькіе секреты, которые послѣ этаго отправляются по «городу—и опять та же пѣсня!»

Тамарину ни разу не удавалось быть такъ мѣтко злымъ въ своихъ запискахъ,—по большой части онъ предобрый, въ особенности въ отношеніи къ своимъ собственнымъ маленькимъ слабостямъ, отъ которыхъ, какъ извѣстно, не свободны и великіе люди. Одна изъ этихъ маленькихъ слабостей великаго человѣка—привычка неумѣренно радоваться маленькимъ тріумфамъ, или, лучше сказать, овацiямъ. Какъ онъ въ духѣ на этомъ балѣ, гдѣ *удается* ему взбѣсить Варинькy; онъ весь распустился, какъ Манилов передъ Павломъ Ивановичемъ Чичиковымъ—онъ, гордый демонъ, ходячій скандалъ, предметъ ужаса всего города H**! «Мнѣ захотѣлось быть «первымъ между всею молодежью, и я успѣлъ въ этомъ. «Я не пропустилъ безъ вниманія ни одной дамы, будь она «sur le retour, ни одной дѣвицы, будь она зрѣлой дѣвой, «и даже дѣвицы говорили обо мнѣ: il est charmant. Я даже «не оставилъ въ покоѣ стариковъ и старухъ: и старики и «старухи были отъ меня въ восхищеніи.» Восторгъ его не знаетъ наконецъ предѣловъ, когда *удается* ему новый многотрудный подвигъ—одурачить Володю Имшина ... и вслѣдъ за тѣмъ, оканчивая первую тетрадь своихъ записокъ, онъ опять надѣваетъ на себя передъ самимъ собою маску демона—

Digitized by Google

и спрашиваетъ себя самодовольно: «неужели я началъ уже старѣться?» не подозрѣвая въ душевной простотѣ, что маска, надѣваемая имъ на себя, дѣйствительно состарѣлась и износилась, а у него самого, по Русскому выраженію, молоко еще на губахъ не обсохло. Въ томъ-то вся и бѣда, что онъ безпрестанно насилуетъ свою, въ сущности пустенькую природу, надувается какъ мыльный пузырь. Самообманываніе обратилось у него въ болѣзнь, и къ сожалѣнію, эта болѣзнь неизлечима, потому что ничто не вырветъ его изъ заколдованнаго круга ограниченнѣйшихъ понятій — и въ этомъ кругѣ есть для него всегда возможность примиренія съ самимъ собою. До старости онъ будетъ поэтизировать свои маленькія страданія, и придавать важность мельчайшимъ событіямъ своей пустой и праздной жизни.

Мы не станемъ анализировать въ подробности вторую тетрадь его записокъ. Скажемъ только, что изъ Печорина онъ обращается подъ конецъ въ Онѣгина, — выдавши Ваниньку замужъ за Володю Ишина, терзаетъ ее неотвязною любовью, прежде разумѣется насильственно истерзавши самого себя. «Я не ухаживаю за Варинькой — пишетъ онъ черезъ «нѣсколько времени послѣ ея сватьбы — не потому, чтобы это «было слишкомъ рано, а изъ боязни уронить себя въ ея «глазахъ. Я увѣренъ, она бы оскорбилась и не простила бы «мнѣ моего волокитства. Но, сознаюсь, меня что-то влечетъ «къ ней, Что? не знаю! Можетъ быть, привычка, *прелесть «потеряннаго*, или наконецъ, избалованное самолюбіе, кото- «рое безпрестанно запрашиваетъ все болѣе и болѣе. *Впро- «чемъ, надобно и то замѣтить, что теперь Варинька не «деревенская дѣвочка:* она имѣетъ всю заманчивую привлека- «тельность женщины, да еще въ добавокъ, такъ недавно вы- «страдавшей опытность. Еще одна новая тщательно скры- «ваемая черта Варинькина характера притягиваетъ меня своей «загадочностью: мнѣ удалось подмѣтить въ ней *какую-то «внутреннюю сухость, какой-то душевный холодъ*, и т. д.»

Не правда ли, что здѣсь вскользь черта напоминаетъ стихи изъ Онѣгина; то

Digitized by Google

Запретный плодъ намъ подавай,
А безъ того намъ рай не въ рай;

то:

Не потому ль, что въ высшемъ свѣтѣ
Теперь являться я должна;

то наконецъ:

У! какъ теперь окружена
Крещенскимъ холодомъ она.

Удивительно только то, что Варинька, по всѣмъ вѣроятностямъ читавшая Онѣгина, ни разу не отвѣчаетъ Тамарину этими стихами, а напротивъ, повторяетъ съ нимъ отъ полноты убѣжденія послѣднюю сцену Пушкинскаго романа.

Наконецъ Тамаринъ рѣшается уѣхать — лечиться отъ воображаемыхъ болѣзней. «Сельскій воздухъ, говорятъ, живителенъ»—замѣчаетъ онъ съ важностью.

И вотъ онъ въ деревнѣ,—онъ хочетъ, говоря высокимъ слогомъ, «успокоить измученную грудь на лонѣ природы». Не надѣйтесь, чтобы искренно сочувствовалъ онъ природѣ—нѣтъ! на нее самую съумѣетъ онъ навести сѣренькій, туманный колоритъ своей мелкой тоски, — и въ уединенной бесѣдѣ съ самимъ собою, онъ по старому будетъ становиться на ходули. Онъ будетъ вспоминать только о томъ, что *безполезно* пролетѣло передъ нимъ, а внутри себя радоваться тому, что оно пролетѣло передъ нимъ безполезно. Нельзя иначе — онъ долженъ же до конца пародировать своей жизнію стихи поэта, доживать вѣкъ по заданной напередъ темѣ, повторять самодовольно о себѣ самомъ извѣстную строфу изъ «Сказки для дѣтей:»

Душа ея была
Изъ тѣхъ, которымъ рано все понятно,
Для мукъ и счастья, для добра и зла
Въ нихъ пищи много. Только невозвратно
Идутъ онѣ, куда ихъ понесла
Случайность. Безъ раскаянья, упрековъ
И жалобы—имъ въ жизни нѣтъ уроковъ,
Ихъ чувствамъ повторяться не дано....

Да не подумаютъ читатели, чтобы, приводя стихи двухъ великихъ поэтовъ нашего отечества, мы хотѣли бросить тѣнь

Digitized by Google

смѣшнаго на самые стихи: смѣшное заключается въ жизни господъ, подобно Тамарину, живущихъ по заданнымъ темамъ. Да не обвинятъ насъ съ другой стороны въ томъ, что мы посвятили нѣсколько страницъ строгому и подробному разбору произведенія, которое едва стоитъ упоминанія съ художественной стороны. Мы имѣли дѣло не съ плохимъ романомъ, а съ личностью Тамарина, до сихъ поръ еще не надоѣвшею нашимъ романистамъ.

А что этотъ любимый типъ остается любимымъ для многихъ, даже послѣ появленія романа Г. Авдѣева—это фактъ несомнѣнный. Улика на лицо—въ «Странной ночи» Г. Жемчужникова, напечатанной рядомъ съ записками Тамарина, въ «Дачномъ разсказѣ» Г. Чернышева. Все это варіаціи на одну и ту же тему.

О «Странной ночи» Г. Жемчужникова, какъ о драматическомъ произведеніи, было уже говорено въ нашемъ журналѣ—и мы готовы повторить о ней, какъ о комедіи, то же самое, что замѣтилъ одинъ изъ нашихъ сотрудниковъ. Здѣсь мы упоминаемъ о ней по родственной связи лицъ ея съ лицами романа Г. Авдѣева, слѣдовательно, хотимъ взглянуть на нее съ психологической стороны.

Прежде всего мы спросимъ автора: неужели онъ серьезно вѣритъ въ существованіе выведенныхъ имъ лицъ, неужели онъ не видитъ самъ, что его князь и княгиня—пустоцвѣтныя растенія, что назови ихъ Mr и M-me de Chavigny—комедія нисколько не потеряетъ, а скорѣе напротивъ выиграетъ? Подобная игра въ чувство, какою они занимаются въ продолженіе всей пьесы, явленіе у насъ до такой степени непостижимое, или по крайней мѣрѣ рѣдкое, что никому и въ голову не придетъ видѣть въ ней что-либо драматическое. Это явнымъ образомъ пересадокъ съ чужой почвы, роскошь чужой цивилизаціи—герои А. де-Мюссе, названные Русскими именами. Сочувствуя А. де-Мюссе, какъ автору граціозныхъ и часто полныхъ глубокаго анализа разсказовъ, какъ лирическому поэту съ яркимъ дарованіемъ, мы, признаемся откровенно, не видимъ особенной прелести въ его драматическихъ пословицахъ, отъ которыхъ какъ-то дышетъ пу-

Digitized by Google

стотою и праздностію. Въ особенности поражаютъ насъ въ комедіи Г. Жемчужникова ни на чемъ не основанныя претензіи на героевъ. У Мюссе, напримѣръ, Шавиньи какой-нибудь просто пустой малой безъ особенныхъ претензій, — но вѣдь Князь и Княгиня Г. Жемчужникова пропитаны насквозь дешево купленнымъ разочарованіемъ, а его Ардатовъ — лицо уже совершенно непонятное. Изъ чего хлопочетъ этотъ человѣкъ, для чего становится на ходули, какія психологическія пружины движутъ его дѣйствіями? Хочетъ онъ мстить — за чѣмъ же онъ дѣйствуетъ такъ глупо? Глупъ онъ — за чѣмъ же собирается онъ мстить такъ дико? Да и чѣмъ онъ глупѣе Князя — этого нисколько не видать. Скептицизмъ у нихъ съ Княземъ одинаковый, пріобрѣтенъ, какъ видно, одинаково не дорого обоими. Ардатовъ *философствуетъ* ни чѣмъ не хуже Князя:

Все рабски пало ницъ
Предъ нашей современной модой,
И не на шутку мы разсорились съ природой.
У насъ такъ мало вдовъ, такъ мало женъ, дѣвицъ,
Есть только женщины безъ всякаго отличья. (?)

На ходули онъ становится не хуже Князя, волочится точно также не хуже его. Вообще непонятно, что хотѣлъ сдѣлать изъ этого авторъ.

Князь — типъ отжившаго героя нашего времени: это видно по всему, по необычайному самолюбію, по способности не краснѣть, когда уличаютъ въ безстыдствѣ, по невѣрію въ чувство, но зѣвотѣ, овладѣвающей имъ, когда онъ остается наединѣ съ любимою или quasi-любимою женщиной, по разочарованію, которымъ проникнуты его слова:

Быть можетъ, я съ другою дамой
Рѣшился бы всю ночь болтать про всякій вздоръ,
Или душить ее хоть пятнактной драмой,
Пока не свалится со стула на коверъ....
Но поведеніе мое съ тобой иное,
И не смотря на то, что ты моя жена,
Я вижу, надобно тебѣ покою,
Отдохновенія и сна.

Княгиня — существо безличное, нѣчто въ родѣ женщинъ старинной классической комедіи, логическое отвлеченіе, вопло-

Digitized by Google

щеніе извѣстныхъ качествъ, безъ всякихъ чертъ, которыя бы придавали ей образъ.

И отъ всѣхъ этихъ трехъ лицъ такъ и дышетъ великосвѣтскимъ разочарованіемъ, которое и роднитъ произведеніе Г. Жемчужникова съ романомъ Г. Авдѣева и съ повѣстью Г. Чернышева.

Дачный разсказъ Г. Чернышева замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что составляетъ какъ бы дополненіе къ роману Г. Авдѣева.—Это все-таки эпизодъ изъ жизни того же самаго Тамарина, или, пожалуй, Князя, являющагося въ комедіи Г. Жемчужникова. Прибавлено только нѣсколько новыхъ, такъ сказать, мѣстныхъ чертъ къ тому же самому лицу:—съужена нѣсколько сфера его дѣятельности; однимъ словомъ, герой разсказа Г. Чернышева тотъ же самый Тамаринъ, только размѣнявшійся на мелочь, лишенный не много своей грандіозности, сведенный съ ходуль недосягаемаго демонскаго величія. Въ этомъ разсказѣ, кромѣ того, яснѣе обозначенъ идеалъ женщины, являющейся постоянно у нашихъ великосвѣтскихъ повѣствователей.

Авторъ разсказываетъ, что въ концѣ лѣта 184.... года онъ нанялъ дачу на Каменномъ островѣ. Главный корпусъ дачи былъ нанятъ съ самаго начала лѣта, и его занимала, какъ сказали автору, какая-то Надежда Александровна Адоева, барыня совершенно ему незнакомая,—въ слѣдствіе чего авторъ разсказа, или лице, отъ имени котораго пишетъ онъ записки, сокрушается въ ожиданіи новаго знакомства. Въ слѣдствіе же этого мы узнаемъ, во-первыхъ, то, что герой повѣсти человѣкъ большаго свѣта, цѣлый день бѣгающій изъ конца въ конецъ Петербурга, а во-вторыхъ, что онъ человѣкъ сильно разочарованный на счетъ новыхъ знакомствъ и новыхъ впечатлѣній. Читатели впрочемъ не должны приходить заранѣе въ ужасъ на счетъ будущей судьбы повѣсти, и отчаяваться въ возможности ея продолженія. Разочарованіе героя—только такъ, маленькій фарсъ, и продолжается только до перваго удобнаго случая. Герой окажется точно такъ же падкимъ до новыхъ впечатлѣній, какъ и всѣ мы не великосвѣтскіе и не

Digitized by Google

разочарованные люди. Сначала онъ точно какъ будто бы не хочетъ знакомиться съ сосѣдкой, и отъ скуки рѣшается писать повѣсть, что давно уже совѣтовали ему его друзья; но «раздалось нѣсколько аккордовъ на фортепьяно, и звучный, мягкій какъ бархатъ, женскій голосъ запѣлъ жаворонка Глинки». Разумѣется, разочарованный герой тотчасъ же растаялъ. Камердинеръ сообщилъ ему, что пѣвица его сосѣдка, что у нея никто не живетъ, а есть только какой-то горбатый мальчикъ, который съ ней вмѣстѣ кушаетъ и всегда сидитъ у нея въ кабинетѣ. На другой день герой встрѣтился съ Надеждой Александровной, и узналъ въ ней Надиньку Ленскую, съ которой вмѣстѣ выросъ и всегда былъ въ короткихъ отношеніяхъ. При встрѣчѣ, они назвали даже другъ друга: онъ ее Надинькой, а она его Володей, за что впрочемъ Надежда Александровна разсердилась и на себя и на своего стараго пріятеля, — да и нельзя не разсердиться въ самомъ дѣлѣ: она, женщина разочарованная, поддалась минутному увлеченію, силѣ *глупой дѣтской привычки*, и даже, ни съ того ни съ сего, пошла вдругъ гулять одна съ человѣкомъ ей совершенно незнакомымъ; ей даже пришла въ голову мысль, не нарочно ли подготовлена была вся эта сцена героемъ разсказа, потому что, какъ говоритъ она, мужчины на все способны. Герой, напротивъ, такъ вѣритъ въ силу прошедшаго и въ особенности въ собственную свою силу, что съ перваго же раза страстно жметъ ей руку, съ высоты величія поглядываетъ на горбатаго мальчика, котораго Надежда Александровна представляетъ ему какъ родственника своего покойнаго мужа. Горбатый мальчикъ, котораго зовутъ Сергѣй Иванычь Долинъ, какъ видно съ перваго раза, страстно влюбленъ въ Надежду Александровну, а она, какъ видно тоже съ перваго раза, развиваетъ въ немъ эту страсть и тѣшится ею отъ нечего дѣлать. Все это въ порядкѣ вещей. Герой разсказа въ этомъ случаѣ нѣсколько подобросовѣстнѣе героини. «Вотъ, подумалъ я — говоритъ онъ — какъ «легко женщинамъ дурачить насъ. Что будетъ съ этимъ «несчастнымъ мальчикомъ, если онъ вообразитъ, что можетъ «нравиться ей? Для Адоевой это забава, а для него минута

Digitized by Google

«разочарованія вѣроятно будетъ жестокимъ и даже, можетъ «быть, невыносимымъ ударомъ». Онъ рѣшается даже заступиться за него; но едва ли искренно это желаніе, едва ли подъ нимъ не таится другое—стать нѣсколько на ходули величія передъ женщиной, которая не ловится на обыкновенную удочку. Онъ даже на столько эгоистъ, что на выходку Адоевой о существованіи золота въ дикихъ мѣстахъ, отвѣчаетъ грубою шуткою. Надежда Александровна нападаетъ на свѣтскихъ людей, и т. д., впрочемъ лжетъ по всей видимости, потому что только съ такими людьми ей и привольно. Она довольно ловко сбиваетъ съ толку героя, желающаго принять на себя роль наставника, бѣситъ его и заставляетъ высказываться, приводитъ его наконецъ въ такое лирическое состояніе, что онъ «въ совершенномъ безпамятствѣ, обвативъ ея станъ и хотѣлъ прижать ее къ груди своей», но она вырывается изъ его рукъ. Вообще Адоева пошла гораздо дальше героя разсказа—въ ней больше безстрастія, холода, разсчета, и вѣроятно совершенное отсутствіе темперамента—и разочарована она также больше его. «Успѣховъ въ обществѣ—говоритъ она—я не ищу и не желаю; «все, что прельщаетъ другихъ женщинъ, въ моихъ глазахъ «совершенно ничтожно и до того мнѣ надоѣло, что я бы не «смотрѣла ни на что. Жизнь опротивѣла мнѣ: чего отъ нея «ждать, чего надѣяться? Жалко оглядѣться кругомъ. Съ кѣмъ «подѣлиться душею, кому подать руку?....

А между тѣмъ, не смотря на все свое разочарованіе, взятое на прокатъ и цѣликомъ изъ извѣстнаго стихотворенія: »И скучно и грустно,» — Надежда Александровна забавляется страстію горбатаго мальчика — и герой разсказа находитъ возможность поэтизировать и оправдывать въ ней то, что̀ стоитъ бичующаго позора сатиры или карающаго смѣха комедіи. «У женщинъ, подобныхъ Надеждѣ Александровнѣ—пишетъ онъ съ самымъ наивнымъ незлобіемъ—чрезвычайно трудно опредѣлить, гдѣ кончается кокетство и гдѣ начинается чувство». Что это чрезвычайно трудно опредѣлить, никто и спорить не станетъ: подобнаго рода женщины до того запутались во лжи, до того убили въ

Digitized by Google

себѣ все естественное, что сами себя каждую минуту увѣряютъ или разувѣряютъ въ чувствѣ; но вопросъ въ томъ, стоитъ ли трудиться опредѣлять границы ложнаго и воображаемаго,—не лучше ли было бы вырѣзать анатомическимъ скальпелемъ наружное и доискаться внутреннихъ причинъ такого разврата, объяснить тайныя пружины вѣчнаго самообманыванія, вывести изъ предшествовавшихъ данныхъ такое чудовищное разстройство души—и тогда едва ли бы не глубоко-комическое впечатлѣніе произвела эта ложь, такъ наивно поэтизируемая нашими повѣствователями.

Дѣло кончается тѣмъ, что и герой разсказа и Надежда Александровна губятъ горбатаго мальчика, который въ порывѣ неистоваго усердія бросается въ воду за собачкой Адоевой, схватываетъ горячку и умираетъ. Герой не можетъ удержаться отъ звѣринаго чувства радости при видѣ гибели своего соперника, Адоева облекается въ эффектную горесть—и остается, разумѣется, все той же поэтической женщиной, а Владиміръ Ивановичъ Солнцевъ черезъ три дня послѣ похоронъ Долина принимается за повѣсть.

Дачный разсказъ, связанный родствомъ понятій, чувствъ и языка съ записками Тамарина, вмѣстѣ съ тѣмъ, по своей крайней пустотѣ, составляетъ переходъ къ другой категоріи повѣстей журнала, т. е. къ такимъ произведеніямъ, которыя составляютъ балластъ книжки и которыя мы оставимъ на время въ сторонѣ, боясь утомить читателя такъ же тяжело, какъ тяжело утомляло насъ самихъ чтеніе по обязанности. Повторяемъ опять, что безотраднѣе впечатлѣнія мы давно уже не испытывали.

Перейдемъ лучше къ разсказамъ, въ которыхъ слышно какое-нибудь біеніе сердца, которые задуманы съ какою-нибудь серьезною мыслію. Мы начнемъ съ слабѣйшаго изъ этихъ очень немногихъ произведеній, съ «*Необдуманнаго шага*» Г. Станицкаго. Г. Станицкій (вѣроятно псевдонимъ)—дарованіе, весьма недавно появившееся въ нашей литературѣ, по всему видно—молодое и чуть-ли даже не женское: потому, мы слѣдимъ за нимъ съ самымъ искреннимъ участіемъ,

Digitized by Google

хотя не можемъ не сказать горькой истины, что разсказы Г. Станицкаго всегда гораздо серьезнѣе задуманы, чѣмъ выполнены. Содержаніе ихъ всегда почти ново, характеры выходятъ изъ обычнаго тѣснаго круга, обработка далеко не удовлетворяетъ ожиданіямъ, возбуждаемымъ основою. Вмѣсто того, чтобы съ любовію и терпѣніемъ развивать на хорошей и новой психологической основѣ настоящую и простую драму, Г. Станицкій пускается въ мелодраматическіе эффекты; на всякомъ его произведеніи видны слѣды лихорадочной торопливости съ одной стороны и апатическаго утомленія съ другой; за страницами, написанными подъ вліяніемъ непосредственнаго творчества, слѣдуютъ самыя будничныя loca topica, за пламенными лирическими порывами самое пошлое резонерство. Всего же болѣе вредитъ, по нашему мнѣнію, этому дарованію вѣчное тяготѣніе какой-то насильственной задней мысли, прорывающейся часто совершенно неумѣстно и портящей повсюду впечатлѣніе, — и эта заднія мысль въ явномъ разладѣ съ искренностью, которою отличаются произведенія Г. Станицкаго. Укажемъ напримѣръ, въ подтвержденіе нашего мнѣнія, на его Пасѣку, напечатанную въ 1849-мъ году. Какъ ново и смѣло созданіе женскаго характера, какою пылкою страстію проникнуты многія страницы повѣсти, какою грустною искренностью отзываются тамъ многія откровенія женской души, — и какъ мало мирится все это хорошее съ искусственными эффектами, съ натянутыми сценами, съ фальшивымъ резонерствомъ, съ недосказанностью многихъ положеній — недосказанностью, въ которой явнымъ образомъ виновата неумѣстная задняя мысль. Отъ этого многое, что начинается у Г. Станицкаго правдой, переходитъ потомъ въ видимую, ослзательную ложь, что основывается на глубокомъ чувствѣ, продолжается безплоднымъ умничаньемъ и кончается рутиннымъ эффектомъ Французской мелодрамы, — такъ что, по прочтеніи повѣсти, невольно жалѣешь о гибели новаго и серьезнаго содержанія, о растратѣ лиризма и чувства. То же или почти то же самое можно сказать и о «Необдуманомъ шагѣ.» Съ перваго взгляда видно, что авторъ какимъ-то чутьемъ понимаетъ всю новость и

Digitized by Google

важность раскрываемаго имъ отношенія; но не хочетъ вглядѣться въ него съ вниманіемъ и любовью художника, обходитъ изъ какой-то лѣни всѣ средніе, переходные термины между явленіями, схватываетъ только рѣзкія стороны, не подозрѣвая, что въ среднихъ-то терминахъ все и дѣло, что ими обусловлена жизненность созданія, что безъ воспроизведенія тонкихъ оттѣнковъ и переливовъ рѣзкія стороны явленій выходятъ мертвы и угловаты. Видна наконецъ та же самая мелодраматичность въ постройкѣ произведеній, та же самая небрежность работы.

Дѣйствіе разсказа происходитъ въ какомъ-то уѣздномъ городѣ, куда авторъ пріѣзжаетъ съ невыносимою зубною болью. Мучимый ею, онъ едва не отдается въ руки пьяному фельдшеру, и одинъ только видъ клещей заставляетъ его отказаться отъ такой отчаянной рѣшимости. Трактирный слуга рекомендуетъ ему зубную лекарку, которая лечитъ нашептываніями,— онъ, разумѣется, отвергаетъ и это средство. Зубъ между тѣмъ унимается, и авторъ, бродя по городу, заходитъ отъ скуки къ лекаркѣ — мѣщанкѣ Никифоровой. Его встрѣчаетъ крикъ дѣтей, видъ бѣднаго и неопрятнаго жилья, молодая и красивая, но растрепанная женщина. И тутъ же, въ этомъ неопрятномъ содомѣ, спиною къ дверямъ сидитъ мужчина въ халатѣ, зажавъ уши и локтями опершись на столъ, котораго все это мучитъ невыносимо, который читаетъ иностранныя книги. Изъ разсказовъ трактирнаго слуги авторъ узнаетъ, что мужчина — Г. Даниловъ, пріѣзжій изъ Питера, что дѣти — его и этой бранчивой, растрепанной женщины. Авторъ вспоминаетъ, что зналъ въ Петербургѣ одного Данилова, очень молодаго, образованнаго и благороднѣйшаго человѣка. «Но я усомнился, — говоритъ онъ, — онъ ли это былъ. Тотъ былъ пылокъ, понималъ хорошо жизнь, какъ я могъ заключить, вспоминая наши жаркіе споры.» Между тѣмъ оказывается, что это именно тотъ самый Даниловъ.

Задача повѣсти обозначается сама собою. Вопросъ тутъ въ томъ, что̀ связало этого пылкаго и понимающаго жизнь человѣка съ существомъ, которое во всѣхъ отношеніяхъ его

Digitized by Google

ниже, съ грязнымъ бытомъ, его окружающимъ, — что̀ держитъ его въ этихъ опутавшихъ его сѣтяхъ, и почему безвыходно его положеніе? Въ самомъ ли характерѣ Данилова, или во внѣшней обстановкѣ лежатъ причины этой безвыходности? Драма самая серьезная могла разыграться на эту тему, и первымъ условіемъ серьезности драмы должно было бы быть конечно равное участіе, равное безпристрастіе къ обѣимъ сторонамъ, запутавшимся въ страшную паутину. Должны же въ самомъ характерѣ этой женщины заключаться причины ея вліянія на Данилова, должны же въ самомъ характерѣ Данилова заключаться слабыя стороны, вслѣдствіе которыхъ онъ поддается ея вліянію. Посмотримъ же, какъ это выходитъ у Г. Станицкаго.

Пріѣхавши въ деревню къ одному изъ своихъ пріятелей, авторъ за ужиномъ сталъ разсказывать о своемъ приключеніи. Его слушали съ любопытствомъ, но вдругъ онъ замѣтилъ тревожные взгляды хозяина и хозяйки, поминутно бросаемые на старушку, сидѣвшую между дѣтьми и внимательно его слушавшую. Старушка — мать Данилова. Она вся — доброта и любовь къ сыну, и до такой степени безъ тѣхъ недостатковъ, которые всегда почти связаны тѣсно съ чувствомъ материнской любви, что плохо вѣришь изображенію автора: невольно какъ-то сдается, что слишкомъ снисходительный къ одной сторонѣ, онъ слишкомъ строгъ къ другой. Отъ этого, сцена прихода старушки къ автору отзывается мелодраматичностью и какимъ-то страннымъ разсчетомъ на чувствительность читателей.

Наконецъ, авторъ начинаетъ разсказывать исторію самого Данилова. Отношенія Данилова и Тани начались съ того, что онъ увидѣлъ ее въ первый разъ на пріятельской пирушкѣ, вступился за нее и не далъ ее въ обиду одному изъ упившихся гостей. Вслѣдъ за тѣмъ, онъ остался съ нею одинъ, и, ни съ того ни съ сего, вдругъ сказалъ ей: я возьму тебя къ себѣ. Между тѣмъ не видать нисколько, что̀ заставило его сдѣлать такую необдуманную глупость, — не видать даже, чтобы онъ въ эту минуту весь былъ поглощенъ чувствомъ состраданія, потому что мрачно ходилъ

Digitized by Google

по комнатѣ и думалъ о старушкѣ матери. Одно что-нибудь— или Даниловъ до того впечатлителенъ, что способенъ часто быть слабымъ и безхарактернымъ, или онъ человѣкъ понимающій жизнь, какимъ авторъ зналъ его въ Петербургѣ, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ не могъ, что̀ говорится, очертя голову опутать себя на всю жизнь. Дѣло происходило, вѣроятно, проще: извѣстная доля неразумнаго чувственнаго порыва входила въ рыцарство Данилова, и за этотъ порывъ онъ поплатился муками цѣлой жизни. Съ другой стороны, становя своего героя на ходули невиннаго страдальца, авторъ съ перваго же раза является не совсѣмъ справедливымъ къ Танѣ. «Онъ (Даниловъ) былъ молодъ, «красивъ собою, богатъ, по понятіямъ Тани, — и онъ бралъ «ее подъ свою защиту. Въ порывѣ, *можетъ быть*, истин«наго увлеченія дѣвушка кинулась къ своему покровителю.» Къ чему тутъ: *можетъ быть*? Увлеченіе Тани болѣе чѣмъ возможно, возможно до того, что безъ сильныхъ данныхъ противъ его непосредственности безпристрастный наблюдатель не имѣетъ права смотрѣть на него скептически; едва ли въ эту минуту также входила въ голову Тани мысль о богатствѣ Данилова — и вообще какая-нибудь мысль. Въ ея порывѣ все было искренне и просто — и то, что она кинулась цѣловать руку молодаго человѣка, и то, что негодованіе за это Данилова равнялось для нея съ самымъ страшнымъ оскорбленіемъ. Вообще во всей этой первой сценѣ, Даниловъ является юношей, не только не знающимъ жизни, но даже просто разобщеннымъ съ практическою жизнію, живущимъ въ мірѣ отвлеченныхъ понятій. Есть даже что-то комическое въ его негодованіи за чрезвычайно простое движеніе. «Онъ съ жаромъ и долго говорилъ ей «о достоинствѣ женщины, изъ чего Таня, разумѣется, ни «слова не поняла и продолжала только плакать». Еще комичнѣе вслѣдъ за тѣмъ его дон-кихотскій идеализмъ. Это — явнымъ образомъ, человѣкъ, смотрящій на жизнь не простымъ глазомъ, а въ цвѣтныя очки, приступающій къ явленіямъ съ заготовленными напередъ идеями; въ этомъ-то и несчастіе его жизни. «Даниловъ увлекся; онъ видѣлъ въ

Digitized by Google

«Танѣ *оскорбленную* женщину. Въ своемъ отчаяніи, она по-«казалась ему существомъ *идеально-прекраснымъ*, — онъ упалъ «къ ея ногамъ и *молилъ простить его*, клялся быть вѣч-«нымъ ея защитникомъ, и въ какомъ-то увлеченіи сталъ «цѣловать ея руку.» Какъ прикажете назвать все это? — Чему удивляться, что тяжело поплатился Даниловъ за такое увлеченіе; онъ увлекся не истиною существующаго, а ложью созданнаго имъ сна. *Можетъ быть* — и мы употребимъ здѣсь это слово съ бо́льшимъ правомъ, нежели употребляетъ его авторъ въ отношеніи къ Танѣ — можетъ быть, Даниловъ самъ же виноватъ и въ своихъ послѣдующихъ мукахъ: въ немъ не было достаточно любви, терпѣнія и здраваго смысла — снизойдти съ своего ходульнаго величія до непосредственности случайно попавшагося ему существа. Представьте себѣ, что вмѣсто азбуки, онъ прямо втолковываетъ ей лекціи о достоинствѣ и назначеніи женщины! Что по натурѣ своей Таня вовсе не такъ безчувственна и глупа, какою она дѣлается впослѣдствіи, — это видно даже изъ указаній весьма не расположеннаго къ ней автора. Послѣ эксцентрическаго паденія Данилова къ ея ногамъ, «Таня сначала испугалась «не менѣе, какъ въ ту минуту, когда на нее возстали всѣ «за доктора. Но видя слезы Данилова, *она, сама не созна-«вая, что* съ ней дѣлается, заплакала пуще прежняго ... и «въ то же время смѣялась». Въ эту минуту она, конечно, поэтичнѣе Данилова, потому что проще его.

На другой день Даниловъ сталъ уже раскаяваться въ своемъ поступкѣ, но лишь только заикнулся онъ Танѣ о возвращеніи къ теткѣ, какъ она стала метаться по комнатѣ, ломать себѣ руки, и рѣшительно объявила, что она лучше утопится, а ужъ не пойдетъ къ теткѣ. И тутъ авторъ, жертвуя всѣмъ напередъ заданной мысли, готовъ видѣть разсчетъ запугать Данилова, когда всего проще, кажется, видѣть тутъ только что развившуюся страсть, сопровождаемую болѣе или менѣе одинаковыми явленіями въ образованной или необразованной дѣвушкѣ. «Даниловъ опять сталъ утѣшать ее.

Digitized by Google

Слова его были «нѣжны, ласки такъ страстны. Таня, упавъ къ нему на грудь, «сказала, *что умретъ, если онъ ее оставитъ*.»*

Дальнѣйшія отношенія Данилова и Тани авторъ описываетъ вотъ какъ:

«Черезъ мѣсяцъ Таня поселилась въ дальней улицѣ на «особенной квартирѣ. Даниловъ въ досужее время приходилъ «туда и проводилъ съ ней вечера. Онъ *накупалъ ей платьевъ*, «*училъ ее какъ причесывать голову*. Таня была хороша со«бой, *новая жизнь одушевила ее*. Она была весела, стара«лась угодить Данилову, и потому прилежно училась чи«тать и писать. *Отъ скуки что ли*, только Даниловъ не «могъ дня провести, чтобъ не побывать у Тани.»

Почему же только отъ скуки? Авторъ самъ выставляетъ сто предположеніе въ видѣ сомнѣнія — и вообще съ какою-то видимою неохотой останавливается на этомъ, едва ли не главномъ моментѣ своей драмы, въ которомъ непремѣнно должно искать основъ будущихъ несчастій Данилова. Изъ немногихъ указаній автора ясно, что Даниловъ не умѣлъ себя поставить какъ слѣдуетъ въ отношеніи къ Танѣ; ясно также и то, что всякій другой болѣе жившій человѣкъ съумѣлъ бы воспользоваться и желаніемъ Тани угождать ему, и ея веселостью, и тѣмъ, что новая жизнь одушевила ее, — а онъ только рядитъ ее какъ куклу, желая опять-таки ловить свой призракъ, а не брать то, что даетъ дѣйствительность. И вслѣдъ за тѣмъ, авторъ скачетъ на почтовыхъ черезъ всѣ переходные термины. Совершенно нежданно, прямо за послѣдними выписанными нами строками мы читаемъ:

«Первое время Таня конфузилась, если онъ заставалъ «ее врасплохъ одѣтую кой-какъ или валяющуюся по ди«ванамъ, а не за какимъ-нибудь занятіемъ. Но потомъ она «стала надувать губы, слушая его выговоры, зѣвать за кни«гой, и часто, сидя возлѣ Данилова, занимавшагося дѣлами,

---

* Старая редакція не можетъ не прибавить отъ себя двухъ словъ: что за предметы, что за положенія! Искренно сожалѣемъ, что должны, по обязанностямъ критики, отдать нѣсколько страницъ своего журнала такому предмету.

Digitized by Google

«которыя онъ сталъ уже носить къ ней, она дремала, при-«крывшись книгой, которую держала вверхъ ногами, дѣлая «видъ, будто читаетъ, если онъ оборачивался къ ней. Раз-«говоры ихъ стали обращаться въ споры и очень горячіе.

«Въ отсутствіе его, у Тани стали появляться разныя «городскія бабы, торговки, которыя пили у ней кофе, пе-«редавали ей городскія сплетни и подстрекали ея самолю-«біе разсказами, что вотъ у такой-то мѣщанки на лисьемъ «мѣху салонъ и покрытъ такой же матеріей, какъ у самой «городничихи, что вотъ какіе про нее слухи по городу: «будто ее бросилъ Даниловъ и проч. и проч. Иногда Да-«ниловъ заставалъ Таню въ слезахъ и разсерженную: ока-«зывалось, что какая-нибудь торговка гадала ей и объявила, «что у него на сердцѣ марьяжная дама. Таня требовала, «чтобъ Даниловъ сказалъ ей правду, и упрекла, что онъ «ее хочетъ бросить.»

Вся эта картина нарисована бойко и вѣрно; но кого не поразитъ непростительная небрежность, съ которою авторъ прямо перешелъ къ самой трагической сторонѣ своего раз-сказа? Почему Таня перестала угождать Данилову? Почему онъ позволилъ шататься къ ней разнымъ сплетницамъ-бабамъ? почему, однимъ словомъ, вліяніе его на нее было такъ незначительно?.... Это все вопросы, на которые авторъ не отвѣчаетъ, которые онъ даже обходитъ какъ будто умы-шленно, торопясь къ эффектнымъ мѣстамъ. Не такъ, разу-мѣется, поступилъ бы истинный художникъ, дорожащій вы-зываемыми имъ къ жизни образами и равно безпристрас-ный къ каждому изъ нихъ; не такъ поступилъ бы, на-примѣръ, Гоголь, раскрывающій передъ нами съ безпощад-ною постепенностью всю бездну нравственнаго обмелѣнія какого-нибудь Плюшкина, слѣдящій за развитіемъ Чичикова съ школьной скамьи.

Слѣдуетъ столкновеніе Тани съ матерью Данилова, су-ществомъ такъ объидеализированнымъ авторомъ, что не-вольно подозрѣваешь тутъ пристрастіе. И въ противопо-ложность такому пристрастію къ одному лицу, авторъ враж-

Digitized by Google

дебно преслѣдуетъ другое. Мы готовы согласиться пожалуй съ авторомъ, что «Таня цѣнила Данилова по своему: она видѣла въ немъ обезпеченіе своей жизни», хотя вмѣсто *видѣла* поставили бы: стала видѣть, тѣмъ болѣе, что авторъ самъ проговаривается: «Думая развить въ Танѣ чувство «собственнаго достоинства, Даниловъ развилъ въ ней ложную гордость и самоувѣренность»; мы готовы повѣрить и тому, что «отъ праздной и сидячей жизни Таня растолстѣла, а отъ неумѣреннаго питья кофе въ обществѣ торговокъ, съ ней стали дѣлаться головокруженія и разные припадки полнокровія.» Все это—явленія очень обыкновенныя, но трудно допустить вмѣстѣ съ авторомъ, чтобы *только* надмѣнность родилась въ ней отъ вниманія Данилова къ ней, когда она сдѣлалась матерью, и къ ея ребенку. Напротивъ причины вражды ея къ старушкѣ матери Данилова обозначены авторомъ очень искусно и вмѣстѣ очень просто:

«По наущенію бабъ и частію по собственнымъ понятіямъ, Таня дѣлала разныя глупости съ ребенкомъ: поила его травами, принесенными ея теткой, до безпамятства запаривала его въ банѣ, давала вывертывать ему руки и ноги, воображая, что этимъ его выправляетъ. Отъ этого ребенокъ наконецъ захворалъ. Даниловъ сильно опечалился, старушка еще больше; въ попыхахъ, забывъ осторожность, послала она свою дѣвушку съ лекарствами и съ совѣтами къ Танѣ. Таня въ тотъ день только-что поссорилась съ Даниловымъ за ребенка; подъ вліяніемъ этого гнѣва, она выгнала дѣвушку съ лекарствомъ, насказавъ много обидныхъ вещей на счетъ старушки. Болтливая и тоже обиженная горничная, по простотѣ души, слово въ слово передала старушкѣ все, что говорила разгорѣченная Таня. Старушка съ горя захворала. Даниловъ не отходилъ отъ постели матери первые дни, страшно страдая при мысли, не онъ ли причиной ея болѣзни и не узнала ли она всего. Между тѣмъ, Таня выходила изъ себя: по дикости своихъ понятій, она обижалась всякимъ благороднымъ чувствомъ въ Даниловѣ, особенно къ его матери, которую, сама не понимая за что, ненавидѣла.»

Digitized by Google

Хороша также встрѣча Тани съ старушкою, хороша въ особенности по намеку на тѣ стороны отношенія, которыя оставлены безъ вниманія авторомъ, заинтересованнымъ только одною стороною. «Горничная, проводивъ завистливыми глазами Таню, шепнула своей барынѣ: видѣли-съ, какой салопъ? одинъ воротникъ чего стоитъ! Старушка съ несвойственной скоростью и молча пошла домой.»

Старушка не въ силахъ выносить болѣе своихъ страданій; она уѣзжаетъ отъ сына въ деревню къ своимъ старымъ знакомымъ. Навѣщая ее тамъ, Даниловъ сближается съ одной гувернанткой, Надеждой Петровной. Между ними завязывается переписка, о которой узнаетъ Таня. «Мысль о соперницѣ «пробудила въ ней желаніе нравиться Данилову. Она стала «заниматься своимъ туалетомъ. Но Таня была одна изъ та«кихъ натуръ, которымъ все туго достается. Она даже не «имѣла этой женской переимчивой способности, чтобъ при«дать себѣ хоть наружный колоритъ образованности, которая, «разумѣется, могла бы у ней проявляться только въ умѣньи «надѣть платье, держаться и вычесать голову. Желая при«нарядиться, Таня надѣвала до десятка гремучихъ юбокъ, «отъ чего малѣйшее ея движеніе въ комнатѣ коробило Да«нилова; а на голову употребляла банку помады, такъ что «изъ другой комнаты слышно было ея присутствіе. Самое «платье было непремѣнно чѣмъ-нибудь украшено: лифъ ужъ «такъ плотно сидѣлъ, что сковывалъ всѣ формы». Наконецъ когда она перехватила письма Надежды Петровны къ Данилову и въ порывѣ досады бросила ему ихъ въ лицо, Даниловъ вышелъ изъ себя и уѣхалъ въ деревню къ матери послѣ страшной сцены, очень хорошо описанной авторомъ.

Въ деревнѣ дружба съ Надеждой Петровной, разумѣется, кончилась любовью. Они оба полупризнались уже другъ другу, оба полны радостныхъ надеждъ, но является Таня, и здѣсь у автора вылилась такая превосходная страница, которой мы не можемъ не сообщить нашимъ читателямъ:

«Съ минуту обѣ женщины молча глядѣли другъ на друга. «Ихъ лица вспыхивали и блѣднѣли. Надежда Петровна пер«вая кинулась къ дѣтямъ, схватила ихъ къ себѣ на колѣни

Digitized by Google

«и стала осыпать такими жаркими поцѣлуями, что Таня, «наготовившая множество колкостей и упрековъ ей, все за«была; она зарыдала, и, *протягивая къ ней грудного ребенка, «сказала кротко*:

«— *Вотъ, вотъ еще, и отецъ не видалъ ея!*

«Между тѣмъ, за столомъ всѣ нетерпѣливо ждали На«дежду Петровну съ бокалами въ рукахъ, чтобы поздравить «его. Даниловъ побѣжалъ за нею прямо въ комнату и рас«крылъ дверь въ ту самую минуту, когда говорила Таня, «что онъ еще не видалъ своей дочери. Обѣ женщины, сли«шкомъ взволнованныя, можетъ быть не скоро замѣтили бы «его, но дѣти, сидѣвшія на колѣняхъ у Надежды Петровны, «радостно вскрикнули: папа! папа! и рванулись къ нему. «Принявъ ихъ въ свои объятія, Даниловъ въ первую минуту «все забылъ: онъ крѣпко цѣловалъ то одного, то другаго. «*Взглянувъ на Таню, всю дрожащую и блѣдную, робко про«тягивающую къ нему новорожденную дочь*, Даниловъ ки«нулся къ ней, и, обнявъ мать и дочь, не могъ далѣе крѣпиться: «слезы текли по щекамъ его, когда онъ цѣловалъ свою дочь.

«Надежда Петровна, блѣдная какъ мраморъ, глядѣла на «эту раздирающую сцену, и когда замѣтила, что скоро прой«детъ первый порывъ радости при свиданіи отца съ дѣтьми, «тихонько вышла изъ комнаты.»

Надежда Петровна поняла, что для нея и для Данилова все кончено въ жизни. Давно свыкшаяся съ горемъ и страдавшая тѣми истинными страданіями, которыя развиваютъ въ человѣкѣ чувство святой любви къ братьямъ своимъ человѣкамъ, она сама спросила Данилова: «Когда же вы ѣдете?....» Этотъ вопросъ былъ для него приговоромъ рока. И здѣсь оканчиваетъ авторъ свой разсказъ, когда тутъ-то именно и предстояла ему по нашему мнѣнію важная психологическая задача.

Представивши читателямъ подробное изложеніе небольшаго разсказа Г. Станицкаго, мы считаемъ обязанностью оговориться въ строгости суда, произнесеннаго нами надъ Даниловымъ. Судъ этотъ былъ строгъ съ нашей стороны потому только, что судъ автора повсюду снисходителенъ и пристра-

Digitized by Google

стенъ къ нему, жестокъ до лицепріятія къ другой сторонѣ, опутанной вмѣстѣ съ нимъ паутиною безвыходнаго отношенья.

Изъ вопросовъ, которые представляло самое содержаніе, Г. Станицкимъ разрѣшенъ съ любовію и безпристрастіемъ только одинъ: почему безвыходно положеніе Данилова? на всѣ же другіе данъ или неудовлетворительный или совершенно ложный отвѣтъ. А между тѣмъ все-таки «Необдуманный шагъ» — одно изъ произведеній, достойныхъ уваженія по серьезности мысли, по превосходнымъ частностямъ — и самыя требованія наши должны служить Г. Станицкому ручательствомъ за наше полное сочувствіе къ его свѣжему и яркому дарованію. Между тѣмъ, Современникъ нигдѣ не высказалъ, чтобы онъ полагалъ какую-либо разницу между подобными разсказами и произведеніями Гг. Чернышева, Некрасова и иныхъ. Напротивъ, онъ объявилъ съ самымъ наивнымъ торжествомъ о явленіи новаго таланта въ лицѣ автора «Дачнаго разсказа» — и такъ какъ мы sine ira et studio разсмотрѣли уже эту штуку, то не мѣшаетъ привести здѣсь въ подлинникѣ это замѣчательное объявленіе. Вотъ оно (N V, Соврем. зам. стр. 137): «Въ «нынѣшней книжкѣ Современника редакція рекомендуетъ «своимъ читателямъ новаго автора *Дмитрія Сергѣевича Чер*«*ныщева*, напечатавшаго у насъ свой «Дачный разсказъ». Въ те«ченіе трехлѣтняго своего существованія Современникъ имѣлъ «удовольствіе представить читателямъ уже нѣсколькихъ новыхъ «литераторовъ (Гончарова, *Дружинина*, *Авдѣева*, Евгенію Туръ), «которые были благосклонно приняты публикою и скоро при«обрѣли извѣстность.» — Г. Станицкій, какъ видно, не удостоенъ журналомъ чести быть причисленнымъ къ его знаменитостямъ, а имена истинныхъ талантовъ, каковы Г. Гончаровъ и Г-жа Евгенія Туръ, поставлены на ряду съ именами Гг. Дружинина, Авдѣева и Чернышева!

(*До слѣд. книги.*)

Digitized by Google

О ЛЬНЯНОЙ И ПЕНЬКОВОЙ ФАБРИЧНОЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ.

Въ 1848-мъ году, Министерства Государственныхъ Имуществъ и Финансовъ входили между собою въ соглашеніе о возможныхъ мѣрахъ къ поощренію льняной промышленности по земледѣльческой и мануфактурной части. Мѣры эти, состоящія въ извѣстныхъ льготахъ и пособіяхъ первымъ учредителямъ механическихъ льнопрядилень, а также ткацкихъ и аппретурныхъ заведеній, бывъ подвергнуты на Высочайшее благоусмотрѣніе, удостоились утвержденія Его Императорскаго Величества.

Въ объявленіи о поощреніяхъ первымъ учредителямъ механическихъ льнопрядилень, а также ткацкихъ и аппретурныхъ заведеній, между прочимъ выражено: «Механическое льнопряденіе, возникши первоначально въ Англіи, въ короткое время распространилось тамъ до такой степени, что Англійская машинная льняная пряжа, вывозимая на твердую землю Европы, сдѣлалась по дешевизнѣ своей весьма опасною соперницею ручной пряжи, не смотря на то, что ленъ для пряжи Англія получаетъ съ материка же Европы, и какъ извѣстно, преимущественно изъ Россіи. Чтобъ возстановить нѣкоторое равновѣсіе, начали заводить механическія льнопрядильни во Франціи и Германіи, гдѣ онѣ и получили уже значительное развитіе.

»Россія, сама производя ленъ, получаетъ его изъ чужихъ краевъ обратно въ видѣ машинной пряжи. Нѣтъ сомнѣнія, что для насъ выгоднѣе было бы самимъ совершать эту обработку: плата за трудъ оставалась бы въ государствѣ и пряжа обходилась бы намъ дешевле».

Наравнѣ съ механическимъ льнопряденіемъ распространяется и механическое ткачество, которое поставляетъ

Digitized by Google

не малыя затрудненія въ сбытѣ нашихъ полотенъ, не имѣющихъ притомъ такого наружнаго вида и аппретуры, какъ заграничныя.»

»Всякій, мало-мальски слѣдившій за ходомъ нашей льняной и пенькой промышленности по мануфактурной части, сознается: чтобъ соотвѣтствовать желаніямъ и мудрымъ, благодѣтельнымъ мѣрамъ Правительства, и тѣмъ войти въ соперничество съ иностранцами по этой части, намъ много нужно учиться приложеніямъ къ оной и химіи и механики, Между тѣмъ, изучая льняно-пеньковую промышленность по мануфактурной части въ теоретическомъ и отчасти практическомъ отношеніяхъ и пріобрѣтши въ оной достаточныя свѣдѣнія, мы взяли на себя посильный трудъ представить соотечественникамъ краткій очеркъ состоянія оной за границею, съ собственными нашими замѣчаніями, по мѣрѣ разумѣнія. Многія препятствія къ исполненію капитальнаго предпріятія не отнимаютъ, впрочемъ, у насъ смѣлости сдѣлать ограниченный выборъ самонужнѣйшихъ данныхъ къ рѣшенію нашей задачи.

Мы имѣемъ въ виду напечатать слѣдующіе короткіе трактаты: 1-е) *объ обдѣлкѣ льна и пеньки химическими и механическими средствами*; 2-е) *о ручномъ и механическомъ пряденіи льна и пеньки*; 3-е) *о ткачествѣ льняныхъ и пеньковыхъ издѣлій*, и 4-е) *о бѣленіи, крашеніи и аппретовкѣ таковыхъ издѣлій.*

Имѣя въ виду послѣдовательно напечатать помянутые трактаты, печатаемъ первый изъ нихъ.

Статья I.

ОБЪ ОБДѢЛКѢ ЛЬНА И ПЕНЬКИ ХИМИЧЕСКИМИ И МЕХАНИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ.

Предварительныя понятія.

Ботаники различаютъ болѣе 30 видовъ льна; но употребительнѣйшіе изъ нихъ: а) *Ленъ дикій* или *Сибирскій, ново-зеландскій** (Formium tenax) и *обыкновенный* (Linum

* Въ южной части Ирландіи, преимущественно въ графствахъ: Ватерфордскомъ, Коркскомъ, Лимерикскомъ, Лоатскомъ, Дублин-

Digitized by Google

usitatissimum).—Ленъ есть растеніе однолѣтнее; стволикъ его гладокъ, тонокъ, внутри пустой, вверху развѣтвленный и покрытый кожицею, состоящею изъ безчисленнаго множества волоконъ.

Пенька (cannabis sativa) есть также однолѣтнее растеніе. Мужскіе и женскіе цвѣты его развиваются на особыхъ корняхъ, изъ которыхъ, впрочемъ, корень мужскій, несущій цвѣтки падучіе, несправедливо называется женскимъ, и наоборотъ, женскій, доставляющій сѣмена, называется мужскимъ.—Стволъ растенія этаго прямъ, тупо-четырехъ-уголенъ, грубъ на ощупь, внутри пустой и покрытый кожицею однихъ свойствъ съ льняною.

Лень и пеньку собираютъ въ различное время года, соображаясь съ *климатомъ* и *состояніемъ* погоды; относительно возраста, въ которомъ они должны быть собираемы, нѣтъ положительныхъ правилъ, потому что нѣтъ признаковъ, которыми бы можно было въ этомъ случаѣ руководствоваться. Впрочемъ, практики замѣчаютъ, что то и другое растеніе должно быть собираемо въ ту эпоху, когда стебли начнутъ твердѣть, т. е. когда Формы растенія совершенно развившись, не достигли, однакожъ, окончательной зрѣлости.

скомъ и Викловскомъ сдѣланы были опыты касательно оклиматизированія ново-зеландскаго льна съ значительнымъ успѣхомъ. Опыты эти доказали, что Formium tenax растетъ на открытомъ воздухѣ и весьма плодовито. Растеніе это обильно размножается отводками корней. Трехгодичное растеніе даетъ 36 листьевъ, кромѣ множества отростковъ. Шесть листьевъ даютъ 2 лота нитей, такъ что Англійской акръ, засѣянный этимъ растеніемъ, разстояніемъ корень отъ корня на три фута, даетъ болѣе 16 центнеровъ волокна. Въ Ирландіи Formium tenax достигаетъ высоты 5, 6 и 8-ми фунтовъ.

Разсадка отводковъ отъ корней успѣшнѣе всего производится въ концѣ Марта и Февраля.

Для извлеченія волокна листья этаго растенія обрѣзываются, кладутся на нѣсколько дней въ воду, мнутся тяжелыми цилиндрами или просто разбиваются вальками и моются въ проточной водѣ. Этимъ путемъ волокна получаются цвѣта бѣлаго, упруги и глянцовиты, подобно шелку. Желательно, чтобъ у насъ попробовали воздѣлываніе этаго драгоцѣннаго растенія.

Digitized by Google

Въ Бельгіи и Голландіи, назначенный въ пряденіе ленъ собирается ощутительно не зрѣлый, такъ что сѣмена его не могутъ прозябать, хотя и даютъ хорошее масло. Такой ленъ выходитъ мягокъ, гибокъ и блестящъ; сѣменный же ленъ собирается совсѣмъ зрѣлымъ, такъ что волокнами его уже не пользуются.

НАЧАЛА, НА КОТОРЫХЪ ОСНОВЫВАЕТСЯ ОВДѢЛКА ЛЬНА И ПЕНЬКИ.

Ленъ и пенька суть растенія, стволъ которыхъ покрытъ тончайшими, нѣжными, упругими волокнами древеснистаго существа, такими же, каковы волокна хлопчатой бумаги, отличающимися отъ этихъ преимущественно тѣмъ, что приклеены къ стеблю исклеены между собою особаго рода (sui generis) камедисто-смолистымъ веществомъ.

Будучи разсматриваемы подъ микроскопомъ, волокна льна и пеньки представляются трубочками, внутри пустыми, съ концовъ открытыми, цилиндрической формы, съ пересѣчками и колѣнцами. Волокна пеньки, впрочемъ, отличаются отъ льняныхъ тѣмъ, что толще этихъ. Средняя тонина пеньки опредѣляется $^1/_{20}$ до $^1/_{30}$ миллиметра, а льна — $^1/_{45}$ до $^1/_{50}$.

Камедисто-смолистое вещество отличается слѣдующими характеристическими свойствами: почти нерастворимо въ холодной водѣ, нѣсколько растворяется въ горячей и весьма хорошо въ винномъ спиртѣ. При усиленномъ же дѣйствіи воды и при пособіи значительной степени теплоты, оно легко въ ней растворяется. Отъ вліянія кислорода воздуха, при содѣйствіи влаги и теплоты, камедисто-смолистое вещество приходитъ въ гнилое броженіе и разрушается. Отчасти растворимое въ слабыхъ кислотахъ, оно имѣетъ особое, интересное отношеніе къ основаніямъ. Вещества эти дѣйствуютъ на него какъ на смолы, т. е. превращаютъ въ такое состояніе, въ которомъ они показываютъ значеніе кислоты, такъ что съ ними составляетъ соли въ родѣ мылъ, изъ которыхъ съ поташемъ и содою — растворимы, съ известью же и другими щелочными землями, равно какъ со многими металлическими окислами — нерастворимы.

Digitized by Google

Если камедисто-смолистое вещество отдѣлить отъ волоконъ, составляющихъ ленъ и пеньку, или, если угодно, разрушить, то полученныя въ свободномъ состояніи волокна отличаются крѣпостью, значительно превосходящею волокна хлопчатой бумаги, а блескомъ и упругостію приближаются къ шелку. Изъ волоконъ этихъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, можно выпрядать тончайшія нити.

Слѣдовательно, задача обдѣлки льна и пеньки состоитъ въ пріисканіи такихъ средствъ или дѣятелей, которые могли бы отдѣлить, или, если угодно, разрушить камедисто-смолистое вещество.

Химія и механика доставляютъ множество такихъ средствъ, болѣе или менѣе удачныхъ, а потому способы обдѣлки льна и пеньки суть химическіе и механическіе. Но ни химическіе, ни механическіе, отдѣльно взятые, не могутъ привести къ искомой цѣли; ихъ необходимо, слѣд. совокуплять. Порядокъ, въ которомъ слѣдуютъ механическіе и химическіе способы при обдѣлкѣ льна и пеньки, слѣдующіе: a) *Начальное отдѣленіе или разрушеніе камедисто-смолистаго вещества, химическими средствами*; b) *отдѣленіе волоконъ отъ стебля механическими средствами*; и d) *окончательное отдѣленіе онаго и разрозненіе волоконъ механическими средствами.*

I.

НАЧАЛЬНОЕ ОТДѢЛЕНІЕ ИЛИ РАЗРУШЕНІЕ КАМЕДИСТО-СМОЛИСТАГО ВЕЩЕСТВА ХИМИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ.

1) *Мочені е.*

Моченіе (мочка) есть древнѣйшій способъ обдѣлки льна и пеньки, чуть ли не современный самой льняно-пеньковой промышленности.

Работа эта состоитъ въ приведеніи льняныхъ или пеньковыхъ стеблей въ гнилое броженіе, при помощи теплоты и влаги. Слѣдовательно моченіе есть одна изъ самыхъ простыхъ крестьянскихъ работъ. Впрочемъ раціональное моченіе требуетъ, чтобъ стебли льна и пеньки напередъ были сортированы, по длинѣ, толщинѣ, качествамъ, отъ мѣстности

Digitized by Google

и почвы зависящимъ, и по степени зрѣлости. Разсортировавъ, стебли связываютъ въ пучки, которые потомъ располагаютъ слоями, и образовавшійся отъ того пластъ связываютъ посредствомъ тонкихъ жердочекъ; затѣмъ, положивъ на поверхность пласта такой грузъ, чтобъ пластъ не могъ всплывать, погружаютъ его въ воду.

Въ скоромъ по погруженіи пласта времени, вода въ мочильнѣ начинаетъ окрашиваться въ желтый цвѣтъ и издавать гнилой, вонючій запахъ, что служитъ показаніемъ, что разложеніе камедисто-смолистаго вещества началось и развивается. Такъ какъ теплота принимаетъ сильное участіе въ произведеніи гнилаго броженія камедисто-смолистаго вещества; то продолжительность мочки, по необходимости, измѣняется, смотря по состоянію атмосферической теплоты, а слѣд. и теплоты воды, въ которой мочатся ленъ и пенька. Вообще мочка продолжается отъ 10 до 30 дней, до совершеннаго разрушенія его.

Во Франціи, а быть можетъ и въ нашемъ отечествѣ, описанные пріемы мочки нѣсколько измѣнены. Измѣненіе это собственно состоитъ въ томъ, что ленъ или пеньку кладутъ въ ящики, въ которыхъ просверлено множество дыръ. Вмѣстимость ящиковъ должна быть такова, чтобъ въ каждомъ можно было заключить отъ 100 до 200 пудовъ стеблей. Для удобнѣйшаго погруженія ящиковъ въ воду, на нихъ кладется грузъ.

Такъ какъ чрезъ продолжительное дѣйствіе воды и теплоты, всякое вещество растительнаго происхожденія болѣе или менѣе измѣняется; то съ разрушеніемъ камедисто-смолистаго вещества, отчасти страдаютъ и самыя волокна. А потому, во время мочки, должно наблюдать, чтобъ камедисто-смолистое вещество не доходило до совершеннаго разрушенія, потому что часть его, оставшаяся неразрушенною, можетъ разрушиться въ дальнѣйшихъ операціяхъ отбѣливанія. Впрочемъ, если ленъ или пенька назначены для производства нѣжныхъ издѣлій; то необходимо допустить совершенное разрушеніе камедисто-смолистаго-вещества, иначе отъ разрушенія его, во время бѣленія и аппретовки ткани,

Digitized by Google

могутъ образоваться пустоты, которые безобразятъ оную и содѣлываютъ хилою.

Въ Бельгіи, при мочкѣ льна или пеньки руководствуются слѣдующимъ правиломъ касательно продолженія или остановки этой операціи.

Стебли средней толщины надламываютъ по срединѣ, въ двухъ мѣстахъ, на разстояніи другъ отъ друга вершка на четыре. Въ этомъ изломѣ отдѣляютъ волокна отъ деревянистой части и наблюдаютъ: если волокна легко отдѣляются съ низу до верха, такъ что ни одного волокна не остается приставшимъ, то камедисто-смолистое вещество разрушено достаточно. Впрочемъ изъ личныхъ нашихъ наблюденій слѣдуетъ, что въ такомъ состояніи волокна уже потерпѣли нѣкоторое измѣненіе; слѣд., для прочности матеріала, полезнѣе не доводить мочки до этой степени разрушенія камедисто-смолистаго вещества.

Съ перваго взгляда видно, что мочка есть одна изъ самыхъ недостаточныхъ обдѣлокъ льна и пеньки. Въ самомъ дѣлѣ, трудно, даже невозможно производить мочку такъ, чтобъ броженіе во всѣхъ точкахъ происходило равномѣрно и однообразно; ибо нижніе слои пласта, менѣе подверженные дѣйствію свѣта и теплоты, гораздо позже претерпѣваютъ нужное измѣненіе, между тѣмъ какъ верхніе гораздо раньше.—Благоразуміе требуетъ чаще осматривать тѣ и другіе слои и такимъ образомъ перемѣнять положеніе ихъ. Впрочемъ, частію по трудности, частію по невѣдѣнію и нерадѣнію, едва ли гдѣ-нибудь пользуются этими предосторожностями.

Мочка не выдерживаетъ критики не только въ отношеніи интересовъ промышленныхъ, но еще болѣе относительно общественнаго здоровья жителей тѣхъ мѣстъ, гдѣ много занимаются воздѣлываніемъ льна или пеньки. Ибо развивающимся въ процессѣ самаго броженія газамъ весьма основательно приписываютъ происхожденіе различныхъ періодическихъ болѣзней, въ особенности лихорадокъ. Хотя Г. *Паранъ Дюшатле*, который съ такимъ самоотверженіемъ и настойчивостію изслѣдовалъ задачи общественнаго здоровья, и

Digitized by Google

не нашелъ опасными места, лежащія по сосѣдству *мочилень*; совсѣмъ тѣмъ, ежедневные примѣры, замѣчаемые вездѣ, гдѣ занимаются обдѣлкою льна и пеньки по этому способу, убѣждаютъ въ противномъ. Кажется, ученый докторъ находился совсѣмъ въ другихъ условіяхъ и, кажется, избѣгъ онъ вреднаго вліянія мочки только случайно, также какъ часто избѣгаютъ эпидеміи.

Какъ бы то ни было, только операція эта навсегда будетъ признаваема за самую недостаточную, какъ въ отношеніи промышленныхъ интересовъ, такъ и общественнаго здоровья. Вотъ причина, почему вездѣ ищутъ средствъ къ устраненію ея,

Впрочемъ первые недостатки нѣсколько устраняются въ Бельгійско-Голландскомъ способѣ мочки. Въ странахъ этихъ выбираютъ для мочки текучую, рѣчную или ключевую воду. Послѣднюю напередъ, такъ сказать, смягчаютъ, для чего ее заблаговременно напускаютъ въ особые бассейны (мочильни). Съ другой стороны, всякой воды, содержащей въ растворѣ минеральныя, желѣзныя и т. п. вещества, избѣгаютъ, какъ негодной для употребленія.

Главное здѣсь правило то, чтобъ производить мочку при возможно маломъ доступѣ воздуха и свѣта. Для достиженія этой цѣли, ленъ, или пеньку складываютъ въ мочильнѣ рядами, одинъ на другомъ, и нѣсколько наклонно отъ верхушки къ корню, между тѣмъ, какъ сверху прикрываютъ соломой, дерномъ, мхомъ и т. п. Кромѣ этой предосторожности, необходимо производить мочку въ такой водѣ, которая, какъ замѣчено выше, была бы болѣе или менѣе въ движеніи (проточной).

Мочка по этому способу продолжается отъ 7—10 до 21 дня, смотря по состоянію атмосферической теплоты и свойству воды. Посконь скорѣе обдѣлывается, чѣмъ ленъ, а ленъ скорѣе пеньки.

По окончаніи мочки нѣкоторые разстилаютъ ленъ, или пеньку на лугу, а другіе прямо сушатъ, обыкновенно, въ сушильняхъ, стараясь, чтобъ сушка происходила съ достаточною скоростію.

Digitized by Google

Мочка при усиленномъ дѣйствіи воды.

Видоизмѣняя описанный способъ мочки, находили полезными и удачными слѣдующіе пріемы:

А) Ленъ, или пеньку, связавъ въ пучки, а эти въ плоты, погружаютъ въ потокъ воды и держатъ ихъ тамъ до тѣхъ поръ, пока, произведши испытаніе, окажется, что камедисто-смолистое вещество изъято въ достаточномъ количествѣ. Тамъ, гдѣ мѣстныя условія позволяютъ, способомъ этимъ можно пользоваться съ успѣхомъ, не смотря на его длительность. Гдѣ же, напротивъ, мѣстныя условія не позволяютъ прибѣгать къ нему, тамъ быстрый потокъ воды замѣняютъ паденіемъ ея съ извѣстной высоты въ видѣ струй или дождя.

Теорія этого рода обдѣлки льна, или пеньки понятна. Вслѣдствіе теченія, вода мало по малу растворяетъ камедисто-смолистое вещество, отторгаетъ его и уноситъ. Если при этомъ способѣ, взяты должныя предосторожности, то волокно получается свѣжимъ, глянцовитымъ и крѣпкимъ.

В) Эти опыты навели насъ (автора) на мысль соединить дѣйствіе стоячей воды съ проточною. Опыты свои производили мы въ первыхъ числахъ Сентября 1847 г., и вотъ какимъ образомъ: мы устроили изъ досокъ небольшой ящикъ съ дырами. Ящикъ нагрузили стеблями льна (въ снопахъ), слоями, переложивъ ихъ соломою. За тѣмъ, укрѣпивъ крышку, погрузили ящикъ въ проточную воду, такъ, что одна сторона ящика съ дырою находилась противъ, а другая по теченію воды. Чрезъ 10 дней ящикъ былъ вынутъ и ленъ найденъ столь хорошо обдѣланнымъ, что, по просушкѣ, мятьѣ и толченіи, далъ волокна въ высшей степени упругія, нѣжныя, глянцовитыя, цвѣта слабо-бланжеваго. — Въ Маѣ и Сентябрѣ 1848 г. опытъ этотъ былъ повторенъ въ большомъ видѣ и съ одинаковымъ успѣхомъ.

Мы думаемъ, что при такомъ дѣйствіи воды камедисто-смолистое вещество разрушается чрезъ гнилое броженіе, но легкій протокъ воды нѣсколько ослабляетъ этотъ процессъ и сверхъ того уноситъ продуктъ броженія, который, при

Digitized by Google

другихъ условіяхъ, могъ бы играть роль закваски (fermentum) и дѣйствовать на самыя волокна. Притомъ мы замѣтили, что продолжительность такого рода мочки можетъ быть опредѣляема, смотря по условіямъ, 8, 7, 10 до 14 дней.

Совѣтуемъ Гг. сельскимъ хозяевамъ обратить вниманіе на опыты наши.

C) Растворяющее дѣйствіе воды на камедисто-смолистое вещество нѣкоторые пробовали усилить возвышеніемъ температуры ея. Способъ этотъ хорошъ; но можетъ имѣть мѣсто только при дальнѣйшей обдѣлкѣ льна и пеньки. — Удалось также и дѣйствіе водяныхъ паровъ; но и на счетъ этого способа прилично тоже замѣчаніе.

D) Кромѣ того, съ нѣкотораго времени нашли удачнымъ производить разрушеніе камедисто-смолистаго вещества при помощи искусственнаго броженія. Для достиженія этой цѣли, ленъ, или пенька (стебли) помѣщаются въ чанахъ, или ящикахъ, значительной вмѣстимости, въ которыя потомъ наливается требуемое количество воды и кладутся дрожди. При благопріятныхъ условіяхъ теплоты, броженіе не замедляетъ развиваться и идетъ съ значительною быстротою. Дрожди могутъ быть пивныя и искусственныя и, притомъ, ихъ можно, кажется, замѣнить діастазомъ. Мы пробовали этотъ способъ и не нашли его заслуживающимъ строгой критики, тѣмъ болѣе, что волокно оказалось ни сколько не измѣнившимся. А потому мы думаемъ, что *делиль* правъ, совѣтуя такимъ путемъ обдѣлывать смятые уже ленъ или пеньку.

2. Разрушеніе камедисто-смолистаго вещества посредствомъ кислотъ.

Французъ *Рушонъ* предложилъ для разрушенія камедисто-смолистаго вещества воду, слабо окисленную сѣрною кислотою. Способъ, предложенный г. *Рушономъ* былъ изслѣдуемъ коммиссіею изъ ученыхъ и практиковъ, въ Декабрѣ 1842 г., въ политехнической школѣ. Коммиссія нашла его очень удовлетворительнымъ.

Digitized by Google

Предложенный г. *Рушономъ* способъ можетъ быть производимъ на открытомъ воздухѣ или въ зданіи, сараѣ, напр., и т. п. Если работа производится на открытомъ воздухѣ, то ленъ или пеньку накрываютъ чѣмъ либо: древесными листьями, травой, соломой и т. п., для того, чтобъ верхніе слои не могли высыхать.

Для производства берутъ ящики съ дырами, или корзины, а съ другой стороны соразмѣрной величины чанъ. Вообще размѣръ послѣдняго долженъ быть таковъ, чтобъ въ него могло помѣститься отъ одного до нѣсколько первыхъ. Въ чанъ наливается достаточное количество воды, окисленной сѣрною кислотою, полагая одну часть кислоты на 200 воды для обдѣлки пеньки и одну часть на 400 для обдѣлки льна. Вообще кислость воды должна быть такова, чтобъ малое количество ея, взятое въ ротъ, производило ощущеніе слабой терпкости.

Ящикъ или корзины погружаютъ въ чанъ, наполненный кислою водою, вымѣшавъ ее напередъ. Пучки льна или пеньки укладываютъ въ ящикахъ стоймя, чрезъ что жидкость проникаетъ ихъ равномѣрнѣе и однообразнѣе. — Черезъ 5 или 6 часовъ ящики вынимаются, а содержащіеся въ нихъ ленъ или пенька обмываются водою. На другой день работа эта повторяется, что и продолжается до тѣхъ поръ, пока камедисто-смолистое вещество окажется достаточно разрушеннымъ и изъятымъ.

По окончаніи операціи, обдѣланный матеріалъ обмываютъ водою, собственно для изъятія кислоты. Для совершеннаго же изъятія оной, прибѣгаютъ къ щелочнымъ растворамъ, употребивъ для этаго золу, поташъ и т. п.

Если кислая вода ослабѣетъ или умалится въ количествѣ, то или подбавляютъ кислоты или самой воды и кислоты.

Вода, для описываемой обдѣлки, пригодна всякая: колодезная, рѣчная, болотная и т. п.

3) *Разстилка на лугу.*

Этотъ извѣстный всѣмъ способъ особенно дѣйствительнымъ оказывается въ теплое время и въ сильныя росы. Во

Digitized by Google

время дневнаго жара, разостланный матеріалъ съ пользою орошается водою.

Мы, по этому предмету, произвели наблюденіе и увѣрились, что въ Маѣ и Іюнѣ мѣсяцахъ разстилкою на лугу можно съ отмѣннымъ успѣхомъ обдѣлывать ленъ или пеньку, безъ поврежденія волокна.

4) *Разрушеніе камедисто-смолистаго вещества посредствомъ щелочей* и т. под.

Щелочи, щелочныя земли и т. п. представляютъ дѣятельныя средства къ разрушенію камедисто-смолистаго вещества, но въ первоначальной обдѣлкѣ можетъ имѣть приложеніе только одна известь, ѣдкая или сѣрнистая. Впрочемъ, впослѣдствіи увидимъ приложеніе такихъ средствъ и дѣйствительность ихъ.

СУШКА ЛЬНА И ПЕНЬКИ, ПОСЛѢ РАЗРУШЕНІЯ КАМЕДИСТО-СМОЛИСТАГО ВЕЩЕСТВА.

Какъ ни проста эта операція, совсѣмъ тѣмъ, отъ разумнаго хода ея, много зависятъ качества волоконъ льна или пеньки. Самая приличная степень теплоты для сушки опредѣляется 40 до 50 градусовъ. Ибо, при низшей степени могъ бы еще продолжаться процессъ броженія и, притомъ съ особеннымъ напряженіемъ, такъ что могли бы пострадать самыя волокна; при высшей, напротивъ, волокна дѣлаются жесткими и ломкими, такъ что во время мятья и дальнѣйшихъ механическихъ работъ ломаются, отчего и бываетъ значительная потеря.

У насъ, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, сушка особенно удачно производится въ черныхъ избахъ; кажется, дымъ дѣятельно останавливаетъ броженіе. Съ немалымъ успѣхомъ можно сушить въ овинахъ, но лучше всего при помощи паровъ. Сушки же въ печахъ должно всемѣрно избѣгать.

II.

ОТДѢЛЕНІЕ ВОЛОКОНЪ ОТЪ СТЕБЛЕЙ

(механическими средствами).

Послѣ достаточной просушки, стебли льна или пеньки подвергаютъ операціи, называемой *мятьемъ*. Она совершается

Digitized by Google

при помощи снарядовъ, называемыхъ *мялицами* (мяльницами). Снаряды эти двухъ родовъ: *ручные* и *механическіе*.

Ручные мѣльницы почти вездѣ одинаковаго устройства, ибо состоятъ изъ двухъ главныхъ частей: колодки и подвижныхъ рукоятокъ: одной, двухъ, трехъ....

Изъ механическихъ, на первомъ планѣ, стоятъ плющильные цилиндры, которыми съ успѣхомъ дѣйствуютъ въ Англіи и на которые въ недавнемъ времени взяли у насъ привиллегію Гг. *Канаевъ* и К^{о}.... Плющильные цилиндры изобрѣтены въ Америкѣ назадъ тому лѣтъ 100 и въ Европу привезены въ 1736 году. Весь снарядъ состоитъ изъ двухъ рубчатыхъ цилиндровъ, движущихся въ противныя стороны и въ точности сходныхъ съ цилиндрами, какіе употребляются въ молотильныхъ машинахъ.

Пропуская между цилиндрами молотильной машины ленъ, только наполовину обдѣланный мочкою, мы заключили, что во многихъ случаяхъ можно пользоваться этими снарядами.

Г. *Бунди* устроилъ особаго рода мялицу, состоящую собственно изъ *мялицы* и *перки*. Первая служитъ для отдѣленія волоконъ отъ стеблей, а вторая для разъединенія ихъ.

Плющильными цилиндрами и машиною Г. *Бунди* можно смять ленъ или пеньку не моченые, и, какъ увѣряютъ, съ достаточнымъ успѣхомъ. Полученныя такимъ путемъ льняныя волокна отличаются глянцемъ и легче бѣлятся. Совсѣмъ тѣмъ, изготовленная изъ пряжи такихъ волоконъ ткань, оказывается неудовлетворительною, въ отношеніи мягкости и упругости.

Во Франціи, лучшею мяльною машиною почитается Гофманова, устроенная Г. *Декостеромъ*. Машина эта состоитъ изъ подвижныхъ и неподвижныхъ ножей, изъ которыхъ первые, проходя между послѣдними, раздробляютъ стебли и обдѣлываютъ самыя волокна.

Машина эта описана Г. *Мишель Алькаюмъ* въ сочиненіи его: *Essai sur l' industrie des matieres textiles etc. Paris.* 1847. Прочитавъ описаніе ея и разобравъ чертежи, мы нашли ее мало заслуживающею вниманія.

Digitized by Google

Кромѣ помянутыхъ, существовали и существуютъ и другія машины. Объ нихъ можно читать въ *Bulletin de la societé d'encouragement* и въ *Dictionnaire des manufactures.*

Отдѣленныя отъ стеблей волокна льна или пеньки, впредь до дальнѣйшей обдѣлки, вяжутся въ *пучки* (горсти).

III.

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РАЗРУШЕНІЕ ИЛИ ОТДѢЛЕНІЕ КАМЕДИСТО-СМОЛИСТАГО ВЕЩЕСТВА ХИМИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ.

Окончательное разрушеніе или отдѣленіе камедисто-смолистаго вещества химическими средствами представляетъ обширное поле дѣятельности для химика и вмѣстѣ съ тѣмъ камень преткновенія для теоріи и практики. Предлагали и предлагаютъ множество средствъ, такъ что можно бы написать цѣлый томъ; но мы ограничимся немногими, которыя, по испытанію нашему, оказались болѣе или менѣе дѣйствительными. Между прочимъ разсказываютъ, что уроженецъ города Серпухова, назадъ тому лѣтъ 20, нашелъ столь сильнодѣйствующее средство къ разрушенію камедисто-смолистаго вещества, склеивающаго волокна льна или пеньки, что опустивъ горсть того или другой въ растворъ своего средства, и, продержавъ здѣсь короткое время, онъ вынималъ ихъ въ такомъ состояніи, до котораго довести никто и не осмѣлится думать и никакими средствами. Средство это, по разсказу очевидца, представляло родъ золы. Обладатель его столь высоко цѣнилъ свое открытіе, что не иначе рѣшался передать его кому либо, или сдѣлать общеизвѣстнымъ, какъ за огромную сумму. Не нашедъ, однакожъ, охотника, который бы воспользовался его средствомъ, онъ умеръ въ бѣдности и унесъ съ собою великое открытіе.

Разсказы объ этомъ обладателѣ Философскаго камня по сіе еще время воспламеняютъ многихъ до того, что они съ самоотверженіемъ принимаются отыскивать сокровище, которое, по свидѣтельству обладателя, находится всюду и въ значительномъ количествѣ. Слѣдствіемъ такихъ изысканій вышло то, что теперь часто показываютъ образчики обдѣланныхъ льна и пеньки, въ высшей степени замѣчательные,

Digitized by Google

И какъ философскій камень отыскиваютъ только бѣдняки; то ни одинъ еще изъ нихъ не успѣлъ дать своему дѣлу промышленный ходъ.

Приступаемъ наконецъ къ исчисленію и обсужденію химическихъ средствъ, которыми съ болѣе или менѣе замѣтнымъ успѣхомъ обдѣлываются ленъ и пенька.

А) Между химическими средствами, вода, при содѣйствіи значительной степени теплоты, занимаетъ едва ли не первое мѣсто. Для этой цѣли смятый ленъ или пеньку должно заключать въ металлическій сосудъ, наполненный водою и герметически закупоренный, съ клапаномъ въ крышкѣ. Сосудъ, потомъ, нагрѣвается болѣе или менѣе долгое время, по особымъ расчету и цѣли. При этомъ камедисто-смолистое вещество растворяется въ водѣ и оставляетъ волокна свободными, безъ малѣйшаго поврежденія ихъ. По промывкѣ и просушкѣ, мы получили ихъ цвѣта самаго слабаго дикопалеваго, нѣжными, но весьма прочными. Дѣло идетъ гораздо успѣшнѣе и доброта волоконъ выходитъ явственнѣе, если нагрѣваніе воды производится парами.

Рекомендуемъ этотъ способъ, какъ весьма дѣйствительный и заслуживающій особенное вниманіе.

В) Г. *Гермбштедтъ* въ своемъ начертаніи технологіи рекомендуетъ слѣдующій способъ:

Ленъ, слоями, кладется въ высокой чанъ съ водою, которую, за тѣмъ, нагрѣваютъ отъ 60 до 70°; а по истеченіи 2 до 3 часовъ ее спускаютъ черезъ кранъ. Операція эта повторяется отъ 3 до 4 разъ или пока наконецъ вода будетъ стекать безцвѣтною, за симъ ленъ еще разъ, такимъ же точно образомъ, обливается горячимъ растворомъ поташа и мыла и потомъ всполаскивается. На каждые 100 фунтовъ льна полагается 2 фунта поташа и 1 фунтъ мыла. Если наконецъ стечетъ и промывочная вода, то ленъ выжимается и сушится. Обдѣланный такимъ образомъ ленъ получается съ красивымъ глянцемъ.

Этотъ способъ подалъ намъ мысль произвести слѣдующій опытъ: 1 пудъ льну мы заключили въ мѣдный котелъ, въ которомъ производятъ отживку (avivage) краповыхъ издѣлій

Digitized by Google

Налив, за тѣмъ, достаточное количество воды съ 1 ф. мыла и $\frac{1}{2}$ ф. поташа, и, закрывъ наглухо сосудъ, мы варили 4 часа и нашли волокна льна въ такомъ состояніи, что послѣ толченія и сортировки, никто не могъ отличать ихъ отъ шелковой хлопки, самой лучшей.

Послѣ этаго мы прибавляли къ мылу $\frac{1}{4}$ фунта хлорнаго поташа (chlorure de potasse, жавелева вода) и 3 часа варили въ томъ же отживочномъ котлѣ. Результатъ превзошелъ ожиданія.

C) *Делиль* совѣтовалъ подвергать смятый ленъ или пеньку броженію, а *Сталь*, смазавъ глиною и посыпавъ поваренною солью, вываривать нѣсколько часовъ въ водѣ.

D) Мы не малое время занимались опредѣленіемъ дѣйстія на камедисто-смолистое вещество ѣдкой извести. Результатомъ наблюденій нашихъ было то, что известь въ обдѣлкѣ льна и пеньки должна заслуживать особенное вниманіе; потому что она, при извѣстныхъ условіяхъ, дѣйствуетъ на камедисто-смолистое вещество быстро и героически, ни мало не дѣйствуя на волокна. Главное изъ помянутыхъ условій то, чтобъ съ возможною тщательностію предохранять обдѣлываемый матеріалъ отъ вліянія воздуха. Ибо известь, въ какомъ бы количествѣ ни взята была и какая бы степень теплоты ни была употреблена, не оказываетъ никакого дѣйствія на волокна при отсутствіи воздуха и напротивъ быстро разрушаетъ ихъ, при доступѣ его.—Первый, отчетливо раскрывшій такое дѣйствіе извести на древесину, былъ *Едуардъ Шварцъ* (Мюльгаузенскій фабрикантъ). Этотъ химикъ-фабрикантъ наполнялъ сосудъ (до половины) известковымъ молокомъ, подогрѣвалъ его и опускалъ въ него кусокъ полотна, на 1 до 2 часовъ. По истеченіи этаго времени, вынувъ, промывалъ его весьма рачительно и въ самой хорошей водѣ. Оказалось, что часть ткани, находившаяся въ известковомъ молокѣ, осталась неприкосновенною, а въ мѣстѣ соприкосновенія ея съ воздухомъ легко разрушалась.

При такихъ условіяхъ, мы съ большимъ успѣхомъ обдѣлывали: пеньку 15-ю фунтами, посконь 8-ю и ленъ 10-ю фунтами извести, на пудъ матеріала. Работу эту можно произ-

Digitized by Google

водить въ глиняномъ или металлическомъ сосудѣ; сверху матеріала должно класть деревянную рѣшетку, а на нее — гнетъ. Сосудъ съ матеріаломъ и известковымъ молокомъ, плотно закрытый, ставится на огонь и варится отъ 1 до 3 часовъ. По окончаніи, матеріалъ бросается въ воду, подсланенную какою либо кислотою; за тѣмъ тщательно вополаскивается, сушится и обработывается толченіемъ.

Мы нашли также полезнымъ: тотчасъ по окончаніи операціи, не вынимая изъ сосуда обдѣланнаго матеріала, прилить въ него извѣстное количество кислоты, достаточное для осредосѣленія извести и разложенія образовавшагося известковаго мыла.

Въ большемъ видѣ полезно дѣйствію извести помогать парами.

Въ сельскомъ быту обработка известью можетъ быть производима безъ особаго употребленія горючаго матеріала, и въ той же печи, которая топится для домашней надобности. По истопкѣ печи, сосудъ съ обдѣлываемымъ матеріаломъ можетъ быть оставленъ въ ней на цѣлыя сутки.

Для осредосѣленія извести, въ домашнемъ быту можно употреблять уксусъ, даже квасную гущу.

Къ такой извести полезно прибавлять хлоровой; но въ этомъ случаѣ теплота оказывается вредною; тутъ надобно дѣйствовать холоднымъ путемъ.

Обработка льна или пеньки известью заслуживаетъ полное довѣріе.

Е) Съ отличнымъ успѣхомъ можно обработывать наши матеріалы дву-сѣрнистою известью. Составъ этотъ приготовляется такъ: берутъ двѣ части извести и четыре сѣры съ достаточнымъ количествомъ воды; смѣшиваютъ и кипятятъ около получаса. По окончаніи кипа сливаютъ въ сосуды и хранятъ до употребленія. Составомъ этимъ ленъ или пенька обдѣлываются иногда холоднымъ путемъ, но чаще при содѣйствіи теплоты. Кромѣ дву-сѣрнистой извести можно, съ пользою и успѣхомъ, прибѣгать къ хлоровой. Но при употребленіи ея должно остерегаться разрушительнаго дѣйствія хлора на волокна.

Digitized by Google

F) Щелочами также можно пользоваться; но по дорогой цѣнѣ своей едва ли гдѣ могутъ онѣ имѣть практическое значеніе. Тоже должно сказать и о хлоровыхъ щелочахъ, равно какъ о дву-сѣрнистыхъ составахъ съ щелочными основаніями.

G) Считаемъ нужнымъ упомянуть здѣсь о коровьемъ пометѣ, какъ средствѣ также дѣйствительномъ, особенно при содѣйствіи теплоты. Но дѣйствительнѣе помета смоляное мыло. Вотъ что побудило насъ прибѣгнуть къ этому средству. При сведеніи жирныхъ пятенъ, ихъ предварительно насыщаютъ какимъ либо жирнымъ веществомъ и потомъ дѣйствуютъ на нихъ мыломъ. По этому смѣсь простаго мыла съ смоляным и малымъ количествомъ камеди съ необыкновенною дѣятельностію разрушаетъ или лучше отнимаетъ камедисто-смолистое вещество у волоконъ, ленъ или пеньку составляющихъ. — 8 фунтовъ этой смѣси достаточно на цѣлый пудъ пеньки и 4 — на пудъ льна. — Смоляное мыло можно замѣнить смѣсью еловыхъ шишекъ съ поташемъ, а еще лучше съ щелокомъ.

H) Въ недавнемъ времени имѣли мы случай убѣдиться въ дѣйствительности сѣрноватой кислоты, т. е. продукта, происходящаго отъ сожиганія сѣры. Средство это можно употребить въ сухомъ видѣ (чрезъ окуриваніе), или въ растворѣ въ водѣ. — Для соблюденія выгодъ, его лучше приготовлять чрезъ прокаливаніе сѣры съ желѣзнымъ купоросомъ.

Теорія. Объяснить дѣйствіе изчисленныхъ средствъ на камедисто-смолистое вещество легко. Такимъ образомъ: a) вода, при содѣйствіи значительной температуры, растворяетъ его; b) другія средства отдаютъ ему кислородъ, который дѣйствуетъ разрушительно, сожигая пай водорода.

Такъ дѣйствуютъ щелочи и щелочныя земли, мыла, сѣрноватая кислота и хлоръ. Щелочи, сжигая кислородомъ своимъ пай водорода, превращаютъ смолистое вещество въ кислоту, и, окислившись сами чрезъ разложеніе воды, входятъ съ образовавшеюся кислотою въ химическое соединеніе, производя своего рода мыло.

Digitized by Google

IV.

ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ ОБДѢЛКА ЛЬНА И ПЕНЬКИ МЕХАНИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ.

1) *толченіе* и *трепаніе*.

Операціи эти часто исключаютъ химическія средства; но полезнѣе соединять тѣ и другія вмѣстѣ.

Толченіе приличнѣе всего для обдѣлки пеньки, хотя и для обдѣлки льна часто къ оному прибѣгаютъ. Цѣль этой работы та, чтобъ волокнамъ придать мягкость и гибкость.

Способы или лучше пріемы такого рода обдѣлки льна или пеньки не вездѣ одинаковы. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ матеріалъ располагаютъ на полу и топчутъ ногами; въ другихъ — употребляютъ вертикальные песты, какъ то дѣлаютъ въ Россіи, Голландіи и т. д. Иногда, песты замѣняютъ молотами. Какъ песты, такъ и молоты приводятся въ движеніе или механическими средствами, или руками, смотря по количеству обдѣлываемаго матеріала и другими условіямъ.

Не довольствуясь этими средствами, нѣкоторые описываемую работу выполняютъ при помощи мѣльничныхъ жерновахъ, изъ которыхъ бѣгунъ долженъ быть цилиндрической формы (катокъ), а лежень нѣсколько вогнуть, гдѣ такое расположеніе между бѣгуномъ и лежнемъ, пряди льна или пеньки легко встаскиваются внутрь и мнутся.

Замѣтимъ, что ни одна изъ этихъ системъ не выдерживаетъ критики. Топтаніе ногами — слабо, продолжительно, утомительно; песты и молоты дѣйствуютъ на волокна неправильно и неравномѣрно, чрезъ что раздробляютъ ихъ и производятъ значительную потерю. Цилиндрами также трудно производить дѣйствіе равномѣрное и, кромѣ этаго, система обдѣлки цилиндрами требуетъ значительной движущей силы.

Послѣ такихъ недостатковъ, естественно начали искать способовъ новыхъ, болѣе удовлетворительныхъ, хотя и по сю пору не достигли еще искомой цѣли,

Система бороздчатыхъ цилиндровъ, весьма годная для мятья, здѣсь безуспѣшна. Г. Мишель *Алькань* совѣтуетъ

Digitized by Google

испытать дѣйствіе гладкихъ металлическихъ цилиндровъ. — Онъ заключаетъ, что движеніе ихъ въ состояніи раздроблять и умягчать волокна ровно и однообразно.

Мы давали нѣсколько горстей льна разбить струною, какъ разбиваютъ шерсть (шерстобиты) и увѣрились, что этою системою въ извѣстныхъ случаяхъ можно пользоваться съ немалымъ успѣхомъ, особенно, для подготовленія льна къ машинному пряденію.

Трепаніе льна или пеньки производится чрезъ удареніе ихъ объ ребро островатой дощечки. Способъ этотъ не заслуживаетъ большаго довѣрія по многимъ причинамъ.

2) *Чесаніе.*

Чесаніе (ческа) есть работа чисто фабричная, если производится въ большомъ видѣ или средствами механическими и слѣдуетъ непосредственно за мятьемъ и толченіемъ.

Цѣль чески состоитъ: 1) въ окончательномъ разъединеніи волоконъ другъ отъ друга; 2) въ отторженіи посторонихъ веществъ; 3) въ приданіи волокнамъ мягкости, упругости и скользкости и 4) въ уравненіи и параллельномъ правильномъ расположеніи ихъ.

Чтобъ имѣть понятіе объ этой работѣ, стоитъ только посмотрѣть какъ поступаютъ наши пряльщицы, дѣлая намыку, т. е. начесывая ленъ или пеньку на прядильный гребень гребенкою и за тѣмъ щетинною щеткою. Такъ какъ при подобной работѣ разрывается много волокна, что составляетъ чистую потерю; то раціональное производство должно представить средства, могущія удалять такіе недостатки.

Лучшій способъ ручной чески слѣдующій: устроивается чесальный снарядъ изъ системы гребней, состоящей изъ нѣсколькихъ деревянныхъ брусьевъ, къ которымъ прилажены металлическія толстыя пластины, снабженныя двойнымъ рядомъ стальныхъ иглъ или зубьевъ. Система гребней утверждается въ стѣнѣ, на извѣстной высотѣ отъ пола рабочихъ покоевъ, такъ, чтобъ работнику способно было дѣйствовать стоймя или сидя. А чтобъ работа производилась непрерывно, то работникъ и чесальщикъ долженъ въ веденіи своемъ имѣть систему гребней, расположенныхъ такъ, чтобъ число зубьевъ постепенно увеличивалось, толщина ихъ уменьшалась и

Digitized by Google

высота понижалась. Число зубьевъ всякаго гребня увеличивается на *десять*, болѣе или менѣе постоянно на это число. Такъ въ первомъ гребнѣ = 14, во 2-мъ = 26, въ 3-мъ = 32 и т. д., до послѣдняго, въ которомъ 120 зубьевъ. Очевидно, число гребней можно и увеличить и уменьшить, только бы не нарушено было правило относительно соблюденія пространства, которое должно занимать большее или меньшее число зубьевъ. Работа ручнаго чесанія, какъ всякая первоначальная работа, весьма проста, совсѣмъ тѣмъ здѣсь требуется столько тщательности, что съ успѣхомъ можетъ быть производима только смышленымъ и опытнымъ работникомъ. Обыкновенно, за разъ обрабатывается прядь отъ 20 золотниковъ до 72 вѣсомъ. Работникъ, держа въ рукахъ такую прядь вблизи къ одному изъ концовъ, и замотавъ другой на руку, надѣваетъ первый на зубья и протаскиваетъ къ себѣ, что повторяетъ нѣсколько разъ, до тѣхъ поръ, пока, посмотрѣвъ на нее въ просвѣтъ, не замѣтитъ ни запутанности, ни хлопки. Затѣмъ нѣсколько отступивъ отъ обдѣланной части, обыкновенно до средины, онъ снова протаскиваетъ прядь между тѣми же зубьями и снова удостовѣрившись въ успѣхѣ работы, обдѣлываетъ другой конецъ ея. Обдѣлавъ на первомъ гребнѣ, точно также обдѣлываетъ на слѣдующихъ и такъ далѣе до послѣдняго, самъ, или передавая другимъ работникамъ.

Какъ бы тщательно и искусно ни была производима работа, безъ рвани обойтись никакъ нельзя. А потому, работникъ обязанъ отдѣлять длинныя волокна отъ короткихъ и каждыя связывать отдѣльно въ пучки. Также точно отдѣляетъ и хлопку или волокна, завязнувшія въ зубьяхъ.

Чаще всего, волокна чрезъ расчистку раздѣляются на четыре сорта или номера: N 1-й длинныя волокна (первачь); N 2-й — короткія; N 3-й — хлопка и N 4-й — хлопка совсѣмъ негодная.

Среднее отношеніе между количествами этихъ произведеній, въ 100 фунтовъ, таково:

N 1-го.....	отъ	40	до	50.
N 2-го.....		20		10.
N 3-го.....		35		25.
N 4-го (потери).....			до	5.

Digitized by Google

Ручная ческа весьма удовлетворительна; совсѣмъ тѣмъ она дорого обходится и продолжительна. Это заставило думать о производствѣ чески средствами механическими. Но какъ тутъ нужно осуществленіе практическихъ условій самыхъ тонкихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сложныхъ; то, не только что въ какихъ либо странахъ, даже въ самой Англіи — отечествѣ механики, недошли еще до того, чтобъ съ успѣхомъ прибѣгать къ механической работѣ. Въ историческомъ отношеніи статья эта полна и разнообразна, однакожъ не многія машины получили счастливое приложеніе. Первая лучшая для чески льна или пеньки та самая, на которую въ 1810 году *Филиппъ Жираръ* взялъ привиллегію и которая впослѣдствіи усовершенствована *Декостеромъ*. По усмотрѣнію нашему мы нашли машину эту далеко уступающею Вортсвортовой, а потому оставили безъ описанія. Любопытные могутъ читать объ ней и видѣть чертежъ ея въ приведенномъ сочиненіи Г. *Мишель Алькана*.

Жираръ подалъ поводъ къ изобрѣтенію множества другихъ системъ механическаго чесанья; счастливѣе же всѣхъ на этотъ разъ былъ Г. *Вортсвортъ*. Но описаніе Вортсвортовой машины съ чертежемъ будетъ помѣщено въ одномъ изъ слѣдующихъ нумеровъ.

Иногда, ленъ обрубаютъ, прежде чѣмъ приступаютъ къ чесанію, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ получить волокна въ однообразномъ видѣ. Обрѣзки же обработываютъ въ хлопокъ. Противъ такой методы нѣкоторые возстаютъ, но неосновательно, ибо обработанный такимъ образомъ ленъ часто даетъ хорошую нитку. Впрочемъ обрубаніе больше всего идетъ пенькѣ, коей волокна гораздо длиннѣе льняныхъ и болѣе перепутаны.

Обработанный ленъ и пенька соединенными химическими и механическими средствами съ отличнымъ успѣхомъ прядутся, какъ ручными, такъ механическими прядильными снарядами, объ чемъ и будетъ подробно изложено въ слѣдующей статьѣ.

Ф. Альбовъ.

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ.

1851.

№ 3. Февраль. Кн. 1.

КНЯЗЬ ИВАНЪ МИХАЙЛОВИЧЬ ДОЛГОРУКОЙ И ЕГО СОЧИНЕНІЯ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

ЕГО ЖИЗНЬ И ХАРАКТЕРЪ, МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

Натура жизнь дала,
А страсти воспитали.
К. И. М. Д.

Я зналъ коротко Князя Ивана Михайловича Долгорукаго. Трудно найдти автора, который бы столько выразилъ себя въ своихъ произведеніяхъ. А открывать въ поэтѣ человѣка—это драгоцѣнное пріобрѣтеніе и литературы и человѣчества: литературы—потому, что тогда поэзія заключаетъ въ себѣ много неподдѣльной истины; а человѣчества—въ томъ отношеніи, что живость ума и откровенность сердца, свойственныя поэтамъ, представляютъ тогда человѣка, какъ въ зеркалѣ, вѣрно и безпристрастно, чѣмъ не можетъ похвалиться и сама философія. Живость ума, чувствительность сердца, непостоянная веселость, смѣняемая иногда приступами дурнаго расположенія духа, которое Князь Долгорукой назы-

Digitized by Google

валъ, по своему, хандрою; неограниченная привязанность къ друзьямъ и какая-то дѣтская простота шутливости; любовь къ человѣкамъ и къ обществу, вмѣстѣ съ недовѣрчивостію вообще къ людямъ, которыхъ онъ и имѣлъ-таки причинуне любить; благородство мыслей и чувствъ, вмѣстѣ съ простонародностію въ ихъ выраженіи, доходившей иногда до прекрасной простоты, иногда по чти до пошлости; высокость, нерѣдко глубина чувства; умѣнье предаваться совершенно настоящей минутѣ, какъ скоро не было помѣхи отъ внѣшняго міра; наблюденіе всѣхъ свѣтскихъ приличій, вмѣстѣ съ наружною небрежностью въ одеждѣ и въ домашнемъ быту, и съ какою-то оригинальностію, съ какимъ-то своевольствомъ обычаевъ; наблюденіе съ людьми взаимныхъ отношеній, какъ скоро не мѣшала этому нетерпѣливость, или припадокъ веселости, доходившей иногда до крайности; наконецъ, непритворное религіозное чувство, любовь къ семейству, добродушіе: вотъ черты, изъ которыхъ состояла разнообразная и безпримѣрная смѣсь оригинальнаго характера этаго замѣчательнаго человѣка!—Таковъ онъ является и въ литературныхъ своихъ произведеніяхъ.

Въ моей молодости я бывалъ у него почти ежедневно. А кто изъ знавшихъ Князя Долгорукаго можетъ вспомнить объ немъ безъ вздоха? Что въ немъ было хорошаго—это принадлежало собственно ему, его счастливой натурѣ; что въ немъ было худаго—это происходило не отъ дурнаго направленія сердца: это были ошибки; это была пылкость и неразчетливость поэта, которыми всегда искусно пользуются хладнокровные и расчетливые люди. Разсчетъ составляетъ весь разумъ мірскаго человѣка; пылкость и восторгъ—передъ нимъ всегда останутся въ проигрышѣ. Можетъ быть по этой самой причинѣ, не смотря на познаніе свѣта, онъ ошибался въ людяхъ; они не поняли, или не хотѣли понять его, и жестоко отмстили, оскорбивъ въ немъ самое лучшее чувство его сердца, любовь къ человѣкамъ. Другой бы ихъ возненавидѣлъ; а онъ только потерялъ къ нимъ довѣрчивость, а мстилъ за нихъ по временамъ себѣ же, своею хандрою, которая впрочемъ скоро проходила и уступала мѣсто природному добродушію и врожденной веселости.

Digitized by Google

Жизнь всякаго человѣка, выступающаго изъ сферы обыкновенной, т. е. матеріальной, животной жизни, представляетъ для наблюдательнаго ума замѣчательныя, только ей свойственныя, стороны. Жизнь полководца и мужа государственнаго занимательна для гражданина и поучительна для людей, идущихъ по тому же поприщу; но жизнь поэта, смѣю сказать, имѣетъ свое преимущество: она, при недостаткѣ внѣшнихъ дѣйствій, представляетъ непрерывную нить внутреннихъ ощущеній и увлеченій, или порывовъ сердца и воображенія, которые часто опредѣляютъ характеръ и внѣшнихъ дѣйствій человѣка. Тѣмъ замѣчательнѣе жизнь такого поэта, которая выразилась въ его произведеніяхъ.

Князь Иванъ Михайловичъ Долгорукой происходилъ отъ роднаго брата Князя Якова Ѳедоровича Долгорукаго, знаменитаго и подвигами и безстрашною правдивостью современника и сподвижника Петра I-го. Онъ былъ внукъ Князя Ивана Алексѣевича, извѣстнаго въ нашей исторіи любимца Петра II-го, знаменитаго быстрымъ своимъ возвышеніемъ и быстрымъ паденіемъ, и кончившаго жизнь на плахѣ.—Супруга сего послѣдняго и родная бабка поэта, Княгиня Наталья Борисовна, урожденная Графиня Шереметева, была дочь славнаго своими подвигами, тоже современника Петра I-го, Графа Бориса Петровича. Она оставила послѣ себя записки о своей жизни, которыя донынѣ хранятся въ семействѣ Князей Долгорукихъ и изъ которыхъ отрывокъ былъ напечатанъ.* Знаменитая своими бѣдствіями, твердостію, добродѣтелью и любовію къ несчастному супругу, она была воспѣта однимъ изъ лучшихъ нашихъ поэтовъ, И. И. Козловымъ, въ небольшой поэмѣ, которая въ недавнее время имѣла большую извѣстность и возбуждала общее участіе. Князь Иванъ Михайловичъ помнилъ еще свою бабку. Будучи ребенкомъ, онъ, вмѣстѣ съ отцемъ своимъ, ѣзжалъ къ ней въ Кіевъ, гдѣ она была пострижена въ инокини подъ именемъ Нектаріи. Я видалъ у него въ домѣ, въ домовой церкви, портретъ ея, въ монашеской одеждѣ и въ черномъ по-

* Въ Другѣ юношества 1808 года, изд. *Невзоровымъ*.

Digitized by Google

крывалѣ, закрывающемъ верхнюю часть лица ея. Мать Князя Ивана Михайловича, Княгиня Анна Николаевна, была урожденная Баронеса Строгонова.—Вотъ какъ говоритъ поэтъ о своихъ предкахъ и родителяхъ:

Я мелкая кроха Князей тѣхъ крупныхъ, славныхъ,
Изъ коихъ на Руси одинъ во дняхъ недавныхъ
Великому Царю велику правду рекъ.
Не мнѣ чета былъ Князь и громкой человѣкъ!
Всю жизнь свою провелъ въ обычаѣ угрюмомъ,
Отечества былъ столпъ, отцу его былъ другомъ.
Внукъ этаго, мой дѣдъ....
. . . . . .
Монархъ его любилъ, вельможи величали;
. . . . . .
Жена его съ нимъ все дѣлила, такъ какъ другъ,
Милѣй самой себя ей былъ ея супругъ;
Лишася въ немъ всего, въ монахиняхъ спасалась,
И схиму воспріявъ, средь Кіева скончалась.
Отецъ мой (и того уже къ себѣ взялъ Богъ)
Душою былъ богатъ, а счастіемъ убогъ!
Моя почтенна мать тяжелый крестъ свой носитъ,
Въ недугахъ изнурясь, вседневно смерти проситъ;
А я Jeannot tout court и голъ такъ какъ соколъ,
Служа осмнадцать лѣтъ, въ четвертый классъ вошелъ!

Князь Иванъ Михайловичь родился въ Москвѣ, 1764 года 7 Апрѣля, въ собственномъ домѣ отца его, на Тверской, близь Страстнаго монастыря. «Роскошь» говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, «окружила колыбель мою.» — Но эта роскошь младенческой колыбели не перешла въ наслѣдство къ его мужескому возрасту. Отецъ его претерпѣлъ большіе убытки во время Пугачевскаго бунта; вѣроятно, были и другія несчастныя обстоятельства, которыя мнѣ неизвѣстны; но подъ конецъ жизни своей онъ не могъ похвалиться не только богатствомъ, но даже и достаточнымъ состояніемъ. На второмъ году своей жизни Князь Долгорукой занемогъ оспой, отъ которой едва не лишился жизни. Я не упомянулъ бы объ этомъ, еслибы отрывокъ изъ его записокъ, въ которомъ онъ говоритъ о своемъ выздо

Digitized by Google

ровленіи, не свидѣтельствовалъ о той сильной вѣрѣ, которая никогда его не оставляла.—Вотъ слова его: «Марта 26, «1765 года сестра моя занемогла оспою; отъ нея пристала «оспа и ко мнѣ съ такою силою, что я оглохъ, ослѣпъ и онѣмѣлъ. Тогда еще не умѣли прививать сей заразы и смягчать «ея жестокость. Все лице мое покрылось корою, и въ такомъ «положеніи оставалось только ожидать смерти. Богъ сохранилъ «животъ мой,—*да повѣмъ дѣла Господня.* Его великимъ про«мысломъ натура открыла вспомогательныя свои средства—и «болѣзнь уступила ея силамъ. Тутъ явно совершилось надо «мною чудотвореніе отъ иконы Смоленскія Божія матери, «что въ Донскомъ монастырѣ надъ царскими вратами. Когда «родители мои, болѣзнію моею огорченные, съ теплою вѣрою «прибѣгнувъ къ Богу, подняли икону къ себѣ въ домъ и «меня къ оной приложили: то вдругъ я получилъ употреб«леніе всѣхъ монхъ умершихъ чувствъ; сталъ видѣть и слы«шать; струпъ свалился съ лица моего; оспа миновалась. «*Сіе я всей мыслію утверждаю*: ибо вѣрю родителямъ мо«имъ, меня о томъ извѣстившимъ; *вѣрю паче Создателю «моему, вся сверхъ-естественная могущему.*»

До восьмилѣтняго возраста надзоръ за малолѣтнымъ Княземъ Долгорукимъ и ученіе его ввѣрены были француженкѣ Mad. Constantin, которая, какъ онъ говоритъ, приучала его *лепетать по своему* съ самаго ребячества. Она была, по словамъ его, первымъ стороннимъ человѣкомъ, котораго попеченіямъ и ласкѣ онъ былъ, обязанъ первоначальнымъ своимъ образованіемъ. «Благодарность, прибавляетъ онъ къ этому, «есть изящнѣйшая добродѣтель. Человѣкъ, безъ нея возму«жавшій, уподобляется хищному звѣрю, который равно по«жираетъ того, кто гладитъ, и того, кто его кусаетъ!»—Прекрасное правило и прекрасное сравненіе!

Отецъ Князя Ивана Михайловича, съ самаго его отрочества, началъ заботиться о его ученіи и воспитаніи. Предназначая его къ службѣ дипломатической (цѣль, которая въ послѣдствіи не исполнилась), онъ почиталъ для этого нужнымъ не только знаніе иностранныхъ языковъ, но и положительныя познанія въ наукахъ. Сообразно этому, первоначальный планъ,

Digitized by Google

предначертанный имъ для ученія своего сына, обнималъ языки: латинскій, нѣмецкій и французскій; исторію, географію, литературу и математику. Въ религіи былъ первымъ его наставникомъ кроткій и добрый, пожилой священникъ. «Онъ,—говоритъ Кн. Долгорукой,—руководствовалъ совѣсть мою и готовилъ меня исподволь къ тѣмъ истинамъ, кои повремени должны были озарить мою душу. Изъ его краткихъ христіанскихъ бесѣдъ учился я съ ребячества распознавать, что грѣхъ и что добро передъ Богомъ.»

Столь тщательно заботился умный и попечительный отецъ, съ самаго его младенчества, о его воспитаніи, которое, конечно, много содѣйствовало къ укрощенію его пылкой натуры. Но Князь Долгорукой не умѣлъ притворяться. Онъ, въ своихъ запискахъ, говоря добро, не скрывалъ и худаго. Вотъ какъ онъ описываетъ свои физическія и нравственныя свойства: «По наружности я былъ чистъ, румянъ, но дуренъ лицемъ и обезображенъ отъ природы нижней челюстью, непомѣрно широкой, и толстой губой, по которой, когда я ее распускалъ, называли меня часто *разиней*. Сложенія я былъ мокротнаго и очень подверженъ золотушнымъ болѣзнямъ: отъ нихъ я терпѣлъ много скорбей различныхъ. Темпераментъ мой съ малолѣтства казался по сей причинѣ флегматическимъ; но напротивъ я былъ холерикъ. Умственныя мои способности развертывались медленно. Я былъ тупъ, понималъ уроки съ трудомъ; лучшее сокровище мое была память: твердить наизусть былъ мастеръ. Съ языка лилось, какъ у попугая; но забывалъ на завтра. Душевно былъ открытъ, сердоболенъ, но горячъ и страстенъ, а болѣе всего упрямъ. Отъ этаго меня жестоко унимали.»

Въ 1778 году, родной дядя и крестный отецъ Князя Долгорукаго, Баронъ Александръ Николаевичъ Строгоновъ, командовавшій Кирасирскимъ полкомъ и стоявшій съ нимъ въ Польшѣ, при выходѣ оттуда, вздумалъ потѣшить сестру свою и выпросилъ у тогдашняго Короля Станислава Понятовскаго десятилѣтнему своему племяннику чинъ Полковника;

Digitized by Google

а для его учителя, Г-на Руле—чинъ, Маіора. Такимъ образомъ Князь Долгорукой до вступленія своего въ службу былъ уже полковникомъ: такъ улыбалась ему фортуна въ малолѣтствѣ, и даже въ молодыхъ лѣтахъ, измѣнившая ему подъ старость, когда всего нужнѣе человѣку и покой, и почести, и почетъ, неразлучный съ ними и съ богатствомъ.

Это перемѣнило прежнее намѣреніе отца Князя Долгорукаго о будущемъ дипломатическомъ поприщѣ сына. Новое предположеніе состояло въ томъ, чтобы молодой человѣкъ довершилъ свое ученіе въ чужихъ краяхъ и потомъ отправился въ Польшу для вступленія въ службу по своему чину. Но послѣ первыхъ семейныхъ восторговъ и по зрѣломъ размышленіи, послѣднее намѣреніе было оставлено.

Между тѣмъ на тринадцатилѣтнемъ возрастѣ молодой Князь Долгорукой продолжалъ свое ученіе уже болѣе основательнымъ образомъ. Онъ имѣлъ хорошаго наставника въ иностранцѣ Совере, съ которымъ въ латинскомъ языкѣ дошелъ уже до такой степени, что могъ заниматься Гораціемъ, Виргиліемъ, и другими римскими писателями; а легчайшихъ читалъ, по собственному его выраженію, какъ русскую книгу.

Я сказалъ уже, что отцу хотѣлось отправить его въ чужіе края и довершить его познанія въ хорошемъ иностранномъ университетѣ. Отчасти разстроенное имѣніе, но болѣе совѣты Ивана Ивановича Шувалова, главнаго попечителя Московскаго университета, измѣнили это намѣреніе. На четырнадцатомъ году возраста (1777 г.) онъ былъ *записанъ* въ университетъ и принятъ по экзамену слушателемъ. «Настоящій годъ (говоритъ онъ по этому случаю въ своихъ запискахъ) долженъ особенно быть мною замѣченъ, «потому что въ оном я первый шагъ сдѣлалъ изъ родительскаго дома *въ общее семейство Московскаго Университета*. — Тамъ слушалъ онъ лекціи поэзіи — у Барсова, логику и метафизику — у Аничкова, всеобщую исторію—у Рейхеля, высшую русскую словесность—у Чеботарева, физику—у Роста, а у протоіерея Петра Алексѣева законъ Божій,

Digitized by Google

Въ слѣдующемъ (1778) году, въ Генварѣ мѣсяцѣ, университетъ, по случаю рожденія Великаго Князя Александра Павловича, праздновалъ это радостное событіе торжественнымъ актовъ. Съѣздъ былъ огромный. Вся столица была приглашена слушать рѣчи и стихи, произносимыя на разныхъ языкахъ профессорами и студентами. Князь Долгорукой, не бывшій еще студентомъ, былъ удостоенъ чести быть на этотъ разъ причисленъ къ ихъ сословію и произнести съ каѳедры публично краткую рѣчь, сочиненную профессоромъ Чеботаревымъ. А въ Іюнѣ мѣсяцѣ того же года былъ произведенъ въ студенты и получилъ шпагу изъ рукъ тогдашняго Директора университета, Приклонскаго.

Науки преподавались тогда въ Московскомъ университетѣ на латинскомъ языкѣ. Въ концѣ 1778 года, по смерти профессора Рейхеля, заступилъ его мѣсто Чеботаревъ, и первый началъ преподавать исторію не на латинскомъ языкѣ, а на рускомъ. Скоро послѣдовали его примѣру и въ другихъ классахъ; и съ этаго времени, мало по малу, руской языкъ сдѣлался наконецъ общимъ въ рускихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но латинской былъ столь знакомъ молодому человѣку, что въ бытность въ Москвѣ и въ университетѣ (1780) Римскаго Императора Іосифа II, Князь Долгорукой, произведя передъ нимъ опытъ посредствомъ пневматической машины, на требованіе Императора объяснить сей опытъ, объяснилъ его полатынѣ. Одного нѣмецкаго языка не любилъ Князь Долгорукой и не сдѣлалъ въ немъ никакихъ успѣховъ. Къ рисованію и къ музыкѣ былъ рѣшительно неспособенъ.

Въ то время существовало при университетѣ литературно-ученое общество, подъ названіемъ *Вольнаго Россійскаго Собранія*. Оно учреждено было въ 1771 году попеченіемъ тогдашняго Куратора И. И. Мелиссино. Цѣлію его было исправленіе и обогащеніе рускаго языка изданіемъ полезныхъ сочиненій и переводовъ прозою и стихами, также обработаніе русской исторіи. Дѣйствительными членами были профессоры университета; секрстаремъ профессоръ Бар-

Digitized by Google

совъ. Но къ собраніямъ его допускались, по выбору, и молодые люди, окончившіе курсъ наукъ въ университетѣ, и подававшіе добрую надежду; они принимались подъ именемъ слушателей. Это общество занималось, между прочимъ, составленіемъ рускаго словаря, и съ 1774 по 1783 годъ издало шесть томовъ опыта трудовъ своихъ, въ которыхъ находятся историческія статьи, сообщенныя Миллеромъ и протоіереемъ Петромъ Алексѣевымъ, сочинителемъ Церковнаго Словаря, разсмотрѣннаго и одобреннаго обществомъ. Занятія его продолжались 14 лѣтъ.*

Въ это-то общество (1778) былъ принятъ молодой Князь Долгорукой, за первый опытъ свой въ литературѣ: переводъ книги Le Mercier — Les Songes philosophiques, который онъ посвятилъ Ив. Ив. Шувалову. Такимъ образомъ и по вступленіи своемъ въ службу, онъ не вовсе разстался съ драгоцѣннымъ ему Университетомъ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ говоритъ онъ самъ объ этомъ: «Университетъ, желая сохранить меня еще нѣкоторое время между своими *«счастливыми питомцами*, соизволилъ меня произвести въ «авскультанты Вольнаго Россійскаго Собранія, при немъ учреж«деннаго; и тутъ я, бывая при конференціяхъ ученыхъ, «продолжалъ полезныя мои занятія.» — Обязанность же его въ этомъ званіи состояла въ томъ, чтобы, сидя за секретарскимъ столомъ, записывать въ особый журналъ голоса членовъ и ихъ пренія.

Кончивши, шестнадцати лѣтъ отъ роду (1780), трехлѣтній курсъ университетскаго ученія, по благородному обычаю тогдашняго дворянства, онъ началъ свое поприще съ военной службы. Тогда всѣ молодые люди хорошихъ фамилій въ малолѣтствѣ записывались въ гвардію, и получивши уже офицерскій чинъ, являлись на дѣйствительную службу. Не знаю почему, по причинѣ ли полковничьяго чина, который открывалъ молодому человѣку особое поприще, или

---

* Изъ Истор. Русск. литературы Греча. Взято съ нѣкоторымъ дополненіемъ.

Digitized by Google

по другой причинѣ, но это общее тогдашнее средство быть, не служа, офицеромъ гвардіи, какъ говоритъ самъ Князь Долгорукой, было для него уже опущено. Оставался одинъ способъ: воспользоваться правомъ студенчества; тогда студентъ, изучившій латинской языкъ, былъ принимаемъ въ армію офицеромъ. Военная Коллегія выдала (3 Іюня, 1780 г.) патентъ и включила его въ списокъ Перваго Московскаго полка. «И такъ я, пишетъ онъ, вопреки общему «обычаю того времени, вступилъ въ службу полевымъ офи«церомъ и сталъ между своей братьей, дворянами, нѣчто «необыкновенное; потому что всѣ почти безъ изъятія бла«городные люди, и съ малымъ достаткомъ, наполняли «гвардейскіе полки. Мнѣ одному суждено было показаться «въ свѣтѣ армейскимъ Прапорщикомъ.»

Будучи Прапорщикомъ, по особенному благоволенію бывшаго тогда Главнокомандующимъ въ Москвѣ, не родственника его, а однофамильца, Князя Василія Михайловича Долгорукаго-Крымскаго, онъ былъ причисленъ къ его *штату*: что было важнымъ отличіемъ для молодаго человѣка, только что вступившаго въ службу. Сначала отъ находился при немъ *на безсмѣнныхъ ординарцахъ*. Это было не то, что нынѣ состоять при особыхъ порученіяхъ; но болѣе — состоять при свитѣ вельможи. Потомъ онъ былъ произведенъ въ секретари; а какъ секретарь былъ по штату въ чинѣ Поручика, то это производство доставило и ему чинъ Поручика.

Отецъ его служилъ въ то время въ Петербургѣ; а мать оставалась со всѣмъ семействомъ въ Москвѣ, гдѣ молодой Князь Долгорукой продолжалъ обучаться разнымъ пріятнымъ искусствамъ, и вообще не терялъ времени. *«Дабы умѣньшить*, какъ выражается самъ онъ, *до самой крайней степени праздные часы дня*,» мать желала имѣть его чаще на глазахъ своихъ. Будучи глубоко набожна, она заставляла его читать въ домовой церкви во время отправляемыхъ у ней ежедневно разныхъ богослуженій. «Тутъ, говоритъ онъ, «кромѣ неоцѣненной пользы духовной и коренныхъ навыковъ «наружнаго благочестія, пріобрѣлъ я еще и познаніе сла«вянскаго языка изъ частаго чтенія церковныхъ книгъ.» Отъ

Digitized by Google

этаго чтенія, вмѣстѣ съ познаніемъ языка славянскаго, онъ такъ пристрастился вообще къ красотамъ языка отечественнаго, что съ этаго времени началъ постоянно заниматься словесностію; и отсюда, какъ говоритъ онъ, начинается склонность его къ стихотворству и къ упражненіямъ пера.

Князь Долгорукой-Крымской готовилъ его къ себѣ въ адъютанты; но смерть прекратила дни его благодѣтеля, и потому (1782) не достигши еще 20-лѣтняго возраста, онъ остался безъ службы и безъ должности. Тогда отецъ взялъ его въ Петербургъ. Между тѣмъ весь штатъ, состоявшій при Главнокомандующемъ, въ уваженіе его заслугъ получилъ, послѣ его кончины, чины и другія награды. По этому особому случаю и онъ былъ переведенъ изъ арміи въ гвардейской Семеновской полкъ прапорщикомъ, гдѣ продолжалъ свою службу, проходя постепенно чинами до капитановъ.

Гвардейская служба, кромѣ многихъ пріятностей свѣтскаго общежитія и многихъ пріятныхъ и просвѣщенныхъ знакомствъ, сдѣлала его извѣстнымъ Великому Князю Павлу Петровичу: это было въ 1785 году; а въ слѣдующемъ онъ былъ уже принимаемъ и въ приватное его общество. Великій Князь, какъ извѣстно, будучи самъ и просвѣщенъ, и любезенъ, и остроуменъ, цѣнилъ и въ другихъ эти качества; и потому мудрено ли, что ему скоро понравился Князь Долгорукой? — Впрочемъ, на все надобенъ случай; вотъ какой случай представился къ этому.

Въ 1786 году у Принцессы Голштейнъ-Бекъ (супруги Князя Ивана Сергѣевича Барятинскаго), былъ благородной спектакль, гдѣ играли французскую комедію: La soirée à la mode. Въ этой комедіи Князь Долгорукой былъ поставленъ придворнымъ актеромъ Офреномъ въ ролѣ пожилаго человѣка, такъ что его принимали за настоящаго Офрена. Игравши и прежде много на благородныхъ театрахъ, съ этаго времени и въ этомъ родѣ онъ получилъ славу хорошаго актера. Эта слава, разнесшаяся повсюду, побудила предложить ему отъ двора Великаго Князя роль отца въ драмѣ: L'honnête Criminel, въ спектаклѣ, который давала Великая Княгиня Марія Ѳедоровна для сюрприза своему супругу.

Digitized by Google

Въ этомъ спектаклѣ Князь Долгорукой пріобрѣлъ совершенный успѣхъ. Ему хотѣли подарить за это часы; но его ожидала лучшая награда: онъ жилъ въ Гатчинѣ еще три дня, обѣдая и ужиная за столомъ Великаго Князя; и съ того времени утвердилось его личное съ нимъ знакомство.

Къ этой же счастливой эпохѣ его жизни относится первая его женидьба. Кроткая и добродѣтельная Евгенія Сергѣевна Смирнова была многимъ обязана своему несчастію. Отецъ ея былъ казненъ Пугачевымъ. Мать, съ четырьмя сыновьями и двумя дочерьми, осталась въ бѣдномъ состояніи, имѣя только 17 душъ. Въ одно изъ путешествій Императрицы Екатерины, она нашла случай подать ей просьбу объ опредѣленіи дѣтей въ учебныя заведенія. Первая супруга Великаго Князя, Великая Княгиня Наталія Алексѣевна, взяла четырехлѣтнюю Евгенію подъ свое покровительство, и такъ полюбила ее, что она и жила въ ея комнатахъ. Потомъ, по кончинѣ Великой Княгини, она была помѣщена въ Смольный Монастырь, гдѣ была особенно замѣчена и отличена между всѣми воспитанницами. При выпускѣ изъ Монастыря она получила вензель, и въ послѣдствіи времени съ такою же любовію была покровительствуема Великою Княгинею Маріею Ѳеодоровною. Князь Долгорукой имѣлъ случай видать ее во дворцѣ у Великой Княгини и играть съ нею въ придворныхъ спектакляхъ: сближеніе усилило первую наклонность и взаимная любовь была увѣнчана бракомъ. Свадьба ихъ была празднована великолѣпно во дворцѣ Великаго Князя, 31 Генваря 1787. — Объ этомъ времени, когда онъ часто бывалъ въ его обществѣ и игралъ въ его спектакляхъ, и о самой свадьбѣ, упомянуто поэтомъ, по своему, въ стихахъ его подъ заглавіемъ: *Везетъ*.

Везло и мнѣ....
Везло, когда въ дворянску шайку
Попалъ *театрить* во дворцѣ!....
. . . . . .
. . . . . .
Ходилъ за столъ къ его обѣду;
И на вечернюю бесѣду

Digitized by Google

Дверей никто не затворялъ!
А какъ женился я, то право
Такой былъ балъ, огонь, забава,
Какихъ я вѣчно не давалъ!

Стихотворенія поэта наполнены воспоминаніями о *Евгеніи.* Въ нѣкоторыхъ стихахъ она же названа *Ниною,* по тому случаю, что она очень удачно сыграла въ благородномъ спектаклѣ роль Нины, въ піесѣ: Nina ou la folle par amour, и что съ того времени получила въ свѣтскомъ обществѣ названіе Княгини Долгорукой-*Нины.* Въ этой ролѣ она была даже изображена во весь ростъ, въ небольшомъ размѣрѣ, на портретѣ, который донынѣ хранится у ея сына, Князя Александра.

Съ 1788 г. Князь Долгорукой началъ собирать всѣ свои стихи, которые писалъ съ осмнадцатилѣтняго возраста, и въ томъ же году началъ писать исторію своей жизни, или свои записки; ибо онъ съ самой молодости, каждый, немного для себя важный случай, вносилъ въ записную книжку. Первые же стихи его напечатаны въ 1789 году, *На смерть Горича.* При взятіи Очакова, въ 1787 г., убиты были Кн. Волхонской и Горичь. Первому тотчасъ появились стихи; второй былъ забытъ. Князю Долгорукому стало это досадно — и онъ воспѣлъ его въ стихахъ, напечатанныхъ въ первой разъ при газетахъ, особыми листами.

При открывшейся въ 1788 г. войнѣ съ Швеціею, когда начали отправлять туда гвардейскіе баталіоны, онъ, будучи въ Москвѣ, въ отпуску, написалъ къ Подполковнику Брюссу о готовности своей возвратиться въ полкъ и идти въ походъ, въ которомъ и дѣйствительно участвовалъ, совершивъ всю кампанію. Въ 1790 году, по заключеніи мира съ Швеціею и по размѣнѣ ратификацій, вмѣстѣ съ другими офицерами, онъ былъ представленъ Густаву III, Королю Шведскому; это происходило въ лагерѣ, въ Верельской долинѣ, близъ рѣчки Кюмени. Въ слѣдующемъ же году (1791), изъ Капитановъ гвардіи онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ бригадира, для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ.

Digitized by Google

Приступъ его къ гражданскимъ дѣламъ, по собственному его выраженію, былъ тяжелъ; но какъ нѣтъ худа безъ добра, то и его неудача обратилась къ его же счастію. Тогдашній Главнокомандующій въ Москвѣ, Князь Прозоровской, представилъ его на открывшуюся ваканцію Предсѣдателя Верхняго Земскаго Суда; но Государыня изволила назначить на это мѣсто другаго. Князь Долгорукой рѣшился на самый отважный поступокъ: онъ адресовалъ на имя Императрицы письмо, въ собственныя ея руки, въ которомъ, изъявляя желаніе трудиться и быть полезнымъ, просилъ объ опредѣленіи его къ должности. «Сіе письмо, говоритъ онъ, я долженъ почитать однимъ изъ счастливѣйшихъ произведеній моего пера; ибо премилосердая Императрица, «получа его, въ тотъ же день высочайше указать соизволила «опредѣлить меня Вице-Губернаторомъ въ Пензу, куда я «скоро и отправился.»

Говоря о службѣ своей въ Пензѣ, вотъ что онъ пишетъ въ одной запискѣ: »Тогда я еще любилъ службу страстно. «Въ восхищеніи юнаго человѣка, который на все смотритъ «съ желаніемъ — образовать свѣтъ и сдѣлать лучшимъ, я писалъ не приказнымъ слогомъ, и не авторскимъ, а вдохновеннымъ самой природою; то есть такъ, какъ я думалъ и чувствовалъ.» Предоставляю судить знатокамъ, приличенъ ли этотъ слогъ, такъ называемой, дѣловой литературѣ; но я не могъ пропустить этой черты прямаго образа мыслей и открытаго нрава, которыми всегда отличался Князь Долгорукой, и въ жизни, и въ стихахъ, и въ службѣ.

Здѣсь, довольный судьбою, началъ онъ дѣятельно заниматься литературою. Въ 1795 году написалъ онъ: *Камина въ Пензѣ*, который имѣлъ успѣхъ необыкновенный; онъ былъ читанъ въ Москвѣ, въ Петербургѣ, вездѣ, и былъ переведенъ на французскій языкъ. Хотя переводъ былъ нехорошъ; но Делиль, въ Парижѣ, по одной наслышкѣ, просилъ этаго перевода у знакомыхъ рускаго стихотворца. Такъ распространилась слава этаго стихотворенія, наполненнаго унылой, но утѣшительной философіи.

Digitized by Google

Съ того времени онъ началъ писать стихами болѣе прежняго. Къ поэзіи, къ самозабвенію, доставляемому этою успокоительницею сердца, прибѣгалъ онъ во всѣхъ обстоятельствахъ и счастія и неудачи. Вотъ что говоритъ онъ объ этомъ въ своихъ запискахъ: «Я стихотворство почитаю «цѣлителемъ моего уныніи, товарищемъ въ скукѣ, способомъ «наиприятнѣйшимъ коротать нечувствительно время, когда «досады и злоключенія изъ минуть дѣлаютъ намъ годы.»

Въ этомъ же году написано имъ посланіе *къ Судьбѣ*, гдѣ онъ, пробѣгая разныя перемѣны судьбы съ великими и малыми лицами, и съ самыми народами, дѣлаетъ ей упреки въ перемѣнахъ и своей жизни; между прочимъ упоминаетъ о вечерахъ Великаго Князя, на которые онъ такъ часто бывалъ приглашаемъ, на Каменный Островъ, во время Петербургской своей жизни:

Бывало, какъ зимы дни кратки наступаютъ,
Во всѣ дома зовутъ по карточкамъ на балъ,
Нерѣдко скороходъ на Островъ звать ѣзжалъ;
А нынѣ такъ и въ клобъ съ подпиской не пускаютъ!

Послѣдній стихъ относится къ одному смѣшному случаю, по проискамъ противъ него, которые не рѣдки въ провинціяхъ. Образецъ подобныхъ происковъ представленъ имъ въ послѣдствіи (1816) въ комедіи: *Дурыломъ*. Здѣсь онъ удовольствовался однимъ стихомъ, который въ свое время вѣрно много смѣшилъ и былъ памятенъ многимъ.

Съ самой юности онъ любилъ, утромъ, въ свободные часы дня, заниматься въ кабинетѣ, обѣдать дома, а вечеръ посвящать обществу. Такъ жилъ онъ и въ Пензѣ. Говоря о томъ, что будучи Вице-Губернаторомъ, онъ любилъ забавляться по вечерамъ разными общественными играми, онъ упоминаетъ (въ извѣстной мнѣ запискѣ), что за это его осуждали, и прибавляетъ по этому случаю: «Вездѣ выка«зывать свой чинъ, по моему, есть самое низкое свойство. «Я любилъ въ своемъ мѣстѣ быть настоящимъ предсѣдате«лемъ; а дома, или въ гостяхъ, человѣкомъ лѣтъ въ трид«цать, рѣзвымъ и веселымъ. Что за польза Государю и оте-

Digitized by Google

«честву, въ принужденной измѣнѣ нашихъ нравовъ, когда «они въ настоящемъ видѣ не ведутъ къ развращенію нра«вовъ.» — Вездѣ, при всякомъ новомъ несчастномъ, или непріятномъ приключеніи, говоритъ онъ, надобно было ему разсѣяніе; ибо сердце его, довольно мужественное, бѣды переносить — имѣло силы; но воображеніе, столь пламенно и живо въ немъ дѣйствовавшее, подвергало его частымъ умственнымъ болѣзнямъ, которыя могли сдѣлаться для него опасными.

Подъ конецъ своей службы въ Пензѣ онъ испыталъ многія непріятности и неудачи. Онъ самъ оставилъ объ этомъ слѣдующія замѣчательныя строки: «Пусть судитъ «меня мое потомство. Когда дѣла мои въ этой исторіи, (т. е. въ запискахъ о его жизни), будутъ на его судищѣ, «тогда уже меня на этомъ свѣтѣ не будетъ; тогда немздо«пріимный судія живыхъ и мертвыхъ положитъ на вѣсы и «горести мои и преступленія. *Онъ язвы сердца моего увра«чуетъ и грѣхъ юности моей конечно не помянетъ.* А вы, «о, судіи міра! соблазняйтесь наружными видами! Такова на «свѣтѣ участь смертныхъ! Ошибки и бѣды—вотъ вся основа «нашей жизни!»

Въ Пензѣ прослужилъ Князь Долгорукой до самой кончины Императрицы Екатерины. При восшествіи на престолъ Государя Императора Павла I-го, онъ былъ отставленъ отъ дѣлъ, и скоро (1797) опять принятъ въ службу и опредѣленъ въ Петербургъ въ Камеръ-Коллегію на вновь учрежденное мѣсто *Присутствующаго*, который считался выше Совѣтниковъ. Но еще не успѣлъ онъ доѣхать до мѣста своего назначенія и явиться къ новой должности, какъ былъ всемилостивѣйше пожалованъ въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники и перемѣщенъ въ Главную Соляную Контору, находившуюся въ Москвѣ.

Въ 1798 году скончалась сестра Князя Долгорукаго, Графиня Ефимовская. Объ ней-то упоминаетъ онъ въ извѣстныхъ стихахъ своихъ: *Завѣщаніе*, которые написаны въ слѣдующемъ 1799 году, въ селѣ Введенскомъ, принадлежавшемъ Графу Ефимовскому. Въ томъ же году написаны

Digitized by Google

нимъ другіе стихи подъ названіемъ: *1799 годъ*, которые замѣчательны воспоминаніемъ о Екатеринѣ и похвалою, всегда непритворною послѣ смерти:

Душой, умомъ жила, и не мѣшала жить!

Стихъ, напоминающій ея любимое изрѣченіе, которое она повторяла часто: Vivons, et laissons vivre les autres! —

Къ этому же году принадлежитъ его комедія: *Отчаяніе безъ печали*, сочиненная по слѣдующему случаю. Князь Долгорукой долженъ былъ играть въ одномъ домѣ роль въ комедіи: Le philosophe marié; но спектакль былъ отмѣненъ по случаю смерти родственника, который никогда не былъ близкимъ хозяину и не былъ съ нимъ въ прямыхъ родственныхъ отношеніяхъ. Авторъ видѣлъ въ этомъ одну жертву приличіямъ, безъ участія сердца. Этотъ случай былъ и поводомъ къ комедіи и ея предметомъ. Въ концѣ того же года онъ написалъ: *Спасибо 1799 году*.

Въ Москвѣ, на родинѣ, продолжалъ онъ службу до восшествія на престолъ Государя Императора Александра Павловича.

При восшествіи на престолъ сего Государя, появилось множество торжественныхъ одъ, относящихся къ сему случаю. Князь Долгорукой избралъ самое лучшее средство въ похвалу кроткаго Монарха: онъ написалъ стихи: *На освобожденіе Князя Сибирскаго*. «Не могу, говоритъ онъ при «этомъ, сочинять ни по наряду, ни изъ угожденія, ни изъ «корысти, еще менѣе изъ выслуги; потому что стихи не «должны быть выслугою для благороднаго человѣка: онъ «на то имѣетъ другіе способы.»

Вскорѣ послѣдовало Высочайшее повелѣніе Правительствующему Сенату избрать на открывающіяся Губернаторскія ваканціи до десяти кандидатовъ. Сенатъ помѣстилъ Князя Долгорукаго въ первый свой списокъ, и въ 1802 году онъ былъ опредѣленъ въ Губернаторы въ Владиміръ. Здѣсь, за предложеніе о выстройкѣ зданія для сохраненія ботика и остатковъ дома Петра I-го, съ учрежденіемъ помѣщенія

Digitized by Google

для призрѣнія шести инвалидовъ-матросовъ, онъ удостоился получить первый рескриптъ Государя Императора. Въ слѣдующемъ же году (1803) послѣдовало, съ большимъ торжествомъ, перенесеніе ботика во вновь устроенное зданіе. На строеніи была простая надпись: *Петру Первому усердный Переславль.*—При описаніи этого торжества Князь Долгорукой говоритъ: «Я мысленно переносился за сто-«лѣтіе назадъ; воображеніе мое кипѣло; сердце трепетало «отъ радости, что привелъ меня Владыка всѣхъ міровъ «исполнить патріотическое сіе предпріятіе.» При этомъ читана была его ода, написанная на этотъ случай, замѣчательная не торжественною громкостью, которою отличались тогдашнія оды, не Державинскою высотою; но тѣмъ, чѣмъ отличаются всѣ стихотворенія Князя Долгорукаго: глубоко почувствованною мыслію, смѣло и просто выраженною. Вотъ, для примѣра, изъ этой оды, мысли простыя, не громкія, но мысли замѣчательныя, мысли поэта:

Когда потомокъ предка хвалитъ,
Ужель симъ подвигомъ умалитъ
Онъ современниковъ своихъ?
О нѣтъ! — для мудрыхъ на престолѣ
Той славы быть не можетъ болѣ,
Что смѣло хвалятъ и другихъ!

—

Не лесть, *во сей день восклицновенья,*
Наполнивъ душу восхищенья,
Внушаетъ намъ ихъ имена!
Не лесть: исчезла ихъ награда;
Не рабій страхъ: уже досада
Владыкъ умершихъ не страшна!

—

И въ наши дни, почти черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ этой оды, исполнилось изрѣченіе поэта: извѣстно, что въ эти послѣдніе годы нынѣ царствующему Государю Импе-

Digitized by Google

ратору угодно было снова обратить свой царской взоръ на сохраненіе этаго ботика великаго своего прародителя. Поэты въ древности не даромъ назывались пророками.

Еще съ 1801 года, до своего губернаторства, Князь Долгорукой началъ заниматься изданіемъ своихъ стихотвореній. Къ сему побудили его, говоритъ онъ, недостатокъ дѣятельности и тогдашнія неудачи по службѣ, требовавшія нѣкоторой разсѣянности. Но это первое изданіе его стихотвореній вышло только въ 1803 году подъ названіемъ: *Бытіе моего сердца*; оно было принято публикой съ участіемъ, равнымъ ея ожиданію; ибо Князь Долгорукой считался уже однимъ изъ лучшихъ нашихъ поэтовъ и возбуждалъ горячее, сочувствіе въ томъ вѣкѣ, который вообще горячо сочувствовалъ поэзіи и не пропускалъ безъ справедливой оцѣнки ни одной мысли, ни одного чувства, ни одного выраженія поэта!

Въ это время Князь Долгорукой былъ, кажется, вполнѣ доволенъ своей судьбой: почетная служба, извѣстность литературная, семейное счастіе: чего болѣе?—Но судьба не даетъ ничего вполнѣ человѣку!—Вспомнимъ при этомъ философскую мысль Шиллера въ его балладѣ: *Кольцо Поликрата*. Всякой долженъ заплатить судьбѣ дань несчастія; благополучіе безъ примѣси горя опасно; тутъ-то и стережетъ человѣка бѣдствіе!—Такъ и Князя Долгорукаго, среди этого спокойствія и успѣховъ, ожидалъ ударъ судьбы, который положилъ на всю жизнь печать горя на его любящее сердце: въ 1804 году 12 Мая, скончалась первая его супруга, его Евгенія, умирявшая его душу и примирявшая его, въ бурные дни, и съ жизнію, и съ самимъ собою.

Въ началѣ 1805 года послѣдовало открытіе Владимірской Губернской Гимназіи. Тогда всякое общественное происшествіе отзывалось въ звукахъ поэзіи. На этотъ случай Князь Долгорукой написалъ также оду, которая была прочитана публично при торжествѣ открытія. Высокая ода не была его удаломъ. Здѣсь замѣчательна опять не высота поэзіи, но его патріотическое понятіе о цѣли просвѣщенія:

Digitized by Google

Не въ томъ прямое просвѣщенье,
Чтобъ міръ стараться претворить;
О! коль безумно заблужденье
Творца творенію учить!
Но плодъ наукъ и прилежанья,
Смиряя буйственны желанья,
Творитъ изъ насъ честныхъ людей,
Царю, отечеству полезныхъ,
Своимъ согражданамъ любезныхъ,
Надежныхъ твердостью мужей!

Послѣ этого онъ былъ избранъ въ почетные члены Московскаго университета. По справедливости довольный столь явнымъ признаніемъ извѣстности его имени въ литературѣ, онъ надѣлъ университетской мундиръ съ чувствомъ благородной гордости, равной тому уваженію, которое онъ всегда имѣлъ къ университету. «Этотъ кафтанъ, говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, который я по истинѣ могу назвать благопріо«брѣтеннымъ, будетъ во всю жизнь мою лучшимъ моимъ на«рядомъ. Ни клевета, ни зависть—его съ меня не снимутъ!»

Между тѣмъ стихотворство у Князя Долгорукаго не мѣшало дѣлу. Въ этомъ же году, по представленію его къ Министру Внутреннихъ дѣлъ Графу Кочубею, послѣдовалъ именной указъ, отмѣняющій прежнія постановленія о конфискаціи имущества, остающагося послѣ наказанныхъ дѣдателей фальшивыхъ ассигнацій, и учреждающій повсемѣстное оставленіе онаго въ пользу ихъ семействъ, если оно пріобрѣтено не насильственнымъ образомъ, и если члены тѣхъ семействъ не участвовали въ содѣянномъ преступленіи.

Въ томъ же году Графъ Головкинъ, отправлявшійся Посломъ въ Китай, проѣзжая черезъ Владиміръ, произвелъ ревизію, по которой остался совершенно доволенъ управленіемъ Владимірской губерніи. Въ проѣздъ свой черезъ Казань онъ послалъ оттуда о Князѣ Долгорукомъ всеподданнѣйшій рапортъ. Государь Императоръ, бывшій тогда, по случаю Аустерлицкой кампаніи, въ чужихъ краяхъ, въ Моравіи,

Digitized by Google

соблаговолилъ 18 Ноября того же года апробовать донесеніе графа Головкина; въ слѣдствіе чего Князь Долгорукой получилъ въ награду столовыя деньги, и по представленію Министра Внутреннихъ дѣлъ Графа Кочубея, былъ пожалованъ въ Тайные Совѣтники. По случаю пожалованія въ этотъ чинъ онъ написалъ стихи, которые замѣчательны чертою истиннаго поэта, предпочитающаго любовь и дары природы честолюбію, столь обольстительному для всякаго, проходящаго служебное поприще. Вотъ эти стихи, напечатанные въ изданіи его сочиненій:

Надежа-Государь пожаловалъ мнѣ чинъ!
Прекрасно; но увы натура подшутила;
Черкнула *свой* указъ — кровь пылку простудила;
Амуръ сказалъ: прости! остался я одинъ.

—

Что въ чинѣ, если нѣтъ огня и восхищенья!
Лѣтъ двадцать бы назадъ,—о! Какъ я счастливъ былъ!
Леталъ бы по Москвѣ, всѣмъ голову кружилъ,
Съ родными на пирахъ вкушалъ бы наслажденья!

—

Теперь осталась честь, а радость утекла!
Такъ стало быть народъ не попусту болтаетъ,
Что служба за Царемъ, хотя не пропадаетъ,
Но поздно и корысть, когда пора прошла!

—

Одинъ изъ отличительныхъ признаковъ поэта — наклонность къ уединенію, столь благопріятствующему мечтательности; эта черта была и въ характерѣ Князя Долгорукаго, не смотря на то, что онъ любилъ разсѣяніе, веселости, и шумъ народной.—Въ обыкновенномъ житейскомъ человѣкѣ мы назвали бы это непостоянствомъ но я смѣю утверждать, что въ поэтѣ это происходитъ отъ способности души быстро переходить отъ одного впечатлѣнія къ другому, часто противуположному, отъ живой пріемлемости впечатлѣній и отъ живости фан-

Digitized by Google

тазіи, требующей разнообразной пищи, и для ума, и для сердца. Деревня Князя Долгорукаго находилась недалеко отъ города Шуи. Тамъ на рѣчкѣ Рпѣни, на берегу противоположномъ городу, устроена была хижина, въ которой поэтъ, въ свободные дни отъ службы, любилъ по нѣсколько часовъ въ день предаваться совершенному уединенію: тамъ онъ читалъ, мечталъ, и писалъ стихи. Памятникомъ этого поэтическаго успокоенія остались стихи, написанные имъ въ этомъ году, подъ названіемъ: *Хижина на Рпѣни.*—Здѣсь изображенъ *его день* въ сельскомъ уединеніи, отъ утренней молитвы до восхода луны, до того поздняго часа, когда по его словамъ, все умолкаетъ:

Не слышанъ гулъ глухой въ народѣ,
Вся тварь покоится въ природѣ,
Не спитъ лишь зло — и человѣкъ!

Въ 1806 году къ прочимъ обязанностямъ Князя Долгорукаго, по должности Губернатора, присоединились заботы объ устройствѣ милиціи по ввѣренной ему губерніи.

Въ этомъ же году тогдашній губернаторской домъ во Владимірѣ долженъ былъ поступить въ вѣдомство Московскаго университета для помѣщенія въ немъ Владимірской гимназіи. Замѣчательно отношеніе, по этому случаю, Князя Долгорукаго къ тогдашнему Директору гимназіи Алексѣю Алексѣевичу Цвѣтаеву (брату достойнаго Профессора университета Льва Алексѣевича) отъ 15 Октября 1806 года, за N 3456. — Онъ говоритъ въ этомъ отношеніи, какъ пріятно ему, что домъ, въ которомъ жила и скончалась добродѣтельная жена его, обратившись въ общественное зданіе, не будетъ впредь зависѣть отъ личныхъ прихотей того, или другаго, а будетъ служить, такъ сказать, памятникомъ и той, которая провела въ немъ послѣдніе дни свои. (Такъ сильно соединялось въ немъ чувство и воспоминаніе со всѣмъ, его окружающимъ, и съ самыми бездушными предметами!) — При этомъ препровождалъ онъ два письма Московскихъ книгопродавцевъ, о напечатаніи втораго изданія

Digitized by Google

его сочиненій, предоставляя Директору войти съ ними, или съ кѣмъ угодно, въ условія о напечатаніи не только этаго изданія, *но и всѣхъ тѣхъ, кои впредь быть могутъ*, съ дополнительными, какія во всю его жизнь окажутся, его сочиненіями, и обратить въ пользу Гимназіи, *съ распространеніемъ права гимназіи на оныя до такой отдаленности времени, колико человѣческія предположенія въ пространство будущаго углубиться могутъ*; чтобъ и по смерти его *все, что найдется къ напечатанію терпимымъ*, не инымъ какимъ либо образомъ явилось въ публикѣ, какъ съ доставленіемъ всѣхъ отъ того выгодъ и прибытковъ въ пользу гимназіи.

Далѣе изъявлялъ онъ желаніе, чтобы польза гимназіи отъ сихъ изданій состояла въ пріобрѣтеніи не денегъ, а книгъ, дабы со временемъ основалась во Владимірской гимназіи библіотека, и чтобы для сего назначена была та комната, гдѣ скончалась жена его (Княгиня Евгенія); почему просилъ Директора принять въ завѣдываніе гимназіи и собственные его для содержанія книгъ шкапы.

Къ этому прибавляетъ онъ и причину пожертвованія, которая состояла въ томъ, что время перваго изданія его сочиненій была та эпоха, въ которую онъ именованъ начальникомъ Владимірской губерніи, и что Московскому университету обязанъ онъ разкрытіемъ своихъ дарованій.

Когда мнѣ (нынѣшнему біографу Князя Долгорукаго) поручено было написать о немъ и его сочиненіяхъ, отъ Общества Любителей Россійской Словесности, тогда Ректоръ университета сносился по этому предмету съ тогдашнимъ Директоромъ Дмитревскимъ. Въ отвѣтѣ своемъ (отъ 19 Іюля 1824) утверждая все вышеписанное, онъ дополняетъ это исчисленіемъ и другихъ (по его выраженію) *благодѣяній* Князя Долгорукаго въ пользу просвѣщенія народнаго. «Князь Долгорукой, пишетъ онъ, принималъ живѣйшее участіе въ успѣхахъ и благосостояніи гимназіи, посѣщая всѣ публичные акты оной, также поощряя и содѣйствуя къ учрежденію литературныхъ бесѣдъ, которыя ознакомливать съ публикою и одушевлять своимъ присутствіемъ — было всегда

Digitized by Google

пріятнѣйшимъ его удовольствіемъ. Для поддержанія Гимназіи онъ согласилъ дворянство отпускать въ годъ по сту и по двѣсти рублей отъ каждой округи (или уѣзда) на содержаніе двѣнадцати пансіонеровъ изъ бѣдныхъ дворянскихъ дѣтей ; *каковое заведеніе существовало, пока онъ былъ начальникомъ губерніи.* Его же начальственнымъ содѣйствіемъ общество всѣхъ уѣздныхъ городовъ Владимірской губерніи опредѣлило на содержаніе учрежденныхъ въ нихъ *приходскихъ училищъ* отпускать ежегодно отъ ста до двухъ сотъ руб. Наконецъ онъ пожертвовалъ гимназіи, черезъ посредство книгопродавцевъ Пономарева и Ширяева разныхъ книгъ на 1742 рубля. Подаренныя имъ книги (прибавляетъ Директоръ) дѣйствительно составляютъ лучшую часть гимназической библіотеки.»

Въ этомъ же году вышло второе изданіе его сочиненій. Въ четыре года разошлось все первое изданіе.

Между тѣмъ любящее сердце Князя Долгорукаго не могло оставаться одинокимъ. Сердце человѣческое всегда останется тайною не только для другихъ, но и для самаго себя. Память о Евгеніи все оставалась тою же святынею; время не истребило и въ послѣдствіи горестнаго чувства о томъ блаженствѣ, которое неразлучно съ первою любовію: оно нисколько не изгладило благоговѣйнаго воспоминанія о ея добродѣтеляхъ; между тѣмъ жизнь требуетъ *живаго* ощущенія, а настоящее всегда живѣе прошедшаго. Такъ и Князь Долгорукой (1807 г.) послѣ трехлѣтняго вдовства вступилъ во вторичной бракъ съ вдовою Аграфеною Алексѣевною Пожарской, урожденной Безобразовой. Между тѣмъ живую грусть сердца о невозвратимой потерѣ и неостывшую теплоту воспоминанія свидѣтельствуютъ всѣ стихотворенія поэта, писанныя имъ во время вдовства его, собранныя въ особую книгу и изданныя въ 1808 году подъ названіемъ: *Сумерки моей жизни.*—Какъ объяснить это?—не вмѣстимостію ли человѣческаго сердца, этого міра, неразгаданнаго человѣкомъ!

По службѣ своей, кромѣ Высочайшихъ наградъ, о которыхъ я упомянулъ выше, и нѣсколькихъ Высочайшихъ благо-

Digitized by Google

воленій, въ 1808 году, по представленію Князя Куракина, бывшаго тогда Министромъ Внутреннихъ дѣлъ, Князь Долгорукой удостоился получить орденъ Св. Анны 1-й степени.

Слѣдующіе годы не представляютъ ничего особенно замѣчательнаго въ его жизни, кромѣ путешествія въ Одессу (1810), которое описано имъ въ 3-хъ особыхъ томахъ, и литературныхъ собраній, которыя бывали у него (1811) по вторникамъ, сколько по любви его къ словесности, столько и для пользы дѣтей его. «Стихи (говоритъ онъ въ своихъ запискахъ подъ 1810 годомъ) отнимали меня у меня самаго «во всякое время; я былъ всегда въ подданствѣ восторговъ, «и не зналъ ни дня, ни часа, когда они вселятся въ умъ и «въ душу.» Наконецъ въ 1812 году, онъ получилъ отставку отъ службы, чѣмъ и кончилось его публичное гражданское поприще. Но за нимъ осталось поприще словесности, поприще поэта, не менѣе почетное для гражданина и получившее въ это время наибольшіе знаки уваженія. — «Музы благодарны» сказалъ Батюшковъ. — Дѣйствительно въ это время, можетъ быть, самое бурное въ жизни Князя Долгорукаго, онъ былъ принятъ, въ Петербургѣ, въ почетные члены Державинской *Бесѣды Любителей Россійскаго Слова*; потомъ въ Почетные члены Московскаго *Общества Любителей Словесности* и еще Петербургскихъ двухъ обществъ — *Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ* и *Соревнователей просвѣщенія и благотворенія*. Нынѣ всѣ они не существуютъ. Но этотъ годъ, тяжелый для Россіи, былъ во всѣхъ отношеніяхъ чернымъ годомъ для Князя Долгорукаго: въ этомъ же году послѣдовала и кончина его матери, благочестивой и праведной женщины. Князь Долгорукой, говоря въ своихъ запискахъ, что при погребеніи ея, котораго простоту она заранѣе учредила, когда дубовый простой гробъ ея отъ подмосковной до Москвы несли на себѣ ея крестьяне, восклицаетъ при этомъ: «не такъ ли «несли бѣднаго Лазаря на лоно Авраама, какъ мать мою въ «*Донской* принесли ея добрые мужички?»

Во время нашествія французовъ, Князь Долгорукой уѣзжалъ со всѣмъ семействомъ въ городъ Шую; онъ выѣхалъ

Digitized by Google

изъ Москвы 31 Августа, за два дня до вступленія непріятеля. По этому случаю онъ написалъ стихи: *Плачь надъ Москвою*, въ которыхъ описываетъ подробно тогдашнее свое положеніе и образъ жизни; благодаритъ со всею простотою чувства добрыхъ людей, пріютившихъ его на это время; объ отдачѣ же Москвы судитъ такъ, какъ судили большею частію въ это время, то есть—почитая это несчастіемъ народнымъ и не видя въ томъ искупительной жертвы для отечества. Судьбы провидѣнія были еще тайною; ихъ не дано угадывать человѣку!

О день великихъ золъ! — Но къ пущему несчастью
У матушки-Москвы есть множество дѣтей,
Которые твердятъ по новому пристрастью,
Что прахъ ея не есть бѣда Россіи всей!
Утѣшитъ ли кого сія молва народна?
Отечества я сынъ, и здѣсь сказать дерзну:
Россія! ты колоссъ — когда Москва свободна;
Россія! ты раба — когда Москва въ плѣну!

Такъ всѣ происшествія жизни отражались у Князя Долгорукаго въ стихахъ его! Все проходило чрезъ его душу и вылетало въ мѣрныхъ звукахъ стихотворства, не всегда чистыхъ и красивыхъ, но почти всегда сильныхъ и вѣрныхъ. Его стихи, это лѣтопись его жизни, его ума и сердца.

Нашествіе на Москву французовъ описано имъ и прозою, со всею простотою наглядной наблюдательности умнаго человѣка, который смотритъ на предметы своими собственными глазами, безъ предубѣжденія и безъ пристрастія. Всѣ его описанія, и это, и его поѣздокъ по Россіи, не щеголяя красотою слога, составляютъ замѣчательный образецъ простаго взгляда и естественности разсказа. Въ 1814 году, устроясь и обзаведясь, послѣ Московскаго разгрома, въ прежнемъ своемъ домѣ, который судьба сохранила отъ пожара, онъ предался весь занятіямъ литературнымъ. «О какое благодѣніе испытываемъ мы, говоритъ онъ, когда находимъ въ себѣ склонность «къ Словесности и занятіямъ ея!» Тогдаже написаны и напечатаны имъ: *Разсужденіе о судьбѣ* и стихотвореніе въ шут-

Digitized by Google

лвомъ родѣ на свѣтскіе обычаи, подъ названіемъ: *Нѣчто для весельчаковъ*, которое можно причислить къ его сатирамъ, хотя оно исполнено добродушной веселости и забавной шутки. «Изъ сихъ разнообразныхъ сочиненій, говоритъ онъ, видно «было, что я и плакалъ и смѣялся, и ипохондричалъ и былъ «веселъ, по вліянію разныхъ случаевъ, кои болѣе или ме«нѣе дѣйствовали на разумъ мой и душу.» Тогда же онъ перевелъ съ Французскаго *Филибера*, романъ Коцебу, и составилъ изъ прежнихъ матеріяловъ свое путешествіе въ Нижній-Новгородъ, куда онъ ѣздилъ въ 1813 году. Въ продолженіе зимы 1816 года, написалъ онъ еще замѣчательные стихи: *Мой Театръ*, о которыхъ будетъ упомянуто послѣ; это — шутливое разсужденіе о томъ, какъ порицали его нѣкоторые люди за то, что онъ давалъ спектакли и самъ игралъ въ нихъ. Помня послѣднія непріятности, испытанныя имъ, въ этомъ же году написалъ онъ оду: *Невинность*, замѣчательную по силѣ мысли и выраженія. Она была публично прочитана въ Обществѣ Любителей Словесности, въ Москвѣ; но рѣзкія черты, которыми она наполнена, возбудили жаркіе споры между нѣкоторыми членами общества, и потому она была напечатана прежде отдѣльно, въ Петербургѣ; а потомъ уже помѣщена и въ Трудахъ Общества. — Тогда же написана имъ упомянутая выше комедія: *Дурыломъ*; а въ 1817 и 1818 годахъ вышло третье изданіе его сочиненій, въ 4 томахъ, посвященное Университету.

Я долженъ предупредить, что упоминалъ здѣсь только о тѣхъ произведеніяхъ Князя Долгорукаго, которыхъ время сочиненія мнѣ извѣстно, или которыя относятся къ нѣкоторымъ случаямъ его жизни.

Въ человѣкѣ необыкновенномъ намъ любопытно узнать и самыя наружныя черты его. Въ этомъ случаѣ Князь Долгорукой облегчаетъ трудъ своего біографа; описавши себя въ отрочествѣ, онъ изобразилъ себя и въ зрѣломъ возрастѣ, и наружно и внутренно, въ стихахъ, подъ названіемъ: *Я*. — Вотъ какъ онъ написалъ портретъ свой:

Digitized by Google

Займу тебя теперь я описью подробной
Всего того, что здѣсь своимъ могу назвать.
Снаружи напередъ начну я рисовать.
Натура маску мнѣ прескверну отпустила;
А нижню челюсть такъ запасну припустила,
Что можно изъ нея, по нуждѣ, такъ сказать,
Въ убытокъ не входя, другому двѣ стачать.
Глазъ пара пребольшихъ, да подъ носомъ не вижу;
То есть: я близорукъ; лорнета — ненавижу!
Хоть ростомъ никогда не буду великанъ;
Но въ рекрутской наборъ и мой годится станъ!
Вотъ все, что мнѣ на крестъ природа положила;
Увидимъ ниже, чѣмъ душонку снарядила.
Но вмѣстѣ все сложивъ, нельзя ей попенять,
Чтобъ мѣтила во мнѣ товаръ лицомъ продать.

Хотя эта некрасивость поэтомъ преувеличена; но конечно онъ не былъ хорошъ собою. Я началъ знать его въ 1820 году, слѣдовательно уже въ его старости, когда лице человѣка теряетъ много своей свѣжести и лишено живыхъ красокъ молодости; но я могу засвидѣтельствовать, что не смотря на сходство, этотъ портретъ усиленъ шутливостію поэта. Иначе онъ представлялъ бы собою феноменъ моральнаго міра; ибо обладая сердцемъ любящимъ и страстнымъ, онъ былъ и любимъ страстно.—Далѣе онъ изображаетъ свое воспитаніе и тоже увеличиваетъ его недостатки гиперболою шутки. Но мы видѣли уже, что воспитаніе будущаго поэта и любезнаго свѣтскаго человѣка не было оставлено въ пренебреженіи. — Вотъ однако что онъ говоритъ о немъ въ тѣхъ же стихахъ своихъ:

Родитель мой меня воспитывалъ, какъ должно.
Учился я всему, чему придумать можно.
Да что-то я на все тупенекъ съ малу былъ:
Иное недалось, иное позабылъ!
По мѣрѣ лѣтъ моихъ прошелъ я всѣ науки;
На разныхъ языкахъ мололи мнѣ азъ, буки.
Латынь, одну латынь—безъ складу, по толкамъ,

Digitized by Google

Твердилъ семь битыхъ лѣтъ и все по пустякамъ!
Что девять Богъ пошлетъ, въ минуту сосчитаю;
А математики совѣмъ, мой другъ, не знаю!
И сколько мастеровъ ни смучилъ я за ней,
Дошелъ до дележа, и въ пень сталъ у дробей!
Учился фехтовать за дорогую цѣну
И вѣчно попадалъ не въ цѣль, а прямо въ стѣну!
Бивалъ всѣ въ барабанъ бои до одного;
А нынѣ, хоть убей, не помню ничего!
Въ манежѣ три зимы меня-ль не муштровали,
Къ ѣздѣ на лошадяхъ всемѣрно пріучали;
Но что и затѣвать него нѣтъ на роду!
Не только что съ коня, съ клячонки упаду!
Ты видишь, что я льстить ни мало не намѣренъ;
И такъ въ моихъ словахъ, пожалуй, будь увѣренъ!
Учился я всему; но былъ успѣхъ въ томъ плохъ!
Наука всторонѣ; а я сталъ скоморохъ!
Пляшу, пою, рѣзвлюсь, комедіи играю,
И въ знатныхъ людяхъ тѣмъ по нуждѣ промышляю!
Спасибо, что хотя на что нибудь да гожъ!

Сквозь этаго шутливаго изображенія кто не увидитъ, изъ однихъ даже предметовъ ученія, самаго тщательнаго образованія, какое давалось въ то время дѣтямъ хорошихъ фамилій и нужнаго по тогдашнимъ понятіямъ для молодаго свѣтскаго человѣка.—Но мало этаго: студенческой курсъ университетскаго ученія, которое не поставлялось тогда въ необходимую обязанность, и изученіе латинскаго языка, показываютъ заботливость воспитателя, простиравшуюся далѣе требованій того времени.

. . . . . .

Вотъ какъ поэтъ продолжаетъ изображать себя:

Посмотримъ, чѣмъ внутри снабдила мать натура!
Слыхалъ я отъ жены, что будто *я уменъ*;
Быть можетъ, что и впрямь въ своемъ углу смышленъ!
Когда о чемъ нибудь я съ ней перебиваю,
Скажу безъ хвастовства: не все же повираю!
Да въ этомъ вслухъ нельзя признаться мнѣ никакъ;

Digitized by Google

А то вѣдь скажутъ все: какой-де онъ дуракъ!
Пусть буду я таковъ; я право не сержуся,
За то, что въ списокъ вашъ, людъ умный, не гожуся!
Не чванъ ли я? — О нѣтъ! и еслибъ знатенъ былъ,
За всякой бы поклонъ поклономъ я платилъ!
Самолюбивъ ли я? — къ несчастью, очень много;
И сей порокъ во мнѣ хоть школятъ очень строго,
Но что же дѣлать съ нимъ, коль слабъ его унять!
Во всѣхъ частяхъ собой кто можетъ управлять!
Я дикъ, тяжелъ и грубъ; но льзя ли быть иначе,
Съ развратными людьми, съ такими наипаче
Которымъ говоря о правдѣ, каждый часъ
Все бойся какъ бы имъ не трафить камнемъ въ глазъ!
Пріятноль встрѣтить вдругъ на рыцарской ходули
Того, кто къ цѣлый вѣкъ не видывалъ и пули?
Что хочешь говори, бучуется вся кровь,
Когда иной подлецъ вздымаетъ горду бровь,
Когда самъ о себѣ и Богъ вѣсть что мечтаетъ,
Увѣрить хочетъ всѣхъ, что звѣзды онъ хватаетъ;
А ты, когда передъ нимъ, какъ подлый рабъ стоишь,
Внутри своей души въ алтынъ его цѣнишь!
Я гибкости въ себѣ нимало не имѣю,
Въ клубокъ не передъ кѣмъ свернуться не умѣю,
Иду своимъ путемъ, какъ должность мнѣ велитъ
И гдѣ споткнется умъ, тамъ совѣсть подкрѣпитъ!
Я вспыльчивъ; но во мнѣ духъ злобы не гнѣздится
И мщеніемъ душа моя не возгорится!
Коварствовать ни съ кѣмъ не смышлю никогда
И съ чувствами языкъ согласенъ мой всегда!

. . . . . .

Но спросишь ты меня: чѣмъ въ жизни наслаждаюсь
И въ праздности какой забавой занимаюсь?
Мой другъ! *отъ картъ меня уволить я прошу!*
Бостону жертвы я совсѣмъ не приношу!
За зайцемъ по полямъ съ собаками гоняться
Симъ правомъ сильнаго не мастеръ величаться!
О женщины! лишь васъ съ пристрастіемъ люблю,
За васъ, для васъ, по васъ — я многое стерплю!

Digitized by Google

Вотъ какъ изобразилъ себя поэтъ; и таковъ онъ былъ дѣйствительно: самолюбивъ, безъ всякаго чванства; не гибокъ, но вѣжливъ и почтителенъ къ достоинствамъ; вспыльчивъ безъ всякой злобы; не способенъ ни къ мщенію, ни къ коварству и руководимъ всегда болѣе сердцемъ, нежели холоднымъ разсудкомъ. Нельзя вполнѣ согласиться, чтобъ онъ былъ *дикъ*, *тяжелъ* и *грубъ*, какъ онъ выразился самъ, но когда находила на него *хандра*, онъ становился дѣйствительно угрюмымъ и непріятнымъ для окружающихъ его. Впрочемъ это проходило скоро, какъ туча, набѣжавшая въ лѣтній день: тотъ же вѣтръ и уносилъ ее! Замѣчательно однако, что въ этихъ стихахъ онъ изобразилъ себя болѣе, нежели хотѣлъ. Вся эта вспышка негодованія, доходящая до рѣзкой сатиры, начиная съ словъ:

Я дикъ, тяжелъ и грубъ; но льзя ли быть иначе
Съ развратными людьми — и проч.,

изображаетъ, какъ нельзя лучше, вспышки негодованія на людей, находившіе на него въ нѣкоторыя минуты, когда онъ дѣйствительно былъ жалокъ; ибо чувствовалъ тягость пройденнаго имъ опыта! Я буду нѣсколько разъ возвращаться къ этой чертѣ его характера, энергически выраженной имъ во многихъ его стихотвореніяхъ.

Но въ обращеніи съ людьми не было добрѣе и радушнѣе этаго человѣка, не было его простѣе! Приступая къ описанію его образа жизни, я начну съ его дома, семьи и перейду къ его обычаямъ. Я сказалъ уже, что онъ былъ *небогатъ* и *радушенъ*: эти двѣ черты отражались во всемъ его окружающемъ и во всемъ его образѣ жизни.

Не даромъ сказалъ Державинъ: *осёлокъ честности — прибытокъ*. Самъ Князь Долгорукой не нажилъ ничего. Отецъ его не оставилъ ему наслѣдственнаго богатства. Главною причиною упадка ихъ состоянія было, какъ упомянуто мною прежде, паденіе фамиліи Князей Долгорукихъ при Биронѣ; бабка его, Княгиня Наталья Борисовна, послѣ ссылки и казни

Digitized by Google

своего мужа, не получила отъ брата даже и узаконенной четырнадцатой части, слѣдовавшей ей изъ имѣнія отца ея, столь огромнаго, что на эту законную часть ей приходилось шесть тысячъ душъ. Но кому было хлопотать объ этомъ въ томъ бѣдственномъ положеніи, въ той опалѣ, въ которой находилась тогда фамилія Долгорукихъ? —

Домъ Князя Долгорукаго, существующій еще и понынѣ въ Москвѣ, въ приходѣ Вздвиженья на Врагькѣ, представлялъ среди обширнаго двора длинные, старинные, тесовые хоромы въ одинъ этажъ. Позади этого дома къ Москвѣ-рѣкѣ былъ садъ, почти оброшенный; кажется, имъ никто не занимался. Вдали, за Москвою-рѣкою, виды зелени, лѣса, деревня Фили и кладбище, на которое часто сматривалъ унылый хозяинъ, когда мы, тогда еще молодые люди, вокругъ него рѣзвились и хохотали. Внутренность дома была не только не красива, но даже неопрятна, особливо передняя, гдѣ старые обои висѣли лоскутьями. Подъ конецъ жизни хозяинъ передѣлалъ однако двѣ парадныя свои гостиныя, соединилъ ихъ въ одну, разгородилъ колоннами, отштукатурилъ, выбѣлилъ, и обилъ мебель пунцовой шерстяной матеріей: что казалось уже почти великолѣпіемъ послѣ прежнихъ старыхъ обоевъ. Но кабинетъ его и другія комнаты оставались все въ прежнемъ видѣ.

Здѣсь жилъ онъ съ своею второю супругою Княгинею Аграфеною Алексѣевною, съ ея племянницею Пр. Ив. Пожарскою, и съ младшимъ своимъ сыномъ Кн. Михайлой, или Рафаиломъ: ибо и то надобно причислить къ странностямъ Князя Ивана Михайловича, что многіе его дѣти имѣли по два имени: одно, данное при крещеніи, а другое, данное имъ самимъ, которымъ они и назывались. Такъ Рафаилъ назывался Михайлой; Антонина — Варварой; Евгенія — Натальей. Не смотря на недостаточность состоянія, Князь Долгорукой умѣлъ дѣлиться и съ другими, которые были еще недостаточнѣе. У него въ домѣ жила еще почтенная, добрая старушка Ел. Ив. Едисѣева, и простодушный старичокъ Ив.

Digitized by Google

Никол. Классонъ, великой почитатель Наполеона и доктора Галя, и, признаюсь, надоѣдавшій намъ иногда объясненіемъ его системы. Всѣ они составляли какъ бы одно семейство. Не хочу забыть ни одного изъ добрыхъ людей этихъ! Наконецъ въ этотъ же домъ переѣхала и дочь Князя съ своимъ мужемъ. Для всѣхъ было довольно мѣста; для всякаго теплый уголъ: такъ помѣстительны были старинные хоромы, или такъ нетребовательны были тогда люди. Не умѣю разрѣшить, что изъ этихъ двухъ замѣчаній справедливѣе отнести къ моему повѣствованію. Во флигелѣ, составлявшемъ какой-то длинный выпускъ (и соединяемый съ главнымъ корпусомъ корридоромъ и домовою церковью) жила престарѣлая сестра хозяина и его крестная мать, добродушная, кроткая, любезная въ глубокой старости, нѣкогда красавица, Княжна, Прасковья Михайловна, съ своей воспитанницей, Аграфеной Ѳедоровной Любавской. Ихъ обѣихъ уже нѣтъ на свѣтѣ. Старушка Княжна была и тогда уже согбенна лѣтами; ея питомица цвѣла какъ роза; объ ней написалъ Князь Долгорукой:

Другая—той я далъ прозванье Анемоны,
Славнѣе красотой Надировой короны!

Воспоминая объ этой семьѣ, я какъ будто вновь переживаю мою молодость: сколько драгоцѣнныхъ, беззаботныхъ минутъ, было проведено мною среди этихъ людей, умныхъ, добродушныхъ, простыхъ сердцемъ, чуждыхъ всякихъ требованій, привѣтливыхъ и снисходительныхъ къ пылкой и веселой нашей молодости. Да будетъ имъ здѣсь выражена вся благодарность моего сердца; а умершимъ да будетъ вѣчная память.

Возвращаюсь къ моему описанію.

Въ домѣ Князя, какъ я сказалъ, не было никакихъ украшеній; но на стѣнахъ, и въ домѣ и во флигелѣ, были развѣшаны фамильные портреты Князей Долгорукихъ, этой исторической фамиліи, конечно заслуживающей, чтобъ и самыя черты многихъ лицъ, къ ней принадлежащихъ, были сохранены въ памяти. Тутъ были портреты: Князя Якова

Digitized by Google

Ѳедоровича Долгорукаго и несчастнаго счастливца Князя Ивана Алексѣевича. (Портретъ супруги его, княгини Натальи Борисовны, какъ я сказалъ уже, стоялъ въ домовой церкви). Тутъ же, но особо отъ другихъ (черта ли чувства, или тщеславія?) былъ и портретъ Императора Петра II, который былъ помолвленъ на Княжнѣ Екатеринѣ Долгорукой, и котораго хозяева какъ бы безмолвно причисляли къ своему семейству. Надъ нимъ, я помню, была скромная надпись: *добрая надежда.*

Князь Иванъ Михайловичь начиналъ каждый день молитвою; потомъ садился читать священное писаніе. Это было ежедневно. Потомъ принимался за литературныя занятія. Всякое утро что нибудь выходило изъ-подъ пера его. Это не удивитъ моего читателя, когда онъ вспомнитъ, что кромѣ стиховъ, которые всѣмъ извѣстны и множества другихъ сочиненій, въ томъ числѣ комедій, фарсовъ и проч., оставшихся въ рукописи, онъ написалъ еще подробныя записки о своей жизни въ нѣсколькихъ томахъ. Кромѣ того онъ оставилъ рукопись подъ названіемъ: *Капище моего сердца*, которую онъ называлъ своимъ календаремъ и гдѣ онъ, по мѣрѣ сношеній съ своими знакомыми, помѣщалъ ихъ изображенія, или описанія ихъ свойствъ. Я не видалъ этой рукописи, и едва ли онъ кому ее показывалъ, кромѣ своего семейства; но онъ самъ мнѣ говорилъ объ ней. Такимъ образомъ не проходило ни одного утра, чтобъ онъ не писалъ, развѣ когда бывалъ отвлеченъ пріѣздомъ кого нибудь къ нему, или необходимымъ выѣздомъ изъ дому.

Обѣдалъ онъ всегда дома, въ своей семьѣ; клуба не любилъ. Столъ его былъ нероскошенъ, даже неделикатенъ; но сытенъ и отличался какою-то смѣсью. Послѣ обѣда и вечеръ — хозяинъ принадлежалъ уже всѣмъ; и тутъ-то развертывался иногда до невѣроятной шутливости и живости, даже до ребячества, его веселый характеръ!

Какъ изобразить его общество? По большой части съѣзжались къ нему по вечерамъ — мы, тогдашніе молодые люди, занимавшіеся литературой, или его родственники. Впрочемъ онъ сохранилъ связь со всѣмъ лучшимъ обществомъ Москвы; когда у него бывали званые вечера, или домашніе благо-

Digitized by Google

родные спектакли, къ нему пріѣзжали: и московская знать, и свѣтскія дамы, и все, что было извѣстнѣйшаго въ столицѣ. Театръ былъ его страстію. Я самъ былъ дѣйствующимъ лицомъ въ его спектакляхъ, и помню, что для Князя Ивана Михайловича это было—и наслажденіе, и мука, и торжество, и хлопоты; однимъ словомъ—дѣло важное, а не пустая забава! За то какъ онъ былъ счастливъ, когда удавались репетиціи, когда всѣ знали свои роли, пріѣзжали на пробы во время, не заставляя себя ждать; когда *реплики* незамедлялись, всѣ знали свои мѣста, не забывали входы и выходы; словомъ когда піеса шла безостановочно и стройно. Но какъ онъ сердился и мучился, когда все это шло неудачно! — Признаться, иногда въ этомъ случаѣ забавно было смотрѣть на него: тутъ онъ готовъ былъ сказать даже грубость, что было совсѣмъ несообразно съ его вѣжливостію прошедшаго вѣка. Но кто бы могъ осердиться на добродушнаго человѣка! Вся семья хлопотала въ такомъ случаѣ, чтобы угодить ему. Я помню, какъ встрѣчаетъ бывало Княгиня и спрашиваетъ шопотомъ; «знаешь ли роль?»—Я помню, какъ въ эти дни самъ Князь встрѣчалъ насъ важно, съ лицомъ озабоченнымъ, чего въ другихъ случаяхъ никогда не бывало.

Наступалъ день спектакля. Сердце наше бі[illegible]ось сильнѣе обыкновеннаго: желаніе показать свое сценическое искуство, (которымъ, впрочемъ, я не могу похвалиться); самолюбіе актера съ разными другими отношеніями между дѣйствующими лицами; послѣдняя репетиція, костюмы — и наконецъ, надобно сказать, усердное желаніе угодить этому добродушному старому ребенку, т. е. самому Князю: все это дѣлало для насъ, молодыхъ людей, день спектакля какимъ-то замѣчательнымъ днемъ жизни!—Наконецъ съѣзжается публика, музыка гремитъ, открывается занавѣсъ—первый выходъ; какъ трепетало сердце, особенно если тутъ была и другая причина къ его трепету! О молодость!—По окончаніи спектакля Князь бывалъ необыкновенно счастливъ: какъ гора съ плечъ свалила!—Актеры *всѣ* довольны собою!—Чегоже лучше! — И вся семья счастлива, что Князь доволенъ успѣхомъ спектакля.

Digitized by Google

Справедливость требуетъ однако сказать, что его спектакли были по большой части играны хорошо, даже иногда прекрасно. — Князь требовалъ отъ своихъ благородныхъ актеровъ—искуства, въ чемъ ему и удавалось. Вспомнимъ о двоихъ, которые тоже иногда играли на его театрѣ. Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ имѣлъ неоспоримо талантъ, обработанный тщательнымъ изученіемъ мимики и сцены; голосъ его былъ сотворенъ для сцены. Онъ столь умѣлъ владѣть имъ, что даже тихая рѣчь его была слышна внятно. Другой — Ал. Мих. Пушкинъ, двоюродный дядя поэта, обладалъ прекраснымъ природнымъ сценическимъ талантомъ. Я помню ихъ, игравшихъ однажды, въ домѣ перваго изъ нихъ, двухъ *Кристиновъ* въ піесѣ этого имени. Любопытство зрителей было еще болѣе возвышено возможностію сравнить въ одинакихъ роляхъ два замѣчательные таланта. Кокошкинъ доходилъ до натуры — своимъ искуствомъ и обработаннымъ изученіемъ роли; Пушкинъ былъ натураленъ и простъ, но эта простота равнялась искуству!—Тогда театръ не отдѣляли отъ литтературы и искуства и потому смотрѣли на благородные спектакли со стороны искуства же, требуя отъ нихъ не одной общественной забавы. Эти спектакли не сопровождались никакою пышностію, никакою внѣшностію хвастовства; публика собиралась именно для спектакля, слушала съ вниманіемъ и судила, съ какимъ-то правомъ на судъ, который никому не былъ оскорбительнымъ, и вмѣстѣ оставалась благодарною за благородное наслажденіе вкуса. Однимъ словомъ, спектакль былъ не въ придачу къ свѣтскому сборищу людей, но цѣлію ихъ соединенія. Я упоминаю объ этомъ для того, чтобы показать, какъ благородные спектакли были въ это время возвышены искуствомъ: по этому можно судить и о вкусѣ тогдашней публики, и о наклонности ея къ изящному. Князь Иванъ Михайловичь и самъ иногда, оставляя гостей своихъ, являлся на сценѣ, по большей части въ роляхъ нѣсколько забавныхъ, гдѣ бы былъ полный разгулъ его шутливой натурѣ. Его игра была хороша, непринужденна, свободна, но уже слишкомъ естественна: въ ней не было мѣста искуству. Подъ старость ученикъ Офрена, кажется, не хотѣлъ объ немъ за-

Digitized by Google

ботиться, а хотѣлъ только повеселиться своею игрою. Но онъ былъ чрезвычайно доволенъ, когда ему аплодировали, и самъ хохоталъ, когда послѣ спектакля хохотали другіе, вспоминая нѣкоторые его жесты и пріемы на сценѣ.

За спектаклемъ, по обычаю, слѣдовали танцы; потомъ ужинъ. Эти ужины доказывали тоже его малое стяжаніе; но къ этому уже привыкли: всѣ его любили; никто не говорилъ, что онъ кормитъ дурно. За веселостію разговора, за тою непринужденностію, которая была тономъ его дома, наконецъ и за пріятнымъ воспоминаніемъ о спектаклѣ, некогда было подумать о посредственномъ ужинѣ. Шумъ и хохотъ оканчивали вечеръ; когда тутъ быть недовольнымъ?

Повторяю: Князь Долгорукій любилъ страстно драматическое искусство. Я уже упоминалъ о его успѣхахъ на сценѣ въ лѣтахъ молодости. Эта склонность развернулась въ немъ съ пятнадцатилѣтняго возраста. Вотъ какъ упоминаетъ онъ объ этомъ въ своихъ запискахъ: «батюшкѣ угодно было до«ставить намъ забавы, свойственныя нашему возрасту, и для «сего построенъ былъ въ залѣ небольшой театръ, на кото«ромъ я въ первый еще разъ сталъ играть и трагедіи и ко«медіи. Природная склонность тотчасъ оказалась. Никто меня «не училъ декламировать; но ужь видно было изъ дѣтскихъ «моихъ пріемовъ, что я достигну до нѣкотораго совершенства «въ этомъ родѣ; и признаюсь, что я безъ всякой натяжки «пристрастился къ актерскому дѣлу. Къ чему насъ влечетъ «природа, то мы и будемъ. Если бы я попался въ руки къ слав«ному тогда Дмитревскому: конечно я бы вышелъ совершен«нѣйшій актеръ, чѣмъ дипломатъ, философъ или что-нибудь «другое.» — Мы видѣли уже, какъ онъ воспользовался въ послѣдствіи времени наставленіями въ драматическомъ искуствѣ знаменитаго Офрена. Мудрено ли послѣ этаго, что страсть къ этому искуству сохранилась въ немъ до самой старости?

Цѣлью его было—удовольствіе свое и избранной публики. Были однакожь люди (хотя не въ это время, а прежде), которымъ не нравились его добродушныя забавы, которые порицали за нихъ веселаго хозяина и выводили изъ того разныя заключенія. Противъ нихъ-то написалъ онъ въ 1816 г.,

Digitized by Google

стихи: «*Мой Театръ*», какъ шутливое разсужденіе о нихъ толкахъ. Вотъ нѣкоторые куплеты, изъ которыхъ можно увидѣть и его образъ мыслей объ этой забавѣ, и то, какъ онъ умѣлъ соединять негодованіе съ самой добродушной шуткой.

Пускай все строится на свѣтѣ
Какъ рокъ угрюмый приказалъ,
Лишь толькобъ жить мнѣ въ кабинетѣ,
Никто на вкусъ мой не мѣшалъ!
Съ утра до вечера я въ руки
Газетъ, ни книги не беру,
И день деньской съ дѣтьми отъ скуки
Твержу мимическу игру!

Тарифъ меня не безпокоитъ,
Въ сукнѣ я толку не зналъ;
Иной безъ сахару все ноетъ:
Я чай и съ патокой пивалъ.
Въ карманѣ рубль коль залежится,
Поставлю въ мигъ его ребромъ:
Моя забава—суетиться;
Мой рай—людьми набитый домъ!

Мнѣ нужды нѣтъ, гдѣ миръ, гдѣ драка,
Куда полки бѣгутъ солдатъ,
Который баринъ скушалъ рака,
Какому данъ вельможѣ матъ!
Въ моемъ углу, храня свободы
Благонамѣренный законъ,
Лѣнюсь, и радъ, что воеводы
Уже не грезится мнѣ сонъ!

Въ сараѣ шесть кулисъ поставилъ,
Широкой завѣсъ распустилъ,
Огарки всѣ домашни сплавилъ,
Во тьмѣ свѣтъ плошекъ сотворилъ;
И тутъ въ обманѣ восхищаюсь,
Воспоминая вѣкъ златой,
Въ стихахъ и въ прозѣ отличаюсь,
То царь, то молодъ я мечтой!

Digitized by Google

Меня поносятъ, слышу, строго,
За чѣмъ такъ тѣшу я себя;
Кричатъ: «онъ видно нажилъ много,
И честь и совѣсть погубя!»
Прошу покорно всѣхъ нахаловъ
Мой домъ притти ревизовать,
Моихъ завидныхъ капиталовъ
Наличность мягку ощупать.

Найдутъ детей бумажныхъ кучу,
Куда чернилъ потоки лью,
На коихъ лѣтъ ужъ тридцать мучу
Я руку правую мою;
И сдѣлавъ обыскъ самый вѣрный,
Увидятъ ясно безъ очковъ,
Что мой достатокъ безпримѣрный —
Наростъ на языкѣ лжецовъ!

Князь Иванъ Михайловичъ вообще любилъ забавы, любилъ себя тѣшить и веселить другихъ: это была его стихія. Пропустить эту черту въ его характерѣ, или сказать объ ней мимоходомъ, значило бы отказаться отъ самой оригинальной черты его портрета. И потому я буду слѣдовать шагъ за шагомъ за моими воспоминаніями во все то время, въ которое я почти ежедневно видалъ его.

Его спектакли продолжались однажды всю зиму, до самаго великаго поста. Намъ, молодымъ людямъ, было очень весело; но и мы наконецъ устали. А Князь Иванъ Михайловичъ, который не могъ жить безъ людскаго общества, придумалъ себѣ на постъ другую забаву — и кто бы могъ вообразить-какую?—Учрежденіе на пять недѣль поста литературнаго общества! — Наскоро онъ набралъ членовъ—и на второй же недѣлѣ общество было открыто! Я помню нѣкоторыхъ его членовъ: самъ хозяинъ, младшій сынъ хозяина Кн. Михайла, М. Н. Загоскинъ, С. Т. Аксаковъ, А. А. Волковъ, А. Д. Курбатовъ, свояк Кн. М. П. Тѣлегинъ; другихъ не помню. Правиломъ общества положено было предсѣдательствовать въ немъ каждому изъ членовъ по очереди и по старшинству лѣтъ

Digitized by Google

Въ первомъ засѣданіи предсѣдательствовалъ самъ хозяинъ: собиралась и публика, т. е. человѣкъ двадцать его коротко-знакомыхъ и его ближнихъ, мужчинъ и дамъ. Но во второе же засѣданіе и это общество, сколь ни важно сидѣли члены, превратилось въ комедію! — Пріѣхала изъ провинціи, изъ деревни, одна дама, о которой Князь извѣстилъ насъ, что она стихотворица. Мы никогда объ ней не слыхивали. Послѣ уже, гораздо спустя послѣ этого, мнѣ попалась книга ея стихотвореній, посвященная Князю. Въ ней нашелъ я замѣчательнаго только одно посвященіе, гдѣ она, обращаясь къ Князю съ оправданіями своему перу, говоритъ между прочимъ съ удивительною наивностію, что если ея слогъ имѣетъ такіе-то и такіе-то недостатки, то ей это извинительно, потому что одинъ онъ былъ ея образцомъ и учителемъ. Но обращаюсь къ нашему засѣданію. Мы ничего не знали, что готовится, и садимся очень важно на свои мѣста, за большой столъ, какъ члены общества. — Вдругъ Князь ставитъ еще кресла; приглашаетъ сѣсть къ столу пріѣзжую стихотворицу, говоря: «Марья Петровна! прошу покорно садиться съ нами!» — и объявляетъ, что она выбрана въ почетные члены. Дама, послѣ нѣкоторыхъ извиненій, сѣла. Вдругъ встаетъ одинъ изъ старшихъ членовъ, бывшій на этотъ разъ предсѣдателемъ, и начинаетъ читать ей привѣтственную рѣчь.— Я помню даже хрію этой рѣчи; вотъ она: «Съ тѣхъ поръ, «какъ сотворенъ міръ и вращаются круги звѣздные, всѣ чело-«вѣки стремятся къ счастію. Одни полагаютъ его въ томъ, «другіе въ другомъ; а мы въ занятіяхъ литературой и въ «поэзіи. Почему, уважая ея дарованія, мы захотѣли раздѣлить «съ нею наши благородныя занятія и присоединить ее къ «нашему обществу.»—Марья Петровна безпрестанно краснѣла; приподнималась со стула и говорила: «Помилуйте! чѣмъ я это заслужила?» — И подлинно, чѣмъ заслужила она такую комедію! — Мы всѣ едва могли удержаться отъ смѣха; наконецъ Князь, во время самаго произнесенія рѣчи, наклонился ко мнѣ, закрывъ себя отъ другихъ платкомъ, и я увидѣлъ, что онъ помираетъ со смѣху! — Кончилось засѣданіе; Князь вышелъ въ другую комнату, нахохотался въ волю, и

Digitized by Google

я видѣлъ, что онъ совершенно доволенъ, что изъ его серьезнаго намѣренія почтить талантъ пріѣзжей дамы, не думавъ не гадавъ, вышла такая комедія, тѣмъ болѣе, что дама не замѣтила этого и осталась тоже довольною.

Настала Святая недѣля. Въ это время Князю случилось быть нездоровымъ. Болѣзнь не важная: на рукѣ нарывъ; но дѣло въ томъ, что ему нельзя было надѣвать фракъ, слѣдовательно и выѣзжать, а выѣхать въ широкомъ сертукѣ онъ не рѣшался, потому что почиталъ это за невѣжливость. И дѣйствительно — тогда даже на публичныхъ гуляньяхъ всѣ бывали во фракахъ; одинъ только цвѣтъ фрака различалъ его употребленіе: темные цвѣта употреблялись для званыхъ обѣдовъ и баловъ, а синій и другіе свѣтлые — для утра и вообще для тѣхъ случаевъ, въ которыхъ нынче надѣвается сертукъ или пальто. Я пріѣзжаю къ нему на Святой недѣлѣ. Меня встрѣчаетъ добрая Княгиня и говоритъ: «что̀ дѣлать съ Княземъ Иваномъ Михайловичемъ! Сидитъ въ кабинетѣ и хандритъ! не можете ли вы какъ-нибудь выманить его подъ Новинское?»—Я сговорился съ зятемъ Князя, съ которымъ былъ друженъ съ университета, и пошли вмѣстѣ атаковать хандру Князя. — «Что̀ вы, Князь, такъ печальны?» — «Отъ чего мнѣ быть веселымъ? Всѣ люди теперь веселятся; всѣ подъ Новинскимъ; я люблю быть на народѣ, люблю *толчею* (это его выраженіе). Понимаете? А долженъ сидѣть дома!»— «Да отъ чего жь сидѣть дома?»—«Не могу надѣть фрака!»— «Да вы бы надѣли сертукъ, да и пошли!» — «Нѣтъ, сударь!» воскликнулъ съ жаромъ Князь: это только вы, нынѣшніе, можете себѣ позволить такую невѣжливость! Я не такъ воспитанъ!» и проч.—Какъ бы то ни было, но охота быть на народѣ превозмогла правила воспитанія, и Князь согласился идти съ нами подъ Новинское, только съ условіемъ, чтобы мы оттуда куда-нибудь его въ сертукѣ не затащили.—Вотъ ходимъ мы подъ Новинскимъ. Близко оттуда былъ домъ Вельяминовыхъ-Зерновыхъ, которыхъ семейство Князь любилъ страстно. Я потому болѣе упоминаю объ обстоятельствахъ этой прогулки, что съ того времени я сталъ вхожъ въ домъ ихъ, и потомъ женился на одной изъ дочерей этого

Digitized by Google

благословеннаго семейства. Князь замѣтилъ, что Вельяминовыхъ нѣтъ на гуляньѣ.—«Послушайте, говоритъ онъ, пройдемте мимо ихъ дома, только съ тѣмъ, чтобы къ нимъ не входить: я въ сертукѣ не пойду!»—Мы прошли мимо; никого нѣтъ у окошекъ. Наконецъ увидали насъ и зазвали къ себѣ. Князь отговаривался долго; наконецъ, какъ бы нехотя, согласился, а самъ былъ очень доволенъ! Онъ воротился домой въ самомъ веселомъ расположеніи духа; но старался хмурить брови, между тѣмъ какъ говорилъ Княгинѣ съ улыбкой: «вѣдь я зналъ, что куда-нибудь затащатъ! Представь себѣ: были у Вельяминовыхъ!» — И вся хандра его прошла, какъ не бывало!

По наступленіи лѣта начинались обыкновенно у Князя загородныя прогулки и пикники. Можетъ быть нынче многими забыто это слово, или инымъ совсѣмъ не знакомо; и потому я считаю не лишнимъ объяснить его. Это тѣ же прогулки за городъ, назначаемыя заранѣе обществомъ мужчинъ и дамъ, съ условіемъ, чтобы каждый привезъ съ собою или что-нибудь съѣстное, или прохладительное, или бутылку вина, и тому подобное. Такимъ образомъ угощеніе приходится каждому не дорого, а все вмѣстѣ составляетъ иногда богатый полдникъ. Общество наше, составлявшее эти загородныя прогулки и пикники, было немногочисленно: кромѣ семьи Князя, собирались двѣ-три дамы, и тѣ же молодые люди, всегдашніе веселые собесѣдники добраго его семейства.

Кто знаетъ прекрасныя окрестности нашей величавой Москвы, тотъ знаетъ и то, что есть изъ чего выбрать мѣста для прогулокъ. Для нашихъ прогулокъ и пикниковъ избирались: то Кусково, Петровское, Кунцово, то близь лежащія дачи, то подмосковные сады и рощи: и должно сознаться, что и нынѣ нельзя вспомнить безъ удовольствія этихъ поѣздокъ! Лѣтніе долгіе дни, зелень, молодость и всѣхъ одушевлявшая веселость: это было что-то идиллическое, какая-то пастушеская поэзія, какая-то свѣжесть жизни, въ которой такъ и хотѣлось дышать, жить и наслаждаться природой и обществомъ. — Тутъ мы играли въ разныя игры,

Digitized by Google

бѣгали въ горѣлки, качались на качеляхъ и катались съ горъ, гдѣ ихъ находили; шумѣли, говорили, смѣялись; полдничали съ аппетитомъ молодости и усталости, расходились и опять сходились вмѣстѣ, и только съ наступленіемъ вечера возвращались въ родную Москву, веселые и довольные, какъ нынче, кажется, уже не веселятся молодые люди. Причиною этого можетъ быть то, что мы въ нашей молодости были удивительно какъ беззаботны.—Князь Иванъ Михайловичъ участвовалъ иногда въ нашихъ играхъ и забавахъ, и сколько могъ по своимъ лѣтамъ, не отставалъ отъ насъ!—Но случилось однажды, что мы, развеселившись и занявшись разными играми, какъ-то совсѣмъ объ немъ забыли; хватились его только къ полднику. Глядь: нѣтъ его!—Гдѣ же Князь Иванъ Михайловичъ?—Княгиня встревожилась; ищемъ, ищемъ, аукаемъ по рощѣ: нѣтъ его!—Что же? — Глядимъ въ даль, и видимъ, за полверсты отъ насъ, онъ одинъ одинехонекъ идетъ по дорогѣ въ Москву! Всѣ бросились догонять его, и никакъ не могли понять причины этого побѣга! Наконецъ она открылась. Князь, угрюмый и недовольный, какъ бы нехотя, объяснилъ намъ, что «онъ замѣтилъ, что намъ не нуженъ; такъ что же ему было тутъ одному дѣлать? Потому онъ и рѣшился уйдти тихомолкомъ въ Москву!» — Мы поняли: старику хотѣлось, чтобы мы пригласили его въ наши игры; а самому вмѣшаться въ нихъ не хотѣлось! Ему хотѣлось *вниманія сердца*!—Сердце было *для* него — *все*; онъ не старѣлся сердцемъ, и потому имѣлъ полное право на подобное требованіе!

По этой пылкости сердца легко угадать, что онъ былъ въ молодости!—Говорятъ, что онъ былъ влюбчивъ и счастливъ въ любви, не смотря на свою некрасивую наружность. Говорятъ даже, что эта слабость вводила его иногда въ затруднительныя положенія. Но первая супруга его, о которой всѣ, знавшіе ее, утверждаютъ, что она была ангельскаго нрава, которая любила его пламенно и умѣла отличить минутное отклоненіе поэта отъ невѣрности мужа, спасала живое и пылкое его сердце отъ многихъ сѣтей и затрудненій, и одною своею нѣжностію выводила его опять на прямой путь любви и долга.

Digitized by Google

Вотъ какъ говоритъ объ ней, о своей Евгеніи, самъ поэтъ, при посвященіи ей нѣсколькихъ стихотвореній, написанныхъ послѣ ея смерти, въ ея воспоминаніе: «Сердце мое «кружилось, не умѣло быть постояннымъ, не стоило тебя— «это правда; но когда я входилъ въ внутренность его, когда «могъ его находить свободнымъ отъ паровъ пламеннаго во- «ображенія, я всегда зрѣлъ въ немъ образъ *Евгеніи* выше «всѣхъ въ свѣтѣ, и никакой иной предметъ не силенъ былъ, «въ этомъ чистилищѣ прямой любви, выдержать сравненія «съ тобою. Послѣ бурныхъ волненій страстей, послѣ поры- «вистыхъ желаній обольщеннаго взора и ума, ты всегда на- «ходила мѣсто свое въ моемъ сердцѣ, и тебѣ курилъ я «жертву истинной любви.»

Далѣе вотъ какъ онъ говорилъ объ ней: «Она занимала «мой разумъ, украшала мое воображеніе, просвѣщала мое «понятіе, и останавливая нерѣдко на скользкомъ пути заблуж- «денія, предупреждала пагубныя его послѣдствія; раздѣляя «съ терпѣливостію стоическою иго моей бѣдности, она безъ «ропоту сносила мои недостатки, плакала со мною о тѣхъ «бѣдствіяхъ, кои навлекалъ я на себя собственною своею «неосторожностію.»

Сколько стиховъ было писано имъ для женщинъ! Но надобно и то сказать, что въ его время—воспѣвать и прославлять красоту дамы, не скрывая даже ея имени, и писать ей о любви — это была привилегія поэта, которая никому не бросалась въ глаза, не оскорбляла ни чьей строгости и не почиталась предосудительною.—Прочитайте стихи его современниковъ, Дмитріева, Карамзина и другихъ: вы найдете у всѣхъ стихи о любви, страстные стихи къ женщинамъ. — Дѣвственная наша поэзія началась съ Жуковскаго. Теперь наша лира отреклась и совсѣмъ уже отъ чувствъ сердца. Не знаю, лучше ли то время, котда поэты не отзываютси чувству любви. Не отъ того ли мало по малу охладѣла наша поэзія!—Князь Иванъ Михайловичь не могъ перенести этого измѣненія въ направленіи поэтовъ; я помню, что онъ упрекалъ бывало насъ, тогдашнихъ молодыхъ стихотворцевъ, что мы пишемъ іереміады, а не воспѣваемъ дамъ.

Digitized by Google

Онъ былъ столько же нѣженъ и пылокъ въ самой дружбѣ, нѣженъ до страсти, пылокъ до ревности! Онъ самъ выразилъ это въ стихахъ своихъ, въ этомъ вѣрномъ зеркалѣ души его:

Однако всуе мнятъ, о дружбѣ разсуждая,
Что будто другъ прямой не можетъ жаркъ быть,
Что будто долженъ онъ безъ ревности любить;
Короче: все равно, что другъ, что дикой камень.
Ахъ нѣтъ, Глафира, нѣтъ! и въ дружествѣ есть пламень!
Любовникъ—это пылъ; а другъ — есть тотъ огонь,
Который свѣтелъ, тихъ, но чуть его лишь тронь,
Усиляся, и онъ зажжетъ, что прикоснется,
И мрачнымъ клубомъ дымъ его тотчасъ завьется!
Я съ ревностью всегда друзей своихъ люблю,
И въ сердцѣ ихъ ни съ кѣмъ стать рядомъ не терплю!

Мудрено ли послѣ этаго, что онъ желалъ и почти требовалъ, чтобы его любили для него самаго, а не по отношеніямъ къ родству, или къ другимъ лицамъ. Если онъ замѣчалъ даже, что ему оказываютъ почетъ и уваженіе по разсчетамъ, или изъ какихъ-нибудь, хотя самыхъ безкорыстныхъ видовъ: это его выводило изъ терпѣнія!—Припомню одинъ примѣръ этому. Одинъ изъ Московскихъ жителей, В. А. В., любившій приглашать на званые обѣды, любилъ также изъ тщеславія, чтобъ за этими обѣдами были чиновныя лица и хоть кто-нибудь со звѣздою. Князь Иванъ Михайловичь, который не выѣзжалъ никуда на обѣды безъ звѣзды, какъ скоро начиналъ одѣваться, чтобы ѣхать на обѣдъ къ В., кричалъ своему камердинеру:« Левушка! пори съ фрака звѣзду!» и къ большому смущенію хозяина всегда, бывало, явится къ нему на обѣдъ безъ звѣзды. Что за любящая душа, которая, оставляя чванство, столь пріятное для многихъ, хочетъ, требуетъ, чтобы ее любили за нее самое, а не по наружнымъ знакамъ почестей!

Странности его были неизъяснимы; еще неизъяснимѣе удовольствіе, которое онъ находилъ въ своихъ шуткахъ и поговоркахъ: если можно чѣмъ объяснить ихъ, то развѣ

Digitized by Google

чуднымъ избыткомъ веселости, которая не могла удержаться въ берегахъ и лилась черезъ край! — У него были даже особыя слова и выраженія, которыя понимали только тѣ, которые привыкли къ его балагурству. На примѣръ, вмѣсто «играть на театрѣ» онъ говаривалъ какъ въ простомъ народѣ о балаганахъ: «комедь ломать!» Прыжки съ разными тѣлодвиженіями онъ называлъ: «колѣнца дѣлать.» Забавляться, шутить, веселиться—это было на его языкѣ: «дрянь дѣлать».— Стукнуть двоихъ другъ о друга лбами, на примѣръ дѣтей, онъ называлъ: «faire une cognette!» — Однажды, въ минуту отъѣзда на загородную прогулку, онъ роздалъ каждому изъ молодыхъ людей по надписи къ портрету, въ которыхъ не было никакого смысла, только затѣмъ, чтобы всѣ расхохотались этой неожиданности.

Иногда говорилъ онъ важно и плавно; иногда любилъ употреблять самыя простонародныя слова, которыя встрѣчаются и въ стихахъ его, на примѣръ: «И скука сердца *не замай*,»— вмѣсто «не трогай». — Къ его особенностямъ можно причислить и почеркъ письма его, который рѣшительно невозможно было разобрать, развѣ послѣ долгаго изученія и пріобрѣтя большой навыкъ къ чтенію его писемъ. Мнѣ случалось получать отъ него записки: я посылалъ читать ихъ къ его дочери. Будучи въ Симбирскѣ, я получилъ отъ него однажды письмо изъ Москвы, и принужденъ былъ, не прочтя его, писать въ Москву и просить истолкованія. Многіе писали о томъ, что почеркъ имѣетъ связь съ характеромъ пишущаго. Если это такъ, то почеркъ Князя Ивана Михайловича можно было объяснить необыкновенною живостію его натуры: рука его не успѣвала слѣдовать за быстротою мысли. Всѣ сочиненія Князя, даже записки о его жизни, немедленно по написаніи, переписывали на бѣло его дѣти, привыкшіе уже разбирать его руку; иначе онѣ оставались бы никому недоступными, какъ дипломатическій шифръ.—Да! онъ былъ уменъ, чувствителенъ, веселъ, цѣлокъ, нетерпѣливъ, и во всемъ оригиналенъ.

Описавши образъ жизни Князя Ивана Михайловича, его веселость, его шутки, его хандру, его странности, однимъ

Digitized by Google

словомъ, все, что бросалось въ глаза съ перваго взгляда, я опасаюсь, чтобъ читатели, не знавшіе его лично, не сдѣлали слишкомъ легкаго и превратнаго заключенія о характерѣ и свойствахъ этого замѣчательнаго человѣка и оригинальнаго поэта. И такъ, я скажу, что не смотря на всю свободу, которую позволялъ себѣ Князь въ домашнемъ короткомъ обращеніи, онъ умѣлъ однако заслужить уваженіе къ своему образу мыслей и къ своимъ нравственнымъ свойствамъ; ибо основаніемъ ихъ были: здравый умъ, ясность души, прямота, чувствительность и чистосердечіе. Онъ не былъ ни въ чемъ педантомъ и не любилъ важничать; но когда говорилъ о предметахъ важнаго содержанія, его чувство и разумъ погружались легко и свободно въ иную сферу мыслей, которыя были ему не чужды, но которыхъ онъ, такъ сказать, не любилъ сорить передъ народомъ. Онъ былъ набоженъ по своему: болѣе по чувству растроганнаго сердца, нежели по глубокому размышленію; а это едва ли не лучшее! — Я видалъ его цѣлую недѣлю, ежедневно, во время говѣнья, въ домовой его церкви: онъ не развлекался ни на одну минуту; самъ читалъ вмѣсто причетника во все продолженіе богослуженія, и не смотря на старость, не показывалъ ни малѣйшаго утомленія во все время продолжительной великопостной службы. Онъ хорошо зналъ церковный уставъ; съ малолѣтства, какъ я сказалъ выше, пріученъ былъ къ чтенію церковныхъ книгъ, и любилъ великолѣпіе нашего православнаго богослуженія.—При его веселости, при его наклонности смѣшить и смѣяться, никогда не вырывалось у него ни малѣйшей насмѣшки ни надъ кѣмъ, тѣмъ менѣе ни малѣйшей шутки, похожей на кощунство.—Замѣтимъ еще, что по своему воспитанію, по времени своей молодости, онъ принадлежалъ къ тому времени, когда вольтеріанство было въ модѣ, когда подобныя шутки были у свѣтскихъ людей ни почемъ, и когда остриться на счетъ предметовъ религіи было почти доказательствомъ остроумія.

Въ обращеніи съ нимъ всѣ оказывали ему уваженіе, всѣ цѣнили его умъ и доброту сердца. Молодые люди, съ которыми онъ шутилъ и балагурилъ, сколько душѣ угодно, и

Digitized by Google

которымъ онъ дозволялъ иногда шутить съ собою, какъ съ ровестникомъ, никогда не забыли ни лѣтъ его, ни чина, ни природныхъ его отличій ума и таланта; тѣмъ болѣе — не смѣли при немъ забыться!

За то онъ и самъ умѣлъ уважать достоинство. Онъ уважалъ заслуги, уважалъ людей высокаго званія, особенно когда они соединяли съ нимъ и высокую душу; о прочихъ молчалъ и никогда не высказывалъ своего мнѣнія. Кто ему дѣлалъ зло, о тѣхъ людяхъ онъ иногда только намекалъ мимоходомъ; но никогда не распространялся о нихъ въ разговорѣ: онъ какъ будто мстилъ имъ забвеніемъ! Изрѣдка только встрѣчаются въ его сочиненіяхъ горькіе упреки, которыхъ впрочемъ нельзя отнести ни къ кому лично. Таковы, напримѣръ, слѣдующіе стихи:

Съ людьми потерся я довольно!
Они меня кусали больно.
Пора ихъ раны залечить!
Тѣснѣй съ природою сойтиться,
У ней быть счастливымъ учиться
И мирну старость довершить!

—

Медвѣдь въ берлогѣ потаенной
И тотъ прохожимъ путь даетъ;
И только голодомъ стѣсненный
Добычу хищну увлечетъ:
Зарѣжетъ въ мигъ и черепъ вскроетъ;
Но духъ исчезъ — ужъ тварь не ноетъ!
А человѣкъ, когда напалъ,
Сперва легонько жертву ранитъ,
Растравитъ язву, тамъ тиранитъ,
Еще не сытъ—вонзитъ кинжалъ!

—

Но благодарность была въ немъ памятлива и велерѣчива. Къ Московскому университету, какъ къ мѣсту своего образованія, онъ сохранилъ постоянное уваженіе до конца дней своихъ. Ему посвятилъ онъ послѣднее полное изданіе своихъ сочиненій. Вотъ что говоритъ онъ въ своемъ предисловіи къ этому изданію:

Digitized by Google

«Назвавъ книгу мою: *Бытіе моего сердца*, я привожу «себѣ на память все бытіе мое моральное, и вездѣ нахожу «непрерывающуюся нить благодѣяній ко мнѣ университета.»

«Подъ сѣнію его я озарился первыми лучами уметвеннаго свѣта. Въ немъ провелъ юность и выпущенъ на поприще жизни гражданской. — Служба и обстоятельства, казалось, разорвали союзъ мой съ университетомъ въ продолженіе возмужалости моей; но университетъ не забылъ «своего питомца, и я напослѣдокъ призванъ былъ къ отличію «носить званіе почетнаго его члена. Дипломъ его пребудетъ «неоцѣненнымъ для меня пріобрѣтеніемъ!»

«Кто изъ смертныхъ, влаяся на житейскомъ морѣ, не «сражался съ волнами его, когда оно воздвизалось напастей «бурею? — Провидѣніе и мнѣ готовило свои злоключенія! — «И тогда, когда я могъ, подражая огорченному чувству порфироноснаго пѣснопѣвца, съ воплемъ изрещи: ближніе мои «далече мене сташа; и тогда, кто протянулъ мнѣ дружескую «руку? Кто притупилъ жало злобы? Кто смягчилъ язву «отчаянія?—Паки и паки университетъ!—Хладнокровно взирая на коловратность отношеній мірскихъ, онъ удостоилъ «меня новой чести, толико уважительнѣйшей, колико паче «униженъ я былъ въ своей собратіи—и нарекъ меня почетнымъ членомъ учрежденнаго въ немъ Общества Любителей «Россійской Словесности.»

«Такъ поступалъ со мною университетъ во всѣ эпохи «жизни моей, всегда равно, и въ счастіи и въ несчастіи, въ «ведро и въ туманъ, въ торжествѣ и въ уничиженіи. Я ли «забуду сію златую колыбель моего моральнаго младенчества!»

Такъ! не смотря на свои преклонныя лѣта и знаки почестей, пріобрѣтенные службой, не смотря на почетную извѣстность по своему поэтическому таланту, бывшему въ свое время въ славѣ, онъ принялъ званіе члена общества не такъ, какъ должную дань его литературной извѣстности, но какъ почесть, которую онъ цѣнилъ дорого. Не довольствуясь однимъ титломъ члена, какъ многіе изъ почетныхъ старыхъ литераторовъ, онъ счелъ обязанностію своею участвовать и въ

Digitized by Google

трудахъ общества. Нѣкоторыя изъ его лучшихъ стихотвореній были читаны въ публичныхъ засѣданіяхъ общества и напечатаны въ изданныхъ имъ книгахъ.

Таковъ былъ Князь Долгорукой.—Заговорите объ немъ съ кѣмъ хотите изъ его знакомыхъ: ни одинъ не вспомнитъ объ немъ безъ глубокаго вздоха! Всякой приведетъ себѣ на память его живой разговоръ, его любезность, и тысячу пріятныхъ минутъ, которыхъ онъ былъ душою!—*Никто изъ нихъ не забылъ его*!—Оставить по себѣ такую память, черезъ 25 лѣтъ послѣ своей смерти, нельзя, не имѣвши истинныхъ достоинствъ; но главное изъ нихъ то, что онъ самъ умѣлъ любить горячо, что онъ имѣлъ любящее сердце.—И этого-то человѣка люди не оставили въ покоѣ! И этотъ человѣкъ испыталъ ихъ холодность и разрывы связей, и его язвили, когда счастіе оборотилось къ нему спиною! — Не смотря на свою пылкость, онъ переносилъ черные дни благодушно; въ немъ осталось только чувство унылости и грусти, которое часто находило на него подъ конецъ его жизни! — Какъ прекрасно выражена эта грусть въ началѣ его стихотворенія: *Послѣднял пѣснь моимъ современникамъ*:

Оставимъ чашу круговую!
Вся сладость въ ней истощена!
Забудемъ юность золотую!
Какъ вихрь умчалася она!
Подъ старость станемъ къ жизни вѣчной
Готовить разумъ свой безпечной!
Кто знаетъ, сколько разъ шагнуть
Еще дозволитъ Провидѣнье,
Доколѣ въ горнее селенье
Оно душѣ укажетъ путь!

—

Померкло яркое свѣтило,
Которымъ нѣкогда любовь
Красу подсолнечной двоила
И поминутно грѣла кровь!
Исчезли тѣ очарованья,
Въ которыхъ всякаго желанья

Digitized by Google

Успѣхъ казался раемъ намъ!
И сердце—сладкой соблазнитель,
Столь многихъ идоловъ обитель,
Въ пустынный превратилось храмъ!

Вотъ чѣмъ оканчиваетъ поэтъ эту послѣднюю пѣснь своимъ современникамъ:

О міръ! каралъ меня ты строго,
Любя сѣдинѣ моихъ позоръ!
Душѣ, изъязвленной столь много,
Лишь неба нуженъ тихой взоръ!
Когда жъ глаголъ его священный,
Столь страшный, вмѣстѣ столь блаженный,
Во мнѣ раздастся: умирай!
Тогда, исполнивъ злобы мѣру,
Забудь вражду, и вспомня вѣру,
Хоть гробу правый судъ воздай!

Здѣсь, черезъ двадцать пять лѣтъ послѣ его кончины, въ первый разъ воздается правый судъ его гробу!

Замѣчательно, что и Капнистъ и Князь Долгорукой, оба въ послѣдніе годы своей жизни, написали стихи, исполненные грустнаго предчувствія. Капнистъ написалъ: *Въ память Береста*; а Князь Долгорукой: *Взглядъ старца на заходящее солнце.* Вотъ нѣкоторые куплеты:

Красно солнышко садится,
Слышу колоколъ Донской;
Изъ очей слеза струится,
Духъ объемлется тоской.
Скоро, скоро, солнце красно,
Я послѣдую тебѣ;
Окончавши вѣкъ ненастной,
Заплачу свой долгъ судьбѣ!

—

Скоро духъ угомонится!
Злые вѣстники пришли;
Подзываютъ спать ложиться
На сыру постель земли!

Digitized by Google

Жизнь, какъ молнія, сверкнула!
Гдѣ ты, призракъ дорогой?
Буря смертная подула;
Громъ гремитъ: онъ роковой!

—

. . . . . .

—

Не минетъ меня лихая!
Гнется выя, серпъ готовъ;
Лютымъ недугомъ страдая,
Вижу гроба близкой кровъ.
Какъ щепа въ рѣкѣ — съ волною
Притекаетъ къ берегамъ,
Такъ и я, влекомъ судьбою,
Проплылъ жизнь — и скоро тамъ!

—

Тамъ, гдѣ всѣ сливаясь вѣки,
Временамъ кладутъ предѣлъ;
Гдѣ пріемлютъ человѣки
Казнь, иль славу здѣшнихъ дѣлъ!
Все по мнѣ пребудетъ тоже:
Паки солнышко взойдетъ;
Другъ придетъ — заглянетъ въ ложе,
Но души ужъ не найдетъ!

—

Передъ кончиной Князя Долгорукаго, года за полтора, я уѣзжалъ изъ Москвы и во все это время не видалъ его. Возвратясь, я нашелъ его такимъ же, какимъ оставилъ; но уже чаще прежняго замѣчалъ въ немъ унылость. Его лечилъ молодой докторъ, искусный и привязанный къ семейству Долгорукихъ; но не постигъ его болѣзни. Призвали Мудрова; но поздно: и тотъ не могъ уже оказать никакой помощи. Больной былъ однако почти все на ногахъ. Въ день кончины, утромъ, онъ всталъ, умылся, одѣлся, сѣлъ въ кресла и сказалъ: «Я готовъ!» — Пріѣхала навѣстить его К. Г—ва. Онъ спросилъ ее по французски: «чѣмъ будете меня

Digitized by Google

вспоминать?» — Она отвѣчала очень некстати: «любезностью, которой нѣтъ подобной!» — Онъ огорчился этимъ и сказалъ со вздохомъ: C'est donc là le souvenir que je laisse après moi?.... Helas! ce n' est que du cinquant!» Такъ вотъ какую я память послѣ себя оставлю?.... Это одна шумиха!» — Часа за два до кончины, онъ все говорилъ: «что же вы не позовете ко мнѣ Рафаила?» (младшаго его сына, Князя Михайлу, который былъ въ отсутствіи.) «Онъ пріѣхалъ изъ Петербурга, и стоитъ тамъ у дверей!» — Замѣчательно, что этотъ сынъ умеръ вскорѣ послѣ него и первый изъ всего семейства. — Между тѣмъ, часа за полтора до смерти, онъ написалъ записку къ А. Ѳ. В. З. и обошелъ всѣ комнаты: что доказываетъ, что онъ былъ въ полной памяти. Въ продолженіе своей болѣзни онъ исповѣдывался и пріобщился Св. Таинъ; во всю болѣзнь читалъ псалтирь, который любилъ преимущественно. Скончался вдругъ, безъ страданій, 4 Декабря 1823 года. Я пріѣзжалъ къ нему въ это утро, по случаю именинъ его дочери. Едва я отъѣхалъ отъ крыльца, его уже не стало! Послѣ его кончины продолжали идти столовые часы, которые онъ заводилъ въ то утро.

Всѣ знакомые, и званые и незваные, собрались отдать послѣдній долгъ доброму человѣку; не дали поставить его гробъ на обыкновенную погребальную колесницу и несли на своихъ рукахъ до самой могилы. — Онъ погребенъ въ Донскомъ монастырѣ, гдѣ общее мѣсто погребенія этого семейства Князей Долгорукихъ. Погребеніе его было не пышное, какъ онъ самъ завѣщалъ въ извѣстныхъ стихахъ своихъ; только не исполнилось его желаніе быть погребеннымъ на Филяхъ. Вотъ его *Завѣщаніе*, изъ котораго я выписываю нѣкоторыя строфы. Другаго онъ не оставилъ.

Вотъ здѣсь, когда меня не будетъ,
Вотъ здѣсь уляжется мой прахъ!
На мѣстѣ семъ меня разбудитъ
Одинъ гласъ трубный въ небесахъ!
Тогда со всѣхъ концовъ вселенной
На страшный судъ неизмѣримый

Digitized by Google

Свекутся люди всякихъ вѣръ;
Цари смѣшаются съ рабами,
Безумцы станутъ съ мудрецами,
Съ хамжой столкнется изувѣръ!

—

. . . . . .

Не спросятъ тамъ, въ какомъ кто гробѣ
Лежалъ дотолѣ въ земной утробѣ
И былъ ли онъ парчей одѣтъ;
Съ пальбой ли въ землю опустили,
Иль просто въ саванѣ свалили;
Вопросъ: какъ жилъ? — давай отвѣтъ!

—

И я, проснувшись на кладбищѣ,
Что подъ Филями за Москвой,
Предстану также на судище,
Гдѣ станетъ земнородныхъ строй!

. . . . . .

—

О вы, друзья мои любезны!
Не ставьте камня надо мной!
Всѣ ваши бронзы безполезны;
Онѣ души не скрасятъ злой!
Среди могилъ, на взглядъ негодныхъ,
И въ кучѣ тѣлъ простонародныхъ
Пускай истлѣетъ мой составъ!
Повѣрьте, съ кѣмъ ни схорониться,
Земля все въ землю обратится:
Се равенство природныхъ правъ!

—

. . . . . .

Печальныхъ картъ не посылайте
И черныхъ платьевъ не вздѣвайте;
Пустой убытокъ, пышный вздоръ!
Ни въ дождь, ниже во время ясно,
Не мучьте вкругъ меня напрасно
Богатыхъ пастырей соборъ!

—

Digitized by Google

Молитесь Богу лучше вѣчну,
Созвавъ убогихъ и спроть,
Чтобъ онъ пучину безконечну
Явилъ и мнѣ своихъ щедротъ;
Чтобъ Онъ врагамъ моимъ прощая
И клятвы ихъ съ меня слагая,
Въ Эдемской рай мой духъ вселилъ!
Предъ Богомъ словъ не надо много;
Душевный вздохъ къ нему дорога;
Онъ самъ ее намъ проложилъ!

—

Не славьте вы меня стихами;
Они ненужны мертвецамъ!
Пожертвуйте вы мнѣ сердцами,
Какъ онымъ жертвовать я вамъ.
Стихи отъ ада не избавятъ,
Въ раю блаженства не прибавятъ;
Въ нихъ только гордость и тщета!
Протокъ воды, двѣ три березы,
Да ближнихъ искреннія слезы —
Вотъ монументовъ красота!

—

Это желаніе, быть погребеннымъ на Филяхъ, было въ немъ кажется, не одною стихотворческою мыслію. — Какъ часто заставалъ я его въ лѣтній вечеръ, сидящаго уныло на своей террасѣ (обращенной къ саду, изъ за котораго видны были окрестности Москвы) и смотрящаго на Фили, на кладбище. — Это такъ осталось у меня въ памяти, что я выразилъ эту картину въ одной изъ моихъ *Московскихъ Элегій*, которую да позволено мнѣ будетъ здѣсь помѣстить въ память незабвеннаго старца:

Здѣсь онъ бывало сидѣлъ передъ домомъ на ветхой терасѣ,
Глядя съ унынiемъ вдаль, на кладбище Фили за Москвою.
Мы, молодежь, вкругъ него хохотали, шумѣли, играли;
Онъ не мѣшалъ, но съ улыбкой и шуткой вступалъ въ разговоры:
Думалъ о смерти; а жизни былъ радъ, какъ осеннему солнцу!

—

Digitized by Google

Жизни былъ радъ; а о смерти мечталъ! — Такъ радъ гость угощенью;
А задумавшись, вспомнитъ подъ часъ, что пора восвояси!
Но для насъ мысль о смерти была — далека въ безпредѣльномъ
Новомъ пространствѣ пути, озаряемомъ юности утромъ,
Солнцемъ весеннимъ любви!—И дивились мы чудному старцу!

—

Такъ! Мы дивились ему, что онъ юношамъ духомъ ровестникъ,
Что шутливую лиру спускалъ онъ на грустные тоны,
Что гонимый людьми, онъ, какъ братьевъ, любилъ человѣковъ,
Что измѣнчивость міра познавъ, онъ привязанъ былъ къ міру,
Что онъ къ жизни любовь сочеталъ съ равнодушіемъ къ смерти!

—

Гдѣ же вся эта семья, столь радушная къ юности нашей?
Холодомъ смерти и вѣтромъ судьбы разбросало ихъ розно!
Домъ ихъ валится давно, дворъ заглохъ подъ густою крапивой,
И дорога къ крыльцу поросла непривѣтной травою,
И давно мы, давно въ сѣдинахъ, молодые ихъ гости!

—

Замѣчательно, что молодой докторъ Гольдбахъ, который лечилъ Князя Долгорукаго, пережилъ его не долго. Мудровъ, изъ любви къ истинѣ и къ наукѣ, открылъ ему, со всею откровенностію честнаго человѣка и со всею очевидностію ученаго врача, его ошибочный взглядъ на болѣзнь: это такъ поразило честнаго молодаго медика, что онъ отказался отъ практики, впалъ въ меланхолію, и черезъ короткое время послѣдовалъ во гробъ за своимъ паціентомъ.

Да! Домъ Князя Ивана Михайловича опустѣлъ, иные умерли, иные разъѣхались въ разныя стороны!—Проѣзжая мимо его, я всегда съ грустію вижу, что дворъ заглохъ травою, и нѣтъ уже дороги къ крыльцу, къ которому мы нѣкогда подъѣзжали съ такимъ ожиданіемъ веселья!

Мих. Дмитріевъ.

26 Авг. 1849. С. Б,
24 Янв. 1851. М.

Digitized by Google

ОБЪ УСПѢХАХЪ МЕТЕОРОЛОГІИ.

«Часто въ свободные часы, смотря на небо, не безъ сожалѣнія привожу на память, что многія главы натуральной «науки и въ малѣйшихъ частяхъ своихъ весьма ясно истолкованы, но знаніе воздушнаго круга еще великою тьмою покрыто.»

Вотъ какими словами выражаетъ свое прискорбіе о неудовлетворительномъ состояніи Метеорологіи въ его время, отецъ Русской Словесности, посвятившій значительную часть своей ученой дѣятельности внимательному изслѣдованію внѣшней природы.

И въ наше время Метеорологія (*знаніе воздушнаго круга*) еще далека отъ того совершенства, до котораго доведены другія части Естествовѣдѣнія (*натуральной науки*), не смотря на множество блестящихъ открытій, сдѣланныхъ въ теченіи послѣднихъ 80 лѣтъ, какъ вообще въ области *Физики* и *Химіи*, такъ и въ частности, относительно метеорологическихъ вопросовъ. — По этому считаю весьма приличнымъ настоящему случаю, въ предлагаемой мною бесѣдѣ, обозрѣть общій ходъ дѣятельности ума человѣческаго въ познаніи *законовъ природы*, преимущественно со стороны приложенія ихъ къ объясненію атмосферныхъ явленій и въ мѣстѣ съ тѣмъ вникнуть въ тѣ причины и обстоятельства, которыя такъ долго останавливали и до сихъ поръ останавливаютъ еще успѣхи Метеорологіи.

Счастливымъ себя почту, если мое слово приведетъ васъ къ ясному убѣжденію, что *великая тьма*, *покрывавшая* Метеорологію, при быстрыхъ и постепенныхъ успѣхахъ другихъ частей Естествовѣдѣнія въ наше время, съ такою же быстротою и постепенностію начинаетъ разсѣяваться.

Въ существованіи постоянныхъ и непреложныхъ законовъ, которыми поддерживается и сохраняется видимый нами

Digitized by Google

міръ, никто никогда не сомнѣвался и не можетъ сомнѣваться. Въ самомъ дѣлѣ, удивляясь строгой послѣдовательности и взаимной подчиненности тѣхъ явленій внѣшней природы, которыя повторяются весьма часто и всегда, или въ одномъ и томъ же порядкѣ, или въ одинаковыхъ между себою сочетаніяхъ, человѣкъ невольно приходитъ къ убѣжденію, что въ природѣ нѣтъ ничего случайнаго. И дѣйствительно, это убѣжденіе болѣе или менѣе сознательно и ясно выраженнымъ мы находимъ, и въ дошедшихъ до насъ сочиненіяхъ древнихъ образованныхъ народовъ, и между дикими племенами находящимися на самой низшей степени умственнаго развитія. — Недоумѣвая въ тѣхъ случаяхъ, когда прежній порядокъ, или прежнее сочетаніе явленій какимъ нибудь образомъ по видимому измѣнялись, человѣкъ никогда не терялъ этого святаго убѣжденія, но созновался только въ ограниченности своего разумѣнія, — въ своемъ невѣдѣніи всѣхъ законовъ. И если онъ не останавливался на одномъ только этомъ сознаніи, если онъ съ большимъ вниманіемъ замѣчалъ всѣ обстоятельства, при которыхъ происходили подобнаго рода нарушенія прежняго порядка, если наконецъ онъ соображалъ ихъ какъ между собою, такъ и съ тѣми обстоятельствами, при которыхъ обыкновенный порядокъ строго соблюдался; то кругъ его познаній разширялся болѣе и болѣе: въ систему извѣстныхъ ему *законовъ природы* онъ постепенно вносилъ новое, — а чрезъ то прежнее убѣжденіе его становилось тверже и сознательнѣе; отдѣльныя, независимыя между собою до того времени истины, получая для него явную связь, приводились къ единству. Изъ множества примѣровъ, доказывающихъ справедливость сказаннаго мною, и сохранившихся въ исторіи человѣческаго образованія, я приведу только слѣдующіе: со временъ Аристотеля многія явленія выводимы были изъ одного общаго положенія, принимаемаго за *аксіому: природа не терпитъ пустаго пространства* (natura horret vacuum); но въ половинѣ XVII-го столѣтія одно явленіе, явно противорѣчащее этому общему положенію, обратило на себя вниманіе. Вода въ насосѣ, поставленномъ во Флоренціи, не поднималась выше 32 футовъ и оставляла между своею

Digitized by Google

поверхностію и поршнемъ пустое пространство. Это явленіе привело Торичелли къ открытію тяжести воздуха, и къ болѣе разумному объясненію тѣхъ явленій, которыя прежде объясняемы были отвращеніемъ природы отъ пустоты (horror vacui); — испареніе жидкостей въ свободномъ воздухѣ, также со временъ Аристотеля, сравнивали съ раствореніемъ солей въ водѣ и объясняли оное растворяющею способностію воздуха; но съ открытіемъ барометра и воздушнаго насоса, также въ половинѣ XVII-го столѣтія, мало по малу убѣдились, что въ безвоздушномъ пространствѣ испареніе происходитъ еще быстрѣе. Это обстоятельство повело впослѣдствіи къ изученію свойствъ паровъ, которые совершенно отличны отъ постоянныхъ газовъ и играютъ весьма важную роль въ атмосферныхъ явленіяхъ. Поднятіе дыма и нагрѣтаго воздуха вверхъ и другія подобныя явленія объясняли особеннымъ свойствомъ (qualitas occulta) огня стремиться къ верху, принимая огонь за особенный элементъ. Послѣ открытія водорода (1766 г.) изслѣдованія законовъ разширѣнія тѣлъ отъ нагрѣванія, стали объяснять всѣ эти явленія, уже не прибѣгая ни къ какимъ таинственнымъ свойствамъ (qualitates occultae), но, въ связи съ другими явленіями, по законамъ всеобщаго тяготѣнія.

Идя такимъ путемъ въ изученіи внѣшней природы, человѣкъ подвигался впередъ, болѣе или менѣе быстро, въ различныхъ отрасляхъ этого изученія, смотря по тому, на какой рядъ явленій преимущественно обращаемо было его вниманіе и какіе предметы, по своей сущности, или по отношенію къ его познавательнымъ способностямъ, были для него доступнѣе. По мѣрѣ накопленія пріобрѣтаемыхъ такимъ образомъ свѣдѣній, передаваемыхъ изъ рода въ родъ, не въ видѣ мертваго капитала, но всегда съ возрастающими процентами, необходимо стало раздѣлить науку о внѣшней природѣ (Naturlehre) на отдѣльныя части, которыя мало по малу пріобрѣтали самостоятельность.

Сравнивая теперь между собой успѣхи ума человѣческаго въ познаніи истинъ, относящихся къ этимъ отдѣльнымъ частямъ Естествовѣдѣнія, надобно бы, кажется, ожи-

Digitized by Google

дать, что Метеорологія, какъ *Наука*, имѣющая предметомъ своимъ явленія, происходящія въ атмосферѣ, и притомъ на самой почти поверхности земли, — гдѣ человѣкъ живетъ и движется, — въ воздухѣ, которымъ онъ дышетъ и отъ благорастворенія котораго видимымъ образомъ зависитъ все его земное благосостояніе, далеко опередила всѣ другія, сополчиненныя съ нею, отрасли нашего вѣдѣнія. И при всемъ томъ на дѣлѣ выходитъ совершенно противное: *знаніе воздушнаго круга еще великою тьмою покрыто*, говорилъ *Ломоносовъ*, смотря на небо только за сто лѣтъ до насъ, въ то время, когда другія части Естествовѣдѣнія приведены уже были въ болѣе или менѣе стройныя системы. — Безъ всякаго сомнѣнія, при подобныхъ вопросахъ, болѣе всего поражаетъ всякаго рѣзкая противоположность между успѣхами Астрономіи и Метеорологіи. Въ самомъ дѣлѣ, между тѣмъ какъ Астрономія, имѣющая предметомъ своимъ самыя отдаленныя отъ насъ явленія, — явленія, происходящія въ непзмѣримомъ пространствѣ небесъ, по справедливости всегда гордилась и преимущественно въ наше время гордится строгимъ построеніемъ своей системы, какъ Науки, достигшей полнаго совершенства, и изумительною точностію конечныхъ своихъ выводовъ, Метеорологія едва только заслуживаетъ названіе самостоятельной науки, — едва только выходитъ, если можно такъ выразиться, изъ колыбели. — Нельзя не остановиться на такомъ странномъ явленіи въ области нашей умственной дѣятельности; нельзя не спросить себя: отъ чего происходитъ такое логическое противорѣчіе?

Ужели небесныя явленія сильнѣе дѣйствуютъ на насъ и крѣпче приковываютъ, такъ сказать, къ себѣ наше вниманіе, чѣмъ атмосферныя или земныя? Или Метеорологи, въ изысканіяхъ своихъ блуждаютъ, слѣдуя ложному направленію, и не могутъ открыть прямаго пути, ведущаго прямо къ цѣли?

Но на такія предположенія трудно согласиться. Измѣненія во взаимномъ положеніи нѣкоторыхъ свѣтилъ небесныхъ, замѣтны только для внимательнаго и зоркаго наблюдателя, тогда какъ почти непрерывныя перемѣны въ состояніи нашей атмосферы ощутительны для каждаго; одно уже это обстоя-

Digitized by Google

тельство достаточно принять въ расчетъ, чтобы отвергнуть первое предположеніе.— Путь къ изученію тѣхъ и другихъ явленій одинъ и тотъ же: наблюденіе, въ обширномъ смыслѣ этого слова, и правильные выводы изъ него, по законамъ Логики; другаго пути къ изученію внѣшней природы мы не знаемъ; — слѣд. и второе предположеніе не разрѣшаетъ нашего вопроса.

И такъ, нѣтъ сомнѣнія, что причина различныхъ успѣховъ въ столь близкихъ между собою наукахъ, каковы Астрономія и Метеорологія, заключается въ самой сущности вопросовъ, въ нихъ разсматриваемыхъ. И дѣйствительно, обращаясь къ этимъ вопросамъ, мы скоро дойдемъ до убѣжденія, что замѣдленіе успѣховъ Метеорологіи происходитъ, между прочимъ, отъ слишкомъ большой близости къ намъ атмосферныхъ явленій, при которой мы невольно обращаемъ одинаковое вниманіе на всѣ ихъ подробности, и предлагаемъ себѣ относительно ихъ столько вопросовъ, что долго остаемся въ нерѣшимости, на какой изъ нихъ прежде всего отвѣчать слѣдуетъ.

Для объясненія свой мысли, я воспользуюсь слѣдующимъ сравненіемъ: при разсматриваніи далекихъ предметовъ простымъ глазомъ, мы не можемъ замѣтить всѣхъ подробностей, имъ свойственныхъ, ни относительно ихъ формы, ни относительно ихъ перемѣщенія, если они находятся въ движеніи: — не говорю уже о другихъ наружныхъ или внутреннихъ ихъ свойствахъ. — Поверхности, въ различной степени шероховатыя, кажутся намъ въ одинаковой степени ровными и гладкими; формы болѣе или менѣе овальныя представляются совершенно почти круглыми или шаровидными; движеніе по направленіямъ непрестанно измѣняющимся то въ ту, то въ другую сторону, мы принимаемъ или прямолинейнымъ (между извѣстными предѣлами), или правильно криволинейнымъ. Подходя ближе, мы постепенно замѣчаемъ отступленія отъ казавшейся намъ прежде правильности; — мало по малу открываемъ другія подробности, болѣе или менѣе подстрекающія нашу любознательность. При разсматриваніи же близкихъ предметовъ, мы невольно обращаемъ наше вниманіе вдругъ, на всѣ такія подробности, потому, что

Digitized by Google

всѣ онѣ болѣе или мѣнѣе сильно дѣствуютъ на наши чувства. Точно также и въ явленіяхъ, наблюдаемыхъ нами вдругъ, со всѣми ихъ подробностями, мы не такъ легко можемъ замѣтить какое либо сходство въ общемъ ихъ ходѣ, какую либо правильность или общій законъ, какъ замѣчаемъ его въ тѣхъ явленіяхъ, подробности которыхъ мы открываемъ и изучаемъ постепенно. Такимъ образомъ, весьма неточныя наблюденія древнихъ надъ движеніемъ свѣтилъ небесныхъ, привели ихъ прежде всего къ заключенію, что планеты движутся по круговымъ линіямъ; болѣе точныя наблюденія послѣдующихъ Астрономовъ не согласовались съ этимъ заключеніемъ и привели къ открытію эллиптическаго движенія планетъ около солнца, а наконецъ еще точнѣйшее наблюденіе открыли отступленія и отъ эллиптическаго движенія такъ называемыя *возмущенія*, — объясняемыя въ настоящее время до малѣйшей подробности теоріею всеобщаго тяготѣнія. Такъ, при постепенномъ изученіи этого предмета, по самому свойству его, переходъ былъ отъ простѣйшаго къ болѣе и болѣе сложному, — отъ общаго къ частному или къ подробностямъ. При изслѣдованіи же атмосферныхъ явленій намъ возможенъ только обратный путь: тутъ мы должны отъ частностей переходить къ общему, отъ сложнаго къ простому. Нельзя не согласиться, что этотъ путь гораздо труднѣе, въ особенности потому, что при множествѣ различныхъ подробностей, мы прежде всего должны раздѣлять ихъ на отдѣльныя, болѣе или менѣе однородныя, группы, т. е. разбирать ихъ по частямъ; переходя постепенно отъ менѣе общихъ законовъ къ болѣе общимъ.

И такъ ни сколько не уменьшая высокаго достоинства Астрономіи, какъ науки, достигшей въ наше время возможнаго совершенства, должно согласиться, что предметъ ея не такъ сложенъ, какъ предметъ другихъ частей Естествовѣдѣнія. Тамъ нашему наблюденію и изслѣдованію подлежатъ только измѣненія во взаимномъ положеніи свѣтилъ небесныхъ, форма и относительная величина ихъ; изъ физическихъ же свойствъ ихъ весьма не многія доступны для нашего разумѣнія, — и по этому весьма не многія были доселѣ предметомъ уче-

Digitized by Google

ныхъ изслѣдованій. Но въ другихъ частяхъ Естествовѣдѣнія, и особенно въ Метеорологіи, всякое явленіе представляетъ столько различныхъ сторонъ, обращающихъ на себя вниманіе наше и, по видимому, въ одинаковой степени доступныхъ нашему разумѣнію, столько различныхъ отношеній къ другимъ явленіямъ, что наблюдатель долго остается въ невѣдѣніи, съ какой именно стороны успѣшнѣе будетъ его изслѣдованіе, — онъ долго недоумѣваетъ, въ чемъ именно заключается существенная связь даннаго явленія съ другими, какъ одновременными съ нимъ, такъ съ предшествующими или послѣдующими ему. Отъ этого очень часто случалось, да и теперь нерѣдко повторяется, что явленія, въ сущности своей однородныя, распредѣляемы бываютъ по различнымъ группамъ, и слѣд. объясняются различными причинами; напротивъ того, явленія разнородныя соединяются въ одну группу и приписываемы бываютъ одной и той же причинѣ. Такъ напр. вечерней и утренней росѣ приписывали различное происхожденіе, объясняя первую испареніями, выходящими изъ земли, преимущественно посредствомъ растеній, а вторую невидимымъ паденіемъ воды съ неба чрезъ атмосферу; *холодъ* во время звѣздныхъ и росныхъ почей объясняли дѣйствіемъ самой росы, принимая послѣднюю за особенное изліяніе звѣздъ, — въ слѣдствіе чего въ росной и дождевой водѣ, по мнимому различію происхожденія ихъ, искали и различныхъ свойствъ, — тогда какъ въ настоящее время этотъ холодъ принимается за причину росы, а не за послѣдствіе оной, — и между образованіемъ утренней и вечерней росы, равно какъ между росною и дождевою водою, не открывается никакого различія. Въ образованіи града думали, и даже до сихъ поръ многіе думаютъ, видѣть главнымъ дѣятелемъ электричество, единственно потому, что паденіе града всегда почти сопровождается грозою; — такимъ образомъ опять однородныя явленія, каковы градъ, падающій лѣтомъ, снѣгъ, свойственный зимѣ, и крупу, падающую преимущественно весною, относили и относятъ къ различнымъ группамъ, приписывая ихъ дѣйствію различныхъ причинъ. Вечернюю зарницу и молнію многіе и доселѣ приписываютъ

Digitized by Google

различнымъ причинамъ единственно потому, что молнія всегда сопровождается громомъ, при зарницѣ же громъ никогда не слышенъ. Частыя и неправильныя измѣненія въ общемъ состояніи погоды думали и думаютъ подчинить правильнымъ— періодическимъ перемѣнамъ вида луны, большею частію единственно потому, что тѣ и другія перемѣны повторяются *очень часто*, хотя и не съ одинаковою правильностію. Одной и той же силѣ вѣтра въ одно время приписывается образованіе или скопленіе тучъ (вѣтеръ нагоняетъ тучи), а въ другое разсѣяніе ихъ (вѣтеръ разгоняетъ тучи). Но я боюсь утомить вниманіе Ваше ПП. ПП. дальнѣйшимъ вычисленіемъ подобныхъ примѣровъ; всѣ они одинаковымъ образомъ доказываютъ, какъ трудно, въ ряду непрерывныхъ явленій, принимающихъ разнообразныя формы и входящихъ между собою въ различныя сочетанія, постигнуть существенную связь между ними и открыть взаимную ихъ зависимость, къ открытію которой умъ человѣческій побуждается какой-то *внутреннею необходимостію*, или потребностію существа своего,—*убѣжденіемъ* въ существованіи постоянныхъ законовъ природы, превышею мудростію, сотворившею все изъ ничего, установленныхъ.

Такая трудность производить правильные логическіе выводы изъ наблюденій, замедлявшая и замедляющая успѣхи Метеорологіи, въ большей или меньшей степени, свойственна и другимъ частямъ Естествовѣдѣнія; но въ Метеорологіи мы нерѣдко останавливаемся на половинѣ пути къ достиженію вѣрнаго заключенія, по причинѣ невозможности производить такъ называемые *опыты*; въ ней мы должны довольствоваться однимъ *наблюденіями* явленій, въ томъ видѣ и при такихъ обстоятельствахъ, при которыхъ они происходятъ сами собою;— но воспроизвести или повторить въ томъ же видѣ какое нибудь явленіе, чтобы точнѣе замѣтить и ходъ и связь съ другими, измѣнить по произволу сопровождающія его обстоятельства, какъ напр. въ химическихъ, чисто-физическихъ и даже въ физіологическихъ изслѣдованіяхъ,—для этого мы не имѣемъ никакого способа. Наши силы и наши средства слишкомъ незначительны для того, чтобы, хотя на маломъ про-

Digitized by Google

странствѣ, измѣнить состояніе погоды и наблюдать оное съ бо́льшимъ вниманіемъ при тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ. Какъ много зависитъ успѣхъ нашего изученія внѣшней природы отъ возможности производить такого рода опыты, и какъ много терпитъ наука о природѣ (Naturlehre) въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ *опыты* оказываются невозможными, всего яснѣе открывается изъ слѣдующаго весьма остроумнаго сравненія, сдѣланнаго знаменитымъ *Гершелемъ*: «Предоставленные «однимъ только *наблюденіямъ*, мы уподобляемся такому чело«вѣку, который невнимательно прислушивается къ повѣсти, «разсказываемой кѣмъ нибудь или неясно, или съ опущеніемъ «многихъ обстоятельствъ, или наконецъ съ продолжитель«нымъ перерывами. Слушающій только тогда можетъ обнять «все въ цѣлости, когда въ состояніи будетъ повторить все «сказанное повѣствователемъ; но если онъ не дослышалъ нѣ«которыхъ подробностей, или не обратилъ вниманія на ихъ «важность, въ такомъ случаѣ въ его взглядѣ на цѣлое оста«нется много неяснаго, не имѣющаго внутренней связи. И «такъ, если послѣ того онъ находится въ состояніи распро«сить подробнѣе повѣствователя, потребовать отъ него объ«ясненій относительно нѣкоторыхъ, по видимому, одно дру«гому противорѣчащихъ обстоятельствъ, въ такомъ случаѣ «онъ получитъ весьма ясное понятіе о слышанномъ имъ про«исшествіи.» Производя какого бы то ни было рода *опыты*, мы тѣмъ самымъ предлагаемъ свои вопросы и недоумѣнія природѣ, и ожидаемъ отъ нея нужныхъ объясненій.

Конечно, недостатокъ *опытовъ* въ метеорологическихъ изслѣдованіяхъ мы можемъ болѣе или менѣе вознаградить сравненіемъ между собою различныхъ *наблюденій*, если не надъ тѣми же самыми, по крайней мѣрѣ надъ однородными явленіями, воспроизводимыми самою, всегда живою и всегда дѣятельною, природою, или въ различное время, или въ различныхъ обстоятельствахъ. Но такое сравненіе не всегда приводитъ насъ къ искомой истинѣ. При такомъ сравненіи наблюденій, мы часто находимся въ такомъ же положеніи, въ какомъ бываетъ историкъ, обсуживающій событіе давно минувшихъ лѣтъ посредствомъ свода неполныхъ, одну другому

Digitized by Google

противорѣчащихъ извѣстій объ немъ, содержащихся въ различныхъ хроникахъ, которыхъ бо́льшая или меньшая достовѣрность ему неизвѣстна.*

Я распространился объ этихъ обстоятельствахъ, видимымъ образомъ останавливающихъ успѣхи наши въ изученіи атмосферныхъ явленій, не съ тою цѣлію, чтобы поселить въ Васъ недовѣріе къ ученымъ метеорологическимъ выводамъ, или даже убѣжденіе въ невозможности такой науки, какова Метеорологія, по причинѣ недоступности, для ограниченныхъ силъ человѣка, ея предмета, но единственно для того, чтобы объяснить, почему такая наука, которой предметъ столь близокъ къ намъ и столь тѣсно связанъ со всѣми вопросами, искони возбуждавшими любознательность мыслящаго существа, такъ медленно въ началѣ своемъ подвигалась впередъ и такъ поздно стала пріобрѣтать свою самостоятельность.

До тѣхъ поръ, пока безусловно вѣрили въ существованіе только четырехъ элементовъ: земли, воды, воздуха и огня, и всѣ измѣненія и взаимныя дѣйствія ихъ объясняли посредствомъ какихъ-то *скрытыхъ* (или таинственныхъ *качествъ* (qualitates occultae), — до тѣхъ поръ нельзя было и ожидать никакого разумнаго рѣшенія вопросовъ метеорологическихъ. До изобрѣтенія точныхъ метеорологическихъ инструментовъ нельзя было и приступать къ изслѣ-

---

* «Подлинно многія и почти безчисленныя наблюденія перемѣнъ явленій, на воздухѣ бывающихъ, не токмо во всей Европѣ, но и въ другихъ частяхъ свѣта, учинены отъ испытателей натуры, и тисненіемъ сообщены ученому свѣту, такъ чтобы нарочитой подлинности въ предсказаніи погодъ уповать можно было; естьли бы инструментовъ къ сему дѣлу изобрѣтенныхъ, несовершенство, обстоятельствъ разность, наблюдателей неравныя раченія, наблюденій превеликое и безпорядочное множество всего размышленія, всего раченія всей остроумія и разсужденія силы не приводило въ безпорядокъ, не отягощало и не угнѣтало. И такъ когда инструментовъ полное совершенство, обстоятельствъ точное знаніе, наблюдателей должная осторожность, наблюденій подробное разположеніе не токмо всѣмъ недоставали, но и отъ многихъ почти отчаяны были, — того ради воздушныя перемѣны не столько для истолкованія оныхъ, сколько для исполненія должности Физикамъ наблюдаемы быть казались. Въ такомъ состояніи утомлена и почти умерщвлена была сія лучшая часть натуральной науки.» Такъ разсуждалъ *Ломоносовъ*, объясняя медленные успѣхи Метеорологіи, сравнительно съ другими частями Естествовѣдѣнія.

Digitized by Google

дованію атмосферныхъ явленій, подобно тому, какъ вообще нельзя было приступать къ распространенію всеобщаго образованія и просвѣщенія до изобрѣтенія письменъ; потому что только посредствомъ измѣреній, производимыхъ метеорологическими инструментами, можно сохранять и передавать съ достаточною точностію состояніе атмосферы въ данномъ мѣстѣ и въ данное время, какъ посредствомъ письма совершенно вѣрно сохраняется и передается современникамъ и потомству мысль, одушевлявшая когда бы то ни было разумную голову. — Не могу не привести при этомъ весьма простыхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма остроумныхъ словъ, которыми нашъ безсмертный Ломоносовъ, — говоря объ изученіи природы, выразилъ туже самую мысль: «безполезны тому очи, «кто можетъ видѣть внутренность вещи, лишаясь рукъ къ «отверстію оной. Безполезны тому руки, кто къ разсмотрѣнію «открытыхъ вещей очей не имѣетъ. Химія руками, Математика очами физическими, по справедливости назваться можетъ.*

Настоящее положеніе не позволяетъ мнѣ входить здѣсь въ подробный обзоръ Исторіи Метеорологіи. Сколь ни кратковременно еще самостоятельное существованіе этой науки, но она не могла же возникнуть вдругъ,—изъ ничего; ни въ природѣ внѣшней, ни въ природѣ ума человѣческаго, ничего не происходитъ безъ постепенности, или какъ выражались наши предшественники на своемъ ученомъ языкѣ: natura non facit saltus. И потому, отдавая полную справедливость каждой разумной мысли, озарявшей въ различное время умъ человѣческій и доставшейся намъ въ наслѣдство, оцѣнивая безпристрастно всякое замѣчаніе, передаваемое изъ рода въ родъ, и дошедшее до насъ различными путями, мы съ благодарностію должны принимать всякое наслѣдіе, не обольщаясь тѣмъ, что доставшійся намъ отъ предковъ, по видимому, ничтожный капиталъ приноситъ въ нашихъ рукахъ огромные проценты. Въ слѣдствіе чего Исторію Метеорологіи, какъ и

---

* *Слово о пользѣ Химіи*, говоренное 1751 г. Сент. 6-го дня. Подъ Математикою, какъ видно по смыслу рѣчи, Ломоносовъ разумѣетъ здѣсь вообще искусство или умѣнье измѣрять и взвѣшивать, или опредѣлять все числомъ и мѣрою, и дѣлать изъ этихъ количествъ правильные выводы.

Digitized by Google

всякой другой науки, мы не можемъ начинать только съ того времени, когда стали появляться объ ней отдѣльныя, болѣе или менѣе полныя, сочиненія.

Но на разсмотрѣніе этого предмета съ такой точки зрѣнія, потребны болѣе обширныя рамы, чѣмъ тѣ, которыя приличны рѣчамъ, произносимымъ съ этой каѳедры. И потому, указавъ на важнѣйшія только ученыя открытія, имѣющія связь съ успѣхами Метеорологіи, я постараюсь представить настоящее ея состояніе, т. е. указать, какіе вопросы относительно атмосферныхъ явленій и въ какой степени удовлетворительно мы можемъ считать рѣшенными.

Половина XVII столѣтія, когда изобрѣтены были термометръ, барометръ и воздушный насосъ*, должна быть принимаема за эпоху, съ которой можетъ начинать Исторію Метеорологіи, какъ отдѣльной науки, потому что только съ помощію этихъ инструментовъ Естествоиспытатели могли изучать законы дѣйствія теплоты,—одного изъ важнѣйшихъ дѣятелей при всѣхъ атмосферныхъ явленіяхъ,—и различныя свойства воздуха, — той среды, въ которой происходятъ эти явленія.

Въ продолженіи первой половины ея существованія, — теченіи цѣлаго столѣтія, — изслѣдованіе Естетвоиспытателей на этомъ поприщѣ ничего не составили систематическаго; ихъ трудами подготовленъ однакоже богатый матеріялъ для будущаго зданія. Мы не можемъ пройти здѣсь молчаніемъ ученыхъ заслугъ членовъ Флорентинской Академіи (Academia del Cimento), которые еще въ первой половинѣ XVII-го вѣка, устроивши термометръ съ произвольнымъ дѣленіемъ на градусы, приготовляли подъ непосредственнымъ своимъ

---

* Изобрѣтеніе термометра обыкновенно приписываютъ *Дреббелю* (1638 г.), хотя новѣйшія изслѣдованія въ Исторіи Физическихъ наукъ не оставляютъ почти никакого сомнѣнія, что первый термометръ изобрѣтенъ былъ *Галилеемъ* 1597 г. (см. Annales de Ch. et de Ph. XLV. Впрочемъ до *Фаренгейта* (1709 г.), давшаго этому инструменту настоящее устройство, это изобрѣтеніе оставалось почти безъ всякаго практическаго приложенія. Барометръ, какъ извѣстно изобрѣтенъ *Торичелли* — ученикомъ *Галилея* (1645 г.), а воздушный насосъ *Отто-де-Герике*, Магдебургскимъ бургомистромъ (1650 г.).

Digitized by Google

надзоромъ другіе подобные термометры и, свѣривши ихъ съ принятою ими нормою, разсылали разнымъ ученымъ тогдашняго времени для наблюденій температуры воздуха. Это обстоятельство весьма важно, потому что въ 1829 году *Либри* нашелъ во Флоренціи нѣсколько такихъ первоначальныхъ термометровъ и, посредствомъ сравненія ихъ съ теперешними термометрами, опредѣлилъ величину ихъ градусовъ, а чрезъ это самое нашелъ возможность сравнить многолѣтнія наблюденія (1655 — 1677), дѣланныя во Флоренціи патеромъ *Райнери* (Raineri) — ученикомъ Галилея, — которыя найдены случайно въ одно почти время съ термометрами. Это самыя древнія правильныя и непрерывныя термометрическія наблюденія. Изъ сравненія ихъ съ нынѣшними наблюденіями оказывается, что средняя температура Флоренціи (а слѣдов. и вообще климатъ) въ продолженіи почти 200 лѣтъ неизмѣнилась замѣтнымъ образомъ.*

Въ половинѣ XVIII столѣтія (1752 г.) открыто *Франклиномъ* атмосферное электричество и положено такимъ образомъ основаніе къ объясненію величественнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ страшнаго явленія, — грозы. Съ этимъ, знаменитымъ въ наукѣ именемъ, мы — Русскіе не безъ гордости можемъ поставить на ряду имя *Ломоносова*, который въ слѣдующемъ же году (1753 г.) въ *Словѣ своемъ о явленіяхъ воздушныхъ*, кромѣ полной теоріи образованія грозовыхъ тучъ, весьма замѣчательной, — особенно для тогдашняго времени, — высказалъ весьма много глубокихъ мыслей, относительно всей Метеорологіи.**

---

* Annales de Ch. et de Ph. XLV.

** Изложенная имъ, во всей подробности, въ этомъ Словѣ смѣлая теорія погруженія верхняго холоднаго воздуха въ нижній, осталась неизвѣстною Западнымъ ученымъ. При объясненіи важности въ метеорологическихъ явленіяхъ, такъ называемыхъ восходящихъ потоковъ воздуха (courants ascendants) вся честь приписывается *Соссюру* (см. Dove — meteorologische Untersuchungen 1837 г.) по той причинѣ, что Соссюръ изложилъ ее на основаніи непосредственныхъ своихъ наблюденій. Ломоносовъ въ основаніи своей теоріи совершенно вѣренъ природѣ и, еще прежде Соссюра, указалъ на значеніе этихъ потоковъ; но въ подробностяхъ изложенія, основываясь на весьма неточныхъ данныхъ и руководясь однимъ глазомѣромъ, который

Digitized by Google

Открытіе воздушнаго электричества, сдѣланное Франклиномъ, составляетъ такимъ образомъ весьма замѣчательную эпоху въ Исторіи Метеорологіи, но на общіе успѣхи ея, какъ самостоятельной науки, не имѣло такого сильнаго вліянія, какъ большею частію думаютъ. Напротивъ того, оно произвело даже временный застой въ Метеорологіи, съ одной стороны тѣмъ, что Естествоиспытатели обратили въ то время всѣ свои силы преимущественно на это новое поле, и потому всѣ изслѣдованія ихъ сдѣлались болѣе или мѣнѣе односторонними, а съ другой стороны тѣмъ, что, не будучи еще вполнѣ знакомы съ законами дѣйствія электричества вообще, они объясняли коротко и ясно электричествомъ всѣ тѣ явленія, для которыхъ другаго болѣе разумнаго объясненія не находили.

Впрочемъ такая односторонность въ наукѣ не могла сдѣлаться общимъ удѣломъ, и въ объясненіяхъ всѣхъ явленій посредствомъ электричества скоро замѣтили еще большую неудовлетворительность, чѣмъ въ положительномъ сознаніи своего невѣдѣнія. Послѣдняя половина XVIII-го столѣтія ознаменована въ области Метеорологіи практическими изслѣдованіями *Соссюра* и *Делюка* въ Швейцарскихъ Альпахъ. Первый оставилъ намъ по себѣ столько точныхъ и разнообразныхъ наблюденій, столько вѣрныхъ и глубокихъ взглядовъ на явленія природы, что, по всей справедливости, называется отцёмъ Метеорологіи, какъ самостоятельной науки. Второй оказалъ наукѣ весьма великую услугу подробнымъ изслѣдова-

---

такъ много помогаетъ Русскому уму въ нѣкоторыхъ случаяхъ, зашелъ слишкомъ далеко. Такимъ образомъ онъ предполагаетъ, что температура воздуха на высотѣ 300 саженъ можетъ быть и дѣйствительно бываетъ 53 градусами по Реомюру (100 град. по дѣленію Делиля и Ломоносова) ниже температуры воздуха на поверхности земли. Изъ многочисленныхъ наблюденій, сдѣланныхъ Соссюромъ и, послѣ него другими Естествоиспытателями, теперь извѣстно, что пониженіе температуры съ возвышеніемъ въ атмосферу никогда не бываетъ такъ значительно; среднимъ числомъ можно принять, что съ возвышеніемъ на 100 саженъ, температура понижается на 1° Р. Въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ пониженіе бываетъ вдвое быстрѣе, но при всемъ томъ никогда не бываетъ такъ значительно, какъ предполагаетъ Ломоносовъ. — Впрочемъ главная причина, по которой ученыя заслуги *Ломоносова* не вполнѣ оцѣнены нашими учителями, заключается въ томъ, что большая часть его изслѣдованій изложена на Русскомъ языкѣ.

Digitized by Google

ніемъ всѣхъ условій, которымъ должны удовлетворять метеорологическіе инструменты (особенно термометръ и барометръ) и критическимъ разборомъ того способа для изученія природы, который вообще указанъ былъ еще *Бакономъ*.*

Сочиненіе *Делюка* (Idées sur la Météorologie) долгое время служило почти единственымъ руководствомъ по этому предмету, не смотря на то, что, по причинѣ односторонности, въ немъ содержится множество невѣрныхъ взглядовъ. Оставивъ надежный путь, по которому въ началѣ онъ шелъ рука объ руку съ *Соссюромъ*, *Делюкъ* уклонился отъ него и, увлекаемый болѣе своими умозрѣніями, чѣмъ положительными, на непосредственномъ свидѣтельствѣ чувствъ основанными, истинами, сдѣлался противникомъ своему знаменитому современнику. Такимъ образомъ *Делюкъ* объяснялъ большую часть атмосферныхъ процессовъ преобразованіемъ воды, растворенной посредствомъ теплоты, въ воздухъ и на оборотъ, переходомъ воздуха въ воду, при постоянномъ содѣйствіи электричества.

Но и *Соссюровы* изслѣдованія, частію по причинѣ тогдашняго состоянія другихъ физическихъ наукъ, а частію по причинѣ особеннаго вліянія мѣстности (Альпійскихъ горъ), не могли доставить такихъ обширныхъ и общихъ результатовъ, къ какимъ привели наблюденія послѣдующихъ Естествоиспытателей. Въ Европѣ вообще атмосферныя явленія представляются такъ сложными, по причинѣ ея географическаго положенія и особеннаго очертанія береговъ, что между ними не скоро можно замѣтить какую либо взаимную связь и правильную послѣдовательность. Непрестанно измѣняющійся вѣтеръ приноситъ къ намъ то теплый, то холодный, то влажный, то сухой воздухъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ какъ температура, такъ и давленіе воздуха и общее состояніе погоды подвержены многоразличнымъ измѣненіямъ. Гораздо проще и правильнѣе эти явленія происходятъ тамъ, гдѣ вѣтеръ почти

---

* Verus experientiae ordo primo lumen accendit, deinde per lumen iter demonstrat.

Digitized by Google

всегда дуетъ съ одной стороны, гдѣ разность между годовыми крайностями температуры, по причинѣ незначительнаго измѣненія полуденной высоты солнца, по причинѣ малой перемѣны въ продолжительности дней и ночей, очень невелика.

Поэтому неудивительно, что *Гумбольдтъ*, избравшій для своихъ изслѣдованій, въ началѣ текущаго столѣтія, тропическія страны, слѣдуя путю, проложенному *Соссюромъ*, достигъ до болѣе общихъ результатовъ и открылъ такую правильность и такую взаимную связь между различными явленіями, которыхъ прежде и не подозрѣвали.

Кромѣ особеннаго таланта и обширныхъ знаній по всѣмъ частямъ Естествовѣдѣнія, съ помощію которыхъ *Гумбольдтъ* такъ легко и такъ вѣрно умѣетъ обобщать каждое частное наблюденіе и находить аналогіи въ явленіяхъ, по видимому, совершенно разнородныхъ, кромѣ счастливаго выбора мѣста для метеорологическихъ изслѣдованій, блистательные успѣхи, которыми Наука ему обязана, безъ всякаго сомнѣнія надобно объяснять еще и тѣми открытіями въ области Физики и Химіи, которыя сдѣланы были въ концѣ прошедшаго и началѣ текущаго столѣтія.

Въ 1774 г. *Пристлей* открылъ кислородъ и тѣмъ положилъ первый камень къ основанію *новой Химіи*, которая въ 1789 г. приведена въ стройную систему геніемъ *Лавуазье*. Это открытіе для Метеорологіи весьма важно и въ томъ отношеніи, что оно повело къ изслѣдованію состава атмосфернаго воздуха и къ изученію отличительныхъ свойствъ водяныхъ паровъ отъ такъ называемыхъ постоянныхъ газовъ. — Въ началѣ текущаго столѣтія (1804 г.), обширныя изслѣдованія *Румфорда* и *Лесли*, касательно законовъ распространенія лучистой теплоты, подтвердили открытіе *Шееле* (1772 г.), въ слѣдствіе котораго теплота, отдѣльно отъ свѣта, распространяется по тѣмъ же самымъ законамъ,—изслѣдованія, которыя нѣсколько прежде начаты были *Пиктетомъ* и въ наше время вновь повѣрены и еще болѣе распространены *Мелони*. Къ тому же времени (1805 г.) относятся не менѣе обширныя изслѣдованія *Дальтона* относительно образованія и свойствъ водяныхъ паровъ. Не упоминаю о другихъ не менѣе важныхъ

Digitized by Google

открытіяхъ, сдѣланныхъ, въ это время, въ области Физики и Химіи, которыя болѣе или менѣе содѣйствовали къ правильной классификаціи и подробному разбору атмосферныхъ явленій.

Такимъ образомъ составъ воздуха, теорія водяныхъ паровъ, которыхъ количество и состояніе въ атмосферѣ подвержены непрестаннымъ измѣненіямъ, вмѣстѣ съ измѣненіями температуры и направленіемъ вѣтра, и теорія теплоты, которая во всѣхъ метеорологическихъ явленіяхъ проявляется главнымъ дѣятелемъ, только въ это время получили твердое основаніе.

Открытія правильныхъ законовъ въ послѣдовательности нѣкоторыхъ явленій, сдѣланныя *Гумбольдтомъ* въ странахъ тропическихъ, возбудили другихъ ученыхъ искать подобныхъ же правильныхъ и простыхъ законовъ въ безпорядочномъ хаосѣ явленій Европейскаго климата, и труды *Леопольда-фонъ-Буха*, *Скива* (Schouw), *Кемтца* и *Дове* увѣнчались блестящими успѣхами.

Сличая между собою въ различныхъ отношеніяхъ наблюденія, сдѣланныя въ продолженіи многихъ лѣтъ въ разныхъ мѣстахъ Европы, названные мною Естествоиспытатели скоро удостовѣрились, что видимая неправильность и непослѣдовательность атмосферныхъ явленій, въ нашемъ климатѣ, зависитъ отъ особеннаго вліянія мѣстныхъ причинъ, коихъ дѣйствіе въ нѣкоторомъ отношеніи сходно съ *возмущеніями* (perturbations) правильнаго движенія небесныхъ тѣлъ нашей солнечной системы, производимыми взаимнымъ ихъ притяженіемъ, и что, если какимъ нибудь образомъ элиминировать (исключить) такое вліяніе мѣстности, то въ этомъ видимомъ безпорядкѣ открывается удивительная взаимная связь и строгая послѣдовательность.

Но для того, чтобы открыть эту связь и эти правильные законы, оказались необходимыми непрерывныя наблюденія съ различныхъ мѣстъ земной поверхности, потому что только посредствомъ сравненія ихъ между собою въ различныхъ отношеніяхъ можно элиминировать дѣйствіе мѣстныхъ причинъ.

Digitized by Google

Парижскія метеорологическія наблюденія, дѣланныя непрерывно почти съ начала XVIII столѣтія, постоянно въ одномъ и томъ же порядкѣ, посредствомъ однихъ и тѣхъ же инструментовъ, послужили въ этомъ отношеніи къ выводу главнѣйшихъ результатовъ. Мангеймское метеорологическое общество (societas meteorologica palatina), основанное въ 1782 году Курфирстомъ Палатиномъ Карломъ, подъ управленіемъ Аббата *Геммера*, доставило для этихъ выводовъ также весьма драгоцѣнныя сокровища. Это общество ознаменовало свое десятилѣтнее существованіе изданіемъ въ свѣтъ подробныхъ метеорогическихъ наблюденій, дѣланныхъ въ разныхъ мѣстахъ Европейскаго материка, большею частію, по одному общему плану и посредствомъ инструментовъ, весьма тщательно между собою сверенныхъ. Кромѣ изданія въ свѣтъ наблюденій, оно принимало на свой счетъ, по примѣру Флорентинскихъ академиковъ, какъ заготовленіе, такъ и разсылку по разнымъ мѣстамъ метеорологическихъ инструментовъ, съ приложеніемъ наставленія производить самыя наблюденія, составленнаго Аб. *Геммеромъ*.*

Только при такомъ богатомъ матеріалѣ возможно было въ наше время приступить къ составленію полной системы Науки. Но и при этомъ оказалось, что прежніе матеріалы достаточны только для приблизительнаго рѣшенія метеорологическихъ вопросовъ; выведенные изъ нихъ, весьма любопытные, результаты съ одной стороны потребовали болѣе точнаго и болѣе обширнаго подтвержденія, а съ другой стороны повели къ новымъ вопросамъ, которые неиначе могутъ быть рѣшены, какъ на основаніи болѣе точныхъ и болѣе обширныхъ наблюденій. Многія обстоятельства, на которыя прежде или мало, или даже вовсе не обращали вниманія, для рѣшенія этихъ вопросовъ оказываются весьма важными и потому должны быть, при новѣйшихъ наблюденіяхъ, принимаемы въ надлежащее соображеніе.

---

* Descriptio instrumentorum Soc. Meteorol. Palat. Manh. 1782. 4.
Ephemerides Soc. Meteorol. Palatin. Historia et Observationes. Manh. 1783—1792. XII. T. 4.

Digitized by Google

При всѣхъ изслѣдованіяхъ такого рода Естествоиспытатели руководились тѣмъ же правиломъ, которое привело великаго *Ньютона* къ открытію законовъ всеобщаго тяготѣнія: «Вся задача Естествовѣдѣнія, говоритъ онъ, по видимому «заключается въ томъ, чтобы изъ явленій движенія постигнуть силы природы, а потомъ этими силами объяснять «другія явленія.*)»

Не случайное паденіе яблока, какъ обыкновенно думаютъ, подало ему мысль искать одного общаго начала, управляющаго непрерывнымъ движеніемъ свѣтилъ небесныхъ по ихъ орбитамъ и кратковременнымъ паденіемъ земныхъ тѣлъ по одному и тому же направленію къ центру земли; но внимательное и глубокое изученіе всѣхъ явленій движенія, — изученіе, основанное какъ на собственныхъ своихъ наблюденіяхъ и опытахъ, такъ и на выводахъ, сдѣланныхъ его предшественниками. — Нисколько не уменьшая славы *Ньютона*, обезсмертившаго свое имя однимъ изъ величайшихъ ученыхъ открытій, мы должны быть признательными и къ его не менѣе славнымъ предшественникамъ на обширномъ поприщѣ науки. *Коперникъ*, *Тихо-де-Браге*, *Кеплеръ* и *Галилей*, безъ всякаго сомнѣнія, въ большей или меньшей степени должны раздѣлять честь и славу этого открытія. «Каждый изъ нихъ «болѣе или менѣе приготовлялъ и уравнивалъ путь, по «которому Ньютонъ,» выражаясь словами одного изъ современныхъ ученыхъ соотечественниковъ его, «одержалъ окончательную побѣду надъ неприступною крѣпостію вселенной.»**

При настоящемъ состояніи физическихъ наукъ всѣ явленія неорганической природы объясняются дѣйствіемъ нѣсколькихъ особенныхъ *дѣятелей* (началъ или силъ), обнаруживающихся въ веществѣ или раздѣльно и независимо, или въ нѣкоторой совокупности и послѣдовательности; эти дѣятели или силы суть: *взаимное притяженіе*, *химическое сродство*,

---

* Omnis enim Philosophiae difficultas in eo versari videtur, ut, a phaenomenis motuum investigemus vires naturae, deinde ab his viribus demonstremus phaenomena reliqua. Newton. Principia—praef.

** Brewster — Sir Isaak Newton. Leipzig 1833, p. 89.

Digitized by Google

теплота, *свѣтъ*, *электричество*, (*гальванизмъ*), *магнитизмъ* *. Касательно *сущности* этихъ силъ и ихъ отношенія къ веществу, равно какъ и касательно сущности самого вещества ничего нельзя сказать положительнаго. Всѣ умозрѣнія философовъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ школъ, нисколько не объяснили этого вопроса; всѣ они, выходя изъ строгихъ логическихъ опредѣленій, оканчиваются или игрою фантазіи, или безплодными метафизическими тонкостями, заключающими въ себѣ по большой части одни звучныя слова безъ всякой положительной и плодотворной мысли.

Болѣе отчетливые послѣдователи такъ называемаго *эмпиризма*, смотрятъ на внѣшній міръ, со всѣми его явленіями, какъ на *данное цѣлое*, и, отличая вещество, непосредственно дѣйствующее на наши чувства и подверженное *непрерывнымъ измѣненіямъ*, отъ силъ, производящихъ въ веществѣ эти измѣненія или явленія, но не дѣйствующихъ, независимо отъ вещества, на наши чувства, — анализируютъ явленія, раздѣливши ихъ напередъ на болѣе или менѣе однородныя группы, съ тѣмъ, чтобы изъ взаимной ихъ связи и послѣдовательности (изъ законовъ явленій), опредѣлить свойства неизвѣстныхъ *силъ*, производящихъ эти явленія. Такой анализъ, какъ

---

* Сила взаимнаго притяженія, въ различныхъ видоизмѣненіяхъ своихъ, извѣстна подъ различными названіями; она называется: a) *тяготѣніемъ* (gravitatio) относительно взаимнаго дѣйствія небесныхъ тѣлъ, b) *тяжестію* (gravitas), относительно дѣйствія земли на тѣла, находящіяся близъ ея поверхности, c) *сцѣпленіемъ* (cohaesio), *прилипаніемъ* (adhaesio) и *кристаллизаціонною силою* (vis crystallisationis), — или вообще *молекулярными силами* (vires moleculares) — относительно взаимнаго дѣйствія между различными частицами вещественныхъ тѣлъ, обнаруживающагося при весьма малыхъ разстояніяхъ. *Химическое сродство* также можетъ быть принимаемо за видоизмѣненіе силы *взаимнаго притяженія* и причисляемо къ молекулярнымъ силамъ. Но такъ какъ, при соединеніи веществъ дѣйствіемъ химическаго сродства, образуются новыя вещественныя тѣла, совершенно отличныя отъ веществъ, входящихъ въ составъ ихъ, и такъ какъ въ химическое соединеніе входятъ различныя вещества, въ опредѣленныхъ количественныхъ отношеніяхъ, то эта сила разсматривается совершенно независимо отъ силы взаимнаго притяженія и составляетъ основаніе отдѣльной науки — *Химіи*, подобно тому, какъ *тяготѣніе* составляетъ основаніе теоретической *Астрономіи*. *Гальванизмъ*, почти всѣми Естествоиспытателями разсматривается какъ особенное видоизмѣненіе *электричества*.

Digitized by Google

замѣчено уже выше, дѣлается посредствомъ внимательнаго наблюденія явленій, дѣйствующихъ на наши чувства, при различныхъ обстоятельствахъ, или условіяхъ, и въ различныхъ между собою сочетаніяхъ. Сообразно уже съ изслѣдованіями такимъ образомъ *законами* явленій, *предполагаемой силѣ* приписываются тѣ или другія свойства.

Если свойства *силы*, производящей данный рядъ явленій въ веществѣ, опредѣлены такимъ образомъ во всей полнотѣ вѣрно; въ такомъ случаѣ посредствомъ новаго анализа самой силы, при данныхъ обстоятельствахъ, или условіяхъ, опредѣляются какъ количественно, такъ и качественно, со всею математическою строгостію, всѣ явленія, принадлежащія къ этому ряду, даже и такія, которыя прежде были вовсе не замѣчены. Этотъ новый *математическій анализъ* называется *теоріею* опредѣленнаго рода явленій,—или теоріею опредѣленной силы, каковы напр. теорія тяжести, свѣта, теплоты, электричества и пр.*

Большее или меньшее совершенство этихъ теорій зависитъ съ одной стороны отъ большей или меньшей полноты и точности наблюденій,—слѣдов. отъ большей или меньшей полноты и ясности опредѣленія всѣхъ свойствъ *силы*,—а съ другой стороны отъ большей или меньшей возможности выразить логически—опредѣленныя свойства силы языкомъ математическаго анализа,—или, другими словами, отъ большаго или меньшаго совершенства этого анализа въ различныхъ отношеніяхъ и отъ болѣе или менѣе правильнаго приложенія его.

---

* Такимъ образомъ по *теоріи свѣта* (теоріи сотрясеній) открыты, между прочимъ, многія явленія, относящіяся къ *двойному преломленію, интерференціи* и *поляризаціи*, незамѣченныя прежде. Не считаю нужнымъ указывать при этомъ на болѣе поразительное и всякому извѣстное торжество математической теоріи, посредствомъ которой знаменитый *Леверье* указалъ, въ неизмѣримомъ пространствѣ небесъ, мѣсто Нептуна,—новой планеты которой существованія прежніе Астрономы-наблюдатели и не подозрѣвали. Послѣдующія наблюденія всякой разъ вполнѣ оправдывали строгіе теоретическіе выводы. — Самыя названія *силъ*, принимаемыхъ для объясненія явленій природы, большею частію суть случайныя, неимѣющія почти никакого отношенія къ объясняемымъ ими явленіямъ, какъ напр. электричество, магнитизмъ и пр. и пр.....

Digitized by Google

Принимая въ соображеніе съ одной стороны безконечное разнообразіе явленій видимой природы и сознавая съ другой стороны ограниченность познавательныхъ силъ человѣка, нельзя и ожидать, чтобы всѣ таковыя теоріи въ данное время въ одинаковой степени были абсолютно вѣрны и полны. Многія изъ нихъ съ теченіемъ времени, по мѣрѣ большаго распространенія опытныхъ познаній о природѣ, необходимо должны были болѣе или менѣе измѣняться, и нѣтъ сомнѣнія, что подобныя же измѣненія и пополненія предстоятъ имъ и въ послѣдствіи. Уже и въ настоящее время, принимая изчисленныя мною *силы природы* отдѣльными, не представляющими прямой взаимной зависимости, мы находимъ однакожъ, въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ, между ними опредѣленныя *соотношенія*. Рядъ явленій, объясняемый непосредственнымъ дѣйствіемъ одной силы, можетъ быть выведенъ, въ большей или меньшей полнотѣ, изъ дѣйствія другой силы, при опредѣленныхъ условіяхъ, такъ что каждую изъ означенныхъ силъ можно принимать за *видоизмѣненіе* всякой другой; — въ такомъ случаѣ и всѣ онѣ будутъ особенными *видоизмѣненіями* одной общей силы, которой свойства въ настоящее время ясно не постигнуты и не опредѣлены.*

Но такія неизбѣжныя перемѣны въ нѣкоторыхъ теоріяхъ физическихъ явленій или физическихъ силъ, не могутъ и не должны быть разсматриваемы какъ слѣдующія одно за другимъ заблужденія, происходящія отъ неправильнаго взгляда на природу, — тѣмъ менѣе онѣ могутъ служить основаніемъ какого бы то ни было недовѣрія къ самой *наукѣ о природѣ*.— Проистекая изъ ограниченности познавательныхъ способностей человѣка, эти перемѣны вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ самымъ неоспоримымъ доказательствомъ безпредѣльности совершенствованія, къ которому умъ человѣческій способенъ.

---

* Мысль о такомъ приведеніи къ единству всѣхъ извѣстныхъ намъ силъ природы изложена весьма подробно Англійскимъ Профессоромъ *Грове* въ лекціяхъ, читанныхъ имъ въ Лондонскомъ Королевскомъ Институтѣ. Краткій обзоръ этихъ лекцій: *о взаимномъ отношеніи различныхъ физическихъ дѣятелей, или силъ*, напечатанъ въ Москвитянинѣ 1849 г. NN 9, 10 и 11.

Digitized by Google

История Естествоведения вообще и въ особенности История Физики свидѣтельствуетъ, что даже и тѣ изъ прежнихъ частныхъ теорій, которыя въ настоящее время считаются вовсе несостоятельными, по причинѣ недостаточности ихъ къ объясненію явленій, теперь полнѣе прежняго изслѣдованныхъ, или—даже по причинѣ явнаго противорѣчія ихъ такимъ явленіямъ, на которыя прежде совершенно не обращаемо было вниманіе, — въ свое время принесли несомнѣнную пользу Наукѣ, если только онѣ развиваемы были со всею строгостію и послѣдовательностію, свойственною математическому анализу. При помощи только такихъ теорій мало по малу приводимы были въ стройную систему различныя явленія природы и опредѣляемы были количественныя отношенія между ними;—что послужило весьма важнымъ облегченіемъ при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ и повело къ *новымъ открытіямъ*. Положеніе мое конечно противорѣчитъ обще-принятому мнѣнію, по которому всѣ открытія приписываются, такъ называемому, *счастливому случаю*. Однако же не трудно убѣдиться, что, по крайней мѣрѣ, тѣ изъ ученыхъ открытій, которыя ознаменовали собою какую нибудь важную эпоху въ Наукѣ, сдѣланы при систематическомъ изслѣдованіи опредѣленнаго ряда явленій, имѣвшемъ цѣлію подтвержденіе теоретическихъ выводовъ, основанныхъ на господствовавшихъ въ данное время предположеніяхъ, или *гипотезахъ*. Чисто случайныя открытія весьма рѣдко сохраняютъ надолго то значеніе въ Наукѣ, какое имъ въ самомъ началѣ приписываютъ.*— Наука во всякомъ случаѣ подвигается впередъ съ каждымъ новымъ открытіемъ, не смотря на то, служитъ ли оно под-

---

* Такъ напр. первыя явленія *гальванизма* открыты (1790 г.) дѣйствительно случайнымъ образомъ, но великое значеніе въ Наукѣ это открытіе получило (1796 г.) послѣ строгихъ и систематическихъ изслѣдованій *Вольты*, которыми первоначальная идея *Гальвани* о животномъ электричествѣ совершенно опровергнута. Не менѣе важное открытіе *электромагнитизма* (1820 г.) было результатомъ постоянныхъ и долговременныхъ усилій *Эрстеда* доказать тождество *магнитныхъ* и *гальваническихъ* полюсовъ, въ слѣдствіе общаго убѣжденія, господствовавшаго до того времени между Нѣмецкими *Натурь-Философами*. Это открытіе измѣнило понятіе самаго *Эрстеда* объ этомъ предметѣ и указало истинное соотношеніе между *магнитизмомъ* и *гальванизмомъ* и т. д.

Digitized by Google

твержденіемъ, или опроверженіемъ принимаемой *гипотезы*, и построенной на ней теоріи. Въ послѣднемъ случаѣ прежняя *гипотеза* или вовсе изгоняется изъ Науки, уступая свое мѣсто новой, или только измѣняется въ своемъ развитіи: свойства предполагаемой силы, при такомъ частномъ измѣненіи гипотезы, получаютъ большую опредѣленность; область ея дѣйствія болѣе или менѣе ограничивается и отношеніе ея къ другимъ силамъ природы установляется на болѣе прочномъ основаніи. Но прежній математическій анализъ, основанный на гипотезѣ, оказавшейся несообразною съ новыми открытіями, не смотря на то, нерѣдко сохраняетъ свою приложимость по крайней мѣрѣ къ тѣмъ явленіямъ, которыхъ взаимную послѣдовательность онъ выражалъ строго и отчетливо; только количествамъ, употребляемымъ при этомъ, дается другое значеніе, или толкованіе, сообразное съ новою, или съ измѣненною, *гипотезою*.

Не имѣя никакой возможности судить о *сущности* (essentia) *силъ природы* и ихъ отношеніи къ *веществу*,—мы приписываемъ большее, или меньшее достоинство *гипотезамъ*, смотря потому, съ какою простотою и легкостію посредствомъ ихъ приводятся къ единству явленія природы и съ какою строгостію и послѣдовательностію вытекаютъ изъ нихъ законы явленій, опредѣляемые опытными изслѣдованіями. — Такимъ образомъ знаменитый *Гершель*, говоря о существующихъ теоріяхъ свѣта, извѣстныхъ подъ названіемъ: *системы истеченія* и *системы сотрясеній*, большее достоинство послѣдней выражаетъ слѣдующими словами: «если эта система и «не выражаетъ дѣйствительности, во всякомъ случаѣ она при«надлежитъ къ самымъ счастливымъ *гипотезамъ*, какія только «когда либо изобрѣталъ умъ человѣческій для приведенія къ «единству опредѣленныхъ явленій природы. Всего удивитель«нѣе здѣсь то, что самыя страшныя возраженія, возникавшія «изъ нѣкоторыхъ открытій, по видимому, не подчиняющихся «этому ученію, послужили ему въ послѣдствіи самою сильною «опорою, такъ что по неволѣ признаться должно, что, если эта «система и не *истина*, то она заслуживаетъ быть *истинною*»*

* Traité de la Lumière T. 1. p. 379.

Digitized by Google

И такъ если, при изученіи явленій внѣшней природы, должно поставлять окончательною цѣлію построеніе теоріи, которая бы выражала взаимную связь и послѣдовательность этихъ явленій, и довольствоваться, въ каждомъ частномъ случаѣ, такими *объясненіями*, которыя, согласуясь съ общею теоріею, показывали бы необходимую зависимость разсматриваемаго явленія отъ другихъ ему предшествовавшихъ, или одновременныхъ съ нимъ, то *Метеорологія* въ настоящее время весьма быстро подвигается къ этой цѣли.

Не надобно только слишкомъ многаго требовать отъ *Метеорологовъ*: они и въ настоящее время весьма часто бываютъ въ затрудненіи при объясненіи непрерывно смѣняющихся атмосферныхъ явленій. И это происходитъ не отъ того, что Наука не доставляетъ средствъ къ рѣшенію такихъ вопросовъ, но отъ того, что для Метеорологовъ большею частію остается неизвѣстнымъ состояніе атмосферы, въ данное время, на болѣе или менѣе значительномъ отъ нихъ разстояніи, между тѣмъ какъ для объясненія нѣкоторыхъ явленій не рѣдко именно требуется знать состояніе атмосферы надъ большею частію земной поверхности, не только современное наблюденію, но и за нѣсколько времени предшествовавшее. Такъ напр. жестокія бури, распространяющіяся съ необыкновенною силою и скоростію въ какомъ нибудь мѣстѣ умѣреннаго пояса, большею частію, подготовляются, въ продолженіи нѣсколькихъ дней, особеннымъ состояніемъ атмосферы, на нѣсколько сотъ миль, къ сѣверу или къ югу, къ востоку или западу, отъ мѣста наблюденія. Если же, на основаніи изложеннаго обстоятельства, не всякій разъ можно требовать отъ Метеоролога удовлетворительнаго объясненія, касательно настоящаго состоянія атмосферы въ данномъ мѣстѣ, тѣмъ менѣе можно ожидать отъ него совершенно вѣрнаго предсказанія будущей погоды. Всѣ заключенія, которыя онъ можетъ сдѣлать о будущей погодѣ, судя по предшествовавшему состоянію атмосферы въ мѣстѣ его наблюденій и по общему ходу послѣдовательныхъ перемѣнъ, могутъ имѣть только *большую или меньшую степень вѣроятности*, смотря потому, въ какой мѣрѣ мѣстныя явленія входятъ въ число

Digitized by Google

всѣхъ условій, производящихъ ту или другую перемѣну въ общемъ состояніи атмосферы.

Но я не считаю нужнымъ болѣе распространяться объ этомъ предметѣ и объяснять, что удовлетвореніе такому практическому требованію, сколь бы оно важно и полезно ни было, не составляетъ главной цѣли Метеорологіи, потому что въ наше время, не смотря на обширное развитіе меркантильной промышленности, умѣющей извлекать матеріальную пользу изъ всякаго почти ученаго открытія, большая или меньшая приложимость къ выгодамъ общественнаго быта различныхъ пріобрѣтеній въ области знанія не служитъ единственнымъ *мѣриломъ* достоинства и важности этихъ умственныхъ пріобрѣтеній. Въ наше время перестали уже и дѣтямъ указывать на пользу наукъ и на выгоды просвѣщенія, чтобы пріохотить ихъ къ ученію.

Основываясь на частныхъ теоріяхъ *физическихъ дѣятелей*, или *силъ*, Метеорологія находитъ внутреннюю связь между всѣми атмосферными явленіями, по которой одно изъ нихъ непремѣнно условливается другимъ и всѣ вмѣстѣ они составляютъ одну неразрывную цѣпь, такъ что въ этомъ кажущемся хаосѣ разнообразныхъ перемѣнъ, совершающихся предъ нашими глазами, открывается особеннаго рода правильность; — въ вѣчной борьбѣ различныхъ элементовъ, грозящей разрушеніемъ всего существующаго, усматривается удивительное согласіе, премудро-направленное къ одной цѣли, — къ сохраненію и поддержанію общей *жизни*. Разложеніе и даже видимое уничтоженіе одного какого нибудь звѣна этой цѣпи всегда сопровождается составленіемъ или появленіемъ новаго совершенно сходнаго съ разрушеннымъ, такъ что цѣлое остается безъ перемѣны. И весь этотъ процессъ непрерывнаго преобразованія совершается преимущественно дѣйствіемъ внутреннихъ силъ, всегда присущихъ въ атмосферѣ, подобно жизненному процессу въ организмѣ животныхъ, или растеній.

Такъ въ самомъ составѣ атмосфернаго воздуха, не смотря на непрерывное разложеніе, производимое въ немъ дѣйствіями многоразличныхъ процессовъ, на земной поверхности совершающихся, открывается изумительное постоянство.

Digitized by Google

Въ самомъ дѣлѣ извѣстно, что дыханіе животныхъ, горѣніе и гніеніе различныхъ тѣлъ, находящихся въ соприкосновеніи съ воздухомъ, совершаются на счетъ одной изъ составныхъ частей его, — именно на счетъ *кислорода*; извѣстно также, что, при означенныхъ процессахъ, на мѣсто *кислорода*, извлекаемаго изъ атмосферы, выдѣляется въ нее преимущественно *углекислота*; наконецъ извѣстно также, что огромное количество *углекислоты* распространяется въ атмосферѣ при вулканическихъ изверженіяхъ и т. д. Не говорю объ испареніи воды, и о другихъ мѣстныхъ отдѣленіяхъ газообразныхъ и другихъ веществъ, поступающихъ въ атмосферу. При всемъ томъ однакожъ многочисленныя химическія изслѣдованія воздуха, собраннаго и надъ поверхностію моря, и надъ поверхностію материковъ, какъ въ нижнихъ, такъ и въ верхнихъ слояхъ атмосферы, доказываютъ, что составъ его вездѣ почти одинаковъ: это смѣсь *кислорода* и *азота*, всегда сопровождаемая *углекислотою* и *водяными парами*; только въ немногихъ случаяхъ, и то въ едва замѣтномъ количествѣ, встрѣчается *водородъ*. Отношеніе между существенными составными частями его: *кислородомъ* и *азотомъ*, — всегда и вездѣ одинаково; количество углекислоты вообще весьма незначительно и подвержено едва замѣтнымъ правильно-періодическимъ измѣненіямъ; одни только водяные пары, второй всегдашній спутникъ воздуха (смѣси кислорода и азота), составляя въ общей массѣ его также весьма малую часть, представляютъ однакожъ, какъ въ количественномъ такъ и въ качественномъ* отношеніи, очень замѣтныя измѣненія. Если объемъ воздуха, взятаго для изслѣдованія, выразить числомъ 100, отдѣливши отъ него напередъ содержащуюся въ немъ углекислоту и водяные пары, то въ сред-

---

* Подъ качественнымъ измѣненіемъ водяныхъ паровъ я разумѣю перемѣну ихъ состоянія (aggregatio). Водяные пары содержатся въ воздухѣ или въ упругомъ — газообразномъ состояніи (тогда они прозрачны и невидимы), или въ видѣ туманныхъ пузырьковъ (vapores vesiculares), образуя туманы и облака; изъ сего послѣдняго состоянія они переходятъ уже, или въ жидкое, или въ твердое состояніе, падая на землю въ видѣ росы, дождя, снѣга, града и проч.

Digitized by Google

нетъ числѣ изъ многихъ опытовъ надъ воздухомъ, взятыхъ изъ одного и того же мѣста, всегда получается: для кислорода 21, для азота 79, и въ частныхъ результатахъ обнаруживаются едва замѣтныя отклоненія. Предварительно отдѣленная отъ воздуха углекислота составляетъ въ среднемъ числѣ около $^1/_{2000}$, а водяные пары (въ нашихъ странахъ), около $^1/_{10}$ всего взятаго для изслѣдованія количества; — частные же результаты представляютъ уже гораздо большія между собою разности.

Какимъ же путемъ возстановляется въ атмосферѣ постоянно извлекаемый изъ нея *кислородъ*, столь необходимый для жизни животныхъ, и какъ освобождается воздухъ отъ *углекислоты*, столько же вредной для нихъ? — Сохраняетъ ли воздухъ постоянно тотъ составъ, какой получается изъ химическихъ анализовъ, или съ теченіемъ времени, какъ составъ его, такъ и самое количество измѣняется? Вотъ вопросы, которые прежде всего представляются пытливому уму Естествоиспытателя, посвятившаго себя изслѣдованію атмосферныхъ явленій.

Въ настоящее время Наука указываетъ намъ путь и предлагаетъ средства къ рѣшенію этихъ вопросовъ, но произнесть окончательное заключеніе объ нихъ мы должны предоставить будущимъ поколѣніямъ. — Мы можемъ взвѣсить всю атмосферу и опредѣлить такимъ образомъ количество воздуха, окружающаго всю землю въ данное время; мы можемъ опредѣлить, сколько именно кислорода потребляетъ всякое животное при своемъ дыханіи въ продолженіи даннаго времени; мы можемъ указать на нѣкоторые источники, посредствомъ которыхъ, съ одной стороны, возвращается въ атмосферу кислородъ, а съ другой уносится изъ нея углекислота. — Одинъ изъ такихъ источниковъ представляетъ намъ собою царство растеній, которыя, принимая въ себя углекислоту, или прямо изъ атмосферы, посредствомъ листьевъ, или въ соединеніи уже съ водою изъ почвы, посредствомъ корней, перерабатываютъ ее въ своемъ организмѣ и возвращаютъ находящійся въ составѣ ея кислородъ въ атмосферу. — Но сводить всѣ эти счеты и опредѣлять изъ нихъ итоги

Digitized by Google

производительности и потребительности, если можно такъ выразиться, чтобы наконецъ получить общій балансъ такого оборота между царствомъ животнымъ и царствомъ растительнымъ на всей земной поверхности, еще не пришло время; потому что данныя, потребныя для этихъ окончательныхъ выводовъ, въ настоящее время еще малочисленны и не совсѣмъ точны. — Барометрическія наблюденія, которыя даютъ намъ возможность опредѣлять вѣсъ всей атмосферы въ данное время, по причинѣ слишкомъ недавняго изобрѣтенія самаго барометра, также недостаточны еще для точнаго рѣшенія вопроса: остается ли общее количество воздуха, окружающаго нашу землю, съ теченіемъ времени, постояннымъ, или подвержено послѣдовательному измѣненію.*

И такъ, судя строго, мы конечно не можетъ еще утверждать, что земная атмосфера, при всѣхъ перемѣнахъ, замѣчаемыхъ нами въ ней, остается одна и таже; что всѣ эти очевидныя измѣненія суть только непрерывныя преобразованія, внутри ея самой происходящія; что въ итогѣ всѣхъ этихъ перемѣнъ, атмосфера ничего не теряетъ и ничего не принимаетъ въ себя извнѣ: — однако же, соображая всѣ явленія, въ ней происходящія, невольно склоняемся къ тому убѣжденію, что она *живетъ* своею собственною *жизнію* подъ благотворнымъ вліяніемъ свѣта и теплоты солнечной и что во всѣхъ перемѣнахъ, нами замѣчаемыхъ, по словамъ Премудраго: *Что было, тожде есть, еже будетъ: и что было сотвореное, тождѣ имать сотворитися.* (Книга Екклесіаста I. 9.)

Съ этой каѳедры, въ подобныхъ торжественныхъ собраніяхъ нашего Университета, уже не разъ разсуждаемо было о *жизни* неорганической природы, въ противуположность болѣе распространенному мнѣнію, по которому она

---

* Приблизительныя вычисленія, основанныя съ одной стороны на прямыхъ опытахъ, а съ другой на не совсѣмъ точномъ опредѣленіи общаго числа всѣхъ животныхъ, населяющихъ теперь землю, приводятъ къ результату, что количество *кислорода*, потребляемаго дыханіемъ животныхъ въ продолженіи цѣлаго столѣтія, составляетъ неболѣе $\frac{1}{100}$ всей суммы его, содержащейся въ атмосферѣ.

Digitized by Google

обыкновенно называется *мертвою*:* по этому излишне бы было мнѣ распространяться въ опроверженіяхъ ложнаго мнѣнія, равно какъ и въ объясненіяхъ различія между понятіями *жизни органической* и *жизни неорганической*.

Гораздо сообразнѣе будетъ съ цѣлію нашей бесѣды разсмотрѣть теперь состояніе познаній нашихъ объ этой жизни: въ какомъ объемѣ именно изслѣдованы въ настоящее время *тѣ общіе законы*, которымъ подчинены всѣ явленія, такъ рѣзко противорѣчащія понятію *мертвенности*, и въ какой степени постигнута та сила, которою сохраняется и поддерживается *жизнь атмосферы*, единожды полученная ею отъ источника вѣчной жизни, изъ небытія къ бытію приведшаго всю вселенную.

Исходная точка, начиная съ которой успѣшнѣе всего, въ настоящее время, разбирается на составныя звѣнья, замкнутая въ самой себѣ, непрерывная цѣпь атмосферныхъ явленій, есть неравномѣрное *распредѣленіе температуры* на земной поверхности, въ примѣненіи къ удобоподвижности упругихъ веществъ, составляющихъ ея массу, и къ измѣняемости состоянія водяныхъ паровъ, въ различномъ количествѣ всегда сопровождающихъ собственно такъ называемый *воздухъ*. — Слѣдовательно всего естественнѣе принять за главное начало, управляющее атмосферною жизнію, ту физическую силу, которою условливается бо́льшая или меньшая степень температуры, т. е. *теплоту*.

И дѣйствительно всѣ явленія атмосферы, характеризующія то, или другое состояніе погоды (кромѣ чисто-оптическихъ явленій и собственно такъ называемыхъ метеоровъ, каковы напр. падающія звѣзды, аэролиты, болиды, или огненные шары, и пр.) весьма удовлетворительно объясняются различною степенью теплоты, возбуждаемой въ данное время въ разныхъ точкахъ земной поверхности дѣйствіемъ солнечныхъ лучей. Даже самое *электричество*, такъ поразительно обнаруживающее свое присутствіе во время грозы, можетъ и должно быть разсматриваемо, какъ второстепенный *дѣя-*

* Смотр. Рѣчи Проф. Щуровскаго 1836 г. и Проф. Филомаѳитскаго 1844 г.

Digitized by Google

тель, временно только проявляющій свою мощную силу, при благопріятныхъ для него мѣстныхъ обстоятельствахъ въ атмосферѣ, условливающихъ весьма быстрое смѣшеніе различныхъ массъ воздуха, содержащихъ въ себѣ различное количество водяныхъ паровъ, — при обстоятельствахъ, зависящихъ также отъ особеннаго распредѣленія температуры въ различныхъ частяхъ атмосферы. — Необыкновенно быстрое скопленіе и особенный видъ облаковъ, разнообразныя движенія ихъ, бурные порывы вѣтра, искореняющаго очень часто столѣтнія деревья и разрушающаго огромныя зданія, обильный, прерывистый дождь, при каждомъ ударѣ грома, возобновляющійся въ видѣ *ливня* и сопровождаемый нерѣдко градомъ, — однимъ словомъ всѣ обстоятельства, наблюдаемыя нами какъ предъ наступленіемъ, такъ и во время самой *грозы*, объясняются весьма удовлетворительно безъ всякаго участія электричества; такъ что вся сфера непосредственно-электрическаго дѣйствія при этомъ едва ли не можетъ быть ограничена образованіемъ того небеснаго огня, который является намъ въ видѣ ослѣпительныхъ молній, сопровождаемыхъ оглушительными перекатами грома, и мгновенно пробѣгаетъ неизмѣримыя разстоянія въ воздухѣ, обозначая свой слѣдъ на землѣ разрушеніемъ и пожаромъ.

При такомъ воззрѣніи на предметъ, всѣ объясненія основываются на *данныхъ*, выведенныхъ строгимъ логическимъ путемъ изъ непосредственныхъ наблюденій и опытовъ. Такимъ образомъ дѣятельность фантазіи, которая, при всякомъ другомъ способѣ объясненія видимыхъ явленій, могла бы легко взять перевѣсъ надъ холоднымъ разсудкомъ и завлечь его въ безконечную область предположеній, удерживается въ весьма тѣсныхъ предѣлахъ дѣйствительности.

Чтобы не утомить Вашего вниманія, П П. П П., я по необходимости долженъ ограничиться здѣсь однимъ только общимъ указаніемъ на тѣ *данныя*, на основаніи которыхъ возводится въ настоящее время стройное во всѣхъ частяхъ зданіе Науки, опустивши всѣ такія подробности, которыхъ знаніе нссоставляетъ существенной необходимости при сужденіи о совершенствѣ разсматриваемаго плана, сколько бы оно ни было нужно для его исполненія.

Digitized by Google

Анализируя продолжительныя и непрерывныя наблюденія надъ *температурою* воздуха, производимыя въ различныхъ мѣстахъ земной поверхности (въ самомъ нижнемъ слоѣ атмосферы), и сличая ихъ какъ между собою, въ различныхъ отношеніяхъ, такъ и съ наблюденіями надъ температурою почвы, на различныхъ глубинахъ ея, и надъ температурою воздуха на различныхъ высотахъ отъ земной поверхности, мы весьма легко замѣчаемъ слѣдующіе *общіе законы*, которымъ она подчиняется при непрерывной своей измѣняемости.

1. Во всѣхъ мѣстахъ температура воздуха представляетъ двоякую, болѣе или менѣе правильную, періодичность: *суточную* и *годичную*, и поэтому представляетъ явное соотношеніе съ видимымъ періодическимъ движеніемъ солнца. Въ теченіи сутокъ она достигаетъ *наибольшей* степени около полудня, т. е. около времени наибольшой высоты солнца надъ горизонтомъ (собственно 2 ч. — 3 ч. по полудни),—а *наименьшей* около восхожденія солнца; въ теченіи же года, время *наибольшей* температуры довольно близко совпадаетъ со временемъ наибольшей полуденной высоты солнца надъ горизонтомъ, — т. е. со временемъ долгайшихъ дней, а *наименьшая* температура почти соотвѣтствуетъ наименьшей полуденной высотѣ солнца, или кратчайшимъ днямъ.*

2. Въ тропическомъ поясѣ *средняя годичная*, *равно и средняя мѣсячная*, *температуры* довольно строго сохраняютъ

---

* Та и другая крайность температуры въ годичномъ періодѣ, среднимъ числомъ изъ многолѣтнихъ наблюденій, имѣетъ мѣсто спустя около мѣсяца послѣ соотвѣтствующихъ крайнихъ предѣловъ полуденной высоты солнца. Въ мѣстахъ тропическаго пояса, гдѣ солнце два раза въ теченіи года, проходитъ чрезъ зенитъ, и температура два раза достигаетъ наибольшей величины. Равнымъ образомъ и въ мѣстахъ полярныхъ, гдѣ солнце въ теченіи нѣсколькихъ недѣль и даже по цѣлымъ мѣсяцамъ, не показывается надъ горизонтомъ, обнаруживаются явныя отступленія отъ этого закона. — Вообще надобно замѣтить, что измѣненія температуры совершенно строго подчиняются *постояннымъ законамъ* только въ тропическомъ поясѣ; въ мѣстахъ же, внѣ тропиковъ лежащихъ, эти законы отправляются только въ среднихъ числахъ, выводимыхъ изъ продолжительныхъ наблюденій.

Digitized by Google

постоянную величину, такъ что между отдѣльными выводами изъ ежегодныхъ наблюденій рѣдко встрѣчаются разности, превышающія одинъ градусъ. По мѣрѣ удаленія отъ тропиковъ эти среднія температуры представляютъ значительныя между собою разности, которыя между *мѣсячными* средними температурами вездѣ гораздо больше, чѣмъ между *годичными*;—въ особенности же подвержены большимъ измѣненіямъ среднія температуры зимнихъ мѣсяцовъ. Однако же выводы изъ многолѣтнихъ наблюденій доставляютъ и для нихъ величины, тѣмъ болѣе приближающіяся къ постояннымъ, чѣмъ продолжительнѣе періоды времени, изъ которыхъ дѣлаются выводы среднихъ температуръ.*

3. *Средняя годичная температура,* по мѣрѣ удаленія отъ экватора къ полюсамъ, постепенно уменьшается. Впрочемъ, исключая тропическій поясъ, это уменьшеніе происходитъ не по всѣмъ меридіанамъ съ одинаковою правильностію и постепенностію, т. е. не всѣ мѣста, находящіяся на одномъ разстояніи отъ экватора, имѣютъ одну и ту же среднюю температуру. Вообще (внѣ тропиковъ), поверхность моря, при одинаковомъ разстояніи отъ экватора, имѣетъ высшую среднюю температуру, чѣмъ поверхность материковъ и, кромѣ того, западные берега материковъ, (по крайней мѣрѣ въ сѣ-

---

* Такимъ образомъ Московскія 30-ти-лѣтнія наблюденія доставляютъ намъ въ этомъ отношеніи слѣдующій результатъ :

1	Средняя годичная температура ..... 1824 года	=	4,°75
	——— ——— ——— ..... 1840 —	=	2,68
	Наибольшая разность между годичн. темп.....	=	2,07
2	Средняя температура Января..... 1848 года	=	—14,°33
	——— ——— —— ..... 1822 —	=	— 3,62
	Наибольшая разность между темп Января.....	=	10,°91
3	Средняя годичная температура 15 лѣтъ..... (1821—35)	=	3,63
	——— ——— ——— — ——..... (1836—50)	=	3,57
	разность.....	=	0,06
4	Средняя темпер. Января изъ первыхъ 15-ти лѣтъ.....	=	7,91
	——— —— —— — послѣднихъ 15-ти лѣтъ.....	=	9,22
	разность.....	=	1,31

Digitized by Google

верномъ полушаріи), тепліе восточныхъ.—Самая жаркая полоса, не составляя непрерывнаго пояса вокругъ земли, находится въ тропическомъ поясѣ внутри Африки, нѣсколько къ сѣверу отъ экватора, а самыя холодныя мѣста не совпадаютъ съ географическими полюсами. Въ одномъ сѣверномъ полушаріи находятся два такихъ мѣста, называемыхъ *полюсами холода*; изъ нихъ одинъ *полюсъ* лежитъ въ сѣверной Америкѣ близъ острова Мельвиля, а другой въ сѣверной части Сибири, приблизительно на меридіанѣ *Иркутска.**

4. Разность между *лѣтнею* и *зимнею* температурою увеличивается, по мѣрѣ удаленія отъ экватора и также по мѣрѣ удаленія отъ западныхъ береговъ большихъ материковъ во внутренность ихъ.

5. Температура почвы (на самой поверхности земли) подвержена подобнымъ же періодическимъ измѣненіямъ въ теченіи сутокъ и въ теченіи года, какъ и температура воздуха. *Средняя* величина ея весьма мало разнится отъ *средней* температуры воздуха. Но, по мѣрѣ углубленія въ землю, разность, какъ между *суточными*, такъ и между *годичными крайностями*, весьма быстро уменьшается, такъ что на нѣкоторой глубинѣ температура становится совершенно постоянною не только въ теченіи сутокъ, но и въ теченіи цѣлаго года. Глубина, на которой становятся незамѣтными *суточныя* перемѣны температуры, вездѣ гораздо меньше той глубины, на которой исчезаютъ *годичныя* измѣненія; для различныхъ же мѣстъ какъ та, такъ и другая, различны, смотря по качеству почвы и по разстоянію мѣстъ отъ экватора; кромѣ того эта глубина находится въ явной зависимости отъ величины измѣненій температуры на самой поверхности земли въ каждомъ мѣстѣ. *Средняя* температура на всякой глубинѣ,

---

* Относительно южнаго полушарія распредѣленіе температуры не изслѣдовано съ такою подробностію, какъ относительно сѣвернаго, по причинѣ малочисленности наблюденій. Впрочемъ на основаніи существующихъ *данныхъ* съ большою вѣроятностію можно полагать, что южное полушаріе вообще холоднѣе сѣвернаго; потому что *приблизительное* вычисленіе *средней температуры* для всѣхъ мѣстъ сѣвернаго полушарія даетъ 14°, а для всѣхъ мѣстъ южнаго полушарія 13°. (См. *Dove*—Meteorologische Untersuchungen *1 0*).

Digitized by Google

гдѣ еще замѣтны ея измѣненія, весьма мало разнится съ одной стороны отъ *средней* температуры воздуха, выводимой изъ многолѣтнихъ наблюденій, а съ другой стороны отъ *постоянной* во весь годъ температуры, наблюдаемой на опредѣленной глубинѣ.—При дальнѣйшемъ углубленіи въ землю, начиная отъ того слоя почвы, въ которомъ термометръ круглый годъ стоитъ неподвижно, температура постепенно возвышается, оставаясь также во весь годъ постоянною.*

6. Температура воды въ Океанѣ, по мѣрѣ углубленія, уменьшается до опредѣленной степени (minimum), оставаясь потомъ на бо́льшихъ глубинахъ вездѣ одинаковою. — Изъ этого правила составляютъ исключеніе моря *полярныя*, по временамъ покрывающіяся льдомъ на своей поверхности; въ нихъ весьма часто температура до нѣкоторой глубины возвышается.

7. Температура воздуха, по мѣрѣ возвышенія въ атмосферу, постепенно понижается.**

---

* Глубина, на которой *суточныя* измѣненія температуры становятся незамѣтными, простирается до 2—3 футовъ; *годичныя* же измѣненія исчезаютъ на глубинѣ 30—60 футовъ. — По мѣрѣ дальнѣйшаго углубленія внутрь земли, сколько можно судить по немногимъ наблюденіямъ, при разработкѣ рудниковъ и при сверленіи *артезіанскихъ* колодцевъ, температура возвышается почти однимъ градусомъ на каждыя 20 саженъ. — Если такое же возвышеніе температуры продолжается до самаго центра, то легко сообразить, какъ высока должна быть температура внутренняго ядра земнаго. Судя по этому, уже на глубинѣ 7 миль, температура будетъ такъ высока, что въ состояніи будетъ плавить желѣзо. — По причинѣ неизмѣняемости температуры на небольшихъ глубинахъ, такое возвышеніе температуры внутри земли не иначе можно объяснять, какъ собственною теплотою земли.

** Пониженіе температуры воздуха, по мѣрѣ удаленія отъ поверхности земли, не всегда и не вездѣ одинаково. Въ среднемъ числѣ изъ многочисленныхъ наблюденій можно принять, что на каждыя 100 саженъ возвышенія, температура понижается однимъ градусомъ. Впрочемъ эти же наблюденія заставляютъ предполагать, что пониженіе температуры продолжается не равномѣрно, но въ верхнихъ слояхъ атмосферы становится гораздо медленнѣе и что въ полярныхъ странахъ вообще оно медленнѣе, чѣмъ подъ экваторомъ, въ слѣдствіе чего на предѣлахъ атмосферы температура со-

Digitized by Google

При сличеніи этихъ *общихъ законовъ* распредѣленія и измѣненія температуры на землѣ и въ атмосферѣ, съ одной стороны съ непосредственными ежедневными наблюденіями тѣхъ же явленій, а съ другой, съ *теоретическими* (отвлеченными) выводами, основанными на столько же *общихъ законахъ* дѣйствія солнечной теплоты, легко видѣть, что они составляютъ, такъ сказать, *средину* между совершенно-строгою правильностію *теоріи* и безпорядочнымъ хаосомъ ежедневнаго хода явленій.

Въ самомъ дѣлѣ, полагая въ основаніе *теоріи* истину, нетребующую никакихъ дальнѣйшихъ доказательствъ, и состоящую въ томъ, что бо́льшая или меньшая степень температуры въ различное время и въ различныхъ мѣстахъ земной поверхности, зависитъ отъ болѣе или менѣе сильнаго дѣйствія солнечныхъ лучей, — и удостовѣрившись посредствомъ *опытовъ*, что производимое солнцемъ нагрѣваніе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ прямѣе (ближе къ перпендикуляру) падаютъ лучи его на данную поверхность и чѣмъ продолжительнѣе ихъ дѣйствіе, необходимо выводимъ слѣдующія заключенія:

1. Температура воздуха, въ измѣненіяхъ своихъ, всегда и вездѣ должна обнаруживать двоякую совершенно правильную періодичность, — по причинѣ двоякой правильной періодичности, соблюдаемой видимымъ движеніемъ солнца.

хранитъ вездѣ постоянную величину (около — 40°). Кромѣ немногихъ прямыхъ наблюденій, подтверждающихъ это заключеніе (каковы напр. наблюденія *Парри*, который на островѣ *Мельвиль*, подъ 74° С. Ш., при —25° въ уровнѣ моря, нашелъ тутъ же самую температуру и на высотѣ 400 Пар. футовъ), — къ тому же приводятъ сравнительныя наблюденія, дѣланныя на разныхъ высотахъ въ Швейцарскихъ Альпахъ. Изъ нихъ оказывается: 1, что пониженіе температуры, по мѣрѣ возвышенія въ атмосферу, днемъ бываетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ ночью, — лѣтомъ также быстрѣе, чѣмъ зимою; 2, что разность между лѣтнею и зимнею температурою для различныхъ мѣстъ различна, и именно тѣмъ меньше, чѣмъ выше мѣсто наблюденія надъ уровнемъ моря. Въ слѣдствіе этого еще Соссюръ, замѣтившій это въ первый разъ, полагалъ, что въ Швейцаріи на высотѣ около 6000 саженъ температура воздуха, какъ зимою, такъ и лѣтомъ, одинакова.

Digitized by Google

2. *Средняя годичная и мѣсячная* величина температуры для каждаго мѣста на землѣ должна быть совершенно неизмѣняема, — по причинѣ совершенно одинаковаго количества теплоты, сообщаемой солнцемъ въ теченіи каждаго года одному и томуже мѣсту и въ теченіи даннаго мѣсяца въ какомъ бы тоиъ было году. То же самое должно разумѣть и *о средней суточной* температурѣ одинаковыхъ дней, взятыхъ въ различныхъ годахъ.

3. *Средняя годичная температура* должна правильно и равномѣрно, уменьшаться отъ экватора къ полюсамъ, — по причинѣ правильнаго и равномѣрнаго увеличиванія въ наклоненіи солнечныхъ лучей къ горизонту.

4. *Средняя температура* должна быть совершенно одинаково распредѣлена какъ въ сѣверной, такъ и въ южной половинѣ земнаго шара, — по причинѣ симметрическаго положенія ихъ, относительно солнца.

Нѣтъ надобности распространяться о томъ, что ежедневныя наблюденія въ весьма немногихъ случаяхъ, — и то несовершенно, — согласуются съ этими теоретическими выводами. Весьма рѣдко бываютъ у насъ такіе дни, когда температура воздуха, по мѣрѣ возвышенія солнца надъ горизонтомъ, правильно и постепенно возвышается и потомъ по мѣрѣ пониженія его, съ такою же постепенностію понижается: гораздо чаще встрѣчаются разнообразные перерывы въ *суточныхъ* измѣненіяхъ термометра. Относительно же *годичнаго* періода нельзя представить ни одного отдѣльнаго примѣра въ подтвержденіе *теоріи*, требующей, чтобы температура съ половины зимы до половины лѣта, съ каждымъ днемъ, постепенно возвышалась и потомъ, до половины слѣдующей зимы, съ такою же постепенностію понижалась.—

При всемъ томъ однакожъ зимній холодъ и лѣтній зной, въ нашихъ странахъ, всегда объясняли и объясняютъ различнымъ дѣйствіемъ солнца, — по причинѣ различной высоты и различной продолжительности пребыванія его надъ горизонтомъ.—Полуденный жаръ и ночную прохладу въ теплыхъ странахъ всегда приписывали и приписываютъ съ одной стороны присутствію, а съ другой отсутствію солнца, —

Digitized by Google

Стало-быть, основаніе *теоріи* всѣми принималось и принимается за несомнѣнную истину, и если въ подробномъ развитіи своемъ она не согласуется съ дѣйствительностію, то причину этого противорѣчія безъ сомнѣнія надобно искать въ неправильномъ приложеніи общей теоріи къ частнымъ случаямъ, именно: въ пренебреженіи такихъ обстоятельствъ, которыя должны быть непремѣнно принимаемы въ соображеніе.

Такъ какъ *теорія* въ конечныхъ выводахъ своихъ совершенно согласна съ дѣйствительностію и не оправдывается только въ послѣдовательныхъ переходахъ отъ одного заключенія къ другому, изъ этого слѣдуетъ, что пренебрегаемыя обстоятельства такого свойства, что въ длинной цѣпи послѣдовательныхъ умозаключеній, отъ общаго положенія къ конечному выводу, частное вліяніе ихъ взаимно уничтожается.— Какимъ же образомъ теперь открыть эти обстоятельства, столь важныя для точности частныхъ — послѣдовательныхъ выводовъ изъ общей *теоріи*? — Въ этомъ отношеніи вышеизложенные общіе законы распредѣленія и измѣненія температуры, выведенные изъ многолѣтнихъ непрерывныхъ наблюденій, служатъ вѣрною руководною нитію. Обнаруживая также нѣкоторыя уклоненія дѣйствительности отъ *теоріи*, они представляютъ ихъ уже въ общей *опредѣленной* формѣ: они уже прямо указываютъ на то, что степень температуры воздуха, завися главнымъ образомъ отъ дѣйствія солнца, находится подъ *опредѣленнымъ* вліяніемъ мѣстныхъ условій. — Разсматривая ихъ, мы открываемъ различіе въ суточныхъ и годичныхъ перемѣнахъ температуры, смотря по тому, находится ли мѣсто наблюденія внутри большаго материка или вблизи океана, — высоко надъ поверхностію моря или въ одномъ съ нимъ уровнѣ.*

---

* Со временъ *Птоломея* почти до половины XVIII столѣтія раздѣляли земную поверхность *параллелями* на нѣсколько *климатовъ* или *поясовъ*. Въ основаніе этого дѣленія принимаемо было различное наклоненіе горизонта къ экватору, отъ котораго происходитъ съ одной стороны различное продолженіе дня и ночи, а съ другой различное наклоненіе къ горизонту и слѣдов. различное дѣйствіе солнечныхъ лучей во время полудня. По этому, слову *климатъ* придавались эпитеты: *жаркій, умѣрен-*

Digitized by Google

Не принимая въ соображеніе никакихъ мѣстныхъ условій, прежніе Естествоиспытатели, для объясненія разногласія *теоріи* съ ежедневнымъ ходомъ температуры, принуждены были прибѣгать къ частнымъ гипотезамъ относительно другихъ источниковъ теплоты, дѣйствующихъ вмѣстѣ съ солнцемъ, положительно или отрицательно, на нашу атмосферу и поэтому увеличивающихъ, или уменьшающихъ нагрѣваніе воздуха, производимое въ данное время солнечными лучами. Въ слѣдствіе чего они искали этихъ второстепенныхъ источниковъ теплоты: 1) въ особенномъ (неопредѣленномъ) вліяніи на нашу землю и ея атмосферу луны, планетъ, кометъ и даже неподвижныхъ звѣздъ, — указывая при этомъ на извѣстные частные случаи, въ которыхъ крутыя перемѣны температуры въ какомъ нибудь мѣстѣ земной поверхности совпадали или съ измѣненіемъ вида луны, или съ особеннымъ расположеніемъ планетъ и т. д.; 2) во временномъ измѣненіи самаго солнца, приводя, въ подтвержденіе своего мнѣнія, появленіе на немъ темныхъ пятенъ въ большемъ или меньшемъ количествѣ въ различное время; 3) въ дѣйствіи внутренней земной теплоты, временно и мѣстно прорывающейся, такъ сказать, въ нашу атмосферу, или устремляющейся отъ поверхности земли къ ея центру, — ссылаясь при этомъ на вулканическія изверженія и землетрясенія, которыя иногда также совпадаютъ (по времени) съ рѣзкимъ измѣненіемъ погоды; 4) наконецъ, съ открытіемъ воздушнаго *электричества*, постоянно обнаруживающаго свое присутствіе въ атмосферѣ, чаще всего прибѣгали

ный и *холодный* съ ихъ подраздѣленіями. — Въ настоящее время, когда болѣе или менѣе точно опредѣлено вліяніе мѣстности на степень температуры и на измѣненія ея въ суточномъ и годичномъ періодѣ, понятіе о *климатѣ* измѣнилось, отъ чего тому же слову климатъ, придаются эпитеты: *континентальный* (материковый), *морской*, *береговой*, *горный* и пр. По этому, прежнее дѣленіе земной поверхности на климаты уже не соотвѣтствуетъ настоящимъ понятіямъ. — Для соблюденія точности и ясности въ выраженіяхъ, части земной поверхности между различными параллелями, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ удерживается прежнее дѣленіе, не называются уже *климатами*, но только *поясами*.

Digitized by Google

къ этому *физическому дѣятелю* въ тѣхъ случаяхъ, когда ничего болѣе удовлетворительнаго не могли себѣ представить для объясненія внезапныхъ перемѣнъ въ атмосферѣ и т. д.

Но всѣ такого рода частныя предположенія, удовлетворяя минутному, такъ сказать, требованію ума, постоянно оказывались не только неудовлетворительными въ приложеніи къ другимъ вопросамъ, существенно связаннымъ съ тѣми, для объясненія которыхъ были придуманы, но даже вовсе съ ними несовмѣстными.*

Метеорологи настоящаго времени, руководясь означенными указаніями на мѣстныя условія и пользуясь изложенными мною выше открытіями въ области другихъ частей Естествовѣдѣнія, нашли возможность согласить теорію съ дѣйствительностію, не прибѣгая ни къ какимъ частнымъ *гипотезамъ*. Они усмотрѣли, что, въ приложеніи солнечной теплоты къ нагрѣванію атмосферы и земной поверхности, необходимо принимать въ надлежащее соображеніе: теплопрозрачность (diathermansie) и удобоподвижность атмосфернаго воздуха и морскихъ водъ, различную теплоёмкость веществъ, находящихся на земной поверхности, поглощеніе и

---

* Такія *гипотезы* относительно участія въ атмосферныхъ явленіяхъ какихъ либо другихъ внѣшнихъ дѣятелей, кромѣ неудовлетворительности своей, положительно вредили и вредятъ Наукѣ тѣмъ, что, при нихъ, ничѣмъ уже не ограничивается произволъ фантазіи, которая для всякаго особеннаго явленія всегда найдетъ новаго какого-либо дѣятеля. — Вообще надобно замѣтить, что спеціальное изслѣдованіе однихъ только *необыкновенныхъ* явленій (для объясненія которыхъ и придумываются подобныя частныя гипотезы) никогда не можетъ содѣйствовать успѣхамъ Науки; въ этомъ, кажется, никто не можетъ сомнѣваться,—такъ напр. изслѣдованіемъ однихъ только *уродовъ* нельзя постигнуть законовъ *Физіологіи*. А между тѣмъ относительно Метеорологіи искони составилось убѣжденіе противное; такъ напр. необыкновенно суровая зима, или слишкомъ продолжительная засуха и тому подобное, чаще всего бываютъ поводомъ къ восклицаніямъ: *какой богатый годъ для Метеорологіи, или для Метеоролога!* Слѣдуя этому *ложному убѣжденію*, многіе дѣйствительно обольщаются этимъ мнимымъ богатствомъ и принимаются толковать объ этихъ необыкновенныхъ явленіяхъ, не приготовивши себя къ тому изученіемъ тѣхъ законовъ, которымъ подчиняются явленія, ничего необыкновеннаго не представляющія.

Digitized by Google

освобожденіе теплоты при различныхъ переходахъ воды, (покрывающей бо́льшую часть земной поверхности), изъ одного состоянія въ другое, т. е. изъ жидкаго въ газообразное или твердое, и наоборотъ, — всегдашнее присутствіе въ атмосферномъ воздухѣ водяныхъ паровъ, способныхъ къ количественному измѣненію. Кромѣ того они убѣдились, что, при теоретическомъ опредѣленіи степени температуры какого-либо тѣла, недостаточно принимать въ расчетъ только то количество теплоты, которое оно получаетъ изъ опредѣленнаго источника: но надобно обращать вниманіе и на то количество, которое оно непрестанно теряетъ; потому что теперь не подлежитъ уже никакому сомнѣнію, что теплота (le calorique rayonnant) выходитъ изъ поверхности всѣхъ тѣлъ въ окружающее пространство въ видѣ лучей, какова бы ни была температура ихъ, слѣдуя при этомъ постояннымъ и опредѣленнымъ законамъ.

Первымъ слѣдствіемъ такого ограниченія частными условіями *общихъ теоретическихъ* выводовъ было строгое согласованіе съ ними *общихъ выводовъ изъ наблюденій*, или, другими словами, удовлетворительное объясненіе тѣхъ противорѣчій, которыя обнаруживаются въ *опредѣленной формѣ*, между выводами изъ многолѣтнихъ наблюденій, для разныхъ мѣстъ на земной поверхности, и общими безусловными требованіями *теоріи*, основанной на законахъ дѣйствія солнечной теплоты.*

Достигши въ этомъ отношеніи удовлетворительнаго результата, Наука указываетъ путь къ объясненію всѣхъ частныхъ перемѣнъ въ атмосферѣ, т. е. всей суммы явленій, характеризующихъ то или другое состояніе погоды въ дан-

---

* Такъ, напр., по требованію *теоріи*, *средняя* температура воздуха во всѣхъ мѣстахъ, находящихся на одномъ разстояніи отъ экватора, должна быть одинакова; выводы изъ много-лѣтнихъ наблюденій несогласуются съ этимъ требованіемъ, но обнаруживаютъ *опредѣленную* разность между температурами мѣстъ, лежащихъ внутри материковъ и близъ моря. — Соображеніе всѣхъ обстоятельствъ или условій, сопровождающихъ нагрѣваніе и охлажденіе суши и моря, удовлетворительно объясняетъ эту разность.

Digitized by Google

ное время, — тотъ или другой климатъ въ данномъ мѣстѣ, — на основаніи одного общаго начала.*

Но я увлекся бы слишкомъ далеко, если бы перешелъ теперь къ подробному изложенію тѣхъ взаимныхъ отношеній между атмосферными явленіями, въ которыхъ выражается внутренняя тѣсная связь между ними, доказывающая дѣйствительное подчиненіе ихъ одному общему началу. — Достаточнымъ считаю обратить Ваше вниманіе, ПП ПП., только на общее расположеніе главныхъ узловъ, да позволено будетъ такъ выразиться, этой узорчатой сѣти, искусно сплетаемой предъ нашими глазами невидимою рукою изъ одной безконечной нити.

---

* Чтобы яснѣе понять, какую важность въ Наукѣ имѣютъ выводы изъ многолѣтнихъ наблюденій надъ температурою и другими атмосферными явленіями, и какимъ образомъ они содѣйствовали и содѣйствуютъ ея успѣхамъ, можно, кажется, употребить тоже сравненіе, какое сдѣлано мною при объясненіи вопроса, почему Астрономія такъ далеко опередила другія части Естествовѣдѣнія. Имѣя въ виду только крайности температуры: лѣтній зной и зимній холодъ въ нашихъ странахъ,—бо́льшее тепло въ тропическомъ поясѣ, чѣмъ въ мѣстахъ вообще далеко отъ экватора лежащихъ и т. п. и объясняя ихъ весьма удовлетворительно различнымъ дѣйствіемъ солнечной теплоты, мы, какъ будто, ставимъ себя вдали отъ всего того, что насъ окружаетъ; по причинѣ отдаленности, мы видимъ только самыя выпуклыя, такъ сказать, стороны явленій, незамѣчая въ нихъ всѣхъ подробностей. Оттого эти явленія дѣлаются для насъ весьма простыми (не многосложными); мы весьма легко находимъ между ними связь и такимъ образомъ удовлетворительно объясняемъ ихъ.—Переходя потомъ къ выводамъ изъ многолѣтнихъ наблюденій, мы, какъ будто, постепенно приближаемся къ тѣмъ же явленіямъ, въ слѣдствіе чего мало по малу открываемъ въ нихъ другія менѣе выпуклыя стороны, незамѣчая однакожъ опять остальныхъ подробностей; явленія становятся для насъ постепенно сложнѣе и сложнѣе, но найденная нами связь между сперва замѣченными сторонами этихъ явленій, послѣдовательно можетъ быть распространяема и на вновь открываемыя. Наше прежнее объясненіе требуетъ въ такомъ случаѣ только нѣкоторыхъ дополненій. — Переходя же отъ крайностей температуры прямо къ ежедневнымъ ея измѣненіямъ, мы, какъ будто, переносимся вдругъ на самое близкое разстояніе отъ тѣхъ же явленій, при чемъ безъ всякой постепенности замѣчаемъ въ нихъ всѣ подробности и такимъ образомъ лишаемся удобства послѣдовательно переходить отъ простаго къ болѣе сложному.

Digitized by Google

Въ слѣдствіе того, что температура въ различныхъ мѣстахъ земной поверхности во всякое время различна, атмосферный воздухъ не можетъ оставаться ни на одно мгновеніе въ совершенномъ покоѣ. Направленіе и скорость движенія отдѣльныхъ частей его зависятъ отъ опредѣленныхъ условій, и именно отъ различія ихъ температуры. — Принимая въ соображеніе только однѣ *крайности*: съ одной стороны непрерывное жаркое лѣто тропическаго пояса, а съ другой суровую и также непрерывную зиму полярныхъ мѣстъ, легко понять, что общее движеніе атмосфернаго воздуха должно происходить постоянно по направленіямъ противоположнымъ въ одно и тоже время: отъ экватора къ полюсамъ и отъ полюсовъ къ экватору. При этомъ не надобно только забывать, что воздухъ, по причинѣ своей теплопрозрачности (diathermansie), не нагрѣвается отъ непосредственнаго дѣйствія на него солнечныхъ лучей; поэтому, нагрѣваясь отъ прикосновенія съ нагрѣваемою поверхностію земли въ тропическомъ поясѣ, онъ долженъ сначала подниматься вверхъ и, уже въ значительномъ разстояніи отъ земной поверхности, стекать къ полюсамъ; на мѣсто его къ экватору долженъ постепенно притекать нижними слоями атмосферы, холодный воздухъ, получающій первоначальное побужденіе къ движенію у полюсовъ.

Если бы поверхность земли была совершенно однородна и геометрически правильна, какъ напр. поверхность моря,— и если бы воздухъ, при своемъ движеніи, не измѣнялъ своихъ *физическихъ* свойствъ (если бы онъ состоялъ вездѣ и всегда изъ однихъ постоянныхъ газовъ, безъ примѣси водяныхъ паровъ); въ такомъ случаѣ это двоякое движеніе въ атмосферѣ каждаго полушарія, установившись одинъ разъ, продолжалось бы непрерывно съ постоянною скоростію. Тогда, въ нашихъ странахъ, мы не знали бы другихъ вѣтровъ, кромѣ сѣвернаго, — или сѣверо-восточнаго, — близъ земной поверхности, и южнаго, — или югозападнаго, — въ верхнихъ слояхъ атмосферы. Количество воздуха, проходящаго при этомъ движеніи чрезъ каждое мѣсто по противоположнымъ направленіямъ, было бы всегда одинаково, — и въ слѣдствіе

Digitized by Google

того равновѣсіе между частями атмосферы, не смотря на ихъ движеніе, оставалось бы неизмѣннымъ; характеръ вѣтра былъ бы всегда ровный и тихій. — Видимое состояніе атмосферы,— по причинѣ предполагаемой неизмѣняемости физическихъ свойствъ воздуха, — оставалось бы всегда одинаковымъ: кромѣ правильныхъ періодическихъ измѣненій теплоты и свѣта, мы не замѣчали бы въ ней никакихъ другихъ явленій.*

Переходя теперь отъ такого *идеальнаго* состоянія къ дѣйствительному порядку вещей, не трудно разгадать, какія перемѣны должны происходить въ этомъ необходимомъ движеніи атмосферы, и какими явленіями оно должно сопровождаться, и дѣйствительно сопровождается. — Я укажу только на слѣдующія обстоятельства:

I. По причинѣ разнородности земной поверхности, нагрѣваніе и охлажденіе различныхъ частей ея, происходитъ не равномѣрно; — отъ того, кромѣ означеннаго общаго движенія, различныя части атмосферы должны перемѣщаться между собою по различнымъ направленіямъ, повинуясь при этомъ общему закону равновѣсія и движенія упругихъ веществъ.

Вотъ первая причина частой перемѣны вѣтра!

II. По причинѣ неровностей на земной поверхности, воздухъ, текущій нижними слоями отъ полюсовъ къ экватору, встрѣчаетъ различныя препятствія, отъ которыхъ равномѣрность его движенія непремѣнно должна нарушаться: на нѣкоторое время онъ можетъ и долженъ какъ бы останавливаться и потомъ устремляться впередъ съ бо̀льшею скоростію, онъ можетъ и долженъ непремѣнно измѣнять по мѣстамъ свое направленіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ и движеніе верхняго воздуха не можетъ сохранять первоначальную свою правильность — потому что всѣ части атмосферы, и въ движеніи своемъ, постоянно стремятся возстановить общее равновѣсіе, нарушаемое такими измѣненіями въ отдѣльныхъ частяхъ ея.

Въ этомъ заключается вторая причина перемѣнъ, какъ въ направленіи, такъ и въ силѣ вѣтра.

---

* Состояніе атмосферы приближается у насъ къ этому *идеалу* въ немногіе совершенно ясные дни лѣтомъ и зимою.

Digitized by Google

III. Воздухъ, не нагрѣваясь отъ непосредственнаго дѣйствія солнечныхъ лучей, измѣняетъ свою температуру съ одной стороны отъ измѣненія своей плотности,—по мѣрѣ восхожденія вверхъ и паденія внизъ,—а съ другой отъ прикосновенія къ поверхности другихъ тѣлъ, или отъ смѣшенія съ другими массами воздуха, которое необходимо должно происходить при неравномѣрномъ движеніи частей его. Поэтому, во время движенія своего, различныя части атмосферы въ различной мѣрѣ измѣняютъ свою температуру, а вмѣстѣ съ тѣмъ и температуру тѣхъ веществъ, съ которыми приходятъ въ соприкосновеніе.—Изъ этого слѣдуетъ, что движеніе воздуха, получающее свое начало отъ неравномѣрнаго распредѣленія температуры на земной поверхности, не будучи въ состояніи уравнять ее, измѣняетъ только первоначальное распредѣленіе и такимъ образомъ уже въ самомъ себѣ содержитъ причину непрерывныхъ перемѣнъ, какъ направленія своего, такъ и своей скорости.

IV. По причинѣ послѣдовательнаго измѣненія температуры, нарушенія равномѣрнаго движенія и т. п., воздухъ, движущійся отъ экватора, спускается изъ верхнихъ слоевъ атмосферы къ поверхности земной не у самыхъ полюсовъ, но въ небольшомъ разстояніи отъ тропиковъ. Встрѣчая внизу противоположное теченіе, онъ вступаетъ съ нимъ въ непрерывную борьбу, результатомъ которой должна быть опять, кромѣ другихъ, сопровождающихъ ее обстоятельствъ, частая перемѣна въ направленіи и силѣ вѣтра во всемъ, такъ называемомъ, умѣренномъ поясѣ: смотря потому, подъ какимъ угломъ въ различное время встрѣчаются эти противоположные *потоки воздуха* и съ какою скоростію каждый изъ нихъ движется, перевѣсъ долженъ оставаться поперемѣнно то на той, то на другой сторонѣ; въ весьма рѣдкихъ случаяхъ взаимное ихъ дѣйствіе можетъ на время уничтожаться. Въ послѣднемъ случаѣ, на нѣкоторое время, атмосферный воздухъ долженъ придти въ неподвижное состояніе на болѣе или менѣе значительномъ протяженіи (тишина, безвѣтріе).

V. Водяные пары, привходящіе въ атмосферу отъ испаренія воды, находящейся въ различныхъ мѣстахъ земной по-

Digitized by Google

верхности, сохраняютъ свою прозрачность и упругость, свойственныя другимъ главнымъ составнымъ частямъ воздуха, только при опредѣленныхъ условіяхъ, — засисящихъ отъ количества ихъ въ опредѣленномъ пространствѣ и отъ температуры. Эти условія выражаются слѣдующимъ правиломъ: *при данной температурѣ можетъ совмѣститься съ даннымъ объемомъ воздуха только опредѣленное количество паровъ.* Если такое *наибольшее* количество паровъ уже есть въ данномъ объемѣ воздуха, то при малѣйшемъ пониженіи температуры, нѣкоторая часть ихъ выдѣлится, переходя постепенно изъ прозрачнаго — упругаго состоянія въ туманную массу, капли, снѣжинки и т. п.

Переносясь изъ одного мѣста въ другое, воздухъ содержитъ въ себѣ, въ различное время, различное количество водяныхъ паровъ, смотря потому, какъ долго и при какой температурѣ находился онъ вблизи поверхности воды или влажной почвы; слѣдовательно, если онъ въ какомъ-нибудь мѣстѣ близокъ къ наибольшей сырости, или, какъ обыкновенно выражаются, къ состоянію насыщенія, то дальнѣйшее охлажденіе его ниже опредѣленной степени, должно быть сопровождаемо осажденіемъ изъ него воды въ видѣ тумана или облаковъ, росы, дождя, снѣга, града и пр. При послѣдовательномъ же за тѣмъ нагрѣваніи, не только полу-осѣвшая, такъ сказать, влага снова должна разрѣшаться въ пемъ, т. е. переходить въ прозрачное — упругое состояніе, — но и вода съ поверхности земли должна снова въ него испаряться. Слѣдовательно чѣмъ быстрѣе и сильнѣе охлажденіе воздуха, тѣмъ быстрѣе и въ бо́льшемъ количествѣ должны выдѣляться изъ него водяные пары въ различной формѣ; а такое охлажденіе его можетъ произойти, какъ сказано прежде, или вслѣдствіе прикосновенія съ холодными поверхностями другихъ тѣлъ на земной поверхности, или вслѣдствіе смѣшенія съ охлажденнымъ прежде воздухомъ.

VI. Со времени открытія воздушнаго электричества мало по малу дознано, что этотъ *физическій дѣятель* (agens) во всякое почти время, въ бо́льшей или въ меньшей степени, обнаруживаетъ свое присутствіе въ атмосферѣ. Источникъ

Digitized by Google

его до сихъ поръ не вполнѣ постигнутъ; но законы проявленія и дѣйствія опредѣлены довольно подробно.* Въ приложеніи къ атмосфернымъ явленіямъ необходимо помнить слѣдующее: электричество, будучи распредѣлено *опредѣленнымъ* образомъ между различными тѣлами, остается въ такъ называемомъ равновѣсіи, т. е. ничѣмъ необнаруживаетъ въ нихъ своего присутствія; при всякомъ же измѣненіи такого распредѣленія, равновѣсіе нарушается; — но электричество само собою стремится тотчасъ же возстановить оное; при этомъ возстановленіи оно обнаруживается въ видѣ искры, сопровождаемой трескомъ, въ томъ случаѣ, когда переходитъ изъ одного *проводника* въ другой черезъ вещество *непроводящее*, и когда количество его, приходящее такимъ образомъ въ движеніе, достаточно для того, чтобы преодолѣть сопротивленіе *непроводника*.—Въ атмосферѣ, при всякомъ быстромъ и обильномъ осажденіи водяныхъ паровъ, съ такою же быстротою нарушается равновѣсіе электричества между различными массами воздуха, равно какъ между воздухомъ вообще и поверхностію земли; слѣдующее за тѣмъ мгновенное возстановленіе нарушеннаго равновѣсія нерѣдко сопровождается обыкновенными явленіями грозы: *молніею* и *громомъ*.— При медленномъ осажденіи водяныхъ паровъ также конечно происходитъ нарушеніе равновѣсія въ воздушномъ электричествѣ,—но оно постепенно возстановляется, не оставляя видимыхъ слѣдовъ для наблюдателя.**

---

* Въ физическихъ опытахъ мы *производимъ*, какъ обыкновенно говорятъ, электричество преимущественно посредствомъ взаимнаго тренія разнородныхъ веществъ. Кромѣ того мы замѣчаемъ болѣе или менѣе ясное *освобожденіе* электричества при различныхъ химическихъ процессахъ, или вообще при различномъ дѣйствіи *молекулярныхъ силъ*. Какой изъ этихъ извѣстныхъ намъ *источниковъ* электричества поддерживаетъ постоянное присутствіе его въ атмосферѣ, — на это Наука не можетъ отвѣчать удовлетворительно.

** На этомъ основаніи воздушному электричеству нельзя приписывать участія въ образованіи другихъ атмосферныхъ явленій. Самая *гроза* (молнія и громъ) есть только спутникъ быстраго осажденія водяныхъ паровъ, повторяющагося отъ послѣдовательнаго весьма быстраго смѣшенія разнородныхъ массъ воздуха (см. подробнѣе *Dove* — Meteorologische Untersuchungen. 224—242).

Digitized by Google

Соображая теперь исчисленныя мною въ этомъ краткомъ обзорѣ обстоятельства, или условія, при которыхъ происходитъ никакому сомнѣнію неподверженное постоянное перемѣщеніе воздуха отъ экватора къ полюсамъ и отъ полюсовъ къ экватору, необходимо надобно заключить, что они сами по себѣ могутъ и должны быть принимаемы за *ближайшія* (*второстепенныя*) *причины* тѣхъ явленій, совокупность которыхъ мы называемъ *погодою*, относительно даннаго времени, или *климатомъ*, относительно даннаго мѣста. *Первоначальною же причиною* ихъ останется въ такомъ случаѣ различное дѣйствіе солнечныхъ лучей въ разныхъ мѣстахъ земнаго шара, при удобоподвижности атмосфернаго воздуха и разнородности земной поверхности.

Но въ какой именно степени эти условія, при совокупномъ ихъ вліяніи на движеніе атмосферы, *достаточны* для объясненія всѣхъ явленій, происходящихъ предъ нашими глазами? На это конечно нельзя еще отвѣчать положительно съ такою же увѣренностію, съ какою напр Астрономы утверждаютъ, что причина движенія планетъ заключается единственно во *всеобщемъ тяготѣніи*.

Такая разность убѣжденія въ своихъ теоріяхъ между Астрономами и Метеорологами происходитъ отъ того, что условія, при которыхъ происходитъ движеніе различныхъ частей атмосферы, такъ многосложны и такъ измѣняемы, что всѣ усилія Геометровъ, выразить ихъ строгими математическими формулами, остались до сихъ поръ безуспѣшными;* напротивъ того для выраженія условій, при которыхъ происходитъ движеніе планетъ, найдены весьма точныя и, для вычисленія, довольно удобныя формулы.—Поэтому астрономическая теорія можетъ быть строго повѣрена наблюденіями во всѣхъ своихъ подробностяхъ, — метеорологическая же не можетъ быть подвергнута такой строгой и подробной повѣркѣ.—По этой же причинѣ Астрономъ, по данному взаимному положенію свѣтилъ небесныхъ для извѣстнаго

---

* См. *Lindenau* въ Monatlich. Correspondenz Th. XIII. 435. Th. XV. 40. и *Schmidt* — Lehrbuch der Naturlehre. Giessen. 1826.

Digitized by Google

времени, можетъ опредѣлить, посредствомъ вычисленія, какая перемѣна должна произойдти впослѣдствіи, — а Метеорологъ изъ даннаго состоянія погоды, даже на всей земной поверхности, не можетъ вывести совершенно вѣрнаго заключенія о будущей перемѣнѣ, хотя бы основаніе метеорологической теоріи было также несомнѣнно, какъ и основаніе теоріи астрономической.

Не имѣя такимъ образомъ общаго *критеріума* для полной *теоріи*, Метеорологи могутъ однакожъ подвергать болѣе или менѣе строгой повѣркѣ частныя заключенія, выводимыя изъ общихъ началъ. Такъ, напр., между направленіемъ и скоростію вѣтра на опредѣленномъ пространствѣ земной поверхности, съ одной стороны, и температурою, влажностію и упругостію воздуха въ разныхъ мѣстахъ этого пространства, съ другой стороны, на основаніи общихъ физическихъ законовъ, должны существовать постоянныя отношенія. Если такого рода теоретическія заключенія, хотя приблизительно оправдываются наблюденіями, то и этого уже достаточно для подтвержденія справедливости общихъ началъ теоріи; потому что, и при частныхъ такого рода теоретическихъ выводахъ, не всегда бываетъ можно принимать въ разсчетъ большую часть тѣхъ условій, которыя имѣютъ мѣсто въ дѣйствительности.

И такъ единственное средство для успѣха Метеорологіи, въ смыслѣ точной науки (la science exacte), состоитъ въ томъ, чтобы какимъ-нибудь образомъ устранить или обойти тѣ затрудненія, которыя встрѣчаются при построеніи общей *теоріи*. А этого нельзя достигнуть иначе, какъ подробнымъ изслѣдованіемъ тѣхъ соотношеній, которыя выражаются въ самыхъ явленіяхъ, подлежащихъ наблюденію. Анализы прежнихъ метеорологическихъ наблюденій обнаружили уже нѣсколько точекъ соприкосновенія между разнородными явленіями въ атмосферѣ.* Нѣтъ сомнѣнія, что послѣдующія наблюденія прольютъ еще большій свѣтъ на Науку.

* Кромѣ сказаннаго мною въ разныхъ мѣстахъ этой рѣчи о взаимной связи атмосферныхъ явленій, см. подробнѣе: *Dove* — Meteorologische Untersuchungen. Berlin. 1837 стр. 1—99.

Digitized by Google

Явленія такъ-называемаго *земнаго магнитизма* почти до нашего времени, оставались совершенно изолированными отъ другихъ атмосферныхъ явленій. Но обширныя изслѣдованія *Гансteена*, который подробно разсмотрѣлъ и привелъ въ систему всѣ магнитныя наблюденія, сдѣланныя до того времени, обратили вниманіе и другихъ Естествоиспытателей на этотъ предметъ, требующій внимательнаго и глубокаго изученія.* Первымъ плодомъ общей ихъ дѣятельности было окончательное рѣшеніе вопроса, относительно существованія правильныхъ — періодическихъ измѣненій въ направленіи магнитной стрѣлки, подобныхъ тѣмъ, какія замѣчаются въ показаніяхъ термометра, барометра и гигрометра. Далѣе въ самомъ распредѣленіи магнитизма по земной поверхности дѣйствительно обнаружилось большое сходство съ распредѣленіемъ температуры, которое яснѣе всего выражается въ совпаденіи магнитныхъ полюсовъ земли съ полюсами холода. Наконецъ внезапныя и неправильныя отклоненія магнитной стрѣлки отъ обыкновеннаго направленія (les deviations brusques de l'aiguille), замѣченныя прежде во время *сѣверныхъ сіяній*, оказались одновременными для различныхъ мѣстъ земной поверхности.

---

* *Christopher Hansteen* — Untersuchungen über den Magnitismus der Erde; 4. Christiania 1819. Въ предисловіи къ этому сочиненію (стр. XI) замѣчательны слѣдующія слова *Гансteена:* »Со временъ *Кеплера* и *Ньютона* »взоры всѣхъ Европейскихъ Геометровъ обращаемы были къ небу съ тою »цѣлію, чтобы изслѣдовать движеніе планетъ въ малѣйшихъ подробностяхъ »и опредѣлить взаимныя ихъ возмущенія; теперь было бы желательно, что»бы они хотя на нѣкоторое время, низвели свои взоры къ центру земли; »потому что и тамъ есть замѣчательныя рѣдкости, стоющія ихъ вниманія. »Нѣмымъ языкомъ магнитной стрѣлки земля выражаетъ движенія, внутри »ея происходящія; если бы мы умѣли разбирать пламенныя письмена »Полярныхъ (сѣверныхъ) сіяній, то они были бы для насъ не менѣе по»учительны. Связь Метеорологіи съ сѣверными сіяніями, слѣдовательно »съ магнитными силами, бросается прямо въ глаза; равнымъ образомъ за»мѣчательно сходство (тождество) между Гумбольдтовыми изотермами и »линіями одинаковаго магнитнаго наклоненія».

Digitized by Google

Съ другой стороны весьма важныя открытія *Эрштеда* (1820 г.), *Себека* (1821 г.) и *Фарадея* (1831 г.), сдѣланныя около тогоже времени въ области опытной Физики, несомнѣнно доказали, что между отдѣльными физическими *дѣятелями*, или *силами*: электричествомъ, магнитизмомъ и теплотою, при опредѣленныхъ условіяхъ, весьма ясно обнаруживается внутренняя связь и взаимная зависимость (nexus causalis), о которой прежде только что догадывались, на основаніи одной аналогіи.

Всѣ эти обстоятельства были причиною, что и *магнитныя* наблюденія мало-по-малу стали входить въ общую систему *метеорологическихъ*, а вмѣстѣ съ тѣмъ и собственно метеорологическія наблюденія стали получать вездѣ общій, болѣе правильный планъ и болѣе обширный размѣръ. — Для магнитныхъ наблюденій оказалось необходимымъ устроить особенныя обсерваторіи, потому что нѣкоторые изъ магнитныхъ приборовъ требуютъ столько же твердаго и постояннаго установленія, какъ и астрономическіе инструменты, и, кромѣ того, близость желѣза, въ различномъ видѣ употребляемаго при постройкѣ обыкновенныхъ зданій, производитъ особенное измѣненіе въ направленіи магнитныхъ стрѣлокъ, которое нельзя смѣшивать съ измѣненіями, зависящими отъ вліянія земнаго магнитизма. — Неутомимая дѣятельность знаменитыхъ ученыхъ: *Гумбольдта*, *Араго*, *Купфера* и *Гаусса*, возбудила живое сочувствіе къ этому предмету не только въ ученыхъ Обществахъ, но и въ просвѣщенныхъ Правительствахъ, которыя изъявили готовность доставить имъ всѣ матеріальныя средства, сколь бы дороги онѣ ни были, для приведенія въ исполненіе ихъ обширныхъ плановъ. Въ непродолжительное время, въ разныхъ мѣстахъ земной поверхности, отъ Парижа чрезъ Германію и Россію до западныхъ береговъ Америки, возникли магнитныя Обсерваторіи, въ которыхъ, кромѣ ежедневныхъ метеорологическихъ и магнитныхъ наблюденій, производимыхъ въ установленные часы, наблюдатели, нѣсколько разъ въ году, въ условленные дни, почти ежеминутно, слѣдятъ за направ-

Digitized by Google

леніемъ магнитной стрѣлки. Теперь метеорологическія и магнитныя обсерваторіи съ каждымъ годомъ возрастаютъ въ числѣ, и съ каждымъ годомъ пріобрѣтаютъ новыя средства для своевременнаго изданія въ свѣтъ наблюденій въ правильномъ систематическомъ порядкѣ, съ предварительными выводами общихъ результатовъ. Послѣднее обстоятельство весьма важно для будущихъ успѣховъ Науки, потому что наблюденія, не обработанныя въ свое время надлежащимъ образомъ и не приведенныя въ общую систему, образуютъ собою, для будущаго времени весьма богатый рудникъ; но извлеченіе изъ него драгоцѣнныхъ сокровищъ тѣмъ труднѣе бываетъ, и тѣмъ дороже стоитъ, чѣмъ больше ихъ въ немъ содержится.

Плоды наукъ зрѣютъ вообще весьма медленно: по этому нельзя удивляться, что въ настоящее время, не смотря на многостороннюю дѣятельность ученыхъ въ области теоретической и практической Метеорологіи, не смотря на богатыя средства, находящіяся у нихъ подъ руками, остается еще много вопросовъ, которыхъ рѣшеніе предоставляется будущему времени. Во всякомъ случаѣ мы имѣемъ однакожъ полное право думать, что безкорыстные труды теперешнихъ ученыхъ, равно какъ содѣйствіе и покровительство, оказываемыя имъ со стороны Правительствъ во всѣхъ образованныхъ Государствахъ, будутъ предметомъ глубочайшей благодарности и въ позднѣйшемъ потомствѣ. — И въ этой благодарности имя Августѣйшаго Монарха, подъ мудрымъ правленіемъ котораго мы имѣемъ счастіе наслаждаться всѣми благами просвѣщенія, безъ всякаго сомнѣнія будетъ воспоминаемо и прежде и чаще другихъ; потому что ни въ одномъ Государствѣ не предоставлено столько средствъ со стороны Правительства для воздѣлыванія Метеорологіи, сколько въ нашемъ любезномъ Отечествѣ.

М. Спасскій.

Digitized by Google

ТЕОРІЯ СМѢШНАГО,

СЪ ПРИМѢНЕНІЕМЪ КЪ РУССКОЙ КОМЕДІИ.

СТАТЬЯ II.

Въ памятникахъ народной нашей Словесности, какъ письменныхъ, такъ и устныхъ, разсѣяны многія прекрасныя и глубокія черты Русскаго комизма. Мы, конечно, соберемъ ихъ воедино тогда, когда отвлеченные вопросы объ искусствѣ будемъ обращать въ живые и приготовлять матеріалы для народной науки объ изящномъ. Теперь же сдѣлаемъ что возможно.

Въ самыхъ отдаленныхъ притчахъ народныхъ, какія доноситъ намъ древнѣйшая наша лѣтопись, собравшая ихъ, вѣроятно, изъ устъ самого народа, выражается наша наклонность къ смѣшному. »Пищанцы Волчья хвоста бѣгаютъ« — такъ корила Русь Радимичей, жившихъ на рѣкѣ Пищанѣ и побѣжденныхъ Воеводою, который прозывался Волчій хвостъ. Радимичи были Польскіе выселенцы въ землѣ Русской.

Слово Даніила Заточника, гдѣ грусть и добрый смѣхъ такъ глубоко слились воедино, заклеймило дурачество, этотъ всегдашній предметъ комедіи, словами высокаго комизма: »дураковъ ни орютъ, ни сѣютъ, ни собираютъ въ житницы: они сами родятся.« — «Мертвеца не разсмѣшить, дурака не научить.»

Слово о полку Игоревѣ такъ повсемѣстно проникнуто горемъ раздробленной, растерзанной земли Русской, что, казалось, негдѣ было здѣсь и улыбнуться творцу его. Однако и тутъ, въ одномъ мѣстѣ, самомъ темномъ, иноскательно выражается его комическая иронія, а именно

Digitized by Google

тамъ, гдѣ говоря о раздѣленіи знаменъ на Рюриковы и Давидовы, авторъ Слова поражаетъ безуміе враждующихъ между собою князей, намекомъ на животныхъ, которыя носятъ рога, признакъ силы, а сами хвостами вилляютъ (но рози нося имъ, хоботы пашутъ).

Въ пѣсняхъ Русскихъ, собранныхъ Сибирскимъ козакомъ Киршею Даниловымъ, образецъ смѣшнаго есть *глупый Дурень, неразумный Бабинъ*, который гуляетъ по Руси, чтобы *людей видати и себя казати*, и что ни слово скажетъ, такъ выходитъ у него глупость, и все не въ попадъ: такъ между прочимъ, сыновьямъ, которые хоронятъ мать и поминаютъ отца, желаетъ по сту на день, по тысячѣ на недѣлю; новообрачнымъ—царства небеснаго, а старцу — сужено понятн. Типъ человѣка, который все дѣлаетъ некстати, есть типъ, взятый воображеніемъ народнымъ изъ міра дѣйствительнаго: это типъ у насъ ходячій. Но комикамъ онъ еще недостался: народный мотивъ не разработанъ искусствомъ.

Пословицы наши, какъ сокровище здраваго Русскаго ума, для комика, имѣющаго дѣло съ безуміемъ, представляютъ кладъ неистощимый. Вникая въ глубокій смыслъ ихъ, поэтъ комическій можетъ въ разумѣ самаго народа почерпать идеи для своихъ комедій. Пословицы наши, вмѣстѣ съ готовыми для нихъ заглавіями, тоже для комика, что мотивы народныхъ мелодій для композитора оперы. Намъ особенно любопытны тѣ пословицы, которыя клеймятъ дурачество, а ихъ довольно много. Всѣ отличаются необыкновенною мѣткостью и силою. »Въ дуракѣ и Царь не воленъ!» а по другому варіанту: «Въ дуракѣ и Богъ не воленъ!» — «Дураку законъ не писанъ.» — «Дуракъ времени не знаетъ.» — «Дуракъ въ воду кинетъ камень, а десять умныхъ не вытащутъ.» — «Дуракъ дурака дуракомъ и погоняетъ.» — «Дуракъ не боится креста, а боится песта.» — «Дуракъ по дуру далеко ходилъ.» — «Дуракамъ и въ олтарѣ не спускаютъ.» — «Заставь дурака Богу молиться, онъ

Digitized by Google

радъ и лобъ разбитъ.» — Такихъ пословицъ противъ дурачества безчисленное множество — и въ каждой изъ нихъ заключена комедія. — Пословица Русская позволяетъ смѣяться надъ грѣхами: «грѣхи чинятъ смѣхи», говоритъ она, но не тогда, когда смѣяться уже поздно: «грѣхъ не смѣхъ, когда придетъ смерть.»

Въ одной весьма умной народной сказкѣ про царя Соломона и сына его Соломку, сей послѣдній представленъ образцомъ Русскаго остроумія. Царь Соломонъ, желая испытать умъ его, задаетъ ему невозможныя задачи, — а онъ отражаетъ ихъ такими же: въ числѣ другихъ есть задача, чтобы быкъ отелился; Соломка, вмѣсто отвѣта, сѣетъ вареный горохъ на пути, гдѣ царь проѣзжаетъ. «Да развѣ вареный горохъ выростетъ?» спрашиваетъ царь. «Да развѣ быки телятся?» отвѣчаетъ Соломка. Этотъ же самый Соломка въ той же сказкѣ хитростью провелъ чорта въ аду—и тѣмъ спасся оттуда.

Іоаннъ Грозный, какъ геніальный человѣкъ, вмѣщалъ въ себѣ многія черты Русскаго характера. Онъ одаренъ былъ въ высшей степени комическою ироніей, которую обнаружилъ въ своемъ сатирическомъ посланіи въ Кирилло-Бѣлозерскую обитель, направленномъ противъ злоупотребленій монастырской жизни, ему современной; но страстная натура Іоаннова мѣшала ему владѣть этою ироніею хладнокровно. Она раздражительна, какъ самъ Іоаннъ.

Никто, конечно, не вмѣщалъ въ себѣ столько Русскихъ стихій, какъ Петръ Великій. Въ немъ можно отыскать зародыши всего нашего развитія въ новую эпоху, по всѣмъ отраслямъ, не исключая и Словесности. Своими пышными праздниками побѣдъ Петръ предсказалъ торжественную, великолѣпную оду Ломоносова; своими пародіями — успѣхи Русской комедіи. Въ немъ комизмъ Русскій развернулся въ первый разъ во всей его силѣ и направленъ былъ противъ того, что̀ отжило и мѣшало движенію Русскаго народа впередъ. Петръ, какъ Русской, любилъ шутку, понималъ силу смѣшнаго и ненавидѣлъ дурачество. Первое Апрѣля Нѣмецкихъ актеровъ на Мо-

Digitized by Google

сковскомъ театрѣ его только что разсмѣшило. Свадьба шута его Шанскаго, игранная со всѣми старинными обрядами, была преддверіемъ къ Русской комедіи, обращенной на то, что̀ отживало вѣкъ свой и теряло уже смыслъ. Четвероугольникъ изъ краснаго сукна на спинахъ у̀ раскольниковъ и желтый козырь на затылкѣ служили ему политическими орудіями смѣшнаго противъ тѣхъ, которые всего болѣе своими формами обезсмысливали жизнь древнюю. Извѣстенъ указъ Петра Великаго противъ дураковъ въ фамиліяхъ, изданный въ 1722 году. Особенная любовь Петра къ Фламандской школѣ живописцевъ обнаруживаетъ въ немъ ту же наклонность къ комическому. Гравированныя карикатуры на многіе обычаи старины разошлись по народу и были однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ къ уничтоженію отжившаго стараго. Народъ понялъ Петра, и съ тѣхъ поръ полюбилъ и самъ сочинялъ карикатуры.— Петръ угадалъ любовь Русскаго народа къ Баснѣ и предсказалъ обильное развитіе этого рода Поэзіи въ Русской Словесности. Въ публичномъ саду Петербурга, назначенномъ для народнаго гульбища, онъ повелѣлъ устроить фонтаны и на каждомъ изобразить по Эзоповой баснѣ въ лицахъ: при фонтанѣ, на жестяной дощечкѣ, прибитой къ столбу, четкимъ Русскимъ письмомъ написана была самая Басня съ нравственнымъ ея истолкованіемъ, а у входа въ гульбище встрѣчалъ гуляющихъ и самъ горбатый Эзопъ.

Направленіе, данное Петромъ Великимъ всей жизни Русской новаго періода, отразилось немедленно и въ комедіи. Талантъ, воспитавшійся около Петра, въ любви къ наукамъ и въ ненависти къ врагамъ ихъ, сынъ его друга, Кантемиръ, началъ съ сатиры новое развитіе Русской Словесности — и употребилъ ее орудіемъ защиты учрежденій Петровыхъ и своего негодованія противъ невѣждъ. Сатиры Кантемировы, какъ сатиры Гораціевы, содержатъ въ себѣ богатые матеріалы для комедіи. Имъ недостаетъ только дѣйствія и драматической формы разговора.

Но сатирою не могъ быть созданъ языкъ Поэзіи Русской. Сатира, наровнѣ съ комедіею, имѣетъ содержаніемъ

Digitized by Google

стихію отрицательно-изящнаго, противорѣчіе жизни. Только въ согласіи съ жизнію дѣйствительной, въ полномъ сочувствіи съ ея явленіями, поэтъ можетъ создать языкъ положительно-изящный. Для того нуженъ былъ періодъ полнаго восторга — и такимъ-то было царствованіе Елисаветы, а носителемъ этого восторга — Ломоносовъ. Міръ, въ которомъ жила мысль его, былъ міръ чисто-идеальный: вотъ почему онъ создалъ науку и языкъ поэтическій.

Но когда, за періодомъ исключительнаго восторга, послѣдовало и нѣкоторое охлажденіе, когда сочувствіе ко всему славному и великому въ отечествѣ перестало мѣшать разуму видѣть то, что противорѣчило ему и полагало препятствія къ полнотѣ величія, — тогда, въ царствованіе Екатерины, настоящимъ создателемъ Русской комедіи явился Фонъ-Визинъ.

Были Русскія комедіи и до Фонъ-Визина. Сумароковъ, Лукинъ, Веревкинъ, Клушинъ, Княгиня Дашкова, занимали Русскую публику своими произведеніями на сценѣ. Таланты актеровъ комическихъ содѣйствовали развитію комедіи. Шумской заставлялъ хохотать изо всей силы самого Фонъ-Визина, и тѣмъ, можетъ быть, приготовлялъ въ немъ будущаго комика. Но не смотря на то, мы все таки Фонъ-Визину приписываемъ созданіе Русской комедіи, — почему? — потому что Фонъ-Визинъ создалъ Русскій комическій языкъ.

Можетъ быть, скажутъ, что я слишкомъ много приписываю языку комедіи, что есть еще дѣйствіе, интрига, лица, характеры? — Въ языкѣ комическомъ я полагаю все, потому что безъ него нѣтъ вполнѣ художественной комедіи. Онъ даетъ жизнь и характерамъ; въ немъ и рисунокъ, и живыя краски дѣйствующихъ лицъ. Безъ него мертво и самое дѣйствіе, если бы даже и отличалось какою-нибудь особенною суетою, которой вообще чужда наша комедія. Наконецъ въ немъ проявляется истинно творческая сила художника; въ немъ воспроизводится, бьетъ наружу тотъ внутренній, сосредоточенный хохотъ, въ которомъ комикъ, извлекая все неразумное изъ его ничтожества, какъ вѣятель на току, взвѣваетъ его передъ нами летучей мякиной и прахомъ,

Digitized by Google

очищал отъ плевелъ добрую, питательную пшеницу нашего ума и сердца. Смѣхъ, производимый на насъ языкомъ комическимъ, есть тайна силы геніальнаго комика: это чудное сочетаніе сердца и разума, ихъ взаимный отзывъ другъ другу, столько рѣдкій въ человѣкѣ, и совершающійся не безъ внутренней боли о томъ, что̀ подаетъ поводъ къ ихъ значительному совпаденію.

Немногія комедіи отмѣчены у насъ этою печатью вдохновеннаго языка: таковы комедіи Фонъ-Визина, Горе отъ Ума и Ревизоръ. Гораздо обильнѣе внѣшнимъ дѣйствіемъ, театральными эффектами, шумный рой остроумныхъ и колкихъ комедій Князя Шаховскаго; но никогда не отличались онѣ языкомъ комическимъ. Стихи въ комедіяхъ Хмѣльницкаго, какъ стихи, пожалуй, гораздо лучше стиховъ Грибоѣдова; но стихи и комическій языкъ въ стихахъ — двѣ вещи совершенно различныя. Гладкость и чопорность стиха помѣшали бы Грибоѣдову наложить на его лица ту печать типическую, которую они носятъ.

И посмотрите, какъ неизмѣнно вѣренъ жизни и искусству остается этотъ языкъ! Языкъ идеальной поэзіи въ современникахъ Фонъ-Визина устарѣлъ для насъ. Языкъ лицъ, преданныхъ имъ осмѣянію, не старѣетъ никогда.

Могутъ быть гладкіе стихи, внезапныя риѳмы, можетъ быть легкость и живость разговора, но все это вмѣстѣ не составитъ еще того, что̀ называемъ мы комическимъ языкомъ. — Княжнинъ, недавно сдѣлавшійся предметомъ изученія нашихъ журналовъ, открывшихъ въ прежней Русской литературѣ Калифорнскіе пріиски для критики, по недостатку матеріаловъ въ современной,—Княжнинъ никогда не имѣлъ комическаго языка. — Приказныя выходки Ябеды мѣстами печатлѣютъ эту комедію тѣмъ же достоинствомъ языка; но, къ сожалѣнію, шестистопный ямбъ помѣшалъ ему развернуться во всей его силѣ.

Если, между произведеніями современной Русской Словесности, вы встрѣтите комедію, которая вся отличается этимъ неотъемлемымъ достоинствомъ комическаго языка, которая

Digitized by Google

въ немъ передаетъ живыя краски своихъ дѣйствующихъ лицъ и того сословія, откуда они взяты, — зная важность того, что̀ значитъ комическій языкъ въ комедіи, отдайте же всю справедливоеть такому произведенію и необыкновенному таланту ея автора, и отличите его отъ многихъ другихъ, которые чужды того же достоинства.

Замѣчательно, что языкъ лицъ, осмѣянныхъ въ комедіи,—если бы даже они были взяты изъ кореннаго Русскаго быта, куда не проникла стихія иностранная, гдѣ привыкли мы слышать нашъ истый Русскій языкъ въ его силѣ и простотѣ, — языкъ такихъ лицъ, которыя изображаютъ паденіе этого быта, отзывается тѣмъ же самымъ паденіемъ. Ихъ безнравственности и неправдѣ ихъ поступковъ соотвѣтствуютъ отсутствіе логики, здраваго смысла, и какое-то внѣшнее безчестіе ихъ рѣчи. Ихъ синтаксисъ лукавъ и запутанъ до того, что не отыщешь въ немъ ни подлежащаго, ни сказуемаго, а всего менѣе связи. Это не народный языкъ, это не тотъ языкъ, изъ котораго поэтъ можетъ брать жемчужины въ свои созданія: это языкъ падшей части народа. У коренныхъ дворянъ Симбирскихъ Карамзинъ первоначально учился языку, но лица дворянскія въ Фонъ-Визинскихъ комедіяхъ языку доброму не научатъ. Со многими купцами, какъ истыми представителями Русской народности, бесѣдовать необходимо для пользы отечественнаго языка; но лица изъ купеческаго сословія, выводимыя въ комедіяхъ, говорятъ языкомъ падшей его части. Комедія клеймитъ этотъ языкъ, какъ и самыя лица, имъ говорящія, своимъ неотразимымъ смѣхомъ, а то, надъ чѣмъ мы смѣемся, противорѣчитъ нашей разумной природѣ, какъ ея недостойное.

Отъ имени науки искусства замѣтимъ, что языкъ комедіи, какъ бы ни были низки ея лица, не долженъ никогда впадать въ какую-то особенность условности, въ тѣсноту афеньской рѣчи, которую Французы называютъ argot. Вотъ недостатокъ, котораго всегда избѣгали у насъ геніальные комики. Языкъ Фонъ-Визинскихъ лицъ, самыхъ ничтожныхъ, общъ. Въ комедію вы не будете же переносить какихъ-нибудь особенныхъ недостатковъ, принадлежащихъ

Digitized by Google

только вашимъ знакомымъ; въ комедію не внесете вы анекдота, какъ анекдота, какъ частнаго случая, если нельзя изъ него извлечь никакого общаго дѣйствія: точно также, въ комедію нельзя вносить тѣхъ частностей рѣчи, которыя могутъ быть весьма замѣчательны и забавны гдѣ-нибудь, въ какомъ-нибудь недоступномъ для всѣхъ закоулкѣ, а не въ состояніи возбудить общаго участія.—Изящное искусство имѣетъ въ виду только общее, а частное допускаетъ по стольку, по скольку можетъ обобщить его, т. е. превратить въ мысль свою и дать ему такую форму, которая, хотя и носитъ на себѣ типическій признакъ извѣстнаго времени, но красотою можетъ быть понятна всѣмъ вѣкамъ и народамъ.

Въ теоріи комедіи весьма важенъ другой, щекотливый вопросъ объ ея отношеніи къ современному обществу, передъ которымъ она является. Содержаніе предлагаютъ ей недостатки этого же самаго общества. Ихъ осмѣиваетъ она—и, тѣмъ возводя современниковъ до разумнаго сознанія ихъ недостатковъ, подвигаетъ ихъ впередъ. Недостатки прошедшаго въ насъ уже не возбуждаютъ живаго участія, а потому комедія, хохотомъ своимъ ихъ уничтожившая, какъ бы ни была превосходна, удаляется со сцены.

Случалось намъ иногда слышать одностороннее мнѣніе, при появленіи нѣкоторыхъ комедій, что ими можетъ оскорбиться, или все общество, или та часть его, которой недостатки преимущественно въ нихъ преданы посмѣянію. Этому противорѣчатъ рѣшительно всѣ событія, какія только можетъ представить историческая критика, особенно изъ исторіи нашей отечественной комедіи. Вспомнимъ слова, которыя сказалъ Графъ Н. И. Панинъ Фонъ-Визину, послѣ чтенія Бригадира: «Ваша Бригадирша намъ всѣмъ родня; никто сказать не можетъ, что такую же Акулину Тимоѳеевну не имѣетъ или бабушку, или тетушку, или какую свойственницу.» — Весь Петербургъ былъ наполненъ комедіею Фонъ-Визина, особливо когда онъ прочелъ ее въ Эрмитажѣ для Императрицы. Вспомнимъ достопамятное, хотя трагическое, слово Потемкина послѣ перваго представленія

Digitized by Google

Недоросля: «Умри, Денисъ, или больше ничего уже не пиши!» Эти слова выражаютъ всеобщій восторгъ, произведенный комедіями Фонъ-Визина. — Москва, первая, расплодила во множествѣ рукописей «Горе отъ Ума» — комедію, которая предавала осмѣянію многіе обычаи Московской жизни. Всю комедію знала Москва наизусть, еще въ то время, когда живы были подлинники, послужившіе натурщиками для художника. Всегда былъ полонъ театръ, когда давалось Горе отъ Ума. Теперь Москва смотритъ отчасти на эту комедію, съ нѣкоторымъ торжествомъ сознанія, что это уже картина прошедшаго, хотя живо памятнаго всему ея обществу.

Нѣтъ ни одного, конечно, города въ Россіи, который бы принялъ Ревизора на свой счетъ, и который не наполнилъ бы самаго посредственнаго ярмарочнаго театра, объявившаго на афишкѣ Гоголеву комедію.

Въ наше время комики стали заимствовать сюжеты изъ купеческаго быта: именитое сословіе купцовъ, первое, рукоплещетъ такимъ комикамъ. Тому ли сословію, которое въ наше время воспитало Крашенинникова, оскорбляться, если честная, искренняя комедія заклеймитъ смѣхомъ и стыдомъ позоръ злостнаго банкрутства или другаго какого порока? Эти пятна составляютъ исключенія, которыя надобно скорѣе смывать съ себя. Злостныхъ банкрутовъ, конечно, лучше видѣть на сценѣ, нежели на Ильинкѣ — и можетъ быть, въ этомъ случаѣ, благотворная комедія полезнымъ смѣхомъ избавитъ общество отъ тѣхъ народныхъ позорищъ, которыя, хотя и составляютъ государственную необходимость, но всегда горьки сердцу, горячему къ добру своего отечества и къ пользѣ своихъ ближнихъ.

Если общество изъ среды своей воспитало художника, который можетъ въ комическомъ созданіи сознать его недостатки, — значитъ, оно сдѣлало шагъ впередъ, оно готово уже сбросить ихъ, — и смѣхъ комика, въ этомъ случаѣ ему содѣйствующій, не есть плодъ одной его личности, а созрѣлъ на всей почвѣ общественнаго воспитанія, есть отголосокъ всеобщій, нашедшій свое художественное выра-

Digitized by Google

женіе въ даровитомъ поэтѣ, которому принадлежитъ талантъ, но который самъ своими сочувствіями и новыми требованіями принадлежитъ окружающему его обществу, въ немъ же самомъ замѣтно идущему впередъ.

Есть еще весьма важный вопросъ въ теоріи комедіи, относительно къ дѣйствующимъ лицамъ: необходимы ли въ ней бываютъ, рядомъ съ порочными людьми, которыхъ предаетъ она осмѣянію, люди нравственные, образцы совершенства? настоитъ ли надобность, вмѣстѣ съ дурачествомъ человѣческимъ, которое осмѣивается, выводить благоразуміе, которое уважается? Этотъ вопросъ рѣшенъ давно практически — рѣшенъ великою и поучительною ошибкою перваго же мастера Русской комедіи, Фонъ-Визина. Не вполнѣ еще сознавая свое художественное назначеніе, какъ свойственно бываетъ начинателю дѣла, боясь за героевъ смѣха, чтобы они не соблазнили слишкомъ людей благоразумныхъ, онъ, уступая, можетъ быть, и вкусу времени, вывелъ для оттѣнка нѣсколько добрыхъ и нравственныхъ лицъ. Но что же отсюда вышло? они поблѣднѣли передъ героями комическаго. Такое смѣшеніе вовсе не достигаетъ нравственной цѣли, къ которой стремится, — а напротивъ, даже вредитъ нравственному впечатлѣнію. Зритель начинаетъ зѣвать, когда выходятъ передъ нимъ Правдины и Милоны, и выжидаетъ съ нетерпѣніемъ появленія Скотинина, Митрофанушки и даже Простаковой. Самый Стародумъ, такъ удачно сравненный у Князя Вяземскаго съ хоромъ древней трагедіи, или съ парабазою Аристофановской комедіи, въ которой предводитель хора обращался къ зрителямъ отъ лица автора, — самый Стародумъ, оживленный болѣе чѣмъ другія лица, не спасается отъ искушеній этого нетерпѣнія, которое весьма естественно въ зрителѣ. Стихія комедіи хохотъ надъ глупостью человѣческою. Идеалъ разумнаго, не олицетворяясь въ какомъ-нибудь отвлеченномъ лицѣ, носится уже передъ зрителемъ, понимающимъ художника, какъ онъ носился передъ нимъ послѣднимъ во время созданія. Олицетворяемый же на сценѣ, онъ только рѣзко противорѣчитъ идеѣ художественнаго

Digitized by Google

цѣлаго, прерываетъ комическій восторгъ поэта и докучливо нарушаетъ веселое расположеніе зрителя.

Грибоѣдовъ понялъ это — и уклонился отъ недостатка. Его Чацкой далекъ отъ идеала совершенства. Сначала, онъ слишкомъ много жертвъ приноситъ обществу, ихъ не стоющему, а ужъ потомъ слишкомъ рѣзко на него нападаетъ. Въ немъ есть умъ, но нѣтъ разсудка, и потому нельзя его назвать вполнѣ разумнымъ человѣкомъ. За чѣмъ тратить идеи и метать бисеръ передъ тѣми, которыхъ не уважаешь? — Чацкихъ много. Они въ противорѣчіи съ собою, и неправы передъ обществомъ. Они, отъ пафоса декламаціи въ благовонныхъ гостиныхъ, переходятъ потомъ къ маскѣ презрѣнія: но и тамъ и здѣсь, они безсознательно лицемѣрятъ. Въ нихъ нѣтъ истины. И въ первомъ появленіи своемъ передъ свѣтомъ, и въ послѣднемъ, они не могутъ обойдтись безъ позы: это не живые люди, а актеры.

Гоголь, понявъ ошибку Фонъ-Визина, возвелъ рѣшеніе вопроса о лицахъ нравственныхъ въ комедіи на степень теоретическаго положенія. «Мнѣ жаль,— говоритъ онъ въ отвѣтъ своимъ обвинителямъ, которые не нашли ни одного честнаго лица въ его комедіи — мнѣ жаль, что никто не замѣтилъ честнаго лица, бывшаго въ моей піесѣ. Да, было одно честное, благородное лицо, дѣйствовавшее въ ней во все время продолженія ея. Это честное, благородное лицо былъ — смѣхъ.» Прибавимъ: это честное лицо воплощается въ самомъ зрителѣ; чѣмъ искреннѣе, полнѣе, простодушнѣе былъ смѣхъ его, тѣмъ сильнѣе выступало въ немъ самомъ нравственное чувство — и только одно излишество неумѣстнаго самолюбія, не признающее законовъ искусства, могло бы потребовать, чтобы это нравственное чувство, дѣйствующее и безъ того въ самомъ зрителѣ во время представленія комедіи, было воплощено въ какомъ-нибудь излишнемъ лицѣ, которое изъ живаго чувства, присущаго зрителю, сдѣлало бы нѣчто аллегорическое, отвлеченное, холодное, какъ всѣ нравственныя лица комедій Фонъ-Визина.

Digitized by Google

Нѣтъ, не нужно на однихъ и тѣхъ же вѣсахъ взвѣшивать, такъ сказать, глазами, очевидно, смѣхъ надъ безумнымъ и уваженіе къ благоразумному: существо комедіи таково, что первое въ видимости перетянетъ. Смѣясь надъ порокомъ, какъ глупостью, вы тѣмъ самымъ внутренно сознаете уже высокое уваженіе къ добродѣтели — и вамъ не нужно, изъ какого-то церасчетливаго лицемѣрія, оскорбляющаго искренность комедіи, выводить то уваженіе наружу, которое вы глубоко чувствуете внутри.

Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ Петръ Великій геніемъ своимъ рѣшилъ принять Русскому народу всемірное образованіе, утвердивъ его на началахъ жизни, выработанныхъ въ древнемъ періодѣ, съ тѣхъ самыхъ поръ, Словесность Русская, сатирою и комедіею, помогала Русскому обществу сознавать его недостатки и идти впередъ. Образованіе, призванное Петромъ, дѣйствуя особенно въ высшемъ сословіи, встрѣчало враговъ двоякаго рода: или упорное сопротивленіе лѣни и невѣжества, или блескъ вертопрашества, внѣшнія формы жизни образованныхъ народовъ безъ внутренняго содержанія. Кантемирова сатира и комедія Фонъ-Визина, прежде всего, преслѣдовали эти препятствія, которыя людское безуміе полагало обществу на пути истиннаго образованія. Комедія Русская обличала потомъ лихоимство, кривосудіе, пустоту формъ свѣтской жизни, ея нравственный вредъ, злоупотребленія гражданскаго управленія, животно-грубую жизнь провинціи и деревни. Сфера ея дѣйствія была преимущественно то сословіе, въ которомъ совершалось движеніе, данное Петромъ Великимъ.

Въ наше время, это движеніе сильно коснулось купеческаго сословія. Въ немъ загорѣлась та же потребность образованности. Новая жизнь его училищъ служитъ очевиднымъ тому свидѣтельствомъ. Но дѣло обходится также не безъ препятствій: невѣжество и лѣнь, кривыя понятія о торговлѣ и воспитаніи, блескъ формъ, лишенныхъ содержанія, роскошь на показъ — все это глубоко оскорбляетъ тѣхъ, которые чувствуютъ и сознаютъ новыя, благородныя потреб-

Digitized by Google

ности своего сословія, столько важнаго въ вѣкѣ развитія всемірной промышленности, призваннаго у насъ къ дѣйствію постоянному, твердому, для обогащенія государства и народа. Если Словесность, въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ, поможетъ этому сословію въ благородномъ очищеніи какихъ-нибудь наростовъ, противныхъ существу его, — въ такомъ случаѣ она окажетъ ему ту же самую услугу, какую уже оказала дворянскому.

Комическія дарованія никогда не изсякаютъ у насъ въ отечествѣ. Зародышъ ихъ крѣпко держится въ свойствахъ самого народа, а движеніе, данное Петромъ Великимъ, не останавливается. Тайна особеннаго сочувствія нашего къ комедіи національной, поражающей смѣхомъ современные недостатки общества, гдѣ бы они ни являлись, заключается, — повторю кстати, что уже сказалъ — въ твердомъ сознаніи свѣжихъ, разумныхъ силъ народа и государства, могущихъ изцѣлить каждый недостатокъ, лишь бы только онъ былъ искренно и добросовѣстно сознанъ. Мы не боимся насмѣшки, мы чужды въ этомъ случаѣ ложнаго, лицемѣрнаго стыда, мы любимъ комическіе таланты между писателями и актерами и желательно, чтобы они развивались, чтобы въ добромъ, веселомъ и простодушномъ смѣхѣ нашихъ комедій, очищался, и яснѣлъ болѣе и болѣе свѣтлый разумъ Русскаго народа.

С. Шевыревъ.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННИКЪ ВЪ 1850 ГОДУ.

(Литературный журналъ, издаваемый съ 1847 г. И. Панаевымъ и Н. Некрасовымъ.)

(Окончаніе.)

Обратимся теперь къ произведенію таланта, гораздо болѣе выработавшагося, нежели талантъ Г. Станицкаго, таланта болѣе зрѣлаго, съ особенною, ему только свойственною манерою, хотя точно такъ же не чуждаго страсти къ заданнымъ напередъ мыслямъ. Мы говоримъ о Г. Тургеневѣ, одномъ изъ болѣе замѣчательныхъ, безъ сомнѣнія, новыхъ дѣятелей въ нашей литературѣ. Не всегда произведенія его удовлетворяли насъ вполнѣ, не всегда соглашались мы съ мыслями, лежащими въ ихъ основаніи, но почти всегда отдавали справедливость тому болѣзненному юмору, который составляетъ ихъ отличительную черту причину достоинствъ и недостатковъ созданій автора. Не раздѣлять этотъ болѣзненный юморъ — можно, а иногда даже и должно, не сочувствовать ему — нельзя, какъ всякой ясно сознанной мысли, какъ бы ни расходилась она съ нашею собственною. Вездѣ у Г. Тургенева видно, что этотъ болѣзненный юморъ взятъ не на прокатъ, купленъ не дешево, — онъ добросовѣстенъ, часто этотъ юморъ доходитъ до горькой иронія надъ самимъ собою, и въ этомъ отношеніи мы уважаемъ даже такія произведенія Г. Тургенева, которыя съ художественной стороны осудить можно, какъ напримѣръ: Гамлетъ Щигровскаго уѣзда. Кромѣ того, въ Г. Тургеневѣ есть еще, кромѣ искренности, и задушевности, другое качество истиннаго поэта — сочувствіе природѣ, своеобразный, хотя часто причудливый взглядъ на ея явленія. Бѣда въ томъ только, что на всѣ свои картины Г. Тургеневъ накладываетъ туманный, сѣренькій колоритъ, что на самыя простыя явленія

Digitized by Google

смотритъ онъ подъ своимъ угломъ зрѣнія, что никогда почти не удается ему возвыситься до непосредственности взгляда: отъ этого, читая его произведенія, любишь въ нихъ поэта, но какъ-то невольно не довѣряешь истинѣ самаго созданія, чувствуешь какъ-то, что описываемое было на дѣлѣ не такъ, какъ оно описано, что многому въ сущности неважному или случайному придано значеніе типическаго подъ вліяніемъ извѣстнаго настройства души, извѣстнаго направленія мышленія. Случается иногда также и то, что произведеніе какъ будто двоится передъ вами, что передъ вами же, на вашихъ же глазахъ, вступаютъ въ борьбу его дѣйствительная и его ложная сторона. Отъ этого-то, мало у Г. Тургенева произведеній, которыя бы удовлетворяли, успокоивали требованія: большею частію они только раздражаютъ, приводятъ въ напряженное состояніе. За исключеніемъ весьма немногихъ изъ «Записокъ охотника» мы знаемъ у Г. Тургенева только одно сочиненіе, которое отличается оконченностью. Это — небольшая комедія: «Гдѣ тонко, тамъ и рвется,» такъ мало еще оцѣненная по достоинству и стоящая несравненно выше всѣхъ другихъ попытокъ автора въ этомъ родѣ.

Что касается до «*Записокъ Охотника*», то, если взять ихъ все вмѣстѣ, въ нихъ найдешь столько же недостатковъ, сколько и достоинствъ. Во многихъ изъ нихъ слишкомъ замѣтно выдается заданная напередъ тема, и только на нѣкоторыхъ («Хорь и Калинычъ,» Чертопхановъ и Недопюскинъ) лежитъ печать свободнаго творчества. Разбирать ихъ всѣ въ настоящую минуту было бы очень неумѣстно, и потому мы ограничимся только послѣдними изъ нихъ, напечатанными въ XI N. Современника за нынѣшній годъ. Одно только замѣчаніе позволимъ мы сдѣлать себѣ вообще обо всѣхъ этихъ разсказахъ: замѣчаніе, относящееся къ языку. Г. Тургеневъ явнымъ образомъ старается подслушать народную рѣчь, но большею частію переноситъ на бумагу только выраженія: въ постройкѣ рѣчи нѣтъ свободы, нѣтъ настоящихъ мѣстныхъ оттѣнковъ; видна какая-то тяжелая и мозаическая работа.

Digitized by Google

Новыя «Записки Охотника» представили намъ два разсказа—«*Пѣвцы*» и «*Свиданіе*». Въ «Пѣвцахъ» разсказывается слѣдующее не совсѣмъ правдоподобное происшествіе. Въ кабакѣ, извѣстномъ подъ названіемъ Притынный (по объясненію автора притыннымъ называется: мѣсто, куда охотно сходятся, *пріятное* мѣсто) передъ цаловальникомъ Николаемъ Иванычемъ, женой его, передъ пропившимся лакеемъ Обалдуемъ, передъ нѣкоторымъ Моргачемъ и дикаремъ—лицемъ совершенно непонятнымъ, происходитъ состязаніе двухъ пѣвцовъ: *рядчика* и *Яши Турка*. Изо всѣхъ лицъ, присутствующихъ при этомъ состязаніи, похожемъ на какой то споръ Германскихъ миннезингеровъ, понятны только *Обалдуй* и *Моргачь*: послѣдній въ особенности очерченъ авторомъ хорошо и просто:

Моргачь нисколько не походилъ на Обалдуя. *Къ нему тоже шло названіе Моргача, хотя онъ глазами не моргалъ болѣе другихъ людей.* Извѣстное дѣло: простой народъ на прозвища мастеръ. Не смотря на мое стараніе вывѣдать пообстоятельнѣе прошедшее этаго человѣка, въ жизни его остались для меня и, вѣроятно, для многихъ другихъ, темныя мѣста, какъ выражаются книжники, покрытыя глубокимъ мракомъ неизвѣстности. Я узналъ только, что онъ нѣкогда былъ кучеромъ у старой бездѣтной барыни, вдругъ пропалъ съ довѣренной ему тройкой лошадей, пропадалъ цѣлый годъ, и, должно быть, убѣдившись на дѣлѣ въ невыгодахъ и бѣдствіяхъ бродячей жизни, вернулся самъ, но ужь хромой, — бросился въ ноги своей госпожѣ и, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, примѣрнымъ поведеніемъ загладивъ свое преступленіе, по немногу вошелъ къ ней въ милость, заслужилъ наконецъ ея довѣренность, попалъ въ старосты, а по смерти барыни оказался отпущеннымъ на волю, приписался въ мѣщане, началъ снимать у сосѣдей бакши, разбогатѣлъ и живетъ теперь припѣваючи. Это человѣкъ смышленый, себѣ на умѣ, не злой и не добрый, а болѣе расчетливый; это тертый калачъ, который знаетъ людей и умѣетъ ими пользоваться. Онъ остороженъ и въ тоже время предпріимчивъ какъ лисица, болтливъ какъ старая женщина и никогда не проговаривается, а всякаго другаго заставитъ высказаться, впрочемъ не прикидывается простякомъ, какъ это дѣлаютъ иные хитрецы того же десятка; да ему и трудно было бы притворяться: я никогда не видалъ болѣе проницательныхъ глазъ, какъ его крошечныя и лукавыя *глядѣлки*. Онѣ никогда не смотрятъ просто: все высматриваютъ да подсматриваютъ. Моргачь *иногда по цѣлымъ не-*

Digitized by Google

дѣлямъ обдумываетъ какое-нибудь, по видимому, простое предпріятіе, а то вдругъ рѣшится на отчаянно смѣлое дѣло; кажется, тутъ ему и голову сломить.... смотришь все удалось, какъ по маслу пошло. Онъ счастливъ и вѣритъ въ свое счастье,—вѣритъ примѣтамъ. Онъ вообще очень суевѣренъ. Его не любятъ, потому что ему самому ни до кого дѣла нѣтъ, но боятся. Все его семейство состоитъ изъ одного сынишки, въ которомъ онъ души не чаетъ, и который, воспитанный такимъ отцемъ, вѣроятно, пойдетъ далеко. А Моргачонокъ въ отца вышелъ, уже теперь говорятъ о немъ въ полголоса старики, сидя на завалинкахъ и толкуя межъ собой въ лѣтніе вечера, и всѣ понимаютъ, что это значитъ, и уже не прибавляютъ ни слова.

Этотъ очеркъ характера—рѣшительно лучшее мѣсто въ разсказѣ. Хорошо также отношеніе Моргача къ Обалдую. Обалдуй принадлежитъ къ людямъ, которые при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ предаются нелѣпымъ порывамъ, сопровождаемымъ изъявленіями любви, объятіями, странными движеніями.

У него было множество знакомыхъ, которые поили его виномъ и чаемъ, *сами не зная за чѣмъ*, потому что онъ не только не былъ въ обществѣ забавенъ, но даже напротивъ надоѣдалъ всѣмъ своей безсмысленной болтовней, несносной навязчивостью, тѣлодвиженіями и безпрестаннымъ хохотомъ. Онъ не умѣлъ ни пѣть ни плясать, отъ роду не сказалъ не только умнаго, даже путнаго слова, все «лотошилъ» да вралъ что ни попало—прямой Обалдуй!»

Моргачъ, какъ и слѣдуетъ, унимаетъ, его порывы и презрительно называетъ его: «Іезонъ пзнѣженный!«

Третье лице, присутствующее при состязаніи, названное авторомъ Дикаремъ,—совершенно непонятно и вышло какъ-то неудачно таинственно.

Всего неудовлетворительнѣе описаніе самаго состязанія пѣвцовъ, описаніе, въ которомъ отражается односторонность чисто личнаго впечатлѣнія. Вслѣдствіе этой односторонности, авторомъ наброшенъ потомъ и на самую природу болѣзненный сѣрый колоритъ. Повсюду видитъ авторъ какое-то истомленіе, обезсиленіе; повсюду онъ подъ властію своей личной хандры и не можетъ отъ нея отрѣшиться ни на одну минуту. Въ самыхъ простыхъ вещахъ, какъ напримѣръ въ голосѣ мальчика, зовущаго другаго, слышитъ онъ что-то тоскливое, унылое, жалобное.

Digitized by Google

Точно такъ же мало удовлетворилъ насъ и другой разсказъ въ новыхъ «Запискахъ охотника» — «*Свиданіе*». Крестьянская дѣвушка выходитъ на послѣднее прощаніе съ важничающимъ и ломающимся каммердинеромъ знатнаго барина; но она до такой степени идеализирована, что часто напоминаетъ то Gretchen am Spinn-rade, то Офелію, разбирающую въ безуміи цвѣты. Самое отчаяніе ея, по уходѣ лакея, выходитъ какъ-то мелодраматично. И опять, разумѣется, природа платитъ за неудавшуюся сцену. И ясно для всякаго, кто не настроенъ одинаково съ авторомъ, что вся свинцовая тяжесть впечатлѣнія придается здѣсь присутствіемъ задней мысли. Вольно же автору только по притынным (т. е. по его толкованію — пріятнымъ) кабакамъ слушать пѣсни народа, вольно же ему принимать частное и случайное за что-то типическое!.... Болѣзненный юморъ умѣстенъ въ изображеніи Гамлета Щигровскаго уѣзда, но крайне неумѣстенъ здѣсь. Это тѣмъ болѣе достойно сожалѣнія, что въ другихъ случаяхъ Г. Тургеневу удавалось же стряхивать съ себя гнетъ болѣзненнаго взгляда и являлись у него лица въ родѣ Овсянникова, Хоря и Калиныча, Сучка, Чертопханова, цыганки Маши.

Не одинъ Г. Тургеневъ ищетъ матеріаловъ въ быту простаго народа, и не одинъ онъ неудачно попадаетъ на явленія этого быта. Еще съ прошлаго года начали появляться въ Современникѣ «Провинціальныя письма» Г. П. А-ва, обратившія на себя вниманіе новостью содержанія, остроумными замѣтками и неоспоримой наблюдательностью. Г. А-въ разработываетъ то же самое содержаніе, какъ и Г. Тургеневъ, преслѣдуетъ даже тоже самое, но совершенно по своему. Не болѣзненный, часто поэтическій и искренній юморъ автора Записокъ охотника, но злая, сухая иронія и строгій, хотя часто односторонній, анализъ поражаютъ въ очеркахъ Г. А-ва. Такъ же, какъ Г. Тургеневъ, онъ съ одной стороны ищетъ оригинальныхъ типовъ въ простомъ народѣ, гораздо чаще впадая впрочемъ въ преувеличеніе, гораздо рѣже попадая на настоящіе типы и еще менѣе владѣя настоящимъ складомъ Русской рѣчи; — и съ другой стороны, точно такъ же удачно анализируетъ онъ натуры маленькія

Digitized by Google

ких великих людей нашего времени; только, опять повторяемъ, совершенно по своему: онъ казнитъ ихъ безпощадно, смѣется безучастно, тогда какъ въ смѣхѣ Г. Тургенева слышны часто стоны, звучитъ какое-то участіе. Г. А-въ является въ этомъ отношеніи безстрастнымъ аналитикомъ, незнающимъ ни состраданія, ни злобы, находитъ какую-то сласть заниматься созерцаніемъ мелкихъ душевныхъ движеній какого нибудь Лобеуса или Володи Верженцева, любуется анализируемою имъ ложью. Однимъ словомъ, это одинъ изъ замѣчательно умныхъ наблюдателей, который однако не показываетъ себя художникомъ.

Не имѣя въ настоящую минуту подъ руками одного изъ самыхъ злыхъ провинціальныхъ писемъ, гдѣ Г. А-въ изобразилъ съ любовію музыканта Лобеуса, мы только напомнимъ читателямъ это письмо, напечатанное въ одной изъ послѣднихъ книжекъ Современника за прошлый годъ, тѣмъ болѣе, что вѣроятно они сами знакомы уже съ этимъ достолюбезнымъ субъектомъ и не забыли его безъискуственно скопированнаго образа. Замѣтимъ только, что болѣе злую, мѣткую и вмѣстѣ не насильственную иронію трудно встрѣтить. Нынѣшній годъ Г. А-въ подарилъ насъ новымъ столько же вѣрнымъ изображеніемъ Володи Верженцева въ своемъ V-мъ провинціальномъ письмѣ, которое рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ, большею частію весьма неудачныхъ по мысли и замѣчательныхъ только по нѣкоторымъ блестящимъ остроумiемъ выходкамъ. Но Володя Верженцевъ вылился просто aus einem Gusz, какъ говорятъ Нѣмцы. Этотъ etude совершенно безпристрастный и исчерпывающій рѣзкія стороны предмета, стоитъ подробнаго разсмотрѣнія, не смотря на то, что занимаетъ только нѣсколько страницъ. Володя Верженцевъ — ни болѣе, ни менѣе, какъ разоблаченный Тамаринъ, герой нашего времени сведенный съ ходуль, поставленный лицемъ къ лицу съ настоящею дѣйствительностію и оказывающійся лицемъ крайне комическимъ. Очеркъ Г. А-ва не болѣе какъ очеркъ, схватывающій только рѣзкія черты лица: авторъ провинціальныхъ писемъ, какъ мы сказали уже, не художникъ, и потому мы не станемъ тре-

Digitized by Google

бовать отъ него того, чего потребовали бы отъ художника; — но всегда пріятно слушать умнаго человѣка, который прямо, смѣло и просто смотритъ на явленія жизни.

Г. А-вѣ начинаетъ свое письмо злымъ и остроумнымъ разъясненіемъ значенія товарищей дѣтства вообще, и разсказываетъ объ одномъ изъ такихъ товарищей:

Звали его — говоритъ онъ — Вольдемаромъ, но этимъ пышнымъ именемъ красовался онъ *на сторонѣ*, а между нами извѣстенъ былъ подъ именемъ Володи. На двадцатомъ году своего возраста, Володя отличался добродушіемъ, мягкосердіемъ, терпѣніемъ и кротостью, всѣми добродѣтелями прекраснаго молодаго человѣка. Его можно было тогда посадить за книгу и оторвать въ какое угодно время отъ книги, увѣрить, что онъ геніальный человѣкъ, и черезъ часъ убѣдить, что онъ пустой человѣкъ; принудить его цѣлую недѣлю ѣсть хлѣбъ и соль изъ презрѣнія къ расточительности и матеріальнымъ наслажденіямъ, а потомъ въ одинъ день заставить промотать все свое мѣсячное жалованье. Надо сказать къ стыду товарищей, что послѣднюю штуку они довольно часто повторяли съ нимъ.

И такъ, товарищъ дѣтства автора, какъ видится изъ дѣла, принадлежитъ къ числу людей, что называется безхарактерныхъ, мягкихъ какъ воскъ и всегда готовыхъ подчиниться чужому вліянію, особенно если съумѣютъ возбудить ихъ самолюбіе, до крайности раздражительное. Для нихъ не существуетъ ясно сознанныхъ понятій о дурномъ и хорошемъ, о справедливомъ и несправедливомъ: у нихъ нѣтъ даже прочныхъ привязанностей ни къ людямъ, ни къ занятіямъ. Ихъ можно вести куда угодно и какъ угодно; раздразивши ихъ самолюбіе, можно заставить ихъ рѣшаться даже на самые эксцентрическіе поступки, по видимому совершенно противорѣчащіе ихъ мягкой натурѣ. Такіе люди всего болѣе боятся того, чтобы не заподозрили въ нихъ безхарактерности, робости и слабости, и случается даже, что они долгое время слывутъ за людей рѣшительныхъ, энергическихъ, пока наконецъ не оборвутся на какомъ нибудь ничтожномъ обстоятельствѣ.

Въ одну эпоху своей молодости — продолжаетъ авторъ — Володя былъ сильно занятъ вопросомъ: къ какому роду людей принадлежитъ онъ? къ храброму ли десятку или къ благоразумному отдѣлу ихъ? не понимаю, для чего нужно ему было знать это, но только онъ навязывался съ вопросомъ ко всѣмъ своимъ собратамъ.

Digitized by Google

Мы такъ думаемъ, напротивъ, что весьма понятно, почему Володя терзался въ эту раннюю эпоху своей жизни такимъ вопросомъ.... Душа его смутно чувствовала, что отъ разрѣшенія этого вопроса зависитъ вся его послѣдующая жизнь. Постараемся быть справедливѣе и нѣсколько человѣколюбивѣе автора въ отношеніи къ его герою. Таже самая раздражительная воспріимчивость, которая создала въ немъ столько смѣшныхъ и ложныхъ сторонъ, могла при другихъ обстоятельствахъ послужить основою для благороднѣйшихъ стремленій.

Но окруженный людьми, изъ которыхъ одни увѣряли, что онъ болѣе походитъ на труса и въ видѣ опроверженія заставляли его спускаться по жолобу съ верхняго этажа, лазить по крышамъ, перескакивать овраги и т. п., — другіе наоборотъ предполагали, что онъ имѣетъ врожденное чувство доблести, которое еще въ немъ не развито, и заставляли его дѣлать почти тоже самое.

Окруженный натурами, болѣе его опытными, но столько же пустыми, Володя совершенно растерялся, подстрекаемый безпрестанно къ эксцентрическому, привыкъ самъ отъ себя требовать постоянно крайностей. Отъ такого состоянія одинъ только шагъ къ другому, въ которомъ человѣкъ, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, становится на ходули, причисляетъ себя къ числу избранныхъ натуръ, которыя «невозвратно идутъ, къ чему ихъ повела случайность» — самую безосновность свою считаетъ за безграничность стремленій, безсодержательность за широту души, которой «міра недовольно.» И такимъ образомъ создался ужъ маленькій Фаустъ, который въ смѣшномъ самослѣпленіи взываетъ:

Хотѣлъ бы міръ обнять я мыслью безконечной
И въ смертный часъ сказать — вотъ міръ, а это я....

маленькій Чайльдъ-Гарольдъ, который готовъ надѣлать страшныхъ глупостей, чтобы создать себѣ репутацію чудовища, маленькій Донъ-Жуанъ, который всякую дебелую барыню, отдавшуюся ему con amore, возводитъ въ достоинство жертвы, маленькій Ловласъ, готовый remuer ciel et terre для побѣдъ надъ мѣстными Миссъ Клери....

Такимъ уже встрѣчаетъ своего товарища дѣтства Г. А-въ черезъ десять лѣтъ. Онъ слышитъ о немъ, какъ о человѣкѣ съ каменнымъ сердцемъ, съ желѣзнымъ характеромъ. Что̀ за чудо! думаетъ онъ.

Digitized by Google

Вышло чудо, еще большее нѣмъ я ожидалъ. Вообразите себѣ: Володя, тотъ Володя, къ которому я чувствовалъ родъ нѣжнаго влеченія, принялъ меня какъ нельзя хуже.... Онъ сбилъ меня совершенно съ толку: на первый мой порывъ связать нить нашего знакомства, порванную временемъ, Володя отвѣчалъ холодно; на воспоминанія молодости, которыми я думалъ задобрить его, онъ остался совершенно равнодушенъ, и наконецъ всякое теплое слово мое (а какъ удержаться отъ него при встрѣчѣ съ пріятелемъ Богъ знаетъ гдѣ!) удостоивалъ явнымъ презрѣніемъ, которое даже старался и выразить такъ положительно, чтобъ никакого сомнѣнія не осталось въ умѣ моемъ.

Иначе и быть не могло. Володя больше всего заботился о томъ, чтобъ въ самомъ дѣлѣ разорвать всѣ связи съ тою ранней эпохою жизни, когда еще для него возможенъ былъ выходъ изъ страшной *лжи*.

Но я замѣтилъ — продолжаетъ авторъ — одну легкую, едва видимую черту, заставившую меня продлить посѣщеніе, безполезность котораго начинала проявляться довольно ощутительно. Мнѣ показалось именно, что Володя заранѣе приготовилъ всю эту холодную манеру, которая должна была сказать мнѣ: ты и не воображай поддѣть меня чувствами — я уже не тотъ слабый человѣкъ, который дорожилъ прежде всякими пустяками.

Естественно, что какъ для Печорина—докторъ Вернеръ, для Тамарина—Ѳедоръ Ѳедоровичъ, такъ и для Володи Верженцева необходимъ собесѣдникъ, который бы игралъ съ нимъ комедію разочарованія. Авторъ рѣшился поддѣлаться подъ его тонъ:

Это удалось мнѣ какъ нельзя болѣе. Мы ѣдко и чрезвычайно тонко принялись разбирать нравственныя качества насъ самихъ. Володя оживился и говорилъ какъ книга. Всѣ крупныя и мелкія черты собственныхъ характеровъ разобрали мы удивительно тонко и съ великимъ знаніемъ самаго предмета. Къ концу засѣданія каждый изъ насъ имѣлъ удовольствіе убѣдиться, что въ собесѣдникѣ его не остается ни свѣжаго чувства, ни свѣтлой мысли, и ничего потребнаго для составленія искренней, продолжительной связи.

И разъ принявши на себя роль доктора Вернера, авторъ дѣйствительно достигъ самыхъ удовлетворительныхъ результатовъ. Этими результатами онъ любуется съ.... злобнымъ наслажденіемъ:

Digitized by Google

Родъ какой-то странной ежедневной, комедіи, сталъ разыгрываться передо мною съ этой минуты, — комедіи, полной самыхъ забавныхъ, самыхъ чудныхъ монологовъ. Я никогда не думалъ, чтобъ такъ много было у Володи содержанія для нихъ, но вѣдь *коротко только испытанное, а заимствованіе и подражаніе безпрестанны какъ жизнь.* То приходилъ ко мнѣ Володя мрачнѣе ночи, въ недужномъ состояніи головы и сердца и отъ наморщенныхъ бровей его вѣяло печалью, *какъ отъ плакучей ивы, колеблющейся надъ свѣжей могилой.* Всякое слово его повито было крепомъ, звучало мѣрно *какъ погребальный колоколъ.*

Если бы мы хотѣли отмѣчать всѣ черты, рѣзко схваченныя наблюдательнымъ авторомъ, намъ пришлось бы выписывать цѣликомъ многія мѣста; но по этимъ немногимъ выпискамъ читатели могутъ судить, какой подвигъ со стороны г. А-ва этотъ этюдъ, разоблачающій до нага надоѣвшихъ всѣмъ героевъ нашего времени. Здѣсь дорого каждое слово, каждое замѣчаніе. Въ обществѣ, Володя у него «ясенъ и блестящъ, *но* ясенъ и блестящъ какъ ледъ на зимнемъ солнцѣ.»

Съ иронической улыбкой смотрѣлъ онъ кругомъ себя, снисходительно отзывался о подозрительныхъ людскихъ дѣйствіяхъ, съ недовѣріемъ о тѣхъ, которые были похваляемы и *вообще былъ страшенъ въ холодномъ спокойствіи своемъ.* Только взоръ, взкоса брошенный на меня — добрый Володя! — объяснялъ, что все это говорено было собственно съ одной цѣлью: показать мнѣ разницу между старымъ и новымъ Володей.

Быть, во что бы то ни стало, выше самаго себя—дѣйствительно единственное стремленіе людей, подобныхъ Володямъ которыхъ, къ сожалѣнію, злось не мало въ нашемъ обществѣ. Авторъ обозначилъ слегка причины такого страннаго настройства души; не намъ кажется, что онъ не обратилъ надлежащаго вниманія на первыя впечатлѣнія ранней молодости своего героя: Володя долго служилъ потѣхою для своихъ товарищей — и разумѣется, вслѣдствіе этого, онъ безъ негодованія не могъ вспомнить о своемъ прошедшемъ. Разойдтись съ нимъ, съ этимъ опостылѣвшимъ ему прошедшимъ, показать, что онъ уже не прежній, что имъ нельзя уже играть какъ шашкой—вотъ его цѣль. Но онъ и не видитъ, бѣдный, что ему суждено вѣчно быть

Digitized by Google

игрушкою тѣхъ или другихъ, что для него возможна только перемѣна обстановки. Онъ весь истратился на мелочь, весь раскидался, разсѣялся, распустился: въ головѣ его хаосъ, въ сердцѣ — ложь и тьма безъ малѣйшихъ проблесковъ свѣта. Тайный, ни чѣмъ неваглушимый голосъ говоритъ ему, что такъ жить нельзя, что рано или поздно надобно выйдти изъ ложнаго положенія, — самолюбіе же подсказываетъ ему, что онъ, какъ высшая натура, можетъ выйдти изъ лабиринта только крайними путями. И вотъ передъ нимъ стоитъ постоянно, вопреки его слабой и робкой натурѣ, обаятельный идеалъ демонской силы, *абсолютнаго* отрицанія; въ ушахъ его такъ и звучатъ стихи поэтовъ:

Какъ царь, вѣжой и гордый, онъ сіялъ
Такой волшебно-чудной красотою,
Что было страшно, и душа тоскою
Сжималася.

Или:

Какъ младой,
Былъ гнѣвенъ, *полонъ гордости ужасной*,
И весь дышалъ онъ силой безконечной.

И несчастный ребенокъ начинаетъ насильственно рвать у себя въ душѣ всѣ моральныя основы для того, чтобы и объ немъ сказалъ кто-нибудь:

Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ,
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

Онъ начинаетъ поддѣлывать лице, голосъ, рѣчь, движенія, онъ добивается отъ себя ледяной улыбки, готовъ взваливать на себя уголовныя дѣла, лишь бы походить на страшный призракъ, преслѣдующій его повсюду.

Въ минуты такого душевнаго настроенія Володя обыкновенно садился небрежно въ креслы, *сжималъ голубые глазки свои*, придавая имъ выраженіе дѣтскаго добродушія, и самымъ умильнымъ голосомъ начиналъ повѣствовать, какъ не существуетъ для него ни радостей, ни огорченій въ жизни, какъ убилъ онъ въ себѣ всѣ безпокойныя стремленія, всѣ душевные и сердечные порывы, какъ счастливъ онъ одинъ съ самимъ собой, какое чудное одиночество образовалось у него въ груди, и прочее и прочее.

Digitized by Google

Бѣдный ребенокъ — онъ и не видитъ, что всѣ эти огромныя претензіи расходятся съ условіями его физической и нравственной природы, что всякому зрѣлому человѣку и всякой свѣжей непочатой натурѣ, которая какъ нибудь придетъ съ нимъ въ столкновеніе, тотчасъ же разоблачатся всѣ эти дикія претензіи; онъ идетъ безъ оглядки по выбранной имъ дорогѣ, не подозрѣвая, что рано или поздно разразится надъ нимъ неизбѣжная катастрофа разоблаченія. Двоякимъ образомъ можетъ совершиться эта катастрофа—смотря потому, совершенно ли испошлился человѣкъ, или осталось еще въ немъ что-нибудь нетронутое, нецеремѣнное; ибо часто въ подобныхъ несчастныхъ натурахъ лежатъ залоги лучшаго — и въ такомъ случаѣ, опыты жизни раскрываютъ человѣку глаза, и внутри его начинается кара сознанія — самая ужасная изъ каръ, но ведущая всегда къ благодатному исходу: путемъ саморазоблаченія, искреннимъ презрѣніемъ къ самому себѣ доходитъ онъ до того, что снова доискивается въ самомъ себѣ глубокихъ основъ, вѣры въ истинное, а не фальшивое человѣческое достоинство. Гораздо же чаще разоблаченіе не производитъ ни какихъ другихъ послѣдствій, кромѣ того, что герой, «непонятый людьми», еще крѣпче закутывается въ продыравленную мантію трагическаго величія, отправляется лечиться «живительными соками природы», впадаетъ въ какое-то сонное состояніе, сонными глазами смотритъ и на себя и на природу, и умираетъ въ грезахъ того же самообольщенія. Такъ или иначе, но катастрофа ждетъ на этомъ пути, — она же постигаетъ и Володю. Онъ сталкивается съ натурой крѣпкой, непочатой. Г. А—въ прекрасно очертилъ M-lle Anne, которая была Немезидою для его Володи.

Она вовсѣмъ не имѣла способности къ насмѣшкѣ, къ быстрому поражающему отвѣту, совсѣмъ не обладала даромъ ѣдкаго выраженія мысли, но замѣщала всѣ эти качества какой-то врожденной мягкостью всѣхъ своихъ сужденій, *какой-то зоркостью, невольно удивлявшей васъ.*

. . . . . .

Всѣ постепенности отношенія между Володей и M-lle Anne, чуждой всякихъ претензій, простой и искренней, но

Digitized by Google

вместѣ съ тѣмъ чрезвычайно способной отличать правду отъ лжи и владѣющей какимъ-то чутьемъ въ этомъ случаѣ, обозначены авторомъ съ самою строгою логическою послѣдовательностью:

Разумѣется, Володя съ первой же минуты своего знакомства почелъ за нужное показать дѣвушкѣ, полной вниманія ко всему окружающему, холодную, безстрастную, маску, которой украшалось его чело и которой она не видала еще ни на комъ. Разумѣется также, что первое впечатлѣніе дѣвушки было удивленіе. Нѣсколько времени она колебалась, не зная что думать про новое лице, смѣло требовавшее ея вниманія *во имя собственнаго безобразія*. Ей уже случалось *читать описанія подобныхъ характеровъ въ книгахъ*; но свѣжая и неопытная мысль ея ни какъ не могла представить себѣ яснаго образа ихъ, не смотря на весь вздержанный талантъ авторовъ.

Нечего, кажется, и пояснять, что здѣсь авторъ является наблюдательнымъ и опытнымъ психологомъ. Онъ поставилъ своей героини на ходули, не придалъ ей того, чего въ ней не было и не могло быть — ранней опытности. Онъ снабдилъ ее только тактомъ, только непосредственными дарами — и понятно, что первое чувство ея было удивленіе — болѣе еще — желаніе повѣрить на дѣйствительномъ фактѣ идеалы современныхъ писателей; понятно также въ ней и нѣкоторое чувство страха.

Встрѣтивъ живьемъ одну изъ такихъ личностей, M-lle Anne естественно испугалась. Въ отношеніяхъ ея съ Володей *наступила та минута отчужденія, жердишности*, которая предшествуетъ иногда самымъ близкимъ, короткимъ связямъ, но врожденное любопытство дѣвушки, составлявшее основную черту ея характера, превозмогло первое впечатлѣніе. M-lle Anne принялась затрогивать одну по одной разныя струны въ душѣ Володи, единственно изъ желанія узнать, какой звукъ издаютъ онѣ и прислушаться къ нимъ. Сперва приступила она къ дѣлу весьма робко; но чѣмъ далѣе шло, тѣмъ дѣвушка становилась смѣлѣе. *Вѣроятно, въ самыхъ звукахъ не было ничего раздирающаго и болѣзненнаго*, потому что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, M-lle Anne знала свой инструментъ въ совершенствѣ и играла на немъ такъ бойко, какъ самая записная концертистка.

Легко предвидѣть развязку комедіи. Володя разбитъ въ прахъ, фантастическое величіе его разсѣяно какъ дымъ, на него находятъ припадки откровенности и душевныхъ из-

Digitized by Google

лінній, потребности въ чужихъ совѣтахъ, въ чужомъ участіи. Когда, по совѣту автора, онъ рѣшается напрямки сказать M-lle Anne, что онъ только напуталъ на себя всѣ ужасныя вещи, — она отвѣчаетъ ему съ убійственной улыбкой:

Я давно знала, Владиміръ Семенычъ, что вы неспособны ни къ чему, о чемъ говорили.... и передъ другими всегда за васъ заступалась.

Когда послѣ этого онъ предлагаетъ ей дружбу и *вмѣстѣ съ ней свою опытность, знаніе свѣта и разсудокъ* она говоритъ: «я и не воображала, чтобъ по контракту можно было дружбу заключать.» Такимъ образомъ, ему не остается ничего, кромѣ ложнаго и притомъ смѣшнаго положенія. Бѣдный! а онъ вѣроятно *льстился надеждою* — заключить драму совершенно по-печорински, высосать апельсинъ и бросить его, — спросить гордо: вы меня презираете? — получить въ отвѣтъ: я васъ ненавижу! — поклониться и выйдти съ невозмутимымъ челомъ, въ величавомъ спокойствіи. Вышло не такъ — вышло то, что онъ попалъ въ смѣшное положеніе и не можетъ выйдти изъ него.

Какъ же ты до сихъ поръ не понимаешь — возражаетъ онъ на всѣ увѣщанія автора, совѣтующаго ему бросить все и уѣхать, — что если я не могу подойти къ Аннѣ Александровнѣ, то и уйти отъ нея рѣшительно не въ силахъ.

И такъ судъ разразился надъ нимъ, надъ этимъ soi-disant героемъ нашего времени, такъ долго тѣшившимъ себя грезами о собственномъ величіи — и какъ наивно, безжалостный авторъ кончаетъ этюдъ самой злой и сухой ироніей. На знакомомъ вечеру, куда уѣхалъ онъ, чтобы разсѣять непріятное впечатлѣніе, произведенное на него *признаніями* Володи, встрѣчаетъ онъ нѣкотораго Ниля Иваныча, имѣющаго привычку выражаться отборными фразами, и вотъ что говоритъ ему Ниль Иванычъ:

При проѣздѣ сюда я имѣлъ удовольствіе видѣть васъ. Выходя отъ Владиміра Семеныча, вы меня не замѣтили; но у меня пробѣжала въ головѣ мысль, которую сообщить вамъ считаю за долгъ. Короткое знакомство съ людьми непремѣнно имѣетъ вліяніе на собственный нашъ образъ мыслей. Вотъ почему слѣдуетъ быть крайне осторожнымъ съ Владиміромъ Семенычемъ. Конечно

Digitized by Google

ни я и никто въ нашемъ городѣ *не усомнится въ врожденной твердости его характера; это его неотъемлемое качество;* но къ сожалѣнію *сухость души и холодность сердца* мѣшаютъ ему заслужить то уваженіе, на которое онъ могъ бы имѣть право, владѣя даромъ, отъ природы даннымъ ему.

Читатели согласятся съ нами, конечно, что нельзя было отпѣть торжественнѣе героевъ, подобныхъ Володѣ. Послѣ этого не остается уже сказать ничего инаго, какъ: requiescat in pace!—что собственно и хотѣли сказать мы нашимъ подробнымъ разборомъ произведеній, въ которыхъ является съ различныхъ сторонъ все одинъ и тотъ же достолюбезный типъ. Къ сожалѣнію, только въ одномъ изъ нихъ это лицо поставлено въ настоящемъ свѣтѣ, т. е. тронуто съ комической стороны, единственной, которой можетъ еще оно быть въ настоящее время для искусства живымъ. Все, что было въ этомъ типѣ трагическаго и грандіознаго, давно уже исчерпано въ «Рене» Шатобріана, въ герояхъ Байрона, въ «Октавіѣ» А. де-Мюссе, въ Печоринѣ Лермонтова; пора дать покой этому трагическому, пора однимъ словомъ сказать обо всѣхъ этихъ герояхъ: «Древняя мимодоша!»

Иной типъ встаетъ уже мало по малу на развалинахъ этого мишурнаго величія, хотя покамѣстъ довольно робко пробирается онъ сквозь блестящіе ряды этихъ великосвѣтскихъ, разочарованныхъ героевъ, гордыхъ своимъ безстыдствомъ, готовыхъ, какъ женщины, наводить себѣ на лицо матовый цвѣтъ истомленія и пресыщенія, вѣчно толкующихъ о замкнутости и нетерпѣливо жаждущихъ хоть какому-нибудь терпѣливому слушателю *излить* свои дешевыя страданія, этихъ махающихъ картонными мечами господъ,—но тѣмъ не менѣе онъ уже показывается иногда, этотъ новый типъ, хотя ни разу еще не предсталъ онъ во всемъ своемъ простомъ благородствѣ, ни разу еще не сложился въ полный, цѣльный, законченный образъ подъ рѣзцомъ великаго мастера. Мы не знаемъ еще, каковъ будетъ этотъ новый т. е. настоящій герой нашего времени, но можемъ знать, и притомъ не гадательно, а вѣрно, что ближе будетъ онъ къ правдѣ. Человѣкъ такъ созданъ, что ему тяжело жить въ сосѣдствѣ

Digitized by Google

съ трупомъ, съ умершимъ нравственно или физически, что его влечетъ къ живому, что «живой живое и думаетъ», какъ говоритъ одна изъ нашихъ глубоко-мѣткихъ пословицъ.

И едва ли не въ первые выступило это живое въ произведеніи женщины: мы говоримъ о «Племянницѣ» Г-жи Евгеніи Туръ, романѣ неконченномъ, носящемъ на себѣ признаки какой-то поспѣшной работы, страдающемъ то произвольнѣйшими сокращеніями, то почти невыносимыми длиннотами — однимъ словомъ, слабомъ въ художественномъ отношеніи до того, что уважая талантъ автора «Ошибки«, мы не рѣшились бы и говорить о немъ, если бы среди его туманныхъ, безразлично-добрыхъ образовъ, не отличался одинъ какими-то новыми, хотя неясно переданными чертами, если бы среди его утомляющихъ подробностей не пробивалась иногда живая струя новой, свѣжей, здоровой мысли. Въ самомъ дѣлѣ всѣ читавшіе «Племянницу», не узнавали аналитика «Ошибки», всѣмъ кидались въ глаза то неумѣстныя недомолвки, то излишнія подробности, всѣхъ поражало отсутствіе красокъ, однообразный колоритъ всѣхъ сценъ, всѣхъ разговоровъ, всѣмъ было странно какое-то приторное добродушіе разсказа, дошедшее наконецъ до того, что сама Варвара Петровна, въ продолженіе первой части презлая-злая, вдругъ къ концу ея становится предобрая-добрая; — всѣ скучали надъ подробностями Машиной свадьбы и надъ чувствительными изліяніями героини романа съ Плетневымъ, и между тѣмъ, всѣ прочли до конца эту длинную первую часть и всѣ съ нетерпѣніемъ ждали второй. Таково вообще участіе, возбуждаемое въ каждомъ здоровой и серьезной мыслію. Всѣ грѣхи произведенія выкупаетъ характеръ Николая Иваныча Ильменева. О немъ одномъ мы и будемъ говорить здѣсь, потому что онъ одинъ поставилъ бы высоко произведенія г-жи Евгеніи Туръ, хотя бы подробности романа были еще утомительнѣе, вырѣзки и недомолвки еще безобразнѣе.

Суровую и тяжелую школу прошелъ Николай Иванычъ Ильменевъ, прежде чѣмъ столкнулся онъ съ дѣйствительностью. Отецъ его — управитель въ княжескомъ домѣ, былъ человѣкъ, что называется, практическій, и притомъ не въ луч-

Digitized by Google

шемъ смыслѣ этого слова; мать — одна изъ такихъ натуръ, которыя способны любить до полнаго самоуничтоженія и притомъ не по излишку страсти, а по слабости характера. Боясь обременить нашу, и безъ того уже длинную статью, выписками, мы должны обойдти замѣчательный очеркъ жизни Ивана Степаныча Ильменева, но не можемъ не указать на взаимныя отношенія отца и матери героя:

Скоро всѣ (*въ селѣ Брянцовѣ*) единодушно порѣшили, что она совсѣмъ не столичная птица и, видно, весьма неважная особа, а просто на просто дура набитая и рядомъ сказать двухъ словъ не умѣетъ; *такимъ образомъ ласковое ея обхожденіе со всѣми было вмѣнено ей въ порокъ и глупость тѣми же самыми людьми, которые должны были оцѣнить его.* О мужѣ ея говорить нечего: онъ рѣзко останавливалъ ее на каждомъ словѣ, бранилъ и окончательно запугалъ ее, *но все не могъ измѣнить этой любящей натуры.* Замѣчательно тоже, что она *и сама не признавала въ себѣ своего внутренняго преимущества надъ всѣми ее окружающими міромъ* и въ смиреніи признавалась сама себѣ *въ простотѣ и глупости*, что придавало ей еще больше робости. *Въ ней было отсутствіе всякаго яснаго сужденія* и непониманье самыхъ простыхъ истинъ, соединенное съ мягкимъ и добрымъ сердцемъ, и *все происходило въ ней безсознательно.*

Есть что-то трогательное въ этой инстинктивной добротѣ, есть много истинно-высокаго въ этомъ смиреніи; но вѣдь нельзя не согласиться, что участь подобныхъ слишкомъ нѣжныхъ натуръ по большей части весьма незавидна; что при первомъ столкновеніи съ жизнію онѣ оказываются несостоятельными; что все, что есть въ нихъ непосредственно-прекраснаго, переходитъ тогда въ нѣчто страдательное; что онѣ живутъ весь свой вѣкъ какими-то загнанными, забитыми, особенно если судьба сведетъ ихъ съ такими жесткими и дѣятельными натурами, какова была натура отца Николая Ивановича. Мы назвали его человѣкомъ практическимъ въ дурномъ смыслѣ этого слова.

Пройдя многое — говоритъ о немъ авторъ,—онъ по этому самому не жалѣлъ другихъ и не заботился спасать ихъ отъ чего бы то ни было, и всегда говорилъ будто въ оправданіе: *а развѣ я не былъ въ такихъ же передѣлкахъ?*

Digitized by Google

Николай Иванычь — сынъ этихъ двухъ совершенно не сходныхъ между собою существъ, родился больной и хворой; положеніе его въ отношеніи къ отцу и къ матери обозначено авторомъ, такъ сказать, съ трагическою послѣдовательностію. Безмѣрная любовь матери къ нему и безмѣрная же любовь его самаго къ матери, антипатія отца къ больному ребенку и страхъ ребенка, ранняя замкнутость и ранняя наклонность къ уединенію — все это необходимыя послѣдствія такого положенія. Но между тѣмъ, Николай Иванычь вышелъ въ мать только одною стороной своего существа, другая сторона была въ немъ общая съ отцомъ — твердость, ясное разумѣніе явленій, вѣрность взгляда на вещи. И впервые явилась въ немъ эта сторона, когда наука и тяжелые вопросы мышленія вырвали его изъ его мечтательнаго, замкнутаго мірка.

Недовѣрчивость къ самому себѣ и робость утратилась въ немъ; въ немъ родились убѣжденія во многихъ истинахъ; *жарко принялъ онъ ихъ на сердце и заключилъ* навсегда въ глубинѣ души. Его внутренняя сила, недѣйствующая, спящая, проявлялась *молчаніемъ и спокойствіемъ;* оттого многіе называли его скучнымъ; *онъ не высказывался безъ нужды.* Но когда задѣвали его задушевныя идеи, онъ просыпался и вставалъ и жарко, въ первой молодости, за нихъ ратовалъ. *Уступить, поступить иначе онъ не могъ.* Въ немъ были и убѣжденія, и послѣдовательность, и рѣшимость.

Ясно, что этотъ герой, котораго иныя черты, въ особенности спокойствіе до минуты пробужденія силы, представляютъ разительное сходство съ чертами характера Жака въ извѣстномъ романѣ этого имени, — ясно, что этотъ страстный и вмѣстѣ съ тѣмъ рано закалившійся на борьбу съ жизнію человѣкъ, не похожъ на разныхъ господъ, щеголяющихъ безплоднымъ отрицаніемъ; ясно, что онъ и способенъ жить и будетъ жить какъ подобаетъ человѣку, что дѣйствительность, какова бы она ни была, не сломитъ въ немъ крѣпкой воли, не разобьетъ этихъ разумныхъ и вмѣстѣ пламенныхъ вѣрованій, что власть и сила даны ему надъ самимъ собою и надъ жизнію.

Digitized by Google

И дѣйствительно, такимъ начинаетъ уже являться новый герой, не смотря на то, что образъ его не уяснился еще достаточно. Г-жа Евгенія Туръ вообще мало владѣетъ способностью воплощать въ яркіе и сжатые образы свои идеалы: дѣло ея — анализъ, иногда довольно глубокій, но почти всегда односторонній и неисчерпывающій цѣлаго, — она какъ-будто указываетъ только на богатство своего матеріала, но не умѣетъ схватить его главныхъ сторонъ. Отъ этого, самый характеръ Николая Иваныча, задуманный очень хорошо, весь утонулъ въ излишнихъ подробностяхъ съ одной стороны, и съ другой вышелъ какъ-то не цѣлостенъ, не полонъ, туманенъ отъ недомолвокъ. Между тѣмъ, повторимъ опять, указаній на новое лицо находится здѣсь очень много.

Въ первый разъ, герой романа вызывается на борьбу съ жизнію, когда отецъ начинаетъ поговаривать ему о службѣ.

Но Николай Иванычь объявилъ рѣшительно, что не чувствуетъ въ себѣ способностей и наклонности къ службѣ, гдѣ требуется безмѣрная и неутомимая дѣятельность, гдѣ требуются для совершеннаго исполненія долга знанія, которыхъ онъ не имѣетъ.

Такъ чему же ты учился? — спросилъ его Иванъ Степанычъ грозно.

Я былъ въ Математическомъ отдѣленіи и занимался естественными науками, и потому не могу идти въ такую службу, гдѣ требуется знаніе юриспруденціи.

Черезъ двѣ недѣли Иванъ Степанычъ поѣхалъ въ губернскій городъ, и возвратившись, объявилъ сыну, что мѣсто для его вступленія въ службу пріискано, и что черезъ двѣ недѣли они отправятся вмѣстѣ въ городъ. Онъ прибавилъ, что дастъ ему приличное содержаніе, необходимое при маломъ жалованьѣ, и что онъ уже нанялъ ему хорошую квартиру.

Николай Иванычь сказалъ только:

— Напрасно! —

И замолчалъ. Онъ рѣшился уѣхать въ Москву и искать себѣ мѣста по желанію.

Въ этой скромной безпритязательной стойкости, происходящей отъ серьезнаго пониманія долга жизни, чуждой равно и раболѣпнаго страха и дерзости, готовой на всякую борьбу за свою внутреннюю святыню, но въ самой борьбѣ не забывающей должнаго уваженія къ отношеніямъ и къ личностямъ, лежатъ задатки характера, конечно уже не

Digitized by Google

лишеннаго извѣстной грандіозности. Этотъ человѣкъ не станетъ ни въ какомъ случаѣ на ходули ни передъ самимъ собою, ни передъ другими; но если дойдетъ до дѣла, онъ поведетъ его послѣдовательно, чисто, прямо, не вдаваясь въ порывы мелочнаго самолюбія и вмѣстѣ съ тѣмъ не жертвуя ни чѣмъ, святымъ и завѣтнымъ какимъ бы то ни было отношеніямъ. Какія бы препятствія ни встрѣтилъ онъ, какія бы неудачи ни испыталъ,—препятствія не сломятъ его, неудачи не отнимутъ у него вѣры въ жизнь: онъ можетъ погибнуть, но ни минуты не будетъ онъ нравственно умершимъ, ни минуты не въ состояніи онъ услаждаться собственнымъ гніеніемъ. Въ немъ нѣтъ той нетерпимости въ отношеніи къ людямъ, которая составляетъ отличительную черту покойныхъ героевъ нашего времени; но въ немъ есть святая нетерпимость къ неправдѣ, и потому, съ одной стороны, онъ не разобщится съ жизнію, съ другой никогда не дойдетъ до примиренія со всякою пошлостію жизни.

Все, что говоримъ мы о новомъ героѣ, относится не столько къ Ильменеву неконченнаго романа Г-жи Евгеніи Туръ, сколько къ тому будущему типу, на который онъ является какъ бы намекомъ. Во всякомъ случаѣ даровитому автору *«Ошибки»*, едва ли не первому изъ нашихъ современныхъ повѣствователей, принадлежитъ та заслуга, что вмѣсто испошлившихся сколковъ съ Печорина выведено наконецъ новое лицо.

О самомъ содержаніи романа мы не скажемъ ни слова. Произведеніе Г-жи Туръ еще не кончено. Такъ же точно слегка упомянемъ мы только о небольшомъ разсказѣ «Долгъ», помѣщенномъ въ XI № Современника, граціозномъ разсказѣ, но безъ особенныхъ достоинствъ, Г-жи Туръ. Произведенія ея, даже и слабыя, слишкомъ рѣзко отдѣляются отъ всѣхъ почти остальныхъ повѣстей, помѣщенныхъ въ разбираемомъ нами журналѣ и болѣе или менѣе обязанныхъ своимъ появленіемъ на свѣтъ той несчастной задней мысли, которую мы видѣли доведенною до нелѣпости въ «Запискахъ Тамарина», въ «Странной ночи», въ «Дачномъ разсказѣ»,—которая помѣшала быть художнически безприст-

Digitized by Google

растнымъ Г. Станицкому, — набрасываетъ унылый, сѣренькій колоритъ на «Записки охотника», — и надъ которою мы отъ души смѣялись съ умнымъ авторомъ Провинціальныхъ писемъ. Слѣдя эту мысль съ самымъ усерднымъ вниманіемъ, мы нисколько не боялись навлечь на себя подозрѣнія въ родствѣ съ героемъ Сервантесова романа, сражающимся съ вѣтреными мѣльницами. Повторимъ опять, что многіе и весьма многіе еще не разочаровались въ разочарованіи или, пожалуй, въ безочарованіи, многіе еще способны увлекаться, вмѣсто жизни, миражемъ жизни и разрушеніе фантастическихъ Fata Morgana, принимать за разрушеніе дѣйствительно существующихъ зданій. Оговариваемся еще разъ въ томъ, что мы поясняли иногда стихами великихъ поэтовъ мелочныя душевныя движенія героевъ нашего времени. Читатели наши, вѣроятно, поняли нашу цѣль и ни разу не обвинили насъ въ неуваженіи къ Пушкину или къ Лермонтову. Не вина Пушкина и Лермонтова, что жизнь идетъ впередъ, что типы, въ извѣстное время истинные и поэтическіе, мелѣютъ и испошляются отъ безпрестанныхъ повтореній. Одинъ изъ замѣчательныхъ и даровитѣйшихъ Французскихъ писателей, къ сожалѣнію мало извѣстный у насъ, Шарль Нодье, творецъ Сбогара, бывшаго тоже *типомъ* въ свое время, говоритъ весьма справедливо:

Il n'y a que le genie qui invente les types, et s'est en cela que l'imitation la plus adroite me saurait le contrefaire. La contre-epreuve d'un type se trahit elle-même par les efforts qu'a fait l'esprit pour la soustraire à la comparaison et les efforts sont d'autant plus maladroits, *qu'on ne peut rien produire de vraisemblable, en alterant une nature vraie.*

Перейдемъ теперь къ перечисленію тѣхъ повѣстей Современника, которыя явнымъ образомъ принадлежатъ къ литературному балласту.

Сюда относятся:

1) *Ясные дни*, идиллія Г. Авдѣева. Содержанія этой идилліи, за его крайнею и невинною пустотою, мы не станемъ передавать, а посредствомъ краткой выписки познакомимъ только читателей съ манерою и слогомъ автора:

Вамъ, можетъ быть, случалось, мой читатель, или моя читательница, не разъ искрещивать Русь не по однимъ шоссе и,

Digitized by Google

отправляясь на лѣто въ деревню, дѣлать пути въ тысячу верстъ, которыхъ бы за глаза хватило, чтобы, перерѣзавъ всю Германію, доѣхать отъ Петербурга до Парижа, — и если случалось, то вы, конечно, помните эти длинные, жаркіе лѣтніе дни, когда утомленные зноемъ, безсонницей, вы ѣдете пять-шесть дней. Воображеніе ваше долго занимало и тѣшило васъ; наконецъ оно устало и утомилось какъ ваше тѣло; въ больной головѣ нѣтъ мыслей; передъ закрытыми глазами нѣтъ ни одной картины, а вы все ѣдете, ѣдете.... трясетесь вы по избитой дорогѣ и ни о чемъ не думаете, а зной такъ и душитъ, пыль стоитъ неподвижно, лошади бѣгутъ самой несносной перевалкой, которую онѣ кажется нарочно выдумали, чтобы сердить васъ; а передъ вами все безконечная, широкая дорога, съ двумя рядами березокъ, между которыми, по волѣ колеи, лавируетъ вашъ экипажъ отъ одного ряда къ другому, какъ мореходъ по фарватеру; и безконечная дорога отъ этого дѣлается еще длиннѣе, еще безконечнѣе.

Но вотъ зной спалъ, вечеретъ, станція близко и лошади побѣжали дружнѣе; при въѣздѣ на мостикъ, васъ такъ тряхнуло, что вы только успѣли вскрикнуть: Эхъ! и сонъ какъ рукой сняло. Свѣжій вѣтерокъ пахнулъ вамъ въ лицо. Вы начинаете подумывать о кипящемъ самоварѣ. и т. д.

Что же? — спроситъ съ удивленіемъ читатель, если не вдругъ пойметь въ чемъ дѣло, — что же? — повторитъ онъ съ недоумѣніемъ: — выписанное мѣсто очень недурно. — Еще бы!—когда оно цѣликомъ, т. е. и складомъ рѣчи и даже впечатлѣніями есть подражаніе извѣстному мѣсту «Мертвыхъ душъ»: «Есть что-то манящее и зовущее въ словѣ: дорога».... и т. д. — Еще бы! когда это мѣсто ученически переписано со словъ великаго мастера. Во всей «Идилліи» Г. Авдѣева такъ и видно, что авторъ учится теперь копировать Гоголя, какъ въ своемъ Тамаринѣ онъ учился копировать Лермонтова. Не знаемъ, какъ думаютъ другіе, а мы съ своей. стороны полагаемъ, что гимназическія упражненія хотя и полезны для образованія ума и сердца, со слогомъ включительно, но къ области литературы принадлежать не должны.

2) Разсказы: «Исторія двухъ пріятелей» и «Пари» — безцвѣтны и гладки такъ, что не сорвутъ съ вашихъ устъ даже улыбки какою-либо претензіею. Прочтете ихъ безъ удовольствія и безъ досады и тотчасъ же забудете.

3) Таковы же и нѣкоторыя изъ «Житейскихъ глупостей», кромѣ одной только, на которой мы остановимся, по-

Digitized by Google

тому что она обличаетъ претензіи безпримѣрныя. Это «Княжна Нелли» — разсказъ, отъ котораго дышетъ великосвѣтскостію.

Господа, — сказала хорошенькая хозяйка, *отодвинувъ отъ себя шампанское, положивъ оба локтя на скатерть* и приглаживая рукой свои закинутые назадъ волосы: есть еще одна вещь, о которой мы ни разу не говорили. Вы всѣ такъ *умны, холодны, самоувѣренны, такъ осторожны и насмѣшливы*, что.... вѣрно надѣлали каждый въ свою очередь безчисленную бездну глупостей.

Такъ начинается разсказъ, и уже по началу его мы можемъ догадываться, что попали въ общество людей, во первыхъ comme il faut, во вторыхъ, разочарованныхъ. Тутъ впрочемъ нечего и догадываться — и мы просто описались, поставивши этотъ глаголъ: дѣйствующія лица прямо называются здѣсь денди и джентльменами, — товаръ показывается лицомъ, — тонъ самый фешенебельный. Хозяйка требуетъ отъ гостей глупостей — *глупыхъ, неловкихъ, обидныхъ для самолюбія.*» Разсказываетъ таковую одинъ «красивый и задумчивый господинъ, *которому лѣнь было говорить во весь вечеръ*» Глупость его состоитъ въ томъ, что онъ влюбился какъ-то разъ въ дѣвочку, которой оказалось одиннадцать лѣтъ и которая кокетничала съ нимъ какъ пятнадцатилѣтняя. Въ этомъ все и дѣло, но нельзя и вообразить себѣ, какъ разъигралась нездоровая фантазія автора разсказа; нельзя исчислить всѣхъ претензій, которыя такъ и лѣзутъ тутъ изъ каждаго уголка. Княжна Нелли — 11-лѣтній монстръ, который кокетничаетъ крайне искусно, въ вѣтренной головкѣ котораго совершается *тяжелый процессъ мышленія.*

Замѣтивъ однако — говоритъ разскащикъ, — что многія изъ ея выраженій возбуждаютъ во мнѣ неумѣстную веселость, *хитрая* дѣвушка скоро догадалась, что смѣшная сторона не всегда бываетъ у мѣста въ нѣжномъ разговорѣ, и надо было наблюдать, *съ какою ловкостью выпутывалась она изъ каждой сказанной ею наивности!* То она притворялась разсѣянною, то говорила, что она нарочно ребячится, чтобъ посмѣшить меня, то признавалась, что ей ни разу не приходилось говорить съ молодыми мужчинами. Я не могъ не примѣтить изумительной гибкости въ умѣ Княжны Нелли: съ этихъ лѣтъ было въ ней *все нужное для свѣтской женщины;* но эта преждевременная гибкость ума была смягчена нѣжностью и простодушіемъ характера.

Digitized by Google

Подобное поэтизированіе аномаліи, подлежащей медицинскому обслѣдованію, было бы отвратительно и съ эстетической и съ моральной точки зрѣнія, если бы не выдавалась рѣзко смѣшная сторона его, однимъ словомъ — изворачивая наизнанку стихи Лермонтова — «все это было бы грустно, когда бы не было такъ смѣшно.« Серьезно говорить объ этомъ какъ-то совѣстно.

Къ числу *житейскихъ глупостей* мы позволяемъ себѣ причислить и комедію Г. А. Д. «Не всякому слуху вѣрь.» Объ этой комедіи, «въ краткихъ, но сильныхъ» выраженіяхъ, отозвался уже совершенно справедливо XII-й № Отечественныхъ Записокъ, — но, такъ какъ произведеніе Г. А. Д. написано въ драматической формѣ, и такъ какъ мы рѣшились обращать всегда особенное вниманіе на драматическую литературу, то и разсмотримъ содержаніе новой комедіи.

Дѣйствующія лица ея — съ одной стороны, дѣти, имѣющія претензіи быть большими, съ другой — взрослые, которые становятся на ходули, чтобы придать себѣ величіе. Какъ дѣти, такъ и взрослые здѣсь иногда отвратительны своими претензіями, иногда смѣшны, и притомъ смѣшны не въ пользу комедіи, а въ явный убытокъ ея автору, который играетъ съ читателями въ куклы и добросовѣстно увѣряетъ себя, что пишетъ комедію. Александръ Никитичь Запольскій, 20 лѣтъ, и жена его Евгенія Александровна, 17 лѣтъ — молодые супруги. Это еще не бѣда, что они молоды — «это бываетъ-съ», да то бѣда, что на всемъ безмѣрномъ пространствѣ Русскаго государства не найдется такого наивнаго *джентльмена*, какъ Саша Запольскій, который въ 20 лѣтъ глупъ какъ-то не по-Русски, т. е. глупъ до непониманія самыхъ простыхъ житейскихъ вещей — и вмѣстѣ съ тѣмъ, также не по-Русски, эксцентрикъ. Не бѣда бы также, что Евгеніи Александровнѣ только 17 лѣтъ, да бѣда въ томъ, что она—та же самая княжна Нелли, о которой мы только что говорили. У нея есть пансіонская подруга: Нини, т. е. Надежда Александровна, 18 лѣтъ, по замѣчанію автора «хорошенькая и кроткая дѣвушка, ходитъ всегда въ темномъ, въ пансіонѣ славилась прилежаніемъ

Digitized by Google

и солидностью.» Она говоритъ сентенціями изъ «учебныхъ упражненій», — нѣчто въ родѣ Клариссы Гарловъ съ ея смѣшной стороны, маленькая пуританка, какая никогда не выйдетъ изъ Русскаго женскаго учебнаго заведенія. Мы не знаемъ, какимъ образомъ Саша Запольскій женился на Евгеніи Александровнѣ, или, лучше сказать, кто имѣлъ глупость ихъ женить. Саша правда говоритъ гдѣ-то: «При второмъ нашемъ свиданіи мы уже были обручены и цѣловались такъ, что насъ насильно разсаживали порознь», — но вѣдь это еще не резонъ — можно было разсадить ихъ порознь на болѣе долгій срокъ. Правда, что тогда не было бы и комедіи. Саша Запольскій неизвѣстно гдѣ воспитывался, потому что ни изъ одного мужскаго учебнаго заведенія молодой человѣкъ не выноситъ сантиментальныхъ тирадъ, и даже домашнее воспитаніе не въ состояніи создать такого крайне невиннаго существа, развѣ только допуститъ, что ровно до дня свадьбы онъ оставался на рукахъ нянюшекъ и мамущекъ, былъ ими одѣваемъ, обуваемъ и умываемъ, чему противорѣчатъ его претензіи на трагическія выходки, прямо обличающія въ немъ новаго Тамарина. Онъ со страхомъ и трепетомъ ожидаетъ пріѣзда брата — дипломата Льва Никитича, а между тѣмъ не видитъ, что за женой его волочится отвратительный старый селадонъ Жигуновъ, который возбуждаетъ ея ревность, выставляетъ ее въ черномъ цвѣтѣ дипломату Льву Никитичу; Левъ Никитичъ потому только развѣ дипломатъ, что употребляетъ Англійскія слова и отличается какой-то важностью Индѣйскаго пѣтуха. Левъ Никитичъ, натолкнувшись на сцену бѣшеной ревности Евгеніи Александровны, рѣшается на время развести ребятъ, но къ сожалѣнію этого недѣлаетъ, потому что злодѣйскіе замыслы Жигунова выходятъ наружу. Вотъ и вся комедія. Нравы и языкъ ея лицъ *познаются* лучше всего изъ трогательной сцены прощанія двухъ супруговъ, имѣющей явную претензію на наивность и еще большую претензію на иронію. Вотъ на примѣръ отрывокъ этой сцены:

Саша. Вѣроятно, мы разстаемся не навсегда. Пріѣздъ моего брата открылъ мнѣ глаза: мнѣ стыдно, что я предаюсь праздности; но съ тобою я не прощаюсь на вѣки.

Digitized by Google

Евгенія Алекс. Если бъ ты бросилъ свои волокитства, мы бы помирились и уѣхали вмѣстѣ....

Саша. Къ чему, Женни? Волокитства не было. Ты почти знаешь это. Вина нашей разлуки въ характерахъ нашихъ, въ тѣхъ оскорбленіяхъ, которыя....

Евгенія Алекс. (быстро становится на колѣни). Я знаю, что я виновата!

Саша. (хочетъ поднять ее). Женни, полно же, Бога ради.

Евгенія Алекс. Я не встану. Если хочешь, кидай въ меня всѣмъ, брось мнѣ зеркало на голову.

Саша. (самъ становится на колѣни). Въ свою очередь, если я въ чемъ нибудь оскорбилъ тебя, моя Женни, прости меня.

Евгенія Алекс. (обнимаетъ его и садится на коверъ). Это твой братъ насъ перемутилъ обоихъ.

Саша. (тоже садится). Не обвиняй брата: онъ знаетъ, что дѣлаетъ; онъ понялъ нашу жизнь; ему надобно покориться.

Не правда ли, что отъ подобныхъ приторныхъ вещей становится уже не только смѣшно, но даже грустно за литературу, утрачивающую всякое серьёзное и разумное значеніе?

Но какое чувство владѣло нами, когда мы читали въ Современникѣ «Новоизобрѣтенную привиллегированную краску» и «Похожденія Ивана Чернокнижникова». Литература тутъ уже не просто испошлилась, нѣтъ, мы должны бы употребить здѣсь слово, которое печатно употреблено въ похожденіяхъ Чернокнижникова однимъ великосвѣтскимъ господиномъ о его пріятеляхъ.*

И между тѣмъ, мы находимъ необходимымъ довольно подробно говорить объ этихъ печальныхъ фактахъ, и выбираемъ даже тотъ изъ нихъ, который представляетъ собою геркулесовы столпы пошлости.

Сантиментальное путешествіе Ивана Чернокнижникова по Петербургскимъ дачамъ (N 7 и 8) съ самаго начала своего обличаетъ ироническое направленіе, и такъ какъ иронія хороша только тогда, когда она падаетъ на что либо дѣйствительно достойное посмѣянія и притомъ падаетъ мѣтко, то съ самаго же начала мы спросимъ, на что устремлена иронія

* Соврем. N VIII. Отдѣл. VI стран. 213, строка 12.

Digitized by Google

сантиментальнаго путешествія и какова она? Прежде всего авторъ путешествія смѣется надъ Петербургскими фельетонистами и надъ ихъ описаніями Петербургскихъ ночей, праздниковъ Излера и т. д.; но если кому случилось какъ-нибудь прочесть одно изъ ихъ описаній, тотъ вѣрно съ разу же понялъ, въ чемъ тутъ дѣло, отнесъ прочтенное къ области промышленности, да тѣмъ и покончилъ. Осмѣивать описаніе праздниковъ на дачахъ такими же точно описаніями — что изъ этого выходитъ?

Какой-то господинъ лѣтъ двадцати восьми, мрачнаго вида, въ синей альмавивѣ, нанимаетъ извощика на минеральныя воды. Сцена съ извощикомъ написана опять съ явной ироніей, устремленной на изслѣдователей Петербургскихъ угловъ, описателей различныхъ слишкомъ обыкновенныхъ произшествій. Иногородный подписчикъ Современника нѣсколько разъ уже вооружался на школу этихъ повѣствователей, только вооружался вкривь и вкось. Не въ томъ дѣло, что̀ описывается, а въ томъ, какъ описывается: глазъ художника въ самомъ обыденномъ явленіи подмѣтитъ новую черту, въ самыхъ простыхъ событіяхъ отыщетъ новый смыслъ: ничего, кромѣ самыхъ обыкновенныхъ произшествій, нѣтъ въ Тюфякѣ Г. Писемскаго — и между тѣмъ вѣетъ жизнію и непосредственностью сочиненія отъ этого разсказа; самыя необыкновенныя происшествія описываются въ повѣстяхъ Г. Дружинина, самые эксцентрическіе характеры выводятся имъ, самый фешенебельный тонъ въ нихъ господствуетъ, а все-таки на зрѣлаго человѣка производятъ онѣ впечатлѣніе кукольной комедіи. Иронія сцены съ извощикомъ пропала, стало быть, задаромъ, устремлена на то, что̀ нестóитъ иронiи, на бездарныя произведенія, которыхъ никто не читаетъ.

Далѣе слѣдуетъ глава: «Причины путешествія и краткій разговоръ съ привидѣніемъ» — съ эпиграфомъ: «Есть многое въ природѣ, другъ Горацiо и т. д.» Здѣсь уже рѣшительно непонятно, на что падаетъ иронія. Если на фантастическую сторону человѣческой души, то, въ настоящую минуту, насмѣшка надъ утрированнымъ фантастическимъ

Digitized by Google

направленіемъ запоздала нѣсколькими годами, — а сама фантастическая сторона вѣчна, какъ всякая сторона души человѣческой. И на какомъ основаніи въ началѣ дикой пародіи поставлены слова Шекспира, поэта наименѣе фантастическаго или фантастическаго постольку, поскольку вѣчна фантастическая сторона — тоже неизвѣстно. Профанація литературной святыни на всякаго мыслящаго человѣка производитъ тяжелое впечатлѣніе, и, вѣроятно, многіе скажутъ съ Сальери Пушкина:

Мнѣ не смѣшно, когда фигляръ презрѣнный
Пародіей безчеститъ Алигьери.

Въ главѣ III-й (Новая деревня и дачникъ Шайтановъ) описываются странности Петербургскихъ дачниковъ, странности, представленныя въ чудовищно-фантастическомъ видѣ и лишенныя всякой вѣроятности. Иронія и здѣсь не достигаетъ цѣли, потому что она груба какъ Суздальскія литографіи. Глава IV-я «Исторія о сапогахъ, поймашныть на удочку», съ эпиграфомъ изъ Матюрина, — такое же грубое и лишенное смысла малеванье.

Въ главѣ IV-й является на сцену новое лицо — свирѣпый и въ добавокъ очень грязный господинъ, брѣющій бороду въ цырюльнѣ, съ пунцовымъ носомъ и геройскою наружностью. Вышедши изъ цырюльни, герой разсказа встрѣчаетъ опять свирѣпаго господина съ дѣвушкой лѣтъ семнадцати, красоты ослѣпительной. Надобно вамъ сказать, что герой занятъ исканіемъ избранницы сердца, какъ всѣ уединенные мечтатели Петербургскихъ угловъ, на которыхъ представляетъ онъ собою пародію. Свирѣпый человѣкъ преслѣдуетъ дѣвушку и не отвѣчаетъ на вопросы о ней героя. Глава VI «Эвтерпино угощеніе или праздникъ вѣчно юной Киприды съ отважными полетами безъ крыльевъ» — пародія на Петербургскіе фельетоны, если хотите, забавная, но крайне грубая и могущая интересовать слишкомъ немногихъ. Надъ VII-ю главой выставленъ эпиграфъ:

Передо мной явилась ты
Какъ мимолѣтное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.

Digitized by Google

Вы желали бы не вѣрить глазамъ, но къ сожалѣнію это такъ: дѣвственно чистыя, благоухающія строки генія служатъ вывѣскою харчевни. Въ этой главѣ описывается, какъ Чернокнижниковъ нашелъ избранницу сердца. Все это дико до того, что не возбуждаетъ даже негодованія. Если авторъ или авторы путешествія хотѣли въ лицѣ Чернокнижникова осмѣять героевъ Петербургскихъ угловъ съ ихъ болѣзненной мечтательностью, доходящею до мономаніи, то они не достигли своей цѣли, пересолили грязною пародіею до того, что возбудили участіе къ пародируемому и сами на себя наложили руки, профанируя то, что останется вѣчно свѣжимъ вѣчно благоухающимъ, накинулись безъ разбора на истинное вмѣстѣ съ ложнымъ, и такимъ образомъ вывели въ первомъ защиту для послѣдняго. Вслѣдствіе этого, самую иронію невольно заподозриваешь въ недобросовѣстности.

Въ главахъ VIII—XIV, описываются такія невѣроятныя происшествія, выводятся такія фантастическія лица, что съ этими главами мы рѣшаемся познакомить покороче читателей и вмѣстѣ съ тѣмъ закончить ими отчетъ о Сантиментальномъ путешествіи, потому что все дальнѣйшее въ немъ рѣшительно блѣдно и безцвѣтно въ сравненіи съ духомъ (здѣсь надо бы употребить одинъ терминъ иногороднаго подписчика Современника) означенныхъ семи главъ. Герой путешествія, сказавши прости владычицѣ своего сердца, улетѣвшей на воздушномъ шарѣ, поражается стихами одного господина, декламируемыми имъ публично. Стихи эти, разумѣется, пародія и пародія на одно изъ послѣднихъ завѣтнѣйшихъ стихотвореній Лермонтова.

Прихожу на праздникъ къ чародѣю,
Тьма народу тамъ уже кипитъ,
За затѣей хитрую затѣю
Чародѣй предъ публикой творитъ.
Все въ саду торжественно и чудно
Хоръ цыганъ по прежнему нелѣпъ
Что же мнѣ такъ больно и такъ трудно,
Отъ чего угрюмъ я и свирѣпъ?

Господинъ, декламирующій стихи—литераторъ и притомъ имѣетъ привычку объясняться громкими и звонкими фра-

Digitized by Google

зами. Г. Балдѣевъ — имя литератора, объясняющагося звонкими фразами — тащитъ героя на литературный вечеръ къ заводчику Дубильникову, у котораго девятилѣтній сынъ Митинька пишетъ стихи. Литераторъ Балдѣевъ изображенъ авторами Сантиментальнаго путешествія съ неподражаемымъ юморомъ. Каково, на примѣръ, слѣдующее мѣсто:

Теперь, заключилъ Балдѣевъ, Дормидонъ Филипычъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ покровителей, меценатовъ, можно сказать, нашей литературы. Правда, онъ самъ понимаетъ мало въ искусствѣ, жена его еще меньше (она даже, говорятъ, читать позабыла); но я соглашусь лучше отдать свое произведеніе на судъ этихъ простыхъ питомцевъ природы и т. д.

Мы не знаемъ, да и знать не хотимъ, гдѣ видѣли авторы такихъ литераторовъ, какъ Балдѣевъ, гдѣ слышали они выраженія: *наяриваетъ* повѣсть, *насандалилъ* стихотвореніе, *отжарили* такого то въ журналѣ, тотъ-то собирается *отлупить* своего критика, — но во всякомъ случаѣ они не имѣли права передавать публикѣ все грязное, что случалось имъ видѣть и слышать въ домашнемъ литературномъ быту.

Что хотѣли осмѣять авторы Сантиментальнаго путешествія, сочиняя Митиньку Дубильникова, — осталось для насъ загадкой. Вотъ на примѣръ стихи девятилѣтняго поэта, по поводу которыхъ литераторъ Балдѣевъ повторяетъ слова рецензіи Отеч. Записокъ о стихотвореніяхъ г. Щербины:

Ферапонтъ овчину дубилъ
И руку себѣ зашибилъ,
Онъ сталъ овчину бранить,
Когда руку стало сводить — и т. д.

За чтеніемъ стиховъ слѣдуетъ чтеніе повѣсти литератора Балдѣева, неудачной пародіи на повѣсти Гг. М. Достоевскаго, Буткова и т. д. Является свирѣпый господинъ, съ которымъ герой встрѣтился въ цырюльнѣ, и читаетъ стихи о различныхъ напиткахъ, которыхъ мы не выписываемъ потому, что они уже выписаны въ другихъ журналахъ; за тѣмъ выступаетъ на сцену новое фантастическое лицо — женщина писательница, подражающая Ратклиффъ, и разумѣется, пародія, на этотъ разъ запоздавшая къ сожалѣнію почти полвѣкомъ. Отъ всего дальнѣйшаго — какъ-

Digitized by Google

то отъ похожденій героевъ съ фантастическими гризетками, отъ господъ великосвѣтскаго тона, упрекающихъ своихъ пріятелей въ изъярыжничаньи — мы увольняемъ себя и читателей. Не можемъ только не обратить ихъ вниманія на нѣкоторыя *граціозныя* и *изящныя* стихотворенія, какъ-то:

Люблю твой пламенный азартъ,
Когда съ небритой бородою,
Накрывшись шляпою кривою,
Идешь сражаться ты въ бильярдъ и проч.

Или:

Несчастный день! позорный день,
День срама и стыда, —
Я велъ себя какъ глупый пень,
Да, да, да, да, да, да, да, да.

Мы извиняемся передъ читателями въ томъ, что заняли страницы нашего журнала разборомъ Сантиментальнаго путешествія, — но мы сдѣлали это потому, что видѣли въ немъ литературное profession de foi редакціи Современника. И дѣйствительно это такъ: тоже самое возбуждаетъ юморъ авторовъ Черіокнижникова, надъ чѣмъ смѣется иногородный подписчикъ, таковы же многія изъ стихотвореній новаго поэта, каковы выписанныя нами пародіи, — а иногородный подписчикъ и новый поэтъ представляютъ собою мнѣніе редакціи.

Кончивши дѣло съ беллетристикою журнала, мы обратимся теперь къ его критикѣ.

Намѣреваясь прежде всего обратить вниманіе на немногія серьёзныя и замѣчательныя статьи Современника по этой части, мы укажемъ, безъ сомнѣнія, на статьи о сочиненіяхъ А. Е. Измайлова; ихъ три: первая изъ нихъ напечатана въ XI N Современника за прошлый годъ и разсматриваетъ Измайлова какъ баснописца. Двѣ другія статьи, въ X и XI NN Современника за настоящій годъ, имѣютъ дѣло съ Измайловымъ какъ не баснописцемъ; мы отдаемъ имъ полную справедливость.

Равна по достоинству съ этою статьею, хотя замѣчательна въ чисто эстетическомъ отношеніи, небольшая статья о стихотвореніяхъ Фета, въ отдѣлѣ: Русскіе второ-

Digitized by Google

степенные поэты. Рѣзко отдѣляются эти истинно поэтическія страницы отъ всѣхъ остальныхъ критическихъ статей Современника. Неизвѣстный авторъ ея владѣетъ такимъ тонкимъ чутьемъ изящнаго, которое дается только немногимъ, избраннымъ организаціямъ. Статью эту нельзя собственно отнести къ отдѣлу критики: это, скорѣе всего, лирическое стихотвореніе, навѣянное другими лирическими стихотвореніями. Вся исходящая изъ чувства, лишенная всякой педантической претензіи, она толкуетъ поэтическія вдохновенія такими же точно вдохновеніями, и проникаетъ въ тайны чужаго творчества. Авторъ ея, какъ видно, одинаково способенъ къ глубокому анализу и къ воспринятію свѣжихъ, яркихъ впечатлѣній: о немъ можно сказать то, что онъ говоритъ вообще о поэтѣ:

«Въ немъ бьется живое, горячее сердце; оно не утерпитъ и отзовется на всякій звукъ въ природѣ, откликнется на всякій призывъ ея, принесетъ ли его теплая лѣтняя ночь, или свѣжее весеннее утро, зимній, снѣгомъ бѣлѣющій вечеръ, или зноемъ дышащій воздухъ жаркаго лѣтняго дня.»

Мы не упрекнемъ статьи даже въ пристрастіи къ таланту Фета, потому что въ ней обнаруживается самое нѣжное, самое благородное сочувствіе къ таланту вообще, и что окончательные выводы ея о талантѣ Фета удовлетворятъ самаго строгаго критика.

«По одной прекрасной зарѣ — говоритъ авторъ — какъ угадать весь ходъ будущаго дня и сказать наперед, чѣмъ онъ наполнится? День поэта — это цѣлая его поэтическая дѣятельность въ будущемъ. Пойдетъ ли онъ свободно своею дорогою или остановится гдѣ на распутіи, получитъ ли его талантъ новое, болѣе широкое развитіе и подъ какимъ особеннымъ вліяніемъ, или будетъ повторять лишь старые мотивы, напѣвшіеся ему въ первой молодости — все это вопросы, которые кто разрѣшитъ намъ какъ не онъ самъ? Культура таланта, его воспитаніе и спѣяніе такая загадочная вещь.... Не узнаешь ни того, что повѣетъ на него вдохновительно, ни того, что можетъ убить его преждевременно, прежде чѣмъ онъ успѣлъ распуститься сполна. Иногда нуженъ нѣжный уходъ, цѣлая система заботливаго воспитанія, чтобы растеніе дало цвѣтъ, иногда же безъ всякихъ постороннихъ вліяній безъ ухода и тепличнаго воздуха, прямо изъ самороднаго источника поэзіи, изъ дыханія самой жизни, вдругъ выростаютъ

Digitized by Google

невѣдомыя силы, которыми творится многое. *Послѣднихъ мы не видимъ и не предчувствуемъ; не огромные размѣры таланта, мы привѣтствуемъ истинность.* Мы не можемъ не замѣтить той чистой поэтической струи, которая бѣжитъ во многихъ стихотвореніяхъ Г. Фета.»

Статья эта — сколько мы знаемъ, не Петербугская, и хотя въ примѣчаніи она названа редакціей журнала дополненіемъ къ ея мнѣнію, выраженному въ библіографіи въ той же самой книжкѣ, но съ этимъ мнѣніемъ она расходится во всѣхъ пунктахъ. Сама редакція вооружается на антологическій родъ вообще, какъ уже отжившій, по ея мнѣнію, — хотя при появленіи стихотвореній Г. Щербины, явнымъ образомъ отрекается отъ такой несбыточной мысли, — недовольна какою-то рефлексіею въ лирическихъ стихотвореніяхъ Гёте, который какъ лирикъ совершенно чуждъ всякой рефлексіи, котораго пѣсня, откуда бы ни раздалась она, съ востока или запада, съ юга или сѣвера, всегда неотразимо влечетъ въ свой волшебный кругъ.

Гораздо болѣе въ духѣ редакціи другія статьи о второстепенныхъ Русскихъ поэтахъ. Въ одной изъ нихъ восхваляются безвкусные вирши Г. Н. Сп., написанныя въ явное подражаніе стихамъ Г. Некрасова, — въ другой, съ величайшею важностью повторяются старыя и избитыя истины о талантѣ Веневитинова, котораго благородный прахъ не стоило, конечно, возмущать для двухъ-трехъ довольно пошлыхъ страницъ. Наконецъ есть одна статья, въ которой игра звонкими фразами доведена до крайности. Это — статья о Г. Огаревѣ. Въ ней толкуется о какой-то *беззвучной* музыкѣ (?), о преимуществѣ субъективности передъ объективностью Въ особенности удивительно здѣсь опредѣленіе фантастическаго въ поэзіи. До сихъ поръ фантастическое имѣло свое опредѣленное значеніе; авторъ статьи недоволенъ этимъ значеніемъ: онъ самымъ грубымъ образомъ смѣшиваетъ фантастическое съ тѣмъ, что Французы называютъ: vague, и что у насъ прекрасно переводится — неопредѣленнымъ.

«Намъ кажется — говоритъ онъ съ достолюбезною важностью — весьма ошибаются тѣ поэты, которые, по примѣру Зейдлица, ищутъ фантастическаго во внѣшнихъ предметахъ, въ облакахъ,

Digitized by Google

въ воздушныхъ Наполеонахъ и т. п.; напротивъ, оно живетъ въ душѣ нашей, слито съ нашими чувствами. Это-какое-то независимое отъ воли нашей могущество, какая-то тайная, томная сила, которая въ иныя минуты мгновенно овладѣваетъ нами, пробуждая въ душѣ иногда сладкое, иногда томительное, гнетущее чувство, въ которомъ мы не можемъ дать себѣ отчета.»

Мы думаемъ, что на основаніи подобнаго ничего не опредѣляющаго опредѣленія, и статья о Г. Огаревѣ можетъ быть отнесена къ области фантастическаго, потому что въ ней такъ же невозможно отдать себѣ отчета. Въ этомъ отношеніи, статья гораздо фантастичнѣе стихотвореній, о которыхъ она говоритъ, и изъ которыхъ многія, какъ проникнутыя истиною и задушевностью, стоили бы лучшей оцѣнки.

Статья о Греческихъ стихотвореніяхъ Г. Щербины (N VI) написана съ гораздо бо́льшею ясностью, — но вѣдь ясность ясности рознь: бываетъ часто, что ясность происходитъ отъ поверхности взгляда, не затрудняющагося въ разрѣшеніяхъ вопросовъ потому только, что предѣлы этихъ вопросовъ раскидываются передъ нимъ куда какъ не широко. Съ такою же *ясностью* написана и статья о стихотвореніяхъ Г. Щербины. Она толкуетъ обо всемъ, о чемъ угодно, объ античномъ элементѣ по Французскимъ источникамъ, о Гёте и Шиллерѣ, вѣроятно по нимъ же, она безтрепетно признаетъ скучнымъ одно изъ совершеннѣйшихъ произведеній великаго Германскаго поэта, его Ифигенію, — ей ничего не стоитъ съ-плеча и однимъ словомъ уничтожить вторую часть Фауста; объ одномъ А. Шенье толкуетъ она съ коекакимъ знаніемъ дѣла, и, кажется, съ античнымъ элементомъ она знакома только по этому поэту, да по разбираемымъ ею стихотвореніямъ Г. Щербины. Сколько можно заключить по тону и по духу, она принадлежитъ тому же самому отважному перу, которое повсюду пользуется чужимъ, какъ своимъ, и угощаетъ насъ подъ видомъ оригинальныхъ взглядовъ переводами изъ Ж. Жанена, Планша, Сент-Бёва и Мишьельса.

Статья Г. Гаевскаго о сочиненіяхъ Кострова написана безъ претензій, — это ея достоинство, и принадлежитъ къ числу полезныхъ компиляцій.

Digitized by Google

Теперь остается намъ поговорить о «письмахъ Иногороднаго подписчика», привиллегированнаго критика журнала; мы ограничимся только указаніями ихъ наиболѣе замѣчательныхъ эксцентричностей.

Письма Иногороднаго подписчика прежде всего стараются поражать всѣхъ начитанностью и разнообразіемъ. О чемъ не толкуетъ ихъ таинственный авторъ? Чего не разрѣшаетъ онъ? Заговоритъ ли онъ о Шекспирѣ — имена Англійскихъ и Нѣмецкихъ писателей о Шекспирѣ, такъ и сыплются изъ-подъ его пера — нѣтъ нужды, что тутъ, напримѣръ, докторъ Джонсонъ смѣшивается съ современникомъ Шекспира Бенъ-Джоусономъ; нѣтъ нужды, что авторъ писемъ даже и не заглядывалъ ни въ одного изъ Нѣмцевъ, о которыхъ говоритъ онъ съ такою важностью; зайдетъ ли у него рѣчь о музыкѣ — и тутъ онъ рѣшаетъ все безъ апелляціи; не доходило, однимъ словомъ, только до философіи; впрочемъ, по мѣстамъ изъявлялась Г. Иногороднымъ подписчикомъ нѣкоторая вражда къ этой наукѣ. Всего забавнѣе въ этомъ отношеніи одна изъ его выходокъ, имѣющая цѣлію показать глубокія историческія свѣдѣнія автора: онъ съ лукавой ироніей восклицаетъ сначала: жаль, что я не знаю исторіи, — и начинаетъ вслѣдъ за тѣмъ сыпать имена, факты, подробности — настоящая родомонтада, въ своемъ родѣ неподражаемая! Въ другомъ случаѣ Г. Иногородный подписчикъ *проявляетъ* необычайную ученость въ отношеніи къ библіографіи, къ исторіи заглавій книгъ: тутъ и Авлъ Геллій и Плиній Старшій. Онъ опоздалъ своей ученостью цѣлымъ вѣкомъ. Въ наше время не считается уже ни во что поверхностный фрагментаризмъ, и имъ нельзя долго пускать пыль въ глаза читателямъ.

Другое качество писемъ составляетъ — отсутствіе всякихъ ясныхъ началъ и, вслѣдствіе этого, вражда ко всякимъ ясно сознанным началамъ. Иногородный подписчикъ судитъ обо всемъ, не по извѣстнымъ основаніямъ, а просто какъ ему взглянется и вздумается и вообще съ публикой фамиліарничаетъ до крайности.

Digitized by Google

Третье качество есть великосвѣтскость взгляда, и при томъ такая великосвѣтскость, которая подсмѣивается надъ всякимъ другимъ дендизмомъ, одну себя выдавая за настоящую

—

Мы разсмотрѣли съ возможной отчетливостью собственно литературныя стороны журнала. Въ отношеніи къ отдѣлу учено-литературному мы только перечислимъ нѣкоторыя статьи. Это:

1) Статья о Нибурѣ и о сочиненіи Г. Медовикова «Латинскіе Императоры въ Константинополѣ»—Г. Грановскаго, которыя были бы украшеніемъ всякаго Европейскаго журнала.

2) Статья Г. Куторги: «Исторія Папской власти до смерти Карла Великаго».

3) Статья о характерахъ Ѳеофраста, Г. Б. Ордынскаго.

4) Статья о Катуллѣ, о которой говорено было въ Москвитянинѣ.

5) Статья о Байронѣ, довольно добросовѣстно составленная по многихъ біографіямъ поэта,—и нѣсколько другихъ статей, учено-литературнаго и ученаго содержанія.

Смѣсь журнала довольно разнообразна.

Г.

Digitized by Google

НОВЫЯ КНИГИ.

1. Мѣсяцесловъ на 1851 годъ, издаваемый Академіею Наукъ.

Расходясь по всей, Россіи, въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ, Мѣсяцесловъ сдѣлался необходимой настольной книгой чуть ли не для каждаго граматнаго человѣка. По этому онъ долженъ заключать въ себѣ всѣ свѣдѣнія, справки съ которыми встрѣчаются почти ежедневно: въ этомъ отношеніи Новый Календарь довольно удовлетворителенъ, представляя значительное собраніе этихъ справочныхъ извѣстій, начиная отъ восхода солнца до движенія почтъ. Но, съ другой стороны, онъ издавна составляетъ у насъ одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ, откуда почерпаются статистическія свѣдѣнія о нашемъ отечествѣ большинствомъ публики. Эта часть, то есть собственно статистическая, за нѣсколько лѣтъ тому составлялась въ Мѣсяцесловѣ не очень тщательно, и представляемыя ею данныя часто противорѣчили одно другому, не говоря уже объ общихъ выводахъ, къ которымъ также не всегда примѣнялись требованія науки. Но въ послѣдніе годы эта часть Мѣсяцеслова подверглась значительнымъ улушеніямъ; неточности и противорѣчія въ ней стали встрѣчаться рѣже и рѣже. Въ прошломъ году, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, вышла брошюра, подъ заглавіемъ: «Вѣдомость о народонаселеніи Россіи по уѣздамъ губерній и областей, сост. при Статистическомъ Отдѣленіи С. М. В. Д.», и сообщенныя ею данныя представили значительныя разности съ показаніями Мѣсяцеслова, тогда какъ тѣ и другія основывались на оффиціальныхъ источникахъ. Г. Кеппенъ, занимавшійся статистическою частію Мѣсяцеслова, тогда же объяснилъ предполагаемыя имъ причины этихъ разностей, но, не смотря на то, довѣріе къ даннымъ Мѣсяцеслова

Digitized by Google

частію поколебалось, и одинъ изъ нашихъ ученыхъ, Г. Вернадскій, написалъ нѣсколько болѣе или менѣе справедливыхъ замѣчаній по этому предмету (Москов. Вѣдом. 1850, N 148). Занимающіеся Статистикою должны знать, какъ трудно добываются не только достовѣрные, но даже и вѣроятные матеріалы для этой науки. — Смѣемъ также думать, что, улучшаясь постояно, Мѣсяцесловъ и на будущее время не остановится идти по этой дорогѣ. Полнаго же совершенства нѣтъ на землѣ, и если давно сказано, что цыфры правятъ міромъ, то можно прибавить, что нигдѣ не можетъ встрѣтиться такой неурядицы и запутаниости, какъ въ цыфрахъ.

2. Кавказскій Календарь на 1851 годъ, изд. отъ Канцеляріи Намѣстника Кавказскаго. Тифлисъ. 1850. Стр. 61, 119, 132, 61, 176 и VII въ 8 д. л.

Давно ли Тифлисъ казался намъ чѣмъ-то въ родѣ постояннаго лагеря, городомъ чисто Азіятскимъ. И вотъ, теперь въ Тифлисѣ выходятъ три періодическія изданія, изъ которыхъ одно образцовое въ своемъ родѣ; въ Тифлисѣ *пять* типографій, одна литографія, двѣ книжныя лавки; въ Тифлисѣ печатаются книги, и въ томъ числѣ довольно дѣльныхъ; у него свои поэты, повѣствователи, драматурги.... Кто могъ бы предсказать ему такое быстрое развитіе гражданственности (а мы беремъ еще только одну сторону ея)? Кто могъ бы, напримѣръ, предполагать, что древняя столица Грузіи составитъ намъ Календарь, которымъ въ правѣ бы гордиться обѣ наши столицы? А такой Календарь у насъ теперь предъ глазами. Правильнѣе было бы назвать его библіотекою различныхъ свѣдѣній, относящихся къ Кавказскому краю; указанія самыя любопытныя, самыя новыя и достовѣрныя встрѣчаются въ немъ на каждой страницѣ, и эту объемистую книгу (слишкомъ 550 стр.) можно читать не какъ сборникъ разныхъ справокъ, а большею частію какъ разсказъ о томъ чудномъ краѣ, который для воображенія древнихъ порождалъ миѳы, а для нашей нелюбознательности кажется также не менѣе баснословнымъ....

Digitized by Google

«Кавказскій Календарь» состоитъ изъ 5 отдѣленій. Въ первомъ заключаются чисто календарныя свѣдѣнія. Помѣщенная здѣсь, между прочимъ, сравнительная таблица годовъ лѣтосчисленій христіанскаго съ мухамеданскимъ, отъ начала Хеджры до 1900 г. нашей эры, послужитъ полезнымъ пособіемъ для оріенталистовъ. — Со втораго отдѣленія начинается собственно Кавказъ: здѣсь находятся и указатель городовъ, и Кавказскій дорожникъ, и таблицы Азіятскихъ монетъ, вѣсовъ и мѣръ, употребляемыхъ въ Закавказьѣ, и извѣстія о пароходствѣ по Каспійскому и Черному морямъ, словомъ, множество свѣдѣній, необходимыхъ для мѣстныхъ жителей, а еще болѣе для пріѣзжихъ. 3-е отдѣленіе заключаетъ въ себѣ: 1) хронологическое показаніе достопримѣчательныхъ событій въ Закавказскомъ краѣ, и 2) Путеводитель по Черноморіи, Кавказскому и Закавказскому краю, отъ Тамани до Тифлиса и потомъ до Кутаиса, Эривани, Шемахи и Дербента. Послѣдняя статья составлена Гг. Уманцемъ и Константиновымъ, и можетъ назваться замѣчательнымъ пріобрѣтеніемъ въ небольшой массѣ нашихъ свѣдѣній о Кавказѣ. Исторія, географія, статистика и этнографія страны получаютъ много совершенно новыхъ данныхъ. Дорожникъ, составленный Г. Константиновымъ, былъ изданъ недавно отдѣльною книгой, которая, вѣроятно, извѣстна многимъ изъ нашихъ читателей: поэтому считаемъ излишнимъ распространяться объ этомъ замѣчательномъ трудѣ. — Въ 4-мъ отдѣленіи содержатся: описаніе урочища Дарачичагъ, любопытнаго по своимъ развалинамъ; статистическій очеркъ четырехъ уѣздовъ Эриванской губ., преимущественно въ хозяйственномъ отношеніи (К. Орловскаго); Араксъ и очеркъ мѣстностей, по которымъ онъ протекаетъ (А. Уманца); таблица высоты разныхъ мѣстъ Кавказскаго и Закавказскаго края; таблица о числѣ учебныхъ заведеній въ Кавказскомъ округѣ, и таблица о внѣшней торговлѣ Закавказскаго края съ 1845—50 г. — Всѣ эти статьи болѣе или менѣе любопытны. Ученыхъ заведеній въ Кавказскомъ округѣ (1850) состояло 45, а число учащихся простиралось слишкомъ до 3 т. чел.—Наконецъ 5 отд. посвящено Кавказскому Адресъ-

Digitized by Google

Календарю. Въ Тифлисскихъ адресахъ вниманіе не-туземца навѣрно остановится на различныхъ отрасляхъ промышленности, существующихъ въ Тифлисѣ, изъ которыхъ иныя могутъ дать поводъ въ любопытнымъ заключеніямъ. Такъ въ Тифлисѣ 11 модныхъ магазиновъ, 2 корсеточника, 6 дамскихъ портныхъ и 3 парикмахера; гостинницъ въ немъ считалось 4, ресторацій 5 и столько же кондитеровъ.... Страннымъ кажется читать слѣд. адресы: «Башмачники *Русскіе*: Аконовъ, Карапетъ, Геурковъ, Мурдуси-Серопъ..., или: «плотникъ *Русскій*: Швайцъ....» Гг. Альберхтъ, Веннагель, Кохъ, Мейеръ, Шварцъ также вздумали причислить себя къ *Русскимъ* сапожникамъ.... На какомъ это основаніи, для какой причины—не понимаемъ; развѣ Тифлисскіе жители довѣряютъ искусству Русскихъ мастеровъ столько же, сколько мы вѣримъ господамъ Нѣмцамъ?....

Впрочемъ, шутки въ сторону: при отыскиваніи адресовъ Тифлисскихъ, вамъ, вѣроятно, понадобится планъ города: вотъ онъ при Календарѣ. Но этимъ не ограничилась заботливость издателей этой прекрасной книги: кромѣ плана они приложили къ Календарю еще два литографированные рисунка, словомъ, исполнили свое дѣло отлично.

8. Новороссійскій календарь на 1851 годъ, изд. отъ Ришельевскаго Лицея. Одесса. 1850. Стр. 415, 34 и VI въ 8 д. л.

Похвалы «Новороссійскому календарю» сдѣлались почти общими мѣстами въ библіографіи. Остается указать на замѣчательныя статьи въ немъ, и почерпнуть нѣсколько свѣдѣній изъ этого богатаго источника.

Во II отдѣленіи любопытны «Статистическія таблицы Новороссійскаго края и Бессарабіи» (1849). Изъ нихъ видно, что количество земли въ этомъ краю составляетъ около 22 милл. квадр. десятинъ; число жителей простирается свыше 3 милл. 220 д. об. п.; церквей православныхъ считалось 1855, монастырей 23; иновѣрческихъ церквей болѣе 90; мечетей до 1700; городовъ (считая и заштатные) 56; мѣстечекъ и посадовъ 102; слободъ, селъ, деревень, колоній и казачьихъ станицъ болѣе 6400; фабрикъ и за-

Digitized by Google

водовъ слишкомъ 800. Учебныхъ заведеній въ Одесскомъ округѣ состояло болѣе 150 (кромѣ Еврейскихъ училищъ) почти съ 10 т. учащихся.

Въ IV отд., самомъ замѣчательномъ, съ особеннымъ удовольствіемъ читается статья Г. Домбровскаго: «Обозрѣніе южнаго берега Крыма.» Это не просто «пособіе для путешествующихъ», какъ, изъ скромности, называетъ авторъ свой трудъ, но дѣльно и занимательно составленный путеводитель. Беремъ, на выдержку, описаніе Оріанды:

«За Левадіей слѣдуетъ Оріанда, раздѣляющаяся на верхнюю и нижнюю, или Императорскую и принадлежащую Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Нижняя Оріанда есть самое обширное имѣніе на южномъ берегу Крыма и заключаетъ въ себѣ все, чѣмъ богата роскошная природа Тавриды. Первоначально она принадлежала Графу Кушелеву-Безбородко, у котораго куплена Императоромъ Александромъ. Въ 1825 году, во время посѣщенія покойнымъ Императоромъ Тавриды въ послѣдній разъ, Его Величество подарилъ участокъ земли, въ 20 десятинъ, Графу Дибичу, а отъ него поступилъ онъ, по наслѣдству, во владѣніе Полковника Барона Притвица, и, взятый потомъ въ откупное содержаніе, вошелъ въ составъ Императорской Оріанды. Въ 1837 г. Государь Императоръ изволилъ подарить это имѣніе Своей Августѣйшей Супругѣ, и съ того времени начинается устройство Оріандской дачи. Для обозрѣнія этой, истинно Царской, дачи мало одного дня, съ одной стороны по причинѣ обширности ея, съ другой — по тѣмъ дивнымъ картинамъ, природы, которыми она изобилуетъ почти на каждомъ шагу. Прежде всего взойдите на скалу, на которой, по повелѣнію Ея Императорскаго Величества, поставленъ крестъ: туда ведетъ тропинка, проложенная въ лѣсу, которымъ поросла эта скала. Въ 1837 году, не подалеку отъ креста, Ея Величество изволила посадить лавръ, нынѣ достигшій значительной величины. Параллельно съ этой скалой, выдвигается по направленію къ Левадіи, другой утесъ, на которомъ построена небольшая полукруглая бесѣдка. За ней выглядываетъ изъ зелени домъ, занимаемый Директоромъ Императорской Оріанды. Далѣе видны: Ялта, Массандра и Магарачъ. Въ противоположную сторону открываются всѣ дачи, расположенныя по направленію къ Алупкѣ, и самая Алупка съ великолѣпнымъ домомъ владѣльца ея и не менѣе великолѣпною деревнею «Ай-Петра». У ногъ вашихъ не менѣе очаровательные виды естественной террасой идутъ по направленію къ морю, вѣковые дубы, ильмы, обвитые сверху до низу дикимъ виноградомъ и плющемъ. Между этою роскошною

Digitized by Google

зеленью, надъ высокимъ берегомъ моря, стоитъ дворецъ, нынѣ приводимый къ концу. Онъ построенъ въ видѣ продолговатаго четыреугольника, по плану архитектора Штакеншнейдера, изъ бѣлаго Инкерманскаго камня, нетребующаго штукатурки. Крыша дворца составляетъ террасу. Виды съ этой террасы на море, окрестности и особенно на вершину Яйлы, покрытой въ этомъ мѣстѣ густымъ лѣсомъ, выше всякаго описанія. Прогулка по саду совершается верхомъ. Дороги, пересѣкающія садъ въ разныхъ направленіяхъ, въ видѣ огромныхъ аллей, прекрасны, ровны, ограждены, гдѣ нужно, перилами; но прогулка по нимъ пѣшкомъ, по причинѣ гористой мѣстности, слишкомъ утомительна. Между множествомъ предметовъ, заслуживающихъ полнаго вниманія, въ Оріандѣ первое мѣсто занимаетъ водопадъ, который превосходитъ извѣстный Учакъ-Су тѣмъ, что никогда не высыхаетъ. Вода его, заключенная между двумя скалами и осѣненная непроницаемою тѣнью огромныхъ дубовъ и орѣшника, съ ужаснымъ шумомъ ниспадаетъ со скалы. Шумъ этотъ слышенъ далеко, но подойдя къ самому водопаду, увидите сперва рѣчку и наконецъ самый каскадъ. Растительность въ Оріандѣ, какъ и въ большей части Южнаго берега, необыкновенна, чему не мало способствуетъ обиліе воды.—Верхняя Оріанда, принадлежащая Е. И. В. Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, отличается прелестнымъ мѣстоположеніемъ. На дачу въѣзжаютъ мимо утеса «Мегаби», находящагося противъ той самой скалы, на которой водруженъ мѣдный крестъ.»

«Описаніе Молочанскаго колонистскаго округа», переведенное изъ издаваемой въ Одессѣ Нѣмецкой земледѣльческой газеты, составлено съ Нѣмецкою тщательностію.

«Музеумъ Одесскаго Общества Исторіи Древностей.» Статья эта могла бы содержать въ себѣ не одно сухое исчисленіе предметовъ, находящихся въ Музеумѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ хотя краткія указанія на ихъ важность и цѣнность для науки. Правда, такое описаніе значительно бы увеличило объемъ статьи, но за то она и выиграла бы много въ отношеніи къ занимательности.

«Химическое разложеніе воды и цѣлительной грязи Чокракскаго солянаго озера», Г. Гассгагена, должно имѣть интересъ для ученыхъ.

Къ Календарю приложенъ изящно-литографированный видъ новой часовни, которая устроивается въ Одессѣ.

Digitized by Google

4. Памятная книжка на 1851 годъ.

Двѣнадцатый годъ, какъ издается это образцовое по изящности произведеніе Военной Типографіи, и съ каждымъ годомъ оно представляетъ болѣе и болѣе совершенствъ. Содержаніе «Памятной книжки» не велико, но въ немъ собрано множество свѣдѣній, необходимыхъ военному человѣку. Гравюры, приложенныя къ ней (числомъ 14), какъ и всегда, прелестны. Особеннаго вниманія заслуживаютъ два рисунка, предметъ коихъ взятъ изъ боевой жизни Кавказа: нападеніе горцевъ на Михайловское укрѣпленіе (1840), гдѣ 500 человѣкъ нашихъ храбрецовъ мужественно сопротивлялись 11-тысячному скопищу непріятеля, и наконецъ, видя невозможность защиты, взорвали пороховой погребъ, находившійся въ укрѣпленіи. Погибли наши, но и непріятель, бросившійся въ крѣпость, встрѣтилъ смерть подъ ея развалинами. На картинѣ предоставлена та минута, когда рядовой Тенгинскаго полка Архипъ Осиповъ, напутствуемый крестомъ, отворяетъ пороховой погребъ, чтобы взорвать его. Имя этого благороднаго сына земли Русской навсегда сохранено въ спискахъ полка, гдѣ онъ служилъ, и на каждой перекличкѣ, при спросѣ Осипова, первый рядовой отвѣчаетъ: «Погибъ во славу Русскаго оружія въ укрѣпленіи Михайловскомъ!» — Другая картина — Дѣло подъ Акбулатъ-Юртомъ (1846), гдѣ Подполковникъ Сусловъ съ 82 козаками былъ окруженъ 1500 Чеченцевъ. Предпочитая славную смерть плѣну или бѣгству, козаки перерѣзали своихъ лошадей, и, сдѣлавъ изъ нихъ кругомъ себя брустверъ, мужественно отражали нападенія непріятеля, въ продолженіе двухъ часовъ, пока отрядъ войска не подоспѣлъ къ нимъ на выручку.

5. Драматическій Альбомъ, съ портретами Русскихъ артистовъ и съ снимками рукописей. Изд. П. Н. Арапова и Августа Роппольта. Москва 1850 года. Унив. тип. и Готье, стр. 266, въ 8. д. л.

Альманахъ, альбомъ, сборникъ – это теперь почти одно и тоже; однако между ними есть нѣкоторое различіе. Оно опредѣляется въ наше время не этимологіею этихъ словъ, но болѣе назначеніемъ книги. Первый Альманахъ изданъ у насъ Карамзинымъ (1796—1799): это его *Аониды*. Но только

Digitized by Google

съ 1823 г. вошли у насъ Альманахи въ употребленіе. Въ теченіи 20 лѣтъ появилось множество Альманаховъ, въ числѣ которыхъ отличное мѣсто безспорно принадлежитъ—*Сѣверныя цвѣты* Барона Дельвига. Послѣдній былъ—*Утренняя заря* Владиславлева, прекратившійся 1843 г. — Между тѣмъ, съ введеніемъ въ Петербургѣ толстыхъ журналовъ начались толстые сборники, которые хотя и не блестятъ тою свѣжестію, тѣмъ разнообразіемъ въ стихахъ и прозѣ, какъ Альманахи, но содержатъ въ себѣ, выразимся такъ, болѣе существеннаго, матеріальнаго, что вполнѣ соотвѣтствуетъ нашему матеріальному времени. И такъ Альманахъ можно опредѣлить такимъ образомъ: это собраніе новыхъ статей въ стихахъ и прозѣ, въ разныхъ родахъ и разныхъ авторовъ. Альбомы назначаются по большой части къ одной цѣли, спеціальной: драматической или другой. Сборники бываютъ и разнаго содержанія и спеціальные; но большею частію историческаго или ученаго содержанія.

Драматическій альбомъ, изданный извѣстнымъ нашимъ драматическимъ писателемъ и любителемъ театра, П. Н. Араповымъ, соотвѣтствуетъ вполнѣ своему назначенію: это историческій литературный памятникъ нашей драмы и драматическаго искусства въ Россіи.

Драматическій альбомъ содержитъ въ себѣ:

1. Двѣ статьи историческаго и теоретическаго содержанія. Это очеркъ постепеннаго хода и усовершенствованія театра въ Россіи, самого издателя, *П. Н. Арапова*; и другая о драматическомъ искуствѣ въ Россіи и средствѣ къ образованію артистовъ, *Р. М. Зотова*.

2. Драматическія произведенія: a) Вѣсти или убитый живой, комедія Графа Ѳеодора Васильевича *Ростопчина*. b) Отрывокъ изъ комедіи въ стихахъ: Ненавистникъ женщинъ, *Н. В. Сушкова*. c) Анекдотъ-водевиль: Живописецъ Теньеръ, *Н. В. Сушкова* и *П. А. Корсакова*. d) Мальтійскій кавалеръ, комедія въ стихахъ, *М. А. Обросимова*. e) Отрывокъ изъ драмы въ стихахъ: Семейныя тайны, Графини *А. П. Ростопчиной*. f) Сцена изъ драматической фантазіи въ стихахъ: Екатерина II, *В. Р. Зотова*. g) Комедія съ куплетами: Квартира въ Московской гостинницѣ, *П. Н. Арапова*.

Digitized by Google

3. Не менѣе замѣчательное отдѣленіе Альбома составляютъ біографіи нашихъ артистовъ: М. Д. Львовой-Синецкой, Д. Т. Ленскаго, П. М. Садовскаго, Н. В. Рыкаловой, Н. Б. Самарина, Л. П. Косицкой, П. И. Орловой, Лавровой-Васильевой и Ирки-Матіасъ.

Изъ этого краткаго перечня можно видѣть, сколь богато его содержаніе. Разсмотримъ теперь нѣкоторыя статьи отдѣльно.

Первое мѣсто безспорно принадлежитъ отчетливой статьѣ самого издателя: Очеркъ постепеннаго хода и усовершенствованія театра въ Россіи. Она конечно требовала большаго труда, изысканій и навыка въ такомъ предметѣ, который доселѣ обработывался у насъ или слегка, или отдѣльно. Въ статьѣ, содержащей всего 94 страницы, помѣщена вся исторія Московскихъ и Петербургскихъ театровъ и многое множество названій тѣхъ пьесъ, которыя были играны въ Россіи съ самыхъ первыхъ, старинныхъ драматическихъ представленій, бывшихъ еще при Царяхъ; слѣдовательно до начала нашего театра. Читая его статью и встрѣчая безпрестанно новыя имена трагедій, комедій, драмъ и проч., нечувствительно проходишь въ мысляхъ всю драматическую нашу литературу, и русскаго издѣлія и иностраннаго, переданнаго по русски. — Жаль одного, что трудолюбивый сочинитель столь любопытной и столь много содержащей статьи не раздѣлилъ нашей драматургіи на различные періоды. Тогда, вмѣстѣ съ матеріальными свѣдѣніями о томъ, что у насъ было, мы узнали бы и различныя эпохи вкуса и различныя требованія образованности, какъ публики, такъ и писателей. Употребимъ техническое выраженіе: это статья-хроника; а мы желали бы видѣть картину. Недостаетъ групировки и колорита. Впрочемъ, это не отнимаетъ нисколько достоинства у труда автора; его статья останется всегда любопытною по свѣдѣніямъ, которыхъ мы безъ нея не имѣли-бы, и необходимою для справокъ. Особенно любопытна она по извѣстіямъ о драматическихъ талантахъ, дѣйствовавшихъ на Русской сценѣ, начиная съ Ѳ. Г. Волкова и до самаго нашего вре-

Digitized by Google

мени. Наконецъ, эта же статья заключаетъ въ себѣ и исторію Русскихъ театровъ: ихъ усовершенствованіе, различные переходы ихъ быта, ихъ содержанія и управленія. Доселѣ мы нигдѣ не встрѣчали столь полной и дѣльной статьи о драматическихъ произведеніяхъ, объ артистахъ и о театрахъ Русскихъ.

Первая половина ея особенно полна и обработана. Во второй половинѣ встрѣчается много странныхъ характеристикъ, и замѣчаній, напр., говоря, что Яковлевъ былъ поэтомъ, авторъ прибавляетъ:

Между многими стихами извѣстны его мрачныя мысли:

Стой! помедли, солнце красное,
На часокъ не меркни, свѣтлое!

Очень оригинально также слѣдующее сужденіе о Мочаловѣ-отцѣ:

Степанъ Ѳедоровичъ Мочаловъ, отецъ превосходнаго трагика, въ трагедіи и драмѣ играя героевъ, отличался физическими свойствами и сильнымъ выраженіемъ чувства.

Тамъ же находимъ удивительное сближеніе между актерами Прусаковымъ и Кондаковымъ,

которые — стояли въ театральной сферѣ почти на *одной линіи*, съ тою только *разницею*, что первый участвовалъ и въ операхъ, а послѣдній, посвятившій себя преимущественно Мельпоменѣ, кончилъ жизнь на помостахъ театра, склонясь предъ Царицею Вавилона:

Объ Александрѣ Михайловнѣ Каратыгиной узнаемъ, что она

Усвоила превосходный свой талантъ поэзіи и торжественно была прекрасна въ роляхъ свѣтскихъ дамъ.

Иванъ Максинъ, артистъ съ дарованіемъ, усвоилъ себя характерамъ коварнымъ.

Р. М. Зотовъ въ статьѣ, не безъ интересныхъ свѣдѣній, о драматическомъ искусствѣ въ Россіи, имѣетъ въ виду нравственность и технику искуства. — Замѣчательны, между прочимъ, требованія автора касательно образованности актера. — Что долженъ знать актеръ? —

Digitized by Google

По мнѣнію Г. Зотова, онъ долженъ знать только слѣдующее: 1) Всемірную Исторію *самымъ подробнымъ образомъ*, т. е. нравы, обычаи, домашнюю жизнь, костюмы и семейный бытъ каждаго народа, вѣру, философію, преданія, степень просвѣщенія и главныя узаконенія.—(Замѣтимъ при этомъ, со всѣмъ уваженіемъ къ столь благонамѣреннымъ требованіямъ, что о домашней жизни и костюмахъ многихъ народовъ исторія и не упоминаетъ. Мы знаемъ о костюмѣ Грековъ и Римлянъ, отчасти Персовъ; знаемъ, изъ Тацита, что древніе Германцы ходили почти безъ костюма. Но какъ одѣвались, напримѣръ, Финикіане и Карѳагеняне? а вѣдь очень можетъ случиться актрисѣ представлять Дидону!) — 2) Хорошо знать литературу своей націи. Для этого, говоритъ авторъ, актеръ *обязанъ чувствовать* красоту и *слабость* каждой фразы. 3) Онъ долженъ быть самъ поэтомъ и писателемъ. 4) Долженъ знать два-три изъ главныхъ живыхъ языковъ Европы. 5) Имѣть теоретическое знаніе живописи и ваянія. 6) Изъ *механическихъ* (?) искусствъ, долженъ знать танцы и фехтованіе. 7) Географію—для того, чтобы не коверкать иностранныя имена. 8) Астрономію!*—(При этомъ послѣднемъ требованіи, и самъ издатель Альбома говоритъ въ примѣчаніи, что *это уже роскошь*!—А мы думаемъ другое: актеры могутъ такъ перепугаться этой учености, что послѣ этого ни одинъ не рѣшится поступить на сцену).

Отъ чего пало (!?) наше драматическое искусство и литература? Отъ того, говоритъ авторъ, что любители театра и драматическіе литераторы, раздѣлились на классиковъ и романтиковъ!!

Перейдемъ къ драматическимъ произведеніямъ Альбома.

Здѣсь первая замѣчательная піеса: комедія Графа Ѳед. Вас. Ростопчина:—*Вѣсти или убитый-живой*. Въ то время, когда она написана, галломанія была у насъ во всей силѣ. Противъ нея вооружались: и Шишковъ, въ своихъ книгахъ о русскомъ языкѣ, и Крыловъ, въ своихъ двухъ комедіяхъ,

---

* Какъ думаете почему: потому что «часто въ піесахъ и ролахъ упоминается по сюжету, или изъ педантизма, о космогоніи и закопахъ астрономіи — каково же должно быть актеру который разсказываетъ что-нибудь зрителю чего и самъ не понимаетъ».

Digitized by Google

и Гр. Ростопчинъ, въ извѣстномъ своемъ сочиненіи: Мысли вслухъ на Красномъ крыльцѣ. Противъ этого же пристрастія ко всему иностранному и вмѣстѣ противъ пустыхъ людей, распространяющихъ вѣсти, написана была и эта замѣчательная комедія. Въ свое время она возбуждала всеобщее вниманіе, которое усиливалось и тѣмъ еще, что Гр. Ростопчинъ вывелъ въ своихъ дѣйствующихъ лицахъ людей извѣстныхъ и всѣмъ знакомыхъ въ тогдашнемъ Московскомъ обществѣ. Эта комедія останется навсегда памятникомъ ума и любви къ Россіи знаменитаго нашего патріота. Она составляла доселѣ въ книжной торговлѣ библіографическую рѣдкость. За помѣщеніе ея — и литераторы, и библіоманы, и патріоты — должны быть благодарны издателю.

Отрывки изъ Ненавистника Женщинъ, комедіи Н. В. Сушкова, написаны довольно гладкими стихами, но не совсѣмъ легкими, не совсѣмъ разговорными для комическаго рода. По одному дѣйствію нельзя судить о комедіи; однако нельзя не замѣтить, что въ этомъ отрывкѣ, рѣчи дѣйствующихъ лицъ слишкомъ длинны, почти монологи. Пока актеръ говоритъ цѣлый періодъ, что дѣлать другому?—Въ обществѣ людскомъ не говорятъ періодами; разговоръ долженъ быть живымъ обмѣномъ мыслей; каждая рѣчь, слѣдующая за другою, должна вызываться необходимостію, должна быть или отвѣтомъ, или возраженіемъ на предъидущую. Это важное искуство необходимо постигнуть комику.

«Живописецъ Теньеръ», анекдотъ-водевиль, Н. В. Сушкова и П. А. Корсакова—шутка, которая на сценѣ должна быть довольно забавна. Но для чего она напечатана?

Въ атомъ родѣ читается что-нибудь остроумное, а кому могутъ понравиться въ чтеніи остроты такого рода:

Теньеръ.

«А что-жъ-бы ты путная, препутная и сто разъ путная.

Петернелла.

«Распутная! распутная!»

Теньеръ,

«Сто.... разъ.... путная, говорятъ тебѣ.»

Есть нѣкоторые куплеты очень порядочные для водевиля. Напримѣръ:

Digitized by Google

«Златые вѣки тѣ прошли,
«Когда о златѣ не мечтали;
«Теперь и люди на землѣ
«И нравы ихъ не тѣ ужъ стали.
«Теперь: кто знатенъ, да богатъ —
«Тому и честь и уваженье;
«А бѣдный, будь себѣ Сократъ —
«Ему вездѣ: мое почтенье!»

Но есть и такіе, въ которыхъ языкъ неподдается автору— охъ, этотъ русскій языкъ! упрямится, да и только; напримѣръ:

«Веселая работка!
«*Стирай*
«Да попѣвай!
«Что? — если бъ тутъ красотка!
«Вотъ тутъ-то бъ, попивая,
«*Мигая*, напѣвая,
«Сталъ краски я терѣть!„

Краски не *стираютъ*, а *трутъ*, или *натираютъ*. А красоткамъ не *мигаютъ*, а *подмигиваютъ*. Писателю надобно знать силу словъ: ихъ значеніе въ языкѣ неизмѣнно.

Обѣ эти піесы не столько интересны сами, сколько ихъ исторія. Изъ предисловій автора мы видимъ, что онѣ не новыя, а уже довольно пожилыя. Одной лѣтъ за тридцать, а другой лѣтъ подъ-тридцать. Но что дѣлаетъ ихъ чрезвычайно замѣчательными, это то, что исторія и той и другой соединены (или, сказать по-нынѣшнему, *совпадаютъ*) съ важными происшествіями міра: прочтите оба предисловія, и вы увидите. Одну изъ этихъ піесъ одно происшествіе, касающееся до всемірной исторіи, положило на 29 лѣтъ подъ спудъ; она изъ Петербурга вдругъ очутилась въ Астрахани и тамъ пропала безъ вѣсти. А другую, напротивъ, одно историческое происшествіе, совсѣмъ неожиданно, вывело изъ неизвѣстности! — Такимъ образомъ исторія судьбы ихъ — это судьба историческая!

«Мальтійскій Кавалеръ» М. А. Офросимова — есть одна изъ тысячи Французскихъ комедій, основанныхъ на недоразумѣніяхъ, на ошибкахъ, на великодушіи, словомъ, на тѣхъ завязкахъ и развязкахъ, которыя въ дѣйствительной жизни встрѣчаются такъ рѣдко, и на тѣхъ безкорыстныхъ добродѣтеляхъ людей, которыя еще рѣже. Это комедія — вполнѣ

Digitized by Google

нравственная и вполнѣ доказывающая, что одной нравственности недостаточно для произведенія художественнаго. Она написана еще въ 1830 году, слѣдовательно тоже піеса не новая. Не знаемъ, имѣла ли она успѣхъ на театрѣ; но думаемъ, что она годилась бы для благородныхъ спектаклей: во первыхъ, по простотѣ содержанія, во вторыхъ, по самому свойству ролей, требующихъ не столько опытности артиста, сколько хорошаго тона и тонкой игры. Она написана стихами довольно неискусными. — Риѳмы: *лѣтъ* и *придетъ* — давно не употребляются въ нашихъ стихахъ, особенно въ разговорныхъ; а *отношенья* и *сношенья* — это совсѣмъ не риѳмы, также, какъ *ушелъ* и *пришелъ*. Тутъ же встрѣчаются и перестановки словъ, совсѣмъ непозволительныя въ наше время, напр.:

Толпу всѣхъ молодыхъ людей,
Прекрасной женщины велѣніямъ послушныхъ.

Кстати спросить при этомъ случаѣ: для чего нѣкоторыя комедіи пишутся стихами? — Если предметъ драмы, или характеры лицъ, не возвышаются надъ обыкновеннымъ житейскимъ бытомъ; въ такомъ случаѣ, проза всегда выражается вѣрнѣе и ближе къ дѣлу. Старинныя комедіи, писанныя въ стихахъ, блистали, по крайней мѣрѣ, рѣзкими или острыми стихами, которые съ перваго раза удерживались въ памяти: таковы стихи въ «Мизантропѣ» Мольера и въ нашихъ — «Хвастунѣ» и «Ябедѣ». Но стоитъ ли труда писать комедію такими стихами, которыя тѣмъ только и отличаются отъ обыкновенной прозы, что переставливаютъ слова для стиха, какъ они никогда не переставливаются ни въ грамматикѣ, ни въ разговорѣ.

Небольшой отрывокъ Гр. Растопчиной изъ комедіи «Семейная Тайна — прекрасенъ, какъ сцена, какъ разговоръ, въ отношеніи къ положенію лицъ и къ самому языку, хотя въ семъ послѣднемъ отношеніи можно бы пожелать большей чистоты, на примѣръ, въ стихѣ:

Сдружившись *съ злодѣя душою.*

Если уже нельзя было сказать: *съ душою злодѣя*, то ужь лучше бы *сдружившись злодѣя съ душою*; ибо соединительный союзъ долженъ быть непремѣнно съ тѣмъ существительнымъ, къ которому онъ *прямо* относится; а не съ

Digitized by Google

тѣмъ, къ которому онъ не принадлежитъ и котораго родительный падежъ указываетъ на его отношеніе къ существительному же, а не къ союзу. Эти мелочи пропускаются безъ вниманія только у посредственныхъ стихотворцевъ; но у даровитыхъ поэтовъ, какъ Гр. Растопчина, онѣ бросаются въ глаза невольно. И потому требованіе такого рода да приметъ сочинительница знакомъ уваженія къ ея таланту: отъ нея мы вправѣ требовать совершенства.

Сцена В. М. Зотова изъ Драматической фантазіи — хороша, какъ отрывокъ; еще лучше, какъ воспоминаніе о великой Екатеринѣ, достойной быть вѣчно и непрестанно въ памяти Русскихъ. Языкъ автора плавенъ. Впрочемъ нельзя не сдѣлать и тутъ нѣкоторыхъ замѣчаній.

«За книгу иностранную *беряся*»

«За книгу иностранную *беряся*.» Наши глаголы — капризны! — Глаголъ *брать* не имѣетъ ни причастія, ни дѣепричастія настоящаго; а только прошедшее; что съ этимъ дѣлать? языкъ не согнешь!—Вспомнимъ, что Горацій допускаетъ новыя слова только подъ такимъ условіемъ:

Si volet usus,
Quem penes arbitrium est, et jus, et norma loquendi.

А *беря* неупотребительно даже и въ разговорѣ — странно также выраженіе: *дремучія бороды*.

Онъ вырубилъ дремучіе лѣса
И бороды дремучія обрѣзалъ.

Грамматика никогда не мѣшала истиннымъ поэтамъ. Вспомнимъ И. И. Дмитріева, Жуковскаго, Батюшкова, Пушкина. Вотъ вѣчные образцы наши.

«Квартира въ Московской гостинницѣ», комедія съ куплетами самаго издателя Альбома П. Н. Арапова, жива и написана хорошимъ разговорнымъ языкомъ; куплеты легки и забавны: чего требовать больше отъ водевиля? Скажемъ въ похвалу этой піесы, что она напоминаетъ собою живые водевили перваго мастера въ этомъ родѣ, А. П. Писарева. Одна разница: у того куплеты были и остры и часто кончались эпиграммой, здѣсь они только веселы. На сценѣ этотъ водевиль долженъ быть очень забавенъ.

Digitized by Google

Вотъ всѣ драматическія произведенія Альбома. За тѣмъ слѣдуетъ упомянуть о біографіяхъ артистовъ. Онѣ написаны хорошимъ языкомъ. Кромѣ того, что онѣ сохранятъ въ памяти лучшихъ нашихъ артистовъ, онѣ имѣютъ еще другой интересъ: перечитывая ихъ, мы думаемъ о различной судьбѣ, о переходахъ, часто не легкихъ, которымъ подвергаются эти люди. Мы привыкли видѣть ихъ только на сценѣ. Здѣсь видимъ мы ихъ, окруженныхъ красивыми декораціями, въ торжествѣ, въ роскоши, счастливцами, лордами, царями; но загляните въ ихъ жизнь, за кулисы! Біографія артистовъ всегда поучительна для человѣка. Къ сожалѣнію помѣщенныя біографіи слишкомъ кратки, и большею частію состоятъ изъ похвалъ общими мѣстами, напр. біографія Г. Самарина. Удовлетворительнѣе другихъ біографія Садовскаго.

Къ этому Альбому приложены снимки съ почерка нѣкоторыхъ лицъ (fac-simile); между ними, конечно, всего любопытнѣе почеркъ Великой Екатерины.

Наконецъ Альбомъ украшенъ 21 портретомъ артистовъ. Всѣ они болѣе или менѣе сходны, кромѣ портрета Львовой-Синецкой. Въ немъ рѣшительно нельзя узнать этой благородной физіономіи, этого прекраснаго лица, которое, даже и потерявъ свѣжесть молодости, сохранило прежнія черты и прежнее выраженіе. Впрочемъ, не знаю, не много ли мы сказали, что Альбомъ *украшенъ* портретами. Они только и имѣютъ достоинство сходства; но вылитографированы до чрезвычайности дурно. Мало встрѣчается столь дурныхъ литографій. Г. Щепкинъ похожъ болѣе, говорятъ, на Императора Сулука, чѣмъ на себя: съ такою плачевною физіогноміей публика его никогда не видала. Хотя въ заглавіи Альманаха, наравнѣ съ именемъ издателя литературной части, П. Н. Арапова, поставлено имя художника Августа Ропольта, но вся благодарность читателей должна относиться къ П. Н. Арапову.—Другой издатель не заслуживаетъ ничего, кромѣ упрека.

Л. Л.

Digitized by Google

6. Пчеловодство для неопытнаго и опытнаго, основанное на собственныхъ наблюденіяхъ и опытахъ и проч. 2½ч. М. 1850. стр. 133 и 65 въ 12 д. л.

Ручная книга въ кухнѣ и погребѣ для Русской хозяйки, сост. изъ многолѣтнихъ опытовъ и наблюденій Русской хозяйкою. М. 1851. стр. 216 въ 12 д. л.

Двѣ спекуляціи на довѣріе читателей, по теоріи вѣроятностей и по правилу заимствованій. «Пчеловодство» поживилось трудами Гг. Прокоповича, Витвицкаго, Великдана Пономарева и другихъ; «Ручная книга» хлопотала преимущественно около произведеній Г-жи Авдѣевой. Къ сожалѣнію, неизвѣстнымъ составителямъ этихъ хозяйственныхъ работъ, отъ незнанія или многознанія, вздумалось прибавить въ упомянутыя заимствованія кое-чего добытаго своимъ умомъ, и отъ этой прибавки книги ихъ сдѣлались совершенно безполезными для желудка читателей.

Календарь изъ Петербурга, азбука и календарь изъ Тифлиса, календарь изъ Одессы, двѣ кухонныя книги, Московскій Альбомъ—и вотъ все новое, показавшееся въ нашихъ книжныхъ лавкахъ. Январь былъ очень несчастливъ, надежду возложимъ на Февраль, а пока пополнимъ нашу библіографію 1850 года:

204. Соборная грамота духовенства православной восточной церкви, утверждающая санъ царя за В. К. Іоанномъ IV Васильевичемъ, 1561. Издана К. М. А. Оболенскимъ. Москва, въ Синод. тип. въ 4-ку, с. 50.

Москвитянинъ имѣлъ часто случай отдавать должную справедливость трудамъ Князя М. А. Оболенскаго, который идетъ достойно по слѣдамъ своихъ знаменитыхъ предшественниковъ въ ученомъ управленіи Московскимъ Архивомъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ: Князь Оболенскій безпрестанно находитъ, оглашаетъ и издаетъ памятники нашей почтенной старины. Предложимъ нѣсколько замѣчаній.

«По свидѣтельству отечественныхъ источниковъ,» говоритъ издатель, «Іоаннъ, достигнувъ 17-лѣтняго возраста, пожелалъ вѣнчаться на царство.» Пора, пора намъ оставить эти формы лѣтописныхъ выраженій, и отыскивать настоящій смыслъ: молодому Іоанну, безъ всякаго приготовительнаго воспитанія, проведшему свое время Богъ

Digitized by Google

знаетъ какъ, не могла придти въ голову подобная мысль: мысль принадлежитъ, безъ сомнѣнія, Митрополиту Макарію. Макарій, вѣнчавъ на царство Іоанна, сочелъ за нужное, заблагоразсудилъ, спросить благословенія и отъ восточной. Отъ имени Царя отправлялось за нимъ посольство, и привезло въ 1561 грамоту, вслѣдствіе Соборнаго опредѣленія. Грамота эта была извѣстна Карамзину и Строеву, но не вполнѣ. За изданіе ея, за приложеніе отрывковъ изъ статейнаго списка, за описаніе Титулярниковъ, мы должны благодарить, но издатель входитъ въ новое изслѣдованіе о присылкѣ регалій Мономаху, о коихъ говорится, де, одинаково въ Греческой грамотѣ и лѣтописи Русской. «Такое согласіе преданій, находимыхъ у двухъ народовъ, которые раздѣлены территоріею (!), не могло быть случайнымъ: оно должно основываться на дѣйствительномъ событіи. Соображеніе различныхъ обстоятельствъ.... какъ нельзя болѣе подтверждаетъ наше положеніе.» А мы думаемъ совсѣмъ напротивъ.

Сперва издатель разсуждаетъ, къ какому Владимиру присланы онѣ, и объясняетъ, что не къ Святославичу и не къ Ярославичу. Это пріемъ критики старой, вовсе лишній: въ документѣ, какомъ бы то нибыло, названъ Всеволодовичь,—такъ къ чему толковать тутъ о прочихъ Владимирахъ?

«Мы знаемъ» говоритъ авторъ, «годъ смерти Владимира Всеволодовича: онъ скончался 19 Мая, 1125 года, 73 лѣтъ. Отсюда слѣдуетъ, что годомъ его рожденія былъ 1052 годъ.»

Разсчета никакого дѣлать ненужно, ибо годъ рожденія Мономахова у Нестора положительно записанъ: въ лѣто 6561-1053: отъ Всеволода родися сынъ, и нарече имя ему Володимеръ, отъ царицѣ Грькынѣ.

«Весьма естественно, что Императоръ (Константинъ Мономахъ † 1054), не оставляя послѣ себя потомства по мужескому колѣну, желалъ передать, и дѣйствительно передалъ царское достоинство, вмѣстѣ съ регаліями, своему малюткѣ внуку, какъ великое наслѣдіе въ своемъ родѣ. А потому нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ томъ, что въ послѣдніе годы своей жизни И. Константинъ нарочно отправлялъ въ Россію Патріарха Антіохійскаго и Митрополита Эфесскаго, которые вѣнчали Царемъ его мало-

Digitized by Google

лѣтнаго внука Владимира Всеволодовича и передали въ родъ этого князя царственныя регаліи.»

Отвѣчаемъ: И. Константинъ могъ завѣщать новорожденному своему внуку Греческую Имперію, а о Русскомъ Царствѣ онъ и думать не могъ, всего менѣе распоряжаться: внукъ его былъ сынъ третьяго удѣльнаго князя, которому самому было очень далеко до Кіевскаго стола, отцу и двумъ старшимъ братьямъ со многими сыновьями живымъ сущимъ.

Согласіе Греческой грамоты съ Русскими извѣстіями ничего незначитъ по моему мнѣнію: въ грамотѣ Греческой вѣроятно были *прописаны* обстоятельства, указанныя въ Русской.

Что говоритъ еще въ примѣчаніяхъ авторъ о Мономахѣ, то принадлежитъ къ ложному роду изслѣдованій, противъ котораго говорено въ Москвитянинѣ часто: отъ чего не воспоминаетъ о регаліяхъ Мономахъ въ Духовной, отъ чего не описана присылка въ Греческихъ лѣтописяхъ— все это гаданія лишнія. Любопытнѣе было бы изслѣдовать, *когда* къ намъ попало извѣстіе о присылкѣ регалій: сочинилось ли оно при Грозномъ, или было прежде его? Мы находимъ оное въ спискѣ такъ называемомъ Воскресенскомъ — предметъ будущихъ изслѣдованій, по новымъ даннымъ.

Изданіе слишкомъ великолѣпно, и на пробѣлахъ можно бы помѣстить много добраго. *М. П.*

Поэтическіе эскизы. Альманахъ стихотвореній, изданный Я. М. Позняковымъ и А. П. Пономарёвымъ. Москва 1850. Въ Полицейск. тип., въ 12 д. л. стр. 143 и III.

Современная критика, въ лицѣ двухъ *дѣятельнѣйшихъ* Петербургскихъ журналовъ, давно не благоволитъ къ стихотвореніямъ; одинъ изъ этихъ журналовъ, вотъ уже около двухъ лѣтъ, составилъ даже компанію, которая подъ фирмою *Новаго Поэта*, пародируетъ и всѣ нынѣ являющіяся стихотворенія, и многія прежнія произведенія разныхъ школъ, преимущественно Гейневской и Лермонтовской. Что касается до насъ, читатели наши знаютъ, что мы не раздѣляемъ съ Петербургскими журналами ихъ непріязненнаго чувства къ всѣмъ нынѣшнимъ поэтамъ, хотя и не можемъ не согласиться съ тѣмъ, что настоящее время и са-

Digitized by Google

мо по себѣ не богато поэтическими талантами, и бѣднѣе прежняго: это было высказано нами еще въ прошломъ году, по поводу разборовъ стихотвореній Гг. Фета и Щербины. Но чѣмъ тверже въ насъ такое убѣжденіе, тѣмъ, разумѣется, съ большимъ сочувствіемъ встрѣчаемъ мы каждое новое произведеніе Русской поэзіи: поэтому, предубѣжденія, невыгоднаго поэтическому явленію, въ насъ никакъ предполагать не должно. Быть можетъ, и безъ сказаннаго нами здѣсь, читатели нашей «Библіографіи» не сомнѣваются во всемъ этомъ, но мы сочли почти необходимымъ предпослать это небольшое вступленіе суду нашему надъ альманахомъ Гг. Познякова и Пономарева, чтобъ напередъ оградить себя отъ всякаго съ ихъ стороны неудовольствія.

Первое впечатлѣніе, произведенное на насъ «Поэтическими Эскизами», книжкой, прекрасно изданной, и украшенной, въ оглавленіи, именами Гр. Ростопчиной, Гг. Берга, Мея, Миллера, и отрывкомъ изъ драмы Шекспира, а за тѣмъ и другими, неизвѣстныхъ до сихъ поръ въ литературѣ сочинителей — было самое пріятное. Мы обѣщали себѣ много удовольствія, и съ любопытствомъ принялись за отрывокъ изъ «Мѣры за мѣру», драмы Шекспира, съ котораго и начинается Альманахъ.—Отрывокъ оказался небольшой, но очень неудачный: помня сцену во дворцѣ Анджело между нимъ и Изабеллою, какъ она у Шекспира, мы смѣло увѣряемъ Г. В. Р., переводчика, что онъ передалъ прекрасную сцену весьма-неудовлетворительно; и языкъ и стихъ его намъ не нравятся:

Анджело.

Выслушай меня. Нѣтъ,
Моей не уловила мысль твоя.
Въ невѣдѣньи ты это говоришь,
Иль ты хитришь? Не хорошо тогда.

Изабелла.

Я не умна, я дѣвушка простая —
И въ простотѣ охотно сознаюсь.

Анджело.

Нѣтъ, съ большимъ блескомъ мудрость никогда
Такъ не блеститъ, когда она сама

Digitized by Google

Такъ унижается. Подъ маской глазъ
Воображаешь красоты въ стократъ
Прелестнѣе лица безъ покрывала.
Подумайте однако. Чтобъ совсѣмъ
Меня вы поняли, скажу яснѣе:
Вашъ братъ не можетъ жить! Стр. 8.)

Такимъ ли стихомъ надо переводить Шекспира, и не лучше ли переводить его прозой, какъ это дѣлаетъ Г. Кетчеръ, если не дается вамъ стихъ. — Есть въ «Поэтическихъ Эскизахъ» и оригинальныя стихотворенія, подписанныя буквами В. Р.; всѣ онѣ показались намъ достоинства довольно-неопредѣленнаго, но одно имѣетъ несомнѣнный характеръ какой-то особенной отваги: смѣлость самой идеи, лежащей въ основѣ этого стихотворенія, необычайная, просто *адская*; мы его выпишемъ:

Любовь и адъ.

Любовь и *адъ*, *адъ* и *любовь*!
Не различишь двухъ этихъ словъ:
Зажглася страсть, клокочетъ кровь,
Въ *адъ* превращается *любовь*!

Талантъ привѣтствуетъ *любимый*
Рукоплесканій *адскій* громъ,
Адъ ревности непобѣдимый
Я въ сердцѣ чувствую своемъ.

Да, мнѣ-бъ хотѣлось каждый взглядъ,
Движенье каждое твое —
Сберечь себѣ, какъ-будто кладъ,
Какъ счастье лучшее мое.

О, что за *адское* страданье,
Когда взволнованная кровь
Расшевелитъ воспоминанье,
Мою забытую *любовь*!

Когда къ другому предпочтенье
При мнѣ окажешь какъ-нибудь,
О, что за *адское* мученье
Стѣснитъ растерзанную грудь!

И это адское страданье
Давно въ груди моей кипитъ,
.....
.....

Digitized by Google

Нѣтъ, сохраню я до могилы
Любви отверженный мой кладъ,
Вѣдь я сказалъ, что равны силы:
Адъ и *любовь*, *любовь* и *адъ*! (Стр. 121.)

Каково-же! А мы, въ простотѣ сердечной, вѣровали, что всякія подобныя неистовства невозможны въ наше благословенное время, что онѣ умерли не только на дѣлѣ и въ жизни — что, конечно, всѣмъ извѣстно — но и въ воображеніи поэтовъ. И гдѣ почерпалъ Г. В. Р. подобныя вдохновенія? Ужь не хотѣлъ ли онъ пародировать Отелло?.... Просто страшно!....

Стихотвореніе «Ты не люби его» Графини Растопчиной, которой лирическій талантъ мы давно привыкли уважать, одно изъ лучшихъ въ Альманахѣ.

Г. Бергъ помѣстилъ четыре переводныя стихотворенія: «Ренегатъ», «Аюдагъ», «Право маменькѣ скажу» и «Сонъ». Что Г. Бергъ переводитъ и вѣрно, и хорошо — это для читателей Москвитянина не новость. Мы замѣтимъ слѣдующую граціозную пьеску:

Право маменькѣ скажу. (Съ Польскаго)
Что такое это значитъ:
Какъ одна я съ нимъ сижу,
Все тоскуетъ онъ и плачетъ....
Право маменькѣ скажу!....

Я ему одна забота,
Но въ душѣ моей, вишь, ледъ;
А глаза мои за что-то
Онъ кинжалами зоветъ!

Вишь рѣзва я, непослушна,
Ни на мигъ не посижу....
Право мнѣ ужь это скушно,
Право маменькѣ скажу!

Подъ окномъ моимъ все бродитъ,
Самъ съ собою говоритъ;
Какъ одна—онъ глазъ не сводитъ,
А при людяхъ — не глядитъ!

Но подъ часъ, какъ съ нимъ бываю,
И сама я вся дрожу,
И смущаюсь, и пылаю....
Право маменькѣ скажу....

Digitized by Google

Пусть она ужь насъ разсудитъ!
Вотъ ужо я погляжу!
Что-то съ нимъ, съ бѣдняжкой, будетъ!
Нѣтъ.... ужь лучше не скажу!....

(Стр 94.)

«Сонъ» не дуренъ, но мы знаемъ переводъ гораздо болѣе удовлетворительный.

Г. Мей перевелъ «Моравскія пѣсни.» Стихотвореніе Г. Миллера «Труженикъ», примѣчательно по своей мысли.

Этимъ и кончаются произведенія именъ, уже извѣстныхъ читателямъ Москвитянина.... Виноваты, есть еще одно имя, имя давно извѣстное — Н. В. Сушкова. Г. Сушковъ даритъ насъ тремя поэтическими произведеніями, разумѣется *оригинальными* — «Бахчисарай», «Хорошо-ли вамъ тамъ» и «Пѣсня изъ водевиля: *Сюрпризы*». Мы душою были бы рады выписать здѣсь цѣликомъ три новые подарка, дѣлаемые литературѣ Г. Сушковымъ, но никакъ этого сдѣлать не можемъ, по той простой причинѣ, что одинъ «Бахчисарай» занимаетъ семь печатныхъ страницъ; мы выпишемъ: *Пѣсню изъ водевиля «Сюрпризы»*.

Ай! вино!
Знать оно
Дорогое?

Не могу ступить никакъ!
Зашатался.... я?.... пустякъ!
Хмѣль — ничто другое!

—

Не робѣй!
Пей, да пей
Дни и ночи!....
Что-жь колѣнки такъ дрожатъ?
Знать присѣсть они хотятъ?
Нѣтъ ужь мочи!....

—

Вскружена
Отъ вина,
Удалая!
Что за притча! Все вверхъ-дномъ.
Скачетъ пляшетъ садъ и домъ,
Присѣдая!

—

Digitized by Google

Пусть мудрецъ
По конецъ
Суетится ;
Не узнаетъ николи :
Солнце-ль бродитъ вкругъ земли
Иль земля вертится ?

—

Объ-закладъ
Буду радъ
Съ нимъ побиться ,
Что земля идетъ кругомъ,
И теперь нѣтъ спора въ томъ ,
Страхъ кружится ? (Стр. 140.)

Эта пѣсня писана въ 1822 г.... Не правда-ли — мило ?

Прочіе вкладчики Альманаха, кромѣ самихъ издателей, суть Гг: Андреевъ, Кн. К., Кобяковъ, Котельниковъ, Прот.... овъ, Соколовъ, Соловьевъ и ***, имена, какъ видите, до сихъ поръ не являвшіяся въ печати. Не знаемъ, какъ быть намъ съ произведеніями этихъ господъ: дарованія ихъ чрезвычайно-разнообразны , и всѣ они ревностно содѣйствовали составленію «Поэтическихъ Эскизовъ», — посланіями , романсами, серенадами, думами, Русскими пѣснями, легендами, переводами, и другими плодами своихъ фантазій; не знаемъ, говоримъ, потому, что вообще странны какъ-то , и то незрѣлы, то перезрѣлы всѣ эти плоды: Русскія пѣсни, напримѣръ, не похожи на пѣсни, посланія не похожи на посланія.... но, чѣмъ доискиваться общихъ заключеній, прочтемъ лучше нѣсколько образцовъ этихъ произведеній «юныхъ питомцевъ музъ».

Вотъ отрывокъ изъ «Русской пѣсни» Г. Познякова.

Рано вянутъ красой
Дѣвы юныя ,
Породнившись съ тоской
Сердца бѣдныя !
Имъ не мило ужь жить
На бѣломъ свѣтѣ , —
Радость прочь все бѣжитъ,
Ровно солнышко! и т. д. (Стр. 136.)

Вотъ отрывокъ изъ посланія Г. Соколова къ NN.

Не осквернитъ онъ (поэтъ) мыслью ложной
Души священной ѳиміамъ.
Онъ пишетъ то, что духъ тревожный
Внушаетъ сердцу и мечтамъ.

Digitized by Google

Зачѣмъ-же въ жизни первородной
Желать безжизненныхъ идей?
Зачѣмъ мѣшать съ землей холодной
Святой поэзіи елей? —

Зачѣмъ-же мелкимъ испытаньемъ
Поэта душу возмущать?
Его уму, его мечтаньямъ
Предметъ созданія давать?.... (Стр. 71.)

Дѣйствительно: нѣтъ никакой надобности *возмущать душу поэта мелкимъ испытаньемъ;* мы и не намѣрены это дѣлать, не намѣрены даже:

Его уму, его мечтаньямъ
Предметъ созданія давать —

это и не въ нашихъ правилахъ, а если бы мы и покусились на что-нибудь подобное, кто изъ поэтовъ сталъ бы насъ слушать; пересталъ ли бы Г. Позняковъ писать Русскія пѣсни, Г. Соколовъ — посланія и другія вещи, Г. Андреевъ — мечтать на разныя темы и неудачно подражать произведеніямъ разныхъ поэтовъ, напримѣръ «Тройкѣ» Г. Некрасова, какъ въ его стихотвореніи, начинающемся такъ:

Что глядишь ты съ тоской и тревогой
Озираешься, будто боясь —
И окольною, дальней дорогой
Возвращаешся, свѣта дичась....
(Дѣвушкѣ. Стр. 69.)

Пересталъ ли бы Г. Кобяковъ сочинять Скандинавскія легенды, въ которыхъ бываютъ такіе случая, напримѣръ:

И блѣдный, и грозный, со злостію гіенны
За мечъ ухватился язычникъ-старикъ,
Онъ бросился къ Бертѣ, но гнутся колѣны —
И слова не молвитъ, нѣмѣя, языкъ! и т. д.
(Стр. 87.)

Пересталъ ли бы Г. Соловьевъ такъ остроумно поддѣлываться подъ Русскую народную рѣчь, какъ въ произведеніи своемъ:

Два сосѣда-свата.

Не лей, ты мнѣ, сватушка,
Пѣннику въ стаканъ,
Пилъ, кажись, все брагу я,
А ужь больно пьянъ!

Digitized by Google

То ли было прежде-то?....
Охъ, любилъ попить!
Ни ковшомъ, ни кружкою
Сеньку не споить!

А теперь отъ малости
Зги не вижу я —
Знать иду, сватъ, къ старости,
Понимашь меня?

и т. д. (Стр. 107.);

Перестали-ль бы и эти и другія господа переводить очень плохо очень плохія произведенія и разводить водицей свои чувствованьица и впечатлѣньица, а Г. *** дарить литературу такими произведеніями, каково:

Очищенное.

Винцо, винцо простое,
Намъ Русскимъ всѣмъ родное —
Люблю тебя пить съ горя,
Удивительное!
Ахъ сколько въ этомъ словѣ
Упоительнаго.

—

Въ часъ скуки и застоя,
Уныло сердце ноя,
Въ насъ требуетъ настоя
И очищеннаго!
Ахъ, сколько въ этомъ словѣ
Упоительнаго

—

Во время же похмѣлья,
Все манитъ на веселье,
И требуетъ скорѣе
Подкрѣпительнаго!
Ахъ, сколько въ этомъ словѣ
Соблазнительнаго!

—

Откуда что берется,
Рѣкою водка льется,
Все общество смѣется
Удивительно!
Ахъ сколько въ этомъ словѣ
Возбудительнаго!

—

Digitized by Google

Но если попьянѣе,
И чадъ бурлитъ сильнѣе,
То жаждешь поскорѣе
Освѣжительнаго!
Ахъ сколько въ этомъ словѣ
Упоительнаго! (Стр. 142);

Перестали-ль бы.... и такъ далѣе, и такъ далѣе..... Увы! разумѣется, нѣтъ. Въ противномъ случаѣ, т. е. еслибы только, въ гордомъ ослѣпленіи, мы рѣшились предположить, что слова наши подѣйствуютъ, мы бы непремѣнно посовѣтовали всѣмъ названнымъ нами новобранцамъ поэзіи избрать себѣ или другіе *предметы созданія*, или, по крайней мѣрѣ, не

.... мѣшать съ землей холодной
Святой поэзіи елей,

по рецепту Г. Соколова, но только подъ его «землею» мы просили бы ихъ понимать то Русское слово, которое довольно вѣрно переводится Англійскимъ *nonsense*. Повторяемъ, однакоже, и повторяемъ торжественно, что мы никакихъ совѣтовъ давать имъ не будемъ, по той причинѣ, что не смѣемъ и думать, чтобъ они къ чему-нибудь повели.

Обращаемся къ вамъ, безпристрастные и сто разъ снисходительные читатели: что прикажете въ подобныхъ случаяхъ дѣлать критикѣ? Произносить ли намъ приговоръ надъ «Поэтическими Эскизами»? Нѣтъ, мы лучше поступимъ такъ: передадимъ право суда надъ всѣми вышеисчисленными произведеніями *Г. Новому Поэту*, — можетъ быть, и удастся ему какъ-нибудь наставить на путь истинный молодыхъ жрецовъ Аполлона, а сами попросимъ Гг. Познякова и Пономарева, чтобы они, если когда опять вздумаютъ порадовать насъ Альманахомъ стихотвореній, озаботились въ то время столько-же о его содержаніи, сколько теперь — о его наружности.

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ.

1851.

№ 4. Февраль. Кн. 2.

ОСЬМОЕ ЯНВАРЯ

1851 года.

Января 8 нынѣшнаго года, родные и друзья праздновали юбилей пятидесятилѣтней службы отечеству Графа Дмитрія Николаевича Блудова. Домашній праздникъ, выражавшій воспоминанія о прошломъ и настоящія чувства людей близкихъ хозяину дома, долженъ бы остаться въ семейномъ кругу; однако же мы позволяемъ себѣ нарушить скромность и сказать нѣсколько словъ о праздникѣ и для общаго свѣдѣнія. Имя Графа Блудова принадлежитъ Россіи, его заслуги тѣсно соединены съ государственною и литературною нашею жизнію.

Онъ другъ и братъ пѣвца Людмилы,
Онъ другомъ былъ Карамзина.

Литературныя воспоминанія должны были занимать не послѣднее мѣсто на праздникѣ, котораго цѣль заключалась въ томъ, чтобы воскресить прошлое, напомнить молодость тому, чье имя соединено съ послѣдними страницами безсмертнаго творенія Карамзина.

Digitized by Google

Вечеръ начался домашнимъ спектаклемъ. Сцена представляла комнату, въ которой собрались дѣйствующія лица, въ костюмахъ, какъ бы для репетиціи различныхъ піесъ, приготовляемыхъ для домашняго спектакля. Между разговорами и приготовленіями повторили нѣсколько сценъ одну за другою. Такъ были разъиграны сцены изъ старой оперы Боельдье: «Ma tante Aurore» съ извѣстными куплетами: «non, ma niéce vous n'aimez pas»; три первыхъ явленія изъ «Бригадира» Фонъ-Визина, нѣсколько сценъ изъ комедіи «Вертеръ», и наконецъ та сцена изъ «Дмитрія Донскаго», въ которой Русскій воинъ разсказываетъ Ксеніи о пораженіи Мамая. Полнозвучные стихи Озерова, прекрасно произнесенные, произвели сильное впечатлѣніе, и сами актеры, пользуясь тѣмъ, что они какъ бы только приготовляются къ настоящему представленію, просили воина произнесть и слова Дмитрія Донскаго, которыми оканчивается трагедія:

Но первый сердца долгъ Тебѣ, Царю царей,
Всѣ царства держатся десницею Твоей!
Прославь и укрѣпи и возвеличь Россію!
Какъ прахъ земной, сотри враговъ кичливыхъ выю,
Чтобъ съ трепетомъ сказать иноплеменникъ могъ:
Языки вѣдайте, великъ Онъ Русскій Богъ!

Прекрасная игра дѣйствовавшихъ лицъ, изъ которыхъ многія съ замѣчательнымъ талантомъ исполнили свои роли, и выборъ самыхъ піесъ не могли не произвести особеннаго дѣйствія. Всѣ піесы принадлежали къ прошедшему времени, и, напоминая Графу Д. Н. Блудову его молодость, онѣ напомнили всѣмъ ту эпоху въ нашей литературѣ, когда произведенія Фонъ-Визина еще были живы въ памяти, когда уже занялась заря новаго литературнаго дня — выступили на поприще дѣйствія Карамзинъ и Дмитріевъ — и трагедіи Озерова составляли явленія современныя.

Когда окончилось представленіе, на сцену вбѣжалъ молодой человѣкъ и, подавая письмо, сказалъ: «Я прямо изъ Арзамаса, то есть съ Карповки». Письмо было прочтено:

Digitized by Google

«Съ развалинъ Арзамаса, отъ *старушки*, удрученной не-«дугомъ, поклонъ и радушное привѣтствіе давнишней по-«другѣ *Кассандрѣ Пріамовнѣ*, сидящей не на развалинахъ «Трои, а въ кругу любимаго семейства и преданныхъ дру-«зей. Старушка хотѣла бы включить въ эту грамотку всѣ вос-«поминанія юности, всѣ мечты минувшихъ дней, словомъ, «отголосокъ тѣхъ забавныхъ и увлекательныхъ бесѣдъ, о «коихъ забыли безмолвные берега Карповки; но тотъ, *кто «сидѣлъ впереди*, умчался за *Свѣтланою*, бѣдная старушка съ «трудомъ владѣетъ стальнымъ, заморскимъ перомъ, ибо, го-«ворятъ, что на рынкѣ не найдешь теперь ни одного *перу-«шка Арзамасскаго*, а въ привозѣ лишь *пухъ* и *потрохъ*. «Какъ все измѣнилось!»

«Но вотъ что неизмѣнно: посмотрите съ умиленіемъ на «этотъ кружокъ *немногихъ* уцѣлѣвшихъ отъ времени и бурь, «какъ будто въ замѣну другихъ и смертію и жизнію по-«хищенныхъ. Чѣмъ тѣснѣе кружокъ, тѣмъ чистосердечнѣе «порывъ его соединяющій, тѣмъ живѣе привязанность къ ви-«новнику нашего собранія, тѣмъ признательнѣе мы должны «быть къ Провидѣнію, дающему намъ на закатѣ дней спо-«собность наслаждаться вмѣстѣ и плодами полувѣковой опыт-«ности, и игрою фантазіи младенческой.

«Да будетъ сей день для насъ, стариковъ, пріятнымъ «воспоминаніемъ молодости, и для окружающихъ насъ моло-«дыхъ слушателей новымъ побужденіемъ къ благороднымъ «занятіямъ ума. Намъ, ветеранамъ, слѣдуетъ говорить млад-«шимъ товарищамъ, что и въ нашу очередь, сбросивши шут-«ливую оболочку Арзамасскую и собравшись нѣкогда около «*Карамзина*, мы занимались дѣломъ, и онъ, какъ старшій «братъ, съ кроткою улыбкою и яснымъ взоромъ, примѣ-«ромъ и совѣтами научалъ насъ трудиться, размышлять, пи-«сать. Счастливъ, кому дано было привязать свое имя къ «послѣднимъ страницамъ его безсмертнаго творенія!

«Извините, любезнѣйшій *юбиляръ*, если посланіе, нача-«тое въ Арзамасѣ, невольно оканчивается Петербургомъ, по-

Digitized by Google

«среди истинно васъ уважающихъ и любящихъ, въ числѣ «коихъ я всегда занималъ и занимать буду, и подъ личи«ною старушки и въ собственномъ видѣ, не послѣднее мѣсто.»

8 Января 1851 года.
С. Петербургъ.

Вскорѣ послѣ трудовъ и подвиговъ 12 года, когда Россія уже наслаждалась плодами славнаго мира, въ Петербургѣ, подъ вліяніемъ того направленія, которое геній Карамзина произвелъ на развитіе нашей словесности, молодыми писателями того времени было учреждено литературное Общество подъ названіемъ: Арзамасъ. Карамзинъ считался его почетнымъ членомъ. Давая направленіе литературнымъ занятіямъ Общества, скромный и благодушный характеръ Карамзина не позволялъ ему выказывать того же авторитета въ личныхъ отношеніяхъ съ молодыми писателями: онъ былъ первымъ между равными, *старшимъ братомъ* въ литературной ихъ семьѣ, въ которой занимали мѣсто В. А. Жуковскій, К. Н. Батюшковъ, Д. В. Дашковъ, Кн. П. А. Вяземскій и А. С. Пушкинъ. Каждый членъ общества назывался именемъ изъ балладъ Жуковскаго, Графъ Блудовъ именовался Кассандрою, Графъ Уваровъ Старушкою.

Послѣ чтенія письма, Кн. П. А. Вяземскій произнесъ куплеты, которые послѣ были пропѣты въ заключеніе представленья:

Нашъ бойкій вѣкъ парúтъ и пáритъ,
Парáми гонитъ онъ и жжетъ,
Онъ жизнь торопитъ, время старитъ
И все кричитъ: впередъ, впередъ!

—

Что день, то новое начало,
Что день съ вчерашнимъ днемъ разрывъ,
И что всѣхъ утромъ волновало,
То къ вечеру сдано въ архивъ.

—

Digitized by Google

Дѣламъ и людямъ срокъ даетъ милый;
Вчерашній геній, поглядишь,
Ужъ нынче олухъ запоздалый
И вѣкъ любимцу кажетъ шишъ!

—

Преданій связь давно забыта,
Съ прошедшимъ спрашиться смѣшно,
И память на-глухо забита,
Какъ въ домѣ лишнее окно.

—

Одно въ умѣ нашъ вѣкъ имѣетъ,
Принявъ пословицу въ законъ:
Что кто о старомъ вспомнить смѣетъ,
Тому глазъ должно вырвать вонъ.

—

Ты не таковъ, и слава Богу!
Глаза не выколешь ты намъ,
Когда на старую дорогу
Свернули къ старымъ мы друзьямъ.

—

Твой разумъ чуждъ предубѣжденья,
Не врагъ онъ доброй новизнѣ:
Въ благихъ успѣхахъ просвѣщенья
Идешь ты съ вѣкомъ наравнѣ.

—

Но старинѣ ты не измѣнникъ,
Не прилѣпляясь къ новизнамъ,
Ты не минутъ современникъ,
Но современникъ всѣмъ вѣкамъ.

—

Ты въ памяти своей обширной
Хранишь преданья всѣхъ вѣковъ,
Любуясь выставкой всемірной
Всѣхъ дарованій и умовъ.

—

Digitized by Google

Фонъ-Визина ты шутки любишь,
И Озерова звучный стихъ.
Ты нынѣ лаской пригодубишь,
Какъ сонъ и радость дней младыхъ.

—

Въ сей день, друзьямъ твоимъ любезный,
Когда во цвѣтѣ бодрыхъ силъ,
Ты жизни чистой и полезной
Полвѣка съ честью совершилъ,

—

Друзья сошлись въ твой кругъ семейный,
Чтобъ, безъ торжественныхъ затѣй,
Украсить пиръ твой юбилейный
Живой картиной прежнихъ дней.

—

Сложи трудовъ высокихъ бремя,
И, освѣжившись старивой,
Ты обочти скупое время
И сбрось полвѣка съ плечъ долой.

—

Сей вечеръ — радости и дружбѣ!
Сей вечеръ съ нами отдохни,
А завтра труженикъ на службѣ
Полвѣка новые начни.

—

После пѣнья куплетовъ, Кн. П. А. Вяземскій прочелъ посланіе къ Графу Д. Н. Блудову:

Тому полвѣка началъ ты
Служенье обществу и благу.
Имъ сердца свѣтлыя мечты,
Имъ смѣлаго ума отвагу

Digitized by Google

Отъ раннихъ дней ты посвятихъ.
И лѣтъ тебя не тронулъ холодъ:
Еще ты нынѣ сердцемъ молодъ
И бодрый умъ твой не остылъ.

—

Полвѣка — и сказать такъ страхъ!
А пережить куда какъ трудно:
Жизнь сѣетъ щедро въ юныхъ дняхъ,
Но часто осенью жнетъ скудно.
Съ началомъ ссорится конецъ,
И вечеръ — утра выводъ ложный,
Ты былъ и сѣятель надежный
И много выручившій жнецъ.

—

Ты честью почести стяжалъ
Безъ посторонняго участья.
Ты запыхавшись не бѣжалъ
За прыткой колесницей счастья,
Чтобъ за подножку на авось
Рукою жадной уцѣпиться:
Ты счастья не искалъ добиться,
Оно въ тебѣ за умъ взялось.

—

И все прекрасное въ тебѣ
Отъ искушенья уцѣлѣло:
Друзьямъ ли, съ недругомъ въ борьбѣ,
Въ глаза смотрѣть ты можешь смѣло.
Друзьямъ сберегъ ты цвѣтъ любви,
Не опаленный знойнымъ счастьемъ:
Подъ непріязненнымъ пристрастьемъ
Въ поруку совѣсть призови.

—

Глупцамъ — глупцы есть и у насъ —
Бываетъ солонъ умъ твой ѣдкой,
И мастерски не въ бровь, а въ глазъ
Ты попадешь шуткой мѣткой.

Digitized by Google

И счету нѣтъ твоимъ стрѣламъ
Въ твоемъ запасливомъ колчанѣ:
Стрѣлялъ ты въ дѣдовъ, и заранѣ
Грозишь ты внучатымъ глупцамъ.

—

Тебя не погодилъ потокъ,
Текущихъ дѣлъ потокъ чернильной:
Въ себѣ отвелъ ты уголокъ
Для жизни чувствами обильной.
И вся проникнута она
Святымъ огнемъ духовной силы:
Ты другъ и братъ пѣвцу Людмилы
Ты другомъ былъ Карамзина.

—

Ужинъ и тостъ за здоровье хозяина дома окончили вечеръ, который надолго останется въ памяти всѣхъ въ немъ участвовавшихъ.

Digitized by Google

СЕРГѢЙ ПЕТРОВИЧЪ ХОЗАРОВЪ И МАРІЯ СТУПИЦЫНА,

БРАКЪ ПО СТРАСТИ.

ПОВѢСТЬ.

(Посвящается Юрью Никитичу Бартеневу.)

I.

Мелкія натуры только претендуютъ на любовь и неудачно драпируются плащемъ Ромео и Юліи.

Въ одномъ изъ Московскихъ переулковъ, вѣроятно, еще и теперь стоитъ большой каменной домъ, на воротахъ коего нѣкогда красовалась вывѣска съ надписью: *здѣсь отдаются квартиры со столомъ, спросить Госпожу Замшеву.* Осеннее солнце,—это было часу въ десятомъ утра,—заглянуло между прочимъ и въ квартиры со столомъ, и въ комнатѣ, занимаемой хозяйкою, освѣтило обычную утреннюю сцену. Госпожа или, лучше сказать, дѣвица Замшева сидѣла передъ столомъ и пила чай; передъ нею, нѣсколько въ почтительномъ отдаленіи, стояла баба. Нельзя сказать, чтобы обѣ эти женщины, хотя были освѣщены волшебнымъ свѣтомъ солнца, представляли живописныя фигуры. Почтеннѣйшая хозяйка, дѣвица слишкомъ за сорокъ, одѣтая въ какой-то

Digitized by Google

не совсѣмъ опрятной капотъ-разпашенку, имѣла лицо страшно рябое и очень тоненькую и жидкую косу, которыя обыкновенно называются мышиными хвостами. Костлявыя руки дѣвицы Замшевой, вообще немного плоской и худой, носили на себѣ остатокъ утренней возни съ провизею. Про бабу и говорить нечего: это былъ какой-то грязный комокъ, комокъ впрочемъ плотный и здоровый.

— Такъ ты сдѣлаешь супъ изъ телятины, — начала хозяйка, — сосиски подъ капустой, и зажаришь голубей, да еще изъ вашей говядины выбери получше кусочикъ и свари щи и завари кашу.

— Всѣмъ всяво давать? — спросила баба.

— Опять всѣмъ; развѣ я тебѣ, глупая, не толковала,— возразила хозяйка,— во второй нумеръ пошли всего и спроси, чего угодно. Сибариту дай только супу и сосисокъ, Ѳерапонту Григорьевичу пошли щей, сосисокъ и каши, въ четвертый нумеръ отошли только супу безъ телятины и каши, да смотри, какъ можно меньше масла.

— Да вчера и то чуть не прибили, — замѣтила баба.

— Вотъ прекрасно, разсуждаешь еще! не твое дѣло,— возразила хозяйка.

— Да вѣдь дерутся; этта черноволосый-то въ кухню прибѣжалъ, *лаялся*, *лаялся*, ажно ухватъ схватилъ.

— Велика важность: ухватъ схватилъ, — имъ же хуже! Въ пятый нумеръ ничего не посылай, кромѣ супу, — человѣкъ больной, ему діета нужна; въ шестой нумеръ пошлешь всего и спросишь, чего хотятъ, да голубей отправь парочку, — онъ охотникъ.

— Не запомню, Татьяна Ивановна, вся ваша воля, не запомню, — отвѣчала кухарка.

— Ну такъ и есть, перемѣшай опять.

— Вся ваша воля, памяти на алтынъ нѣтъ.

— Поди, этакой деревенскій неучь! еще не безъ чего четвертый годъ въ Москвѣ живешь, — возразила съ сердцемъ Татьяна Ивановна.—Дай мнѣ умыться,—сказала она, и начала доставать изъ комода мыло, полотенцо и угольной порошокъ. Кухарка между тѣмъ достала изъ-подъ кровати тазъ.

Digitized by Google

съ огромнымъ умывальникомъ. Распустивши совершенно капотъ-разпашенку, Татьяна Ивановна первоначально натерла зубы угольнымъ порошкомъ, выполоскала ихъ потомъ, и вслѣдъ за тѣмъ принялась обмывать руки, лицо и даже грудь. Почти цѣлое ведро было издержано на омовеніе ея сорокалѣтнихъ прелестей, которыя потомъ, какъ водится, были старательно обтерты полотенцомъ, а кухарка отослана къ исполненію ея прямыхъ обязанностей. Оставшись одна, Татьяна Ивановна принялась убирать волосы. Приведя голову въ порядокъ, она вынула изъ комода пузырекъ съ бѣлою жидкостью и начала оною натирать лицо, руки и шею; далѣе, вынувши изъ того же комода яичекъ съ краснымъ порошкомъ, слегка покрыла имъ щеки. Украсивши такимъ образомъ свое лицо и возложивши на себя извѣстное число юбокъ, Татьяна Ивановна, наконецъ, надѣла свое холстинковое почти-новинькое платье, и, странное дѣло, что значитъ женскій туалетъ! передъ вами какъ будто появилась другая женщина: не говоря уже о томъ, что рябины разгладились, стали гораздо незамѣтнѣе, что цвѣтъ лица сдѣлался совершенно другой, что самая худоба стана пополнѣла, но даже коса, этотъ мышиный хвостъ, сдѣлался гораздо толще, роскошнѣе и весьма красиво сложился въ нѣчто — въ родѣ корзинки.

Одѣвшись совершенно, Татьяна Ивановна намѣревалась приступить къ подвигу хожденія по нумерамъ для собиранія денегъ съ своихъ постояльцевъ.

Изъ послѣдующихъ сценъ мы убѣдимся, что это былъ дѣйствительно подвигъ, подвигъ трудный и рѣдко сопровождающійся должнымъ успѣхомъ. Въ эпоху предпринятаго мною разсказа, у дѣвицы Замшевой постояльцами были: какой-то Малороссъ, человѣкъ еще молодой, который первоначально всякій день куда-то уходилъ, но вотъ уже другой мѣсяцъ сидѣлъ все, или, точнѣе сказать, лежалъ дома, хотя и былъ совершенно здоровъ, за что Татьяною Ивановной и прозванъ былъ сибаритомъ; другіе постояльцы: музыкантъ, старый помѣщикъ, двѣ неопредѣленныя личности, танцовальный учитель, съ полгода болѣвшій какою-то

Digitized by Google

хроническою болѣзнію и наконецъ молодой помѣщикъ Хозаровъ. Татьяна Ивановна, какъ могли мы замѣтить изъ предъидущаго ея разговора, въ отношеніи обѣда, съ кухаркою, не одинакимъ образомъ третировала своихъ постояльцевъ. Она раздѣляла ихъ на три класса: на *милашекъ*, на *такъ-себѣ* и на *гадкихъ*. Къ числу милашекъ принадлежали: двое помѣщиковъ и музыкантъ, который былъ впрочемъ тайный милашка, и объ немъ она даже мало говорила; къ такъ-себѣ относились: сибаритъ и танцовальный учитель; къ гадкимъ: двѣ неопредѣленныя личности.

Постояльцы съ своей стороны именовали Татьяну Ивановну *почтеннѣйшая*. Вышедши изъ своей комнаты, Татьяна Ивановна подошла къ первому нумеру, то есть къ сибариту.

— Что, можно? — спросила она, пріотворивъ немного дверь.

— Можно, — отвѣчалъ голосъ изнутри.

— Да вы въ постелѣ?

— То есть я на кровати.

— Ну такъ прикройтесь.

— Войдите, прикрылся.

Для объясненія такого рода переговоровъ, я долженъ здѣсь замѣтить, что Малороссъ, не смотря на громкое титло сибарита, имѣлъ не совсѣмъ полный комплектъ утреннихъ и ночныхъ принадлежностей человѣка. Онѣ ограничивались одною ватошною шинелью, которую онъ обыкновенно подстилалъ подъ себя, не прикрывая себя сверху ничѣмъ.

Несмотря на увѣренія постояльца, что онъ прикрылся, дѣвица Замшева не вѣрила, и входила въ комнату стараясь быть къ кровати жильца спиною, и въ томъ же самомъ положеніи начинала съ нимъ вести дальнѣйшіе переговоры.

— Я къ вамъ.

— А что?

— Нѣтъ ли у васъ денегъ?

— Увы, Татьяна Ивановна, совершенно нѣтъ.

— Да какъ же мнѣ-то дѣлать?

— Незнаю, моя почтеннѣйшая!

— Вы за три мѣсяца неплатили.

Digitized by Google

— Вы себя обсчитываете, почтеннѣйшая, съ процентами больше, чѣмъ за три; что дѣлать! я бы вамъ сейчасъ отдалъ за четыре, но нема пензы!

— Ахъ, какой вы смѣшной! да что теперь я-то буду дѣлать?

— Одно только выслушайте меня, почтеннѣйшая Татьяна Ивановна! Неужели же вы думаете, чтобы я, имѣвши деньги, отказалъ себѣ въ трубкѣ табаку; но я теперь не курю, слѣдовательно теперь у меня нѣтъ денегъ.

— А третьяго дня начто въ трактиръ ходили, и пьяный еще Матрену, безстыдникъ этакой, обругалъ?

— Ахъ, Татьяна Ивановна! не разтравляйте раны! Это былъ сонъ, и сонъ прекрасный, но онъ миновался и сегодня не повторится.

— Да не со сна же вы опьянѣли, гдѣ денегъ-то взяли?

— Денегъ у меня не было, но ко мнѣ явился благодѣтельный геній и сказалъ: надѣнь мой сертукъ, мои калоши, пойдемъ въ трактиръ, пей и ѣшь.

— Все вы лжете: откуда вамъ денегъ-то пришлютъ?

— Ну это другой вопросъ, денегъ должны мнѣ прислать, во-первыхъ, отецъ, во-вторыхъ, тетки, въ-третьихъ, братья, въ-четвертыхъ, сестры.

— Да — вотъ, такъ и ждите.

— Непремѣнно пришлютъ.

— Ну, смотрите, больше нынѣшняго мѣсяца не стану ждать,—отвѣчала Татьяна Ивановна, и съ тою же предосторожностію начала выходить изъ нумера.

— Татьяна Ивановна, а Татьяна Ивановна! — кричалъ голосъ съ кровати,—пришлете мнѣ сегодня обѣдать?

— Не знаю.

— Пришлите, пожалуйста, да чтобы супъ-то былъ немного повкуснѣе, а то въ простой водѣ больше жиру, хоть хлѣба присылайте побольше.—Татьяна Ивановна на эти слова ничего не отвѣтила и слѣдующій за тѣмъ нумеръ прошла мимо; въ немъ проживалъ секретный ея милашка, музыкантъ; она къ нему никогда не заходила по утрамъ. Въ ближайшій нумеръ дѣвица Замшева вошла безъ всякихъ предо-

Digitized by Google

строжностей, съ выраженіемъ лица болѣе веселымъ, совершенно добрымъ и нѣсколько даже почтительнымъ; въ этомъ нумерѣ жилъ милашка—старый помѣщикъ, значительно толстой и сильно обросшій усами и бакенбардами. Комната его по своему убранству совершенно непоходила на предъидущій нумеръ: во-первыхъ, на кровати лежала трехпудовая перина и до пяти подушекъ; по стѣнамъ стояли: ящики, ящички, два Тульскія ружья, нѣсколько черешневыхъ чубуковъ, висѣли четверня Московскихъ шлей съ оголовками, калмыцкій тулупъ; по окнамъ стояли: чашки, чайникъ, кофейникъ, судокъ для винъ, графинъ съ водкой, фунта два икры, Московскій калачь и десятокъ редиски. Самъ помѣщикъ въ толсто-настеганномъ шерстяномъ халатѣ сидѣлъ передъ новенькимъ огромнымъ самоваромъ изъ красной мѣди и кушалъ чай. Сзади его лакей въ домотканномъ чепанѣ поправлялъ на оселкѣ бритву.

— Кто тамъ?—закричалъ милашка помѣщикъ, услышавши скрыпъ дверей.

— Хозяйка, — отвѣчалъ лакей.

— А.... произнесъ помѣщикъ, что скажете, голубушка! не хотите ли чаю?.... Ванька! подай ей чаю.

— Я пришла навѣдаться, хорошо ли вамъ?

— Ничего... идетъ, только клоповъ или блохъ много.

— Блохи, должно быть, безпокоили васъ, клоповъ здѣсь совершенно нѣтъ. Я, вотъ, здѣсь третій годъ живу, а никогда ни одного клопа въ глаза не видала,—отвѣчала Татьяна Ивановна, — не знаю, какъ бы вамъ помочь въ этомъ:—крапивы развѣ подъ простыню подложить? говорятъ, это помогаетъ.

— Ничего не надо, и такъ сойдетъ, а вотъ что, голубушка, суповъ-то мнѣ своихъ не подавай, мерзость страшная.

— Я думала, что вы изволите любить.

— Какого тутъ чорта любить! вари мнѣ щи, — да и голубями не изволь подчивать, я этой мерзости совсѣмъ не ѣмъ.

— Слышала, батюшка, Ѳерапонтъ Григорьевичь, слышала: съ сегодняшняго же дня велѣла приготовлять столъ

Digitized by Google

по вашему вкусу. У насъ, вѣдь, нельзя - съ; стоятъ больше иностранцы.

— Ну иностранцевъ и корми супами; а мнѣ этихъ помой не надобно.

— Слушаю-съ,—отвѣчала хозяйка,—а вы, я вижу, еще покупочку сдѣлали,—прибавила она, оглядывая комнату;—хомутики изволили купить?

— На цѣлую четверню хватилъ, матушка. Ванька, покажи хозяйкѣ хомуты. Ну, посмотри, во сколько оцѣнишь?

— Не могу сказать, Ѳерапонтъ Григорьичь, совершенно неопытна въ конскихъ вещахъ.

— Да ты посмотри, какой ремень-то, совершенный бархатъ.

— Вижу, батюшка, ремень отличнѣйшій; но, признаться сказать, мнѣ больше всего нравится шляпка, что для супруги изволили купить.

— Ха, ха, ха.... ты, вѣдь, думала, что я ее на Кузнецкомъ купилъ!

— Да вы и то безпремѣнно на Кузнецкомъ купили, по фасону видно.

— Ха, ха, ха.... на Ильинкѣ за двадцать пять рублей. Даромъ, матушка, что деревенщина, не надуютъ.

— А я было къ вамъ пришла, Ѳерапонтъ Григорьевичь.

— А что?

— Да денежекъ.

— Вотъ тебѣ на! я, вѣдь, тебѣ и то за цѣлый мѣсяцъ далъ впередъ.

— Нужно, батюшка, видитъ Богъ нужно; ну хочется, чтобы всѣмъ было покойно.

— Нѣтъ, мадамъ, больше не дамъ.

— Батюшка, Ѳерапонтъ Григорьевичь, не погубите, совершенно погибаю: все перезаложила, съ позволеніемъ сказать, юбку третьяго дня продала на толкучкѣ.

— Да, вѣдь, и то я тебѣ задавалъ впередъ.

— Благодѣтель мой, вы еще здѣсь пробудете, сдѣлайте Божескую милость: дайте.

Digitized by Google

— Экая, вѣдь, ты нюня! ну, на̀ десять рублей!

— Одолжите, благодѣтель, двадцать.

— Не дамъ, пошла вонъ,—закричалъ, осердившись, помѣщикъ; — дармоѣды этакіе Московскіе,—прибавилъ онъ въ полголоса.

— Батюшка, Ѳерапонтъ Григорьевичь, нужда, неужели бы я осмѣлилась васъ безпокоить, если бы не крайность мол.

— Ну, ладно, прощай: мнѣ бриться пора.

Татьяна Ивановна пошла.

Для объясненія грубаго тона, который имѣлъ Ѳерапонтъ Григорьевичь, — человѣкъ вообще порядочной, — съ Татьяною Ивановной, я долженъ замѣтить, что онъ почтеннѣйшую хозяйку совершенно не отдѣлялъ отъ хозяекъ на постоялыхъ дворахъ, и единственное находилъ между ними различіе въ томъ, что тѣ Русскія бабы и ходятъ въ сарафанахъ, а эта изъ Нѣмокъ и рядится въ платье, но что всѣ онѣ ужасныя плутовки и подхалимки.

Въ ближайшемъ нумерѣ помѣщались двое гадкихъ ея постояльцевъ. Въ комнатѣ ихъ, какъ и въ бодуарѣ сибарита, ничего не было, кромѣ двухъ диванов, одного стола и стула. Эти два человѣка жили, кажется, очень дружно между собою, и цѣлые дни играли въ преферансъ, принимаясь за это дѣло съ самаго утра и продолжая оное до поздней ночи. По наружности они были частію схожи: оба были одѣты въ страшно-запачканные халаты, ноги одного покоились въ валеныхъ сапогахъ, а у другаго въ колошахъ; лица были у обоихъ испитыя, нечистыя, съ небритыми бородами и съ взъерошенными у одного черными, а у другаго бѣлокурыми волосами.

Во время прихода Татьяны Ивановны, они были за обычнымъ своимъ дѣломъ, то есть, играли въ преферансъ. Хозяйка взошла къ нимъ въ нумеръ съ физіономіею гордою и строгою.

— А, вы ужъ съ ранняго утра и за карты, и праздника-то на васъ нѣтъ, грѣховодники этакіе,—сказала она, подходя къ столу.

Digitized by Google

На эти слова игроки ничего не отвѣчали.— Ты въ чемъ игралъ? — спросилъ одинъ изъ нихъ товарища.

— Въ червяхъ — безъ одной, — отвѣчалъ другой.

— Нечего тутъ въ червяхъ, денегъ давайте лучше,— проговорила хозяйка.

— Купилъ, — сказалъ одинъ игрокъ.

— Бубны, — перебилъ его партенеръ.

— Да что это, глухи что ли вы стали? я пришла за деньгами.

— Пасъ и неприглашаю, — сказалъ игрокъ.

— Безстыдники этакіе, еще благородные, а хотятъ чужой хлѣбъ даромъ ѣсть.

— Ну, ну, потише, почтеннѣйшая,—сказалъ одинъ изъ постояльцевъ, — куплю.

— Нечего потише.... что вы, племянники что ли мнѣ, васъ даромъ держать?

— Пикендрясы, — проговорилъ его товарищъ.

— Да что, я вамъ на смѣхъ, господа, что ли далась?— сказала, начиная не на шутку сердиться, Татьяна Ивановна;— сегодня же извольте съѣзжать, когда не хотите платить денегъ, а не то, право, въ полицію пойду, разорители этакіе!

Среди игры, среди забавы,
Среди благополучныхъ дней!

Запѣлъ одинъ изъ игроковъ; — безкозырная, — прибавилъ онъ.

—Вистъ съ болваномъ,—отвѣчалъ другой, и тоже запѣлъ:

Среди богатства, чести, славы!

Татьяна Ивановна совершенно вышла изъ себя, и плюнула.

— Провалиться мнѣ сквозь землю, если я дамъ вамъ сегодня обѣдать, топить не стану; вьюшки оберу, разбойники этакіе.... грабители.... туда же въ карты играютъ: милостинками что ли другъ другу платить станете?— говорила она, выходя изъ нумера.

— Ваня, сказалъ одинъ изъ постояльцевъ, —гривенникъ есть у тебя?

— Есть, — отвѣчалъ другой.

— Ладно,—а то, братъ, дура-то не пришлетъ обѣдать.

Digitized by Google

— Ничего.... хлѣба купимъ.... пики.

Между тѣмъ Татьяна Ивановна отправилась въ другой нумеръ, въ которомъ проживалъ ея постоялецъ *такъ-себѣ* — танцовальный учитель; онъ, худой какъ мертвецъ, лежалъ на диванѣ подъ изорваннымъ тулупомъ

— Что вамъ лучшели?—сказала, войдя, Татьяна Ивановна.

Больной кивнулъ отрицательно головой.

— Да вы бы въ больницу ѣхали.

— Завтра.

— Да что завтра? вотъ уже третій мѣсяцъ говорите все: завтра.

— Денегъ нѣтъ!

— Продали бы что нибудь.

— Все уже продано.

— То-то и есть, все продано; денегъ нѣтъ, а еще рому покупали въ семь рублей, да еще и пьяны напились.

— Для испарины.

— Да для испарины не допьяна пьютъ; больной человѣкъ, а туда же кутите. Марѳутка сказывала, что едва васъ оттерла.

— Я всю бутылку выпилъ, — что дѣлать? съ горя!

— Ну, а мнѣ-то какъ же? за цѣлый мѣсяцъ ни копейки не платили, а вѣдь, я думаю, я каждый день варочно для васъ супъ варю.

— Дайте поправиться.

— Полноте съ вашимъ поправленьемъ; ноги-то, я знаю, у васъ хороши, да губы-то къ вину очень лакомы. Нѣтъ ли хоть сколько нибудь?

— Ни копейки нѣтъ.

Татьяна Ивановна махнула рукой и вышла изъ комнаты.

Въ сосѣднемъ нумеръ проживалъ третій ея милашка. Мало этого: онъ былъ, какъ сама она разсказывала, ея другъ, и повѣрялъ ей всѣ свои секреты. Занимаемый имъ нумеръ былъ самый чистый, хотя и несовсѣмъ теплый. Въ самомъ тепломъ нумерѣ проживалъ скрытный ея милашка — музыкантъ. Въ то время, какъ Татьяна Ивановна взошла къ другу, онъ сидѣлъ и завивался. Марѳутка, толстая и довольно

Digitized by Google

неопрятная дѣвка, исправлявшая, по разпоряженію хозяйки, обязанность камердинера милашки, держала передъ нимъ накаленые компасы.

— А вы все франтите?—сказала Татьяна Ивановна, входя въ комнату.

— Съ добрымъ утромъ, почтеннѣйшая; прошу принять мѣсто и побесѣдовать,—отвѣчалъ тотъ, старательно укладывая свои волосы въ щипцы.

— Марѳа вамъ нужна?

— Нѣтъ, я самъ зашьюсь.... а что?

— То-то; я хотѣла вамъ нелѣть кофею принести.

— Mercі, тысячу разъ mercі, почтеннѣйшая, съ большимъ удовольствіемъ выпью,—сказалъ милашка, протягивая хозяйкѣ руку.

— Для милаго дружка и сережка изъ ушка,—сказала Татьяна Ивановна.

— Подь свари,—прибавила она, обращаясь къ Марѳѣ.— Та вышла.

Такъ какъ этотъ другъ Татьяны Ивановны долженъ въ моемъ разсказѣ играть главную роль, то я обязаннымъ себя считаю поподробнѣе познакомить читателя съ его наружностію, отчасти біографіею и главными наклонностями. Сергѣй Петровичъ Хозаровъ, поручикъ въ отставкѣ, былъ лѣтъ двадцати семи; лице его было одно изъ тѣхъ, про которыя говорятъ, что они похожи на Парижскія журнальныя картинки, и носъ, на примѣръ, у него былъ немного орлиный, и губы тонкія и розовыя, и румянецъ на щекахъ свѣжій, и голубые, правильно-очерченные и подернутые влагою, глаза, а надъ ними тонкою дугою обведенныя бровц и наконецъ усы не такъ большіе, и не очень маленькіе; про прическу и говорить нечего: она была совершенно по модѣ того времени, то есть на темѣ приглажена, а на вискахъ и на затылкѣ разбита въ букли. Въ лицѣ его, если хотите, все было хорошо, свѣжо, даже правильно и гармонировало одно съ другимъ; но въ то же время чего-то недоставало, что вы желаете и любите видѣть въ лицѣ человѣка. О по-

Digitized by Google

добныхъ физіономіяхъ существуютъ два совершенно противоположныя мнѣнія. Одни говорятъ, что это красавцы, миленькіе, даже молодцы, мало этого, Аполлоны Бельведерскіе; другіе же называютъ ихъ смазливыми рожицами, масками, расписными купидонами и даже форрейторами, смотря потому, какой у кого эпитетъ ближе на языкѣ. О героѣ моемъ представляю вамъ, читатель мой, избрать какое будетъ угодно изъ выше-упомянутыхъ мнѣній. Кромѣ своей пріятной наружности, Сергѣй Петровичь владѣлъ еще многими другими достоинствами. Служивши въ полку, онъ слылъ за славнаго малаго, удивительнаго мастера танцовать и вообще за человѣка хорошо образованнаго, потому что имѣлъ очень приличныя манеры; говорилъ по-Французски, владѣлъ перомъ и сочинялъ стихи, изъ коихъ двои даже были напечатаны въ какомъ-то журналѣ, но главное: онъ имѣлъ необыкновенно много вкусу! При первой возможности, молодой поручикъ такъ мило отдѣлывалъ и меблировалъ свою квартиру, что пріѣзжавшія къ нему, разумѣется, съ мужьями дамы ахали отъ восторга и удивленія; экипажъ у него былъ одинъ изъ первыхъ; не говоря уже о сѣромъ рысакѣ, жжёнку Хозаровъ умѣлъ варить классически и вообще съ неподражаемымъ умѣньемъ распоряжался пріятельскими пирушками, и всегда почти, по просьбѣ помѣщиковъ, устроивалъ у нихъ балы, и балы выходили отличные. Двѣ только слабости имѣлъ молодой человѣкъ: во-первыхъ, онъ былъ очень влюбчивъ, такъ что непроходило мѣсяца, чтобы онъ въ кого-нибудь не влюбился, и влюблялся обыкновенно искренно, но только ненадолго; во-вторыхъ, имѣлъ сильную наклонность и большую въ то же время способность — брать взаймы деньги; надъ первою его слабостію товарищи подтрунивали и называли его *Сердечкинымъ*, вторымъ же недостаткомъ даже—тяготились, особенно въ послѣднее время, такъ какъ эта наклонность въ немъ со дня на день болѣе и болѣе развивалась. По выходѣ въ отставку, Хозаровъ года два жилъ въ губерніи, и здѣсь успѣлъ заслужить тоже реноме, но такъ какъ въ небольшихъ городахъ вообще любятъ дѣлать изъ мухи слона и по преимуществу на недостатки человѣка смотрятъ сквозь увеличительное

Digitized by Google

стекло, то и о поручикѣ начали разсуждать такимъ образомъ: онъ человѣкъ ловкій, свѣтскій и даже, если вамъ угодно, ученый, но только мотыга, любитъ жить не по средствамъ, и что все свое состояньишко пропировалъ, да пробарствовалъ, а теперь вотъ и ждетъ, не выпадетъ ли на его долю какой-нибудь дуры невѣсты съ тысячью душами, но такихъ будто нынче совсѣмъ и на свѣтѣ нѣтъ. Конечно, читатель изъ одного того, что герой мой, надѣленный, по волѣ судебъ, такимъ прекраспымъ вкусомъ, проживалъ въ нумерахъ Татьяны Ивановны, изъ одного этого можетъ уже заключить, что обстоятельства Хозарова были не совсѣмъ хороши, я же съ своей стороны скажу, что обстоятельства его были никуда не годны. Имѣнье его уже окончательно было продано, въ Москву онъ пріѣхалъ съ двумя тысячами на ассигнаціи; но что значатъ эти деньги для человѣка со вкусомъ?

Капля въ морѣ! Въ настоящее время Хозаровъ жилъ старымъ кредитомъ во всевозможныхъ мѣстахъ, гдѣ только ему вѣрили. Къ Татьянѣ Ивановнѣ онъ явился послѣ не совсѣмъ пріятной исторіи съ Мг. Шевалдышевымъ, у котораго онъ первоначально стоялъ, и явился, какъ говорится, съ форсомъ, а именно, въ отличномъ пальто и съ эффектною палкою, у которой на ручномъ концѣ красовалась позолоченная головка одного изъ Греческихъ мудрецовъ. Первоначально онъ потребовалъ лучшій нумеръ, разкритиковалъ его какъ слѣдуетъ, а потомъ, разговорившись съ хозяйкою, напялъ, и, въ дальнѣйшемъ разговорѣ, такъ очаровалъ Татьяну Ивановну, что она не только не попросила денегъ въ задатокъ, но даже послѣ, въ продолженіи трехъ мѣсяцовъ, держала его безъ всякой уплаты, и все-таки считала милашкою и даже передавала ему заимообразно рублей до ста ассигнаціями изъ своихъ собственныхъ денегъ. Любить его, нѣсколько корыстно для самой себя, она не смѣла и подумать, но чувствовала къ нему дружбу и гордилась этимъ; милашка же съ своей стороны высказывалъ сорокалѣтней дѣвицѣ самыя задушевныя свои тайны. Что касается до помѣщенія Сергѣя Петровича, то и оно обнаруживало главныя его наклонности, то есть, представляло видимую

Digitized by Google

замашку на франтовство, комфортъ и опрятность; даже постель молодаго человѣка, не смотря на утреннее время, представляла величайшій порядокъ, который царствовалъ и во всемъ остальномъ убранствѣ комнаты: нѣсколько гравюровъ, представляющихъ охоту, Тальму въ костюмѣ Гамлета, Арабскую лошадь, четырехъ дамъ очень недурныхъ собой, изъ коихъ подъ одной было написано: *весна*; подъ другою: *лѣто*; подъ третьею: *осень*; подъ четвертой: *зима*. Всѣ онѣ развѣшены были совершенно симметрично. Въ углу стояло что-то въ родѣ горки, въ которую было вставлено нѣсколько чубуковъ съ трубками, въ числѣ коихъ было до пяти черешневыхъ съ янтарными мундштуками. На столѣ, передъ которымъ сидѣлъ Сергѣй Петровичъ въ старыхъ, но все-таки вольтерскихъ креслахъ, были размѣщены тоже въ величайшемъ порядкѣ различныя принадлежности мужскаго туалета: въ срединѣ стояло складное зеркало, съ одной стороны коего помѣщалась щетка, съ другой гребенка; потомъ опять съ одной стороны: помада въ фарфоровой банкѣ, съ другой: фиксотуаръ въ своей серебряной шкуркѣ; около помады была стклянка съ о-де-колономъ; около фиксотуара флакончикъ съ духами; далѣе на столѣ лежала небольшая портфель, передъ которою красовались двѣ неразлучныя подруги: чернильница съ песочницей. По одну сторону портфели лежалъ преспапье, изображающій лягавую собаку, который придавливалъ какія-то бумаги; съ другой стороны находился тоже преспапье съ изображеніемъ кабаньей головы; подъ нимъ ничего уже не было, и онъ, видимо, поставленъ былъ для симметріи. Много еще было другихъ предметовъ, обличающихъ стремленіе къ модному комфорту, такъ, напримѣръ, по стѣнѣ стоялъ Турецкій диванъ, подъ ногами хозяина лежала медвѣжья кожа, должно быть, игравшая роль барсовой шкуры, и тому подобное.

— Вы сегодня ѣдете куда-нибудь?—спросила Татьяна Ивановна.

— Не знаю еще, — отвѣчалъ Хозаровъ.

— А вчера были тамъ?

— Былъ.

Digitized by Google

— Ну что?

— Ничего хорошаго; я недоволенъ вчерашнимъ вечеромъ.

— Что такое?

— Она нелюбитъ меня!

— Ой, не говорите этого, Сергѣй Петровичь, не говорите; ни за что не повѣрю: вы, просто, скрываете, вы, мужчины, престранный народъ въ этихъ вещахъ.

— Нѣтъ, вы выслушайте напередъ, и растолкуйте мнѣ, какъ это понять? Пріѣзжаю я, какъ вы знаете, въ семь часовъ. Въ залѣ никого, я прошелъ къ Катеринѣ Архиповнѣ, она сидитъ одна; разумѣется, сажусь и начинаю разсказывать разныя разности, какъ можно громче смѣюсь, хохочу,— не тутъ-то было: прошелъ цѣлый часъ; наконецъ являются двѣ старшія дылды, а ее все-таки нѣтъ! я просто думалъ, что больна; но, сами согласитесь, не ѣхать же домой, усѣлся съ барышнями въ карты; смѣюсь, шучу, а внутри, знаете, такъ и кипитъ: ничего не помогаетъ, проходитъ еще часъ, два—не является. Наконецъ ужъ я не вытерпѣлъ. «Здорова ли, я говорю, Марья Антоновна?» — и какъ бы вы думали, что мнѣ отвѣтили: «Кошку свою, говорятъ, сего дня цѣлый вечеръ моетъ съ мыломъ.» Я чуть не лопнулъ отъ досады. Во первыхъ, это глупо, а во вторыхъ, неприлично.—Хорошо думаю, мадемуазель, я вамъ отплачу, и тотчасъ же началъ говорить любезности Анетѣ. Та, какъ водится, принялась закатывать свои оловянные глаза, и пошла писать.... Вдругъ является немного, знаете, блѣдная, грустная, поклонилась и сѣла около матери, почти напротивъ меня. Я ни слова, и продолжаю любезничать съ Анетою. Та совсѣмъ растаяла, только-что не обнимаетъ.

— Послушайте, Сергѣй Петровичь — перебила Татьяна Ивановна,—вы ужасный человѣкъ; за что вы мучите этого ангела?

— Помилуйте, Татьяна Ивановна, что вы говорите? она меня мучитъ.

— Нѣтъ, вы этого не говорите,—возразила хозяйка,—она бѣдненькая, вѣроятно, въ это время мечтала объ васъ, а вы, злой человѣкъ, сейчасъ ужъ и стали заниматься съ другой,

Digitized by Google

— Но послушайте, Татьяна Ивановна, любивши человѣка, развѣ вы въ состояніи были бы въ какихъ-нибудь трехъ шагахъ просидѣть два часа и не выдти; и чѣмъ же въ это время заниматься: дурацкимъ мытьемъ какой-нибудь мерзкой кошки.

— Конечно я бы это не въ состояніи была сдѣлать, потому что никогда кокетства неимѣла.

— Вотъ, видите, вы сами проговорились; стало быть, она только кокетничаетъ со мною.

— Этого несмѣйте при мнѣ и говорить, Сергѣй Петровичь! она васъ любитъ.

— Да изъ чего вы видите?

— Изъ всего; во-первыхъ, вы говорите—она пришла не много блѣдная, и потомъ сѣла напротивъ, чтобы глядѣть на васъ.

— Ну, нѣтъ... такимъ образомъ перетолковывать можно все,— произнесъ Сергѣй Петровичь, которому впрочемъ послѣднія слова хозяйки, кажется, очень были пріятны.

— Послушайте,— начала Татьяна Ивановна, одушевившись,— я любила одного человѣка, полюбила его съ самаго перваго раза, какъ увидѣла. Онъ жилъ въ одномъ со мною домѣ, и что же вы думаете? я цѣлую недѣлю не имѣла духу войти къ нему въ комнату.

— Это объ сосѣдѣ вы говорите? — спросилъ съ улыбкою Хозаровъ.

— Ой, нѣтъ! о другомъ,— возразила, вспыхнувъ, Татьяна Ивановна.

— Не можетъ быть! вѣрно объ немъ.

— Нѣтъ, право о другомъ; про этого говорятъ такъ, пустяки.... Конечно онъ ко мнѣ неравнодушенъ, да нѣтъ, не по моему вкусу!

— Все это прекрасно, Татьяна Ивановна, да мои-то дѣла плохи.

— Вовсе не плохи; головой моей отвѣчаю, что она васъ любитъ, и очень любитъ. Это вѣдь очень замѣтно: вотъ иногда придешь къ нимъ; ну, разумѣется, Катерина Архи-

Digitized by Google

повна сейчасъ спроситъ объ васъ, а она, миленькая этакая, какъ цвѣточикъ какой, тотчасъ и вспыхнетъ.

— Вы когда къ нимъ пойдете, Татьяна Ивановна? — спросилъ Хозаровъ.

— Право незнаю. Катерина Архиповна ужасно проситъ бывать у нихъ почаще; сегодня думаю вечеркомъ сходить, показать имъ одной моей знакомой продажную брошку; недавно еще подарена ей, да неправится фасонъ.

— А что, еслибъ я попросилъ васъ сдѣлать для меня большое, пребольшое одолженіе?

— Что такое?

— Вотъ дѣло въ чемъ: надобно же узнать рѣшительно, любитъ ли она меня, или нѣтъ.

— Объяснитесь.

— Объясниться я не могу, потому что мнѣ рѣшительно неудается говорить съ ней. Эти двѣ старшія дуры, Пашетъ и Анетъ, просто атакуютъ меня, и я вотъ что выдумалъ: недѣли двѣ тому назадъ, она спросила меня, чѣмъ я занимаюсь дома? я говорю, что дневникъ писалъ. Она, знаете, немного сконфузившись, вдругъ начала меня просить, чтобы я его показалъ ей, я обѣщался; дневника впрочемъ у меня никакого небывало никогда; однако, пришедши домой, засѣлъ и накаталъ за цѣлые полгода; теперь только надобно передать. Возьмитесь-ка, передайте.

— А что вы въ дневникѣ написали?

— Ничего особеннаго. Пишу, какъ я увидѣлъ, полюбилъ; записаны всѣ ея слова.

— Вѣдь вы этакъ ее, Сергѣй Петровичъ, совсѣмъ погубите,—возразила Татьяна Ивановна,—это ужасно для дѣвушки получать такое письмо, особенно отъ человѣка, котораго любишь!

— Это не письмо, а дневникъ; тутъ она нигдѣ прямо не называется.

— Догадается, Сергѣй Петровичъ, сейчасъ догадается.

— Конечно догадается, для того и написано, чтобъ догадалася. Сдѣлайте одолженіе, Татьяна Ивановна, передайте.

Digitized by Google

— Охъ, Сергѣй Петровичъ, въ грѣхъ меня вводите.

— Не въ грѣхъ, почтеннѣйшая, а въ доброе дѣло, — возразилъ Хозаровъ.

— Конечно про васъ я не могу ничего сказать,—отвѣчала хозяйка;—вы имѣете благородныя намѣренія, а другіе мужчины, ахъ! какъ онѣ бѣдныхъ женщинъ жестоко обманываютъ.

Сергѣй Петровичъ между тѣмъ бережно поднялъ преспанье, изображающее лягавую собаку, и, вынувши изъ-подъ него чисто переписанную тетрадку, началъ ее перелистывать.

— Почитайте, пожалуйста, Сергѣй Петровичъ, что вы тутъ написали.

— Нельзя, Татьяна Ивановна, тайна.

— Вотъ прекрасно! да развѣ у васъ можетъ быть отъ меня тайна: не пойду же, когда вы такъ поступаете.

— Ну, слушайте, вотъ на примѣръ начало: «Перваго Января я увидѣлъ въ собраніи одну дѣвушку, въ бѣломъ платьѣ, съ голубымъ поясомъ и съ незабудками на головѣ.»

— Это она самая; я ее видала въ этомъ платьѣ; еще, кажется, подолъ воланами отдѣланъ.

— Можетъ быть; но слушайте: «Она меня такъ поразила, что я сбился съ такту, танцуя съ нею *вальсъ*, и, совершенно растерявшись, позвалъ ее на кадриль. Ахъ, какъ она прекрасно танцуетъ, съ какою легкостію, съ какою граціею.... я заговорилъ съ нею по-французски; она знаетъ этотъ языкъ въ совершенствѣ. Я цѣлую ночь не спалъ и все мечталъ объ ней. Дня черезъ три я ее видѣлъ у С.... и опять танцовалъ съ нею. Она сказала, что со мною очень ловко вальсировать. Что значатъ эти слова? что хотѣла она этимъ сказать? ну, довольно.»

— Ахъ, какой вы плутъ! вы, просто, обольститель! почитайте, батюшка, почитайте еще!

— Да что вамъ любопытнаго?

— Почитайте, пожалуйста, я очень люблю, какъ про любовь этакъ пишутъ.

— Ну вотъ вамъ еще одно мѣсто: «Сегодня ночью я видѣлъ сонъ; я видѣлъ, будто бы она явилась ко мнѣ и

Digitized by Google

подала мнѣ свою лилейную ручку; я схватилъ эту ручку, покрылъ милліонами пламенныхъ поцѣлуевъ и вдругъ проснулся. О, если бы, сказалъ самъ съ собою я, вмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ могъ произнести: *сонъ въ руку*. Я проснулся съ растерзаннымъ сердцемъ и написалъ стихи. Вотъ они:

Прощай, мой Ангелъ свѣтлоокой!
Мнѣ не любить, не обнимать
Твой гибкій станъ во тьмѣ глубокой,
Съ тобой мнѣ счастья невидать.
Я знаю, ты любить умѣешь,
Но не полюбишь ты меня,
Мечту иную ты лелѣешь;
Но буду помнить я тебя.
Ты мнѣ явилась, какъ видѣнье,
Какъ свѣтозарный херувимъ.
Но то прошло, какъ сновидѣнье,
И снова я теперь одинъ!

— Прекрасно! безподобно!—вскрикнула Татьяна Ивановна; — батюшка, Сергѣй Петровичь, спишите мнѣ эти стишки!

— Послѣ, Татьяна Ивановна, послѣ, я наизустъ ихъ знаю.

— Ну, что послѣ, напишите теперь.

— Право послѣ, теперь лучше потолкуемте объ дѣлѣ. Я запечатаю вамъ въ пакетъ, вы поѣдете, хоть часу въ седьмомъ, сегодня; ну, сначала обыкновенно, посидите съ Катериной Архиповной, а тутъ и ступайте на верхъ—къ барышнямъ; она, можетъ быть, сидитъ тамъ одна, старшія все больше внизу.

— Это можно: и у нихъ по всѣмъ комнатамъ вхожа; онѣ меня, признаться, съ перваго раза, какъ вы меня отрекомендовали, очень хорошо приняли. Будто сначала выйду въ дѣвичью, а тамъ и пройду на верхъ.

— И прекрасно! только что же вы скажете? какъ отдадите?

— Да что сказать? Скажу: отъ Сергѣя Петровича дневникъ, который вы просили; не безпокойтесь, пойметъ....

— Конечно, пойметъ; чудесно, почтеннѣйшая! Дайте вашу ручку, — сказалъ Сергѣй Петровичь, и крѣпко сжалъ руку друга-хозяйки.

Digitized by Google

— Только, какой вы для женщинъ опасный человѣкъ,— сказала Татьяна Ивановна, послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленій, — изъ молодыхъ да ранній.

— А что?— спросилъ съ довольною улыбкою постоялецъ.

— Да такъ. Вы можете просто женщину очаровать, погубить.

— Мясникъ, Татьяна Ивановна, пришелъ, — сказала Марѳа, входя въ комнату.

— Ахъ, батюшки! какъ я съ вами заболталась. Прощайте; я было за деньгами къ вамъ приходила.

— Нѣтъ, почтеннѣйшая, ей-Богу, нѣтъ!

— Ну, нѣтъ, такъ и нѣтъ; пакетъ вашъ теперь отдадите?

— Черезъ часъ пришлю.

— Ну, хорошо, прощайте!

Вышедши отъ Хозарова, Татьяна Ивановна остановилась передъ нумеромъ скрытнаго милашки, и нѣсколько времени пробыла въ раздумьѣ; потомъ, какъ бы не выдержавъ, притворила не много дверь.

— Придете обѣдать? — сказала она какимъ-то чрезъчуръ нѣжнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ голосъ извнутри.

— Почему же?

— Ноты пишу.

— Ну, вотъ, ужъ съ этими нотами. А чай придете пить?

— Нѣтъ, пришлите водки.

Татьяна Ивановна затворила двери, вздохнула и прошла къ себѣ, велѣвъ впрочемъ попавшейся на встрѣчу Марѳѣ отнести во второй нумеръ водки.

Сергѣй Петровичъ, оставшись одинъ, принялся писать къ пріятелю письмо, которое отчасти познакомитъ насъ съ обстоятельствами настоящаго повѣствованія, и отчасти послужитъ доказательствомъ того, что герой мой владѣлъ перомъ, и перомъ прекраснымъ. Письмо его было таково:

Любезный другъ, товарищъ дня и ночи!

«Я увѣдомлялъ тебя, что ѣду въ Москву, опредѣляться въ штатскую службу; но теперь я тебѣ скажу философскую истину: человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ; ка-

Digitized by Google

призная фортуна моя повернула колесо иначе; вмѣсто службы, кажется, выходитъ, что я женюсь, и женюсь, конечно, какъ благородный человѣкъ, по страсти. Представь себѣ, mon cher, невинное существо въ девятнадцать лѣтъ, розовое, свѣжее, — однимъ словомъ, чудная майская роза; сношенія наши весьма интересны: со мною, можно сказать, случился романъ на большой дорогѣ. Прошедшаго года, въ этой дурацкой провинціи, въ которой я имѣлъ глупость прожить около двухъ лѣтъ, — я разъ на балѣ встрѣтилъ молоденькую дѣвушку, просто, чудо, mon cher, какъ она меня поразила! въ ней было что-то не похожее на другихъ, что-то восточное, какая-то Грезовская головка; я съ нею протанцовалъ нѣсколько кадрилей, и тутъ убѣдился, что она необыкновенно милое, рѣзвое дитя, которое можетъ нашего брата ветерана одушевить, завлечь, однимъ словомъ, унести на седьмое небо; однако тѣмъ и кончилось. Поѣхавши въ Москву изъ деревни, на станціи съѣзжаюсь я съ однимъ бариномъ; слово-за-слово, вижу, что человѣкъ необыкновенно добродушный и даже простой: съ перваго же слова началъ мнѣ разсказывать, что семейство свое онъ проводилъ въ Москву, что у него жена, три дочери, изъ коихъ младшая красавица, которой двоюродная бабушка отдала въ приданое подмосковную въ триста душъ, и знаешь, что, mon cher, какъ узналъ я послѣ по разговорамъ, эта младшая красавица — именно: моя Грезовская головка! я не могъ удержаться, и тогда же подумалъ: о, судьба, судьба! видно отъ тебя нигдѣ не уйдешь. Онъ снабдилъ меня письмомъ къ его семейству, съ которымъ я теперь уже и сошелся по дружески, познакомясь вмѣстѣ съ тѣмъ и со всѣмъ ихъ кружкомъ; дѣла идутъ не дурно, одно только меня не много смущаетъ, что у нихъ каждый день присутствуетъ какой-то жирный баринъ, Рожновъ; потому что кто его знаетъ, съ какими онъ тутъ бываетъ намѣреніями, — а лицо весьма подозрительное и непріятное.

Такъ-то, mon cher, я женюсь, и непремѣнно женюсь! да, мой другъ, я теперь убѣдился, что наша прошлая жизнь — все пустяки! на что мы холостяки похожи? грязь, грязь — и больше ничего! нѣтъ ни одного отраднаго явленья, нѣтъ

Digitized by Google

человѣка, съ кѣмъ бы раздѣлить чувства; такое ли счастіе человѣка, которой сидитъ въ прекрасномъ кабинетѣ, сладко полудремлетъ, близъ его милое прелестное существо,—вотъ это жизнь! кромѣ сихъ и оныхъ моихъ дѣлишекъ, я здѣсь въ порядочномъ кругу; особенно одинъ домъ Мамиловыхъ. Представь себѣ аристократическій тонъ во всемъ: мужъ, страшный богачь, болѣе полугода живетъ въ южныхъ губерніяхъ и занимается торговыми операціями, жена красавица, и, говорятъ, удивительная фантазёрка и философка. Теперь я съ ними еще не такъ коротокъ, но однако очень дорожу ихъ знакомствомъ и постараюсь сблизиться.

Прими увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности, съ коими и остаюсь покорный къ услугамъ

«Хозаровъ.»

II.

Въ залѣ, о которой упоминалъ Хозаровъ, за большимъ круглымъ столомъ, гдѣ помѣщался самоваръ съ его принадлежностями, сидѣла Катерина Архиповна и ея семейство, то есть: Пашетъ, Анетъ и Машетъ; впрочемъ въ средѣ этого семейства помѣщалось новое лице, какой-то необыкновенно высокій мужчина, который, конечно, кинулся бы вамъ въ глаза по своему огромному носу, клыкообразнымъ зубамъ и большимъ, сѣрымъ, на выкатѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ ничего не выражающимъ, глазамъ. По загорѣлому его лицу нетрудно было догадаться, что онъ недавно изъ дороги. Это подтверждалось и тѣмъ, что въ комнатѣ было разставлено нѣсколько дорожныхъ вещей. Катерина Архиповна, дама лѣтъ около пятидесяти, черноволосая, немного сердитая на видъ и съ довольно крупными чертами лица, была, кажется, въ весьма дурномъ расположеніи духа. Двѣ старшія дочери, Пашетъ и Анетъ, представляли рѣзкое сходство съ высокимъ мужчиной, какъ по высокому росту, такъ и по клыкообразнымъ зубамъ, съ тою только разницею, что глаза у Пашетъ были, какъ и у маменьки, — сухіе и черные; глаза же Анетъ, сѣрые и на выкатѣ, были самый точный образецъ глазъ папеньки (читатель, вѣроятно, уже догадался, что высокій господинъ

Digitized by Google

былъ супругъ Катерины Архиповны); но третья дочь Машетъ была совершенно другой наружности. Это была небольшаго роста брюнетка съ выразительными чертами лица, съ роскошными волосами, убранными для вящшаго очарованія *à l'enfant*, съ черными и живыми глазками и съ веселой улыбкой. При внимательномъ впрочемъ наблюденіи, въ дѣвушкѣ можно было замѣтить сходство съ матерью, замаскированное, конечно, молодостью, здоровьемъ, невинностью и какимъ-то еще чужлымъ началомъ, не замѣчаемымъ ни въ одномъ изъ членовъ семейства. Катерина Архиповна, какъ я прежде объяснилъ, была не въ духѣ: какъ-то порывисто разлила она чай по чашкамъ и подала ихъ дочерямъ, а предназначенный для супруга стаканъ даже пихнула къ нему. Антонъ Ѳедотовичь Ступицынъ, имя родоначальника семейства, принялъ довольно равнодушно такъ невѣжливо препровожденный къ нему, стаканъ, и принялся пить чай съ большимъ аппетитомъ. Отпивши половину стакана, онъ потихоньку всталъ, взялъ трубку и закурилъ.

— Фу, батюшки, опять съ своимъ куреньемъ,—сказала Катерина Архиповна, отмахивая отъ себя табачный дымъ.

— Ничего, душа моя, я такъ.... немножко,— отвѣчалъ Антонъ Ѳедотовичь, тоже размахивая дымъ.

— Это у него ничего, какъ изъ трубы ... жили бы тамъ себѣ въ деревнѣ, и курили, сколько хотѣлось: такъ нѣтъ, надобно въ Москву было пріѣхать.

— Нельзя было, душа моя. Генералъ, просто, меня прогналъ; встрѣтилъ въ лавкахъ, что вы, говоритъ, сидите здѣсь? Я, говоритъ, давно для васъ мѣсто приготовилъ. Я говорю: Ваше Превосходительство, у меня хозяйство. Плюньте, говоритъ, на ваше хозяйство; почтенная супруга ваша съ часу на часъ васъ ждетъ, а на другой день даже письмо писалъ ко мнѣ,—жалко только, что дорогою затерялъ.

Въ продолженіи всей этой рѣчи Катерина Архиповна едва сдержала себя.

— Я хочу васъ, Антонъ Ѳедотычь, спросить только одно: перестанете вы когда нибудь лгать, или нѣтъ?

Digitized by Google

— Что лгать-то, — отвѣчалъ, немного смѣшавшійся, Ступицынъ, — спроси Пиронова; при немъ вся эта исторія была.

— Нечего мнѣ Пиронова спрашивать; двадцать пятый годъ я, милый другъ мой, васъ знаю; передъ кѣмъ нибудь ужъ другимъ выдумывайте и лгите. Ну зачѣмъ вы сюда пріѣхали, для какой надобности?

— Да, вѣдь, я тебѣ говорилъ, душа моя, что генералъ....

— Не говорите вы мнѣ, Бога ради, про генерала, и не заикайтесь про него, не сердите хоть покрайней мѣрѣ этимъ; вы все налгали, совершенно таки все налгали. Я сама его, милостивый государь, просила; онъ мнѣ прямо сказалъ, что невозможно, потому что мѣста у нихъ даютъ тѣмъ, кто былъ, покрайней мѣрѣ, годъ на испытаніи. Разсудили ли вы, ѣхавши сюда, что вы дѣлаете? деревню оставили безъ всякаго присмотра, а здѣсь, — гдѣ мы васъ помѣстимъ? всего четыре комнаты: здѣсь я, а на верху дѣти.

— Да многоли мнѣ мѣста надобно, я вотъ хоть здѣсь....

— Скажите на милость: онъ здѣсь — въ залѣ расположится; одна чистая комната, онъ и въ той дортуаръ себѣ хочетъ сдѣлать. Вы о семействѣ никогда не думали и не думаете, а только о себѣ; только бы удовлетворять своимъ животнымъ наклонностямъ: наѣсться, выспаться, накурить полную комнату табакомъ, и больше ничего; ѣхать бы потомъ въ гости, налгать бы тамъ что-нибудь — вотъ въ Москву, напримѣръ, съѣздить. Сдѣлали ли вы хоть какую-нибудь пользу для дѣтей; выхлопотали, пріобрѣли ли что-нибудь.

— Да я думалъ, — началъ было Антонъ Ѳедотычь.

— Ничего вы недумали, — перебила Катерина Архиповна; — солгали гдѣ-нибудь, что въ Москву ѣдете, да послѣ и стыдно было отказаться.

Послѣднія слова очень сконфузили Ступицына. — Мнѣ нечего стыдиться, — проговорилъ онъ.

— Знаю, что вы давно стыдъ-то потеряли; двадцать пятый годъ съ вами маюсь. Все сама, вездѣ сама. На какія-нибудь сто душъ выростила и воспитала всѣхъ дѣтей; старшихъ, какъ помоложе была, сама даже учила, а вы, отецъ семейства, что сдѣлали? за рабочими не хотите хорошенько

Digitized by Google

присмотрѣть, только конфузите вездѣ. Того и жди, что гдѣ нибудь въ порядочномъ обществѣ налжете и заставите покраснѣть до ушей.

— Браните́сь, браните́сь, какъ хотите; эту пѣсню я уже двадцать пять лѣтъ слушаю,—проговорилъ, махнувъ рукою, Антонъ Ѳедотычь.

— Да вы хоть кого изъ терпѣнья выведете,—возразила Катерина Архиповна.—Не сидѣлось вамъ въ деревнѣ, въ Москву прискакали; на почтовыхъ, я думаю, ѣхали. Вотъ я просмотрю оброчный счетъ. Привезли ли счетъ-то по крайней мѣрѣ.

— Привезъ; сто рублей всего собрано.

— Знаю я васъ, милостивый государь, сто рублей; я впрочемъ усчитаю; хоть бы вы это разсудили, что я, для удовольствія чтоли живу здѣсь?

— Кто васъ знаетъ, зачѣмъ вы здѣсь живете.

— Какъ же,—*для любовниковъ*! посмотрите-ка, сколько ихъ въ пятьдесятъ-то лѣтъ завела. Скажите на милость: онъ незнаетъ, зачѣмъ я здѣсь живу. Знаете ли, покрайней мѣрѣ, что у васъ въ Москвѣ тяжба. Это-то вы хоть знаете ли?

— Конечно знаю.

— Такъ чтоже-съ, вамъ чтоли мнѣ поручить хлопотать? фамилію свою хорошенько неумѣете подписать.

— Вы ужъ очень учены; гдѣ намъ,—возразилъ Антонъ Ѳедотычь.

— Конечно лучше вашего все понимаю; какъ угорѣлая ѣзжу по добрымъ знакомымъ, да кланяюсь и прошу, чтобъ растолковали, да научили. Вотъ съ завтрашняго дня все вамъ передамъ; хлопочите, ходатайствуйте. Слава Богу, свой стряпчій пріѣхалъ, можно успокоиться, обдѣлаетъ дѣло.

— Я военной человѣкъ, статскихъ дѣлъ незнаю.

— Скажите, какой воинъ, — ветеранъ заслуженный; много ли изволили ранъ получить? въ какихъ сраженіяхъ были?

— Ругайтесь, какъ хотите, ругайтесь, я ужъ не стану и говорить, — произнесъ со вздохомъ Антонъ Ѳедотычь, и опять махнулъ рукой.

Digitized by Google

— Ну, думала,—продолжала Катерина Архиповна:—пріѣхала въ Москву, наняла почище квартиру, думала, дѣло дѣломъ, а, можетъ быть, Богъ приведетъ и дочерей устроить. Вотъ тебѣ теперь и чистота; одними окурками насоритъ всѣ комнаты. Вотъ въ залѣ здѣсь съ своимъ прекраснымъ гардеробомъ разположится, принимай постороннихъ людей. Подумали ли вы хоть о гардеробѣ-то своемъ; вѣдь здѣсь столица, а не деревня; въ засаленомъ фракѣ — на васъ всѣ пальцемъ будутъ показывать.

— Что мнѣ гардеробъ-то; вѣдь, я не молоденькой,— возразилъ Антонъ Ѳедотычь.

— Да вы отецъ семейства; по вашей наружности будутъ судить и о прочихъ.

— Я сошью себѣ фракъ; всего сто рублей.

— Конечно, какъ вамъ не сшить, сто рублей для васъ пустяки. Вмѣсто того, чтобы жить въ деревнѣ, да сколачивать копейку, чтобы какъ нибудь, да поблагороднѣе поддерживать семейство, — не тутъ-то было: въ Москву прискакалъ, франтомъ хочетъ быть; мѣсто онъ пріѣхалъ получать, вотъ, неугодно ли есть свободное: въ нашей будкѣ будочникъ померъ.

— Ну, Богъ съ тобой, расписывай,—проговорилъ, уже потерявшій совсѣмъ терпѣніе, Антонъ Ѳедотычь, махнулъ рукой, вздохнулъ и вышелъ изъ комнаты на крыльцо.—Здѣсь я долженъ замѣтить, что всю предъидущую сцену между папенькой и маменькой, двѣ старшія дочери, Пашетъ и Анетъ, выслушивали весьма хладнокровно, какъ бы самый обыкновенный семейный разговоръ, и не принимали въ немъ ни какого участія; онѣ сидѣли, поджавши руки: Анетъ поводила изъ стороны въ сторону свои большіе сѣрые глаза, взглядывая по временамъ, то на потолокъ, то на сложенныя свои руки; Пашетъ свои глаза не поводила, а держала ихъ постоянно устремленными на маменьку, или на лежавшій около нея бѣлый хлѣбъ, — доподлинно я не знаю; одна только Машетъ волновалась родительскою размолвкою, или по крайней мѣрѣ ей было очень скучно.

Digitized by Google

Все, что ни говорила Катерина Архиповна своему супругу, все была самая горькая истина: онъ ничего не сдѣлалъ и не пріобрѣлъ для своего семейства; дурно присматривалъ за рабочими; потому что, вмѣсто того, чтобы заставлять ихъ работать, онъ начиналъ имъ, обыкновенно, разсказывать, какъ онъ служилъ въ полку, какія у него тогда были славныя лошади и тому подобное. Генерала онъ только видѣлъ, но тотъ ему ни слова не говорилъ объ мѣстѣ; но пріѣхалъ въ Москву единственно потому, что бывши въ одной холостой у казначея компаніи и выпивши нѣсколько рюмокъ водки, прихвастнулъ, что онъ на другой же день ѣдетъ къ своему семейству въ Москву, не сообразя, что въ числѣ посѣтителей былъ нѣкто Климовъ, его сосѣдъ, имѣвшій какую-то странную привычку ловить Антона Ѳедотыча на словахъ, а потомъ уличать его, что онъ не совсѣмъ правду сказалъ. Услышавши, что Ступицынъ возвѣстилъ о поѣздкѣ въ Москву, сосѣдъ не опустилъ случая и возгласилъ вовсеуслышаніе: «солгалъ, братъ Антоша, непоѣдешь ты въ Москву.» — «Это ужъ предоставьте мнѣ лучше знать», — возразилъ уклончиво Ступицынъ. «Опять повторяю при всей честной компаніи, не поѣдешь ты въ Москву», — проговорилъ еще громче Климовъ. — «А вотъ увидимъ», — отвѣчалъ опять уклончиво Ступицынъ.» — «Нечего тутъ видѣть, а вотъ что», — продолжалъ Климовъ: «ты сказалъ, что завтра поѣдешь; завтра, братъ, я самъ ѣду въ Москву, ѣдемъ вмѣстѣ и вотъ пари: поѣдешь — моя дюжина шампанскаго, не поѣдешь — твоя!» — «Идетъ», — отвѣчалъ Ступицынъ и тутъ же два сосѣда ударились по рукамъ. На другой-день Ступицынъ пораздумалъ, и уже рѣшился было потихоньку уѣхать въ деревню; но Климовъ пріѣхалъ къ нему со всей честной компаніей. Нѣхать значитъ надобно было отдать пари. «Что будетъ, то будетъ, лучше поѣду», — подумалъ Антонъ Ѳедотычъ. Къ этому рѣшенію его еще болѣе подстрекали имѣвшіеся въ карманѣ сто рублей, привезенные было для отправленія къ супругѣ.

Климовъ проигралъ: Антонъ Ѳедотычъ, сильно подгулявши, поѣхалъ съ нимъ въ Москву. Для большаго уясненія

Digitized by Google

характера этого человѣка, я долженъ сказать, что Ступицынъ вовсе не могъ быть отнесенъ къ тѣмъ неприличнымъ лгунамъ, которые несутъ, Богъ знаетъ, какую чушь, какъ, напримѣръ, мой пріятель Масуровъ; напротивъ того, онъ говорилъ весьма сбыточныя и обыкновенныя вещи, но только онѣ съ нимъ не случались и не могли даже случаться. Судьба, или лучше сказать, Катерина Архиповна держала его, какъ говорится, въ ежовыхъ рукавицахъ; очень любя разсѣяніе, онъ жилъ постоянно въ деревнѣ и то безъ всякихъ комфортовъ, то-есть: ему никогда не давали водки выпить, что онъ очень любилъ, на томъ основаніи, что будто бы водка ему ужасно вредна; не всегда его снабжали табакомъ, до котораго онъ былъ тоже страстный охотникъ; продовольствовали болѣе на молочномъ столѣ, тогда какъ онъ молока терпѣть не могъ, и наконецъ заставляли щеголять почти въ единственномъ фракѣ, сшитомъ, по крайней мѣрѣ, лѣтъ шестнадцать тому назадъ. Всѣмъ этимъ лишеніямъ Антонъ Ѳедотычъ покорялся терпѣливо и не предпринималъ ничего къ выходу изъ подобнаго положенія. Невиннымъ и единственнымъ его развлеченіемъ было то, что онъ, сидя въ своей комнатѣ, создавалъ различные, пріятные способы жизни, которыми бы онъ могъ пріятно жить; такъ, напримѣръ, въ одно холодное зимнее утро, на ухарской тройкѣ, онъ ѣдетъ въ городъ, у него тысяча рублей въ карманѣ, онъ садится играть въ карты, проигрываетъ цѣлую ночь. На другой день зоветъ къ себѣ гостей; до пріѣзду еще ихъ выпиваетъ крынкой очищенной водки. Друзья съѣзжаются, онъ угощаетъ ихъ, съ шампанскимъ и съ мороженымъ, превосходнымъ обѣдомъ; вечеромъ заставляетъ играть своихъ музыкантовъ, которыхъ у него тридцать человѣкъ. Пошаливши такимъ образомъ, на другой день принимается за дѣло: ходитъ по постройкамъ, а вечеромъ пишетъ письма въ Петербургъ, чтобы ему выслали четыре ящика вина, словомъ, живетъ на широкую руку Русскимъ барином. Всѣ такого рода мечтанія такъ укоренялись въ головѣ Ступицына, что онъ самъ начиналъ въ нихъ вѣрить, какъ въ дѣйствительность, и очень любилъ ихъ высказывать себѣ подобнымъ; но, увы! эти себѣ подоб-

Digitized by Google

ные, если они хоть немного знали Антона Ѳедотыча, не говоря уже о семейныхъ, эти себѣ подобные обрѣзывали его на первомъ словѣ: «полно, братъ, врать, Антонъ Ѳедотычь,» «замололи вы, Антонъ Ѳедотычь.» Болѣе же деликатные, особенно изъ дамъ, отходили отъ него, обыкновенно, въ самомъ началѣ разговора. Были и такіе проказники, которые говорили: «поври что-нибудь, Антонъ Ѳедотычь.» — «Сами извольте врать,» — отвѣчалъ добросердый Ступицынъ.

Катерина Архиповна была прекрасная семьянинка, потому что, несмотря на все неуваженіе къ мужу, котораго она считала самымъ пустымъ и несноснымъ человѣкомъ въ мірѣ, сохранила свою репутацію въ обществѣ, и, по возможности, старалась скрыть между посторонними людьми недостатки супруга; но когда онъ случался боленъ, то даже сама неусыпно ухаживала за нимъ; подвергая его разъ по пяти нотаціямъ, она всегда относилась къ нему во второмъ лицѣ множественнаго числа, и прибавляла частичку: *съ*. Кромѣ того, надобно отдать ей честь, она была самая расчетливая и неутомимая хозяйка и добрая мать: при весьма ограниченныхъ средствахъ, она умѣла жить чистенько и одѣвала дочерей, хотя не богато, но, право, весьма прилично; двухъ старшихъ она любила такъ-себѣ, посредственно, но младшая была ея идолъ, для нея она готова была принести въ жертву двухъ старшихъ дочерей, мужа, все свое состояніе и самое себя. Надъ всѣми и надъ всѣмъ она была госпожа въ домѣ, и только въ отношеніи Мари дѣлалась рабою и рабою безпрекословною. Постоянные хлопоты, по хозяйству, объ дѣтяхъ, вѣчная борьба съ нуждою, каждодневныя головомойки никуда негодному супругу, все это развило въ Катеринѣ Архиповнѣ желчное расположеніе, и значительно испортило ея характеръ; она брюжжала, обыкновенно, цѣлые дни, то на людей, то на дочерей, а главное на мужа. Двѣ старшія дочери, Пашетъ и Анетъ, очень любили новыя платья, молодыхъ мужчинъ, и питали самое страстное желаніе выйти поскорѣе замужъ; кромѣ того, онѣ были очень завистливаго характера. Анетъ, какъ и папенька, любила сказать красное словцо; Пашетъ же была очень молчалива и наслѣдовала отъ

Digitized by Google

папеньки только сильный аппетитъ. Обѣ эти дѣвицы были влюблены по нѣсколько разъ, хотя и не совсѣмъ съ успѣхомъ; маменьки онѣ боялись, слушались ее и уважали; въ слѣдствіе того, и въ отношеніи папинькъ раздѣляли вполнѣ ея мнѣніе, то есть: считали его совершенно за нуль и только иногда относились къ нему съ жалобами на младшую Машетъ, которую обѣ онѣ терпѣть не могли, потому что она была идоломъ маменьки, потому что ей шили лучшія платья, и у ней было уже до пятка женіховъ, тогда какъ имъ недосталось еще ни одного. Что касается до Мари, то она, по словамъ Катерины Архиповны, еще не сформировалась, была совершенный ребенокъ и нѣсколько мѣсяцевъ только перестала играть въ куклы и начала читать романы.

Антонъ Ѳедотычь, котораго мы оставили на крыльцѣ, все еще сидѣлъ тамъ и не входилъ въ комнату; средство это онъ, особенно въ холодное время года, употреблялъ издавна, и всегда почти для себя съ успѣхомъ. Во первыхъ, уходя на крыльцо, онъ удалялся отъ супруги; во вторыхъ, освѣжался на воздухѣ отъ головомойки, и, наконецъ, въ третьихъ, возбуждалъ къ себѣ въ Катеринѣ Архиповнѣ участіе. Спустя четверть часа, она обыкновенно говорила: «что сумасшедшій-то тамъ стоитъ?—простудится еще: эй, дѣвочька, мальчикъ! подите, скажите барину, что онъ тамъ стоитъ.» Барину сказывали, и онъ возвращался торжествующій и спокойный, потому что Катерина Архиповна послѣ этого, обыкновенно, его уже не журила и даже иногда говорила, чтобы онъ выпилъ водки. Въ настоящее время Катерина Архиповна, видно, очень разсердилась; прошло уже болѣе четверти часа, какъ Ступицынъ сидѣлъ на рундучкѣ крыльца, а она не высылала; Антону Ѳедотычу становилось очень холодно; единственный предметъ его развлеченія—луна скрылась за облаками. Вдругъ въ темнотѣ послышались шаги.

— Ахъ,—вскрикнулъ вслѣдъ за тѣмъ женскій голосъ.

— Ухъ, чертъ возьми,—произнесъ, съ своей стороны, Ступицынъ, схватившись за животъ, въ которой ударилась чья-то нога.

Digitized by Google

— Кто это?—повторилъ тотъ же голосъ.

— А ты кто?—спросилъ Ступицынъ.

— Я пришла къ знакомымъ моимъ,—сказалъ женскій голосъ;—вы здѣшній?

— Здѣшній. Кого вамъ надо?

— Катерины Архиповны.

— Жены моей?

— Вы супругъ Катерины Архиповны?

— Точно такъ.

— Ахъ, Боже мой, извините, я очень хорошая знакомая Катерины Архиповны. Честь имѣю рекомендоваться: Татьяна Ивановна Замшева.

— Позвольте и мнѣ, съ своей стороны, представиться: Антонъ Ѳедотычь Ступицынъ. Что мы здѣсь стоимъ? милости прошу!

Хозяинъ и гостья вошли въ залу, въ которой никого уже не было. Татьяна Ивановна и Антонъ Ѳедотычь смотрѣли нѣсколько времени другъ на друга съ нѣкоторымъ удивленіемъ. Обоихъ ихъ поразили нѣкоторыя странности въ наружности другъ друга. Антону Ѳедотычу кинулись въ глаза необыкновенныя рябины Татьяны Ивановны, а Татьяна Ивановна удивилась клыкообразнымъ зубамъ и сѣрымъ на выкатѣ глазамъ Ступицына. Оба простояли нѣсколько минутъ въ молчаніи.

— Могу ли я видѣть почтеннѣйшую Катерину Архиповну? — проговорила Татьяна Ивановна.

— Незнаю-съ; она тамъ у себя. Я сейчасъ спрошу,— отвѣчалъ Ступицынъ, и вышелъ. Къ супругѣ впрочемъ онъ не пошелъ, но, постоявши нѣсколько времени въ темномъ корридорѣ, вернулся.

— Она чѣмъ-то занята, милости прошу садиться,—проговорилъ онъ, и, указавши гостьѣ мѣсто, самъ сѣлъ на диванъ.

— По семейству, вѣроятно, соскучились и изволили пріѣхать повидаться?—начала Татьяна Ивановна.

— Да, повидаться захотѣлось,—отвѣчалъ Антонъ Ѳедотычь;—раньше нельзя было; у меня нынче лѣтомъ были большія постройки; тысячь на шесть построилъ.

Digitized by Google

— На шесть тысячь?

— Почти на шесть. Два скотныхъ двора на каменныхъ столбахъ — тысячи въ двѣ каждый, да кухню новую построилъ въ пять сотъ рублей. Нельзя, знаете, усадьба требуетъ поддержекъ

— Безъ всякаго сомнѣнья; однако у васъ и усадьба должна быть отличная.

— Изрядная. Хлѣбопашество, главное дѣло, въ хорошемъ видѣ: рожь родится самъ-десять; это, не хвастаясь, можно сказать, что я устроилъ. Прежде бывало, какъ самъ-пять придетъ, такъ Бога благодарили.

— Скажите, что̀ значитъ хозяйство.

— Хозяйство вещь важная, глубокомысленная въ тоже время, — сказалъ Ступицынъ.

— Нынче безъ ума нигдѣ нельзя, — замѣтила Татьяна Ивановна.

Разговоръ на нѣсколько минутъ остановился.

— Да это бы ничего, — началъ опять Ступицынъ;—за хозяйствомъ я бы не остановился, да балотировка была, такъ, знаете, нельзя.

— Вы изволили балотироваться?

— Нѣтъ, то есть меня очень просили въ предводители, да не могъ,—отказался.

— Отъ чего же это не захотѣли послужить?

— Нельзя-съ: семейныя обстоятельства; впрочемъ на одномъ обѣдѣ мнѣ очень выговаривали,—совѣстно, а дѣлать нечего.

— Конечно, Антонъ Ѳедотычь, въ семействѣ иногда и нехочешь, а дѣлаешь.

— Не иногда, а всегда. Вы имѣете дѣтей?

— Я дѣвица.

— А батюшка живъ?

— Померъ. Я живу одна—сиротой. Каковы дороги?

— Кажется, хороши: шоссе отличное, а проселковъ я почти и незамѣтилъ. У меня очень покойный экипажъ.

— Бричка вѣрно?

Digitized by Google

— Нѣтъ, коляска, совершенная люлька; прочности необыкновенной, и, вообразите, я ее купилъ у сосѣда за полторы тысячи, и вотъ уже третій годъ ѣзжу, ни одинъ винтъ не повредился.

— Пріятно въ такихъ экипажахъ ѣздить, — замѣтила Татьяна Ивановна,—вотъ мнѣ здѣсь случалось съ знакомыми ѣздить, такъ просто прелесть. Нынче, я думаю, этакихъ экипажей прочныхъ не дѣлаютъ.

— Есть и нынче, только дороги. Нынче, впрочемъ, все вздорожало. Вотъ, хоть бы взять съ поваровъ: я платилъ въ Англійскомъ клубѣ за выучку повара по триста рублей въ годъ; за три года, вѣдь, это девять-сотъ рублей.

— Легко сказать: девять-сотъ рублей! впрочемъ, я думаю, и поваръ вышелъ отличный.

— Безподобный. Онъ у насъ теперь въ деревнѣ; такъ вотъ бѣда: захочешь иногда этакой для знакомыхъ сдѣлать обѣдецъ, закажешь ему; придетъ, — ваша воля, говоритъ, я не могу: запасовъ нѣтъ. Мы думаемъ его сюда привезти. Вотъ здѣсь онъ покажетъ себя; милости прошу тогда къ намъ отобѣдать.

— Покорнѣйше васъ благодарю, я ужъ и такъ много обласкана вниманіемъ Катерины Архиповны. А я заговорилась и не спросила: здоровы ли Прасковья Антоновна, Анна Антоновна и Марья Антоновна?

— Слава Богу; я, признаться сказать, очень радъ, что онѣ сюда переѣхали, а то въ деревнѣ отъ женяховъ отбою нѣтъ.

— Ну, этимъ для родителей тяготиться нечего.

— Даша!—послышался голосъ Катерины Архиповны,— гдѣ баринъ?

— Въ залѣ, съ Татьяной Ивановной разговариваютъ,— отвѣчала горничная.

— Теперь, я думаю, можно къ Катеринѣ Архиповнѣ?— спросила гостья.

— Можно, я думаю,—отвѣчалъ Антонъ Ѳедотычъ, остановленный голосомъ супруги.

Digitized by Google

Татьяна Ивановна ушла. Антонъ Ѳедотычъ сидѣлъ нѣсколько минутъ въ какомъ-то пріятномъ довольствѣ отъ того, что успѣлъ себя показать новому лицу и еще дамѣ. Посидѣвши нѣсколько времени, онъ вдругъ всталъ, осмотрѣлъ всю комнату и вынулъ изъ-подъ жилета висѣвшій на цѣпочкѣ ключь, которымъ, со всевозможною осторожностію, отперъ свой дорожный ларецъ, и, вынувши оттуда графинъ съ водкою, выпилъ торопливо изъ него почти половину и, съ тѣми же предосторожностями, заперъ ларецъ, и спряталъ ключь, а потомъ, закуривши трубку, какъ ни въ чемъ не бывало, усѣлся на прежнемъ мѣстѣ.

Подобнаго рода контрабанду Антонъ Ѳедотычъ употреблялъ въ своей безотрадной жизни при всякомъ удобномъ случаѣ, то есть когда у него случалось хоть сколько-нибудь денегъ. Для этой собственно цѣли имѣлъ онъ особую шкатулку, которую тщательно запиралъ и никому не показывалъ, что въ ней хранится.

Татьяна Ивановна, пришедши къ хозяйкѣ которая со всѣми своими дочерьми сидѣла въ спальной, тотчасъ же разсыпалась въ разговорахъ: поздравила всѣхъ съ пріѣздомъ Антона Ѳедотыча, засвидѣтельствовала почтеніе отъ Хозарова, и за тѣмъ начала разсказывать, какъ ее однажды, когда она шла отъ одной знакомой вечеромъ, остановили двое мужчинъ, и такъ ее напугали, что она послѣ недѣли двѣ была больна горячкою, а потомъ принялась въ этомъ же родѣ за разные анекдоты: описала насчастіе одной ея знакомой, на которую тоже вечеромъ кинулись изъ одного купеческаго дома двѣ собаки, и укусили ей ногу; разсказала объ одномъ, знакомомъ ей мужчинѣ — молодцѣ и смѣльчакѣ, котораго ночью мошенники схватили на площади и раздѣли донага.

— Ахъ, какіе вы ужасы разсказываете,—сказала Катерина Архиповна

— Какъ же вы отъ насъ пойдете?— замѣтила Марья.

— А какъ Богъ приведетъ; признаться сказать, очень потрушиваю, да ужъ повидаться очень хотѣлось,—отвѣчала Замшева.

— Вы извощика возьмите, — сказала хозяйка.

Digitized by Google

— Ай, нѣтъ, Катерина Архиповна, ни за что въ свѣтѣ,— возразила гостья, и здѣсь разсказала происшествіе, случившееся съ одною какой-то важною дамою, которая ѣхала домой на извощикѣ, и которую не только обрали, но даже завезли въ такой домъ, о которомъ она прежде и понятія не имѣла. Послѣ этого разсказа ужасъ овладѣлъ всѣми дамами.

— Хорошо, что мы никогда на извощикахъ не ѣздимъ,— сказала мать.

— Когда мы выѣзжаемъ,—прибавила она, обращаясь къ Татьянѣ Ивановнѣ, — то знакомые, обыкновенно, на своихъ лошадяхъ насъ возятъ.

— Мамаша! Татьяну Ивановну, пожалуй, оберутъ,—сказала Мари, принимавшая больше всѣхъ участія въ гостьѣ; она бы у насъ ночевала.

— Въ самомъ дѣлѣ ночуйте у насъ, проговорила хозяйка, — да только гдѣ?

— У меня въ комнатѣ, — отвѣчала Машетъ.

— Ахъ, Боже мой, что вы безпокоитесь; мнѣ право очень совѣстно, что доставляю столько хлопотъ, — отвѣчала жеманно Татьяна Ивановна.—Какой у васъ ангельской доброты Марья Антоновна! — прибавила въ полголоса она Катеринѣ Архиповнѣ.

— Очень добра,—отвѣчала мать, съ удовольствіемъ глядя на дочь;—вы ночуете въ ея комнатѣ; у ней наверху особый кабинетчикъ.

— Ночую, Катерина Архиповна,—отвѣчала Татьяна Ивановна; — я очень боюсь идти.

Передъ ужиномъ Антонъ Ѳедотычъ вошелъ наконецъ въ комнату жены и усѣлся на отдаленное кресло. Впрочемъ онъ ничего не говорилъ, и, только облизываясь языкомъ, весело на всѣхъ посматривалъ. Завѣтный ящикъ еще разъ имъ былъ отпертъ.

— Что это глаза у васъ какіе странные, — замѣтила Катерина Архиповна.

— Вѣтромъ надуло, — отвѣчалъ Антонъ Ѳедотычъ.

За ужиномъ Катерина Архиповна ничего не ѣла, потому что все еще была разстроена. Машетъ отучили ужинать

Digitized by Google

въ пансіонѣ; Анетъ никогда не имѣла аппетита, а Татьяна Ивановна отказывалась изъ деликатности. Одна только Пашетъ съ папенькой ратоборствовала: они съѣли весь почти супъ, соусъ, жареное и покончили даже хлѣбъ и огурцы. Послѣ ужина барышни и Татьяна Ивановна, простившись съ хозяевами, отправились на верхъ. Антону Ѳедотычу, впредь до дальнѣйшихъ распоряженій, повелѣно было спать въ залѣ на диванѣ, съ строжайшимъ запрещеніемъ сорить. Пашетъ и Анетъ, не простившись съ сестрою, ушли къ себѣ на верхъ въ общую ихъ спальню. Татьянѣ Ивановнѣ было постлано въ кабинетѣ Мари на кушеткѣ. Гостья за причиненные хлопоты еще разъ извинилась передъ Катериною Архиповною, которая не утерпѣла и пришла поцѣловать и перекрестить своего идола.

— Ахъ, какія вы, Марья Антоновна, хорошенькія, — сказала Татьяна Ивановна, когда дѣвушка раздѣлась. Та, улыбнувшись, прыгнула въ постель и начала укутываться въ теплое одѣяло.

— Я къ вамъ съ порученіемъ, — начала Татьяна Ивановна, подошедши къ кровати. — Я принесла вамъ отъ Сергѣя Петровича дневникъ, который вы просили, — прибавила она, подавая конвертъ.

Мари сначала съ какимъ-то испугомъ взглянула на посредницу, а потомъ, вся вспыхнувши, схватила пакетъ и спрятала его подъ подушки.

Татьяна Ивановна хотѣла было говорить, но Мари показала ей на сосѣднюю комнату сестеръ, и положила въ знакъ молчанія пальчикъ къ губамъ. Татьяна Ивановна поняла, что это значитъ; она кивнула головой, отошла отъ кровати и улеглась на своемъ ложѣ. Прошло болѣе часа въ совершенномъ молчаніи. Татьянѣ Ивановнѣ показалось, что Мари заснула, ее самое началъ сильно склонять сонъ. Вдругъ видитъ, что дѣвушка, потихоньку вставши съ постели, начала прислушиваться; Татьяна Ивановна захрапѣла. Мари, видно, этого и поджидавшая, потихоньку встала съ постели, вынула изъ-подъ подушекъ дневникъ и на цыпочкахъ подошла къ лампадѣ. Дрожащими руками она распечатала па-

Digitized by Google

кетъ, поцѣловала тетрадку и быстро начала читать. Съ каждою строчкою волненіе ея увеличивалось; щеки ея то блѣднѣли, то горѣли яркимъ румянцемъ. Она, кажется, готова была заплакать. Дочитавши до конца, она схватила себя за голову и потомъ снова начала перечитывать, въ срединѣ тетрадки, и именно на томъ самомъ мѣстѣ, какъ могла замѣтить Татьяна Ивановна, гдѣ были написаны знакомые намъ стихи, она еще разъ поцѣловала листокъ. Прочитавши другой разъ, дѣвушка опять на цыпочкахъ подошла къ своей кровати, и улеглась въ постель; но не прошло четверти часа, она снова встала, и принялась будить Татьяну Ивановну, которая, будто съ просонья, открыла глаза.

— Возьмите, сказала шепотомъ Мари, подавая ей тетрадку.

— А что же?—спросила Татьяна Ивановна.

— Здѣсь сестрицы найдутъ.

— Да вы сами-то напишите ему что-нибудь.

— Не могу.

— Такъ что же мнѣ ему сказать?

— Скажите, что mercі.

Проговоря это, дѣвушка сунула дневникъ подъ подушку Татьянѣ Ивановнѣ, и тотчасъ же улеглась въ постель.

— Какая миленькая и умненькая дѣвушка,—проговорила сама съ собою Татьяна Ивановна, и совершенно осталась довольна своимъ успѣхомъ; она все видѣла и все очень хорошо поняла.

Возвратившись домой раннимъ утромъ, дѣвица Замшева тотчасъ же разбудила своего милашку Сергѣя Петровича, и пересказала ему все до малѣйшей подробности и даже съ нѣкоторыми прибавленіями.

(*До слѣд. книж.*)

Digitized by Google

ВОСПОМИНАНІЕ О СЛУЖБѢ НА КАВКАЗѢ.

Отрывокъ изъ записокъ офицера, служившаго въ Кавказскомъ корпусѣ подъ начальствомъ Генерала Ермолова.

Послѣ блистательной побѣды на берегахъ рѣки Макаса, послѣдствіемъ коей было покореніе самаго сильнѣйшаго во всемъ Дагестанѣ и воинственнаго народа Акушинскаго, былъ я командированъ, по должности моей офицера Генеральнаго Штаба, для съемки дороги отъ главнаго города всей области Акуши до большаго и многолюднаго селенія Мокагу и оттуда далѣе до селенія Губдена, принадлежащаго Шахмалу Тарковскому, гдѣ мнѣ и предлежало присоединиться къ отряду, находившемуся подъ личнымъ начальствомъ самого командира Кавказскаго Корпуса Генерала Ермолова, на возвратномъ пути отряда изъ Акуши на Кавказскую линію.

Конвой мой состоялъ изъ одного бывшаго при мнѣ козака, переводчика и проводника. — Правду сказать, проѣхать довольно большое разстояніе по неизвѣстнымъ мѣстамъ, между дикимъ, хищнымъ народомъ, недавно только покорившимся не добровольно, а послѣ упорнаго сопротивленія, не совсѣмъ было безопасно съ конвоемъ изъ трехъ человѣкъ, изъ числа которыхъ могъ я, со всею благонадежностію, положиться только на одного козака; но нечего было долго разсуждать. *Алексѣй Петровичь приказалъ, Алексѣй Петровичь послалъ*, и безотлагательное исполненіе было всегдашнимъ послѣдствіемъ его приказаній въ Кавказскомъ корпусѣ; я нисколько не задумался о томъ, что конвой мой состоитъ изъ трехъ человѣкъ, притомъ же мнѣ было всего только 19 лѣтъ. Я выслушалъ словесное приказаніе и наставленіе

Digitized by Google

отъ самого главнаго начальника о всѣхъ подробностяхъ возлагаемаго на меня порученія, вскочилъ на своего коня, и окруженный *многочисленнымъ* конвоемъ моимъ, съ веселымъ и безпечнымъ духомъ, свойственнымъ молодости, полетѣлъ исполнять сдѣланное мнѣ порученіе.

На всемъ пространствѣ предлежавшаго мнѣ пути производилъ я съемку, такъ какъ бы среди отечества своего; много встрѣчалось мнѣ жителей, они останавливались и съ изумленіемъ смотрѣли на меня, сидящаго на конѣ, съ бумагою и карандашемъ, а иногда одного пѣшкомъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ своего конвоя, но никакихъ непріязненныхъ движеній и дѣйствій съ ихъ стороны не было; они вѣроятно не понимали, *для чего* и *почему* карандашъ и бумага у меня въ рукахъ, и что именно я замѣчаю, останавливаясь на мѣстѣ, или мѣряя шагами.

Такимъ образомъ, безъ всякихъ препятствій и приключеній, доѣхалъ я до селенія Макагу; тутъ надобно было мнѣ остановиться и произвесть съемку мѣстнаго положенія селенія и окрестностей, но при самомъ въѣздѣ услышалъ крики, вопли и стоны; слѣдуя далѣе по селенію, увидѣлъ я большую толпу, собравшуюся у одного дома; почти у всѣхъ лбы были разрѣзаны кремнями и лица ихъ были окровавлены. Переводчикъ изъяснилъ мнѣ, что обычай въ здѣшней сторонѣ изъявлять такимъ образомъ душевную скорбь о смерти любимыхъ и близкихъ людей, окончившихъ жизнь отъ рукъ враговъ своихъ, и что окровавленныя лица означаютъ клятву отмстить врагу и пролить кровь его за кровь любимаго ими человѣка.

Я не останавливался ни секунды подлѣ этой толпы, и, продолжая далѣе путь мой по той же улицѣ, поручилъ проводнику узнать о причинѣ печальнаго скопища; посланный мой скоро догналъ меня и объявилъ, что вся толпа составлена изъ родственниковъ оплакиваемаго, только-что умершаго здѣшняго Кадія.

Это совсѣмъ не шутка, подумалъ я: умершій Кадій былъ самый упорный мятежникъ, онъ болѣе всѣхъ возбуж-

Digitized by Google

далъ Акушинцовъ не покоряться Россіи, соединиться и вооруженною силою сопротивляться намъ.—Я вспомнилъ, что послѣ совершеннаго пораженія на рѣкѣ Макасѣ и взятія нами, съ величайшими усиліями, одинъ за другимъ, семи укрѣпленій, устроенныхъ въ ущеліяхъ и утесахъ, всѣ сопротивлявшіеся намъ Акушинцы разбѣжались, а мы, продолжая уже безпрепятственно слѣдованіе наше къ городу Акуши, узнали, что на встрѣчу къ намъ высланы всѣ старшины въ числѣ ста пятидесяти человѣкъ; между ими былъ и умершій здѣшній Кадій. Я былъ личнымъ свидѣтелемъ тому, что этотъ Кадій вышелъ впередъ всѣхъ, и остановившись въ недальнемъ разстояніи отъ Корпуснаго Командира, началъ въ самыхъ дерзкихъ выраженіяхъ говорить, что одержанная нами побѣда ничтожна, и что хотя потеря съ ихъ стороны довольно значительна, но для цѣлаго народа, извѣстнаго храбростію и воинственнымъ духомъ своимъ, полученная нами временная поверхность ничего не значитъ, что у нихъ осталось еще много войска и они могутъ не только прогнать Русскихъ, но и истребить всѣхъ до послѣдняго. — «Взгляни—» продолжалъ онъ, указывая на узкія тропинки по горамъ,— «вспомни, что это тѣ самыя мѣста, на которыхъ была разсѣяна, разбита и совсѣмъ уничтожена предками нашими, въ десять разъ могущественнѣе Русскаго Государя многочисленная армія Надиръ-Шаха, который самъ избавился отъ смерти поспѣшнымъ бѣгствомъ: такъ можетъ ли послѣ того горсть Русскихъ покорить и предписать намъ законъ?» — Глаза его блистали отъ ярости. Я былъ въ это время ближе всѣхъ къ Генералу, и опасаясь, чтобы фанатикъ, въ изступленіи своемъ отъ ярости, не бросился на него съ кинжаломъ, приготовился встрѣтить его при первомъ малѣйшемъ движеніи, и не спускалъ съ него глазъ, держа въ рукѣ пистолетъ съ взведеннымъ куркомъ; многіе изъ окружавшихъ Генерала обнажили было свои сабли, но онъ удержалъ насъ, и съ величественною, грозною осанкою своею, опершись на саблю выслушалъ его хладнокровно, смотрѣвши прямо ему въ глаза; когда же онъ умолкнулъ, то обращаясь къ прочимъ старшинамъ, приказалъ имъ обезоружить его и взять подъ стражу,

Digitized by Google

что и было ими тотчасъ безпрекословно исполнено; потомъ Генералъ объяснилъ имъ, въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ всю важность преступленія безумца, позволившаго себѣ оскорблять священное имя Императора обширнаго, могущественнаго Государства, при вѣрноподданныхъ его и въ присутствіи главнаго Начальника надъ здѣшнею страною; потомъ онъ настоятельно потребовалъ, чтобы этотъ дерзкій мятежникъ былъ тотчасъ ими же самими осужденъ и наказанъ. — Судъ старшинъ не долго продолжался; они сами объявили Генералу, что онъ болѣе всѣхъ причиною бѣдствій, претерпѣнныхъ соотечественниками ихъ, что онъ возбуждалъ злонамѣренными внушеніями своими къ сопротивленію и непокорности; послѣ того они схватили его, разложили на землю и такъ жестоко отодрали бывшими въ рукахъ ихъ нагайками, что онъ не могъ самъ встать; его подняли, кое-какъ усадили на лошадь и отправили домой, то есть въ здѣшнее селеніе. — Очень вѣроятно, подумалъ я, что смерть его была послѣдствіемъ претерпѣннаго имъ жестокаго наказанія, и что родственники его, должно быть, чрезвычайно ожесточились противъ Русскихъ, потому что онъ былъ подвергнутъ наказанію по настоятельному требованію нашего главнаго Начальника; извѣстно мнѣ было также и то, что духъ мщенія есть отличительная черта характера Кавказскихъ Горскихъ народовъ, словомъ: я увидѣлъ, что пріѣздъ мой былъ не весьма въ благопріятное время, и что вообще положеніе мое не совсѣмъ завидно; но какъ быть, мнѣ предстояло *bonne mine au mauvais jeu* (имѣть веселое лице при дурной игрѣ). Я сказалъ спутникамъ моимъ, козаку и переводчику, что хотя и попались мы, какъ кажется, въ порядочную западню, но не надобно показывать никакой боязни, ѣхать нашимъ путемъ точно также, какъ и прежде, но что ежели нападутъ на насъ, то не забывать, что мы имѣемъ честь принадлежать къ Кавказскому Корпусу, и должны защищаться до послѣдней капли крови.

Такимъ образомъ проѣхали мы по узкой улицѣ шагомъ, мимо толпы, среди ихъ стоновъ, плача и воплей, и слѣдовали далѣе на довольно большое разстояніе къ площади; но насъ никто не останавливалъ и ни какихъ непріязненныхъ

Digitized by Google

дѣйствій, не было замѣтно.—Вотъ убѣдительное доказательства, — подумалъ я, — до какой степени одержанная нами побѣда и покореніе главнаго ихъ города распространили страхъ по всей области. Однакожъ жители, предупрежденные вѣроятно о нашемъ прибытіи, собрались, съ ногъ до головы вооруженные, на площади. Болѣе тысячи человѣкъ нашелъ я на этой площади. День былъ довольно холодный; на плечахъ у нихъ, кромѣ обыкновеннаго Дагестанскаго одѣянія, были накинуты овчинныя шубы, очень похожія покроемъ своимъ на наши старинныя медвѣжьи винчуры, съ круглыми большими воротниками; эти шубы изъ овчинъ, иныя какъ снѣгъ бѣлыя, другія какъ смоль черныя, съ длинною вершка въ три или четыре шерстью, вьющеюся правильными косичками, накинутыя на плеча вооруженныхъ горцевъ, еще болѣе выставляли ихъ выразительныя лица, и придавали имъ что-то звѣрское.

Всѣ смотрѣли на меня съ удивленіемъ и ожидали, какъ я имѣлъ все право предполагать, чтобы я объяснилъ имъ причину моего появленія. Надобно не робѣть, а дѣйствовать, сообразно съ обстоятельствами, подумалъ я, и сказалъ, чрезъ переводчика, стоявшимъ впереди прочихъ на дорогѣ моей, чтобъ они пропустили меня; я въѣхалъ далѣе по площади, и остановившись по срединѣ окружавшей меня толпы, приказалъ переводчику переводить мои слова: — «Главный нашъ «Начальникъ,» — сказалъ я, — «принявъ присягу отъ всего Аку«шинскаго народа быть вѣрноподданными Великаго нашего «Императора, прислалъ меня къ вамъ не такъ, какъ бывшаго ва«шего непріятеля, а какъ сотоварища и соотечественника одного «Государства. Главный нашъ Начальникъ Генералъ Ермоловъ «увѣренъ въ томъ, что вы примете меня также дружелюбно, «какъ и мы Русскіе готовы принять каждаго изъ васъ. Гене«ралъ Ермоловъ (я нарочно повторялъ часто его фамилію, потому что она между Горскими народами была очень извѣстна, и одно имя его приводило въ страхъ каждаго изъ нихъ): «пору«чилъ мнѣ объявить вамъ, что до тѣхъ поръ, пока вы не нарушите «присяги и будете исполнять вполнѣ обязанности вѣрноподданныхъ великаго и могущественнаго нашего Императора,

Digitized by Google

«то онъ не только будетъ ограждать права ваши, но всѣми «силами будетъ содѣйствовать къ вашему благосостоянію, а «вы сами знаете, что Генералъ Ермоловъ всегда въ точности «исполняетъ свои обѣщанія. Сопротивленіе и непокорность «ваша Русскому Государю до сего времени происходили отъ «того, что вы не имѣли понятія о величіи и могуществѣ «великаго нашего Императора. На неизмѣримомъ простран- «ствѣ земли Русской болѣе 60 милліоновъ разнородныхъ на- «родовъ благоденствуютъ подъ кроткимъ, милостивымъ и «милосердымъ Его скипетромъ. Онъ страшенъ только мятеж- «никамъ и врагамъ своимъ».

Тутъ я остановился и приказалъ переводчику моему спросить у нихъ, доходили ли къ нимъ слухи о бывшемъ Императорѣ Наполеонѣ. Они отвѣчали, что слышали объ немъ.— «Слѣдовательно вамъ должно быть также извѣстно и то, — продолжалъ я, — что Наполеонъ, покоривъ почти всѣ государства цѣлой Европы, вторгнулся въ Россію съ арміею болѣе полумилліона, составленною изъ 20 разныхъ народовъ; но какое было послѣдствіе дерзкаго его покушенія, поколебать могущественную, великую Россію: вся армія его была совершенно истреблена, самъ Наполеонъ лишился престола, столица его, называемая Парижъ, была покорена и обязана сохраненіемъ своимъ единственно только великодушію нашего милосердаго Императора.—Такъ Царь Русскій караетъ своихъ враговъ.—Я желаю, чтобъ разсказъ мой, основанный на строжайшей истинѣ о паденіи Наполеона и истребленіи многочисленнаго его воинства, утверждалъ бы вашу преданность къ Россіи, и заставилъ бы каждаго изъ васъ точно также, какъ и всякаго изъ насъ, гордиться наименованіемъ вѣрноподданнаго могущественнѣйшаго во всей вселенной Русскаго Императора.»

Они слушали меня съ безмолвнымъ вниманіемъ, и когда я, окончивъ импровизированную рѣчь мою, сказалъ имъ о намѣреніи моемъ ѣхать къ вновь избранному ими Кадію, для объявленія ему нѣкоторыхъ приказаній главнаго нашего начальника Генерала Ермолова, то они посторонились, очистили

Digitized by Google

мнѣ дорогу, и столвшіе впереди прочихъ сказали мнѣ даже нѣсколько привѣтствій.

Кадій, предупрежденный, какъ видно было, о намѣреніи моемъ ѣхать къ нему, вышелъ самъ на встрѣчу ко мнѣ за ворота своего дома, поздравилъ меня съ благополучнымъ пріѣздомъ, и держалъ стремя, когда я слѣзалъ съ лошади. Потомъ повелъ въ опрятную чистую *кунатскую* (гостиную) комнату, гдѣ въ каминѣ пылалъ огонь, очень пріятный на то время. Все оружіе мое, по обычаямъ страны своей, принялъ онъ отъ меня, обтеръ его и повѣсилъ на деревянные гвозди на стѣнѣ противъ меня, а самъ тотчасъ вышелъ изъ комнаты, и чрезъ нѣсколько минутъ опять возвратился, неся съ большимъ трудомъ на рукахъ своихъ огромнаго тучнаго барана, какого едва ли когда-либо сочныя, питательныя травы Кавказскихъ горъ откармливали. Хозяинъ мой, по мѣстнымъ обычаямъ своимъ, спросилъ у меня, нравится ли мнѣ этотъ баранъ, годится ли онъ для моего стола, и позволю ли я готовить изъ него обѣдъ для меня. Я поблагодарилъ его и извинялся въ томъ, что надѣлалъ ему пріѣздомъ моимъ такъ много хлопотъ и безпокойствъ.—На комплименты мои и онъ отвѣчалъ мнѣ, что ему не только нѣтъ ни какого безпокойства, но что онъ за большую честь себѣ поставляетъ успокоить и угостить меня.

Замѣтивъ, подъѣзжая къ дому Кадія, что онъ стоитъ на возвышенномъ мѣстѣ, съ котораго видно все селеніе, я рѣшился воспользоваться свободнымъ временемъ въ ожиданіи обѣда, и отправился тотчасъ на плоскую (по общему обычаю въ той сторонѣ) крышу дома моего хозяина. Съ этой крыши представилась мнѣ удобность снять на планъ всѣ улицы, площади въ селеніи и окрестное мѣстоположеніе. Народъ продолжалъ толпиться на площади и въ особенности на улицѣ около дома Кадія; замѣтно было, что смотрятъ на меня съ бумагою и карандашемъ въ рукахъ съ какою-то недовѣрчивостію, но я уже познакомился съ ними, испыталъ какъ надобно дѣйствовать, и не обращая ни какого на нихъ вниманія, преспокойно продолжалъ и окончилъ мое

Digitized by Google

дѣло. Макаву можно уподобить нашему уѣздному городу; въ немъ было до тысячи домовъ и большое народонаселеніе.

Вскорѣ по возвращеніи моемъ въ комнату, накрыли салфетку на коврѣ и принесли огромный деревянный лотокъ съ разными блюдами; представленныя мнѣ кушанья были не совсѣмъ вкусны для нашего брата Русскаго; одинъ только *шашлыкъ* понравился мнѣ, и я ѣлъ его съ большимъ аппетитомъ (небольшіе куски бараньяго мяса, жаренаго на вертелѣ и на всякой палочкѣ и шомполѣ, называются шашлыкъ); это самое вкусное и роскошное кушанье для военнаго человѣка на Кавказѣ.

Между тѣмъ время шло, день склонялся къ вечеру, ѣхать мнѣ въ дальнѣйшій путь было невозможно. Я рѣшился ночевать у Кадія и просилъ его сдѣлать распоряженіе о назначеніи мнѣ двухъ или трехъ проводниковъ, предупредивъ его, чтобы они были готовы утромъ какъ можно ранѣе, и вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ ему приказаніе Главнокомандующаго, чтобы и онъ самъ немедленно явился къ нему.

Весь вечеръ бесѣдовалъ я съ моимъ хозяиномъ; мы сидѣли вмѣстѣ съ нимъ у камина. Онъ былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ и отъ природы весьма умный и смышленый; съ большимъ любопытствомъ я разспрашивалъ у него, разумѣется чрезъ переводчика, о всѣхъ подробностяхъ, касающихся до его родины, о ихъ правленіи, нравахъ, обычаяхъ, промышленности, земледѣліи и проч. и проч. Всѣ отвѣты его были вполнѣ удовлетворительны; потомъ онъ самъ обратился ко мнѣ съ своими разспросами; я разсказалъ ему о гигантской обширности и о постепенномъ распространеніи владѣнія Россіи, о множествѣ разнородныхъ народовъ, повинующихся самодержавной власти великаго и могущественнаго нашего Императора, о составѣ и многочисленности нашихъ армій, о храбрости и геройскомъ духѣ Русскихъ воиновъ, изумляющихъ всю вселенную.—Я говорилъ съ Азіатцемъ и призналъ нужнымъ изъясняться съ нимъ нѣсколько кудрявыми и цвѣтистыми словами; къ довершенію же представленной мною ему картины величія Россіи, сказалъ я ему,

Digitized by Google

что онъ самъ долженъ согласиться къ томъ, что все народонаселеніе Акушинской области есть горсть, а земля ихъ точка, почти незамѣтная, въ нашемъ государствѣ.

Кадій слушалъ меня со вниманіемъ, и когда я окончилъ мой разсказъ, задумался, снялъ свою шапку, и признался, что распространенные между ними слухи о Россіи совершенно противоположны тому, что я говорилъ. Насъ увѣрили, сказалъ онъ, что Россія самое слабое и ничтожное государство; потомъ, помолчавъ еще недолго, спросилъ очень серьёзно, смотрѣвши мнѣ прямо въ глаза, точно ли говорилъ я ему всю правду, и не нарочно ли преувеличилъ, чтобы обольстить и обмануть его. — Я еще повторилъ, что все сказанное мною есть совершенная, строжайшая истина, а чтобы, какъ ему самому, такъ и всему ихъ народу имѣть настоящее понятіе о величіи и могуществѣ Россіи, то совѣтовалъ я ему испросить у главнаго начальника нашего позволеніе, послать избранныхъ имъ самимъ довѣренныхъ людей осмотрѣть только самую малую часть Россіи, то есть проѣхать изъ Акуши до Москвы и оттуда далѣе до Петербурга; по возвращеніи ихъ вы всѣ увѣритесь, что разсказанное мною совершенно справедливо, и подтвержденіе моихъ словъ — прибавилъ я — убѣдитъ Акушинскій народъ какъ въ величіи и силѣ Русскаго Императора, также и въ томъ, что мятежническія, злонамѣренныя внушенія сопротивляться намъ могутъ подвергнуть родину ихъ неминуемой погибели.

Тѣмъ окончилась продолжительная наша бесѣда съ Кадіемъ; я бросился на приготовленный для меня мягкій пуховикъ, набитый овечьею шерстью, и вскорѣ, отъ утомленія и душевнаго волненія въ продолженіи всего дня, крѣпко заснулъ; однакожъ на самомъ разсвѣтѣ всталъ и велѣлъ сѣдлать коней нашихъ. Хозяинъ тотчасъ явился пожелать мнѣ добраго утра, провожалъ за ворота дома своего, и не смотря на убѣжденія мои не безпокоиться и не церемониться со мною, самъ подвелъ лошадь мою, и держалъ стремя, когда я садился.

Digitized by Google

Взглянувъ на назначенныхъ мнѣ проводниковъ, ожидавшихъ уже меня на коняхъ своихъ, увидѣлъ я, что вмѣсто двухъ, какъ я просилъ, ихъ было шесть человѣкъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы. Одинъ изъ нихъ небольшаго роста, плечистый, съ безобразною, звѣрскою физіогноміею закоренѣлаго разбойника, поразилъ меня; я хотѣлъ отъ него избавиться, какъ отъ человѣка невольно вселяющаго къ себѣ отвращеніе, и обратился къ Кадію, который въ то время также садился на своего коня, чтобы ѣхать на нашему главному Начальнику. Я сказалъ ему, что мнѣ нужно всего только два проводника, и что остальныхъ четырехъ прошу его отпустить домой; онъ отвѣчалъ мнѣ, что шесть человѣкъ назначено имъ для почести моей, и что онъ съ своей стороны также проситъ меня не нарушать ихъ обычаевъ.

Очень не хотѣлось мнѣ пускаться въ путь по неизвѣстнымъ мѣстамъ, по горамъ и ущеліямъ, въ сопровожденіи шестерыхъ новыхъ пріятелей, къ которымъ я не могъ имѣть ни какой довѣренности; слѣдовательно по числу ихъ вдвое болѣе противъ моего конвоя, предстояло мнѣ находиться во время пути въ нѣкоторой весьма непріятной отъ нихъ зависимости; но Кадій настоятельно убѣждалъ взять съ собою всѣхъ назначеныхъ имъ для меня проводниковъ, и я, не желая показать моей къ нему недовѣрчивости и подозрѣнія, простился съ нимъ, толкнулъ ногами быстраго коня своего и помчался вдоль улицы, ведущей къ выѣзду изъ селенія.

Проѣхавъ нѣсколько верстъ, продолжая мою съемку, услышалъ я сзади себя весьма громкій и жаркій разговоръ; обратясь назадъ и увидѣвъ отвратительнаго моего проводника, говорящаго съ какимъ-то изступленіемъ съ переводчикомъ, я тотчасъ подъѣхалъ къ нимъ, и бросилъ грозный, выразительный взглядъ на проводника; онъ умолкнулъ и потупилъ глаза. — Переводчикъ, по сдѣланному ему мною знаку, приблизился ко мнѣ; мы поѣхали съ нимъ впередъ, и на вопросъ мой, о чемъ съ такимъ жаромъ говорилъ ему отвратительный нашъ проводникъ, отвѣчалъ мнѣ съ види-

Digitized by Google

мымъ на лицѣ безпокойствомъ, что онъ почитаетъ и его и всѣхъ его товарищей людьми опасными, замышляющими погубить насъ. Я не слишкомъ повѣрилъ заключенію его, и приказалъ разсказать мнѣ отъ слова и до слова разговоръ ихъ. «Этотъ разбойникъ говоритъ, что сильная Акушинская земля ихъ покорена не горстью пришедшихъ къ нимъ Русскихъ, которыхъ бы они могли закидать шапками, а какимъ-то непонятнымъ страхомъ, обуявшихъ храбрыхъ ихъ воиновъ, и что хотя недавно покорены они Русскими, но что они уже почитаютъ унизительнымъ для себя срамомъ носить иго ихъ. Стоитъ только одному изъ насъ,—продолжалъ онъ,—подать первый примѣръ, и весь народъ съ благодарностію послѣдуетъ за нимъ, опять оживится бодрость ихъ духа, и Русскимъ уже никогда не удастся побѣдить и вновь ихъ покорить; а каково мнѣ,— прибавилъ онъ, — смотрѣть на эти мѣста, гдѣ я убилъ одиннадцать человѣкъ, а теперь только трое Русскихъ ѣдутъ здѣсь, какъ властелины, и я нахожусь въ числѣ ихъ служителей; потомъ, постепенно горячась, сказалъ онъ: нѣтъ, не достанетъ у меня терпѣнія смотрѣть на все это хладнокровно и не отмстить кровью за неслыханную дерзость этихъ Русскихъ.» Переводчикъ окончилъ разсказъ свой убѣжденіемъ, чтобы намъ, воспользовавшись силою и быстротою коней нашихъ, тотчасъ ускакать отъ нихъ. Стыдясь даже и одной мысли, сообщенной мнѣ переводчикомъ, чтобъ скрыться бѣгствомъ, я грозно посмотрѣлъ на него, и, подозвавъ къ себѣ казака, сказалъ ему и переводчику, чтобъ они смотрѣли на меня и дѣлали бы тоже, что и я. Съ этимъ словомъ бросился я съ быстротою молніи прямо на дерзкаго разбойника, и прежде чѣмъ онъ успѣлъ очнуться отъ внезапнаго нападенія моего, я успѣлъ сорвать съ него ружье, пистолетъ и выхватить кинжалъ. — Казакъ и переводчикъ послѣдовали моему примѣру, и они стремглавъ бросились на двухъ проводниковъ и успѣли также ихъ обезоружить; остальные трое, ошеломленные быстрыми и внезапными дѣйствіями нашими, и увидѣвъ притомъ, что бой становится уже для нихъ неровенъ, повиновались приказанію моему, безпрекословно отдали свое оружіе; пистолеты и кинжалы

Digitized by Google

надѣли мы на себя, а ружья приказалъ я привязать къ нашимъ сѣдламъ; но замѣтивъ въ это время, что тотъ же злодѣй, котораго я самъ такъ внезапно обезоружилъ, смотрѣлъ на меня съ бѣшенствомъ и яростію въ глазахъ, и чтото ворчалъ про себя, я вновь бросился на него и далъ ему такой удачный толчекъ, что онъ упалъ съ лошади своей, шапка свалилась съ него и открыла бритый его черепъ, искаженный пятью глубокими сабельными ударами, и иныя изъ нихъ были глубже пальца. Нельзя постигнуть, какъ могъ этотъ человѣкъ послѣ такихъ ужасныхъ ранъ остаться живымъ, и еще притомъ сохранить умственныя силы.

Всѣмъ обезоруженнымъ проводникамъ велѣлъ я ѣхать впереди, чтобы намъ удобнѣе было наблюдать за дѣйствіями и движеніями ихъ и чрезъ переводчика предупредилъ, что всякій изъ числа ихъ, кто осмѣлится съѣхать съ дороги, или покусится на побѣгъ, будетъ тотчасъ застрѣленъ; вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ я переводчику растолковать имъ, что самъ Кадій ихъ и вообще всѣ старшины народа вполнѣ уже убѣждены въ томъ, что бороться и противиться Русскимъ рѣшительно невозможно, что имъ, какъ подданнымъ Великаго нашего Государя должно напередъ знать, что законы Его преслѣдуютъ и строго наказываютъ за мятежъ, разбой и грабежи. За симъ отправились мы въ дальнѣйшій путь, идущій по узкимъ тропинкамъ чрезъ вершины и мѣста каменистыя, покрытыя лѣсомъ; я продолжалъ мою съемку, и наконецъ, безъ дальнѣйшихъ приключеній, доѣхалъ до мѣста моего назначенія, селенія Губдахъ, владѣнія Шахмала Тарковскаго. Тутъ, въ ожиданіи прибытія Главнокомандующаго, приказалъ я сельскому старшинѣ взять и содержать разбойника подъ строжайшимъ карауломъ, остальныхъ пятерыхъ прозодниковъ велѣлъ отпустить домой и отдать имъ ихъ оружіе; но они со слезами убѣждали простить и помиловать сотоварища. Принявъ въ соображеніе, что самому главному Начальнику вѣрно непріятно будетъ подвергать наказанію жителя только недавно покорившейся области, я рѣшился склониться на убѣжденія проводниковъ, и велѣлъ позвать къ себѣ содержавшагося подъ карауломъ разбойника. — «Това-

Digitized by Google

«рицы твои со слезами просять меня о прощеніи и помило-«ваніи твоемъ,» — сказалъ я ему, — «но признайся чисто-«сердечно: ты самъ простилъ ли бы меня, еслибы я сдѣлалъ «такой же поступокъ и находился въ твоихъ рукахъ.» — «Я «видѣлъ смерть уже нѣсколько разъ висящую надъ моей «головой и давно къ ней приготовился,» — отвѣчалъ онъ спокойнымъ голосомъ: — «что прикажетъ Генералъ Ермо-«ловъ, такъ тому и быть, я предаю судьбу мою его волѣ.» — «Тебя и потому нельзя отпустить,» — продолжалъ я, — «что «по возвращеніи на родину свою ты опять начнешь распро-«странять нелѣпые слухи, возбуждать къ мятежу, непокор-«ности и по прежнему примешься за разбой и грабитель-«ство.» — «Нѣтъ, вотъ этого ужъ никогда не будетъ,» — отвѣ-чалъ онъ тѣмъ же спокойнымъ голосомъ. — «Ты ошибаешься; «напротивъ того, великодушное помилованіе заставитъ меня, «клянусь въ томъ Магометомъ, быть самымъ покорнымъ, вѣр-«нымъ, преданнымъ власти Великаго вашего Государя, ко-«торому мы теперь всѣ покорились.» — «Ежели такъ, Богъ «да проститъ твое согрѣшеніе, но Онъ же и сильно накажетъ, «тебя, ежели ты нарушишь клятву, данную тобою имянемъ «твоего пророка. Прощайте, ступайте на родину вашу съ ми-«ромъ,» — прибавилъ я, обращаясь къ нему и къ прочимъ проводникамъ, — «живите покойно и знайте, что счастіе и «благоденствіе каждаго изъ васъ лично и всего вашего народа «зависитъ отъ покорности сильному и могущественному Вели-«кому нашему Императору.»

Вскорѣ послѣ того освѣдомился я, что отрядъ нашъ приближается къ селенію. Я отправился на встрѣчу, представилъ Генералу сдѣланныя мною съемки и замѣчанія, и донесъ ему подробно обо всемъ случившемся со мною во время исполненія даннаго мнѣ порученія. Генералъ одобрилъ всѣ дѣйствія и распоряженія мои, и былъ вполнѣ доволенъ представленною мною съемкою.

Главнокомандующій, желая доставить отдыхъ войскамъ, подвизавшимся съ такимъ рвеніемъ, храбростію и искусствомъ при покореніи Акушинской области, расположилъ

Digitized by Google

ихъ на нѣкоторое время по селеніямъ Шахмала Тарковскаго и отдалъ по Корпусу слѣдующій приказъ, который привелъ всѣхъ насъ въ восторгъ. Мы безпрестанно читали, повторяли этотъ приказъ и вскорѣ знали его наизустъ:

«Труды ваши, храбрые товарищи, и усердіе къ службѣ «проложили намъ путь въ средину владѣній Акушинскихъ, «народа воинственнаго и сильнѣйшаго въ Дагестанѣ. Страш«ными явились вы предъ лицемъ непріятеля, и многія ты«сячи не противостали вамъ, разсѣялись и бѣгствомъ спи«скали спасеніе. Область покорена, и новые подданные Вели«каго Государя нашего благодарны за великодушную пощаду. «Вижу, храбрые товарищи, что не вамъ могутъ предлежать «горы неприступныя, пути непроходимые; скажу волю «Императора—и препятствія исчезаютъ передъ вами. Заслуги «ваши имѣю долгомъ свидѣтельствовать предъ Государемъ «Императоромъ, и кто достойный изъ васъ не одаренъ Его милостями.»

Digitized by Google

1) О ПАРИЖСКОМЪ БОТАНИЧЕСКОМЪ САДѢ; 2) ОБЪ АНАТОМИЧЕСКИХЪ СОБРАНІЯХЪ И ИСКУССТВЕННЫХЪ ПРЕПАРАТАХЪ; 3) О МЕДИЦИНСКОМЪ ПРЕПОДАВАНІИ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній путешественника.)

I.

На лѣвомъ берегу Сены, въ Парижѣ, есть мѣсто, обращающее вниманіе всякаго, кому знакомы науки естественныя. Имя *Jardin des Prantes*, Ботанической садъ, заключаетъ въ себѣ нѣчто привлекательное для того, кто еще не видалъ его, и возбуждаетъ прекрасное воспоминаніе у посѣщавшихъ великій сборникъ твореній природы Орелъ, парящій къ солнцу, китъ обитатель океана, млекопитающіе всѣхъ странъ и климатовъ, величественный кедръ и скромная фіялка, стройныя пальмы и смиренный мохъ, драгоцѣнные камни и куски простой глины, воздушное желѣзо и произведенія горъ огнедышущихъ, словомъ: все, что живетъ и движется въ воздухѣ, на землѣ и въ водѣ, растенія всѣхъ частей свѣта, всѣ извѣстные минералы коры земной и достоинные свидѣтели великихъ переворотовъ обитаемой нами планеты, всѣ сокровища земли собраны на небольшомъ уголкѣ земной по верхности, на небольшомъ уголкѣ Парижа, и въ стройномъ, систематическомъ порядкѣ, указанномъ геніями Жюсье, Бюффона, Кювье, представляются посѣтителямъ всѣхъ племенъ всегда готовые удовлетворить любознательности каждаго. Многіе вѣки и труды великихъ мужей потребны были, чтобы опредѣлить свойства каждаго члена великаго собранія, дать ему приличное имя и указать надлежащее мѣсто въ системѣ; годъ или два достаточны теперь для желающаго хорошо познакомиться съ естественными науками, посѣщая прилежно Парижскій Ботаническій садъ, гдѣ находится на лицо все необходимое для нагляднаго, опытнаго познанія каждой части Естественной исторіи. Хотя всѣ музеи Ботаническаго сада славятся богатствомъ и расположе-

Digitized by Google

ніемъ содержимаго въ нихъ: но изъ нихъ новѣйшій, кабинетъ минералогическо-геологическій и вмѣстѣ ботаническій можетъ почесться лучшимъ образцомъ того совершенства, до котораго достигло устройство музеевъ естествознанія. Желающій заниматься Минералогіею и Геологіею имѣетъ тамъ передъ глазами олицетворенную науку. Вступая въ кабинетъ, посѣтитель встрѣчается прежде всего съ общими свойствами минераловъ, формою, цвѣтомъ и проч., для показанія которыхъ разложены образчики минераловъ, каждый съ надписью или означеніемъ свойства, имъ выражаемаго. Тамъ же лежатъ инструменты, служащіе для опредѣленія свойствъ минераловъ. За общею частію Минералогіи слѣдуетъ частное систематическое изложеніе минераловъ и ископаемыхъ. Словомъ, расположеніе кабинета совершенно соотвѣтствуетъ систематическому книжному изложенію: каждый предметъ съ означеніемъ его имени, мѣсторожденія и проч., поставленъ на томъ мѣстѣ, которое занимаетъ онъ въ наукѣ, и потому учащійся не имѣетъ нужды опредѣлять представляющійся ему минералъ; ему остается только сличить списокъ (книгу) съ подлинникомъ и вглядѣться въ отличительныя черты или признаки минерала. Библіотека, лабораторія и амфитеатръ для лекцій примыкаютъ къ музею и дополняютъ необходимое для учащагося. Все зданіе раздѣлено со стороны, обращенной въ садъ, двумя предверіями на три части: въ срединѣ минералогическо-геологическая галлерея, одно крыло составляетъ ботаническая галлерея, другое библіотека; амфитеатръ и лабораторія выдаются со стороны противоположной, въ видѣ павильоновъ, примкнутыхъ къ главному зданію. Средняя галлерея, длиною во 100 метровъ, поддерживается 36 легкими колоннами; боковыя нефи ея, къ которымъ ведутъ 8 небольшихъ лѣстницъ, приподняты около $2\frac{1}{2}$ метровъ надъ средними; шкапы тѣхъ и другихъ вышиною не болѣе 2 метровъ и 30 центиметровъ, такъ, что все содержимое въ нихъ легко видѣть безъ помощи подставки;*

* Вотъ на что старые наши архитекторы прежде, заботясь преимущественно о *фасадѣ*, обращали мало вниманія на цѣлесообразное помѣщеніе предметовъ въ сооружаемыхъ зданіяхъ *Ред.*

Digitized by Google

освѣщается она сверху посредствомъ 9 квадратныхъ фонарей и 16 полукруглыхъ окошекъ главнаго фасада, на срединѣ котораго находится, кромѣ того, два большихъ окна, открывающихъ прекрасный видъ въ садъ, а противъ нихъ, по другую сторону галлереи, возвышается статуя *Кювье*, который держитъ въ лѣвой рукѣ прорытый до нѣкоторой глубины шаръ земной; на простѣнкахъ, отдѣляющихъ среднюю галлерею отъ предверій, нарисованы величественныя и достопримѣчательныя картины природы. Заключая все въ себѣ доселѣ открытое въ землѣ, минералогическо-геологическій кабинетъ есть прекрасный посредникъ между совершённымъ въ прошедшемъ и будущими успѣхами науки, и содержитъ всѣ средства, необходимыя при изученіи ея. Ясное и равномѣрное освѣщеніе сверху не утомляетъ зрѣнія и способствуетъ удобнѣйшему разсматриванію предметовъ; большія окна въ срединѣ представляютъ случай пріятнаго отдохновенія для взора, обращеннаго въ садъ; картины на простѣнкахъ дополняютъ общую картину галлереи, геній Кювье ободряетъ сотрудниковъ въ наукѣ на новые подвиги. Умалчиваемъ о подробностяхъ внутренняго расположенія и изящной простотѣ фасада, объ удобствахъ библіотеки, открытой для каждаго, желающаго заниматься въ ней, и пр. Галлерея ботаническая и другія части зданія совершенно гармонируютъ съ минералогическо-геологическою, и всѣ вмѣстѣ составляютъ прекрасное цѣлое, достойное подробнаго изученія для занимающихся устройствомъ музеевъ. Но это цѣлое есть только малая часть большаго цѣлаго — *Jardin des Plantes*. Находящіеся въ немъ живописно-разнообразные звѣринцы, зоологическій кабинетъ, кабинетъ сравнительной Анатоміи, собственно Ботаническій садъ съ богатѣйшими теплицами новѣйшаго устройства, съ особенными отдѣленіями для Ботаники прикладной, медицинской и технологической, не менѣе достойны вниманіе по своему расположенію, содержанію и той пользѣ, которую приносятъ они. Совершенно свободный для каждаго входъ въ музеи, открытыя нѣсколько разъ въ недѣлю, публичныя лекціи о всѣхъ предметахъ естествознанія и публичные уроки рисованья для занимающихся предметами

Digitized by Google

естественной исторіи доверяютъ достоинство и славу великаго храма просвѣщенія. Воздвигнутый въ теченіе вѣковъ трудами великихъ и безсмертныхъ мужей, онъ не остается мертвымъ памятникомъ: многочисленные служители его поддерживаютъ въ немъ безпрестанную жизнь; и онъ, сохраняя свой составъ, безпрерывно возрастаетъ, всегда открытый для многочисленныхъ посѣтителей, ежедневно, приходящихъ въ него утолять жажду познанія. Куда ни обратишься, повсюду движеніе и дѣятельность. Загляните, напримѣръ, въ музей зоологическій. Посмотрите, какое вниманіе обращаютъ просвѣщенные хранители его на едва замѣтное насѣкомое, стараясь не только охранить его личность, защищая отъ разрушительныхъ вліяній, но и заботясь о томъ, чтобы оно было совершенно доступно взору любопытнаго посѣтителя, чтобы ни одинъ усикъ, лапка и другіе почти микроскопическіе органы его не остались незамѣченными; чтобы достигнуть послѣдней цѣли еще вѣрнѣе, къ насѣкомому прибавляютъ рисунокъ, изображающій въ увеличенномъ видѣ, или отдѣльно, отличительные его признаки. Въ библіотекѣ, не смотря на глубокую тишину, присутствіе многихъ, прилежно занимающихся чтеніемъ и разсматриваніемъ рисунковъ, ясно свидѣтельствуетъ объ умственной ихъ дѣятельности. Въ теплицахъ и на открытомъ воздухѣ неусыпными попеченіями садовниковъ поддерживается вѣчно свѣжею жизнь растеній различныхъ климатовъ и странъ. Въ амфитеатрахъ многочисленные слушатели внимаютъ живому повѣствованію профессора о свойствахъ и значеніи безконечно разнообразныхъ земныхъ существъ и явленій. Наконецъ, если занятія въ музеяхъ, библіотекѣ, на лекціяхъ васъ утомили, ступайте посидѣть подъ тѣнью ливанскаго кедра, посаженнаго рукою славнаго *Жюсье*, прогуляйтесь по живописному лабиринту сада, по его прекраснымъ и тѣнистымъ аллеямъ, по дорожкамъ, вьющимся около звѣринцовъ. Повсюду мѣсто для отдохновенія, повсюду живая толпа любопытствующихъ, или только приходящихъ отдохнуть и освѣжиться въ этотъ дивный *Jardin des Plantes*, котораго всѣ ворота, ежедневно отво-

Digitized by Google

рены для каждаго. Наука, водворившись въ немъ, не чуждается жизни общественной, но сливается съ нею въ неразрывное цѣлое. И Ботанической садъ, будучи съ одной стороны выраженіемъ того совершенства, до котораго достигли естественныя науки, съ другой стороны есть великое орудіе, средство для настоящихъ и будущихъ успѣховъ ихъ, а черезъ нихъ — успѣховъ ближайшихъ къ нимъ наукъ и всеобщаго просвѣщенія.

II.

Гунтеръ, глубоко понимавшій важность всесторонняго знанія Анатоміи для Медицины, старался соединить въ своемъ музеѣ все, что относится къ изученію устройства животнаго организма, какъ въ здоровомъ, такъ и въ болѣзненномъ состояніи. Анатомической музей, называющійся его именемъ, обогащенный попеченіями преемниковъ его и общими стараніями Лондонской Хирургической коллегіи, представляетъ въ настоящее время одно изъ богатѣйшихъ и образцовое учебное пособіе для занимающихся Анатоміею, особенно сравнительною и патологическою. Богатые атласы, представляющіе изображенія достопримѣчательнѣйшихъ предметовъ музея, и частные каталоги, находящіеся въ нѣсколькихъ экземплярахъ при каждомъ систематическомъ отдѣленіи его, суть особенныя удобства для занимающихся. Анатомической музей въ *Guy-Hospital*, соревнующій въ богатствѣ и отдѣлкѣ препаратовъ Патологической Анатоміи съ Гунтеровскимъ, представляетъ въ сціентефическомъ и практическомъ отношеніи одну особенную и важную черту въ своемъ устройствѣ: кромѣ подробныхъ каталоговъ, въ немъ хранятся достопримѣчательныя исторіи тѣхъ больныхъ, въ которыхъ по смерти найдены содержащіеся въ немъ патологическіе препараты. Восковые препараты нормальной Анатоміи, составляющіе особенное отдѣленіе того же музея, по совершенству своей отдѣлки и близкому сходству съ природою, состязаются въ славѣ съ подобными препаратами музеевъ Флорентинскаго и Вѣнскаго.

Digitized by Google

Нужно ли говорить о важности и пользѣ собраній искусственныхъ восковыхъ препаратовъ? Представляя снимки съ природы, они служатъ вѣрнѣйшимъ вспомогательнымъ средствомъ при изученіи Анатоміи. Засушенныя, или хранимыя въ спиртѣ части человѣческаго тѣла не могутъ дать такого яснаго понятія о цвѣтѣ, объемѣ, положеніи и проч. различныхъ системъ и органовъ тѣла, какъ хорошіе искусственные препараты. То же должно сказать объ искусственныхъ препаратахъ *Озу*. Совершенствуя свои приготовленія для анатоміи тѣла человѣческаго, онъ распространилъ кругъ своей дѣятельности и на сравнительную Анатомію. Сложная анатомія улитки, піявки и проч., представленная въ гигантскихъ размѣрахъ, равно какъ отдѣльное представленіе системъ кровеносной, нервной и т. д. различныхъ классовъ животныхъ, суть драгоцѣнныя пособія для учащихъ и учащихся, устраняя многія трудности и сомнѣнія, неизбѣжныя при изученіи Анатоміи безъ яснаго показанія предметовъ, о которыхъ говорится. Съ какими затрудненіями соединено, напр., анатомированіе и показаніе строенія піявки! Сколько времени потребно, чтобы приготовить начисто ея желудочно-кишечный каналъ, кровеносную систему, органы дыханія и т. д. И послѣ многихъ усилій иногда удается представить съ нѣкоторою ясностію только ту или другую часть, между тѣмъ какъ прочія невидны, отдѣлены, или не ясно видны, порваны и т. п. Притомъ онѣ являются на лекціи передъ глазами учащатося не въ томъ видѣ, какъ въ минуту разсѣченія: цвѣтъ ихъ, округлость, взаимное отношеніе другъ къ другу измѣняются отъ держанія въ водѣ, воздуха, вытеченія содержимаго въ нихъ и множества другихъ условій. Но когда искусная рука анатомика раскрыла анатомическое строеніе животнаго, когда подмѣчены форма, цвѣтъ, расположеніе частей его; когда опытный рисовальщикъ уловилъ и передалъ бумагѣ все замѣченное; когда ловкій лѣпщикъ, руководствуясь рисунками и анатомическими препаратами, сформовалъ отдѣльные органы и части, и приладилъ ихъ одну къ другой соотвѣтственно естественному ихъ соотно-

Digitized by Google

шеніе; когда всѣ матеріалы готовы и сверены съ природою, когда, наконецъ, общими усиліями многихъ сложенъ анатомическій типъ животнаго и вылитъ въ соотвѣтствующую форму: тогда учащійся имѣетъ передъ собою и цѣлое, и всѣ подробности, переданныя ему согласно съ природою, можетъ ясно видѣть каждую часть въ ея естественной формѣ, полнотѣ, цвѣтѣ и взаимномъ отношеніи къ сосѣднимъ частямъ и цѣлому. Получивши такимъ образомъ ясное понятіе о строеніи даннаго типа животнаго, онъ безъ труда различитъ въ природѣ части тѣла того же животнаго и сходныхъ съ нимъ.

Если вышесказанное справедливо относительно Анатоміи нормальной; то тѣмъ важнѣе, кажется, искусственное представленіе болѣзненныхъ измѣненій, встрѣчаемыхъ въ животномъ организмѣ, которыхъ цвѣтъ и другіе признаки болѣе или менѣе измѣняются, или даже совершенно исчезаютъ отъ спирта и засушиванія. И потому нельзя не признать весьма важной заслуги *Тибера*, который занялся приготовленіемъ въ обширномъ объемѣ искусственныхъ патологическихъ препаратовъ, и неусыпною дѣятельностію довелъ его до настоящаго совершенства. Фабрикацію его можно сравнить съ книгопечатаніемъ, относительно пользы, которую она уже приноситъ, и безъ сомнѣнія, еще болѣе принесетъ впослѣдствіи, открывая возможность медицинскимъ школамъ и частнымъ лицамъ имѣть болѣе или менѣе полную библіотеку патологическихъ измѣненій различныхъ частей тѣла. Усовершенствовавши способы формованія и раскрашиванія, *Тиберъ* не ограничился Патологическою Анатоміею, но приложилъ, въ послѣднее время, свою фабрикацію къ Анатоміи Хирургической и въ особенности микроскопической, приготовляя видимое подъ микроскопомъ въ такомъ увеличенномъ объемѣ, что искусственные препараты можно видѣть на значительномъ разстояніи; наприм. сидящіе на лекціи слушатели могутъ ясно видѣть микроскопическое строеніе волоса, когда онъ находится въ рукахъ преподавателя, сидящаго на своемъ мѣстѣ. Такимъ образомъ микроскопическая

Digitized by Google

Анатомія становится доступнѣе для каждаго учащагося. Начинающій тѣмъ легче схватываетъ признаки даннаго предмета, чѣмъ онъ простѣе, яснѣе представляется. Извѣстно, что разсматриваніе предметовъ подъ микроскопомъ затрудняется отъ другихъ постороннихъ предметовъ, случайно попадающихъ на предлежащее поле зрѣнія, вслѣдствіе оптическихъ обмановъ и т. п. Напротивъ, искусственно представленный микроскопическій предметъ въ увеличенномъ видѣ чуждъ постороннихъ примѣсей, и ничто не возмущаетъ зрѣнія занимающагося имъ; а получивши однажды ясное понятіе о вещи, ее легко отличить, когда она окружена другими. Кромѣ упомянутыхъ и многихъ другихъ выгодъ, доставляемыхъ искусственными микроскопическими препаратами, ихъ ничѣмъ нельзя замѣнить въ музеяхъ, совершенство которыхъ требуетъ, чтобы все удободостижимое для зрѣнія находилось въ нихъ. Приложеніе Тиберовой фабрикаціи простерлось еще далѣе. Посѣщающіе его заведеніе и домашній музей удивляются пластическимъ картинамъ, представляющимъ группы птицъ, рыбъ, плодовъ и проч. Музеи Естественной исторіи вообще бѣдны собраніями рыбъ, не только относительно числа ихъ, сколько относительно ясности признаковъ, которой подвергаются высушенныя и хранимыя въ спиртѣ рыбы. Искусственныя рыбы и проч., безъ сомнѣнія, помогутъ этому и подобнымъ недостаткамъ музеевъ.

III.

Къ совершенствамъ современнаго преподаванія принадлежитъ болѣе и болѣе распространяющееся практическое направленіе его. На лекціяхъ Медицинской Химіи *Дюма* и *Орфилы* каждое основное положеніе, предлагаемое слушателямъ, подтверждается опытомъ, который для слушателя есть вѣрная порука за истину предлагаемаго ученія и единственное средство для наглядnаго познанія излагаемаго предмета; каждый слушатель, слѣдя за явленіями опыта, становится какъ бы участникомъ въ изслѣдованіяхъ, сообщаемыхъ профессоромъ. *Ришаръ*, являясь посреди группы растеній, поставленной

Digitized by Google

предъ многочисленнымъ собраніемъ учащихся, знакомитъ послѣднихъ съ безмолвными, но весьма ясно выраженными для зоркаго естествоиспытателя признаками первыхъ, и такимъ образомъ представляется живымъ посредникомъ между тѣми и другими, а не книгою, не простымъ повѣствователемъ объ отсутствующемъ, которое всегда, болѣе или менѣе, темно для начинающаго учиться. *Грентъ*, преподающій сравнительную Анатомію, кромѣ препаратовъ, безпрестанно указываетъ на рисунки, развѣшенные передъ глазами посѣтителей, и представляющіе въ увеличенномъ видѣ строеніе различныхъ органовъ животнаго организма, такъ что въ одно и то же время глазъ слушателя видитъ образъ предмета, а ухо слышитъ его имя и значеніе. *Эренбергъ*, говоря о строеніи и жизни наливочныхъ животныхъ, разоблачаетъ, при помощи микроскопа, передъ своими слушателями движеніе вещества по составу оныхъ, механизмъ питанія и другихъ отправленій, которыя сокрыты въ высшихъ животныхъ отъ пытливаго взора физіологовъ. *Жерди*, излагая исторію хирургическихъ болѣзней, показываетъ и болѣзненныя измѣненія, о которыхъ идетъ рѣчь.

Преподаваніе наукъ, которыя заимствуютъ большую часть фактовъ изъ другихъ наукъ, какъ напримѣръ Общей Патологіи, конечно можетъ быть только теоретическимъ. Но и самое теоретическое преподаваніе приближается къ практическому, когда профессоръ выводитъ положенія науки изъ подробнаго разсмотрѣнія вѣрныхъ фактовъ, когда его теорія есть безпрерывная цѣпь несомнѣнныхъ событій, расположенныхъ въ избранномъ имъ порядкѣ. *Андраль*, профессоръ Общей Патологіи, разсуждая о причинахъ болѣзней, напримѣръ о пищѣ, не ограничивается изложеніемъ отвлеченнаго понятія о вредѣ, могущемъ произойти отъ неправильнаго употребленія оной. Для него недостаточно сказать слушателямъ, что отъ недостатка пищи происходитъ слабость, истощеніе, уменьшеніе отдѣленій и, т. д. Нѣтъ, онъ пересматриваетъ всѣ системы и органы тѣла какъ съ матеріальной, такъ и съ динамической стороны; онъ проходитъ по

Digitized by Google

всему лабиринту организма, чтобы обозрѣть всѣ существующія въ немъ измѣненія, призывая на помощь наблюденія и опыты надъ животными. Такъ, онъ упоминаетъ, что у птицъ въ началѣ голода животная теплота то возвышается, то понижается, но по мѣрѣ истощенія тѣло охлаждается въ опредѣленной постепенности; что отъ безазотной пищи желчь животныхъ плотоядныхъ дѣлается сходною съ желчью животныхъ травоядныхъ; что когда животное истощается и умираетъ отъ голода, то масса крови, жира, селезенки, поджелудочной желѣзы, печени, мышицъ, сердца и пищеварительнаго канала, кожи, органовъ дыханія, костей уменьшается въ нисходящей постепенности, масса же нервовъ и мозга почти ничего не теряетъ. Подобнымъ образомъ разсматриваетъ онъ этіологическое отношеніе пищи ко всѣмъ органамъ и отправленіямъ. Такъ же поступаетъ онъ въ изложеніи всей Этіологіи, всей Общей Патологіи, стараясь представить слушателямъ возможно полную картину свѣдѣній, необходимыхъ для познанія общепатологическихъ законовъ или выводовъ. Такое-то фактическое, полное, подробное, отчетливое, математическое, иногда кажущееся даже мелочнымъ, обозрѣніе предмета ведетъ къ точному познанію патологическихъ законовъ. Какая мечтательная теорія могла бы довести до положительнаго знанія, что нервы и мозгъ вслѣдствіе голода теряютъ своей массы менѣе, нежели другіе органы? Выводы патологическіе, основанные непосредственно на наблюденіяхъ или фактахъ, можно назвать естественными, потому что они суть выраженіе, формула многихъ тождественныхъ явленій, разсѣянныхъ въ пространствѣ и времени. А естественныя формулы суть вмѣстѣ и самыя практическія, будучи съ одной стороны выраженіемъ дѣйствительно встрѣчающагося въ природѣ, а съ другой удобопонятными для каждаго занимающагося, удобопонятными по причинѣ своей очевидности.

Практическое достоинство преподаванія возвышается, когда преподаватель, излагая существенные факты данной науки, указываетъ на отношеніе ихъ къ ближайшемъ ей

Digitized by Google

другимъ наукамъ. *Бортъ*, въ практическихъ урокахъ своихъ Патологической Анатоміи, описавши болѣзненныя измѣненія, находимыя при вскрытіи умершихъ, упоминаетъ кратко о способѣ ихъ происхожденія, признакахъ или припадкахъ, которыми онѣ обнаруживаются во время жизни, и степени излечимости ихъ. Такія прибавленія возбуждаютъ и поддерживаютъ любознательность слушателя, раскрывая предъ нимъ прошедшую жизнь измѣненнаго органа; и онъ пріучается видѣть въ великой книгѣ природы не отдѣльныя слова или буквы, но вмѣстѣ связь и значеніе ихъ.

Велпо, обходя ввѣренную ему часть больницы, не оставляетъ безъ вниманія ни одной кровати; быстро удаляется отъ больныхъ, которыхъ болѣзнь уже опредѣлена и не представляетъ достойныхъ особеннаго замѣчанія явленій въ своемъ теченіи; пріостанавливается у другихъ достопримѣчательныхъ по важности болѣзни, особенныхъ припадковъ и леченія; опредѣляетъ короткими и мѣткими вопросами болѣзнь вновь поступившихъ, руководствуясь притомъ возможно-точнымъ, наглядпымъ и осязательнымъ изслѣдованіемъ. Кончивши обзоръ больныхъ и назначивши леченіе, онъ переходитъ въ аудиторію, гдѣ даетъ отчетъ о выходящихъ больныхъ, обращая вниманіе преимущественно на то, что они представляли особенно достопамятнаго: говоритъ о болѣзняхъ вновь поступившихъ; разсуждаетъ о замѣчательнѣйшихъ, какъ новыхъ, такъ и прежнихъ, больныхъ; въ заключеніе, если представляются случаи, совершаетъ операціи. Въ концѣ академическаго года онъ даетъ общій отчетъ о перебывавшихъ въ его клиникѣ больныхъ, о различныхъ болѣзняхъ и способахъ леченія. Словомъ, онъ можетъ быть образцомъ точнаго исполнителя больничныхъ обязанностей врача и клиническаго преподавателя.

Хотя преподаваніе принадлежитъ къ важнѣйшимъ средствамъ медицинскаго образованія, но для пріобрѣтенія полныхъ свѣдѣній и совершенствованія науки необходимы еще другіе пути. *Гиппократъ*, посвящая себя Медицинѣ, пересмотрѣлъ существовавшіе до него медицинскіе сборники, спи-

Digitized by Google

салъ исторіи болѣзней, цѣлѣвшихъ въ храмахъ Эскулапа и Аполлона, привелъ въ порядокъ существовавшія до него наблюденія; собравши наслѣдія, оставленныя предками, и воспользовавшись знаніями современниковъ, предался собственнымъ наблюденіямъ, и сдѣлался однимъ изъ величайшихъ и блюдателей и усовершенствователей Медицины. Путь его есть и въ настоящее время одно изъ главныхъ средствъ усовершенствованія оной. Новѣйшая Французская школа можетъ служить лучшимъ тому доказательствомъ. Изъ ней вышли: *Корвизаръ*, *Леннекъ*, *Дюпюитренъ*, *Лисфранкъ*, *Велпо* и множество другихъ врачей, обогатившихъ и обогащающихъ Медицину твореніями, которыя столь богаты своимъ содержаніемъ, разно бразіемъ, положительностію свѣдѣній, и проливаютъ новый свѣтъ на важнѣйшія части Патологіи, отличаются чрезвычайною точностію и подробностію въ наблюденіи, изученіи и разборѣ болѣзненныхъ явленій, чужды всякаго суждснія *a priori*, не признаютъ другихъ истинъ, кромѣ освященныхъ очевидностію и опытомъ. Въ Парижской Медицинской школѣ преподаваніе Хирургіи поручено семи ординарнымъ профессорамъ, изъ которыхъ два занимаются (поочередно, одинъ въ лѣтній, другой въ зимній семестръ) преподаваніемъ Теоретической Хирургіи, одинъ назначенъ для Оперативной Хирургіи, остальные четыре для Хирургической клиники. Число профессоровъ Общей и Частной Патологіи и Терапевтической клиники равняется числу профессоровъ Хирургіи. Нужно ли говорить, сколь полезно такое раздѣленіе труда и для науки, и для учащихся? Оно полезно для науки: потому что каждый профессоръ, побуждаемый благороднымъ соревнованіемъ, старается своимъ собственнымъ преподаваніемъ или возвыситься, или по крайней мѣрѣ быть въ уровнѣ съ современнымъ состояніемъ науки; каждый старается обогатить ее или новыми наблюденіями, или учеными изслѣдованіями, или новыми взглядами; каждый имѣетъ возможность заняться преимущественно тою или другою частію науки. Оно полезно для учащихся: потому что имъ предоставляются сред-

Digitized by Google

ства изучать Медицину подъ руководствомъ многихъ учителей, разсматривающихъ науку болѣе или менѣе съ различныхъ сторонъ. Къ благопріятнымъ для успѣховъ Медицины событіямъ причислить должно и то, что большая часть профессоровъ Медицинской школы служатъ еще въ больницахъ, въ которыхъ каждый дѣйствуетъ самостоятельно въ своемъ отдѣленіи и имѣетъ случай дѣлать наблюденія, направленныя преимущественно къ развитію истинъ той науки, которую преподаетъ онъ. Столь важное сочетаніе практической дѣятельности съ ученою относится не только къ профессорамъ, но и ко многимъ врачамъ, служащимъ и неслужащимъ въ больницахъ, которые не ограничиваются пріобрѣтенными въ школѣ свѣдѣніями, не ходятъ вѣчно по одному и тому же пути, но подвергаютъ критическому изслѣдованію существующія ученія, предпринимаютъ ряды собственныхъ и новыхъ наблюденій. Кромѣ того, нѣкоторые изъ нихъ занимаются еще свободнымъ клиническимъ преподаваніемъ, т. е. не по обязанностямъ службы, но по желанію ознакомить посѣтителей больницы съ тѣмъ, въ чемъ они убѣдились посредствомъ прилежнаго изученія, наблюденія и опыта.

В. Басовъ.

Вѣна.
Іюль, 1846 года.

Digitized by Google

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, тома II отдѣленія II и III (съ XI литографированными листами). Одесса, въ Городской типографіи, 1850, въ 4 д. л.*

Нельзя не признать вполнѣ счастливою мыслью, учрежденіе ученаго Общества на самой, такъ сказать, исторической почвѣ, предлежащей его разработкѣ. Это оправдываетъ Общество Исторіи и Древностей, основанное 1839 года въ Одессѣ и ограничившее кругъ своихъ дѣйствій Крымомъ, всѣмъ Новороссійскимъ краемъ и вообще южными странами Россіи. Оно въ двѣнадцати-лѣтнее существованіе, кромѣ выполненія многихъ частныхъ предпріятій и порученій, впрочемъ нечуждыхъ его цѣли, ознаменовало уже дѣятельность свою изданіемъ въ свѣтъ «Записокъ», составляющихъ два большіе тома въ 4 д. л.: первый въ 83½ печатныхъ листа, съ картою и XIV литографированными изображеніями большаго формата, второй во 108 листовъ и съ XXIII литографированныхъ картъ, плановъ и разныхъ достопамятностей, такого же формата. Почти ни одна статья не уклоняется отъ цѣли, принятой Обществомъ, и многія имѣютъ большое достоинство.** Ограничимся на этотъ разъ только

---

* Мы продолжаемъ разбирать прошлогодніе книги, за неимѣніемъ новыхъ. *Ред.*

** Быстрые и утѣшительные успѣхи Одесскаго Общества, производятъ желаніе, чтобы подобныя общества возникли и въ другихъ странахъ безпредѣльнаго нашего отечества, и чтобы мы на первой разъ увидѣли Историческое общество, хотя въ Сибири, богатой не возлѣланными еще, или, можно сказать, нѣмыми памятниками древности, равно какъ и любознательными людьми, посвятившими себя на службу въ этомъ отдаленномъ краю, сколько изъ присвоенныхъ ей Правительствомъ особенныхъ выгодъ, столько же и изъ желанія познакомиться съ нашимъ Перу. Общество могло бъ быть водворено въ Красноярскѣ Енисейской губерніи, по центральному положенію этого города въ Сибири и особенному изобилію тамошняго края памятниками древности и другими предметами для любознательности ученыхъ.

Digitized by Google

статьями, помѣщенными въ вышедшемъ нынѣ второмъ и третьемъ отдѣленіи втораго тома «Записокъ» и краткими замѣтками въ отношеніи къ нѣкоторымъ изъ нихъ.*

Второе отдѣленіе содержитъ въ себѣ:

I. *Памятники вещественные (монументальные).*

1) Эллинскіе памятники, найденные въ Новороссійскомъ краѣ, Ч. О. О. Мурзакевича.

Въ этой статьѣ авторъ представляетъ двѣ древнія Греческія надписи, съ переводомъ и поясненіемъ: одну, открытую на пепелищѣ Ольвіи, изсѣченную на мраморной плитѣ и свидѣтельствующую о торговыхъ отношеніяхъ Ольвіи съ Месиврійскимъ портомъ, существующимъ донынѣ на западномъ берегу Чернаго моря, по близости Варны; другую, бывшую на подножіи изъ бѣлаго известковаго камня, подъ статуей Ахиллеса, добытомъ изъ почвы острова Левки; сверхъ того помѣщаетъ онъ рядъ Греческихъ надписей, списанныхъ съ глиняныхъ издѣлій, найденныхъ въ первомъ мѣстѣ, равно свѣдѣнія о монетахъ и прочихъ вещахъ, пріобрѣтенныхъ въ послѣднемъ. Изъ всѣхъ этихъ любопытныхъ предметовъ, наиболѣе обращаютъ вниманіе надписи на глиняныхъ, издѣліяхъ, которыя, при всей краткости своей, могутъ иногда послужить къ какимъ-нибудь выводамъ для досужихъ археологовъ, хотя самъ авторъ и не придаетъ имъ другаго значенія, кромѣ того, что «онѣ указываютъ на существовавшій въ древности обычай, по которому мастера глиняныхъ вещей, особенно амфоръ и статуетокъ, должны были къ нимъ прикладывать клейма, въ которомъ изъясняли имя астинома, начальствовавшаго въ то время надъ городомъ, когда издѣліе совершено, и означали свое

---

* Общество, при избыткѣ въ его «Запискахъ» полезныхъ свѣдѣній, обогащенныхъ множествомъ рисунковъ и древнихъ надписей, не упустило также изъ вида и бо́льшаго ихъ распространенія между соотечественниками, назначивъ цѣну этому изданію самую умѣренную, именно: первому тому 3 р. сер., и на пересылку за 5 фунтовъ, (второму также) которая, судя по здѣшнимъ цѣнамъ, едва ли могла покрыть собственныя его издержки, хотя и обезпеченныя ежегоднымъ отъ Правительства Обществу пособіемъ до 1428 р. сер.

Digitized by Google

ния» (стр. 412). Между тѣмъ слова на издѣліяхъ *ΘΑΣΙ*, *ΘΑΣΙΟΝ* (островъ Оазисъ), *ΚΕΡΚΙΝΩΣ* (городъ Керкинитъ), *ΘΕΥΔΩ*.... (городъ Ѳевдосія или Ѳеодосія) и многія другія, по видимому намекаютъ и на самыя мѣста, гдѣ произведены были издѣлія, или откуда вывезены въ нихъ какія-либо жидкости, какъ это было уже и прежде замѣчено, что слово *ΘΑΣΙ* на ручкахъ амфоръ, найденныхъ въ Керченскомъ Кульобскомъ курганѣ и во многихъ другихъ могилахъ, означало именно храненіе въ нихъ Ѳазійскаго вина, бывшаго тамъ въ большомъ употребленіи.

2) Тирасъ и Тириты, Д. Ч. Беккера.

3) Римскій барельефъ, извѣстный подъ именемъ образа Св. Георгія, въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ, Д. Ч. Снегирева.

4) Аккерманскія Греческія надписи, Ч. О. Мурзакевича.

5) Килійская церковь Св. Николая и ея достопамятности, его же.

Первыя три статьи, какъ основанныя на ипотезахъ, для окончательнаго разрѣшенія представляемыхъ ими вопросовъ, требуютъ еще новыхъ вспомогательныхъ ипотезъ (hypotheses subsidiaria); достопамятности, описанныя въ послѣдней статьѣ, имѣютъ важность относительную и не восходятъ далѣе начала XVII вѣка. Статья И. М. Снегирева о Римскомъ барельефѣ, въ особенности интересна, и по предмету своему и по воззрѣнію на него достопочтеннѣйшаго автора. Онъ не согласенъ съ общимъ мнѣніемъ, чтобы на этомъ барельефѣ изображенъ былъ Св. Георгій, умерщвляющій дракона, готоваго пожрать обреченную ему въ жертву дѣву; но Константинъ Великій, гдѣ драконъ или змѣй означаетъ врага Христіанъ Максентія, а дѣва самый Римъ или Св. церковь. Поводомъ къ такому мнѣнію послужили для него: во-первыхъ, Латинская надпись, изображенная на прикрѣпленной надъ барельефомъ каменной плитѣ, гдѣ говорится о воздвигнутыхъ Константину Великому тріумфальныхъ вратахъ, какъ защитнику Рима отъ тирана; во-вторыхъ, недостатокъ на барельефѣ имени Св. Георгія и вѣнца (nimbi) вокругъ его главы, съ какимъ обыкновенно изображается; въ-третьихъ, древность ба-

Digitized by Google

рельефа, относимая имъ, по безвкусію и грубости отработки, къ вѣку Константина Великаго, т. е. къ первой половинѣ IV вѣка по Р. Х.

Но всѣ эти выводы сомнительны, и вотъ по какимъ причинамъ: пропуски и грубыя погрѣшности въ снимкѣ надписи съ тріумфальныхъ воротъ Константина Великаго, противъ помѣщенной на изображеніи тѣхъ воротъ и особо въ Descrizione de Roma antica e moderna, 1745, T. II, p. 402, замѣченныя и самимъ авторомъ, слѣдуя Антонію Августину, Нордини, Гревію и Нибби (съ невѣрнымъ указаніемъ на изданіе приведенныхъ имъ книгъ въ 1879, вмѣсто 1679 года), но не исправленныя, отъ чего и приложенный имъ переводъ вышелъ не совсѣмъ точенъ, на пр. вмѣсто Pio Felici, какъ на воротахъ и на многихъ Константиновыхъ монетахъ, онъ принялъ Putri Patriae, а вмѣсто *ARCVM TRIVMPHIS INSIGNEM*, *ARCUM TRIMPHIS INSINE* и т. д., — очевидно доказываютъ малограматную новизну списка, прикрѣпленнаго, можетъ быть, къ барельефу, болѣе для воротъ, на которыхъ онъ стоялъ, по заключающимся въ надписи словамъ «Arcum triumphis», чѣмъ для него самаго, и по узнаніи полнаго смысла надписи, не соотвѣтственнаго занимаемому ею мѣсту, или и по упраздненіи бывшей при воротахъ церкви Св. Георгія — этотъ барельефъ съ надписью былъ снятъ и перенесенъ на другое мѣсто; недостатокъ имени всадника и вѣнца вокругъ его главы, столько же, какъ къ Св. Великомученику Георгію, могутъ быть примѣнены и къ изображенію Св. Равноапостольнаго Константина, между тѣмъ какъ въ конной статуѣ (ibidem T. 1 p. 39) и на 25 монетахъ (Begeri Thesaurus Numismatum, Romanorum, p. 800—805 видимъ мы этого Императора съ другими чертами и въ иномъ одѣяніи; впрочемъ оба изображаются иногда почти и одинаково: Nec multum dispar est ejusdem (S. Georgii) figura, quam habet Constantini cujusdam sigillum, in quo stans habitu militaris conspicitur, dextrâ spiculum tenens, sinistrâ clypeo cruce insignito.... Hofmanni Lexicon Universale T. II, p. 378; представленный на барельефѣ всадникъ отъ шлема до шпоръ, какъ кажется, обнаруживаетъ новѣйшее произведеніе самаго барельефа. Употребленіи стремянъ и шпоръ не видимъ мы не только на памятникахъ IV вѣка, къ которому авторъ

Digitized by Google

статьи относитъ барельефъ, но и гораздо позднѣйшаго времени. Этого же мнѣнія держался и самъ авторъ статьи въ первомъ своемъ извѣстіи о барельефѣ въ «Памятникахъ Московской древности», 1842—45, стр. 18. Вотъ его слова: «Стиль памятника, показывающій упадокъ ваянія, принадлежитъ къ *среднимъ вѣкамъ*; всадникъ въ окриленномъ шлемѣ на головѣ, въ досчатой бронѣ съ приволокою на раменахъ, съ набедренниками и наколѣнниками, съ острогами на полусапожкахъ; онъ сидитъ на сѣдлѣ и въ стременахъ, изъ коихъ первое сдѣлалось извѣстнымъ съ Константина Великаго, а послѣднія со времени перваго нашествія Франковъ» (т. е. на Италію въ 539 г.; отнуда же то и другое свѣдѣніе заимствовано ?).

Наконецъ должно замѣтить, что аллегорическое значеніе, приписываемое авторомъ изображенному на барельефѣ Константину Великому, присвоиваемо было также и Св. Георгію, а еще сильнѣе отвергаемо:

Georgius Cappudox, Trib Mil. sub Diocletiano, qui maximam serpentem peremit, liberata puellâ, quae eidem in praedam devota fuerat. Theologi nonnulli existimant, fictitium esse nomen, sub qua Vet. Christi Ecclesiam a satanae tyrannide liberantis imaginem et passionis meritum proposuerunt. Caeterum, veram hanc fuisse historiam multis argumentis probatum.... Ibidem p. 382.

6) Бахчесарайскія Арабскія и Турецкія надписи, Гг. Негры, Борзенко, Домантовскаго и Кузьмина.

Сообщеніемъ этихъ надписей въ вѣрныхъ спискахъ и съ близкими переводами, Общество оказало большую услугу какъ оріенталистамъ, такъ и историкамъ въ особенности, которые примутъ на себя трудъ, привести въ ясность исторію Крымскихъ хановъ, доселѣ темную и запутанную, не смотря на тѣсную ея связь съ Русскою Исторіею. Не менѣе пріобрѣло оно права и на общую благодарность нашу, которую могло бы развѣ усугубить только то, если бы Общество, согласно письму старѣйшины оріенталистовъ, какъ выражено въ этой статьѣ, Х. Д. Френа, включенному тутъ же во Французскомъ подлинникѣ, подарило насъ еще и замѣчаніями историческими, географическими и филологическими относительно надписей, равно рисунками нѣкоторыхъ надгробныхъ и другихъ Бахчесарайскихъ памятни-

Digitized by Google

ковъ, также подлинными снимками съ надписей для пользы палеографіи. Но на первой разъ довольно и того, что имъ совершено, и что такъ много обѣщаетъ отъ его дѣятельности въ будущемъ.

7. Эски-Крымская Арабская надпись, Ч. О. Мурзакевича.

Въ этой статьѣ сообщена выписка изъ Гаммера (Geschichte der Holdenen Horde in Kiptschak etc.), почти тождественная съ Дегинемъ (Histoire generale der Huns etc.), о прежнемъ состояніи Эски-Крыма, о нынѣшнемъ же сказано не болѣе четырехъ словъ, именно: «Эски-Крымъ теперь маленькое и ничтожное мѣстечко»; а о мечети, гдѣ находится надпись, только слѣдующее: «изложенная надпись означаетъ годъ построенія Крымской мечети въ 1313 году; слѣдовательно, это, можетъ быть, первая Мусульманская мечеть въ Крымскомъ полуостровѣ. Обстоятельство замѣчательное!» Между тѣмъ о томъ и другомъ предметѣ нашлось бы многое что поговорить. Ограничимся только мечетью. Въ приведенной авторомъ статьи выпискѣ, упоминается, что «Бибарсъ (султанъ Египетскій), урожденецъ Кипчакскій, другъ и союзникъ Берке-хана, воздвигъ тамъ (въ Эски-Крымѣ) мечеть и гостиный дворъ, стѣны которыхъ были изъ мрамора и бѣлаго (?) порфира»; по Дегиню же: «Рожденный въ Кипчакѣ султанъ Бибарсъ, государь Египта, желая увѣковѣчить свое имя и прославить мѣсто своего рожденія, съ дозволенія хана Кипчакскаго, построилъ въ Крыму великолѣпную мечеть, которой стѣны были покрыты мраморомъ, а верхъ порфиромъ». Если Берке или Беркай, ханъ Золотой орды, сынъ Джучи-хана и братъ Батыя, умершій въ концѣ XIII вѣка, былъ современникомъ Бибарса, о которомъ говоритъ и Дегинь подъ 1266 годомъ; то должно заключить, что и эта существующая донынѣ въ Эски или Старомъ Крыму мечеть, не есть «первая на Крымскомъ полуостровѣ.» Она находится при въѣздѣ въ Старый Крымъ съ сѣверной стороны, и въ самомъ запустѣніи своемъ, вмѣстѣ съ минаретомъ, представляетъ еще много замѣчательнаго. Ведущая въ нее дверь, хотя новой топорной работы, но окружена красивыми арабесками, съ остающеюся мѣстами позолотою; надъ нею же хорошо со-

Digitized by Google

хранились двѣ Арабскія надписи, одна надъ другою, къ которымъ принадлежитъ и нынѣ сообщенная. Внутренность мечети образуетъ параллелограмъ, а верхъ прочный сводъ, поддерживаемый столбами, по три съ каждой стороны. Горнее мѣсто (макберъ) окружено такими же арабесками и надписями, повидимому изъ Корана, какъ и дверь. Все это, равно какъ и другія достопамятности Стараго Крыма, любопытно бы видѣть въ подробнѣйшемъ описаніи и на рисункахъ, что можетъ быть, хотя отчасти, скоро и осуществится, въ ожиданіи, что общество не оставитъ и съ своей стороны обратитъ просвѣщеннаго вниманія на всѣ эти предметы, непосредственно относящіеся къ его цѣли, какое оказало уже къ Бахчесарайскимъ надписямъ и многимъ другимъ памятнымъ въ Крыму.

8) О городищахъ въ земляхъ Славянскихъ, преимущественно западныхъ, Д. Ч. Срезневскаго.

9) Примѣчательнѣйшіе курганы Бессарабской области въ Бендерскомъ уѣздѣ, Г. Оловсона.

10) Слѣды лагеря Карла XII, возлѣ Бендеръ, у селенія Варницы, Д. Ч. Бруна.

Всѣ эти статьи не безъ достоинства, но болѣе прочихъ обращаетъ на себя вниманіе «О городищахъ», хотя она, по отношенію ея непосредственно къ Западно-Славянскимъ землямъ и не входитъ въ предѣлы, предназначенные Обществомъ для его наблюденій. Уклоненіе это, впрочемъ, отъ принятаго имъ правила, оправдывается отчасти самою занимательностію статьи, а еще болѣе тѣмъ, что въ Новороссійскомъ краю множество подобныхъ, или можно сказать, родствующихъ съ этими городищъ, при изслѣдованіи которыхъ замѣчанія автора могутъ быть также иногда пригодны. Доселѣ неудовлетворительный успѣхъ въ изслѣдованіи Западно-Славянскихъ городищъ, при обращеніи на нихъ болѣе полвѣка вниманія ученыхъ, авторъ статьи приписываетъ въ особенности тому, что «наблюдатели не столько заботились о полнотѣ наблюденій, сколько объ отвѣтахъ на свои личные вопросы; выводы слишкомъ поспѣшно слѣдовали за наблюденіями, такъ что нѣтъ до сихъ

Digitized by Google

поръ ни одного городища, которое было бы изслѣдовано и описано совершенно удовлетворительно, нѣтъ и ни одного вывода, который бы не былъ основанъ болѣе всего на предположеніяхъ и догадкахъ.» Это замѣчаніе можно также примѣнить и ко многимъ другимъ изслѣдованіямъ. Авторъ довольно *эксцентрично*, какъ выражаются юные наши литераторы, изобразилъ простоту рисунка городищъ, представя тринадцать изъ нихъ ломаными линіями, изъ перваго слова въ заглавіи статьи, такъ что всякая изъ этихъ линій, по словамъ его, составляетъ полный чертежъ какого-нибудь городища. Этими новаго рода гіероглифами оканчиваемъ и мы нашу замѣтку, потому что для изслѣдованія всѣхъ выводовъ автора, требуются такія же мѣстныя свѣдѣнія, какія онъ обнаруживаетъ въ своей статьѣ.

II. Документы и Акты.

1) Молдо (даво) — Влахійскія граматы, хранящіяся въ Бессарабіи, Ч. О. Мурзакевича.

2) Списокъ съ Статейнаго списка посланниковъ стольника Василья Михайлова Тяпкина и дьяка Никиты Зотова, къ Крымскому хану Мурадъ-Гирею, въ 1681 году; изъ библіотеки Князя М. С. Воронцова, сообщенъ Ч. О. Мурзакевичемъ.*

3) Высочайшіе рескрипты Екатерины II Екатеринославскимъ гражданскимъ губернаторамъ, изъ Екатеринославскаго губернскаго архива.

4) Ордера Князя Потемкина Таврическаго, по случаю второй Турецкой войны, въ царствованіе Екатерины II, изъ Черноморскаго архива.**

5) Ярлыки Крымскихъ хановъ, изъ канцеляріи Новороссійскаго и Бессарабскаго Генералъ-Губернатора.

6) Фирманъ Турецкаго Султана Мустафы, Митрополиту Гедеону на Крымскую епархію, изъ Московскаго Архива Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, переводъ Д. Ч. Негри.

---

* Разобранъ въ Москвитянинѣ 1850 года.

** Вотъ въ этихъ документахъ слышна жизнь, и мы съ своей стороны обращаемъ вниманіе на эти драгоцѣнные матеріалы для біографіи Потемкина, который у насъ до сихъ поръ неоцѣненъ. *М. П.*

Digitized by Google

Предъидущія статьи составляютъ также матеріалы которые важны и любопытны, по мѣрѣ отношенія ихъ къ исторіи Новороссійскаго края; важность ихъ могла бы увеличиться, чрезъ пріобщеніе къ нимъ большихъ поясненій о нѣкоторыхъ предметахъ, что въ особенности можно отнести къ «Статейному списку», въ которомъ, кромѣ описанія дороги въ Крымъ со всѣми ея тогдашними неудобствами, современнаго быта Крымскихъ хановъ и Запорожской сѣчи казаковъ, равно козней Крымцевъ противъ посланниковъ, переносимыхъ ими съ примѣрною твердостію и достоинствомъ,—встрѣчаются предметы, требующіе особеннаго поясненія, какъ-то на пр. бусурманскія каменныя капища и развалины зданій, существовавшія на Конскихъ и Овечьихъ водахъ, отъ временъ Мамая (стр. 573 и 574); что такое: измытися въ гамонѣ (стр. 577)? о пребываніи въ плѣну у Крымцевъ боярина Василья Борисовича Шереметева (стр. 587 и слѣд.) — по какому случаю онъ въ немъ находился и когда освобожденъ? Что за городокъ Шанъ-кермень и близъ него другой на Конской косѣ съ башнями, устроенные «самымъ разумнымъ инженерскимъ строеніемъ» (стр. 645) и т. д.

III. Повѣствованія и сказанія.

1) Сказаніе священника Іакова, сообщено Д. Ч. Кн. Оболенскимъ.

2) Девиръ-Сефаваимъ, переводъ съ Еврейскаго Иліи Финкеля.

Обѣ статьи довольно любопытны, но требуютъ критической повѣрки и очистки, прежде принятія ихъ въ число историческихъ фактовъ.

IV. Современная библіографія.

Разсмотрѣно пять книгъ, изданныхъ на Русскомъ и иностранныхъ языкахъ 1844—1848 г., и атласъ Чернаго моря, напечатанный 1841 г. при Географическомъ Черноморскомъ депо: Ч. О. Мурзакевичемъ, Д. Ч. Бруномъ и Корресп. Шевелевымъ.

V. Занятія общества по порученію Правительства.

Записки о содержаніи старыхъ письменныхъ актовъ Новороссійскаго края, подписали: Гг. Негри, Соколовъ, Михневичъ, Ляликовъ и Шевелевъ.

Digitized by Google

Въ третьемъ отдѣленіи Записокъ помѣщены:

I. Лѣтопись Общества.

1) Обзоръ дѣйствій Общества съ 14 го Ноября 1843 по 14-е Ноября 1849 года, Д. Ч. Ляликова.

2) Некрологи: Димитрія Сулимы, Архіепископа Кишеневскаго и Хотинскаго, Ч. О. Мурзакевича; Спиридона Юрьевича Дестуниса, Д. Ч. Палеолога.

II. Корреспонденція.

1) О Бессарабіи и ея древнихъ крѣпостяхъ, Корресп. Стамати.

2) Археологическія разысканія въ Керчи, Корресп. Бларамберга.

3) О каменныхъ бабахъ, Корресп. Флоренсова.

Странная судьба этихъ каменныхъ статуй, называемыхъ «бабами». Сколько онѣ сходны между собою, столько же различны о нихъ предположенія. Не приводя доказательствъ тому, погребенныхъ во множествѣ книгъ, упомянемъ хотя о томъ, что находимъ по этому предмету въ самыхъ «Запискахъ» Одесскаго Общества. Въ статьѣ «Днѣпровскіе курганы» (Т. II. стр. 593 и 594) сказано между прочимъ: «Дѣйствительно ли были (оставившіе намъ свои курганы) Команы (Половцы) или другой какой народъ, во всякомъ случаѣ онъ былъ не чуждъ обитавшему нѣкогда въ степяхъ и горныхъ долинахъ южной Сибири: ибо точно такіе же курганы и съ такими же статуями существуютъ во множествѣ и въ этой странѣ.... Замѣчательно, что Сибирскіе могильные камни, или истуканы, изсѣчены еще съ меньшимъ искуствомъ, чѣмъ стоящіе на курганахъ въ степяхъ Днѣпровскихъ и близъ Азовскаго моря, и что всего удивительнѣе, представляютъ чаще изображенія мужчинъ, нежели женщинъ, между тѣмъ, какъ здѣсь бываетъ это наоборотъ, отчего, можетъ быть, и самые истуканы получили названіе «каменныхъ бабъ». Впрочемъ, въ томъ и другомъ мѣстѣ, черты лица, одежда и самый *сосудъ*, почти всегда придаваемый въ руки истуканамъ, показываютъ Монгольское (или по крайней мѣрѣ Ламайское) ихъ происхожденіе, гдѣ жертвенная чашка есть обыкно-

Digitized by Google

венная принадлежность бурхановъ (божковъ). Напротивъ того, въ одной прекрасно-изложенной статьѣ о памятникахъ нѣкоторыхъ народовъ варварскихъ, издревле обитавшихъ въ нынѣшнемъ Новороссійскомъ краѣ, вотъ какое предлагается мнѣніе (Т. II. отд. 1, стр. 40 и 41): «У нашихъ каменныхъ бабъ, представляемыхъ иногда нагими, а иногда одѣтыми, видимъ мы тоже положеніе рукъ, держащихъ *кубокъ*, тоже рѣзкое выраженіе грудей (какъ у нимфъ). Онѣ отличаются отъ нимфъ только (?) одеждою, состоящею въ какихъ-то тюникахъ и полукафтаньяхъ, да особеннымъ уборомъ головы; но это различіе могло произойти у варваровъ, отъ ихъ понятія о красотѣ нарядовъ.... Короче, аналогія между тѣми и другими изображеніями такъ велика, что невольно рождается мысль, не суть ли наши каменныя бабы—Греческія нимфы, перешедшія къ народамъ варварскимъ въ видѣ предметовъ обожанія?» Наконецъ въ статьѣ подавшей поводъ къ нашей замѣткѣ и особливо въ P. S. къ ней сказано: «Признавъ за истину свидѣтельство Рубруквиса (повтореннаго и въ первой статьѣ), что эти статуи суть надгробные памятники Кумановъ или Половцевъ, народа кочевавшаго долгое время въ этихъ степяхъ (Новороссійскаго края), можно почти утвердительно сказать что онѣ держутъ въ рукахъ вовсе не сосудъ, а просто свернутый *платокъ*. Эти статуи изображаютъ людей обоего пола (?) и всѣхъ возрастовъ.... но въ одинаковомъ полусидячемъ положеніи, которое ясно изображаетъ мертвеца. И такъ эти статуи не что иное, какъ портреты или образы умершихъ, можетъ быть, главныхъ лицъ улусовъ (а онѣ между тѣмъ большею частію женскія), и держутъ не кружку, а полотенце или ручникъ....»

Удивительно, какъ оба автора, видавшіе, безъ сомнѣнія, въ подлинникѣ каменныхъ бабъ, даже хотя въ сообщенныхъ при первомъ томѣ Записокъ Одесскаго Общества многихъ рисункахъ, могли усвоить такія мнѣнія, чтобы это были Греческія нимфы, или что всѣ находятся въ сидячемъ положеніи и съ платкомъ или полотенцемъ въ рукахъ? Всего бы кажется лучше разрыть одинъ или нѣсколько кургановъ, на которыхъ стояли или стоятъ еще эти загадочныя статуи: не откроется ли тутъ чего-нибудь къ удовлетворительнѣйшему разрѣшенію о нихъ вопросовъ?

Digitized by Google

4) Запорожская старина, Д. Ч. Вертильяка.

Изъ представленныхъ въ самомъ заглавіи статьи трехъ очерковъ могильныхъ памятниковъ, первый съ невѣрною надписью, въ которой пропущено въ началѣ при мѣсяцѣ число В, а въ концѣ три строки, заключающія въ себѣ по видимому, при неясности нѣкоторыхъ буквъ, имя современнаго Царя Ѳеодора Алексѣевича:

ЗА.... ПВѲЕОДОРА
АЛ....ВИЧА. ПАМЯТЬ ПРА —
ВЕДНАГО СОПОХВАЛАМИ.

Сверхъ того памятникъ показанъ авторомъ статьи на кладбищѣ при селѣ Покровскомъ, между тѣмъ какъ находится въ 7 верстахъ оттуда при д. Капуловкѣ, вмѣстѣ съ крестомъ подъ N 9, вѣрно обозначеннымъ, кромѣ нѣкоторыхъ буквъ надписи; здѣсь была и Старая Запорожская Сѣча. Этотъ убогій памятникъ знаменитому Сѣрко, имѣющій въ вышину 1 арш. 7 верш. и поставленный на насыпи, въ видѣ кургана, въ 5 арш. высотою, надъ его гробомъ, отдѣльно и далѣе другихъ, потому что Сѣрко завѣщалъ:

Кто ляже наровнѣ то мой ще братъ,
А кто напередъ мнѣ, то тотъ проклятъ —

доказываетъ, что этотъ кошевой атаманъ умеръ 1680 года Мая 2, а не 1 Августа, какъ сказано въ Исторіи Малой Россіи Бантышъ-Каменскаго, и что онъ не могъ уже быть въ Вѣнскомъ походѣ съ Поляками въ 1684 году, какъ утверждалъ Энгель. Желающіе могутъ познакомиться съ любопытными подробностями жизни Сѣрко изъ II тома сказанной Исторіи Малой Россіи, гдѣ на заглавномъ листѣ 1 тома помѣщено и его лицеизображеніе.

5) Надписи въ Екатеринодарскомъ соборѣ Черноморскихъ козаковъ, Ч. О. Мурзакевича.

6) Укрѣпленія Запорожскихъ козаковъ въ г. Александріи и Александрійскомъ уѣздѣ, г. Бубліева.

7) Ново-Московскій Свято-Троицкій соборъ, протоіерея Оранскаго.

8) Путевыя замѣтки въ проѣздъ нѣкоторыхъ уѣздовъ (?) Херсонской и Екатеринославской губерній, Д. Ч. Ляликова.

Digitized by Google

Эти «Путевыя замѣтки», судя по мѣстностямъ, имъ обнимаемымъ, могли бъ быть очень занимательны. Автора извиняетъ, по словамъ его, «поспѣшность, которая требовалась должностнымъ назначеніемъ.» Не воспользовался онъ также случаемъ и для описанія всѣхъ бывшихъ у него передъ глазами достопамятностей. Такимъ образомъ, при описаніи древностей, сохранившихся въ Никопольской церкви, отъ временъ Запорожцевъ, онъ не замѣтилъ, или оставилъ неописаннымъ, значущійся въ описи, составленной покойнымъ любознательнымъ протоіереемъ той церкви Григоріемъ Кремянскимъ въ Октябрѣ 1836 г., и безъ сомнѣнія, донынѣ тамъ находящійся кипарисный крестъ, съ частію древа животворящаго креста, залитой мастикою, вдѣланный въ серебряную кругловатую доску вышиною въ $12\frac{1}{3}$, шириною въ $10\frac{1}{2}$ вершковъ, вѣсомъ въ 8 ф. 76 золот., обложенную серебянымъ же съ позолотою карнизомъ, съ вычеканенными на ней съ обѣихъ сторонъ ликами и слѣдующею надписью: «Сія таблица до храма Пресвятые Богородицы сооружена коштомъ всего войска Запорожскаго и стараніемъ ктитора Павла, за атамана кошеваго Павла Козицкаго, 1747 года Октября 2 дня.» Самый крестъ, по преданію, присланъ изъ Іерусалима кошевому, но какому не извѣстно. Много тамъ и другихъ достопримѣчательностей, хотя и меньшей важности, но о которыхъ автору «Путевыхъ замѣтокъ» неизлишне былобъ упомянуть; мы же въ, избѣжаніе бо́льшаго увеличенія нашихъ краткихъ замѣтокъ, отлагаемъ эти свѣдѣнія, какъ и многія другія, до удобнѣйшаго времени — nondum est maturitas hoc faciendi.

III. Извѣстія.

1) Инструментъ разграниченія земель между Россіею и Портою въ 1742 году.

2) Реляція отъ 24 Сентября 1761 года о заложеніи новой крѣпости Св. Димитрія Ростовскаго.

3) Монеты, отъисканныя на островѣ Фидониси.

4) Достопримѣчательные рисунки и чертежи, хранящіеся въ Музеумѣ Общества.

5) Историческіе портреты, находящіеся въ залѣ Общества.

Digitized by Google

О древнѣйшихъ колѣнахъ аттическихъ и о ихъ связи съ областнымъ дѣленіемъ Аттики. Дерптъ 1832. 8. (De antiquissimis tribubus atticis earumque cum regni partibus nexu) и **дополненіе къ объясненію четырехъ древнѣйшихъ аттическихъ колѣнъ,** соч. Д-ра и Ординарнаго Профессора Вс. Истор. въ С.-Петерб. Университетѣ. С.-Петербургъ. 1850. Изъ истор.-фил. бюллет. т. VIII n 6 (Beitrag zur Erklärung der vier ältesten attischen Phylen, Lue la 31 mai 1850).

Восемнадцать лѣтъ тому назадъ, въ Дерптѣ вышло первое сочиненіе теперь уже извѣстнаго ученаго историка М. С. Куторги. Спустя шесть лѣтъ, явилось въ печати другое его сочиненіе, которое служило продолженіемъ перваго и вмѣстѣ съ тѣмъ блестящимъ приложеніемъ его спеціальныхъ изысканій къ объясненію хода политическихъ событій въ исторіи Греціи до VI ст. до Р. Х. Мы разумѣемъ «Колѣна и сословія аттическія». Наконецъ въ недавнее время вышло и послѣднее его произведеніе, относящееся, по своему предмету, къ концу IV-го и къ началу V-го столѣтія — Исторія Аѳинской республики отъ убіенія Иппарха до смерти Мильтіада (Спб. 1848. 8°.). Нельзя не удивляться той строгой и логической послѣдовательности, съ которою постепенно развивались ученыя занятія нашего профессора;* но съ другой стороны, безъ сомнѣнія, въ этой-то строгой послѣдовательности и должно искать объясненія прочности и вѣрности ихъ результатовъ. Въ самомъ дѣлѣ, г. Куторга началъ свое ученое поприще рѣшеніемъ вопроса, новидимому до такой степени незначительнаго, что съ перваго раза трудно было бы указать на его значеніе въ наукѣ. Особенно могли бы вооружиться противъ подобнаго труда поборники занимательности и практической примѣняемости науки къ жизни. Что занимательнаго, скажутъ они, въ рѣшеніи, наприм., такихъ вопросовъ: Зевсу или Аѳинѣ поклонялись Гелеонты, жили-ли они въ Актеѣ или въ Параліи и т. п.; какую мы

* Мы отдаемъ полную справедливость этой послѣдовательности, но искренно сожалѣемъ о продолжительности промежутковъ: въ 20 почти лѣтъ четыре диссертаціи — больше, гораздо больше, чаще, гораздо чаще мы желали бы получать отъ даровитаго профессора плоды его трудовъ. Чѣмъ больше ему дано даровъ, тѣмъ больше и отвѣтственности предъ наукою и соотечественниками. *М. П.*

Digitized by Google

извлечемъ пользу для практической жизни, если наконецъ и рѣшимъ такой вопросъ? Но мы уже одинъ разъ имѣли случай замѣтить, что въ наукѣ есть особеннаго рода занимательность и особеннаго рода польза, а теперь мы нашли тому и хорошее оправданіе въ трудахъ г. Куторги. Безъ сухаго и занимательнаго для немногихъ изысканія о древнѣйшихъ аттическихъ колѣнахъ, филахъ, мы не имѣли бы другаго сочиненія о сословіяхъ аттическихъ или, по крайней мѣрѣ, оно не было бы такъ основательно. Объяснивъ себѣ событія древнѣйшей исторіи Аттики и приведя ихъ къ общему знаменателю, Г. Куторга могъ пойдти дальше, и въ первый разъ въ его сочиненіи: Исторія Аѳинской республики—персидскія войны были представлены въ другомъ свѣтѣ; здѣсь онѣ являются въ связи съ внутреннимъ политическимъ положеніемъ Греціи. Въ свою очередь это внутреннее политическое положеніи Греціи къ VI ст., т. е. предъ началомъ персидскихъ войнъ, можно понять только изъ ея древнѣйшей исторіи и преимущественно изъ исторіи Аттики; древнѣйшая же исторія Аттики представляетъ намъ происхожденіе перваго ея политическаго устройства изъ родоваго быта; родовой бытъ состоялъ въ раздѣленіи населенія по племенамъ и колѣнамъ, изъ которыхъ въ послѣдствіи образовались сословія. И такъ корень всей исторіи Греціи окончательно заключается въ рѣшеніи вопроса о древнѣйшихъ племенахъ и колѣнахъ аттическихъ. Отъ того или другаго способа рѣшенія этого вопроса зависитъ самое изложеніе всего дальнѣйшаго хода событій Греческой исторіи. Какъ мы видѣли, той логической послѣдовательности историческихъ вопросовъ соотвѣтствовали и труды нашего профессора. Г. Куторга рѣшилъ основной вопросъ совершенно самостоятельно и оригинально, подвергнувъ строгимъ критическимъ изслѣдованіямъ источники, и потому могъ вслѣдъ за тѣмъ представить и дальнѣйшую исторію Греціи совершенно въ иномъ и новомъ видѣ.

Но ни одна важность изысканій его перваго труда побудила насъ въ настоящемъ случаѣ говорить о сочиненіи, которое такъ давно уже появилось въ нашей литературѣ. Въ свое время оно прошло у насъ совершенно незамѣчен-

Digitized by Google

нымъ, между тѣмъ какъ за границей это же самое сочиненіе пріобрѣло большую извѣстность. Бёкъ, Германнъ, Ваксмутъ, Ликъ (Leake) и другіе при каждомъ случаѣ ссылаются на изслѣдованія г. Куторги, а Германнъ въ своемъ Lehrbuch der griechischen Antiquitäten прямо указываетъ на сочиненіе Г. Куторги о древнѣйшихъ колѣнахъ Аттики тѣмъ, которые желаютъ короче познакомиться съ отношеніями и положеніемъ этихъ колѣнъ. Послѣ рекомендаціи самихъ корифеевъ науки было бы очень странно намъ проходить молчаніемъ труды нашего ученаго соотечественника, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время имя Куторги начало справедливо и у насъ обращать на себя вниманіе многихъ.

Въ прошедшемъ году, въ одномъ изъ изданій Академіи Наукъ Г. Куторга напечаталъ «Дополненіе» къ своему прежнему труду. Въ этомъ «Дополненіи» мы находимъ извѣстія о новыхъ надписяхъ, подтвердившихъ вполнѣ нѣкоторые изъ результатовъ прежняго сочиненія о древнѣйшихъ колѣнахъ аттическихъ, которые до тѣхъ поръ не имѣли прочнаго основанія и свидѣтельствовали только объ остроуміи автора. Это обстоятельство даетъ намъ новое право заняться теперь разсмотрѣніемъ сочиненія Г. Куторги, не смотря на всю его давность, тѣмъ болѣе, что, какъ мы видѣли, у насъ въ свое время оно не обратило на себя должнаго вниманія, пріобрѣтя извѣстность только за границей.

Въ своей реценэіи мы постараемся сначала *объяснить самый вопросъ, рѣшеніе котораго составило задачу разбираемаго наши сочиненія*, и вмѣстѣ съ тѣмъ представимъ его интересъ и важность для исторіи Греціи. Далѣе, мы разсмотримъ, *какъ рѣшался тотъ вопросъ до сочиненія Г. Куторги, и какъ онъ былъ рѣшенъ имъ;* при чемъ обратимъ вниманіе на новыя надписи, которыми оправдался вполнѣ взглядъ нашего профессора. Въ заключеніе, изслѣдуемъ, *какое вліяніе имѣло оригинальное рѣшеніе Г. Куторгою вопроса объ аттическихъ колѣнахъ на всеобщее изложеніе хода политическихъ событій исторіи Греціи и какъ оно должно было отъ него измѣниться.* Сообразно съ такимъ планомъ, реценэія наша представитъ въ себѣ три отдѣла. Начнемъ съ перваго.

Digitized by Google

1. Вопросъ: какъ назывались аттическія колѣна и какое значеніе имѣютъ ихъ названія? — составляетъ главную и существенную задачу разбираемаго нами разсужденія. Какую же важность можетъ имѣть рѣшеніе подобнаго вопроса для цѣлой исторіи Греціи? Общій видъ существованія всѣхъ народовъ, когда они въ первый разъ появляются въ исторіи, состоитъ въ раздѣленіи ихъ на племена и подраздѣленія на колѣна. Тоже самое мы встрѣчаемъ и у Еллинскихъ народовъ, которые раздѣлялись на четыре племени, и каждое племя подраздѣлялось на колѣна, филы. Одно изъ такихъ племенъ, іонійское, подраздѣлявшееся на четыре колѣна: Гелеонты, Оплиты, Эгикоры и Аргады, заняло собою юго-восточную оконечность средней Греціи, Аттику. До сихъ поръ преданіе о поселеніи Іонянъ въ Аттикѣ очень просто и ясно. Но какъ произошли четыре колѣна этого племени? Этотъ вопросъ всегда составлялъ камень преткновенія, и запутанный еще самими древними, онъ рѣшался въ настоящее время различными учеными различно. Колѣна могутъ происходить чрезъ естественное размноженіе членовъ какого нибудь семейства, которое ведетъ свое начало отъ одного родоначальника; могутъ происходить колѣна чрезъ случайное соединеніе различныхъ семействъ подъ одно общее названіе; притомъ такое соединеніе въ свою очередь можетъ имѣть различный характеръ, смотря потому, соединялись-ли семейства съ одною цѣлью религіозною, или военною, или промышленною и т. д. Отъ того или другаго способа соединенія, колѣна будутъ имѣть или чисто родовой характеръ, или характеръ кастъ. Во всякомъ случаѣ, отъ различія въ способѣ образованія колѣнъ должна зависѣть дальнѣйшая ихъ судьба, дальнѣйшая исторія народа; потому для науки исторіи вопросъ о происхожденіи колѣнъ дѣлается часто однимъ изъ важнѣйшихъ и небходимѣйшихъ вопросовъ. Но происхожденіе племени короче всего характеризуется его наименованіемъ, ибо въ немъ всегда сохраняется древнѣйшій слѣдъ самаго перваго момента образованія колѣнъ. Теперь весьма естественно, что вопросъ о происхожденіи аттическихъ колѣнъ, который, какъ мы видѣли, долженъ составить основу всей исторіи Греціи, можетъ быть также представленъ въ другомъ видѣ: какъ

Digitized by Google

назывались аттическія колѣна и какое значеніе имѣли ихъ названія? Мы видѣли, что это и составляетъ задачу перваго ученаго труда Г. Куторги; а изъ сказаннаго нами понятно теперь, что рѣшеніе такихъ вопросовъ, которые могутъ показаться спором за номенклатуру, спором, удовлетворяющимъ одному любопытству, въ наукѣ гораздо важнѣе, нежели какъ то иной подумаетъ съ перваго раза. Рѣшеніе ихъ обусловливаетъ рѣшеніе вопроса о происхожденіи древнѣйшихъ аттическихъ колѣнъ, а отъ правильности послѣдняго зависитъ правильность и ясность взгляда на всю исторію Греціи. Разсмотримъ теперь, какимъ образомъ рѣшался указанный наши вопросъ до сочиненія Г. Куторги и какъ онъ былъ рѣшенъ имъ самимъ?

2. Положеніе вопроса о древнѣйшихъ аттическихъ колѣнахъ до сочиненія Г. Куторги и послѣ него представляется намъ совершенно въ иномъ видѣ. Уже въ древнія времена понимали всю важность этого вопроса и вліяніе рѣшенія его на самую политику. Въ глубокой древности народъ облекъ свое происхожденіе въ миѳъ, и потому первое объясненіе аттическихъ колѣнъ было чисто миѳическое. Позднѣйшіе поэты и историки брали эти миѳы, украшали ихъ и не рѣдко измѣняли для политическихъ цѣлей. Такъ Иродотъ смѣшиваетъ даже Іонянъ съ Пеласгами и полагаетъ, что они были однимъ и тѣмъ же племенемъ, а только въ различныя времена носили различныя названія. «Въ то время, говоритъ (VIII, 44) онъ, когда Пеласги насе«ляли всю Елладу, жители Аттики были также Пеласги и «назывались Кранаями; въ царствованіе Кекропса они но«сили имя Кекропидовъ; по вступленіи на пристолъ Ерех«ѳея они переименовались Ерехѳеидами; когда же Іонъ, сынъ «Ксуѳа, сдѣлался ихъ военачальникамъ, то они приняли назва«ніе Іонянъ.» Проф. Крузе (Hellas I. I, гл. о различіи Пеласговъ отъ Еллиновъ) ясно доказалъ, что Іоняне не были Пеласгами; а Г. Куторга (Кол. и Сосл. аттит. Спб. 1838. стр. 42.) объяснилъ и причину видимой ошибки Иродота. Еврипидъ, сообразно съ современной ему политикой, опять иначе объясняетъ отношенія Пеласговъ къ Іонійскому племени. При Еврипидѣ въ Аѳинахъ господствовали демократы, потомки побѣжденныхъ Еллинами Пеласговъ, и этотъ трагикъ,

Digitized by Google

льстя имъ, умалчиваетъ о завоеваніи ихъ предковъ Эллинами, а представляетъ соединеніе этихъ племенъ слѣдствіемъ брака Креусы, дочери послѣдняго пеласгійскаго царя Ерехѳея, съ Ксуѳомъ, отцемъ Іона. По смерти Ксуѳа, Іонъ по наслѣдству соединилъ подъ собою оба народа. Очевидно, для аѳинскихъ демократовъ и въ особенности для законности ихъ правъ было не все равно, представитъли историкъ происхожденіе государства слѣдствіемъ завоеванія, или мирнаго соединенія. Но не одна политика запутала вопросъ о племенахъ и въ особенности о колѣнахъ аттическихъ. Позднѣйшіе грамматики и риторы, которые не могли конечно при рѣшеніи нашего вопроса руководиться политическими цѣлями, потому что Греція въ ихъ время потеряла политическое значеніе, затемнили нашъ вопросъ другимъ образомъ. Страсть къ систематизированію побудила ихъ жертвовать формѣ истиною. Изъ такихъ грамматиковъ болѣе всѣхъ замѣчателенъ Полидевкъ (Pollux), который подробно изложилъ названія колѣнъ аттическихъ. Мы приведемъ для ясности самое мѣсто его Словаря (Onomastic. VIII, 109):

Во время Кекропса было четыре колѣна;

1) Кекрописъ, 2) Автохѳонъ, 3) Актэя и 4) Паралія;
во время Краная они были названы:

1) Кранаисъ, 2) Атѳисъ, 3) Месогэя и 4) Діакрисъ;
во время Ерихѳонія они назывались:

1) Діасъ, 2) Аѳинаисъ, 3) Посидоніасъ и 4) Ифестіасъ;
при Ерехѳеѣ же, по именп дѣтей Іона:

1) Гелеонты, 2) Оплиты, 3) Эгикоры и 4) Аргады.

Это мѣсто Полидевка считается классическимъ для рѣшенія вопроса о названіяхъ колѣнъ аттическихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно признано всѣми самымъ запутаннымъ. Мы видимъ, что Полидевкъ, подобно Иродоту, дѣлаетъ классификацію наименованій четырехъ колѣнъ, какъ они получали эти наименованія въ различныя времена. Такъ то можетъ показаться съ перваго раза, и такъ оно на самомъ дѣлѣ было признаваемо всѣми новѣйшими учеными. Однако при всемъ томъ скоро замѣтили большую сбивчивость въ классификаціи Полидевка. Такъ, въ первомъ отдѣлѣ первыя

Digitized by Google

два имени патронимическія: Кекропись и Автохѳонъ, а два послѣднія территоріальныя: Актэя и Паралія; то же и во второмъ отдѣлѣ. Г. Куторга не только возстановилъ это мѣсто Полидевка и исправилъ его, но и неоспоримо доказалъ, что всѣ эти четыре разряда именъ относятся къ одному и тому же іонійскому племени; притомъ, что всего важнѣе, по мнѣнію Г. Куторги, каждое колѣно имѣло три названія *въ одно и то же время* (мы увидимъ ниже, почему не четыре, какъ того должно ожидать по четыремъ отдѣламъ именъ у Полидевка). Это послѣднее положеніе, какъ о томъ будетъ сказано послѣ подробнѣе, рѣшило окончательно одинъ весьма важный вопросъ, который имѣлъ сильныхъ партизановъ и pro и contra — были ли аттическія сословія тѣмъ, что на востокѣ называлось кастою? Мы увидимъ, что послѣ сочиненія Г. Куторги странно будетъ думать о существованіи кастъ въ іонійскомъ племени, не смотря на то, что мнѣніе о кастообразности аттическихъ колѣнъ было выставляемо долгое время, начиная съ Гюльмана, и поддерживалось такими авторитетами, каковы: Бёкъ, Платнеръ, Крейцеръ, Бутманнъ, О. Мюллеръ, Шёманъ и др. Вотъ какъ объясняетъ Г. Куторга приведенное нами мѣсто Полидевка въ своемъ сочиненіи: О древнѣйшихъ аттическихъ колѣнахъ и проч. (стр. 43), и потомъ еще разъ съ большею ясностію повторяетъ въ другомъ сочиненіи: Колѣна и Сословія аттическія (стр. 15 и слѣд. и стр. 48 и слѣд.). Изъ примѣровъ, почерпнутыхъ изъ исторіи младенчества древнихъ и новыхъ народовъ, Г. Куторга весьма правильно выводитъ заключеніе (Кол. и Сосл. аттич. стр. 15 и слѣд.), что «названія ко«лѣнъ, разумѣется, не иностранныя, а отечественныя, бываютъ «двоякаго рода: собственныя и нарицательныя. Первыя имѣ«ютъ цѣлью отдѣлить одно колѣно отъ другаго, такъ, чтобъ «не было ни малѣйшаго сомнѣнія и неясности; вторыя, на«противъ, выражаютъ только одну какую-либо сторону, одно «свойство или качество колѣна». Изъ этого ясно само собою, что собственное имя можетъ быть только одно, а нарицательныхъ столько, сколько можетъ найтись различныхъ сторонъ, по которымъ можно характеризовать то или другое племя. Главные признаки каждаго племени состоятъ въ мѣстности, религіи и предводителѣ; отсюда про-

Digitized by Google

исходитъ то, что и главныя нарицательныя имена бываютъ мѣстныя, религіозныя и политическія. Если какой-нибудь изъ этихъ признаковъ можетъ сдѣлаться постояннымъ, то тогда и нарицательное имя, заимствованное отъ такого признака, обращается въ собственное Все это разсужденіе Г. Куторги основано на точномъ анализѣ родоваго быта всѣхъ младенчествующихъ народовъ. Увѣренный, какъ и всѣ, въ существованіи исторической логики въ событіяхъ, онъ примѣняетъ свои выводы къ первоначальной исторіи Греціи и рѣшаетъ вопросъ о названіи аттическихъ колѣнъ съ необыкновеннымъ остроуміемъ; мы говоримъ—остроуміемъ, потому что его выводы первоначально были основаны не на какомъ нибудь положительномъ извѣстіи древнихъ, но на исторической наблюдательности надъ первыми моментами жизни другихъ народовъ и на увѣренности въ исторической логикѣ событій. Мы повторимъ собственныя слова Г. Куторги, какъ онъ выразилъ ихъ въ послѣдующемъ своемъ сочиненіи: Кол. и Сосл. атт. (стр. 50), заимствовавъ текстъ изъ перваго сочиненія: О древнѣйшихъ колѣнахъ Аттики. «Теперь я по«вторяю здѣсь, говоритъ онъ, прежнее свое предположеніе, «сдѣлавшееся совершеннымъ убѣжденіемъ (мы прибавимъ: «послѣ найденныхъ надписей, это убѣжденіе должно сдѣ«латься всеобщимъ). Оно состоитъ въ слѣдующемъ: всѣ «названія, упоминаемыя Полидевкомъ, относятся единственно «къ колѣнамъ іонійскимъ и имѣютъ цѣлью выразить раз«личныя качества или свойства оныхъ, одни въ террито«ріальномъ, другія въ религіозномъ отношеніи. Греческіе «грамматики, повидимому, замѣтили это, и старались по«тому подвести сіи названія подъ систему, присовокупляя «ихъ къ различнымъ царствованіямъ. Полидевкъ однако «сдѣлалъ важную ошибку, перемѣшавъ названія, и это про«изошло вѣроятно отъ того, что онъ не понялъ настоя«щаго ихъ смысла. Во всякомъ случаѣ онъ долженъ бы «былъ написать такъ:

Во время Кекропса было четыре колѣна:

1, Кекропись, 2, Автохѳонъ, 3, *Кранаисъ* и 4, *Атѳисъ;*

Digitized by Google

во время Краная они были названы:

1, *Актэя*, 2, *Паралія*, 3, Месогэя и 4, Діакрисъ;

во время Ерихѳонія они назывались:

1, Діасъ, 2, Аѳинаисъ, 3, Посидоніасъ и 4, Ифестіасъ;

при Ерехѳеѣ же, по имени дѣтей Іона:

1, Гелеонты, 2, Оплиты, 3, Эгикоры и 4, Аргады.»

Здѣсь мы замѣчаемъ четыре разряда именъ. Первый разрядъ именъ, которыя Полидевкъ называетъ кекропскими, по мнѣнію Г. Куторги, придуманъ очевидно позднѣйшими грамматиками, какъ съ тѣмъ соглашается и Шёманъ (De comitiis стр. 347). Послѣдніе три разряда заключаютъ въ себѣ дѣйствительныя имена колѣнъ, а именно: названія кранаевскія суть нарицательныя территоріальныя имена; названія ерихѳонійскія нарицательныя религіозныя имена. Послѣдній разрядъ именъ, ерихѳейскій, былъ нарицательнымъ политическимъ, потому что названія: Гелеонты, Оплиты, Эгикоры и Аргады произошли, по преданію, отъ сыновей Іона. Эти политическія названія всегда оставались неизмѣнными, и потому они изъ нарицательныхъ сдѣлались собственными. Вкратцѣ результатъ всего будетъ слѣдующій. Мы остановились прежде на положеніи, что Іоняне дѣлились на четыре колѣна; задача сочиненія Г. Куторги состояла въ томъ, чтобы объяснить происхожденіе этихъ колѣнъ и ихъ значеніе. Для того нужно было, какъ мы показали выше, объяснить имена самыхъ колѣнъ. По изысканію Г. Куторги оказалось, что аттическія колѣна имѣли въ одно и тоже время троякаго рода дѣйствительныя названія: одно, собственное, Гелеонты, Оплиты, Эгикоры и Аргады, и два нарицательныхъ: 1) территоріальныя—Актэя Паралія, Месогэя и Діакрисъ, и 2) религіозныя—Діасъ, Аѳинаисъ, Посидоніасъ и Ифестіасъ. Такъ что каждое колѣно имѣло въ одно и то же время три названія. Но которое изъ религіозныхъ и территоріальныхъ названій принадлежало каждому колѣну? Другими словами: кому покланялись Гелеонты, Оплиты, Эгикоры и Аргады и въ какой части Аттики жило каждое изъ этихъ племенъ? Рѣшеніе этого вопроса весьма важно, ибо если мы будемъ въ состояніи указать, что напр. Гелеонты покланялись именно

Digitized by Google

такому-то божеству, и что они жили въ такой-то части Аттики, то тогда не будетъ никакого сомнѣнія въ первомъ положеніи Г. Куторги, что каждое аттическое колѣно имѣло въ одно и тоже время три названія. Но точныхъ данныхъ для рѣшенія такого вопроса Г. Куторга не имѣлъ ни въ 1832 г., ни въ 1838 г. Мы увидимъ, ему удалось рѣшить этотъ вопросъ въ послѣдствіи, когда случай доставилъ ему новыя данныя и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ его положеніямъ характеръ несомнѣнной истины. Оставивъ пока вопросъ объ основательности положеній Г. Куторги въ сторонѣ, посмотримъ, какіе онъ долженъ былъ вывести результаты изъ своихъ положеній.

По числу названій аттическихъ древнѣйшихъ колѣнъ, какъ то найдено Г. Куторгою, и по ихъ характеру можно заключить, что они развились естественнымъ путемъ размноженія отъ одного общаго родоначальника, какъ то видно изъ ихъ собственныхъ именъ; кромѣ того эти колѣна связывались не однимъ происхожденіемъ, но и поклоненіемъ одному божеству, откуда произошли нарицательныя религіозныя названія. Придя въ Аттику, каждое изъ этихъ колѣнъ заняло отдѣльную ея область съ отдѣльнымъ физическимъ характеромъ. Такъ какъ Аттика имѣетъ въ физическомъ отношеніи четыре главныхъ вида, а именно: юго-западная ея часть расположена на берегу моря, другая — южная — окружена съ трехъ сторонъ моремъ, третья — сѣверо-восточная — перерѣзана во всѣхъ направленіяхъ горами, а четвертая заключается въ серединѣ, то каждое изъ четырехъ аттическихъ колѣнъ могло занять одну изъ тѣхъ частей и сообразно съ характеромъ своего участка получило новое территоріальное названіе: Актея (береговое), Паралія (приморское), Діакрія (горное) и Месогэя (средиземное). Вотъ какъ Г. Куторга рѣшилъ вопросъ о происхожденіи аттическихъ колѣнъ, опираясь на своемъ объясненіи мѣста Полидевка; но до послѣдняго десятилѣтія, не смотря на все остроуміе автора аттическихъ колѣнъ и на всю важность его изысканій, всегда легко было бы возразить ему, напомнивъ, что его изысканія основаны на одномъ анализѣ родоваго быта другихъ младенчествующихъ племенъ и на примѣненіи своихъ резуль-

Digitized by Google

татовъ къ древней исторіи Греціи; однимъ словомъ, на сравненіи; между тѣмъ какъ сравненіе отнюдь не всегда и не вездѣ можетъ быть принимаемо за доказательство. Если бы Г. Куторга могъ доказать, что, наприм., Гелеонты поклонялись Зевсу и жили въ Актэѣ и т. д., то тогда конечно его положеніе о томъ, что каждое аттическое колѣно имѣло вдругъ три названія, было бы несомнѣннымъ. Въ послѣдствіи случай дѣйствительно оказалъ такую услугу Г. Куторгѣ, доставивъ ему возможность показать, какое аттическое колѣно поклонялось какому божеству и въ какой части Аттики оно жило. Рѣшеніе этихъ вопросовъ составило содержаніе послѣдняго его сочиненія: Beiträge zur Erklärung der vier ältesten attischen Phylen (Bullet. hist.-phil. t. VIII n° 6). Здѣсь (стр. 5) мы находимъ слѣдующія извѣстія. Въ 1840 г. извѣстный любитель древностей Питтакисъ издалъ надпись, найденную близъ Аѳинъ по дорогѣ къ Ахарнамъ; изъ содержанія этой надписи видно, что названіе Месогэи относилось не только къ извѣстной части Аттики, но и *къ колѣну*, которое ее населяло. Въ 1844 г. въ аѳинскомъ акрополѣ былъ найденъ пьедесталъ изъ бѣлаго мрамора съ надписью, въ которой особенно замѣчательны слѣдующія слова: *Διὸς Γελέοντος ἱεροκήρυξ Τίτος Κοπώνιος κ. τ. λ.*, т. е. Титъ Копоній, священновѣстникъ Зевса *гелеонтскаго* и т. д. Слова «Зевсъ гелеонтскій» прямо указываютъ на обожаніе Зевса Гелеонтами, а вмѣстѣ съ тѣмъ на однозначимость родоваго и религіознаго названія и тождество названій Полидевка: Гелеонтъ и Діасъ. Впрочемъ Г. Куторга не остановился въ своемъ «Beitrag» на одномъ оправданіи прежнихъ своихъ положеній, но съ свойственнымъ ему остроуміемъ воспользовался найденными надписями для полнаго рѣшенія предложеннаго нами выше вопроса: какому божеству покланялось каждое колѣно и гдѣ оно жило?

При этомъ случаѣ Г. Куторга весьма удачно воспользовался открытіемъ одного весьма замѣчательнаго итальянскаго ученаго, Корсини, который первый обратилъ вниманіе на одну особенность древнихъ при исчисленіи частей какого нибудь цѣлаго. Древніе, по наблюденію Корсини, перечисляли части въ одномъ, разъ на всегда опредѣленномъ, порядкѣ, и справедливость своего положенія Кор-

Digitized by Google

сини превосходно доказалъ своимъ разъисканіемъ объ аттическихъ новѣйшихъ колѣнахъ, т. е. колѣнахъ по государственному устройству Клисѳена, Г. Куторга прилагаетъ положеніе Корсини къ древнѣйшимъ аттическимъ колѣнамъ и на основаніи словъ Иродота (*V*, 66) принимаетъ слѣдующій ихъ законный, или лучше сказать, оффиціальный порядокъ: Гелеонты, Эгикоры, Аргады и Оплиты. Послѣ этого Г. Куторга ставитъ подъ этимъ рядомъ собственныхъ именъ колѣнъ аттическихъ рядъ нарицательныхъ религіозныхъ:

Гелеонты — Эгикоры — Аргады — Оплиты.
Діасъ — Аѳинаисъ — Посидоніасъ — Ифестіасъ.

Изъ приведенной выше надписи Росса мы знаемъ, что Гелеонты покланялись Зевсу (Ζεύς род. Διός), и дѣйствительно у Полидевка, то и другое имя, т. е. Гелеонты и Діасъ, начинаютъ порядокъ и оба стоятъ на первомъ мѣстѣ. Принимая положеніе Корсини, можно заключить далѣе, вмѣстѣ съ Г. Куторгою, что Эгикоры покланялись Аѳинѣ, ибо подъ ихъ именемъ стоитъ Аѳинаисъ; Аргады покланялись Посидону и Оплиты Ифэсту, по той же причинѣ. Г. Куторга нашелъ даже одно мѣсто Еврипида (Іонъ, 1580 и слѣд.), которое дѣлаетъ его догадку почти несомнѣнною. Еврипидъ полагаетъ, что Эгикоры получили свое названіе отъ Эгиды Аѳины и тѣмъ указываетъ на связь этого племени съ обожаніемъ имъ же Аѳины. По приведенной таблицѣ мы уже видѣли, что Эгикоры дѣйствительно должны были покланяться Аѳинѣ.

Еще съ большимъ остроуміемъ опредѣляетъ Г. Куторга мѣсто жительства каждаго аттическаго колѣна. По свидѣтельству Павсанія (I, 2, 5.), въ Аѳинахъ покланялись Зевсу *актійскому*. Каждый теперь видитъ, что Зевсу покланялись нѣкогда въ Актѣ; а Зевсу, какъ мы уже знаемъ, поклонялись Гелеонты, слѣдовательно Гелеонты жили въ Актѣ. Если мы теперь поставимъ подъ вышеприведенными двумя рядами именъ аттическихъ колѣнъ третій ихъ рядъ, территоріальный, въ томъ порядкѣ, какъ онъ сохранился у Полидевка, то увидимъ, что и въ этомъ случаѣ положеніе Г. Куторги оправдывается совершенно:

Digitized by Google

1. Гелеонты — Эгикоры — Аргады — Оплиты.
2. Діасъ — Аѳинаисъ — Посидоніасъ — Ифестіасъ.
3. Актэя — Паралія — Месогэя — Діакрія.

У Полидевка, въ его возстановленномъ видѣ, Актэя также стоитъ на первомъ мѣстѣ, какъ Діасъ и Гелеонтъ. По положенію Корсини не трудно будетъ отыскать мѣсто жительства другихъ колѣнъ. Вотъ общій разультатъ всего сказаннаго: Гелеонты покланялись Зевсу и жили въ Актэѣ; Эгикоры покланялись Аѳинѣ и жили въ Паралін; Аргады покланялись Посидону и жили въ Месогэѣ; Оплиты поклонялись Ифесту и жили въ Діакрін.

Послѣ того, какъ первыя предположенія Г. Куторги оправдались совершенно, мы имѣемъ право ожидать подобнаго и для его послѣднихъ изысканій; тѣмъ болѣе, что авторитетъ Корсини твердо ручается за основательность его наблюденій, а мѣсто Еврипида, какъ мы видѣли, успѣло уже теперь оправдать одинъ изъ важнѣйшихъ выводовъ Г. Куторги.

3. Намъ остается теперь объяснить, какое вліяніе могли имѣть результаты изысканій Г. Куторги на рѣшеніе другихъ вопросовъ Греческой исторіи и вообще на цѣлый ея ходъ. При этомъ случаѣ мы убѣдимся, что труды нашего профессора не только должны сдѣлать эпоху въ нашей отечественной литературѣ всеобщей исторіи, но даже въ отношеніи къ избранному имъ отдѣлу, т. е., въ отношеніи къ древнѣйшей исторіи Греціи до VI-го столѣтія, они могутъ занять важное мѣсто въ ряду трудовъ иностранныхъ ученыхъ по тому же предмету. До сочиненія Г. Куторги вопросъ о значеніи древнѣйшихъ аттическихъ колѣнъ раздѣлялъ всѣхъ германскихъ ученыхъ на двѣ противоположныя партіи: одни утверждали, что аттическія древнѣйшія колѣна были учрежденіемъ, заимствованнымъ у Востока, и слѣдовательно имѣли тоже самое значеніе, какъ и касты; первый замѣчательный ученый, высказавшій такое мнѣніе, былъ Гюльманъ; Бёкъ своимъ авторитетомъ придалъ еще болѣе вѣсу его мнѣнію; къ нимъ присоединились Платнеръ, Крейцеръ, Бутманъ, Шёманъ и др. Противъ этихъ ученыхъ возстали Вейсе, Титманнъ и Штуръ; но основательнѣе всѣхъ опровергалъ существованіе кастъ въ Греціи Гот-

Digitized by Google

фридъ Германнъ. Защитники кастъ въ Греціи имѣли двоякое основаніе: 1) въ этимологическомъ объясненіи названія колѣнъ, и 2) въ свидѣтельствѣ греческихъ писателей. Въ своемъ сочиненіи: Колѣна и Сословія аттическія (стр. 66 и слѣд.) Г. Куторга достаточно опровергъ оба эти основанія и искусно объяснилъ удивительную причину ложнаго взгляда на аттическія колѣна самихъ греческихъ писателей (стр. 71) По справедливому замѣчанію Г. Куторги, всѣ свидѣтельства о кастообразности аттическихъ колѣнъ суть не что иное, какъ мечта греческихъ ученыхъ, желавшихъ вставить исторію своего отечества въ эгипетскія рамки. Греческіе эгиптоманы думали подобной теоріей облегчить себѣ обзоръ всемірныхъ событій. Но мы можемъ теперь, на основаніи изысканій Г. Куторги, весьма легко возразить какъ древнимъ эгиптоманамъ, такъ и новѣйшимъ ихъ защитникамъ. Собственные (proprïa) названія колѣнъ аттическихъ, разсматриваемыя въ отдѣльности, какъ то и было до сихъ поръ, наводятъ каждаго на весьма простую мысль о ихъ кастообразности. Оплиты (ὁπλῖται), по переводу съ греческаго, могутъ подать поводъ думать о кастѣ воиновъ; эгикоры (αἰγικόρεις) — о кастѣ пастуховъ; Аргады (ἀργάδεις) — о кастѣ ремесленниковъ. Подъ «Гелеонтами» ученые разумѣли иногда жрецовъ иногда поселянъ, а иногда сановниковъ, даже одни читали: *Γελέοντες*, другіе *Τελέοντες*. Несогласіе толкователей относительно «Гелеонтовъ» особенно хорошо обнаруживаетъ ненадежность этимологическихъ разысканій. Но если мы теперь предположимъ, что Гелеонты назывались въ одно и то же время «Діасъ», т. е. поклонялись Зевсу, и также носили названіе «Актэйцевъ» т. е. жили въ Актэѣ — а послѣ найденныхъ надписей въ томъ нельзя и сомнѣваться — то какимъ образомъ мы можемъ считать Гелеонтовъ за касту жрецовъ, поселянъ или сановниковъ? Принимая Гелеонтовъ и другія колѣна за касты, мы должны будемъ вмѣстѣ съ тѣмъ утверждать, что въ Актэѣ жили одни жрецы; въ Параліи — только пастухи; въ Месогэѣ — одни ремесленники; и въ Діакріи — одни только воины. Если бы дѣйствительно Гелеонты составляли касту жрецовъ, то ни въ какомъ случаѣ не могли бы они поселиться всѣ вмѣстѣ въ одной части Аттики, въ Актэѣ, потому что

Digitized by Google

по своей обязанности они должны были бы разсѣяться по всей Аттикѣ. Такъ, Левиты, одно изъ Израильскихъ колѣнъ, составляя касту жрецовъ, при раздѣлѣ Палестины, не получили никакого опредѣленнаго участка, а жили разсѣянно между другими колѣнами. Такимъ образомъ, оставаясь вѣрными мнѣнію о кастообразности аттическихъ древнѣйшихъ колѣнъ и не имѣя возможности опровергнуть ихъ территоріальности, мы дойдемъ ad absurdum. Г. Куторга не могъ, при началѣ своихъ трудовъ, опровергнуть своими изслѣдованіями мнѣніе о кастообразности аттическихъ колѣнъ, потому что до 1840 г., его изслѣдованія имѣли только ипотетическое достоинство. Но за то мы имѣемъ теперь полное право примѣнить результаты его изысканій къ окончательному рѣшенію вопроса о значеніи древнѣйшихъ аттическихъ колѣнъ, а мѣсто Иродота, на которое одно могъ только ссылаться тогда Г. Куторга (Колѣна и Сосл. аттич. стр. 70), въ опроверженіе кастообразности колѣнъ Аттики, для насъ теперь пріобрѣтаетъ еще большее значеніе. Иродотъ (V, 66) говоритъ, что Клисѳенъ раздѣлилъ на десять филъ Аттику, которая прежде была раздѣлена на четыре филы: Гелеонты, Эгикоры Аргады и Оплиты. Слѣдовательно древнѣйшія аттическія филы были территоріальныя; а, бывъ такими, они не могли быть кастами, или въ противномъ случаѣ мы должны предположить, что въ Аттикѣ касты жили совершенно отдѣльно.

Но изысканія Г. Куторги о древнѣйшихъ колѣнныхъ Аттики оказываетъ наукѣ не одну ту заслугу, что на основаніи ихъ можно теперь положительно рѣшить вопросъ о кастообразности колѣнъ. Г. Куторга, на основаніи изысканій, которыя принесли ему новые результаты, могъ представить намъ и всю дальнѣйшую исторію Греціи въ иномъ и совершенно новомъ видѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть проще и естественнѣе того изложенія древнѣйшей исторіи Аттики, которое мы находимъ въ его послѣдующемъ сочиненіи: Колѣна и Сословія аттическ. (стр. 57 и слѣд.)? Аттику, говоритъ Г. Куторга, въ глубокой древности населяли Пеласги; къ нимъ прибыло въ послѣдствіи новое племя—Іоняне, которые, до нападенія на Аттику, дѣлились на четыре колѣна, изъ которыхъ каждое имѣло свое упра-

Digitized by Google

вленіе, свое божество, и заняло въ Аттикѣ каждое отдѣльный участокъ. Пеласги были побѣждены, и съ тѣхъ поръ населеніе Аттики состояло изъ двухъ частей: побѣдителей и побѣжденныхъ. Побѣдители дѣлились на четыре колѣна и имѣли особенное управленіе и религію; побѣжденные естественно не могли войти въ составъ тѣхъ четырехъ колѣнъ и слѣдовательно не раздѣляли ихъ преимущества участвовать въ государственномъ управленіи. Побѣдители сохраняли свято свои роды и составили такимъ образомъ въ послѣдствіи цѣлое сословіе родичей или евпатридовъ. Побѣжденные, разсматриваемые только въ отношеніи къ мѣсту своего жительства, назывались, сообразно съ тѣмъ, геоморами. По своему происхожденію, они отличались другъ отъ друга тѣмъ, что первые имѣли политическія права, а послѣдніе ихъ не имѣли. Потому до законодательства Солона древнѣйшая исторія Греціи должна представлять намъ тоже, что мы видимъ въ исторіи Рима послѣ Тарквинія-Гордаго, хотя подробности самой борьбы геоморовъ съ евпатридами намъ не извѣстны въ такой степени, какъ извѣстны подробности борьбы плебеевъ съ патриціями.

Только при такомъ взглядѣ на аттическія колѣна и на первую исторію Аттики дѣлается понятнымъ законодательство Солона и въ политическомъ отношеніи. Если изысканія Бёка объяснили вполнѣ финансовую сторону Солонова законодательства, то труды Г. Куторги сдѣлали возможнымъ понимать совершенно политическое его значеніе. Тоже самое должно замѣтить и о законодательствѣ Клисѳена. По обѣщанію Г. Куторги, высказанному имъ въ его послѣднемъ сочиненіи: Исторія аѳинской республики, разъисканіе о законодательствѣ Клисѳена составитъ предметъ особаго сочиненія. Этимъ сочиненіемъ онъ можетъ заключить первый отдѣлъ своихъ трудовъ по части исторіи древнѣйшей Аттики, т. е., отъ первыхъ историческихъ извѣстій до VI-го столѣтія, и какъ должно ожидать по предъидущимъ трудамъ нашего профессора, конецъ отдѣла будетъ соотвѣтствовать его блестящему началу. Строгое, неутомимое и послѣдовательное изученіе источниковъ и критическій даръ Г. Куторги доставили ему возможность распутать самый темный и вмѣстѣ съ тѣмъ самый важный

Digitized by Google

періодъ Греческой исторіи, потому что въ немъ заключается ключъ къ объясненію послѣдующей исторіи Греціи, начиная съ V-го столѣтія. Простота новой формы, которую придаетъ Г. Куторга древнѣйшему періоду исторіи Аттики, и возможность объяснить ею всѣ разнородныя явленія того времени, твердо ручаются за ея правильность и истину. Потому изысканія нашего профессора будутъ всегда служить надежною опорою для тѣхъ, которые посвятятъ свои труды изученію V-го и IV-го столѣтій. Событія древнѣйшаго періода и его государственное устройство не скоро потеряли свое вліяніе на судьбу Греціи, а потому, во всякомъ случаѣ, при изученіи послѣдующаго времени исторіи этой страны, должно будетъ обращаться къ событіямъ древнѣйшимъ, и при этомъ труды Г. Куторги окажутъ каждому огромную услугу.

Впрочемъ, послѣ всего нами сказаннаго, мы не имѣемъ никакой нужды прибавлять что-нибудь вообще о значеніи и заслугахъ М. С. Куторги въ нашей всеобщеисторической литературѣ; его ученые труды краснорѣчиво говорятъ сами за себя, и каждый съумѣетъ самъ оцѣнить ихъ тѣмъ болѣе, чѣмъ лучше онъ знакомъ съ положеніемъ вопросовъ древней исторіи, вообще и въ частности, у насъ. Если наша реценэія не дала еще полнаго понятія о трудахъ нашего профессора и не поставила ихъ на ту высокую степень значенія, какой они вполнѣ заслуживаютъ, то въ такомъ случаѣ не льзя не пожалѣть, что подобные труды не успѣли у насъ пока найти болѣе достойнаго себя реценэента.

М. Стасюлевичъ.

Взглядъ на историческое развитіе теоріи поэзіи и прозы. Разсужденіе магистра Амвросія Метлинскаго, написанное на степень доктора Славяно-Русской Филологіи. Харьковъ. 1850.

Теорія словесности получила свое начало еще въ древнемъ мірѣ. — Въ Греціи трудились надъ ней Платонъ и Аристотель, къ Римѣ Цицеронъ, Горацій и Квинтиліанъ; весьма замѣчательные труды по этой части остались отъ Александрійской школы; наконецъ, въ новой Европѣ: въ

Digitized by Google

Италіи, Франціи, Англіи и преимущественно въ Германіи, эта наука считаетъ за собою столько славныхъ именъ. Прослѣдить историческое движеніе этой науки, показать, какъ въ различные эпохи и у различныхъ народовъ понималась словесность, и потомъ опредѣлить современное на нее воззрѣніе, какъ результатъ исторіи науки, — задача прекрасная, и, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствующая потребностямъ нашей отечественной литературы. — Всякому извѣстно, какъ мало у насъ дѣльныхъ сочиненій по этой части, кромѣ разсужденія Г. Шевырева, появившагося еще въ 1836 г., и сочиненія Г. Буслаева о преподаваніи отечественнаго языка.» Недостатокъ въ такого рода сочиненіяхъ особенно ощутителенъ у насъ для преподавателей теоріи словесности;—но новое разсужденіе не пополняетъ нисколько недостатка: для науки оно не имѣетъ никакого значенія. Начать съ того, что вся исторія теоріи словесности изложена на 48 страничкахъ, что на этихъ 48 страничкахъ разобралъ авторъ ученіе Платона, Аристотеля, Цицерона, Квинтиліана, Горація, Плотина, Лонгина, Тассо, Боало, Баттё, Мармонтеля, Лагарпа и др., Драйдена, Адиссона, Попе, Джонсона и наконецъ всѣхъ Нѣмецкихъ теоретиковъ, которыхъ не исчисляемъ для краткости; — однимъ словомъ, на 48 страничкахъ разсуждаетъ авторъ о сорока девяти писателяхъ, не считая отечественныхъ. Нельзя не согласиться, что объемъ разсужденія нисколько не соотвѣтствуетъ сложности содержанія, что мудрено, при такомъ объемѣ, не говорю уже, критически разобрать всѣ вышеизложенныя теоріи, но даже составить сколько-нибудь подробный ихъ конспектъ.

Сказанное уже достаточно опредѣляетъ достоинство разсужденія; остается познакомить лично читателя съ его содержаніемъ, для полноты доказательства. — Прежде всего нельзя не замѣтить, что Г. Метлинскій нигдѣ не показалъ знакомства съ источниками, что онъ собиралъ свѣдѣнія о своемъ предметѣ по крайней мѣрѣ изъ вторыхъ рукъ, — такъ, на пр., что касается историческаго развитія теоріи поэзіи, все, сказанное имъ объ этомъ предметѣ, есть весьма неполное извлеченіе изъ разсужденія Г. Шевы-

Digitized by Google

рева, о которомъ мы упомянули выше. — Вообще замѣтно, что авторъ былъ подъ сильнымъ вліяніемъ этого разсужденія; онъ не могъ отвлечься отъ него даже на столько, чтобы начать свое сочиненіе какъ-нибудь иначе. — Кому не бросится въ глаза на пр. слѣдующее обстоятельство: Г. Шевыревъ начинаетъ свое разсужденіе такимъ положеніемъ: «Всѣ явленія міра человѣческаго должны были «совершиться въ дѣйствіи, прежде нежели перешли въ «знаніе и т. д. Искусство было прежде теоріи.» И у г. Метлинскаго читаемъ на первой страничкѣ: «Въ искуствѣ «(читай: искусствѣ) и словесности дѣятельность и ея про«изведенія предшествовали образованію науки, которой «начала осуществлены были въ произведеніяхъ писателей «и художниковъ прежде, нежели появились въ сочиненіяхъ «теоретиковъ.» У Г. Шевырева на 4 и 5 стр. читаемъ: «Во«стокъ въ исторіи нашей науки не существуетъ и т. д. Съ «Греціи собственно начинается исторія нашей науки*, и т. д. «Фантазія Греческая имѣетъ то существенное отличіе отъ «восточной, что она дѣйствуетъ не одиноко, не безусловно«самовластно, а всегда въ согласіи съ прочими способно«стями души человѣческой, и особенно съ разумной и т. д. «Въ этомъ существенномъ характерѣ фантазіи Греческой «я полагаю главную причину того, почему именно у Гре«ковъ должна была родиться наука о поэзіи.» У Г. Метлинскаго на 7 страничкѣ: «Начало теоріи у Грековъ, при «недостаткѣ ея у восточныхъ народовъ, надобно приписать «и особенному совершенству Греческаго образованія, и «характеру Греческой фантазіи.» У Г. Шевырева читаемъ: «Въ Греческихъ миѳахъ, происхожденіе которыхъ покрыто «глубокимъ мракомъ древности, но, разумѣется, должно «быть приписано поэтамъ, находимъ мы многія очевидныя, «глубокія мысли о красотѣ, о поэзіи, о связи ея съ нау«ками и искусствами, о поэтическомъ вдохновеніи, о фан«тазіи, о родахъ и видахъ поэзіи и о характерѣ каждаго.» Въ слѣдъ за этимъ Г. Шевыревъ приступаетъ, какъ и слѣдуетъ, къ раскрытію миѳовъ. У г. Метлинскаго не разобрано ничего, а находится только на страничкѣ осьмой:

---

* Равно какъ и исторія всего Европейскаго образованія.

Digitized by Google

«Въ Греціи еще въ миѳахъ встрѣчаемъ понятія или намеки «на понятіе о красотѣ въ природѣ и красотѣ въ искус(с)твѣ, «о несовершенствѣ формы, о необходимости выраженія, о «творчествѣ и памяти, о древности поэзіи, о сродствѣ ея «съ наукой и искус(с)твомъ, объ раздѣленіи ея на виды, «объ отношеніи вдохновенія къ жизни.» Можно было бы представить еще множество выписокъ, изъ которыхъ читатель ясно можетъ увидѣть, что Г. Метлинскій слишкомъ ужъ очевидно пользовался разсужденіемъ Г. Шевырева, и что сказанное Г. Шевыревымъ на тридцати или сорока страницахъ у Г. Метлинскаго скромно помѣщается на пяти, трехъ, иногда на одной страничкѣ.—Есть примѣры, что одно положеніе Г. Шевырева обширнѣе того, что у Г. Метлинскаго сказано въ разсужденіи о томъ же самомъ предметѣ.

Представимъ нѣсколько примѣровъ, какъ авторъ излагаетъ различныя теоріи словесности. — Нѣтъ ни одного писателя, даже ни одного положенія какого-нибудь писателя, надъ которымъ бы онъ остановился и потрудился бы его разобрать и объяснить его значеніе въ исторіи науки; — вездѣ вы встрѣтите одно голое исчисленіе сочиненій извѣстнаго автора, потомъ прочитаете нѣсколько положеній, давнымъ давно вамъ извѣстныхъ изъ учебниковъ, которые вы проходили еще въ Гимназіи, тѣмъ и кончается все дѣло. — Какая жъ тутъ исторія науки, если науку понимать какъ нѣчто, органически развивающееся, гдѣ всѣ явленія имѣютъ взаимную тѣсную связь, по отношенію къ одному общему предмету? Посмотримъ, на пр., что говоритъ авторъ о Квинтиліанѣ. — Во 1-хъ, онъ исчисляетъ заглавія его двѣнадцати книгъ; потомъ говоритъ, что Квинтиліанъ слѣдитъ за развитіемъ оратора отъ самой колыбели, и потому сначала излагаетъ правила для его воспитанія, предпочитая общественное домашнему; что Квинтиліанъ совѣтуетъ будущему оратору изученіе языка, поэзіи, исторіи, музыки, геометріи, политики, правовѣдѣнія, и, при чтеніи писателей, особенно въ началѣ, выборъ самыхъ превосходныхъ; что онъ опровергаетъ возраженіе противъ правилъ искус(с)тва, но не одобряетъ излишняго къ нимъ пристрастія; что онъ *прекрасно* (какъ это изобразительно!)

Digitized by Google

изображаетъ достоинство человѣческаго слова, — разсматриваетъ достоинство трехъ родовъ рѣчей, принимаемыхъ у Аристотеля; что, разсматривая мысль и слово, отдаетъ преимущество первой предъ послѣднимъ; что главными качествами хорошаго выраженія онъ считаетъ ясность, исправность, украшеніе.—Далѣе авторъ прибавляетъ: «Не *распространяясь* въ извлеченіяхъ изъ Квинтиліана, «замѣтимъ, что сочиненіе его *богато* (какъ много въ этомъ «словѣ!) мыслями, важными для искус(с)тва ораторскаго.»— Въ заключеніе авторъ приводитъ слова Г. Давыдова о Квинтиліанѣ, слова Квинтиліана о самомъ себѣ и наконецъ цитату въ двѣ строчки изъ Бернгарда. — Спрашивается: можно ли изъ такого конспекта получить хоть малѣйшее понятіе о Квинтиліанѣ, хоть сколько-нибудь опредѣлить его значеніе въ исторіи науки? Еще замѣчательнѣе, по сжатости изложенія, разборы теоретиковъ новой Европы; на пр. о Мармонтелѣ авторъ говоритъ: «Мармонтель, въ сочине«ніи «О вкусѣ,» отдаетъ предпочтеніе условнымъ приличі«ямъ предъ всеобщими законами изящнаго.» О Вольтерѣ: «Вольтеръ то осуждалъ стѣсненіе дарованій неосновательными правилами, то впадалъ въ противорѣчіе съ самимъ «собою.» О Фенелонѣ: «Для теоріи ораторства, особенно «духовнаго, *замѣчательны* сочиненія Фенелона.» Положимъ, что теорія словесности во Франціи получила ложное направленіе, что она для движенія науки не принесла никакой почти пользы; тѣмъ не менѣе авторъ не имѣлъ права обойти это явленіе безъ объясненія его причинъ. — Развитіе Французской теоріи словесности, не имѣя общаго и безусловнаго значенія, все-таки имѣетъ мѣстный и историческій интересъ. — Отдѣлаться двумя, тремя строками отъ какой бы то ни было теоріи, несообразно съ характеромъ ученаго разсужденія. — Притомъ, не одной Франціи пришлось перенести такое обидное невниманіе со стороны Г. Метлинскаго; самой Германіи, гдѣ эстетика, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наука словесности, получила прочныя основанія и богатое развитіе, досталась таже доля. — Канту, Шеллингу и Гегелю посвящено съ небольшимъ по страничкѣ, о Фихте сказано, что онъ подчинялъ изящное нравственному и непроизвелъ значительнаго вліянія на эстетику. — Но

Digitized by Google

больше всего мнѣ понравилась характеристика Шиллера: «Ученію Канта и Фихте отчасти слѣдовалъ Шиллеръ, пони-«мавшій изящное за единство чувственнаго и духовнаго, и «какъ бы предъугадывавшій Шеллинга.» Что на это сказать? Дѣло, кажется, само по себѣ ясно.

Изложивъ такимъ образомъ исторію науки, Г. Метлинскій входитъ въ объясненіе отношенія поэзіи къ искусствамъ и словесности, на основаніи новѣйшей, какъ онъ говоритъ, Гегелевой эстетики. — Въ этой части разсужденія мы не нашли ничего замѣчательнаго, кромѣ особой вычурности изложенія, которая, по нашему и по общему мнѣнію, не всегда прилична сочиненію, писанному съ ученой цѣлью. — Скажемъ нѣсколько словъ о положеніяхъ. — Большая часть ихъ отличается неприкосновенностью; содержаніе ихъ такого свойства, что нечего возразить. — На пр. кто не согласится съ слѣдующими положеніями: «Платонъ оставилъ въ сочиненіяхъ своихъ «глубокія, важныя мысли о прекрасномъ и словесности.» «Аристотель написалъ образцовыя систематическія сочине-«нія по теоріи словесности, имѣвшія вліяніе и на послѣдую-«щихъ писателей: Реторику какъ науку витійства, и Піитику, «какъ науку поэзіи, преимущественно драматической.» Ничего невыдумаешь сказать противъ этихъ положеній: — дѣйствительно, Платонъ оставилъ глубокія и важныя мысли о прекрасномъ и словесности; дѣйствительно, отъ Аристотеля остались Реторика и Піитика. Еще положеніе: «Въ «Римской словесности болѣе сдѣлано для теоріи витійства «Цицерономъ и Квинтиліаномъ, нежели Гораціемъ для те-«оріи поэзіи.» Опять правда: отъ Горація осталось одно только сочиненіе «Ars Poëtica;» его теорія вышла прямо изъ теоріи Аристотеля и есть ничто иное, какъ ея видоизмѣ-неніе; а отъ Цицерона осталось нѣсколько классическихъ сочиненій по части реторики, отъ Квинтиліана двѣнадцать книгъ по той же части. — Замѣчательно слѣдующее положеніе: «Французскіе классики, *которыхъ не должно «слѣшивать съ древними классиками*, имѣли *сильное* влія-«ніе на Европейскую словесность.» И такъ мы видѣли, что въ первой части своего разсужденія Г. Метлинскій представилъ намъ бѣдный конспектъ всѣхъ теорій слове-

Digitized by Google

сности; во второй части, гдѣ онъ объясняетъ отношеніе поэзіи къ искусству и словесности, равно какъ и въ своихъ положеніяхъ, онъ не только не рѣшилъ, но даже мелькомъ не задѣлъ ни одного вопроса изъ своей науки. — Рецензенту не было возможности даже поспорить съ авторомъ: ему не представилось никакого случая тронуть какую-нибудь сторону предмета, потому что авторъ не подалъ ему ни малѣйшаго повода къ тому. — Самому отъ себя ставить вопросы рецензенту казалось неприличнымъ: его дѣло не предлагать вопросы, а только слѣдить за трудомъ автора. — Въ заключеніе повторимъ опять наше искреннее, и, разумѣется, безпристрастное мнѣніе, что наука нисколько не выиграла отъ разсужденія Г. Метлинскаго, что въ читающемъ обществѣ оно произведетъ весьма невыгодное для автора впечатлѣніе, — особенно въ Москвѣ, которая такъ приучена ученою дѣятельностью своего Университета ко взыскательности, гдѣ такъ часто являются замѣчательнѣйшія сочиненія по различнымъ отраслямъ науки, гдѣ современно съ разсужденіемъ Г. Метлинскаго вышло разсужденіе Г. Кудрявцева, вслѣдъ за разсужденіями Гг. Леонтьева, Буслаева, Каткова. *Ф.*

9. Басни Константина Масальскаго. С. П. Б. 1851.

Тяжела обязанность библіографа, когда приходится говорить о книгѣ, подобной баснямъ Г. Масальскаго. Надобно сказать всю правду; а Г. Масальскій вѣрно будетъ недоволенъ: онъ, въ своемъ предисловіи, заранѣе уже вооруженъ на критиковъ и приготовилъ имъ свои возраженія. И такъ — будемъ глядѣть въ глаза опасности, т. е. пойдемъ прямо противъ предисловія, какъ на главный редутъ, защищающій его басни.

«Не имѣя дара предвѣдѣнія (говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи), предскажу однакожъ почти навѣрное, что нѣкоторые изъ критиковъ воскликнутъ нѣчто въ этомъ родѣ: «какъ осмѣлиться писать и печатать басни послѣ безсмертнаго, неподражаемаго Крылова! Да это такая смѣлость, такое литературное преступленіе, за которое перо такого-то, по неумолимому закону критики, подлежитъ строжайшему наказанію, брошенію въ воду, или сожженію на кострѣ.»

Digitized by Google

Я думаю, что ни одинъ знающій критикъ не сдѣлаетъ подобнаго восклицанія; и вотъ почему: во первыхъ, позволительно быть и ниже Крылова, но съ условіемъ: быть замѣчательнымъ въ своемъ собственномъ родѣ. Таковъ былъ Измайловъ. — Во вторыхъ, можно быть, если кому Богъ дастъ талантъ, и равнымъ Крылову, даже превышать его въ томъ, что составляетъ его недостатокъ; а именно, въ чистотѣ и правильности языка, ибо у Крылова встрѣчаются шероховатости и погрѣшности, которыхъ нѣтъ ни у Хемницера, ни у Дмитріева. По изобрѣтенію и народности разсказа онъ превосходитъ и ихъ обоихъ, и самого Лафонтена; но по чистотѣ языка ниже всѣхъ ихъ. — Почему же не писать послѣ Крылова?

«Если допустить (продолжаетъ авторъ) справедливость восклицанія: какъ писать и печатать басни послѣ Крылова! — то логически слѣдуетъ признать справедливыми и всѣ слѣдующія восклицанія: «Какъ! писать трагедіи или комедіи послѣ Шекспира, Шиллера, Мольера, Грибоѣдова и проч. и проч.»

Нѣтъ! одно изъ другаго не слѣдуетъ логически. Басня наша, въ трехъ нашихъ баснописцахъ, стоитъ на высокой степени совершенства: этотъ родъ почти конченъ. Въ немъ у насъ только и можно предположить развѣ втораго Крылова, пишущаго языкомъ совершенно гладкимъ, чистымъ и правильнымъ; но не болѣе.—А трагедія и комедія совсѣмъ другое. Театра у насъ почти нѣтъ; трагедіи — ни одной совершенной, комедіи—четыре, пять, не болѣе. Слѣдовательно, писать басни послѣ Крылова, дѣло довольно трудное, хотя и не совсѣмъ невозможное; а для трагедіи и комедіи—открытое поле: на Русскомъ нѣтъ Шекспира, Шиллера и Мольера.

Далѣе вооружается авторъ противъ нѣкоторыхъ критиковъ, имѣющихъ чувство *артистичности*.—Да какъ же, говоря объ искуствѣ, не имѣть чувства художественности; ибо слово *артистичность*, при всей своей уродливости, значитъ по-русски художественность. Потомъ утѣшается онъ будущимъ мнѣніемъ заслуженныхъ литераторовъ, которые, не гоняясь за *тенденціею* и чувствомъ *артистичности*, говорятъ просто правду, не смотря на *лице*, или

Digitized by Google

на *индивидуумъ*. — Лицо не есть индивидуумъ, а персона; индивидуумъ же переводится по-русски недѣлимымъ.—Но какъ же не требовать отъ автора тенденціи? — Тенденція есть направленіе; каждый авторъ долженъ имѣть какое нибудь направленіе.

«Пусть не мѣшаютъ и мнѣ писать басни, говоритъ далѣе авторъ, если этотъ родъ мнѣ нравится съ молодыхъ лѣтъ моихъ.» — Да пишите, Богъ съ вами! кто вамъ мѣшаетъ? а если напечатали, извините, читатель имѣетъ право требовать одного хорошаго.—Буало говорилъ:

Dès que l'impression fait éclore un poète,
Il est esclave-né de quiconque l'achète.

«Графъ Хвостовъ (продолжаетъ авторъ), въ одной изъ своихъ басенъ написалъ:

Овецъ тазать охоча волки.
Россійскій Лафонтенъ (т. е. *Крылова*) о нихъ худые толки
Пустилъ и пріобрѣлъ вѣнецъ,
Французскому Фонтену подражая;
Фонтену Федръ былъ образецъ:
Эзопъ имъ всѣмъ отецъ.»

«Графъ Хвостовъ (прибавляетъ онъ) забылъ еще превосходныхъ баснописцевъ нашихъ: Хемницера и Дмитріева, и не сказалъ ни слова объ оригинальномъ, замѣчательномъ Измайловѣ.»

Изъ этихъ словъ видно, что авторъ басень не твердо знаетъ исторію Русской литературы. Басни Графа Хвостова, въ которыхъ находятся и приведенные здѣсь стихи, напечатаны въ 1802 году, а Крыловъ началъ печатать свои басни въ 1809 и 1811 годахъ; Измайловъ же въ 1814. Нельзя же было въ 1802 г. пророчествовать о нихъ Графу Хвостову. Здѣсь *Россійскимъ Лафонтеномъ* названъ А. П. Сумароковъ, что свидѣтельствуется другою его баснею: «*Свѣтокъ*», которая начинается такъ:

Безсмертный Сумароковъ,
Россійскій Лафонтенъ,
Гонитель шалостей, пороковъ!
Твой слогъ легокъ и быстръ, не пышенъ, не надменъ.

До Крылова называли также Лафонтеномъ И. И. Дмитріева, и въ стихахъ, и въ тогдашнихъ журналахъ; такъ что, для отличія ихъ одного отъ другаго, наши книгопродавцы называли иногда Крылова, въ своихъ объявле-

Digitized by Google

ніяхъ: *нашъ любимѣйшій Лафонтенъ.* — Русскому писателю надобно знать во всей подробности, во всѣхъ мелочахъ, исторію Русской литературы.

Довольно о предисловіи; что теперь сказать о баснях?

Басни Г. Масальскаго отличаются отъ другихъ, во первыхъ, тѣмъ, что это не басни, а какія-то уподобленія. То есть: въ нихъ, по большой части, нѣтъ аллегоріи, или продолженной метафоры, этой души басни; а просто разсказъ, съ объясненіемъ, что этому или должно слѣдовать, или не должно слѣдовать. Примѣры:

1. Былъ дурной портной, который, отъ незнанія своего ремесла, разорился. — Нравоученіе:

Мы этой баснею имѣли цѣль внушить,
Какъ худо быть портнымъ, когда не знаешь шить!

2. Мужикъ вырылъ яму у воротъ своего сосѣда, чтобы попалъ въ нее сосѣдъ, а попалъ въ нее самъ. — Нравоученіе:

.... Яму ты другимъ не рой впередъ:
Кто роетъ яму, тотъ въ нее и попадетъ:

3. У одного человѣка повалился домъ; онъ приходитъ къ сосѣду просить пристанища, и въ тоже время совѣтуетъ ему починить его домъ, чтобы онъ не повалился.— Нравоученіе:

Въ какой-то книгѣ я недавно прочиталъ:
Иного домъ валится,
А онъ боится,
Чтобъ домъ сосѣдній не упалъ.

4. Звонарь Потапъ, не справясь съ святцами, бухъ въ колоколъ! Староста началъ его при всѣхъ позорить. Онъ покаялся.

«Ну, коли каешься, міръ молвилъ: дѣло въ шляпѣ!

Нравоученіе:

«Безъ справокъ не трезвонь и вспомни о Потапѣ!

5. Чтобы укротить языкъ какой-то бранчивой Ирины, прибѣгаютъ къ колдовству. Колдунъ даетъ свой носовой платокъ, съ такимъ приказаніемъ:

«Ты наложи его Иринѣ на ротокъ».

Digitized by Google

Но это средство не удалось. Ирина разсердилась пуще. — Нравоученіе:

Ни чарами, ни чѣмъ, ни старыми платками
Не слаживалъ никто съ клеветниками.

Я хочу сказать этими примѣрами, что у Г. Масальскаго нравоученіе басни есть почти всегда не нужное повтореніе на словахъ—примѣра, представленнаго въ разсказѣ.

Еще замѣчаніе.—Въ баснѣ, какъ вообще ее понимаютъ, животныя хотя и представляютъ человѣковъ, но дѣйствуютъ, какъ животныя, сообразно своей натурѣ; а у Г. Масальскаго, напротивъ, они дѣйствуютъ какъ люди. Объяснимся примѣромъ. Въ баснѣ Крылова: *Квартетъ*, животныя, хотя и берутъ въ лапы инструменты, но это по необходимому требованію содержанія басни; а у Г. Масальскаго оселъ, въ гостяхъ у слона, садится въ кресла безъ всякой необходимости.

Природа въ басняхъ Г. Масальскаго не слѣдуетъ своимъ законамъ.—Слѣпень всѣхъ кусаетъ со злости.—Нѣтъ! Слѣпни кусаются за тѣмъ, что насыщаются кровью животныхъ.—Лягушки говорятъ птицамъ:

Не вамъ летать, не вамъ парить подъ облаками;
Удѣлъ вамъ по землѣ *таскаться съ пѣтухами*.

А пѣтухи не *таскаются*; они ходятъ напротивъ очень гордо и отличаются бойкостію: отчего есть у насъ и выраженіе — *пѣтушиться*. — Индѣйскій пѣтухъ, въ одной баснѣ, самъ названъ: индѣецъ; а цыпленка называетъ: *молокососъ*. Но птицы не принадлежатъ къ млекопитающимъ; и цыплята молока не сосутъ.—Кроликъ, въ одной баснѣ, воскликнулъ —

И подъ бока пырнулъ медвѣдя онъ ушами,
Ну словно быкъ рогами.

У кролика уши мягки; онъ не можетъ пыряться ими, какъ рогами. — Медвѣдь говоритъ ему:

Сожму тебя я въ лапѣ,
Да съѣмъ, и дѣло будетъ въ шляпѣ!

Медвѣдь не носитъ шляпы, и потому, на медвѣжьемъ языкѣ не можетъ быть этой пословицы. — Все это чрезвычайно какъ-то напоминаетъ Графа Хвостова, у котораго ужъ становится на *колѣни*; паукъ *прыгаетъ*; мухѣ смерть пришла отъ *ласточкиныхъ рукъ*; оселъ—крѣпко *лапами* за дерево хватаетъ, а подъ конецъ басни очутился *ослицею*, и проч.

Digitized by Google

Всего чуднѣе въ этомъ родѣ у Г. Масальскаго басня: «Крестьянинъ и заяцъ». Выпишемъ ее всю для удовольствія читателя:

Однажды, по лѣсу, шелъ староста Кондратъ,
И кузовъ на спинѣ тащилъ онъ преогромный.
— Вѣдь завтра день-то не скоромный, —
Крестьянинъ разсуждалъ. — Несказанно я радъ,

Что кузовъ мой грибами полонъ.
Вотъ, завтра, на обѣдъ, ко мнѣ прикатитъ братъ;
А у меня пирогъ! Лишь не былъ бы онъ солонъ!
Да за хозяйкою я присмотрю и самъ,
А выдетъ худъ пирогъ, такъ грѣхъ-то пополамъ.
На встрѣчу пырь въ глаза Кондрату жирный заяцъ.
Бѣгунъ, отъ ужаса, прищурилъ, какъ Китаецъ,
Свои глаза, и вдругъ на лапки сталъ.

— Ахъ, ты косой! Кондратъ вскричалъ.

— Ты оборотень что ль? Скорѣе признавайся,
Не то такъ съ жизнью разставайся!
Ну, говори жъ скорѣе: кто ты? — «Груздь!»
Такъ заяцъ отвѣчалъ въ смущеніи. — Ну, пусть!
Назвался ты груздемъ, такъ въ кузовъ, мой любезный!
Ты мнѣ, какъ вижу я, грибокъ-то преполезный,
И такъ какъ я извѣстный хлѣбосолъ,
То послѣ пирога тебя подамъ на столъ.

—

Кто предъ людьми чужую роль играетъ,
Тотъ скоро въ кузовъ попадаетъ.

Есть въ этихъ басняхъ и сравненія тоже, какъ у Графа Хвостова, что называется ни къ селу, ни къ городу. Напримѣръ:

Храни Господь — твой домъ свалится,
Убьетъ тебя съ женой, съ дѣтьми,
И ляжете вы тутъ *какъ Святославъ костьми.*

А у Графа Хвостова:

Улисова сестрица,
Лисица
По самы по груди попала въ грязь
И тину,
Оставила одну наружи только спину.
Въ рукахъ Циклоповыхъ былъ самъ Итаки князь.

Въ басняхъ Г. Масальскаго замѣтна еще чрезвычайная неточность мысли и выраженія. Между множествомъ примѣровъ выберемъ одинъ:

Въ одной изъ тучь скрывался крупный
И чувству зависти доступный,

Digitized by Google

Честолюбивый Градъ.

Увидѣвъ, какъ дождю всякъ радъ,
Съ ужаснымъ шумомъ и стремленьемъ
Посыпался онъ на поля.

Нравоученіе:

Одинъ добро творитъ безъ шума и безъ славы,
Другой шумитъ себѣ для горя и забавы,

Неясно: для чьего горя? для чьей забавы? А горе и забава, въ одномъ лицѣ и въ одно время, невозможны.

Языкъ басень вездѣ прозаическій; ни какой силы, ни какой вѣрности и отчетливости. Напр. *Цѣлый день онъ деньской.* — Что нибудь одно: или *цѣлый день*, или *день деньской.*

Что сказать послѣ этого? Басни дурны; порядочныхъ нашли мы, но только порядочныхъ, всего три или четыре; а именно: *Два колоса*, *Овца и терновникъ*, *Сынъ;* всѣхъ лучше басня, подъ названіемъ: *По случаю.*

Совѣтуемъ Г. Масальскому: совсѣмъ не писать басень, а между тѣмъ прочитать со вниманіемъ хотя Измайлова— Опытъ о разсказѣ басни. *Л. Л.*

Руководство къ Оперативной Хирургіи, Ж. Ф. *Мальгеня*, перев. Д. Я. *Чистовичъ*. С. Петерб. 1851. XI. с. 780.

Мальгень, извѣстный своими заслугами по части Хирургіи и Хирургической Анатоміи, справедливо можетъ быть поставленъ въ числѣ французскихъ представителей той и другой. Пятое изданіе его руководства къ Оперативной Хирургіи ручается за пользу послѣдняго. И дѣйствительно, стоя наряду съ лучшими краткими руководствами того же рода, изданными въ Англіи и Германіи, оно представляетъ хорошій учебникъ для начинающихъ и полезную какъ памятную, такъ и подручную книгу для практиковъ. Возможная полнота содержанія, строгой порядокъ и легкость въ изложеніи, множество анатомико-хирургическихъ и анатомико-патологическихъ указаній или данныхъ, столь важныхъ для правильнаго и успѣшнаго производства операцій, критическая оцѣнка ихъ, управляемая тѣми же данными и нечуждая опыта, говорятъ въ пользу автора и ка-

Digitized by Google

бращихъ его для перевода на Русской языкъ, хотя, замѣтимъ мимоходомъ, въ избранномъ сочиненіи нельзя найти нѣкоторыхъ существенныхъ и весьма важныхъ изъ новѣйшихъ пріобрѣтеній Хирургіи, встрѣчающихся наприм. въ Оперативной Хирургіи *Диффенбаха*. Нѣтъ сомнѣнія, что оно было бы полезнѣе и, можно сказать, современнѣе, если бы подснено было рисунками, какъ уже это было сдѣлано съ однимъ изъ первыхъ изданій того же сочиненія въ Брюсселѣ; нѣтъ надобности указывать, что такого рода изданіе было бы еще полезнѣе для русскихъ. Не знаемъ, думалъ ли о томъ переводчикъ, или нѣтъ. Почитая неприличнымъ вмѣшиваться въ чужія дѣла, мы высказали только свое желаніе полезнѣйшаго; но съ другой стороны намъ кажется весьма позволительнымъ и не безполезнымъ сказать нѣсколько болѣе о самомъ переводѣ. Взглянувши на ту и на другую, на пятую и на десятую, и множество другихъ страницъ, невольно переносишься мыслію къ тѣмъ подвигамъ, которые предпринимали и совершали любители русскаго слова, заботясь объ очищеніи и благозвучіи его, красотѣ и благородствѣ, ясности и силѣ, соотвѣтственности выражаемой имъ мысли и гармоніи, словомъ о всестороннемъ усовершенствованіи его, которое, благодаря трудамъ ихъ, достигло до высокой степени; переносишься, и находишь къ сожалѣнію въ немаломъ съ нимъ противорѣчіи переводъ Мальгеня.

1) Начнемъ *съ словъ*. Переводъ очень богатъ не-русскими словами, которымъ есть равносильные русскіе. Для примѣра представляемъ слѣдующую параллель:

Слова переводчика:	*Соотвѣтствующія имъ русскія слова.*
Сепаровка.	Отдѣленіе, разсѣченіе.
Спеціальный.	Особенный.
Діаметръ.	Размѣръ, поперечникъ.
Фунгозныя наращенія.	Грибовидные наросты.
Прогрессивный.	Постепенный.
Симптомы.	Признаки.
Анкилозъ.	Неподвижность.
Агентъ.	Дѣятель.
Стилетъ.	Прутикъ.

Digitized by Google

Киста.	Пузырь.
Синусъ.	Пазуха.
Шпадликъ.	Лопаточка.
Флюктуація.	Зыбленіе, колыханіе.
Эректильный.	Напрягающійся.
Раціональный.	Отчетливый.
Гангрена.	Омертвѣніе.
Изолированіе (артеріи).	Отдѣленіе.
Рецидивъ.	Возвратъ.
Резекція.	Отсѣченіе.
Инфильтрироваться (говорится о жидкостяхъ, входящихъ въ ткани).	Просочиться, разлиться.
Фиброзный.	Волокнистый.
Принципъ.	Основаніе, начало.
Паціентъ.	Больной.

Не ограничившись совершенно излишнею нагрузкою русскаго перевода подобными иностранными словами, переводчикъ говоритъ о веществахъ, прикладываемыхъ въ *порошкованномъ* видѣ, объ *опознательной* точкѣ, которую составляетъ въ извѣстномъ случаѣ портняжная мышца, точкѣ, вѣрно доводящей до артеріи и т. п. Не яснѣе ли, не проще ли и не согласнѣе ли съ русскимъ языкомъ сказать вмѣсто *въ порошкованномъ видѣ* — въ порошкѣ, вмѣсто *опознательной* точки — указатель? Замѣчаете ли еще притомъ, что дѣло идетъ о вѣрномъ доведеніи до артеріи, или познаніи ея мѣстопребыванія, а слово опознательный такъ близко употребительному слову — обознаться, выражающему совершенно противное. Послѣ *словъ* замѣтимъ множество выраженій неправильныхъ, напр. *прямо исправить* (стр. 88).... И *наконецъ окончательно* прекратить (с. 27).... *Недвижное укрѣпленіе* инороднаго тѣла (с. 219). Но при образованіи лоскута очень *рискуется* оставить обнаженныя *выстоянія* надблока и надмыщелка (с. 330). *Грефе* первый совѣтовалъ *дать* такимъ образомъ выполненному *способу самолюбивое названіе* нѣмецкой методы (с. 133). Лучше оставить... чѣмъ *рисковать раздражить* глазъ слишкомъ *повторительными маневрами* (с. 414). Далѣе, встрѣчается губная пластика (хейлопластика) губы, иглоукалывающая (акупунктурная) игла; вмѣсто того чтобы

Digitized by Google

служить просто *опорою*, пальцы руки *служатъ для взятія точки опоры* (стр. 2); вмѣсто приподнятія острія *опусканіемъ* рукоятки, остріе бистурея поворачивается кверху *движеніемъ опусканія* (стр. 8); краткое и ясное выраженіе — *прижавши артерію*, замѣняется роскошнѣйшимъ — *устроивъ сперва давленіе на артерію* (с. 213); рану лечатъ не *посредствомъ наложенія*, а *какъ такую рану, которая должна нагнаиваться* (с. 237). Что сказать о точности и ясности выраженій и перевода? Въ подлинникѣ говорится объ инструментахъ наичаще *бывающихъ* въ рукахъ хирурга, а въ переводѣ они суть всего чаще *не выходящіе* изъ рукъ (с. 1). Въ подлинникѣ рукоятка труакера пальцами прижимается *къ ладони*, а въ переводѣ придерживается *къ ладонной ямкѣ* (с. 11). *Разъѣдающія* (cathérétiques) средства, какъ бы ни было поверхностно ихъ дѣйствіе, не суть, какъ говорится въ переводѣ, слегка *раздражающія* (с. 13). Когда быстро и легко прикасаются къ тѣлу раскаленнымъ желѣзомъ, то нельзя сказать, что оно мимо летитъ, хотя въ переводѣ дѣйствіе это (cautérisation transcurrente) называется *мимолетнымъ* прижиганіемъ (с. 20). Продавить, напр. стекло, или дно шляпы, значитъ разрушить связь, причинить разрывъ соединенныхъ частицъ или частей: въ переводѣ говорится (с. 579), что для вправленія грыжи *продавливаютъ* массу опухоли пальцами сквозь кольцо etc., какъ будто слово подлинника *pousser* значитъ продавливать; отъ разрыва грыжи ущемленной, которая также подлежитъ иногда вправленію, легко бываютъ смертельныя послѣдствія, и потому лучше съ осторожностію вдвигать, вводить и т. п. грыжу, нежели продавливать. Кстати объ ущемленіи грыжи: наконецъ, говоритъ переводчикъ, послѣ какъ найдено ущемленіе, для расширенія его употребляется бистурей etc. (стр. 583). По смыслу рѣчи видно, что бистурей употребляется для расширенія ущемленія, а въ ущемленіи предполагается ущемляющее и ущемляемое, и тронуть бистуреемъ то или другое не все равно: для кого же изъ двухъ употребляется онъ? Въ подлинникѣ сказано безъ прибавленія слова *его*, *pour le débridement*—только; слово же *débridement* не значитъ расширеніе, оно происходитъ отъ *débrider* разнуздывать, а *débrider* отъ *bride* — узда,

Digitized by Google

завязка; соотвѣтственно тому по-русски лучше бы въ настоящемъ случаѣ слово *débridement* замѣнить словомъ разрѣшеніе (ущемленія). На стр. 132 говорится объ операціи, въ которой начинаютъ *обновленіемъ* (par rafraîchir) краевъ нарушенія цѣлости, какъ будто слово *rafraîchir* значитъ *обновить*, и какъ будто превращеніе оныхъ краевъ въ чистую, *свѣжую* рану есть обновленіе. *Костномозговой хрящевидный костяной наростъ* (exostosis medullaris cartilaginosa (стр. 231) есть столь краткое, точное и ясное обозначеніе предмета, что невольно задумаешься при подобномъ названіи его, какъ и при слѣдующемъ описаніи зонда: *этотъ* зондъ долженъ быть *протянутъ*.... *дирочкою* (с. 521). Если раздѣлять тѣла на части и называть ихъ членами, то въ вертикальномъ положеніи голова будетъ верхній членъ; а переводчику угодно верхними членами (с. 141) называть руки, вѣроятно потому, что ему не нравится употребительный терминъ: верхнія конечности. По той же вѣроятно причинѣ вертлугъ сдѣлался вертеломъ (с. 207), сгущеніе или осѣданіе крови превратилось въ створаживаніе (с. 213), треніе замѣнено обтираніемъ (с. 237), проколовшая игла называется проколотою (с. 239), костная спайка въ переломленныхъ костяхъ именуется мозолью.

Изъ приведенныхъ примѣровъ, которыми усѣяны страницы перевода, читатели сами могутъ судить о достоинствѣ его. Изъ нихъ можно заключить, что переводчикъ, приготовляя Русской переводъ и для Русскихъ, или неознакомился надлежащимъ образомъ съ Русскимъ языкомъ, или почиталъ излишнимъ хорошій и ясный слогъ для медицинской книги. Что касается до послѣдняго, то онъ для медицинской литературы не менѣе нуженъ, какъ и для другихъ наукъ. Нужноли говорить, что неясность и другіе недостатки слога не только затрудняютъ чтеніе книги, но и бываютъ причиною сбивчивости понятій; а въ руководствахъ медицинскихъ вообще, и въ частности Оперативной Хирургіи, необходима строгая отчетливость и вѣрность въ описаніи излагаемыхъ предметовъ, ибо дѣло касается до спасенія жизни, или облегченія страждущихъ.

Хирургъ.

Digitized by Google

Пантеонъ и репертуаръ русской сцены. Издаваемый подъ Редакціею Ѳ. Конп. 1850. N. I—XII.

Пантеонъ и Репертуаръ изданіе совершенно спеціальное. Существованіе такого изданія въ продолженіе больше чѣмъ десяти лѣтъ, каково бы это существованіе ни было — доказываетъ несомнѣнно, что есть у насъ извѣстная часть читателей, интересующихся театромъ и всѣмъ относящимся къ театру. Назначеніе такого изданія опредѣляется само собою и весьма просто: какъ Пантеонъ театровъ, оно должно представлять образцовыя драматическія произведенія, статьи, относящіяся къ драматургіи и къ сценическому искусству, подробныя обозрѣнія современнаго состоянія той и другой; какъ Репертуаръ русской сцены — оно обязано печатать все, что имѣетъ на сценѣ успѣхъ, хотя бы даже и временный, хотя бы даже и незаслуженный, но вмѣстѣ съ тѣмъ цѣнить печатаемое и имѣющее успѣхъ, — не по одному только успѣху, а по внутреннему его достоинству, ибо, иначе, безъ соблюденія послѣдняго условія, оно потеряетъ всякое серьезное значеніе. Журналъ не долженъ быть безсвязнымъ сборникомъ, или, въ противномъ случаѣ, не имѣетъ права на названіе Журнала: это аксіома, которая и послужитъ намъ основою для оцѣнки Пантеона и Репертура.

Но прежде чѣмъ мы примемся за оцѣнку того, что передалъ въ прошедшемъ году Пантеонъ и Репертуаръ, какъ представитель современнаго состоянія драматургіи и драматической критики, — считаемъ неизлишнимъ сказать нѣсколько словъ о ихъ современномъ состояніи вообще.

Что настоящее время во всей Европѣ, нетолько у насъ, весьма не богато серьёзными драматическими произведеніями, что театръ, наводненный разными эффектными штуками и водевилями, лишенными часто даже здраваго смысла, пересталъ служить наслажденіемъ для мыслящихъ людей, что самое сценическое искусство только въ комедіи имѣетъ еще (за весьма немногими исключеніями) истинно достойныхъ представителей, все это — истины, въ которыхъ могутъ сомнѣваться развѣ только господа, имѣющіе

Digitized by Google

привычку ходить въ театръ для сваренія желудка, да сами производители дюжинныхъ штукъ. Съ другой стороны, никогда можетъ быть такъ живо не чувствуема была немногими мыслящими людьми и лучшею, т. е. еще неиспортившею своего вкуса, частію массы — потребность иныхъ впечатлѣній, нежели тѣ, какими угощаютъ насъ драматурги. Является напримѣръ произведеніе, представляющее съ художественной стороны множество недостатковъ, угловатостей, странностей, кидающихся въ глаза всякому мало-мальски знакомому со сценою и съ ея условіями; но это произведеніе раскидываетъ широкую картину, но оно дышетъ любовью къ воспроизводимому имъ событію, но возстаютъ въ немъ живые образы, а не маріонетки съ наклеенными на лбу ярлыками — и горячимъ сочувствіемъ отзывается на него масса, и забываются хоть на минуту мыслящіе люди, переносясь душею къ ту эпоху, когда театръ могъ смѣло выставить на своемъ фронтисписѣ слова великаго драматурга: «Die Schaubühne ist eine moralische Anstalt; является, напримѣръ, артистъ на трагическія роли, котораго голосъ неоскорбляетъ вашего слуха, котораго дикція неиспорчена неестественностью — масса готова увлечься имъ, готова ждать отъ него многаго, и мыслящіе люди въ состояніи снисходительно смотрѣть на рѣзкіе недостатки, исполненія въ цѣломъ. Играются наконецъ въ сотый, въ стопятдесятый разъ комедіи — и театръ не пустъ, и самымъ живымъ участіемъ къ представленію проникнуты видѣвшіе его нѣсколько разъ, и все на новыя мысли, и все на новыя трезвыя и часто суровыя думы наводитъ оно мыслящаго человѣка, и все ближе и ближе роднятся и сживаются артисты съ представляемыми ими лицами. Правда, что ежедневныя явленія повидимому въ разладѣ съ этими исключительными; во всѣхъ Европейскихъ странахъ: правда, что театры полны и въ представленія пошлѣйшихъ мелодрамъ или водевилей; правда, что хохотомъ грубаго сочувствія встрѣчаются неприличные куплеты или дерзскія выходки; правда, что господа, признающіе какое-то *мизерное* въ искусствѣ; готовы рукоплескать какой нибудь артисткѣ за ловкое выставленіе

Digitized by Google

кончика маленькой ножки, за свѣтскость манеръ, вообще за вещи совершенно постороннія. — Но вѣдь и сочувствіе-то здѣсь совершенно постороннее, вѣдь и оно вызвано вовсе не искусствомъ.

Бываютъ благодатныя эпохи, когда драматургія и сцена не разноголосятъ одна съ другою, — бываютъ другія, когда одна выше другой: то драматургія выше сцены, то сцена выше драматургіи. Только въ первомъ случаѣ театръ исполняетъ свое назначеніе. Въ послѣднемъ же случаѣ — драматургія ли выше сцены, сцена ли выше драматургіи — положеніе все-таки ложное. Если драматургія сознаетъ себя выше сценическихъ условій и идетъ въ разрѣзъ съ обычною рутиною, — она перестаетъ уже быть драматургіею въ настоящемъ значеніи: появляются произведенія, написанныя въ драматической формѣ и написанныя не для представленія; драматурги впадаютъ въ неумѣстный лиризмъ какъ нѣмцы-романтики, или какъ они же угощаютъ публику то идеализмомъ, то фатализмомъ, равно странными для новаго человѣка. Если сцена выше драматургіи — какъ въ настоящую минуту во Франціи и отчасти у насъ — являются цѣховые производители, которые пишутъ пьесы не по внутреннему побужденію, а для забавы жаждущей новизны публики, выводятъ въ нихъ не характеры, не лица, а извѣстные, общіе роды характеровъ, въ которыхъ хороши тѣ или другіе любимые артисты, извѣстныя положенія, которыя одинаково дѣйствуютъ на нервы посѣтителей театра: такія драматическія произведенія совершенно тоже, что оперныя либретто: они существуютъ не сами по себѣ и не сами для себя, онѣ безпрестанно повторяютъ одни и тѣже положенія и выводятъ ихъ насильственно. Между тѣмъ, ложь проглядываетъ повсюду. Вопреки нѣмцамъ-романтикамъ, на нѣмецкихъ сценахъ царствуютъ до сихъ поръ дюжинныя штуки Коцебу и Г-жи Бирхъ-Пфейферъ; вопреки цѣховой производительности, живое произведеніе, хотя бы даже и нарушало оно всѣ сценическія условія, самою жизненностью своей и новизной будитъ сочувствіе въ массѣ и это сочувствіе звучитъ грознымъ судомъ для подозрительной, завистливой цѣховой про-

Digitized by Google

изводительности, ибо чувствуетъ она смутно, что всякое живое созданіе подрываетъ ея кредитъ, что придетъ время, когда прогонятъ ее *со срамомъ великимъ* съ тѣхъ самыхъ подмостокъ, на которыхъ устроилась она такъ выгодно для себя. Одного только не чувствуетъ цѣховая производительность — того, что прежде всего, она сама подрываетъ свой кредитъ, повтореніемъ однихъ и тѣхъ же положеній, что раздражая нервы, она въ тоже самое время притупляетъ ихъ, что надоѣли уже всѣмъ до-нельзя ея наивные простаки, ея фаты-Князья, ея трогательные старики-отцы и безобразные старики-любовники, ея сцены свиданій и прощаній дѣтей съ дражайшими родителями, ея великосвѣтскія кокетки и барышни съ пансіонскими страстями. Всѣ уже знаютъ, что ничего подобнаго нѣтъ въ жизни, всѣ знаютъ, что такія штуки пишутся на извѣстныхъ артистовъ или съ расчетомъ на слабость нервовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, для всякаго не вовсе чуждаго театру человѣка, несомнѣнно то, что цѣховая драматургія выдохлась окончательно, что въ ея штукахъ не осталось ровно ничего сколько нибудь похожаго на живое. Мы не станемъ говорить о такъ называемыхъ легкихъ ея произведеніяхъ, о водевиляхъ съ лакейскими куплетами, или о комедіяхъ съ претензіями на великосвѣтскость — по той простой причинѣ, что о нихъ и говорить не стоитъ; но не можемъ не сказать нѣсколькихъ словъ о драмахъ, наводнившихъ Европейскую сцену и переведенныхъ большею частію съ Французскаго. Возьмите любую изъ нихъ, не трудясь выбирать, — вы непремѣнно натолкнетесь на общіе имъ всѣмъ недостатки. Недостатки эти заключаются главнымъ образомъ въ отсутствіи содержанія и въ безцвѣтности выводимыхъ лицъ. Въ каждой изъ этихъ драмъ повидимому много движенія, много эффектовъ, много такъ называемыхъ coups de théâtre, но что вамъ въ движеніи маріонетокъ, что вамъ въ эффектахъ, вытянутыхъ насильственно, что вамъ въ coups de théâtre, которые не приведены обстоятельствами, постоянно возбуждавшими вашъ разумный интересъ? Не всякое невѣроятное событіе можетъ послужить предметомъ для драмы, и съ другой стороны, не

Digitized by Google

всякаго трогательнаго происшествія съ человѣческимъ сердцемъ достаточно для того, чтобы на немъ основать драму, а всѣ почти современныя французскія драмы или представляютъ собою сцѣпленіе различныхъ странныхъ приключеній, или вышиты по такой бѣдной канвѣ, которой еле-еле достанетъ на одно лирическое стихотвореніе.

Таково въ общихъ чертахъ повсемѣстное состояніе драматургіи. Столько же печально и состояніе драматической критики. Вмѣсто того, чтобы поставить себя выше упадка искусства, она принаровляется къ нему, она становится въ уровень съ бездарными произведеніями, отрекается отъ художественнаго масштаба, и готова преслѣдовать насмѣшкою всякій дѣльный и серьёзный взглядъ. Въ одномъ журналѣ у насъ провозглашалась новооткрытая истина, что назначеніе драматическаго искусства — забавлять и занимать публику; въ другихъ журналахъ и газетахъ хвалятся произведенія гг. NN. ММ. SS. — и вообще мнѣніе всѣхъ почти рецензентовъ служитъ выраженіемъ взгляда такъ называемыхъ театраловъ, т. е. той части публики, которая ходитъ въ театръ по причинамъ, неимѣющимъ съ искусствомъ ничего общаго. Естественно, что такими рецензіями, болѣе или менѣе пристрастными, болѣе или менѣе неприличными, перестали давно уже дорожить и публика и сценическіе артисты, и что голосъ честнаго критика на этомъ поприщѣ будетъ всегда встрѣченъ или смѣхомъ рутинеровъ или великосвѣтскимъ пренебреженіемъ господъ, считающихъ приличнымъ интересоваться русскимъ театромъ. Оно такъ и быть должно при настоящемъ состояніи искусства.

Отъ Пантеона и Репертуара мы не въ правѣ слѣдовательно требовать, чтобы онъ давалъ образцовыя или даже серьёзныя произведенія, потому что на это онъ могъ бы отвѣтить намъ простымъ вопросомъ: гдѣ ихъ взять? Но, отъ Пантеона и Репертуара, какъ журнала, посвященнаго драматическому искусству, мы не можемъ не требовать дѣльнаго взгляда на искуство, а этого-то, къ горькому нашему сожалѣнію, въ немъ и нѣтъ. Это мы постараемся доказать фактами; а прежде всего отдадимъ критикѣ отчетъ во всемъ, что

Digitized by Google

представилъ журналъ въ прошедшемъ году, слѣдуя тому порядку, въ которомъ расположены его отдѣлы. Отдѣлы эти: 1) Драматическая литература. 2) Изящная Словесность. а) Проза. b) Стихотворенія. 3) Исторія искуства. 4) Мемуары. 5) Юмористика. 6) Критика, драматическая библіографія, театральная лѣтопись, панорама иностранныхъ театровъ. 7) Смѣсь. 8) Балагуръ и 9) Репертуаръ русской сцены. Отдѣляя Репертуаръ русской сцены отъ драматической литературы, редакція этимъ самымъ даетъ право судить съ большею строгостью пьесы, помѣщаемыя въ первомъ отдѣлѣ. Посмотримъ же, какими сокровищами обогатилась въ прошломъ году Русская литература:

1. Драматическая литература.

Въ этомъ отдѣлѣ помѣщены слѣдующія произведенія:

1) *Школа стариковъ, комедія Казимира Делавиня, перев. въ стихахъ А. А. Григорьева.* Школа стариковъ, принадлежащая по своему общему характеру къ комедіямъ прошлаго столѣтія, не смотря на то, что написана поэтомъ умершимъ не такъ давно, отжила свое время. Мы мало сочувствуемъ теперь даже и комедіямъ величайшаго изъ Французскихъ комиковъ, Мольера, тѣмъ менѣе можно восхищаться его подражателями. Переводъ комедіи имѣетъ много недостатковъ и вообще сдѣланъ какъ видно на скорую руку.

2) *Философскій камень, драма Ф. Гальма, перев. въ стихахъ Н. И. Филимонова.* Гальмъ принадлежитъ къ многочисленной школѣ Нѣмецкихъ драматурговъ-романтиковъ, которыхъ продукты иногда способны возбудить сомнѣніе въ здравости разсудка авторовъ, иногда вывести изъ терпѣнія обиліемъ самаго дешеваго и водянаго лиризма. По этой части, мы предпочитаемъ всему прочему драмы Захаріи Вернера, замѣчательныя, по крайней мѣрѣ, какъ слѣдствіе помѣшательства. Что же касается до Гг. Гальма, Грильпарцера и Раупаха, то кромѣ скуки, ихъ драмы не возбуждаютъ никакого другаго чувства. По прочтеніи драмы Гальма, мы пожалѣли только о переводчикѣ, владѣющемъ довольно звучнымъ и правильнымъ стихомъ.

Digitized by Google

3) Точно такъ же принуждены мы были сожалѣть о Г. В. Зотовѣ, посвятившемъ и трудъ и время на переводъ *слабѣйшей* драмы Андерсона «Дочь Короля Рене.» Сожалѣніе наше тѣмъ болѣе умѣстно, что переводчики могли бы употребить свои силы на переводы капитальныхъ произведеній Нѣмецкой литературы, вовсе у насъ неизвѣстныхъ или извѣстныхъ по плохимъ переводамъ — на переводы, напримѣръ, драмъ стараго великаго Лессинга: Наѳана, Сары Сэмпсонъ, Минны Фонъ-Барнгельмъ; — нѣкоторыхъ драмъ Гёте у насъ вовсе непереведенныхъ, какъ напримѣръ: Naturliche Tochter, — Герстенбергова Уголино, Лейзевицева Юлія Тарентскаго и т. д. Все это старое несравненно выше дюжиннаго новаго.

4) *Русскій механикъ Кулибинъ. Анекдотическое представленіе. Сочиненіе А. В. Висковатаго.* Это драматическое представленіе написано по тому же самому рецепту, по какому писалъ покойный Полевой, т. е. въ немъ есть русскій художникъ, говорящій высокопарно, есть презрѣнная толпа въ видѣ подъячаго или какой нибудь старухи салопницы, имѣющихъ спеціальное назначеніе не понимать художника, есть наконецъ кисло-сладкая доза любви: все обстоитъ, однимъ словомъ, благополучно.

5) *Джуліо, драматическая фантазія Г-жи И. Хвощинской* состоитъ въ такомъ же точно родствѣ съ фантазіями г. Кукольника, какъ анекдотическое представленіе Г. Висковатаго съ драматическими представленіями покойнаго Полеваго. Между фантазіями изъ жизни итальянскихъ художниковъ и драматическими представленіями изъ жизни яко бы рускихъ художниковъ, поэтовъ и т. д., есть много общаго; таже наклонность къ лирическимъ возгласамъ, то же презрѣніе къ толпѣ. тоже наивное дѣтство въ изображеніи страстей человѣческихъ. Джуліо Г-жи Хвощинской — родной братъ Санназару, Тассо, Доминикино и Нино Галлури: онъ городитъ точно такую же чепуху, какъ всѣ эти герои, и страдаетъ такою же неестественною наклонностью къ дешевому паѳосу.

6) *Странная свадьба, или незнаешь гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь, комедія въ пяти дѣйствіяхъ въ стихахъ М. Н. Воскресенскаго.* Разсказывать содержаніе оригинальной комедіи Г. Во-

Digitized by Google

скресенскаго, мы нечувствуемъ себя въ силахъ: желающіе знать его, да обратятся или прямо къ источнику, если чувствуютъ въ себѣ достаточно бодрости духа для того, чтобы прочесть длинное, какъ индѣйскія поэмы, произведеніе, написанное самыми варварскими стихами, или лучше всего — къ отзыву о немъ, въ письмахъ о Московскомъ театрѣ, рецензента Отечественныхъ Записокъ. Скажемъ только одно, что давно не читали мы ничего болѣе нескладнаго, страннаго, фантастическаго (въ смыслѣ автора статьи о Г. Огаревѣ). Это — какой-то сонъ, въ которомъ событія лишены всякой органической связи, въ которомъ мелькаютъ передъ вами какіе-то безцвѣтные, безобразные призраки, въ которомъ все фальшиво — отъ основы пьесы до языка, какимъ говорятъ дѣйствующія лица.

Пропускаемъ нѣсколько произведеній, о которыхъ рѣшительно недоумѣваемъ что сказать — до такой степени они безцвѣтны, и остановимся только на комедіи «Обыкновенные люди» передѣланной П. Г. Григорьевымъ изъ Польской комедіи І. Корженевскаго. Прежде всего оговоримся въ томъ, что мы рѣшительно не понимаемъ, какъ можно передѣлывать комедіи одного народа на нравы другаго. Нравы народа обусловлены его исторіею, его бытомъ, это — одна изъ старыхъ истинъ, которыя и повторять даже пошло. Передѣлайте эти нравы на чужіе — выйдетъ непремѣнно что-либо непонятное, исчезнутъ оттѣнки характеровъ, по всему пройдетъ полоса одной краски. Такъ и въ передѣлкѣ комедіи г. Корженевскаго — лица, если они и были въ оригиналѣ, потеряли всю жизненность, весь колоритъ; всѣ говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ. Кромѣ того комедія г. Корженевскаго, изобилующая сентиментальными изліяніями, рутинными эффектами, даже и нестоила передѣлки. Чтобы познакомить читателей съ ея духомъ и тономъ, мы выпишемъ изъ нея небольшую сцену между добродѣтельною и нѣжной героинею пьесы и столько же добродѣтельнымъ и нѣжнымъ возлюбленнымъ. Надобно вамъ сказать прежде, что отецъ героя пьесы, вслѣдствіе пожара стараго сарая, задолжалъ опекуну героини значительную сумму денегъ и что героиня спасаетъ его.

Ипполитъ Безбѣдный (обратясь къ Софьѣ). О, какъ я радъ

Digitized by Google

Софья Ипполитъ!.... я хотѣла вамъ видѣть.... я узнала о вашемъ положеніи....

Ипполитъ Безбѣдный (беретъ ея руку). И письмомъ своимъ какъ добрый геній, *пролила цѣлительный бальзамъ въ растерзанную душу страдальца.* (This was Lofty! замѣтимъ какъ Шекспировъ Никъ Боттомъ въ Midsummer-Nights's Dream).

Софья. Я видѣла твоего отца, я подслушала разговоръ его съ моимъ опекуномъ.. О, какъ я уважаю этаго почтеннаго старика, вашего отца! Знаешь ли, Ипполитъ, что опекунъ лишилъ меня возможности подать помощь и утѣшеніе твоему несчастному семейству?

Ипполитъ. А слова твои Софья? Твои слова развѣ для насъ не утѣшеніе?

Софья. Нѣтъ, Ипполитъ, нѣтъ! *Тамъ слово недостаточно, гдѣ спасеніе зависитъ отъ денегъ.* (Прекрасно сказано!—умную рѣчь хорошо и слушать!)

Ипполитъ. Такъ неужели ты думаешь, что отецъ мой или я рѣшились бы принять отъ тебя милостыню?

Софья. Не милостыню, а другое предложеніе! Но что говорить о томъ, чего нѣтъ возможности сдѣлать? Опекунъ мой разорилъ меня!

Ипполитъ. Какъ?!... возможно ли?!!..

Софья. Да! онъ промоталъ все мое имѣніе, кромѣ двадцати пяти душъ, которыя у меня остались.

Ипполитъ. Злодѣй!

Софья (прерывая его). Не кляни его! Помнишь ли, Ипполитъ, сколько разъ говорилъ ты мнѣ, что *отецъ твой никогда не согласится на нашу свадьбу, потому только, что я богата.*

Ипполитъ. Да, я говорилъ это.

Софья. Поди же, благодари моего опекуна за то, что онъ сдѣлалъ меня бѣдною, но счастливою.

Ипполитъ. Какъ?! Софья? Не ужели ты рѣшаешься?

Софья (подаетъ ему руку). Вѣчно принадлежать тебѣ!

Ипполитъ. Боже мой!.... Вѣрить ли своему счастію?? (*бросается на колѣни*) *Геній доброты!*

Софья. О мой милый Ипполитъ!

Digitized by Google

Въ пьесѣ, разумѣется, всѣ герои или до того добры, что доброта ихъ приторна, или до того злы и гнусны, что въ нихъ невозможно вѣрить: таковъ тутъ ростовщикъ Брусковъ. Есть также лица, припутанныя совершенно не къ дѣлу, какъ г-жа Земцова, которой обязанность заключается въ томъ, чтобы при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ повторять: »Представьте: точно такое же происшествіе со мною было въ Петербургѣ, когда я жила на Козьемъ болотѣ.»

И вотъ все, чѣмъ наполненъ въ Пантеонѣ и Репертуарѣ отдѣлъ, названный великолѣпнымъ именемъ драматической литературы. По всему праву, мы соединимъ съ нимъ тотъ отдѣлъ журнала, который по всей видимости имѣетъ назначеніе клоака: Репертуаръ русской сцены, и перечтемъ заключающіяся въ немъ пьесы:

2) Репертуаръ русской сцены.

Бѣдная русская сцена! — подумали мы, просмотрѣвши тринадцать передѣлокъ французскихъ водевилей, составляющихъ содержаніе этого отдѣла Пантеона и Репертуара; — хоть бы одно живое лице, хотя бы что нибудь похожее на характеръ, хотя бы наконецъ одно новое комическое положеніе. Лучшія передѣлки принадлежатъ Г. Ленскому: это «волчій ротъ лисій хвостъ,» и «радъ не радъ, а дѣлать нечего» Они написаны по крайней мѣрѣ чистымъ русскимъ языкомъ, и въ тѣхъ нѣтъ

На зло правописанью,
Стиховъ безъ мѣры по преданью,

какими обилуютъ издѣлія Гг. Ѳедорова, Анатолина и иныхъ. Скажемъ только одно, что всѣ эти произведенія напрасно отдѣлены редакціею отъ драматической литературы, красующейся на первомъ планѣ журнала и представившей намъ, какъ мы видѣли, «странную свадьбу» и другія невѣроятныя штуки.

3) Изящная Словесность: a) Проза. b) Стихотворенія.

Не входя въ разсмотрѣніе, зачѣмъ романы и повѣсти попали въ журналъ, спеціально посвященный театру, мы просто скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ отдѣлѣ.

Digitized by Google

Начнемъ съ стиховъ. Стиховъ въ Пантеонѣ цѣлое море, и нельзя же, чтобы всѣ они были дурны: можно указать даже на хорошія стихотворенія. Таковы, напримѣръ, четыре элегіи Г. Фета. Есть стихотворенія не вовсе дурныя, въ которыхъ мелькаютъ порою и чувство и умѣнье справиться со стихомъ и живое сочувствіе къ природѣ. Изъ такихъ мы приведемъ напримѣръ стихотвореніе Г. Зименко: «Ночь», которое конечно уже лучше стихотвореній Г. *Н. Сп.*, рекомендуемыхъ Современникомъ.

Ночь тиха. Въ лазурномъ небѣ блещетъ
Хороводъ безчисленныхъ міровъ,
И журча, едва ручей трепещетъ,
У своихъ зеленыхъ береговъ.
Тамъ вдали *какъ будто привидѣнья,*
Распустивъ уборъ лохматый свой,
Наклонились ивы безъ движенья
Надъ уснувшей, свѣтлою рѣкой.
Вся природа, сладко отдыхая,
Дышетъ счастьемъ подъ покровомъ сна,
Лишь не спитъ, дозоръ свой совершая
Въ небесахъ полночная луна.
Да порой лишь *вѣтеръ шаловливый*
Чуть скользнетъ по глади сонныхъ водъ,
Или цѣлуя коснувшися ланиты,
Ароматъ душистый разольетъ.
Всюду миръ и тишина нѣмая,
Только миръ далекъ душѣ моей....
Мнится мнѣ невольно ночь иная,
Живы мнѣ тревоги прошлыхъ дней.
И кипятъ во мнѣ воспоминанья
И сильнѣй во мнѣ горитъ любовь..
И на мигъ забытыя страданья
Я теперь переживаю вновь.

Стихотвореніе, какъ видите, такъ-себѣ; по содержанію своему, оно принадлежитъ къ числу самыхъ обыденныхъ, въ окончаніи его слышна надоѣвшая всѣмъ уже пѣсенка, но въ нѣсколькихъ, подчеркнутыхъ нами стихахъ, есть нѣчто въ родѣ поэтическаго такта, и стихъ вообще довольно ловокъ.

За то есть въ Пантеонѣ стихотворенія, по прочтеніи которыхъ спросишь себя съ невольнымъ удивленіемъ, для чего

Digitized by Google

онѣ писаны и еще съ большимъ, для чего они напечатаны? Такъ напримѣръ Г. Тумановъ грозится скрыть отъ читателей какую то тайну, до которой конечно намъ нѣтъ никакого дѣла.

Подѣлюся я тайной
Только съ тьмою ночной,
Да съ луною печальной
Да съ могилой одной.
Глубоко тайну эту
Я въ душѣ схоронилъ;
Съ нею жить мочи нѣту,
Съ ней разстаться нѣтъ силъ.
Мою тайну лишь *знаютъ*
Пара черныхъ очей:
Они въ глубь проникаютъ
Крѣпкой груди моей.
И отрадно и сладко
Съ ними тайну дѣлить,
И глядѣть въ нихъ украдкой,
И страдать и любить.

Мы не споримъ, что для *пары* черныхъ очей, знающихъ тайну автора, стихотвореніе можетъ имѣть спеціальный интересъ; но намъ читателямъ давно уже надоѣли всѣ эти глубокія тайны, разгадываемыя съ перваго слова, не представляющія даже ничего особенно забавнаго.

Что касается до *Прозы* въ Изящной Словесности Пантеона и Репертуара, то мы краснорѣчиво умолчимъ о ней, умолчимъ и о романѣ Г. Воскресенскаго: „Мудреный Контрактъ и о „Новомъ Сократѣ“ Г. Бутовскаго и о многомъ другомъ, равно не принадлежащемъ къ области литературы.

Гораздо интереснѣе два слѣдующихъ отдѣла:

4) Исторія искусства, и 5) Мемуары.

Здѣсь можно указать на нѣсколько переводныхъ статей— или недурныхъ, какъ Исторія танцованья и балета, Исторія маріонетокъ у древнихъ, игры у древнихъ, хотя всѣ онѣ Французской работы и отличаются гладкостью и поверхностностью, или въ полномъ смыслѣ полезныхъ для всякаго, занимающагося спеціально драматическимъ искуствомъ. Таковы—Записки Гольдони о его литературныхъ и житейскихъ треволненіяхъ,— Записки о Гаррикѣ Артура Мурфи, и Записки Іоанна Христіана Брандеса, нѣмецкаго актера и драматурга XVIII вѣка, хотя эти послѣднія, до крайности растянутыя, расплывающіяся

Digitized by Google

въ скучныхъ подробностяхъ, много бы выиграли, если бы представлены были въ извлеченіи. Во всякомъ случаѣ представлять публикѣ подобные матеріалы обязанность Пантеона и Репертуара, и журналъ хорошо бы сдѣлалъ, если бы вмѣсто переводовъ плохихъ романовъ или плохихъ драмъ, знакомилъ своихъ читателей съ жизнію и дѣятельностью великихъ артистовъ и драматическихъ писателей, посредствомъ подробныхъ статей о нихъ или переводовъ замѣчательныхъ записокъ о ихъ жизни. Въ выборѣ затрудняться тутъ нечего; такихъ записокъ много: объ одномъ Гаррикѣ, кромѣ Мурфи, есть еще сочиненіе Стикотти, и Thom. Davies—Memoirs on the Live of Garrick, — о Кемблѣ, *Boaden* Memoirs on the live of Iohn Phil Kemble, Lond. 1825 и наконецъ о Кинѣ — сочиненіе, знакомое намъ только по нѣмецкому переводу, но весьма дѣльно и добросовѣстно составленное: Edm. Kean's Leben, aus dem Englischen uebers etct von Georg Lotz. Hanob. 1836. Нечего и говорить, что наша публика не знаетъ ничего или почти ничего о знаменитыхъ Французскихъ и Нѣмецкихъ артистахъ. Статьи объ артистахъ, составленныя изъ нѣсколькихъ источниковъ, повѣренныхъ одинъ другими, всего болѣе, полагаемъ, принесли бы пользы въ этомъ отношеніи и всего болѣе сдѣлали бы чести журналу.

Въ отдѣлѣ — «Исторія искусства» есть еще и статьи оригинальныя. Всѣ они принадлежатъ Редактору Журнала и отличаются одинаковымъ тономъ: — такъ можно еще было, да и то съ грѣхомъ пополамъ, писать лѣтъ за пятнадцать до настоящаго времени, но такъ не пишутъ уже теперь. Авторъ статей изощряется преимущественно надъ тѣмъ, чтобы всякаго художника, избираемаго имъ для этого поставить на неизмѣримыя ходули, — насильственно окружить его непонимающею его презрѣнною толпою, придать ему выспреннія чувства — однимъ словомъ приготовить матеріалъ для рецептнаго драматическаго представленія. Лице выходитъ, разумѣется, уморительно-смѣшное, если только можно назвать лицемъ маріонетку съ ярлыкомъ на лбу: «художникъ.» Самая странная изъ трехъ оригинальныхъ статей называется: «одинъ изъ Русскихъ трагиковъ».

Digitized by Google

Начинается исторія тѣмъ, что въ красномъ ряду за прилавкомъ бѣлокурый двадцати-лѣтній мальчикъ, вмѣсто того, чтобы заниматься разборомъ товаровъ, читаетъ вслухъ въ лирическомъ жару одну изъ одъ Ломоносова — извѣстная и сто разъ употребленная уже уловка поставить *юнаго* художника во враждебное столкновеніе съ *грубою* дѣйствительностью; грубая дѣйствительность является здѣсь въ лицѣ старика-отца. Но вѣдь нужна же юному художнику и душа, которая бы понимала его. Является и таковая душа въ лицѣ старика Профессора, покровительствующаго молодому таланту и выражающагося языкомъ отмѣнно выспреннимъ.

Мы не споримъ противъ того, что у Плавильщикова былъ и отецъ, смыслившій мало въ изящномъ, былъ и другъ, воспитывавшій въ немъ любовь къ изящному, но что никто изъ нихъ, нечувствовалъ и не выражался такъ ложно — за это мы готовы поручиться даже безъ всякихъ историческихъ основаній. Авторъ статьи владѣетъ особеннымъ умѣньемъ — самому простому и обыкновенному сообщать фантастическій колоритъ, такъ что невѣришь ему даже въ такихъ фактахъ, которые дѣйствительно были или могли быть. Очевидно, что романтическая біографія Плавильщикова принадлежитъ къ тридцатымъ годамъ нашего столѣтія, и только случайно попала въ изданіе 1850 года. Разбирать серьезно какъ эту, такъ и другія оригинальныя статьи отдѣла Исторіи искусства въ Пантеонѣ и Репертуарѣ, мы считаемъ совершенно безполезнымъ: правломъ критики въ отношеніи ко всему запоздалому, какъ безсильному и безвредному, должно быть: laissez faire — laissez passer.

Но къ величайшему сожалѣнію, нельзя такъ же снисходительно глядѣть на критику Пантеона и Репертуара: имѣя дѣло съ современными явленіями, она уже тѣмъ самымъ вызываетъ судъ болѣе строгій; хотя, конечно, читатели не потребуютъ отъ насъ, въ этомъ случаѣ, выписокъ и фактовъ. Скажемъ вообще, что рецензенты разбираемаго нами журнала не считаютъ себя даже и обязанными смотрѣть на драматургію съ серьезной точки зрѣнія, и слѣдовательно пишутъ статьи для своего собственнаго удовольствія, хвалятъ «Стран-

Digitized by Google

ную свадьбу», говорятъ безъ негодованія о разныхъ пошлостяхъ, являющихся на сценѣ, и т. д. Особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи статьи Московскаго рецензента, безнаказанно нарушающія и законы логики и даже законы грамматики.

Но что это все въ сравненіи съ отдѣлами «Смѣсь» и «Балагуръ», съ остротами, анекдотами и *мыслями* различныхъ сотрудниковъ журнала! Тутъ уже приходишь рѣшительно втупикъ; не знаешь ни что говорить, ни какъ говорить. Можемъ только въ видѣ общаго вывода сказать, что *мысли* сотрудниковъ Пантеона далеко оставили за собою знаменитые афоризмы г. Славина, а остроты и анекдоты ихъ могутъ развѣ только сравняться съ таковыми же письмовника Курганова.

И вотъ — изданіе, посвященное спеціально драматургіи и театру.

Г.

Отечественныя Записки 1850 г. Декабрь.

(Дополненіе къ статьѣ, помѣщенной въ 1-й книгѣ).

Въ отдѣленіи Изящной Словесности помѣщены: *Старый домъ*—Романъ В. Р. Зотова и *Сельскій учитель*, повѣсть-дневникъ В. Крестовскаго. — *О старомъ домѣ* мы сказали свое сужденіе уже прежде, при появленіи пролога. И какія бы постороннія искусству достоинства ни обнаружилъ авторъ его со временемъ, какъ напр. образованность, начитанность знакомство съ исторіею и т. д. — мы все-таки останемся при своемъ мнѣніи, что въ художественномъ отношеніи романъ этотъ достоинствъ не имѣетъ.

Сельскій учитель — принадлежитъ тому же автору, котораго повѣсть: Анна Михайловна, встрѣтили мы прежде съ такимъ удовольствіемъ. — Но увы! Это новое его произведеніе много слабѣе перваго. — Трудно сказать даже, что хотѣлъ онъ выразить этою повѣстью-дневникомъ. — На первомъ планѣ конечно стоитъ самъ герой повѣсти — сельскій учитель, лице крайне блѣдное и неясное. — Видно только, что онъ мечтатель и безхарактеренъ, но этихъ опредѣленій еще очень мало для полнаго лица. — Повѣсть начинается съ того, что мы видимъ его въ деревнѣ, старающагося увѣрить себя, что онъ счастливъ въ тихой и безмятежной деревенской жизни и что такая жизнь имѣетъ съ маленькою, не возбуждающею дѣятельностію, какова напр.

Digitized by Google

дѣятельность сельскаго учителя — есть его настоящее призваніе. Но прежде всего нападаетъ сильно на его образъ жизни и убѣжденія благодѣтель его, Алексѣй Петровичъ, который прямо упрекаетъ его въ наклонности къ идиллiи, къ пустякамъ, и вызываетъ на болѣе широкое поле дѣятельности:

»Какъ мнѣ показалось (пишетъ онъ), ты воображаешь себя чѣмъ-то въ родѣ древнихъ создателей школъ; но твои перипатетики и академики первые, я думаю, готовы посмѣяться надъ твоею расплывчивою моралью. Твой ученикъ, Кононъ Рыбкинъ, въ которомъ не смотря на явную наклонность *къ прописнымъ буквамъ послѣ каждой запятой*, ты замѣчаешь необыкновенную сметливость, дѣятельность и любовь къ порядку — больше ничего, какъ ловкій шалунъ, который съумѣетъ обмануть тебя такъ, что ты и не замѣтишь. Если, кромѣ азбуки, ты взялся и за нравственное образованіе, то берись за него со стороны болѣе практической: жизнь тѣхъ, кого ты готовишь къ жизни, будетъ вся практическая; а для того, чтобы тебя слушали, вѣрили тебѣ, для того, чтобы твои слова принесли плодъ, подавай самъ примѣръ, мечтай поменьше. Ты описалъ мнѣ удивительное захожденіе солнца, которымъ восхищались вмѣстѣ ты и эти *молодыя души*.... увольняю тебя отъ твоихъ же восторговъ. Я увѣренъ, что восхищался только ты одинъ, потому что *переливы лучей* и *формы облаковъ* проходятъ совершенно незамѣтно, для крестьянскаго мальчика, ими восхищается только вполнѣ понимающій. — Вмѣсто восхищенія, ты сдѣлалъ бы гораздо лучше, если бы объяснилъ своей школѣ о томъ, напримѣръ, что земля не жерновъ, поставленный на четырехъ китахъ, и что на ней нѣтъ такихъ мѣстечекъ, гдѣ бабы кладутъ хлѣбы на облака, какъ на полку. — Дальше ты говоришь о своемъ счастьѣ жить посреди простыхъ людей, занятыхъ своихъ дѣломъ съ постоянною покорностію и надеждой и готовыхъ на добро, потому что легко затронуть ихъ добрыя побужденія. Ты прощаешь имъ даже, что съ ними тебѣ говорить нечего. Если ты желаешь *доброты* и для нея жертвуешь даже твоею страстью разсуждать прекрасно; то вспомни, что доброта и *добро* или благо — двѣ вещи разныя, что первая бываетъ часто неразумна и еще чаще непросвѣщенна.

Но эти и подобныя мысли благодѣтеля не оказываютъ на него никакого вліянія онъ отдѣлывается отъ нихъ софизмами. — Безъ всякой пользы остается также для него явленіе пустаго и сухаго профессора Семинаріи, попавшаго проѣздомъ въ деревню и замучившаго нашего бѣднаго учителя сухими и отвлеченными спорами о классикахъ или хвалившаго его такъ, что онъ принужденъ былъ краснѣть.

Digitized by Google

Знакомство съ Колумбовымъ, его предшественникомъ, человѣкомъ, который бѣжитъ именно отъ спокойной жизни и пустыхъ занятій, и потому оставилъ мѣсто деревенскаго учителя, — только встревожило его, но осталось также безъ послѣдствій.—На этомъ Колумбовѣ нужно нѣсколько остановиться. Онъ, сколько можно понять, лице, любимое авторомъ, лице представляющее дѣятельность въ противоположность пустой и апатической жизни героя. — Но и оно остается также блѣднымъ и загадочнымъ, какъ и другіе.

Точно тоже можно сказать и о Марьѣ Павловнѣ, сосѣдней помѣщицѣ. Пріѣхавъ по капризу пожить въ своей деревнѣ, она случайно познакомилась съ нашимъ сельскимъ учителемъ; кокетничала съ нимъ отъ скуки и потому, что между ними было безопасное разстояніе происхожденій, и наконецъ уѣхала опять, при первомъ случаѣ, оскорбивъ на прощаньи героя повѣсти,—чего впрочемъ ему и слѣдовало ожидать. Спрашивается, за чѣмъ выходили на сцену всѣ эти лица или вѣрнѣе эти блѣдные тѣни? Что оставили они намъ кромѣ смутнаго воспоминанія о своихъ чувствахъ, словахъ и поступкахъ? — Спросите: за чѣмъ написана повѣсть?— Отвѣтъ простъ. У автора есть талантъ, который выразился уже и прежде, но который видѣнъ даже и въ этой повѣсти въ лирическихъ мѣстахъ, въ картинныхъ описаніяхъ природы. — Этотъ талантъ, какъ и всегда, требуетъ дѣятельности. Но авторъ, какъ кажется, незнакомъ съ современными эстетическими требованіями и потому, не давая созрѣть своей мысли, не вглядѣвшись хорошенько въ создаваемыя лица, думаетъ, что сдѣлалъ свое дѣло, если успѣлъ сочинить нѣсколько такихъ положеній, которыя способны растрогать читателя, а иного чувствительнаго даже и довести до слезъ.

Когда же въ нашей литературѣ укрѣпится наконецъ мысль о томъ, что смѣсь изъ чувствительныхъ положеній, дѣльныхъ мыслей и картинныхъ описаній природы не есть еще художественное произведеніе, и что все это, имѣя свое мѣсто въ разсказѣ, напр., или повѣсти, не составляетъ однако сами по себѣ ни того ни другаго!

Изъ статей ученаго содержанія, помѣщенныхъ въ Декабрьской книжкѣ Отечеств. Записокъ, заслуживаетъ вни-

Digitized by Google

маніе 3-я и послѣдняя статья Ордынскаго—*Аристофанъ*.— Въ ней авторъ знакомитъ читателя съ 10-ю новыми комедіями Аристофана: Всадники, Облака, Осы, Миръ, Птицы Лисистрата, Фесмофоріазусы, Лягушки, Экклесіазусы, Плутосъ. — Методъ тотъ же, какъ и прежде. — Изъ каждой комедіи приведено въ переводѣ нѣсколько характеристическихъ мѣстъ — и прибавлены необходимыя поясненія и замѣчанія.—Переводъ, говорятъ, точенъ, а примѣчанія свидѣтельствуютъ о начитанности и трудолюбіи автора.

Другая статья: *Распредѣленіе тепла по земной поверхности*, принадлежитъ Профессору Московскаго Универ. Д. М. Перевощикову.—Извѣстность автора уже ручается за достоинство этой статьи. Мы ограничимся только сообщеніемъ главнѣйшихъ результатовъ имъ выведенныхъ. Показавъ, до какой степени неудовлетворительно рѣшены еще вопросы, относящіеся къ распредѣленію тепла на земной поверхности, какъ напр. вопросъ о причинахъ, производящихъ крутыя перемѣны температуръ въ умѣренныхъ поясахъ; равно какъ о причинахъ неправильности изотермическихъ линій, и другія, авторъ указываетъ на новый источникъ, изслѣдованіе котораго, по его мнѣнію, можетъ повести къ плодотворнымъ результатамъ. — Именно, онъ старается обратить вниманіе метеорологовъ на собственную теплоту земли, которая хотя и весьма незначительна въ общей своей массѣ (составляя только $\frac{1}{30}$ долю градуса по стоградусному термометру теплоты, получаемой отъ солнечнаго нагрѣванія); но которая, въ извѣстныхъ мѣстахъ, по причинамъ большей или меньшей толщины коры земной, различнаго состава его и др., можетъ быть причиною значительной разности въ температурѣ. — Авторъ заключаетъ статью свою объясненіемъ причинъ, по которымъ, не смотря на добросовѣстныя и точныя изслѣдованія ученыхъ наблюдателей, вопросъ о распредѣленіи тепла на земной поверхности не рѣшенъ еще удовлетворительно. Причины эти заключаются въ ограниченности сферы, избранной для наблюденій, и въ произвольномъ выборѣ точекъ, на которыхъ производятся эти наблюденія.—Преимущественная сфера для метеорологическихъ наблюденій есть конечно Европа:

Digitized by Google

»Но (говоритъ авторъ) взгляните на изображеніе стараго свѣта, и сравните Европу съ Азіей и Африкой: вы тотчасъ увидите, какой маленькой уголокъ отдѣленъ для Европы, которая своею образованностью совсѣмъ выведена изъ естественнаго состоянія, обременена народонаселеніемъ, и вся ея почва сдѣлана почти искусственною; а между тѣмъ метеорологическія наблюденія въ Европѣ считаемъ мы нормальными; и все, что находимъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Азіи и Африки несогласнымъ съ этими наблюденіями, принимаемъ за отступленіе отъ общаго порядка въ явленіяхъ природы.

Только наблюденія, сдѣланныя на значительномъ протяженіи и притомъ въ систематически-расположенныхъ точкахъ, могутъ привести къ желаемымъ результатамъ.— Поэтому авторъ, не безъ основанія, ожидаетъ отъ Русскихъ ученыхъ значительной помощи при рѣшеніи задачи о распредѣленіи тепла. — Обширность Русскихъ владѣній даетъ къ тому средства, а экспедиція, отправленная Рускимъ Географическимъ обществомъ къ верховымъ Урала — уже положила начало этимъ полезнымъ наблюденіямъ.

По части критики помѣщена въ Декабрьской книжкѣ третья и послѣдняя часть статьи Галахова — *сочиненія Княжнина*, о которой мы можемъ повторить отзывъ рецензента Современника.

Тамъ же помѣщенъ разборъ *Современника* за 1850-й годъ, а также и *Москвитянина*. — Въ первой статьѣ дѣятельность Современника оцѣнена, какъ намъ кажется, по достоинству. Въ ней основательно разобраны всѣ отдѣлы этого журнала, начиная съ *объявленія*. И изъ всего этого разбора оказалось, что въ Современникѣ *все хорошее случайно, а все неслучайное плохо.*

Что касается до разбора *Москвитянина*, то избѣгая безполезныхъ полемическихъ споровъ, мы не будемъ отвѣчать на него.—Притомъ большой необходимости въ отвѣтѣ нѣтъ и потому, что отзывъ написанъ въ очень умѣренномъ духѣ.

Театральная хроника даетъ довольно подробный отчетъ о дѣятельности Русскаго, Французскаго и Немѣцкаго театровъ, съ 15 Октября по 15 Ноября.

Внутреннія извѣстія и заграничныя новости, какъ и всегда, представляютъ довольно занимательнаго. — Статья же Луи Фигье — воздушные шары и воздухоплаватели, даже очень любопытна.

Digitized by Google

Но что сказать объ *осенних толкахъ?* — Для охотниковъ посмѣяться или посмотрѣть, какъ бранятся между собой два человѣка на улицѣ или два журнала (что для нихъ все равно) право не стоило писать.

Вотъ все, что мы сочли нужнымъ сказать о послѣдней Декабрьской книжкѣ Отечеств. Записокъ за 1850-й годъ.— Этимъ и заключаемъ мы обзоръ ихъ прошлогодней дѣятельности, удерживаясь отъ общихъ сужденій и вообще всякаго приговора и имѣя единственною цѣлью показать, что замѣчательнаго и въ какой степени замѣчательное было помѣщено въ нихъ въ прошломъ году.

206. Слова, говоренныя Евсевіемъ, Епископомъ Винницкимъ. 1850. стр. 95 въ 12 д. л.

Въ этой книжкѣ заключаются слѣд. пять словъ: 1) Въ 5 недѣлю Четыредесятницы; 2) На Св. Пасху; 3) Въ память св. мучениковъ Виленскихъ; 4) Въ день вѣнчанія на царство Государя Императора, и 5) При освященіи храма въ Бѣлостокѣ. О правильномъ, твердомъ языкѣ и назидательномъ содержаніи этихъ поученій говорить считаемъ излишнимъ: авторъ занялъ уже давно почетное мѣсто въ духовной литературѣ.

207. Краткое обозрѣніе Русской исторіи. Спб. 1850. стр. 117. въ 12 д. л.

Для чего издано это «Обозрѣніе?» Въ немъ не собраны, а просто скомканы намеки на важнѣйшія событія отъ Рюрика до 1825 года, и кромѣ этихъ намековъ (указаніями ихъ нельзя назвать), нѣтъ ничего больше. Учебникомъ «Обозрѣніе» не смѣетъ назваться; для чтенія оно не годится, для справокъ и подавно....

208. Русская азбука, сост. Рафаэль Потканіанъ. Тифлисъ. 1850. стр. 44. въ 12 д. л.

Русская азбука, составленная Грузинцемъ, напечатанная въ Тифлисѣ — явленіе должно быть замѣчено! Нечего разбирать «Азбуку:» мы рады такому дорогому гостю, и встрѣчаемъ его не по платью (изданіе довольно сѣро) и проводимъ не по уму (которому не въ чемъ показаться).

Digitized by Google

ЗАГРАНИЧНЫЯ НОВОСТИ.

Парижскіе театры: Репетиція и первое представленіе оперы Скриба и Обера «Блудный сынъ»; новости Большой Оперы; Французскій театръ подъ дирекціей Арсена Гуссе; возвращеніе на сцену г-жи Рашель; возобновленіе классическихъ пьесъ; театръ Saint-Martins; драма Жоржъ-Занъ; le Gimnase; Одеонъ и его комитетъ для чтенія пьесъ. — Выставка Парижской Академіи художествъ. — Гравюра Рембранта. — Назначеніе упразднившихся академическихъ креселъ г. Дроза. — Занятія Ламартина. — Новый романъ. — Новыя сочиненія Гизо, изданныя въ Брюсселѣ. — Сенъ-Жерменская и Версальская желѣзныя дороги. — Новая книга о воздухоплаваніи. — Часы новаго устройства. — Колонизація Славянскихъ земель и стихи Русинскаго поэта.

Поставивъ себѣ въ обязанность съ нынѣшняго года сообщать читателямъ Москвитянина заграничныя новости въ объемѣ сколько возможно болѣе обширномъ и разнообразномъ, мы начнемъ статьи наши съ Парижа, съ этого города, на которомъ постоянно сосредоточено общее любопытство Европы, гдѣ избытокъ жизни такъ и кипитъ ключемъ, гдѣ всякой день являются новости въ модахъ, въ литературѣ, даже въ политикѣ.... Но здѣсь рѣчь не о ней. Оставляя въ покоѣ — или лучше сказать въ сторонѣ, потому что въ покоѣ эти люди едва ли могутъ быть когда нибудь, — оставляя въ сторонѣ всѣхъ легитимистовъ, орлеанистовъ, бонапартистовъ, и бѣлыхъ, и красныхъ, и черныхъ, всѣ общественныя партіи съ ихъ демонстраціями, интригами, спорами, ссорами, мы поговоримъ о вещахъ болѣе мирныхъ, о вещахъ, которыя, если иногда и производятъ войну, такъ не больше какъ чернильную....

Прежде всего о театрѣ, который тоже составляетъ необходимую принадлежность жизни Парижанъ, почти часть ея.

Digitized by Google

Самая замѣчательная новость Парижскихъ театровъ, новость, которая, не смотря на всю новизну свою, успѣла уже сдѣлаться знаменитой, это «*Блудный сынъ*», большая опера, въ пяти большихъ дѣйствіяхъ и пяти огромныхъ антрактахъ (какъ выражается одинъ Парижскій фельетонистъ). Слова Скриба, музыка Обера, антракты Г-на Нестора Рокеплана.

Вотъ что говоритъ тотъ же фельетонистъ о репетиціи этой оперы и о первомъ ея представленіи:

«Утромъ, въ тотъ день, когда была назначена главная репетиція *Блуднаго сына*, мнѣ сказали: «Мы ѣдемъ смотрѣть репетицію. Насъ будетъ человѣкъ 25 или 30. Нѣсколько литераторовъ, нѣсколько маэстро, нѣсколько членовъ Академіи художествъ, двѣ-три дамы—словомъ, только общество избранное. Это будетъ чудесно, и доставитъ Г-ну Рокеплану тысячу экю: по 100 франковъ съ каждой нашей персоны.

Потомъ вдругъ я получаю билетъ, на розовой бумажкѣ котораго значилось: «Національная академія музыки.— Главная репетиція *Блуднаго сына*. — Для входа одному.» Все это было напечатано.... Во мнѣ родилось подозрѣніе.

Въ 7 часовъ вечера я увидѣлъ у театра такой огромный съѣздъ, какого никогда не бывало ни для Альбони, ни для *Пророка*. Смыслъ билета объяснился. Зрителей оказалось отъ 2500 до 3000. Къ числу избранныхъ прибавилось всего два нуля — бездѣлица!....

Отъ этой страшной и многими вовсе неожиданной толпы, слѣлался и страшный безпорядокъ. Все Парижское народонаселсніе, которое рано обѣдаетъ и никогда не опаздываетъ въ театръ, успѣло захватить самыя лучшія мѣста. Амфитеатръ, галлереи, лучшія ложи перваго яруса — все было наполнено нахлынувшими дилетантами этого рода, между тѣмъ какъ аристократія разсыпалась кое гдѣ. Право рожденія уступило праву побѣды.

Хорошо помѣщались только Г. Тьеръ, сидѣвшій, съ Ротшильдомъ, въ боковой ложѣ, Г. Барошь, министръ внут-

Digitized by Google

ренних дѣлъ, Г. Гизаръ, министръ земледѣлія, Галеви, и еще нѣсколько особъ, кресла которыхъ были ограждены отъ толпы безперчаточниковъ ихъ саномъ и званіемъ. Напротивъ, Гг. Биксіо, Адольфъ Адамъ, де-Виньи, Горацій Вернетъ, Понсаръ, Г-жа Жирарденъ, Графиня Мерлень и множество другихъ знаменитостей были затерты толпой.... Но вотъ занавѣсъ поднимается.

Дѣйствіе первое. Театръ представляетъ дворъ жилища, въ которомъ родился и выросъ блудный сынъ.* Въ глубинѣ сцены отворены массивные ворота, сквозь которые виденъ величественный закатъ знойнаго, Египетскаго солнца. Лучи его блещутъ золотомъ и пурпуромъ на всѣхъ предметахъ. Толпа людей стоитъ на колѣняхъ и поетъ гимнъ божествамъ Нила. Этотъ гимнъ, не смотря на различіе въ мелодіи, напоминаетъ знаменитую молитву въ *Нѣмой*, другое мастерское произведеніе Обера, у котораго впрочемъ много мастерскихъ произведеній.

Г. Массоль (отецъ) простудился (я говорю о дѣйствительности, а не о пьесѣ), и отъ того, боясь истощить свой голосъ къ завтрашнему представленію, поетъ sotto voce. Мнѣ сказали, что его арія трудна, прекрасна, и что онъ исполнилъ ее очень хорошо. Я долженъ былъ повѣрить всему, пототу что ничего не слыхалъ. Впрочемъ оркестровка дала мнѣ нѣкоторое понятіе о томъ, что доносилось до меня въ какомъ-то глухомъ ворчаньѣ, сопровождаемомъ родительскими наставленіями отца, очень не кстати получившаго насморкъ.

Отступивъ отъ текста притчи, Г. Скрибъ далъ Массолю, вмѣсто двухъ сыновей, одного, а другаго замѣнилъ племянницей, разумѣется, съ тѣмъ невиннымъ намѣреніемъ, чтобъ въ концѣ пьесы устроить сватьбу. Сынъ—Г. Рожеръ, племянница—дѣвица Дамеронъ. Сына зовутъ Азаилъ, племянницу Іефта.

---

* Припомнимъ, что Блудный сынъ доставилъ предметъ для одного изъ самыхъ первыхъ нашихъ драматическихъ представленій, и разыгрывался еще при Дворѣ Царя Алексѣя Михаиловича. Текстъ этого представленія напечатанъ въ Древней Вивліоѳикѣ.

Digitized by Google

Пѣвцы и пѣвицы, корифеи, фигуранты, хористы—всѣ были безъ театральныхъ костюмовъ, всѣ въ своихъ собственныхъ платьяхъ, и всѣ вообще одѣты по просту, за исключеніемъ одного господина въ военномъ мундирѣ. Это былъ хористъ, который въ тотъ день находился на службѣ по его обязанности члена національной гвардіи. Его красные, шерстяныя эполеты еще больше прибавляли смѣшнаго къ этому дикому зрѣлищу, гдѣ пальто и платья съ воланами страшно противорѣчили Египетскимъ декораціямъ.

Скоро толпа эта еще увеличивается прибывшимъ караваномъ, которому отецъ блуднаго сына оказываетъ гостепріимство. Ужинаютъ. Съ караваномъ ѣдетъ какая-то женщина, иностранка; имени ея я не знаю, но ее играетъ Г-жа Лабордъ, пока довольно и этого. Эта женщина не сѣла за столъ. Она поетъ, но въ этомъ пѣніи словъ никто не слыхалъ: Г-жа Лабордъ глотала ихъ, вѣроятно, вмѣсто ужина, который ѣли другіе. Сынъ на нее смотритъ, и въ минуту забываетъ свою кузину Іефту! Онъ хочетъ слѣдовать за этой обворожительной женщиной въ Мемфисъ, и проситъ на то позволенія у отца. Отецъ противится; сынъ настаиваетъ. Іефта, которая вовсе не подозрѣваетъ измѣны своего жениха, проситъ также дядю, чтобъ онъ позволилъ сыну сдѣлать это маленькое, пріятное путешествіе. Отецъ уступаетъ. Онъ благословляетъ сына, благословляетъ караванъ, благословляетъ верблюдовъ, благословляетъ все... И занавѣсъ опускается, при ворчаньѣ простудившагося Массоля, которому мы также желаемъ всякаго благополучія!...

Оставивъ пока въ сторонѣ Г-на Скриба, скажемъ, что, собственно въ отношеніи музыкальномъ и сценическомъ, въ этомъ первомъ дѣйствіи много величія и стиля. Васъ увлекаетъ партиція, изъ которой строгія правила науки не заставили автора исключить фантазію, — въ которой мелодія царствуетъ надъ непринужденнымъ повиновеніемъ правиламъ гармоніи. Эта музыка дышетъ и говоритъ, имѣетъ жизнь, имѣетъ связь, имѣетъ послѣдствія. Она не разрублена по кускамъ, не разорвана въ клочки, но льется ровно и плавно звучнымъ, могучимъ пѣніемъ. Здѣсь есть

Digitized by Google

романсъ *Іефты*, которая, какъ предчидитъ зритель, должна быть ангеломъ примирителемъ, добрымъ геніемъ пьесы, — есть романсъ, говорю, за который я (впрочемъ въ этомъ никто и не отвѣчаетъ кромѣ меня) отдалъ бы цѣлое дѣйствіе *Пророка*.

Хоры, чрезвычайно искусно составленные во всѣхъ положеніяхъ и во всѣхъ частяхъ, доставляютъ живѣйшее наслажденіе слуху. Особенно послѣдній хоръ, при которомъ отправляется караванъ, полонъ учености и мелодіи. Г-жа Лабордъ поетъ арію удивительную и дѣлаетъ въ ней чудеса. Этой-то аріей она и прельщаетъ сына. Какое несчастье, что иногда интонація словъ измѣняетъ ей! тѣмъ больше, что завтра, у подножія этихъ декораціонныхъ пирамидъ, ее будутъ слушать *сорокъ вѣковъ*!....

Дѣйствіе второе. Мы въ Мемфисѣ, въ этомъ великолѣпномъ городѣ, лежащемъ между двухъ рукавовъ Нила, въ центрѣ плодоносной Гептаномиды. Виденъ Нилъ, виденъ Мемфисъ. Направо храмъ; на лѣво выходитъ на берегъ сынъ, въ ту самую минуту, когда толпа танцовщицъ наперерывъ старается забавлять Боккариса, главнаго жреца храма Изиды и Озириса. Это —празднество, которое, по Египетской антологіи Штубе, было доступно не всѣмъ и составляло таинство. Процессія идетъ въ глубинѣ сцены. Воображаю, какой эффектъ сдѣлаетъ эта процессія завтра, блескомъ, разнообразіемъ, чуднымъ видомъ костюмовъ! Что касается до зрителей, бывшихъ на репетиціи, имъ было довольно смѣшно видѣть эти фалбалы и чепчики, окружающіе быка Аписа, который тоже не совсѣмъ соотвѣтствовалъ Египетскимъ узаконеніямъ своей мастью. Богамъ посвящали быка совершенно чернаго, а у этого только длинная пурпуровая попона, съ золотыми звѣздами, прикрывала бѣлый хвостъ.

И такъ это танцы Изидиныхъ жрицъ подъ музыку самую живую и оригинальную. Хоръ дикой, потрясающій и въ то время, когда процессія проходитъ мимо статуи Изиды, исполненный звуковъ рѣзкихъ, раздирающихъ. Это что то ужасное, что-то чисто Египетское. Хоръ умолкаетъ, танцы прекращаются, процессія проходитъ. Боккарисъ, главный жрецъ храма, поетъ арію выражающую совершенное

Digitized by Google

его удовольствіе. Эту роль занималъ новый дебютантъ, Г. Обенъ, голосъ котораго обѣщаетъ прекрасный пѣвучій басъ. Боккарисъ, какъ видно, веселый жрецъ. «Все прекрасно въ здѣшнемъ мірѣ!» восклицаетъ онъ. Это Египетскій Панглосъ. Г. Скрибъ сдѣлалъ его неравнодушнымъ къ одной Нильской баядеркѣ, которую я то же не знаю, какъ зовутъ, но которую играла дѣвица Плюнкетъ. Блудный сынъ, который видѣлъ ее танцующую, забываетъ для нея Г-жу Лабордъ точно такъ же, какъ забылъ для этой *Іефты*. Онъ влюбляется въ баядерку. Ревнивая Лабордъ тащитъ его въ толпу гулякъ и игроковъ, которые уговариваютъ его пить и играть. Тутъ онъ проигрываетъ все, до послѣдняго своего верблюда, и приходитъ въ страшный гнѣвъ.... Въ это время около меня говорили объ одной сценѣ изъ *Роберта*.

Между тѣмъ какъ Г. Верру поетъ у оркестра превосходную арію, съ акомпаниментомъ гобоя, Плюнкетъ крадетъ у блуднаго сына шарфъ, который подарила ему, на прощанье, Іефта. Сынъ попалъ между двухъ огней; двѣ соперницы, Плюнкетъ и Лабордъ, стараются ему нравиться одна передъ другой, и онъ не знаетъ, которую предпочесть. Но такъ какъ Плюнкетъ, послѣ похищенія шарфа, бѣжитъ, то выборъ его и палъ на нее, вѣроятно по тому, что женщину съ такими прекрасными и легкими ножками, какъ у дѣвицы Плюнкетъ, догнать не легко. Тогда оскорбленная Г-жа Лабордъ ему говоритъ: «Она назначила свиданье этому старому жрецу!» Блудный сынъ видитъ, что надъ нимъ смѣются.

Вся музыка танцевъ, о которыхъ говорилъ я, (и которые аранжированы Сенъ-Леономъ), восхитительна, игрива, прыгуча. Кажется, что прыгаешь самъ, когда слушаешь ее. Но замѣтимъ мимоходомъ, что танцовщицы безъ бѣлилъ и румянъ, при свѣтѣ газа, казались немножко черны, и что ихъ неглиже было не совсѣмъ хорошо.

Такъ какъ все это дѣйствіе происходитъ во время празднествъ Озириса, Изиды, Аписа и другихъ тому подобныхъ божествъ, то довольно трудно упомнить постепенный ходъ его и подробности. Я забылъ сказать объ

Digitized by Google

одномъ танцѣ, названномъ: *pas de poignards*, чрезвычайно живомъ, новомъ, изумительномъ. Здѣсь женщины изгибаются какъ змѣи, выпрямляются, какъ штампы растеній, трепещутъ всѣми членами, какъ Негритянки, танцуя *бамбулу*.

Между тѣмъ блудный сынъ понялъ, что его кругомъ обманываютъ. Египтяне, съ которыми онъ игралъ, оказались Греками! Онъ гонитъ отъ себя Лабордъ, и думаетъ только объ одной Плюнкетъ. Но вотъ страшная суматоха.... Кто-то пріѣхалъ: это пріѣхали отецъ и кузина. — Сынъ мой! сынъ мой! я тебя потеря—а—а—а - алъ!—Это поетъ Массоль, забывшій свой насморкъ и своего доктора, и поетъ очень хорошо, подъ прекрасную музыку. Сынъ тутъ.... Но, какъ это обыкновенно бываетъ, отецъ не узнаетъ его, и продолжаетъ кричать, что онъ его потерялъ. Кузина Дамеронъ проницательнѣе. Она узнала и отыскала потеряннаго сына. Начинается тріо:—это ты! — это я!— это онъ!— Но гдѣ же шарфъ? Для отысканія его блудный сынъ находитъ предлогъ бѣжать къ Плюнкетъ. Опять начинаются танцы, опять проводятъ быка, опять поетъ хоръ. Занавѣсъ опускается.

Прошу извинить всѣ эти Египетскія приключенія, изобрѣтенныя воображеніемъ Г. Скриба, и снова возвращаюсь къ тому, что принадлежитъ Оберу. Все это дѣйствіе празднествъ превосходно. Дикіе хоры Изидина богослуженія, живость музыки балетной, свѣжесть мелодіи — все доставляетъ слуху такое же наслажденіе, какое завтра блескъ этихъ процессій и чудныхъ костюмовъ доставитъ глазамъ. Въ роли Г. Массоля есть мѣста полныя чувства, которыя его прекрасный голосъ исполнялъ чудесно. Двѣ женщины соперничали между собой—одна нѣжностью, другая блескомъ. Сынъ тоже не уступилъ, пустившись въ погоню за ножками д. Плюнкетъ.

Дѣйствіе третье. Здѣсь Г. Рокепланъ, превзойдя всякую до сихъ поръ виданную постановку пьесъ, превзошелъ и самого себя. Вотъ что мы видѣли:

Великолѣпная лѣстница, широкая во всю ширину театра, и возвышающаяся до половины высоты задняго занавѣса, занимаетъ глубину сцены. На ступеняхъ этого величест-

Digitized by Google

веннаго входа расположены группы огромной оргіи. которая, осуществляя отчасти въ глазахъ зрителя таинства Изиды, все еще оставляетъ много пищи его воображенію. Эти таинства были почти тѣже, что и таинства Цитеры. Божество чтили какъ эмблему природы, эмблему всѣхъ даровъ ея и всѣхъ наслажденій. Сто танцовщицъ сгруппированы съ жрецами храма. Тамъ и сямъ блестятъ золотыя вазы и кубки; вездѣ гирлянды, вездѣ цвѣты. Эта картина оргіи составлена чрезвычайно смѣло и производитъ чудный эффектъ. Всѣ декораціи написаны, всѣ группы расположены и поставлены рукой искуснаго живописца (говорятъ, Камилла Рокепланъ, брата директора). Электрическая луна, блѣдная сестра заходящаго солнца въ «Пророкѣ», освѣщаетъ эту картину какимъ-то чуднымъ полусвѣтомъ!.... Разумѣется, все это надобно видѣть въ настоящее представленіе, а не на репетиціи, но и теперь можно вообразить, что это будетъ что-то волшебное!

Поютъ и пьютъ; мѣняются куплетами, чокаются стаканами.... Потомъ постепенно утомляются, — всѣ умолкаютъ, всѣ засыпаютъ.... Вся эта толпа, всѣ эти группы, разсыпанныя по лѣстницѣ, какъ будто окаменѣли.

Входитъ Г-жа Лабордъ съ блуднымъ сыномъ, котораго она ввела въ храмъ Изиды черезъ потаенный входъ, чтобы доказать ему измѣну Плюнкетъ. Доказательство на лицо: веселый жрецъ и баядерка заснули другъ подлѣ друга. Сынъ хочетъ взять свой похищенный шарфъ. Баядерка просыпается, Боккарисъ тоже. Она вскрикиваетъ, онъ спрашиваетъ, что̀ такое, и Г-жа Лабордъ показываетъ на блуднаго сына.... Поднимается тревога: профанъ осквернилъ храмъ своимъ присутствіемъ. Боккарисъ приходитъ въ страшное изступленіе, клянется всѣми своими богами, всѣми крокодилами Нила, и приказываетъ жрицамъ и жрецамъ схватить виноватаго, рѣшившагося на дерзость, не запамятную со временъ Камбиза.

Но вотъ еще кто-то входитъ: это Іефта, вдова своего шарфа и своего жениха. Она пришла спасти его. Хоръ, которымъ ее встрѣчаютъ, чрезвычайно оригиналенъ. — «Какъ, еще одна!—вскрикиваетъ Боккарисъ; - прекрасно!

Digitized by Google

Двѣ жертвы вдругъ! Мнѣ та, которая получше, а тебѣ, Плюнкетъ, похуже» Іефта, которую, разумѣется, выбралъ жрецъ, противится, возражаетъ. Боккарисъ отвѣчаетъ ей стихами, оставшимися, впрочемъ не знаю по чему, у меня въ памяти:

Ah! sois moins severe!
Isis va se taire
Et fermer les yeux!

Кузина въ отчаяніи. Кузенъ въ свою очередь является къ ней на помощь, только съ чернымъ покрываломъ на головѣ, для того, чтобы Плюнкетъ посвятила его въ таинства Изиды, и чтобы кузина узнала не вдругъ. Положеніе кузена и кузины не такъ-то хорошо: они или должны посвятить себя служенію Египетскихъ боговъ, или умереть. Блудный сынъ, какъ кажется, не рѣшается выбрать послѣднее средство, но Іефта не боится смерти. Они поютъ. Кузина узнаетъ своего жениха и бросается къ нему въ объятія. Онъ вырываетъ оружіе у одного изъ стражей и разгоняетъ всѣхъ. Они остаются вдвоемъ.

Какъ и куда спастись? Гдѣ выйдти изъ храма? Говоря правду, можно пройдти между каждой кулисы, но сынъ пробуетъ отворить именно такую, которая не отворается. Возвращается Плюнкетъ съ кортежемъ танцовщицъ, и предлагаетъ спасти Іефту. Іефта повинуется, и уходитъ за ней. Право, эта Плюнкетъ очень добра!

Блудный сынъ остается въ отчаяніи. Входитъ толпа вооруженныхъ людей съ факелами. Огромная лѣстница опять покрыта разнообразными группами, и блѣдный свѣтъ луны, смѣшиваясь съ краснымъ отблескомъ факеловъ, производитъ картину превосходную, величественную, новую. Сына уводятъ или на смерть, или на посвященіе. Занавѣсъ опускается при звукахъ хора, потрясающаго душу чувствомъ ужаса.

Дѣйствіе четвертое. Степь.

Г. Пти Бріеръ, погонщикъ верблюдовъ, поетъ куплеты, которымъ хлопаютъ. Кругомъ песчаная долина и ничего больше. Песокъ тихо катится отъ вѣтра, будто вода, и, кажется, чувствуешь дыханіе симуна. Въ музыкѣ слышится утомленіе. Пастухи лежатъ, и блудный сынъ въ числѣ ихъ;

Digitized by Google

онъ ушелъ изъ Мемфиса. Былъ ли онъ посвященъ? Плюнкетъ похитила ли его свободу вмѣстѣ съ шарфомъ? вотъ въ чемъ вопросъ.... Но во всякомъ случаѣ, какъ мы знаемъ, блудный сынъ долженъ былъ пасти свиней, и Г. Скрибъ сдѣлалъ его пастухомъ; только, вмѣсто грязныхъ животныхъ, далъ ему табунъ лошадей, которыхъ Г. Рокеплант замѣнилъ верблюдами. Блудный сынъ неутѣшенъ и поговариваетъ о родительскомъ домѣ. Идетъ караванъ. Является Г-жа Лабордъ съ своими руладами. Мошенники, обобравшіе сына въ Мемфисѣ, ѣдутъ при ея свитѣ. Тутъ встрѣчаются противоположности, которыми Оберъ очень искусно воспользовался: насмѣшки съ одной стороны, отчаяніе съ другой. При свистѣ флейтъ караванъ удаляется.

Блудный сынъ поетъ романсъ, въ которомъ жалуется, что онъ потерялъ все.... даже и честь! Къ этой академической фразѣ можно бы прибавить еще, что онъ потерялъ и голосъ. — Это ужасно! восклицаетъ онъ, и упадаетъ на землю. Кажется, что онъ засыпаетъ. Впрочемъ спитъ ли онъ или нѣтъ, во снѣ ли видитъ или на яву, только видится ему вотъ что: густыя облака застилаютъ даль; потомъ они прорѣжаются, и сквозь нихъ виденъ опять дворъ родительскаго жилища блуднаго сына, видна кузина, виденъ отецъ — и все это съ акомпаниментомъ арфъ. Сынъ приподнимается, простираетъ руки, но облака застилаютъ видѣніе. Онъ испускаетъ *si bemol*, и снова упадаетъ на землю, а съ нимъ вмѣстѣ упадаетъ и занавѣсъ.

Дѣйствіе пятое и послѣднее. Сельскій видъ, довольно веселый. Вдали синѣютъ горы, на вершинѣ которыхъ отражается розовый отблескъ солнца. Толпа дѣвушекъ, танцуя, идетъ къ колодцу. Мы возвратились къ отцу. Д. Дамеронъ поетъ очень хорошо, очень хорошенькіе куплеты. Отецъ горюетъ въ уголкѣ, и жалуется, что у него нѣтъ больше сына. Это, разумѣется, та минута, въ которую сынъ долженъ возвратиться. Разумѣется также, что ни отецъ, ни невѣста не узнаютъ его. Онъ является усталый, истомленный, алчущій, жаждущій. Ему подаютъ пищу и питье, онъ считаетъ себя недостойнымъ прикоснуться къ нимъ.... Этотъ странникъ изъ Мемфиса, — говоритъ отецъ. — Можетъ

Digitized by Google

быть онъ видѣлъ моего сына! Разспросимъ его!» Почтенный отецъ продолжаетъ не узнавать ни голоса, ни лица своего сына во все время, которое потребно ему для исполненія *adagio* въ дуэтѣ; но какъ только подошло *agitato*, онъ вскрикиваетъ: это ты, мой сынъ! — Сынъ вскрикиваетъ: это я, мой отецъ! — Іефта вскрикиваетъ: это онъ, мой женихъ!.... Объятія общія и частныя. Хоръ прибѣгаетъ узнать, въ-чемъ дѣло, и пристаетъ къ тріо. Накрываютъ столъ для пиршества, колютъ упитанныхъ тельцовъ, и крестьяне, столпившіеся на заднемъ планѣ, уступаютъ мѣсто небесной картинѣ, откуда ангелы радуются примиренію отца съ сыномъ. Пѣніе становится громче, струны всѣхъ арфъ звучатъ, группы живописно формируются, и отецъ благословляетъ сына, который, въ заключеніе, долженъ жениться на Дамеронъ.

Репетиція началась въ семь часовъ, кончилась въ часъ.

Первое представленіе этой оперы было 6 Декабря (н. ст.) и имѣло успѣхъ огромный. Весь Парижъ политическій, дипломатическій, ученый, литературный собрался смотрѣть новое общее произведеніе двухъ прекрасныхъ талантовъ, понявшихъ какъ нельзя лучше духъ и вкусъ Французовъ. Либретто знаменитаго академика много выиграло, когда персонажи явились въ костюмахъ и со всей тщательностью сценической обстановки, которая на репетиціи не могла быть такъ совершенна. Музыка Г. Обера, о которой мы говорили ужь выше, достигаетъ въ этой пьесѣ того совершенства, къ которому стремятся всѣ искуства. Успѣхъ ея такъ же великъ, какъ велики достоинства.

Честь этого вечера, какъ мы и предвидѣли, неоспоримо принадлежитъ Г-ну Массоль. Д Дамеронъ исполнила свою роль, полную чувства и увлекательной прелести, такъ хорошо, какъ мы и не ожидали. Г-жа Лабордъ, въ роли болѣе блестящей, дѣлала чудеса своимъ превосходно выработаннымъ голосомъ. Г. Рожеръ, наконецъ, вполнѣ соотвѣтствовалъ отличному исполненію цѣлаго своимъ сценическимъ знаніемъ и своимъ выразительнымъ пѣніемъ. Что касается до хоровъ, масса ихъ, подчиненная удивительной вѣрности и согласію, производила невыразимый эффектъ въ перели-

Digitized by Google

вахъ мелодій, мастерски расположенныхъ, развитыхъ и модулированныхъ творцомъ *Нѣмой* и стольких другихъ произведеній или прелестныхъ или знаменитыхъ. Либретто Г. Скриба представляетъ пять или шесть высокихъ сценическихъ положеній, въ которыхъ партиція доходитъ до истиннаго величія. Красоты ея будутъ еще ощутительнѣе по мѣрѣ знакомства публики съ пьесой; тогда глаза зрителей, привыкнувъ къ декораціямъ, станутъ менѣе развлекаться, и все вниманіе ихъ сосредоточится въ слухѣ.

Постановка піесы скорѣе превзошла, чѣмъ осуществила все то, что говорили о ней. Расходы на нее, по словамъ многихъ, простираются до 112,000 франковъ, которые впрочемъ, вѣроятно, покроются въ десять вечеровъ. Декораціи перваго и особенно третьяго дѣйствія, гдѣ представлена великолѣпная лѣстница храма Изиды, восхитили всѣхъ. Наложите краски на мой очеркъ этого спектакля, и вы тогда только будете въ состояніи представить себѣ весь блескъ его и великолѣпіе. Танцы оригинальные, совершенно новые прелестные, доказываютъ новый успѣхъ Г-на Сень-Леонъ на этомъ поприщѣ. Д. Плюнкетъ въ мимической роли *Ліи* (такъ зовутъ баядерку) вполнѣ заслужила громкія рукоплесканія, которыми была осыпана. Однимъ словомъ, пьеса эта, съ перваго своего представленія, доставила и авторамъ, и артистамъ, и директору театра такой успѣхъ, который здѣсь очень кстати назвать *пирамидальнымъ*.

Кончу статью еще однимъ замѣчаніемъ. Когда давали въ первый разъ «*Гугенотовъ*», это капитальное произведеніе Мейербейера, въ которомъ четвертое дѣйствіе составляетъ лучшія страницы Нѣмецкой музыки, толпы, собираясь въ фойе, въ коридорахъ, въ верху и въ низу, толковали такъ: Это-то хваленое произведеніе? Да оно рѣшительно упало! — И это мнѣніе было общее. Журналы, въ угодность правительству, издержавшему на постановку піесы значительную сумму, осмѣливались хвалить общность піесы, костюмы, декораціи. «Гугеноты» едва держались на сценѣ, и не иначе какъ съ большимъ трудомъ удалось фельетонистамъ пустить въ ходъ эту пьесу, которая, по настоящее время, выдерживаетъ, если не ошибаюсь, 176 представленіе. Съ музыкой Обера совсѣмъ не то. Тутъ нѣтъ труда ни публикѣ,

Digitized by Google

ни журналистамъ, не нужно двадцати вечеровъ для ея уразумѣнія; одного, двухъ представленій достаточно, чтобы дать почувствовать всѣ красоты ея, и дать почувствовать даже слушателямъ самымъ необразованнымъ. Они сами не знаютъ, какъ, а между тѣмъ понимаютъ ихъ. Здѣсь хвалятъ не притворно, не для того чтобы выказать себя знатокомъ, хвалятъ безъ зевоты. Удовольствіе само собой выражается на всѣхъ лицахъ, и замѣтьте, что и люди со вкусомъ, съ образованіемъ, всегда предпочли бы этотъ родъ музыки, легкой, остроумной, соединяющей чувство съ прелестью, еслибъ не было моды, довольно непонятной для меня, не сознаваться, что мы находимъ красоты въ вещахъ самыхъ простыхъ и не требующихъ ученаго вниманія знатока. Надобно показывать видъ, что насъ могутъ удовлетворить только произведенія глубокія, мудреныя, гдѣ цѣль искусства почти вовсе затемнена ученостью; надобно показывать видъ, что мы знаемъ дорогу, которую отыскиваютъ наши новые Христофоры Колумбы къ музыкальной Америкѣ!»

—

Кромѣ этого произведенія Гг. Скриба и Обера, Парижская Опера имѣетъ въ виду еще нѣсколько новостей. Прежде всего новаго тенора, который нуженъ всегда и на всякомъ театрѣ, и который теперь, когда Г. Рожеръ началъ ужь утомляться, еще нужнѣе Оперѣ. Теноръ этотъ — Г. Моральти. Потомъ есть еще въ виду новый балетъ Сень-Леона, для Черрито, и двѣ новыя пьесы, которыя еще.... пишутся. Одна изъ нихъ называется «*Продавица Апельсиновъ*» (Marchande d'oranges). Г. Скрибъ составилъ ея либретто собственно для таланта и—собственно для наружности Г-жи Альбони. Г. Оберъ приглашенъ написать музыку для балета и для этой пьесы за 50,000 фр., съ исполненіемъ ея въ три мѣсяца. Вторая пьеса — «*Сафо*» поэма (что, мнѣ кажется, въ настоящемъ случаѣ очень кстати). Либретто Г-на Эмиля Ожье, музыка Г на Гуно, высоко цѣнимаго въ Римѣ. Поговариваютъ, что Г-жа Полина Віардо сама обработываетъ нѣкоторыя мѣста этой партиціи, потому что, въ слѣдствіе новаго условія съ театромъ, хочетъ играть въ этой пьесѣ. Впрочемъ все это одни только слухи, и мы не знаемъ, оправдаются ли они.

Digitized by Google

Изъ отчета, представленнаго Министру Внутреннихъ дѣлъ г-мъ Арсенемъ Гуссе, которому правительство ввѣрило управленіе, собственно такъ называемаго, *Французскаго театра*, видно, что г. Арсень Гуссе такой же искусный директоръ, какъ и поэтъ, и что, вопреки общему мнѣнію, иногда и поэты могутъ быть людьми очень способными къ дѣламъ административнымъ. Г. Арсень Гуссе поднялъ наконецъ эту сцену, созданную и прославленную Мольеромъ, но въ послѣднее время сильно упавшую, до высоты настоящаго ея національнаго назначенія, до высоты, какъ отзывается о ней самъ г. Арсень Гуссе, «академіи, въ которой обитаетъ геній Франціи». Репертуаръ старинныхъ пьесъ, вновь поставленныхъ, доставляетъ однакожъ этому театру больше чести, чѣмъ выгодъ, потому что зрители, собирающіеся ихъ смотрѣть, гораздо замѣчательнѣе своимъ *качествомъ*, чѣмъ *количествомъ*. По этому-то Франція, всегда гордая своими великими поэтами и всегда признательная къ нимъ, и ассигновала на издержки этого репертуара ежегодную вспомогательную сумму. Съ Ноября 1849, по Сентябрь 1850 года, т. е. впродолженіи 10 мѣсяцевъ, г. Арсень Гуссе поставилъ на сцену 15 новыхъ и возобновилъ 8 старыхъ пьесъ. Нѣкоторыя изъ этихъ пьесъ далеко выходятъ изъ рода обыкновенныхъ, какъ наприм.: «*Габріель*», г-на Эмиля Ожье, получившаго отъ академіи Монтіоновскую премію въ 10,000 фр., въ ожиданіи академическихъ креселъ; «*Шарлота Кордье*», г. Понсара, одинъ 5-й актъ которой представляетъ превосходный философическій этюдъ. Кромѣ того новый директоръ прекратилъ процессъ, бывшій у г-жи Рашель съ *Французскимъ театромъ*, и знаменитая артистка снова выступила на сцену въ двухъ, хотя и новѣйшихъ, но вполнѣ достойныхъ ея таланта произведеніяхъ: «*Мадемуазель Де-Белиль*» и «*Анжело или Тиранъ Падуасскій*». Наконецъ, возобновленіе «*Свадьбы Фигаро*», съ оперными танцами, было блистательно. Дѣвицы: Августина Броганъ и Іюдифь пріобрѣли на этомъ представленіи полный успѣхъ. Вообще г. Арсень Гуссе сдѣлалъ много удачныхъ преобразованій и въ репертуарѣ театра, и въ труппѣ его, и даже въ оркестрѣ, управленіе котораго поручено теперь первоклассному артисту и искус-

Digitized by Google

ному композитору, г-ну Якову Офенбахъ. Труппа пріобрѣла новую артистку, съ замѣчательнымъ талантомъ, Д. Магдалену Броганъ. Дебютъ ея былъ самый блестящій. Она займетъ амплоа въ высокой комедіи. Г-жа Рашель тоже не оставитъ больше сцены *Французскаго театра*, которую г. Арсенъ Гуссе, въ своемъ рапортѣ, называетъ пьедесталомъ, достойнымъ г-жи Рашель, и г-жу Рашель статуей, достойной своего пьедестала. Впродолженіи 10 мѣсяцевъ, т. е. съ того времени, какъ г. Арсенъ Гуссе сдѣланъ директоромъ театра, старинныя классическія пьесы были даны 184 раза. Мольеръ, Корнель, Бомарше, Лафонтень, Мориво, Реньяръ, Детушь — все было повторено; но увы! повторимъ и мы: публика неохотно собирается смотрѣть ихъ. Она не хочетъ видѣть Грековъ и Римлянъ, не хочетъ видѣть даже своихъ дѣдушекъ и бабушекъ, вставленныхъ въ классическія рамки. Ей надобны портреты живые, современные, надобно дѣйствіе, а не монологи.... И это, въ настоящее время, требованіе не одной Парижской публики, а всѣхъ публикъ вообще.

Г-жа Жоржъ Зандъ отдала на театръ Saint-Martins драму, которая называется, кажется, *Семейство Плотника*. Говорятъ, что знаменитая писательница сама занимается надзоромъ надъ нѣкоторыми *плотничными* работами на сценѣ, нужными для ея пьесы.

Театръ le Gimnase закрытъ на нѣсколько дней, по случаю производящихся въ немъ передѣлокъ. Онъ откроется къ Рождеству, большой пьесой г-на Густава Лемуанъ, въ которой г-жа Роза Шери будетъ играть роль слѣпой. Эта прекрасная артистка долго можетъ еще произвольно принимать на себя всѣ тѣлесныя немощи и недостатки, ни сколько не опасаясь того, чтобы ее могъ кто нибудь упрекнуть ими въ существенности.

Одеонъ.... что сказать о немъ? Развѣ только пожелать ему покойной ночи и такого же пріятнаго сна, какимъ онъ постоянно усыпляетъ своихъ зрителей.... Вотъ какъ составлена большая часть пьесъ, одобренныхъ и принятыхъ Комитетомъ Одеона. Подите прогуливаться на бульваръ, или куда вамъ угодно. Взгляните въ засаленный

Digitized by Google

каталогъ перваго встрѣтившагося вамъ букиниста, и выберите по немъ что нибудь Гожирана Нантель, Буаси, Форже, де Фонтена и Раде, или пожалуй хоть Жуи, Етьена, Александра Дюваль и Пикара, только выберите то, что меньше извѣстно. Возвратившись домой, перемѣните заглавіе пьесы; если она въ прозѣ, переложите ее въ стихи, если въ стихахъ, переложите въ прозу. Не носите однакожъ вашу пьесу въ другіе театры, у васъ ее не примутъ; несите ее прямо въ Комитетъ Одеона, прочтите — и дѣло съ концомъ: если пьеса составлена по моему рецепту, ее непремѣнно играютъ. Таковъ всегда былъ выборъ прежняго Комитета съ тѣхъ поръ, какъ существовалъ онъ, и если что нибудь порядочное принималось на сцену Одеона, такъ это не иначе какъ вопреки Комитету. Станемъ надѣяться, что г. Альтарошъ, новый содержатель театра, который знаетъ, что настоящее назначеніе Одеона состоитъ въ томъ, чтобъ ободрять и поощрять молодыхъ литераторовъ, будетъ въ этомъ отношеніи счастливѣе. Другія времена, другіе комитеты.

—

Нынѣшняя Выставка Парижской Академіи Художествъ открыта не съ тѣмъ, чтобы похвастать мастерскими произведеніями, а съ цѣлью, познакомить любителей съ произведеніями молодыхъ художниковъ, поощрить ихъ и доставить имъ средство сбыть свои работы. По этому она небогата картинами замѣчательными, и даже вовсе почти не представляетъ картинъ содержанія историческаго и религіознаго. Нѣсколько портретовъ, нѣсколько пейзажей, нѣсколько tableaux de genre — и только. Укажемъ на тѣ, передъ которыми охотнѣе останавливаются посѣтители.

Прекрасный мужской портретъ, работы г-на Роберта, замѣчателенъ строгимъ стилемъ живописи. Сходство съ подлинникомъ совершенное, въ чемъ каждый легко можетъ убѣдиться, потому что портретъ писанъ съ молодаго человѣка очень хорошо извѣстнаго въ Парижскихъ салонахъ. Черты лица тонки, краски хорошо сгармонированы; обстановка проста, но въ ней много вкуса. Подробности отдѣланы тщательно, и въ общности картины есть мысль, что̀ не всегда встрѣчается въ новѣйшихъ портретахъ.

Digitized by Google

Другой портретъ, выставленный г-мъ Робертомъ, это портретъ Королевы. Художникъ не имѣлъ возможности писать его съ натуры, и, выполняя порученіе Академіи, соображался съ портретомъ, писаннымъ г-мъ Винтергальтеромъ. Писать портретъ такимъ образомъ, работа трудная, но г-нъ Робертъ выполнилъ ее такъ хорошо, какъ только можно требовать при подобныхъ обстоятельствахъ Портретъ этотъ предположено выгравировать и пустить, по подпискѣ, въ продажу, въ пользу недостаточныхъ художниковъ. Гравюру поручили вырѣзать г-ну Девише, извѣстному мастеру этого дѣла, который уже и занимается ею. Комитетъ, составленный при Академіи, для поощренія художниковъ, воздвигая этотъ благочестивый памятникъ покойной Королевѣ, ничего не щадитъ, что бы сдѣлать его достойнымъ и памяти Королевы и той благой цѣли, для которой назначенъ онъ.

Перейдемъ теперь къ другимъ картинамъ. Вотъ два премиленькіе небольшіе пейзажа г-на Роббе. Они сдѣланы именно въ томъ вкусѣ и въ тѣхъ размѣрахъ, какихъ придерживаются лучшіе пейзажисты. Колоритъ пріятенъ, кисть легка, штрихъ нѣженъ.

Г-жа Сенескуръ доставила на выставку двѣ небольшія картинки: Лудовикъ XV *за чаемъ* и *въ Версали*. Тонъ первой нѣсколько блѣденъ, но видно искусство въ выраженіи лицъ, и вкусъ въ расположеніи сцены. Во второй недостаетъ воздуха и свѣта.

Два пейзажа г-на Лотера служатъ новымъ доказательствомъ его умѣнья понимать природу, и его мастерства владѣть кистью.

Замѣтимъ также *Швейцарскій видъ* г-на Фурмуа, маленькую картинку, въ которой много искусства, и гдѣ весь мѣстный характеръ страны выраженъ какъ нельзя лучше.

Въ картинкѣ г-на Делакруа, »*Визитъ Кормилицѣ*« видно много наблюдательности; обстановка сцены очень живописна.

«*Уступи мнѣ мѣсто*», картинка г-на Нотермана, изображаетъ сцену вовсе не изъ жизни частной или политической, какъ это можно подумать по ея названію. Двѣ

Digitized by Google

комнатныя собачки, расположившись въ креслахъ, защищаютъ свое мѣсто отъ косматой испанъолки, которая хочетъ согнать ихъ.

Два монаха, г-на Вордскмера, написаны съ большимъ соображеніемъ и кистью твердой. Эта картина названа имъ: *Столѣтній старецъ (un Centenair)*.

Г-нъ Ванъ Мёеръ не сдѣлалъ большихъ успѣховъ. Его видъ Голландскаго городка, Бригге, замѣчателенъ только жесткостью и рѣзкостью тона; а между тѣмъ небо, виднѣющееся на этомъ пейзажѣ, сквозь облаковъ, свѣтлѣе Неапольскаго, и навѣрное можно сказать, что жители Бригге никогда такого не видывали надъ своимъ роднымъ городомъ.

Жанна д'Аркъ, картина г-на Диллень, довольно удачна. Колоритъ хорошъ. Типы Англійскихъ солдатъ изображены выразительно; фигура Жанны д'Аркъ исполнена достоинства и величія, но черты лица ея больше похожи на мужескія, чѣмъ на женскія.

Въ »*Ожиданіи*,« г-на Таймана, есть мысль. Молодая женщина сидитъ на берегу морскомъ, во время бури. Но исполненіе слабо.

Г. Вервьеръ прислалъ видъ одного изъ тѣхъ Голландскихъ каналовъ, загроможденныхъ барками, которые онъ такъ любитъ писать и пишетъ удачно. Въ новомъ его произведеніи можно похвалить воду, суда и фигуры людей, но небо ниже посредственности, и особенно ночь.

Замѣтимъ еще пейзажъ г-на Ракфольдъ, на которомъ представленъ яркій закатъ лѣтняго солнца; цвѣты, г-на Роббе, и два небольшіе пейзажа прекраснаго колорита и отчетистаго исполненія, г-на Девалль.

Г. Кюнненъ прислалъ тотъ самый пейзажъ, который обратилъ на себя общее вниманіе на послѣдней Брюссельской выставкѣ. Маленькій эскизъ г-на Шельфу, вѣроятно, присланъ имъ для того, чтобъ прибавить одно славное имя въ каталогѣ выставки, а не для пріобрѣтенія новой славы.

Если мы къ именамъ художниковъ, о которыхъ ужь говорили, прибавимъ еще имена г-жи Шампелль, Гг. Шарета-Дюваль, Гугенса, Гарни, Таверньe, Геслера, Свертца и Леруа, то нами никто почти не останется забытъ.

—

Digitized by Google

Кстати о картинахъ. Въ Парижской національной библіотекѣ есть гравюра *Снятіе со креста*, которую до сихъ поръ считали оригинальной работой Рембрандта. Библіотека заплатила за нее 5,800 франк., какъ за эстампъ въ своемъ родѣ единственный и удивлявшій знатоковъ красотою оттиска, нѣжностью штриха и гладкостью полей, на которыхъ не видно ни малѣйшаго слѣда тисненія. Недавно понадобилось перемѣнить у эстампа раму. Любители воспользовались случаемъ разсмотрѣть хорошенько этотъ рѣдкій эстампъ, вынутый изъ-подъ стекла; приставили къ глазамъ лорнеты, трубочки, всѣ возможные зрительные инструменты и открыли.... что это не гравюра, а рисунокъ перомъ, о превосходствѣ котораго можно судить уже по тому, за что онъ столько времени былъ принятъ.

—

Носятся слухи, что въ Академіи (мы говоримъ здѣсь объ Академіи Наукъ, а уже не объ Академіи Художествъ), составляется партія, которая хочетъ предложить Президенту Республики опроставшіеся кресла Дроза.

—

Ламартинъ трудится, отъ 15 до 16 часовъ въ сутки, надъ *Исторіей временъ Директоріи*, которую у него купилъ, за 120,000 франк., издатель ею *Conseiller du Peuple*.

—

Въ одной изъ самыхъ веселыхъ долинъ Люксамбурга, есть живописныя развалины, съ которыми связано воспоминаніе о происшествіи очень любопытномъ. Это развалины Клерфонтенскаго аббатства, нѣкогда богатой и уважаемой обители благородныхъ дѣвицъ, посвятившихъ себя Богу. Въ 1794 году благочестіе этого монастыря до того ослабѣло и нравы такъ испортились, что начальница его ни сколько не совѣстились приглашать къ себѣ на вечера, и даже на балы, всѣхъ окрестныхъ жителей, съ ихъ семействами, и Австрійскихъ офицеровъ Артонскаго гарнизона (въ числѣ которыхъ находился и Фельдмаршалъ Радецкій, бывшій тогда еще Капитаномъ). Во время одного изъ такихъ баловъ, полубригада Мозельской арміи, стоявшая

Digitized by Google

въ Лонгви, напала, въ расплохъ, на Артонъ и овладѣла имъ, а на разсвѣтѣ толпа республиканскихъ солдатъ разграбила и сожгла монастырь, который черезъ нѣсколько часовъ превратился въ дымящуюся груду камней.... Вы думаете, что я вамъ разсказываю событіе историческое? нѣтъ, это романъ одного неизвѣстнаго автора, недавно вышедшій въ Брюсселѣ и, говорятъ, очень занимательный. Не знаемъ только, романъ ли основанъ на происшествіи, или происшествіе на романѣ?

—

Два новыя сочиненія Гизо: *Монкъ* и *Вашингтонъ*, вышли уже въ Брюсселѣ.

—

По Сень-Жерменской и Версальской желѣзнымъ дорогамъ, изъ которыхъ первая открыта 25-го Августа 1837, а вторая 1-го Маія 1839 года, проѣхали, со времени ихъ открытія по 31 Октября 1850 года, около 30 милліоновъ пассажировъ. Парижане, несмотря на всю свою вѣтренность, до сихъ поръ не перестаютъ восхищаться всѣми безчисленными удобствами и выгодами, которыя доставили имъ эти дороги, соединивъ центръ города съ его окрестностями. Въ нашъ вѣкъ, который самъ летитъ по желѣзной дорогѣ, потребность быстроты въ сношеніяхъ политическихъ, въ дѣлахъ коммерческихъ, даже въ поѣздкахъ на прогулку съ каждымъ днемъ становится необходимѣе, и по этому мы, кажется, не совсѣмъ довольны и желѣзными дорогами.... Мы стремимся къ воздухоплаванію, надъ которымъ въ послѣднее время сдѣлано столько опытовъ, и о которомъ г. Жюльень Тюргань издалъ недавно книгу, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Воздушные шары, и исторія воздухоплаванія, со времени его начала до нашихъ временъ*..,

Авторъ книги почти убѣжденъ, что скоро наступитъ время, когда человѣкъ достигнетъ искусства плавать въ воздухѣ точно такъ же, какъ теперь плаваетъ онъ по водѣ. Онъ считаетъ воздухоплаваніе такой вещію, которая не замедлитъ осуществиться, увѣнчаться полнымъ успѣхомъ, и, *вслѣдствіе того*, поздравляетъ человѣчество съ этимъ

Digitized by Google

способомъ путешествія, самаго пріятнаго, самаго занимательнаго и нисколько не утомительнаго, какъ удостовѣрился онъ по собственному опыту. Г. Жюльенъ Тюрганъ совершилъ три такихъ путешествій. Первое съ г. Гренье, второе съ несчастнымъ Галемъ, который нѣсколько мѣсяцевъ назадъ умеръ въ Бордо, и третье изъ Парижа въ Бельгію, съ г. Голэръ. Эти три опыта до того пристрастили его къ воздухоплаванію, что заставили написать исторію воздушныхъ шаровъ, очень любопытную и богатую фактами, тщательно собранными, но .... къ сожалѣнію, нисколько не подвигающую впередъ науку воздухоплаванія.

—

Говоря о путешествіяхъ по желѣзнымъ дорогамъ и по воздуху, очень кстати сказать и о новыхъ часахъ, изобрѣтенныхъ Брюссельскимъ часовщикомъ Демёромъ. Извѣстно, что до сихъ поръ въ дорогѣ употреблялись только часы *карманные;* напротивъ это часы *столовые*, и вотъ какого устройства. Предположимъ, что у васъ есть такіе часы. Они чрезвычайно красивы и стоятъ на каминѣ вашего Московскаго кабинета. Вамъ понадобилось ѣхать въ Петербургъ, и вздумалось взять съ собой эти часы какъ для того, чтобъ они вамъ показывали время въ дорогѣ, такъ и для того, чтобъ, тотчасъ же по пріѣздѣ въ Петербургъ, поставить ихъ на каминъ вашего Петербургскаго кабинета. Они въ ящикѣ. Вы ставите ихъ, къ себѣ, въ мальпостъ. Васъ мчатъ что есть духу, но вы пріѣзжаете на станцію, смотрите на ваши часы, и видите, что они идутъ, и идутъ такъ же вѣрно, какъ бы стоя на мѣстѣ. Этого мало: ящикъ, стоящій въ вертикальномъ положеніи, безпокоитъ васъ; вы кладете его на бокъ — и часы опять идутъ. Вы ставите ихъ въ положеніе косвенное, поворачиваете на всѣ стороны, ихъ толкаетъ въ мальпостѣ — а они все себѣ идутъ да идутъ. Наконецъ, если вамъ вздумается эти чудные часы, которые стояли, въ вашемъ Московскомъ кабинетѣ, въ обыкновенномъ нормальномъ положеніи всѣхъ вообще столовыхъ часовъ, т. е. XII цифрой циферблата вверхъ, а маятникомъ внизъ, поставить, для рѣдкости, въ

Digitized by Google

вашемъ Петербургскомъ кабинетѣ, вверхъ ногами, они опять будутъ идти..... Я непремѣнно куплю себѣ такіе часы, которые стоятъ, глядя по отдѣлкѣ, отъ 200 до 600 франковъ, и непремѣнно поставлю ихъ, въ моемъ кабинетѣ, вверхъ ногами, именно съ тѣмъ, чтобы каждый, кто придетъ ко мнѣ, подумалъ, что онъ попалъ къ антиподамъ....

—

Изъ шумнаго, блистательнаго роскошнаго Парижа обратимся къ бѣднымъ и смиреннымъ Славянамъ, и перепечатаемъ изъ Сѣверной Пчелы извѣстіе о новомъ несчастіи, которое грозитъ имъ еще больше Венгерскихъ смутъ, убійствъ и опустошеній; говоримъ больше, потому что война все-таки есть зло временное, преходящее, а колонизація другаго племени пускаетъ глубокіе корни.

Въ Бѣлградской Газетѣ напечатано: «Недавно получили мы объявленіе о колонизаціи Венгріи по плану Гогенблума, и вмѣстѣ первый нумеръ новаго журнала «Колонистъ» (Der Colonist). Венгрія нынѣ представляется Нѣмцамъ земнымъ раемъ, въ которомъ текутъ рѣки молока и меду! Тамъ найдутъ прибѣжище Нѣмцы, которые въ своемъ отечествѣ не находятъ себѣ мѣста; тамъ, говорятъ, примутъ ихъ съ радушіемъ. Тамъ, по теченію Дуная, собираются Нѣмцы овладѣть, посредствомъ колонизаціи, всѣми «важнѣйшими стратегическими и торговыми пунктами», и мало по малу вытѣснить нынѣшнихъ жителей, чтобы ввести въ Славянскія земли Германское начало и Германское образованіе. Дай Богъ, чтобъ въ такомъ огромномъ размѣрѣ колонизація эта принадлежала лишь къ золотымъ снамъ и обычайнымъ Нѣмецкимъ «бреднямъ»; но съ этой колонизаціи Германія намѣрена начать свое славное «нашествіе» «Zug nach Osten», о которомъ такъ хвастаетъ заранѣе. Лишь только кончилась Венгерская война, всѣ журналы въ одинъ голосъ начали говорить открыто о настоящей цѣли предполагаемаго населенія.

«Поселеніе Нѣмцевъ по всему теченію Дуная, повидимому, весьма невинное и мирное дѣло», говорятъ они, «но въ самомъ дѣлѣ тутъ заключается важная политическая цѣль. Вся Германія найдетъ тутъ пользу и увеличеніе, а всѣ другіе народы, могущіе имѣть вліяніе на Востокѣ, потеряютъ это вліяніе, когда Нѣмецкая ученость, Нѣмецкая философія, обычаи и образъ мыслей просвѣтятъ Востокъ по всему теченію Дуная, и до самыхъ его устьевъ

Digitized by Google

станутъ стѣною противъ варваровъ.» Вотъ что пишутъ и говорятъ будущіе колонисты; хорошо, по крайней мѣрѣ, что не скрываютъ своей истинной цѣли. Обстоятельства же теперь такія, что съ небольшими деньгами можно дѣлать хорошія спекуляціи: земля плодородная и благословенная продается въ Банатѣ за безцѣнокъ; *iотро* земли (около десятины) можно купить за 40 гульденовъ серебромъ (26 руб. сер.), а виноградники, уже насаженные, немного дороже. Банатское Венгерское вино извѣстно всѣмъ. Для обработки можно нанимать тѣхъ же самыхъ людей, которые продаютъ земли, и разумѣютъ это дѣло. Вѣроятно такимъ образомъ и поступятъ, и самихъ же Австрійскихъ Славянъ оставятъ на своей родинѣ, въ которой каждую сажень земли они отстояли своей кровью, вмѣсто того, чтобъ призывать изъ избалованныхъ, зараженныхъ краевъ западной Германіи колонистовъ, которые только искаженную свою «*цивилизацію*» и революціонныя мысли хотятъ распространить мало по малу по востоку въ ихъ «нашествіи» (Zug nach Osten).

Въ той же газетѣ напечатано слѣдующее извѣстіе изъ Вѣны отъ 5-го Ноября; «На дняхъ Патріархъ со всѣми православными Епископами имѣлъ аудіенцію у Императора Австрійскаго, и поднесъ всеподданнѣйшую просьбу о разсмотрѣніи дѣлъ въ Воеводствѣ, гдѣ жители терпятъ столько притѣсненій и несправедливыхъ поступковъ отъ людей, бывшихъ сообщниками Кошута, что ясно видно намѣреніе старыхъ враговъ привести народъ къ отчаянію, и увѣрить его, что само министерство хочетъ возбудить его къ безпорядкамъ, чтобы отнять всѣ пожалованныя Монаршею милостію привиллегіи. Плачь и стонъ между Сербами; православные же владыки рѣшились въ представленной ими запискѣ, донести самому Императору о такомъ положеніи дѣлъ, и увѣрены, что онъ не оставитъ безъ защиты своего народа, на который всегда можетъ положиться, и который еще недавно доказалъ свою любовь и вѣрность.»

Чтобъ опять развеселить нашихъ читателей послѣ такой унылой перспективы, сообщимъ имъ одно стихотвореніе изъ Галицкаго Альманаха: Поздравленіе Русиновъ на годъ 1851, напечатаннаго въ Вѣнѣ, въ типографіи Мехатеристовъ, съ эпиграфомъ изъ Сумарокова: «Стихи слагать не такъ легко, какъ многимъ мнится.» Каково соединеніе: стихи *Русиновъ* напечатаны въ *Вѣнѣ*, въ *Армянской* типографіи, и съ эпиграфомъ *Сумарокова*. Въ доказательство эпиграфа вотъ и стихи:

Digitized by Google

Я Русинъ былъ, есмь, и буду;
Я родился Русиномъ,
Честный мой родъ не забуду,
Останусь его сыномъ;
Русинъ былъ мой отецъ, мати,
Русская вся родина,
Русины сестры, и браты
И широка дружина;
Великій мой родъ и главный,
Міру есть современній,
Духомъ и силою славный
Всѣмъ народамъ пріемный.
Я свѣтъ узрѣлъ подъ Бикидомъ,
Первый воздухъ Русскій ссалъ
И кормился Русскимъ хлѣбомъ,
Русинъ меня колысалъ,
Коль первый разъ отворилъ ротъ
Русское слово прорекъ,
На азъ-буцъ первый мой потъ
Зъ молодаго чела текъ.
Русскимъ потомъ я питанъ былъ,
Русскимъ иполъ расходомъ
Въ широкій свѣтъ; но не забылъ
Съ своимъ знатися родомъ. --
И теперь, кто питаетъ мя,
Кто кормитъ, кто мя держитъ?
Самое Русское племя,
Мою годность содержитъ!
Про то тебѣ, роде мой
Кленусь живымъ Богомъ,
За печальный потъ и трудъ твой
Повинуюся долгомъ —
И отдамъ ти колько могу,
Пріими той щирный дарокъ.
Пріими, вотъ маленьку книгу,
И сей писменный рядокъ;
Прочее же не забуду,
Сердца моего скруху,
Пожертвити; я твой буду,
Тобѣ другомъ и умру.

Digitized by Google

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Изъ *Петербурга* (Мостъ чрезъ Неву; Выставка рѣдкостей; Эрмитажъ; Литературныя новости; Каѳедра юридической палеографіи; Публичныя лекціи. Новый тарифъ; Судоходство при Кронштадтскомъ портѣ; Музыкальныя новости). — Изъ *Керчи* (Художественная находка). — Изъ *Боровска* (Археологическая находка). — Изъ *Смоленска* (Открытіе новой краски). — Изъ *Тифлиса* (Алагирскій заводъ; Литературная новость). — Изъ *Одессы* (Литературныя новости). — Изъ *Харькова* (Новая драма; Благотворенія). — Изъ *Николаева* (Благотворенія). — Изъ *Самары* (Новая губернія). — Изъ *Троицка* (Еще о торговлѣ съ Китаемъ). — Изъ *Сибири* (Борьба съ тигромъ). — Изъ *Ново-Архангельска* (Дѣйствія Россійско-Американской Компаніи).

(Увеличеніе объема журнала даетъ намъ возможность значительно расширить и этотъ отдѣлъ. Теперь читатели Москвитянина будутъ, чрезъ каждыя двѣ недѣли, имѣть предъ собою возможно полный обзоръ всѣхъ замѣчательныхъ современныхъ событій въ Россіи, особенно относящихся къ наукамъ, искусствамъ, нравамъ, и вообще гражданственности. Матеріалы для этого обзора мы будемъ извлекать изъ разныхъ офиціальныхъ газетъ и журналовъ, и изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ нашими корреспондентами, число которыхъ безпрестанно увеличивается. Какъ ни богаты эти источники, но мы считаемъ не лишнимъ обратиться съ просьбою къ нашимъ читателямъ, ко всѣмъ образованнымъ людямъ, о сообщеніи свѣдѣній для »Внутреннихъ Извѣстій.« Не нужно, кажется, говорить, что въ каждомъ, повидимому, самомъ незначительномъ городѣ, во всякомъ краю Россіи, найдется многое достойное быть описаннымъ, переданнымъ въ общее свѣдѣніе, и между тѣмъ мало извѣстное или неизвѣстное вовсе. Отечественная исторія, географія и статистика ожидаютъ еще многихъ матеріаловъ. Вседневная наша жизнь, окружающіе насъ люди — неужели не представляютъ ничего замѣчательнаго, кромѣ, напримѣръ, баловъ и

Digitized by Google

разныхъ увеселеній, кромѣ машинальнаго времяпрепровожденія, или такъ называемыхъ *криминальныхъ* происшествій? Мало ли совершается вездѣ подвиговъ добра, мало ли проявленій Русскаго духа, о которыхъ мы слышимъ часто, но читаемъ очень рѣдко.... Что же удерживаетъ многихъ отъ обнародованія подобныхъ событій? Да то, что, къ сожалѣнію, обще большей части изъ насъ, что составляетъ какъ бы одно изъ прирожденныхъ свойствъ нашего народнаго характера — именно безпечность или равнодушіе — причина, какъ видите, ни сколько не уважительная. Другіе останавливаются при мысли, какъ они будутъ писать о предметѣ, требующемъ, по ихъ мнѣнію, умѣнья *сочинять*. Напишите то самое, что говорите, и довольно. Сочинять тутъ ничего не нужно, украшеній не требуется никакихъ: была бы одна истина. — Еще разъ повторимъ усердную нашу просьбу, и заранѣе усердно благодаримъ тѣхъ, кому угодно будетъ принять ее къ свѣдѣнію и исполненію.)

Начинаемъ съ **Петербурга**.—Жители Петербургскіе не налюбуются на великолѣпный мостъ чрезъ Неву,—а придетъ весна, и они почувствуютъ всю важность полученнаго благодѣянія. Говорятъ теперь, что всѣ домы на Васильевскомъ острову поднялись въ цѣнѣ, и капиталы хозяевъ внезапно, слѣдовательно, увеличились. — Выставка художественныхъ рѣдкостей, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, должна скоро открыться. Мысль этого учрежденія прекрасная. Драгоцѣнности частныя сдѣлаются на нѣсколько времени собственностію всего общества, и всякой получитъ возможность насладиться, поучиться ими. Какое удовольствіе для художниковъ! Примѣръ Петербурга, можетъ быть, вызоветъ соревнованіе и Москвы, въ которой также найдется не мало художественныхъ сокровищъ и рѣдкостей.

Разсказываютъ, что въ старые годы, одинъ Англичанинъ, пріѣзжавшій посмотрѣть Петербургъ, полюбовался рѣшеткою Лѣтняго сада, и немедленно отправился назадъ, говоря, что послѣ нея уже ничего не надобно смотрѣть. Мы увѣрены, что теперь бы онъ взглянулъ, и взглянулъ бы внимательно, съ чувствомъ изумленія и зависти, на Благовѣщенскій мостъ, не говоря уже о другихъ монументальныхъ постройкахъ, украсившихъ Петербургъ въ настоящее царствованіе. — Вмѣстѣ съ мостомъ, удивленіе и радостную гордость Петербургцевъ привле-

Digitized by Google

кает возобновленное здание Императорскаго Эрмитажа, при сооружении котораго показал так много дарований и вкуса известный наш архитектор А. П. Брюлов. — Но при извѣстіи о подобных сооруженіях совѣстно ограничиваться двумя-тремя строками; между тѣм мы дѣлаем это по необходимости: как без средств нельзя ничего строить, так без матеріалов невозможно и писать. А откуда брать матеріалы? Петербургскіе наши корреспонденты скупы на подобныя извѣстія, тамошнія газеты еще скупѣе. Положим, что обстоятельное описаніе не может быть приготовлено в «самый интерес минуты;» но довольно бы извѣстія, дающаго хотя краткое, но ясное понятіе о предметѣ. Вѣдь на многое другое, менѣе для нас любопытное, достает же и досуга и охоты. В Лондонѣ устраивается всемірная выставка — хорошо; на Русском языкѣ издается описаніе зданія для нея, вмѣстѣ с его планом и фасадом — прекрасно. Но почему свои-то примѣчательности мы пропускаем так холодно!....

Но сужденіе о том, что могло бы быть и чего, к сожалѣнію, нѣт, отвлекло нас от Петербургских новостей. — Что дѣлается там в мірѣ ученом, литературном? Дѣлается, вѣроятно, многое, но пока не сдѣлалось, то есть не вышло в свѣт ничего особеннаго. Впрочем, дѣтская литература, если нельзя сказать, обогатилась, то пріобрѣла себѣ нѣсколько новых книжек к праздникам. Кромѣ «Живописнаго сборника,» Г. Плюшара, вышли: «Сюрприз, альманах для дѣтей, изд. К. Оболенскимъ;» «Разсказы из Русской Исторіи,» В. Строева, — и «Басни К. Масальскаго.» Не видавъ этих подарков, не можем пока об них ничего и сказать.

Из числа ученых новостей, о которых мы уже упоминали в свое время, позвольте опять припомнить одну — именно, каѳедру «Юридической палеографіи,» учрежденную в Училищѣ Правовѣдѣнія. Мысль преподаванія палеографіи юристам — прекрасна. Это преподаваніе столь же нужно для воспитанников семинарій и духовных академій. Довольно привести в доказательство многочисленные памятники древней нашей письменности, хранящіеся в монастырских библіотеках: как часто иной труженик, готовый служить наукѣ своим усердіем, обходит их или невольно искажает смысл, единственно потому, что разбирает

Digitized by Google

древнія письмена какъ нельзя лучше. Г. Сахаровъ, принадлежащій къ числу нашихъ достойныхъ археологовъ, исполнитъ свою обязанность какъ нельзя лучше.

Кромѣ того въ Петербургѣ постоянно читаются (два раза въ недѣлю) публичныя лекціи (о ботаникѣ Г. Шиховскимъ и о лѣсоводствѣ Г. Дмитовскимъ), на которыя всѣ желающіе допускаются безъ платы и безъ билетовъ. Казалось бы, надобно ожидать, что при этихъ условіяхъ при важности предметовъ чтенія и общедоступности изложенія, слушатели должны являться многіе. Нѣтъ, едва находятся десятки....

Какъ бы то ни было, но все-таки слѣдуетъ принести глубочайшую благодарность Вольному Экономическому Обществу, по распоряженію и въ залѣ котораго читаются эти лекціи. Равную благодарность принесутъ ему многіе любители сельскаго хозяйства за предположенную продажу дублетовъ книгъ изъ богатой библіотеки Общества. Это же Общество назначило 2800 р. сер. въ пользу пятерыхъ сиротъ, оставшихся послѣ покойнаго А. С. Дружковскаго, который въ продолженіе осьми лѣтъ исправлялъ должность секретаря Общества.

Переходя изъ міра ученаго и литературнаго въ обыкновенное общество, и минуя тѣ новости, которыя родятся ежеминутно, пропуская извѣстія, что

Сегодня балъ.
А завтра два,

чаще нежели о чемъ другомъ, услышимъ разговоръ о новомъ тарифѣ, который составляетъ теперь предметъ общаго вниманія. Поэтому очень кстати вышла брошюра: »Сравненіе таможенныхъ тарифовъ 1850 и 1841 годовъ.« Какое направленіе дастъ новый тарифъ внѣшней нашей торговлѣ, въ какой степени отразится на внутренней, какое вліяніе произведетъ на развитіе отечественной промышленности — это покажетъ будущее, и сужденія объ этомъ предметѣ, основанныя на извѣстной степени вѣроятности, принадлежатъ политической экономіи. Поэтому составитель «Сравненія тарифовъ« сдѣлалъ очень хорошо, ограничившись одними данными, изъ которыхъ каждое говоритъ яснѣе, нежели десять умозаключеній. Брошюра его заключаетъ въ себѣ: 1) Роспись привознымъ товарамъ, съ коихъ пошлина новымъ тарифомъ сбавлена, и сравненіе новой пошлины съ прежнею. 2) Роспись привознымъ

Digitized by Google

товарамъ, съ коихъ пошлина новымъ тарифомъ не измѣнялась. 3) Роспись привознымъ товарамъ, которые тарифомъ 1841 г. запрещены, но по тарифу 1850 г. къ привозу дозволены. 4) Роспись предметамъ и товарамъ, которые остаются запрещенными къ привозу по тарифу 1850 г. 5) Роспись отпускнымъ товарамъ, которые по тарифу 1841 г. запрещены, а тарифомъ 1850 г. дозволены къ вывозу безпошлинно. 6) Роспись отпускнымъ товарамъ, которые по тарифу 1850 г. остаются обложенными пошлиною. 7) Роспись запрещеннымъ къ вывозу товарамъ по тарифу 1850 года. — Особенное вниманіе, по крайней мѣрѣ не однихъ торговцевъ и мануфактуристовъ, привлекаетъ третья таблица — роспись товарамъ, привозъ которыхъ, запрещенный доселѣ, разрѣшенъ новымъ тарифомъ, — и какъ вѣроятно, не всѣ изъ нашихъ читателей имѣютъ у себя тарифъ, то мы представляемъ ее здѣсь въ сокращеніи. — Разрѣшены къ привозу:

Басоны и бахрама, бумажные и шелковые. — Парчи, гасы, галуны и т. п. (съ пошлиною по 10 р. с. съ фунта). — Бумажныя и полубумажныя матеріи, печатныя и набивныя, не на основѣ (до $2\frac{1}{2}$ р. с. съ ф.). — Бѣлье сшитое, издѣлія всякія изъ мягкой рухляди и платье мужское и дѣтское (пошлина съ цѣны $50\frac{0}{0}$). — Женскіе уборы и платье ($75\frac{0}{0}$ съ цѣны). — Занавѣсы, гардины и сторы. — Зеркала и зеркальныя стекла. — Зонтики. — Книги переплетенныя. — Обувь сапожная и башмачная (1 р. с. съ ф.). — Обувь женская изъ шелковой матеріи. — Кольчатый сюрогать. — Льняныя и пеньковыя издѣлія, печатныя и набивныя (съ ф. 1 р. 40 к. с.). — Толстое полотно и грубый холстъ всякій, а также полотно парусное, фламское и тикъ (съ ф. 60 к.). — Масло льняное, конопляное и т. п. (съ пуда 1 р. 85 к.). — Ножевый товаръ (съ ф. 70 к.). — Клинки или лезвея шпажныя, и проч. — Издѣлія изъ стальной и желѣзной проволоки, желѣзныя издѣлія луженыя, металлы составные (съ пуда до $1\frac{1}{2}$ р. с.). — Уксусъ пивной (съ оксофта 24 р.). — Медъ и пиво въ бутылкахъ (съ б. 35 к.). — Посуда фарфоровая, бѣлая и одноцвѣтная, также съ живописью и позолотою (первая съ пуда 9 р., вторая до 40 руб.). — Пудра. — Стеаринъ не въ д[illegible] (съ п. 1 р. 60 к.). — Стеариновыя и сальныя свѣчи (с[illegible] п. 2 р.). — Сало всякое скотское (съ п. 30 к.). — Ф[illegible]келы и фитили. — Фуражки безъ мѣха (съ каждой 60 к.). — Перловая и манная крупа. — Хлѣбъ печеный. — [illegible]улки замшевые и штиблеты. — Чугунъ въ дѣлѣ, къ

Digitized by Google

привозу моремъ (съ п. 80 к.). — Ленты орденскія. — Шерстяныя матеріи, печатныя и набивныя, не на основѣ (съ ф. 2½ р.). — Шляпы пуховыя и всякія (1 р. 20 к. съ каждой). — Экипажи (до 120 р. съ каждаго). — Принадлежности къ экипажамъ, кромѣ ресоръ (съ п. 4 р.). — Трости и палки съ посторонними принадлежностями, какъ-то: трубками, лорнетами (но не съ оружіемъ). — Мебель всякая.

Что касается до прошлогодней торговли Петербурга, то вотъ нѣсколько данныхъ о движеніи судоходства при Кронштадтскомъ портѣ. Судовъ къ приходѣ было слишкомъ 1,600; изъ нихъ наибольшее число было Англійскихъ (до 900) и Русскихъ (съ небольшимъ 150). Болѣе 50 кораблей по приходу и отходу были адресованы 21 торговому дому....

Слово «прошлогодній,» кажется, не понравилось намъ. Вы требуете новостей самыхъ свѣжихъ, какъ говорится, животрепещущихъ интересомъ минуты. Нѣтъ ихъ и взять неоткуда. «Какъ? А театры, а музыка?» — На театрахъ Петербургскихъ, если не считать дюжинныхъ бенефисныхъ новостей, не явилось въ послѣднее время ничего примѣчательнаго. Музыка.... объ ней, извольте, можно сказать слова два-три.

Петербургъ давно составилъ себѣ славу музыкальнаго города. У него лучшая въ Европѣ Италіянская опера; на судъ его, послѣ Парижа, Лондона, Вѣны, являются первоклассныя музыкальныя знаменитости; концерты, вокальные и инструментальные, не прекращаются въ немъ круглый годъ, раздаваясь то въ залахъ, то подъ открытымъ небомъ. И въ настоящую пору, когда въ Москвѣ, напримѣръ, еще и не слыхать о »музыкальномъ сезонѣ«, Петербургскіе меломаны уже наслаждаются имъ. Замѣчательнѣйшій изъ концертовъ прошлаго мѣсяца былъ данъ Г-жею Ниссенъ-Саломанъ. Много любителей привлекаютъ »музыкальныя упражненія« студентовъ Петербургскаго Университета, на которыхъ исполняется одна классическая музыка, и концерты придворныхъ пѣвчихъ, даваемые съ благотворительною цѣлію.

Зала Пассажа, гдѣ даетъ свои концерты, съ прибавленіемъ плясокъ, хоръ Московскихъ Цыганъ, всегда наполнена многочисленною публикою. Любаша, Маша, Груша, солистки цыганскаго хора, вызываютъ громъ оглушительныхъ рукоплесканій и крикомъ восторга; какая-нибудь пѣсня: »Сяду я на лавочку, погляжу на

Digitized by Google

окно«, или: »На курочкѣ перьюшко рябое« производитъ фуроръ; цыганская пляска, съ присвистомъ и прищелкиваніемъ, подъ припѣвъ: »Вскочилъ козелъ въ огородъ«, подъ бренчанье гитары, наэлектризовываетъ зрителей, и многіе изъ нихъ съ увлеченіемъ припоминаютъ стихи одного изъ Петербургскихъ поэтовъ, написанные лѣтъ за семь тому, когда цыганскій хоръ впервые явился въ Петербургѣ, и когда пѣвица Матрена была обрисована слѣдующими стихами:

Вотъ Матрена колотитъ;
Молотитъ, колотитъ, кипитъ и дробитъ,
Кипитъ и колотитъ, дробитъ и молотитъ,
И вотъ поднялась, и взвилась, и дрожитъ!....

Вспомнимъ однако, что было время, когда Петербургъ кололъ Москву безвкусіемъ, и въ числѣ доказательствъ приводилъ ея любовь къ цыганскому пѣнію.... А теперь? Теперь Петербургскіе эстетики почти каждый день собираются въ концертную залу Пассажа, а лѣтомъ восхищаются зрѣлищемъ цыганскаго табора, устраиваемаго на загородныхъ гуляньяхъ....

Для полноты обзора Петербургскихъ новостей слѣдовало бы сказать о тамошней погодѣ: она столь же непостоянна и такъ же мало похожа на зимнюю, какъ и у насъ въ Москвѣ. — Обратимся опять къ художествамъ.

Изъ **Керчи** пишутъ, что въ концѣ прошлаго года, близъ этого города найдены въ землѣ (говорятъ, что случайно при копаніи земли крестьянами, для хозяйственныхъ надобностей) двѣ колоссальныя статуи — мужчина и женщина — превосходной работы. Ожидаемъ отъ нашего корреспондента болѣе подробныхъ извѣстій объ этой драгоцѣнной находкѣ.

Близъ **Боровска** найдены въ двухъ мѣстахъ два горшка съ серебряными деньгами Василья Темнаго, и современныхъ съ нимъ Князей удѣльныхъ Можайскихъ и Боровскихъ. Многія сохранились очень хорошо.

Открытіе не художественное и не археологическое, но важное въ своемъ родѣ для промышленности, сдѣлано въ **Смоленской** губ., въ Ельнинскомъ уѣздѣ, при селѣ Ивановѣ, гдѣ тамошній помѣщикъ Г. Ластовиновъ нашелъ обильный слой коричневой краски терръ-де-санъ. Позднее время года не позволило ему изслѣдовать подробно мѣстонахожденія; но, по разсчету, онъ предполагаетъ, что

Digitized by Google

изъ озера, гдѣ найдена краска, можно добыть ея до ста пудовъ. Очень можетъ быть, что слой ея простирается и на дальнѣйшее разстояніе.

Кстати объ открытіяхъ этого рода. Бывали ли вы на **Алагирскомъ** заводѣ? Вѣроятно нѣтъ, врядъ ли и слыхали объ немъ. Мы тоже, и это не удивительно, потому что Алагирскій заводъ находится почти въ самомъ сердцѣ Кавказа, недалеко отъ Казбека, потому что онъ возникъ не далѣе какъ въ настоящемъ году и еще не совсѣмъ устроенъ. Къ счастію, мы встрѣтили опытнаго путеводителя, и съ помощью его можемъ познакомиться съ *первымъ* казеннымъ заводомъ на Кавказѣ. — Въ 15 верстахъ отъ Ардона лежитъ Алагирское ущелье, и если вы хотите видѣть одну изъ прекраснѣйшихъ побѣдъ человѣка надъ природою, надъ враждебными обстоятельствами, поѣзжайте сюда. Дорога безопасна и удобна. Здѣсь, въ этомъ ущельѣ, открыты серебряные рудники и устраивается правильное заводское производство. »Правительство не задумалось вызвать цѣлыя сотни мастеровыхъ изъ казенныхъ Сибирскихъ заводовъ для правильной добычи металла и, въ то же время, для проложенія дорогъ къ открытію и разработкѣ новыхъ богатствъ, которыя, несомнѣнно, таитъ Кавказъ въ своихъ нѣдрахъ. Здѣсь не то важно для Россіи, что открыта новая серебряная жила и устроивается заводъ для ея разработки: а то, что это заводъ на Кавказѣ«.... Но поспѣшимъ однако на заводъ. »Посмотрите, какая кипучая и разнообразная дѣятельность окружаетъ васъ повсюду, во всѣхъ работахъ, ведущихся вдругъ, и здѣсь и тамъ, по всему протяженію заводскаго производства! А самые эти работники! какъ мало они походятъ другъ на друга своимъ языкомъ, привычками, образомъ жизни. Оглянитесь назадъ. Въ какихъ-нибудь 20 саженяхъ отъ васъ выстроились длинные ряды временныхъ балагановъ баталіона Тенгинскаго пѣхотнаго полка. Чисто и красиво сплетены они изъ древесныхъ вѣтвей, защищены снаружи толстымъ слоемъ соломы и потомъ прикрыты сверху сѣномъ. Предлагая лѣтомъ надежное убѣжище отъ дождя и вѣтра, они, при всей легкости своей постройки, и въ зимнее время очень хорошо защищаютъ солдата отъ здѣшнихъ морозовъ. Этотъ баталіонъ строитъ цитадель, возводитъ валы, проводитъ къ рудному дорогу и вообще выполняетъ всѣ земляныя работы. Далѣе за военнымъ лагеремъ, расположился, какъ умѣлъ, Грузинскій транспортъ. На него возложена обязанность подвозить къ заводу и стесывать трахитовый камень и булыжникъ, здѣсь, изъ-

Digitized by Google

весть и проч. Вотъ тянется онъ длинной вереницей: немазанный колеса арбъ скрипятъ, Грузины кричатъ на своихъ буйволовъ; тѣ не слушаются, подаются впередъ плохо и иногда и вовсе останавливаются. А освободятъ отъ ярма буйвола, онъ, тутъ же, сейчасъ, и валится въ первую лужу и лежитъ въ ней по горло въ водѣ. Не скоро его вызовешь оттуда, потому что нѣтъ на свѣтѣ скотины, которая бы больше буйвола любила валяться и нѣжиться въ грязной водѣ. Но Богъ съ нимъ, съ этимъ транспортомъ: теперь вмѣсто его у насъ другой, казенный.... Но что это тамъ, вдали, за кучка народа, которая хлопочетъ около какого-то фундамента? Лица, приземистое, но плотное сложеніе, складъ рѣчи, самая одежда, — все у нихъ иное, все поражаетъ въ нихъ какою-то особенностью, которую вамъ, вѣроятно, случалось встрѣчать не часто. Это Греки. Издалека пришли они, за дорогую плату нанялись; но если хозяинъ ставитъ у себя во что-нибудь честную и добросовѣстную работу, искусство и чистоту въ отдѣлкѣ, тогда они не покажутся ему дороги. Надобно замѣтить, что всѣ эти Греки каменьщики.... Но что-то подѣлываютъ на заводѣ наши мастеровые? Они строютъ себѣ домы, обзаводятся хозяйствомъ, и потомъ работаютъ вездѣ по немногу.... Не велика рабочая сила завода, безъ Тенгинцевъ не будетъ и 300 человѣкъ, потому что главная партія изъ Сибири еще не явилась; а между тѣмъ здѣсь уже и слѣда не осталось отъ прежней однообразной и мертвенной картины. И давно ли? только въ нынѣшнемъ (1850) году состоялось Высочайшее утвержденіе объ основаніи перваго казеннаго завода на Кавказѣ; такъ недавно еще Князь Намѣстникъ обозрѣвалъ мѣста, отводимыя подъ этотъ заводъ, видѣлъ кругомъ себя только одинъ жалкій аулъ, да широкую, мѣстами болотистую, пустыню, да еще дикія горы, спрятавшіяся въ облакахъ, да лѣсъ на нихъ, и ничего больше.... Пусто и глухо было вездѣ. Но зародилась мысль, раздалось слово, приняла земля въ свои нѣдры первый камень, положенный рукою самого Князя Намѣстника, подъ заводскій фундаментъ, застучали топоры по нѣковому лѣсу, быть можетъ впервые услыхавшему Русскую рѣчь и Русскую пѣсню, и преобразилась пустыня. — Съ тѣхъ поръ дѣло горитъ и спорится у подножія этихъ дикихъ горъ, на этой безжизненной и болотистой пустынѣ. Вотъ предъ вами, немного вправо, готова цѣлая Луганская улица, обставленная чистенькими и бѣленькими домиками. Далѣе, тамъ и сямъ, въ чер-

Digitized by Google

тѣ заводской станицы, встаютъ другіе и растутъ себѣ словно грибы подъ дождемъ. Между ними, выходя своимъ передовымъ фасадомъ на церковную площадь, потихоньку, не торопясь, возникаютъ домы начальника и управителя.... Полюбуетесь только что оконченною цитаделью; широкій ровъ, наполненный свѣжею водою, чистота и отчетливая работа въ земляныхъ стѣнахъ, опушенныхъ дерномъ, круглый бастіонъ, защищенный орудіями, ворота съ подъемнымъ мостомъ; башня на концѣ, внутри самой цитадели пороховой погребъ изъ тесанаго камня, со сводами, домъ для коменданта, казармы для гарнизона: не правда ли, тутъ есть на что посмотрѣть. Какъ хорошо, напримѣръ, этотъ зеленый дернъ и этотъ темный цвѣтъ вала отдѣлились отъ окружающихъ зданій, бѣлыхъ снаружи и красныхъ сверху отъ черепичныхъ крышъ.... * Осмотрѣвши цитадель и бросивши послѣдній взглядъ на остающуюся позади васъ станицу съ ея маленькими, пока еще какъ бы неправильно разбросанными, домиками мастеровыхъ и строющимися въ разныхъ мѣстахъ казенными зданіями, вы заглядываете на минуту въ будущее, осуществляете его, въ чемъ не мало помогаетъ вамъ и планъ, который у васъ передъ глазами, и вотъ вся, цѣлая, готовая станица, со всѣмъ, что есть въ ней хорошаго и замѣчательнаго, ясно, вполнѣ обозначается передъ вами. Вся она обнесена валомъ и рвомъ, который, во всякое время года, снабжаетъ жителей чистою, свѣжею водою, и съ тѣмъ вмѣстѣ даетъ имъ движущую силу для мельницъ и тому подобнаго. Избытокъ воды изъ рва проводится по одной изъ заводскихъ улицъ и наполняетъ нѣсколько бассейновъ, обшитыхъ камнемъ, чѣмъ, такъ сказать, жителю дается возможность брать воду почти не выходя изъ своего дома.... Въ верстѣ отъ станицы »встрѣчаете серебросвинцовый заводъ, который, наступивши пятою на самое начало Алагирскаго ущелья, расположенъ на 33 кв. саженяхъ, и возводится съ каменными кругомъ стѣнами, съ башнями, съ оборонительными казармами. Здѣсь руда проходитъ всѣ металлургическія операціи, начиная отъ пробъ ея на количественное содержаніе въ ней металла до блика ея на трейбофенѣ, того процесса, послѣ котораго чистое уже серебро получается въ приготовленной для нея формѣ, отво-

* Строитель цитадели — Поручикъ Критъ, а Начальникъ завода — горный Инженеръ-Подполковникъ А. Б. Иванцкій.

Digitized by Google

вится на сохраненіе въ станичную цитадель, и потомъ, по мѣрѣ накопленія, препровождается въ Петербургъ на монетный дворъ.«

Прочное начало, положенное развитію горнозаводской промышленности на Кавказѣ должно имѣть важныя послѣдствія. Нашъ путеводитель высказываетъ по этому предмету слѣдующія мысли: «Общее сочувствіе, которымъ горный промыселъ встрѣченъ на Кавказѣ, которымъ онъ вѣроятно будетъ встрѣченъ и въ Россіи, потомъ обильныя рудныя богатства, разсыпанныя по высямъ Кавказа, – все это ручается здѣсь за его продолжительность; а здравый умъ, понятливость и врожденное благородство горцевъ могутъ служить также порукой, что и съ другой стороны горная жизнь не встрѣтитъ большихъ препятствій, и скоро, скоро, быть можетъ, скорѣе, чѣмъ кажется, сблизится съ туземной.«

Путеводителемъ нашимъ въ поѣздкѣ на Алагирскій заводъ былъ Г. *Банниковъ*, изъ любопытной статьи котораго, напечатанной въ газетѣ »Кавказъ« (NN 88, 89 и 90), мы представили здѣсь извлеченіе. Москвитянинъ не однажды говорилъ о достоинствахъ »Кавказа«: пользуясь случаемъ, повторяемъ опять, что эта газета, по богатству, разнообразію и новости своего содержанія, по самостоятельности, занимаетъ первое мѣсто между газетами. Каждый нумеръ ея заключаетъ въ себѣ какую-нибудь примѣчательную статью, иногда двѣ – три.

Недавно въ **Тифлисѣ** вышелъ »Дорожникъ по пути слѣдованія Е. И. В. Государя Наслѣдника по Закавказскому краю, въ 1850 году. Сост. О. Константиновъ« (редакторъ »Кавказа«). Съ этою книгою — дорогимъ подаркомъ для каждаго Русскаго — читатели наши познакомятся въ отдѣлѣ »Критики и Библіографіи.«

Одесса представила намъ: »Новороссійскій календарь«, который съ честію поддерживаетъ заслуженную свою извѣстность; 2-е и 3-е отдѣленіе II тома любопытныхъ »Записокъ Од. Общества исторіи и древностей«, со многими рисунками и снимками; наконецъ второй выпускъ »Литературныхъ вечеровъ«, альманаха Г. Фумели. Этотъ второй вечеръ, по отзыву рецензента Од. В., гораздо занимательнѣе перваго, о которомъ мы извѣщали нашихъ читателей въ свое время (1849 г.). Съ особенною похвалою отзываются о помѣщенной въ немъ повѣсти Г. Рабиновича: »Моритъ Сефарди«, содержаніе которой взято изъ Еврейскаго быта. Почти всѣ участники »Литературныхъ вечеровъ» принадлежатъ Одессѣ: Гг. Зеленецкій, Картамышевъ, Ковалевскій, Колбасинъ, Фумели

Digitized by Google

и Щербина. — Вышли еще, но не получены здѣсь: стихотворенія на Малороссійскомъ языкѣ: »Червонный жупанъ«, Н. Венгера, и »Басни Уманскаго.«

Изъ **Харькова** не слышится ни объ какихъ изданіяхъ.... Недавно на Харьковскомъ театрѣ давали неигранную еще нигдѣ *оригинальную драму* Г. Имшенецкаго: »Проклятіе или двѣ Терезы«, въ 4 д. Заглавіе и содержаніе, взятое изъ переводной повѣсти, заставляютъ насъ предчувствовать что-то недоброе, въ родѣ Уголино Г. Полеваго....

На лоттереѣ-аллегри, данной Харьковскимъ Благотворительнымъ Обществомъ, выручено было слишкомъ 4 т. р. сер., въ пользу бѣдныхъ.

Такіе же успѣхи оказываетъ благотворительность и въ **Николаевѣ**. На балѣ, данномъ подъ распоряженіемъ Е. Т. Лазаревой, разыграна была лоттерея, доставившая въ пользу бѣдныхъ до тысячи руб. сер.

Велика Россія, и иная губернія ея будетъ съ любое иностранное королевство.... Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ эта обширность даже нѣсколько затрудняетъ управленіе краемъ, сосредоточивающееся въ губернскомъ городѣ, отъ котораго уѣздные отстоятъ на нѣсколько сотъ верстъ. Неудобство это болѣе и болѣе устраняется учрежденіемъ новыхъ губерній. Съ настоящаго года число ихъ увеличивается—**Самарскою** губерніею, которая составлена изъ лежащихъ на лѣвомъ берегу Волги частей губерній: Оренбургской, Саратовской и Симбирской; именно, уѣздовъ: Бугульминскаго, Бугурусланскаго, Бузулукскаго, Новоузенскаго, Николаевскаго (который, по значительности населенія, будетъ раздѣленъ на два уѣзда), Ставропольскаго и частей: Самарскаго и Сызранскаго. Мѣра эта будетъ много содѣйствовать къ облегченію мѣстнаго управленія (съ этою же цѣлію, для округленія Саратовской губ., уѣздъ Царевскій отчисленъ къ Астраханской); а возведеніе Самары на степень губернскаго города должно значительно содѣйствовать процвѣтанію этого города, поднявшагося въ послѣднее время на высшую степень благосостоянія, но, къ несчастію, потерпѣвшаго такъ много отъ страшныхъ пожаровъ.

Велика Россія, и если есть въ ней края, куда нарочно посылаемыя новости приходятъ всего два раза въ годъ, то что дѣлать съ извѣстіями, распространеніе которыхъ во всеобщее

Digitized by Google

свѣдѣніе предоставляется случаю? Почти шесть лѣтъ, какъ мы открыли новый путь для торговыхъ сношеній съ Китаемъ; но не вздумай Г. Ястребовъ написать статью объ немъ, можетъ быть, прошло бы еще нѣсколько лѣтъ, и одни Троицкіе Татары знали бы отъ этомъ открытіи, обратившемъ на себя вниманіе многихъ торговцевъ. Между тѣмъ, когда этотъ важный коммерческій вопросъ пущенъ въ ходъ, начинаетъ оказываться, что Русскіе имѣли торговыя сношенія съ *Уруччакомъ* еще прежде 1844 года, и не изъ Троицка. Мы помѣстимъ вскорѣ большую статью объ этомъ почтеннаго издателя Сибирскаго Вѣстника, Гр. И. Спасскаго.

Посредствомъ торговли сносимся мы съ Китаемъ дружелюбнымъ образомъ; а иногда жалуютъ къ намъ оттуда такіе гости, съ которыми надобно раздѣлываться вовсе не по дружески. Извѣстно, что въ числѣ оружій, которыми Китайская храбрость думаетъ устрашать враговъ, занимаютъ не послѣднее мѣсто наличники и другія украшенія изъ тигровой кожи. Вѣроятно, тигру не совсѣмъ по сердцу приходится такая цѣнность его шкуры, и онъ спѣшитъ избѣгнуть непрошеной чести; или, просто, наскучивъ рыскать по однимъ и тѣмъ же мѣстамъ, и побуждаемый жаждою этнографическихъ разъисканій, — по той или другой причинѣ, только онъ иногда загуливаетъ и на нашу сторону, на пограничную Сибирскую линію. Здѣсь съ нимъ не церемонятся, называютъ его *тигрой*, даже просто дикой кошкой, и бьютъ чѣмъ попало. Въ концѣ Октября прошедшаго года былъ подобный случай. Въ **Алтайскомъ** горномъ округѣ, деревни Мякотихи, крестьянинъ Иларіонъ Кругловъ отправился на пашню. Верстахъ въ 8 отъ селенія онъ увидѣлъ какого-то большаго звѣря, лежавшаго близъ хлѣбной клади. Что дѣлать? Обороняться нечѣмъ, звѣрь невиданный, да и на видъ не смиренъ. Кругловъ воротился въ деревню и позвалъ съ собою четверыхъ товарищей. Охотники взяли съ собою ружья и нѣсколько собакъ. Приходятъ — звѣрь лежитъ на прежнемъ мѣстѣ. Одинъ крестьянинъ выстрѣлилъ по немъ, но звѣрь бросился на охотника, вышибъ и изломалъ у него ружье. Потомъ выстрѣлилъ другой, и когда тигръ кинулся, всунулъ ему въ пасть ружье; но звѣрь успѣлъ смять смѣлаго охотника подъ себя. Однако, собаки освободили хозяина отъ такого опаснаго сосѣда, а прочіе крестьяне тутъ же доконали гостя. Охотникъ, боровшійся съ тигромъ, не потерпѣлъ почти никакого вреда.—Шкура убитаго тигра имѣла слишкомъ

Digitized by Google

4 аршина длины; шерсть у него на спинѣ желтая съ черными полосами. — Отважные охотники получили отъ Государя Императора въ награжденіе 100 рублей серебромъ.

Далеко забрались мы—къ границамъ Китая. Поѣдемъ еще дальше — въ Америку, въ наши колоніи, а отсюда уже рукою подать до Калифорніи. Представляемъ нѣсколько цифръ изъ отчета **Россійско-Американской Компаніи** за 1849 годъ. — Доходы Компаніи простирались слишкомъ до 700 т. руб. сер., а расходы почти до 600 т. — Мѣховъ разныхъ привезено было изъ колоній до 26 т. штукъ. Часть ихъ промѣнена въ Кяхтѣ на чай, часть продана въ Иркутскѣ, Лондонѣ и Петербургѣ. — Компанія имѣла 7 парусныхъ судовъ и 2 парохода. Два корабля ея съ товарами отправились въ кругосвѣтное плаваніе. — Число жителей колоній (Русскихъ, Креоловъ, Алеутовъ, Кенайцевъ, Чугачъ и Курильцевъ), простиралось слишкомъ до 9 т. чел. Въ мужской школѣ, въ Ново-Архангельскѣ, воспитывались 39 мальчиковъ, а въ женской столько же дѣвочекъ. Кромѣ того, въ тамошней семинаріи состояло 28 учениковъ, изъ которыхъ 5 туземцевъ. — Въ окрестностяхъ Ново-Архангельска найдены были значительные пласты известняка: это открытіе важно для мѣстныхъ жителей, потому что недостатокъ извести доселѣ препятствовалъ возведенію тамъ каменныхъ построекъ.—Главный Правитель колоній, узнавъ объ открытіи золотыхъ розсыпей въ Калифорніи, отправилъ туда грузъ разныхъ товаровъ, болѣе половины которыхъ и было продано тамъ съ значительною выгодою (барыша получено слишкомъ 35 т. р. сер.). На томъ же суднѣ находился горный офицеръ, которому поручено было сдѣлать пробную промывку Калифорнійскаго золота. Съ небольшимъ въ двѣ недѣли онъ промылъ до 10 т. песку, изъ котораго добылъ болѣе $11\frac{1}{2}$ ф. чистаго золота. Расходы партіи съ избыткомъ покрылись проданными товарами. — Калебаніе цѣнъ и требованій на товары въ Колифорніи заставило Компанію назначить въ Санъ-Франциско постояннаго агента (изъ природныхъ Русскихъ).— Кромѣ сношеній съ Калифорніею, Компанія торговала съ Камчаткою и Сандвичевыми островами.

Digitized by Google

М. И. КРАШЕНИННИКОВЪ.

Къ именамъ Голицына, Куракина, Шереметева, Демидова, Горихвостова, Набилкова.... присоединяется еще достопочтенное имя Московскаго купца Михаила Ивановича Крашенинникова, имя, которое на вѣки вѣковъ должно сохраниться въ сердцахъ признательныхъ согражданъ, какъ на вѣки вѣковъ будутъ изливаться его щедроты на неимущую братію. Около пяти милліоновъ рублей асс. взнесъ онъ съ этой цѣлію въ Сохранную казну, и бѣдные, по совершенномъ исполненіи его завѣщанія, будутъ получать ежегодно по двѣсти тысячъ рублей себѣ въ пособіе, для удовлетворенія своихъ нуждъ!

Вы желаете познакомиться съ жизнію этого знаменитаго благотворителя? Развернемъ длинную таблицу его благодѣяній, и здѣсь явится она предъ нами въ лучшемъ своемъ свѣтѣ; здѣсь огромныя цыфры, въ послѣдовательномъ порядкѣ, будутъ говорить намъ яснѣе и убѣдительнѣе всякихъ разсужденій, и всякихъ усилій краснорѣчія.

1839, Мая 24.	Жертва въ Андреевскую богадѣльню 50 тысячъ руб. ас., и Мѣщанское училище 50 т. р., всего сто тысячь, лажъ по $26\frac{0}{0}$.....	126000 р. а.
1840, Сентября дня,	въ Серпуховъ на бѣдныхъ гражданъ.....	25200
—— Ноября,	тожъ на бѣдныхъ гражданъ.....	25200

Digitized by Google

1841, Апрѣля, тожъ на бѣдныхъ гражданъ..... 25200
—— Декабря, тожъ на бѣдныхъ гражданъ..... 52500
1842, Марта дня, въ Серпуховъ на бѣдн. гражд. 50050
—— Августа, тожъ на бѣдныхъ гражданъ..... 50050
1843, Мая дня, бѣднымъ дѣвицамъ на выходъ въ замужство..... 105000
1844, Марта дня, на бѣдныхъ гражданъ..... 49000
—— Сентября, бѣднымъ дѣвицамъ на выходъ въ замужство..... 52500
1845, Іюня 3, на сооруженіе церкви Преображенія въ Наливкахъ..... 17500
(Да въ 1837, Сентября 11, на сооруженіе трапезы у Спаса въ Наливкахъ).... 10000
—— Декабря 10, въ Коломну на бѣдн. гражд. 105000
1846, Марта 11, въ Дмитровскую Градскую Думу на бѣдныхъ гражданъ..... 105000
—— Мая 12 на сооруженіе храма Преображенія въ Наливкахъ..... 17500
—— Декабря 10, въ Дмитровскую Градскую Думу для бѣдныхъ гражданъ..... 105900
1847, Марта 14, въ Коломенскую Градскую Думу для бѣдныхъ Гражданъ..... 105000
—— Октября 24 въ Коломну и Дмитровъ для дѣвицъ..... 105000
—— Декабря 9, тожъ на бѣдныхъ дѣвицъ..... 105000
1848, Сентября 29, въ Коломенскую Думу на бѣдныхъ дѣвицъ..... 105000
—— въ Дмитровскую Думу на бѣдныхъ дѣвицъ. 105000

Эти пожертвованія записаны собственной рукою покойнаго на сѣромъ толстомъ листѣ, найденномъ въ его бумагахъ. Послѣднее внесено за три только мѣсяца до его кончины, но рука доброхотнаго дателя не сжалася смертію.

По кончинѣ его оказалось наличнаго капитала въ банковыхъ билетахъ, около полутора милліона р., и долговыхъ обязательствъ на разныхъ лицахъ около четырехъ милліоновъ. Вся эта сумма по духовному завѣщанію, тутъ же найденному, за исключеніемъ двухъ съ половиною милліоновъ, имѣющихъ другое назначеніе, должна быть обращена въ пользу бѣдныхъ. Достойные душеприкащики,

Digitized by Google

Московскіе купцы Пантелѣевъ, Ефремовъ и Антоновъ, зятья покойнаго, успѣли уже собрать до полутора милліона и разослать по городамъ уѣзднымъ Московской губерніи слѣдующимъ образомъ:

Въ города.	Для бѣдныхъ гражданъ, а.	для бѣдныхъ невѣстъ, а.
Волоколамскъ	105000	52500
Звенигородъ	105000	52500
Воскресенскъ	105000	52500
Рузу	52500	52500
Подольскъ	52500	52500
Можайскъ	52500	52500
Клинъ	52500	52500
Богородскъ	52500	52500
Верею	52500	52500
Бронницы	52500	52500
Юрьевъ-Польскій	52500	52500
Зарайскъ	52500	52500.

Но благодѣянія все еще не прекратились, дающая рука во гробѣ все еще открыта: со времени послѣдняго отправленія собралось у душеприкащиковъ еще до 700 тысячь р., кои также разошлются немедля. О нѣкоторыхъ сомнительныхъ долгахъ сдѣлано особое распоряженіе.

Наконецъ къ этимъ числамъ должно присоединить частныя личныя благодѣянія покойнаго, кои остались неизвѣстными даже его шуйцѣ. По соображеніямъ его ближнихъ и душеприкащиковъ розданная сумма при жизни покойнаго должна простираться до 2 милліоновъ а., а съ исполненіемъ его завѣщанія до пяти, какъ мы объявили въ началѣ нашего извѣстія.

Читатели согласятся, что это сумма огромная, пожертвованіе великое, которое можетъ занять почетное мѣсто въ лѣтописяхъ благотворительности не только мѣстной, Московской и вообще Русской, но и Европейской, — въ лѣтописяхъ человѣчества.

—

Однакожъ пожертвованіе и жертвователь — двѣ вещи совершенно разныя. Много можетъ быть обстоятельствъ, кои возвышаютъ жертву, много можетъ быть такихъ, кои

Digitized by Google

уменьшаютъ и даже уничтожаютъ нравственное ея достоинство и значеніе въ отношеніи къ лицу жертвователя.

Первый вопросъ представляется здѣсь любопытному наблюдателю: какія деньги принесъ покойный на алтарь отечества и на алтарь добродѣтели? Откуда онъ взялъ свои пять милліоновъ?

Всѣ они — трудовые, выработанные въ потѣ лица, нажитые имъ самимъ, начиная съ семи копеекъ, полученныхъ отъ матери, имѣніе благопріобрѣтенное.

Честнымъ ли трудомъ нажилъ онъ свое огромное состояніе?

Честнымъ, — торговыми оборотами, дѣятельностію, неусыпностію, бережливостію, догадливостію, безъ обиды и притѣсненія.

Но эти милліоны стали ему ненужны? Ему некуда было дѣвать свои деньги послѣ своей смерти?

Нѣтъ, мы видѣли, что половину ихъ почти онъ роздалъ еще при своей жизни, когда онъ находился въ полной силѣ.

Такъ онъ не имѣлъ дѣтей, не имѣлъ близкихъ наслѣдниковъ, родныхъ!

Нѣтъ, онъ оставилъ многочисленное семейство, жену, сына, нѣсколько дочерей замужнихъ, одну дочь-невѣсту, множество внучатъ.

Такъ можетъ быть онъ не любилъ дѣтей своихъ?

Напротивъ, онъ любилъ своихъ дѣтей, какъ слѣдуетъ отцу, съ совершенной нѣжностью, любилъ всѣхъ одинаково, но за долго еще до своей кончины отдѣлилъ ихъ, наградивъ равными частями, сколько по его мнѣнію достаточно было въ ихъ положеніи для обезпеченія ихъ судьбы. Сверхъ того, по завѣщанію, онъ назначилъ всѣмъ своимъ наслѣдникамъ, то есть дочерямъ замужнимъ, внучатамъ, вдовѣ, дочери несовершеннолѣтней, по сту тысячъ серебромъ въ подарокъ, что и составило тѣ два милліона рублей, о которыхъ упомянуто нами выше.

Наконецъ сомнѣвающійся читатель можетъ предложить еще одинъ вопросъ: не самолюбіе ли управляло дѣйствіями покойнаго, и онъ пожертвовалъ милліоны ища себѣ славы между людьми?

Digitized by Google

Нѣтъ, всѣ суммы, кромѣ одной, пожертвованной по особому случаю, разсылалъ онъ отъ имени неизвѣстнаго, и при жизни никто не зналъ объ его благотвореніяхъ, открывшихся только изъ его духовнаго завѣщанія.

И такъ всѣ сомнѣнія, всѣ вопросы, всѣ предположенія отрицательныя опровергаются ясно и твердо. Жертвователь возвышается предъ строгими, внимательными глазами судей еще болѣе! Остались ли какія-нибудь тѣни, какія-нибудь темныя мѣста, неразлучныя съ человѣческой слабостью—онѣ смоются, убѣлятся слезами нищей братіи.

—

Мы не кончили еще наше испытаніе. Добро дѣлать мудрено и трудно—не такъ какъ зло! Благодѣянія не только не доставляютъ иногда пользы, но приносятъ еще вредъ, обращаются во зло для облагодѣтельствованныхъ. Главное дѣло — *какъ* онѣ оказываются. Надобно *умѣть* благодѣтельствовать. Спѣшу успокоить читателей ихъ описаніемъ.

Здравый умъ этого примѣчательнаго человѣка нашелъ, кажется, средство назначить своимъ отданнымъ милліонамъ самое цѣлесообразное употребленіе. Передаемъ собственное его отношеніе въ Дмитровскую Думу, которое принято образцемъ касательно бѣдныхъ дѣвицъ, и второе отъ его душеприкащиковъ, касательно вспомоществованія бѣднымъ также по его мыслямъ:

Въ Дмитровскую Градскую Думу

Отъ неизвѣстнаго.

Входя въ положеніе бѣдныхъ семействъ города Дмитрова, которыя, имѣя при себѣ взрослыхъ дѣвицъ, лишены средствъ, по своему неимуществу, выдать ихъ въ замужство, и желая по возможности сдѣлать въ этомъ имъ пособіе, я положилъ на вѣчныя времена въ Сохранную Казну Московскаго Опекунскаго Совѣта, отъ 24 Октября, 1847 года, за N 35727-мъ, пятнадцать тысячъ рублей серебромъ, и препровождая при семъ выданный мнѣ на эту сумму билетъ, я прошу оную Думу, изъ получаемыхъ каждогодно процентовъ, выдавать четыремъ дѣвицамъ по сту пятидесяти рублей серебромъ, на нижеслѣдующемъ основаніи:

1) Дѣвицы изъ мѣщанскаго сословія, которыя желаютъ вступить въ замужство и воспользоваться вспоможеніемъ, должны

Digitized by Google

подавать отъ себя въ оную Думу прошенія съ 1-го Мая по 1 Сентября мѣсяца.

2) Если число желающихъ получить награду будетъ превышать назначенную мною сумму въ выдачу, то 1-го Октября прошу оную Думу всѣмъ желающимъ дѣвицамъ при личности ихъ дать жребія.

3) По жребію удостоеннымъ награды, выдать таковую не иначе, какъ когда невѣста выйдетъ замужъ, и представитъ о томъ свидѣтельство, на что и давать ей сроку одинъ годъ.

4) Если черезъ годъ удостоенная въ наградѣ невѣста не выйдетъ замужъ, то назначенная ей награда, на другой годъ, поступаетъ въ жребій для другихъ желающихъ.

5) Если не будетъ полнаго комплекта невѣстъ изъ мѣщанскаго сословія, желающихъ воспользоваться назначеннымъ мною вспоможеніемъ, то прошу дозволить подавать прошенія невѣстамъ и изъ другихъ бѣдныхъ сословій, но не иначе, какъ проживающимъ въ Дмитровѣ не менѣе пяти лѣтъ.

6) Отчета въ раздачѣ этой суммы Дума не обязывается никому давать, кромѣ положенной ревизіи Казенной Палаты.

Въ Волоколамскую Градскую Думу.

Душеприкащиковъ покойнаго Почетнаго Гражданина и Кавалера Михайла Ивановича Крашенинникова

Объявленіе.

Покойный Крашенинниковъ, желая сдѣлать вспоможеніе бѣднымъ жителямъ разныхъ городовъ изъ мѣщанскаго сословія, особенно тѣмъ, которые по преклоннымъ лѣтамъ и болѣзнямъ, или по большому семейству, состоящему изъ малолѣтныхъ и престарѣлыхъ, не имѣютъ средства къ своему пропитанію, предоставилъ намъ завѣщаніемъ своимъ дѣлать таковыя вспоможенія изъ оставшагося послѣ него капитала, по примѣру, уже сдѣланному имъ въ жизни своей для многихъ. Вслѣдствіе этого нами для города Волоколамска взнесено въ Сохранную Казну Московскаго Опекунскаго Совѣта на сей предметъ пятнадцать тысячъ руб. сереб. на вѣчныя времена, на что и полученъ билетъ, который при семъ препровождая, просимъ оную Думу, получаемые съ означенной суммы проценты, согласно предположенныхъ покойнымъ правилъ, выдавать на нижеслѣдующемъ основаніи:

Digitized by Google

1) Тѣмъ изъ бѣдныхъ, большесемейныхъ, которые не имѣютъ никакихъ средствъ заработать себѣ пропитаніе, выдавать каждый разъ по пятнадцати руб. сер.

2) Одинокимъ и подверженнымъ такимъ неизлечимымъ болѣзнямъ, кои препятствуютъ имъ даже прокармливаться мірскимъ подаяніемъ, и которые никѣмъ не призрѣны, выдавать въ каждый разъ по десяти руб. сер.

3) Престарѣлымъ, кои лишены, по слабости, силъ сыскать себѣ пропитаніе работою, выдавать, тожъ каждому и каждый разъ, по десяти руб. сереб.

4) Выдача, обозначенная въ сихъ пунктахъ, должна простираться какъ на мужской полъ, такъ и на женскій; но только на оныхъ, которые съ давнихъ временъ гражданами въ ономъ, а не вновь причисленныхъ въ оное сословіе. Выдачу производить каждый годъ два раза: передъ Рождествомъ Христовымъ и Святою Пасхою, за пятнадцать дней впередъ.

5) Производить таковую выдачу мы уполномочиваемъ на вѣчныя времена Думу съ тѣмъ, что отъ ея воли совершенно всегда должно зависѣть разсматривать положеніе бѣдныхъ людей и удостоивать изъ нихъ самыхъ бѣднѣйшихъ получать назначенное нами вспоможеніе; при равныхъ же отношеніяхъ въ бѣдности дѣлать выдачу по жребію.

6) По произведеніи такимъ образомъ выдачи каждый разъ публиковать во всеобщее извѣстіе въ Московскихъ Вѣдомостяхъ.

7) Во всѣхъ этихъ распоряженіяхъ Городская Дума никому не должна давать отчета, кромѣ Казенной Палаты.

8) Въ заключеніе сего мы честь имѣемъ объявить оной Думѣ, что если она согласна на вышеизложенныя нами правила безъ всякой перемѣны принять на себя исполненіе нашихъ предположеній, то мы просимъ, принявъ предоставленный при семъ билетъ, объявить объ ономъ гражданамъ и увѣдомить насъ о полученіи онаго въ Москву, Яузской части 4-го квартала, въ домѣ купеческой жены Антоновой.

—

Кто знакомъ съ бытомъ нашихъ уѣздныхъ городовъ, тотъ можетъ оцѣнить вполнѣ эти простыя, благодѣтельныя распоряженія. Какъ тяжело бываетъ содержать многочисленное семейство! Съ какими затрудненіями для бѣдныхъ родителей сопряжено бываетъ намѣреніе выдать дочь, другую, или третью, замужъ! Какимъ опасностямъ подвер-

Digitized by Google

гается бѣдная дѣвушка - мѣщанка, сирота! Пристроить ее къ мѣсту, обезпечить сколько-нибудь судьбу ея — о, это самое большое счастіе, о которомъ мечтаютъ добрые родители! И это все исполняется завѣщаніемъ нашего благотворителя — въ Серпуховѣ и Коломнѣ ежегодно для 12 дѣвицъ, а во всѣхъ прочихъ городахъ для 4. Пятисотъ рублей довольно, чтобъ завести хозяйство, — и вотъ сколько новыхъ семействъ является въ обществѣ со всѣми средствами существованія, — по крайней мѣрѣ для начала, а продолженіе зависитъ уже отъ нихъ самихъ.

Распоряженіе о пособіи бѣднымъ людямъ, за двѣ недѣли предъ Рождествомъ и Святою недѣлею, носитъ не менѣе признаковъ опытной мудрости. Это главные наши праздники— двѣ эпохи въ году простолюдина, къ коимъ онъ заранѣе приготовляется. Здѣсь соединяются всѣ его нужды и всѣ его удовольствія: разговѣться, купить обновку женѣ, потѣшить игрушкою ребенка, угостить пріятеля — все къ Рождеству или къ Святой; а другой бѣднякъ проживетъ и весь годъ съ пятидесятью рублями отъ Рождества до Святой, и съ другими пятидесятью отъ Святой до Рождества.

Замѣтимъ еще одну черту: благотворитель, человѣкъ Русскаго духа, не хочетъ стѣснить своихъ исполнителей никакими формами, даетъ имъ деньги для раздачи безотчетной, — на совѣсть, ибо совѣсть бываетъ лучшей ручательницей въ дѣлахъ такого рода, а безъ совѣсти никакія формы не спасутъ отъ обмана и злоупотребленій; и какой Русскій человѣкъ, Градскій Глава, посягнетъ, съ лицепріятіемъ или пристрастіемъ, на послѣднюю копейку изъ этихъ священныхъ суммъ, отдѣленныхъ у родныхъ дѣтей для неимущей братіи. Будемъ надѣяться!

Распоряженіе о долгахъ не менѣе примѣчательно: покойный запрещаетъ своимъ душеприкащикамъ прибѣгать къ стѣснительнымъ мѣрамъ, напротивъ доставлять всѣ облегчительныя средства, дѣлать уступки и даже прощать долги по усмотрѣнію: ибо помогая однимъ, не должно затруднять, тѣмъ менѣе разорять другихъ; пусть помощь останется *за ними*, какъ неимущими.

Весь планъ пожертвованій созрѣлъ въ умѣ или въ сердцѣ благотворителя очень давно, и съ 1840 года начатъ быть

Digitized by Google

приводимъ въ исполненіе. Сообщу здѣсь драгоцѣнныя слова, услышанныя мною случайно отъ одного изъ лицъ къ нему приближенныхъ, и бросающія яркій свѣтъ на образъ его мыслей и дѣйствій. Вынимая въ послѣднее время изъ Сохранной казны какую-нибудь сумму для своихъ учетныхъ оборотовъ, онъ всѣми силами старался воротить ее туда какъ можно скорѣе, и лишь только собиралась нѣкоторая часть, тотчасъ спѣшилъ послать, говоря, *что онъ не хочетъ остаться въ долгу у своихъ кредиторовъ.* Слова эти были непонятны при его жизни: никто не зналъ, о какихъ кредиторахъ говоритъ онъ, не бывъ никогда долженъ никому; но когда открылось его завѣщаніе, когда стало извѣстно, куда дѣвалъ онъ деньги при жизни, тогда только догадались, что кредиторами своими онъ называлъ бѣдныхъ, которымъ назначилъ эти суммы. Богатство свое, слѣдовательно, считалъ онъ полученнымъ въ ссуду для раздачи бѣднымъ. Высокія понятія истиннаго Христіанина!

Могу привести здѣсь еще одинъ его отзывъ, показывающій, что онъ, проведя всю свою жизнь, такъ сказать, въ области денегъ, не ослѣпился блескомъ золота, и зналъ ему настоящую цѣну: въ 1848 году случилось въ Москвѣ нѣсколько большихъ банкротствъ, отъ которыхъ нашъ благотворитель потерялъ болѣе полутора милліона рублей. Когда одинъ изъ его близкихъ явился къ нему съ изъявленіемъ своего соболѣзнованія о такой огромной потерѣ,— э, любезный,— отвѣчалъ онъ, — у меня осталось еще больше, а сначала-то было только семь копеекъ!

И этотъ человѣкъ, который сыпалъ тысячами, не безпокоился о милліонахъ, этотъ человѣкъ соблюдалъ во всемъ, что касалось лично до него, самую строгую бережливость, терпѣть не могъ передать ни за что одну копейку, пищу употреблялъ самую обыкновенную, одежду носилъ самую простую, словомъ не употреблялъ для себя почти ничего!

Читатели послѣ этихъ извѣстій пожелаютъ вѣрно узнать подробности объ его жизни, объ его характерѣ, привычкахъ, провожденіи времени, достоинствахъ и недостаткахъ. Да! Всякая черта о такомъ человѣкѣ становится драго-

Digitized by Google

цѣнною, получаетъ значеніе психологическое, гражданское, общее. Хочется поймать всѣ движенія его сердца, его ума....

Но онъ прошелъ мимо насъ незамѣченный. Въ немъ не представлялось ничего особеннаго, онъ жилъ какъ всѣ, имѣлъ, какъ казалося, и недостатки общіе; смерть только открыла сокровища его души! Я передамъ здѣсь все, что могъ собрать покуда.

—

Михаилъ Ивановичъ Крашенинниковъ родился въ городѣ Серпуховѣ въ Январѣ 1775 года. Родители его принадлежали къ купеческому сословію, извѣстны были своею честностію, и жили долго въ совершенномъ довольствѣ. Къ семейной радости недоставало у нихъ только сына, котораго они желали пламенно, но вдругъ отецъ, занимавшійся поставками, понесъ значительные убытки. Подняться не было силъ. Хуже и хуже,—и онъ разорился совершенно! И въ эту-то несчастную эпоху его жизни Богъ послалъ ему желаннаго сына. Отецъ не могъ радоваться на него долго, и черезъ четыре года умеръ отъ огорченій, оставивъ вдову съ тремя малолѣтными дѣтьми: двумя дочерьми и сыномъ.

Мальчикъ сдѣлался вскорѣ главнымъ утѣшеніемъ матери, а вскорѣ и помощникомъ ея въ трудахъ по хозяйству. По пятнадцатому году добрая мать рѣшилась однакожъ съ нимъ разстаться и отпустила его въ Москву, чтобъ онъ опредѣлился къ мѣсту для обученія торговлѣ. Горько было ихъ разставанье: она благословила своего сироту, дала наставленіе, какъ вести себя и жить въ чужихъ людяхъ, и дала ему на дорогу семь копеекъ — вотъ основаніе десятимилліоннаго капитала Крашенинникова!

Въ Москвѣ онъ поступилъ въ домъ Кирьяковыхъ мальчикомъ — на посылкахъ, принести, отнести, стоять у лавки, звать покупателей, завертывать, провожать и тому под. Исправностію, расторопностію, честностію, онъ рано обратилъ на себя вниманіе хозяина, и жить ему стало хорошо. Помогать бѣднымъ, удѣлять имъ отъ своего жалованья, которое назначилось и увеличивалось по мѣрѣ возраста,—это его качество и тогда уже было замѣчено. Первую значительную сумму, имъ скопленную, онъ отдалъ любезной своей матери для отдачи старшей сестры въ замужство.

Digitized by Google

Домъ Кирьяковыхъ упалъ, и молодой Крашенинниковъ, пріобрѣтшій уже знакомство въ торговомъ сословіи, перешелъ къ купцу Сѣрикову въ Холщевой рядъ прикащикомъ. Трудами и заботами о пользахъ хозяина въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, онъ достигъ наконецъ до значительнаго мѣста »прикащика на отчетѣ.« Ежегодно къ Свѣтлой недѣлѣ приводя весь ему ввѣренный капиталъ въ наличныя деньги, и при строгой отчетливости сдавая ихъ своему хозяину, онъ вновь начиналъ свои обороты товарами, которые оставались въ его пользу. Въ продолженіи этого періода онъ лишился нѣжно любимой имъ матери, и вторая сумма, имъ скопленная, была употреблена на ея погребеніе.

Когда совершилось ему 27 лѣтъ, онъ пріобрѣлъ столько уже денегъ своими неусыпными трудами, что могъ самъ сдѣлаться хозяиномъ. Пришла пора ему жениться. Многіе предлагали ему родство съ богатыми домами, но онъ отказывался, говоря, что у него нѣтъ въ виду богатства, и что онъ доволенъ собственнымъ своимъ состояніемъ. Онъ искалъ жены себѣ по сердцу, и наконецъ женился на дочери Юрьевскаго купца Шевелкина. Тогда завелъ онъ у себя ткацкую фабрику.

Занявшись этимъ дѣломъ, онъ имѣлъ случай пріобрѣсть большія свѣдѣнія о достоинствѣ и цѣнности Англійской пряжи. Это былъ рѣшительный шагъ на пути его къ богатству. Съ каждымъ годомъ онъ началъ выписывать ее больше и больше, исправнымъ платежемъ успѣвъ пріобрѣсть себѣ неограниченную довѣренность со стороны иностранныхъ продавцевъ, а со стороны своихъ покупателей знаніемъ дѣла и вѣрностію, такъ что фабриканты начали обращаться къ нему преимущественно.

Торговые обороты его увеличивались безпрерывно, съ усиленіемъ нашихъ ситцевыхъ и бумажныхъ фабрикъ. Вдругъ, вслѣдствіе политическихъ происшествій, послѣдовало запрещеніе ввоза, а у него въ запасѣ и въ дорогѣ было заготовлено огромное количество. Бумага поднялась быстро въ цѣнѣ, и его капиталъ внезапно удвоился и утроился, равно какъ и капиталъ Мазурина, и еще одного какого-то знаменитаго торговца.

Digitized by Google

Въ 1817 году онъ лишился нѣжно любимой жены, и долго былъ въ отчаяніи. У него осталось пятеро малолѣтныхъ дѣтей, и онъ долженъ былъ вступить во второй бракъ. При этомъ случаѣ онъ обратилъ еще менѣе вниманія на богатство, желая найдти только мать для своихъ дѣтей и облегчительницу его хозяйственныхъ трудовъ: желаніе его исполнилось въ лицѣ дочери почетнаго Московскаго купца Данила Семеновича Липинскаго, отъ котораго брака онъ имѣлъ одну только дочь.

Къ особенной чести Крашенинникова служило въ торговомъ сословіи его вниманіе къ постояннымъ своимъ покупателямъ. Часто случалось, что ему предлагались наличныя деньги за пряжу, а онъ удерживалъ товаръ для нихъ, зная, что такіе-то сорты пряжи имъ понадобятся, и отдавалъ при первомъ спросѣ въ кредитъ.

Такимъ порядкомъ шли дѣла его до 1842 года, и онъ, не смотря на многія потери, обогащался болѣе и болѣе. Въ этомъ году онъ однакожъ прекратилъ свои дѣла, хотъ и былъ еще въ совершенныхъ силахъ. Довольно, сказалъ онъ, пора перестать и дать другимъ дорогу.

Послѣднее время онъ занимался только учетами, сокращая впрочемъ постепенно свои дѣла. Въ городъ почти не ѣздилъ. Тамъ, въ амбарѣ, оставался у него кассиръ, который принималъ и учитывалъ векселя, получалъ деньги, взносилъ въ Опекунскій Совѣтъ, донося ему и получая отъ него наставленія, приказанія, съ утвержденіемъ или отрицаніемъ, ежедневно.

По векселямъ онъ никогда почти не подавалъ ко взысканію, и старался оканчивать всѣ дѣла миролюбно, хотя бы то было и съ потерею для себя.

Тяжебъ и судебныхъ дѣлъ терпѣть не могъ, и одно появленіе на дворѣ какого-нибудь служителя съ напоминаніемъ о мостовой или за другимъ подобнымъ дѣломъ, причиняло уже ему безпокойство.

Образъ его жизни былъ слѣдующій: вставалъ въ 5 часовъ и оставался до 8 часа въ своей комнатѣ на молитвѣ, съѣдалъ потомъ кусокъ чернаго кислаго хлѣба, въ 9 пилъ чай среди семейства, потомъ занимался перепискою, въ 2 часа обѣдалъ, послѣ обѣда иногда по праздникамъ дремалъ

Digitized by Google

нѣсколько, въ 3 отправлялся въ городъ, гдѣ оставался до 6 или 7 часовъ, дома занимался нѣсколько времени съ прикащиками, и садился играть въ карты, или выѣзжалъ въ Купеческое собраніе, особенно въ молодости, гдѣ также проводилъ нѣсколько времени. Спать не ложился никогда позднѣе одиннадцати часовъ. Отъ этого порядка онъ не отступалъ никогда.

По прекращеніи торговли, онъ по нѣскольку часовъ поутру и послѣ обѣда прогуливался, наполнивъ свои карманы гривнами, кои и раздавалъ по дорогѣ, такъ что домой возвращался всегда уже совершенно облегченный. Иногда ему недоставало денегъ для раздачи; тогда онъ заходилъ въ сосѣднюю лавочку (его знали по всѣмъ сосѣднимъ улицамъ), и бралъ въ заемъ. Любилъ онъ ходить особенно къ Серпуховской и Калужской заставамъ. Тамъ обыкновенно онъ останавливался разговаривать съ разными рабочими, возвращавшимися изъ Москвы въ деревню, или шедшими оттуда, разспрашивалъ объ хозяевахъ, ихъ дѣлахъ, разсчетахъ, занятіяхъ, и часто получалъ отъ нихъ вѣрныя извѣстія, полезныя для него и по его оборотамъ.

Однажды вечеромъ у Каменнаго моста, напали на него неизвѣстные люди и потребовали денегъ, называя его по имени. Онъ отдалъ все, что у него было, испугавшись только за свои любимые часы, которыхъ однакожъ эти люди не тронули.

На одной изъ этихъ прогулокъ, въ 1845 году Января 3, извощикъ сбилъ его съ ногъ, и онъ упалъ безъ памяти. Сѣдокъ привелъ его въ чувство и предложилъ ему отъѣхать домой на той же лошади. Онъ сѣлъ на сани, пріѣхавъ разсчелся съ извощикомъ, и не сказалъ дома ни слова о своемъ приключеніи. Послѣ обѣда съ нимъ сдѣлалось дурно; онъ признался, что упалъ, и согласился послать за докторомъ. Кровопусканіе ему помогло, но чрезъ два года несчастный случай отозвался.

Въ остальное время онъ или читалъ или прялъ бумагу на самопрялкѣ. Любимое его чтеніе было Московскія Вѣдомости, и бѣда, бывало, молодому прикащику, если онъ забывалъ привезти изъ города газеты; въ трескучій морозъ ворочался онъ съ дороги, чтобъ взять оставленный нумеръ.

Digitized by Google

Послѣ вѣдомостей любилъ онъ читать историческія сочиненія: Миллотову всеобщую исторію прочелъ онъ нѣсколько разъ, также Исторію Фридриха Втораго, Наполеона, Петра Велицкаго. Ничего вымышленнаго читать терпѣть не могъ. Если читать было нечего, то онъ садился прясть, для чего бралъ обыкновенно шерсть изъ сосѣдняго амбара, отъ г. Мазурина, которую, стростивши, и возвращалъ исправно.

По праздникамъ онъ ходилъ въ церковь, которой былъ очень преданъ, къ обѣднѣ, къ заутренѣ, къ вечернѣ, и всегда становился на крылосѣ.

Лѣто любилъ проводить въ деревнѣ—или у своей дочери, или на дачѣ, въ Волынскомъ и другихъ окрестностяхъ.

Роста онъ былъ средняго; походка была у него скорая, голосъ твердый и пріятный, цвѣтъ лица бѣлый, съ румянцемъ, волосы темнорусые; ходилъ обыкновенно въ сюртукѣ, а выѣзжалъ, впрочемъ рѣдко, во фракѣ; шейный платокъ и манишку носилъ всегда бѣлые, и вообще въ одеждѣ любилъ чистоту и опрятность.

Говорить любилъ, и о всякомъ дѣлѣ разспрашивалъ съ удовольствіемъ, до подробностей.

Обходился съ дѣтьми очень строго, съ родными и знакомыми ласково, къ подчиненнымъ былъ очень взыскателенъ, и угодить ему было не легко.

Возраженій сначала терпѣть не могъ, и любилъ дѣлать все по своему. Въ старости однакожъ сдѣлался мягче. Однажды какъ-то одна изъ близкихъ особъ сдѣлала ему какія-то замѣчанія объ его характерѣ, и онъ велѣлъ написать ей ихъ подробно, съ тѣмъ чтобъ имѣть при себѣ и заняться исправленіемъ недостатковъ.

Мстительности въ немъ не замѣчено, но помнилъ обиды, и прощать было для него тяжело.

Характеръ былъ у него твердый, слова своего всегда держался крѣпко, во всѣхъ сношеніяхъ былъ точенъ и исправенъ. Ложь ненавидѣлъ даже до крайности. Въ высшей степени былъ бережливъ и утонченно разсчетливъ, не только для себя, но и для всѣхъ его окружающихъ, подчиненныхъ и знакомыхъ. Для него невыносимо было видѣть всякое излишество. Разумѣется, былъ врагомъ вся-

Digitized by Google

кой роскоши и пышности. Зналъ отлично, въ какое время и какіе припасы можно покупать лучше и дешевле; любилъ торговаться, и сторговавшись, разсчитывался съ точностію. О домашнихъ расходахъ своихъ могъ дать отчетъ за нѣсколько лѣтъ, потому что всѣ записки этого рода у него сохранялись. Выражался всегда кратко, и употреблялъ свой особенный языкъ. Приведемъ нѣсколько его выраженій:

Не въ пору.....	Не надо, не нравится, не годится.
Въ ходьбу.....	Мимо, не нужно, не подходитъ.
Работой квитъ....	Напрасный трудъ, не состоявшееся дѣло.
Обѣлить.	Справиться, разузнать, разспросить, опросить.
Примѣрять.	Подготовить, обсудить, обдумать, сообразить.
Притесать.....	Уговориться, приладить, сторговаться.
Дрова рубить.	Обѣдать или ужинать, вообще ѣсть.
Травникъ пить....	Курить или нюхать табакъ.
Вымѣнять товарцу.	Купить чего-нибудь, напримѣръ: сѣна, овощей, колоніальныхъ товаровъ, или жизненныхъ припасовъ и потребностей.

Всѣ эти и многія другія выраженія употреблялись имъ только съ родными и близко знакомыми; но съ незнакомыми онъ говорилъ правильно, Московскимъ нарѣчіемъ.

Михаилъ Ивановичъ Крашенинниковъ скончался 3-го Января 1849 года. Поутру онъ былъ у обѣдни, куда звалъ и своихъ домашнихъ, выговаривая за лѣность, провелъ день очень пріятно, и уже легши спать, почувствовалъ себя дурно. Пріѣхалъ докторъ, но не могъ оказать уже никакой помощи. Больной изъявилъ самъ желаніе причаститься Святыхъ Таинъ, принялъ Дары съ благоговѣніемъ, въ полной памяти, велѣлъ призвать къ себѣ всѣхъ домашнихъ, проспилъ прощенія, поцѣловалъ жену и дочь, и обнявъ икону Спасителя, съ словами: Господи, буди милостивъ мнѣ грѣшному,— предалъ Ему свою душу, на 73 году отъ рожденія.

Digitized by Google

Буди милостивъ ему, Господи! скажутъ и будутъ повторять изъ глубины сердца бѣдные имъ облагодѣтельствованные.

Замѣчательно, что въ семействѣ было какое-то темное предчувствіе о грозившемъ несчастіи. На обѣдѣ у одной изъ дочерей, за нѣсколько дней до кончины, всѣ присутствовавшіе родные чувствовали какое-то грустное стѣсненіе: кто ни начиналъ рѣчь, она безпрестанно прерывалась, и водворялось молчаніе; многіе замѣтили это, и напрасно старались оживить бесѣду.

Высокій Пастырь нашъ, Митрополитъ Филаретъ, почтилъ своимъ присутствіемъ выносъ и совершилъ отпѣваніе тѣла покойнаго въ приходской церкви Спаса, что въ Наливкахъ, которую онъ распространилъ и украсилъ щедрыми своими подаяніями.

Народу было множество, незнакомыхъ еще больше, нежели знакомыхъ, — всѣ они принадлежали, разумѣется, къ числу лицъ, получившихъ отъ него тайныя вспомоществованія.

Похоронить себя Михаилъ Ивановичь завѣщалъ въ Покровскомъ монастырѣ безъ всякой пышности, рядомъ, и если можно, въ одной могилѣ съ первою своей супругою, что и было исполнено.

Семейство Михаила Ивановича составляли слѣдующія лица. Всѣ они имѣютъ полное право на вниманіе и участіе соотечественниковъ. Сынъ Іона Михайловичь воспитывался въ Коммерческомъ училищѣ, ѣздилъ путешествовать, и въ 1832 году поселился въ Петербургѣ, гдѣ завелъ собственную свою контору, которая въ скоромъ времени заняла почетное мѣсто въ торговомъ мірѣ; но иностранцы, говорятъ, постарались повредить ей, опасаясь ея совмѣстничества, по великому уму и способностямъ молодаго Крашенинникова; къ этому присоединилась размолвка его съ отцемъ, который постепенно выбралъ свои капиталы изъ его оборотовъ, и контора его ослабла. Объ этомъ происшествіи до сихъ поръ я собралъ наименѣе свѣдѣній, и не могу сообщить читателямъ ничего положительнаго.

Іона Михайловичь вступилъ въ супружество въ Петербургѣ, въ 1834 году, и въ запискѣ покойнаго значится

Digitized by Google

посылка на зубокъ первой его дочери Елизаветѣ десять тысячъ рублей. Четырехъ дочерей своихъ Михаилъ Ивановичъ выдалъ за почтенныхъ Московскихъ купцевъ: Мошнина, Пантелѣева, Антонова, Ефремова.

Душеприкащиками назначилъ покойный трехъ своихъ зятьевъ. Чрезъ шесть недѣль по обряду открыто было духовное завѣщаніе. При этомъ случаѣ обнаружилась также дѣловая, житейская мудрость покойнаго: онъ устроилъ все дѣло такъ, что не оставалось никому никакого затрудненія привести его въ исполненіе, и отстранялось малѣйшее подозрѣніе въ положеніи оставленныхъ капиталовъ. Все ясно, чисто, просто, безсомнѣнно, ни малѣйшаго повода къ спору, недоумѣнію, замѣшательству.

Принесена была шкатулка, гдѣ хранились его нужнѣйшія бумаги, ломбардные билеты, заемныя письма и самые важные документы.

Молодый человѣкъ, бывшій при немъ впродолженіи трехъ лѣтъ кассиромъ, и пользовавшійся его довѣренностью, объявилъ, что шкатулка не та, которую онъ зналъ въ рукахъ у покойнаго.... Присутствующіе усомнились.... Душеприкащики отперли, начали разбирать шкатулку, и между тѣмъ нашли въ конторкѣ собственноручную записку покойнаго: «всѣ эти бумаги переложилъ я такого-то числа изъ прежней моей шкатулки въ другую, обитую темною кожей».. И не только исчезло сомнѣніе, но напротивъ получилась полная увѣренность, что покойный одинъ распорядился всѣми своими дѣлами, исчислилъ самъ все свое имѣніе, и выразилъ въ точности свою волю.

Замѣчательно, что одѣливъ всѣхъ своихъ непосредственныхъ наслѣдниковъ, дочерей и внучатъ, по сту тысячъ рублей серебромъ, онъ назначилъ своей женѣ только семьдесятъ, считая домъ, ей предоставленный съ мебелью, въ 30 тысячъ рублей, какъ онъ и значился въ расходной его запискѣ. До такой степени покойный былъ точенъ въ распредѣленіи своихъ удѣловъ, и до такой степени онъ уравнялъ всѣхъ своихъ наслѣдниковъ, чтобъ они не могли по человѣческой слабости ревновать другъ другу....

И они не ревнуютъ, они не сѣтуютъ, что на семь человѣкъ получили одну треть, между тѣмъ какъ бѣднымъ пре-

Digitized by Google

достаточны двѣ трети. Они получили сокровище неоцѣненнѣйшее отъ своего родителя, сокровище, предъ которымъ два, пять, двадцать пять милліоновъ ничего не значатъ: они получили себѣ въ наслѣдство достойное имя, признательность соотечественниковъ, и молитвы неумолчныя цѣлыхъ поколѣній, облагодѣтельствованныхъ ихъ родителемъ. Этими молитвами будетъ сопровождаться, явно и тайно, всякое ихъ дѣйствіе, всякое начинаніе, всякое намѣреніе, и одно имя Крашенинникова, титло его сына, дочери, внука, внуки, правнуковъ, въ глазахъ всякаго образованнаго Русскаго человѣка будетъ на вѣки вѣковъ правомъ на вниманіе, пособіе, ободреніе, содѣйствіе, родственное участіе. Больше этого отказать не можетъ никто. Благословеніе Божіе да почіетъ на всемъ родѣ!

—

Русскіе люди! Проходя за Москвой рѣкой по широкой улицѣ, ведущей къ Калужскимъ воротамъ, вы увидите на правой рукѣ высокую ограду церкви во имя Св. Іоанна Воина. Эта церковь знаменита для всѣхъ насъ: здѣсь много лѣтъ священнодѣйствовалъ одинъ изъ великихъ мужей Русскихъ, Михаилъ, послѣ Митрополитъ Новогородскій и Петербургскій. Противъ нея возвышается средней величины каменный домъ — въ этомъ-то домѣ жилъ и скончался знаменитый благотворитель, Московскій купецъ Михаилъ Ивановичъ Крашенинниковъ... Остановитесь съ почтеніемъ предъ жилищемъ достойнаго согражданина, вспомните съ признательностію объ его пожертвованіяхъ, и съ благоговѣніемъ помяните раба Божія Михаила въ царствіи небесномъ.

Погодинъ.

Digitized by Google

*Освященіе храма при Смирительномъ и Рабочемъ домахъ, 17-го Декабря.** — Двадцать лѣтъ протекло мысли объ устройствѣ при Смирительномъ и Рабочемъ домахъ храма, необходимѣйшей, высшей принадлежности заведеній исправительныхъ, безъ коей они никакъ не могутъ достигнуть своей цѣли. Наконецъ мысль эта нашла особеннаго за себя ходатая въ Попечителѣ этихъ заведеній, Московскомъ Гражданскомъ Губернаторѣ И. В. Капнистѣ, и это ходатайство удостоилось Высочайшаго соизволенія (въ 1848 году). На построеніе церкви назначено было 5 т. рубл. сер. изъ экономическихъ суммъ обоихъ заведеній. Въ Маѣ мѣсяцѣ 1849 г. приступлено было къ работамъ; но сумма доброхотныхъ пожертвованій на устройство храма была столь значительна, до того превзошла ожиданія Попечителя заведеній, что оказалось возможнымъ устроить еще два флигеля — одинъ для помѣщенія больницы, другой — для женатыхъ служителей. Наконецъ, въ исходѣ прошедшаго года, оконченъ былъ и самый главный трудъ— храмъ во имя Богоматери всѣхъ скорбящихъ Радости, и 17-го Декабря освященъ Митрополитомъ Московскимъ Филаретомъ. — Въ храмѣ можетъ помѣститься до 300 человѣкъ, и отдѣлка его вполнѣ соотвѣтствуетъ благолѣпію дома Божіяго. Прекрасная двойная лѣстница ведетъ во второй этажъ зданія, въ которомъ устроена церковь. Въ нижнемъ этажѣ находятся общія столовыя для содержимыхъ. Храмъ отдѣланъ внутри изящно. Иконостасъ, пожертвованіе почетнаго гражданина А. П. Русинова, работы художника Кудрявцева. Всѣ церковныя принадлежности великолѣпны. — Однимъ словомъ, постройка этого храма стоитъ не *пять тысячъ руб. сер.*, какъ было ассигновано сначала, а до *двадцати пяти тысячъ руб. сер.* Такъ велика была готовность жертвователей и благоразумная распорядительность строителей, что первоначально назначенная сумма осталась почти нетронута, и употребляется на удовлетвореніе другихъ потребностей этихъ заведеній. Содержимые въ Смирительномъ и Рабочемъ домахъ ревностно и охотно помогали своими трудами совершенію дѣла, которое обѣщаетъ имъ столько духовнаго утѣшенія....

---

* Для не-Москвичей надобно замѣтить, что оба эти заведенія находятся въ Преображенскомъ селѣ.

Digitized by Google

Диспутъ Г. Кудрявцева. — 21-го Декабря происходилъ одинъ изъ самыхъ примѣчательныхъ диспутовъ, бывшихъ въ послѣднее время въ Московскомъ Университетѣ. Г. Кудрявцевъ защищалъ свое огромное и, по общему суду знатоковъ, превосходное сочиненіе: *Судьбы Италіи отъ паденія Западной Римской Имперіи до возстановленія ея Карломъ Великимъ.* Уже своею вступительною рѣчью, которую онъ, по здѣшнему обыкновенію, предпослалъ диспуту, онъ успѣлъ возбудить особенное вниманіе въ своихъ многочисленныхъ слушателяхъ. Онъ говорилъ съ увлеченіемъ сначала вообще объ Исторіи, ея интересныхъ задачахъ, потомъ, и, можетъ быть, еще съ большимъ увлеченіемъ, о той странѣ, исторію которой онъ избралъ предметомъ своихъ занятій. Любовь къ дѣлу дала ему обиліе словъ, и слушатели, въ мысляхъ объ Италіи и ея необыкновенно-даровитомъ народѣ, стали уже забывать о спеціальной цѣли дня, какъ диспутантъ-ораторъ неожиданнымъ и ловкимъ поворотомъ привелъ ихъ къ главному вопросу своихъ изслѣдованій и своей книги. Ежели Италіянскій народъ, спросилъ онъ своихъ слушателей, такъ необыкновенно даровитъ, такъ богато надѣленъ и физическими средствами, и историческими воспоминаніями, и жилъ такою обильною умственною жизнію, какъ же объяснить его слабость и ничтожество въ политическомъ отношеніи, какъ объяснить, что въ новой исторіи онъ никогда не могъ достигнуть политической самостоятельности и всегда оставался подъ чуждымъ вліяніемъ? Эта великая проблема исторіи Италіи была выставлена Г. диспутантомъ во всемъ ея интересѣ. Въ разрѣшеніи ея онъ встрѣтился съ мнѣніемъ Макіавелли. Начало раздробленія Италіи онъ видитъ въ паденіи Лонгобардскаго государства, произведенномъ Папами, и не можетъ, съ точки зрѣнія Италіянской исторіи, не принимать особеннаго участія въ судьбахъ Лонгобардовъ. На этотъ пунктъ, какъ на самый важный и центральный, и было сдѣлано первое нападеніе Проф. Грановскимъ. Вообще возраженія касались самыхъ главныхъ и интересныхъ вопросовъ разсужденія, и слушатели, что не всегда бываетъ, получили изъ диспута нѣкоторое понятіе о сочиненіи Г. Кудрявцева, разумѣется, на сколько двухчасовая бесѣда могла дать понятіе о

Digitized by Google

такомъ обширномъ твореніи. Диспутъ вообще удался вполнѣ. На возраженія Гг. Проф. Грановскаго, Соловьева, Вернадскаго и Декана Проф. Шевырева, дефендентъ отвѣчалъ безъ уступчивости, но не теряя ни на минуту совершеннаго спокойствія; его рѣдкая легкость рѣчи и находчивость выказывались все болѣе и болѣе съ теченіемъ диспута. Слушатели съ удовольствіемъ слѣдили за оживленной бесѣдой ученыхъ, знающихъ каждый свои силы, и вполнѣ владѣющихъ собой. — Число посѣтителей было довольно значительно, а дамъ еще ни на одномъ диспутѣ столько не было. С. П. Шевыревъ, какъ Деканъ, объявилъ въ своемъ заключеніи, что факультетъ такъ доволенъ важнымъ трудомъ Г. Кудрявцева, что не усомнился бы облечь его званіемъ Доктора, еслибъ позволяли то законныя формы.

Еще пріятное, утѣшительное извѣстіе изъ областей Московскаго Университета, этого — пусть простятъ читатели обветшалое выраженіе, — святилища наукъ, столько дорогаго всякому Русскому сердцу. Молодой Профессоръ Леонтьевъ, достойный преемникъ Крюкова, столь рано похищеннаго смертію, издаетъ сборникъ »*Пропилеи*,« собраніе статей общедоступныхъ, по части классической древности. Пропилеи будутъ выходить книжками отъ 25—30 листовъ очень убористой печати, съ рисунками, необходимыми для пониманія текста. Они будутъ состоять изъ двухъ отдѣловъ. Въ первомъ будутъ помѣщаться разборы и описанія памятниковъ древности, письменныхъ и художественныхъ, изслѣдованія или очерки, имѣющіе предметомъ разныя стороны жизни древнихъ Грековъ и Римлянъ, ихъ религію, искусство, литературу, государство, нравы, наконецъ характеристики замѣчательныхъ эпохъ, событій и личностей Греческой и Римской исторіи. Во второй отдѣлъ будутъ входить свѣдѣнія о трудахъ новѣйшихъ ученыхъ по классической древности, біографіи великихъ гуманистовъ и филологовъ Западной Европы, обозрѣнія современнаго состоянія и историческаго развитія разныхъ отраслей науки классической древности, библіографическія извѣстія и извлеченія изъ новыхъ сочиненій, особенно важныхъ.

Digitized by Google

Первая книжка »Пропилеевъ« выйдетъ непремѣнно въ продолженіи Января мѣсяца. *Всѣ статьи, которыя войдутъ въ составъ ея, оригинальныя;* многія подписаны извѣстными именами. О разнообразіи ихъ можно судить уже по одному оглавленію, которое мы и сообщаемъ, слѣдуя алфавитному порядку именъ авторовъ:

1. Г. *Бабстъ* — о Саллюстіѣ и его сочиненіяхъ.
2. Г. *Благовѣщенскій* — о гіератикѣ въ древнемъ Греческомъ искусствѣ.
3. Г. *Буслаевъ* — женскіе типы въ изваяніяхъ Греческихъ богинь.
4. Г. *Бѣляевъ* — объ изученіи Греческаго языка въ Россіи до Петра Великаго.
5. Г. *Георгіевскій* — 1) Біографія Винкельмана; 2) О времени первыхъ Римскихъ Императоровъ.
6. Г. *Грановскій* — о сочиненіи Грота: History of Greece.
7. Г. *Катковъ* — о Греческихъ философахъ до Сократа.
8. Г. *Кудрявцевъ* — о Тацитовыхъ женщинахъ.
9. *А. Н.* — Венера Милосская.
10. Г. *Ордынскій* — Занятія молодаго Аѳинянина.
11. Г. *Шестаковъ* — о роли парасита въ комедіяхъ Плавта.

Кромѣ того слѣдующія статьи издателя:

О различіи стилей въ Греческомъ ваяніи.

Эгинскіе мраморы Мюнхенской Глиптотеки.

Венера Таврическая.

Вакхическій памятникъ Графа С. С. Уварова.

О современныхъ направленіяхъ въ Археологіи.

О новой теоріи Греческой архитектуры.

О Русскихъ сочиненіяхъ по Крымскимъ древностямъ.

Читатели могутъ судить о важности и достоинствѣ сборника по этому обозрѣнію. Призываемъ ихъ, призываемъ всѣхъ нашихъ ученыхъ, поддерживать новое изданіе всѣми зависящими отъ нихъ средствами. Это новый плодъ науки на Русской почвѣ, въ Московскомъ Университетѣ!

Отъ науки перейдемъ къ искусству.

Digitized by Google

БЛАГОРОДНЫЙ СПЕКТАКЛЬ,

29-го ДЕКАБРЯ 1850 ГОДА.

Кто изъ Москвичей, прочитавъ объявленіе о благородномъ спектаклѣ въ пользу Московскихъ дѣтскихъ пріютовъ, не порадовался душею за тѣхъ, кому назначаются плоды добраго дѣла, не воздалъ, въ глубинѣ сердца, благодарности тѣмъ, которые такъ великодушно соединили свои усилія для этой благородной цѣли! Кто не ожидалъ этого спектакля съ нетерпѣніемъ!

И въ день, назначенный наконецъ для представленія, т. е. вчера, еще до 7 часовъ вечера, огромная зала Благороднаго Собранія была полна. Впереди всѣхъ, какъ первый во всякомъ благомъ начинаніи, сидѣлъ Градоначальникъ Москвы, съ нимъ все Московское высшее общество, и прочіе посѣтители. Хоры тоже были почти полны. Разнообразно и красиво было зрѣлище.

Къ одному концу залы была устроена сцена, и передъ нею особое мѣсто для музыкантовъ, такъ же, какъ въ театрѣ.

Въ 7 часовъ поднялся занавѣсъ, и въ порядкѣ, показанномъ въ программѣ, которую читатели найдутъ ниже, началось представленіе. Прекрасныя декораціи, богатые костюмы, удачное и согласное выполненіе ролей — таковы данныя вчерашняго спектакля, которыя, одно за другимъ, безъ сомнѣнія представлялись каждому зрителю. Рукоплесканія почти не смолкали: и было за что.

Мы не будемъ разбирать здѣсь самаго представленія, не станемъ разсказывать и содержанія игранныхъ пьесъ (кто не знаетъ »*Волкова*,« одного изъ лучшихъ произведеній покойнаго Князя Шаховскаго), не скажемъ ничего о томъ, какъ обворожительны показались намъ наши дамы, какъ интересны были мужчины, въ ихъ разнообразныхъ и богатыхъ нарядахъ; удержимся и отъ желанія оцѣнить игру благородныхъ артистовъ, чтобъ не оскорбить ихъ скромности похвалами: ничего этого мы дѣлать не будемъ; но намъ поз-

Digitized by Google

волять вѣроятно, хоть отъ имени искусства, принести виновникамъ вчерашняго зрѣлища, единственаго въ своемъ родѣ, ту искреннюю признательность, которую, по нашему мнѣнію, всѣ они, въ той или другой степени, заслужили. Но чувство наше ничто въ сравненіи съ тѣми теплыми слезами, которыя, благодаря имъ, прольются родителями сиротъ, съ тѣми молитвами, которыя полетятъ къ престолу Подателя всѣхъ благъ, съ тою радостью, которая оживитъ тысячу бѣдныхъ личикъ. Мы отъ себя прибавимъ еще: смотря на благородный спектакль, соображая средства на него употребленныя, охоту дѣйствовавшихъ, искусство, деньги и т. д., мы невольно отдались одной задушевной думѣ: что, если бы когда-нибудь, на тѣхъ же подмосткахъ и разъигранныя тѣми же лицами, намъ удалось увидѣть двѣ-три сцены изъ »Горя отъ Ума,« какую-нибудь сцену Гоголя? Намъ кажется, что въ этихъ сценахъ таланты были бы свободнѣе, а сценическое искусство выиграло бы еще пожалуй иного учителя. Никто, конечно, не посѣтуетъ на насъ за то, что мы выражаемъ здѣсь нашу тайную думу: въ ней смыслъ той цѣны, которую даемъ мы благороднымъ спектаклямъ.

Вотъ все, что нашли мы силу сказать о вчерашнемъ вечерѣ, но далеко не все, что чувствовали его зрители, далеко не все, что мы сказать бы могли....

Программа благороднаго спектакля въ пользу Московскихъ дѣтскихъ пріютовъ, въ залѣ Россійскаго Благороднаго Собранія, 29-го Декабря 1850 года.

МАЛЬТІЙСКІЙ КАВАЛЕРЪ,

комедія-водевиль въ 1-мъ дѣйствіи, соч. Скриба.

Миссъ Мильнеръ ..... М. П. Горсткина.
Лордъ Эльмвудъ, ея опекунъ ..... А. И. Нератовъ.
Лордъ Фредерикъ ..... Б. М. Маркевичъ.
Сандфортъ, бывшій наставникъ Лорда Эльмвуда ..... Кн. И. А. Урусовъ.
Слуга ..... А. Н. Муромцевъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Лондонѣ, въ домѣ Лорда Эльмвуда и Миссъ Мильнеръ.

Digitized by Google

ѲЕДОРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ВОЛКОВЪ,

или день рожденія русскаго театра.

анекдотическая комедія-водевиль въ 3-хъ дѣйств., соч. Кн. Шаховскаго.

Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ	А.А.Тимашевъ-Берингъ.
Гаврило, Григорій } братья его	В. Н. Неизвѣдомскій. И. С. Пашковъ.
Иванъ Трофимовичъ Полушкинъ, кожевенный фабрикантъ, вотчимъ Волковыхъ	Кн. Ю. А. Оболенскій.
Марѳа Романовна, жена его, мать Волковыхъ	М. А. Новосильцева.
Иванъ Аѳанасьевичъ Дмитревскій, молодой семинаристъ	Кн. Н. А. Долгорукій.
Алексѣй Поповъ, родственникъ Волковыхъ, потомъ извѣстный актеръ	Ѳ. И. Губеръ.
Михайло Поповъ, семинаристъ, потомъ актеръ и сочинитель	М. А. Сухотинъ.
Михайло Чулковъ, тоже	Ж. А. Дмитріевъ-Мамоновъ.
Ваня Соколовъ, мальчикъ, родственникъ Дмитревскаго, потомъ актеръ и сочинитель	А. Н. Пономаревъ.
Ѳаддей Михѣичъ Михѣевъ, съ приписью подъячій	Кн. С. П. Голицынъ.
Груша, питомица и крестница Михѣева.	Кн. Е. П. Абамелекъ.
Корнило Борисовичъ, Ярославскій голова, двоюродный братъ Полушкиной	В. А. Рѣшетовъ.
Іоганъ Крафтъ, Нѣмецкій мастеръ на фабрикѣ Полушкина	А. Г. Казначеевъ.

Сосѣди Полушкина, пѣвчіе, музыканты, гребцы, мѣщане.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ ВЪ ПАСТОРАЛИ:

Евмонъ (Дмитревскій). Берта (Груша).
Пастушки: Е. С. Мелыгунова. М. И. Похвиснева.

ЕВРЕЙКИ:

Е. К. Сафонова. — С. С. Мелыгунова. — М. Н. Левашова.

УЧАСТВУЮЩІЕ ВЪ ХОРАХЪ:

Н. К. Аверкіева. — М. А. Ребиндеръ. — С. Д. Левшина. — М. И. Похвиснева.—М. С. Мартынова —Е. П. Горсткина.—М. П. Горсткина. — Н. К. Сафонова.—Т. Г. Орфано. — А. Ф. Бѣлявская. — Е. Ѳ. Фридерикъ.

Digitized by Google

К. А. Д. Абамелекъ.—Кн. Г. И. Вяземскій.—С. В. Дурново.—Кн. С. П. Вадбольскій.—Е. А. Протасьевъ. — А. И. Нератовъ.—А. С. Мельгуновъ.—Д. Н. Батюшковъ.—А. Н. Соколовъ. — Кн. А. В. Друцкой-Соколинскій.—Кн. Д. В. Друцкой-Соколинскій.—К. Н. Шупинскій.—Н. И. Лихонинъ. Л. И. Похвисневъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Ярославской подгородной слободѣ, на кожевенномъ заводѣ Полушкина, въ 1750 году.

СУЖЕНАГО КОНЕМЪ НЕ ОБЪѢДЕШЬ,

или нѣтъ худа безъ добра.

водевиль въ 1-мъ дѣйствіи, соч. Хмѣльницкаго.

Баронъ Дорсанъ.....	В. А. дe-Шарьеръ.
Лора, дочь его.....	Е. К. Сафонова.
Г-жа Валькуръ, сестра Барона.....	Е. П. Горсткина.
Эрнестъ Гусарскій Офицеръ.....	Б. М. Маркевичъ.
Брантъ, Гусаръ.....	А. А. Тимашевъ-Бирингъ.
Г. Гримардо, управитель замка.....	Кн. С. П. Голицынъ.
Г-жа Гримардо, жена его.....	Н. А. Пономарева.
Роза, дочь садовника.....	А. Ф. Бѣлявская.
Садовникъ.....	Д. И. Георгіевскій.
Ключникъ.....	А. Н. Муромцевъ.
Поваръ.....	Н. И. Лихонинъ.
Конюхъ.....	А. Д. Дувасовъ.

Дѣйствіе происходитъ въ замкѣ Барона Дорсанъ.

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ХОРЪ ВЪ ПЬЕСѢ: ВОЛКОВЪ.

Бѣлокаменной родной,
Дорогой Столицѣ
Указала путь благой
Мать сиротъ — Царица.

—

Слову Царскому въ отвѣтъ —
Радостныя лица!
Для тебя ль усердья нѣтъ,
Мать сиротъ — Царица?

—

Станетъ вся семья сиротъ
За Тебя молиться,
И воскликнетъ весь народъ:
Мать сиротъ — Царица!

30-е Декабря 1850. *Н. Н-въ.*

Digitized by Google

ОМФАЛА.

СКАЗКА-РОКОКО, ТЕОФИЛЯ ГОТЬЕ.

Мой дядя, шевалье де***, жилъ въ небольшомъ домѣ, выходившемъ одной стороной на печальную улицу де-Турнель, другою — на скучный бульваръ Сентъ-Антоанъ. Между бульваромъ и домомъ кое-какой кустарникъ, обглоданный разными насѣкомыми и полупокрытый мхомъ, жалобно протягивалъ свои тощія вѣтки въ глубинѣ темнаго двора, огороженнаго черными, высокими стѣнами. Нѣсколько бѣдныхъ, едва живыхъ цвѣтковъ, подобно чахоточнымъ дѣвицамъ, увяло наклоняли свои головки, въ ожиданіи того, чтобы солнечный лучь осушилъ ихъ загнившіе листья. Трава пробивалась и по дорожкамъ аллей, которыя трудно было признать за аллеи — такъ давно не прохаживалась по нимъ грабля. Двѣ-три красненькія рыбки, вѣрнѣе, бились, нежели плавали по бассейну, подернутому водяной чечевицей и болотными растеніями.

Дядя называлъ это своимъ садомъ.

Въ саду моего дяди, кромѣ всѣхъ упомянутыхъ рѣдкостей, былъ еще павильйонъ, довольно безобразный, которому, безъ сомнѣнія, по антифразѣ, онъ далъ названіе: *Прелести*. Павильйонъ находился въ состояніи совершеннаго запустѣнія. Стѣны отдулись; большіе куски щекатурки, отдѣлившись отъ нихъ, валялись въ крапивѣ и другой сорной травѣ; фундаментъ зеленѣлъ затхлою плѣсенью; ставни и двери разсохлись и не затворялись, или затворялись плохо. О·ы, цикоріи и завитки лѣпились на карнизѣ, совершенно раз ѣытомъ дождевой водой. Словомъ сказать, *Прелести* моего дяди, шевалье де***, представляли зрѣлище какъ нельз я болѣе жалкое.

Digitized by Google

Эта несчастная развалина, развалина вчерашняго дня, запущенная такъ, какъ будто бы ей было тысяча лѣтъ, развалина гипса, а не камня, вся сморщенная, вся растресканная, покрытая гнилью, изгрызенная мхомъ и селитрой, была какъ бы похожа на человѣка, преждевременно состарѣвшагося, истощеннаго грязнымъ развратомъ; она не внушала никакого уваженія, потому что нѣтъ на свѣтѣ ничего гаже и отвратительнѣе стараго газоваго платья и старой щекатуренной стѣны — двухъ вещей, которымъ долго жить не слѣдуетъ и которыя живутъ долго.

Въ этомъ-то павильонѣ и помѣстилъ меня дядя.

Внутри онъ былъ такой же рококо, какъ и снаружи, но внутренность его сохранилась нѣсколько лучше. Занавѣсъ постели былъ изъ желтаго штофа, съ большими бѣлыми цвѣтами. Стѣнные часы, облѣпленные раковинами, стояли на пьедесталѣ, выложенномъ перламутромъ и слоновой костью. Гирлянда изъ розъ кокетливо бѣжала кругомъ венеціанскаго зеркала; надъ дверьми были изображенія четырехъ временъ года. Прекрасная дама, тщательно напудренная, одѣтая въ голубой корсетъ и съ лентами вдоль платья того же цвѣта, держа въ правой рукѣ лукъ, въ лѣвой — куропатку, — съ серпомъ на лбу и борзой собакой у ногъ, пѣкилась и улыбалась самымъ любезнымъ образомъ въ широкой овальной рамѣ. Это была одна изъ прежнихъ любимицъ моего дяди, которую онъ приказалъ написать Діаной. Всѣ эти принадлежности, очевидно, не обличали новѣйшаго времени. И ничто здѣсь не мѣшало перенести себя мысленно во времена регентства, а миѳологическій рисунокъ обоевъ, которыми были обтянуты стѣны, какъ нельзя лучше довершалъ очарованіе.

На обояхъ былъ изображенъ Геркулесъ, прядущій у ногъ Омфалы. Рисунокъ былъ самый вычурный, въ родѣ произведеній Ванло и стиля помпадуръ, доведеннаго до самой преувеличенной крайности. У Геркулеса было веретено, перевитое розовой ленточкой; онъ поднималъ свой мизинецъ съ особенной граціей, какъ маркизъ, который нюхаетъ табакъ, — крута между большимъ пальцемъ и указательнымъ бѣлую мочку пряжи; мускулистая его шея была сплошь покрыта бантами лентъ, розетками, рядами жемчуга, и бездной другихъ женскихъ бездѣлушекъ; широкая юбка цвѣта голубинаго горла, на огромныхъ обручахъ довершала великолѣпный нарядъ древняго героя.

Digitized by Google

Бѣлыя плечи Омфалы были полуприкрыты шкурой Немейскаго льва; нѣжная ручка ея опиралась о суковатую палицу ея любовника; прекрасные бѣлокурые, почти пепельные, волосы, слегка напудренные, небрежно сбѣгали по шеѣ, гибкой и тонкоочерченной, какъ у горлицы; маленькія ножки, сущія ножки Испанки или Китайки, которымъ былъ бы просторенъ стеклянный башмачекъ Сандрильоны, были обуты въ полудревніе котурны блѣдно-лиловаго цвѣта, вышитые жемчугомъ. Она была въ самомъ дѣлѣ очаровательна! Голова ея откидывалась назадъ съ удивительной непринужденностью; губы сжимались въ премилую полупрезрительную улыбку, ноздря слегка отдувалась, щечки алѣли румянцемъ; мушка, наклѣенная съ глубокимъ знаніемъ дѣла, чрезвычайно удачно возвышала ихъ блескъ, и будь у ней усики, изъ Омфалы вышелъ бы превосходный мусктеръ.

Были на обояхъ и другія фигуры, слѣдующія по чину: извѣстная наперсница, маленькій амуръ и т. д.; но тѣ оставили въ моей памяти слишкомъ неопредѣленный силуэтъ, почему я описать ихъ не съумѣю.

Въ то счастливое время я былъ еще очень молодъ, что впрочемъ не значитъ, чтобъ я былъ теперь очень старъ; дѣло въ томъ, что тогда я только что вышелъ изъ школы и жилъ у дяди. раздумывая надъ тѣмъ, какое мнѣ выбрать званіе или ремесло, Еслибы дядя могъ предвидѣть, что я сдѣлаюсь повѣствователемъ, да еще сказочникомъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ бы меня просто прогналъ и даже лишилъ бы наслѣдства, за тѣмъ что питалъ самое аристократическое презрѣніе къ литературѣ вообще, и къ писателямъ въ особенности; будь это въ его волѣ, онъ бы повѣсилъ, или, по крайней мѣрѣ, приказалъ бы своимъ людямъ избить всѣхъ тѣхъ бездѣльниковъ, которые весь вѣкъ свой только и дѣлаютъ что маракотъ бумагу, да еще иногда безъ должнаго уваженія говорятъ о важныхъ лицахъ. Міръ праху моего бѣднаго дяди! Но что жъ мнѣ дѣлать, коли ужъ онъ былъ таковъ?

И такъ я только что вышелъ изъ школы. Я весь жилъ снами и очарованіями. Я былъ наивенъ, какъ самая наивная изъ пятнадцатилѣтнихъ дѣвушекъ. Счастливый отъ увѣренности, что мнѣ уже не нужно будетъ никогда учить къ завтраму урокъ, или писать сочиненіе, я отъ души находилъ, что все въ подлунномъ мірѣ устроено къ лучшему. Я вѣрилъ въ очень многое: я вѣрилъ въ пастушку г. де-Флоріанъ, въ расчесанныхъ и напуд-

Digitized by Google

ренныхъ барашковъ; ни минуты не сомнѣвался я въ стадѣ г-жи Дезульеръ. Я думалъ, что есть на самомъ дѣлѣ девять музъ, какъ было сказано въ одномъ изъ многихъ учебниковъ. Мои воспоминанія изъ Беркэна и Гесснера создавали мнѣ маленькій міръ, въ которомъ все было розовое, небесно-голубое и ярко-зеленое. О, святая невинность! Sancta simplicitas, какъ говоритъ Мефистофель.

Когда я очутился въ этой прекрасной комнатѣ, комнатѣ моей и мнѣ одному принадлежавшей, я пришелъ въ восторгъ, которому нѣтъ ничего подобнаго. Внимательно осмотрѣлъ я въ ней всякую мелочь, обнюхалъ всѣ углы, и исходилъ ее по всѣмъ направленіямъ: я былъ на седьмомъ небѣ, счастливый, какъ рѣдко смертные. Послѣ ужина (дядя мой свято хранилъ этотъ прекрасный обычай, который утратился вмѣстѣ съ другими не менѣе прекрасными, и о которомъ я жалѣю отъ глубины моего сердца), я взялъ свѣчку и отправился въ павильйонъ, стараясь нетерпѣніемъ вступить въ права надъ моимъ новымъ владѣніемъ.

Когда я сталъ раздѣваться, мнѣ показалось, что глаза Омфалы пошевельнулись; я сталъ смотрѣть внимательнѣе, и, признаюсь, не безъ кое-какого страха; комната была большая, а отъ слабаго, дрожащаго свѣта свѣчи, темнота въ нѣкоторомъ отдаленіи казалась еще сильнѣе. Вдругъ мнѣ представалось, что у Омфалы голова обращена въ противоположную сторону. Меня не на шутку сталъ одолѣвать страхъ: я задулъ свѣчку, отвернулся къ стѣнѣ, накрылся одѣяломъ съ головой, спустилъ колпакъ до подбородка, и кончилъ тѣмъ, что заснулъ.

Нѣсколько дней не рѣшался я взглянуть на проклятые обои.

Не безполезно, быть можетъ, для того, чтобы сдѣлать болѣе вѣроятнымъ невѣроятную исторію, которую я хочу разсказать, довести до свѣдѣнія моихъ прекрасныхъ читательницъ, что я въ то время былъ очень недуренъ собою. У меня были славные глаза: я говорю это потому, что мнѣ говорили; цвѣтъ лица болѣе свѣжій, чѣмъ теперь, настоящій цвѣтъ гвоздики; каштановые, вьющіеся волосы, которые есть у меня и теперь, и семнадцать лѣтъ, которыхъ у меня нѣтъ. Недоставало мнѣ только хорошенькой крестной маменьки, чтобы сдѣлаться превзрядным кущидончикомъ; къ несчастію у моей крестной матери было на плечахъ пятьдесятъ семь лѣтъ, а во рту всего три зуба, т. е. съ одной стороны слишкомъ много, а съ другой слишкомъ мало.

Digitized by Google

Однажды вечеромъ я однакожъ какъ-то рѣшился бросить вскользь взглядъ на любимицу Геркулесову: она смотрѣла на меня невыразимо грустно и томно. На этотъ разъ я надвинулъ колпакъ до самыхъ плечъ, и спряталъ голову подъ подушку.

Въ эту-то ночь я видѣлъ самый странный сонъ, если только это былъ сонъ.

Кольца занавѣси моей постели, скрипя, сдвинулись, какъ будто бы кто поспѣшно распахнулъ занавѣсь. Я проснулся: по крайней мѣрѣ такъ показалось мнѣ во снѣ; но не увидѣлъ никого.

Въ стекла ударялъ мѣсяцъ, бросавшій по комнатѣ синеватый, блѣдный свѣтъ. Часы пробили четверть; звукъ боя долго не прерывался. Движеніе маятника, которое я внятно слышалъ, до невѣроятности было похоже на пульсаціи въ сердцѣ человѣка взволнованнаго.

Мнѣ было очень неловко, и я рѣшительно не зналъ, что подумать.

Сильная струя вѣтра ударила въ ставни; рама окна погнулась и затрещала; обои заколыхались. Я собрался съ духомъ и рѣшился взглянуть на Омфалу, смутно подозрѣвая, что все это дѣлается не безъ нея. Я не ошибся.

Обои ужасно заволновались, Омфала отдѣлилась отъ стѣны, и легко соскочила на полъ; она пошла по направленію къ моей постели. Не къ чему, я думаю, передавать весь мой ужасъ. Старый воинъ, даже самый храбрый, Богъ знаетъ какъ бы еще нашелся въ подобномъ обстоятельствѣ, а я не былъ ни старъ, ни воинъ. Безмолвно ждалъ я развязки этого происшествія.

Тоненькій, серебристый голосокъ, нѣсколько манерный и не безъ того ударенія, которое такъ любили употреблять во времена регентства и маркизы и всѣ вообще люди хорошаго тона, произнесъ:

— Неужели ты меня боишься, дитя мое? Правда, что ты еще дитя; но не годится бояться дамъ, а особенно тѣхъ, которыя молоды и желаютъ тебѣ добра: это не учтиво, это не по-Французски; тебѣ надо исправиться, бросить этотъ страхъ. Полно, полно, дикарь эдакой, не прячь головы подъ одѣяло. Много хлопотъ, я вижу, будетъ за твоимъ воспитаніемъ; не далеко еще ты ушелъ, мой милый; въ мое время все это было не такъ....

— Вотъ видишь ли, мнѣ....

Digitized by Google

— Тебѣ странно, что я теперь здѣсь, а не тамъ — перебила она, слегка закусывая малиновую губку бѣлыми зубами, и показывая длиннымъ, тонкимъ пальчикомъ на стѣну; — но если бы я тебѣ и объяснила это, ты бы все таки ничего не понялъ; довольно съ тебя того, что тебѣ бояться нечего.

— Я боюсь, не....

— Не чортъ ли я, такъ ли? Ты это хотѣлъ сказать; по крайней мѣрѣ ты согласишься, что я не слишкомъ черна для чорта.

Чтобъ доказать, что она не хвастаетъ, Омфала откинула назадъ львиную шкуру, и обнажила плечи и грудь ослѣпительной бѣлизны и роскошной формы.

— Что ты теперь скажешь? — спросила она съ выраженіемъ удовлетворенной кокетливости.

— Я скажу, что если бы вы были даже самъ чортъ, я не побоялся бы васъ, госпожа Омфала.

— Вотъ это умно; но не называй меня ни госпожею, ни Омфалой. Я не хочу быть госпожею для тебя, и я такая же Омфала, какъ и чортъ.

— Кто же вы такія?

— Я маркиза де-Т***. Черезъ нѣсколько времени послѣ сватьбы, маркизъ заказалъ эти обои для моей комнаты: меня онъ велѣлъ изобразить въ видѣ Омфалы, себя — Геркулесомъ. Странная пришла ему мысль; Богъ свидѣтель, что никто не былъ такъ мало похожъ на Геркулеса, какъ бѣдный маркизъ. Въ этой комнатѣ давно не живетъ никто. Я, разумѣется, люблю общество, и оттого скучала до смерти въ одиночествѣ, такъ что меня частехонько схватывала мигрень. Быть одной съ мужемъ все равно, что быть одной. Пришелъ ты, и я обрадовалась; мертвая горница оживилась; нашлось для меня кѣмъ заняться. Я наблюдала за тобой, прислушивалась къ твоему сну, слѣдила за тобой, когда ты мечталъ или сидѣлъ надъ книгой. Я нашла въ тебѣ и ловкость, и пріятное выраженіе лица, словомъ — ты мнѣ понравился, и, наконецъ, я тебя полюбила. Я старалась дать тебѣ понять это; я вздыхала: ты думалъ, что это вѣтеръ; я дѣлала тебѣ знаки, бросала тебѣ томные взгляды, а ты все болѣе боялся меня. Въ отчаяніи я рѣшилась на послѣднее неприличное средство, къ которому и прибѣгла теперь, и признаюсь тебѣ откровенно въ томъ,

Digitized by Google

чего ты не понималъ изъ намековъ. Теперь, такъ какъ ты знаешь что я тебя люблю, я надѣюсь....

Въ эту минуту послышался въ замкѣ звукъ ключа.

Омфала вздохнула, и покраснѣла до бѣлизны.

— Прощай! — сказала она — до завтра.

И она воротилась къ своей стѣнѣ, задомъ, боясь, вѣроятно, показать мнѣ свою спину.

Вошелъ Батистъ, чтобъ взять мое платье и вычистить его.

— Вы напрасно — сказалъ онъ — почиваете съ открытой занавѣсью: комната прехолодная, какъ-разъ: сдѣлается насморкъ.

Въ самомъ дѣлѣ занавѣсь была отдернута, и я, убѣжденный въ томъ, что видѣлъ только сонъ, былъ чрезвычайно удивленъ, потому что твердо помнилъ, что съ вечера она была задернута.

Едва вышелъ Батистъ, я подбѣжалъ къ обоямъ. Я сталъ ихъ ощупывать; обои были самые настоящіе, шерстяные, шершавые и непріятные для осязанія, какъ всѣ обои на свѣтѣ. Омфала была похожа на граціозное видѣніе ночи, какъ мертвый человѣкъ на живаго. Я приподнялъ обои; стѣна была сплошная; въ ней не было ни потайной двери, ни отдвижной панели. Я только замѣтилъ, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ стояли ноги Омфалы, нѣсколько шероховинокъ было надорвано. Это заставило меня задуматься.

Весь день я былъ ужасно разсѣянъ: вечера ждалъ я и съ безпокойствомъ, и съ нетерпѣніемъ. Я отправился въ павильйонъ довольно рано, рѣшившись посмотрѣть, чѣмъ все это кончится. Я легъ; маркиза не долго заставила ждать себя: она соскочила съ своей стѣны и подлетѣла къ моей постели; усѣлась у моего изголовья, и разговоръ начался.

Какъ и наканунѣ, я сталъ предлагать ей вопросы и просилъ у ней объясненій. Однихъ она избѣгала, на другіе отвѣчала увертливо, но съ такимъ умомъ, что, спустя полчаса, я весь былъ очарованъ ею. Говоря со мною, она водила пальцами по моимъ волосамъ, слегка ласкала по щекамъ, и цѣловала въ лобъ.

Она болтала, болтала и насмѣшливо и любезно, и непринужденно и умно, со всѣми пріемами дамы важной и знатной, какимъ подобныхъ я послѣ не встрѣчалъ никогда и ни въ комъ.

Она сидѣла сначала на кушеткѣ, возлѣ кровати; потомъ она обняла рукою мою шею, и я чувствовалъ, что сердце ея сильно билось. Возлѣ меня сидѣла дѣйствительная женщина, красавица и молодая, — настоящая маркиза. Бѣдный семнадцатилѣтній

Digitized by Google

школьникъ! Было отчего потерять голову: я и потералъ ее. Я рѣшительно не зналъ, что тутъ могло случиться, но я смутно предчувствовалъ, что все это должно было не понравиться маркизу.

— А маркизъ, что онъ тамъ скажетъ на своей стѣнѣ?

Львиная шкура упала на землю, а лиловые котурны съ жемчугомъ лежали возлѣ моихъ туфлей.

— Онъ ничего не скажетъ — отвѣчала маркиза, смѣясь отъ всего сердца. — Развѣ онъ что̀ видитъ? Впрочемъ, еслибъ онъ и увидѣлъ что нибудь, онъ самый благоразумный, самый безобидчивый супругъ на свѣтѣ; онъ привыкъ къ этому. Любишь ты меня, дитя?

— Да, люблю, люблю.

Разсвѣло; Омфала убѣжала на свое мѣсто.

День показался мнѣ нескончаемъ. Пришелъ, однакожъ, и вечеръ. Все обошлось, какъ наканунѣ, и второй ночи не въ чемъ было завидовать первой. Маркиза была еще любезнѣе. Такъ продолжалось довольно долго. Такъ какъ я ночью не спалъ, меня днемъ одолѣвала дремота, которая показалась моему дядѣ дурнымъ знакомъ. Онъ сталъ подозрѣвать, — вѣроятно подслушалъ у двери, и все услышалъ. Однимъ прекраснымъ утромъ онъ вошелъ въ мою комнату такъ неожиданно, что Антоанета едва успѣла уйдти на свое мѣсто.

За нимъ вошелъ обойщикъ съ клещами и лѣстницей.

Онъ посмотрѣлъ на меня сердито и строго, и я понялъ, что онъ все знаетъ.

— Эта маркиза де Т*** рѣшительно съ ума сошла; пришло же ей въ голову плѣниться такимъ молокососомъ — проворчалъ дядя сквозь зубы; — а обѣщалась вести себя какъ слѣдуетъ. Жанъ, сними эти обои, скатай и снеси на чердакъ!

Каждое слово дяди было для меня ударомъ кинжала.

Жанъ скаталъ мою Омфалу, или маркизу Антоанету де-Т***, съ ея Геркулесомъ или маркизомъ де-Т***, и понесъ ихъ на чердакъ. Я не могъ удержаться отъ слезъ.

На другой день дядя отправилъ меня въ В*** дилижансѣ къ моимъ почтеннымъ родителямъ, которымъ — не трудно догадаться — я обо всемъ происшедшемъ не сказалъ ни слова.

Дядя мой умеръ; продали и домъ его, и мебель, и всю домашнюю утварь; обои, вѣроятно, были проданы вмѣстѣ съ прочимъ.

Digitized by Google

....На такъ давно, рылся у одного мѣщанина, я увидалъ ногой на огромный свертокъ, весь покрытый пылью и паутиной.

— Это что такое? — спросилъ я Оверина.

— Это обои рококо, представляющіе любовь госпожи Омфалы и господина Геркулеса; они всѣ шелковые и отлично сохранены. Купите для вашего кабинета: я съ васъ возьму не дорого.

При имени Омфалы, вся кровь хлынула мнѣ къ сердцу.

— Разверните-ка ихъ — сказалъ я купцу отрывисто и дрожащимъ голосомъ, какъ будто бы у меня была лихорадка.

Это была она. Мнѣ показалось, что по губамъ ея пробѣжала граціозная улыбка, а глаза ея, встрѣтившись съ моими, загорѣлись особеннымъ огнемъ.

— Что это стоитъ?

— Да никакъ нельзя уступить дешевле четырехъ-сотъ франковъ.

— У меня нѣтъ съ собой этихъ денегъ. Я схожу за ними и буду у васъ ближе, чѣмъ черезъ часъ.

Я воротился съ деньгами; обоевъ ужъ не было. Къ нимъ приторговался какой-то Англичанинъ, далъ за нихъ шестьсотъ франковъ, и увезъ.

Въ сущности оно, быть можетъ, и лучше, что все это произошло такимъ образомъ, и что безподобное воспоминаніе сохранилось для меня неприкосновеннымъ. Говорятъ, не надо возвращаться къ своей первой любви, такъже какъ и ходить смотрѣть на розу, которою любовался наканунѣ.

А къ тому же я теперь и не довольно молодъ, и не довольно хорошъ, чтобы обои въ честь мою спускались со стѣнъ....

Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, № 154, помѣщена очень любопытная и занимательная статья Г. Климушина о чаѣ и чайной торговлѣ. Иной читатель, увидя въ другомъ отдѣленіи Вѣдомостей объявленіе подъ тѣмъ же именемъ, подумаетъ про себя: vous etes orfevre, M. Josse? Но мы желаемъ полнаго успѣха Г. Климушину, и въ его статьѣ о чаѣ видимъ шагъ впередъ въ торговомъ мірѣ, который наконецъ начинаетъ понимать, что новое время имѣетъ новыя требованія и отъ торговли, что кромѣ

Digitized by Google

исправности, честности, оборотливости, проницательности, и литература можетъ принести ей пользу, т. е. умно, искусно, ловко сдѣланное объявленіе привлечетъ покупателей, и увеличитъ оборотъ. Поздравляемъ Г. Климушина съ его опытомъ, одобряемъ его Китайскій толковой переводъ, но думаемъ, что онъ не предохранитъ насъ все таки отъ ошибокъ: потому что Г. Климушинъ и всякой другой чайный торговецъ, покупая чай на Макарьевской ярмаркѣ или въ Москвѣ отъ оптовыхъ торговцевъ, Гг. Усачевыхъ, Шестовыхъ, Борисовскихъ, и проч. (а эти отъ Кяхтинскихъ — Куманицныхъ, Колесовыхъ, Лобкова и проч.), не разсортировываетъ же вновь своихъ цыбиковъ, какъ они запакованы были въ Кяхтѣ и Китаѣ. Какой чай въ какой цыбикъ или мѣсто попался, тотъ и остается въ немъ до распродажи. Если Г. Климушину достался не совершенно добротный, такой онъ и распродавать будетъ, только что перемѣняя его названіе, и введетъ въ ошибку покупателя по неволѣ, какъ и самъ по неволѣ введенъ былъ въ нее. Для насъ покупателей достаточно, чтобъ розничный купецъ продавалъ купленный имъ десятирублевый чай по десяти рублей, семи рублевый по семи, — прилагая разумѣется, свои проценты. Больше этого никто, а равно и Г. Климушинъ, не можетъ сдѣлать ничего. Но и за это мы будемъ благодарны ему, и въ знакъ благодарности будемъ называть его чаи благовонными, терпкими, златистыми, что, разумѣется, гораздо легче и толковѣе. Повторяемъ желаніе успѣха Г. Климушину.

Отъ Редакціи. Мы намѣрены были приложить къ этой книгѣ портретъ М. И. Крашенинникова, но, къ несчастію, камень, по неосторожности, былъ испорченъ, и художникъ долженъ писать вновь.

Digitized by Google

МОДЫ.

Объясненіе картинки. Бальный нарядъ: Волосы не заплетеные; головной уборъ изъ цвѣтовъ (grenades) и золотыхъ тростниковыхъ листьевъ; платье изъ бѣлой тафты, сверхъ которой четыре тюлевыя юбки, безъ малѣйшаго рубца, и только обшитыя бѣлою блондою. Первая юбка, т. е. верхняя, собрана съ боку, и въ этотъ мѣстѣ — букетъ; прочія юбки тоже собраны и приколоты, только такъ, чтобъ выемка приходилась разъ съ правой, и разъ съ лѣвой стороны, а букеты — подъ верхнею юбкою. Берта изъ тюля и обшита блондой; и сзади и спереди двѣ половинки: одна нѣсколько закрываетъ другую. На каждомъ плечѣ букетъ; посреди корсажа — тоже.

Нарядъ для визита: Шляпка изъ неразрѣзнаго бархата и атласа, и вся, верхъ и низъ, изъ одного куска. Тулья и нижняя оборка атласныя; дно тульи все закрыто кокардой изъ пяти рядовъ лентъ съ блондой между рядами; такія же три кокарды по краю тульи изъ лентъ и съ блондой; подъ шляпкой мармотки изъ собранныхъ лентъ, самыхъ узенькихъ; подвязки — очень длинныя. Платье изъ брокателли (brocatelle) съ нарочно, по покрою редингота, расположенными узорами; корсажъ на плечахъ съ роскошнымъ букетомъ Pompadour а остальная его часть кончается рисунками, вплетенными въ гирлянду; по краямъ рукавовъ—богатая гирлянда; прочіе узоры легче; юбка сложнѣе: гирлянда Pompadour въ два ряда; спереди большіе букеты; дальше гирлянды все мелче, и кое гдѣ отдѣльные цвѣтки; передъ корсажа кончается четырьмя округленными зубцами, между которыхъ видна манишка изъ бѣлой кисеи, съ оборкой изъ мелкаго кружева. Юбка кончается пятью зубцами, исподъ изъ гладкаго атласа. Каждый изъ зубцовъ придержанъ маленькимъ аграмантикомъ, съ котораго падаютъ двѣ или три кисточки, глядя по величинѣ зубцовъ; самые зубцы обшиты атласнымъ рубцомъ, и вдоль его, съ двухъ сторонъ, тоненькое черное кружево. Рукава довольно-короткіе, нѣсколько широкіе; изъ-подъ нихъ выходятъ другіе, полные и пышные, изъ шитой кисеи, съ валансьеной у кисти, собранной и приподнятой по направленію къ рукаву.

—

Digitized by Google

Считаемъ нужнымъ замѣтить, что приложенная картинка относится къ первымъ числамъ Декабря 1850 года по нашему стилю. Но читательницы наши и сами, конечно, поймутъ, что иначе мы* и не имѣли бы возможности давать Парижскія картинки. И мы не знаемъ, какъ радоваться тому, что мѣры, принятыя нами въ нынѣшнемъ году, оказались достаточно успѣшными, и первая картинка пришла изъ Парижа во-время. Коммиссіонеръ нашъ и въ будущемъ обѣщаетъ намъ ту же исправность, но картинки все-таки будутъ около трехъ недѣль старше того дня, въ который выдаемъ ихъ мы. Поэтому мы намѣрены, въ дополненіе къ картинкамъ, сообщать общія извѣстія о Парижскихъ модахъ, соображаясь со всѣми лучшими французскими журналами и въ особенности съ Moniteur de la Mode, какъ извѣстно, лучшимъ изъ всѣхъ.

И такъ, о Парижскихъ модахъ. Кромѣ моды на мѣхъ, вездѣ и при всѣхъ нарядахъ, которая все еще продолжается, въ большомъ употребленіи всякаго рода шитье: вышиваютъ шерстяныя матеріи и сукно тесьмой и сутажью, вышиваютъ гладью шелковые наряды и бархатные.

Между разнаго рода шляпокъ лучшіе модные магазины приготовили къ зимѣ много касторовыхъ: онѣ мягки, какъ лебяжій пухъ, легки и воздушны; онѣ не подбиваются ни чѣмъ и убираются перьями. Изъ перьевъ замѣчательны и очень нарядны такъ называемыя Шотландскія; при нихъ клѣтчатыя ленты; концы перьевъ выкрашены въ разные цвѣта.

Роскошь въ бѣльѣ — больше чѣмъ когда-нибудь. Особенное вниманіе обращаютъ на себя удивительные подрукавнички, необходимые при рукавахъ-пагодахъ, все болѣе и болѣе вытѣсняющихъ другіе покрои рукавовъ.

Robes de chambre'ы, т. е. домашнія распашныя платья, дѣлаются изъ разныхъ матерій: есть фуляровыя, печатанныя Турецкими узорами и подбитыя левантиномъ — цвѣта, преобладающаго въ узорѣ; есть кашмировыя, съ отворотами изъ стеганаго атласа; стежка изъ шелка другаго цвѣта дѣлается какимъ-нибудь узоромъ.

Носовые платки вообще чрезвычайно роскошны.

---

* Такъ же какъ и всѣ прочіе журналы, издаваемые въ Россіи съ *Парижскими* картинками: *Revue Etrangère, Отечественныя Записки, Современникъ.*

Digitized by Google

На балѣ 10 Декабря, данномъ Президенту, были особенно замѣчательны шелковыя матеріи, вообще во вкусѣ тѣхъ временъ, когда еще славились издѣлія Венеціанскія: брокатели, старинные моары, и т. п. Очень много было разнообразныхъ пардессю и sorties de bal, вообще очень богатыхъ. Хороши бархатные съ мѣхомъ, атласные, вышитые букетами, бѣлые кашмировые, вышитые восточными узорами, очерченными золотыми нитками; всѣ пардессю или съ капишонами или съ пелеринами, которыя такъ велики, что ими можно закрывать голову.—А вотъ одинъ нарядъ остановившій въ себѣ всѣ взоры: платье въ двѣ юбки изъ бѣлой тафты, внизу вышитыя, каждая, шелкомъ—рядомъ мелкой зелени и золотымъ бисеромъ; пышный волант изъ бѣлаго кружева покрывалъ каждую изъ юбокъ и падалъ надъ шитьемъ на разстояніе пол-ладони. На открытомъ корсажѣ — берта изъ вышитой тафты, и на ней кружево; кружевные воланы на юбкѣ были приподняты: верхній — на лѣво, а нижній — на право, букетомъ изъ зеленыхъ листьевъ и золотыхъ плодовъ; кружево берты было такимъ же образомъ приподнято на плечахъ. Куаффюра состояла изъ узенькаго вѣночка изъ зелени и золотыхъ плодовъ, который бѣжалъ въ волосахъ. — Были также куаффюры, въ которыхъ съ бархатомъ смѣшаны цвѣты.

Для прогулокъ употребляются пардессю бархатные и суконные; первые убираются мѣхомъ или кружевомъ, вторые тесьмой и аграмантомъ, и шьются болѣе салопами. Въ страшной модѣ кружево изъ черной шерсти, и это понятно, потому что оно и дешево и прочно.

МОСКОВСКІЯ МОДЫ.

Хотя сезонъ баловъ уже и наступилъ, но, такъ какъ большихъ баловъ было не много, мы ничего, особеннаго о женскихъ модахъ сказать не можемъ. Въ день благороднаго спектакля, 29 Декабря, въ Собраніи, одномъ изъ многочисленнѣйшихъ съѣздовъ послѣдняго времени, мы замѣтили, что вообще въ большомъ употребленіи цвѣты: цвѣты вездѣ, и на головѣ, и на юбкѣ, и на корсажѣ. Самые наряды поразили насъ своимъ разнообразіемъ, но на какой указать особенно, этого, признаемся, мы не знаемъ.

Отсылаемъ покуда нашихъ читательницъ въ два лучшіе модные магазина Москвы, къ Г-жѣ Сихлеръ (на Большой Дмитровкѣ, въ домѣ Глѣбова-Стрѣшнева) за всѣми вообще нарядами, и къ Г-жѣ

Digitized by Google

Анетъ (тамъ же, въ домѣ Солодовникова) — за всѣми головными уборами: эти два дома давно снискали себѣ заслуженное довѣріе и общую извѣстность. — Мѣха разныхъ достоинствъ и цѣнъ можно найдти у Г-жи Бѣлкиной (въ Сущевѣ, въ собственномъ домѣ).— Лучшій башмачникъ—Лоскутовъ; его магазинъ (на Рождественкѣ противъ Университетской Клиники) постоянно снабженъ отличнымъ товаромъ, и работа его не хуже работы извѣстнаго Соболева.

Мужскія моды. Всѣ части мужскаго наряда дѣлаются ни широки, ни узки, но вообще нѣсколько уже прежняго: это особенно замѣтно на панталонахъ, которые, не смотря на это, подъ сертукомъ все-таки носятся безъ штрипокъ. Длина талій и фалдъ — умѣренная. Утренніе визиты, кромѣ самыхъ торжественныхъ случаевъ, дѣлаются въ сертукахъ. За то многіе съ самаго обѣда не снимаютъ чернаго фрака, и потому круглыхъ фраковъ, полуфраковъ, и вообще цвѣтныхъ, почти совсѣмъ не видно. Металлическія пуговицы считаются верхомъ безвкусія. Жилеты изъ плюша, кашмира, казимира и другихъ матерій дѣлаются, разумѣется, подъ сертукъ, съ каменными пуговицами, изъ яшмы, агата, сердолика. Модными цвѣтами люди, одѣвающіеся хорошо, считаютъ, по прежнему, вообще темные и дикіе: все яркое и свѣтлое въ нарядѣ мужчины обличаетъ неумѣніе одѣваться или недостатокъ вкуса. — На вечера многіе ѣздятъ въ черныхъ жилетахъ и бѣлыхъ галстукахъ, что очень идетъ къ нѣкоторымъ лицамъ.— Хорошее бѣлье—одна изъ важныхъ статей мужскаго туалета.

Со всѣми новостями по части мужскихъ модъ мы совѣтуемъ читателямъ обращаться къ Г. Рено (на Тверской въ домѣ Варгина): богатый запасъ всякаго рода матеріаловъ, безпрестанныя сношенія съ Парижемъ и Лондономъ, ежегодныя поѣздки Г. Рено въ этѣ столицы Европейскихъ модъ, вкусъ его и отличная работа — все это вмѣстѣ сдѣлало Домъ Рено давно первымъ въ Москвѣ: костюмы изъ его мастерскихъ лучше костюмовъ Шармера и Сара; у Г. Рено много кліентовъ и въ Петербургѣ.

Все касающееся до обуви можно найдти въ упомянутомъ магазинѣ Лоскутова.

Шляпы, перчатки и всѣ мелочи мужскаго туалета можно брать у Гг. Братьевъ Дюлу (на Кузнецкомъ мосту). Тамъ же принимаются заказы на мужское бѣлье, и исполняются, такъ же какъ и всѣ прочіе, добросовѣстно и скоро.

Digitized by Google

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ОСЕННІЯ ПИСЬМА СЪ РЕЙНА.

I.

Висбаденъ.

Рѣдко урожай на виноградъ по Рейну бываетъ такъ дуренъ, какъ нынѣшнею осенью. Въ первыхъ числахъ Ноября стали собирать виноградъ въ верхнихъ мѣстечкахъ, въ другихъ начнутъ послѣ. Нигдѣ ни слѣда осенняго праздника. Только работники копошатся въ безлиственныхъ виноградныхъ лозахъ. Не появляются гости, которые, бывало, приходили не для того, чтобъ подстригать, вырывать, давить, выжимать, а для того, чтобъ участвовать въ пирушкахъ и веселіи. Виноградными ягодами можно развѣ, по мѣстному выраженію, »стрѣлять воробьевъ».

По опушкѣ общественнаго лѣса большія и малыя поляны употребляются подъ хлѣбные посѣвы. Мелкіе владѣльцы очень желали бы имѣть близъ своихъ виноградниковъ какое-нибудь хлѣбное поле, или картофельный огородъ, или лугъ. Начали понимать недостаточность скота у многихъ винодѣлателей, и стали обращать вниманіе на обработываніе полей. За Іоганисбергомъ взоръ путешественника поражается видомъ цѣлой цѣпи горъ, по которымъ, съ наступленіемъ ночи, строится безчисленное множество дымящихся огоньковъ, какъ будто бы расположился на ночлегѣ лагерь. Это—выжиганіе полей, очистительный огонь, который поглощаетъ и дернъ, и корни, и кусты, удобривая такимъ образомъ лѣсную почву,—очистительный огонь, который не обнимаетъ, какъ въ Америкѣ, цѣлыя плантаціи, но приготовляетъ участки земли для хлѣбопашества.

Осень въ Рейнгау не носитъ на себѣ болѣе характера безпрерывнаго праздника, какъ это описано въ книгахъ,

Digitized by Google

воспѣто въ пѣсняхъ, и какъ это было прежде. Поздняя осень принесла неисчислимую пользу въ техническомъ отношеніи, но за то она забросала Ноябрскимъ инеемъ народныя празднества при сборѣ винограда. На виноградныхъ холмахъ безъ зелени, съ сырою и примерзлою почвою, подъ сырымъ небомъ и въ холодномъ воздухѣ — какому быть народному празднику! Полузабытое воспоминаніе о временахъ минувшихъ передаетъ потомству, что въ 1811 году сборщики десятинъ (въ виноградную пору) по цѣлымъ днямъ стояли подъ открытымъ воздухомъ, освѣжаясь влагою испареній изъ кадокъ съ водою (для орошенія полей), потому что Октябрское знойное солнце такъ сильно жгло тогда, что на свѣжемъ воздухѣ, въ сертукѣ, едва можно было выносить его лучи. Въ верхнихъ областяхъ Бадена виноградари скупы на праздники при Сентябрскомъ сборѣ, оставляя Октябрю пріятность новинки. Въ Рейнгау поэзія осени, въ настоящіе годы, уступила мѣсто другой поэзіи, которой отраженіе должно искать въ искрометномъ, улучшенномъ винѣ.

И другія осеннія забавы отошли ко сну, въ одно время съ тѣмъ, какъ *поздняя осень* брала свою силу. Долго держалась забава старыхъ годовъ при заключеніи уборки винограда, — забава, которую обыкновенно называли осеннимъ капризами: въ послѣдній день сбора лучшая изъ красныхъ дѣвушекъ и красивѣйшій изъ парней общины, сажались на послѣдне-наполненный ящикъ съ виноградомъ, и въ торжествѣ, при звукахъ музыки и пѣнія, бывали ввозимы въ деревню,

Все это имѣло свой конецъ. Существуетъ, напр., насмѣшка надъ выдѣлкою вина, которая облечена въ законную форму по рѣшенію исполнительной власти этой стороны, и носитъ названіе *оброчнаго вина* (Zinswein). Это оброчное вино съ давнихъ временъ служитъ вмѣсто денегъ заработною платою. Но оно вознаграждаетъ количествомъ, безъ различія качества. Когда, посредствомъ выжимокъ, изготовится настоящее вино, тогда принимаются за оброчное. Гущу, которая остается отъ выдавливаній, разводятъ подкрашеною водою, *елиняникъ* отваромъ (тутъ нѣтъ ме-

Digitized by Google

тафоры), или, если кто хочетъ быть добросовѣстнѣе, старымъ прокислымъ виномъ, и, вторичнымъ давленіемъ, стараются добыть послѣднія капли виннаго вещества. Вотъ и оброчное вино. Съ незапамятныхъ временъ ни одинъ человѣкъ не принималъ этой выдѣлки за обманъ; самые порядочные люди добываютъ этимъ путемъ оброчное вино, а пасторы ничего лучшаго и не требуютъ. Такая плата натурою сравнилась съ денежнымъ жалованьемъ. Этого достигли изготовленіемъ оброчнаго вина тѣмъ хуже, чѣмъ деньги становились дешевле, а настоящее вино — дороже. Плата натурою, поэтому, равнялась номинальной цѣнѣ вина въ средніе вѣка, такъ что цѣна оброчнаго вина въ XIX вѣкѣ одинакова съ цѣною настоящаго въ XIV. Оброчное вино, это — безнравственный обычай, подлогъ, освященный годами, обманъ, котораго участники и обманщикъ и обманутый, а зачинщикъ этого дѣла общее употребленіе, которое прозвало такую дрянь именемъ вина.

Кто имѣетъ понятіе о настоящемъ положеніи Рейнской винной торговли, тотъ, безъ сомнѣнія, знаетъ, что не одинъ Ноябрскій иней поздней осени изгналъ празднества виноградныхъ сборовъ. Дѣло въ томъ, что ни одна отрасль промышленности, изъ тѣхъ, которыя потворствуютъ роскоши, не оправлялась такъ медленно отъ потрясеній послѣднихъ годовъ, какъ выдѣлка высокихъ винъ. Въ недавнее время была въ Нассау продажа винъ съ публичнаго торга. Изъ Эбербахскаго кабинетнаго погреба принесены были на рынокъ самыя лучшія вина соборнаго деканства. Самая высокая цѣна за *штюкъ* (stück — 7½ ohm, ohm 2 бочки, бочка 18 ведръ) была 5000 флориновъ, тогда какъ прежде за тотъ же штюкъ платили по малой мѣрѣ 12 или 14 тысячъ. Рѣдкія, старыя вины лучшихъ годовъ XVIII столѣтія, которыя еще недавно продавались чрезвычайно дорого, замѣтно пали въ цѣнѣ. Замѣчательно скоро исчезло пристрастіе къ старымъ винамъ, тогда какъ новыя вошли въ моду. Измѣненіе во вкусѣ къ вину имѣетъ сходство съ измѣнчивостью изящнаго вкуса вообще. Старыя вина крѣпки, кислы, терпки и не имѣютъ прелести остраго аромата

Digitized by Google

чтобъ нашелся какой-либо пресыщенный жизнью или отягощенный несчастіями человѣкъ, который бы въ мрачной меланхоліи изобрѣталъ для себя различные роды смерти. Одинъ только чудакъ хотѣлъ повѣситься. Все движимое и недвижимое имущество у него отняли, даже описали всю домашнюю утварь; оставили только полведра вина въ погребѣ. Тогда этотъ несчастный пошелъ въ амбаръ, взялъ тамъ новую веревку, намазалъ ее масломъ и сталъ самъ подъ балку. Онъ уже готовъ былъ начать невѣдомый путь къ загробной жизни, какъ вдругъ вспомнилъ о полуведрѣ вина, оставленномъ сыщиками въ погребѣ. Только глотнуть бы усладительной влаги передъ дорогой! Воротился онъ домой, сошелъ въ погребъ, и наполнилъ виномъ изъ боченка первую кружку. Когда онъ ее опорожнилъ, вино показалось ему очень хорошо, и онъ выпилъ залпомъ вторую. За третьею пришла ему въ голову мысль, что куда бы какъ было глупо такой нектаръ оставить въ наслѣдство, и онъ проглотилъ четвертую кружку. Когда дѣло дошло до седьмой, онъ открылъ боченокъ и бросилъ туда масляную веревку и воскликнулъ: «Напейся сама, проклятая веревка! Сначала я опорожню боченокъ, а тамъ мы посмотримъ, нужна ли ты будешь мнѣ». И когда, черезъ нѣкоторое время, боченокъ дѣйствительно опорожнился, веревка стала точно не нужна. Это былъ единственный человѣкъ въ Рейнгау, который думалъ повѣситься.

Много есть областей въ Германіи, гдѣ добывается вино, но нигдѣ оно не имѣетъ такого сильнаго вліянія на народную жизнь, какъ въ Рейнгау. Если во времена Кромвелля узнавали роялистовъ за мяснымъ пастетомъ, папистовъ за изюмнымъ супомъ, атеистовъ за ростбифомъ, то жителя при-Рейнскихъ равнинъ легко узнаете за кружкою вина. Разсказываютъ, что Рейнскія матери поятъ виномъ всѣхъ дѣтей еще въ колыбели, чтобы съ младенчества наложить на нихъ печать народнаго характера.

Самое летосисленіе ведется во Рейнгау не по календарю, а по винодѣльнымъ годамъ. Языкъ Рейнскаго жителя наполненъ многими оригинальными и поэтическими выраженіями, которыя опредѣляютъ которое-нибудь изъ ка-

Digitized by Google

честаъ вина. Изъ этихъ выраженій, словъ, опредѣленій можно было бы составить цѣлый словарь.

Не только виноградники Рейнскіе, но и погреба исполнены поэзіи. И не одинъ замокъ Іоганнисбергъ, или монастырь Эбербахъ богатывѐликолѣпнымъ погребомъ, въ которомъ дневной свѣтъ борется съ ламповымъ освѣщеніемъ, а тяжелые каменные столбы бросаютъ свои огромныя тѣни въ промежуткахъ. Это въ маломъ видѣ повторяется и у сотни мелкихъ владѣльцевъ.

Мудрено бы кажется искать поэзіи тамъ, гдѣ человѣкъ борется съ нуждою. А между тѣмъ берега Рейна богаты самобытною народною поэзіею, и это — благодаря юмору вина, которое предаетъ забвенію прозу голодныхъ годовъ.

III.

Вліяніе вина на отдѣльное лицо замѣтно и на массахъ народа. И политика не избѣгаетъ этого вліянія. По крайней мѣрѣ жители при-Рейнскихъ равнинъ доказываютъ собою, что весь ихъ Мартовскій переворотъ произведенъ былъ виномъ. Броженіе вина въ 1847 году необычайнымъ образомъ благопріятствовало политическому волненію. Не то, чтобы оно довело людей до революціи путемъ отчаянія, но, такъ какъ оно было тогда очень дурно, никто не хотѣлъ его покупать, и его раздавали почти даромъ; оно испортило самыя нѣжныя чувствованія. Вино 1847 г. и теперь называется *революціоннымъ виномъ*. Хотя это вино было чрезвычайно кисло и находило себѣ мало покупщиковъ, однако исчезло почти все изъ Рейнскихъ погребовъ. *Революція* все выпила. Какой-нибудь тузъ-винодѣлатель могъ быть увѣренъ, что *четвертью ома* (около 31½ ведеръ) онъ утолитъ *на время* жажду коммунистовъ, и что при-Рейнское великодушіе проститъ ему мѣщанскій разсчетъ, по которому онъ представлялъ во всеобщее употребленіе дрянное вино 1847 г., а себѣ оставлялъ богатую выдѣлку 1846 г. — *Революціонное вино* въ особенности возбуждало страсть къ избирательности. Начальники народной стражи и про-

Digitized by Google

чіе сановники избираемы были только на 2 недѣли. Это дѣлалось единственно для того, чтобъ чисто періодически имѣть народный праздникъ, потому что каждый вновь избранный долженъ былъ выкатить бочку вина своимъ избирателямъ. Эти бочки помѣщались на береговыхъ лугахъ, подъ тѣнью липъ и вязовъ, куда нѣкогда предки настоящаго поколѣнія сбирались на народные праздники, всѣ безъ различія, и знатные, и люди низкаго происхожденія: мужчины, женщины и дѣти. Подъ-вечеръ всѣ бывали, безъ сомнѣнія, пьяны, а этимъ самымъ исполнялась идея о равенствѣ. Отъ тѣхъ блаженныхъ временъ пьянства остается нынѣ пріятное воспоминаніе, и, если прозвучитъ вѣсть о новомъ потрясеніи міра, всѣ бочки съ виномъ въ Рейнскихъ погребахъ затрепещутъ отъ страха, а пьяницы — отъ радости.

Даже патріотизмъ высказывается въ пьянствѣ. Когда Нѣмецкія войска, лѣтомъ 1848 г., отправились принять участіе въ Шлезвигъ-Гольштинской войнѣ, и пароходы пустились по Рейну, тогда отовсюду двинулись къ флоту челноки съ виномъ; на палубахъ пили прощальное вино не изъ несчастныхъ стакановъ, а изъ осьмухъ (Achtelohmfass) и ведерныхъ кружекъ; на берегу, на челнокахъ, на пароходахъ, — вездѣ напивались до-пьяна.

Жители при-Рейнскихъ равнинъ скоро падаютъ духомъ и портятся отъ приливовъ суроваго несчастья; но стоитъ дать только два-три пира, и этотъ народъ возвратится къ своимъ добрымъ качествамъ. Въ шумномъ веселіи праздностнъ народъ скорѣе разовьется и облагородится, нежели отдѣльное лицо; кто хочетъ убѣдиться въ этомъ, пусть изучитъ общія и отдѣльныя проявленія народнаго духа при-Рейнскихъ жителей. Южный склонъ окаймляющихъ Рейнскія равнины горъ богатъ самою теплою въ Германіи среднею температурою. Величественный Рейнъ, широко разлитый здѣсь и усѣянный островами, можно уподобить Италіанскимъ озерамъ. Древніе поэты называли всю эту страну Нѣмецкою Италіею. Да и вообще можно замѣтить, что жители Рейнгау имѣютъ большое сродство съ Италіанцами. Случилось, что одна изъ при-Рейнскихъ деревень почти вся выгорѣла. Жители прилегающихъ городковъ тушили по-

Digitized by Google

жаръ съ такимъ усердіемъ, что погорѣлые крестьяне въ восторженномъ порывѣ признательности удержали пожарныя трубы, а ящики для воды этихъ трубъ наполнили виномъ. И вотъ обѣ общины расположились на дымившемся еще пепелищѣ, и дружно, рука-въ-руку, стали пѣть и пить. Горожане затянули пѣсню: «Wir sitzen so fröhlich beisammen» которая кончается припѣвомъ: «Ach, wenns doch immer so blieb!». Припѣвъ не понравился крестьянамъ. Они посмотрѣли на кучи пепла и развалинъ, подъ которыми погребено было ихъ достояніе, и попросили своихъ гостей бросить эту пѣсню, отнюдь не желая, чтобъ настоящее ихъ положеніе осталось навсегда такимъ. Горожане напротивъ считали свою пѣсню прекрасною, и продолжали пѣть. Когда дѣло опять дошло до припѣва, крестьяне ударили запѣвалъ кулаками; горожане отплатили имъ тѣмъ же, и, прежде чѣмъ было выпито все вино изъ трубныхъ вмѣстилищъ, великодушные хозяева и полные самопожертвованія гости были уже облиты кровью. Не будь даже это происшествіе дѣйствительнымъ, оно все-таки остается правдоподобнымъ. И такъ неподдѣльно выражается въ немъ характеръ при-Рейнцевъ, что можно съ достовѣрностію предвидѣть повтореніе подобныхъ исторій въ будущемъ. Эта ярость, которая мгновенно родилась изъ чисто-благородныхъ движеній духа, такъ же легко могла бъ случиться и между Италіанцами. Только нужно бъ исключить одну черту, принадлежащую исключительно Нѣмцамъ: это—готовность въ одинъ присѣсть выпить все вино изъ ящиковъ пожарныхъ трубъ.

При-Рейнецъ легко вдается во всѣ волненія, даже политическія, только эти возбужденія такъ же скоро разлетаются, какъ и винные пары. Онъ болѣе похожъ на горожанина, нежели на земледѣльца, превосходитъ своихъ неуклюжихъ сосѣдей — и веселымъ характеромъ, и живостію воображенія, и возвышенностію чувствъ, и лоскомъ общественнаго образованія. Все это, какъ по наслѣдству, достается жителямъ Рейнгау. Вино возбуждаетъ народный духъ; но и вдохновеніе этого народа подобно винному хмѣлю. На всѣхъ почти политическихъ движеніяхъ этой страны замѣтенъ отпечатокъ простодушія. Въ давнія времена крестьянскихъ войнъ здѣшніе герои проливали

Digitized by Google

кровь изъ *виноградниковъ*, и, падая отъ руки непріятеля, не покидали своихъ боченковъ. Въ неудовольствіи на Курфирста Майнцскаго, который не сдержалъ даннаго имъ обѣщанія, они впродолженіе многихъ лѣтъ сбирались со стаканами въ рукахъ—запивать свой справедливый гнѣвъ. Въ этомъ и заключалось все ихъ возмущеніе. Во время первыхъ безпорядковъ 1848 года всѣ сильно бодрились за богатый погребъ Іоганнисберга и Эбербаха, гдѣ хранилось на милліонъ некрометныхъ нацитковъ, такъ что военные градоначальники отрядили особую стражу для защиты этого сокровища отъ хищническихъ рукъ. Стража оказалась лишнею, потому что, по народному сказанію, *мѣстный духъ* (der Genius des Ortes) сторожилъ богатства Рейнгау.

Можно составить цѣлыя библіотеки изъ руководствъ для путешествія по Рейнгау, гдѣ въ каждомъ помѣщены предлинныя описанія малѣйшихъ подробностей: умѣютъ замѣчать каждый камышекъ, каждую деревянную фигуру, а не упоминаютъ ни слова о рѣзко-отпечатанномъ всюду характерѣ этого народа. Основательный наблюдатель можетъ спокойно производить свои изысканія, тогда какъ туристамъ, которые ежегодно налетаютъ на при-Рейнскія равнины, чтобъ слегка схватить поверхностныя черты тамошнихъ красокъ, недоступно то высокое наслажденіе, которое состоитъ въ возрѣніи на жизнь оригинальнаго народа....

Съ береговъ Рейна мы отправимся въ Англію, о коей мы не говорили въ первомъ нумерѣ. Религіозное движеніе противъ и за Римско-католическую Церковь мы пропустимъ; не станемъ говорить и о хронологическомъ спорѣ Англійскихъ газетъ, которыя не соглашаются въ томъ, какъ должно считать вторую половину нашего столѣтія, съ 1-го Января или съ 31-го Декабря 1850 года (большая часть, однакожь, склоняется на сторону послѣдняго мнѣнія); но сообщимъ здѣсь, какъ *Morning Herald*, обозрѣваетъ истекшее пятидесятилѣтіе въ отношеніи къ Англіи: «Въ послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ Англія много подвинулась впередъ въ своемъ религіозномъ и политическомъ развитіи. Мы изгнали божбу и пьянство (?), мы болѣе не убиваемъ другъ друга за вздоръ

Digitized by Google

благоговѣніе къ жизни семейственной перестало быть исключеніемъ. Духовенство не ѣздитъ теперь съ собаками на охоту. Мы вырвали бѣдныхъ мальчиковъ изъ ихъ отвратительныхъ убѣжищъ, и помѣстили ихъ въшколы; мы умножили общественныя больницы и всякія другія благодѣтельныя заведенія. Мы обходимся человѣколюбивѣе съ преступниками, мы постановили законъ на защиту животныхъ. Нѣтъ болѣе кулачныхъ боевъ, травли быковъ и даже пѣтушьихъ боевъ. Не торгуемъ мы болѣе неграми, какъ мясомъ. Мы совсѣмъ почти уничтожили *пресс* (насильная вербовка, даже иностранцевъ, въ матросы). Мы теперь религіознѣе, нравственнѣе, человѣколюбивѣе. Мы гораздо просвѣщеннѣе, и не отъ одного только газоваго освѣщенія, а благодаря духу нашего вѣка. Теперь платятъ одинъ шиллингъ за книгу, которая прежде стоила фунтъ стерл. Лучшія произведенія житейской словесности доступны даже несчастному обитателю какой-нибудь хижины. Крестьянинъ и ремесленникъ могутъ осматривать собранія картинъ и рѣдкостей. Произойдетъ что-нибудь замѣчательное въ королевствѣ (хотя бы изобрѣтеніе деревяннаго блока), къ концу недѣли это будетъ уже въ печати, и станетъ продаваться по 6 пенсовъ въ лавкахъ новостей. Лондонскій журналъ приходитъ въ Эчестеръ къ полднику, а въ Парижъ къ обѣду. Къ концу мѣсяца мы знаемъ, что дѣлалось въ Бомбаѣ въ началѣ того же мѣсяца. Наши мысли перелетаютъ, какъ бы по волшебству, съ мѣста на мѣсто. Ежедневная газета содержитъ въ себѣ теперь качествомъ и количествомъ болѣе, нежели мѣсячный журналъ въ началѣ этого столѣтія. Вотъ нѣкоторые признаки великаго измѣненія въ послѣднюю половину XIX вѣка. Старики помнятъ еще зарю настоящаго сіянія, видѣли героическій, подобный метеору, полетъ Наполеона и его конечное паденіе на поляхъ Ватерлоо. То было достопамятное и поучительное время. Мы тогда (за 50 лѣтъ предъ симъ) трепетали передъ однимъ именемъ Наполеона. Въ Индіи боялись мы Афганцевъ, и расширеніе нашего владычества до Ямуны казалось намъ опасною дорогою. Мысъ Доброй Надежды колебался между подчиненіемъ Англіи и Голландіи.

Digitized by Google

Австралія еще открывалась. Наши несмѣтныя колоніальныя богатства были еще въ зародышѣ. Будемъ надѣяться, что въ дѣлѣ общечеловѣческаго блага, вторая половина нашего столѣтія пойдетъ по тому же пути, какъ и первая.»

Не считаемъ нужнымъ дѣлать отъ себя комментарія на выписанныя нами строки: наши читатели знаютъ, что въ нихъ истиннаго, и что преувеличено. Насъ поразила *скромность Morning-Herald'*: для того только и передали мы здѣсь его слова.

—

УПАДОКЪ ЦѢННОСТИ ЗОЛОТА.

Другой животрепещущій вопросъ въ Англіи — о золотѣ. Гибель, которую Times предвѣщаетъ обществу отъ наплыва Калифорнскаго золота, очень сомнительна, и выводы этой газеты не совсѣмъ, кажется, основательны. Вотъ какъ разсчитываетъ Times: «Въ Калифорніи ежегодно добывается золота на 10 м. ф. ст. (64 м. р. сер.) Общее населеніе земнаго шара составляетъ 1,000,000,000. Общій денежный оборотъ простирается до 300 м. ф. ст. (2 т. м. р. сер.) Народонаселеніе всей нашей планеты ежегодно увеличивается на 10 м. душъ. Такимъ образомъ и къ общему обороту денегъ должна прибавляться сумма 3 м. ф. ст. (20 м. р. сер.). А, принимая въ соображеніе всѣ нужды и прихоти, можно опредѣлить ежегодное требованіе на увеличеніе числа обращаемыхъ денегъ — въ 5 м. ф. ст. (32. м. р. сер.); половина этой суммы должна быть золотомъ. Но въ Калифорніи добывается вчетверо болѣе, чѣмъ эти два съ половиною милліона (на Гусскую монету 15 милліоновъ). Слѣдовательно, сильный упадокъ цѣнности на золото — *неизбѣженъ*.»

Эти выводы другая газета, Globe, подвергаетъ остроумному, и, тѣмъ не менѣе, основательному разбору. Къ этому разбору можно присоединить еще нѣсколько возраженій. Начнемъ съ существеннаго: *Въ Калифорніи ежегодно добывается золота на 10 м. ф. ст. (64. м. рб. сер)*: — необъятная сумма. Но съ открытія пріисковъ прошло цѣлыхъ три года, и, по самымъ достовѣрнымъ изысканіямъ, всего золота добыто въ Калифорніи на 15 мил. ф. ст.

Digitized by Google

(96 м. р. с.); въ отдѣльности на каждый годъ приходится по 5 м. ф. ст. (по 32 мил. р. с.) Основываясь на опытахъ прошедшаго, можно положить за вѣрное, что самое богатое добываніе металловъ ограничивается первыми годами; потомъ оно постепенно слабѣетъ и, наконецъ, совершенно исчезаетъ. Уральскіе и Сибирскіе пріиски не составляютъ исключенія. 1849 годъ выработкою золота въ Калифорніи былъ самымъ богатымъ изъ тѣхъ первыхъ трехъ лѣтъ. Въ 1850 году добытое золотое, можетъ быть, и достигло необъятной суммы 10 м. ф. с. (64 м. р. с.). Но долго ли можетъ это продолжаться?

Общее населеніе земнаго шара простирается до тысяти милліоновъ душъ. Это еще давнымъ давно печаталось въ учебникахъ. Но кто повѣрялъ достовѣрность этого положенія? Если человѣчество дѣйствительно не составляетъ болѣе тысячи милліоновъ, то *третья* часть этого числа заключаетъ въ себѣ народонаселеніе одного Китая; потому что мандарины Поднебесной имперіи еще за пятьдесятъ лѣтъ предъ симъ опредѣлили число ея жителей въ 333 м. Изъ этого видно, что нельзя слѣдовать безъ разбора всѣмъ авторитетамъ.

Общій денежный оборотъ составляетъ 300 м. ф. ст. (около т. м. руб. сер.). Джакобъ (Jacob), который въ этомъ дѣлѣ можетъ быть признанъ за авторитетъ, въ своемъ извѣстномъ трудѣ* разсчитываетъ, что еще въ 1829 году благородныхъ металловъ въ Европѣ только, да въ Америкѣ, восходило до 314 м. ф. ст. (2 т. м. руб. сер.). Народонаселеніе которое поглощаетъ эту сумму, опредѣляетъ онъ въ 270 м. Остается, значитъ, еще 730,000,000 людей, изъ которыхъ болѣе трехъ четвертей имѣютъ серебряную и золотую монету. Если сумму, на которую употребляется этимъ народомъ золота и серебра, назначить въ 100 м. ф. ст. (640 м. руб. сер.), и тогда еще мы будемъ очень далеки отъ дѣйствительности.

---

* An historical enquiry into the production and consumption of the precious metals, Lond. 1831. (Историческое изслѣдованіе о добываніи и потребленіи благородныхъ металловъ.)

Digitized by Google

Человѣчество ежегодно увеличивается числомъ на 1d м. душъ. Это просто несбыточное дѣло. Увеличеніе народонаселенія обусловливается всегда увеличеніемъ средствъ существованія. Число браковъ сообразуется съ бо́льшимъ или мѣньшимъ благосостояніемъ народа. И у дикихъ и у образованныхъ народовъ тотъ только женится, кто имѣетъ въ виду возможность содержать свое семейство. Спора нѣтъ, — многіе легкомысленно заключаютъ свои браки, не имѣя никакихъ средствъ къ своему существованію; но это не измѣняетъ общаго правила, потому что увеличеніе числа неимущихъ затрудняетъ заключеніе новыхъ браковъ. Если даже признать справедливость этого положенія, и тогда нельзя согласиться съ тѣмъ выводомъ, что наибольшее требованіе на золото равняется только двумъ съ половиною милліонамъ. Заключеніе это основывается на ложной мысли, что золото и серебро имѣютъ свое опредѣленное значеніе только въ оборотѣ денегъ. Джакобъ утверждаетъ, что цѣнность золота и серебра въ вещахъ доходитъ въ Европѣ и Америкѣ до 400 м. ф. ст;. онъ разсчитываетъ, что ежегодное потребленіе благородныхъ металловъ (уничтоженіемъ и утратою) составляетъ въ Великобританіи 2½ м. ф. ст. (15⅝ м. р. сер.). во Франціи и Швейцаріи — 1½ м. ф. ст. (10 м. руб. сер.), въ остальной Европѣ слишкомъ ½ ф. ст. (10 м. руб. сер.), въ Америкѣ — 280,630 ф. ст. (1,800,000 руб. с.) И такъ каждый годъ уничтожается безо всякихъ слѣдовъ благородныхъ металловъ на сумму около 6-ти милліоновъ. А ежегодное употребленіе благородныхъ металловъ на вещи въ Америкѣ и Европѣ, слѣдуя непогрѣшительнымъ авторитетамъ, можно опредѣлить въ четыре съ половиною милліона; для Египта, Турціи, Аравіи, Персіи, Индіи, Китая и т. д. та же потребность опредѣляется суммою двухъ милліоновъ; общее потребленіе равняется 6½ м. ф. ст. (41 м. р. с.).

Принимая въ соображеніе обращеніе монеты и всѣ прочія обстоятельства, потребность вновь добываемаго металла, по случаю увеличенія народонаселенія, можно опредѣлить въ 15 м. ф. ст. Если третья часть этой суммы — золото (и это выпустила изъ вида газета Globe), то ежегодная потребность на новое золото будетъ никакъ не ме-

Digitized by Google

ные 5 м. ф. ст. (32 м. р. сер.). Еще и потому, наконецъ привозъ золота долженъ увеличиться въ настоящее время, что его теперь гораздо больше, чѣмъ прежде, идетъ на позолоту, на зеркальныя и картинныя рамы, на часы, очки, кольца, цѣпи, набалдашники и т. п.

Наконецъ еще о выставкѣ. Лордъ Пальмерстонъ изъявилъ свое желаніе секретарю *Эпидемическаго Общества* (Epidemologische Societat), доктору Томпсону, чтобъ онъ старался о скорѣйшемъ приведеніи въ исполненіе плана о наблюденіи за здоровьемъ иностранцевъ (и именно жителей Востока), которые пріѣдутъ въ Англію на всемірную промышленную выставку. Эти иностранцы страдаютъ, естественно, морскими болѣзнями, и могутъ, вѣроятно, распространить по Англіи лихорадку, оспу, корь, и другія болѣзни. Адмиралтейство готово дать корабль въ распоряженіе *Общества*. Всѣхъ восточныхъ пришельцевъ предположено брать на этотъ корабль, гдѣ бы они были помѣщены со всевозможнымъ удобствомъ, привозить ихъ въ Лондонъ, и располагать по квартирамъ, нарочно для нихъ приготовленнымъ. — Заботятся объ устройствѣ особаго восточнаго кафе-ресторана, потому что изъ Турціи, Персіи, Египта ждутъ, по крайней мѣрѣ, тысячи посѣтителей, не считая нѣсколькихъ президентствъ Индіи. — Говорятъ объ электрическомъ освѣщеніи хрустальнаго дворца для выставки (въ Гайдпаркѣ), если только это будетъ возможно. — Во многихъ Англійскихъ городахъ образовались *ремесленные клубы* съ цѣлію выпросить семействамъ мастеровыхъ дозволеніе пріѣхать на выставку, и для этого клубы входятъ въ сношенія съ обществами желѣзныхъ дорогъ. — *Общество искусствъ*, которое основалось по случаю выставки, въ своихъ засѣданіяхъ прилежно занимается упрощеніемъ и улучшеніемъ предмета, весьма важнаго для Англіи, а именно *законовъ о патентахъ* (привиллегіяхъ).

Предположено устроить для сообщенія между Англіею и Ирландіею исполинскій пароходъ въ 1,200 силъ, вмѣсти-

Digitized by Google

мостью до 15,000 тонн (900,000 пудовъ) вѣса. Этотъ гигантъ будетъ забирать вглубь не болѣе 12 футовъ воды. Построенъ будетъ въ Ливерпулѣ. Пассажировъ можетъ на немъ помѣститься нѣсколько сотенъ. Весь переѣздъ въ Дублину будетъ совершаться въ три часа, и, между тѣмъ, плаваніе будетъ такъ покойно, что о морскихъ болѣзняхъ и слышно не станетъ. Корпусъ парохода будетъ стоить 26,000 ф. ст., машина 72,000, все вмѣстѣ 98,000 ф. стерл. (627,200 руб. сер.).

—

Вотъ оборотъ *чайной* промышленности въ Великобританіи, въ послѣдніе 2 года:

	Въ 1848 г.	въ 1849 г.
Ввезено.....	на 45 м. ф. ст.	52½ м. ф. ст.
вывезено.....	— 4 м. — —	5 м. — —
потреблено около	— 50 м. — —	50 м. — —
осталось въ запасѣ къ 31-му Декабрю.....	— 45½ м. — —	42½ м. — —
къ концу 1847-го года оставалось чаю въ запасѣ на.....	— 52 м. — —	

СУХІЕ (?) ЛИСТЫ ИЗЪ НОВАГО ЕГИПТА.

(*Dry leaves from Young Egypt: being a glance at Sindh before the arrival of sir Charles Napier. By an ex-political. London. 1849*).

Авторъ этой книги служилъ въ войскахъ Ость-Индской компаніи. Зловредный климатъ Новаго Египта, въ насмѣшку прозваннаго Англичанами Синдомъ, разстроилъ здоровье воина-сочинителя, и онъ промѣнялъ мечъ на профессорскую каѳедру въ Гайльбёри.

Это произведеніе, вмѣстѣ съ сочиненіями Аутрама и Постама, представляетъ довольно вѣрную картину того замѣчательнаго края. Руководимый своею опытностью и здравымъ смысломъ, сочинитель защищаетъ незаконно-наганныхъ эмировъ и старается привлечь на ихъ сторону общественное мнѣніе. Но онъ, въ благородномъ стремленіи своемъ, забываетъ, что каждая страница исторіи Индіи исполнена несправедливостей и что онъ *вопіетъ въ пустыню*.

Digitized by Google

Съ 1839 года сочинитель получалъ разныя политическія назначенія въ предѣлахъ Синда. Проѣзжая по всѣмъ направленіямъ этого края, онъ имѣлъ время ознакомиться съ языкомъ, нравами и обычаями туземцевъ. И онъ прекрасно воспользовался этимъ временемъ. Не только наблюдалъ онъ съ особеннымъ вниманіемъ природныя богатства страны, степень умственнаго развитія жителей, но и научился свободно владѣть туземнымъ нарѣчіемъ*. Его очертанія народнаго характера рѣзки и вѣрны.—Белуджистанецъ (по описанію автора) не смотритъ, подобно другимъ людямъ, веселымъ созданіемъ: напротивъ, онъ выглядываетъ изъ-подлобья мрачно и сурово. Только какая-нибудь особенная радость можетъ заставить его почти нехотя воскликнуть: *Ва, ва!* (чудесно, чудесно!) Онъ любитъ слушать сказки, и, какъ бы онѣ ни были неправдоподобны, никогда не станетъ въ нихъ сомнѣваться. Одинъ изъ нихъ сдѣлалъ такое опредѣленіе Англійскаго войска: «Различные есть черти въ вражьемъ войскѣ: черный чортъ (сипай), который хотя и поклоняется богамъ, страшно отвратителенъ; Бѣлый чортъ (Европеецъ), который никакому богу не покланяется. Потомъ чортъ мусульманинъ, который молится такъ же, какъ и мы молимся». И всѣ ему повѣрили.—Другіе два Белуджистанца, Дину и Саула, наполнили всю страну страхомъ своего имени. То были разбойники. Послѣ долгихъ и тщетныхъ преслѣдованій, удалось поймать Саулу, который продалъ свою свободу цѣною крови многихъ изъ его преслѣдователей. Въ природной шапкѣ изъ густыхъ черныхъ волосъ, атлетическаго сложенія, съ боевыми знаками по всему тѣлу и съ сверкающимъ злобою взоромъ, Саула походилъ на дикаго звѣря, и, связанный, онъ не потерялъ надежды откупиться. Онъ обратился къ офицеру: «Отпусти меня! я тебѣ дамъ 5 верблюдовъ.» Ясно, что ему не отвѣчали. «Я тебѣ дамъ десять, двадцать верблюдовъ». Нѣтъ отвѣта «Я тебѣ уступлю ту дѣву, которую я похитилъ въ послѣдній мой набѣгъ.» Молчаніе. Тогда и Саула затрепеталъ, а когда народъ, озлобленный его неистовствомъ во время набѣговъ, подступилъ къ нему и закинулъ веревку на шею, тогда

* Проф. Б. Кіетвикъ составилъ лексиконъ Синдскаго языка.

Digitized by Google

въ отчаяніи прерывистымъ голосомъ онъ воскликнулъ: «Боже! не дѣлай этого!» Молитва его была напрасна.... Дерево, на которое повѣсили Саулу, названо было Саулинымъ деревомъ; подъ этимъ названіемъ прослыветъ оно всегда.... Отвѣтомъ на эту казнь были страшныя злодѣянія Дину, который мстилъ за смерть брата. Всѣ мѣры, принятыя противу него, были напрасны. Наконецъ онъ, кажется, отдался въ руки Мазарисовъ, племени пограничнаго Мултану.

Въ *Сухихъ Листахъ* столько поэтическихъ сторонъ, что многое могутъ почерпнуть изъ нихъ романистъ и стихотворецъ. Описаніе Афганистанской войны, которая совершалась у Автора передъ глазами, отличается вѣрностію. И сколько въ этомъ правдивомъ разсказѣ читатель поражается невѣроятностями всякаго рода. Возможно ли, чтобы такой бездарный генералъ, какъ лордъ Кинъ, былъ постоянно счастливъ, и чтобы малочисленное войско, безъ дисциплины, могло въ нѣсколько мѣсяцевъ покорить власти Англичанъ все пространство между Индомъ и Кабуломъ! Возможно ли, чтобъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ политическихъ агентовъ ушелъ изъ Саккара съ обозомъ изъ 700 верблюдовъ, которые несли на себѣ вино, пиво и разные гастрономическіе припасы его стола. Самъ сочинитель получилъ порученіе перевезти въ Афганистанъ фортепіано работы Бродвуда, когда пути уже были опасны. Начальникъ автора *Листовъ*, при отправленіи его въ армію, снабдилъ его только тою инструкціею, чтобъ онъ старался болѣе всего уберечь ящики съ овощами, въ особенности берегъ бы зеленый горошекъ. Лордъ Эллънборо и сэръ Чарльсъ Непиръ рѣшились не употреблять политическихъ агентовъ, а прибѣгали только къ военнымъ мѣрамъ. Артуръ Колонни, герой тѣхъ битвъ, человѣкъ исполненный воинскихъ и гражданскихъ доблестей, неустрашимый, откровенный,—составляетъ естественно рѣзкую противоположность съ героями зеленаго гороха.

Изъ исторіи извѣстно, что Синдъ въ прежнее время былъ богато-населеннымъ краемъ, а поля тамошнія были прекрасно обработаны, но напрасно отыскивать теперь слѣды городовъ (съ сотнями тысячъ жителей), подобныхъ поэтической Амгорѣ и Браминабаду. Груды мусора и камней

Digitized by Google

служатъ едва замѣтными слѣдами прежняго многолюдства и богатства страны.

Индъ много разъ перемѣнялъ свое русло и вся страна перерѣзана была во многихъ направленіяхъ каналами. Землетрясенія и разрушительный потокъ Монгольскихъ завоеваній былъ первою причиною опустошенія.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВѢСТИ ИЗЪ ГЕРМАНІИ.

(Отрывокъ изъ письма къ Редактору изъ Веймара.)

1850 годъ отличается уже отъ предыдущихъ своею производительностію; но должно впрочемъ замѣтить, что дѣятельность ученыхъ Германіи не пришла еще въ такое движеніе, въ какомъ она была прежде возмущенія. Они, такъ сказать, отвыкли отъ мышленія, и какъ будто боятся снова приняться за него. Надобно надѣяться, что съ началомъ и продолженіемъ мирнаго времени все снова начнетъ жить и дѣйствовать. 1850 годъ начался приготовленіемъ къ національному творенію Германіи:

„Deutschn Zeitgenossen, herausgegeben v. H. Biow. Nach dessen gesammelten Lichtbildern von den größten Meistern Deutschlands, in Kupfer oder Stahl gestochen. Mit biographischem Text." Это великолѣпное твореніе, въ художественномъ и типографическомъ отношеніи, превзойдетъ все, что доселѣ существовало въ подобномъ родѣ, и составитъ въ полномъ смыслѣ слова національное твореніе. Оно будетъ выходить in royal-folio выпусками, изъ коихъ каждый будетъ содержать въ себѣ три портрета и три листа жизнеописательнаго текста, и притомъ портретъ какого нибудь находящагося въ живыхъ Нѣмецкаго: a) правителя или государственнаго человѣка, b) ученаго и c) какого нибудь художника. Первая тетрадь съ тремя портретами: Фридриха Вильгельма IV, Короля Прусскаго, гравированн. профессоромъ Эдуардомъ Ейхенсомъ въ Берлинѣ; Александра Гумбольдта, гравированъ Р. Троссиномъ въ Берлинѣ, Петра Корнеліуса; гравированъ Г. Якоби въ Берлинѣ; явится въ самомъ началѣ 1851 года.

Bibliographie biographique ou Dictionnaire de 26,000, ouvrages tant anciens que modernes, relatifs à l'histoire de la vie publique et privée des hommes celèbres de tous les temps et de toutes les nations etc. Par Edouard-Marie Oettinger. Leipz. 1850. въ 4-ку. 14 тал.

Digitized by Google

Oersted, Hans Christian: Der Geist in der Natur. Его же: Die Naturhistenschaft und die Geistesbildung. Eine Fortsetzung von: Geist in der Natur. Дополненіе къ ней: Die Naturwissenschaft in ihrem Verhältnisse zur Dichtkunst und Religion.

Это тотъ Ерстедъ, котораго пятидесятилѣтній юбилей былъ описанъ въ Русскомъ Инвалидѣ за нѣсколько тому недѣль назадъ. Говорятъ, что послѣ Гумбольдтова Космоса, сочиненіе Ерстеда есть одно изъ интереснѣйшихъ. Кстати о Космосѣ. Сейчасъ принесено мнѣ изъ книжной лавки первое отдѣленіе третьяго тома Космоса, содержащее въ себѣ 310 стр.

Ochlenschläger, Adam Meine Lebens-Erinnerungen des Dichters Nachlaß 4 ч.

Но слѣдующее, печатаемое теперь Іоанномъ Колларомъ въ Вѣнѣ, сочиненіе будетъ для васъ совершенною новостію. Именно онъ печатаетъ Slawisches Alt-Jtalien, и хочетъ убѣдить ученый міръ, что наидревнѣйшіе жители Италіи были Славяне. Онъ же въ теченіе прошедшаго лѣта переизслѣдовалъ Ново-Стрелицкіе Славянскіе идолы, и намѣр нъ на основаніи ихъ возсоздать Славянскую миѳологію. Другой археологъ, Таддеусъ Волянскій, усвояетъ Славянамъ вазы, находящіяся въ Готскомъ кунстъ-кабинетѣ съ неразобранными доселѣ надписями, и выдаетъ о нихъ сочиненіе, читая надписи по-Славянски.

Описанія отдѣльныхъ событій изъ Италіянской войны прошедшихъ годовъ распространяются такъ же быстро, какъ и историческіе отрывки о Венгерской войнѣ. Замѣчательнѣйшее произведеніе принадлежитъ маіору *Гофштетеру*. Его «Дневникъ Италіянскаго похода въ 1849-мъ году» (Tagebuch aus Italien, 1849) обнимаетъ собою періодъ времени съ перваго нападенія Французовъ и Неаполитанцевъ до высадки Гарибальди въ С. Марино. Гофштетеръ былъ адъютантомъ командира первой дивизіи. Сочиненіе его замѣчательно не только вѣрною и безпристрастною оцѣнкою взаимныхъ отношеній противниковъ, но и подробностями ближайшихъ распоряженій начальниковъ, расположенія войскъ и самыхъ битвъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ.

Digitized by Google

ВѢСТИ О ВЕНГЕРСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Вышелъ *Энциклопедическій словарь новѣйшаго времени*, на Венгерскомъ языкѣ. Онъ состоитъ большею частью изъ оригинальныхъ статей, болѣе біографическаго содержанія, и заключаетъ въ себѣ много драгоцѣнныхъ матеріаловъ для исторіи Венгріи. Весь онъ будетъ изъ тридцати томовъ; теперь издано уже одинадцать — съ *A* до *C*. Редакторъ этого изданія, славный ученый и публицистъ *Томъ* (Toth). — *Исторія Венгріи* займетъ почетное мѣсто между историческими произведеніями. Авторъ, секретарь академіи и префектъ университетской библіотеки, имѣлъ подъ рукою много богатыхъ источниковъ, и, въ своемъ сочиненіи, которое отличается художественною отдѣлкой, представилъ результатъ своихъ двадцатилѣтнихъ изысканій.

—

Въ Чешской газетѣ: Videnský Dennik напечата наибольшая статья о Русской литературѣ. — Сказавши нѣсколько словъ о движеніи весьма замѣтномъ въ нашей ученой и изящной литературѣ, авторъ останавливается на успѣхахъ нашего языковѣдѣнія. Вотъ его слова:

«Въ особенности языковѣдѣніе самымъ очевиднымъ образомъ достигло (въ Россіи) высокой, едва ожиданной степени совершенства. Шафарикъ въ Прагѣ недавно получилъ небольшой фоліантъ, сравнительный словарь (кор-«несловъ корней) языка Санскритскаго съ Славянскимъ и нѣкоторыми иными Индо-Европейскими языками. Это произведеніе, заслуживающее всякаго одобренія, принадлежитъ Г-ну Микуцкому, студенту 3-го (теперь 4-го) курса историко-филологическаго факультета Московскаго Университета. Въ самомъ дѣлѣ, въ сочиненіи Г-на Микуцкаго видно такое положительное и глубокое знаніе языковъ, такой строго научный умъ, что мы съ сердечной радостью привѣтствуемъ его, какъ новоявляющуюся ясную звѣзду на горизонтѣ Славянскаго языкознанія! Родство Санскрита съ языкомъ Славянскимъ выступаетъ у него тѣмъ очевиднѣе, что онъ предлагаетъ его намъ на чистомъ Русскомъ языкѣ, съ Славянскимъ правописаніемъ, а не въ чудовищномъ костюмѣ Западно-Европейскаго—Нѣмецкаго,

Digitized by Google

Французскаго, Англійскаго письма. О! если бы Г. Микуцкій замѣнилъ намъ славныхъ изслѣдователей языка, Г. Шимкевича, котораго ранняя смерть, и Каткова, котораго другія занятія отняли у филологіи!....

—

Рукопись о преслѣдованіяхъ Евреевъ, отъ самой Римской эпохи, принадлежащая Вѣнской Императорской Библіотекѣ, должна быть скоро издана въ Вѣнѣ, по порученію Вѣнской Академіи Наукъ, подъ надзоромъ Г. Литтериса, извѣстнаго оріенталиста: при ней будетъ изданъ и Латинскій переводъ, относящійся къ XVI вѣку и принадлежащій Іозефу Медико Ганохину, бывшему раввиномъ въ Авиньонѣ. Ганохинъ въ свое время славился ученостію и знаніемъ, кромѣ роднаго, языковъ Латинскаго, Италіанскаго и Фраицузскаго.

—

Любопытное пріобрѣтеніе археологіею сдѣлано въ Парижѣ; въ библіотекѣ Св. Женевьевы, изъ которой переносили книги, найдена рукопись отца Фавра, бывшаго въ 1626 г. реформаторомъ ордена, получившаго названіе отъ имени этой святой. Рукопись эта тѣмъ болѣе замѣчательна, что она содержитъ буквальную копію съ хартіи Хловиса, которой оригиналъ давно утраченъ.

—

Мысль объ измѣненіи одного изъ законовъ литературной собственности въ Бельгіи. Верхняя палата Нидерландовъ сдѣлала постановленіе объ одномъ изъ вопросовъ литературной собственности, которое очень важно для Бельгіи. Литературная собственность опредѣлена и въ Бельгіи и въ Голландіи закономъ 1817 г. Присутственныя мѣста послѣдняго королевства были вызваны на разсмотрѣніе вопроса, можетъ ли, по силѣ закона 1817 года, авторъ какой-нибудь рѣчи, произнесенной публично, не допустить, чтобъ рѣчь его была напечатана. Вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу издателей и противъ авторовъ, на томъ основаніи, что литературная собственность есть послѣдствіе или результатъ гражданскаго права, по смыслу закона

Digitized by Google

распространяющагося только на тѣхъ, которые, напечатавъ то или другое литературное произведеніе, во время публикаціи, представляютъ три экземпляра этого произведенія при опредѣленныхъ по положенію прошеніяхъ.

Королевскій Институтъ, затронутый этимъ рѣшеніемъ, вѣрочемъ согласнымъ съ приговоромъ нижнихъ инстанцій, подалъ на имя короля прошеніе въ намѣреніи получить позволеніе на то, чтобы этотъ непріятный пробѣлъ былъ въ скорѣйшемъ времени пополненъ законодательной властью. Институтъ обращаетъ вниманіе короля на опасность, угрожающую со стороны невѣрнаго воспроизведенія, невольной боязни на будущее время говорить публично, и, между прочимъ, на несправедливость лишать ораторовъ денежной прибыли отъ ихъ трудовъ.

—

О памятникѣ Мюллеру. Въ *Deutsche Zeitung* пишутъ изъ Касселя: «Баварскій король, извѣстный всѣмъ покровитель и цѣнитель наукъ и искуствъ, собственноручнымъ письмомъ спрашиваетъ о томъ, обозначена ли находящаяся на его землѣ, въ Касселѣ, могила историка Мюллера, похороненнаго здѣсь въ 1809 г. на столько, чтобы вмѣстѣ съ нимъ не могъ быть положенъ тутъ же никто другой.» Король намѣренъ воздвигнуть Мюллеру особый памятникъ на томъ же мѣстѣ, и, безъ сомнѣнія поспѣшитъ исполнить это давнишнее свое намѣреніе, когда узнаетъ что надгробный камень, поставленный надъ могилою славнаго историка, скрытой въ темномъ уголкѣ стараго кладбища, совершенно развалился, и что его даже съ трудомъ можно найдти межъ другихъ камней.

—

Могила Сида, о которой до сихъ поръ не знали ничего положительнаго, найдена недавно въ Бургосѣ, подъ прихожей комнатою одного изъ городскихъ присутственныхъ мѣстъ (ayuntamiento). Извѣстіе это сообщаетъ Испанскій журналъ *La Nacion*.

—

Digitized by Google

Баварскіе художники поднесли королю Людовику великолѣпный альбомъ. Переплетъ альбома, изъ темнокраснаго бархата, отдѣланъ въ вызолоченную бронзу. Въ срединѣ лицевой стороны вдѣланъ осыпанный искусственными брилліантами медаліонъ, съ изображеніемъ Людовика среди художниковъ. Этотъ реліефъ, работы Видемана, какъ будто олицетворяетъ собою слова короля, произнесенныя художникомъ: «Я живу среди вашихъ твореній.» Четыре маленькихъ медаліона украшаютъ углы; на нихъ изображенъ архитекторъ съ планами и медалями, по реліефу Гаутмана; ваятели и литейщики съ Баваріею (статуя), по реліефу Гальбага; историческіе живописцы занятые фресками Глиптотеки, по реліефу Крелинга; живописцы фигуръ и ландшафтовъ, между которыми можно узнать Ротлана, по реліефу Видемана. Между двумя верхними медаліонами помѣщенъ богатый орнаментъ съ Баварскимъ гербомъ (*четырехъ пней*) и надписью: *Людовикъ I, король Баваріи;* между двумя нижними — гербъ художниковъ съ надписью: *Нѣмецкіе художники* 1850-го г. Медали орнаментовъ, въ древне-Нѣмецкомъ вкусѣ XV столѣтія, сдѣланы Сикингеромъ; литье-же и золоченіе—труды Ф. Миллера. Всѣхъ вложенныхъ листовъ 177. Много еще обѣщано. Большею частію замѣтна мысль—изобразить художественные труды короля. Такъ Крелингъ, на заглавномъ листѣ, послѣ посвященія альбома, изобразилъ короля въ средѣ художниковъ, поэтовъ, и покровителей искусствъ древнихъ и среднихъ вѣковъ. Каульбахъ съ необыкновенною ясностью и красотою изобразилъ короля радостно призывающимъ къ славной дѣятельности, забытое въ Римѣ Нѣмецкое искусство. Юлій Шноръ затронулъ тотъ же предметъ; только вмѣсто, аллегорическаго изображенія искусства въ видѣ женщины, представилъ самихъ художниковъ, занятыхъ изученіемъ антиковъ, твореній Рафаэля и Микель-Анджело и Римскихъ строеній, надъ которыми, какъ бы въ отдаленіи открытаго царственной рукою будущаго, паритъ, съ вѣнцомъ чести на головѣ, Баварія. Далѣе слѣдуютъ въ альбомѣ образцовыя произведенія лучшихъ ху-

Digitized by Google

дожниковъ. Настоящіе годы — работы Ритчеля; паденіе Германіи въ 1850 году, Гюбнера, съ глубокимъ чувствомъ выраженное и отчетливо схваченное; положеніе во гробъ — Пешеля; Граціи — Видемана; сельскій праздникъ — Рихтера; Исторія и Поэзія, Г. Іегера, изъ комнатъ — Гердера (въ Веймарѣ), плаваніе къ Египту — Г. Геса; тѣло Сида на конѣ предъ непріятелемъ — Ф. Фольца; Григорій Великій въ темницѣ — Шрадера; гномы въ литейной — Швинда; Моисей въ корзинѣ — Шраудольфа; Соломоновъ судъ — Шуберта; умъ и разумъ — Г. Кёнига; кончина смерть Юліи (Шекспировой), — Каульбаха; Мадонна въ величіи — І. Б. Мюллера; другая, въ ландшафтѣ — Кл. Циммермана; — третья, окруженная ангелами — Штейнбрюка; рожденіе Іоанна (Предтечи) — А. Фишера; Герцогъ Баварскій Арнольдъ и Венгерскіе посланники — Пилоти; побѣда адмирала Рюйтера надъ Франц. и Англ. флотомъ — Эбергарди; торжество Баваріи, оригинальное и полное изящества изображеніе главныхъ моментовъ этого незабвеннаго празднества, — Гервегена; схватка надъ трупомъ Патрокла — Ф. Бруггера; внутренній видъ крѣпости Малаггера — Ф. Адама; сцена изъ битвы всадниковъ (С. Сира) — А. Адама; видъ въ дождливую погоду — Рейнгарда; Бельгійскій рынокъ — К. Геса; битва подъ Гоптруномъ (въ Шлезвигѣ) — Дица; древній Греческій городъ — Штюлера; Испанскій грандъ — Гэля; земная жизнь художниковъ — Станли, Англичанина, который воспитывался въ Мюнхенѣ; наконецъ, сцены изъ войны за освобожденіе — маленькія картины (масляными красками) — П. Геса. — Рѣдко исполненіе подобнаго труда бываетъ сопровождаемо такимъ общимъ вдохновеніемъ и ревностію, какъ этотъ альбомъ, но рѣдко и принимаютъ подобный даръ съ такимъ горячимъ чувствомъ. — Бюро, прекрасной отдѣлки, изъ дубоваго дерева, покрыто лакомъ, украшено богатою рѣзьбою (которая изображаетъ различныя искусства и мастерства), замками и гербами изъ позолоченной бронзы съ эмалью. Рисунки изъ литографіи Гервегена. Исполнено соединенными трудами многихъ мастеровыхъ.

—

Digitized by Google

Морицъ Ругендасъ издалъ въ Мюнхенѣ собраніе видовъ Южной Америки, по своимъ воспоминаніямъ. Это превосходитъ все, что было издано въ подобномъ родѣ.

—

Соболевскій кончилъ свою оперу «Жижку», и разыграетъ ее въ Кёнигсбергѣ.

—

Капельмейстеръ *Барбіери* трудится въ Гамбургѣ подъ своею новою оперою «Послѣдніе дни Помпеи».

—

Ораторія *Юлія Гопфе* «Воскресеніе Лазаря», разыграна была въ Берлинской гарнизонной церкви, и произвела на знатоковъ замѣчательное впечатлѣніе.

—

— 19-го Октября скончалась, послѣ краткой болѣзни, старшая дочь Шиллера, Г-жа Иннотъ, вдова горнаго совѣтника изъ Рудольштадта въ Вирцбургѣ, гдѣ она хотѣла провести праздникъ, у живущей тамъ сестры своей, Г-жи Глейхенъ.

—

Гутта-перча все болѣе и болѣе входитъ въ общее употребленіе. Она замѣняетъ собою кожу во всѣхъ почти ея видахъ; она идетъ даже вмѣсто дерева на картинныя рамы; зубы пломбируются ею вмѣсто золота; ею обтягиваютъ зонтики. Въ недавнее время построили *хижину изъ гутта-перчи*. Скоро мы съ головы до ногъ будемъ покрыты этою смолою. Въ Гайдпаркѣ сдѣлали изъ нея яхту, которая очень легко плыветъ по водѣ на всѣхъ парусахъ и не можетъ ни потонуть, ни опрокинуться. Эта яхта сдѣлана по образцу такъ называемыхъ *кораблей спасенія*.

—

Еврейская библіотека въ Лондонѣ, обогащенная нѣсколько лѣтъ тому назадъ сочиненіями купленными въ Гамбургѣ, открыта теперь для публики. На чтеніе опредѣлено покамѣстъ по три часа въ день; надѣются, что будетъ вскорѣ дозволено заниматься по пяти часовъ

Digitized by Google

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ НОВОСТИ ОТЪ ВОЗВРАТИВШАГОСЯ ВЪ МОСКВУ.

До сихъ поръ всѣ тѣ вѣстники, которые запаздывали новостями, начинали такъ свои статьи: *mieux tard que jamais*, т. е. по-Русски: *лучше поздно, чѣмъ никогда*. Я, въ извиненіе моей запоздалости, беру слѣдующее: *говорить о прекрасномъ никогда не поздно*, и потому, желая подѣлиться съ читателями пріятными, художественными впечатлѣніями, предлагаю на прочтеніе мои замѣтки.

Пріѣхалъ я въ Петербургъ въ самую распутицу. То снѣгъ слѣпилъ глаза; то безпрестанный дождь сулилъ простуду, лихорадку; то пронзительный морской вѣтеръ напоминалъ, что около взморья есть кладбище Смоленское. Удивительно, какъ сфинксы академической набережной, до сихъ поръ, не простудятся! Грязь на землѣ, грязь въ воздухѣ, и грязь въ Невѣ, возмущенной появленіемъ льда; или морозныя сосульки на усахъ и бородахъ перевощиковъ, и на ключняхъ эльботовъ,—все это вмѣстѣ заставляло меня съ особою нѣжностію обращаться къ носопряту и къ воротнику шубы; но любопытный, нетерпѣливый глазъ, при переѣздѣ черезъ Неву на Васильевскій-островъ, заигралъ радостью, завидѣвъ зданіе Академіи Художествъ. «Ахъ, сколько новаго увижу я послѣ трехъ лѣтъ» подумалъ я; а слухъ былъ пораженъ дикою гармоніею молотовъ, которая раздавалась съ подмазныхъ кузницъ еще (въ то время) неоконченнаго постояннаго моста чрезъ рѣку.

Только занесъ я ногу черезъ главный порогъ Академіи, п.... мраморная статуя Русалки*, произведеніе покойнаго скульптора *Ставассера*, первая привѣтствовала меня обманчивой улыбкой. О, сколькихъ друзей обманула и самая жизнь этого необыкновеннаго художника! Сжалось во мнѣ сердце при воспоминаніи объ умершемъ; но я нѣсколько утѣшился тѣмъ, что многіе хлопочутъ оставить по себѣ хоть памятникъ чугунный; а Ставассеръ

---

* Она лежала на носилкахъ, въ самыхъ дверяхъ парадной лѣстницы, для доставленія въ новопостроенный Музей.

Digitized by Google

оставилъ по себѣ нѣсколько памятниковъ изъ лучшаго Каррарскаго мрамора, которые красуются теперь въ новопостроенномъ хранилищѣ отечественныхъ художественныхъ произведеній.

Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ дальше по парадной лѣстницѣ.... Ба, старые знакомые. Бабочникъ *Пимскова* и свалчникъ *Логановскаго*. Покойный Пушкинъ такъ былъ обрадованъ появленіемъ Русскаго начала въ скульптурѣ, что почтилъ и ту и другую статую небольшими стихами.

А вотъ и большая круглая зала Академіи, соединяющая двѣ античныя галлереи; но конной статуи Бальба уже не встрѣчаю по серединѣ. Она перемѣщена, потому что надо было дать мѣсто произведенію болѣе для насъ любопытному, именно, выставленнымъ алебастровымъ моделямъ дверей, для храма Спасителя въ Москву, которыя произведены неутомимымъ дѣятелемъ-художникомъ, Г. Вице-Президентомъ Академіи, *Гр. Ѳ. П. Толстымъ**. Двери эти прекрасны, какъ въ отношеніи состава, такъ и исполненія, и будучи отлиты въ металлѣ, еще болѣе выиграютъ; а голова Христа, вылѣпленная имъ же, которую мнѣ пришлось видѣть на дому у Графа, превосходна, и смѣло можетъ соперничать съ изображеніями Спасителя лучшихъ скульпторовъ**.

Тутъ же помѣщена статуя Меланхоліи. Не припомню имени Нѣмецкаго художника. Это снимокъ съ какой-то изъ древнихъ музъ — впрочемъ не безъ достоинствъ.

Вотъ Парисъ скульптора *Иванова*, умершаго въ холерѣ въ 1848 году. Этой статуѣ я предпочитаю другую его статую М. В. Ломоносова. Вотъ лучшее, что оставилъ по себѣ покойный Антонъ Андреевичъ. Она также находится въ полупостроенномъ Музеѣ. Статуя эта была задумана и выполнена чрезвычайно

---

* Въ послѣднее время Графъ Толстой былъ занятъ лѣпною медалью на Венгерскую кампанію.

** Графъ Толстой только въ послѣдніе годы сталъ заниматься скульптурою. Много у насъ скопляется любопытнаго для исторіи искусствъ; много является замѣчательнаго въ самыхъ личностяхъ художниковъ, которымъ можно пожелать своего Вазари, не только не такъ пристрастнаго, какъ поклонникъ Микель-Анжело. Не хотите ли поставить въ уровень съ любою выходкою создателя Страшнаго Суда слѣдующій случай въ жизни скульптора Моисеева. Онъ работалъ, въ Петербургскій Казанскій соборъ, Четырехъ Евангелистовъ, въ яруса подъ куполъ. По окончаніи одного барельефа, параличъ отнялъ правую руку художника; тогда онъ одной лѣвой окончилъ три послѣдніе барельефа.

Digitized by Google

удачно: Ломоносовъ, можетъ быть, уже замыслившій побѣгъ свой изъ родительскаго дома, посаженъ въ Русской рубахѣ, на камнѣ, у прибрежья, съ книгою Магницкаго въ рукахъ; а въ ногахъ его лежатъ сѣти и бочёнокъ. Сходства очень много.

Эта статуя могла бы быть настоящимъ памятникомъ для Ломоносова, въ Архангельскѣ, который не подвергался бы тѣмъ недоразумѣніямъ и *эквивокамъ* со стороны простолюдиновъ, какъ подвергается нынѣ памятникъ работы И. П. Мартоса. Какъ поставить, посреди снѣговъ и морозовъ, Ломоносова, прикрытаго только Греческой туникой, и помѣстить рядомъ совершенно нагаго генія поэзіи, который подаетъ поэту лиру? Можетъ ли подобный памятникъ достигать цѣли? Памятникъ долженъ быть памятью того, что было. Впрочемъ не одна Русская школа увлекалась Греческимъ міромъ до такой степени. Исполнительныхъ достоинствъ этотъ памятникъ имѣетъ много; но онъ не выражаетъ *Русскаго* поэта Ломоносова.

Подойдя къ бюсту Г. *Монферана*, изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ, я отшатнулся отъ изумленія.

Тутъ же находится, замѣчательная своей естественностью, статуя Кулачнаго Бойца Г. *Крейтана*, ученика Профессора Барона Клота.

Бюстъ Профессора Маркова, сдѣланный скульпторомъ *Бахомъ*, очень хорошей лѣпки и очень схожъ.

Вправо и влѣво отъ круглой залы, въ античныхъ галлереяхъ, я былъ пораженъ новоприбывшими знакомыми изъ Капитолія, Ватикана и другихъ хранилищъ рѣдкостей. Многое здѣсь прибавилось, многое даровано Академіи милостивымъ вниманіемъ нашего Монарха. Я говорю о приращеніи слѣпковъ съ античныхъ статуй.

Мимую ученическія живописныя программы, хотя почти каждая изъ нихъ заслуживаетъ особую статью: такъ въ самомъ дѣлѣ успѣваютъ въ живописи ученики Академіи, подъ вліяніемъ Гг. Профессоровъ Басина, Брюни, Маркова, и другихъ.

Не могу не упомянуть между прочимъ о пейзажѣ *Лагоріо*, котораго нѣкоторые превозносятъ до небесъ. Правда, что для ученика этого много, и онъ какъ нельзя лучше оцѣненъ Академіею въ дарованіи ему большой золотой медали; но нельзя же говорить, что подобныхъ пейзажей не было и не будетъ въ Академіи.

Digitized by Google

За нѣсколько дней до моего отъѣзда былъ выставленъ пейзажъ *К. И. Мейера* Трудно передать перомъ всю прелесть, всю увлекательность этой небольшой картины. Пожалуй, поставьте ее рядомъ къ Каламомъ. Видъ Лебединской долины, въ Малороссіи, перенесенный на холстъ Г. Мейеромъ, естественъ въ высшей степени. Если читателю случалось имѣть квартиру съ окномъ, изъ котораго онъ наслаждался видомъ Римской Кампаніи съ ея виллами, или видомъ южнаго берега Крыма, или окрестностями Москвы, то рамка, въ которой заключается картина Г. Мейера, можетъ замѣнить это окно. Въ небольшой картинѣ, гдѣ первый и второй планы лѣвой стороны заняты густымъ, вѣтвистымъ лѣсомъ, а вправо стелется долина до горизонта, красокъ не видно. Нѣтъ рѣзкаго эффектнаго освѣщенія; нѣтъ противоположно-пятнистыхъ частей въ картинѣ; наконецъ нѣтъ рѣшительно ничего такого, чѣмъ бо̀льшая часть новѣйшихъ пейзажистовъ хотятъ поразить зрителя. Всё—натура и натура, которую всею душою полюбилъ Г. Мейеръ въ своихъ путешествіяхъ по Сибири, по Европѣ, и въ послѣднее время—по Малороссіи. Здѣсь не мушта̀бель руководилъ кистью художника, но его сердце, до глубины пораженное красотами природы, которое со всею любовью и бережностью, не проронивъ и малѣйшихъ оттѣнковъ прелести, перенесло на холстъ необозримую долину, и заключило ее въ рамку на долгое наслажденіе зрителю. Общій тонъ картины, рисунокъ деревьевъ, оконченность всѣхъ частей пейзажа, безъ малѣйшей сухости, всякое отсутствіе притязанія удивлять и щеголять ловкими мазками кисти,—все это заставляетъ назвать картину Г. Мейера перломъ Русской пейзажной живописи.

Портреты Г. *Зарянко* поразительны сходствомъ и отдѣлкою; но все-таки не выше портретовъ Тиціана, Рубенса, Фанъ-Дейка, Рембрандта и Брюллова*, хотя нѣкоторые говорятъ совершенно противное. Наша художественная критика, если она существуетъ, вообще поступаетъ неосторожно и опрометчиво; она, или жалуетъ вдругъ художественное начало въ генія, или проходитъ ничтожными фразами мимо произведенія, дѣлающаго эпоху въ искусствѣ, какъ это случилось, въ отзывахъ газетъ и журналовъ въ отношеніи къ гравюрѣ Ѳ. И. Іордана съ картины Преображенія Рафаэля, — или наконецъ талантъ, пробивающійся

* Только припомните портретъ Кн. А. Н. Голицына.

Digitized by Google

осмотрительно, со всею любовью къ цѣли совершенства, клеймитъ печатью посредственности и бездарности. Г. Зарянко далеко выходитъ изъ ряда другихъ портретистовъ уже однимъ умѣньемъ давать изображаемымъ имъ лицамъ простыя, благородныя постановки, безъ всякихъ натяжекъ; такъ, напр., портретъ С. И. Рахмановой, оконченный художникомъ въ Москвѣ, уже по одной постановкѣ — прелесть, не говоря о сходствѣ и рельефности.

Рядомъ, портреты Г. *Штейбена* имѣютъ большія достоинства, равно какъ и картина его: Несеніе Креста. Въ послѣдней сочиненіе и выраженіе лицъ прекрасны.

Въ моей статьѣ нѣтъ классификаціи именъ художниковъ; я пишу о тѣхъ, которые первые вспадаютъ мнѣ на память.

Двѣ историческія картины Французскаго живописца *Шопена*: Судъ Соломона и Давидъ, играющій предъ Сауломъ, отличаются даровитостью, большимъ соображеніемъ, вѣрностію и красотою судейскихъ физіономій и очень пріятною живописью. Есть нѣкоторая пестрота, чему причиною, я думаю, пестрота самыхъ восточныхъ костюмовъ, недостаточно согласованныхъ въ общемъ тонѣ картины, особенно въ Судѣ Соломона.

Другой Французскій художникъ, *Плюшаръ*, написавшій Крещеніе Русскаго народа, стоитъ крайне низко передъ своимъ соотечественникомъ: великій историческій моментъ Россіи, онъ, какъ не Русскій, не понялъ и совершенно исказилъ его. Въ картинѣ нѣтъ ни сочиненія, ни рисунка, ни живописи. Можете себѣ представить, что послѣ этого остается въ картинѣ, которая довольно большаго размѣра.

Очень знакомый Москвѣ *П. А. Ѳедотовъ* выставилъ въ послѣднее время картинку, которая заключается въ одной женской фигурѣ. Глубоко-грустные случаи нашей жизни, если они описаны перомъ, могутъ насъ тронуть, иногда заставить прослезиться, какъ это случится пожалуй по прочтеніи Одарки-Квочки, Г. Дріанскаго; но мы закроемъ книгу и положимъ ее въ шкапъ, или на этажерку. Картинка Г. Ѳедотова, съ ея тоже глубокотомительнымъ содержаніемъ, совсѣмъ другое дѣло. Стоя передъ ней, невольно засмотришься, задумаешься и затоскуешься, какъ это случилось вдругъ съ пятью художниками, подошедшими въ первый разъ къ картинкѣ: нельзя оторваться отъ нея глазами. Но въ то же время я бы ни за что не повѣсилъ этой

Digitized by Google

картинки, какъ и другіе со мной согласились, у себя дома, на стѣнѣ: до такой степени трогательно ея содержаніе.—Да какое же ея содержаніе? — желаетъ знать читатель.

Вы видите передъ собою комнату почти неопредѣленнаго цвѣта. Кругомъ безпорядокъ: хрусталь, серебряныя вещи; весь щеголеватый домашній скарбъ на полу, и на всемъ этомъ висятъ на веревочкахъ печати. Въ правой сторонѣ комодъ, и на него облокотилась молодая, прехорошенькая, преграцiозная блондинка-вдовушка, вся въ траурѣ съ плёрёзами; Богъ знаетъ о чемъ она думаетъ; но если вы не женаты, читатель (я впрочемъ и за женатыхъ здѣсь не ручаюсь), въ васъ является неопредѣленное желаніе сказать какое-нибудь утѣшительное слово этой восхитительной молодой женщинѣ: но это слово замираетъ при видѣ прелестной головки, которая такъ очаровательно склонена грустью на взволнованную грудь. Г. Ѳедотовъ, въ высшей степени наблюдательный и логическій художникъ, сверхъ своего дара, обладаетъ необыкновеннымъ умѣньемъ малыми подробностями совершенно пояснять смыслъ картины; читатель и въ этой картинкѣ найдетъ подтвержденіе моихъ словъ. Изъ всего прежде сказаннаго вы видите, что у молодой вдовы описано имѣніе; а чтобы вы не усомнились въ этомъ, то увидите въ углу, на стулѣ, шляпу квартальнаго-надзирателя, за позументъ которой просунута дѣловая бумага; а тутъ, по близости, на полу поставленъ ящикъ краснаго дерева, можетъ быть съ десертными ложками; а можетъ быть, и съ брилліантами; и на немъ лежитъ фуражка хожалаго унтеръ-офицера. Чтобы оцѣнить эту грустно-художественную вещь, то надо ее видѣть или, можетъ быть, слышать стихи Г. Ѳедотова на этотъ же предметъ. Дай Богъ ему настроить себя иначе, если это возможно!

Это что?—Плѣнки Сарабанды.—И кто же танцуетъ?—кардиналъ Ришльё передъ Анной Австрійской.—Это—небольшая акварельная шутка К. П. *Брюллова*, исполненная жизни и красоты. О, на сколько еще этотъ художникъ себя не высказалъ! Въ его красивой, геніальной головѣ, какъ въ волшебномъ фонарѣ, безпрестанно смѣняются самыя разнообразныя видѣнія фантазіи, полныя ума и чувства, и эти видѣнія вытѣсняютъ одно другое, какъ избытокъ геніальнаго творчества. И послѣ этого многіе

Digitized by Google

сѣтуютъ о многихъ начатыхъ и неоконченныхъ трудахъ этого художника. Надо знать лично, знать коротко Карла Брюллова и горячо любить искусство, чтобы судить о немъ какъ о художникѣ. Здѣсь нѣтъ мѣста безсмысленнымъ *упрекамъ*, какъ иные выражаются, *геніальному лѣнивцу*. Попробуйте-ка быть на его мѣстѣ! — Правда, что онъ чувствуетъ минуты радости и удовольствія какъ три сотни людей вмѣстѣ; но каково же заключить въ своемъ сердцѣ горе и недовольство тѣхъ же трехъ сотенъ людей?!

Я помню, съ какою жадностію онъ началъ и почти кончилъ, въ полтора часа, портретъ А. Н. Струговщикова.* Ученикъ Брюллова, Михайловъ**, принялъ кисть и палитру изъ опустившихся рукъ своего профессора; а Г. Струговщиковъ всталъ съ кресла, приподнявшись на носки, дабы не нарушить сонъ утомившагося вниманіемъ и созерцаніемъ художника. За то надо видѣть каковъ вышелъ портретъ! — Пожалуй, найдутся люди, которые и это утомленіе припишутъ какой-нибудь другой, чисто физической причинѣ; но надъ такими людьми пусть вѣчно падаетъ ведро, брошенное съ лѣсовъ Микель-Анджеломъ, какъ это было въ Спкстинской капеллѣ, и виситъ вѣчно угроза Бенвенуто!

Говоря о Брюлловѣ, не могу не упомянуть здѣсь объ его разговорномъ языкѣ; онъ никогда не былъ охотникомъ писать, за то начитался вдоволь.

Разъ какъ-то, послѣ трудовъ, онъ былъ окруженъ молодыми художниками, съ которыми онъ исключительно любитъ проводить время, — и его просили опредѣлить въ короткихъ словахъ достоинство каждаго изъ знаменитыхъ живописцевъ. Онъ не замедлилъ и характеризировалъ каждаго необыкновенно мѣтко и вѣрно. Такъ живопись Рубенса онъ уподобилъ *букету цвѣтовъ;* о Рембрандтѣ сказалъ, что онъ *похитилъ лучь солнца, располагалъ имъ по произволу и продавалъ его въ своихъ картинахъ дорого.* Остальная характеристика знаменитыхъ художниковъ, высказанная великимъ артистомъ, если не передается теперь, то сообщится впослѣдствіи всѣмъ друзьямъ искусства.

Рядомъ около акварели Брюллова, помѣщается его эскизъ: моментъ послѣ битвы Сарациновъ съ Крестоносцами, когда души защитниковъ Христова гроба переносятся ангелами въ небо. —

---

* Воспріемникъ Художественной газеты отъ Н. В. Кукольника.

** Нынѣ находится въ Испаніи.

Digitized by Google

Вотъ это поэзія!—Поле покрыто убитыми тѣлами Крестоносцевъ и Сарациновъ; кругомъ царствуетъ покой и тишина; только слышится молитвенное движеніе крыльевъ служителей Господа, которые уносятъ тѣла христоборцевъ въ небо; да мѣстами эта тишина нарушается появленіемъ духовъ тьмы, которые ищутъ свои жертвы, незнакомыя съ закономъ Искупленія. И это только эскизъ карандашемъ; а сколько онъ пораждаетъ чистаго, душевнаго наслажденія!

О Брюлловѣ можно говорить много; но это будетъ въ своемъ мѣстѣ.

Неутомимый заслуженный Профессоръ, постоянно дышащій любовью ко всѣмъ искусствамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ опытный наставникъ молодыхъ талантовъ, *М. Н. Воробьевъ*, трудится надъ новыми видами Петербурга, и на одной изъ его еще неконченныхъ картинъ виденъ красавецъ Невы Благовѣщенскій мостъ.

Г. *Чернышевъ* подарилъ публику чистымъ удовольствіемъ въ своей небольшой картинѣ, тонко обдуманной и выполненной со всею любовью къ своему дѣлу.

Предъ вами стелется дорога; по бокамъ лѣсъ и кустарники; на первомъ планѣ телѣга, съ торчащими изъ нея чемоданами, принадлежитъ, по видимому, неслишкомъ богатому и непритязательному помѣщику; лошадки готовы тронуться съ мѣста; но ихъ сдержалъ кучеръ, потому что еще молодой баринъ не усѣлся; онъ обнимается и прощается съ женою. Вѣрно кончился роковой 28-ми-дневный отпускъ, и онъ спѣшитъ на службу въ которую-нибудь изъ столицъ. Тутъ и дѣти, и бабушка отъѣзжающаго. Священникъ, отслуживъ молебенъ предъ отъѣздомъ помѣщика, на второмъ уже планѣ поворачиваетъ къ своему дому; а запоздавшій пономарь, съ церковною утварью въ узлѣ, изъ котораго выглядываетъ кадило, спѣшитъ сойти съ крыльца, дабы нагнать священника. Вправо старикъ, почти можно сказать навѣрное, бывшій камердинеръ покойнаго старика барина, поставленъ въ убѣждающей позѣ и указательнымъ перстомъ предостерегаетъ своего сына отъ искушеній большаго людnаго города, куда онъ ѣдетъ вмѣстѣ съ своимъ барономъ, что видно по его дорожному костюму. Все это очень естественно и изящно, чему нельзя не порадоваться душевно, и нельзя не поздравить Г. Чернышева съ его необыкновенными успѣхами въ томъ прекрасномъ родѣ живописи, который онъ избралъ.

Digitized by Google

Картина С. М. Воробьева: видъ Неаполя, и видъ водопада въ Терни *Л. К. Фрикке*, составили бы очень лестное украшеніе залъ Московскаго Художественнаго Училища, тѣмъ болѣе, что по этой части у насъ оригиналовъ нѣтъ. Будемъ терпѣливы и будемъ выжидать имя того Члена Общества, который приношеніемъ своимъ увѣковѣчитъ себя въ историческомъ развитіи искусствъ въ Бѣлокаменной. Вѣчная благодарность учащихся будетъ отзывомъ и тому изъ Членовъ Общества, который ознакомитъ училище съ гравюрою Ѳ. И. Іордана, съ Преображеніемъ Рафаэля, достоинства которой, между прочимъ, исключительно понимаются художниками. Подобной гравюры съ Преображенія Рафаэля нѣтъ.

Покойный Профессоръ Академіи Г. И. Угрюмовъ, въ царствованіе Императора Павла, въ изумительно короткое время, написалъ двѣ замѣчательныя картины: *Покореніе Казани Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ* и *Восшествіе на престолъ Царя Михаила Ѳеодоровича*. Нынѣ эти картины, въ числѣ прочихъ произведеній Русской кисти и Русскаго рѣзца, переносятся изъ Академіи въ новопостроенный Музей; но они будутъ извѣстны всему Русскому міру въ самомъ отчетливомъ и изящномъ повтореніи: это въ предполагаемыхъ гравюрахъ Г. Іордана. Я видѣлъ портфель до крайности совѣстливаго въ своихъ трудахъ и извѣстнаго всѣмъ своею образованностью художника. Рисунки, снятые нашимъ знаменитымъ граверомъ съ упомянутыхъ картинъ, превосходны; а рисунокъ, сдѣланный съ картины нашего почтеннѣйшаго Профессора Академіи А. Е. Егорова: истязаніе Спасителя, сдѣлалъ бы честь всѣмъ рисовальщикамъ Италіи вмѣстѣ.

Въ Исакіевскомъ Соборѣ мнѣ удалось видѣть только живопись *П. В. Басина* и *Ѳ. С. Завьялова*, которые произведеніями своими достойно почтили память дня рожденія Великаго Петра, и оставили на стѣнахъ храма достодолжную память и о своихъ талантахъ. Особенно прекрасны *Кончина Св. Александра Невскаго* Г. Басина и *Появленіе Саваоѳа Моисею* Г. Завьялова. Вотъ предметы живописи, вполнѣ заслуживающіе вниманіе Г. Іордана.

Модель большихъ дверей Г. *Витали* имѣетъ много хорошаго; но малыя его двери чрезвычайно замѣчательны, и, пожалуй, поспорятъ своими достоинствами съ дверями церквей Итальяно-готической архитектуры, какъ во Флоренціи, такъ и въ Римѣ и въ Сіеннѣ.

Digitized by Google

Фронтонъ Г. Витали: *Поклоненіе волхвовъ* есть лучшій не только въ сравненіи съ Исакіевскими, но даже со всѣми фронтонами средневѣковаго и новѣйшаго времени.

Нѣтъ болѣе трудной задачи для скульптора, какъ архитектурная рамка фронтона, съ его расходящимися въ стороны острыми углами. Такой сюжетъ, какъ поклоненіе волхвовъ, былъ лучшимъ призомъ для Г. Витали; успѣхъ этого фронтона предсказывалъ и К. П. Брюлловъ.

Весь божественный смыслъ барельефа находится въ срединѣ; все земное, со сторонъ, преклоняетъ колѣна предъ Господомъ и его Матерію; — и потому, вслѣдствіе содержанія самого барельефа, всѣ фигуры, изъ острыхъ угловъ, склоняются самымъ естественнымъ образомъ къ центру и помѣщаются въ углахъ со всѣмъ удобствомъ; только жаль, что волхвы, ближайшіе къ Богородицѣ, одеждою своею, въ двухъ мѣстахъ посреди, пересѣкаютъ нижнюю архитектурную линію фронтона. Скульптура на зданіи должна повиноваться архитектурѣ.

Въ противоположность отличнаго состава этого фронтона, можно указать на фронтонъ Парижской церкви Св. Магдалины, работы Французскаго скульптора *Лемера*. Задачею было: *воскресеніе мертвыхъ*. Изображенъ Христосъ посреди барельефа; христіанскія добродѣтели: Вѣра, Надежда и Любовь, помѣщены около него. Эти фигуры съ достоинствами; но какъ было сладить съ острыми углами фронтона? — Помилуйте, для такого скульптора, какъ Г. Лемеръ, это такъ легко, какъ выпить чашку кофе. По краямъ фронтона возстающіе мертвые перерѣзаны архитектурною линіею въ полфигурѣ, такъ что вы видите фигуры половинчатыя, выходящія будто изъ земли; и такихъ фигуръ нѣсколько; за то и эстетиковъ во Франціи болѣе нежели у насъ.

Бронзовые барельефы Барона *Клота*, помѣщенные при входѣ въ храмъ, не смотря на нѣкоторую сухость въ отдѣлкѣ, и барельефы Г. *Логановскаго*, нравятся болѣе прочихъ своею простотою, особенно если сравнивать ихъ съ барельефами Г. Лемера.

Фигуры Евангелистовъ и Апостоловъ на фронтонахъ сдѣланы И. П. Витали мастерски. Видно большаго практика въ своемъ дѣлѣ.

Въ мастерской Г. Профессора *Ладюрнера*, между многими неоконченными картинами, я особенно любовался соединеніемъ

Digitized by Google

красивыхъ костюмовъ гвардейцевъ, времени Французскаго Короля Людовика-Филиппа, и картиною Царицына луга, на которомъ совершается молебствіе предъ началомъ похода противъ Венгерцевъ. Сходства лицъ въ этой картинѣ поразительны.

Г. Профессоръ *Басинъ* предложилъ въ подарокъ Московскому Художественному Училищу свои превосходные картоны, съ которыхъ онъ писалъ въ Исакіевскомъ соборѣ. Чрезъ малое время, по обѣщанію Г. Басина, мы надѣемся увидѣть на стѣнахъ нашего Училища лестное приношеніе славнаго Профессора Академіи, заслуживающее полнаго вниманія и благодарности какъ художниковъ, такъ и любителей Московскихъ.

Въ Академическомъ портикѣ, гдѣ нѣкогда работалъ К. П. Брюлловъ, теперь устроена мозаичная мастерская. Синьоръ *Рафаэли*, мастеръ своего дѣла, съ большою любовью и очень охотно, показалъ мнѣ всѣ изготовленія мастикъ. Образъ Іисуса Христа, Г. *Нефа*, назначенный для иконостаса Исакіевской церкви, долженъ быть первымъ опытомъ вводимой, въ обширныхъ размѣрахъ, мозаики въ Россіи, послѣ Ломоносова.

Нельзя не упомянуть здѣсь вообще объ образахъ Г. Нефа, назначенныхъ для иконостаса Исакіевскаго собора, и о его портретѣ Ея Императорскаго Высочества В. К. Екатерины Михайловны. Живопись этого художника щеголевата и увлекательна.

Памятникъ Св. Великому Князю Владиміру, въ Кіевѣ, только что начатъ въ мастерской Г. Профессора Барона Клота.

Если бы мнѣ предложили указать на типъ настоящаго художника, каковъ бы онъ долженъ быть и каковъ онъ былъ въ средніе вѣка, я бы указалъ на Барона Клота. Онъ живетъ вполнѣ художественною жизнію, и это отражается на всемъ его окружающемъ: и на миломъ радушномъ кругѣ его семейства, и на вѣчно веселыхъ лицахъ его талантливыхъ учениковъ, и на усердныхъ литейщикахъ, чеканщикахъ. Все его любитъ кругомъ, имъ дышетъ, живетъ, и ему благодарно. Постоянная энергія въ трудѣ, безпрестанныя занятія какъ скульптора, такъ и отличнѣйшаго въ Европѣ литейщика, совершенное безпристрастіе въ сужденіяхъ о сверстникахъ по своему искусству, постоянное ревностное изученіе своего предмета, вотъ отличительныя черты этого художника, на котораго не даромъ упалъ зоркій взоръ Высокаго Покровителя искусствъ въ нашемъ отечествѣ.

Digitized by Google

Кони Барона Клота обскакали коней древняго и новаго міра; они украшаютъ Петербургъ, Берлинъ и Неаполь; а послѣдняя группа, помѣщенная на Аничковомъ мосту, по моему мнѣнію, лучшая.—Барельефъ этого самого художника на зданіи, противу Мраморнаго дворца, можетъ служить образцемъ барельефовъ этого рода. Художникъ всегда вѣрный натурѣ и занятый также въ настоящее время малою моделью памятника И. А. Крылову,* обзавелся и живымъ медвѣженкомъ, и миніатюрной собачкой, и ручной очень красивой лисицей, и шалуньей обезьяной. За то и сплошной барельефъ, обнимающій кругомъ весь пьедесталъ памятника, составляетъ прелестное и вѣрное выраженіе Крыловскихъ басенъ. Тутъ миша протягиваетъ лапу къ пчелиному улью; великодушный журавль спасаетъ отъ смерти волка, вытаскивая у него изъ горла кость, и проч.; и все это представлено въ самомъ изящномъ видѣ.

Фигура самого Крылова изображена въ извѣстномъ всѣмъ широкомъ сюртукѣ. Бюстомъ баснописца, покойнаго Профессора Гальберга, вѣроятно, Баронъ Клотъ воспользуется, какъ лучшимъ и единственнымъ.

Нельзя вдоволь налюбоваться зданіемъ новаго Почтамта Г. *Кавоса*; красота и удобство здѣсь совершенно помирились между собою.

Вблизи этого зданія, по набережной Мойки, въ домѣ Князя Гагарина помѣстился на зиму *Н. К. Айвазовскій*. Какъ только вошелъ я въ мастерскую, такъ тотчасъ и позабылъ о Петербургской погодѣ, хотя она всячески старалась напоминать о себѣ въ окна мастерской. Любо было глазамъ; куда ни взглянешь, повсюду, кругомъ для нихъ высокое удовольствіе. Болѣе прочихъ картинъ меня поразилъ своею прелестью одинъ изъ Крымскихъ видовъ; *Долина Судакъ*. Вправо громоздкія массы утесовъ занимаютъ дальній и второй планъ картины; налѣво покоится море. Первый планъ—богатые виноградники. Яркое солнце выглянуло изъ-за горъ и пробудило землю своими первыми лучами. Все ожило кругомъ, туманы рѣдѣютъ, яркая зелень весело улыбнулась, и небольшая группа людей трудится въ виноградникѣ. Въ этой картинѣ Крымъ, съ его благословеннымъ климатомъ, передъ вами. Честь и слава Г. Айвазовскому за его неуто-

* Предполагаютъ поставить его въ Лѣтнемъ саду.

Digitized by Google

мимость, разнообразіе и за ознакомленіе насъ съ роскошными красотами его родины, такъ вѣрно переданчыми его необыкновеннымъ памятованіемъ прекраснаго и искусною творческою кистью.

Статуя Французскаго скульптора *Кабо: Просыпающаяся Аврора*, которую я видѣлъ въ одной изъ скульптурныхъ мастерскихъ, отличается новизною позы, очень граціозной. Она заказана этому художнику, изъ мрамора, Ея Императорскимъ Величествомъ.

Кто любитъ Мавританскія зданія въ Испаніи и понимаетъ все изящество этой архитектуры, тотъ можетъ мнѣ позавидовать. Я ихъ видѣлъ въ превосходнѣйшихъ акварeляхъ, большаго размѣра, Гг. архитекторовъ *Резанова* и *Кракау*, недавно возвратившихся изъ отчины Мурильо и Сервантеса. Можно отъ всей души пожелать, чтобы эти удивительныя, по красотѣ и исполненію, акварели были изданы въ соперничество иностранныхъ изданій этого рода; въ соперничество, прибавлю, котораго Гг. Кракау и Резанову бояться нечего.

Крайне сожалѣю, что не засталъ въ Петербургѣ нашего славнаго скульптора *П. С. Пименова*, котораго ждали изъ Италіи въ Августѣ мѣсяцѣ, — и потому не могу точно и подробно передать всѣ тѣ художественныя достоинства пяти новыхъ группъ, которыя должны украсить Благовѣщенскій Невскій мостъ.

Самый мостъ Благовѣщенскій получилъ названіе отъ конно-гвардейской церкви Благовѣщенія, построенной К. А. Тономъ, новымъ оригинальнымъ зданіемъ котораго нельзя не залюбоваться.

Новый мость съ художественной стороны удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ изящнаго вкуса. Не говорю уже о необыкновенно красивыхъ линіяхъ арокъ, объ общемъ плавномъ рисункѣ; все, все здѣсь — и рѣшетка, и формы газовыхъ фонарей, и тротуаръ, и овальныя скамьи для пѣшеходовъ, все превосходно и будетъ вѣчно напоминать потомкамъ имя славнаго его строителе Г. *Кярбедза*. По открытіи своемъ, Благовѣщенскій мостъ сдѣлался мѣстомъ прогулки, особенно островскихъ жителей.

Петербургъ ростетъ, украшается неимовѣрно. Частныхъ домовъ однихъ самой легкой, пріятной архитектуры такъ много, что не знаешь, которому изъ нихъ отдать преимущество, не говоря уже о новомъ оконченномъ Императорскомъ Музеѣ, о церкви Конно-егерскаго полка, о церкви на Козьемъ Болотѣ, въ Коломнѣ, объ

Digitized by Google

очаровательной перестройкѣ оранжерей, о построеніи зданій при желѣзной дорогѣ, о затѣйливомъ циркѣ, о вновь разводящихся паркахъ и проч.

Главы церквей Св. Богоматери Владимірской и Собора Св. Андрея Первозваннаго покрылись золотомъ, что придаетъ особенную красоту куполамъ, и отчасти напоминаетъ Москву.

Обширный паркъ, разведенный между Академіею Художествъ и ея портикомъ, съ двумя новыми флигелями, показался мнѣ сновидѣніемъ, послѣ тѣхъ деревянныхъ лачугъ, къ которымъ съизмалолѣтства такъ привыкъ глазъ бывшаго воспитанника Академіи.

Кто не видалъ Петербурга лѣтъ восемь или даже шесть тому назадъ, тотъ долженъ снять передъ нимъ шапку и сдѣлать съ нимъ новое знакомство.

Съ особеннымъ удовольствіемъ упоминаю здѣсь о бывшемъ ученикѣ Московскаго Художественнаго Училища, классномъ художникѣ, *В. Г. Худяковѣ*, портреты котораго дѣлаютъ честь разсаднику искусствъ въ Москвѣ.

Не могу также не назвать имени *А. А. Васильева*, баталическаго живописца, въ альбомѣ котораго, въ нѣсколькихъ рисункахъ, очерчена жизнь Русскаго солдата совершенно ново и умилительно. У него же я видѣлъ и нѣсколько выразительныхъ сценъ войны 1812 года.

Грѣшно бы было также пройти молчаніемъ *декорацію бальной залы*, Г. Академика *Роллера*, въ послѣднемъ актѣ балета: *Сварливая жена*. И западныя столицы могли бы позавидовать изяществу и богатству подобной декораціи нашей сцены, на которой порхаетъ Карлота Гризи; но она только танцовщица, и далеко не та драмо-мимическая актриса, которую мы видѣли въ Москвѣ, въ лицѣ Фанни Эльслеръ. Неблагодарную роль* сварливой жены исполняла со всѣмъ достоинствомъ и благородствомъ извѣстная талантливая артистка Г-жа Андреянова, игра которой увлекла настоящихъ цѣнителей искусства болѣе, нежели ножки Карлоты Гризи, чему служили доказательствомъ общія рукоплесканія и громогласные вызовы въ пользу Г-жи Андреяновой; умная игра этой артистки сама собою свиваетъ ей букетъ благодарностей отъ художниковъ за то удовольствіе, которое они ощущали, глядя на нее изъ послѣднихъ рядовъ креселъ. Надъ

* Роль эта уже по характеру не располагаетъ къ себѣ зрителя.

Digitized by Google

существенными букетами не даромъ посмѣялся покойный руководитель Ералаши М. Л. Невахочичъ, бросивши какъ-то роскошный букетъ скелету слона. Этой уморительной выходкой онъ осмѣялъ всѣхъ театраловъ-цѣнителей, каковыхъ у насъ не мало, а букетовъ у нихъ еще болѣе.

Всевозможныя панорамы, діорамы и косморамы, помѣщенныя въ Пассажѣ, далеко не того достоинства, которыми отличается Панорама Палермо, поставленная Г. Роллеромъ, близъ Михайловскаго манежа, которая никогда не можетъ наскучить зрителю.

На загородномъ проспектѣ, противъ Технологическаго Института, въ магазинѣ скульптурныхъ вещей, я видѣлъ коллекцію окрашенныхъ картонныхъ звѣрей, между которыми нѣкоторые исполнены самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Всѣхъ ихъ числомъ двѣсти. Есть нѣсколько породъ собакъ, любопытные экземпляры тигровъ, пантеръ, барсовъ, порядочной величины слонъ, и проч.

Видя и сочувствуя возникающему кругомъ прекрасному, я счелъ долгомъ подѣлиться съ читателями Москвитянина моими замѣтками.

Н. Рамазановъ.

—

Дополняемъ занимательную статью нашего даровитаго художника, за которую вѣрно будутъ ему очень благодарны всѣ друзья искусства, описаніемъ новаго зданія **Эрмитажа**. Оно написано, кажется или самимъ Г-мъ Кленце, или подъ его руководствомъ,— и переведено нами изъ Allgem. Zeitung, отъ 31 Декабря. Авторъ ссылается на 5 тетрадь архитектоническихъ чертежей Г. Кленца, изданныхъ въ Мюнхенѣ.

Новое зданіе Эрмитажа составляетъ параллелограммъ, въ 73 сажени слишкомъ (515 футовъ) въ длину и 53 саж. (375 ф.) въ ширину. Поперечный флигель пересѣкаетъ его, и образуетъ два пространныхъ двора, изъ которыхъ одинъ въ свою очередь дѣлится на двѣ части лѣстницею. Такимъ образомъ длина всего строенія простирается до 263 саженей (1840 футовъ). Ко входу со стороны Милліонной ведетъ крытый подъѣздъ. Этотъ подъѣздъ или, вѣрнѣе, крытый ходъ образуется изъ восьми пилястровъ, которые связуются вверху десятью переводинами изъ цѣльнаго Сердобольскаго мрамора сѣраго цвѣта. Высота колоннады — 22 фута. Потолокъ сѣней (vestibulum) поддерживается 16-ю колон-

Digitized by Google

нами изъ Финляндскаго краснаго гранита. Сѣни принадлежатъ нижнему этажу. Прямо изъ сѣней идетъ во 2-й этажъ великолѣпная лѣстница, шириною въ 22 Ф., въ три перелома изъ Каррарскаго мрамора. Влѣво отъ нижней передней—двѣ горницы для мраморныхъ антиковъ. Одна изъ этихъ комнатъ угольная и прилегаетъ къ галлереѣ продольнаго фаса, которая наполнена произведеніями ваятельнаго искусства новѣйшаго времени. За нею слѣдуютъ три комнаты, изъ которыхъ одна служитъ рабочею директору отдѣла мраморныхъ работъ; средній залъ служитъ хранилищемъ всевозможныхъ антиковъ; третья комната, которая небольшою комнатою сообщается съ дворомъ, вся уставлена древними вазами и другими сосудами. Не считая лѣстницъ и проходныхъ комнатъ, въ этомъ же этажѣ расположены: великолѣпная библіотека искусствъ, собраніе раскрашенныхъ рукописей, собраніе древностей, найденныхъ въ Керчи, которыя должны составить особый отдѣлъ; далѣе собраніе гравюръ, рисунковъ; тутъ и неоконченный еще залъ для собранія отечественныхъ рѣдкостей. По парадной лѣстницѣ и черезъ переднюю—прямой ходъ въ галлереи втораго этажа. Вотъ ихъ распредѣленіе: залы для живописцовъ Русской школы, для снятія копій, для сохраненія всѣхъ принадлежностей живописи; галлерея Нидерландской школы; особый залъ для картинъ Рембрандта; кабинетъ картинъ Вувермана; галлерея Французской школы; залъ для картинъ Рубенса и Фанъ-Дика; залы и кабинеты Италіянской школы; залъ Испанской школы; пять комнатъ для нумизматическаго кабинета; три комнаты и галлерея для собранія рѣзныхъ камней; *залъ для ложъ Рафаэля;* наконецъ — залъ торжествъ. Назначеніе этого зала — служить во время придворныхъ торжествъ соединеніемъ между Зимнимъ дворцомъ и театромъ Эрмитажа, для чего и устроены вездѣ соединительныя галлереи.

Атланты крытаго хода вытесаны изъ Олонецкаго (Сердобольскаго) гранита Русскимъ ваятелемъ Теребеневымъ, по моделямъ Мюнхенскихъ архитекторовъ. Красота и благородный стиль скульптуры, чистота отдѣлки и блескъ политуры — превосходятъ все, что было до сихъ поръ въ этомъ родѣ. Такъ какъ внутренніе дворы пространнѣе (шире) улицъ, которыя прилегаютъ къ этому зданію, то архитекторъ придумалъ открыть окна для освѣщенія комнатъ нижняго этажа, на дворъ. Въ наружной же стѣнѣ вмѣсто оконъ сдѣланы углубленія (ниши), украшенныя нава-

Digitized by Google

яніями великихъ художниковъ во всѣхъ родахъ искусства. Окна втораго этажа, раздвоенныя столбиками съ человѣческими головами (гермесами), украшены плоскими рельефами, изъ середины которыхъ рѣзко отдѣляются изображенія генія славы. На гранитныхъ консоляхъ тоже статуи художниковъ. По концамъ возвышаются павильоны, и ими начинаются боковые фасы. Нижній цоколь строенія выведенъ изъ краснаго Финляндскаго гранита; верхніе этажи—изъ желтоватаго Гапсальскаго камня. Какъ переводины и столбики (гермесы) сдѣланы изъ шлифованнаго сѣраго гранита, то и всѣ статуи, рельефы, украшенія — того же цвѣта; все это сдѣлано изъ мѣди — гальванопластическимъ путемъ и потомъ покрыто растворомъ цинка: вотъ причина превосходной гармоніи металлическихъ украшеній съ гранитными изваяніями. Рѣшетки у балконовъ и у крыши, дверныя и оконныя рамы сдѣланы изъ бронзы, или, по крайней мѣрѣ, прекрасно бронзированы. Исключая нѣсколькихъ половъ и внутреннихъ дверей,—во всемъ зданіи нѣтъ ничего изъ дерева. Всѣ кровельныя принадлежности и самая крыша (которая покрываетъ собою 80 т. квадр. футовъ) — желѣзныя; украшенія кровли сдѣланы гальвано-пластически изъ мѣди. Еще нѣтъ ничего подобнаго этому великолѣпію. Стѣны покрыты отчасти кусками мрамора. 140 внутр. колоннъ всѣ изъ цѣльнаго мрамора и гранита. Полы состоятъ мѣстами изъ мраморныхъ плитъ, а мѣстами обращены въ превосходную деревянную мозаику.

Словомъ, зданіе это во всѣхъ отношеніяхъ одно изъ самыхъ великолѣпныхъ и изящныхъ, богатыхъ и полезныхъ сооруженій.

Изъ великолѣпной Сѣверной Пальмиры перенесемся мы на поле Куликово, и сообщимъ здѣсь статью, привезенную намъ оттуда:

ОСЬМОЕ СЕНТЯБРЯ. Читая въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ извѣстіе объ открытіи памятника на Куликовомъ полѣ, гдѣ послѣ долгаго омраченія возсіяла вновь прекрасная заря нашей свободы, славы и могущества, нельзя оставить безъ особеннаго замѣчанія, что это важное въ исторіи Русскаго народа событіе, что нынѣшнее торжество, увѣковѣчившее память его для отдаленнѣйшихъ поколѣній, случились въ одинъ и тотъ же день, когда ниспослана была иная, великая радость Царскому Семейству и тьмочисленному племени вѣрноподданныхъ.

Нельзя не вспомнить, что *осьмое Сентября* мы празднуемъ рожденіе первороднаго Сына Государя Наслѣдника. Это

Digitized by Google

обстоятельство придавало особый блескъ торжеству на мѣстѣ незабвенной побѣды.

Разскажемъ по сему случаю нѣчто случившееся въ Москвѣ назадъ тому семь лѣтъ, когда особый вѣстникъ привезъ Первопрестольной драгоцѣнное извѣстіе о рожденіи Великаго Князя Николая Александровича.

Одинъ изъ владѣльцевъ Куликова поля, пораженный совпаденіемъ числъ такихъ великихъ событій, возымѣлъ смѣлость чрезъ посредство этого вѣстника представить Государю Цесаревичу найденную тамъ древность, особенно напоминающую геройскіе подвиги того же знаменитаго дня,—покрытый вѣковою ржавчиною клинокъ меча, при письмѣ слѣдующаго содержанія:

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО!

«Господь благоволилъ даровать Вамъ сына, новую драго-«цѣннѣйшую надежду отечества, въ самый день побѣды, незаб-«венной въ памяти народной, безпримѣрной въ лѣтописяхъ на-«шихъ—въ день битвы Куликовской. Это сближеніе двухъ важ-«ныхъ для Россіи событій, какъ счастливѣйшее предзнаменованіе, «усиливаетъ еще болѣе великія ожиданія, возбужденныя Его рож-«деніемъ. Оно внушило мнѣ дерзновеніе, снова предстать* предъ «Ваше Императорское Высочество съ памятникомъ, сохранившимся «со времени знаменитаго Мамаева побоища.

«Не задолго предъ симъ, посѣтивъ имѣніе свое на самомъ «мѣстѣ славнаго сраженія, досталъ я отъ одного поселянина слу-«чайно вырытое имъ оружіе, — и эту замѣчательную древность «осмѣливаюсь нынѣ повергнуть предъ колыбелью будущаго героя-«защитника своего Царства, Порфиророднаго младенца Вашего.

«Удостойте принять мое благоговѣйное приношеніе, какъ «жертву живѣйшаго усердія, какъ залогъ несомнѣнныхъ предчув-«ствій, какъ слабое выраженіе одного желанія общаго съ обѣтами «и всей обрадованной Россіи, да возрастетъ Онъ въ святомъ пріосѣ-«неніи Божіяго благословенія, въ истинное утѣшеніе Августѣйшихъ «Родителей и всего Царскаго Дома—въ живую память доблестей «великаго Дѣда, давшаго Ему Свое имя,—къ славѣ и благоденствію «знаменитаго нашего отечества.»

Москва 14 Сент. 1843.

---

* При вступленіи въ совершеннолѣтіе Государя Наслѣдника съ званіемъ Атамана казачьихъ войскъ, тотъ же помѣщикъ имѣлъ счастіе поднести Его Высочеству найденную на Куликовомъ полѣ чугунную булаву.

Digitized by Google

Его Императорское Высочество милостивымъ рескриптомъ изволилъ изъявить совершенную признательность какъ за приношеніе, такъ и за чувствованія, изложенныя въ этомъ письмѣ.

Время не замедлитъ оправдать эти предощущенія: дай только Богъ, чтобъ Россія никогда не имѣла нужды въ такихъ очистительныхъ жертвахъ, какія принесла на равнинахъ Мамаева побоища. Но если суждено ей биться еще за вѣру и независимость, или, какъ говаривали благочестивые наши предки, постоять за домъ Пресвятыя Богородицы, если суждено ей снова усмирять крамолы у сосѣдей: мы съ величавымъ спокойствіемъ возложимъ и нынѣ надежду на сонмъ Князей, возрастающихъ вокругъ Престола на охрану Руси православной, твердо вѣруя, что на главахъ сихъ Царственныхъ Вождей почіетъ выну покровъ Небесной Заступницы, чье благодатное рождество возвѣщаетъ спасеніе міру и побѣду надъ самимъ адомъ въ тоже самое знаменательное *осьмое число Сентября.* *С. Н.*

—

Въ свое время мы извѣщали объ открытіи въ **Одессѣ** богадѣльни сердобольныхъ сестеръ. Теперь можемъ представить нѣкоторыя подробности объ этомъ заведеніи.—Первая мысль основать въ Одессѣ новый христіанскій разсадникъ безмезднаго призрѣнія больныхъ возникла въ 1846 г. Главные ревнители этой мысли (Гг. Стурдза, Энно, Далласъ, Князь Гагаринъ, Карузо), для осуществленія ея, приступили къ сбору подаяній въ Одессѣ, и встрѣтили при этомъ сочувствіе многихъ. Не только частные благотворители, но и общественныя заведенія, имѣющія человѣколюбивую цѣль (Одесское женское благотворительное общество и Одесская лечебница для приходящихъ), отозвались на призывъ къ посильной помощи именемъ Христовымъ. Въ началѣ 1849 года совершена была закладка зданія на участкѣ городской земли, отведенной учредителямъ безденежно. Но какъ ни значительны были собранныя пожертвованія (около 18 т. р. с.), но ихъ недоставало на совершенное возведеніе зданія, и Правительство, по ходатайству Князя М. С. Воронцова, разрѣшило выдачу учредителямъ изъ городскихъ доходовъ денежной ссуды въ 10 т. р. с., разсроченной на 25 лѣтъ безъ платежа процентовъ. Эта важная помощь, при постоянномъ содѣйствіи частныхъ лицъ, быстро подвинула работы, и къ зимѣ прошлаго года новое зданіе доведено было до возможности помѣщенія въ немъ больныхъ и

Digitized by Google

сердобольныхъ сестеръ. Учредители въ то же время занялись внутреннимъ устройствомъ заведенія и выборомъ заранѣе благонадежныхъ лицъ, способныхъ постигать многотрудный подвигъ служенія больнымъ и достойныхъ будущаго своего призванія. Проэктъ устава удостоился Высочайшаго утвержденія на три года, въ видѣ опыта.—Богадѣльня была открыта 1 Ноября прошлаго года, на память св. безсребрениковъ Козьмы и Даміана. Въ этотъ знаменательный день, три сердобольныя сестры, давно ожидавшія перваго мановенія свыше, введены были въ домъ безмезднаго призрѣнія больныхъ, съ водосвятіемъ и молитвою, дабы предначать служеніе свое и добровольно подвергнуть себя испытанію въ теченіе цѣлаго года. Вслѣдъ за труженицами стали появляться и больные.... Наконецъ, 21 Ноября, была освящена больничная церковь, устроенная въ срединѣ зданія, при чемъ священнодѣйствовалъ и умилительно поучалъ присутствующихъ Преосвященный Иннокентій, Архіепископъ Херсонскій и Таврическій.

Наканунѣ этого замѣчательнаго дня, 20 Ноября, въ **Минскѣ** происходило освященіе вновь воздвигнутаго щедротами Государя Императора, собора во имя св. Апостола Петра и Павла. Храмъ этотъ сооруженъ на томъ же мѣстѣ, и частію на томъ же фундаментѣ, на которомъ, около 1616 г., построенъ былъ прежній соборъ св. Духа, обращенный въ послѣдствіи въ уніятскую церковь. Онъ обладаетъ безцѣннымъ для христіанъ сокровищемъ — древнею чудотворною иконою Божіей Матери, которая признается таковою даже и католиками. Икона эта, какъ пишетъ Польскій историкъ Стебельскій, поставлена была нѣкогда В. К. Св. Владимиромъ въ Кіевѣ, въ Десятинной церкви, и находилась тамъ нѣсколько сотъ лѣтъ. При разграбленіи Кіева Татарами, она брошена была въ Днѣпръ, и чрезъ нѣкоторое время явилась въ Минскѣ, на рѣкѣ Свислочи, противъ каменнаго замка, гдѣ, по необыкновенному сіянію, была замѣчена жителями города, взята и поставлена въ церкви замка (1500 г.), и находилась тамъ 116 лѣтъ, а съ того времени въ церкви Св. Духа, или нынѣшнемъ Петропавловскомъ соборѣ. Преосвященный Михаилъ, Епископъ Минскій и Бобруйскій, по окончаніи литургіи, произнесъ поучительное слово, въ которомъ живо изобразилъ судьбу Церкви нашей въ западномъ краѣ Россіи, и преимущественно въ самомъ Минскѣ, и развернулъ предъ слушателями картину бѣдствій, которыми, въ теченіе двухъ съ половиною вѣковъ, сопро-

Digitized by Google

вождалось здѣсь утѣсненіе Православія и обращеніе многочисленныхъ храмовъ нашихъ въ иновѣрческія и даже не-христіанскія молельни, такъ, что изъ всѣхъ церквей въ Минскѣ оставалось только одна, по выраженію проповѣдника, «какъ сѣмя будущаго возрожденія»....

Къ Одессѣ же относится новость, сообщаемая Парижскимъ корреспондентомъ Спб. Вѣдомостей. Онъ пишетъ, что во Франціи недавно сдѣланы значительныя закупки жернововъ, которые одинъ Французскій инженеръ намѣревается отправить въ Одессу и Крымъ, гдѣ онъ хочетъ устроить заводы на подобіе Англійскихъ, и предпринять молотьбу хлѣба въ большихъ размѣрахъ. Почему бы Русскимъ торговцамъ и капиталистамъ Одессы не взяться за это предпріятіе, обѣщающее, повидимому, значительныя выгоды....

Зима въ Одессѣ началась тепломъ и безснѣжьемъ. Въ первой половинѣ Декабря было даже такъ тепло, что древесныя почки на сирени и нѣкоторыхъ другихъ кустарникахъ налились, какъ бы при наступленіи весны.

Но почти въ это же время, въ другомъ краю Россіи, именно въ **Курской губ.** происходило совершенно противоположное явленіе. 27 Ноября, теплая погода вечеромъ быстро начала измѣняться: съ сѣверной стороны нашли тучи съ сильнымъ вѣтромъ и снѣгомъ, и холодъ достигъ до 15 градусовъ. Вьюга, при сильномъ с. з. вѣтрѣ, постоянно продолжалась двое сутокъ, такъ что въ нѣсколькихъ саженяхъ не было ничего видно. По окончаніи вьюги, найдено на поляхъ 9 уѣздовъ замерзшихъ 213 человѣкъ; всѣхъ болѣе пострадалъ у. Фатежскій (слишкомъ 80 чел.).

27-го же Ноября свирѣпствовала страшная буря въ губерніяхъ **Тульской** и **Калужской**. Сила и продолжительность вьюги (въ теченіе трехъ сутокъ) были таковы, что подобной не запомнятъ самые старые старики. Большая оттепель, предшествовавшая этой вьюгѣ, внезапно возвысившійся холодъ (до 15, а мѣстами до 20º), и церковный праздникъ Знаменія Божіей Матери, по случаю котораго во многихъ селеніяхъ были торги, увеличили гибельныя послѣдствія вьюги до того, что народъ, захваченный ею врасплохъ, валился сотнями. Изъ Калужской губерніи, черезъ нѣсколько дней послѣ вьюги, пишутъ: «Погибло большое число людей, и хотя глубокій снѣгъ не позволяетъ еще открыть всѣхъ пропавшихъ безъ вѣсти, однако до сего времени

Digitized by Google

найдено уже 311 замерзшихъ тѣлъ. Вьюга была столь сильна, что гибли даже животныя; такъ, напримѣръ, въ Жиздринскомъ уѣз. найдено нѣсколько подводъ, поѣхавшихъ въ тотъ день за дровами въ лѣсъ, въ которомъ погибли и люди и лошади. Кромѣ того, сильный вѣтеръ во время вьюги раскрылъ и разрушилъ многія строенія въ городахъ и селеніяхъ, повалилъ большое число лѣса; нѣтъ ни одного уѣзда, гдѣ бы онъ не оставилъ печальныхъ слѣдовъ.»—Въ Тульской губерніи доселѣ найдено было 140 человѣкъ, погибшихъ въ продолженіе этой вьюги.

Въ этотъ же самый день (27 Н.), въ **Верхнеудинскѣ** (Иркутской губ.) чувствуемо было значительное землетрясеніе, которое продолжалось не болѣе минуты, и, какъ слышно, не причинило никакого вреда.

А въ прочихъ мѣстахъ вездѣ болѣе или менѣе веселятся и наслаждаются жизнію, по своему усмотрѣнію и средствамъ. Провинціальные театры, напримѣръ, говоря относительно, процвѣтаютъ. Такъ въ **Севастополѣ**, по примѣру Одессы, образовались двѣ труппы: Русская и Италіянская, очень посредственныя, судя по отзывамъ мѣстныхъ критиковъ; но актеръ, играющій трагическія роли, Г. Горевъ-Тарасенковъ, по словамъ тѣхъ же критиковъ, превосходенъ. Боимся принимать вполнѣ слова Севастопольскаго рецензента; но хорошо бы уже и то, если въ нихъ есть хотя на половину правды.

Въ отдаленной Сибири, въ **Иркутскѣ** также открылся постоянный театръ. «На первомъ представленіи, пишутъ оттуда, театръ совершенно былъ полонъ, и всѣ остались въ восхищеніи отъ прекрасныхъ декорацій и костюмовъ. Составъ труппы совершенно удовлетворительный....»

Изъ **Ярославля** увѣдомляютъ, что послѣдняя половина Декабря отличалась тамъ чрезвычайнымъ разнообразіемъ общественныхъ удовольствій. «Каждый день обѣщалъ и приносилъ съ собою что-нибудь новое. Балы, концерты, театръ, олимпійскій циркъ Гверры, и наконецъ «замѣчательныя по безъискусственному, самоучному, но далеко развитому искусству, представленія мѣстнаго Раппо.» Явленію Раппо-самоучекъ считаемъ долгомъ радоваться, хотя увѣрены, что иной мужичекъ, въ простотѣ сердца и не думающій хвалиться своею силою, заткнетъ за поясъ любаго Раппо и компанію....

Digitized by Google

Извѣстныя артистки Г-жи Потожевы давали въ Костромѣ концертъ, въ которомъ участвовало нѣсколько тамошнихъ любителей музыки, а слушателей явилось слишкомъ двѣсти человѣкъ. Концертъ этотъ обнаружилъ, что у одного изъ Костромскихъ помѣщиковъ есть очень хорошій домашній оркестръ, и что капельмейстеръ его, вольноотпущенный, «отличный» музыкантъ.

Въ Воронежѣ нѣсколько лѣтъ существуетъ театръ, которому фельетонистъ тамошнихъ Вѣдомостей часто посвящаетъ свое перо. Но о Воронежѣ мы пока сообщимъ извѣстіе другаго рода. Если помните, Москвитянинъ, года съ полтора тому, извѣстилъ публику объ удивительномъ излеченіи, которое испыталъ одинъ изъ Воронежскихъ жителей, Н. В. Баталинъ. Врачи улыбнулись, прочитавъ это извѣстіе, профаны недовѣрчиво покачали головой. А теперь вновь подтверждается чудесное излеченіе. Въ Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ (№ 48), рядомъ съ историческими матеріалами — челобитьемъ стольника Морозова и росписью служилыхъ людей — мы встрѣтили статью подъ заглавіемъ: «Чудесное излеченіе нароста», написанную Г. Кармановымъ. Въ ней авторъ разсказываетъ, что у него въ 1832 г. образовался позади праваго уха наростъ, который, увеличиваясь постепенно, «не по днямъ а по часамъ», достигъ наконецъ въ ширину до 2½ вершковъ въ діаметрѣ и въ вышину до 1½ в.» При столь значительной величинѣ, онъ получилъ такую тяжесть, что началъ склоняться на шею къ правому плечу. Рѣшившись, по совѣту доктора, говоритъ авторъ-пацієнтъ, не дѣлать операціи, я приходилъ въ отчаяніе отъ усиливающихся еще болѣе болѣзненныхъ припадковъ». Прочитавъ, въ прошломъ году, статью изъ Москвитянина о новомъ способѣ уничтожать наросты безъ операціи, Г. Карамановъ обратился ко владѣльцу этого секрета — Н. В. Баталину, который съ небольшимъ въ два мѣсяца уничтожилъ наростъ, и возвратилъ здоровье своему пацієнту. Все леченіе состояло въ прикладываніи къ шишкѣ какой-то мази, составъ которой извѣстенъ одному Г. Баталину. И такъ имѣющіе несчастіе носить какіе-либо наросты благоволятъ отправляться въ Воронежъ.

Что касается до Воронежскаго театра, то, въ противоположность Севастопольскому, драма въ немъ сильно хромаетъ, а водевиль бодро идетъ, и не смотря на это, драма составляетъ непремѣнную принадлежность всякаго бенефиса.

Digitized by Google

Впрочемъ, пока довольно о провинціальныхъ театрахъ. Не представила ли какихъ новостей провинціальная литература? Представила, но не много, по крайней мѣрѣ замѣчательнаго. Назовемъ, однако, что есть.

Прежде всего, какъ объ ученомъ явленіи, должно упомянуть, что въ **Кіевѣ**, при Университетѣ Св. Владимира, открытъ конкурсъ для лицъ, желающихъ занять должность Адъюнкта по каѳедрѣ частной терапіи. Конкурренть, кромѣ выполненія обыкновенныхъ условій программы, обязанъ представить, къ 1 Августа этого года, разсужденіе на Русскомъ языкѣ на тему: «указать на тѣ успѣхи, которыми обогатились объективная діагностика грудныхъ болѣзней со временъ Леннека, обозначивъ вмѣстѣ и вліяніе, которое имѣло на терапію это новое ученіе, особенно при настоящемъ развитіи патологической анатоміи».

Въ **Воронежѣ** издаются: «Древнія грамоты, и другіе письменные памятники», относящіеся къ этой губерніи и заключающіе въ себѣ довольно любопытныхъ историческихъ матеріаловъ. Этого собранія, издаваемаго Гг. Второвымъ и Александровымъ-Дольникомъ, вышло доселѣ два выпуска. Тамъ же началось изданіе «Очерковъ Воронежской губерніи». Хвалимъ и прославляемъ.

Въ **Орлѣ** вышла первая сотня высушенныхъ растеній мѣстной Флоры, изданіе которой предприняли Гг. Тарачковъ и Поганка. Сколько извѣстно намъ, это третья Флора изъ изданныхъ въ послѣднее время: Московская успѣшно приводится къ окончанію Г. Анненковымъ, Одесская же прекратилась за смертію издателя, молодаго ботаника Гербановскаго.

«Новороссійскій Календарь» на этотъ годъ, какъ и всегда, отличается разнообразіемъ содержанія и красивою наружностію. Въ IV отдѣлѣ его, имѣющемъ не одну мѣстную занимательность, помѣщены слѣд. статьи: 1) Обозрѣніе южнаго берега Крыма; 2) Описаніе Молочанскаго колонистскаго округа; 3) Музеумъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей; 4) Химическое разложеніе воды и цѣлительной грязи Чокракскаго соляного озера, и 5) Извѣстіе о предполагаемой въ Одессѣ часовнѣ, литографированный видъ которой приложенъ къ заглавному листку Календаря.

О «Кавказскомъ календарѣ» будемъ говорить въ слѣд. нумерѣ.

Во **Владимирскихъ** Губ. Вѣдомостяхъ, издаваемыхъ подъ редакціею Г. Доброхотова, часто помѣщаются любопытныя опи-

Digitized by Google

санія мѣстныхъ достопримѣчательностей. Описывая село Воскресенское (въ 51 N°), Щенячья слобода тожъ, Г. Доброхотовъ замѣчаетъ: «Жители уѣзда, особенно крестьяне, хорошо знаютъ мѣстность окрестныхъ селеній, изъ которыхъ нѣкоторымъ присвоены народныя названія, — а когда они или отъ чего произошли — или совсѣмъ неизвѣстно отъ давности, или, ежели и есть въ народѣ какія преданія, то они иногда темны, или столь *нелѣпы*, что по этому и не могутъ перейти на страницы газеты». Позволимъ замѣтить, что авторъ напрасно жалуется на кажущуюся ему нелѣпость: чѣмъ нелѣпѣе преданіе, тѣмъ интереснѣе оно въ какомъ-нибудь отношеніи, и благочиніе Владимирскихъ Вѣдомостей отнюдь не пострадетъ отъ этой мнимой нелѣпости. Передавайте народныя созданія какъ они есть, безъ измѣненій и искаженій,—и будьте увѣрены, что заслужите спасибо.

Извѣстіе не литературное, но также относящееся къ области просвѣщенія, сообщаютъ намъ изъ **Георгіевска**. На бывшую тамъ Никольскую ярмарку привезено была товаровъ слишкомъ на 360 т. р. с., а продано менѣе чѣмъ на половину этой суммы. Въ числѣ товаровъ находились и *книги*, которыхъ привезено было слишкомъ на 1000 р. с., а продано почти на треть этой суммы. Но уже одно то, что въ Георгіевскѣ, на Кавказѣ, гдѣ главные покупатели станичные казаки и горцы изъ окрестныхъ ауловъ, что тамъ на ярмаркѣ явились книги—это обстоятельство достойно быть замѣченнымъ.

Digitized by Google

МОСКОВСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

МАГАЗИНЪ МОДЪ И РУКОДѢЛІЯ, издаваемый Г-жею Кошелевскою. Нѣсколько лѣтъ издавались въ Москвѣ «Вѣстникъ Парижскихъ модъ» и «Магазинъ рукодѣлія», издавались добросовѣстно, улучшаясь съ каждымъ годомъ. Теперь оба эти изданія, для пользы публики, слились въ одно, и отъ соединенія ихъ образовался «Магазинъ модъ и рукодѣлія», магазинъ богатый, разнообразный и обильный, наполненный самыми свѣжими новостями модъ, которыя онъ предлагаетъ своимъ читателямъ *два* раза въ мѣсяцъ. Различные узоры для вязанья, шитья и вышиванья, канвовые рисунки, выкройки, и наконецъ прехорошенькія модныя картинки, выписанныя изъ Парижа, и все это съ необходимыми объясненіями, все красивое до чрезвычайности— таково содержаніе новаго «Магазина». Онъ вмѣщаетъ въ себѣ все необходимое по части модъ и рукодѣлій, и имѣя его, не нужно запасаться ни Moniteur de la mode, ни Petit courier, ни Modes parisiennes, ни Journal des brodéries, словомъ, не нужно ничего, что составляло до сихъ поръ, такъ сказать, библіотеку изящнаго туалета. Важно еще то обстоятельство, что «Магазинъ» издается *дамою*, и что цѣна его очень умѣренна: 10 руб. сер., а съ пересылкою 11. Avis aux dames!

ГОРЫ ВЪ КУПЕЧЕСКОМЪ СОБРАНІИ. Въ послѣдніе два-три года Купеческое Собраніе оказало особенную дѣятельность въ доставленіи удовольствій своимъ многочисленнымъ посѣтителямъ. Балы и маскарады, лѣтомъ и зимою, превосходные оркестры музыки, роскошные обѣды, для которыхъ нерѣдко привозили живыхъ стерлядей за двѣсти-триста верстъ — вотъ плоды этой дѣятельности, приносящіе честь старшинамъ Собранія и полное удовольствіе гостямъ. Съ прошлаго года Купеческое Собраніе учредило библіотеку, а въ нынѣшнемъ, подражая старинѣ, устроило горы. Отдѣланы онѣ такъ красиво и удобно, бесѣдка для посѣтителей такъ уютна и даже роскошна, что желающихъ кататься

Digitized by Google

является каждый день множество, особенно по воскресеньямъ, когда на горахъ играетъ полковая музыка. Montagnes russes! говорятъ Французы. Да, господа, Русская народная забава, полезная для здоровья, не хуже гимнастики, исполненная жизни и поэзіи. Посмотрите на катанье въ ясную погоду, когда лучи солнца дробятся милліонами алмазовъ и рубиновъ на снѣжномъ коврѣ, а опушенныя инеемъ вѣтви деревъ радужно искрятся, когда

Лавиты жарче вешнихъ рѣкъ
Пылаютъ холодомъ и кровью....

когда живительный морозъ освѣжаетъ, бодритъ нашу Русскую натуру, движеніе разогрѣваетъ кровь, а сердце замираетъ отъ удовольствія, когда летишь по льдистой дорогѣ, и, кажется, готовъ закричать встрѣчному вѣтерку, какъ Пушкинскій Гусаръ звѣздочкамъ: держи правѣй!.... Посмотрите на наше катанье и въ лунную ночь, когда темно-голубое небо, усѣянное звѣздами, таинственная тишина въ воздухѣ, чудныя отраженія сребристаго свѣта и разноцвѣтные огни, разставленные по скату горы, придаютъ еще болѣе живописности одушевленной картинѣ. Прибавьте, наконецъ, звонкій, веселый говоръ, которому вторятъ хрустящій снѣгъ и полетъ санокъ, дополните все это участіемъ прекраснаго пола — и вы получите особое понятіе о нашихъ горахъ. «C'est très joli....» Подивитесь же, что это прекрасное увеселеніе стало встрѣчаться у насъ рѣже и рѣже; даже и Пресненскихъ горъ нѣтъ, и подъ Новинскимъ негдѣ покататься.... «Вашъ климатъ!».... Да, это правда, нашъ климатъ очень непостояненъ и чрезвычайно вреденъ для пріѣзжихъ гостей. Представьте, что случилось на дняхъ въ Москвѣ. Пріѣзжаетъ къ намъ, разумѣется въ видѣ туриста.... гремучій змѣй. Свита съ нимъ была таки порядочная: два льва, шакалъ, гіена и другіе господа этого рода — цѣлый звѣринецъ, словомъ. Пожаловалъ сюда гремучій змѣй вѣроятно не потому, чтобы соскучился жить на своей родинѣ, а чтобы потеплѣе было жить на свѣтѣ содержателю звѣринца. Очень рады. Проходитъ нѣсколько дней — змѣй ежится. Что съ тобою? спрашиваютъ товарищи. Брръ! холодно!.... чрезъ силу прошипѣлъ

Digitized by Google

гость. Удвоили силу жара печки, назначенной замѣнить для него природу, выписали снарядъ подъ названіемъ «нѣтъ болѣе холода въ комнатахъ,» стали топить новоизобрѣтеннымъ способомъ: нѣтъ, ничто не помогало, змѣю становилось все холоднѣе, все хуже, и чрезъ нѣсколько дней, послѣ кратновременныхъ страданій, онъ испустилъ духъ свой. Объявляя объ этой великой потерѣ, содержатель звѣринца говоритъ: «Къ несчастію моему, гремучій змѣй не могъ болѣе жить, и показываться будетъ мертвый въ спиртѣ и теперь удобнѣе можно видѣть кольца, которыми онъ обыкновенно гремитъ». (Моск. Полиц. Вѣд. N 7). Лѣтъ тридцать тому, въ Москву пріѣзжалъ бѣлый медвѣдь. Его каждые полчаса окачивали утромъ студеной — престуденой водой, градусахъ при двадцати мороза, а ему все-таки казалось жарко, и онъ поминутно разѣвалъ свою пасть для освѣженія. Угоди гостямъ! Климатъ нашъ, дѣйствительно, вреденъ, заключаютъ многіе.

P. S. Москвичи, желая оправдаться, распускаютъ слухи, что змѣй былъ чахоточный; но этому трудно повѣрить, хотя точно въ старые годы намъ показывали львовъ, которые смотрѣли баранами.

---

12 Января былъ торжественный Актъ въ Московскомъ Университетѣ, о которомъ будемъ говорить въ слѣдующей книгѣ.

Digitized by Google

МЕЛКОТРАВЧАТЫЕ *).

ОЧЕРКЪ ИЗЪ ОХОТНИЧЬЕЙ ЖИЗНИ.

Однажды, въ пасмурный осенній вечеръ, я засидѣлся у сосѣда-помѣщика, и, по неизъяснимой, привычкѣ торопиться домой, нужно ли это или совсѣмъ не нужно, я, не внимая никакимъ убѣжденіямъ, рѣшился ѣхать. Мы распрощались.

Два человѣка, держа каждый по свѣчкѣ въ рукѣ, открывали мнѣ путь по крутой и высокой лѣстницѣ; добравшись кое-какъ до послѣдней ступеньки, я невольно ахнулъ: отворенная настежъ дверь нарисовала моему вдругъ притупѣвшему зрѣнію картину самаго темнаго, мокраго и холоднаго погреба; на вершокъ отъ носа, кромѣ мрака, пахнувшаго мнѣ въ лицо, не умѣю сказать чѣмъ, ничего не было видно; одну свѣчу задуло тотчасъ; наконецъ, посредствомъ другой, выставленной на показъ вѣтру, въ вытаращенныхъ глазахъ моихъ мелькнуло на мгновеніе полобода передняго колеса и половина хвоста лѣвой пристяжной; все остальное пожиралъ мракъ.

— Игнатка, ты тутъ? — спросилъ я, подвинувшись на четверть впередъ, и махая руками по воздуху.

— Здѣсь! — отвѣчалъ Игнатка, и по звуку этого длиннаго и сухаго „здѣсь“, я тотчасъ смекнулъ, что лицо Игнатки было — живая копія съ темноты и погоды.

— Какъ же? Десять верстъ не близко. Какъ мы доѣдемъ?

— Авось.... выѣдимъ.... аглѣдимси....

Я отыскалъ ощупью кузовъ телѣжки; большая капля упала мнѣ на носъ; пристяжная встрепенулась и загремѣла бляхами; свѣчка погасла. Я сѣлъ.

---

*) *Мелкотравчатыми*, на охотничьемъ языкѣ, называются тѣ охотники, которые, по недостатку, держатъ не болѣе трехъ или пяти собакъ, и охотятся съ ними безъ гончихъ — на хлопки.

Digitized by Google

Выѣхавши со двора, нужно было повернуть тотчасъ на право, и спускаться по излучистому пригорку, окаймленному съ одной стороны садовымъ тыномъ, а съ другой отвѣсною водомоиной, которая, разширяясь постепенно, спускалась вмѣстѣ съ этимъ узкимъ проѣздомъ къ плотинѣ, пересѣкавшей большой прудъ. Эта дорога, и днемъ, какъ то извѣстно и памятно было всѣмъ и каждому, считалась не изъ лучшихъ. Дѣло въ началѣ пошло у насъ очень степенно, хотя по частому трясенію головы кореннаго битюка, я нехотя уразумѣлъ, что онъ видимо терялъ охоту къ солидному отправленію своей должности. Наконецъ онъ заблаговразсудилъ пуститься рысцой: схватясь обѣими руками за грядки телѣжки, я не успѣлъ еще порядочно одуматься, какъ одна изъ пристяжныхъ вдругъ скрылась изъ глазъ; раздалось громогласное тпррру! пара остановилась; Игнатка, крехтя, охая, и причитывая что-то, полѣзъ съ козелъ. По повѣркѣ оказалось, что она попала въ яму, изъ которой мужики роютъ глину. Употребя около получаса на устройство оборваннаго валька и упряжи, мы, наконецъ, благополучно очутились на другой сторонѣ плотины.

— Не вернуться ли, Игнатка? Судя по началу, намъ не скоро добраться до дома!

— Авось, теперь — Богъ милосливъ.... штоп-нимъ тутъ, окаянныя.... дуй васъ горой!.... середь ѣзды глину роютъ.... и баринъ-то у нихъ, согрѣшилъ-грѣшный.... Право-ну. Эхъ-ма.... домой бы....

Все это причитываніе сопровождалось придичнымъ количествомъ эховъ, вздоховъ и покряхиваній, пока Игнатка усаживалося и подбиралъ возжи; наконецъ, послышелось одно изъ невыразимыхъ междуметій, и послѣдующее затѣмъ: „Э-э-Бо-гомъ“ и лошади побѣжали рысью.

Прыть эта, однакожъ, продолжалась не долго: по судорожному встряхиванію и нисколько не усладительной качкѣ экипажа, неминуемо слѣдовало прилѣпиться къ довольно-основательной мысли, что мы прогуливаемся вовсе не по дорогѣ; послѣ изрядnаго толчка слѣдовало неизбѣжное тпррру! и немедленное отправленіе Игнатки для отысканія болѣе эластическаго пути.

Оставшись одинъ, я отъ безделья началъ приспособлять свое тупое зрѣніе къ сказанному Игнаткой „агаѣдимон.“ Успѣхъ былъ такъ великъ, что я увидалъ дугу; лошади стушевывались

Digitized by Google

съ грунтомъ. Минутъ двадцать прошло въ частыхъ переклйчкахъ; изъ причитываній, какими они сопровождались, я вывелъ заключеніе, что мы „безъ сумленія“ обойдены лѣшимъ.

На горизонтѣ мгновенно блеснула и погасла искорка огня, и заронила въ мою голову частицу свѣтлаго соображенія: если этотъ блескъ изъ кабинета сосѣда, думалъ я, то нашъ путь лежитъ налѣво; если изъ передней, то слѣдуетъ круто повернуть назадъ.

— Баринъ, а баринъ! Мы не туда ѣдемъ — сказалъ Игнатка, подойдя ко мнѣ на голосъ.

— Вѣрю, мой милый. И даже вѣрю, что мы теперь вовсе никуда не ѣдемъ, а преспокойно стоимъ на мѣстѣ.

— Какъ же быть-то?

На этотъ разъ, кажется, былъ теряль свою вспомогательную силу.

— Надо найдти дорогу, и ѣхать по ней,— отвѣчалъ я, послѣ короткаго раздумья.

— Вонъ тамъ влѣвѣ дорога есть, да видно не наша.

— А коли есть, такъ она и наша.

Вздыхая и причитывая, Игнатка велъ коренную подъ уздцы; саженей двѣсти продолжалась качка, наконецъ колеса покатились плавно; стало замѣтно, что мы перемѣнили направленіе: мелкій сыпучій дождикъ увлаживалъ мой правый бокъ. Съ помощію „аглѣдимси“, я предался наслажденію — созерцать Игнатку въ безпрерывномъ поклоненіи дорогѣ, то на право, то на лѣво; часа два времени протекло незамѣтно; лошади нѣсколько разъ порывались бѣжать рысью, но междуметія Игнатки и вожжи мѣшали ихъ усердію; наконецъ раздалось новое тпррру! и коренная уперлась въ межевой столбъ. По тщательномъ осмотрѣ оказалось, что мы стоимъ на распутьи трехъ дорогъ. Не желая получить вмѣсто одного три вопроса вдругъ, я обратился первый къ Игнаткѣ:

— Какъ думаешь, гдѣ мы?

— Идѣ это мы? Атцы мои.... Ахъ дуй-тѣ горой.... Съ нами крестная сила.... Кудажъ теперь? — было отвѣтомъ.

Черезъ десять минутъ Игнатка снова затянулъ „Э-з-Богомъ“, и лошади пустились труской по неизвѣстному всѣмъ намъ пути.

Digitized by Google

Дождикъ началъ переставать: я накрылъ голову мокрымъ воротникомъ шинели, рѣшясь ни о чемъ не думать, но часъ времени прошелъ по пустому. Стало скучно.

— Игнатка, спой что-нибудь; ты-таки мастеръ.

— Эхъ, сударь, грѣхъ-отъ какой! И гдѣ водится, чтобъ въ ефтакіе разы, кто сталъ пѣсни пѣть. Ну, неравенъ случай, какъ съ дядей Никифоромъ.... Ну, какъ не приведи.... да-вотъ.... съ нами крестная сила.... — Игнатка поспѣшно началъ креститься.

Впереди насъ, казалось невдалекѣ, вдругъ заблистало нѣсколько отдѣльныхъ огоньковъ; всѣ они какъ будто были въ движеніи; нѣкоторые изъ нихъ свѣтились очень ярко и отбрасывали искры, другіе были слабѣе, но передъ ними двигались какія-то неизвестныя фигуры и тѣни. Полагая, что эта перестановка происходила отъ движенія нашего экипажа, я велѣлъ остановиться; но сумятица все-таки продолжалась: всего же страннѣе было видѣть то, какъ одинъ изъ этихъ огоньковъ вдругъ исчезалъ, и на мѣстѣ его тотчасъ появлялся другой гораздо ярче и пламеннѣе, и вслѣдъ за тѣмъ снова начиналось передвиженіе.

— Э-ва! расплясались! Чтожъ, сударь, куда теперь ѣхать прикажете?

— Ступай прямо на освѣщеніе.

Вмѣсто должнаго исполненія, Игнатка обернулся, и смотрѣлъ мнѣ въ глаза.

— Говорятъ тебѣ, ступай.

— Баринъ, а баринъ!.... Неужто вы занапрасно хотите душу губить!

— Дуракъ, гдѣ есть огонь, тамъ навѣрное если не тепло то сухо, Пошелъ прямо!

Вздохнувъ глубоко, Игнатка повиновался. Не смотря на близость освѣщенія, мы ѣхали не меньше часа, то спускаясь въ лощины, то поднимаясь на бугры; по мѣрѣ приближенія нашего къ освѣщенію, оно слабѣло и погасало; не желая потерять изъвида и послѣдняго изъ этихъ свѣточей, я велѣлъ свернуть съ дороги и ѣхать прямо; послѣ мучительнаго переѣзда по пашнѣ, мы выбрались на луговину, и очутились у опушки лѣса, на концѣ котораго временами еще блестѣлъ огонекъ. Пропутавъ довольно долго между порубей и кочекъ, мы снова попали на дорогу, которая шла близъ самой опушки. Разсчитывая по мѣсту и вре-

Digitized by Google

мени, я былъ вполнѣ увѣренъ, что мы находились вблизи видѣннаго нами огня: въ воздухѣ былъ слышенъ запахъ дыма и копоти, и сквозь густую кущу деревъ блеснула синеватая искорка угасавшаго огня; но въ ту минуту, какъ я намѣревался остановиться для освидѣтельствованія этой надежды на просушку, сонная чаща, казалось, пробудилась. Въ одно мгновеніе послышался звонъ желѣза, шумъ, трескъ, лай и ревъ огромной стаи псовъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вся эта орава, казалось, со всею кущею березъ, дубовъ и осинъ, рушилась прямо на насъ: болѣе я ничего не ввидѣлъ, потому что въ это время раздался въ ушахъ моихъ неистовый крикъ Игнатки, и лошади во весь духъ помчали насъ снова на кочковатый лугъ. Уцѣпившись крѣпко за телѣжку, я несся какъ стрѣла; кувыркаясь со стороны на сторону, бросая возжи и закрывъ лицо руками, Игнатка, при каждомъ толчкѣ, прыгалъ передомною какъ эластическій мячъ; раздался одинъ изъ самыхъ сокрушительныхъ ударовъ о пень, телѣжка крякнула, наконецъ Игнатка прыгнулъ выше обыкновеннаго, и, въ то же мгновеніе, вмѣсто его заплясала передо мной дуга; склонившись на бокъ, я промчался еще нѣсколько саженей впередъ; наконецъ послѣдовалъ отчаянный скачекъ внизъ, дуга скрылась, подо мной что-то грохнуло, плеснуло, я щелкнулъ зубами и очутился верхомъ на пристяжной. »Оглѣдѣмшись«, я увидалъ вверху надъ собой цѣлую стаю скованныхъ попарно собакъ: всѣ онѣ, казалось, не рѣшались приблизиться ко мнѣ по причинѣ крутаго спуска; вскорѣ послышалось хлопанье арапниковъ, и какіе-то сиповатые голоса кричали: »атрынь! къ нему! въ стаю!« Вмѣсто Игнатки надо мной вверху, между собаками, появились двѣ длинноватыя тѣни, въ родѣ человѣческихъ.

По пересылкѣ изряднаго количества вопросныхъ пунктовъ, сверху внизъ и снизу вверхъ, двѣ тѣни тотчасъ превратились въ Ипатку и Ваську, двухъ смиренныхъ выжлятниковъ графа Атукаева, моего давнишняго знакомца, который, находясь въ эту ночь въ отъѣзжемъ, изволилъ раскинуть въ лѣсу палатку и развести эти блудящіе огни, такъ долго служившіе мнѣ вмѣсто маяка.

По окончаніи спросовъ и допросовъ, я вскорѣ былъ вызванъ тѣнями на сухую почву, и, съ помощію прибывшихъ на голосъ ихъ псарей, прежде всего пустился въ розыски. Видя,

Digitized by Google

что всѣ призывы остаются безъ отвѣта, мы вооружились фонаремъ и съ нимъ уже нашли посередь луга четырехъ гончихъ, которыя что-то усердно обнюхивали. Мы вошли туда: помѣстясь между двухъ мягкихъ кочекъ, Игнатка лежалъ вверхъ носомъ, и смотрѣлъ на все изступленными глазами. Только мой голосъ способенъ былъ вызвать его изъ этой нѣмой созерцательности. Сложа всѣ доказательства во-едино, мы наконецъ привели его въ чувство; но убѣжденіе въ томъ, что мы были обойдены лѣшимъ, онъ далъ себѣ клятвенное обѣщаніе сохранить *по конецъ гроба жизни*, и отправился вытаскивать лошадей изъ тины.

Между тѣмъ, огни запылали снова; я подошелъ къ одному изъ костровъ, надъ которымъ кипѣла въ большомъ котлѣ собачье кушанье, и, вынулъ изъ кармана часы: стрѣлка показывала три. Послѣ часовъ, глазамъ моимъ предстали три огромныя фуры, такой емкости и величины, что каждая изъ нихъ способна была поглотить самую многочисленную семью правовѣрнаго Кутуфты.

Одна изъ этихъ громадъ была на рессорахъ, длиннѣе прочихъ, и, по множеству круглыхъ окошекъ, прорѣзанныхъ въ обоихъ бокахъ кузова, являла изъ себя собачью колесницу. Кромѣ этихъ великановъ экипажной породы, подъ сѣнію ихъ стояли дрожки и другіе крытые экипажи, и, сверхъ того, въ разныхъ мѣстахъ, смиренныя Русскія телѣги, вокругъ которыхъ, пятками и десятками, стояло около шестидесяти сѣрыхъ лошадей.

Обрамленная съ обѣихъ сторонъ двумя строгими лѣса, площадка вдавалась мысомъ въ напротивную кучу ельника, подъ сѣнью котораго бѣлѣлась въ полумракѣ низенькая палатка, а подлѣ нея—нѣсколько шалашей, наскоро устроенныхъ изъ вѣтвей, соломы, попонъ и войлоковъ.

Одно изъ самыхъ огромныхъ пепелищъ было обставлено треножниками; кострюлями, котлами, ящиками, самоварами и прочими кухмистерскими принадлежностями; кромѣ того въ разныхъ мѣстахъ было постлано множество соломы, на которой покоились борзыя, или тутъ свернувшись кренделькомъ, или на всемъ боку, нѣжно потягиваясь и выпрямляя усталыя ноги.

Я раскурилъ сигару, и занялся разсматриваніемъ подробностей этой картины. Псари и конюхи пробуждались поочередно, и выпалзывая, то изъ среды борзыхъ, то изъ чащи, немедленно приступали къ исполненію должностей; лошади нача-

Digitized by Google

ли потихоньку рычать и постукивать хвостами, храбро поглядывая на приступающихъ съ горбами къ одной изъ фуръ, для насыпки овса; то вдругъ которая-нибудь изъ собакъ вскакивала, садилась на четвереньки, горбилась, зѣвала, вытягивала шею, и потомъ, сдѣлавъ нѣсколько вольтовъ на мѣстѣ, ложилась снова и свертывалась въ клубокъ: эта перекладка на другой бокъ сопровождалась неизбѣжнымъ рычаньемъ одной или обѣихъ сосѣдокъ; иныя изъ нихъ были такъ неуживчивы, что вскакивали сами, съ явнымъ намѣреніемъ къ дракѣ: затѣвалось общее ворчанье; въ такомъ случаѣ немедленно присоединялся къ нимъ голосъ котораго-нибудь изъ псарей: »Но-о! а-си-на! въ овал-ку«, и спокойствіе водворялось. По примѣру борзыхъ, я также началъ повертываться передъ пылавшимъ костромъ. Но вотъ въ палаткѣ послышалось одно изъ тѣхъ многознаменательныхъ покрякиваній, которое на всѣхъ древнихъ и новыхъ нарѣчіяхъ значитъ одно: „я проснулся по своей волѣ“; черезъ минуту раздалось мягкое, эластическое „ай!“, и два псаря побѣжали къ крайнему шалашу:—„Артамонъ Никитичъ, Артамонъ Никитичъ! графъ проснулся.“ Въ отвѣтъ на это раздалось громкое и быстрое „сейчасъ“, и высокій, стройный малый выскочилъ изъ шалаша въ одномъ жилетѣ. Онъ тотчасъ напялилъ на себя темный казакинъ, и не мешкая отправился къ ящикамъ: вынулъ серебряный судокъ съ пустымъ стаканомъ, подъ лѣвую мышку захватилъ графинъ съ водой, а къ правую руку взялъ бутылку съ фонаремъ.

На встрѣчу къ нему изъ палатки вышла красивая сѣрая собака, потянулась сначала назадъ, потомъ напередъ, потомъ уперлась на всѣ четыре лапы, мощно встряхнулась, загремѣла ошейникомъ и замахала хвостомъ, привѣтствуя Артамона Никитича.

Отправясь вслѣдъ за графиномъ и бутылкой, я слышалъ въ началѣ явственные признаки полосканія графскаго рта, потомъ полосканіе стакана и всплескъ воды на траву, потомъ, когда вслѣдъ за этимъ всплескомъ стаканъ снова началъ наполняться жидкостью, уже не изъ графина, а изъ бутылки, я успѣлъ раза два погладить мягкіе и красивые завитки сѣраго Чауса.

— Кажется ночью былъ дождикъ?—спросилъ Атукаевъ своего камердинера, послѣ трехъ звучныхъ глотковъ.

Я тотчасъ смекнулъ, что человѣкъ, имѣвшій удовольствіе размачивать себя впродолженіе семи часовъ, имѣетъ полное

Digitized by Google

право доносить о дождяхъ, снѣгахъ и прочихъ выскочкахъ природы, а потому, не желая вводить въ грѣхъ полусонного камердинера, входя въ палатку, сказалъ:

— Былъ, и очень порядочный.

Въ отвѣтъ на это донесеніе, меня встрѣтили неизбѣжныя:— ба, ба, ба! и слѣдующія затѣмъ привѣтствія, что я свалился съ неба.

— Просто-напросто, твои выжлятники вытащили меня изъ какой-то трясины, — сказалъ я, усаживаясь на грѣшную постель, состоявшую изъ полукопны сѣна, застланной Персидскимъ ковромъ.

Послѣ этого немедленно пошло въ ходъ подробное описаніе моего путешествія, въ замѣнъ котораго, по примѣру новѣйшихъ романистовъ, слѣдовало бы тотчасъ заняться описаніемъ графской особы, но мы отложимъ это докучное занятіе до болѣе удобнаго времени, а на мѣсто его приведемъ на видъ одно лишь идущее теперь къ дѣлу заключеніе отставнаго корнета Трутнева, который, перечитывая на досугѣ одну изъ главъ уѣздной характеристики, постоянно оканчиваетъ ее слѣдующею однообразною формулою: „вотъ, хоть бы Атукаевъ, даромъ, что графъ—и по богатству и по всему, кажется бы слѣдовало имѣть свою амбицію — а посмотрите, что такое: такъ себѣ, нашъ братъ — Савка!“

— И прекрасно, — сказалъ Атукаевъ, выслушавъ до конца мое повѣствованіе, это тебѣ въ наказаніе за постоянные отказы, потѣшиться вмѣстѣ съ нами хоть одинъ денекъ. Ну, теперь, какъ же ты хочешь поступить на счетъ дальнѣйшаго странствованія?

— Это будетъ зависѣть отъ тѣхъ удобствъ, какія представитъ мнѣ мой экипажъ при появленіи своемъ изъ болота.

— А по моему, такъ эту статью придется повести иначе.

— Какъ же?

— А вотъ какъ это мы устроимъ. Во первыхъ, ты, какъ приблудная овца, волею-неволею, долженъ будешь прилѣпиться къ нашему стаду, и я, какъ пастырь, беру тебя на день подъ свою опеку. Второе и главное есть то, что у меня вчера здѣсь былъ передохъ (*), и вечеромъ подъ выли пять голосовъ въ Кот-

*) Дѣвка.

Digitized by Google

ловинѣ, да два отозвались въ Асогинскихъ; поэтому мы нынче обѣдаемъ въ Клинскомъ, а вечернее поле беремъ въ Глѣбковѣ: оттуда, какъ тебѣ извѣстно, останется до дома всего-то восемъ верстъ: слѣдовательно, Игнатка твой откормитъ здѣсь лошадей и увезетъ на парѣ телѣжку домой; третья, осѣдланная, уйдетъ вмѣстѣ съ кухней и моими заводными въ Климовское; ты пересядешь на нее въ Глѣбковѣ, и черезъ полчаса — дома! Гутъ?

— Да еще какой гутъ! просто, на-славу.

— Ну и чудесно. Значитъ, ты теперь въ моемъ распоряженіи?

— Въ полномъ. Однимъ словомъ, я до вечера — одна изъ самыхъ послушныхъ овецъ твоихъ, и попечительство начнется тѣмъ, что ты велишь тотчасъ подать мнѣ стаканъ самаго горячаго чая, потому что я продрогъ до костей.

— Ну и прекрасно. Эй! Чая! Притомъ же, не забудь, что ты теперь отъ дома за тридцать верстъ: слѣдовательно, Игнатка твой тоже явится во свояси не раньше вечера.

Въ это время я отвернулся къ стоявшему въ углу фонарику, чтобъ раскурить сигару, и вдругъ почувствовалъ какъ двѣ руки закрыли мнѣ глаза, и звонкій теноръ произнесъ надъ ухомъ:

— Узналъ?

— Узналъ, — отвѣчалъ я наугадъ, желая скорѣй освободиться; но этимъ не кончилось: я долженъ былъ выдержать полный курсъ обниманій, прижиманій и лобзаній, и только по окончаніи этой давки могъ явственно отличить высокую фигуру Луки Лукича Бацова отъ дубленаго полушубка, облекавшаго оную.

— Каковъ! прискакалъ! слышалъ, братецъ, слышалъ все, какъ ты тамъ въ болотѣ.... ну, да это пустяки. Вообрази, мы почти годъ какъ не видались; ну, да это пустяки. А вотъ что: вчера подвыли семерыхъ; а главное, вообрази, Карай-то мой, Карай! третьяго дня — лису матерую, то есть, можешь ты себѣ представить, съ первой угонки, какъ вложился — джи!....

Лука Лукичъ не окончилъ еще начатаго рукою жеста, выражавшаго по его мнѣнію ловкость и удальство Карая, какъ изъ шалаша, сосѣдняго съ палаткой, послышался знакомый мнѣ голосъ Г. Стерлядкина.

— Вретъ, все вретъ! Не вѣрьте ему....

Digitized by Google

— Такъ и поволокъ—продолжалъ Бацовъ.

— Ну, что онъ такъ оретъ, съ просонокъ, эта шучья часть, не вѣрь, братецъ, онъ что ни скажетъ, все пустяки. Здравствуй, графъ. А гдѣжъ Хлюсниковъ?

— Эй! Подать сюда Печурчика — сказалъ графъ людямъ. — Да онъ вчера такъ нехлестался, что, я думаю, и теперь еще не пришелъ въ память.

— Ничего,—кричалъ Стерлядкинъ изъ шалаша.—Это ему не въ первый разъ, да и не въ послѣдній. Здравствуй, графъ, каково спалось подъ дождикомъ?

— Хорошо. А у васъ вчера что-то долго шла потѣха, Ну, что: на чемъ рѣшили?

— Извѣстное дѣло на чемъ. Карая нынче придется по хвосту.

— Слышишь, Лука,—сказалъ графъ, обратясь къ Бацову — и ты въ силахъ будешь перенести этотъ ударъ? А съ кѣмъ идетъ?

— Съ Азарнымъ—кричалъ Стерлядкинъ.—На перваго подозрѣннаго, прибылые не въ счетъ; да еще добро бы до первой угонки, а то прямо на-завладай.

— Ого! Ну что ты, братъ, Лука; ужъ видно на прямикъ съ ума спятилъ! воля твоя, у меня вчужѣ сердце замираетъ. Добро бы еще на дюжину шампанскаго, а, то, посуди самъ: вѣдь это срамъ на всю жизнь.

Бацовъ молча покручивалъ усы; замѣтно было, что онъ начиналъ трусить. — Пустяки! — сказалъ онъ наконецъ, но уже не такъ быстро и отчетливо.

— У тебя все пустяки! А разсуди-ка самъ: Карай, слова нѣтъ, собака добрая, во всѣхъ ладахъ, — да молода; притомъ же, ты самъ знаешь — псовая, пылкая, слѣдовательно на коротке; сверхъ того, коли не осердишься, я скажу правду: онъ братъ, у тебя больно подуздоватъ! а коли ты охотникъ съ толкомъ, такъ знай, что подуздоватая собака всегда не повинится. Кудажъ ты заѣхалъ? Добро бы на садочнаго, да еще до угонки; а то, давай намъ подозрѣнаго, да материка: акъ-куда хватилъ! Съ Азарнымъ — шутка! Нѣтъ, братъ; я Азарнова знаю.... Графъ не кончилъ и началъ велушиваться. За палаткою шла страшная возня: „слышь, прочь, прибью; подлецъ буду — прочь; зарѣжу!..“

Digitized by Google

Я выглянулъ изъ палатки.

Въ шалашѣ, изъ котораго недавно появился камердинеръ, лежалъ маленькій человѣчекъ въ заячьемъ полукафтанѣ, и размахивалъ по воздуху ногами, отбиваясь отъ двухъ псарей, которые старались завладѣть имъ. По голосу и складу бранчивой и отрывистой рѣчи, я тотчасъ узналъ въ немъ Петра Сергѣича Хлюстикова.

— Тащи, тащи его! — кричалъ голосъ изъ палатки.

— Слышите, Петръ Сергѣичъ, графъ кличетъ; пойдемте, — говорилъ псарь.

— Пошелъ, дуракъ! ты видишъ я сплю.

— Нельзя: приказано будить.

— У-у! Нельзя, нельзя, скотина! прочь убирайся!

— Петръ Сергѣичъ, извольте вставать.

— Бери, бери, тащи его! — раздался голосъ Бацова.

— Петръ Сергѣичъ, Лука Лукичъ зоветъ....

— Лу-ка! Лу-кичъ! Скажи ему, что онъ такой же дуракъ, какъ и ты.... А Карай, просто, шалава....

Въ палаткѣ раздался общій хохотъ.

— Тащи, тащи его, — кричалъ Стерлядкинъ, выступая изъ шалаша въ колпакѣ и бѣличьемъ халатѣ.

— Еще одинъ! А-а-й! не буду. Голубчики, пустите.... Иду, право иду,—кричалъ Хлюстиковъ, барахтаясь на рукахъ у псарей.

Въ палатку подали чай.

Хлюстиковъ явился вслѣдъ за самоваромъ.

Украшенное тройнымъ комплектомъ веснушекъ лицо его было до крайности мало, и въ минуту выражало на себѣ тысячу различныхъ оттѣнковъ; темнокаштановые курчавые волосы, наперекоръ всѣмъ причинамъ, постоянно убѣгали вверхъ; вообще же, сочетаніе всѣхъ мелкихъ частицъ этого дѣтскаго лица носило выраженіе, порождавшее въ каждомъ невольный смѣхъ. На взглядъ, Хлюстикову было лѣтъ около пятидесяти.

Онъ подобострастно подошелъ къ постели Атукаева, который погладилъ его по головѣ, и потрепалъ по щекѣ.

— Вотъ, Петрунчикъ, умница; всталъ раненько; а теперь пойдетъ умоется, расчешетъ голову, и явится къ намъ молодецъ-молодцомъ.

— И подадутъ ему тотчасъ стаканъ чая — сказалъ Бацовъ, ударяя на слово: чая.

Digitized by Google

— Чая.... дуракъ! Я не гусь.... Эй! Ча-ла-экъ! Отставному губернскому секретарю Петру Сергѣеву сыну Хлюстикову — трубку, водки и селедки; но-о!—Эти слова были произнесены такимъ важнымъ тономъ, что всѣ невольно захохотали.

Въ минуту было подано то и другое.

Взявши въ одну руку коротенькую трубочку, а въ другую налитую рюмку, Хлюстиковъ значительно подмигнулъ глазкомъ, крякнулъ, плюнулъ, показалъ языкъ Бацову, и мигомъ опорожнилъ рюмку; но въ то же мгновеніе глаза его выпучились, лицо сморщилось и повелось судорогами; онъ вздрогнулъ и сердито швырнулъ рюмку человѣку подъ ноги.

Разразился общій смѣхъ.

— Пад-ле-цу-ксу-су-су.... — болталъ Хлюстиковъ, харкая и отплевываясь.

Наконецъ, онъ жадно приступилъ къ куренью. Послѣ трехъ сладостныхъ затяжекъ, передъ носомъ Хлюстикова взлетѣлъ огненный фонтанъ отъ вспыхнувшаго пороха, положеннаго на дно трубки, и Хлюстиковъ въ испугѣ опрокинулся на графскую постель. Наконецъ, онъ вскочилъ, и съ бранью убѣжалъ въ шалашъ.

Допивши второй стаканъ чая, я вышелъ изъ палатки.

Игнатка мой сладко дремалъ, растянувшись передъ пылавшимъ костромъ; испачканныя въ грязи и тинѣ лошади исправно ѣли овесъ, опустя головы въ изломанную телѣжку, которая оказалась вовсе негодною къ употребленію. Вокругъ меня все было въ суетахъ и движеніи: псари осѣдлывали лошадей; кучера впрягали другихъ въ брики и колесницу; повара укладывали кострюли въ ящики; выжлятники смыкали гончихъ; стремянный, съ двумя борзятниками, подлавливалъ графскихъ сворныхъ, и пихалъ въ колесницу. Между охотниками шли безпрерывныя перебранки и пересмѣшки; собаки выли, прыгали, вытягивались и махали хвостами, ласкаясь къ своимъ хозяевамъ.

— Глядь-ка, глядь, Кирюха! Савелій Трофимычъ знаетъ таки учливость, — сказалъ борзятникъ Егорка своему сосѣду.

Всѣ обратились къ колесницѣ.

Тамъ, передъ графскимъ стремяннымъ, стоялъ старичекъ-охотникъ, лѣтъ шестидесяти, безъ шапки, и низко кланялся; на рукахъ у него лежала тощая борзая собаченка.

— Эхъ, Трофимычь, твою-бы Красотку, замѣсь каляски, хоть и повыше куда вздыбить, такъ въ тужъ пору....

Digitized by Google

Охотники засмѣялись.

— И, что вы, батюшка Ларіонъ Петровичъ: собака — мысль; передъ Богомъ не лгу; не перебрамшись, слабосилокъ, въ разлинкѣ. А да-ка намъ!.... Намедни, какъ по матеромъ-то, она, съ графской Заиграй, постреленокъ, ухо въ ухо! передъ Богомъ не лгу.... ажно сѣдло подо мной затрепыхало.... Поди, матушка, подь-туды, подь....—продолжалъ старикъ, сдавая свою любимицу стремянному на руки.

Собака мигомъ очутилась въ рыдванѣ, и, глядя въ окошко на удалявшагося Трофимыча, жалобно взвыла.

— Ишь она, къ почету-то не привыкла, — сказалъ Егорка.

— Незамай, графъ увидитъ; она въ тѣпоры за сукъ уцѣпится, — отвѣчалъ Кирюха, затягивая подпругу.

Я еще разъ взглянулъ на спавшаго Игнатку, и мнѣ стало жаль будить его. Съ правой стороны, сквозь чащу, начала просвѣчивать заря. Я пошелъ снова къ палаткѣ: тамъ былъ слышенъ голосъ Бацова; ко мнѣ несли на встрѣчу разные пожитки. Графъ былъ уже одѣтъ. Хлюстиковъ по прежнему сидѣлъ на постели подбоченясь, и, прищуря глазъ, насмѣшливо поглядывавъ на Бацова.

— Это пустяки, — продолжалъ Бацовъ. — Послѣ этого ты станешь увѣрять меня, что я не человѣкъ.

— Конечно, развѣ ты человѣкъ! Ты — Бацовъ. Графъ, голубчикъ, прикажи дать рюмочку.

— Петрунчикъ, ты, душка, кажется намѣренъ съ утра сдѣлаться никуда не годнымъ, — сказалъ Атукаевъ, щипля его за щеку. — Этимъ ты меня очень огорчишь.

— Голубчикъ, ваше сіятельство. Одну только, право одну. Я вѣдь по одной пью.

— Ну, нечего дѣлать. Дай ему мадеры.

— Только, побѣлѣй, этой — знаешь, великороссійской, изъподъ орла....Кхе!—Тутъ Хлюстиковъ щелкнулъ языкомъ, заболталъ ногой и выразилъ многозначительную мину.

— А знаешь ли за что его изъ суда выгнали? — спросилъ Бацовъ, обратясь ко мнѣ.

— Хе! Меня выгнали, догадались: а тебя вовсе не пустятъ.

Хлюстиковъ мигомъ опорожнилъ рюмку, щелкнулъ языкомъ и отпустилъ новую гримасу.

Digitized by Google

Наконецъ люди начали снимать палатку, а мы стали собираться въ походъ.

Отдавъ наскоро кое-какія порученія своему кучеру, я поспѣшилъ къ обществу.

Шестьдесятъ гончихъ стояли въ тѣсномъ кружкѣ, подъ бдительнымъ надзоромъ четырехъ выжлятниковъ и ловчаго, одѣтыхъ въ красныя куртки и синіе шаравары съ лампасами; у ловчаго, для отличія, грудь и шапка были обшиты позументомъ. Борзовики были одѣты тоже однообразно, въ верблюжьи полукафтанья, съ черною нашивкою на воротникахъ, обшлагахъ и карманахъ; рога висѣли у каждаго черезъ плечо на пунцовой гарусной тесьмѣ, съ кистями. Всѣ они были окружены своими сворными собаками и держали за поводья бодрыхъ и красивыхъ лошадей сѣрой масти.

Намъ подвели осѣдланныхъ лошадей; людямъ начали подносить вино.

— Ну, смотри у меня,—началъ графъ, обратясь къ охотникамъ,—на лазу стой, глазъ не раскидывай; проудилъ—не твоя бѣда, прозѣвалъ—ремешкомъ поплатишься. Чуть заприметилъ, что красный звѣрь пошелъ на тебя: не зарься, дай поле; поперечь, а то въ щипецъ нажидай; другъ на друга не напирать; хлопай въ стаю, коли видишь, что не въ мѣру. Чуть зазрѣлъ, особенно лису — заопушничала подлѣ тебя безъ помычки, на гляди стой, не дохни; а мѣсто есть на пролазъ, тотчасъ рогъ ловчему посылай. Ты, Кондрашка, смотри, берегись: я видѣлъ самъ прошлый разъ, какъ ты Бацовскую лису, безъ голосу, втравилъ въ отъемную вершину.... А главное, на драку безъ толку не подавать; у всѣхъ васъ есть эта замашка; глядишь, чуть щелконула которая, или тамъ увидалъ полѣно али трубу, и пошелъ кличь кликать; и всѣ дурачье сыплютъ къ нему, а ловчій хоть умирай на рогу: „у насъ, дескать, своя забота!“ Вотъ я за вами самъ начну присматривать. Садись!— Люди начали садиться на лошадей; собаки радостно взвыли и заметались вокругъ охотниковъ.

Ловчій со стаею тронулся впередъ; за нимъ поплелась длинная фура съ борзыми; доѣзжачіе разравнялись по три въ рядъ: раздался свистокъ; Егорка поправилъ на себѣ шапку, тряхнулъ головой, откашлянулъ, приложилъ руку къ щекѣ, и залился звонкимъ, переливистымъ теноромъ:

Digitized by Google

»Ахъ, не бѣлы снѣги во чистомъ полѣ«

Еще свистокъ, и двадцать шесть стройныхъ, спѣтыхъ голосовъ грянули разомъ:

«Забѣлѣли.»

Изъ лѣсу эхо отвѣтило намъ вслѣдъ:

«Эхъ, забѣлѣли!»

Русское солнышко засвѣтило намъ съ лѣвой руки.

Отойдя съ версту, мы увидѣли въ сторонѣ маленькую деревушку. Графъ приказалъ охотникамъ идти до мѣста, а мы повернули на право, и, въ сопровожденіи трехъ стремянныхъ, поѣхали рысью по узкой проселочной дорожкѣ. У крайней избы стояли пять осѣдланныхъ разномастныхъ лошадей; возлѣ нихъ бродило около дюжины борзыхъ собакъ и два человѣка въ нагольныхъ полушубкахъ, туго подпоясанныхъ ремнями.

— Вотъ и наши мелкотравчатые,—сказалъ Атукаевъ, слѣзая съ лошади.

На встрѣчу къ намъ выбѣжалъ изъ избы низенькій, плотный, съ крошечными усиками и распухлыми щеками, не старый человѣчекъ, въ сѣренькомъ казинетовомъ сертучкѣ, и началъ раскланиваться на всѣ стороны.

— Что, ваше сіятельство, заждались? а мы было тотчасъ только что... — сказалъ онъ, пожимая съ низкими поклонами руку Атукаева.

— Вотъ, прошу познакомиться: нашъ помѣщикъ Прудневъ; — сказалъ Атукаевъ, обратясь ко мнѣ.

— Очень пріятно-съ. Честь имѣю рекомендоваться,—лебезилъ Трутневъ, шаркая ногами.

— Я, кажется, уже имѣлъ удовольствіе васъ встрѣчить?

— Ахъ да, виноватъ: у Трещоткиныхъ....онѣ признаться сказать, не многожко мнѣ сродни... Здравствуйте, почтеннѣйшій Петръ Сергѣевичь; мое вамъ почтеніе, Лука Лукичь! Степану Нетровичу....

Трутневъ остался на крылечкѣ съ Стерладкинымъ; мы вошли въ просторную крестьянскую избу: два окна на улицу и одно на дворъ, печка, полати и кругомъ лавки; въ красномъ углу стоялъ длинный столъ: одна половина его была исчерчена густо мѣломъ и завалена картами; на другомъ концѣ стоялъ графинъ съ водкой, а подлѣ него, солонка, кусочикъ чернаго хлѣба и полуизгрызенный кренделекъ. Тутъ же, опершись локтемъ

Digitized by Google

о конецъ стола, низко наклонясь къ полу и задумчиво опустя лысую голову, сидѣлъ осанистый мужчина, въ телячьемъ ярга-кѣ; онъ держалъ между пальцевъ на вѣсу погасшую трубку, и не обращая ни на что вниманія, разсуждалъ самъ съ собою.

— Мо-шен-никъ ты.... валетъ семь-съ пол-тиной ... пароль проигр алъ! Са-а-враса-го взять — нѣтъ, Володь-ка, до-рого! — бормоталъ сидящій.

Явился человѣкъ, потеръ полою столъ, и убралъ карты; потомъ протянулъ руку къ графину.

— Сто-ой, дур-ракъ. Ку-да! — завопилъ разсуждавшій. Онъ медленно поднялъ отягченную главу, и уставилъ въ насъ оловянные глаза: — Гра-бит-ели! валетъ про-п-гралъ! — произнесъ онъ, опускаясь снова, и уронилъ трубку на полъ.

— Этотъ теперь ни на что не годенъ, — сказалъ Бацовъ.

Вбѣжалъ Трутневъ, и началъ торопливо будить протянутаго вдоль лавки мужчину въ синемъ пальто, съ густыми бакенбардами.

— Степа, а Степа, вставай! Графъ пріѣхалъ.

Степа отбивался локтемъ и бормоталъ:—От-стань...не хочу. . ну, пошелъ....не буду...

— Экъ-ты ихъ какъ усахарилъ, — сказалъ Бацовъ Трутневу.

— Степа....Графъ!—крикнулъ Трутневъ надъ самымъ ухомъ.

Степа обернулся, отѣнилъ глаза рукою, всмотрѣлся, и вскочилъ какъ встрепаный.

Въ это время Хлюстиковъ овладѣлъ графиномъ, налилъ рюмку, и запѣлъ: „здравствуй рюмочка, прощай винцо“....

— Ахъ, Mr. le comte! Mille pardons! Извините, право; извините, — болтали бакенбарды, и кинулись будить лысину.

— Петръ Ивановичь! чтожъ ты? мы всѣ....

— Гра-би-тели; валетъ про-иг-ралъ! — отвѣчалъ Петръ Ивановичь, и опустился еще ниже.

—Ну, незамай его-травить тутъ—сказалъ Бацовъ, и мы вышли.

Полями, буграми, лощинами, перелѣсками, то тротомъ, то шагомъ, проѣхали мы верстъ десять, и наконецъ, спускаясь на луговину, услышали стройный хоръ удалыхъ пѣсельниковъ. Завидя насъ, они тотчасъ перестали пѣть, и начали поить у ручья лошадей и выпускать борзыхъ изъ фуры. Освобождаясь отъ заточенія, собаки радостно взвывали, прыгали, потягивались и ласкались къ лошадямъ и охотникамъ. Нѣкоторыя изъ нихъ стрѣ-

Digitized by Google

лой помчались къ намъ, и съ радостнымъ визгомъ начали прыгать на сѣдлы къ своимъ господамъ.

— Ты, Ларка,—сказалъ графъ стремянному—возьми теперь къ себѣ Обругая, Крылата и Язву; а мнѣ, къ Чаусу, Злюпма и Наградку: а Сокола и Пташку отдай тому охотнику, котораго вотъ имъ — графъ указалъ на меня — угодно будетъ взять къ себѣ на лазъ.

Пока я благодарилъ графа за вниманіе, стремянный ловко подвернулся ко мнѣ, и шепталъ:—возьмите, сударь, кума Никанора, у него собаки пріемисты. — Это предложеніе мнѣ не слишкомъ понравилось: я мѣтилъ на удалаго малаго, Егора.

Мы подъѣхали къ стаѣ.

— Ну, выбирай любаго, — сказалъ Атукаевъ, обратясь ко мнѣ. — Они у меня всѣ знаютъ свое дѣло.

У каждаго изъ охотниковъ, на которыхъ я мелькомъ взглядывалъ, просвѣчивало въ глазахъ сильное желаніе попасть ко мнѣ на барскій лазъ. Не желая быть невнимательнымъ къ предложенію стремяннаго, я рѣшился, какъ говорятъ, однимъ камнемъ сдѣлать два удара.

— Кумъ Егоръ, со мной! — сказалъ я отрывисто.

— Эхъ, сударь, забыли; я вамъ докладывалъ: Никанора — шепталъ стремянный.

— Ну, братъ, извини. Промахнулся.

Егорка, съ радостнымъ лицомъ, подбѣжалъ ко мнѣ, и принялъ на свору Сокола и Пташку.

Поднявшись на крутой бугоръ, мы проѣхали съ версту полемъ, и остановились у Котловины. Графъ пригласилъ гостей, и приказалъ доѣзжачимъ занимать мѣста.

Стая гончихъ и красныя куртки тотчасъ отдѣлились отъ насъ, и медленно потянулись вверхъ.

— Сударь, не извольте отставать отъ графа — шепталъ Егорка. — Онъ пойдетъ на лѣво за эти дубки: тамъ, я знаю, лучшій лазъ. Вишь, Бацовскій стремянный такъ и пялитъ туда свои бѣльмы.

Мы спустились и поднялись изъ оврага, проѣхали саженей двѣсти полемъ и кустарникомъ, и остановились въ головѣ обрывистой водомоины, которая, расширяясь постепенно въ виду нашемъ, сливалась съ Котловиною. Графъ и стремянный потянулись отъ насъ за дубки.

Digitized by Google

Стратегическое достоинство пункта, избраннаго Егоркой, если и не удовлетворяло всѣмъ потребностямъ, нужнымъ для опытнаго охотника, за то зрѣнію моему было чистое раздолье. Подъ ногами у насъ неизмѣримо длилась глубокая впадина земли, образовавшая изъ себя болото, съ высокими кочками, заросшими густымъ орѣшникомъ и камышами. Въ широкую ложбину эту, такъ кстати названную Котловиною, врѣзывались со всѣхъ сторонъ покатые бугры, пересѣкаемые лощинами, оврагами и водомоинами. Пунктъ, на которомъ остановились мы, владѣлъ всей мѣстностью, и я могъ отчетливо слѣдить за движеніемъ охотниковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ любоваться смѣтливостью каждаго изъ нихъ, при занятіи мѣстъ. То исчезая, то выростая словно изъ земли, красныя куртки ловчаго и выжлятниковъ медленно плыли по горизонту. Наконецъ, они утонули въ лабиринтѣ спусковъ, и только черезъ четверть часа показались снова на скатѣ высокаго холма, поѣхали прямо на насъ, и вдругъ остановились. Стоявшіе на мѣстахъ охотники были всѣ на виду; въ сосѣдствѣ со мной, на лѣво, саженяхъ въ полутораста былъ Ларка-стремянный, а за нимъ, дальше, графъ; на право, въ кустарникѣ, черезъ который мы прошли, помѣстился старикъ, Савелій Трофимычь, съ своею Красоткою.

Прошло минутъ пять въ бездѣйствіи; наконецъ Атукаевъ далъ знакъ стремянному, и тотъ приложилъ серебряный рожокъ къ своимъ губамъ: раздался короткій и трескучій звукъ; старшій доѣзжачій тотчасъ повторилъ его на другой сторонѣ ложбины, поближе къ ловчему; сигналъ этотъ, въ переводѣ на языкъ человѣческій, означалъ: *мечи гончихъ во островъ!* Я явственно увидѣлъ, какъ четыре красныя куртки упали въ стаю; ловчій одинъ поѣхалъ медленно съ бугра, и къ его ногамъ, словно мухи, покатились разомкнутыя гончія, отрываясь поларно отъ темнаго пятна, посреди котораго копошились красныя куртки; наконецъ, онѣ остались однѣ, и, мгновенно вскочивъ на лошадей, помчались внизъ, вслѣдъ за остальными гончими. На краю болота заревѣлъ басистый рогъ ловчаго, захлопали четыре арапника — и пошло порсканье.

— Теперь, сударь, извольте становиться на мѣсто.

— Развѣ я не на мѣстѣ?

— Нѣтъ. Теперь намъ нужно въ притинъ,—сказалъ Егорка. — Изволите видѣть?—продолжалъ онъ, указывая на окрестность.

Digitized by Google

Я взглянулъ. Дѣйствительно мѣста, на которыхъ, за минуту до этого, стояли охотники, были пусты. Всѣ они расползались, словно мухи по щелямъ.

— Куда жъ намъ?

— А вотъ,—сказалъ Егорка, и поворотилъ лошадь.

Мы въѣхали въ густой кустъ ивняка, изъ-за котораго можно было видѣть только однѣ наши головы; мѣстность отсюда открывалась еще явственнѣе.

Вскорѣ къ порсканью присоединился голосъ одной собаки.

— Это Будило, — сказалъ Егорка.

Къ первому голосу примкнули еще два, такіе жъ басистые.

— Это Рожокъ и Квокша, — продолжалъ мой стремянный.

Красныя куртки зашевелились въ болотѣ, и начали накликать на горячій.

— Что жъ это значитъ?

— Это еще ничего! Вотъ кабы Кукла да Соловей.... А, вотъ и онъ.... Эхъ, варятъ.... подваливаютъ.... Ну, повисъ на щипцѣ! Теперь, баринъ, держитесь крѣпче; лошадь подъ вами азарная.

Я укоротилъ поводья, укрѣпился въ сѣдлѣ, и взглянулъ на Егорку: онъ дрожащими руками перебиралъ узду и выправлялъ свору; лицо его блѣднѣло, ротъ былъ полураскрытъ, глаза свѣтились какъ у молодаго ястреба.

Ловчій подалъ голосъ.

— По красному,—сказалъ Егорка, задыхаясь. Съ этимъ словомъ, въ Котловинѣ закипѣлъ адъ: съ фаготистыми на-подборъ голосами собакъ слился тонкій, плакучій, переливистый и неумолкаемый голосъ Куклы; къ ней подвалили всю стаю, и слилось порсканье — по красному! Камышъ затрещалъ, болото пошло ходуномъ, и словно вздрагивало и колебалось, подъ громомъ этаго бѣсовскаго речитатива.

— Ну, одна катитъ — прошепталъ Егорка, глядя въ болото.

Я тоже началъ всматриваться.

Лисица тихо прокрадывалась мимо насъ по болоту, и, какъ тонкій осенній листокъ, стлалась между кочекъ; то поднимая свою вострую головку, то припадая къ землѣ, она, наконецъ, миновала нашъ лазъ, и, побужденная новымъ приливомъ порсканья, вынеслась на бугоръ и покатила прямо въ кусты: старикъ Тро-

Digitized by Google

Фимычъ стоялъ не шевелясь; наконецъ онъ заулюлюкалъ, указалъ ее собакамъ, и скрылся съ ними изъ вида.

Въ то же время, на противоположной намъ сторонѣ, въ разныхъ мѣстахъ охотники принялись травить въ нѣсколько своръ.

Мнѣ почудилось наконецъ, что стая погнала въ нашу сторону: и дѣйствительно, черезъ минуту, что-то начало ломиться въ камышѣ; вскорѣ затѣмъ выкатилъ матерой волкъ, и понесся по кочкамъ, прямо въ вершину, въ головѣ которой былъ нашъ секретный постъ.

— Егорка, видишь? — спросилъ я шопотомъ.

Егорка мой стиснулъ зубы, и только дрожащею рукой подалъ мнѣ знакъ пригнуться: онъ сверкающими глазами своими, казалось, прожигалъ кустъ, сквозь который смотрѣлъ на волка.

Наконецъ, звѣрь очутился противу насъ саженяхъ въ десяти: Егорка молча показалъ его собакамъ, и бросилъ свору изъ рукъ. Пять собакъ рванулись разомъ, и Соколъ первый, грудь въ грудь, сцѣпился съ волкомъ: оба они слились въ одно неразрывное цѣлое, прокатились по землѣ, и исчезли въ водомоинѣ; прочія собаки скучились и прыгнули туда-жъ; мы очутились тамъ же, но, увы! раздался пронзительный визгъ, и храбрый нашъ Соколъ, облитый кровью, катался по землѣ: волкъ сидѣлъ ощелкиваясь отъ прочихъ собакъ, которыя не смѣли уже къ нему подступить. Егорка подалъ въ рогъ, но звѣрь прыгнулъ отъ насъ на чистоту, принялъ вправо, и поскакалъ полемъ. Не долго однакожъ длилась эта прыть: въ рытвинѣ противу насъ мелькнула шапка стремянаго, и въ то же время три свѣжія собаки понеслись на встрѣчу дерзкому бѣглецу.

Волкъ не устоялъ противу перваго напора пріемистыхъ и свычныхъ съ дѣломъ бойцовъ: онъ оробѣлъ, ощелкнулся и пошелъ на утекъ, но Крылатъ и Обругай повисли на немъ; наши собаки подоспѣли, скучились, и свалка сдѣлалась общею; прежде однакожъ, чѣмъ мы успѣли подскакать, волкъ стряхнулъ съ себя кучу собакъ, и, ощетинясь, сѣлъ въ кружку, страшно сверкая глазами: подлѣ него катался по землѣ Обругай, съ прокушеннымъ бокомъ. Егорка прыгнулъ съ лошади—и пошелъ къ волку съ кинжаломъ въ рукѣ. Видя новаго врага, разсвирѣпѣвшій звѣрь рванулся отчаянно впередъ, и побѣжалъ, отщелкиваясь отъ собакъ, мимо дубковъ къ кустарнику. Но вотъ изъ за-куста, между подынью, шмыгнуло что-то, съ свистомъ, какъ пущенная стрѣла,

Digitized by Google

и сѣрый Чаусъ въ мгновеніе ока сцѣпился съ звѣремъ, и покатился съ нимъ по пашнѣ; собаки налетѣли на нихъ гурьбой, и изъ нихъ образовался одинъ неразрывный клубокъ.

Къ нимъ подскакали старикъ Савелій и графъ.

И вотъ, въ срединѣ этого кружка, что-то сильно поколебалось: собаки разлетѣлись врозь, и посреди ихъ, нимъ два достойные бойца, волкъ и Чаусъ поднялись на дыбы, схватились яростно, и снова грянулись на землю; собаки снова накрыли ихъ плотною бронею.

Графъ приказалъ струнить волка.

Охотники прыгнули съ лошадей, захлопали, закричали: «атрышъ!» собаки отскочили, и на землѣ остался одинъ только Чаусъ: пасть его впилась въ волчье горло, и замерла на немъ; звѣрь хрипя лежалъ въ растяжку; стремянный бросился къ Чаусу, и разжалъ ему щипецъ кинжаломъ. Храбрый боецъ при общихъ похвалахъ отошелъ тихо въ сторону, и снова палъ на землю, сильно дыша; изъ горла у него валила клубомъ кровавая пѣна; налитые кровью глаза блестѣли какъ раскаленные угли.

—Звѣря не къ чему струнить: онъ уже околѣлъ, — сказалъ графъ.

Егорка съ радостнымъ лицомъ принялся вторачивать волка какъ трофей, ему принадлежавшій по правамъ охоты.

— Ваше сіятельство! честь имѣю поздравить съ полемъ,— сказалъ старикъ Савелій, снимая шапку.

— И васъ также, Савелій Трофимычь,—отвѣчалъ графъ весело, и подражая старику въ ухваткахъ.

У Трофимыча была въ торокахъ лисица.

Мы спѣшились, и пошли лѣвымъ берегомъ Котловины, весело разговаривая о событіяхъ удачной травли. Я гладилъ Чауса, который шелъ подлѣ графа, и сдѣлался смиренъ какъ овца. Атукаевъ былъ до-крайности веселъ и доволенъ быстротою дѣйствій, проворствомъ смѣтливостію своихъ охотниковъ.

Ловчій, стоя на бугрѣ, вызывалъ на рогъ гончихъ изъ острова; мы подошли къ нему; вскорѣ и всѣ охотники начали туда съѣзжаться.

У всѣхъ были радостныя и веселыя лица. На той сторонѣ Котловины затравили двухъ волковъ-переярковъ, лисицу и нѣсколькихъ зайцевъ. Каждый изъ охотниковъ, разсказывая подробности травли, приписывалъ своей сворѣ необыкновенныя достоин-

Digitized by Google

ства; но всѣ они однакожъ завистливо глядѣли на торока Егоркины, потому что подобнаго волка никому еще изъ нихъ не случалось возить за своимъ сѣдломъ.

—Сорокъ лѣтъ сижу на конѣ, ваше сіятельство,—повторялъ Трофимычъ, — а такихъ не принимывалъ!

Въ это время къ намъ подъѣхали Бацовъ и Стерлядкинъ, съ прочими господами.

—Посмотри-ка, Лука Лукичъ,—сказалъ я, указывая на волка.

—Это, братецъ, пустяки,—отвѣчалъ Бацовъ;—а ты, вообрази себѣ, Карай-то мой, Карай, опять лису, такъ вотъ: дажи....

— Гдѣ жъ она? — спросилъ Стерлядкинъ.

— Ну, вотъ у Кирюхи,—сказалъ Бацовъ, указывая на графскаго охотника.

— Значитъ, ты травишь въ чужіе торока!

Всѣ засмѣялись.

Въ Асоргинскихъ, до обѣда, мы еще затравили одного волка и двухъ лисицъ, и ровно въ часъ за полдень жители Клинскаго всѣ, отъ мала до велика, выбѣжали за околицу встрѣчать нашъ поѣздъ. Съ гордымъ и веселымъ видомъ, съ бубнами, свистками и пѣснями вступили удалые охотники въ деревню, по три въ рядъ, и обвѣшанные богатою добычей.

У новой и просторной на видъ избы стояли походные брики, а на крылечкѣ—люди и повара, нетерпѣливо ожидавшіе нашего возвращенія.

Съ шумнымъ весельемъ и смѣхомъ вскорѣ усѣлись мы за столъ. Во время обѣда, графъ поочередно призывалъ къ себѣ отличившихся охотниковъ, выдавалъ имъ опредѣленную награду за *краснаго*, и подчивалъ виномъ. Уже подали намъ жаркое, и въ стаканахъ запѣнилось искристое вино, когда вошелъ старикъ Савелій, съ своею неразлучною Красоткой.

— Ну, старикъ, поздравляю съ полемъ,—сказалъ графъ,— говорятъ, что Красотка хорошо скачетъ? Отчего она такъ худа?

—Въ разлинкѣ, батюшка, ваше сіятельство: не перебрамшись.

—Это за краснаго; а Красотку дарю тебѣ за усердную службу.

— Много доволенъ вашей милостью — сказалъ старикъ. — Навсегда вашъ слуга, ваше сіятельство... сорокъ лѣтъ на конѣ сижу.... Еще покойному дѣдушкѣ вашему, графу Павлу Павловичу, служилъ вѣрою и правдою; передъ Богомъ не лгу.... — продолжалъ онъ, утирая рукавомъ радостныя слезы.

Digitized by Google

— Старикъ, продай мнѣ Красотку,—сказалъ Бацовъ, подавая ей кусокъ пирога.

— Какъ продать-то, баринъ?.... свой выкормокъ, сударь-батюшка: самому-то непричемъ быть.... на старости лѣтъ, ни роду ни племени; одна племянница была, и тае Господь прибралъ.

— Ну чтожъ; вѣдь красотка тебѣ не внучатная? — возразилъ Бацовъ.

Старикъ посмотрѣлъ въ началѣ на Бацова, потомъ на Красотку, и потрясъ головой.

— Нѣтъ, сударь, не продажная!

Мы встали.

Виноватъ, господа. Садка Карая съ Азарнымъ и вечернее поле останутся за мной. Пора намъ отдохнуть, если вы не вздремнули уже, чьтая *Мелкотравчатыхъ*.

Е. Дрiянскiй.

Объясненiе нѣкоторыхъ охотничьихъ выраженiй.

Арава.....	Толпа, скопище.
Выжлятникъ....	Помощникъ ловчаго.
Ловчiй.....	Правящiй стаею гончихъ собакъ.
Завытки.....	У псовыхъ собакъ, подъ горломъ и на ногахъ вьющаяся шерсть.
Угонка.....	Первый приступъ къ поимкѣ звѣря.
Лады.....	Стати собаки.
Подуздовата.....	Нижняя челюсть короче верхней.
Щалава.....	Негодная къ охотѣ, повѣса.
Въ разлинкѣ.....	Не скинула зимней шерсти.
Лазъ.....	Мѣсто, гдѣ нажидаютъ звѣря.
Проудить.....	Не поймать, или не затравить звѣря.
На драку.....	Кликать на подмогу.
Щипецъ.....	Собачья морда.
Правило.....	Хвостъ у собаки.
Полѣно.....	Волчiй хвостъ.
Труба.....	Лисiй хвостъ.
Горячiй.....	Свѣжiй слѣдъ.
Торочить.....	Привязывать къ сѣдлу.
Струнить.....	Принять живымъ звѣря отъ собакъ, и надѣть намордникъ.

Digitized by Google

МЕЛОЧИ.

Вы не угадаете, какую мы знаемъ модную новость. Выдуманъ не новый покрой фраковъ, сдѣлано преобразованіе не въ жилетахъ, таліи носятъ все по прежнему (хотя не такъ низко, какъ во время «Графа Нулина»), шляпки не измѣнились, мантильи старыя, sorties du bal существуютъ на прежнихъ условіяхъ.... словомъ, въ области модъ по части нарядовъ, дамскихъ и мужскихъ, не произошло никакого важнаго измѣненія. А между тѣмъ, новая мода есть, и, какъ мода, нравится многимъ. Эта мода *Славянская*, Не вѣрите, улыбаетесь, думая, что говоримъ въ шутку? Не шутка, милостивые государи, а фактъ.... Есть у васъ визитныя карточки, господинъ NN? — «Ну, разумѣется.» — Какія онѣ? — «Французскія, гласированныя.» — А какимъ шрифтомъ напечатана ваша фамилія? — «Извѣстно, какимъ: Jean de.... — Вотъ здѣсь-то и заключается отсталость отъ моды, которая отнынѣ приказываетъ изображать свою фамилію на визитныхъ карточкахъ Славянскими буквами, вязью, въ древнемъ вкусѣ. За невозможностью представить здѣсь какую-либо изъ видѣнныхъ нами «новѣйшихъ» карточекъ, вотъ одно изъ множества объявленій литографовъ. Напр., въ Спб. Вѣд. (N 287): «Парижскія визитныя карточки. Магазинъ подъ вывѣскою: Magasin de B. Denotkine проситъ почтенную публику обратить вниманіе на новѣйшіе шрифты для оныхъ, какъ-то: *Славянскій, вязью, въ древнемъ вкусѣ*, Англійскій, Италіянскій, Готическій и проч. Кажется что слова: Парижскій, Французскій, Славянскій, новѣйшій, древній, — выстроенныя въ одинъ рядъ, какъ-то не ладятъ между собою; но что до того за дѣло: карточки все-таки очень красивы. Если кто-нибудь замѣтитъ, что у насъ найдется не мало людей, которые, при знакомствѣ съ разными живыми и мертвыми языками, плохо разумѣютъ Славянскій, считая его никуда негоднымъ, старымъ, то мы смѣемъ предложить печатать на визитныхъ карточкахъ для такихъ людей переводы фамиліи на Французскій діалектъ ...

—

Digitized by Google

Желѣзная дорога изъ Мадрида въ Аранжуецъ открыта 14 Ноября н. с. самой королевою-матерью. Въ три четверти перваго часа дня, Ея Величество пріѣхала къ дебаркадеру въ прекрасномъ шарабанѣ, которымъ правилъ герцогъ Реанзаасаресъ. Паровозъ отправился въ три минуты втораго. Онъ состоялъ изъ двухъ вагоновъ втораго разряда, непосредственно слѣдовавшихъ за машиной, изъ кареты, въ которой помѣщалась королева, и другаго вагона. Многочисленная толпа ждала поѣздъ по дорогѣ, и встрѣчала его громкими привѣтствіями. Въ половинѣ третьяго поѣздъ уже былъ въ Аранжуецѣ. Городскія сословія встрѣтили королеву съ поздравленіемъ. Высокіе гости отправились къ Г. Соломанху, гдѣ былъ для нихъ приготовленъ завтракъ. Возвратились они въ четыре часа. Королева Изабелла, по неподдѣльному чувству дочерней любви и участія къ усовершенствованіямъ страны, выѣхала на встрѣчу своей матери, желая узнать объ успѣхѣ поѣздки. Народъ не переставалъ громогласно привѣтствовать Ихъ Величества.

—

Глобусъ чуть-чуть не съ землю, т. е. имѣющій въ діаметрѣ не менѣе 56 футовъ, готовится къ всемірной выставкѣ Г. Уадомъ, членомъ парламента. Горы будутъ выпуклыя, полярныя и ледяныя страны означены цвѣтами радуги. Главныя рѣки явятся въ видѣ серебряныхъ нитокъ, а огнедышущія горы будутъ выкрашены въ красный цвѣтъ. Глобусъ этотъ, сдѣланный изъ цинка и мѣди, долженъ стоить около 8,000 Ф. ст.

—

Оригинальная тризна была, если вѣрить *Times'y*, справлена въ Нортсъ-Амертонѣ по нѣкоемъ сэрѣ Джорджѣ Вомбеллѣ, по его непремѣнному требованію. Покойникъ умеръ 73 лѣтъ, оставивъ послѣ себя огромное состояніе, нажитое имъ показываніемъ дикихъ звѣрей по ярмаркамъ. Вслѣдствіе его желанія, на другой день его смерти, объ этомъ печальномъ происшествіи было объявлено на площади городскаго рынка въ то время, какъ показывались звѣри. Оркестръ игралъ похоронный маршъ. Животныхъ накормили и занавѣсъ опустили. Публика, говорятъ, была очень тронута, животныя—то же.

—

Digitized by Google

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Наученная прошлогоднимъ опытомъ, редакція въ нынѣшнемъ году заказала картинки модъ въ Парижѣ и Лейпцигѣ, и на первый разъ получила ихъ къ сроку изъ обѣихъ мѣстъ: онѣ и были приложены къ первой книгѣ. Но къ первой Февральской Парижская вѣроятно не поспѣетъ, о чемъ мы и извѣщаемъ предварительно.

—

О покойномъ Крашенинниковѣ получено очень много новыхъ извѣстій и замѣчаній въ дополненіе къ напечатаннымъ. Принося за нихъ искреннюю благодарность, я подѣлюсь ими въ свое время съ читателями Москвитянина, а теперь прошу о продолженіи сообщеній, повторяя, что всякая черта объ этомъ примѣчательномъ человѣкѣ для насъ драгоцѣнна.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Января 18-го 1851 года.

Цензоръ Д. Ржевскій.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

А) ЗАГРАНИЧНЫЯ.

Одно изъ важныхъ дѣйствующихъ лицъ въ нынѣшнемъ политическомъ мірѣ — Лордъ Нормэнби, Англійскій посланникъ въ Парижѣ. Мы скажемъ здѣсь кое-что изъ того, что о немъ знаемъ.

Онъ родился въ 1797 году. Но.... нѣсколько словъ о его предкахъ. Джэмсъ-Фиппсъ изъ Бристоля, женившійся въ Новой-Англіи, имѣлъ двадцать-шесть дѣтей, изъ коихъ двадцать-одного сына отъ одной матери. Вильямсъ, младшій членъ этого семейнаго легіона, былъ сдѣланъ кавалеромъ (knight), Іаковомъ II, за отличныя знанія въ математическихъ наукахъ и славу по этой части: до сихъ поръ ему приписываютъ изобрѣтеніе подводнаго колокола. Существуетъ даже преданіе, что онъ воспользовался своимъ изобрѣтеніемъ для спасенія груза одного Испанскаго галіота, претерпѣвшаго крушеніе на берегахъ Новой-Англіи; прибавляютъ, будто слитки золота, спасенные имъ при этомъ случаѣ, болѣе обогатили его, нежели вся его ученость.... Но, такъ или иначе, ясно, что безъ своего знанія какъ изобрѣтатель, онъ не былъ бы богатъ. Вильямсъ Фиппсъ былъ потомъ губернаторомъ въ Массахузетсѣ. Прямыхъ потомковъ онъ не оставилъ, и умеръ бездѣтнымъ, но, разумѣется, не было недочета въ племянникахъ и племянницахъ у человѣка, имѣвшаго двадцать-пять братьевъ и сестеръ; на этихъ племянниковъ и племянницъ распалось все его имущество, съ тѣмъ однакожъ, что къ одному изъ первыхъ перешла его большая часть, вмѣстѣ съ титуломъ кавалера. Этого племянника звали Константиномъ, и онъ-то и есть ближайшій прямой предокъ Маркиза Нормэнби.

Сэръ Константинъ былъ ученый юрисконсультъ, и впослѣдствіи Лордъ-канцлеръ Ирландіи. Сынъ его узами брака породнился съ славнымъ домомъ Шеффильда, угасавшаго въ то время—что заставляло надѣяться, что къ одному изъ его дѣтей перейдетъ хоть часть титуловъ, соединенныхъ въ лицѣ послѣдняго Герцога Бе-

Digitized by Google

книгема. Такъ и случилось: одинъ изъ сыновей Константина сталъ Барономъ Мюлгравомъ Мюлгравскимъ, и вступилъ въ Верхнюю-Палату. Старшій сынъ этого перваго Барона, по имени также Константина, былъ морякъ; избравъ эту дорогу по страсти, онъ сдѣлался капитаномъ корабля, и прославился отважной экспедиціей къ сѣверному полюсу: онъ ходилъ до Шпицбергена сквозь льдовъ, которые нужно было распиливать руками для пропуска фрегатовъ. Храбрый мореходецъ, избранный членомъ Нижней-Палаты, а потомъ перъ, умеръ въ Бельгіи, въ Литтихѣ, въ 1794 г., по возвращеніи съ водъ Спа.

Братъ послѣдняго, младшій сынъ Лорда Константина — въ свое время главный начальникъ надъ артиллеріею, былъ отецъ нынѣшняго посланника, Константина-Генри Фиппса, Маркиза Норменби, Графа и Барона Мюлгравскаго.

И такъ, подобно Байрону, съ которымъ мы найдемъ у него болѣе одной сходной черты, Маркизъ Норменби былъ племянникъ моряка и сынъ солдата. Если припомнить, что кромѣ этихъ родственниковъ въ его родословномъ древѣ были еще юрисконсультъ и ученый, нельзя не согласиться, что недалеко нужно было молодому Лорду ходить за образцами для себя. Многосторонніе способности, оказанныя имъ съ ранняго возраста, не давали мѣста сомнѣнію въ томъ, что ему стоитъ только выбирать дорогу. Отецъ его поручилъ его воспитаніе знаменитой Гарровской (Harrow-on-the-Hill) школѣ, гдѣ воспитывались Байронъ и Роберъ Пиль. Школа эта оставила навсегда прекрасные слѣды въ образѣ мыслей, характерѣ и дѣйствіяхъ Лорда Норменби. Байронъ, помните, говоритъ въ своихъ запискахъ: «Гарровская школа имѣла то достоинство, что пріучала дѣтей знатнаго происхожденія къ сближенію съ дѣтьми людей достигнувшихъ извѣстности своими дарованіями, не уничтожая этикета необходимаго въ извѣстной мѣрѣ, и преимущества наслѣдственныхъ титуловъ. Такъ мои товарищи по школѣ нисколько не были поражены тѣмъ, что въ тотъ день, когда умеръ мой дядя, отъ котораго перешло ко мнѣ перство, учитель назвалъ меня domine Байронъ, а не просто Байронъ, какъ наканунѣ.» Что касается до Лорда Норменби, онъ неоспоримо принадлежалъ къ числу тѣхъ молодыхъ людей, которые, не имѣй они преимуществъ наслѣдственныхъ, и сами съумѣютъ пробить себѣ путь: его способности одни могли бы повести его къ извѣстности Изъ Гаррова онъ, для окончательнаго образованія, перешелъ въ Кембриджъ, гдѣ также ни одного изъ студентовъ ни раза не оскорбили его шелковый плащъ и золотая кисть на шапкѣ.

Быть можетъ самая мѣстность, среди которой молодой Лордъ оканчивалъ свое воспитаніе, немало содѣйствовала направленію, которое вскорѣ приняль его умъ. Уже Мильтонъ, такъ же какъ и Байронъ, испыталъ надъ собою вліяніе этого уединеннаго, почти монастырскаго убѣжища, обрамленнаго зелеными лугами и величественными лѣсами. Вмѣсто того, чтобы изучать математику или науку Ньютона, молодой Маркизъ любилъ мечтать подъ готическими сводами зданія, и, давая волю богатому воображенію, рано посвятилъ себя поэзіи, изливая свои фантазіи то въ прекрасныхъ сонетахъ, то въ другихъ стихотвореніяхъ. И въ то уже время было замѣтно, чему будетъ Лордъ Норменби посвящать досуги отъ сложныхъ и серьёзныхъ занятій обязанностями, къ которымъ призывали его общественныя отношенія: не будь эти занятія, эти обязанности, нѣтъ ничего мудренаго, что изъ него вышелъ бы соперникъ Макриди, Фаррена.... Онъ безпрестанно или писалъ стихи, или декламировалъ.

Едва совершеннолѣтній, Лордъ Норменби вступилъ въ Нижнюю-Палату (вспомнимъ карьеры Питта, Фокса). Для того, чтобы, такъ-сказать, искусственнымъ образомъ ускорить зрѣлость юношей, Англичанъ богатыхъ или знатныхъ вообще женятъ какъ можно раньше: Лордъ Норменби женился 21 года, на дочери одного изъ Лордовъ Ревенсвортскихъ, Маріи Лиделль, дѣвушкѣ молодой и замѣчательной, во всѣхъ отношеніяхъ достойной этого союза.

Протестантъ, молодой Лордъ не побоялся начать свое парламентское поприще рѣчью за католиковъ, которые въ то время еще были лишены своихъ политическихъ правъ. Второе его дѣло, несмотря на то, что онъ былъ наслѣдственный торій, и вступилъ въ Парламентъ по правамъ своего рожденія, было склоненіе друга своего, сэра Джона Рёсселя, на сторону парламентской реформы. Вскорѣ за тѣмъ, когда отецъ его былъ возведенъ на степень главнаго начальника артиллеріи, онъ былъ поставленъ въ затруднительное положеніе дѣйствовать или по своимъ убѣжденіямъ, или не измѣнять сыновнему чувству; не находя въ себѣ ни силы жертвовать первыми, ни желанія идти противъ отца, онъ умѣлъ, несмотря на всю свою молодость, затушить въ себѣ столько естественный пылъ прекраснаго самолюбія, и принесъ въ жертву самого себя: онъ вышелъ изъ Парламента.

Въ это время, промежутокъ невольнаго покоя и бездѣйствія, имѣлъ онъ возможность слѣдовать призванію, которое заглушали въ немъ обязанности его происхожденія и общественной жизни. Онъ, съ молодою женою, поѣхалъ въ Италію, и поселился на бере-

Google

гу Ардо, въ этомъ второмъ отечествѣ художническихъ натуръ. Во Флоренціи онъ въ полномъ смыслѣ велъ жизнь просвѣщеннаго мецената. Салоны его сдѣлались сборищемъ артистовъ, поэтовъ, путешественниковъ, чѣмъ бы то ни было замѣчательныхъ, принадлежавшимъ къ тому или другому народу. Домашній театръ былъ возведенъ во дворцѣ Гибелиновъ, гостепріимно открытомъ для каждаго. Флорентинцы до сихъ поръ вспоминаютъ, что они обязаны Лорду Нормэнби введеніемъ у нихъ конскихъ скачекъ. Въ Италіи прожилъ Нормэнби до 1822 года.

Въ Англіи, между тѣмъ, старый торизмъ уступалъ Джорджу Кэннингу. Великіе избиратели Гейамъ-Феррарса вызвали путешественника въ Парламентъ. Онъ сейчасъ же вернулся, и продолжалъ обращать на себя вниманіе своимъ талантомъ, какъ ораторъ, а благороднымъ образомъ мыслей и дѣйствій — снискивать общую любовь. Доказательствомъ его замѣчательной популярности служитъ то, что онъ опять былъ избранъ въ 1826 г. Однако, съ этой поры, онъ принималъ меньшее участіе въ парламентскихъ преніяхъ, въ ожиданіи того, чтобы созрѣли идеи той реформы, которой посвятилъ онъ всѣ свои старанія и силы. И этотъ періодъ времени, новый промежутокъ политической заботы, онъ весь употребилъ на то, чтобы завоевать себѣ литературное имя — что у Англичанъ цѣнится на столько, что въ лицѣ Лорда Нормэнби блескъ дипломатической карьеры не бросилъ никакой тѣни на славу писателя. Въ литературной дѣятельности Лорда Нормэнби вотъ на что, по нашему мнѣнію, должно обратить предпочтительное вниманіе.

Вальтеръ Скоттъ создалъ, и для Англійской и для всѣхъ Европейскихъ литературъ, романъ историческій: его любили Англичане, и читали всѣ, но справедливо замѣчали, что его произведенія, помимо достоинствъ чисто-литературныхъ, имѣли мало значенія современнаго. Были, правда, попытки создать романъ современный, но большею частію неудачныя (о Диккенсѣ, Теккерѣ, Корреръ-Беллъ и др. не было еще и помина), такъ что можно сказать, что Нормэнби первый явился живописцемъ новаго Англійскаго общества. Онъ взялъ за тему высшее общество, къ которому принадлежалъ отъ рожденія, и которое имѣлъ возможность изучить какъ не многіе. Три первыя произведенія, по порядку имъ напечатанныхъ, сразу возбудили сочувствіе соотечественниковъ, нашедшихъ въ нихъ вѣрныя и мѣткія картины, умъ, юморъ, словомъ всѣ признаки, если не первокласснаго, все-таки несомнѣннаго дарованія; эти три сочиненія суть: «Контрастъ», «Да и Нѣтъ» и Матильда.» Для тѣхъ, кто читалъ произведенія Нормэнби, не нужно говорить, что одно изъ главныхъ ихъ достоинствъ —

это ихъ драматичность; но не та драматичность, чисто внѣшняя, натянутая и неестественная, которою щеголяли Французскіе писатели извѣстной школы, и которая противна всѣмъ законамъ изящнаго, а драматичность внутренняя, истинная, вытекающая изъ дѣйствительныхъ отношеній лицъ того или другаго событія жизни: это-то достоинство и ставитъ произведенія, названныя нами, въ число такихъ, которыя, потерявъ для своего общества значеніе современное, все-же не лишаются извѣстнаго интереса въ глазахъ читателя; и въ этомъ отзывѣ соглашаются не одни Англичане. Лучшее изъ всѣхъ сочиненій Лорда Норменби—«Контрастъ». Оно было переведено на многіе Европейскіе языки, а въ Англіи пріобрѣло рѣдкую популярность. Онъ написалъ еще «Клоринда и жемчужное ожерелье», разсказъ въ родѣ тѣхъ, что въ одно время съ нимъ писалъ во Франціи Мериме,— и участвовалъ во всѣхъ Англійскихъ альманахахъ и книжкахъ, такъ что до 1831 г. трудно найдти роскошный Англійскій сборникъ, въ которомъ, между именами Лордовъ Порчестера, Гауера, Рёсселя, или Сутсея, Саважъ-Ландора, Вордсворта, не встрѣтилось бы имя Лорда Норменби.

Но съ 1832 г. онъ долженъ былъ оставить литературу, и болѣе не писалъ, хотя и говорили будто бы нѣкоторыя брошюры, отчасти политическія, и его именемъ не подписанныя, принадлежатъ ему. Кончина отца, приключившаяся еще въ 1831 г., призывала Норменби въ Верхнюю-Палату. Парламентская реформа, принявъ въ это время давно желаемый имъ оборотъ, утвердила торжество виговъ, и Лордъ Норменби отправился губернаторомъ въ Ямаику. Времена тогда были трудныя: нужно было исподоволь подготовить колонистовъ къ великому дѣлу уничтоженія торговли Неграми. Искренно приверженный къ этой мысли, тогда еще почти новой, Норменби долженъ былъ выдержать страшный отпоръ соединившихся колонистовъ, которые горячо стояли за то, что считали своимъ правомъ. Колонисты умѣли даже нѣсколько разъ вооружить противъ него войско, но онъ такъ умно и твердо отразилъ всѣ эти препятствія, что заслужилъ отличное уваженіе въ глазахъ своего правительства.

Возвратившись изъ Ямаики, Лордъ Норменби былъ сдѣланъ хранителемъ печати, и сохранилъ эту должность до вступленія въ министерство Роберта Пиля въ 1834 г. На слѣдующій годъ онъ былъ назначенъ Вице-Королемъ Ирландіи: тамъ ждали его не меньшія затрудненія, чѣмъ въ Ямаикѣ. Но, вѣрный своимъ чувствамъ и убѣжденіямъ, онъ не колеблясь всталъ за бѣдныхъ Ирландскихъ парій, такъ-же какъ прежде горячо вступился за

Google

чёрныхъ братій. Четыре года боролся Норменби, какъ истинный рыцарь правды и проповѣдникъ любви, не щадя ни себя, ни чьихъ личныхъ интересовъ, противъ всѣхъ предразсудковъ, противъ всѣхъ преградъ, которыя противуставляли ему невѣжество, безчувственность и эгоизмъ многихъ отдѣльныхъ, и не менѣе его сильныхъ, лицъ; но сдѣлать для Ирландіи все, чего хотѣлось ему, и что бы могъ онъ сдѣлать при другихъ обстоятельствахъ, ему не было дано. Несомнѣнно однакожъ, что онъ и тамъ оставилъ за собою общую любовь и уваженіе.

Въ 1839 году онъ былъ отозванъ въ Лондонъ, и сдѣланъ министромъ колоній, а вскорѣ обмѣнялся портфелемъ съ Джономъ Рёсселемъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ. Въ 1841 г., когда виги пали, Норменби лишился своего мѣста, но Рёссель поспѣшилъ предложить ему званіе посла при Французскомъ дворѣ, — постъ, который считался не менѣе важнымъ министерскаго. Здѣсь-то, на этомъ постѣ, во всемъ свѣтѣ выступили всѣ личныя достоинства благороднаго Лорда. Отечество уже знало его твердыя и чистыя убѣжденія, его готовность на всякое честное и человѣколюбивое дѣло, но иностранцы до сихъ поръ вообще видѣли въ немъ только лицо политическое, а о человѣкѣ знали или мало или ничего. По прибытіи своемъ въ Парижъ, гдѣ онъ постоянно былъ чрезвычайно-замѣчателенъ какъ дипломатическій агентъ, и съ особеннымъ умомъ всегда содѣйствовалъ миролюбивымъ отношеніямъ между дворами своимъ и Французскимъ, онъ мало-по-малу пріобрѣлъ общее расположеніе всѣхъ, кто только приходилъ въ соприкосновеніе съ нимъ. Лордъ Норменби, не измѣняя своимъ обязанностямъ и правиламъ, смѣло и открыто стоитъ за Англичанъ, но при всемъ томъ трудно встрѣтить Француза, который бы не отозвался о немъ съ особеннымъ уваженіемъ: и по сіе время, какъ прежде, онъ вездѣ и во всемъ тотъ же рыцарь правды, тотъ же другъ человѣчества, тотъ же любитель искуства и его покровитель во всѣхъ его видахъ. Когда въ концѣ Декабря прошлаго года распространился-было слухъ въ Парижѣ, что Норменби возвращается въ Англію—слухъ до сихъ поръ не оправдавшійся, во всѣхъ кругахъ общества, отъ дворца до лачуги — выражаясь классически — вездѣ жалѣли о немъ, и никѣмъ вѣсть эта не была принята равнодушно.

Дополнимъ этотъ краткій очеркъ одною изъ послѣднихъ чертъ Норменби, заимствуемою нами изъ одного Французскаго листка.

«Нѣсколько дней тому назадъ — пишетъ Г. Ашиль Жюбиналь, отъ 20 Декабря—артисты театра Vaudeville вмѣстѣ съ Об-

Digitized by Google

ществомъ Драматическихъ Артистовъ (Association des art. dram.) согласились дать представленіе въ пользу вспомогательныхъ кассъ обоихъ обществъ: Буффе, Г-жа Дежазе, Пошпаръ, и другія знаменитости театральнаго міра предложили свое содѣйствіе, нѣкоторые даже забывъ о своихъ подмосткахъ, и, разумѣется, безвозмездно. Испанскій посланникъ, Лордъ Норменби, всѣ члены дипломатическаго корпуса (даже Папскій нунцій прислалъ 100 фр., но билета не взялъ) взяли ложи. Лучшую изъ ложъ авансцены *Водевиля*, восьмимѣстную, которая на всякой случай была оставлена для Президента, отдали Лорду Норменби, потому что уже было четыре часа, а представленіе должно было начаться въ шесть. Вдругъ въ половинѣ пятаго пріѣзжаетъ адъютантъ Президента, привозитъ 300 фр., и говоритъ, что Президентъ, не имѣвшій случая видѣть Буффе съ возвращенія своего во Францію, желаетъ видѣть его сегодня, и будетъ въ театрѣ въ половинѣ восьмаго, для чего даже въ Елисейскомъ дворцѣ приказано, чтобъ обѣдъ былъ раньше. Что было дѣлать?... Ксчастію тутъ случился Дерваль, jeune-premier театра Пале-Ройяля, столько же находчивый во всякомъ дѣлѣ, какъ на сценѣ. Недолго подумавъ, Дерваль рѣшилъ:

— «Одно средство: надо отправиться объяснить затрудненіе Лорду Норменби.

— «Какъ можно! — замѣтилъ адъютантъ Президента — вѣдь это значило бы требовать у него вашей ложи, а Принцъ на это бы не согласился, еслибъ зналъ. Мы хватились немножко поздно: наше несчастіе. Принцъ, господа, пріѣдетъ апплодировать вамъ въ другой разъ: обѣщаю вамъ это отъ его имени. Между тѣмъ, возьмите деньги, которыя мнѣ во всякомъ случаѣ приказано оставить.

«Вполнѣ цѣня великодушіе Президента, артисты тѣмъ менѣе хотѣли лишиться удовольствія имѣть его въ числѣ зрителей, но менѣе всего хотѣлось этого Буффе, который, за болѣзнію, два года не выходилъ на сцену. Дерваль не сказалъ ни слова посланному Президента, но какъ только тотъ уѣхалъ, онъ отвелъ въ сторону Г. Поль-Эриеста, директора театра, и своихъ товарищей, и сказалъ:

— «Господа, намъ остается еще часъ времени; поскачемъ къ Лорду Норменби, а оттуда во дворецъ!

«Сказано, сдѣлано. Сѣли въ фіакръ; полетѣли. Вообразите удивленіе докладчика въ отелѣ Англійскаго посольства. Какое дѣло могли имѣть до Англіи Гг. Арналь и Равель? Но удивленіе его стало еще больше, когда Лордъ Норменби, только что съѣв-

Digitized by Google

шій за столъ, приказалъ ихъ просить въ гостиную, и сейчасъ же вышелъ къ нимъ. Дерваль разсказалъ ему дѣло, прибавивъ, что они всѣ находятся въ тѣмъ большемъ затрудненіи, что остались незаняты только самыя плохія и маленькія ложи.

— «Успокойтесь, господа — отвѣчалъ Лордъ Норменби. — Я буду смотрѣть васъ откуда хотите. На будущее время я прошу у васъ одной привиллегіи: заставить меня всегда платить за самую большую ложу, и оставлять мнѣ самую маленькую.»

Три четверти часа спустя, эти слова повторялись всѣмъ театромъ, и когда Лордъ Норменби, съ женою, вошелъ въ скромную ложу, театръ разразился рукоплесканіями.

—

Другой, замѣчательный въ своемъ родѣ, современникъ — Г. Барошъ, Французскій министръ внутреннихъ дѣлъ.

Барошъ началъ свою карьеру съ адвокатуры. Но адвокаты во Франціи — мы говоримъ о заслуживающихъ вниманія — бываютъ двухъ совершенно-различныхъ категорій: одни — и это едва ли не большая часть — ораторы, остроумные, страстные, блестятъ своимъ краснорѣчіемъ, и, исполненные вѣры въ свое природное дарованіе, не любятъ посвящать много времени отвлеченной наукѣ законовѣдѣнія; другіе напротивъ, люди труда и кабинета, не пренебрегая несомнѣнными выгодами краснорѣчія, гораздо болѣе однакоже занимаются теоретическимъ и основательнымъ изученіемъ законовъ и юриспруденціи. Первые нерѣдко легко и скоро дѣлаютъ себѣ имя. Вторымъ нужно болѣе времени для этого: за то, когда, при любви къ наукѣ, они обладаютъ здравымъ и прямымъ умомъ, ясной и непринужденной дикціей, твердымъ убѣжденіемъ и желаніемъ провести его, съ способностію къ тому, и при этихъ данныхъ достигаютъ извѣстности, слава ихъ прочнѣе, и многое обѣщаетъ имъ будущее. Барошъ вышелъ изъ рядовъ второй категоріи, и, на той ступени, гдѣ твердо стоитъ теперь, умѣлъ снискать себѣ сочувствіе всѣхъ благомыслящихъ соотечественниковъ, такъ же какъ и прежде—своей прямою честностію, постоянствомъ въ убѣжденіяхъ и рѣшимостію въ важныхъ дѣлахъ.

Окончивъ курсъ юридическихъ наукъ въ 1823 г., онъ остался съ перваго раза въ Парижѣ. Бѣдный и никѣмъ неподдерживаемый въ началѣ своего поприща, онъ не остановился передъ многосложными преградами, которыя представляетъ адвокатура каждому начинающему. Прилежно посѣщалъ онъ совѣщанія; искалъ дѣлъ, чтобъ какъ-можно лучше узнать юридическую практику, а всѣ досуги посвящалъ занятію теоріей права. Товарищи полюбили его

и добродушный характеръ, уступчивость и положительное знаніе; въ то же время его честность и добросовѣстное рвеніе дали ему право на уваженіе тѣхъ, кто сходился съ нимъ по дѣламъ. И онъ былъ замѣченъ въ палатѣ. Выгодная, даже блистательная женитьба, доставивъ Барошу независимыя средства къ жизни, дала ему возможность не стѣсняться въ выборѣ своихъ занятій, и онъ весь отдался своему влеченію къ наукѣ; онъ уже былъ въ то время извѣстенъ: палата уважала въ немъ ученаго юрисконсульта, и вскорѣ онъ былъ причисленъ къ совѣту сословія адвокатовъ.

Нѣсколько процессовъ, одинъ за другимъ, удовлетворительно имъ оконченныхъ и выигранныхъ противъ юристовъ, давно пользовавшихся извѣстностію, еще болѣе утвердили общее мнѣніе о молодомъ адвокатѣ, и послужили мѣрой его способностей. И онъ все продолжалъ трудиться, удвоивъ еще свои старанія въ исполненіи обязанностей по его званію. Мало-по-малу онъ до того отдался занятіямъ и карьерѣ, избраннымъ имъ по природной наклонности, что наконецъ пріобрѣлъ себѣ отличную репутацію въ адвокатурѣ, и въ 1846 г. по большинству голосовъ былъ избранъ старшиною общества адвокатовъ.

Въ 1847 г. онъ въ первый разъ явился кандидатомъ въ депутаты, и былъ избранъ представителемъ Рошфорскаго округа. Образъ его дѣйствій подъ министерствомъ Гизо-Дюшателя и защита генерала Кюбьера передъ судомъ Палаты Перовъ окончательно вывели его въ число тѣхъ людей, на которыхъ и партіи и отдѣльныя лица должны были смотрѣть съ невольнымъ уваженіемъ, потому что такіе люди, не измѣняющіеся по времени и обстоятельствамъ, тогда болѣе чѣмъ когда-нибудь были нужны во Франціи.

Минуя подробности его чисто-политической дѣятельности, упомянемъ только, что въ 1848 г. онъ единогласно былъ отправленъ въ Учредительное Собраніе представителемъ Нижней-Шаранты. И здѣсь его умѣренность, рѣшимость и твердость обратили на себя вниманіе новаго правительства, которымъ онъ и былъ возведенъ въ званіе генералъ-прокурора Парижскаго Апеляціоннаго Суда. Въ этомъ новомъ званіи Барошъ не измѣнилъ себѣ: вѣрный стражъ закона, открытый врагъ всего, что считалъ онъ вреднымъ для общественнаго порядка и спокойствія, онъ не только преслѣдовалъ нарушителей того и другаго, но и прямо настаивалъ передъ Верховнымъ Судомъ Буржскимъ на строгость приговора надъ обвиненными 15 Мая. Не менѣе выказалъ онъ себя въ дѣлѣ заговорщиковъ Искусствъ-и-Ремеслъ, предъ Версальскій Судъ Присяжныхъ о привлеченіи къ отвѣтственности съ виновныхъ.

Digitized by Google

Послѣ выборовъ прошлаго 1850 г., Барошъ заступилъ мѣсто Фердинанда Барро, только-что уволеннаго отъ званія министра внутреннихъ дѣлъ. Всѣ истинные друзья порядка, всѣ тѣ, которые не на однихъ словахъ хотѣли счастія и спокойствія Франціи, встрѣтили вѣсть объ этомъ выборѣ единодушнымъ сочувствіемъ: всѣ знали въ Барошѣ человѣка искренно-преданнаго существеннымъ интересамъ Франціи, готоваго и способнаго служить имъ, а не одного изъ тѣхъ крикуновъ, которые если не дѣлаютъ положительнаго зла, такъ за то очень часто похожи на муху въ извѣстной баснѣ....

Безъ неумѣстной самоувѣренности, но съ прекраснымъ сознаніемъ своихъ силъ, вступилъ Барошъ на ступень имъ нынѣ занимаемую, и шагъ за шагомъ оправдываются имъ общія ожиданія отъ него. Начавъ управленіе своимъ министерствомъ съ ревизіи избирательнаго закона, онъ, приведя этотъ вопросъ въ надлежащую ясность, обратилъ вниманіе на законы о книгопечатаніи въ обширномъ смыслѣ этого слова ограничилъ необузданность и въ этомъ дѣлѣ и въ другихъ сторонахъ Парижской жизни, закрылъ нѣкоторые клубы, уничтожилъ многія тайныя общества, подъ какимъ бы видомъ ни существовали они, и наконецъ обратилъ особенное вниманіе на Парижскіе театры, въ которыхъ, сколько мы знаемъ, бывало и бываетъ до сихъ поръ много хорошаго, но откуда, въ особенности во время вступленія въ министерство Барошa, мораль частенько прогонялась.... нельзя сказать за сцену, потому что и тамъ ея иногда не было....

Посмотримъ, ужъ къ слову,—что дѣлалось на Парижскихъ театрахъ въ послѣднее время. Вообще очень замѣчательныхъ новостей нѣтъ, но есть за то одна изъ самыхъ новыхъ, на которой мы обязаны остановиться.

Эта новость — Клавдія, драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ Жоржъ-Санда. Мы сами, разумѣется, не видали ея, даже не имѣли еще никакой возможности и прочесть ее, и воздержимся отъ всякихъ критическихъ заключеній, даже отъ подробнаго ея разбора, тѣмъ болѣе, что въ произведеніяхъ такого писателя, каковъ Жоржъ-Сандъ, полагаться на чужіе отзывы безусловно — по-нашему было бы непростительно; но скажемъ то, что знаемъ о ней положительнаго изъ иностранныхъ газетъ.

Сюжетъ драмы—самый простой.

Въ небольшомъ селеніи Франціи живетъ 82-хъ лѣтній старикъ Ремн, бѣдный селянинъ; при немъ его внучка, Клавдія. Еще въ 16 лѣтъ Клавдія имѣла неосторожность повѣрить обѣщаніямъ какого-то

Digitized by Google

деревенскаго фата, и полюбить его; онъ ее обманулъ, и исчезъ. Она осталась при дѣдушкѣ, съ своимъ ребенкомъ и нуждою. Ребенокъ умеръ; вся ея любовь отнынѣ принадлежитъ старику: и онъ ее любитъ, простивъ ее потому, что она сердечнымъ раскаяніемъ, трудомъ и смиреніемъ искупила прошедшее. Ходятъ они съ фермы на ферму помогать на жатвѣ, и разъ какъ-то попадаютъ къ Гранъ-Розъ *(на этомъ поднимается занавѣсъ)*, богатой крестьянкѣ, на которой фермеръ Фаво хочетъ женить своего сына Сильвана. Но у Сильвана есть соперникъ — Денн-Ронсіа, тотъ самый, который обманулъ Клавдію. Приходитъ Ронсіа, и встрѣчается съ своей жертвой: Реми узнаетъ его, обличаетъ, и на Ронсіа уже не хочетъ смотрѣть Гранъ-Роза. Между тѣмъ Клавдія начинаетъ сильно нравиться Сильвану *(второй актъ)*, что приводитъ въ отчаяніе его отца, который боится за свой планъ. Но Сильванъ—человѣкъ до мелочности строгій, и ему совсѣмъ не хочется жениться на Розѣ, тѣмъ болѣе что о ней ходятъ слухи не совсѣмъ выгодные. Каково-же его положеніе, когда изъ словъ Ронсіа онъ начинаетъ догадываться, что и Клавдія, пожалуй, не совсѣмъ безъ грѣха! Она-же, какъ ни воздержанною, какъ ни строгою къ самой себѣ сдѣлало ее несчастіе, тоже любитъ Сильвана. Фаво, видя все это, чтобъ долго думать, прямо чернитъ Клавдію, и говоритъ о ней сыну такія вещи, что тотъ совершенно теряется. Старикъ-Реми горячо вступается за внучку, и опровергаетъ клевету. Наконецъ Реми и Клавдія хотятъ навсегда оставить ферму *(третій актъ)*, но ихъ удерживаетъ хозяйка, Роза, въ сущности очень добрая женщина, которой и самой не хочется идти за Сильвана: она видитъ въ немъ, по своимъ требованіямъ, мужа для нея слишкомъ мелочно-строгаго. Ронсіа, которому не легко отказаться отъ своихъ видовъ, рѣшается сдѣлать ей формальное предложеніе. Но она съ негодованіемъ отвергаетъ его, выставляя ему все, чѣмъ виноватъ онъ противъ Клавдіи. Является Реми; пошлый ловласъ, совершенно уничтоженный, думаетъ очистить себя и выкупить вину свою деньгами, но честный старикъ бросаетъ ихъ ему въ лицо, и онъ.. предлагаетъ Клавдіи свою руку. Но Клавдія отказываетъ ему, и Ронсіа уходитъ. Тогда Сильванъ, до глубины тронутый, забываетъ о томъ, что знаетъ о Клавдіи, и въ свою очередь рѣшается жениться на ней. Отецъ соглашается, Роза хлопочетъ объ этомъ, но Клавдія... не хочетъ. Она говоритъ, что дала слово провести всю жизнь въ одиночествѣ, и что не сознаетъ себя достойною счастія. Старикъ-дѣдъ отклоняетъ ея сомнѣнія: ему извѣстна ея любовь къ Сильвану; онъ упрашиваетъ ее, для него будто бы, пожертвовать собою, и Клавдія

Digitized by Google

соглашается идти за Сильвана, котораго — мы уж знаемъ—она втайнѣ любитъ. Ударяетъ вечерній колоколъ (angelus), и всѣ невольно падаютъ на колѣни.

Содержаніе, какъ видите, естественное, взятое изъ области истины и дѣйствительности: тутъ нѣтъ ни романтической клеветы на жизнь, ни псевдоклассическихъ румянъ и подкраски.

Относительно выполненія его авторомъ, мы знаемъ, что нѣтъ въ этой драмѣ ни натянутыхъ эффектовъ, ни разсчитанныхъ положеній, которыми обыкновенно пробавляются дарованія посредственныя, люди не понимающіе искуства и думающіе, что его можно замѣнить искусственностію и которыми только и держатся на сценѣ домашнія фабрикаціи Французской драматургіи. Въ Парижанахъ, вездѣ и во всемъ ищущихъ такъ-называемыхъ сильныхъ ощущеній—этихъ пряностей, безъ которыхъ не варятъ разстроенные желудки, не легко вызвать сочувствіе къ произведенію сценическому, миновавшему обычные пути къ раздраженію ихъ чувствительности, и трогающему и поражающему голою истиною, а драма Жоржъ-Санда произвела впечатлѣніе глубокое и общее; стало-быть она во всѣхъ отношеніяхъ произведеніе замѣчательное.

«Клавдію» давали въ первый разъ въ первыхъ числахъ Января, на театрѣ Сен-Мартенскихъ Воротъ. Исполненіе главныхъ ролей лежало на Гг. Бокажѣ (Реми), Фехтерѣ (Сильванъ), и Г-жѣ Ліа-Феликсъ (Клавдія), сестрѣ извѣстной Рашель. Всѣ роли были выполнены не дурно, но особенное вниманіе заслужила Г-жа Ліа-Феликсъ: Французскіе театральные критики предвидятъ въ ней достойную преемницу славы ея сестры.

Въ числѣ другихъ новостей Парижскихъ театровъ мы знаемъ о слѣдующихъ:

Тайна (Un Mystére), драма въ стихахъ, въ 13 картинкахъ и съ прологомъ, Эмиля Сувестра. Эта драма дана была на театрѣ Ambigu. Содержаніе ея взято изъ XVI вѣка: основная идея—преступленія и раскаяніе Гильома, Графа Пуатусскаго. Произведеніе, не лишенное извѣстныхъ сценическихъ достоинствъ, и написанное не безъ признаковъ дарованія. Авторъ его говоритъ, что это только переводъ или передѣлка стараго сочиненія, написаннаго на Бретонскомъ нарѣчіи; мы не знаемъ должно ли этому вѣрить.

Гудошникъ (Le Joueur de Flûte), комедія въ стихахъ и въ 1 дѣйствіи, Эмиля-Ожье. — Разсказывать содержаніе намъ не хочется: довольно съ васъ, что дѣйствіе происходитъ въ Корнеѣ, въ настоящемъ Корнеѣ, т. е. въ прошедшемъ, въ старомъ, дай-

Digitized by Google

ствующія лица: Лаиса, какой-то Карѳагенянинъ Бомилькаръ, который ее любитъ, какой-то Халцидій, онъ-же и гудошникъ, онъ-же и Аріобацанъ, онъ-же и Ѳессалійскій пастухъ (колыбель пастуховъ, вы это знаете конечно изъ «краткихъ руководствъ къ познанію исторіи»— Ѳессалія), и наконецъ нѣкто Псаумисъ. Одно изъ этихъ лицъ какъ-то продаетъ себя, другое—по необходимости логической — покупаетъ; потомъ—это ужъ безъ всякой необходимости—перепродаетъ свою покупку за полцѣны, и ее же, эту самую покупку, перекупаетъ сама Лаиса — страшно сказать — за сто талантовъ: въ послѣднемъ, разумѣется, вся сильная мысль. Но.... чего не дѣлаетъ любовь, чего не дѣлала она въ особенности въ древности!... Г. Ожье сдѣлалъ изъ всего этого комедію въ одномъ актѣ; мы, правда, не читали ея, и знаемъ, кромѣ содержанія и похвалъ одного Французскаго рецензента, только нѣсколько стиховъ изъ нея, но еслибы насъ стали увѣрять всѣ, что комедія хороша, мы—простите наше упрямство — никому бы не повѣрили; Коринѳъ и Французскіе стихи, Грецiя и Парижскій театръ Французской-Комедіи — помилуйте, кто-же ручается намъ, что все это лучше связалось вмѣстѣ на этотъ разъ, чѣмъ связывалось прежде,—будь это даже нѣчто подходящее къ произведеніямъ того поэта, чьи стихи насъ заставляли учить еще въ дѣтствѣ? Помните:

Madame, oubliez vous,
Que Thésée est mon père et qu'il est votre époux?...

Баронесса Бергамоттъ (La Baronne Bergamotte), водевиль въ 2 дѣйствіяхъ, Сент-Ива и Ксавье. — Этотъ водевиль принадлежитъ театру Сен-Мартенскихъ Воротъ, и къ числу тѣхъ сценическихъ произведеній, въ которыхъ нѣтъ ни особенно-хорошаго, ни особенно-дурнаго: въ Парижѣ такія вещи пекутся какъ въ Москвѣ калачи.

Три пинька (Les trois coups de pied), водевиль въ 2 дѣйствіяхъ, Локруа и Канбруза. — Игранъ на театрѣ Variétés, и принадлежитъ къ одной категоріи съ предыдущимъ, но какъ-будто поостроумнѣе.

Искушенія Антуанетты (*) (Les tentations d'Antoinette), комедія-водевиль въ 5 дѣйствіяхъ, Клервиля и Жюля Кордье.—Игранъ на театрѣ Гимназіи. Одно изъ тѣхъ произведеній, которыя поставляются въ Парижѣ по подрядамъ, слѣдовательно: пять ак-

(*) Мы не заботимся въ этомъ отчетѣ о строгомъ хронологическомъ порядкѣ.

Digitized by Google

товъ, куплеты по голосамъ актеровъ, роли для костюмовъ, которые къ лицу актрисамъ. При всемъ этомъ можетъ быть и смыслъ, подъ-часъ остроуміе, которое такъ дешево на Французскомъ языкѣ, а непремѣнное условіе — глубокое знаніе сцены. Дѣйствіе такъ разсчитано, что если у примадонны хорошъ профиль, она упадетъ передъ вами въ обморокъ непремѣнно въ-профиль. Не разсказываемъ содержанія плода сотрудничества Гг. Клервиля и Кордье затѣмъ, что мы и безъ того слишкомъ часто вкушаемъ эти плоды въ Русскихъ переводахъ и передѣлкахъ. Припомните только какую-нибудь «Войну съ Тещей», и tutti quanti.... Горько.... Но горько зрителямъ, а каково-же актерамъ, понимающимъ и любящимъ двое дѣло?

Враги дома (Les Ennemis de la maison), комедія въ стихахъ и въ 3 дѣйствіяхъ, Камилла Дусѐ.—Вещь недурная, игранная на театрѣ Одеона. Семейная драма, не лишенная истины: дѣйствующіе—люди, если не совсѣмъ какъ люди, все-таки живые, или возможные.

Царство Улитокъ (Le Règne des escargots), обозрѣніе-водевиль въ 3 дѣйствіяхъ (Revue-vaudeville), Лѣвена, Брюнсвика и Артюра де-Бопланъ. Игранъ на театрѣ Водевиля.—Забавный пуфъ на тему пуфа, выпущеннаго Г. Жюльенъ-Тюргѣнъ, о симпатическихъ улиткахъ. Содержанія его разсказывать не для чего, а остротъ, мѣстами точно остроумныхъ—на другомъ языкѣ передать нельзя.

Прибавимъ къ этимъ новостямъ извѣстіе объ одномъ изъ послѣднихъ представленій оперы *Вильгельмъ-Телль*, оперы изъ оперъ, какъ справедливо называетъ ее въ своемъ отчетѣ корреспондентъ Indépendance. Оперы этой не давали уже нѣсколько мѣсяцовъ, но назначили ее для перваго дебюта новаго пѣвца *Мерала* (*Mairalt*). Противно обычаю, и ужъ Богъ знаетъ почему, Г. Рокпланъ не потрудился даже поновить декорацій, не позаботился о кордебалетѣ, и только двѣ какія-то несчастныя сильфиды, худыя, неловкія и даже не красивыя, проплясали что-то очень не интересное, и кажется не въ тактъ. Несмотря на все это, театръ былъ биткомъ-набитъ, и рукоплесканія не смолкали. Вотъ оно, торжество генія! «Зала — говоритъ корреспондентъ *Indépendance*— была, что называется за Альпами, «affolatissima», по-нашему: почти безумствовала. И какъ подумаешь (продолжаетъ тотъ-же фельетонистъ), что этотъ человѣкъ, тотъ, который написалъ это чудо искусства, бросилъ искусство въ сорокъ лѣтъ, какъ будто въ насмѣшку надъ нашимъ восторгомъ, промѣнялъ театръ на кухню,

Digitized by Google

славу на какую-нибудь Итальянскую колбасу, досадно становится за этотъ Парижъ, который воздвигаетъ ему статуи, называетъ улицы его именемъ. Мы здѣсь рукоплещемъ, мы плачемъ, бѣснуемся, сходимъ съ ума, а онъ въ своемъ полуразвалившемся дворцѣ въ Болоньи, какъ Жидъ, вымѣниваетъ какую-нибудь дрянь, или возится надъ приготовленіемъ макароновъ—Мераль»—замѣчательный артистъ: его голосъ—мягкій баритонъ.

Буря Гг. Скриба и Галеви (не называйте ея пожалуйста Шекспировой) производитъ furore, и мы готовы этому повѣрить: Зонтагъ, Лаблашъ и синьора Розати, танцовщица di primo Cartello — какихъ не сдѣлаетъ чудесъ такой тріумвиратъ! И всѣмъ этимъ Парижъ обязанъ Г. Лумлею, этому импресаріо изъ импресаріевъ, съ которымъ едва-ли сравнится самъ Г. Барнумъ, полонившій Шведскаго соловья. Г. Лумлей даетъ на Италіанскомъ-Театрѣ подрядъ: Лучію, Лукрецію, Линду, Дона Паскуала.... и нѣтъ конца музыкальнымъ удовольствіямъ, нѣтъ словъ, которыя бы дали понятіе о сборищахъ и сборахъ.... Богатство костюмовъ, удивительный оркестръ, танцовщицы — Г. Лумлей не забываетъ ничего....

Въ Лучіи недавно дебютирована *Г-жа Каролина Дюпре*, дочь знаменитаго тенора. Онъ самъ игралъ Эдгара. — *Г-жа Жюдитъ* появилась опять на сценѣ въ «Донъ-Хуанѣ Австрійскомъ», Казимира Делавиня. Для новой актрисы, чрезвычайно, говорятъ, замѣчательной, *Г-жи Мадленъ-Броденъ*, репетируется: «Капризы Маріанны».

Позвольте: ужъ кстати (читай: не кстати), пусть тотъ-же корреспондентъ Indépendance разскажетъ вамъ о замѣщеніи академическихъ креселъ Г. Дроза, о смерти котораго вы знаете. Вотъ его слова: «вчера, 9-го Января пов. ст., двадцать голосовъ изъ тридцатипяти отреклись отъ науки и искусства, избравъ членомъ Французской Академіи Г. Монталамбера За Гг. Мюссе и Понсара было только по два голоса! Нужно было литератора, поэта — и избранъ не-литераторъ и не-поэтъ. Мольеръ не былъ членомъ Академіи: теперь помѣстили въ нее Тартюфа, и Академія смотритъ на эту почтенную особу глазами добряка-Оргона. Герои, устоявшіе противъ необъяснимаго порыва Академіи, заслуживаютъ особеннаго упоминовенія: это Гг. Викторъ-Гюго, Аппи (Empis), Патенъ (Patin) и Ламартинъ. Г. Вилмэнъ не рѣшился ни pro ни contra.»

Digitized by Google

... Но возможно ли, не переведя духа, разсказать не только все о Парижѣ, но и объ однихъ даже Парижскихъ театрахъ.. Мы лучше перейдемъ.... такъ-и-быть-же: театры, такъ театры, но довольно о Парижскихъ; вотъ кое-что о театрахъ въ Соединенныхъ-Штатахъ.

—

Драматическое искусство въ Соединенныхъ-Штатахъ, несмотря на безпрестанныя сношенія ихъ съ Европой, находится въ состояніи младенческомъ. Театры снаружи похожи на Европейскіе, но комфорта и слѣда нѣтъ: мѣста не нумерованы, сидишь на деревѣ, освѣщеніе ни на что не похоже. Декораціи пишутся точно метлами, туземными художниками — стало быть очень дурно. Костюмёры умѣютъ только кроить и снимать мѣрку, а историческаго знанія своего дѣла не имѣютъ: случается за-частую, что современникъ Лудовика XIII выходитъ на сцену въ бронѣ временъ Франциска, или въ костюмѣ Маркиза—эпохи Регентства, и пудрѣ. Все это происходитъ болѣе всего оттого, что директоры Американскихъ театровъ только торгаши, и иногда развѣ бывшіе хозяева звѣринцевъ, или трактирщики: это еще лучшіе. А извѣстное дѣло:

»Бѣда, коль пироги....«

Французскій путешественникъ, у котораго мы заимствуемъ эти свѣдѣнія, говоритъ, что онъ провелъ въ Соединенныхъ-Штатахъ десять лѣтъ, и, по любви своей къ театру, старался доказать тамошнимъ директорамъ всю важность костюмировки, давалъ имъ наставленія, и убѣждалъ ихъ также озаботиться объ удобствѣ залъ и освѣщеніи, — но большею частію проповѣдывалъ въ пустынѣ.

Въ самомъ Нью-Йоркѣ теперь десять театровъ. Вотъ ихъ названія: *Opera-House* или *Astor-Place*, *Niblo's Garden*, *Broadway-T.*, *Bowery-T.*, *National-T.*, *Olympic*, *Burtows-T.*, *Brougham Lyceum*, *Museum* и *Castle-Garden*. Играютъ въ Нью-Йоркѣ все что хотите. Шведскій соловей не первый залетѣлъ туда—Италіанцы поютъ круглый годъ; трагики декламируютъ Коцебу, Бульвера, Шеридана, Кауля (Kuowel), и самого Шекспира; но гдѣ нынче не достается бѣдному Шекспиру, и отъ кого?... Англійскіе пѣвцы распѣваютъ переводы Французскихъ оперъ, съ музыкой Англійскаго происхожденія; канатные плясуны пляшутъ на самыхъ туго-натянутыхъ канатахъ; комики разыгрываютъ произведенія Французскихъ академиковъ и неакадемиковъ—Гг. Скриба, Мельвиля и К°; наконецъ нѣкоторые мѣстные ревнители искусства, драматурги по досугу—гдѣ же ихъ нѣтъ, увы! – ввели и національныя произведенія, вдвойнѣ оригинальныя; но

Digitized by Google

всего оригинальнѣе, по нашимъ понятіямъ, выполненіе. Содержаніе же этихъ національныхъ Сѣверо-Американскихъ произведеній во всѣхъ одно и то-же: вездѣ Вашингтонъ съ своими генералами; чѣмъ больше актовъ, тѣмъ больше генераловъ, и тѣмъ больше скуки: вотъ и вся разница между первымъ, вторымъ и десятымъ.

—

... Отъ шума и трескотни Парижа, отъ Англійской музыки Соединенныхъ-Штатовъ, мы полетимъ отдохнуть въ Дрезденъ.

Знаете ли вы что такое Дрезденъ?—Столица и главный городъ Саксоніи, при Эльбѣ, имѣетъ монетный дворъ...— Не то.

...Давно, лѣтъ тому десять-пятнадцать, намъ случалось часто видаться съ однимъ, тогда уже почтеннымъ, старичкомъ, въ своемъ родѣ большимъ оригиналомъ и даже маніакомъ. Старичекъ въ молодости много путешествовалъ, частію объѣздилъ, частію, вслѣдъ за Русскими знаменами, исходилъ на конѣ полъ-Европы, и—сказать правду—сохранилъ въ своей памяти почти одни только свои военные подвиги: или ужъ время тогда было такое, что передъ дѣлами и славой Русскаго оружія мерклo все.... Богъ знаетъ!... Какъ бы то ни было, старичекъ разсказывалъ очень мало замѣчательнаго о чужихъ краяхъ: говорилъ онъ, правда, что, когда Русскія войска вступали въ Парижъ, то Француженки прыгали къ офицерамъ на сѣдлы, — увѣрялъ, что онѣ казаковъ совсѣмъ не боялись, а что если это и пишутъ Французы, такъ, пожалуй, можно и не то выдумать; вообще же кругъ воспоминаній старичка, кромѣ военныхъ, былъ весьма ограниченъ. Но былъ одинъ пунктъ, о которомъ онъ никогда не могъ вспомнить безъ особеннаго ощущенія: этотъ пунктъ — Дрезденъ. «Да! — говаривалъ онъ и въ началѣ и въ концѣ разсказа о Дрезденѣ, а иногда и просто ужъ такъ отъ восторга, ни къ селу ни къ городу — кто видѣлъ Дрезденскую Галлерею и Мадонну Рафаэля, тотъ можетъ судить объ искусствѣ!»—Всѣ слушатели, разумѣется, соглашались съ страннымъ заключеніемъ добраго старика (развѣ бываютъ старики недобрые?), но.... дѣло, пожалуй, не въ его заключеніи: мы помянули его слова для того, чтобы настроить васъ подъ ладъ, на которой намъ больше всего нравится Дрезденъ, и на который мы и хотимъ здѣсь сказать о немъ.

Дрезденъ—столица искусства, конечно; но этимъ именемъ, пожалуй, вы назовете и другіе города: Парижъ, Лондонъ, Петербургъ, и т. д., и будете правы. И поэтому мы прибавимъ: Дрезденъ—столица древняго искусства — музеевъ и художественныхъ собраній. — Оставимъ на этотъ разъ въ сторонѣ знаменитую Картинную Галлерею, съ ея

Digitized by Google

Мадонною, и всѣми достопримѣчательностями, о которыхъ многіе знаютъ достаточно, а для незнающихъ нельзя бы было сказать довольно, и взглянемъ на другія собранія, не менѣе замѣчательныя.

Галлерея вооруженій, съ историческимъ собраніемъ костюмовъ, чрезвычайно богата: тутъ историческіе памятники всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Не говоря о шляпѣ Фридриха-Великаго и сапогахъ Наполеона, передъ которыми останавливается толпа, особенно замѣчательны: высѣченныя вооруженія Нюренбергскія и Миланскія, удивительныя боевыя брони, мечи, кинжалы разныхъ видовъ, аркебузы, пращи, пики, аллебарды,—и все это расположено систематически, и съ удивительнымъ вкусомъ. Эта галлерея уступаетъ Вѣнской только богатствомъ восточными вооруженіями, но она во всѣхъ отношеніяхъ богаче Парижскаго Артиллерійскаго Музея и Armeria Real въ Мадритѣ. Ни въ одномъ собраніи нѣтъ такого числа полныхъ вооруженій. Есть одно, между прочимъ, дѣланное и высѣченное въ Флоренціи по рисункамъ Бенвенуто-Челлини: это—чудо искусства и выполненія. Другое вооруженіе, совершенно-черное и безъ малѣйшихъ украшеній, замѣчательно по своему назначенію. Оно употреблялось въ такъ-называемыхъ юридическихъ дуэляхъ, или судахъ Божіихъ, и вѣсъ его таковъ, что до смерти убивалъ того, кто падалъ, раненый противникомъ.— Чрезвычайно-полезно историческое собраніе костюмовъ новаго времени: ткани вообще, правда, неочень свѣжи, но все-таки здѣсь прекрасное справочное мѣсто для художника—живописца, костюмера.

Кабинетъ драгоцѣнныхъ камней. Собраніе ослѣпительное: бриллiантамъ, рубинамъ, сафирамъ, изумрудамъ, жемчугу—нѣтъ счета. Стоитъ — пишетъ недавно одинъ туристъ — взглянуть на этотъ кабинетъ, и повѣришь Шехеразадѣ. Богатство этого собранія такъ велико, что еслибы часть его и пропала, безъ особенной нужды въ той или другой вещи, почти невозможно бы было замѣтить пропажу. По этому поводу есть въ Дрезденѣ преданіе объ одномъ происшествіи, очень недавнемъ. Надзоръ за кабинетомъ былъ порученъ какому-то знатному и благородному Имперскому Барону. Баронъ былъ богатъ, но денегъ на всѣ баронскія фантазіи не доставало. Долги росли, но вдругъ стали уплачиваться очень скоро; понятно, что, когда отыскалось легкое средство платить за фантазіи Барона, стали расти и самыя фантазіи: это ужъ такая вещь. Въ одинъ прекрасный, или, вѣрнѣе, несчастный день, къ Саксонскому Королю пожаловалъ какой-то почетный гость, передъ которымъ Королю вздумалось похвалиться своими регаліями. Послали къ Барону за ключами, и когда пришли въ кабинетъ, нѣкоторыхъ драгоцѣнно-

стей не досчитались. Баронъ разсудилъ за лучшее прямо признаться въ томъ, что онъ ихъ продалъ одну за другой, разумѣется, только не въ Дрезденѣ. Имѣніе у него отняли, и, продавъ его, выручили часть утраченныхъ драгоцѣнностей. Самъ же онъ былъ посаженъ въ государственную тюрьму. — Теперь надзоръ за кабинетомъ порученъ нѣсколькимъ лицамъ, и такъ, что каждое имѣетъ одинъ только ключъ отъ каждаго ящика, который, смотря по важности, отворяется двумя, тремя, пятью ключами. — Кабинетъ драгоцѣнностей обращаетъ на себя вниманіе посѣтителя не однимъ богатствомъ, но и отдѣлкой древнихъ драгоцѣнностей и примѣчательными золотыми издѣліями среднихъ вѣковъ: слѣдъ искусства вездѣ. Коллекція рѣзныхъ камней, и другая — стараго, Саксонскаго фарфора, едва-ли допускаютъ совмѣстничество: первая необходима для ваятелей и граверовъ, корымъ для образцовъ формы никакъ не обойдтись безъ древности; вторая была бы особенно полезна для живописцовъ и всѣхъ вообще художниковъ, занимающихся въ стилѣ рококо и пошадуръ: образцы того рода, который извѣстенъ подъ общимъ названіемъ *genre Louis XV*, собраны здѣсь въ огромномъ количествѣ и большомъ разнообразіи.

Коллекція эстамповъ. Это одно изъ самыхъ богатыхъ и рѣдкихъ въ своемъ родѣ собраній, едва ли не въ цѣлой Европѣ. Художникъ не возьмется оцѣнить его. Начало этого собранія относится къ XVI вѣку, а выборъ предметовъ ручается за вкусъ и знаніе собирателей: нѣтъ ничего незначительнаго, неважнаго. Большая часть эстамповъ и очень рѣдки и удивительно сохранены. Такъ же какъ и въ Картинной Галлереѣ, каждую школу представляютъ здѣсь лучшіе мастера: богаче всѣхъ количествомъ, разумѣется Нѣмецкая школа. Второе мѣсто, по важности, принадлежитъ произведеніямъ Бельгійскихъ граверовъ XVII вѣка: есть, въ числѣ послѣднихъ, двѣ вещи, почитаемыя за единственныя, потому что онѣ рѣзко отличаются отъ оттисковъ съ тѣхъ же досокъ, находящихся въ другихъ собраніяхъ; это: 1) *портретъ Карла Колонны*, гравированный Паулъ-Понціусомъ, по Ван-Дику, и 2-е) *портретъ Николая Рококса*, гравиров. Ворстерманомъ, тоже по Ван-Дику. Оба гравера были Антверпенцы. — Хранителемъ Галлереи Эстамповъ, въ концѣ прошедшаго столѣтія, былъ нѣкто Баронъ Гейнекенъ, человѣкъ очень свѣдущій, и написавшій очень много объ исторіи гравернаго искусства. Онъ былъ, кромѣ того, большой любитель, и составилъ для себя прекрасную коллекцію — небольшую, но изъ самыхъ драгоцѣнныхъ эстамповъ. По достоин-

Digitized by Google

ству его эстампы были лучше Королевскихъ, и нѣкоторыхъ экземпляровъ его собранія вовсе не было въ собраніи Короля. У Гейнекена скупили его собраніе, и постановили съ тѣхъ поръ правиломъ, чтобы чиновники, которымъ порученъ надзоръ за Галлереею Эстамповъ не имѣли своихъ коллекцій въ этомъ родѣ.— Въ Галлереѣ Эстамповъ, кромѣ гравюръ, есть и рисунки знаменитыхъ мастеровъ не только XVII вѣка, но и старыхъ школъ Брюгенской и Антверпенской—Ван-Эйка, Гемлинга, Квинтина, Мециса, Рубенса, Іорданса, Ван-Дика, и т. д. Общее вниманіе знатоковъ преимущественно обращаетъ на себя *портретъ Конда*, писанный чернымъ карандашомъ самимъ Ван-Дикомъ. Но перлъ этого собранія — *небольшой альбомъ*, переплетенный въ пергаментъ, весь пожелтѣвшій отъ времени, и наполненный эскизовъ мастерской и смѣлой руки: это альбомъ Рембрандта — альбомъ его путевыхъ впечатлѣній, выражаясь принятымъ нынѣче терминомъ. Есть въ немъ эскизы кое-какихъ композицій, но всего болѣе этюдовъ костюмовъ, пейзажей, морскихъ видовъ и видовъ городовъ. Многіе изъ этюдовъ мѣстностей сняты съ окрестностей Антверпена: не забытъ и замокъ Теньера. — Подлинность этого альбома не подвержена сомнѣнію: ее свидѣтельствуетъ между прочимъ надпись руки живописца Дитриха, купившаго его для подарка Дрезденскому собранію у одного Португальскаго художника, который досталъ его въ Амстердамѣ.

Очень недавно была въ Дрезденѣ выставка произведеній современной живописи. Вотъ замѣчанія о ней одного художника: »Выставка произведеній современныхъ Нѣмецкихъ живописцевъ съ перваго взгляда разочаровываетъ зрителя, сколько-нибудь знающаго. Нѣтъ въ цѣломъ ничего выше посредственнаго. Иныхъ живописцевъ нынѣшнихъ, Французскихъ, Голландскихъ, не даромъ упрекаютъ въ томъ, что они занимаются только матеріальною стороною своего дѣла, и, для выполненія, пренебрегаютъ выборомъ сюжета и композиціи,—въ томъ, однимъ словомъ, что они черезчуръ матеріалисты. Нѣмецкіе художники, напротивъ, преслѣдуютъ одну только идею: о средствахъ ее выразить они не заботятся. Есть у нихъ, пожалуй, и поэзія, и философія, и метафизика, но живописи нѣтъ. И можно бы еще допустить эту односторонность, еслибъ исполнители были люди съ первоклассными дарованіями, но такого дарованія на Дрезденской выставкѣ нѣтъ и слѣда. Возвращаюсь къ ней. Все исполнено претензіи, аффектировано—и въ историческихъ сюжетахъ, и въ эпизодахъ военныхъ картинъ. Если гдѣ только была возможность изобразить идею естественно, будьте увѣрены,

Digitized by Google

что артистъ обошелъ этотъ путь. Естественное, натуральное — по плечу всякому: цѣль ихъ усилій — поэзія Иманія поэтизировать доходитъ у нихъ до нелѣпости. Не ищите, напримѣръ, и въ сотнѣ картинъ одну съ прозаическимъ сюжетомъ Голландской или Антверпенской школы, какой-нибудь кухни что-ли, съ грудой жестяныхъ блюдъ и тарелокъ, мѣдными кострюлями, дичью, плодами и овощью, разбросанными по полу, и фигурою на второмъ планѣ въ видѣ аксессура: объ этомъ и думать не надо, а между тѣмъ поневолѣ пожалѣешь о яркомъ и жаркомъ колоритѣ нашихъ молодыхъ художниковъ, несмотря на то, что они вообще вдаются въ крайность противоположную Нѣмецкой. — Я надѣялся выкупить непріятное впечатлѣніе религіозныхъ картинъ и Нѣмецкаго жанра на пейзажахъ, но и въ этомъ ошибся: въ Германіи есть искусные пейзажисты, но они въ Мюнхенѣ и Дюссельдорфѣ, а не въ Дрезденѣ. Между тѣмъ нѣтъ, кажется, недостатка въ живописныхъ видахъ природы кругомъ художника: окрестности Дрездена, берега Эльбы, знаменитая Саксонская Швейцарія — чего бы имъ еще! Впрочемъ, я предлагалъ себѣ не разъ тотъ же вопросъ о провинціяхъ Литтиха и Намюра, въ которыхъ повидимому должно бы было родиться бездна пейзажистовъ, а ихъ нѣтъ.— Изъ Бельгійскихъ живописцевъ я видѣлъ на Дрезденской выставкѣ произведенія одного *Вербёховена*: есть одна его картина, небольшая, съ барашками, курочками, утками—посреди граціознаго и веселаго пейзажа, на которой пріятно отдохнуть зрѣнію послѣ цѣлаго ряда произведеній бездарныхъ и тяжелыхъ».

Замѣчательны въ смыслѣ искусства нынѣшнія работы въ Королевскомъ Дрезденскомъ дворцѣ. Онѣ поручены даровитому художнику *Бендемману*, ученику Корнеліуса и соученику Каульбаса. Бендеманнъ родомъ Баварецъ, учился въ Мюнхенѣ, и потомъ поселился въ Берлинѣ, откуда былъ вызванъ Саксонскимъ Королемъ.

Пріѣхавъ въ Дрезденъ, Бендеманнъ скоро увидѣлъ, что мудрено создать въ Саксоніи школу живописи, которая хоть бы издали не слишкомъ отстала отъ Мюнхенской, Берлинской и Дюссельдорфской. Его возвели въ званіе живописца Короля и директора Академіи. Первою заботою Бендеманна было—образовать молодыхъ людей, которые могли бы помочь ему въ исполненіи дѣла, возложеннаго на него Королемъ: нужно было расписать ал-фреско нѣсколько залъ дворца; для этого, какъ извѣстно, художнику необходимы сотрудники, которые бы выполняли рисунки его картоновъ. Въ непродолжительное время Бен-

Digitized by Google

деманнъ приготовилъ нѣсколькихъ молодыхъ людей по своимъ требованіямъ, и теперь работы во дворцѣ въ полной дѣятельности. Бендеманнъ отдѣлываетъ одну часть дворца, совершенно поновленную внутри: онъ работаетъ въ одно и тоже время въ двухъ залахъ; одна будетъ бальная зала, другая назначена для торжественныхъ и офиціальныхъ собраній—въ особенности для пріема депутатовъ послѣ засѣданій. Сюжеты, имъ избранные, соотвѣтствуютъ назначенію залъ. Когда рѣчь о томъ, чтобъ сообразить цѣлое сюжетовъ въ логическомъ порядкѣ и дойдти до того, чтобъ связь между ними была естественная, можно смѣло положиться на Нѣмецкаго живописца.—Въ бальной залѣ представлены художества въ совершенно-новой, символической формѣ. Фризъ верхней части расписанъ цѣлымъ рядомъ группъ, связанныхъ между собою, и представляющихъ всѣ многоразличныя приложенія способности человѣка въ умственномъ мірѣ. Въ пріемной залѣ Бендеманнъ посвятилъ четыре главные сюжета изображенію главныхъ сословій, изъ которыхъ состояла нація въ средніе вѣка: тутъ воинъ, духовный, горожанинъ и крестьянинъ. Наиболѣе характеристичныя ихъ занятія обозначены рядомъ эпизодовъ, находящихся въ непосредственномъ отношеніи къ одной мысли. Мотивъ фриза—исторія общественной жизни въ средніе вѣка, отъ рожденія человѣка до его смерти.

Композиціи Бендеманна доказываютъ ученость его, свѣтлость и вкусъ. Рисунокъ — замѣчательно правиленъ и щеголеватъ; но колоритъ не соотвѣствуетъ другимъ достоинствамъ картинъ. Бендеманнъ и самъ это знаетъ, но надѣется, что въ залахъ еще не отдѣланныхъ, онъ управится съ этимъ недостаткомъ. Чтобы судить о важности его работъ, довольно упомянуть, что онъ занятъ ими уже четыре года, и думаетъ кончить ихъ не раньше, какъ черезъ шесть лѣтъ.....

Два слова о Дрезденскомъ театрѣ. Драматическая его часть не совсѣмъ богата: любимая пьеса — *Разбойники* Шиллера, которые даются безпрестанно, и пріобрѣли во всей Германіи популярность, съ которой идетъ въ сравненіе развѣ популярность *Фрейшюца*: Фрейшюцъ — необходимое основаніе всякаго Нѣмецкаго музыкальнаго репертуара. Въ Комической-Оперѣ часто повторяютъ одно и то же, и болѣе всего *Дочь втораго полка* (La Figlia del Regimento); пѣвцы очень незадорны.... или, пожалуй, и задорны, но толка для слушателей отъ нихъ мало. Труппа Большой Оперы лучше: доказательствомъ служитъ уже и блистательный успѣхъ *Пророка* на Дрезденской сценѣ. Мейерберъ пріѣзжалъ ставить его самъ, и овація, имъ здѣсь выдержанныя, превосшли

Digitized by Google

въ неистовствѣ Берлинъ и Вѣну. — Устройство театра не удобно, и видъ его печаленъ.

Но вотъ одна изъ любопытныхъ принадлежностей Дрездена: это—частный оркестръ. Въ Дрезденѣ, такъ же и въ другихъ частяхъ Германіи, музыка — потребность каждаго дня. Она — необходимое дополненіе при любомъ образѣ жизни, дѣятельномъ или пустомъ. Въ Австріи, Пруссіи, Саксоніи, даже въ самыхъ ничтожныхъ городахъ есть учрежденія, какъ бы имѣющіе цѣлью доказать всѣмъ классамъ населенія, что нѣтъ удовольствія выше музыки. Къ такому роду учрежденій принадлежитъ въ Дрезденѣ частный оркестръ: онъ даетъ ежедневные концерты, устроенные довольно своеобразно. На живописномъ берегу Эльбы, на мѣстоположеніи, есть большая терраса, усаженная красивыми деревьями, кустами и цвѣтниками: тутъ публичное гулянье. Въ лѣтніе вечера народа бываетъ бездна; есть кофейни, гдѣ «жаждущіе уста» находятъ всякаго рода прохладительныя, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаетъ пиво: — хмѣль вообще въ большомъ почетѣ. Въ одной изъ этихъ кофеенъ — и расположенъ оркестръ, состоящій изъ слишкомъ тридцати человѣкъ. При входѣ берутъ за музыку не болѣе десяти сантимовъ (около $2\frac{1}{2}$ коп. сер.) Пиво можете пить, или не пить, а музыку тогда слушайте сколько хотите; но если не хотите слушать стоя, приходите раньше восьми часовъ, или приносите съ собою складной стулъ — иначе не на чѣмъ будетъ сѣсть вамъ.... Программа концерта вывѣшана въ залѣ. Если вы попали въ Дрезденъ въ первый разъ, да вдобавокъ вообще плохо знаете Германію, вы ждете вальсовъ Страуса, Ланнера, Лабицкаго, чего добраго — полекъ; не безпокойтесь: вамъ будутъ играть Бетховена, Моцарта, Вебера. Не бойтесь тоже ни шума, ни звона и чоканья стакановъ, этого довольно-обыкновеннаго дополненія къ воздушной музыкѣ по всему бѣлому свѣту.... Шума и звона стакановъ въ Дрезденѣ не будетъ.. Да вотъ, взгляните. Музыка играетъ, и все слушаетъ въ какомъ-то почтительномъ безмолвіи. Нѣмцы молча курятъ — вообще довольно-гадкія сигары; Нѣмки, чистенькія, чопорныя, немножко облизанныя, вяжутъ— всѣ безъ исключенія. Какого еще удовольствія! оркестръ въ самомъ дѣлѣ прекрасный: слышите-ли, какое утонченное чувство музыкальныхъ оттѣнковъ? едва-ли встрѣтите вы это достоинство гдѣ-нибудь кромѣ Германіи; въ другихъ странахъ инымъ виртуозамъ не угнаться бы въ исполненіи хоровой музыки за этими менестрялями.... Оркестръ будетъ играть долго, Нѣмецъ будетъ его слушать, потомъ запьетъ свои внечат-

Digitized by Google

лѣнія пивомъ, и пойдетъ толковать съ пріятелемъ о политикѣ. Эти толки не опасны: они ограничиваются большею частію однѣми замѣчаніями, правда до того глубокомысленными, что ихъ на половину не понимаютъ и самые собесѣдники, но слушать ихъ вообще скучно... Остроумнаго, живаго нѣтъ ничего... Не лучше ли если вамъ еще не наскучила музыка и театры, перейдти прямо къ Брюссельскимъ театрамъ...

—

Взглянемтѣ, въ самомъ дѣлѣ, мелкомъ на Брюссельскіе театры. Прежде всего, на всякой случай, не забудьте, что въ Брюсселѣ всего два театра: *Французско-Италіанскій* и Театръ *Водевиля*. Играютъ на нихъ, кромѣ оперъ, все на Французскомъ языкѣ. Актеры, репертуаръ — все изъ Франціи; этого мало: Русской актеръ на каникулярное время ѣдетъ изъ Москвы въ Калугу, Тулу, и т. д., Французской — въ Брюссель; вся разница въ томъ, что изъ Парижа въ Брюссель пріѣдешь скорѣе, чѣмъ изъ Москвы въ Калугу....

Говорить много о пьесахъ Брюссельскаго репертуара — понятно — не стоитъ: въ отношеніи къ театрамъ, Брюссель не другое что, какъ предмѣстье Парижа; что идетъ въ Парижѣ, то пойдетъ и въ Брюсселѣ, если только найдутся всѣ нужные актеры — впрочемъ, должно отдать всю справедливость столицѣ Бельгіи, иногда и безъ этого условія. Въ послѣднее время драматическая хроника Брюссельскаго театра занесла на свои страницы: *Іоанна Кальвина* драму въ 5 дѣйствіяхъ Марка Фурнье; *Семь Инфантовъ Лары*, драму въ 5 дѣйствіяхъ Мальфилья; *Les Extases de M. Hochenez*, водевиль въ 1 дѣйствіи (что-то такое, гдѣ идетъ дѣло о магнизированіи барина слугою: мы, если не ошибаемся, видѣли эту пелѣпость, не такъ давно, на Московской сценѣ), *Трефовую Даму*; *Мелкія Средства*; *Послѣдствія фейерверка*, и еще нѣсколько комедій-водевилей, водевилей, фарсовъ — извѣстнаго рода штукъ, годныхъ на два, на три представленія, въ которыхъ отличаются Парижскіе артисты: *Г. Феликсъ*, довольно-извѣстный комикъ театра Гимназіи, и *Г-жа Октавъ*, очень-хорошенькая актриса, состоящая на роляхъ первыхъ любовницъ; о ней можно сказать, что она прекрасно знаетъ свое дѣло, куритъ и пьетъ (разумѣется на сценѣ — кто смѣетъ проникнуть въ таинственный закулисный міръ!), не отставая отъ вѣка, танцуетъ польку съ чувствомъ, а разные па, извѣстные преимущественно extra muros Парижа — съ удивительнымъ шикомъ. Брюссельцы очень довольны.... и мы тоже.

Digitized by Google

Всѣ исчисленныя пьесы даются и на томъ и на другомъ театрѣ: оперы — только на Французско-Италіанскомъ. Брюссельцы говорятъ о себѣ, что они очень строги въ дѣлѣ музыкальнаго вкуса: пусть же это свойство останется за ними. Во всякомъ случаѣ опера идетъ въ Брюсселѣ не совсѣмъ дурно; на дняхъ какъ-то долженъ былъ идти *Донъ-Хуанъ*, но не пошелъ—за неимѣніемъ Эльвиры. Дѣлать было нечего: обойдтись безъ Эльвиры возможности не нашлось, нужно было придумать средство обойдись безъ Донъ-Хуана. И поставили въ первый разъ *Анна-Болена*. Успѣхъ превзошелъ ожиданія... Но, кстати, слыхали-ли вы исторію этой прекрасной поэмы, одной изъ лучшихъ своего творца?

Донизетти, только что оставивъ военную службу, заключилъ съ Барбайа — кто не знаетъ Барбайи? — условіе, по которому обязался быть поставщикомъ на всѣ почти лирическіе театры Италіи, одно изъ тѣхъ условій, которыя умѣлъ дѣлать одинъ Барбайа, и въ которыхъ всѣ Лумлеи и Барнумы стараго и новаго свѣта передъ нимъ мальчики... Промѣнявъ «блистанье латъ» на служеніе музамъ, карабинъ — на лиру, молодой маэстро взялся доставлять своему благодѣтелю (Барбайа умѣлъ всегда устроить дѣло такъ, что всякой считалъ себя одолженнымъ имъ) четыре партиціи въ годъ, двѣ оперы-серіа и двѣ оперы-буффо. Барбайа разсылалъ Донизетти изъ края въ край Италіи — изъ Рима въ Венецію, изъ Милана въ Неаполь. Донизетти садился въ веттурино, и ужъ не спрашивалъ, куда онъ ѣдетъ. Пріѣдетъ, вылѣзетъ, подадутъ ему либретто: пиши. И пишетъ Донизетти. — Однажды пріѣзжаетъ онъ въ Миланъ: входитъ къ иль-синьйору Риккорди, у котораго сбирались всѣ артисты города; глядь, является другой синьйоръ, или синьйорикъ, секретарь иль-синьйора Барбайи, и, не говоря дурнаго слова, подаетъ ему либретто. — Импресаріо — говоритъ онъ — извиняется: но лучшаго отъ ничего у себя не нашелъ. — Это либретто и была — Анна-Болѣна. Противъ ожиданія Барбайи, оно понравилось Донизетти, заняло его болѣе прежнихъ (большинство нашихъ читателей пойметъ почему: мы и не разсказываемъ его содержанія, не имѣя ни малѣйшей охоты утомлять вниманіе вещами давноизвѣстными), и онъ создалъ прекрасную поэму — повторяемъ, одно изъ лучшихъ его произведеній, сохранившихъ всю свѣжесть юношескаго вдохновенія художника, этого признака силы, еще не истощившейся отъ того безпрестаннаго и докучнаго труда, который преждевременно пресѣкъ въ Донизетти родники его мысли и самой жизни. Не надо забыть, что, когда была написана Анна-Болѣна, Италіанцы не хотѣли знать никого, кромѣ Россини.

Google

это-то, всего вѣроятнѣе, и заставило поэта-труженика писать въ Россиніевскомъ духѣ, но то же самое и должно оправдать Доницетти передъ тѣмъ, кто, въ особенности въ Анна-Болѐнѣ, упрекнетъ его въ подражательности; онъ былъ орудіе Барбайи, а Барбайѣ былъ нуженъ не судъ знатоковъ, а сочувствіе массы, которой божество — мода: Россини-же для нея тогда былъ въ модѣ, какъ потомъ, извѣстное время, Верди, какъ теперь Буря, и т. д.... И Анна-Болѐна дала Барбайѣ больше даже, чѣмъ онъ ожидалъ.

Когда въ первый разъ поставили эту оперу въ Брюсселѣ, она произвела замѣчательное впечатлѣніе, такое, котораго не запомнятъ со времени перваго представленія Матильды-ди-Сабранъ. Этому успѣху много содѣйствовалъ превосходный теноръ *Лучези*. Говорятъ, будто въ роли Перси, Лучези, по-своему, не уступитъ Рубини; что еще прибавлять къ этому!... *Г-жа Медори* въ роли Королевы тоже весьма удовлетворительна. Извѣстно, что эту роль, чрезвычайно благодарную, особенно любили и Паста и Джулія Гризи, сестра Карлотты Гризи, которой теперь рукоплещетъ Петербургъ.... Роль Генриха VIII игралъ *Цуккони*, и такъ хорошо, что напомнилъ Лаблаша — Лаблаша, который, кромѣ музыкальнаго выполненія, славится добросовѣстностію, съ которою занимается своими ролями во всѣхъ отношеніяхъ. Мы читали гдѣ-то, что въ роли Генриха VIII Лаблашъ даже лицомъ былъ какъ нельзя болѣе похожъ на Короля; утверждаютъ, будто онъ долго изучалъ портретъ Генриха, писанный Голбейномъ, и приглядывался къ его костюмамъ, изъ коихъ нѣкоторые хранятся въ Лондонскомъ Тауэрѣ.... Завидная и почтенная любовь къ своему искусству! — Роль Жанны Сеймуръ исполняла *Альдини*, довольно слабо. *Г-жа Бискотини-Флоріо* хороша въ роли пажа. Бассо — *Феррара*, тоже очень не дуренъ. — Въ Анна-Болѐнѣ, такъ же какъ и передъ тѣмъ въ Линда-ди-Шамуни, къ женскому хору присоединили нѣсколько мужскихъ голосовъ, безъ ущерба для сюжета введя на сцену мальчиковъ: это нововведеніе очень удачно, потому что голоса послѣднихъ, при ихъ рѣзкости, служатъ прекраснымъ дополненіемъ къ мягкимъ голосамъ женскимъ.

Но театры — и каждый это знаетъ — составляютъ далеко не занимательнѣйшую сторону Бельгійской жизни: Брюссель важенъ какъ средоточіе торговли цѣлаго приморскаго края; сверхъ того онъ одинъ изъ главныхъ промышленныхъ городовъ Европы, по этому чрезвычайно-интересны для всякаго статическія цифры Брюсселя, да и вообще всей Бельгіи

Digitized by Google

Пробѣжимъ во-первыхъ сравнительную таблицу вывоза, привоза и потребленія Бельгіи за одиннадцать первыхъ мѣсяцевъ годовъ: 1848, 1849 и 1850 (*).

ВЫВОЗЪ. — Бельгійскіе товары.

	1848.	1849.	1850.	
Оружія ручнаго на	5,050,000	5,200,000	4,800,000	фр.
Скота рогатаго и мелкаго	99,000	94,200	85,000	гол.
Лошадей и жеребятъ	8,500	10,600	14,500	——
Каменнаго угля	1,500,000	1,500,000	1,800,000	тон.
Хлопчатой бумаги непряденой	1,290,000	2,520,000	2,800,000	кил.
Кожъ сырыхъ и сухихъ	64,000	68,000	240,000	——
Дубильнаго корья	9,000,000	8,500,000	10,500,000	——
Чугуна недѣланаго	58,000	40,000	90,000	тон.
—— дѣланаго	255,000	344,000	800,000	кил.
Желѣза полоснаго и гвоздей	7,000,000	8,500,000	9,500,000	——
Пакли	8,000	6,800	2,500	——
Пряжи	606,000	1,500,000	1,400,000	——
Сурѣпнаго сѣмени	2,700	80,000	18,000	гек.
Зернового хлѣба:				
пшеницы	56,000,000	55,000,000	28,000,000	——
ржи, овса, гречихи, бобовъ, ячменя, и проч.	15,000,000	7,000,000	4,500,000	——
Муки	900,000	1,700,000	500,000	——
Льна сыраго	5,500,000	8,900,000	10,000,000	кил.
—— чесанаго	70,000	65,000	58,000	——
Книгъ	127,000	170,000	192,000	——
Машинъ и механическихъ орудій	2,200,000	2,000,000	4,000,000	——
Картофеля	250,000	175,000	240,000	гек.
Соли очищенной	755,000	1,100,000	2,200,000	——
Сахара рафинированнаго	9,200,000	11,400,000	14,800,000	——
Табака и сигаръ	111,000	157,000	178,000	——
Тканей:				
бумажныхъ	750,000	960,000	1,172,000	——
шерстяныхъ—суконъ	625,000	652,000	787,000	——
прочихъ	57,000	80,000	78,000	——
Полотна въ разныхъ видахъ	1,500,000	2,000,000	1,555,000	——
Тканей шелк., бум. и льн. (тюль и кружева) на	1,050,000	1,565,000	1,226,000	фр.
Стекла: зеркальнаго	360,000	468,000	785,000	——
прочаго	10,000,000	9,700,000	11,500,000	кил.
Цинка и издѣлій изъ него	6,400,000	9,700,000	11,000,000	——

(*) Мы берем всюдѣ круглыя числа.

Digitized by Google

Воздерживаясь отъ выводовъ, которые не трудно будетъ сдѣлать каждому, обратимъ только вниманіе читателей на статью о книгахъ: цифры, выставленныя нами здѣсь и заимствованыя изъ N N 1 и 2 *Indépendance Belge* за нынѣшній годъ, лучше всякихъ разглагольствованій доказываютъ важность для Бельгіи той отрасли промышленности, которая заключается въ перепечатываніи книгъ, выходящихъ за границей, преимущественно во Франціи, но частію и въ другихъ государствахъ.

Привозъ.—Потребленіе.

	1848.	1849.	1850.	
Скота рогатаго и мелкаго.....	45,000	42,000	34,000	гол.
Строеваго лѣса.....	17,000	45,000	42,000	тон.
Кофе.....	21,000,000	17,700,000	15,700,000	кил.
Бумаги непряденой.....	7,800,000	13,000,000	9,000,000	— —
Кожъ сырыхъ и сухихъ.....	1,500,000	2,500,000	2,600,000	— —
Шерстяной пряжи.....	240,000	253,000	261,000	— —
Семянъ сурѣпныхъ, льн., и пр.	420,000	400,000	357, 000	гект.
Хлѣба зернового и въ мукѣ...	116,000,000	79,500,000	74,000,000	кил.
Платья и модъ на.....	550,000	755,000	970,000	фр.
Льна сыраго.....	1,040,000	2,800,000	3,500,000	кил.
—— чесанаго.....	1,240	1,800	750	— —
Картофеля.....	50,000	56,000	150,000	гект.
Рыбы разной.....	—— (*)	2,900	3,500	тон.
	——	8,250,000	8,445,000	шт.
	——	1,700,000	1,400,000	кил.
Риса въ разныхъ видахъ.....	14,000,000	6,900,000	12,000,000	— —
Соли грубой.....	57,000,000	27,000,000	30,000,000	— —
Сахара песка.....	17,000,000	18,000,000	25,000,000	— —
Табака листоваго.....	4,500,000	4,700,000	5,700,000	— —
Сигаръ.....	26,000	54,000	55,000	— —
Тканей бумажныхъ, шерстяныхъ, кисен, и проч.....	420,000	500,000	600,000	— —
Тканей шелковыхъ на.....	56,000	65,000	75,000	фр.
Тюля, блонд, и т. д. на.....	500,000	600,000	750,000	— —
Стекла на.....	97,000	135,000	170,000	— —
Вина.....	55,000	98,000	90,000	гект.

Другія извѣстія изъ Бельгіи:

— Изъ Гаги отъ 1 Января пишутъ, что (отъ общества составившагося въ Брюсселѣ) инженеры уже осматривали почву между Виллемштадтомъ и границею Бельгіи, для устройства желѣзной дороги между Бельгіей и Голландіей. По полученнымъ свѣдѣніямъ, выбрана для этой цѣли дорога между Антверпеномъ и Розендалемъ, гдѣ желѣзная дорога развѣтвится на-двое: одна линія

(*) Количества неизвѣстныя.

Digitized by Google

пойдетъ къ Виллемштадту и Роттердаму; другая — къ Бредѣ и въ Утрехтъ. Такимъ образомъ учредится непрерывное сообщеніе между Амстердамомъ, Роттердамомъ и Антверпеномъ, и слѣдовательно между Гагой, Парижемъ и Германіей.

— Произведенъ недавно опытъ надъ НОВЫМЪ СНАРЯДОМЪ ДЛЯ ИЗМѢРЕНІЯ НЕПРИСТУПНЫХЪ РАЗСТОЯНІЙ, изобрѣтеннымъ инженернымъ капитаномъ *Гретарсомъ*, и который долженъ быть отправленъ на всемірную выставку. Съ помощью этого снаряда изобрѣтатель, безъ вычисленій и безъ вѣхъ, не болѣе чѣмъ въ минуту и съ удивительною точностію, даетъ средство механически исполнить тригонометрическую операцію, необходимую для опредѣленія разстоянія.

— БЮДЖЕТЪ ГОРОДА БРЮССЕЛЯ на текущій 1851 г. опредѣленъ слѣдующими цифрами: 4,989,442 фр. 77 сант. дохода, и 4,989,346 фр. 20 сант. расхода. — Это называется: свести концы съ концами.

— Конецъ 1850 года былъ особенно неблагопріятенъ для дѣтей. Въ послѣдніе три мѣсяца этого года СМЕРТНОСТЬ ДѢТЕЙ превышала всякое вѣроятіе по всему Брабанту. Въ самомъ Брюсселѣ въ теченіи одного Декабря умерло до 300 дѣтей, не достигшихъ восьмилѣтняго возраста, и болѣе всего отъ кори и скарлатины. Вообще сырая и непостоянная погода, тамъ господствовавшая, развила въ сильной степени болѣзни и между взрослыхъ — преимущественно лихорадки и тифъ.

—

...Пробѣжимъ, наконецъ, новости съ разныхъ концовъ Европы, и главныхъ пунктовъ другихъ частей свѣта.

— По послѣднему устройству почтовыхъ сообщеній черезъ Дувръ и Кале, ПЕРЕѢЗДЪ ВЪ ЛОНДОНЪ ИЗЪ БРЮССЕЛЯ, совершается, съ неимовѣрною быстротою. Если выѣхать изъ Брюсселя на Турнэ въ 5 час. 30 мин. по-полудни, а на Монъ и Валансьеннъ въ 6 час. 30 мин., то будешь въ Лондонѣ въ 10 час. 30 мин. утра. — Можно прибавить для дальнѣйшихъ соображеній, что паровозъ, отправляющійся изъ Брюсселя черезъ Гентъ въ 11 час. утра, а черезъ Турнэ въ 11 час. 15 мин., находится въ сообщеніи съ Французской почтой, которая приходитъ въ Лондонъ въ 4 час. 30 мин. утра.

— Въ Лондонѣ составилась КОМПАНІЯ СЪ КАПИТАЛОМЪ ВЪ 800 т. ФУНТ. СТЕР. ДЛЯ УЧРЕЖДЕНІЯ НОВАГО ПАРОХОДНАГО СООБЩЕНІЯ МЕЖДУ ВОСТОЧНОЙ ИНДІЕЙ И СУЭЦОМЪ — на тотъ случай, если правительство согласится уступить ей часть вспомога-

Digitized by Google

тельныхъ суммъ, предоставленныхъ *Обществу Индійскаго полуострова и Леванта*. Предпріятіе это будетъ въ особенности важно для Австріи, потому что новая компанія замѣтно склоняется на путь черезъ Тріестъ, и расположена уступить подъ извѣстными условіями пароходамъ *Ллоида* перевозку пассажировъ и товаровъ изъ Александріи въ Тріестъ.

— Въ донесеніи конгрессу отъ министра финансовъ Соединенныхъ-Штатовъ, о торговомъ оборотѣ Штатовъ за годъ, кончающійся 30 Іюня 1850 г., находимъ: ввоза на 190,000,000 доллар.; вывозъ — на 152,000,000 дол.; противъ предыдущаго года прибавилось: ввоза на 40,000,000 дол.,—вывоза на 6,200,000 дол.. Минуя подробности, скажемъ только, что изъ этого отчета объ оборотѣ Сѣв.-Американскихъ-Штатовъ очевидно, что они и въ 1849—1850 г. продолжали успѣвать на пути той безпрестанно-расширяющейся дѣятельности, которая довела ихъ до настоящаго ихъ благопріятнаго положенія.

— Во Франціи носятся слухи о появленіи въ скоромъ времени еще новыхъ политическихъ журналовъ: недовольно имъ видно тѣхъ, которые есть у нихъ. Одинъ изъ нихъ будетъ называться *Новая Политика* (Politique Nouvelle). Вотъ это изобрѣтательность! — Въ немъ, говорятъ, будетъ ораторствовать Г. Арманъ Марра. Поговариваютъ также, что въ Елисейскомъ дворцѣ думаютъ опять о *Наполеонѣ* (le Napoléon).

— По выборамъ Парижскихъ Академій, Французская возвела въ директоры *Г. Ремюза*, а въ канцлеры — *Г. де-Сегюра*, а Академія Надписей *Г. Гизо* въ президенты, и *Г. де-Вальи* — въ вице-президенты.

— Deutsche Zeitung, выходившая въ Франкфуртѣ — органъ Готской партіи — больше не выходитъ.

— Развитіе строительной промышленности въ Валахіи достигло въ послѣднее время большихъ размѣровъ. Въ Moniteur пишутъ по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, что со времени страшныхъ пожаровъ 1847 г. въ Валахіи почти вовсе изгнаны изъ употребленія вещества удобосгараемыя; за то болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь идетъ на постройку жесть и желѣзо.

— Въ Гамбургскую гавань въ 1850 году пришло 4,049 морскихъ судовъ. (Въ 1849 г. было 3,459). Изъ нихъ: 1,230 Англійскихъ; 1,059 Ганноверскихъ, 138 Французскихъ; 258 Голстинскихъ; 353 Бельгійскихъ. 38 пароходовъ сдѣлали 535 рейсовъ.

Digitized by Google

— О приращеніи народонаселенія Соединенныхъ-Штатовъ можно заключить уже изъ того, что долина Миссисипи, гдѣ въ 1810 г. было 400,000 жит., теперь имѣетъ ихъ 13 милліон. Къ западу приращеніе еще замѣтнѣе: Цинциннати построенъ 60 лѣтъ тому назадъ, и имѣетъ теперь 150,000 жит.; въ Сан-Луи въ 1840 г. было 16,000 жит., теперь 90,000. Въ Нью-Йоркѣ въ 1840 г. было 310,000 жит., теперь 750,000.

— Количество серебра добытаго въ прошломъ году изъ Фрейбургскихъ рудниковъ, въ Саксоніи, превышаетъ всѣ предыдущіе годы, и простирается до 100,000 маркъ, или цѣнности въ 1,400,000 талеровъ.

— Государственный долгъ Пруссіи простирается — до 112,000,000 талер., не считая долга сдѣланнаго въ 1848 г. въ 15 мил., и долговъ провинцій, доходящихъ до 8,500,000 тал. Сверхъ того, безъ процента Пруссія должна около 11,000,000 талеровъ.

Разсмотримъ, въ заключеніе, — важный и занимательный вопросъ объ Ост-Индіи.

Скоро, повидимому, будетъ рѣшено, должна ли быть возобновлена увольнительная грамота Ост-Индской Компаніи, или твердая земля Индіи войдетъ въ непосредственное подданство правительству главнаго государства, подобно Цейлану и другимъ колоніямъ. Приготовительныя изслѣдованія о состояніи Индіи, и именно ея финансовъ, которое теперь подобно состоянію финансовъ богатаго, но разстроеннаго семейства, начнутся въ Лондонѣ въ первое парламентское засѣданіе, и продолжатся нѣсколько лѣтъ, пока не наступитъ рѣшительная точка времени. На этотъ конецъ *Theexaminer* предпринялъ рядъ статей о важнѣйшихъ государственныхъ отношеніяхъ Индіи, которыя и въ самой Англіи мало извѣстны; ибо, говоритъ онъ, «если изъ тысячи нашихъ законодателей, засѣдающихъ въ обѣихъ Парламентскихъ Палатахъ, наслѣдственной и избирательной, хотя одинъ на каждую сотню пріобрѣтетъ достаточное познаніе этого предмета, то можно надѣяться на нѣкоторыя улучшенія. Задача эта большая, трудная и довольно-мудреная, какъ покажетъ слѣдующій очеркъ. Индо-Британская область въ настоящее время почти въ пять разъ (*) больше Великобританіи и Ирландіи, вмѣстѣ взятыхъ; она простирается въ совокупности на цѣлые 25 градусовъ широты, и нѣкоторыя, принадлежащія къ ней, отдѣльныя страны достигаютъ почти до эква-

(*) Очевидно, что тутъ показано слишкомъ мало.

Digitized by Google

тора. Въ нѣкоторыхъ странахъ—строго-отдѣленныя одно отъ другой лѣто и зима; напротивъ, въ другихъ, со времени мірозданія, одно неизмѣнное, знойное лѣто. Племена, надъ которыми мы тамъ господствуемъ, еще многоразличнѣе климатовъ, въ которыхъ они обитаютъ. Собственно въ Индустанѣ находится, не считая многихъ малыхъ племенъ, семь многочисленныхъ націй, различныхъ между собою правами, характеромъ и языкомъ. Дальше у насъ есть подданные Арраканцы, Пегуанцы, Малайцы и Китайцы. Религіи безчисленны. Есть христіане — несторіане, исповѣданій Греческаго и Римскаго, и небольшое число протестантовъ. Есть брахманской вѣры Индусы, которыхъ нѣсколько сотъ кастъ (извѣстныя главныя касты распадаются на множество подраздѣленій); магометанъ считается около 10 милліоновъ, и они принадлежатъ къ двумъ большимъ сектамъ (сунитовъ и шіитовъ), которыя и понынѣ враждуютъ одна съ другою за халифатъ. Наконецъ есть у насъ буддисты и джайны, которые надѣются найдти полноту блаженства въ личномъ уничтоженіи, и приверженцы ученаго Конфуція, также очень расположенные воздвигать сомнѣнія противъ существованія по смерти. Эти наши владѣнія состоятъ подъ управленіемъ главнаго намѣстника, съ небольшимъ совѣтомъ изъ четырехъ особъ, двухъ гражданскихъ чиновниковъ, избираемыхъ въ Леденъ-Голль-Стритѣ (т. е. въ Лондонскомъ India House), и двухъ военныхъ, назначаемыхъ правительствомъ главнаго государства. За добрый ихъ совѣтъ платится каждому изъ нихъ по 10,000 ф. ст. въ годъ. Въ вѣдомствѣ генералъ-губернатора состоятъ четыре особыхъ области: Бенгалъ, Мадрасъ, Бомбей и одна изъ сѣверозападныхъ провинцій, принадлежавшая нѣкогда къ Бенгальскому президентству. Управленіемъ Бенгала занимается самъ генералъ-губернаторъ, и съ тѣмъ соединены еще области на Геннасеримскомъ берегу, и три торговыхъ пункта на Малаккской дорогѣ; послѣднія владѣнія имѣютъ подчиненныхъ первому губернаторовъ, и сверхъ того трехъ вице-губернаторовъ. Мадрасъ и Бомбей имѣютъ, каждый, намѣстника съ государственнымъ совѣтомъ, особое войско и особыя учрежденія по управленію и юстиціи. Сѣверозападныя провинціи, иначе называемыя президентствомъ Агра, управляются такъ-называемымъ губернаторомъ-лейтенантомъ, котораго назначаетъ главный намѣстникъ; войска и гражданскихъ чиновниковъ доставляетъ Бенгалъ. Все учрежденіе мѣстнаго управленія Индіи похоже, поэтому, на какой-то грубый, нескладный сшивокъ. Что касается до плодородія почвы, населенія и естественныхъ пособій, то Бенгалъ превосходитъ всю остальную Индію, взятую вмѣстѣ; онъ об-

Digitized by Google

занимаетъ нижнія и среднія части большой при-Гангской долины, и имѣетъ навѣрное не меньше 40 милліоновъ жителей. Раннее обладаніе этою-то плодоносною землею и привело насъ въ состояніе сдѣлать и удержать за собою наши дальнѣйшія завоеванія, вытѣснить всѣхъ Европейскихъ соперниковъ, и довести Великаго Могола до того, что онъ сталъ нашимъ мелкимъ пансіонеромъ. Завоеваніе Бенгала было по большей части личною заслугою нашего Англійскаго Кортеца, смѣлаго, изворотливаго, но конечно довольно-безсовѣстнаго Роберта Клайва, сына одного бѣднаго Шропширскаго помѣщика, который, точно такъ же, какъ мальчикомъ умѣлъ обобрать любой огородъ, въ совершенномъ возрастѣ сунулъ себѣ въ карманъ большое государство. Посмотримъ же, каковы финансовыя вспомогательныя средства земли, на завоеваніе которой мы употребили цѣлое столѣтіе. По новѣйшимъ парламентскимъ отчетамъ чистый государственный доходъ Бенгала въ 1845 — 1846 году простирался до 8½ ф. ст., а расходы до 10 м. ф., такъ что въ одинъ годъ остался дефицитъ, состоящій изъ 1½ м. ф. Въ слѣдующемъ году чистаго дохода было 8,800 т., расхода было слишкомъ 10 м; дефицита въ этомъ году слѣдовательно около 1½ м. ф.—Въ 1847—48 г. доходы составляли слишкомъ 7,700 т., расходы слишкомъ 10 м. ф., что составляетъ огромный дефицитъ въ слишкомъ 2½ м. ф. Между Бенгальскими расходами заключаются большія издержки на мало-приносящую провинцію, Синдъ (которая послѣ того была причислена къ Бомбейскому президентству), составляющія круглымъ счетомъ 2 м. ф. Бюджетъ на 1847 — 48 годъ не поправляетъ дѣла: онъ даже выставилъ въ перспективѣ дефицитъ въ 3 милліона. И такъ вотъ три года сряду убывающихъ доходовъ и прибывающихъ расходовъ — не очень лестное изображеніе нашей Индійской *дойной коровы*. Сѣверозападныя провинціи, или президентство Агра, состоятъ большею частію изъ верхней при-Гангской долины, и по плодородію и прочимъ способамъ приношенія дохода, онѣ всѣхъ ближе къ Бенгалу. Здѣсь самое раннее мѣстопребываніе вторгавшихся магометанъ и магометанскихъ завоевателей, и эта часть Индіи доставляла имъ, какъ намъ Бенгалъ, точку опоры для дальнѣйшихъ завоеваній. Эти страны содержатъ около 30 милліоновъ жителей. Въ 1845 — 46 году ихъ чистый доходъ простирался до 4 ½ м. слишкомъ; расходы ихъ до 1 м. ф., оставался слѣдовательно избытокъ въ слишкомъ 3 ½ м. ф. Въ слѣдующемъ году дохода было 5 т. ф., расхода около 1 м. — остатокъ 4 мил. ф. Въ 1847 — 48 дохода 5 м., расхода 900 т., остатка

Digitized by Google

остатка 4,100, 000 ф. Здѣсь, слѣдовательно, мы имѣемъ ежегодно прибывающій доходъ и большой остатокъ; но счетъ этотъ нѣкоторымъ образомъ вымышленный, такъ какъ всѣ военныя издержки этихъ провинцій и ихъ общественный долгъ возложены на Бенгалъ. — Президентство Мадрасъ обнимаетъ большую часть передне-Индійскаго полуострова (Декканъ), и лежитъ совершенно въ тропикахъ, считая до 8° сѣв. шир. За исключеніемъ немногихъ малыхъ пространствъ, оно далеко уступаетъ при-Гангской долинѣ въ плодородіи и числѣ народа, и вообще здѣсь недостатокъ въ гаваняхъ и судоходныхъ рѣкахъ. Народонаселеніе полагается здѣсь въ 15 милліоновъ. Здѣсь поле первыхъ воинскихъ подвиговъ Лóренса, Клайва и Кута, и страшнаго сопротивленія могучаго воина и государственнаго человѣка, Гейдеръ-Али; къ тому же это единственная часть Индіи, гдѣ Французы сильно оспоривали у насъ владычество. Чистый доходъ Мадрасскаго президентства въ 1845 — 46 году простирался до 3,770,000, расходъ до 3,500,000 ф. — остатка было 270,000 ф. Въ слѣдующемъ году было 3,874,049 ф., дохода, 3,679,592 расхода, 194.457 ф., остатка; въ 1847 — 48 дохода 3,881,161, расхода 3,598,341, остатка 282,820 ф — Вся область Бомбейскаго президентства лежитъ на западной сторонѣ Индіи, и пріобрѣтеніе ея совершилось все въ нынѣшнемъ столѣтіи, за исключеніемъ малаго острова, на которомъ находится городъ Бомбей, и который Португальская Принцесса принесла въ приданое Карлу II, послѣ чего этотъ государь тотчасъ продалъ его Ость-Индской Компаніи. Чистаго дохода въ 1845 — 46 году 2,183,871, ф — расхода 2,741,237, дефицита 557,366 фунтовъ; въ 1846 — 47 2,262.211 ф. дохода, — 2,839,573 расхода,—577,362 дефицита; въ 1847 — 48 г. 2,123,087 дохода, 2,658,232 расхода, 535.145 фун. дефицита. Слѣдовательно здѣсь, какъ и въ Бенгалѣ — убывающіе доходы и прибывающіе расходы. Весь вообще доходъ со всей Британской Индіи простирался въ 1847 — 48 году до 25,000,000 фунтовъ стерлингъ, но издержки на собираніе податей огромны, ибо онѣ составляютъ 3,500,000 ф., т-е. полные 18 процентовъ. Дѣйствительный избытокъ дохода со всей Индіи въ 1847 — 48 году составлялъ 1,177,900 ф., и имъ должны были покрываться всѣ издержки, употребляемыя Англіею на управленіе Индіею (жалованья, пенсіи, проценты на Индійскіе векселя, и т. д.), которыя составляютъ 2,900,000 фунтовъ. Изъ этого оказывается въ Индійскомъ балансѣ недочетъ въ слишкомъ 1,600,000 фунтовъ. Это плодъ цѣлаго столѣтія, исполненнаго жаркой борьбы и безконечнымъ писаньемъ и толкованьемъ объ Индіи.

Digitized by Google

в) внутренния.

...Въ дополненіе къ художественнымъ новостямъ Петербурга, которымъ мы посвятили статью въ предыдущей книгѣ, съ удовольствіемъ сообщаемъ извѣстіе о «Русскомъ художественномъ листкѣ», изданіе котораго предпринялъ извѣстный художникъ В. Ѳ. Тиммъ. Въ программѣ своей, издатель справедливо замѣчаетъ, что «всѣ художественныя произведенія, которыми наполнены магазины, почти исключительно привозятся изъ чужихъ краевъ,— и публика имѣетъ передъ глазами виды чужеземныхъ городовъ съ ихъ достопамятностями, портреты замѣчательныхъ людей иностранныхъ, сцены, изображающія нравы для нея чуждыя, и костюмы народовъ и племенъ, къ которымъ она совершенно равнодушна, между тѣмъ какъ свое, Русское, остается почти въ совершенномъ забвеніи».—Г. В. Тиммъ изучалъ Россію на всемъ пространствѣ отъ Петербурга до крайнихъ предѣловъ Закавказья, и наполнилъ свой художническій альбомъ видами достопамятныхъ мѣстъ, портретами извѣстныхъ лицъ, изображеніями замѣчательныхъ предметовъ и памятниковъ зодчества и скульптуры, сценами изъ мирной жизни обитателей различныхъ областей Россіи, и изъ былой жизни Русскихъ воиновъ на Кавказѣ, списывая часто съ натуры подъ непріятельскими выстрѣлами. Такимъ образомъ, соединяя прошедшее съ настоящимъ, и представляя все современное въ дѣйствительномъ его видѣ, художникъ предполагаетъ помѣщать въ «Листкѣ» все близкое Русскому сердцу и все драгоцѣнное для нашей Русской жизни... При рисункахъ будутъ находиться краткія описанія; «Листокъ» будетъ выходить три раза въ мѣсяцъ. Желаемъ полнаго успѣха изданію, предпринятому съ такою прекрасною цѣлію. Особенно порадовало насъ обѣщаніе издателя — помѣстить въ своемъ листкѣ гравюры съ единственнаго въ Россіи собранія произведеній отечественной живописи, принадлежащаго Ѳ. И. Прямишникову.

Digitized by Google

За тѣмъ, ученыхъ и литературныхъ новостей изъ Петербурга очень немного. — Библіотекарь Публичной Библіотеки Э. Фонъ-Муральтъ читалъ три публичныя лекціи (будетъ еще одна) о Нѣмецкой литературѣ въ историческомъ ея развитіи. Плата, собранная за нихъ, назначается на сооруженіе памятника покойному пастору Муральту и на увеличеніе основаннаго имъ «капитала Песталоцци» для бѣдныхъ учениковъ.

«Общество Маріинскаго капитала для вдовъ и сиротъ врачей», существующее уже четырнадцатый годъ, издало недавно отчетъ о дѣйствіяхъ своихъ за послѣдній годъ. Членовъ въ немъ состояло 64; число лицъ, получившихъ пенсіи (слишкомъ по 200 руб. сер. въ годъ), было 8. Капиталы Общества простираются слишкомъ до 80 т. руб. сер. Конечно, кругъ дѣйствій Общества, условливаемый самымъ назначеніемъ его, не обширенъ, но учрежденіе его благодѣтельно въ высшей степени и можетъ служить примѣромъ для другихъ сословій.

Между прочимъ нельзя не замѣтить, что члены Общества большею частію Нѣмцы; Русскихъ фамилій въ числѣ ихъ встрѣчается очень немного.... Это же явленіе замѣчается и въ лицахъ, воспользовавшихся полезнымъ учрежденіемъ «Общества для застрахованія пожизненныхъ капиталовъ и доходовъ»: наибольшее число застраховывающихся принадлежитъ къ Остзейскимъ губерніямъ (*)....

При Медико-Хирургической Академіи открылось вакантное мѣсто лектора Латинской словесности. Конкурентъ долженъ имѣть степень доктора медицины, и программа испытанія будетъ состоять въ слѣдующемъ: 1) каждый изъ конкурентовъ долженъ перевести одну и ту же статью какого-либо медицинскаго сочиненія съ Русскаго на Латинскій языкъ; 2) Каждому изъ сочинителей назначена будетъ одна и та же тема для составленія краткаго письменнаго отвѣта, и 3) каждый изъ конкурентовъ долженъ прочитать пробную лекцію объ одномъ и томъ же предметѣ, касающуюся филологическаго истолкованія избраннаго Латинскаго автора.

(*) Въ оправданіе извѣстной безпечности нашихъ соотечественниковъ, позволимъ себѣ замѣтить, что этому Обществу, для распространенія своихъ дѣйствій, недостаетъ ясно, просто, и толково-написаннаго объявленія. Мы совѣтовали бы Обществу назначить премію за переводъ его ученаго объявленія, которое совершенно не въ Русскомъ духѣ, и не для Русскаго человѣка писано. Даже *большая* премія не будетъ ему въ накладъ: говоримъ это не шутя, желая совершеннаго успѣха полезному и нужному предпріятію. *М. П.*

Digitized by Google

....Съ цѣлію распространенія свѣдѣній объ огородничествѣ и садоводствѣ между хозяевами, въ особенности между крестьянами, ученый Комитетъ Министерства Государственныхъ Имуществъ предлагаетъ написать «Руководство къ огородничеству и садоводству», по слѣдующей программѣ:

Руководство должно обнимать: избраніе мѣстъ удобныхъ для устройства огорода, хмѣльника или сада; разные способы прочнаго огороженія оныхъ; обработку и удобреніе почвы; испытаніе и способы ускоренія всхожести сѣмянъ; заложеніе сѣмянныхъ грядъ для выращиванія разсады полезнѣйшихъ и климату свойственныхъ овощей и садовыхъ растеній; посѣвъ сѣмянъ; посадку разсады, черенковъ, отводковъ, кустовъ и деревъ — особенно фруктовыхъ; весь уходъ, требуемый каждымъ изъ этихъ растеній, какъ-то поливку, полотье, окопку и окучиваніе, съемку излишнихъ листьевъ, почекъ и вѣтвей, обрѣзку сучьевъ, чищеніе и надрѣзываніе коры, устройство щитовъ противъ холоднаго вѣтра и противъ солнца; вообще всѣ работы, которыми сохраняется здоровье разводимыхъ растеній, увеличивается ихъ ростъ и обезпечивается хорошій урожай; всѣ испытанные и сподручные крестьянамъ способы уменьшенія вреда отъ внезапныхъ перемѣнъ погоды, отъ излишнихъ дождей, отъ засухи, вѣтра, утреннниковъ, отъ мышей, зайцевъ, кротовъ, птицъ, насѣкомыхъ, улитокъ и червей. Наконецъ правила уборки огородныхъ и садовыхъ произведеній. Желательно, чтобы къ этимъ правиламъ было присовокуплено наставленіе о бережной укладкѣ или упаковкѣ, дабы садовыя и огородныя произведенія не портились во время доставленія къ мѣстамъ сбыта; также правила помѣщенія или приготовленія упомянутыхъ произведеній для продолжительнаго сохраненія, какъ-то: устройство землянокъ и кучъ, въ которыхъ растенія и плоды перезимовать могутъ; квашеніе, соленіе, мочка и высушиваніе. — Приложеніе рисунковъ и чертежей требуется только по тѣмъ предметамъ, которые наименѣе извѣстны крестьянамъ, и къ тѣмъ правиламъ, которыя простымъ земледѣльцамъ неудобопонятны безъ пособія изображеній. — Руководство должно быть чисто-практическимъ, а потому необходимо избѣгать теоретическихъ разсужденій; но правила однакоже слѣдуетъ излагать такъ, чтобы была понятна причина, почему предпочитается тотъ или другой пріемъ. Во всякомъ случаѣ изложеніе должно быть по возможности кратко, ясно и соображено съ силами крестьянскихъ семействъ, для которыхъ преимущественно и назначается руководство. — Руководство можетъ обнимать садоводство и огородничество, или одну

Digitized by Google

изъ этихъ отраслей хозяйства, и относится или къ извѣстной только мѣстности, что и должно быть положительно опредѣлено, или къ разнымъ; въ послѣднемъ случаѣ, въ надлежащихъ мѣстахъ должны быть объяснены не только свойственныя каждому климату или мѣстности растенія, но и различіе практическихъ способовъ, относящихся къ одному и тому же растенію, смотря по климату, въ которомъ оно разводится. — Сочиненіе должно быть написано по-Русски. — Срокъ присылки назначается 31 Декабря 1851 г. — За сочиненія, которыя будутъ Комитетомъ найдены вполнѣ удовлетворительными, назначается золотая медаль въ 300 руб. сереб. Труды, которые наиболѣе приблизятся къ требованіямъ программы, будутъ награждены золотыми медалями въ 150 руб. сереб. Наконецъ сочиненія, которыя, не удовлетворяя всѣмъ условіямъ программы, будутъ однако же найдены заслуживающими вниманія, будутъ удостоены серебряныхъ медалей и почетныхъ отзывовъ. Сочиненія, удостоенныя наградъ, будутъ печатаемы Министерствомъ, по усмотрѣнію, на свой счетъ, и въ такомъ случаѣ 300 экз. предоставляются безденежно въ пользу автора, который притомъ не лишается права печатать свой трудъ и другими изданіями.

... Въ Новгородѣ вышелъ «Указатель къ обозрѣнію святыни, древностей и достопримѣчательностей Новгорода и его окрестностей», составлен. Г. Игнатьевымъ. Польза такихъ трудовъ несомнѣнна. Г. же Игнатьеву обязаны мы обнародованіемъ нѣсколькихъ историческихъ матеріаловъ, въ Новгородскихъ Губ. Вѣдомостяхъ.

... «Самымъ замѣчательнымъ у насъ явленіемъ метеорологіи прошлаго года — пишутъ намъ изъ Новгорода — должно считать то, что текущая зима установилась очень поздно, наканунѣ Рождества Христова. Снѣга на дорогахъ до сихъ поръ лежитъ весьма не много; морозы стоятъ не большіе, отъ 5—10°; случись порядочная оттепель, и дня черезъ два сдѣлается опять грязная, скучная осень. »Что за чудо, поговариваютъ старики-ямщики; кажись совсѣмъ зимы не будетъ; ужъ и Спиридонъ Поворотъ давнымъ-давно прошелъ, а съ той поры, извѣстно, солнце идетъ на лѣто, а зима на морозъ. Знать прогнѣвался на насъ Богъ за грѣхи наши». — И это дѣйствительно такъ. Для Русскаго, морозная, ровная зима есть благодѣяніе Божіе: сколько выигрываетъ онъ времени отъ одного сокращенія пути! Иной живетъ отъ города верстъ за сорокъ, даже меньше, по прямому направленію, — да лѣтомъ дороги нѣтъ: болота, рѣчки, ручьи и т. п., и выходитъ, что до города ему ѣхать надо верстъ сто или больше; а зимой этотъ путь совершаетъ онъ на своей лошаденкѣ въ одинъ переѣздъ: зима вездѣ настилаетъ

прочные мосты. За то зима 1849—50 года была у насъ, какъ и вездѣ, суровая, безъ оттепелей; лѣто весьма знойное, грозы были многочисленны; вообще истекшій годъ въ метеорологическомъ отношеніи имѣлъ характеръ континентальный. Особенно памятнымъ днемъ останется для насъ 6 Августа—по ужасной бурѣ; впрочемъ, этотъ день столь замѣчателенъ для насъ и по другимъ событіямъ, что я намѣренъ сказать о нихъ нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе потому, что печатно о этомъ ничего небыло говорено. Этотъ день назначенъ былъ для торжественнаго освященія новой ризы чудотворнаго образа Знаменія Божіей Матери, того самаго образа, который избавилъ Новгородъ отъ разгрома Суздальцевъ при архіепископѣ Иліи (въ схимѣ Іоаннѣ), 1167 года. (*) Утро было прекрасное; народъ густыми толпами спѣшилъ къ Софійскому собору, откуда должна была начаться процессія. При неумолкаемомъ звонѣ безчисленныхъ колоколовъ и съ соучастіемъ всего мѣстнаго духовенства, предводимаго Новогородскимъ викарнымъ епископомъ Нафанаиломъ, началось торжественное несеніе образа изъ Софійскаго въ Знаменскій соборъ, при вратахъ котораго встрѣтилъ Усердную Заступницу высокопреосвященный митрополитъ Никаноръ со святою водою. Каждый спѣшилъ на пути преклонить колѣна и пройдти подъ образомъ, какъ бы въ знаменованіе благословенія Самой Богоматери. По освященіи, образъ внесенъ былъ въ храмъ, гдѣ соборно совершилъ литургію самъ митрополитъ. Церковь не могла вмѣстить множества народа, собравшагося для этого рѣдкаго случая не только изъ окрестныхъ селеній, но даже изъ мѣстъ весьма отдаленныхъ; паперть, дворъ и даже улица были усыпаны богомольцами, преклонявшими колѣна и возсылавшими мольбы свои въ открытое, чистое небо къ подножію Невидимаго, но Всевидящаго. Не думаю, чтобъ въ толпѣ этой нашелся хоть одинъ зритель не Русскій, но будь тутъ иновѣрцы, даже язычники, никто не остался бы равнодушнымъ, смотря на эту безмолвно-молившуюся толпу, благоговѣйно прислушивавшуюся къ слабо разносившимся звукамъ священныхъ гимновъ; кто бы, зритель, и самъ бы внутренно не помолился! Да, сильна Русь своею молитвою!... Но-

(*) Любопытно было бы знать о настоящемъ положеніи образа: сохранился ли онъ первоначально въ цѣлости, или былъ подновленъ когда-нибудь. Въ первомъ случаѣ онъ имѣлъ бы новую цѣну для знатоковъ нашей иконописи, и подалъ бы поводъ къ важнымъ для науки техническимъ соображеніямъ. *М. Ц*

Digitized by Google

вая риза отдѣлана вся изъ золота, щедро усыпана драгоцѣнными каменьями, и есть даръ Новгородскаго купечества. Относительно исполненія работы, довольно сказать, что она вышла изъ рукъ извѣстнаго мастера *Верховцева*; слѣд., удовлетворительна во всѣхъ отношеніяхъ. Какъ жаль, что могила сокрыла отъ насъ ту, которой щедрая рука никогда не оскудѣвала при украшеніяхъ святыни Новгородской.

Послѣ обѣдни, высокопреосвященный, со всѣмъ духовенствомъ и значительными лицами города, отправился въ домъ купца Доброхотова, гдѣ отъ лица Новгородскаго купечества приготовленъ былъ обѣдъ. Въ числѣ гостей былъ и Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, Кн. П. А. Ширинскій-Шахматовъ, наканунѣ этого дня прибывшій въ Новгородъ. Этотъ-то, столь радостно начатый нами; день окончился весьма печально. Часовъ около 6 пополудни небо заволокло тучами, засвирѣпѣлъ вѣтеръ, полился не частый, но крупный дождь; вскорѣ забушевала настоящая буря, какой давно не запомнятъ наши старожилы. Молнія сверкала безпрестанно, страшные раскаты грома заставляли каждаго невольно отбѣгать на середину комнаты и креститься. Сильнымъ порывомъ вѣтра сорвало одинъ изъ малыхъ куполовъ Знаменскаго собора; нѣсколько барокъ съ сѣномъ у гостинаго двора (должно предполагать—съ дурными снастями и слабо закрѣпленныхъ) сдернуло ураганомъ съ ихъ становища, набросило на гранитные быки моста, и изъ числа ихъ двѣ потопило. Мало того: молніею убиты два звонца Софійскаго собора, бывшіе на колокольнѣ, чтобъ, по обыкновенію, проводить, со звономъ митрополита Никанора, отъѣзжавшаго въ это время въ Валдай. Я умалчиваю о другихъ, менѣе важныхъ, несчастіяхъ подобнаго рода, какъ то: о поврежденіяхъ желѣзныхъ крышъ; о вывѣскахъ, занесенныхъ вѣтромъ Богъ знаетъ куда; о разрушенныхъ заборахъ, переломанныхъ деревьяхъ, о пѣшеходахъ, возвратившихся домой безъ шляпъ, съ непокрытыми головами, и проч. Словомъ, 6 Августа 1850 г. останется надолго намъ памятнымъ».

....*Для* почитателей отечественныхъ достопамятностей пріятно будетъ узнать, что въ г. Валуйкахъ (Воронежской губерніи) домъ, гдѣ имѣлъ пребываніе Петръ Великій, надолго сохранится теперь для потомства: недавно въ немъ открыта богадѣльня на счетъ капитала, пожертвованнаго Валуйскою купчихою *Зудовою*, которая, купивъ этотъ домъ, обязалась поддерживать его и заведеніе въ надлежащемъ видѣ.

Въ Екатеринославлѣ, по примѣру Петербурга, от-

Digitized by Google

крыто заведеніе для снабженія бѣдныхъ пищею, при которомъ впродолженіе мѣсяца (съ 20 Ноября) было накормлено слишкомъ тысяча человѣкъ. Члены тамошняго Дворянскаго-клуба опредѣлили дѣлать ежегодное пожертвованіе для поддержанія этого полезнаго учрежденія.

Ставропольское Купеческое Общество, по случаю совершившаго двадцати пятилѣтія царствованія Государя Императора и посѣщенія Кавказскаго края Государемъ Наслѣдникомъ, постановило вносить, впродолженіе 25 лѣтъ, по 1,200 руб. сер. ежегодно для воспитанія въ Ставропольскомъ Учебномъ Заведеніи Св. Александры 25 дочерей бѣднѣйшихъ гражданъ Ставрополя.

Саратовское Городское Общество, въ ознаменованіе дня восшествія на престолъ Государя Императора, положило: роздать, 20 Ноября, изъ общественныхъ своихъ суммъ, самобѣднѣйшимъ жителямъ г. Саратова 600 р. сер., и производить такую же раздачу въ этотъ день ежегодно.

Рязанское Дворянство намѣревается учредить общественную библіотеку въ память о славномъ двадцатипятилѣтіи, и М. П. Погодинъ получилъ предложеніе отъ одного изъ Гг. дворянъ Рязани объ уступкѣ своего древнехранилища, но, разумѣется, отказался, положивъ завѣтъ, за себя и за свое потомство, чтобъ его древнехранилище никогда, никуда, низачто не переносилось изъ Москвы, его родины.

Благотвореніемъ ознаменовалось открытіе новой губерніи — Самарской. Жители новаго губернскаго города пожертвовали до 2,000 руб. сер. на учрежденіе въ Самарѣ дѣтскаго пріюта, а Ростовскій купецъ М. М. Плешановъ представилъ 6,000 руб. сер. на украшеніе городскихъ церквей и для вспоможенія духовенству и тѣмъ изъ жителей, которые пострадали во время страшнаго пожара, опустошившаго Самару 13 Іюня 1850 г.

Какъ важно учрежденіе этой губерніи и на сколько должно оно споспѣшествовать развитію мѣстныхъ способовъ и облегчить управленіе тѣмъ краемъ, можно видѣть изъ одного уже того, что три губерніи, изъ частей коихъ образовалась она, заключали въ себѣ слишкомъ 11 тысячъ квадр. миль, т. е. больше нежели вся Франція, и народонаселеніе ихъ простиралось слишкомъ до 4½ милліоновъ душъ обоего пола. — Площадь Самарской губерніи должна обнимать свыше 3 т. кв. миль. Общее число городскаго и сельскаго населенія ея должно быть болѣе 1,152,000 обоего пола душъ. При семъ, первое относится къ послѣднему какъ 1 къ

Digitized by Google

30; отношеніе же мужескаго пола къ женскому въ сельскомъ населеніи представляется половина на половину, а въ городскомъ какъ 8: 9. Въ Самаръ, въ 1846 г., число жителей простиралось до 14 т.

Отъ Самары недалеко до Оренбурга. Что новаго здѣсь? Участіе этого города во всемірной Лондонской выставкѣ. Жители Оренбургской линіи, между прочимъ, занимаются выдѣлкою разныхъ вещей изъ козьяго пуха и льняной пряжи. Изъ перваго приготовляются шали, чулки, перчатки и шейные шарфы; изъ послѣдней, кромѣ разныхъ мелочей, шали. Изготовленіемъ этихъ вещей занимается женскій полъ, начиная отъ Оренбурга до Таналыцкой станицы. Въ станицахъ между этими пунктами рѣдкая женщина или дѣвушка не умѣетъ вязать шалей или другихъ вещей (это дѣлается на обыкновенныхъ чулочныхъ спицахъ). Большую часть вещей изъ козьяго пуха и льняной пряжи Линейные Казаки сбываютъ въ Орской крѣпости и въ Оренбургѣ. Цѣнность пуховыхъ вещей не одинакова: она зависитъ отъ качества пуха, тонкости пряжи, формы узора и величины. Самыя лучшія шали, тонкія, бѣлыя, мягкія, легкія, отъ 4 до 5 золотниковъ, краснаго узора, имѣющія квадратную сажень, цѣнятся отъ 45 до 50 р. сер.; самая же низшая цѣна доходитъ до 2 р. сер. Шали эти имѣютъ то достоинство, что, не смотря на свою филиграновую работу и легкость, онѣ, относительно теплоты и прочности, удобно замѣняютъ всякую плотно тканую шаль одинаковой цѣнности. Шейные шарфы вяжутся также филиграновые; самая большая длина ихъ — 3 аршина, ширина отъ 1 до 1½ ар.; цѣна лучшимъ отъ 5 до 10 р. с. Шали изъ мягкой пряжи, выдѣлываемыя на манеръ кружевъ, очень рѣдки, малоупотребительны и не такъ цѣнны: за лучшую нитяную шаль платятъ не дороже 5 р. с. Прочность шалей и другихъ вещей изъ козьяго пуха извѣстна Оренбургскимъ жителямъ, и они, не спуская съ плечъ, носятъ ихъ по нѣскольку лѣтъ сряду. Одна изъ такихъ шалей, связанная въ Оренбургѣ, послана на всемірную выставку. Величина этой шали—квадратная сажень; вѣсъ отъ 3 до 3½ золотниковъ; тонкость нити, мягкость и нѣжность работы такъ поразительны, что это произведеніе дамскихъ рукъ должно уподобить паутинѣ. Надъ вязаньемъ шали трудились Г-жи Б-скія.

....Вотъ что пишутъ намъ изъ Арзамаса:

Digitized by Google

О Китайской кормовой траве му-сюй.

Въ описаніи Нижегородской выставки сельскихъ произведеній, бывшей въ прошломъ 1849 году, я говорилъ о *му-сюе* слѣдующее: «магистръ Казанскаго университета *Г. Васильевъ*, съ 1840 года находящійся въ Пекинѣ при нашей духовной миссіи, въ 1847 (а не 1846) прислалъ помѣщику, титулярному совѣтнику А. Я. Каратаеву, имѣющему хозяйство и конный заводъ въ сельцѣ Тришкинѣ Высельскаго уѣзда, сѣмена кормовой травы, которую Китайцы называютъ *му-сюй-цао-цзы*. Это растеніе изъ породы люцерны оклиматизировано и разведено Г. Каратаевымъ. Для посѣва на одной десятинѣ нужно фунтъ сѣмянъ. Перенося Русскую зиму, осеннія непогоды и несвоевременные весенніе морозы, *му-сюй-цао-цзы* даетъ два скоса впродолженіе года; одинъ въ началѣ Іюня, другой въ Сентябрѣ. Эта трава, по описанію Г. Каратаева, можетъ замѣнить для скота зерновый хлѣбъ во всѣхъ отношеніяхъ. Г. Каратаевъ, представляя сѣмена этой травы и два образца: одинъ оставленный отъ Іюньскаго скоса, а другой въ цвѣту, назначенный для Сентябрскаго скоса, увѣдомилъ Комитетъ выставки, что онъ представлялъ это оклиматизированное имъ растеніе въ спеціальную Коммиссію Государственнаго Коннозаводства, и, по испытаніи его въ той Коммиссіи, получилъ отъ нея благодарность. — Комитетъ Нижегородской выставки, принимая въ уваженіе пользу, которая можетъ произойдти отъ разведенія столь полезнаго растенія, замѣняющаго для скота зерновый хлѣбъ, полагалъ бы наградить Г. Каратаева медалью. Но, не имѣя въ виду надлежащаго удостовѣренія, въ какомъ именно количествѣ разведена трава му-сюй-цао-цзы Г. Каратаевымъ, а также не имѣя, по малому количеству, представленныхъ образцовъ, возможности сдѣлать испытаніе этой травы, Комитетъ опредѣлилъ сдѣлать печатный отзывъ о Г. Каратаевѣ, а сѣмена му-сюй-цао-цзы раздать желающимъ для разведенія этой травы. Послѣднее исполнено на самой выставкѣ. Сѣмена му-сюй-цао-цзы взяты хозяевами Нижегородской, Ярославской, Саратовской, Орловской и Черниговской губерній. Это дастъ возможность судить въ послѣдствіи объ успѣхѣ урожая новой кормовой травы и примѣненія ея къ скотоводству въ различныхъ мѣстностяхъ нашего отечества, разнообразныхъ по климату и по качеству почвы».

Digitized by Google

После выставки многіе хозяева изъ разныхъ мѣстъ обращались съ просьбами о высылкѣ этой травы къ начальнику Нижегородской губерніи, Князю М. А. Урусову, къ А. Я. Каратаеву и ко мнѣ. По возможности всѣмъ имъ разсылаемы были сѣмена *му-сюй*, но къ сожалѣнію мы не могли имъ сообщить никакихъ практическихъ свѣдѣній о разведеніи этой травы и о примѣненіи ея къ скотоводству; между тѣмъ нѣкоторые хозяева, напр. изъ Саратовской губерніи, жаловались на плохой успѣхъ разведенія му-сюя.

Въ Октябрѣ прошлаго 1850 года, послѣ одиннатцатилѣтней разлуки, встрѣтился я въ Нижнемъ-Новгородѣ съ университетскимъ товарищемъ В. П. Васильевымъ, только что возвратившимся изъ столицы Китайской имперіи, въ которой провелъ онъ десять лѣтъ лучшаго возраста жизни — среди лингвистическихъ, этнографическихъ и политико-экономическихъ занятій. Между разспросовъ о Китайской имперіи и любопытныхъ свѣжихъ разсказовъ самовидца, зашла у насъ рѣчь о травѣ, высланной имъ Г. Каратаеву. Г. Васильевъ сказалъ, что трава эта называется не му-сюй-цао-цзы, а *му-сюй*, потому что *цао* значитъ по Китайски трава, а *цзы* — сѣмена. Высылая сѣмена Г. Каратаеву, онъ назвалъ посылку свою *сѣмена травы му-сюй*, и всю эту фразу написалъ по-Китайски: мы же всѣ приняли ее за собственное названіе растенія.

Такъ какъ многіе хозяева наши, получившіе сѣмена му-сюй, не знаютъ ухода за ней, и вообще желали бы имѣть о ней болѣе положительныя свѣдѣнія, то я просилъ Г. Васильева написать объ этой травѣ все, что онъ знаетъ — для сообщенія сельскимъ хозяевамъ. В. П. Васильевъ исполнилъ мое желаніе; и вотъ, что писалъ онъ ко мнѣ отъ 20 Октября 1850 года:

«Ты требовалъ отъ меня поясненія о Китайской травѣ му-сюй; сообщаю тебѣ все, что теперь могу привести на память, ибо не имѣю еще подъ руками Китайскихъ источниковъ, идущихъ въ обозѣ. Растеніе му-сюй извѣстно въ самомъ Китаѣ еще недавно. Въ прошломъ столѣтіи во время войнъ, веденныхъ настоящей династіей съ Цзюнгарами, Китайскія войска проникли въ обширныя пустыни, лежащія на западъ отъ владѣній Богдыхана, между провинціей Гань-су (Гуркистанъ) и Хласой (въ Тибетѣ). Здѣсь они встрѣтили нѣкоторыя кочующія племена, у которыхъ лошади отличались неутомимостію и здоровьемъ — что, по словамъ владѣльцевъ, зависѣло отъ корма дико растущей въ тѣхъ мѣстахъ травы му-сюй. Обстоятельство это обратило на себя вниманіе Китайскаго главнокомандующаго, онъ донесъ объ этомъ Импера-

Digitized by Google

тору, и съ тѣхъ поръ въ окрестностяхъ Пекина стали разводить этотъ превосходный для скота кормъ. Кажется, нѣтъ даже извѣстій, что разведеніе му-сюй распространилось далеко отъ Пекина, что зависитъ и отъ нерѣшительности Китайскаго коневодства и отъ недостатка земли, которая въ Китаѣ вся посвящена на пропитаніе человѣка. При огромности народонаселенія, при недостаткѣ земли, Китайцы не засѣваютъ травой му-сюй полей своихъ сплошь и на большое пространство, но разводятъ ее только по окраинамъ пашенъ и между другими хлѣбными зерновыми растеніями. Притомъ, по отзыву Пекинскихъ Китайцевъ, и невозможно засѣять поле одною му-сюй, потому что, когда трава эта разрастется, она обвивается плотно между собой и заглушаетъ сама себя. Для отвращенія этого, сѣмена му-сюй сѣютъ вмѣстѣ съ сѣменами проса, и сѣютъ на удобренной почвѣ. Китайскіе хозяева, кормящіе лошадей только соломой, чернымъ горохомъ, и арбатскимъ просомъ (гао-лянь) не всегда дозволяютъ своимъ лошадямъ лакомиться этимъ роскошнымъ кушаньемъ, но запасаютъ ее про случай, когда скотъ захвораетъ, или сильно изнурится отъ работы — до такой степени, что нѣтъ другихъ средствъ къ поправленію его силъ. Тогда, говорятъ въ два или три дня, скотъ видимо поправляется отъ этого корма. Въ окрестностяхъ Пекина, при болѣе благорастворенномъ климатѣ, траву му-сюй можно косить менѣе, чѣмъ черезъ мѣсяцъ, разумѣется въ такомъ случаѣ, если не хотятъ дожидаться созрѣнія сѣмянъ. Въ томъ, что даже въ самыхъ сѣверныхъ мѣстностяхъ нашего отечества му-сюй можетъ приняться, я не сомнѣвался, потому что пустыни, въ которыхъ нашелъ ее Китайскій главнокомандующій, не смотря на южное свое положеніе, подвергаются холоду; отъ самовидцевъ я слыхалъ, что тамъ застаетъ ихъ снѣгъ въ Маѣ мѣсяцѣ; и это случается нерѣдко. — Въ 1847 году я выслалъ болѣе фунта этихъ сѣмянъ нашему университетскому товарищу Александру Яковлевичу Каратаеву, который писалъ ко мнѣ въ Пекинъ, что онъ въ деревнѣ Тришкинѣ (Васильевскаго уѣзда) завелъ конный заводъ. Это и побудило меня послать къ нему му-сюй. Что моя попытка акклиматизировать въ Россіи Китайское кормовое растеніе, имѣла лестный для меня успѣхъ, это свидѣтельствуется уже тѣмъ, что на Нижегородской выставкѣ были сѣмена му-сюй и самая трава, спустя годъ послѣ ихъ посѣва на Русской почвѣ. Подарку, посланному мною изъ далекой страны университетскому товарищу, я не думалъ придавать никакой важности, но получилъ неожиданную за него награду въ томъ рвеніи Г. Каратаева, съ которымъ онъ принялся за акклиматизированіе

Digitized by Google

этого растенія, и въ томъ участіи нашихъ сельскихъ хозяевъ различныхъ мѣстностей имперіи, которые выписываютъ отъ него и отъ тебя сѣмена му-сюй. Я былъ въ концѣ Сентября у А. Я. Каратаева въ Тришкинѣ, и нашелъ у него богатый запасъ сѣмянъ, не смотря на то, что онъ дѣлится ими со всѣми. — Между зернами му-сюй, при высылкѣ ихъ изъ Пекина, случайно попалось нѣсколько сѣмянъ Китайскаго проса, которое мельче нашего, но спорѣе, по причинѣ величины колоса. Г. Каратаевъ посѣялъ его, и оно доставило уже ему порядочный запасъ сѣмянъ. Я вполнѣ убѣжденъ, что Г. Каратаевъ подѣлится съ Русскими хозяевами и Китайскимъ просомъ, и тѣми разнообразными сортами гороха и другихъ сѣмянъ, которые я доставлю ему наступающею зимою, когда придетъ мой обозъ въ Казань. Мнѣ кажется однакожь, что Г. Каратаевъ еще не вполнѣ испыталъ на лошадяхъ цѣлебную силу му-сюй; онъ отзывается только, что лошади ѣдятъ его съ величайшей охотой, и, если му-сюй смѣшана съ другою травой, выбираютъ только ее. Нашимъ сельскимъ хозяевамъ предоставляю рѣшать до какой степени разведеніе му-сюй можетъ вознаградить трудъ,—и равняется ли снимаемое количество травы съ количествомъ клевера, разведеннаго на такомъ же пространствѣ. Но му-сюй превосходитъ клевера и питательностію и цѣлительностію. Во всякомъ случаѣ послѣднія качества подаютъ надежду, что присланный мною изъ Китая му-сюй не сойдетъ никогда съ нашихъ луговъ. Вотъ все, что могу сказать тебѣ объ этой травѣ для общаго свѣдѣнія».

Къ этому прибавляю свое желаніе и увѣренность, что Г. Каратаевъ подѣлится Китайскими подарками съ тѣми изъ сельскихъ хозяевъ, которые будутъ писать къ нему: въ сельцо Тришкино, Васильскаго уѣзда, Нижегородской губерніи. *П. Мельниковъ.*

22 Января 1851 г.

Въ заключеніе, спѣшимъ украсить Внутреннія Извѣстія выпискою изъ газеты «Кавказъ», во 2 и 3 N N которой помѣщена статья Г. Банникова объ Алагитскомъ заводѣ:

Я хочу разсказать,—говоритъ Г. Банниковъ—какъ проѣзжалъ черезъ Ардонъ въ первый разъ Наслѣдникъ Цесаревичъ, и какъ Ардонъ встрѣчалъ Его.

Это было 23 Сентября. Съ утра всѣ были на ногахъ въ Ардонѣ, всѣ ждали. День былъ сумрачный; облака заволокли все небо и совершенно спрятали солнце; но кому какая нужда до соли-

Digitized by Google

ца, когда, по выраженію проповѣдника-поэта, наше солнце къ намъ приближалось. На большой улицѣ, около дома командира Владикавказскаго полка, полковника Шостака, гдѣ долженъ былъ остановиться Онъ для минутнаго отдыха, давно уже собралась и толпилась порядочная кучка народа. Русскій и Азіатъ, офицеръ и простолюдинъ—всѣхъ равно занимаетъ одна и таже мысль, и на лицахъ всѣхъ выражается одно и то же ожиданіе. Онъ ѣдетъ,—Онъ сейчасъ будетъ; я увижу Его,—говорилъ въ душѣ каждый, и сильнѣе напрягалось зрѣніе, устремленное на дорогу.

Звенитъ колокольчикъ. Съ напряженнымъ вниманіемъ прислушиваются всѣ къ его частому звону, говорящему о быстрой ѣздѣ, — и вотъ, изъ-за поворота, выскакала на большую улицу почтовая тройка. Но это не Онъ.

— Дальше, дальше!—кричалъ издали ямщикъ, подъѣзжая къ толпившемуся около дома Шостака народу.

Здѣсь и остановился фельдъегерь, ѣхавшій на полчаса пути впереди Наслѣдника. Толпа окружила его съ разспросами. Послѣ короткаго отвѣта, фельдъегерь ушелъ съ подорожной. На мигъ все пришло въ движеніе, и общій говоръ раздался повсюду. Я пошелъ къ конюхамъ, которые держали подъ устцы лошадей, назначенныхъ подъ экипажи Наслѣдника и Его свиты, — и вотъ какой разговоръ я услышалъ между ними:

— А что ребята,—сказалъ подошедшій къ нимъ казакъ:—не слыхать, кто привезетъ къ намъ изъ Николаевки Наслѣдника?

Я посмотрѣлъ на этого казака. Его лицо и престарѣлыя лѣты внушали къ нему невольное уваженіе

Удовлетворивши свое любопытство, казакъ продолжалъ:

— Знаю я этого ямщика, и лошадей его знаю. Исправный, надежный мужикъ, и кони у него добрые, а все ...— Тутъ остановился казакъ, и погрузился въ воспоминаніе инаго времени и иныхъ, быть-можетъ лучшихъ, минутъ во всей своей жизни.

Но его нареканіе на Николаевскаго ямщика тотчасъ же вызвало съ разныхъ сторонъ возраженія.

— Не про то я сказалъ, и не такъ вы меня поняли, братцы,— продолжалъ тотъ казакъ—Хорошо провдетъ вашъ Николаевскій, а все не проѣхать ему такъ, какъ я разъ проѣхалъ; да только разъ и проѣхалъ я такъ, во всей жизни. Утѣшитъ онъ батюшку-Наслѣдника: развеселитъ Его, да не развеселить ему такъ, какъ я въ старые годы, когда голосъ у меня былъ посильнѣе, руки покрѣпче, да и удали-то, значитъ, было побольше,—развеселилъ разъ нашего Царя православнаго.

Digitized by Google

— Такъ ты прежде ямщикомъ былъ?— спросилъ я казака.

— Былъ.

— И Государя возилъ?

— Возилъ.

Мое любопытство было возбуждено. Съ минуту я думалъ, какъ бы половче приступить къ дѣлу, чтобъ заставить казака высказаться — и очевидно высказать не простое воспоминаніе изъ его долгой жизни.

Но думать мнѣ было не зачѣмъ. Настоящія обстоятельства, ожиданіе съ минуту на минуту въ Ардонѣ Государя Наслѣдника — лучше всего дѣйствовали на казака. Послѣ нѣсколькихъ словъ съ моей стороны, онъ разсказалъ мнѣ одну страничку изъ жизни Русскаго народа, которую я и передаю здѣсь цѣликомъ, какъ слышалъ.

— Давно это было — началъ старикъ,—давно; но я какъ теперь помню: мы ждали Царя. Общимъ судомъ присудили везти Его мнѣ. А кони у меня были!... Только и достоянія моего было, что кони. Лучше красной дѣвки я любилъ ихъ. Бывало, какъ возьму съ посиделокъ нашихъ бабъ, да посажу въ сани, да свисну.... Молодъ я былъ тогда, ваше благородіе. Словно думу какую крѣпкую посадили мнѣ на плечи, какъ пришелъ разъ смотритель, да приказалъ исподоволь готовиться. Вотъ я и началъ готовиться. Бывало ночь не сплю, день не ѣмъ, а все на лошадокъ поглядываю, все около нихъ похаживаю, все себѣ думаю, какъ бы лучше Царю угодить, да можетъ-быть, милостивое слово заслужить. «Онъ скоро ѣздитъ. У Него время дорого»—слышу мнѣ говорятъ; а я молчу.—«Выдержатъ ли, вывезутъ ли твои кони? Станція большая, за тридцать хватитъ; не подставить ли подставу?» Я все молчу, все свое думаю. Пріѣхалъ Онъ. Запрягли мы: сѣлъ я. Словно гордость меня взяла какая, словно я богатырь сказочный сталъ, какъ взялъ возжи и шевельнулъ кнутомъ. Понеслись мои кони, да такъ понеслись, что верстъ пятокъ отъѣхавши, слышу, трогаетъ меня за кушакъ кто-то. Я обернулся, а Онъ говоритъ мнѣ: «тише!» Охъ, какъ больно мнѣ стало въ ту пору. Значитъ онъ на меня не надѣется, значитъ Онъ мыслитъ, что кони мои не довезутъ Его; да я-то знаю, что довезутъ, я-то знаю, что супротивъ меня поискать надо ямщика. Горе меня взяло, какъ заслышалъ я: *тише*. Словно темная ночь бросилась мнѣ въ глаза, и я, не подумавши, не размысливши, такъ вотъ, какъ тебѣ, такъ тогда я Ему сказалъ:—Держись Царь—Государь! Лошадей загоню, себя задушу, а ужъ распотѣшу Твое Царское сердце, развеселю Твою Царскую душу: Прокачу такъ, какъ никто не возилъ... Хорошъ

Digitized by Google

и картинен: былъ казакъ, увлеченный своимъ разсказомъ, но дослушать его до конца я не могъ.

— Ѣдетъ, ѣдетъ! — раздалось по Ардону; и стихло все.

Вотъ звенитъ колокольчикъ, ближе и ближе раздается онъ, веселой и радостной пѣснью гремитъ онъ.... Молчатъ Русскіе, умолкла и задорная Азія.

Богатырями неслись впереди казаки Владикавказскаго полка, составляя почетный конвой при Государѣ Наслѣдникѣ. Красивой и легкой змѣей вился между ними начальникъ отряда, хорунжій Устимовичъ. А вотъ и Онъ.... Встрепенулось все, что-то заговорило душѣ, что-то затрогало сердце... И пріѣхалъ Онъ. Въ передовой коляскѣ съ Нимъ сидѣлъ нашъ Князь Намѣстникъ: одинъ—въ полномъ расцвѣтѣ лѣтъ, съ сознаніемъ мужественныхъ силъ, развившихся для великаго и богатаго будущаго, которое предстоитъ Ему среди Своего народа; другой — украшенный лѣтами и опытностью, которая пріобрѣтена имъ въ долговременной Царской службѣ — испытанный вождь и правитель, невольно останавливалъ на себѣ почтеніе всякаго. Съ глубокимъ чувствомъ толпились около нихъ Русскіе и Азіаты, и съ умиленіемъ смотрѣли и прислушивались къ каждому ихъ слову. Я никогда не забуду, какъ, тотчасъ, послѣ отъѣзда Наслѣдника, одинъ изъ казаковъ, провожая Его глазами, высказалъ все, что есть добраго и хорошаго въ Русской душѣ, этими немногими словами:—Эхъ, кабы джигитнуть теперь, да на врага броситься. Право, я не знаю, чтобы я сдѣлалъ тогда!

Принявши, по Русскому обычаю, хлѣбъ-соль изъ рукъ самыхъ старыхъ и почтенныхъ казаковъ Владикавказскаго полка, Наслѣдникъ Цесаревичъ нѣсколько минутъ милостиво разговаривалъ съ ними, справлялся о ихъ нуждахъ, и, завѣренный въ ихъ благосостояніи, снова сѣлъ въ коляску, подаривши лишь нѣсколько минутъ изъ своей жизни Ардону. На обратномъ пути, Онъ оставался въ немъ слишкомъ часъ, но тогда, въ первый пріѣздъ свой, крупной рысью уносили Его отъ насъ кони; съ грустью смотрѣли мы вслѣдъ за Нимъ, и съ чувствомъ невольнаго страха помышляли о томъ, что Онъ будетъ въ горахъ среди враждебныхъ племянъ. Но пусть идетъ Онъ, куда зоветъ Его долгъ; пусть знакомится и радуетъ Свой народъ во всѣхъ отдаленныхъ углахъ Своего будущаго царства; насъ не страшитъ Его будущее, потому что около Него вьются наши мысли, за Нимъ летятъ наши надежды, и за Него возносятся наши молитвы....

Digitized by Google

c) московскія.

Нѣсколько словъ о состояніи живописи въ Москвѣ.

(Изъ дневника художника)

Изящныя искусства сдѣлались въ наше время общею потребностію всего образованнаго міра, и стремленіе къ изящному начинаетъ уже проникать во всѣ слои общества, приближаясь къ одной цѣли съ высшими науками; а потому теперь пріятно будетъ обратить вниманіе любителей живописи на состояніе этого искусства въ нашемъ отечествѣ, тѣмъ болѣе, что у насъ почти во всѣхъ отрасляхъ изящнаго, проявлялись художники, которыхъ имена останутся незабвенными въ лѣтописяхъ искусства. Всѣмъ извѣстно, что при богатыхъ средствахъ, живопись, на которую мы въ-особенности хотимъ обратить вниманіе, процвѣтаетъ уже давно въ нашей сѣверной столицѣ; но не многимъ извѣстно состояніе этого искусства въ Москвѣ, гдѣ всѣ науки давно уже проявили блестящіе плоды.

Для распространенія рисовальнаго искусства устроены Правительствомъ при всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ классы рисованія, и даже для бѣдныхъ повсюду существуютъ особенныя рисовальныя воскресныя школы; однимъ словомъ, начиная отъ богатоустроенной Школы Графа С. Г. Строганова, которая имѣетъ цѣлію образовать хорошихъ рисовальныхъ учителей для уѣздныхъ училищъ, и которая теперь поступила въ вѣдомство Министерства Финансовъ, до Художественнаго Класса Живописи и Ваянія, вездѣ видна живая дѣятельность къ распространенію въ Москвѣ вкуса къ изящнымъ искусствамъ. Художественный Классъ образуетъ по полному академическому курсу живописцевъ и скульпторовъ, коихъ, по испытанію, Императорская Академія Художествъ удостоиваетъ званія классныхъ и неклассныхъ художниковъ.

Публичныя выставки ученическихъ работъ этого заведенія уже привлекаютъ къ себѣ большое число посѣтителей. Упомянутый Художественный Классъ, основанный покойнымъ Скорятин-

нымъ, и поддерживаемый небольшимъ числомъ любителей, уже давно существуетъ въ Москвѣ; но въ новое время, ходатайствомъ одного изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ общества, обращено на это заведеніе Высочайшее вниманіе Государя Императора, и Монаршими щедротами положенъ основный камень прочному, и, можно надѣяться, блестящему ихъ процвѣтанію. Общество покровителей изящнаго исполнено пріятной надежды, что съ своей стороны просвѣщенная публика нашей древней столицы поддержитъ и поощритъ молодыхъ людей, подвизающихся столь усердно на поприщѣ художественнаго занятія.

Справедливо ли у насъ жалуются на нѣкоторую холодность къ живописи — рѣшить трудно; но, обративъ вниманіе на извѣстные факты, невольно задумаешся, ибо кромѣ пріобрѣтенія билетовъ на художественную лоттерею и заказовъ иконъ, коими въ Москвѣ наиболѣе занимаются иконописцы не-художники, мало сбыта новымъ картинамъ. Нѣкоторое исключеніе изъ этого составляютъ портретные заказы; но эти работы не входятъ въ составъ художественной дѣятельности, ибо требуются большею частію за дешевую цѣну, не какъ изящныя произведенія, но какъ рабскія копіи, похожія на подлинникъ столько же, какъ искусственные цвѣты на натуральные. Замѣчательно, что желающіе имѣть портреты боятся сеансовъ; но возможно ли, чтобы хорошій художникъ, исполняющій свои работы съ любовію, могъ кончить свою работу à la primo или въ два сеанса? Также невозможно, чтобъ молодой, хотя вовсе безкорыстный художникъ, могъ трудиться за цѣну, едва вознаграждающую одинъ механическій трудъ. Правда, являются къ намъ изъ за-границы (не включая въ это число хорошихъ иностранныхъ художниковъ) и такіе артисты, которые работаютъ очень скоро и дешево; и хотя достоинство этихъ работъ ловкой промышленности не удовлетворяетъ вкусу образованнаго человѣка, однако ихъ картинки, часто выставляемыя съ другими издѣліями мануфактуры въ зеркальныхъ окнахъ на большихъ улицахъ, завлекаютъ своими цвѣтистыми, вывѣсочными красками многихъ покупателей, незнакомыхъ съ лучшими произведеніями живописи; но покупатели такихъ работъ разочаровываются очень скоро, а если и впадаютъ въ новыя сѣти, тогда, истративъ не малое число денегъ, остаются все-таки неудовлетворенными, и невольно приходятъ къ убѣжденію, что менѣе стоило бы имъ произведеніе хорошаго художника, достойное перейдти изъ поколѣнія въ поколѣніе. При всемъ томъ, несомнѣнно что требовательность на лучшія произведенія живописи въ Москвѣ

Digitized by Google

не только незначительна, но даже, въ иныхъ отраслякъ этого искусства, вовсе незаметна, какъ, напримѣръ, въ исторической живописи.

Неужели покрытый исторической славою древности, великолѣпный, фантастическій Кремль нашъ не пробудитъ въ душѣ, оживленной любовью къ родинѣ, желанія имѣть свою исторію въ картинахъ? Неужели Москва, преисполненная отечественной народности, не оживитъ Русскаго быта въ вѣрныхъ картинахъ, далеко превосходящихъ такъ-называемый *genre*?

Москва — богатый источникъ живописи, городъ разнообразно-разбросанный на семи холмахъ, какъ древній Римъ, вездѣ услаждаетъ взоры перспективными картинами, обрамленными зеленью цвѣтущихъ садовъ и бульваровъ. Словомъ и пѣснію прославленныя прекрасныя окрестности города еще болѣе услаждали бы насъ въ картинахъ, писанныхъ нашими молодыми соотечественниками, которыя сохранили бы намъ цвѣтущую природу, и въ мрачные дни осени, и во время длинной холодной зимы. Подобныя мысли пріятно заботятъ уже наше молодое поколѣніе художниковъ, но, къ сожалѣнію, они не имѣютъ способовъ на исполненіе многосложныхъ картинъ, которыя не только требуютъ много времени, но и большихъ расходовъ, тѣсно сопряженныхъ съ исполненіемъ значительнаго труда. Если же дѣйствительно существуетъ нѣкоторое равнодушіе публики къ современной живописи въ Москвѣ, оно происходитъ частью отъ недовѣрія къ самому искусству, слишкомъ не давно проявившемуся между насъ живо и дѣятельно, а частью отъ преждевременной критики полу-знатоковъ. Старыя же картины покупаются издавна. Любители, льстясь на почернѣвшія картины, мечтаютъ въ простотѣ своей, пріобрѣсть почти задаромъ безсмертные труды Леонардо-да-Винчи, Рубенса или Рафаэля,— Теперы, Остады, по ихъ словамъ, не рѣдкость — но бываютъ жестоко обманываемы продавцами, которые сами покупаютъ эти картины на аукціонахъ, а иногда и на воскресныхъ рынкахъ; однако при перепродажѣ (мнимо дешевой) получаютъ значительные проценты. Произведенія великихъ мастеровъ не такъ легко пріобрѣтаются, не такъ легко пропадаютъ безъ вѣсти, какъ клады въ волшебныхъ сказкахъ. Хорошія картины, переходя изъ рукъ въ руки, имѣютъ свою исторію, а если и бываютъ исключенія, эти случаи очень рѣдки. Не многимъ извѣстно, что въ Италіи и вездѣ еще за границею, существуютъ такіе кудесники, которые, пользуясь легковѣрностью неопытныхъ путешественниковъ, перерядятъ картины чарами искусственной копоти, цвѣтными лаками, и разными присыпками, и придаютъ имъ знаменитыя имена.

Я зналъ въ Трiестѣ тамъ двухъ торгашей, изъ которыхъ одинъ переводилъ довольно новыя картины на старыя, червями источенныя, доски; другой тотчасъ покрывалъ картину спиртовымъ лакомъ, подвергнувъ ее еще новымъ операцiямъ, и мгновенно живопись такъ трескалась, что принимала видъ древности. Нѣсколько смолистыхъ, благовонныхъ куреній довершали чародѣйство, и картина сходила съ рукъ за изумительную рѣдкость. Впрочемъ добрый Италiянецъ тотчасъ рекомендовалъ покупателю своего компаньона, реставратора старыхъ картинъ, добродушно совѣтуя съ нимъ поторговаться. Этотъ искусникъ, задѣлывалъ, какъ увѣрялъ, съ большимъ трудомъ всѣ трещины, но не совѣтовалъ чистить картину, боясь, чтобъ не повредили чудной глазировки и нѣжныхъ переливовъ сквозныхъ красокъ.—Неоспоримо, что и въ покупкѣ старыхъ картинъ видна нѣкоторая любовь къ живописи, ибо покупающiе такiя рѣдкости почти никогда не разстаются съ ними; если даже и замѣтятъ наконецъ обманъ —«Вотъ, говорятъ они: это копiя, не Gerard Dow или такой-то, но въ этой картинѣ много прекраснаго. Станьте сюда, посмотрите, какъ внимательно читаетъ эта старушка».—«Не правда ли, говорятъ другiе, какъ красиво отражается берегъ въ этой прозрачной водѣ? – Конечно, это не Рюисдаль....» и т. д. Но мы увѣрены, что и въ массѣ публики, есть хотя и безотчетное, но вѣрное влеченiе къ наслажденiю красотами живописи; въ этомъ мы еще болѣе убѣдились на выставкѣ славныхъ картинъ перваго нашего живописца по части морскихъ видовъ. Большей части публики конечно болѣе нравились блестящiе эффекты; знатоки оцѣнили дивную бурю, съ мрачнымъ небомъ сверху, медленно воздымающiяся волны доказываютъ, какъ этотъ превосходный художникъ постигъ природу, и съ какою любовiю онъ передалъ ее въ картинѣ.

Что мы видѣли такое сочувствiе къ произведенiямъ извѣстнаго художника, это еще не столько замѣчательно, сколько порадовало насъ многочисленное посѣщенiе на выставкѣ работъ учениковъ Художественнаго Класса: имена нѣкоторыхъ молодыхъ художниковъ сдѣлались уже извѣстны публикѣ. И такъ молодые таланты могутъ день ото дня болѣе надѣяться на пріятную будущность; достойныхъ признаютъ, оцѣнятъ, и поощрятъ, потому что въ Москвѣ всегда поощрялись другiя искусства, болѣе знакомыя публикѣ. Музыка, напримѣръ, всегда и давно восторгаетъ почти всѣ классы общества; она давно изучена; всѣ замѣчательные композиторы Европейскiе извѣстны и оцѣнены у насъ по достоинству. Эта отрасль изящнаго искусства не рѣдкость въ Москвѣ, потому

Digitized by Google

что среди насъ жили и живутъ не только наши замѣчательные композиторы, но насъ посѣщали и первые виртуозы Европы; изученіе же красотъ живописи встрѣчаетъ большія затрудненія, требуя большой наглядности. Правда, что иныя гостиныя украшены хорошими произведеніями живописи, но когда мы ихъ видимъ? Во время мимолетнаго визита, или при блескѣ вечерняго бала: вѣдь не всякому пріятно покупать у прислугъ за мелкую монету право посмотрѣть въ отсутствіе хозяина на эти скрытыя сокровища. И если наконецъ страстный любитель достигнетъ давно желанной цѣли, онъ находитъ картины непріятно-освѣщенными цвѣтистымъ полусвѣтомъ, сквозь богатыя занавѣсы оконъ; притомъ все пожертвовано симметріи. Не взирая на такія неудобства, вѣрно никто не обвинитъ хозяина въ невѣдѣніи: въ жилыхъ комнатахъ всякой ищетъ себѣ и гостямъ надлежащаго комфорта; вѣдь не многіе въ состояніи имѣть особыя залы для картинной галлереи. По всему этому, повторяемъ, изученіе красотъ живописи у насъ очень затруднительно. Но чтобы истинно наслаждаться высокими произведеніями этого искусства, необходимо глубокое изученіе; тутъ не удовлетворитъ одно эстетическое сочувствіе и знаніе теоріи, которая, какъ основаніе всего, составляетъ необходимость; но требуется еще практическая, отчетливая начитанность зрѣнія. Правда, что изученіе гравюръ доставляетъ также значительную пользу, потому что любитель, изучивъ ихъ красоты, вникаетъ въ композицію наилучшихъ картинъ всѣхъ школъ, научается постигать даже иногда сокровенныя идеи художника; да и пріобрѣтеніе прекрасныхъ гравюръ, по умѣренной цѣнности своей, доступнѣе чѣмъ пріобрѣтеніе живописныхъ картинъ. У многихъ любителей въ Москвѣ находятся значительныя коллекціи цѣнныхъ эстамповъ; также многіе пріобрѣли замѣчательныя литографіи галлерей Дрездена, Мюнхена, и проч.

Нельзя однакожъ не согласиться, что изученіе гравюръ, хотя бы и начиная съ Флорентинца Ѳомы Финигвера до превосходнаго произведенія нашего Іордана, не научитъ насъ вполнѣ постигать красоты живописи. Тонъ животворныхъ красокъ, выражающій все возможное въ масляной живописи, говоритъ нашимъ чувствамъ языкомъ души, переходящимъ предѣлы всякаго другаго выраженія, — и потому живопись возможно изучать только вникая въ совершенство великихъ художниковъ. Это-то изученіе, какъ мы уже сказали, встрѣчало большія затрудненія, въ Москвѣ какъ вдругъ публика неожиданно была обрадована открытіемъ галлереи Графа Ростопчина, и новость эта была встрѣчена любителями съ

истинным восторгом. Въ короткое время, и то только по воскреснымъ днямъ, нѣсколько тысячъ посѣтителей успѣли въ прошедшемъ году насладиться обозрѣніемъ этого прекраснаго собранія разнородныхъ картинъ.

Но трудно выразить, съ какимъ истиннымъ восторгомъ кинулись ученики Художественнаго Класса копировать въ галлереѣ. Какая чистая благодарность, чуждая условленной свѣтской учтивости, оживила чувства ихъ къ почтенному хозяину-меценату, который не только доставилъ имъ возможность совершенствоваться въ своемъ искусствѣ, но и позаботился о сбытѣ ихъ произведеній, пріобрѣтая ихъ для себя лично, и награждая щедро. Особенная польза открытія общественной картинной галлереи состоитъ въ возможности полнаго изученія находящихся въ ней изящныхъ красотъ; здѣсь лучшая цѣль—научаться, наслаждаясь. Приступать къ преждевременному, критическому разбору не только безполезно, но и не безопасно. Хотя безпристрастная критика, вслѣдствіе глубокаго изученія, и доставляетъ существенную пользу, но для изреченія этой критики необходимо утвердить свое природное сочувствіе къ изящному. Теоретическое познаніе, пріобрѣтенное начитанностью въ эстетическихъ сочиненіяхъ Винкельмана, Леонардо-да-Винчи, Рафаэля, Менгса, Куглера, Ваагена, и другихъ, при изученіи исторіи живописи вообще, будетъ много способствовать къ полному наслажденію. Я совершенно согласенъ съ мнѣніемъ Карла Августа Бёттигера, автора «Сабины, или утренніе часы молодой Римлянки, который говаривалъ мнѣ: «отыщите одну истинную красоту въ художественномъ произведеніи, и вы будете богаче того, который нашелъ десять ошибокъ». Что безпристрастный критическій разборъ ведетъ къ точному познанію художествъ, въ этомъ конечно нѣтъ и сомнѣнія; нельзя однако не сознаться, что большинство нашихъ такъ-называемыхъ знатоковъ расположено къ недовѣрію и преждевременной критикѣ: въ этомъ насъ наиболѣе убѣдили частые вопросы, всѣ ли картины, находящіяся въ галлереѣ Графа Растопчина, дѣйствительно оригинальныя произведенія. Отвѣчать на подобные вопросы дѣло великаго труда и знанія; въ подтвержденіе этого скажемъ слѣдующее.

Копіи *посредственныя* легко отличить отъ оригинала. Онѣ писаны большею частью робкою кистью, съ потерею легкой граціи въ линіяхъ, лишены богатыхъ и вмѣстѣ нѣжныхъ переливовъ въ полутонахъ; вообще въ такихъ копіяхъ замѣтно отсутствіе характеристической манеры исполненія, свойственное

Google

каждому истинно-оригинальному произведенію. Но бываютъ копіи, исполненныя подъ надзоромъ самого мастера его любимымъ ученикомъ, часто имъ самимъ исправленныя, или, выражаясь технически, имъ самимъ пройденныя. Такія копіи становятся почти дублетами, и если не поставишь старую копію для сличенія подлѣ самаго оригинала, почти не отличишь ея отъ него. У насъ о копіяхъ имѣютъ, если не превратное, по крайней мѣрѣ весьма неуважительное понятіе, и Графъ А. Ѳ. Растопчинъ, какъ знатокъ и любитель, первый пашелъ достойнымъ занять хорошими копіями одну изъ небольшихъ залъ своей галлереи. Отличную копію написать очень трудно, потому что копирующій художникъ долженъ постичь всю высоту своего оригинала, передать ее, такъ сказать, создавая въ другой разъ; если ему это удалось, копія его заслуживаетъ полное вниманіе, и еще тѣмъ болѣе, когда она замѣняетъ недоступный намъ оригиналъ. Такія копіи остаются еще для насъ драгоцѣнны тѣмъ, что оживляютъ въ памяти нашей когда-то видѣнныя нами оригинальныя произведенія, часто уже много пострадавшія отъ всеразрушающаго времени, какъ, напримѣръ, это случилось съ знаменитой картиной Леонардо-да-Винчи — *Тайная Вечеря*. Такія высокаго достоинства копіи находятся въ Императорской Академіи Художествъ въ С. Петербургѣ, писанныя съ великихъ Италіанскихъ мастеровъ Гг. профессорами К. П. Брюлловымъ, Бруни, Бассеномъ, Марковымъ, и другими: онѣ принадлежатъ теперь къ сокровищамъ Академіи, и, кромѣ наслажденія просвѣщенной публикѣ, доставляютъ еще истинную пользу молодымъ художникамъ. Посему понятно, что многіе художники за границею, кончивъ академическій курсъ, но не чувствуя въ себѣ дара творчества, и сознавая пользу копій, занимаются почти всю жизнь копированіемъ; по легкому сбыту своихъ работъ, они пользуются всѣми удобствами жизни, наслаждаясь притомъ изящнымъ занятіемъ, истинно полезнымъ для общества.

Объ оригиналахъ галлереи Графа — нѣсколько словъ: истинное художественное произведеніе говоритъ само въ свою пользу. Въ картинныхъ галлереяхъ, какъ и въ библіотекахъ, хранятся часто оригиналы, не принадлежащіе столько художеству, сколько археологіи: таковы Рафаэли въ Берлинскомъ Музеумѣ, таково и произведеніе Альбрехта Дюрера въ галлереѣ Графа; оно писано этимъ великимъ художникомъ, работавшимъ въ молодости подъ вліяніемъ и въ мастерской Михаила Вольгемута, котораго онъ далеко впослѣдствіи превзошелъ. Въ оригинальной картинѣ должно обратить вниманіе, прежде всего, на идею, которая возвышается иногда въ ней до высокаго идеала; но идея, не выраженно-

Digitized by Google

идея въ представленномъ предметѣ видна, не можетъ быть названа художественною. Духовная сторона ея должна находиться въ тѣсной связи съ видимымъ изображеніемъ, ибо въ живописи идея выражается ясно въ композиціи картины, которая есть примѣненіе духовной идеи къ изображаемому предмету. Когда мы вникли въ первоначальную идею, и поняли достоинство композиціи картины, тогда только можемъ окончательно перейдти къ разсмотрѣнію ея исполненія по части практической науки этого искусства. О господствующей идеѣ въ картинѣ можетъ судить всякой просвѣщенный любитель. О примѣненіи идеи въ композиціи, въ извѣстныхъ границахъ искусства, въ правѣ судить знатокъ-теоретикъ; но объ исполненіи этой идеи въ практическомъ смыслѣ способенъ судить одинъ художникъ, который необходимо долженъ быть посвященъ, какъ въ духовныя, такъ и въ техническія тайны всего искусства вообще. Но не взирая на это, по выпеизложеннымъ причинамъ, не всегда удается и самому опытному художнику отличить вѣрную копію отъ оригинала. Все сказанное относится не къ тому, чтобъ мы сомнѣвались видѣть истинно-оригинальныя произведенія въ извѣстной галлереѣ Графа Растопчина, потому что это собраніе достойно полнаго вниманія всякаго знатока: копіи въ ней именно только тѣ, которыя отдѣльно поставлены въ маленькой залѣ галлереи. Но если даже мы и ошиблись въ двухъ или трехъ картинахъ изъ всей галлереи, то, указавъ на трудность совершеннаго знанія по этому предмету, надѣемся на снисхожденіе читателя.

Здѣсь не излишнимъ будетъ сказать кое-что о пріобрѣтеніи большей части картинъ покойнымъ Графомъ Растопчинымъ. Его многосторонный и просвѣщенный умъ всѣмъ извѣстенъ, и потому, кажется, довольно упомянуть, что имена живописцевъ отмѣчены собственноручно въ оставленномъ имъ каталогѣ; притомъ онъ пріобрѣталъ картины отъ людей, которые въ своихъ галлереяхъ не могли довольствоваться копіями. Нельзя не упомянуть, что онъ владѣлъ тогда большими способами къ пріобрѣтенію драгоцѣнностей, когда въ Европѣ деньги повсюду были очень дороги. Для изученія картинъ галлереи, нынѣшній владѣлецъ ея, Графъ Андрей Ѳедоровичъ, напечаталъ подробный каталогъ, содержащій даже краткія біографіи художниковъ, съ которыми весьма полезно познакомиться любителю, потому что не рѣдко картины художниковъ носятъ на себѣ отпечатокъ разныхъ періодовъ ихъ жизни. Такъ въ иное время мы видимъ въ художникѣ стремленіе къ высочайшему достиженію красотъ рисунка; въ другое время композиція выра-

Google

жается иным направленіемъ духа; притомъ всѣмъ извѣстно, что и замѣчательнѣйшіе люди своего времени также завлекаются общимъ направленіемъ ихъ окружающихъ идей. Въ особенности колоритъ, какъ нѣжнѣйшая поэзія живописи, подвергался различнымъ измѣненіямъ; притомъ извѣстно, что художникъ и ученый совершенствуется до конца своихъ дней. Объясненіе всего здѣсь сказаннаго можно найдти въ открытой нынѣ галлереѣ. Кто сравнитъ картины, писанныя Робертомъ съ прежнихъ эскизовъ его въ Парижѣ, съ тѣми картинами, которыя онъ начиналъ и оканчивалъ въ Римѣ и его окрестностяхъ, съ натуры, тотъ въ этомъ убѣдится. Къ послѣднему періоду живописи Роберта принадлежатъ большею частію картины, находящіяся въ галлереѣ Графа. Всѣмъ извѣстна разница между картинами славнаго Гвидо-Рени, писанными имъ по чистому вдохновенію, отъ картинъ, произведенныхъ въ періодъ разгульной жизни этого художника; послѣднія картины отличаются зеленоватостью тоновъ; онѣ писаны при тогдашнемъ неусовершенствованномъ ламповомъ освѣщеніи по ночамъ, хотя Гвидо-Рени, выражаясь технически, и проходилъ ихъ окончательно днемъ. Признавая трудность судить основательно о коліяхъ съ оригинальныхъ картинъ великихъ мастеровъ, мы ясно видимъ, какъ мало заслуживаютъ вниманія мнимые знатоки, большею частію продавцы и покупатели картинъ. Они сдѣлали себѣ репутацію тѣмъ, что смѣло, можно сказать безсовѣстно, рѣшаютъ самые важные вопросы, на которые отвѣчать было бы затруднительно самому опытному художнику. Странно и непонятно, какъ ихъ обветшалыя фразы, ловкое, но безсмысленное затверживаніе знаменитыхъ именъ, годовъ рожденія и кончины художниковъ, перепутанныя съ значительнымъ числомъ вымышленныхъ анекдотовъ, могутъ еще въ наше время завлекать умныхъ людей! Кто изъ насъ не слыхалъ отъ нихъ о страшной бѣдности Корреджіо, о неистовомъ характерѣ Микель-Анджело, о разбойничьей жизни Сальватора-Розы? Непонятно, какъ, при нынѣшнемъ изученіи исторіи искусствъ, они еще не изобличены въ темномъ невѣдѣніи!

При открытіи галлереи Графа, вниманіе посѣтителей въ особенности сосредоточилось на картинѣ: «Взятіе Богоматери на небо», которую ошибочно приписываютъ иные кисти Гвидо-Рени. Нѣсколько словъ объ этой картинѣ.

Изъ картинъ, изображающихъ тотъ же сюжетъ, лучшею признана знатоками картина Гвидо Рени, находящаяся теперь въ Мюнхенской Галлереѣ. Въ XVII столѣтіи она была уже награвирована

Болоньезе, позже Беттелиніемъ Гессомъ, и, въ 1820 году, Шулеромъ. Упомянутая картина Гвидо пользуется большою извѣстностію, какъ по превосходному исполненію высокой идеи въ богатой композиціи, такъ и по невыразимой граціи рисунка и гармоническому, теплому колориту. Картина, находящаяся въ галлереѣ Графа, имѣетъ съ картиною Гвидо-Рени нѣкоторое сходство, если не по композиціи, то преимущественно по колориту; она писана лучшимъ и любимымъ ученикомъ Гвидо-Рени *Giovanni Giacomo Sementi* или *Semenzi*, родившимся въ Болоньи въ 1580 году. Картина эта украшала нѣкогда галлерею кардинала Феша, и была впослѣдствіи продана съ публичнаго торга; купившій ее продалъ нынѣшнему владѣльцу. Замѣчательнѣйшія работы этого же художника суть: изображеніе Св. Севастьяна, фрески въ Римѣ и пр.; картина обрученія Св. Екатерины, находящаяся въ Вѣнѣ, сохранилась болѣе другихъ работъ Сементи отъ разрушенія времени. Когда сравнишь между собою работы этого замѣчательнаго художника, нельзя не удивляться до какой степени онъ приблизился въ картинѣ: «Взятіе Богоматери на небо» къ своему великому учителю. Головы Апостоловъ, стоящихъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, привлекательны прелестной свѣто-тѣнью, и показываютъ не только вліяніе, но, можетъ быть, и собственноручную поправку Гвидо-Рени. Картина Сементи поражаетъ величіемъ композиціи, глубокимъ этическимъ выраженіемъ лицъ Апостоловъ, полнымъ выраженіемъ идеи, и совершеннымъ исполненіемъ технической части, что въ особенности замѣтно не въ одномъ правильномъ рисункѣ, но и въ исполненіи—въ простыхъ и притомъ богатыхъ формахъ, какъ летящихъ, такъ и набросанныхъ складокъ платья. Въ особенности привлекаетъ тонкое знаніе воздушной перспективы, глубина постепеннаго отдаленія фигуръ, соединенная съ дивнымъ расположеніемъ широкихъ тѣней, и наконецъ бережливость главнаго свѣта, долженствующаго съ самаго начала обратить на себя вниманіе зрителей: всѣ это исполнено въ совершенствѣ.

Глубина въ картинѣ есть одно изъ превосходствъ живописи новаго времени предъ древнею. Со временъ Леонардо-да-Винчи—въ Италіи и Альбрехта Дюрера—въ Германіи, не довольствуются одною линейною перспективою; постепенное углубленіе въ картинѣ выражается по неизмѣннымъ законамъ оптики уменьшеніемъ цвѣта и силы красокъ во всѣхъ ихъ переливахъ. Любитель, желающій болѣе ознакомиться съ теоріею красокъ и общими понятіями о воздушной перспективѣ, найдетъ далеко не сухое изложеніе, но истинно-поэтическое наслажденіе въ теоріи красокъ Гёте. Чтеніе же практической книги

Google

о живописи Леонарда-да-Винчи, и сочиненіе Рафаэля Менгса необходимо каждому, кто хочетъ изучить живопись практически, потому что въ наше время, благодаря распространенію просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ, для художника становится необходимымъ соединить практическое изученіе съ благоразумною теоріею, которую находимъ не только въ разныхъ эстетикахъ, но даже нерѣдко въ беллетрическихъ сочиненіяхъ разнаго рода.

Живопись въ Москвѣ, со времени основанія художественнаго класса, благодаря почтенныхъ членовъ общества, сдѣлала замѣчательные успѣхи, и число учениковъ значительно увеличилось. Императорская Академія Художествъ, которая всегда поощряла юные таланты, и въ нынѣшнемъ году удостоила многихъ учениковъ Художественнаго Класса лестными наградами. Теперь важно для насъ,—какое направленіе приметъ искусство? Передъ нами открытъ широкій путь; но вступающему на это высокое поприще изящнаго предстоитъ много искушеній, потому что нельзя не сознаться, что въ Европѣ господствуетъ нынѣ въ искусствахъ мелкій и почти ничтожный вкусъ. Музыкальныя композиціи оглушаютъ насъ звуками колокольчиковъ, бубенъ и Турецкихъ барабановъ; въ романахъ поражаютъ насъ неслыханные эффекты; живописцы роскошествуютъ красками, какъ Монте-Кристо деньгами, и всё это названо: *модный вкусъ*! Кажется многіе забыли, что художественное произведеніе не должно раздражать, но успокоивать нервы слуха и зрѣнія. Мы видимъ, что живопись, поражающая насъ на первый взглядъ, какъ блестящая иллюминація, оставляетъ потомъ непріятное впечатлѣніе. Это не дивный колоритъ Тиціана, Рубенса, Рембрандта, Клодъ-Лорена! — Хотя эти великіе люди проявили свои самобытныя идеи, однако въ ихъ произведеніяхъ *болѣе* изящной природы, которая при всемъ разнообразіи и великолѣпіи своемъ сохраняетъ вѣчно чудную гармонію. Живопись не можетъ и не должна быть безсмысленнымъ украшеніемъ комнатъ, или драгоцѣнною мебелью роскоши. Эта благородная отрасль человѣческаго созданія не можетъ даже довольствоваться однимъ слѣпымъ подражаніемъ природѣ въ духѣ Батте, Зульцера и Лагарпа. Тонкій знатокъ изящнаго, Густавъ Ваагенъ, выразился объ этомъ предметѣ въ лекціи, читанной въ Берлинѣ въ 1843 году, очень ясно, ставя и ландшафтную живопись, какъ самобытное созданіе художника, гораздо выше, нежели какъ у насъ ее понимаютъ. То же самое утверждаетъ Шеллингъ въ сочиненіи «Объ отношеніи природы къ искусству». Все это однако касается только выраженія идеи художника въ самобытной его личности; образцомъ же

Digitized by Google

остается ему одна природа, отъ которой отступить ради моднаго шика есть непростительная погрѣшность. Какое высокое мѣсто занимаетъ искусство у образованныхъ народовъ — подтверждаютъ еще слова Гегеля. Говоря о совершенствѣ ваянія въ Греціи, онъ прибавляетъ: «Греція еще не будетъ вполнѣ познана въ своихъ поэтахъ, ораторахъ, историкахъ и философахъ, если изученіе идеаловъ скульптуры не будетъ служить средствомъ къ этому познанію». Если скульптура имѣла у древнихъ Грековъ такое высокое значеніе, то живопись, вошедшая какъ въ духовную такъ и въ гражданскую жизнь нашу, занимаетъ не менѣе важную степень среди насъ, потому что всѣмъ извѣстно, какіе важные религіозные, историческіе и психологическіе предметы оживаютъ подъ кистію просвѣщеннаго и геніальнаго художника.

Хотя мы въ Москвѣ, какъ начинающіе, не имѣемъ еще надлежащихъ силъ для исполненія высокихъ предметовъ въ живописи, по крайней мѣрѣ избѣгнемъ модныхъ шиковъ, и предметовъ, не достойныхъ высокаго искусства; наберемъ путь къ возвышенной цѣли, и тогда, исполняя иногда невидимому обыкновенные предметы, мы возвысимъ ихъ до эстетической художественности. Способы для изученія день ото дня расширяются; картинная галерея Графа Растопчина открыта; Художественное Общество пріобрѣло, кромѣ богатаго собранія слѣпковъ древнихъ статуй, еще нѣсколько превосходныхъ копій изъ Императорской Академіи Художествъ, изъ коихъ въ особенности замѣчательны: Рафаэля—Сикстинская Мадона, копированная профессоромъ Боссе, картина Тиціана: «Взятіе Богоматери на небо,» и мног. др.

Заключимъ .... пріятною надеждою на свѣтлую будущность для изящной живописи въ Москвѣ, и, обращаясь къ молодымъ художникамъ, успѣвшимъ столь много въ краткое время, скажемъ, что способы и поощренія со стороны любителей увеличиваются день-ото-дня, и слова, начертанныя на медаляхъ Академіи, обращены къ каждому изъ нихъ: *«слѣдуй, достигнешь!»*

... Намѣреваясь извѣщать по временамъ о вновь появляющихся картинахъ въ Москвѣ, спѣшимъ обратить вниманіе любителей живописи на картину извѣстнаго художника *Г. Кояро-Дуси*, выставленную на Тверской въ домѣ Гурьева. Подробное объясненіе сюжета картины, взятаго изъ временъ гоненія христіанъ до Константина Великаго, находится у Г-на Фабро, показывающаго картину.

Первое впечатлѣніе, которое сдѣлало на насъ это прекрасное произведеніе, такъ пріятно, и вмѣстѣ такъ сильно, что мы не можемъ еще рѣшиться высказать зароившихся въ душѣ мыслей. *К. Рабусъ.*

Digitized by Google

Московскій Университетъ торжествовалъ день своего основанія, 12 Января, такъ, какъ не торжествовался онъ никогда: къ нему присоединенъ былъ актъ, т. е. заключеніе учебнаго года. Нельзя не одобрить вполнѣ этого соединенія. Неудобство здѣсь только одно: студенты, кончившіе курсъ ученія въ Маѣ, не могутъ дожидаться своихъ дипломовъ полгода, и слѣдовательно будутъ разъѣзжаться во всѣ стороны, на службу, или по домамъ, на родину, не участвуя въ актѣ. Но если учебный годъ будетъ оканчиваемъ Декабремъ, вмѣсто прежняго Мая, тогда и это неудобство отстранится, и самымъ приличнымъ днемъ для акта сдѣлается 12 Января—университетскій праздникъ во всѣхъ отношеніяхъ. Въ нѣкоторыхъ университетахъ учебный годъ уже и теперь оканчивается Декабремъ, вмѣстѣ съ гражданскимъ.

Литургія была совершена высокопреосвященнымъ митрополитомъ Филаретомъ соборнѣ. Присутствовавшіе имѣли удовольствіе увидѣть въ университетской церкви много предметовъ новыхъ и великолѣпныхъ: богатыя ризы алаго яркаго бархата, устроенныя на иждивеніи правленія; новое напрестольное Евангеліе, въ позлащенномъ окладѣ, приношеніе профессоровъ; образъ, написанный по усердію студентовъ. Знаменитый архипастырь, неутомимый въ проповѣданіи слова Божія, произнесъ поучительное слово. Предметомъ его было — совершенно-неожиданное сближеніе мученичества съ мудростію и просвѣщеніемъ, но мы опоздали говорить объ этой рѣчи, уже напечатанной сполна во всѣхъ нашихъ вѣдомостяхъ. Актъ происходилъ въ старой большой залѣ. Публики лѣтъ уже двадцать не было столь многочисленной. Всѣ Московскія власти почтили Университетъ своимъ посѣщеніемъ. Ораторами были Гг. профессоры Спасскій и Басовъ, принадлежащіе къ Московскимъ извѣстностямъ, каждый по своей части — Г. Спасскій, какъ метеорологъ, Г. Басовъ, какъ хирургъ. Мы замѣтимъ впрочемъ, что университетскія рѣчи, при перемѣнѣ отношеній науки къ публикѣ, и публики къ наукѣ, должны также подвергнуться перемѣнамъ. Содержаніе, и даже произношеніе ихъ, должны имѣть цѣлію привлечь вниманіе *слушающей* публики (не только читающей), и слѣдовательно принять новый характеръ. Рѣчь Г. Спасскаго помѣщена нами сполна, а о рѣчи Г. Басова мы поговоримъ въ слѣдующій разъ. Въ ораторскомъ отношеніи пальма принадлежитъ Г. Шевыреву, который, сообщивъ отчетъ о состояніи Университета, произнесъ Европейски-благодарственную рѣчь къ посѣтителямъ. Праздникъ окончился роскошнымъ завтракомъ, въ коемъ принимали участіе посѣтители, профессоры, студенты, угощенные Г. попечителемъ.

Старый Университетъ имѣлъ въ этотъ день еще и другихъ гостей — отличныхъ воспитанниковъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній, т. е. корпусовъ и гимназій. Это явленіе также новое и заслуживающее всякой хвалы. Всѣ учебныя заведенія находятся въ родственной связи съ Университетомъ, получая отъ него почти всѣхъ своихъ учителей.

20-го начались публичныя лекціи, о которыхъ послѣ мы скажемъ подробнѣе. Мысль прекрасная, и напрасно замѣчаютъ нѣкоторые, что въ три или четыре лекціи нельзя сообщить полныхъ свѣдѣній о чемъ бы то ни было. Все зависитъ отъ ораторовъ: изъ всякой науки можно выбрать предметы занимательные, общедоступные, и не требующіе продолжительнаго времени. Скажемъ только, что начало блистательно. Конецъ вѣрно будетъ еще блистательнѣе, къ наслажденію всѣхъ друзей науки.

---

21 Января Гг. студенты дали концертъ, которымъ публика осталась совершенно-довольна, познакомясь съ нѣсколькими новыми талантами.

Физико-Медицинское Общество, учрежденіе котораго связано съ именемъ незабвеннаго Михайла Никитича Муравьева, имѣло 8 Января публичное засѣданіе, гдѣ, между прочимъ, секретарь Общества, А. И. Полунинъ, читалъ рѣчь «объ отношеніи медицины къ естественнымъ наукамъ». Обративъ вниманіе на мнѣніе нѣкоторыхъ мыслителей, что общесторонніе свѣдѣнія въ естествознаніи нужны только врачу-теоретику, что врачъ-практикъ можетъ безъ нихъ обойдтись, онъ показалъ связь теоріи съ практикой, сказавъ, что теорія есть выводъ изъ практики, а практика основаніе теоріи, и что въ дѣйствіяхъ врача-практика, если онъ не знакомъ основательно, общесторонне, съ естественными науками, отчетливости предполагать нельзя, потому что и первая задача врачу при постелѣ больнаго — открыть измѣненія происшедшія въ организмѣ, дать имъ значеніе, показать ихъ взаимную зависимость и причины, ихъ произведшія; а какъ онъ объяснитъ измѣненія въ строеніи безъ основательнаго знанія анатоміи, измѣненія въ составѣ — безъ знанія химіи, измѣненія въ отправленіяхъ — безъ знанія физіологіи? Какъ будетъ онъ судить о дѣйствіяхъ окружающей природы на человѣка — о вліяніи атмосферы, почвы, растеній, животныхъ — незнакомый съ метеорологіею, геологіею, ботаникой, зоологіею? Не зная общихъ законовъ природы, онъ будетъ считать за таинственныя — явленія, подходящія подъ законы общіе. Вторая задача врачу, опредѣливъ болѣзнь, назначить соотвѣтствующее ей леченіе — поставить больнаго въ отношенія къ природѣ, наиблагопріятнѣйшія для существованія больнаго. Но какъ можетъ онъ это сдѣлать безъ обстоя-

Digitized by Google

тельнаго знакомства съ природой?—Потомъ Г. Полунинъ перешелъ къ изложенію современнаго направленія патологіи, связи ея съ терапіею, и, обративъ вниманіе на успѣхи фармакологіи въ новое время, заключилъ свою рѣчь желаніемъ успѣха естественнымъ наукамъ, которыя обращаютъ нынѣ на себя особое вниманіе ученыхъ, такъ, что даже въ Германіи, породившей такъ много отвлеченныхъ мыслителей, теперь умы болѣе направлены къ изученію природы путемъ опыта.

Другой молодой ученый, Д. Е. Минъ, читалъ разсужденіе, также очень примѣчательное, »о вліяніи воздуха и нѣкоторыхъ другихъ дѣятелей природы на организмъ человѣка.«

Но что всего было интереснѣе въ засѣданіи, это извѣстіе о чудесномъ открытіи хирургическаго искусства:

...Вѣрно никто изъ наслаждавшихся въ прошедшее лѣто прогулками въ Сокольникахъ не думалъ и не гадалъ о возможности вдыхать бальзамическій воздухъ Сокольницкой рощи посредствомъ серебряной трубочки, вставленной въ дыхательное горло. А среди посѣтителей ея нерѣдко являлся человѣкъ, которому суждено было врачевать другихъ и сдѣлаться поразительнѣйшимъ примѣромъ великихъ успѣховъ врачебнаго искусства: это молодой врачъ, О. П. *Ивановъ*. Одержимый около трехъ лѣтъ болью въ гортани и кашлемъ — признаками горловой чахотки, въ Маѣ 1849 года онъ подвергся столь сильному ожесточенію болѣзни, что по причинѣ чрезвычайно-затрудненнаго дыханія, смерть казалась неизбѣжною; и онъ навѣрно бы задохся, подобно многимъ другимъ, погибающимъ отъ той же болѣзни, если бы хирургическій ножъ не открылъ искусственнаго пути для прохожденія воздуха, не могшаго входить свободно чрезъ естественный путь — гортань, еслибы не сдѣлана была операція — *laryngotomia*, т. е. еслибы не было разрѣзано горло ниже того мѣста, гдѣ находилось препятствіе для вхожденія воздуха, и еслибы не была вставлена серебряная трубочка въ разрѣзъ. Разрѣзъ и трубочка открыли новый путь для воздуха, и спасли погибавшаго отъ задушенія.

Въ Декабрѣ минувшаго года Г. Ивановъ, какъ бы нарочно для увеличенія интереса столь важнаго случая, какъ его болѣзнь, прочищая трубочку изъ гутта-перчи, которую вставилъ въ гортань, вмѣсто серебряной, оторвалъ внутренній конецъ ея, попавшій тогда въ дыхательный каналъ и возбудившій столь сильный кашель и такое затрудненіе въ дыханіи, что жизнь больнаго казалась въ опасности; дѣло однакожъ кончилось благополучно, чрезъ нѣсколько дней, когда оторвавшійся конецъ трубочки, выдыхаемымъ воздухомъ,

принесенъ былъ къ исскуственному отверстію гортани, и выглядывалъ въ него. Г. Ивановъ, бывшій, по совѣту В. А. Басова, наготовѣ съ пинцетомъ въ рукѣ, схватилъ и вытащилъ его, и тѣмъ избавился отъ непріятнаго жильца въ дыхательномъ каналѣ.

Г. Ивановъ былъ представленъ собранію сдѣлавшимъ ему операцію профессоромъ хирургіи *Басовымъ*. Присутствовавшіе въ собраніи врачи и особенно не-врачи не мало удивились, увидѣвши передъ собою того, который, почти за два года предъ симъ, былъ подъ косою смерти, и который теперь спокойно снималъ галстукъ, чтобъ показать спасительное отверстіе съ вставленною въ него трубочкою, и безъ признаковъ чахотки разговаривалъ съ окружавшими. Привѣтствуя Москву съ успѣхами столь спасительной операціи, привѣтствуя хирургію съ такимъ блестящимъ доказательствомъ ея могущества, радуясь ея успѣхамъ вмѣстѣ съ Физико-Медицинскимъ Обществомъ, среди котораго явилось столь важное наличное доказательство, и гдѣ, слышно было, кромѣ Г. Иванова спасены въ 1849 году искусною рукою того же профессора отъ гибельныхъ послѣдствій той же болѣзни двое изъ больныхъ Московскаго Военнаго Госпиталя, мы надѣемся, что читатели наши прочтутъ съ особеннымъ участіемъ передаваемое нами извѣстіе.

И такъ, къ именамъ славныхъ Московскихъ, чисто-Русскихъ, хирурговъ: Мухина, Высоцкаго, Пикулина, Альфонскаго, Пирогова, (*) Иноземцева, присоединяется имя Басова. Хирургія особенно у насъ счастлива. Мы имѣемъ еще Кильдюшевскаго, Кудрявцева, Матюшенкова. Вспомнимъ съ благодарностію нѣсколько почтенныхъ именъ, если не чисто-Русскихъ, то совершенно уже обрусѣвшихъ и принадлежащихъ совершенно нашему отечеству: Гильдебрандта, Эвеніуса, Поля, Овера...

Историческое общество имѣло 27 Января собраніе, замѣчательное разсужденіемъ своего предсѣдателя, А. Д. Черткова, «о древности поселенія Славянъ въ Европѣ,» въ коемъ онъ и послѣ Шафарика сказалъ много новаго и важнаго. Ожидаемъ окончанія его изслѣдованія.

Можемъ сообщить только вкратцѣ о примѣчательной панихидѣ по М. И. Крашенинникове (10 Января) въ Мѣщанскомъ У-

(*) Воспитанникъ Московскаго Университета.

Digitized by Google

чилищъ: умилительная, говорятъ, была минута, когда триста человѣкъ дѣтей упало на колѣни, и въ одинъ голосъ и воскликнуло: со Святыми упокой! Странно, что никому изъ членовъ не пришло въ голову сообщить куда-нибудь подробное описаніе этого утра — ни священнику, ни инспектору, ни учителю словесности!

—

Благородный спектакль въ пользу дѣтскихъ пріютовъ повторился въ Благородномъ Собраніи 14-го Января. Мы не успѣли сказать объ этомъ во второй книжкѣ, но обязаны здѣсь занести это событіе въ нашу лѣтопись.

—

Въ литературныхъ кружкахъ Московскихъ, которыхъ у насъ чуть не сорокъ, толкуютъ о произведеніяхъ Петербургскихъ литераторовъ, и, между прочими, о «Сотрудникахъ» Графа Соллогуба и «Провинціалкѣ» И. С. Тургенева. Строгіе судьи вопіютъ ужасно противъ обоихъ, особенно противъ перваго: видятъ униженіе искусства, запоздалость, безсвязность, натянутость, подражательность Французскимъ фарсамъ, выдуманность, профанацію идей, и проч., и проч. Положимъ, что все или почти все правда, но вѣдь авторы вѣроятно и сами не придаютъ много цѣны своимъ шуткамъ. Вы смѣетесь въ Французскихъ водевиляхъ, которые бываютъ еще безсвязнѣе и несбыточнѣе,—такъ не взыскивайте много и съ нашихъ пьесокъ, если онѣ васъ разсмѣшатъ, а онѣ разсмѣшатъ навѣрное, бывъ сыграны хорошо — и представляя много случаевъ актерамъ показать свое искусство. Все-таки здѣсь есть что-нибудь Русское, все-таки напоминаетъ здѣсь что-нибудь о нашихъ явленіяхъ, все таки онѣ написаны хорошимъ языкомъ, и заключаютъ нѣсколько забавныхъ остротъ. По нашему гораздо лучше, чтобъ такія оригинальныя пьесы замѣнили намъ переводы дюжинныхъ водевилей.

—

Еще двѣ Московскія новости, о которыхъ большая часть Москвичей, безъ сомнѣнія, знаетъ; это:

Манежъ Г. Гордта, въ домѣ Всеволодскаго, во Всеволодскомъ переулкѣ, между Пречистенкой и Стоженкой. Прекрасныя лошади, умѣренныя цѣны, удобство помѣщенія — все это вмѣстѣ дѣлаетъ новый манежъ такимъ заведеніемъ, котораго до сихъ поръ у насъ не было — не во гнѣвъ Г. Фрейтагу. По вторникамъ и субботамъ у Г. Гордта играетъ музыка, и общество бываетъ многочисленно. Когда-нибудь мы возвратимся къ нему.

Digitized by Google

Другая новость — Бани Ломакина, на Садовой, близъ церкви Св. Ермолая; мы говоримъ о такъ-называемыхъ пятирублевыхъ баняхъ, которыя устроены въ оригинальномъ павильйонѣ, вѣроятно замѣченномъ не однимъ изъ Московскихъ жителей. Стоитъ, если кто не хочетъ воспользоваться, даже просто взглянуть на внутренность этихъ бань. Не только комфортъ, но и роскошь въ цѣломъ: нѣтъ, конечно, опредѣленнаго вкуса, но большое спасибо Г. Ломакину и за то, что онъ сдѣлалъ. Его заведеніе очень хорошо, и покуда лучшее въ Москвѣ.

—

Археологическія пріобрѣтенія. Моя сокровищница обогатилась многими примѣчательными вещами: пріѣзжаетъ въ Москву Французъ, Г. Сегино, изъ Тулы, и даетъ знать, что у него продаются Русскія рѣдкости. Я попросилъ одного молодаго антикварія взглянуть на нихъ предварительно, и узналъ, что есть вещи примѣчательныя. Отправляюсь къ нему, и вижу множество: образа, рукописи, старопечатныя книги, монеты, оружіе, и проч. Охотники приходятъ и торгуютъ: за каждую, выбираемую вещь хозяинъ спрашиваетъ цѣну огромную, и покупатели, разумѣется, отходятъ прочь, не соглашаясь. Я началъ торговать все безъ исключенія, и онъ уступилъ мнѣ гораздо дешевле, чтобъ не проживаться за мелочною продажею, которая могла бы продолжаться долго. Половина — хламъ, но въ половинѣ есть нумеровъ пять, существенно-необходимыхъ для моихъ собраній, и нумеровъ пятьдесятъ, нужныхъ для ихъ полноты, а именно:

Древній образъ Спасителя, Новогородскаго письма, нисколько не подправленный; Старый образъ Рождества Божіей Матери, съ старыми серебряными ободами; Отличный костяной образъ Зосимы и Савватія; Списокъ лѣтописи, кажется, Софійской, очень хорошій; Прекрасная рукопись Алфавита; Такая же Пасхалія; Одинъ хорошій сборникъ; Два фоліанта рѣчей Димитрія Ростовскаго; Уложенія современный списокъ; Боярскій чеканъ, сѣкира, нѣсколько Шведскихъ штыковъ и сабель, съ Полтавскаго поля; Нѣсколько Русскихъ оружій, Петровыхъ временъ; Древняя шитая сорока, съ примѣчательными узорами; Двѣ старыя куклы въ Русскихъ костюмахъ; Отличные костяные и деревянные портреты Екатерины II; Примѣчательная боярская печать; нѣсколько печатей не такъ старыхъ, колецъ, пуговицъ; Диргемовъ Арабскихъ древнихъ шесть; Монетъ 30 древнихъ Нормандскихъ (Русскія монеты не примѣчательны); Множество мѣдныхъ образовъ и кре-

Digitized by Google

стовъ литья не древняго, но и не новаго; Форма каменная для литья крестовъ, (а у меня есть уже форма для просфирныхъ печатей, доски деревянныя и мѣдныя для рисунковъ и оттисковъ, слѣд., все это кстати).

Отвуда же достались всѣ эти вещи Тульскому Французскому ресторану? Достались за долгъ послѣ какого-то чиновника, который во всю свою жизнь собиралъ всякія рѣдкости по охотѣ.

Еще драгоцѣнность: я получилъ въ подарокъ отъ почтеннѣйшаго П. И. М. собственноручный реэстръ изобрѣтеній знаменитаго Кулибина, который я напечатаю, а можетъ быть приложу и его портретъ, разительно-сходный, доставленный Г. Пятериковымъ. *М. П.*

Digitized by Google

ФОНТАНА.

РАЗСКАЗЪ.

Была весна 1585 года. Римъ носилъ трауръ по Григоріѣ XIII, томъ самомъ папѣ, который преобразовалъ Юліанскій календарь, и о которомъ говоритъ Монтэнь въ своемъ *Voyage transalpin*.

Началось избраніе новаго папы. Выборъ конклава неожиданно палъ на кардинала Монтальто.

Дивна была участь этого человѣка: изъ простыхъ пастуховъ возвысился онъ до престола Св. Петра, такъ же счастливо, какъ знаменитый Гильдебрандтъ, котораго и геній и жестокую политику суждено было ему воскресить.

Какъ изумились, какъ перепугались избравшіе его кардиналы, когда слабый, больной, едва дышавшій старикъ, мгновенно преобразился въ бодраго, здороваго, самовластнаго повелителя.

Извѣстно, что папа этотъ былъ Сикстъ V.

Съ неутомимой дѣятельностью принялся онъ исправлять безчисленныя ошибки и невѣроятныя упущенія своего неспособнаго, изнѣженнаго предшественника. Нужна была вся сила духа, вся непоколебимость воли Сикста, чтобы привести къ желанному концу такое трудное дѣло. Римъ, въ полномъ смыслѣ слова, былъ притономъ разбойниковъ; съ каждымъ днемъ ихъ становилось больше и больше: законы стали совершенно безсильны, потому что разбойникамъ покровительствовала аристократія, которая часто нуждалась въ нихъ.

Подобные безпорядки не могли продолжаться при такомъ человѣкѣ, каковъ былъ Сикстъ V. Онъ вооружился непреклонной строгостью, и казнилъ преступленіе, не обращая вниманія ни на званіе, ни на связи виновнаго. Послѣ нѣсколькихъ ужасныхъ примѣровъ его безпощадности, злодѣи увидѣли въ немъ неотразимый бичъ свой, и спокойствіе возстановилось въ городѣ, гдѣ грабежи и убійства совершались до той поры съ неслыханной безнаказанностью.

Разъ вечеромъ, когда папа занимался въ своемъ кабинетѣ и при немъ былъ одинъ только старый Джироламо, его дворецкій,

Digitized by Google

или, вѣрнѣе, другъ, послышался сильный шумъ. Раздавались угрожающіе голоса и звуки оружія. Въ кабинетъ вбѣжалъ прелатъ, съ испуганнымъ видомъ, и сказалъ:

— Святой отецъ! Графъ Рануччіо Салембрини, сопровождая во дворецъ Феррарскаго посланника, встрѣтился въ галлереѣ съ архитекторомъ Фонтана: они поссорились, и обнажили шпаги, но стража развела ихъ.

— Неужели?—вскричалъ Сикстъ въ сильномъ гнѣвѣ — можетъ ли быть, чтобы въ мое царствованіе папскій дворецъ осквернялся поединками и кровопролитіемъ? Я примѣрно накажу виновныхъ; привести ихъ!

Рануччіо и Фонтана вошли въ сопровожденіи офицера; Фонтана былъ съ подвязанной рукой.

— Безумные! — строго закричалъ на нихъ папа — вы святотатцы, вы нарушили неприкосновенность моего.... дворца. Вы должны умереть.... За что вы поссорились? Говорите вы сначала, Графъ Рануччіо!....

— Я шелъ по галлереѣ — отвѣчалъ почти хладнокровно графъ, — какъ вдругъ этотъ негодяй бросился на меня, наговорилъ дерзостей за какіе-то пустяки, и принудилъ взяться за шпагу для личной моей защиты.

— За какіе-то пустяки! — вскричалъ Фонтана, который уже не въ состояніи былъ удерживать долѣе свое негодованіе — а давно ли, сіятельнѣйшій Графъ, похищеніе и убійства сдѣлались пустяками?

— Продолжайте, продожайте, — сказалъ святой отецъ такимъ голосомъ, котораго наружное спокойствіе мертвило душу—теперь ваша очередь, синьйоръ Фонтана.

— Вчера вечеромъ — началъ архитекторъ — я проходилъ съ моей невѣстой мимо пирамиды Цестіуса, какъ вдругъ напали на насъ три неизвѣстныхъ человѣка, и старались отбить ее отъ меня. Я защищался, что̀ сдѣлалъ бы и всякій честный человѣкъ на моемъ мѣстѣ, и былъ раненъ въ руку; шумъ привлекъ къ намъ проходившихъ; одного изъ противниковъ моихъ схватили, и открылось, что онъ слуга Графа Рануччіо. Сегодня утромъ я шелъ просить о правосудіи ваше святѣйшество, и встрѣтилъ самого Графа, который насмѣшливо посмотрѣлъ на меня. Остальное вамъ извѣстно....

— Смерть вамъ, Графъ!—вскричалъ разгнѣванный Сикстъ — смерть вамъ, недостойно оскорбившему общественную нравственность;

Google

преступленіе ваше будетъ наказано, Графъ Салембрини. Я васъ предаю суду: идите!

Графъ вышелъ съ поникнутой головой, въ сопровожденіи двухъ кардиналовъ. Фонтана съ почтительной твердостью ожидалъ рѣшенія святаго отца. Послѣ минутнаго молчанія, Сикстъ сказалъ: —Молодой человѣкъ, вы нанесли важное оскорбленіе папскому величію; я могу помиловать васъ только на одномъ условіи: сдѣлайте что-нибудь такое по части вашего исскуства, что бы загладило проступокъ вашъ, и обезсмертило ваше имя....

— Что угодно вамъ приказать мнѣ? — съ воодушевленіемъ спросилъ художникъ — я чувствую себя способнымъ выполнить все, что только доступно зодчему.

— Вы очень смѣлы, молодой человѣкъ—возразилъ Сикстъ: — знаете ли вы обелискъ, украшавшій нѣкогда циркъ Нерона?

— Знаю; онъ недавно еще былъ заваленъ мусоромъ: я велѣлъ очистить его, и вымѣрилъ; онъ вѣситъ по крайней мѣрѣ десять тысячъ центнеровъ.

— Какъ вы думаете, можно будетъ поднять его и перенесть?

— Можетъ быть — отвѣчалъ молодой человѣкъ, послѣ нѣкотораго размышленія.

— И такъ,—сказалъ Сикстъ—ступайте; примите свои мѣры, поднимите обелискъ; его надобно перенесть на главную площадь, и противъ церкви Св. Петра поставить на пьедесталѣ въ 24 фута вышиною. Если вамъ это удастся, я васъ прощаю, и сверхъ того вознагражу достойнымъ образомъ; въ противномъ случаѣ — вы погибли.

— Вы не откажете мнѣ ни въ какихъ средствахъ, необходимыхъ для этого предпріятія? — спросилъ Фонтана.

— Ни въ чемъ не будетъ недостатка, — отвѣчалъ папа.

Зодчій сталъ на колѣни, и съ жаромъ воскликнулъ:

— Я погибну, или подниму обелискъ. Понимаю васъ, святой отецъ: вамъ нельзя меня помиловать, не оскорбивъ собственнаго достоинства, но вы наказываете меня сообразно съ великостью души вашей, и я надѣюсь, что это наказаніе обезсмертитъ мое имя. Теперь мнѣ остается только испросить у васъ благословенія.

— Вы получите его, но не теперь, — отвѣчалъ папа, видимо тронутый — ступайте, приготовляйтесь.

Зодчій склонился, поцѣловалъ туфлю наѣстника Св. Петра, и ушелъ.

Черезъ нѣсколько дней, древній циркъ Нерона былъ покрытъ множествомъ рабочихъ. Огромный обелискъ лежалъ еще на

Digitized by Google

прежнемъ мѣстѣ, но обведенный уже такимъ количествомъ желѣзныхъ обручей, что они до 40,000 фунтовъ увеличивали тяжесть его. На площади Св. Петра дѣлались такія громадныя приготовленія, что хотя Римляне имѣли полную довѣренность къ искусству Фонтаны, но все-таки сомнѣвались въ успѣшномъ окончаніи его предпріятія.

Площадь, загроможденная подмостками, казалась лѣсомъ; повсюду видны были брусья, рычаги, подъемныя и другія машины; а сколько еще тянулось возовъ съ бревнами, желѣзомъ, канатами и цѣпями! Посереди всей этой суматохи былъ замѣтенъ одинъ человѣкъ, которому почтительно кланялись рабочіе, и который, съ портфёлемъ въ рукахъ, внимательно и молчаливо наблюдалъ за ходомъ работъ. Это былъ Фонтана.

Прошло нѣсколько недѣль, и уже приближался срокъ, назначенный для перенесенія обелиска. Нужно было не меньше 800 человѣкъ и 70-ти лошадей, чтобы довезти его до пьедестала.

Наконецъ, великій день наступилъ. Съ солнечнаго восхода крыши и окны домовъ, окружавшихъ площадь, были усѣяны зрителями. На подмосткахъ, устроенныхъ для аристократіи, могли помѣститься только триста человѣкъ. Рабочіе ждали условнаго знака, лошади были впряжены, и огромные канаты обвивали обелискъ.

Мертвое молчаніе царствовало во всей этой толпѣ. Взоры всѣхъ унылo обращались въ одну сторону площади, гдѣ возвышался эшафотъ и стоялъ палачъ съ топоромъ въ рукѣ.

Начальникъ сбировъ провозгласилъ, что святой отецъ повелеваетъ всѣмъ хранить самое благоговѣйное молчаніе послѣ того какъ на Капитоліѣ ударятъ въ колоколъ.

Зрѣлища такого рода нравились Сиксту. Незадолго до этого, онъ, сидя за обѣдомъ, приказалъ повѣсить передъ окнами своей комнаты одного Испанскаго дворянина, обвиненнаго въ смертоубійствѣ, и очень веселъ всталъ изъ-за стола, увѣряя, что никогда не случалось ему обѣдать съ такимъ аппетитомъ.

Фонтана уже около двухъ часовъ былъ въ Ватиканѣ, куда пошелъ за благословеніемъ папы. Наконецъ онъ показался на балконѣ, выходившемъ на площадь. Онъ несъ красное знамя, одежда его была вся черная, лицо спокойно, но блѣдно... Взглянувъ на обелискъ, онъ потрясъ свое знамя, и въ это самое мгновеніе раздался густой, полный и чистый звонъ большаго колокола; всѣ преклонили головы съ глубокимъ благоговѣніемъ.

Въ эту минуту, молодая дѣвушка пробилась сквозь волнъ народа; ея печальные и безпокойные взоры встрѣтились со взо-

Digitized by Google

рами Фонтаны, который однимъ движеніемъ руки успокоилъ ее. Это была его невѣста — прекрасная Антонія.

Знамя снова заколебалось. Снова зазвучалъ колоколъ, и прежняя величественная картина замѣнилась другою. Все пришло въ движеніе, и рабочіе, и лошади, и машины. При новомъ ударѣ въ колоколъ, все затихло. Обелискъ былъ уже приподнятъ на нѣсколько футовъ. Архитекторъ посмотрѣлъ на него со вниманіемъ, взобрался по веревочнымъ лѣстницамъ, чтобы убѣдиться въ прочности канатовъ и блоковъ, и сошелъ съ довольнымъ видомъ.

Антонія со вздохомъ посмотрѣла на него, и опустила покрывало, чтобъ скрыть отъ толпы свое волненіе.

Все было въ порядкѣ. .. Фонтана опять покачалъ знаменемъ, опять раздался звукъ колокола: работа вновь закипѣла, и обелискъ поднялся еще выше. Тѣ же сигналы повторялись сорокъ разъ сряду. Все шло прежнимъ порядкомъ. Обелискъ почти стоялъ стоймя; оставалось только помѣстить его на пьедесталъ. Безпокойство снова овладѣло зрителями; но какъ обрадовались они когда и послѣднее затрудненіе миновалось. Обелискъ величественно поднялся съ земли, какъ нельзя болѣе удачно.

Колоколъ прозвучалъ въ пятидесятый разъ; громадная масса достигла верхняго края пьедестала; нужно было еще приподнять обелискъ надъ подножіемъ и ровно опустить на него...

Еще послышался звонъ, и колоссъ висѣлъ уже въ воздухѣ болѣе чѣмъ на 24 фута надъ землею... Антонія осмѣлилась взглянуть на своего друга, и невыразима была ея радость, когда она замѣтила, что лицо его сіяло надеждой; но едва предалась она самымъ сладкимъ мечтамъ, вдругъ смертельный ужасъ овладѣлъ ею: она видитъ, что ея милый поблѣднѣлъ и уронилъ знамя изъ задрожавшихъ рукъ. Внѣ себя, съ рыданіемъ бросилась она въ его объятія. Эта трогательная сцена произвела грустное впечатлѣніе на зрителей: всякій въ глубинѣ души своей проклиналъ непреклонность Сикста ...

Старый плотникъ, стоявшій подлѣ архитектора, шепнулъ ему:

— Синьйоръ! Я понимаю въ чемъ дѣло; веревки ослабѣваютъ, вы боитесь, что онѣ лопнутъ—и тогда все погибнетъ. Послушайтесь меня; за соборомъ приготовлена для васъ лошадь: бѣгите! спасайте свою жизнь!

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Фонтана дрожавшимъ голосомъ — я далъ слово, и не измѣню ему; останусь ждать смерти.

Какъ изобразить отчаяніе Антоніи! женихъ ея былъ тутъ, подлѣ нея, съ блѣднымъ, исказившимся лицомъ; онъ дрожалъ,

Digitized by Google

колѣна его подгибались, а тамъ, противъ него, стоялъ грозный исполнитель своей страшной обязанности, который скоро долженъ былъ прекратить это невыносимое томленіе. Обезумѣвшая, изступленная и не зная чѣмъ возстановить ослабѣвшія силы друга, она почти безсознательно вскрикнула: — Воды! воды!....

Въ эту минуту внезапное вдохновеніе, какая-то дивная сила, возвратили зодчему всю его энергію. Онъ приподнялъ голову, и звучнымъ голосомъ громко закричалъ:

— Воды! несите воды! поливайте веревки!....

Антонія и старый плотникъ остолбенѣли отъ изумленія. Приказаніе это поспѣшили исполнить: явились бочки съ водой; рабочіе съ кувшинами въ рукахъ взобрались по веревочнымъ лѣстницамъ, и поливали канаты. Фонтана совершенно вошелъ въ себя. Онъ поспѣвалъ повсюду, и распоряжался съ тѣмъ спокойствіемъ и присутствіемъ духа, которыя въ рѣшительную минуту отличаютъ человѣка съ возвышенной душою. Въ послѣдній разъ знамя заколебалось въ его рукѣ; онъ взглянулъ на свою Антонію... прозвучалъ колоколъ, и вслѣдъ за тѣмъ обелискъ величаво опустился на пьедесталъ.

Зодчій съ минуту стоялъ какъ оглушенный, и не могъ вымолвить ни одного слова.

Антонія, упоенная радостью, упала на колѣни, поднявъ руки къ небу....

Старый плотникъ, внѣ себя отъ восхищенія, схватилъ знамя, и привязалъ его къ веревкѣ. Черезъ нѣсколько минутъ, красный флагъ, какъ огненный метеоръ, волновался на вершинѣ обелиска.

Въ то же время колоколъ Капитолія соединилъ свой голосъ съ гуломъ колоколовъ другихъ церквей.

Народъ былъ не въ состояніи удерживать долѣе свой восторгъ. Тысячи голосовъ кричали: — Да здравствуетъ Фонтана! Да здравствуетъ маэстро!

Посреди кликовъ всеобщей радости, въ народѣ пробѣжали слова: «папа, папа Сикстъ V.» — Взоры всѣхъ обратились къ балкону собора.....

— На колѣни! — шумѣла толпа.

Сикстъ V появился на балконѣ въ тіарѣ и во всемъ блескѣ папскаго величія.... Онъ простеръ руки надъ склонившимся передъ нимъ народомъ, и благословилъ его. Въ эту торжественную минуту артиллерія крѣпости Св. Ангела сдѣлала залпъ изъ пушекъ.

Когда все кончилось, послышался голосъ изъ толпы: — Въ Ватиканъ! Понесемте его въ Ватиканъ!

Digitized by Google

Восторженный народъ послѣдовалъ этому совѣту, и маэстро, не смотря на свое сопротивленіе, былъ отнесенъ на рукахъ къ самому дворцу.

Фонтана, войдя въ покой папы, бросился къ ногамъ его. Но Сикстъ благосклонно поднялъ его, протянулъ ему руку, и сказалъ:

—Вы достойно исполнили то, за что взялись; я хочу достойно и вознаградить васъ! Съ этого дня вы Римскій кавалеръ, и будете получать тысячу дукатовъ пансіона отъ казны; я доставлю вамъ также возможность съ пользою употребить ваши дарованія.

Фонтана склонился, и вышелъ отъ святаго отца въ такомъ состояніи духа, которое легче чувствовать, нежели изобразить....

Черезъ недѣлю онъ сдѣлался мужемъ Антоніи. Продолжительное счастье вознаградило его за страшное испытаніе, которое онъ вытерпѣлъ.

ЖЕЛАНІЕ.

Императоръ Сулукъ устроилъ хоръ музыки для своей капеллы, дворца и публичныхъ торжествъ. Управленіе этой музыки будетъ поручено одному Французу, отличному ученику Консерваторіи и Г. Галеви, теперь уже занимающемуся строгимъ выборомъ артистовъ и всѣми распоряженіями къ скорому исполненію желанія Сулука. — Кромѣ этого, странныя вѣсти доходятъ до насъ изъ Ганти: мы читали, между прочимъ, характеристику двухъ тамошнихъ журналовъ и главныхъ лицъ (по-Европейски редакторовъ), ими управляющихъ. Напримѣръ, въ одномъ журналѣ два управляющихъ, и лѣтописецъ опредѣляетъ ихъ такъ: »они оба люди чрезвычайно-достойные и умные, но всего замѣчательнѣе ни съ чѣмъ не сообразныя маніи, которыми они одержимы. Одинъ безъ памяти приверженъ къ особаго рода курткамъ и цвѣтнымъ галстукамъ: эта несчастная страсть доходитъ у него до того, что съ каждымъ новымъ подписчикомъ онъ покупаетъ себѣ новую куртку и галстухъ; другой, его товарищъ, не можетъ выйдти за ворота безъ бутылки макона, и, какъ только новый подписчикъ, покупаетъ бутылку макона. 19 Декабря н. с. въ журналѣ, о которомъ идетъ рѣчь, было 119 подписчиковъ, и поэтому въ общей квартирѣ двухъ управляющихъ было на лицо: 119 куртокъ, 119 галстуковъ и 119 пустыхъ бутылокъ.« (Въ Ганти онѣ вымѣниваются на статьи — тоже странный обычай!)

Digitized by Google

Нѣтъ, вѣроятно, оркестра разнообразнѣе и пестрѣе оркестра Большой Оперы въ Нью-Іоркѣ: одинъ Нѣмецкій журналъ утверждаетъ будто бы въ немъ 71 Богемецъ и Чехъ, 12 Нѣмцевъ, 9 Французовъ, 8 Англичанъ, 7 Италіанцевъ, 4 Испанца, 2 Венгерца, 1 Полякъ, 1 Португалецъ и 1 Африканскій Негръ, который играетъ на Турецкомъ барабанѣ. Американца нѣтъ ни одного.

—

Рыбные торговцы Гента подали въ общинный совѣтъ города прошеніе, въ которомъ требуютъ пересмотра постановленія 9 Апрѣля 1818 г. о продажѣ рыбы. Изъ 16 подписей этого прошенія 12 подписаны фамиліею Ванло. Не удивительно, что, родственники между собою, Гентскіе рыбаки ищутъ монополіи въ своемъ ремеслѣ. — Одинъ Брюссельскій листокъ впрочемъ очень серьёзно доказываетъ, что 12 Ванло вовсе не родня между собою.

—

Съ нѣкотораго времени подозрѣвали, что на границѣ Франціи контрабандисты провозятъ товары въ свеклѣ. Недавно на Валансьенской дорогѣ цѣлый транспортъ такой свеклы былъ остановленъ жандармами уже въ 4-хъ льё отъ границы. Въ немъ заключалось 2,000 фунтовъ иностраннаго табака и болѣе 2,000 гаванскихъ сигаръ. Чиновники, когда проѣхалъ транспортъ, утверждали, что слышали табачный запахъ, и только на этомъ основаніи была отправлена погоня. Это дѣлаетъ честь обонянію таможенной стражи.

—

Въ Гаврѣ устроены башенные ночные часы совершенно-новаго вида: циферблатъ черный, а цифры и стрѣлки, замѣненныя газовыми рожками, удивительно блестятъ и видны издали.

—

Въ Дублинѣ умеръ нѣкто мистеръ Макинтошъ, прославившійся тѣмъ, что Паганини всегда покупалъ у него струны для своей скрипки. Макинтошъ, по своему ремеслу, былъ скрипичный мастеръ, и продавалъ свои инструменты отъ 10 до 30 фунтовъ стерлингъ за каждый. Но честолюбіе сгубило Макинтоша, достаточно уже разбогатѣвшаго: ему вздумалось отыскивать вѣчное движеніе, вслѣдствіе чего онъ провелъ 11 лѣтъ въ безусловномъ уединеніи, умеръ, понимается, не въ полномъ умѣ, голодный и на соломѣ.

—

Въ *Messager de Gant* отъ первыхъ чиселъ нынѣшняго года пишутъ: «На дняхъ прошелъ черезъ нашъ городъ пароходъ съ архимедовымъ винтомъ »Бельгія», построенный для Невы Общест-

Digitized by Google

вомъ-Кокрилль. Онъ отправляется въ Антверпенъ, и идетъ изъ Остенде, гдѣ уже шесть мѣсяцевъ производились опыты новой системы подводной механики, изобрѣтенной Гг. Гендриксами и Садеаномъ. Опыты всѣ оказались чрезвычайно-удовлетворительны.

—

Мало ли было толковано въ дни оны объ освобожденіи Неграовъ, мало ли говорятъ и теперь еще о томъ, что эта унизительная для человѣческаго достоинства промышленность и понынѣ кое-гдѣ не прекратилась?... Въ Парижѣ издавна есть обычай, врядъ ли чѣмъ лучшій торговли Неграми. Есть не мало спекуляторовъ, которые частію скупаютъ отъ родителей, частію просто воруютъ малолѣтныхъ Савояровъ и Овернцевъ, и потомъ обращаютъ ихъ въ свою пользу къ разнымъ промысламъ (болѣе всего изъ нихъ трубочистовъ). Отношенія хозяевъ къ этимъ несчастнымъ ничуть не легче отношеній прежнихъ колонистовъ къ Неграмъ. — Но въ концѣ прошлаго года, извѣстный префектъ Парижской полиціи, Карлье, разослалъ ко всѣмъ мэрамъ строгій циркуляръ, въ которомъ предписываетъ блюсти за обращеніемъ хозяевъ съ Савоярами и Овернцами, и грозитъ строгимъ наказаніемъ тѣмъ изъ нихъ, которые бы осмѣлились употребить во зло свою власть.

—

Въ день новаго года офицеры 7-го Французскаго кирасирскаго полка дѣлали въ Валансьенѣ визиты верхомъ: впереди ѣхалъ адъютантъ и докладывалъ о прибывшихъ.

—

Парижская Національная Библіотека должна въ скоромъ времени обогатиться новымъ автографомъ, подлинность котораго несомнѣнна. Этотъ автографъ — неизвѣстная доселѣ ода автора Метроманіи — *Признанія моей подушкѣ*. Ода вся написана рукою автора, украшена его подписомъ и числомъ, въ которое была написана, съ эпиграфомъ: »сдѣлать извѣстнымъ не ранѣе, какъ чрезъ сто лѣтъ послѣ моей смерти.« Первые стихи этого автографа, привезеннаго во Францію, слѣдующіе:

En dépit de l'Academie,
Des Jésuites et des cagots.

—

Никогда въ Парижѣ, да и врядъ ли въ цѣломъ свѣтѣ, не бываетъ такой расходъ на шоколадъ, какъ въ день новаго года. Богъ знаетъ ужъ почему, но нѣтъ презента болѣе популярнаго, какъ шоколадъ: Лолла-Монтесъ въ нынѣшнемъ году получила 27 коробокъ шоколада, и весьма основательно считаетъ себя оскорбленною, а кре-

Digitized by Google

дитъ свой упавшимъ. Есть дамы, которыя получили до 200 коробокъ шоколада и болѣе—и какихъ видовъ, какихъ формъ, какихъ фигуръ не принимаетъ шоколадъ къ новому году: вы можете имѣть шоколадныхъ Беррье, Ледрю-Роллена, Шангарнье, Президента, Монталамбера, Г-жу Зонтагъ, Г-жу Мадленъ Броанъ, Г-жу Рашель, и мало ли кого еще.

—

Какихъ чудесъ не бываетъ на бѣломъ свѣтѣ, до какихъ цѣлей не достигала хитрость ума человѣческаго!... Но въ сторону всѣ прелюдіи: читайте и благоговѣйте! Это—извѣстіе изъ Миргорода: «Въ здѣшнемъ Повѣтовомъ Судѣ служилъ нѣкогда одинъ достойный отецъ семейства (имени сказать не можемъ), который между прочими занятіями, въ свободное отъ дѣлъ время любилъ предаваться птицеводству въ обширномъ значеніи этого слова. Любимыя изъ всѣхъ его птицъ были канарейки. По кончинѣ покойнаго, одна изъ сихъ, воспитанныхъ имъ, канареекъ досталась его сыну: ей теперь 17 лѣтъ 3 мѣсяца, но она все еще поетъ очень пріятно, а что главное—до того ручна, что когда хозяинъ ея пишетъ, она садится на конецъ его пера, смотритъ внимательно на бумагу, и всякій разъ, когда онъ ставитъ букву *ъ* не на мѣстѣ, (что въ Миргородѣ бываетъ со многими) дергаетъ его за конецъ пера!»

—

Извѣстіямъ и новостямъ къ Лондонской выставкѣ нѣтъ конца. Загляните въ любой листокъ иностранной газеты — что-нибудь да ужъ найдете. Мы разскажемъ вамъ только объ одномъ. Сдѣланъ автоматъ изъ гутта-перчи: пьетъ, ѣстъ, куритъ — не говоритъ, разумѣется, но стоитъ что-нибудь спросить при немъ, онъ тотчасъ же подхватываетъ по-Испански: «мнѣ тоже.» Автоматъ менѣе средняго роста, одѣтъ изысканно, хотя не совсѣмъ по послѣдней модѣ; въ глазу лорнетъ. Онъ даже танцуетъ, и только тогда можно замѣтить въ немъ что то мертвенное. — Изобрѣтатель его досель неизвѣстенъ. Носятся слухи, будто бы онъ скрывается съ намѣреніемъ, совѣстясь за какой-то недостатокъ въ своемъ произведеніи.

—

Извѣстный уже читателямъ нашимъ своею щедростію и любезностію Непальскій посолъ, Юнгъ-Багадуръ старшій, отправилъ было прекрасной Черитто великолѣпнаго попугая, который говорилъ, если вѣрить одному Французскому журналу, на четырехъ языкахъ. Подарокъ, по несчастію, не достигъ своей цѣли. По неосторожности адъютанта Юнгъ-Багадура, которому онъ былъ по-

Digitized by Google

ручен, онъ съѣлъ двѣ горькія миндалины, и умеръ, проговоривъ при послѣднемъ издыханіи: «трубку!»

—

Въ одномъ изъ послѣднихъ Бельгійскихъ постановленій изображено: »парикмахеровъ и цирюльниковъ, занимающихся только бритьемъ, стрижкою и завивкою волосъ, не считать купцами»

—

Журнальныя замѣтки.

Петербургскимъ журналамъ непріятна, кажется, всякая примѣчательная статья Москвитянина. Они упоминаютъ о такихъ статьяхъ по самой крайней необходимости, и, гдѣ только есть случай, поводъ ослабить ея дѣйствіе, разумѣется хватаются за него, сколько бы ни страдала истина. Напр., Отечественныя Записки, обозрѣвая примѣчательныя произведенія прошлаго года, печатаютъ:» Г. Островскій написалъ комедію: «Свои люди — сочтемся!» Другое произведеніе того же автора: «Утро молодаго человѣка,» было помѣщено въ Москвитянинѣ.»—Да первое-то, комедія, гдѣ была помѣщена? Развѣ не въ Москвитянинѣ? — Особо она даже и не печаталась, а напечатана наборомъ журнала, что видно и по формату и по страницамъ.

Въ Москвитянинѣ обращено вниманіе на книжку давно вышедшую: «Обозрѣніе Латинскихъ словарей Г. Ананьева.»—Отечественныя Записки, узнавъ о ней изъ нашей рецензіи, восхваляютъ ее, но молчатъ о томъ, кому онѣ обязаны своимъ свѣдѣніемъ.

Такъ точно и Библіотека для Чтенія говоритъ: «переводы— Г. Мея, Слова о полку Игоревѣ и Бульверовыхъ Какстоновъ вышли въ Москвѣ»...!!

—

Отъ Редакціи.

Въ слѣдующей книгѣ Москвитянина начинаемъ печатать новый большой романъ А. Ѳ. Писемскаго, извѣстнаго читателямъ первою своею повѣстію «Тюфякъ», помѣщенною въ прошломъ году. Новый романъ имѣетъ заглавіе: «Сергѣй Петровичъ Хазаровъ и Мари Ступицына, бракъ по страсти.»

Digitized by Google

URBAIN, LIBRAIRE,

Commissionnaire de l'Université de Moscou.

NOUVEAUTÉS EN VENTE.

GALERIE NATIONALE de tableaux des grands maîtres, qui se trouvent en Angleterre, 2 vol. 4-° rel. 30 rb.; avec le port. . . . . 32 rb.

KARR, Voyage autour de mon jardin, édition magnifique ornée de gravures coloriées 10 rb.; avec port. . . . . 11 rb.

SANDEAU, Sacs et parchemins 2 vol. 18-° 1 70; avec port. . 2 —

CARTE DU CHEMIN DE FER de Pétersbourg à Moscou 1 f lle 1 50; avec port. . . . . 2 —

UN MILLION D'ÉNIGMES, charades et logogriphes,—1 rb.; avec port 1 30

P. DE KOCK, Une gaillarde 5 vol. 2 50; avec port . . . . . 3 —

DUMAS, La tulipe noire 2 vol. 1 70; avec port. . . . . 2 —

GARNIER, Economie politique 1 vol. 1 25; avec port. 1 60

LAMARTINE, Geneviève 3 vol. 1 20; avec port. 1 50

ALBUM des chemins de fer 1 vol. 2 50; avec port. . . . . 3 —

JARDINIER pratique, ou traité des plantes utiles, par Hocquart 1 50; avec le port. 1 80

Digitized by Google

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

МОСКОВСКІЯ.

ФАННИ ЭЛЬСЛЕРЪ. (*)

Московскую публику привлекаютъ теперь исключительно балеты, и несмотря на значительное возвышеніе цѣнъ, Большой Театръ наполненъ зрителями всякой разъ, когда танцуетъ знаменитая и истинно-прелестная Фанни Эльслеръ. Должно помнить, что срокъ заключенному съ нею условію приближается къ концу. Иной теперь скупится, а черезъ два мѣсяца заплатилъ бы охотно за кресты то, что стоитъ теперь ложа въ бельэтажѣ, лишь бы еще насладиться тѣмъ совершенствомъ, до котораго не достигала еще ни одна танцовщица; но прелестной Эльслеръ не будетъ уже тогда съ нами. Не одна наша древняя столица, вся Европа лишится вскорѣ удовольствія восхищаться необыкновеннымъ ея талантомъ. Приговоръ произнесенъ. Она объявила, что въ Москвѣ кончитъ свое театральное поприще, за исключеніемъ нѣкоторыхъ прощальныхъ представленій, которыя намѣревается она дать въ Вѣнѣ, гдѣ въ весьма юныхъ лѣтахъ предстала она въ первый разъ на судъ публики, и потомъ быстро возрастающими успѣхами достигла въ короткое время до настоящей своей славы.

Намѣреніе Фанни Эльслеръ можетъ служить доказательствомъ ума ея. Она, какъ Рубини, не хочетъ пережить своей славы; она во всемъ блескѣ своего таланта слагаетъ скипетръ Терпсихоры; она оставляетъ блестящее свое поприще тогда, какъ театры всѣхъ столицъ вселенной сочли бы ее лучшимъ своимъ украшеніемъ Пусть цѣнители изящнаго во всѣхъ родахъ восклицаютъ горестно: «ахъ! зачѣмъ Фанни Эльслеръ разстается уже съ театромъ! Она могла замѣнить Тальони; но кто же ее замѣнитъ?»—Сѣтованія эти весьма основательны, ибо въ Европѣ нѣтъ танцовщицы, соединяющей въ себѣ, подобно ей, красоту, силу, величественный станъ, неподражаемую мимику, легкость и граціозность? Всѣми этими качествами щедро надѣлена Фанни Эльслеръ. Время, неумолимое время, все на землѣ разрушающее,

(*) Фанни Эльслеръ принадлежитъ не Русской, не Московской сценѣ, а Европейской. Всѣ Европейскіе журналы наполнены статьями о ней. Мы позволяемъ себѣ помѣстить здѣсь о ней нѣсколько словъ, принадлежащихъ одному—просвѣщенному, опытному другу изящнаго,—только въ этомъ отношеніи, въ отношеніи къ искусству вообще; позволяемъ тѣмъ болѣе, что Фанни Эльслеръ оставляетъ совершенно свое поприще, и эта статья можетъ назваться привѣтомъ прощальнымъ. *Ред.*

Digitized by Google

бережно коснулось столь прекраснаго созданія природы: посмотрите на Фанни Эльслеръ, когда является она въ балетѣ «Тщетная Предосторожность (La Fille mal-gardée)» можно ли дать ей болѣе 18 лѣтъ?

Не моему слабому перу дано въ удѣлъ быть панегирикомъ той, которая славою своею наполнила двѣ части свѣта. Довольно было о ней писано и говорено въ Европѣ и Америкѣ. Она выше всѣхъ похвалъ. Посмотрите на нее, когда она танцуетъ салтареллу или тарантеллу — болеро или фандапго — мазурку или краковяка — Русскую пляску, или казачка: вы скажете, что она родилась, выросла и образовалась въ Неаполѣ, въ Испаніи, въ Польшѣ, въ Россіи или въ Украйнѣ; такъ умѣла она уловить духъ, разумъ, осанку всѣхъ народовъ.

Впрочемъ, что значатъ журнальныя похвалы въ нынѣшнее время? Всегда ли онѣ бываютъ данью безпристрастія, наградою истиннаго таланта и вѣрнымъ отголоскомъ той части публики, которая, по изящному вкусу, просвѣщенію и опыту своему, имѣетъ право произносить неоспоримые приговоры? Кого не хвалятъ, кого не бранятъ въ обществахъ, въ журналахъ, на словахъ и на бумагѣ, языкомъ и перомъ? Да и въ самомъ даже театрѣ *букеты* (это утонченное рыцарское изъявленіе благоволенія публики) не бываютъ ли часто кидаемы на сцену малымъ числомъ задорныхъ и шумныхъ обожателей какой-нибудь второстепенной, посредственной актрисы, пѣвицы или танцовщицы? Но когда танцуетъ Фанни Эльслеръ, во всѣхъ зрителяхъ господствуетъ единодушный восторгъ. Крикамъ браво, вызовамъ, рукоплесканіямъ, нѣтъ мѣры, ни конца. Часто заставляютъ даже повторять то, что она танцовала: лестный, хотя и утомительный, приговоръ публики, выполняется всегда съ видимымъ удовольствіемъ. При этомъ случаѣ не могу я не сдѣлать замѣчанія, что усталость никогда незамѣтна въ прелестной этой танцовщицѣ. Она послѣ повторенія танца подходитъ къ авансценѣ, останавливается, благодаритъ, кланяется, какъ кланяться должна, смотря по роли, которыя въ тотъ вечеръ выполняетъ, то какъ Катарина, дочь разбойника, то какъ Эсмеральда, или какъ простодушная крестьянская дѣвушка; но въ лицѣ ея, изображающемъ радость и благодарность, не замѣчается ни малѣйшей усталости. Скорѣе устаютъ наши руки, апплодируя, нежели ея ноги, танцуя. Всякой сознается, что ничего не можетъ быть непріятнѣе для зрителей, какъ смотрѣть на запыхавшуюся танцовщицу.

Нельзя довольно удивляться совершенству ея мимики: она глазами, жестами, тѣлодвиженіями, также ясно все объясняетъ, какъ другой посредствомъ языка. Въ самой послѣдней сценѣ Эсмеральды

когда ведутъ ее на казнь, она извлекаетъ слезы у зрителей. Кажется, что сама муза, въ рядахъ которой служитъ Фанни Эльслеръ, передала ей всѣ свои сокровеннѣйшія тайны. Отчего, напримѣръ, при концѣ балета платье ея свѣжо и неизмято, обувь ея также чиста, волосы также приглажены, какъ при первомъ ея появленіи на сцену? Изловите минуту, въ которой была бы она чѣмъ либо разсѣяна и занята инымъ чѣмъ, какъ безошибочнымъ выполненіемъ своей роли.

Есть люди, которые, по холодному своему нраву, не воспламеняясь сами, не понимаютъ, чтобы другіе могли такъ живо чувствовать. Я не хочу ихъ ни обвинять, ни оправдывать. Положимъ, что зрители Московскіе, восхищаясь Фанни Эльслеръ, слишкомъ увлекаются прекраснымъ, неподражаемыми позами, поражающими ихъ глаза; положимъ, что должно судить хладнокровно, безъ предубѣжденій, и заключенія свои дѣлать дома, а не въ очарованіяхъ театра. Для строгихъ этихъ судей выпишу здѣсь то, что я читалъ въ фельетонѣ полученнаго сейчасъ журнала Débats отъ 20 числа Января. Отзывы Парижа (а въ сужденіяхъ подобнаго рода можно полагаться на эту столицу) о Фанни Эльслеръ, тогда какъ она находится въ Москвѣ, могутъ конечно почитаться безпристрастными и должны заслуживать полную вѣру. Отдавая отчетъ о новомъ балетѣ (Paquerette), который поставленъ теперь на большомъ оперномъ театрѣ въ Парижѣ для извѣстной танцовщицы Черрито, одной изъ нынѣшнихъ Европейскихъ знаменитостей, вотъ что другая знаменитость, остроумный Жюль-Жанень, говоритъ о Фанни Эльслеръ:

«Прекраснѣйшая танцовщица будетъ всегда и лучшею танцовщицею! И вотъ почему не скоро замѣнится эта Фанни Эльслеръ, которая однимъ взглядомъ освѣщала, бывало, всю эту залу блескомъ своей красоты. Она не принадлежала къ семейству маленькихъ па, къ тоненькимъ таліямъ, къ маленькимъ движущимся ручкамъ, къ вѣчной, неумолкающей улыбочкѣ; нѣтъ! она была женщина, настоящая женщина, и въ качествѣ этомъ она имѣла для каждаго прелесть непреодолимую, она была прекрасна, исполнена страсти, и когда не хотѣлось ей танцовать, она показывалась публикѣ! Да полно, зачѣмъ и танцовать? зачѣмъ давать себѣ этотъ трудъ? На что эти прыжки, скачки? Покажись ты намъ только. Дай на себя полюбоваться! Покажи лицо свое и глаза! Ужъ ты ли не прелестна? Вотъ это такъ; а тамъ пожалуй и танцуй себѣ, если хочешь». 1851 г. 22 Января. — *Б.*

Digitized by Google

Съ великолѣпной сцены Московскаго театра, блистающей всѣми обаяніями искусства, переноситъ насъ случай въ обители слезъ, нищеты и бѣдствія.

... Московскій Попечительный о Тюрьмахъ Комитетъ, въ прошедшемъ году, выкупилъ содержавшихся во временной тюрьмѣ за долги 126 человѣкъ. Внесеніемъ за нихъ слишкомъ 7800 р. с. покрыта была сумма долговъ, простиравшаяся до $22\frac{1}{2}$ т. р. с. Въ Рабочемъ и Смирительномъ Домахъ Комитетъ выкупилъ 49 челов., содержавшихся за недоимки и штрафы.

Февраля 4 былъ храмовый праздникъ Божіей Матери, Взысканія погибшихъ, въ Пересыльномъ замкѣ, что на Воробьевыхъ горахъ. Москвитянинъ отдалъ уже справедливость мысли посвятить храмъ въ Смирительномъ Домѣ Божіей Матери, всѣхъ скорбящихъ Радости: столько же счастливо воспоминаніе и о *взысканіи погибшихъ*—въ мѣстѣ, откуда преступники, уже осужденные, разсылаются по мѣстамъ назначенія.

... Съ особеннымъ удовольствіемъ извѣщаемъ о новомъ Московскомъ Врачебномъ Журналѣ, который въ настоящемъ году будетъ издаваться подъ редакціею А. И. Полунина и Д. Е. Мина. Направленіе его будетъ учено-практическое. Въ первыхъ четырехъ отдѣленіяхъ будутъ помѣщаемы наблюденія надъ состояніемъ атмосферы и господствующихъ болѣзней; извѣстія медико-статитическія; описанія замѣчательныхъ болѣзненныхъ случаевъ и оригинальныя сочиненія по всѣмъ отраслямъ врачебной науки. Въ послѣднихъ трехъ отдѣленіяхъ будутъ заключаться: смѣсь, извѣстія о важнѣйшихъ изслѣдованіяхъ, открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, любопытные медицинскія событія, біографіи, некрологіи и медицинская библіографія. Годовое изданіе состоитъ изъ 6 книжекъ, цѣна 5 р. с. Зная дѣятельность, ученость и благонамѣренность обоихъ издателей, мы смѣло ручаемся за успѣхъ, и призываемъ молодыхъ и старыхъ врачей содѣйствовать изданію.

12 Февраля былъ литературный вечеръ у редактора Москвитянина, М. П. Погодина, у котораго издавна раза два въ годъ бываютъ подобныя большія собранія, и Московскіе литераторы всѣхъ поколѣній знакомятся обыкновенно съ новыми примѣчательными прозведеніями литературы, и между собою. Мы помнимъ одинъ такой вечеръ, когда Гоголь, только что явившійся на поприще, въ 1834 или 1835 году, читалъ у него своихъ Жениховъ, и уморилъ почти со смѣху всѣхъ слушателей удивительнымъ, неподра-

Digitized by Google

жаемымъ своимъ чтеніемъ. Мы помнимъ, что произвело одно его молчаніе между женихомъ и невѣстою, послѣ односложныхъ вопросовъ и отвѣтовъ о любимомъ цвѣтѣ и прогулкахъ Въ другой разъ читалъ М. Н. Загоскинъ отрывки изъ Мирошева; въ третьемъ годѣ Графиня Растопчина — свою Нелюдимку, въ прошломъ Л. А. Мей переводъ Слова о Полку Игоревѣ, А. Н. Островскій, вмѣстѣ съ знаменитыми артистами нашими, Гг. Садовскимъ и Щепкинымъ, Банкрута. Лѣтъ пять тому назадъ самъ хозяинъ прочелъ похвальное слово Карамзину и нѣсколько отрывковъ изъ своей Русской Исторіи.

Вчера авторъ Тюфяка, А. Ѳ. Писемскій, молодой литераторъ, прочелъ нѣсколько сценъ изъ своей комедіи Ипохондрикъ. И содержаніе и чтеніе доставили много, очень много удовольствія слушателямъ, которые единогласно привѣтствовали новый талантъ. За сценами С. П. Шевыревъ прочелъ описаніе домашняго юбилейнаго праздника Графу Д. Н. Блудову, съ живыми, остроумными куплетами Князя Вяземскаго: всѣ присутствовавшіе отъ души повторяли ихъ, присоединяя заочно свои искреннія поздравленія и благожеланія знаменитому сановнику-литератору. Письмо Графа Уварова подало поводъ къ разсказамъ объ Арзамасѣ; всякой изъ гостей сообщилъ, что зналъ, объ этомъ славномъ обществѣ, въ исторіи котораго блистаютъ имена, Жуковскаго, Дашкова, Блудова, Уварова, Батюшкова, Вяземскаго, Пушкина. Прекрасная мысль отпраздновать юбилей литературными воспоминаніями, съ Фонъ-Визинымъ, и Озеровымъ, и даже Боельдьеа нашла полное сочувствіе. Мы всѣ обрадовались ей, какъ драгоцѣнной находкѣ, какъ счастливому событію; намъ всѣмъ какъ будто захотѣлось пожить нѣсколько минутъ въ старомъ добромъ времени, (*) и слѣдовательно нельзя было найдти минуты счастливѣй, чтобъ прочесть двѣ вновь найденныя статьи Батюшкова. Письма, при которыхъ доставилъ ихъ къ Редактору Москвитянина, Князь Вяземскій, прочелъ А. С. Хомяковъ. Краткія но сильныя слова автора о лжекритикѣ и лжелитературѣ были одобрены вполнѣ и утверждены. За письмомъ послѣдовало чтеніе самихъ статей Батюшкова, въ которыхъ именно услышался, какъ замѣтилъ Князь Вяземскій, языкъ другой, нынѣ умолкнувшій, другой порядокъ мыслей, другой взглядъ на вещи. Мы перенеслися еще живѣе въ старое время, (**). Много говорено было о Батюшковѣ,

(*) Описаніе это помѣщено въ началѣ книги. Редакція была очень рада передвинуть всѣ статьи, исключить нѣкоторыя, чтобъ подѣлиться съ читателями своимъ удовольствіемъ поскорѣе.

(**) Всѣ эти статьи будутъ помѣщены въ слѣдующихъ книгахъ Москвитянина. *Ред.*

Digitized by Google

нѣкоторые изъ присутствовавшихъ видѣли его недавно въ Вологдѣ, и сообщили о немъ свѣжія свѣдѣнія. Нельзя было не задуматься при мысли, въ какомъ положеніи нынѣ находится тотъ, кому принадлежатъ эти прекрасныя чувствованія, эти высокіе порывы,—кто говорилъ этимъ пріятнымъ изящнымъ языкомъ. — Наконецъ Г. Писемскій, какъ бы въ доказательство, что и новое время имѣетъ также свои хорошія стороны, что литература, при всѣхъ своихъ заблужденіяхъ, все-таки ступила много шаговъ впередъ, что таланты у насъ не переводятся, что открываются новые рудники въ умѣ, если не въ сердцѣ, и наблюдаются новыя стороны въ жизни, прочелъ двѣ главы изъ своего романа: «Бракъ по страсти». Долго мы хохотали, слушая мастера, шутили, смѣялись, и разошлись далеко за полночь—съ утѣшительной мыслію, что нѣтъ худа безъ добра, что мы идемъ впередъ, что если форма новая уступаетъ еще старой, то содержаніе беретъ преимущество теперь, а въ будущемъ обѣщаетъ еще больше Принадлежа, если не къ старому, то по крайней мѣрѣ къ старѣющему поколѣнію, я радуюсь искренно всякому успѣху молодаго, которое вѣдь также въ свою очередь не минуетъ своей судьбы, (и чуть ли уже не уступаетъ теперь мѣсто младшему), поздравлю его пожалуй съ побѣдою, (которая увеличитъ вѣдь только нашу общую Русскую славу), но строго осуждаю, горько жалуюсь на тѣхъ, которые хотѣли-было оторваться отъ старины, которые хотѣли-было прервать цѣпь преданія, продолжавшуюся такъ достойно, благородно, чисто въ исторіи Русской словесности, начиная отъ Ломоносова до Отечественныхъ Записокъ и Современника невключительно N.

Археологическія пріобрѣтенія. Крестьянинъ Вязниковскаго уѣзда, Пахомъ Степановъ, мой давнишній коммиссіонеръ, который уже остался у меня одинъ для Сѣверной стороны, послѣ смерти незабвеннаго Василья Ѳедорова Моржакова, привезъ мнѣ нѣсколько вещей отличныхъ, а именно: 1) старую письменную азбуку, временъ Царя Алексѣя Михаиловича, длиннымъ столбцемъ, чуть не въ версту, чудо каллиграфіи и труда, которая не ударитъ себя въ грязь ни передъ какою Европейскою иллюстраціею. Она займетъ у меня почетное мѣсто подлѣ одной просьбы въ лицахъ, которою меня, въ неизреченное одолженіе, наградилъ почтенный К. Н. Лебедевъ. Я не успѣлъ еще описать этой примѣчательности, но опишу скоро, а теперь скажу только, что ее подавалъ Царю Алексѣю Михаиловичу подъячій Ямскаго приказа Всполоховъ, и представилъ главные предметы въ карти-

Digitized by Google

нахъ, да какихъ? удивительныхъ и невероятныхъ. Тутъ изображено и царство небесное, и адъ съ дьяволомъ, у котораго на зубахъ торчитъ несчастный проситель, и.... Но я заговорился, и возвращусь къ настоящимъ своимъ пріобрѣтеніямъ, доставленнымъ усерднымъ Пахомомъ Степановымъ: 2) Другая азбука, также столбцемъ, помоложе, временъ Петровыхъ, вмѣстѣ съ ариѳметикою, наставленіемъ, какъ писать письма, и переводомъ въ кружкахъ, главныхъ иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ употребленіе при Петрѣ — однимъ словомъ почти весь гимназическій курсъ для того времени. 3) Хронографъ прекраснаго письма, съ нѣсколькими предисловіями и означеніями годовъ, такъ что эти годы можетъ быть поведутъ къ важнымъ заключеніямъ. Теперь я не имѣю возможности справиться съ своими рукописями, заключенными на зиму. 4) Крестикъ серебряной, но такой красивый, такой изящный, что мнѣ жаль положить его подлѣ своихъ ржавыхъ и заскорузлыхъ, и я дѣлаю ему другое назначеніе. О порядочномъ сборникѣ, прологѣ, алфавитѣ, и говорить ужъ не стоитъ. А лучше всего азбука! Вотъ какими утѣшеніями утѣшилъ меня на масляницу мой почтенный Пахомъ Степановъ. Да здравствуетъ добрый мужичекъ! *М. П.*

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Письма къ редактору Москвитянина.

ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА.

Много странностей въ человѣкѣ, а въ числѣ ихъ есть и та, что онъ какъ-то скоро приглядывается ко всѣмъ окружающимъ его предметамъ, какъ-то скоро привыкаетъ къ нимъ,—и, какъ бы ни были эти предметы любопытны и замѣчательны, слишкомъ мало обращаетъ на нихъ вниманія. Эта черта, свойственная всѣмъ народамъ вообще, свойственна намъ, Русскимъ, въ особенности. Французы, Нѣмцы, Англичане, если сами не дивятся своимъ диковинкамъ, такъ по крайней мѣрѣ любятъ похвастать ими, и тотчасъ же прокричатъ о каждой своей новости, часто даже не стоющей крика. Въ насъ нѣтъ и этого; и потому-то Русскіе мало пишутъ о Россіи, Москвичи о Москвѣ, Петербургскіе жители о Петербургѣ. А сколько любопытнаго въ нашей сѣверной столицѣ!... Прежде всего, есть ли какой-нибудь другой городъ, который въ такое короткое время развился бы до такой обширности, и съ тѣмъ вмѣстѣ до такой громадности и до такого изящества зданій

Digitized by Google

и памятниковъ? Да, Петербургъ ростетъ чисто по-Русски, не по днямъ, по часамъ.

Еще нѣтъ трехъ лѣтъ, какъ я былъ въ Петербургѣ, а ужъ нашелъ въ немъ опять двѣ обновки: Благовѣщенскій мостъ черезъ Неву, и зданіе новаго Эрмитажа.... бездѣлицы!... Но кромѣ этихъ колоссальныхъ обновокъ, сколько еще и другихъ пріобрѣлъ Петербургъ; право не знаешь, на что прежде взглянуть, съ чего начать?... Я думаю, впрочемъ, придержаться порядка хронологическаго: такъ какъ прежде всѣхъ Петербургскихъ диковинокъ, и даже прежде еще самаго Петербурга, я увидѣлъ Петербургскую погоду, то я и намѣренъ начать съ нея.

Не знаю право, почему разговоръ о погодѣ считается пошлостью? Отъ погоды зависятъ урожаи нашихъ полей и садовъ—слѣдовательно наше общественное благосостояніе; отъ нея зависятъ, по крайней мѣрѣ отчасти, наши удовольствія; отъ нея зависитъ расположеніе нашего духа, наше здоровье, наша жизнь.... Кто же послѣ этого выдержитъ, чтобъ не поговорить о такой вещи, отъ которой зависишь съ головы до ногъ?

Когда я поѣхалъ изъ Москвы, всѣ жаловались на погоду, сырую, непостоянную, распространяющую *гриппъ*. Въ Петербургѣ точно тоже: таже измѣнчивость въ атмосферѣ, тотъ же *гриппъ*; только еще больше сырости и тумановъ, которые даютъ очень приблизительное понятіе о знаменитыхъ туманахъ Лондонскихъ, заставляющихъ ходить и ѣздить днемъ съ огнемъ. Погода однакожъ въ настоящую пору—или говоря языкомъ театраловъ, въ настоящій *сезонъ*, не мѣшаетъ никакимъ удовольствіямъ, кромѣ прогулокъ по Невскому. Гриппъ тоже такая ничтожная болѣзнь, о которой, послѣ холеры и тифуса, никто и не думаетъ. Балы публичные и частные, съ самыхъ Святокъ, тянутся здѣсь безпрерывной, блестящей цѣпью; театры.... Но я виноватъ: въ Петербургѣ, послѣ погоды, тотчасъ надобно говорить объ Итальянской оперѣ—это ужъ правило, изъ котораго даже нѣтъ исключенія.

При мнѣ, слишкомъ въ двѣ недѣли, было восемь представленій, а между тѣмъ я слышалъ только три оперы: *Гугенотовъ*, *Свадьбу Фигаро* и *Королеву Голкондскую*. По этому разсчету вы можете сдѣлать чисто математическій выводъ, т. е. что изъ восьми представленій я былъ только въ трехъ. Ни чуть не бывало, я былъ во всѣхъ, но все слушалъ *Гугенотовъ*, *Гугенотовъ* и *Гугенотовъ*. Какъ ни хороша знаменитая музыка Мейербера въ этой знаменитой оперѣ, какъ ни увѣряютъ меня, что Г. Коллетъ превосходно поетъ въ ней свою всѣмъ извѣстную арію, съ прибавле-

Digitized by Google

«*пифъ, пафъ!*» а мнѣ—человѣку заѣзжему, рѣдко слышащему Итальянскую оперу, всё таки хотѣлось бы послушать что нибудь другое,—хотѣлось бы послушать, не смотря на то, что въ *Гугенотахъ* поетъ Маріо,—и хотѣлось бы послушать именно съ тѣмъ, чтобъ услышать Маріо въ чемъ-нибудь другомъ. Больше всего я желалъ бы услышать его въ *Лучіи*, чтобъ почувствовать, до какой степени напомнитъ мнѣ онъ Рубини, къ которому такъ близко подходитъ и мягкостью и гибкостью голоса, и полнотою чувства, слышнаго въ каждомъ его звукѣ.

Свадьбу Фигаро давали въ бенефисъ Тамбурини. Знаменитый комикъ-пѣвецъ, на мои глаза, вовсе не старѣется. Правда, голосъ его поослабѣлъ, но талантъ актера и метода пѣнія чуть ли еще больше не усовершенствовались; такъ что въ роли Фигаро едва ли найдется ему и до сихъ поръ соперникъ въ Европѣ. Вся пьеса прекрасно поставлена, и въ цѣломъ идетъ какъ нельзя лучше. Знатоки находятъ, что послѣ музыки Мейербера, музыку этой оперы не стоитъ и слушать; но со всѣмъ тѣмъ эта легкая, игривая музыка производитъ впечатлѣніе чрезвычайно-пріятное, навѣваетъ на душу какую-то отраду и спокойствіе. Есть тутъ двѣ партиціи, вполнѣ достойныя имени Моцарта: это секстетъ, въ первомъ дѣйствіи, и дуэтъ, во второмъ. Въ особенности дуэтъ, превосходно выполняемый Г-жами Персіани и Кортези, восхитителенъ.

Королева Голкондская не произвела на меня никакого особеннаго впечатлѣнія. Вся музыка этой пьесы довольно пріятна и граціозна; есть отрывки, которые выдаются рельефнѣе; но нѣтъ ничего такого, что бы надолго осталось въ памяти и глубоко врѣзалось въ чувство. Въ этой пьесѣ былъ очень хорошъ Г. Тамбрликъ.

Я пишу вовсе не театральную хронику, а только собственныя мои *путевыя впечатлѣнія*, но, за всѣмъ тѣмъ, говоря объ оперѣ, я не могу не сказать, что контральто Г-жи Демерикъ очень хорошъ, и что сама она въ костюмахъ пажей, которыхъ играетъ въ *Гугенотахъ* и въ *Свадьбѣ Фигаро*, еще лучше своего контральто.

Отъ оперы самый ближайшій переходъ къ балету; но о здѣшнемъ балетѣ я едва ли могу сказать что-нибудь новое для Москвы. Въ Петербургѣ, съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь, постоянно даютъ одинъ и тотъ же балетъ: *Сварливая Жена*. Балетъ этотъ я видѣлъ въ Москвѣ два года назадъ, а на здѣшней сценѣ онъ поставленъ только нынѣшнюю зиму. Итакъ сюжетъ балета для Москвы не новость; разница только въ томъ, что въ Москвѣ танцовала въ этомъ балетѣ Г-жа Санковская, а здѣсь — Г-жа

Digitized by Google

Гризи. Нисколько не сравнивая между собой этихъ двухъ артистокъ, я скажу только, что *Сварливая жена* больше *нравится* мнѣ на Московской сценѣ, чѣмъ на Петербургской, и что комическій элементъ, преобладающій въ этомъ балетѣ, лучше выраженъ тамъ, чѣмъ здѣсь.

Кромѣ оперы и балета, которыя давно ужъ составляютъ любимое удовольствіе Петербургской публики, всѣ остальные театры также постоянно наполнены зрителями. Любовь къ драматическому искусству вообще сильно развилась здѣсь въ послѣднее время. На Александринскомъ театрѣ два раза давали *Провинціалку*, Г-на Тургенева, и оба раза я не могъ достать билета въ кресла оттого только, что не имѣлъ возможности послать за нимъ прежде 11 часовъ. Говорятъ, что эта миленькая пьеска, которую можно назвать родной сестрой драматическихъ пословицъ Альфреда-де-Мюссе, и при томъ сестрой-красавицей, прекрасно шла и прекрасно была принята публикой.

Въ Театрѣ-Циркѣ, который теперь отдѣланъ совершенно на манеръ иностранныхъ, нынѣшнею зимою поставили *Сбитенщика*; и эту старинную пьесу, одну изъ родоначальницъ Русскаго репертуара, смотрятъ съ удовольствіемъ. Для молодаго поколѣнія она составляетъ любопытную страницу изъ исторіи нашей драматической литературы; старому напоминаетъ былое, и опять раскрываетъ передъ нимъ страницу еще больше для него занимательную: страницу изъ любимой книги, когда-то читанной со всѣмъ увлеченіемъ молодости.

Балы публичные и частные, какъ ужъ сказалъ я выше, идутъ здѣсь постоянно одинъ за другимъ. Изъ богатыхъ частныхъ баловъ, былъ особенно замѣчателенъ балъ у генералъ-адъютанта Сумарокова, данный въ честь Новообрученной Высокой четы. Балъ этотъ вполнѣ соотвѣтствовалъ своему назначенію. Самые богатые публичные балы даются въ Коммерческомъ Собраніи; довольно-многолюдные бываютъ въ Благородномъ, и очень малолюдные въ Дворянскомъ, на которые, такъ же какъ и на балы Московскаго Благороднаго Собранія, Богъ знаетъ почему, перестаютъ ѣздить.

Пассажъ, надѣлавшій столько шума во время своего открытія, наполнившій собою столько газетныхъ и журнальныхъ страницъ, бывшій даже мѣстомъ дѣйствія нѣсколькихъ повѣстей,—этотъ знаменитый Пассажъ былъ тоже новостью для меня, не видавшаго Петербурга около трехъ лѣтъ. И, со всѣмъ тѣмъ, какъ бы вы думали? я едва-едва собрался заглянуть въ него! Даже почти за-

Digitized by Google

былъ о немъ, потому именно, что теперь въ Петербургѣ вовсе ужъ не говорятъ о Пассажѣ; а если и говорятъ, такъ точно такъ же, какъ о Щукиномъ Дворѣ и Милютинскихъ лавкахъ, т. е. тогда только, когда надобно тамъ купить что-нибудь. Видно слава нѣкоторыхъ зданій точно также скоро проходитъ, какъ и слава нѣкоторыхъ людей!... Въ самомъ дѣлѣ бѣдный Пассажъ показался мнѣ куда-какъ унылымъ и пустынным въ сравненіи съ тѣмъ, что читалъ я о немъ за два, за полтора года назадъ. Самый любопытный предметъ, который теперь привлекаетъ туда посѣтителей, тоже предметъ очень грустный. Это анатомическій кабинетъ, въ которомъ показываютъ разныя уродливости природы, и части человѣческаго тѣла, искаженныя страшными болѣзнями. Все это очень любопытно для науки и для нѣкоторыхъ очень назидательно, особенно при чтеніи лекцій, поясняющихъ разрушительную силу болѣзней; но и зрѣлище этихъ грустныхъ предметовъ, и чтеніе этихъ лекцій производятъ впечатлѣніе до того тяжелое, что людей слабонервныхъ оно потрясаетъ почти до дурноты....

Богъ съ ней, анатоміи!.. Поскорѣе изъ этого кабинета на чистый воздухъ. Пойдемте отъ уродливыхъ субъектовъ природы къ изящнымъ произведеніямъ искусства, — пойдемте къ новому Невскому мосту.

Въ самомъ дѣлѣ, если вы хотите доставить отдыхъ и наслажденіе вашему взору, поѣзжайте къ этому мосту, и посмотрите на его легкую, граціозную арку. Вамъ не бросится въ глаза никакая часть постройки въ особенности; вы не увидите въ рѣшоткѣ моста ни богатства, ни затѣйливыхъ искусственныхъ украшеній, но вы залюбуетесь простотой и величіемъ цѣлаго. Вы залюбуетесь этой легонькой, низенькой рѣшоткой, такъ красиво окаймляющей исполинскій мостъ, который, несмотря на всю свою громадность, перекинутъ черезъ рѣку будто шутя. Залюбуетесь и стройными, тоненькими, чугунными колоннами, поддерживающими газовые фонари; залюбуетесь чистотой и шириной тротуаровъ; залюбуетесь, наконецъ, роскошно-широкимъ полотномъ самаго моста, посереди котораго и прохожему и проѣзжему становится какъ то привольно, и которое, подходя къ берегу Васильевскаго острова, дѣлится, около береговаго устоя, на два, все еще широкіе, рукава, будто величавая рѣка при впаденіи въ море. Если вы не имѣете возможности скоро увидѣть Благовѣщенскій мостъ въ натурѣ, такъ взгляните по крайней мѣрѣ на *Художественный Листокъ*, Г. Тима, на которомъ онъ изображенъ очень хорошо. А я между тѣмъ скажу нѣсколько словъ о дру-

Digitized by Google

гомъ мостѣ, очень далекомъ отъ Петербурга и далеко еще не отдѣланномъ, но который между тѣмъ я видѣлъ здѣсь въ окончательной отдѣлкѣ, и имѣлъ возможность разсмотрѣть во всѣхъ частяхъ и подробностяхъ.... я говорю о висячемъ мостѣ черезъ Днѣпръ, въ Кіевѣ.

Государю Императору благоугодно было подарить модель этого моста Институту Корпуса Путей Сообщенія. Модель сдѣлана въ Лондонѣ, лучшимъ тамошнимъ модельеромъ Джеми, съ помощію другихъ мастеровъ, и была разсмотрена замѣчательнѣйшими Англійскими инженерами и архитекторами.

Висячій мостъ черезъ Днѣпръ устроивается о четырехъ главныхъ пролетахъ, каждый отверстіемъ въ 440 футовъ, — двухъ боковыхъ полупролетахъ, каждый въ 225 футовъ, и наконецъ, къ правому берегу, съ разводной частью, отверстіемъ въ 50 футовъ, для пропуска мачтовыхъ судовъ. Разводную часть составляетъ одна воротная платформа. По этому устройству въ составъ моста входятъ пять рѣчныхъ быковъ; устой, для укрѣпленія цѣпи, на лѣвомъ берегу; другой устой, для укрѣпленія той же цѣпи съ другой стороны, между мостомъ и разводной его частью, и наконецъ третій устой на правомъ берегу, для поддержанія поворотной платформы разводной части.

На каждомъ быкѣ будетъ каменная арка, въ 35 футовъ вышины, съ массивными столбами, которые и послужатъ опорою для цѣпей, на всемъ протяженія моста. Между столбовъ подъ арками, остается чистаго проѣзда 28 футовъ; вся ширина висячаго мостоваго полотна около 53 футовъ. Полотно подвѣсится только двумя рядами цѣпей, проходящихъ между проѣзжей частью моста и тротуарами. Звѣнья цѣпей предположено сдѣлать каждое въ 12 футовъ длины, и вѣсомъ слишкомъ въ 12 пудовъ. Платформа разводной части устроится изъ самаго лучшаго, мягкаго желѣза. Длина ея, какъ сказано выше, въ 50 футовъ, ширина 53, а вѣсъ долженъ быть около 100 тон. (6,200 пудовъ). Несмотря на то, для дѣйствія воротомъ, который будетъ разводить ее, потребуется не больше четырехъ человѣкъ.

Превосходная модель моста, которая доставила мнѣ всѣ эти свѣдѣнія въ нѣсколько минутъ, до того хороша, что ее смѣло можно назвать высокимъ произведеніемъ модельернаго искусства. Она сдѣлана въ $^1/_{100}$ долю натуральнаго моста, и по этому масштабу длина ея выходитъ слишкомъ въ 3 сажени. Всѣ части, которыя

Digitized by Google

въ натурѣ должны быть каменныя, отлиты изъ бронзы, отбѣленной подъ камень. Остальныя матеріалы тѣ же самые, какіе будутъ употреблены и въ натурѣ, т. е. дерево и желѣзо. Для того, чтобы воспитанники Института Путей Сообщенія могли вполнѣ изучить и понять систему устройства моста, модель вся разбирается по частямъ, — и надобно видѣть съ какой чистотой и отчетливостью сдѣланы всѣ эти части, всѣ самыя мельчайшія подробности, начиная отъ деревянныхъ половицъ моста и звѣньевъ маленькихъ желѣзныхъ цѣпей, до каждаго болта, до каждой гаечки, которыхъ тутъ тысячи. Разводная часть моста точно также разводится въ модели, какъ будетъ она разводиться въ натурѣ, т. е. посредствомъ ворота, сила котораго соразмѣрена съ силой настоящаго въ той же $^1/_{100}$ пропорціи. Вмѣсто горизонта воды, этотъ маленькій Днѣпровскій мостъ поставленъ на зеркалѣ, въ которомъ отражаются всѣ нижнія перевязи висячихъ пролетовъ, посредствомъ чего очень легко и удобно видѣть весь механизмъ ихъ. Плоскость зеркала лежитъ на прекрасномъ пьедесталѣ, краснаго дерева. Сверху модель покрыта богатымъ шатромъ изъ зеркальныхъ стеколъ, оправленныхъ въ тоненькія, бронзовыя, вызолоченныя рамы. Съ боковъ стекла отдвигаются; такъ, что модель можно разбирать по частямъ, не снимая съ нея шатра.

Вообще въ музеумѣ Института Путей Сообщенія есть много вещей очень любопытныхъ, но я спѣшу перейдти теперь къ зданію еще больше любопытному, — къ зданію новаго Императорскаго Эрмитажа.

Все зданіе расположено въ видѣ параллелограма, образующаго Замокъ. Внутренная площадь, заключающаяся въ немъ, перерѣзывается пополамъ еще пятымъ, поперечнымъ, корпусомъ, который соединяетъ между собой правый и лѣвый боковые корпуса, и такимъ образомъ дѣлитъ внутреннюю площадь на два внутреннихъ двора, изъ которыхъ одинъ разрѣзывается опять, на двѣ равныя части, парадной лѣстницей, соединяющей передній корпусъ съ среднимъ. Главный фасадъ зданія выходитъ на Большую Милліонную; лѣвый бокъ на набережную Зимней Канавки; задній фасадъ, по прежнему, на набережную Невы, и правый бокъ, по прежнему, въ Эрмитажный переулокъ, надъ которымъ остается и прежній же переходъ въ Эрмитажъ изъ Зимняго Дворца. Длина зданія, по переднему и заднему фасадамъ, 50 саженъ; длина боковъ 67. Высота лѣваго фасада слишкомъ 9 саженъ. Стиль архитектуры его вообще оригинальный, но многія частныя украшенія подходятъ къ стилю

Digitized by Google

ордена дорическаго. Надъ крытымъ подъѣздомъ передняго фасада устроенъ балконъ, карнизъ котораго потдерживается восемью *антами* (четырехгранными колоннами), изъ краснаго Финляндскаго гранита, и восемью каріатидами, прислоненными къ антамъ, и вытесанными изъ Сердобольскаго зеленоватаго гранита, отполированнаго до чистоты и блеска мрамора. Вообще и рисунокъ и отдѣлка каріатидъ, исполненіе которыхъ было поручено Русскому художнику Теребеневу, превосходны. Высота этой колоннады съ пьедесталами,—9¼ аршинъ; длина, а слѣдовательно и длина подъѣзда, 8 саженъ. Ширина его 3 сажени; чистаго проѣзда между колоннадой и двумя антами, прислоненными къ стѣнѣ зданія, 5½ аршинъ. Къ подъѣзду ведутъ пант-дусы, спускающіяся въ обѣ стороны съ боковыхъ его фасовъ, и гранитныя ступени, съ лицевой стороны. Первыя служатъ для въѣзда экипажей, вторыя для пѣшеходовъ.

Удивительно хорошо разсчитана въ этомъ зданіи постепенность, съ которой безпрерывно и на каждомъ шагу развертывается передъ вами, все больше и больше, его великолѣпіе. Съ подъѣзда вы входите въ сѣни, шириною въ 8, длиною слишкомъ въ 5 саженъ. 16 громадныхъ колоннъ, изъ краснаго Финляндскаго гранита, раздѣленныхъ на четыре группы, поддерживаютъ потолокъ сѣней. Вы невольно остановитесь передъ этими гигантами, и засмотритесь на нихъ; но едва взоръ вашъ скользнетъ между колоннадой, передъ вами, въ перспективѣ, откроется великолѣпная лѣстница, изъ бѣлаго Каррарскаго мрамора, шириною слишкомъ въ 9 аршинъ, вышиною слишкомъ въ 60 ступеней. Эта лѣстница, роскошная, бѣлая какъ снѣгъ, такъ и манитъ къ себѣ, своими отлогими ступенями, своими широкими площадками и тою мыслью, что такая лѣстница непремѣнно должна вести къ заламъ еще больше великолѣпнымъ, чѣмъ сама она.... Въ самомъ дѣлѣ, это входъ въ *Галлерею древней живописи*, входъ во второй этажъ Эрмитажа, который, по вкусу и изяществу, составляетъ теперь, въ своемъ родѣ, едва ли не первое зданіе въ цѣлой Европѣ....

Но прежде, чѣмъ взошелъ я на лѣстницу, меня пригласили осмотрѣть нижній этажъ. Изъ сѣней на-лѣво первая комната составляетъ *Залу древней скульптуры*. Стѣны ея и 8 четырехгранныхъ колоннъ, прислоненныхъ къ стѣнамъ, всѣ изъ краснаго мрамора. Полъ также мраморный, настланный, какъ паркетъ, изъ бѣлыхъ и дикихъ плитъ; фонъ потолка голубой, съ рельефными украшеніями, сдѣланными изъ бронзы и отбѣленными гальванопластикой подъ гипсовую лѣпку. Длина этой комнаты 31 аршинъ, ширина слишкомъ 15. Рядомъ другая зала, назначена также для древнихъ статуй. Она

Digitized by Google

угольная, квадратная, съ 8 колоннами по срединѣ и, въ правой сторонѣ, съ полукруглой нишью, которая отдѣляется отъ зады еще двумя колоннами, и въ углубленіи которой дверь въ слѣдующую галлерею. Стѣны и колонны этой комнаты изъ зеленаго мрамора; капители колоннъ изъ бѣлаго Каррарскаго. Весь полъ составляетъ мраморный мозаикъ, прекраснаго рисунка. Фонъ потолка розовый, съ такими же бѣлыми гальванопластическими украшеніями, какъ въ первой комнатѣ. Слѣдующая за тѣмъ *Галлерея новѣйшей скульптуры* идетъ по боковому фасу. Длина ея 16 саженъ, ширина слишкомъ 7. Стѣны изъ дикаго волнистаго мрамора; полъ опять мраморный мозаикъ, но совершенно ужъ другихъ цвѣтовъ и рисунка. Фонъ потолка голубой, но ужъ не съ бѣлыми, а съ жарко-вызолоченными, выпуклыми, гальванопластическими украшеніями. Всѣ эти залы совершенно разнообразны въ своемъ стилѣ, въ расположеніи, въ рисункахъ и подробностяхъ украшеній, но всѣ до того хороши, что никакъ не рѣшишь, которую предпочесть. Каждая удивительна въ своемъ родѣ, и изъ каждой долго не хочется выдти.

Далѣе идетъ *Кабинетъ*, который въ настоящее время служитъ мѣстомъ занятій директора, управляющаго нѣкоторыми работами. За кабинетомъ *вторая Зала новѣйшей скульптуры*; потомъ опять *Кабинетъ*, занятой теперь вазами, и наконецъ *Зала Греко-Этрусскихъ вазъ*, такой же длины и ширины, какъ *первая Зала новѣйшей скульптуры*. Въ боку отъ *второй Зала новѣйшей скульптуры*, *кладовая*, и еще проходная комната во внутренній дворъ. Тѣмъ и оканчивается помѣщеніе этой части нижняго этажа, отрѣзанной отъ средняго, поперечнаго, корпуса небольшимъ проѣздомъ съ одного внутренняго двора на другой.

Не всѣ еще статуи древней и новѣйшей скульптуры перевезены въ новое свое помѣщеніе, однакожъ многія уже поставлены по мѣстамъ. Вазы тоже. Но я успѣлъ взглянуть на то и другое только мелькомъ. Нѣтъ никакой возможности осмотрѣть вдругъ и отдѣлку этого великолѣпнаго зданія, и тѣ богатства, искусства, которыми наполнено оно. На это надобны цѣлые мѣсяцы. Глаза разбѣгаются, скользятъ по предметамъ, и едва только хотятъ остановиться на одномъ, какъ ужъ ихъ увлекаетъ красота или рѣдкость другаго. Изъ произведеній скульптуры, у меня преимущественно осталась въ памяти группа Каина и Авеля, Депре, представленная въ тотъ моментъ, когда преступленіе только что совершилось. Эта группа глубоко поражаетъ душу и самымъ выборомъ момента и страшнымъ выраженіемъ лица убійцы, котораго

Digitized by Google

уже начинаетъ глодать раскаяніе. Изъ числа вазъ, сдѣланныхъ нашими художниками и изъ собственныхъ нашихъ матеріаловъ, особенно замѣчательны двѣ: одна исполинская, изъ огромнаго, цѣльнаго куска Сибирской яшмы. Вышина ея съ чѣмъ-то 3 аршина, длина овальной чаши, кажется, 7. Это цѣлый бассейнъ, въ которомъ можно купаться. Такая громадность нисколько однакожъ не помѣшала художнику отдѣлать ее съ безукоризненной чистотой и отчетливостію во всѣхъ частяхъ. Другая ваза вся изъ *лазоревaго камня* (lapis lazuli). Размѣръ ея, разумѣется, далеко не такъ великъ, какъ первой; но, принявъ въ соображеніе драгоцѣнность матеріала, нельзя не согласиться, что она, равняясь величиною обыкновенной довольно большой вазѣ, составляетъ рѣдкость удивительную!...

Взглянувъ только разъ на внутренность Эрмитажа, невозможно описать и отдѣлки самыхъ комнатъ даже въ такихъ бѣглыхъ очеркахъ, въ какихъ описалъ я отдѣлку первыхъ трехъ. Да и это описаніе потребовало бы цѣлаго тома. Постараюсь по крайней мѣрѣ дать понятіе о расположеніи прочихъ залъ, и очертить нѣсколько подробнѣе самыя главныя изъ нихъ.

На право изъ сѣней, въ нижнемъ же этажѣ, идутъ одна за другою, шесть залъ, всѣ назначенныя подъ библіотеку. Одна изъ этихъ залъ, именно *Шестая библіотека*, имѣетъ форму галлереи, длиною слишкомъ 40 саженъ, шириною 5 аршинъ. Книги еще только разставляются, и потому теперь нельзя видѣть окончательнаго порядка, въ какомъ размѣстятся онѣ по комнатамъ. Къ *Пятой библіотекѣ*, прямо по продольному фасу боковаго корпуса, примыкаетъ *Зала гравюръ*, а на лѣво, по направленію средняго поперечнаго корпуса, въ который вдалась и самая комната *Пятой библіотеки*, *Зала древностей Таврическаго Херсонеса*. За нею *Кабинетъ рукописей*, и еще двѣ кладовыя. Вотъ и весь нижній этажъ. Стѣны, колонны, полы всѣхъ этихъ комнатъ—постоянно мраморные, но постоянно различныхъ цвѣтовъ и различныхъ подробностей. Потолки частію украшены гальванопластикой, частію расписанные. Больше всѣхъ въ этомъ отдѣленіи комнатъ мнѣ понравилась *Зала древностей Таврическаго Херсонеса*. Стѣны ея изъ палеваго мрамора съ пунцовыми жилками. Сводчатый потолокъ опирается на двѣ крестообразныя тумбы, которыя дѣлятъ комнату какъ бы на двѣ части. Стиль этой архитектуры чисто Византійскій, напоминающій внутренность нашихъ старинныхъ церквей. Своды потолка расписаны тонкими арабесками самаго нѣжнаго пунцоваго цвѣта. Мраморный полъ залы, и цвѣтомъ и рисункомъ своимъ, вполнѣ гармонируетъ со всѣмъ прочимъ. Въ этой залѣ

Digitized by Google

ничего еще не поставлено, потому что она не совсѣмъ отдѣлана также какъ и нѣкоторыя другія комнаты этого отдѣленія.

Теперь пойдемте вверхъ, по мраморной лѣстницѣ. Прямо съ нея входъ, какъ ужь я сказалъ, въ *Галлерею древней живописи*, которая занимаетъ весь передній фасъ средняго поперечнаго корпуса. Длина ея слишкомъ 27 саженъ, ширина 3. Она освѣщена сверху, девятью стеклянными куполами. Всѣ стѣны ея расписаны несмѣтнымъ числомъ картинъ небольшаго размѣра, частію четвероугольной формы, частію формы медальйоновъ. Онѣ изображаютъ постепенное развитіе живописнаго искусства, и событія изъ жизни великихъ художниковъ древнихъ и среднихъ вѣковъ. Между картинами помѣщены рельефныя, медальйонныя изображенія самихъ художниковъ Вы подумаете, что эти медайльоны гипсовые или мраморные, что стѣны галлереи расписаны ал-фреско—и ошибетесь: и медальйоны отлиты изъ бронзы, и всѣ картины написаны на металлическихъ доскахъ, которыя потомъ вдѣланы въ стѣну. Картины писаны по большой части въ Мюнхенѣ. Полъ, какъ въ этой галлереѣ, такъ и во всѣхъ другихъ залахъ верхняго этажа, составляетъ превосходную деревянную мозаику: и фонъ половъ и узоръ ихъ—все собрано изъ мелкихъ кусочковъ дерева, что дѣлаетъ видъ чрезвычайно оригинальный и удивительно красивый Кажется, что это какое-то легонькое, простенькое плетенье, плашеваго цвѣта, съ раскинутыми по немъ узорами; но это плетенье до того тонко, нѣжно, изящно, что боишься, идя по немъ, какъ бы оно не измялось.

Рядомъ съ Галлереей три зала, которыя и занимаютъ всю средину поперечнаго корпуса. Первая, *Зала картинъ Италіанской школы* Длина ея 16 саженъ, ширина слишкомъ 5. Она освѣщена сверху четырьмя квадратными куполами. На право изъ нея входъ въ *Зало картинъ Испанской школы*; оно немного поменьше перваго и освѣщено тремя куполами; на лѣвовъ *Зало картинъ Рубенса и Вандика*, которое еще меньше, и освѣщено двумя куполами. За тѣмъ еще въ среднемъ флигелѣ помѣщаются: *Кабинетъ камеевъ*, четыре небольшія *Кабинета малыхъ картинъ Итальянской школы*, и четыре же *Кабинета малыхъ картинъ Фламандской школы*.

Въ боковомъ корпусѣ, примыкающемъ къ Эрмитажному переулку, *Зало и Галлерея картинъ Французской и Фламандской школъ*. Обѣ длиной въ 16 саженъ; *Зало картинъ Рембрандта, Кабинетъ*, и *Зало малыхъ картинъ Голландской и Фламандской школъ*.

Въ боковомъ корпусѣ, выходящемъ къ Зимней канавкѣ, *Зало камеевъ*, *Третье* и *Четвертое зало медалей и монетъ*, и *Рафа-*

злева галлерея, которая осталась въ прежнемъ своемъ видѣ, кромѣ необходимой реставраціи нѣкоторыхъ рисунковъ.

Наконецъ въ переднемъ корпусѣ, выходящемъ на большую Милліонную, *Аванъ-залъ*, находящійся по серединѣ корпуса, надъ главнымъ входомъ. Съ одной стороны его: *Зало картинъ Русской школы*, и потомъ *Зало для копистовъ съ большихъ картинъ*, которое составляетъ угольную комнату къ Эрмитажному переулку; съ другой: *Первое зало медалей и монетъ* и потомъ *Второе зало медалей и монетъ*, которое составлятъ угольную комнату къ набережной Зимней канавки.—

Задній корпусъ, къ набережной Невы, остался не передѣланнымъ. Надобно замѣтить, что во всемъ зданіи вовсѣ почти нѣтъ горючихъ матеріяловъ. Балки половъ желѣзныя; по нимъ проланъ войлокъ. Самые полы въ нижнемъ этажѣ мраморные. Балки половъ и потолковъ втораго этажа тоже желѣзныя. Деревянные полы насланы по войлокамъ-же, и только этотъ слой половъ, да двери и сдѣланы изъ дерева. За тѣмъ верхнія связи и стропилы опять желѣзныя, оконныя рамы бронзовыя, и даже гипсъ вездѣ замененъ металломъ, изъ котораго всѣ украшенія вышли такъ легки и нѣжны, какъ никогда не могли бы выйти изъ гипса.

Всѣ комнаты, назначенныя для картинъ, обтянуты малиновыми обоями, и изъ этого малиноваго фона картины удивительно хорошо выходятъ. Чрезвычайно также выгодно для картинъ освѣщеніе сверху, устроенное въ галлереѣ и трехъ главныхъ залахъ. Многія картины еще не разставлены, и вомногихъ комнатахъ еще вовсе нѣтъ вещей, для которыхъ онѣ назначены. Впрочемъ работа кипитъ, и вѣроятно кончится съ обычной у насъ быстротой.

Что касается до великолѣпной отдѣлки залъ втораго этажа, я могу о ней сказать только то, что рисунки ихъ мозаическихъ половъ, ихъ плафоны, ихъ двери и всѣ прочія украшенія до безконечности изящны и до безконечности разнообразны. Двери всѣ съ превосходной инкрустаціей и въ каждой комнатѣ въ особомъ вкусѣ: то краснаго королевскаго дерева съ золоченой бронзой, то палевыя съ фіолетовымъ рисункомъ, то бѣлыя съ малиновымъ и т. д. Чтобы дать понятіе о размѣрахъ этихъ дверей, а слѣдовательно и вышинѣ комнатъ, стоитъ только сказать что двери прежняго Эрмитажа, сдѣланныя въ величину Ватиканскихъ, кажутся, передъ новыми, пигмеями. Говорятъ, что когда иностранные художники, которымъ была поручена работа дверей, получили мѣру ихъ, такъ они вошли съ вопросомъ: не ошибка-ли это?.. До того показались онѣ имъ колоссальны!... Рѣзко бросилось имъ въ

глаза, своей оригинальностью, одно зало втораго этажа, расписанное въ Помпейскомъ вкусѣ. Стѣны его разбиты въ большіе, соотвѣтствующіе величинѣ оконнымъ простѣнкамъ, параллелограмы, то ярко лазореваго, то ярко пунцоваго цвѣта, съ свѣтлыми и тоже довольно широкими промежутками. По этому яркому фону, мѣстами набросаны легкія очертанія фигуръ, подобныя тѣмъ, какія мы видимъ на древнихъ памятникахъ Египетскихъ. Выше и ниже каждаго параллелограма, написаны, въ видѣ медальйоновъ, небольшія пейзажи, самаго горячаго колорита. Живопись потолка, рисунокъ пола и инкрустація дверей вполнѣ соотвѣтствуютъ стилю.

Чрезвычайно оригинально также другое зало втораго этажа, которое, кромѣ настоящаго своего названія, т. е. соотвѣтствующаго тому, что будетъ помѣщено въ немъ, носитъ еще названіе *Шатроваго*, потому что потолокъ его сведенъ, въ видѣ длиннаго шатра, на два ската. Украшенія потолка, не смотря на все свое богатство, и здѣсь соотвѣтствуютъ, какъ нельзя лучше, формѣ: это что то въ родѣ богатой ткани, съ золотыми звѣздами и полосками.

Такъ какъ прямой входъ, съ парадной лѣстницы, прямо въ *Галерею древней живописи*, а *Аванъ-залъ* остается уже позади лѣстницы, то въ него устроенъ ходъ, съ верхней ея площади, двумя галереями, идущими по обѣимъ сторонамъ пространства, занимаемаго лѣстницей. Галлереи эти длиною въ 18 сажень, и шириною въ 5 аршинъ. Каждая изъ нихъ ограничивается отъ пустоты, находящейся надъ лѣстницей, колоннадой въ 10 колоннъ, изъ Сердобольскаго гранита.

Аванъ-залъ съ хорами, которые смѣло поставлены на четырехъ колоннахъ, расположенныхъ въ квадратъ, и отдѣляющихся одна отъ другой на 12 аршинъ. Потолокъ его сведенъ куполомъ. Помню, что эта комната отдѣлана съ особеннымъ великолѣпіемъ, но подробностей ея украшеній не могу припомнить теперь. Когда я вышелъ изъ зданія Эрмитажа, всѣ эти громадныя залы съ своими безконечно-разнообразными украшеніями, всѣ эти картины, вазы, статуи, весь этотъ блескъ, все это великолѣпіе, все изящество—слились въ головѣ моей въ какую-то общую, гигантскую массу красоты и величія.... Мнѣ казалось, что я спалъ волшебнымъ сномъ, во время котораго меня переносили въ одинъ изъ дворцовъ, созданныхъ роскошнымъ воображеніемъ Шехеразады....

П. Сумароковъ.

С. Петербургъ, 25 Января 1851 г.

Digitized by Google

Въ дополненіе извѣстій почтеннаго корреспондента сообщимъ еще нѣсколько данныхъ о Петербургѣ, которыя, хотя и относятся къ минувшему времени, но никогда не могутъ потерять своего значенія, утѣшительнаго для каждаго. Мы говоримъ о недавно обнародованномъ отчетѣ о дѣйствіяхъ Человѣколюбиваго Общества. Изъ него видно, что въ 1849 году, по вѣдомству Общества, благотвореніями воспользовались до 23 т. бѣдныхъ семействъ; въ томъ числѣ: болѣе 19 т. въ Петербургѣ, слишкомъ 2 т. въ Москвѣ, а остальные въ Казани, Воронежѣ, Слуцкѣ и Калугѣ, гдѣ существуютъ Комитеты Человѣколюбиваго Общества. Щедроты Императорской Фамиліи были, какъ и прежде, постояннымъ средствомъ для дѣйствій Общества: онѣ доставили ему до 121 т. р. Пожертвованій частныхъ благотворителей поступило около 135 т. р.; дохода съ принадлежащихъ Обществу недвижимыхъ имѣній и капиталовъ слишкомъ 100 т., и разныхъ другихъ суммъ 38 т. р. Весь приходъ Человѣколюбиваго Общества составилъ болѣе 397 т. р., а расходъ до 330 т. Принадлежащій ему капиталъ къ 1850 г. простирался почти до милліона р. с. Сверхъ того его же вѣдомству принадлежатъ: 9 домовъ въ Петербургѣ, 11 домовъ и 2 лавки въ Москвѣ, 5 домовъ въ прочихъ городахъ и болѣе 4300 душъ крестьянъ въ разныхъ губерніяхъ.

Переходимъ теперь къ ученымъ, литературнымъ и прочимъ новостямъ Петербурга.

Вышелъ 2 й выпускъ III тома Записокъ Археологическаго Общества, заключающій въ себѣ, между прочимъ, слѣдующія наиболѣе замѣчательныя статьи: Планъ изученія Русской нумизматики, И. П. Сахарова; о Русской гривнѣ въ XI и XII вѣкѣ, П. Казанскаго, и хронологическое обозрѣніе 50 подземныхъ археологическихъ находокъ, А. Пискарева

По примѣру Училища Правовѣдѣнія, и въ Александровскомъ Лицеѣ открыто, 13 Января, преподаваніе палеографіи, каѳедра которой также поручена И. П. Сахарову.

«Курсъ химической технологіи», составленный профессоромъ Петербургскаго Университета, Г. Ильенковымъ, скоро долженъ выйдти въ свѣтъ. При недостаткѣ хорошихъ, общепонятныхъ, руководствъ по этой наукѣ, «Курсъ» Г. Ильенкова, снабженный атласомъ чертежей, появится весьма кстати.

Новое періодическое изданіе: «Журналъ для дѣтей», издаваемый Г. Чистяковымъ, выходитъ очень исправно. Мы получили первые 5 нумеровъ его. Наружность его красива, содержаніе довольно разнообразно. Но если можно поблагодарить издателя за статьи въ родѣ: «Счастіе и несчастіе молодой елки», «Что было въ 1703 г

Digitized by Google

на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Петербургъ»; «Фарскіе острова, (которые мы привыкли называть *Фарерскими*), то также можно позволить себѣ замѣтить, что журналъ не потерялъ бы ничего, не помѣщая такихъ статеекъ, какъ «живость воображенія и чувства у Незполитзицевъ», или «Малиновый кусть», мало занимательны или «Вліяніе христіанства на нравственность», статейку, едва ли вполнѣ понятную для дѣтей. Замѣчаемъ это, искренно желая успѣха издателю, потому что, несмотря на существованіе прекрасныхъ дѣтскихъ журналовъ («Лучи», и «Звѣздочка»), издаваемыхъ Г-жею Ишимовой, новое изданіе въ этомъ же родѣ не можетъ быть лишнимъ при бѣдности нашей дѣтской литературы.

При С.-Петербургскомъ Университетѣ открылась вакантная каѳедра адъюнкта Русской словесности.

Извѣстный нашъ ученый П. И. Кеппенъ издалъ: «Этнографическую карту С.-Петербургской губерніи» (Etnograhpische Karte des St Petersburgischen, Gouvernements, etc). Эта карта составляетъ часть обширнаго труда, предпринятаго и почти оконченнаго Г. Кеппеномъ — именно этнографической карты всей Россіи.

Выставка художественныхъ рѣдкостей еще не открылась, но художественныя новости не перестаютъ появляться, и на этотъ разъ мы можемъ сообщить одну изъ самыхъ пріятныхъ. Заслуженный нашъ художникъ, Графъ Ѳ.П. Толстой, дарованія котораго сколько разнообразны, столько и замѣчательны, нарисовалъ и вырѣзалъ на мѣди,; какъ извѣстно, 63 рисунка, содержаніе которыхъ заимствовано изъ *Душеньки* Богдановича. Что исполненіе ихъ превосходно — въ этомъ нельзя и сомнѣваться; но для насъ дороже всего мысль художника — взять предметъ для своего вдохновенія изъ Русской словесности. Рисунки изъ «Душеньки» совершенно готовы, и продаются по 30 р. с. но для облегченія желающихъ пріобрѣсти ихъ, изданіе раздѣлено на 6 выпусковъ, съ разсрочкою всей цѣны.

Скоро откроется настоящій музыкальный сезонъ (слово, которое, сказать кстати, вполнѣ передается Русскимъ: *пора*). Въ числѣ разныхъ знаменитостей, Петербургъ ожидаетъ фортепіаниста Шульгофа, котораго ставятъ наряду съ Листомъ и Тальбергомъ. — Высокая классическая музыка, по примѣру прошлаго года, будетъ исполняема на музыкальныхъ вечерахъ Концертнаго Общества, директоръ котораго извѣстный композиторъ А Ѳ. Львовъ. Концертовъ предполагается дать три. Если сборъ будетъ столь значителенъ, что, сверхъ расходовъ, окажется остатокъ, положено изъ тихъ остатковъ, впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, основать капиталъ, проценты съ котораго будутъ выдаваться вдовамъ и сиротамъ

Digitized by Google

Русскихъ артистовъ, принимавшихъ участіе въ музыкальныхъ вечерахъ Общества.

На Театрѣ-Циркѣ постоянно даются пьесы водевили, небольшія комедіи, вообще тамъ называемыя легонькія пьесы, въ которыхъ могли бы развиться дарованія молодыхъ артистовъ, только что выступающихъ на драматическое поприще, и слѣдовательно еще мало опытныхъ, не освоившихся съ условіями сцены. Въ числѣ этихъ пьесъ мы съ особеннымъ удовольствіемъ встрѣтили Недоросля, Сбитенщика, Мельника, и другихъ старыхъ знакомыхъ, совсѣмъ было вытѣсненныхъ со сцены скороспѣлыми печеньями современной драматургіи и нелѣпыми передѣлками съ Французскаго. Право, гораздо пріятнѣе слушать простыя пѣсни Сбитенщика, чѣмъ приторно-двусмысленные куплеты какого-нибудь мосьё Жака, переименованнаго въ Иваны Яковлевичи....

Г. Ревильонъ, извѣстный словолитецъ, отличный мастеръ своего дѣла, посылаетъ на выставку въ Лондонъ образцы отливаемыхъ имъ типографскихъ буквъ, съ ихъ матрицами (т. е. мѣдными формами, въ которыхъ онѣ отливаются). Чтобы можно было судить о почеркѣ этихъ буквъ, онъ напечаталъ на одномъ листѣ «Образцы буквъ, употребляемыхъ разными народами, населяющими имперію Россійскую». Всѣхъ шрифтовъ 12: Церковно-Славянскій, Русскій, Польскій, Сербскій, Валахо-Молдавскій, Нѣмецкій, Зырянскій, Еврейскій, Армянскій, Грузинскій, Арабскій и Калмыцкій. Мысль эта довольно счастлива, и мы желаемъ полнаго успѣха Г. Ревильону, хотя еще болѣе желаемъ, чтобы Русскія книги печатались по крайней мѣрѣ въ половину такъ хорошо, какъ иностранныя....

Между тѣмъ, приглашая всѣ страны къ состязанію своей промышленностію, всемірная выставка подаетъ поводъ и къ состязаніямъ другаго рода. Англійскіе любители шахматной игры рѣшились воспользоваться этимъ случаемъ для осуществленія любимой и давней своей мысли — устроить большой шахматный турниръ между игроками всѣхъ націй. Корифей Англійскихъ игроковъ, Г. Стаунтонъ, обратился къ одному Петербургскому любителю шахматовъ, съ просьбою сдѣлать извѣстными въ Россіи предположенія и вызовъ Англійскихъ игроковъ. Лондонскій шахматный клубъ составилъ для этого особый комитетъ, въ числѣ членовъ котораго находятся нѣсколько самыхъ аристократическихъ именъ Англіи. Комитетъ этотъ приступилъ къ собранію по подпискѣ значительной суммы, которая будетъ раздѣлена на преміи, назначенныя для розыгрыша между лучшими шахматными игроками всего свѣта,

Digitized by Google

на слѣдующемъ основаніи. Если подписная сумма достигнетъ тысячи фунт. стерл. (7 т. р. сер.), половина ея назначена будетъ въ премію на состязаніе между тѣми игроками всѣхъ націй, которые внесутъ каждый въ общій фондъ по 5 ф. ст. Затѣмъ вторая премія, въ 100 ф. ст., будетъ разыграна между нѣкоторымъ числомъ неустоявшихъ бойцевъ первой главной игры. Потомъ извѣстное число послѣднеуцѣлѣвшихъ во второмъ сраженіи будетъ состязаться о третьей преміи въ 50 ф. ст., и наконецъ также произойдетъ розыгрышъ четвертой преміи въ 25 ф. ст. Независимо отъ этого будетъ разыгрываться премія въ 100 ф. ст. между одними Англійскими провинціальными игроками. Сверхъ того, будутъ опредѣлены разныя меньшія преміи для частныхъ ратоборствъ, а въ заключеніе будетъ разыгранъ весь остаточный фондъ въ одну партію, которая составится между восемью избранными игроками разныхъ націй, четыре въ совѣщаніи съ одной стороны и четыре съ другой. — Для тѣхъ, кому вѣдать о семъ надлежитъ, этотъ вызовъ есть дѣло первостепенной важности, и вѣроятно, между нашими любителями шахматовъ найдутся такіе, которые захотятъ помѣрить свои силы съ чужеземцами. Имена Гг. Петрова и Яниша, прозваннаго Русскимъ Филидоромъ, не даромъ пріобрѣли такую громкую извѣстность, а сочиненіе послѣдняго о шахматной игрѣ и доселѣ считается классическимъ. Не будучи любителями никакой игры, мы, однакожъ, отдали бы шахматамъ предпочтеніе передъ всѣми, еслибъ каждому было уже необходимо во что-нибудь да играть. Здѣсь есть работа уму, и странно, что человѣкъ бѣжитъ большею частію отъ этой работы, соглашаясь быть полумашиною за преферансомъ и даже просто деревяшкой, какъ это было при лото....

—

Письмо изъ Казани.

... Можетъ быть вы видѣли изъ газетъ извѣстіе о кончинѣ бывшаго профессора Китайской и Маньчжурской словесности *Іосифа Павловича Войцеховскаго:* она послѣдовала 7 Ноября 1850 года, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни.

Іосифъ Павловичъ Войцеховскій родился въ 1793 году, Кіевской губерніи, Липовецкаго повѣта въ селѣ Цебермановкѣ, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Кіевской Духовной Академіи, а оттуда поступилъ въ С.-Петербургскую Медико-Хирургическую Академію, гдѣ и кончилъ курсъ въ 1819 году, оказавъ отличныя познанія въ медицинскихъ нау-

Digitized by Google

кахъ. Въ это время составлялась новая Пекинская духовная миссія, и молодой врачъ Войцеховскій самъ изъявилъ желаніе поступить въ составъ миссіи.... И вотъ онъ въ Китаѣ: жажда познаній и желаніе показать передъ Китайцемъ могущество Европейской науки волнуютъ его; но предубѣжденіе Китайцевъ противъ всего Европейскаго препятствуетъ достиженію цѣли. Наконецъ счастливый случай преодолѣваетъ упорное отвращеніе Китайцевъ отъ нашей медицины. Заболѣлъ одинъ Китаецъ, бывшій послушникомъ при старомъ католическомъ епископѣ Каетанѣ Пиресѣ: Китайскіе врачи нашли его неизлечимымъ; Войцеховскій его вылечилъ. Съ этихъ поръ на Русскаго медика начали смотрѣть благосклоннѣе, начали вѣрить ему, начали призывать его на помощь во всѣхъ важныхъ случаяхъ. Одинъ изъ членовъ Богдыханской фамиліи впалъ въ тяжкую и злокачественную болѣзнь: Китайскіе врачи истощили надъ нимъ всѣ свои свѣдѣнія, но ни мало не облегчили недуга.... Рѣшились обратиться къ Русскому врачу, и Осипъ Павловичъ къ общему изумленію умѣлъ изцѣлить Принца совершенно. Тогда мѣсто прежняго предубѣжденія заступила довѣрчивость къ Войцеховскому; знатнѣйшіе домы открылись для него; вельможи искали его знакомства. Въ числѣ ихъ былъ знаменитый Кугухту Минъ-Джулъ, второй, по старшинству, духовный сановникъ поднебесной имперіи, къ которому и владѣтельные Князья могли приближаться не иначе какъ на колѣнахъ. Онъ сдѣлался искреннимъ другомъ Войцеховскаго, посѣщалъ его за-просто, и нерѣдко бесѣдовалъ объ истинахъ Святаго Евангелія. Тогдашній начальникъ миссіи, архимандритъ Петръ Каменскій, соображая всю важность столь тѣснаго сближенія одного изъ членовъ миссіи съ Минъ-Джуломъ, чтобъ дать средства Войцеховскому поддерживать обширныя связи съ Китайцами, удѣлялъ ему значительную часть своего жалованья, потому что Осипъ Павловичъ не хотѣлъ принимать никакихъ денежныхъ вознагражденій за свое врачеваніе. Это и было причиною того, что онъ, имѣя случай значительно обогатиться въ Китаѣ, возвратился въ отечество прежнимъ бѣднякомъ. За то онъ оставилъ по себѣ въ Пекинѣ громкую славу. За изцѣленіе Принца Верховный Трибуналъ предложилъ Войцеховскому избрать себѣ награду, но онъ отказался. Тогда 19 Ноября 1829 года Пекинъ сдѣлался свидѣтелемъ слѣдующаго торжества: въ Императорскихъ носилкахъ, въ сопровожденіи важнѣйшихъ сановниковъ и безчисленнаго множества народа, при звонѣ и громѣ музыкальныхъ орудій, съ пышными церемоніями,—на которыя такъ изобрѣтательны Китайцы, — принесена была въ Русское подворье

Digitized by Google

и поставлена въ залѣ миссіонерскаго дома толстая деревянная доска 13 четвертей въ длину и 6 въ ширину (въ Университетскомъ Кабинетѣ рѣдкостей съ нея есть копія) На этой доскѣ Китайская надпись, въ которой отдается Войцеховскому преимущество передъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ Китайскихъ врачей; внизу и вверху другая латинская надпись:

Magni Principis Cho scho Ly cin Wang junior frater Ci van Czang. Medico Josepho Woycechowsky 1829 anno Novembr. 14.

По возвращеніи въ Россію, Осипъ Павловичъ въ званіи врача причисленъ былъ къ Азіатскому Департаменту. Съ тѣмъ же духомъ безкорыстія и самоотверженія онъ исполнялъ свою обязанность. Въ свободное отъ медицинскихъ занятій время онъ занимался составленіемъ обширнаго «Словаря Китайско-Маньчжурско-Русскаго», но къ сожалѣнію не успѣлъ привести его къ концу: нынѣ эта рукопись принадлежитъ Университетской Библіотекѣ.

Въ 1844 году онъ назначенъ былъ въ нашъ Университетъ, на мѣсто выбывшаго архимандрита Даніила Сивиллова, исправляющимъ должность ординарнаго профессора Китайской и Маньчжурской словесности. Первые годы онъ предался совершенно новому своему назначенію; но холера «старый знакомый его» — какъ называлъ ее Войцеховскій, потому что изъ Русскихъ врачей онъ первый познакомился съ нею въ Пекинѣ въ 1820 г., — холера вызвала его на прежнее поприще. И, надобно сказать, эта старая знакомка не любила встрѣчи съ Войцеховскимъ: она удалялась куда онъ являлся; онъ хорошо постигалъ тактику этого врага, и билъ и вытѣснялъ его изъ позиціи. Громкая извѣстность, особенно въ небогатомъ классѣ, распространилась о Войцеховскомъ, кругъ дѣятельности его расширялся, число паціентовъ увеличивалось: и повсюду, и всегда, не удерживаемый непогодою и ненастьемъ, ни даже собственною болѣзнію, Войцеховскій спѣшилъ на помощь. По прежнему безкорыстный, онъ всѣ свои визитаціи дѣлалъ пѣшкомъ, потому что, обремененный большимъ семействомъ, не въ состояніи былъ завести лошадь и экипажъ. И эти труды сокрушили его. Весною 1850 года оказались въ Осипѣ Павловичѣ давно таившіеся признаки водяной болѣзни; но, не стотря на свои страданія, онъ не отказывался отъ призыва страждущихъ. Въ Іюлѣ онъ совершенно слегъ въ постель.... Порою и тутъ онъ еще крѣпился, надѣялся на свои силы; но смерть сразила его....

10 Ноября, въ Университетской церкви, въ присутствіи Гг. попечителя, помощника его, ректора, профессоровъ, преподава-

Digitized by Google

телей, студентовъ и посторонних лицъ совершено обычное отпѣваніе усопшаго Извѣстный Казанскій проповѣдникъ, священникъ А. Н. Іорданскій, въ краткомъ, но полномъ чувства, надгробномъ словѣ очертилъ скромную, но богатую подвигами самоотверженія, жизнь скончавшагося....

3 Января скончался въ преклонныхъ лѣтахъ настоятель Университетскаго храма и бывшій нѣкогда преподаватель богословія въ Университетѣ, протоіерей *Александръ Ивановичъ Нечаевъ*. Въ непродолжительномъ времени постараюсь сообщить вамъ некрологъ и этого замѣчательнаго лица (*).

Въ теченіе Января происходили въ Университетѣ два докторскіе диспута. Первый былъ 14 числа адъюнкта *Н. М. Благовѣщенскаго*, представившаго диссертацію «De Romanorum tragoedia» на степень доктора философіи и классической филологіи. Второй — 28 числа — адъюнкта *А. А. Соколовскаго*, защищавшаго диссертацію. «De typho» на степень доктора медицины. Послѣдній диспутъ касался не одной медицины, но также правовѣдѣнія, исторіи и даже филологіи. Въ особенности отличался въ немъ живостію споръ, имѣвшій предметомъ исторію Римскихъ Императоровъ Антонина и Луція Вера.

Въ Казани съ половины Января даютъ поприще объ Италіанской оперѣ четверо разъѣзжающихъ по святой Руси Италіанцевъ: примадонна Амалія Корбари, контральто Луиза Корбари, теноръ Поццолини и баритонъ Монтани. Представленія они даютъ въ новомъ театрѣ: есть много восторженныхъ хвалителей, которымъ мы не вполнѣ довѣряемъ, есть у насъ и букеты, и вѣнки, etc.... etc.... только.... Впрочемъ я не навязываю своего мнѣнія.... Прошу однако представить, каковъ эффектъ Лукреціи Борджіа, Монтекки и Капулетти безъ хоровъ, не говоря о прочемъ....

О вкусахъ не спорятъ.... Но скажу: для меня важное открывшался недавно здѣсь *Діорама* какого-то Г. Крахта. Не смотря на ужаснѣйшую безграмотность ея афишъ, (**) эта Діорама — какъ узналъ я навѣрное, мѣстное Казанское произведеніе, хоть и прикидывается заморскимъ — стоитъ посѣщеній и похвалы, и не уронила бы себя въ столицахъ. *Ал. Артемьевъ.*

1850 г. Января 31.

(*) Напусерднѣйше просимъ всѣхъ нашихъ корреспондентовъ о подобныхъ извѣстіяхъ. Мы узнаемъ большею частію, что дѣлается у насъ дурнаго — давайте отдыхать сердцу на хорошемъ. *Ред.*

(**) Просимъ сообщить и эти curiosa. *Ред.*

Digitized by Google

Изъ Кіева

11-го Января 1851 года.

Въ дополненіе къ книгамъ, исчисленнымъ нами въ 22 N Москвитянина за 1850 г., мы упомянемъ здѣсь еще нѣсколько книгъ, вышедшихъ въ Кіевѣ въ концѣ прошлаго года.

9) Воскресное Чтеніе за 1837 г. второе изданіе; 10) Примѣръ всесвѣтнаго Славянскаго чаромагія въ словѣ мажъ, открытый и составленный Платономъ Лукашевичемъ; — 11) Рѣчь о современномъ направленіи изящной словесности на Западѣ Европы соч. профессора Лицея Кн. Безбородко въ Нѣжинѣ, М. А Тулова, 12) Стихотворенія Іосифа Неудачева. Явилось еще введеніе въ одно огромное сочиненіе на Французскомъ языкѣ, по части промышленности, подъ заглавіемъ: 13) Traité complet de la fabrication de sucre de betteraves, appliqué spécialement à l'économie rurale en Russie, avec un atlas de 10 planches en grand folio par M. Ullgren: но когда явится самое сочиненіе—неизвѣстно Еще нѣсколько очень важныхъ книгъ, изданныхъ въ прошломъ году, и нѣсколько новостей этого года, близкихъ къ выходу, о нихъ—въ свое время. Дѣятельность Кіева въ настоящее время слишкомъ развита, и въ то же время сосредоточена. Вы поймете это, когда вспомните, что въ Кіевѣ теперь (19 Января) начались Контракты, которые производятся только на Подолѣ. По окончаніи ихъ, мы постараемся представить въ извлеченіи самыя вѣрныя, оффиціальныя, данныя, касательно Контрактовъ. (*) Теперь можно сказать только то, что отсутствіе зимней дороги отъ Нѣжина до Кіева не помѣшало огромному привозу товаровъ и значительному стеченію пріѣзжихъ: послѣднее подтверждается дороговизною квартиръ. Развлеченій и удовольствій въ настоящее время въ Кіевѣ не такъ много; на театрѣ вмѣстѣ съ Русскою труппою даетъ свои представленія труппа Мориса, бывшаго Варшавскаго балетмейстера, и, какъ рѣдкое явленіе въ Кіевѣ, привлекаетъ много посѣтителей. Пріѣхали извѣстные въ музыкальномъ мірѣ артисты братья Венявскіе, Франкенштейнъ, малютки-артисты Марцинкевичевы, пѣвица Замецкая, пѣвецъ Джі-

(*) **Просимъ нашего корреспондента свѣдѣній самыхъ обстоятельныхъ объ этомъ важномъ учрежденіи, о которомъ слишкомъ мало извѣстно у насъ** *Ред*

Digitized by Google

ордани; есть космо-панорама изъ Венеціи, есть механическій оркестръ.... Вотъ и все! Намъ предстоитъ впослѣдствіи пріятный долгъ сказать о концертахъ артистовъ нѣсколько словъ...

Кромѣ всѣхъ этихъ удовольствій, которыя бываютъ только теперь въ Кіевѣ, у насъ есть постоянныя, общественныя удовольствія: мы говоримъ о клубахъ, въ которыхъ проводимъ мы много пріятныхъ вечеровъ. Клубовъ въ Кіевѣ три: Дворянскій, Купеческій и Нѣмецкій. — Мы намѣрены здѣсь нѣсколько распространиться только о Купеческомъ Клубѣ и вотъ по какимъ причинамъ: во 1-хъ онъ гораздо болѣе процвѣтаетъ, нежели другіе; собранія въ немъ бываютъ чаще, нежели въ другихъ; во 2-хъ онъ посѣщается не только купеческимъ обществомъ, но и лицами изъ высшаго круга, стеченіе посѣтителей бываетъ въ немъ очень значительное; въ 3-хъ многіе иногородные, прибывъ въ Кіевъ, и желая ознакомиться съ обществомъ, непремѣнно являются лишь въ Купеческій Клубъ; наконецъ въ 4-хъ, онъ, по самой строгой справедливости, заслуживаетъ почетнаго упоминовенія, какъ сами далѣе увидите. Кіевскій Купеческій Клубъ прекрасно выполняетъ свое назначеніе: это доказывается между прочимъ хорошими отзывами о немъ лицъ видѣвшихъ Московскіе Клубы,—тѣмъ еще, что почти всякій разъ бываетъ въ немъ очень много посѣтителей и тѣмъ непритворнымъ сожалѣніемъ дѣвицъ, которыя иной разъ не бываютъ въ Клубѣ. Войдемте на нѣсколько минутъ Передъ вами — обширная зала съ колоннадой и хорами. Пространство между колоннами и составляетъ собственно залу; она такъ велика, что въ большія собранія составляется три круга кадрили, или до 80 паръ; вдоль колоннъ разставлены диваны, кресла, стулья; промежутки между колоннами и стѣной наполняются не танцующими любителями собраній; во время антрактовъ между танцами здѣсь отдыхаютъ, прохаживаются.... Осмотритесь вокругъ, — вы останетесь очень довольны внутреннимъ видомъ залы: хорошенькіе фестоны вверху колоннъ, красивыя гардины украшаютъ залу; яркій свѣтъ отъ люстръ, кенкетовъ и ламнъ озаряетъ передъ вами множество лицъ, на которыхъ чего-чего вы не увидите: и самодовольство, и надежды, и восторженность — всѣ тѣ чувства и ощущенія, которыми такъ богата и свѣтла молодая жизнь. Изъ залы перейдемъвъ гостиную. Вы не успѣете полюбоваться прекрасной обстановкой ея— мебелью, обоями, освѣщеніемъ: передъ вами засверкаютъ очаровательныя лица, пышные, изящные разноцвѣтные уборы Вы засмотритесь невольно и долго. Уйдемте отсюда скорѣй; если вы еще молоды, я боюсь за ваше сердце. Но и хладнокровный наблюдатель

Digitized by Google

замѣтитъ здѣсь много пріятнаго, интереснаго, оригинальнаго — не въ саркастическомъ значеніи этого слова: рѣзкихъ особенностей, забавныхъ провинціализмовъ, онъ здѣсь почти не найдетъ И при самомъ строгомъ обзорѣ вы останетесь довольны этимъ Клубомъ, и унесете съ собою пріятное впечатлѣніе.... Собранія въ Клубѣ продолжаются до 3-хъ, 4 часовъ, и болѣе, порой бываетъ два хора музыки и тогда антрактовъ между танцами нѣтъ никакихъ. Маскарады 1-го и 6-го Января въ этомъ году были такъ хороши во всемъ, богаты костюмами, масками и домино, такъ веселы, что не оставалось желать ничего лучшаго Мы не станемъ здѣсь говорить объ усердіяхъ и стараніяхъ Гг директоровъ Клуба, А. Глезера, М. Пирожкова, М. Лычкова и директора-основателя Клуба, Василія Ивановича Смородинова: посѣтителямъ оно видно очень хорошо,—не бывающимъ оно ясно покажется, когда мы, въ свое время, представимъ нѣсколько строкъ о происхожденіи и развитіи Кіевскаго Купеческаго Клуба....

Подписка на журналы развивается въ Кіевѣ годъ отъ году болѣе и болѣе. Уже всѣмъ стало извѣсто что почти все лучшее, замѣчательное въ области литературы появляется въ журналахъ. Часто слышишь вопросъ: »что, вы выписываете журналъ? какой?», и вслѣдъ за тѣмъ возникаютъ толки, споры о преимуществѣ и достоинствахъ журналовъ. Есть у насъ и партіи, приверженцы одного какого-либо журнала«. Сколько намъ извѣстно, до 140 экземпляровъ выписывается въ Кіевѣ всѣхъ журналовъ въ совокупности. Кабинетъ чтенія и новостей П. П. Должикова едва успѣваетъ удовлетворять разнообразнымъ и прихотливымъ желаніямъ своихъ читателей; въ немъ всегда большое стеченіе, безпрестанная, расторопная дѣятельность, увеличивающая, время отъ времени, свои размѣры. Толки о литературѣ и журналистикѣ становятся все чаще и чаще, проникаютъ въ гостиныя.... П. С

Digitized by Google

...Изъ Кіева мы попросимъ нашихъ читателей послѣдовать за нами въ Ярославль—на выставку. Выставка эта была скромная, не казистая, потому что происходила въ *селѣ* Великомъ, находящемся вблизи Ярославля, и посвящена была *сельскимъ* произведеніямъ губерній Ярославской, Владимирской, Костромской, Тверской, и Вологодской. Она была еще въ Сентябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года, но свѣдѣнія о ней получены только недавно. Въ первомъ отдѣленіи выставки находились произведенія хлѣбопашества, огородничества, садоводства и пчеловодства—въ числѣ слишкомъ 180 нумеровъ. Во второй залѣ расположены были земледѣльческія орудія, машины, рыбачьи снаряды, и проч. Здѣсь особенно замѣчательны были Путиловскія косы (изъ деревни Путиловой, Ярославской губ.), вытѣсняющія нынѣ изъ употребленія иностранныя; лучшій мастеръ этихъ косъ крестьянинъ, Кондрашевъ, награжденъ серебряною медалью. Третье отдѣленіе наполнено было слишкомъ 200 нумерами рукодѣльнаго искусства и мастерства. Здѣсь можно было замѣтить шляпу, сплетенную изъ корней можжевельника крестьяниномъ Павловымъ; шитье волосомъ по атласу—дворовой женщины Герентьевой; рубашку безъ швовъ, сотканную изъ суроваго полотна молодымъ ткачемъ Перетычинымъ; хлопчатую бумагу и пряжу изъ нея (оказавшуюся весьма годною для употребленія въ свѣтильняхъ), представленныя крестьяниномъ Кобяковымъ, и приготовленныя имъ изъ мѣстнаго растенія, называемаго въ простонародіи «розанкою». Кобяковъ награжденъ за это серебряною медалью. Въ четвертомъ отдѣленіи заключались произведенія ткацкаго мастерства платки, полотны, холсты и льняная пряжа, въ числѣ слишкомъ 250 нумеровъ. Для поощренія здѣшней льняной промышленности, произведена была для Высочайшаго двора покупка полотенъ и платковъ на сумму около 2800 р. с. Въ пятомъ отдѣленіи находились животныя, и большихъ размѣровъ машины и орудія. Въ послѣдній день выставки произведено было испытаніе земледѣльческихъ орудій, а затѣмъ розданы были награды. (Четверо крестьянъ получили серебряныя медали). Выставка продолжалась четыре дня.

Да и вообще, мало ли дѣлается у насъ изобрѣтеній, замѣчательныхъ въ своемъ родѣ и остающихся безызвѣстными потому только, что имъ недостаетъ гласности.... Отнынѣ «Внутреннія Извѣстія будутъ внимательно слѣдить за подобными явленіями, въ какомъ бы родѣ они ни были, къ какой бы отрасли промышленности ни относились.

Пока одно любопытное извѣстіе сообщаетъ Вологда.

Google

Тамошній помѣщикъ Ѳ. И. Вараксинъ, извѣстный сельскимъ хозяевамъ изобрѣтенною имъ вѣялкою, устроилъ недавно новую машину — «хлѣбную сортировку». — Каждый хозяинъ знаетъ, какъ необходимы для посѣва отобранныя, тяжеловѣсныя, спѣлыя сѣмена. Всѣ извѣстныя доселѣ сортировальныя машины имѣли одну и ту же установку для всѣхъ сортовъ хлѣба, и, слѣд., отдѣляли сѣмянной хлѣбъ силою вѣтра, дѣйствующаго сильнѣе на хлѣбы легкіе и слабѣе на тяжелые, чрезъ что, при тяжеломъ хлѣбѣ, отдѣлялось сѣмяннаго больше, а при легкомъ меньше; и потому невозможно было получить каждаго сорта въ желаемомъ количествѣ. Изобрѣтенная же Г. Вараксинымъ сортировальная машина отличается простотой устройства, и, при помощи двухъ подвижныхъ досокъ, раздѣляя хлѣбъ на три сорта, отдѣляетъ изъ лучшаго количества хлѣба въ каждый сортъ произвольную часть, не требуетъ ни малѣйшаго соображенія со стороны рабочихъ, которые тутъ служатъ единственно двигательною силою; легка такъ, что одинъ работникъ можетъ безъ усталости дѣйствовать ею цѣлый день; сортируетъ въ часъ овса и ячменя до 9 четвертей, ржи до 12. При ней нужно четыре работника: одинъ для насыпанія хлѣба, другой для приведенія ея въ дѣйствіе, и двое для уборки сортированнаго хлѣба. Точность ея дѣйствія такова, что она отбираетъ гусинецъ отъ овса, который въ иныхъ мѣстностяхъ родится въ этомъ хлѣбѣ обильно, и ни обыкновенными сортировками, ни вѣтромъ не отдѣляется. — Сортировка Г. Вараксина стоитъ въ Вологдѣ 20 р. с.

Изобрѣтайте, Русскіе люди, соревнуйте щедротамъ своей доброй земли, которая далеко еще не обнаружила всѣхъ богатствъ своихъ. Давно зовется Сибирь «золотымъ дномъ», на многіе милліоны каждогодно черпается изъ нея разныхъ металловъ, а между тѣмъ источники ихъ не только не изсякаютъ, но постоянно увеличиваются. Изъ недавно обнародованнаго отчета о дѣйствіи поисковыхъ партій въ Алтайскомъ горномъ округѣ (1849 г.), узнаемъ, что въ Змѣиногорскомъ округѣ, въ окрестностяхъ Семеновскаго рудника, открыта новая жила богатыхъ свинцовыхъ рудъ, содержаніемъ до 1½ золотника серебра и отъ 8 — 26 фунтовъ свинца; мѣсторожденіе это подаетъ надежду, что въ немъ будетъ открытъ значительный запасъ руды, а потому развѣдка его тщательно продолжается. Въ окрестностяхъ Риддерскаго рудника вновь найдены нѣсколько жилъ съ рудными признаками въ томъ же отрогѣ горъ, который уже заключаетъ въ себѣ: Крюковскій и Сокольный рудники, Ильинскій и Успенскій пріиски. Вообще этотъ отрогъ заслуживаетъ особаго вниманія по своей рудоносности, и проводъ

Digitized by Google

въ немъ новой водоотводной штольны подъ старыя работы Крюковскаго рудника, продолжавшіяся уже четыре года, безъ сомнѣнія принесетъ со временемъ большую пользу. Предположеніе это тѣмъ вѣроятнѣе, что еще въ прошедшемъ году, между такъ называемыми западными и восточными работами Крюковскаго рудника, встрѣчена, при самой поверхности, рудная толща, содержаніемъ отъ 6 до 20 и даже 48 зол. серебра въ пудѣ руды. Кромѣ того въ Сокольномъ рудникѣ, развѣдкою сѣв. западной оконечности мѣсторожденія, найденъ новый запасъ рудъ, по длинѣ на 25 саж. и по толщинѣ до 10 саж., содержаніемъ до 1¼ зол серебра въ пудѣ, такъ что въ этомъ пріобрѣтеніи можно полагать около 480 пудовъ серебра А серебро начинаетъ теперь цѣниться за границею очень дорого.

—

Въ противоположномъ краю Россіи – въ Керчи, найдены двѣ превосходнѣйшія мраморныя статуи, о чемъ мы уже извѣщали нашихъ читателей. Вотъ болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ драгоцѣнномъ пріобрѣтеніи для тамошняго Музеума. Изслѣдованіе кургановъ въ прошломъ году, по отсутствію изъ Керчи Г. Ашика, поручено было Г. Арпѣ. На разстояніи около версты къ с. в. отъ Керчи находится небольшое селеніе Глинище; оно расположено среди нѣсколькихъ сотенъ кургановъ, принадлежащихъ, по мнѣнію Г. Ашика, къ Римскому періоду Пантикапеи; многіе крестьянскіе домы примыкаютъ къ курганамъ, а нѣкоторые построены въ нихъ самихъ. Два изъ этихъ кургановъ, замѣтные болѣе прочихъ, были раскапываемы много разъ (Гг. Дюбрюксомъ, Бларамбергомъ и Ашикомъ), но безъ всякаго успѣха. Поиски Г. Арпы были счастливѣе. Въ одномъ курганѣ, на глубинѣ 2 саж., онъ нашелъ статую, представляющую мужчину лѣтъ 30, въ туникѣ и въ широкой мантіи, называвшейся у Римлянъ pallium. Правая рука статуи прижата къ груди, и прикрыта мантіею; въ лѣвой вѣроятно находился свертокъ папируса, судя по положенію руки, лишенной двухъ пальцевъ и свертка. Волосы на головѣ коротки и кудрявы; подбородокъ безъ бороды; выраженіе лица благородно. Ноги обуты котурномъ, и возлѣ видны многіе свертки папируса и ларчикъ (scrinium) съ замкомъ. Статуя величиною почти въ 3 аршина, и очевидно помѣщалась на пьедесталѣ. Свертокъ, предполагаемый въ лѣвой рукѣ, и тѣ, что находятся у ногъ, заставляютъ видѣть въ ней изображеніе поэта или гражданскаго сановника. — Съ тѣхъ поръ, какъ въ Керчи, занимаются разрытіями, тамъ открыто нѣсколько

сотенъ замѣчательныхъ гробницъ разнаго рода, но никогда еще не было найдено мраморной статуи. Отдѣлка найденной статуи обличаетъ смѣлый рѣзецъ; это прекрасное произведеніе Греко-Римскаго ваянія, привлекающее вниманіе изящною соразмѣрностію частей, общностью, полною вкуса, и положеніемъ, исполненнымъ естественной красоты. Это замѣчательное открытіе усилило рвеніе разыскателя, и вскорѣ въ развалинахъ склепа онъ нашелъ другую статую — женскую. Она немного менѣе первой (2¾ арш.); но въ отношеніи къ работѣ несравненно выше ея. Эта женщина, повидимому, тѣхъ же лѣтъ, что и мужчина; она одѣта въ длинную тонкую тунику (tunica talaris), ниспадающую отъ шеи до ногъ, и въ широкій «пеплонъ», покрывающій ей голову и плечи. Таково бываетъ обыкновенно изображеніе женщины въ погребальномъ нарядѣ, приличномъ для статуи, назначенной для помѣщенія въ гробницѣ. Прекрасная голова покрыта слегка вьющимися волосами. Живая выразительность, сіяющая въ лицѣ, дѣлаетъ его почти одушевленнымъ. Правая рука, такъ же какъ и въ мужской статуѣ, покрыта пеплономъ; лѣвая слегка приподнимаетъ пеплонъ, легкія и волнующіяся складки котораго придаютъ драпировкѣ невыразимую прелесть: глазъ какъ бы чувствуетъ сквозь нея нагія формы тѣла. Ноги ея обуты Греческимъ женскимъ котурномъ, привязаннымъ ремнями. Доконченность этой статуи, ея наружность и прелестныя формы даютъ ей право поспорить въ превосходствѣ со многими изъ знаменитѣйшихъ произведеній, хранящихся въ Италіи; кажется, видишь живую женщину, остановившуюся неподвижно подъ вліяніемъ овладѣвшей ею печали. Статуи сохранились вполнѣ, но пьедесталовъ нѣтъ. Кругомъ нихъ не найдено ничего, что могло бы опредѣлить эпоху, къ которой онѣ принадлежатъ; но Г. Ашикъ полагаетъ, что это произведенія Римскія и относятся ко времени Имперіи.

20 Декабря, въ Керчи же любители музыки давали концертъ въ пользу бѣдныхъ, а черезъ десять дней разыграна была лотерея, также съ благотворительною цѣлію.

Въ Вознесенскѣ театръ любителей въ пользу благотворительныхъ заведеній, можно сказать — постоянный. Лѣтомъ играютъ въ городскомъ театрѣ, а зимой въ дворцовой галлереѣ, гдѣ устроены сцена, кресла для ста особъ, и партеръ для такого же числа посѣтителей. Представленія любителей съ благотворительною цѣлью начались еще въ 1847 г. Походъ войскъ за границу, казалось, уничтожилъ это прекрасное учрежденіе, которымъ городъ обязанъ былъ Г-жѣ Герстенцвейгъ; но съ возвращеніемъ войскъ, въ Вознесенскѣ опять родилось желаніе составить спектакли въ пользу

Digitized by Google

бѣдныхъ, и за возобновленіе ихъ надобно благодарить Князя А. Г. Багратіона-Имеретинскаго. Спектакли начались 24 Ноября, и по 1 Января дано было десять представленій, и въ каждое театръ не могъ вмѣстить въ себѣ всѣхъ желавшихъ видѣть ихъ. Выборъ и исполненіе пьесъ прекрасны. Съ наступленіемъ великаго поста спектакли замѣнятся концертами.

Въ Одессѣ главный вопросъ торговля. Прошедшій годъ въ этомъ отношеніи былъ для Одессы изъ блистательныхъ, хотя торговля, конечно, была довольно обширна. Общая цѣнность оборотовъ заграничной торговли при Одесскомъ портѣ простиралась слишкомъ до 25½ м. р. с., а именно: по отпуску до 16 9/10 м., и по привозу около 8 ¾ м. р. с. Таможенныхъ доходовъ поступило слишкомъ 2 мил. 170 т. р. Въ теченіи всего года навигація пріостановлена была льдомъ только около мѣсяца. Судовъ въ карантинный портъ прибыло слишкомъ 800, а отошло оттуда болѣе 770.

Для будущей торговли Одессы довольно важно слѣдующее извѣстіе. До сихъ поръ шампанскія вина обыкновенно отправлялись въ Балтійскіе порты изъ Руана, а со времени открытія сѣверной желѣзной дороги (во Франціи) и учрежденія пароходства между Дюнкирхеномъ и Петербургомъ, большая часть шампанскихъ винъ, назначенныхъ въ Россію, стала отправляться черезъ Дюнкирхенъ. Руанскіе купцы, видя, что эта выгодная отрасль торговли переходитъ въ другія руки, стали заботиться объ открытіи ей новаго истока. Одинъ значительный торговый домъ первый сдѣлалъ попытку отправить грузы съ шампанскимъ прямо въ Одессу. Опытъ этотъ удался вполнѣ, почему вѣроятно, и на будущее время шампанскія вина будутъ отправляться въ Одессу и другіе порты южной Россіи черезъ Руанъ, а не черезъ Марсель. Руанскіе купцы имѣютъ при этомъ въ виду еще и то, что тѣ же самые корабли, которые будутъ доставлять шампанскія вина въ Одессу, могутъ быть выгоднымъ образомъ употреблены на доставленіе въ Руанъ Русской шерсти для Эльбёфскихъ и Лувьерскихъ суконныхъ мануфактуръ. (Въ 1850 году въ Одессу привезено было 73½ т. бутылокъ шампанскаго на 130 т. р. с. Шерсти сырца отпущено за границу слишкомъ на 3½ мил. р. с.).

Литература Одесская не представила ничего замѣчательнаго. Печатается «Руководство по таможеннымъ дѣламъ Одесскаго порто-франко, составленное, на основаніи законовъ», Г. Уманскимъ.

Съ 19 Января, профессоръ Гассгагенъ открылъ, въ залѣ Ришельевскаго Лицея, публичныя чтенія «о химіи, приложенной къ

искусствамъ». Онъ предполагаетъ прочесть отъ 15 до 20 лекцій. Плата за весь курсъ назначена 10 р. с.

Пожертвованія для Одесской Богадѣльни сердобольныхъ сестеръ не оскудѣваютъ. Такъ, въ началѣ этого года Гг. Дума и Бикасъ основали въ ней одну больничную кровать, пожертвовавъ для этого 1,200 р. с.

Изъ Одессы въ Тифлисъ. Газета «Кавказъ», подъ новою редакціею, Г. Сливицкаго, не перестаетъ процвѣтать.

Я. П. Полонскій написалъ драму въ 5-ти д., въ стихахъ, подъ названіемъ: «Дореджана».

Незнакомый съ Тифлисомъ или невидавшій его около года можетъ думать, что Тифлисъ освѣщается скудно, Но въ томъ-то и дѣло, что Тифлисъ, конечно, пока еще не весь, освѣщается *гасомъ*. Мысль этого прекраснаго нововведенія принадлежитъ, разумѣется, Князю М. С. Воронцову. Устройствомъ гасоваго освѣщенія занимался Г. Ивашицкій, и къ первому дню Свѣтлой недѣли прошлаго года Тифлисъ впервые увидалъ гасъ. Съ того времени число гасовыхъ фонарей увеличивалось, и теперь ихъ считается до 34. Они освѣщаютъ Головинскій проспектъ — главную улицу города. И такъ Тифлисъ третій изъ городовъ Русскихъ, послѣ Петербурга и Варшавы, ввелъ у себя одно изъ полезныхъ улучшеній гражданственности (Одесса освѣтилась гасомъ послѣ него).

Свѣтъ бываетъ естественный и искусственный; вино также раздѣляется на природное и поддѣльное, и между тѣмъ какъ Руанскіе купцы хлопочутъ о выгодахъ отправлять шампанское вино въ Петербургъ или въ Одессу, у насъ находятся люди, которые хлопочутъ о средствахъ вовсе избавиться отъ иностранной монополіи въ винномъ отношеніи. «То есть, не пить вина» — думаете вы. Нѣтъ, зачѣмъ же не пить — пить, но только свое, доморощенное, да не сусло какое-нибудь, а вино сфабрикованное такимъ образомъ, что его нельзя отличить отъ настоящаго. Извѣстно, что всѣ виноградныя вина Юга успѣшно фабрикуются въ сѣверной Германіи, сбываясь за настоящія, и что это искусственное пойло не рѣдко встрѣчается и у насъ. Русскій человѣкъ давно перенялъ у Нѣмцевъ такое выгодное мастерство, и въ старые годы, гдѣ-то на берегахъ Яузы, существовало заведеніе, вывѣска котораго, не краснѣя, объявляла, что «здѣсь дѣлаютъ шампанское не хуже Нѣмецкаго»... Но потомъ, по разнымъ причинамъ, фабрикація эта ослабла. Теперь она обѣщаетъ возникнуть снова, но, кажется, въ другомъ видѣ. Одинъ изъ жителей Ахтырокъ (Харьковской г.) напечаталъ въ газетахъ слѣдующее объявленіе: «Получаемое изъ разныхъ

странъ свѣта виноградное вино не есть произведеніе природы, и хотя всѣ качества его, какъ-то: вкусъ, крѣпость, букетъ, и проч. большею частію зависятъ отъ свойства самаго винограда, климата и почвы земли, на коей онъ произрастаетъ, но неоспоримо, что всѣ вышеозначенныя качества вина зависятъ также отъ способа и искусства его приготовленія, и потому вино есть произведеніе искусства, ибо въ немъ всѣ составныя части виноградиаго сока измѣнены посредствомъ химическаго процесса. На этомъ основаніи нельзя и не должно называть поддѣльнымъ вино, ежели посредствомъ искусства, опытностію дознаннаго, виноградному соку будутъ доставлены всѣ тѣ качества и составныя части въ соразмѣрной пропорціи, которыхъ онъ, по отношеніямъ климатическимъ, лишенъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ соблюдены будутъ всѣ правила, необходимыя для превращенія сыраго виноградиаго сока въ прочное и пріятный вкусъ имѣющее вино. Нижезначущійся, многолѣтними опытами, изобрѣлъ способъ приготовленія не только изъ виноградиаго сока, но даже изъ разныхъ овощей и ягодъ, произрастающихъ въ большомъ изобилии внутри нашего отечества, пріятный, здоровый, многіе годы сохраняющійся и постепенно улучшающійся напитокъ, не уступающій вкусомъ и пріятностію иностраннымъ винамъ; но самъ онъ, не имѣя денежнаго капитала, дабы дать этой отечественной промышленности такое движеніе, которымъ бы она могла выдержать соперничество съ иностранными, имѣетъ честь предложить свои услуги Гг. владѣльцамъ виноградныхъ и фруктовыхъ садовъ на самыхъ умѣренныхъ условіяхъ, о которыхъ можно узнать отъ самого изобрѣтателя, провизора Копфа, имѣющаго жительство въ г. Ахтыркахъ»... Какъ видите, все выведено раціонально и доказано ясно, какъ дважды два четыре. Хорошо Г. изобрѣтатель, если вашими устами мы будемъ пить — не медъ, а отличное виноградное вино. Но что же станется тогда съ пословицею: in vino veritas, когда и само-то вино будетъ не истинное, а поддѣльное?...

Впрочемъ, несмотря на положительныя увѣренія Г. Копфа, мы все-таки опасаемся, что нашъ климатъ будетъ служить важною помѣхою его предпріятію. Какія опять пошли у насъ зимы! Почти что *Русскія*, и еслибы и страшныя мятели, нерѣдко сопровождающія ихъ, можно бы сказать имъ спасибо. Зима да снѣгъ — вѣдь это даровые строители превосходной скатерти-дороги, не говоря уже о другихъ услугахъ ихъ. Но мятель, вьюга—о ней иногда страшно и подумать. — Помните ужасную вьюгу, какая свирѣпствовала въ трехъ губерніяхъ въ одно и то же время (27 Ноября). Мы уже говорили о ней, а теперь вотъ еще нѣсколь-

ко подробностей о ея свирепствованіи, изъ Новосиля (Тульской губ.), сообщенныхъ тамошнимъ помѣщикомъ Г. Масоѣдовымъ.... «У насъ бурная туча неслась отъ сѣвера, черною стѣною при 9 градусахъ холода. Буря имѣла свойство удушающаго вѣтра съ такою вьюгою, что въ десяти шагахъ не было видно даже строеній. Вечеромъ, въ 7½ часовъ, внезапно завыла страшная буря, и сдѣлался такой мракъ, что птицы стали метаться въ окна; въ сѣняхъ ловили воронъ, смирныхъ какъ куръ; овсянки же и другія мелкія птицы искали пріюта на груди человѣка, такъ что одинъ крестьянинъ руками поймалъ четырехъ. Въ селѣ Тепломъ, Чернскаго уѣзда, въ ночи на 28-е, съ воемъ бури услышанъ былъ крикъ подъ горою у берега рѣки. Посланные на помощь люди привели полузамерзшаго крестьянина: отогрѣвшись, онъ объявилъ, что везъ двухъ женщинъ, но выбился изъ силъ, пошелъ искать жилья и бурею былъ сброшенъ подъ гору къ рѣкѣ. Отыскивать этихъ крестьянокъ ночью не было возможности; утромъ же ихъ нашли въ полуверстѣ отъ усадьбы, занесенныхъ до того снѣгомъ, что у нихъ только одни волосы на головѣ были видны; но когда тронулись сами, эти женщины, къ удивленію всѣхъ, поднялись, жалуясь, что у нихъ только отнялись ноги. По перенесеніи въ усадьбу, крестьянки отогрѣлись и совершенно поправились. Священникъ села Могилокъ, Еѳремовскаго уѣзда, съ женою и работникомъ были въ дорогѣ, за 7 верстъ отъ жилья, захвачены этою бурею. Лошадь, забившись въ сугробъ, отказалась служить. Священникъ съ женою вышли изъ саней, надѣясь пѣшкомъ достичь до дома, но сбились съ дороги, и погибли; ихъ нашли совершенно въ противоположной сторонѣ отъ дороги, во ста саженяхъ отъ селенія, а работника и лошадь за четыре версты отъ нихъ всѣхъ погибшими. Священникъ оставилъ семь человѣкъ дѣтей, изъ коихъ старшей дочери 16 лѣтъ. Одна госпожа, возвращаясь изъ гостей въ эту бурю домой, ѣхала въ возкѣ. Сбившись съ дороги, люди и лошади вышли изъ силъ. Между тѣмъ они подъѣхали къ какому-то стогу сѣна, и рѣшились ночевать подъ его защитою, чтобы не замерзнуть. Съ разсвѣтомъ, къ крайнему всѣхъ удивленію, когда осмотрѣлись, увидѣли, что ночевали у себя, подлѣ своего сада, недалеко отъ дома.»

Digitized by Google

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

... Прежде нежели перейдемъ къ общему обозрѣнію заграничныхъ новостей, намъ хочется сказать ДВА СЛОВА ЧИТАТЕЛЮ.

Въ нашихъ заграничныхъ извѣстіяхъ нѣтъ достаточной системы: мы это ясно видимъ. И пусть замѣчаютъ намъ это наши присяжные критики той или другой стороны — неудавшіеся гегелисты или адепты школы дилеттантизма, дендизма и ньюорантизма — объ этомъ мы не заботимся; но бѣда, если такой же упрекъ падетъ на насъ отъ читателя: бѣда, говоримъ, потому что это приведетъ насъ къ заключенію, что мы не умѣли занять читателя. Покуда-же мы этого не знаемъ, мы скажемъ въ свое оправданіе только то, что мы потому не приводимъ въ систему заграничныхъ извѣстій, что это лишило бы возможности сообщать извѣстія свѣжія—въ чемъ, признаемся, мы до сихъ поръ полагаемъ главную обязанность нашу. И на будущее время мы не отступимъ отъ этого правила. Есть еще недостатокъ въ нашихъ заграничныхъ извѣстіяхъ, который насъ самихъ поражаетъ едва ли не непріятнѣе перваго: это — ихъ неполнота; ни раза не могли мы сказать всего, что сказать намъ хотѣлось, и всякой разъ, пробѣгая обозрѣніе уже вышедшей книги, убѣждались, что пропущено то или другое. Съ извѣстной точки, однакожъ, читатель пусть извинитъ насъ и въ этомъ: въ какомъ журналѣ, выходи онъ даже книгами вдвое большими книгъ Москвитянина, найдешь мѣсто упомянуть обо всемъ, такъ или иначе остановившемъ вниманіе при чтеніи иностранныхъ журналовъ и газетъ? Куда бы умѣстить, напримѣръ, всѣ прошлогодніе извѣстія и толки о четырехъ только предметахъ: о Лондонской выставкѣ, о Женни-Линдъ, объ электрическихъ телеграфахъ и о воздухоплаваніи? Нужны бы томы, томы, и томы. Тѣ изъ нашихъ читателей, которые сами болѣе или менѣе слѣдятъ за журнальною и газетною дѣятельностію Франціи, Англіи и Германіи — довольно даже одной Франціи — непремѣнно согласятся съ нами; другіе, т. е. не читающіе иностранныхъ газетъ и журналовъ, да повѣрятъ намъ на-слово, и примутъ благосклонно наше обѣщаніе—соразмѣрно съ средствами Москвитянина и увеличеніемъ объема его книгъ—расширять и горизонтъ нашего заграничнаго телеграфа: на сколько это будетъ возможно, мы будемъ все больше и больше распространять кругъ дѣйствій нашихъ обозрѣній, и никогда, при этомъ, не упустимъ изъ вида и того условія, чтобъ въ цѣломъ эти обозрѣнія, не въ примѣръ другимъ, были занимательны не для тѣхъ только лицъ, которыхъ вниманіе останавливаетъ то или другое отдѣльное извѣстіе, — а для массы просвѣщенныхъ читателей....

... Съ начала нынѣшняго года мы не знали куда дѣваться отъ статей разныхъ газетъ и журналовъ (иностранныхъ) по поводу начавшагося новаго полустолѣтія. Каждая изъ этихъ статей, въ массѣ которыхъ есть, разумѣется, мѣстами и дѣло, мѣстами остроуміе, наиболѣе обличаетъ личныя воззрѣнія той партіи политической и литературной, которой журналъ или газета служитъ органомъ: эта черта въ нихъ главная, и, по нашему мнѣнію, самая замѣчательная. Особенно-важнаго или общезанимательнаго мы нашли въ нихъ очень-мало, и потому думаемъ, что довольно съ нашихъ читателей представленнаго нами (въ предпрошлой еще книгѣ Москвитянина) обращика изъ *Morning Chronicle* (*)... Возьмите любую круглую цифру, начала столѣтія, середину, четверть — мудрено ли призадуматься, при небольшой наклонности къ задумчивости, мудрено ли замечтаться, при небольшой наклонности къ мечтательности; а дайте только волю вашей мечтательности, схватите перо, возмитесь за первое попавшееся вамъ на память событіе, совпадающее съ извѣстною круглою цифрой.... и не будетъ предѣла вашему «взгляду», не будетъ мѣры вашему лирическому экстазу; но для кого онъ нуженъ, кого онъ займетъ? Таковъ, болѣе или менѣе, былъ по всему вѣроятію процессъ рожденія многихъ «взглядовъ» иностранныхъ газетъ и журналовъ по случаю новаго полустолѣтія; тѣ же изъ этихъ «взглядовъ», которые написаны хладнокровно, спокойно и прямо на тему: Das halbe Jahrhundert, при всей дѣльности, которой не лишены изъ нихъ иные, съ извѣстной точки кажутся намъ еще страшнѣе. Неужели въ исторіи жизни общества, гражданской, политической, ученой, промышленной, торговой, и т. д., есть не только необходимость, но и возможность опредѣлять эпохи и различныя фазы этой жизни концами извѣстныхъ годовъ, какъ опредѣляется ими календарь?... Необходимости въ такой мѣрѣ опредѣлять ихъ, внѣ учебниковъ, разумѣется нѣтъ никакой, но, главное, гдѣ же возможность подобнаго разграниченія? Будто человѣческая мысль въ многосторонних своихъ проявленіяхъ, неутомимо идущая по тому пути, который составляетъ движеніе общества, можетъ остановиться когда-нибудь, какъ машина; будто въ движеніи, мысли во времени, въ ея исторіи, или—что все равно—въ исторіи человѣчества есть скачки, или безсвязные переходы. Или можно разграничить, раздѣлить

(*) Желающихъ прочесть любопытный, впрочемъ не безпристрастный, взглядъ на политическое состояніе свѣта въ настоящее время, мы отсылаемъ въ статьѣ Нѣмецкаго журнала *Ausland*: «Die Weltlage am Abhuße des halben Jahrhunderts». (См. послѣдніе N N прошлаго года).

Google

важные для человѣчества событія какими-нибудь часами или днями?... Отдѣлите-ка въ жизни растенія одинъ процессъ отъ другаго....

... По поводу новаго полустолѣтія, мы вспомнили о кончинѣ Нѣмецкаго ученаго Линка, философа, врача и естествоиспытателя, приключившейся въ первый же день этого полустолѣтія. Линкъ родился въ 1769 г., особенно-счастливомъ на рожденіе великихъ людей, и между прочимъ, подарившемъ исторіи Наполеона. Умеръ онъ въ Берлинѣ, гдѣ съ 1815 г. былъ профессоромъ медицины и директоромъ Ботаническаго сада. Всѣ знавшіе его жалѣютъ о почтенномъ ученомъ и добромъ человѣкѣ. Послѣднее его сочиненіе, появившееся незадолго передъ его смертью— «Философія здраваго смысла (Philosophie der gesunden Vernunft)».

... За одно помянуть здѣсь и другихъ, впродолженіе прошлаго и съ начала нынѣшняго года, почившихъ современниковъ, такъ или иначе принадлежащихъ исторіи.

Умерли въ 1850 г. (кромѣ лицъ, біографіи которыхъ были представлены нами въ прошлогднихъ книгахъ нашего журнала):

Герцогъ Кемприджскій, дядя Королевы Викторіи, бывшій Вице-Король Ганноверскій;

Эрцгерцогъ Фердинандъ д'Эстъ, Австрійскій фельдмаршалъ и губернаторъ Галиціи;

Тао-Кевангъ, Китайскій Императоръ;

Генералъ Захари Тайлоръ, Президентъ Соединенныхъ-Штатовъ;

Джонъ Кадуэль Калгунъ, одинъ изъ трехъ знаменитыхъ парламентскихъ ораторовъ Соединенныхъ-Штатовъ;

Генералъ-Сан-Мартинъ, освободитель Чили и Перу;

Гэ-Люссакъ, академикъ (Наукъ) и перъ Франціи;

Маркизъ Таларю, извѣстный благотворитель, перъ Франціи;

Баронъ де-Меневаль, бывшій секретарь Наполеона;

Фукье, Маржолэнъ, Ипполитъ Ройе-Колларъ, славные врачи, члены Парижской Медицинской Академіи;

Александръ Пиччини и Романези, музыканты;

Шумахеръ, знаменитый Нѣмецкій астрономъ;

Графъ Густафъ Нейпперсъ, сынъ отъ перваго брака Графа Нейпперса, мужа Маріи-Луизы, — майоръ Австрійской службы.

Умерли въ 1851 году:

Лёрэ, (Leuret), главный врачъ при Бисетрѣ, уважаемый ученымъ міромъ за сочиненія о помѣшательствѣ и анатоміи мозга;

Digitized by Google

Дроллингъ, членъ Парижской Академіи Искусствъ;

Ванъ-Свигтиновенъ, Брюссельскій хирургъ-акушеръ; замѣчательный уже тѣмъ, что получилъ дипломъ на свое званіе еще въ 1805 году;

Спонтини, извѣстный музыкантъ;

Герцогъ Ньюкестль, ультра-торій, строгій протекціонистъ и отъявленный врагъ католиковъ.

Предоставляя себѣ, по времени и у мѣста, возвратиться къ замѣчательнѣйшимъ изъ этихъ лицъ, мы покуда пріостановимся на Англіи.

—

Любопытны нѣкоторыя цифры изъ сравнительной таблицы цѣнъ съѣстныхъ припасовъ въ двухъ величайшихъ столицахъ Европы — Лондонѣ и Парижѣ. Лондонскіе цѣны, разумѣется, выше, но замѣчательно, что цѣны мяснаго товара относительно цѣнъ другихъ припасовъ чрезвычайно невысоки.

Въ Лондонѣ около 1,900,000 жителей, т. е. почти вдвое нежели въ Парижѣ, и мясная торговля по всей столицѣ Англіи свободная. Мясо разносятъ по всѣмъ кварталамъ, подъ надзоромъ одной полиціи. Несмотря на эту свободу мясной торговли, неслыханное дѣло, чтобы когда-нибудь разошлось въ Лондонѣ дурное мясо и произвело бы болѣзни — тифъ, лихорадки, и т. д., что въ бывалое время не рѣдко случалось въ Парижѣ, а иногда случается и теперь. И нужно еще замѣтить, что Англичанинъ — бѣденъ ли онъ, богатъ ли, это все равно — ѣстъ чрезвычайно много мяса, между тѣмъ какъ на жителя Парижа, по послѣднимъ расчисленіямъ, приходится не больше $\frac{1}{10}$ килограмма въ сутки.

Въ Лондонѣ издавна существуетъ два рынка битаго мяса — Ньюгетъ и Лиденголль, куда разнощики каждое утро приходятъ за товаромъ; въ Парижѣ только одинъ рынокъ — le marché des Prouvaires — но онъ далеко не такъ великъ, какъ Лондонскіе, на которыхъ обыкновенно продается въ день отъ 17 до 20 т. тушъ. Цѣна битаго мяса слѣдующая: говядина перваго разбора стоитъ за килограммъ отъ 94 сант. до 1 фр. 8 сант.; втораго — отъ 81 до 88 сант.; третьяго — отъ 70 до 76. сант. Баранина тоже за килограммъ: перваго разбора — отъ 1 фр. 26 сант. до 1 фр. 30 сант.; втораго — отъ 1 фр. до 1 фр. 18 сант.; третьяго — отъ 81 до 94 сант. — Всѣ эти цѣны нѣсколько выше Парижскихъ, но для Лондона — повторяемъ — сравнительно съ цѣнами всѣхъ вообще припасовъ, чрезвычайно-умѣренны.

Digitized by Google

... Известіе другаго рода — о Лордѣ Норменби, краткую біографію котораго читатели получили въ нашей прошлой книгѣ. Лордъ Норменби пожалованъ кавалеромъ ордена Подвязки. Извѣстно какъ мало расточается въ Англіи этотъ знакъ отличія. Кавалеры его отъ самаго основанія всѣ на перечетъ. Изъ иностранцевъ его, по статуту основателя, могутъ получать только лица царствующихъ домовъ. Нашъ Суворовъ — можетъ быть не всѣ это знаютъ — имѣя въ виду и желая получить орденъ Подвязки, былъ сопричисленъ къ одной изъ Нѣмецкихъ владѣтельныхъ Княжескихъ фамилій ... Рымникскій герой умеръ однакоже безъ ордена Подвязки.

... Извѣстіямъ о всемірной выставкѣ все-таки нѣтъ перечета, но мы покуда поудержимся говорить о ней, и это вслѣдствіе одного обстоятельства, о которомъ съ особеннымъ удовольствіемъ спѣшимъ сообщить нашимъ читателямъ:

Одинъ изъ сотрудниковъ Москвитянина отправился уже на Лондонскую выставку, и обязался передъ редакціей постоянно и послѣдовательно писать изъ Лондона.

...Знаменитый Макриди даетъ въ Геймаркетскомъ Театрѣ рядъ представленій Шекспировыхъ характеровъ, и долженъ, затѣмъ, въ самомъ непродолжительномъ времени оставить сцену навсегда.

Новая опера Шотландца *Макфаррена*, Король Карлъ II (King Charles II), занимаетъ теперь всѣхъ Лондонскихъ любителей. Хвалятъ также его серенаду »The sleeper awakened« (Le dormeur réveillé), родъ свѣтской оратоpіи, въ которой авторъ вступаетъ на совершенно новый путь, и сливаетъ арію съ речитативомъ.

... Одна изъ лучшихъ чертъ Англійскаго характера—это уваженіе къ своимъ древнимъ писателямъ и рвеніе къ ихъ изученію. Блистательнымъ доказательствомъ этого служитъ, въ послѣднее время, изданіе въ Лондонѣ, въ Январѣ нынѣшняго года, извѣстнаго сочиненія Стиля и Аддисона — »Sir Robert de Coverley. By the Spectator« Цѣлію почтенныхъ авторовъ было—бичевать испорченность ихъ времени, въ лицѣ выведенныхъ ими различныхъ представителей классовъ общества: помѣщика, купца, вивёра и т. д — При нынѣшнемъ изданіи, издатель, Г. Уильсъ художникъ, Томпсонъ, и даже типографщикъ заботились ревностно о томъ только, чтобы превзойдти другъ друга — каждый по своей части. И изданіе вышло великолѣпное. Шрифтъ — временъ Королевы Анны, переплетъ напоминаетъ старо-Французскія шелковыя ткани; гравюры на деревѣ не оставляютъ желать ничего. Издатель, Уильсъ, присоединилъ къ замѣтки, объясняющія обычаи того времени, и относящіяся къ лицамъ, послужившимъ, по приговору знающихъ, оригиналами для *Зрителя*.

Digitized by Google

Вышли также недавно «Воспоминанія Лорда Голланда о чужихъ краяхъ». На этой книгѣ мы позволяемъ себѣ пріостановиться (*).

Еще 22 Октября 1840 г. умеръ Лордъ Голландъ, канцлеръ Герцогства Ланкастерскаго и членъ комитета министровъ, вигъ не столько извѣстный своею политическою дѣятельностью, сколько семейными связями (онъ былъ племянникъ и любимецъ Чарльса Фокса, отъ котораго и наслѣдовалъ, если не духъ, то убѣжденія и слогъ). Домъ Голландовъ былъ средоточіемъ всего, что только было въ Лондонѣ замѣчательнаго въ областяхъ науки, искусства, словесности, свѣтскости. Рѣчи Лорда Голланда въ засѣданіяхъ Верхней-Палаты, которыми высказывалось его свободное воззрѣніе на внутреннюю политику и на внѣшнія отношенія Англіи, были изданы въ 1841 г. подъ заглавіемъ: «The opinions of Lord Holland, as recorded in the journal of the House of Lords, from 1797 to 1840 (Мнѣнія Лорда Голланда, внесенныя въ протоколы Верхней-Палаты, съ 1797 г. до 1840 г.)».

Теперь старшій его сынъ, изъ оставшихся послѣ покойнаго бумагъ, составилъ дневникъ, который большею частію заключаетъ въ себѣ замѣтки объ опытахъ и наблюденіяхъ покойнаго въ иностранныхъ государствахъ. Въ Англіи это сочиненіе пользуется большимъ уваженіемъ, и всѣ журналы отзываются о немъ съ похвалою. Главный предметъ «Воспоминаній» — эпоха, слѣдующая за Французской революціею, Испанскій дворъ (со времени вступленія Князя Мира-Годоя до замѣшательствъ, произведенныхъ въ Королевскомъ семействѣ Наполеономъ), дѣятельность и личность самого Наполеона съ перваго его историческаго шага и до его смерти. Затронуты политическія событія и ихъ тайныя пружины, но больше въ этомъ сочиненіи характеристикъ и анекдотовъ. Почти полкниги наполнено подробностями о Наполеонѣ. Тутъ же и Лудовикъ XVI съ Маріею-Антоанетою; Карлъ IV съ старою Королевою Испаніи, «многолюбимый» Фердинандъ, «другъ» Голланда — Годой; Король и наслѣдный Принцъ Даніи, Императоръ Александръ, Императоръ Францъ, Меттернихъ и Прусское Королевское семейство. Все сочиненіе написано увлекательно. Лордъ Голландъ имѣетъ даръ схватывать истинный смыслъ событій и личностей, и самые неуловимые ихъ оттѣнки; оттого онъ не утомляетъ читателя ни лишними подробностями, ни неумѣстною глубокомысленностью. Его разсказъ отличается легкостью образованнаго джентльмена старой школы. Онъ такъ полно обнимаетъ свой предметъ, что слова выливаются у него безъ всякаго труда. Честерфильдъ остроуменъ, Мальмсбёри

(*) Foreign reminiscences, by H. R. Lord Holland. Edited by his son H. E. Lord Holland. London, Longman and C.

Digitized by Google

пишетъ какъ человѣкъ свѣтскій и дипломатъ: у нихъ нѣтъ натяжекъ, но замѣтны заботливость и осторожность; критикъ можетъ подстеречь у нихъ слѣды излишняго старанія, хотя сочиненія ихъ на первый взглядъ и не кажутся высиженными. У Лорда Голланда хорошій тонъ выраженія принадлежитъ къ привычкѣ джентльмена, и вошелъ въ его природу: онъ, когда говоритъ, не подбираетъ выраженій, да и не думаетъ объ этомъ; онъ, просто, не можетъ говорить неправильно и невѣжливо. Его слогъ исполненъ «той беззаботной, но неподражаемой граціи», которую Гиббонъ приписываетъ Юму. Если, притомъ, взять во вниманіе, что все его сочиненіе касается столь важныхъ событій новѣйшей исторіи и опредѣляетъ личности, которыхъ имена въ устахъ каждаго, не удивительнымъ должно казаться никому, что его книга такъ занимательна. Однакожъ манера автора выше содержанія его сочиненія, и у него *не все то золото, что блеститъ*, какъ говоритъ пословица. Лордъ Голландъ имѣетъ недостатокъ, въ которомъ онъ упрекаетъ другихъ: это — легковѣріе. Всякій слухъ заноситъ онъ на страницы своего дневника, не заботясь о его правдоподобіи, развѣ когда молва противорѣчила его предубѣжденіямъ. Самыя сомнительныя анекдотическія событія онъ разсказываетъ иногда съ наивною откровенностью, даже съ убѣжденіемъ. Впечатлѣнія его, воззрѣнія и разсужденія вообще отзываются духомъ старой партіи виговъ, хотя — несомнѣнно — рѣдко духъ этой партіи выражался такъ нѣжно и пріятно. И всѣ недостатки сочиненія объясняются положеніемъ самаго автора: при всѣхъ своихъ достоинствахъ, Фоксъ не отличался нравственностью. Рожденіе и воспитаніе покойнаго Лорда Голланда относятся къ эпохѣ испорченности нравовъ; весь свой зрѣлый возрастъ, если не всю свою жизнь, онъ провелъ въ свѣтѣ, законодателемъ котораго былъ принцъ Валлійскій, впослѣдствіи Георгъ IV; многіе изъ товарищей юношескихъ забавъ этого Принца были и наперсниками Голланда. А эти *люди*, какъ извѣстно, ставили ни во что честь женщинъ; цѣломудріе и супружескую вѣрность не считали въ числѣ добродѣтелей, и то что у мѣщанской ограниченности называлось скандаломъ, т. е. соблазномъ, надъ этимъ они даже не смѣялись.

Изображеніе Наполеона вполнѣ обличаетъ въ авторѣ отъявленнаго вига, какими было все семейство Голландовъ, женщины и мужчины. Величіе Наполеона, который былъ врагомъ политическихъ противниковъ виговъ, поражало ихъ удивленіемъ. За то Императоръ, который не признавалъ ни права, ни закона, ни истины, ни человѣколюбія, когда дѣло шло о достиженіи

Digitized by Google

одной изъ цѣлей его честолюбія, представленъ у Голланда жертвой и мученикомъ, а все потому, что на Св. Елену, для безопасности цѣлаго свѣта, отправили его торіи. Гдѣ нѣтъ борьбы партій, тамъ Голландъ не выходитъ за предѣлы безпристрастія; но вездѣ онъ особенно благосклоненъ къ Наполеону, и мѣстами по сочиненію разбросаны новыя замѣтки о его героѣ, который любилъ его также, и вспомнилъ о немъ и въ своемъ завѣщаніи. Много прославляетъ онъ миролюбіе Наполеона, который будто бы забывалъ обиды, дѣйствительныя или воображаемыя, тогда какъ Герцогъ Энгьенскій, Туссэнъ, папа, Пишгрю, Моро, Гоферъ, и многіе другіе — представляютъ довольно разительные примѣры вендетты Корсиканской. Во всякомъ случаѣ врядъ ли подлежитъ нынѣ сомнѣнію, что Бонапартъ не отличался ни великодушіемъ героя, ни умѣренностію джентльмена.

Отношенія Наполеона къ религіи Лордъ Голландъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: «Въ первые года революціи онъ слѣдовалъ примѣру своихъ соотечественниковъ — легко и шутя отзываться о предметахъ религіи. Въ послѣдующіе года своей жизни, онъ, какъ и всѣ тѣ люди, которые испытали на себѣ измѣнчивость судьбы, полушутя, полусерьёзно вѣрилъ въ предопредѣленіе. Но при торжественныхъ случаяхъ, и еще болѣе — во время важныхъ частныхъ бесѣдъ, онъ клеймилъ невѣріе строгимъ порицаніемъ, и высказывалъ убѣжденіе, что можетъ впасть въ религіозную мечтательность, отъ которой не обезпеченъ никто Онъ не только не преслѣдовалъ аскетическихъ убѣжденій, но и уважалъ ихъ. Это чувство онъ основывалъ не на одномъ сознаніи ясности и истины этихъ вѣрованій, но и на неизвѣстности будущей судьбы души человѣческой, на непостоянствѣ того, что человѣкъ называетъ своимъ убѣжденіемъ. Въ характерѣ Наполеона было смѣшеніе Италіанскаго суевѣрія съ сомнѣніемъ въ ученіи Откровенія и боязнію отдаться этому сомнѣнію и не уберечься отъ его послѣдствій Онъ довольствовался тѣмъ, когда сѣмя вѣры глубоко запало въ сердце. Онъ допустилъ даже возстановленіе траппистовъ и другихъ орденовъ, замѣчательныхъ строгостью своихъ правилъ, хотя и не рѣшался утверждать ихъ открытою властью. Они могли-бы, говорилъ онъ, служить обществу предохранительнымъ клапаномъ противъ мечтательнаго и призрачнаго броженія въ обществѣ, которое способно разрушительно дѣйствовать на общество. Въ его замѣчаніяхъ на смерть Дюрока и въ его мысляхъ о самоубійствѣ проглядываетъ вѣра въ предопредѣленіе и предвидѣніе. Въ церемоніалъ его коронованія вошло, какъ часть торжества, и причастіе Св. Таинъ. Когда

Digitized by Google

поднесли ему программу этого церемоніала, онъ, къ общему удивленію, пришелъ въ негодованіе. «Никто не знаетъ — воскликнулъ онъ — никто не имѣетъ права говорить, думаю ли я принять Св. Тайны, и гдѣ я ихъ приму; хочу-ли я или не хочу». И тогда онъ не причастился. Не извѣстно достовѣрно, каковъ онъ былъ въ этомъ отношеніи на Св. Еленѣ, и въ послѣдніе дни своей жизни. Во всякомъ случаѣ онъ слушалъ литургію, — въ часовнѣ, когда бывалъ здоровъ, а когда нѣтъ, въ спальнѣ. И хотя нѣтъ почти сомнѣнія, что онъ причастился Св. Тайнъ за нѣсколько дней до своей смерти, однако Графъ Монтолонъ получилъ непосредственное приказаніе вести въ совершенной тайнѣ всѣ приготовленія къ этому торжеству, а священнику было дано наставленіе — на всѣ вопросы отвѣчать, что онъ дѣйствовалъ по приказанію Графа Монтолона, и не знаетъ, желалъ ли того Императоръ. Кажется, Наполеонъ искалъ утѣшеній религіи, но не хотѣлъ въ томъ сознаться: онъ зналъ что многіе на Св. Еленѣ, и еще болѣе во Франціи, назвали бы это слабостью.

Вотъ, кстати, нѣсколько другихъ чертъ Наполеона, приводимыя Талейраномъ, но дипломатъ воспользовался, кажется, случаемъ покадить и себѣ: «Наполеонъ производилъ много, болѣе всякаго человѣка котораго я когда-либо зналъ. Геній его былъ непостижимъ. Ничто не могло сравниться съ его энергіей, воображеніемъ, умомъ, склонностью къ труду, легкостью съ которою онъ творилъ. У него была и проницательность. Въ дѣлѣ сужденія онъ былъ не такъ силенъ; впрочемъ когда давалъ себѣ время, онъ умѣлъ пользоваться сужденіями *другихъ*. Онъ понималъ высокое, но не имѣлъ чувства изящнаго».

Трагикомическое впечатлѣніе производитъ разсказъ Лорда Голланда о томъ, когда несчастный король Испанскій, Карлъ IV, разговаривая съ авторомъ Воспоминаній, увѣряетъ, что онъ умнѣе Наполеона, потому что Императоръ пишетъ по-Французски не такъ правильно какъ онъ!

—

Digitized by Google

Желѣзныя дороги, какъ стратегическое средство, и военное употребленіе ихъ въ Германіи въ 1850 году.

Не мало уже было говорено о важности желѣзныхъ дорогъ для военныхъ дѣйствій. Но опыты, произведенные въ самое недавнее время, имѣютъ такое высокое значеніе, что мы, конечно, оправдаемся этимъ передъ читателями въ томъ, возвращаясь къ этому предмету: въ практической жизни очень много такихъ истинъ, которыя нужно повторять до того, пока большинство не начнетъ разсматривать ихъ съ тѣмъ вниманіемъ и уваженіемъ, какихъ онѣ заслуживаютъ.

Что желѣзныя дороги должны имѣть большое вліяніе на способы веденія войны, это еще при самомъ ихъ началѣ невольно приходило на мысль даже людямъ несвѣдущимъ по этой части. Но, какъ и всегда въ дѣлѣ новыхъ изобрѣтеній, общественное мнѣніе въ сужденіи своемъ то заходило слишкомъ далеко, то оставалось въ слишкомъ тѣсныхъ предѣлахъ. Люди знающіе приняли на себя трудъ поосновательнѣе наставить въ этомъ отношеніи по крайней мѣрѣ военныхъ читателей, но умы Германіи (рѣчь въ особенности о ней) такъ были притуплены грезою о вѣчномъ мирѣ, что дѣльныхъ словъ слушали весьма немногіе. Отворились широко врата Янусова храма, проснулись мечтатели, и не одному изъ нихъ пришлось по-неволѣ остановить вниманіе на вопросѣ, до этого возбуждавшемъ слишкомъ мало сочувствія.... И большая часть повинилась въ своей недальновидности...

Съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ желѣзныя дороги, ихъ многоразлично употребляли для перевозки войскъ и военныхъ снарядовъ и тяжестей, но никогда еще въ тѣхъ размѣрахъ и такъ постоянно, какъ въ прошломъ году. Можно бъ было подумать, что практика этого дѣла доведена до совершенства, потому что на разныхъ отдѣльныхъ дорогахъ были произведены такія дѣйствія, которыя превзошли всякое ожиданіе; но мы все-таки думаемъ, что вообще еще недостаточно пріучились смотрѣть на желѣзныя дороги, какъ на дѣйствительныя военныя операціонныя линіи, какими онѣ однакожъ уже сдѣлались, и какими непремѣнно считаться должны.

Отъ хорошей операціонной линіи требуется, чтобы она доставляла большимъ отрядамъ войскъ, дивизіямъ и корпусамъ, гдѣ бываютъ соединены всѣ роды оружія, возможность нераздѣльно приближаться къ настоящему полю военныхъ дѣйствій. На обыкновенной большой дорогѣ это, по видимому, не представляетъ никакихъ затрудненій. Но когда нужно, чтобъ большая часть войска

Digitized by Google

проводила ночи не подъ открытымъ небомъ, случается, что дивизія съ своими орудіями, парками, и проч., которой предстоитъ переходъ миль въ 30 и болѣе по одной и той же дорогѣ, растягивается на столько, что самыя задніе отдѣленія вынуждены сдѣлать усиленный дневной переходъ, прежде нежели примкнутъ къ передовымъ частямъ. И это — естественное слѣдствіе трудности находить помѣщеніе для ночлега, ибо не всегда есть на дорогѣ большой городъ, который бы могъ принять соединенное цѣлое въ свои стѣны и въ близлежащія селенія, — или не всегда можно употребить этотъ городъ. Параллельныхъ же дорогъ для отдѣльныхъ частей нельзя найдти на большомъ протяженіи, или такія дороги рѣдко бываютъ одна отъ другой въ нужномъ разстояніи.

При переходахъ на самомъ полѣ дѣйствій, по необходимости конечно, уже совсѣмъ опускается изъ вида удобство войскъ и пощада жителямъ. Тутъ уже идутъ въ боевомъ порядкѣ; ѣдятъ, пьютъ и спятъ — гдѣ и какъ случится; въ этихъ переходахъ не можетъ быть рѣчи о желѣзныхъ дорогахъ, и мы имѣемъ въ виду только предварительное движеніе войскъ, и въ особенности цѣлыхъ дивизій — послѣднее потому, что дивизіи образуютъ собою большія стратегическія единицы арміи: согласно съ опытомъ принято, что дивизія, при искусномъ ея употребленіи, можетъ цѣлый день противиться даже гораздо-сильнѣйшему непріятелю, прежде нежели будетъ совершенно осилена, или — какъ говорится обыкновенно — уничтожена.

Это обстоятельство при всѣхъ стратегическихъ соображеніяхъ такъ важно, что нельзя не желать, чтобы на большихъ желѣзныхъ дорогахъ были приняты мѣры, при помощи которыхъ можно-бъ было: дивизіи, за исключеніемъ парковъ и конницы, перевозить по желѣзной дорогѣ въ одинъ день за 25 и 30 миль. Чтобы здѣсь же предупредить возраженіе, что «дивизія, отдѣленная отъ принадлежащей къ ней конницы, легко можетъ придти въ затрудненіе передъ непріятелемъ», мы позволимъ себѣ замѣтить, что расположеніе, предназначаемое конницѣ, которая придается всякому большому отряду, должно быть измѣнено напередъ, какъ только представится необходимость въ большомъ размѣрѣ воспользоваться выгодами желѣзныхъ дорогъ. И съ этой точки зрѣнія конечно можно сказать, что желѣзныя дороги должны имѣть послѣдствіемъ перемѣну и въ тактикѣ и въ стратегіи. Эта перемѣна, не говоря о большемъ просторѣ для дѣйствій пѣхоты, проявится прежде всего въ томъ, что еще до начала боя будутъ посылать впередъ конницу съ ея артиллеріей, отчего опять-таки могутъ произойдти многоразличныя выгоды. Конница, быть

можетъ дойдетъ черезъ это опять до такой самостоятельности въ дѣйствіи, въ какой въ новѣйшее время повидимому совсѣмъ хотѣли отказать ей; но говорить обстоятельнѣе объ этомъ здѣсь — не наше дѣло. Люди искусства поймутъ насъ, а для читателей невоенныхъ наши тактическія соображенія были бы не занимательны.

На сколько дошло до нашего свѣдѣнія изъ разныхъ газетъ, мы знаемъ, что число войскъ, перевозимыхъ въ теченіе одного дня по желѣзной дорогѣ, простиралось въ Пруссіи и Баваріи отъ 6 до 8 т. человѣкъ, въ Австріи отъ 8 до 10 т. Такія, оказываемыя желѣзными дорогами, пособія, заслуживаютъ уже всякаго вниманія. Но онѣ все еще слишкомъ мало соотвѣтствуютъ стратегическимъ требованіямъ, потому что до сихъ поръ желѣзными дорогами пользовались только, какъ средствомъ къ скорой перевозкѣ войскъ, вообще, не обращая ихъ въ то же время и въ операціонныя линіи, что не остается безъ вліянія на самый способъ перевозки войскъ и другія расположенія.

Донынѣ высшія военныя начальства Германіи вездѣ довольствовались, какъ кажется, тѣмъ, что извѣщали управленія желѣзныхъ дорогъ о томъ, сколько тысячъ человѣкъ, сколько лошадей, орудій и повозокъ нужно перевезть на такое то разстояніе, и быть можетъ, не мудрено было довольно точно узнать, во сколько дней такая то масса войска прибудетъ на такое то мѣсто. Но по ходу дѣло необходимо, чтобъ и генеральный штабъ принималъ ближайшее участіе въ распоряженіяхъ о перевозкѣ войскъ, для того, чтобъ было обращаемо надлежащее вниманіе и на организмъ и ближайшее тактическое назначеніе отдѣльныхъ частей войска.

Если остановиться сперва на однихъ техническихъ распоряженіяхъ на желѣзныхъ дорогахъ, ясно, что первый и главный вопросъ — о добытіи и приготовленіи потребныхъ средствъ къ перевозу. Подъ бригаду пѣхоты въ 5 или 6000 человѣкъ съ верховыми лошадьми офицеровъ и нѣсколькими муниціонными повозками нужно отъ 10 до 12 простыхъ, или половину столько двойныхъ поѣздовъ. Такое количество поѣздовъ не представитъ никакихъ затрудненій ни на одной изъ большихъ желѣзныхъ дорогъ Германіи, да и всей Европы, но тѣ же дороги не соотвѣтствовали бы и въ половину, отряду вдвое большему, потому что такому отряду — дивизіи — во всякомъ случаѣ придается по крайней мѣрѣ три пѣшія баттареи, которыя однѣ требуютъ отъ 4 до 5 поѣздовъ. При томъ благопріятномъ обстоятельствѣ, что по всей Германіи, за исключеніемъ одного Бадена, всѣ желѣзныя дороги имѣютъ рельсы одинакой ширины, и слѣдовательно, средства къ перевозу, какія есть, можно употреблять

на каждой дорогѣ, до сихъ поръ нельзя однакожъ отвратить недостаточности этихъ средствъ на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ дорогахъ. Но какъ скоро будетъ возстановлена соединительная дорога между Ульмомъ и Бамбергомъ, не будетъ недостатка въ средствахъ къ перевозу въ нужномъ случаѣ и 12,000 человѣкъ пѣхоты съ 3 баттареями и ихъ тяжестями и лошадьми — въ одинъ день изъ Аугсбурга до Бамберга или Гофа. Большаго можно бы было требовать только при двойныхъ рельсахъ; покуда же и этотъ результатъ уже чрезвычайно важенъ: нужно ли прибавлять, что онъ въ особенности важенъ именно въ Германіи и для Германскаго *Союза*?..

Изъ Бразиліи.

(Отрывокъ изъ письма Нѣмецкаго путешественника).

Рio-Жанайро, 24 Октября 1850 года.... Если я довольно уже давно не писалъ ничего о здѣшнихъ политическихъ дѣлахъ, вините не одно мое отсутствіе отсюда, а болѣе то, что мнѣ въ высокой степени были противны дѣйствія и происки партій, изъ которыхъ (если исключите немногія отдѣльныя лица) рѣшительно ни одна не думаетъ о благѣ страны, и для которыхъ все дѣло въ томъ, чтобъ забрать въ свои руки кормило правленія, и какъ можно больше пользоваться вещественными выгодами, соединенными съ важными мѣстами въ государствѣ—при неизмѣнной вѣрности правилу: куй желѣзо, пока горячо. Опытъ слишкомъ ясно показалъ, какъ мало всѣ различныя партіи, послѣ отреченія перваго Императора завладѣвшія портфѣлями министерствъ, во все это продолжительное время дѣйствовали въ пользу истиннаго развитія страны. Упорство въ столь страшной для будущности Бразиліи мѣрѣ — введеніи Негровъ-невольниковъ, пренебреженіе единственнымъ дѣйствительнымъ противъ этого средствомъ—учрежденіемъ колоній изъ неимущихъ бѣлыхъ; ежегодное огромное приращеніе государственныхъ долговъ, несмотря на страшное умноженіе податей, отягощеній и притѣсненій всякаго рода торговлѣ и мореплаванію посредствомъ высокихъ пошлинъ, посредствомъ установленій, соединенныхъ со множествомъ нелѣпыхъ, только отнимающихъ время, формальностей; введеніе клейма; собираніе денегъ за проѣздъ по дорогамъ; плохая, удобная для подкуповъ юстиція, исполненныя величайшихъ недостатковъ почтовыя и полицейскія учрежденія—вотъ основныя черты, которыя и донынѣ, какъ какая-нибудь красная нить, тянутся черезъ всѣ фазы, черезъ всѣ положенія, какія проходила Бразилія. Юный монархъ, хотя и нельзя отказать

Digitized by Google

ему въ благонамѣренности, личной образованности и многосторонних познаніяхъ, не имѣетъ однакожъ достаточной энергіи, чтобы дѣятельно и съ достаточною силою вступиться въ положеніе дѣлъ, и, подобію соименнику своему, Петру Великому, преобразовать весь бытъ государства.

Имѣя передъ глазами такую непріятную картину, я не сталъ бы и писать, еслибъ дѣло не шло о томъ, чтобы предохранить быть можетъ, сотни моихъ соотечественниковъ отъ вѣрной гибели, неминуемо ожидающей въ здѣшнемъ краю всѣхъ тѣхъ, кому вздумается послушаться приглашеній вступить въ Бразильскую военную службу. Изнѣженный житель Бразиліи ни мало не понимаетъ той жажды дѣятельности, которая побуждаетъ многія молодыя благородныя, сильныя натуры искать службы въ чужеземныхъ войскахъ; онъ смотритъ на это только съ самой матеріальной стороны, и съ презрѣніемъ поглядываетъ на тѣхъ людей, которые, по его выраженію, продаютъ свою кровь за деньги. И этотъ образъ мыслей раздѣляетъ съ нимъ самый жалкій Негръ: всѣмъ извѣстно, что Негры называли находившихся въ двадцатыхъ годахъ въ здѣшней службѣ иностранныхъ солдатъ *бѣлыми невольниками*. Ближайшій поводъ къ непрерывающимся приглашеніямъ въ Бразильскую военную службу заключается въ отношеніяхъ между Бразиліею и Буэносъ-Айресомъ, которыя такъ запутались и приняли такой серьёзный характеръ, что генералъ Гвидо, посланникъ Диктатора при здѣшнемъ дворѣ, потребовалъ паспортовъ, и получилъ ихъ, и уже оставилъ столицу. Легко можетъ въ короткое время открыться война между двумя державами, чего Розасу повидимому гораздо больше хочется, нежели Бразиліи, правительство которой съ величайшимъ трудомъ выставляетъ и то число войска, какое, тому нѣсколько лѣтъ, назначено палатами и на мирное время, потому что здѣсь, какъ извѣстно, нѣтъ конскрипціи, и армія пополняется только волонтерами и людьми, находящимися въ тѣсныхъ обстоятельствахъ. При трудности достигнуть желаемыхъ цѣлей съ такою системой, и когда война у дверей, палаты нынѣшняго года, безъ большой оппозиціи, предоставили правительству полномочіе завербовать 4,000 иностранцевъ, съ присовокупленіемъ однакожъ, что они могутъ быть употреблены только на границахъ. Чтобы, такъ сказать, позолотить пилюлю, было опредѣлено, что тѣмъ, которые завербуются, будутъ, по истеченіи времени ихъ службы (продолжающейся года четыре) выдѣлены земли. Что Бразильское правительство, въ самомъ дѣлѣ, хочетъ воспользоваться этимъ полномочіемъ, это доказывается отъѣздомъ въ Европу назна-

Digitized by Google

чешаго для того коммиссара, Себастіана-да-Рего-Барросъ, человѣка достойнаго всякаго уваженія и образованнаго, который съ 1837 по 1839 г. былъ военнымъ министромъ; а куда же обратиться ему, какъ не въ Германію, или, можетъ быть, въ Швейцарію?

Нужно ли приводить на память печальный жребій прежнихъ, находившихся въ Бразильской службѣ, иностранныхъ войскъ, которыя, на бо́льшую половину истребленныя, и не столько непріятельскимъ оружіемъ, сколько отъ плохаго, небрежнаго содержанія (часто ихъ даже обкрадывали на ихъ скудное жалованье), были доведены до того, что съ отчаянія бунтовались! Въ походѣ противъ Буэносъ-Айреса положеніе ихъ было нерѣдко таково, что многіе прибѣгали къ самоубійству. И много разъ, проливъ кровь за Бразилію, и перенеся труды и изнуренія, о какихъ въ образованныхъ земляхъ не имѣютъ и понятія, всѣ иностранныя войска съ ихъ офицерами въ 1830 году, въ противность договору, были уволены, и ни правительство, ни Императоръ, нисколько не позаботились о дальнѣйшей ихъ судьбѣ. Я знаю прежнихъ офицеровъ, которымъ правительство и теперь еще не уплатило вознагражденія за проѣздъ изъ Европы, обезпеченнаго имъ по договору. Нужно ли еще приводить судьбу столькихъ молодыхъ людей, и въ томъ числѣ принадлежавшихъ къ лучшимъ фамиліямъ Германіи, которые, прельщенные обѣщаніями Бразильскихъ вербовщиковъ, въ надеждѣ, что имъ откроется здѣсь блистательное поприще, навсегда отказались отъ отчизны, сдѣлались жертвами жестокаго обмана, нерѣдко кончивъ жизнь самоубійствомъ, въ госпиталѣ, или въ домѣ умалишенныхъ? Я зналъ не одного такого несчастнаго, который послѣ радъ былъ добывать себѣ скудное пропитаніе въ должности школьнаго учителя при какой-нибудь плантаціи, или въ зрѣлыхъ уже лѣтахъ выучиться какому-нибудь ремеслу. Недавно случилось мнѣ сдѣлать подаяніе одному юношѣ, принадлежавшему къ высшему сословію, для возвращенія на родину. Онъ разсказалъ мнѣ о своей грустной судьбѣ, и показывалъ рубцы отъ ранъ, полученныхъ имъ въ Бразильской службѣ: какъ больно было видѣть его преждевременныя бѣлоснѣжныя сѣдины!

Разительный примѣръ того, какъ разумѣютъ въ Бразиліи святость договоровъ, представило въ послѣднее время въ палатахъ дѣло о вознагражденіи, котораго требовалъ маршалъ Браунъ, и его обратномъ принятіи на службу. Этотъ человѣкъ, признанный всѣми за отличнаго офицера, за нѣсколько лѣтъ передъ симъ, оставивъ выгодное мѣсто въ Англіи, въ силу торжественнаго договора вступилъ въ Бразильскую службу, и оказалъ Бразиліи услуги, за кото-

Digitized by Google

рыя во всякой другой странѣ онъ былъ бы щедро награжденъ; но ни эти заслуги, ни неизъяснимая польза, какую получила бы здѣшняя военная служба отъ дальнѣйшаго его участія въ ней, не защитили его отъ увольненія, совершенно противнаго договору. Теперь семидесятилѣтній старецъ уже два года отыскаетъ свои права, и просится въ службу; онъ еще необыкновенно бодръ и крѣпокъ; однакожъ, не смотря на то, что само правительство и большинство голосовъ Палаты Сенаторовъ расположены за него, въ Палатѣ Депутатовъ выразилась такая ненависть къ *иностранцу*, что его требованія остались тщетными.

...Теперь только пришло мнѣ на мысль, что для читателя могутъ быть интересны нѣкоторыя свѣдѣнія о желтой лихорадкѣ. Но довольно, я думаю, сказать, что по статьѣ доктора Черновича, одного изъ отличнѣйшихъ здѣшнихъ врачей, должно заключить, что полвившіяся въ Европейскихъ газетахъ извѣстія о смертности, причиняемой между нами этою эпидеміей, чрезвычайно-преувеличены: желтая лихорадка совершенно прекратилась.

—

О ТУЗЕМНОМЪ НАРОДОНАСЕЛЕНІИ МЕКСИКИ.

Всѣ коренные туземные обитатели Америки, отъ Канады до Араукансихъ горъ, имѣютъ, несмотря на различіе образа жизни, нравовъ и нарѣчій, одинъ общій типъ. Цвѣтъ ихъ кожи—темный, подходящій къ красному, самая кожа—мягка и атласиста: она очень толста, и только у молодыхъ женщинъ едва замѣтна краска на щекахъ. Волосы очень густы и блестящаго чернаго цвѣта, лобъ плоской и не выдающійся впередъ. Бѣлокъ глазъ — нѣсколько желтоватъ, что придаетъ имъ особенное выраженіе дикости. Губы толсты, хотя не столько какъ у Африканцевъ. Волосы на бородѣ и губахъ очень рѣдки; шея большею частью толста и коротка.

Утверждаютъ, будто младенцы Индійцевъ родятся бѣлыми и темнѣютъ отъ климата, но это не основательно. Индійцы при рожденіи имѣютъ красноватую кожу, хотя и не столь темнаго цвѣта, какъ у взрослыхъ; ладони и подошвы бѣлаго цвѣта у всѣхъ Индійцевъ, какъ у дѣтей, такъ и у взрослыхъ. Вообще выраженіе лица у Индійцевъ мрачно, сурово, и обнаруживаетъ недовѣрчивость; красота, по понятіямъ Европейцевъ, встрѣчается между ними рѣдко, и то только между дѣтьми и женщинами.

Почти всѣ Индійцы сохраняютъ свои волосы и въ самой глубокой старости; сѣдѣютъ они мало, а лысыхъ между ними удается

Digitized by Google

встрѣтить очень рѣдко. Малочувствительные къ физической боли, Индійцы удивительно-скоро выздаравливаютъ послѣ всякихъ ранъ и ушибовъ — даже такихъ, которые бы и самаго сильнаго Европейца свели въ могилу. Нервная система ихъ мало раздражительна: хотя они и очень пристрастны къ крѣпкимъ напиткамъ, однако у нихъ никогда не бываетъ delirium tremens, и они безвредно выпиваютъ такое количество спирта, какого не вынесетъ ни одинъ Европеецъ.

Что касается до умственныхъ способностей Индійцевъ, онѣ у нихъ развиты мало, и едва ли способны достигнуть той степени развитія, какой достигаютъ у народовъ Кавказскаго племени; они довольно понятливы, любятъ перенимать, прилежны и терпѣливы, и не лишены практическаго смысла; но все идеальное, выступающее изъ круга явленій вещественнаго міра, для нихъ едва доступно, и они совершенно неспособны къ поэзіи.

Характеръ Индійцевъ важенъ и суровъ; они недовѣрчивы не только къ лицамъ другаго племени, но и между собою; даже съ близкими — они удивительно-осторожны и недовѣрчивы въ обращеніи.

Встрѣча ихъ съ родными и знакомыми сопровождается множествомъ церемонныхъ заученыхъ фразъ о здоровьи, которыя съ обѣихъ сторонъ произносятся медленно, важно, и безъ всякаго участія. Смотря со стороны, вы подумаете, что они сообщаютъ другъ другу самыя печальныя вѣсти. Изъявляя свое желаніе, Индіецъ никогда не станетъ прямо говорить о немъ, а начинаетъ разговоръ издалека, и мало-по-малу переходитъ къ предмету своего желанія. Обыкновенно, если въ комъ-либо имѣетъ нужду, Индіецъ сначала посылаетъ своего близкаго знакомаго или родственника вывѣдать расположеніе того лица, и всегда съ подаркомъ: или бутылкой рома, или жирной домашней птицей. Вступая въ сношенія или переговоры, какъ съ Европейцами, такъ и съ своими соотечественниками другаго племени, Индійцы обыкновенно отправляютъ нѣсколько пословъ, какъ бы не рѣшаясь довѣриться одному, и каждый изъ пословъ несетъ съ собою гостинецъ. Обыкновенно одинъ изъ нихъ говоритъ рѣчь о предметѣ посольства, а прочіе отъ времени до времени наклоненіемъ головы показываютъ, что слова говорящаго имъ не противны. Нерѣдко они прибѣгаютъ къ разнымъ хитростямъ, и мысли свои излагаютъ такъ двусмысленно, что не мало нужно тонкости на то, чтобы понять настоящій смыслъ ихъ рѣчей. Пристрастные къ крѣпкимъ напиткамъ, Индійцы любятъ, чтобы ихъ подчивали ромомъ, однако и вино не дѣлаетъ ихъ общительнѣе или разговорчивѣе обыкновеннаго.

Digitized by Google

Самый языкъ Индійцевъ, по мнѣнію знатоковъ, содержитъ множество словъ и выраженій, имѣющихъ смыслъ двойной. Священники, хорошо знающіе Азтекскій языкъ, утверждаютъ, что иногда на исповѣди не понимаютъ своихъ духовныхъ чадъ. Индіецъ не рѣшится сказать незнакомому человѣку свое настоящее имя; всѣ разспросы, дѣлаемые Индійцамъ о ихъ народѣ и странѣ — трудъ потерянный; если они и станутъ говорить, такъ не съ тѣмъ, чтобъ сказать правду. Въ торговыхъ и другихъ сдѣлкахъ они крайне-недовѣрчивы и осторожны; во всемъ боятся обмана, хотя и сами готовы обмануть при первомъ удобномъ случаѣ. Теперь эта суровость и недовѣрчивость много смягчена вліяніемъ христіанской вѣры и трехвѣковаго господства Испанцевъ; но сначала эти свойства дѣлали Индійца лютымъ и кровожаднымъ; недовѣрчивость его была похожа на инстинктъ звѣря, который боится другаго звѣря. Теперь Индійцы, особенно по городамъ, составляютъ народонаселеніе самое мирное и терпѣливое. Хотя въ Мексиканскомъ государствѣ Индійцы составляютъ ⅝ всего народонаселенія, однако они вовсе не страшны для другихъ племенъ, и никогда не могутъ взять надъ ними верхъ. Между различными племенами Индійцевъ нѣтъ никакого единодушія, никакого сознанія объ общемъ происхожденіи, и почти никакихъ общихъ историческихъ преданій. Они разобщены взаимно уже и тѣмъ, что говорятъ разными языками: Азтекъ не понимаетъ Отомита, Майа — Миго, Тарраскъ — Токонака, и т. д. Это-то дробленіе на многочисленныя малыя племена, чуждыя другъ другу, а нерѣдко, къ тому еще ненавистныя и враждебныя, облегчило Азтекамъ основаніе ихъ могущественнаго государства, и приготовило легкое торжество надъ нимъ Кортецу и небольшой горсти его сподвижниковъ. Нынѣ же Мексиканскіе Индійцы не имѣютъ и повода къ возстанію противъ другихъ народовъ; они сравнены правами съ жителями другаго цвѣта кожи, и потому господство Испанскаго народонаселенія для нихъ нисколько не тягостно. Но различіе племенъ между Индійцами такъ замѣтно, и вражда, которую одно питаетъ къ другому такъ велика, что когда одно изъ нихъ задумываетъ взяться за оружіе, оно непремѣнно находитъ себѣ вѣрнаго врага въ ближайшемъ по сосѣдству племени. Образованнѣйшими изъ Индійцевъ можно почитать живущихъ между 18° и 20° сѣв. широты, въ древнемъ Анагуакѣ.

Изъ достовѣрной исторіи Мексиканскаго государства до прибытія Европейцевъ извѣстно только то, что здѣсь жили земледѣльческія племена въ постоянныхъ жилищахъ, занимавшіяся воз-

Digitized by Google

дѣланіемъ кукурузы, агаве, хлопчатой бумаги и индиго. Кочующій народъ Ацтековъ, послѣ долгихъ странствованій, въ XII вѣкѣ прибылъ съ сѣвера, основалъ Теночтитланъ, и мало-по-малу при благопріятныхъ обстоятельствахъ сдѣлался господствующимъ въ Анагуакѣ. И донынѣ почти всѣ туземные жители Мексики — земледѣльцы и садовники; они живутъ отчасти въ деревняхъ, образуя общины, отчасти по городамъ, гдѣ занимаютъ особые кварталы. Въ деревняхъ, населенныхъ исключительно Индійцами, есть семейства, древностью происхожденія или какими-либо заслугами пріобрѣтшія право на особенное уваженіе своихъ земляковъ; эта мѣстная аристократія управляетъ обыкновенно всѣми дѣлами той общины, гдѣ имѣетъ свое мѣстопребываніе. Всѣ Индійцы — христіане католическаго вѣроисповѣданія: и въ деревняхъ нерѣдко встрѣчаете священника изъ туземцевъ. Жители большихъ селеній на общественный счетъ обучаютъ нѣсколько молодыхъ людей богословію, чтобы имѣть священниковъ изъ своихъ соотечественниковъ. Индійцы доселѣ пользуются правами новообращенныхъ; церковныя постановленія для нихъ снисходительнѣе, чѣмъ для остальнаго народонаселенія: такъ они платятъ меньшія повинности, и могутъ заниматься полевыми работами во многіе праздничные дни. За то они обязаны давать своему приходскому священнику работника и работницу, и человѣка для посылокъ. Индійская община обработываетъ свое поле сообща, и до сихъ поръ ни одна не раздѣляетъ его на особые участки, что̀ очень вредитъ успѣхамъ земледѣлія. Доходъ, полученный съ земли, употребляется на общественныя нужды.

Одежда Индійцевъ очень проста, и безъ всякихъ измѣненій переходитъ изъ рода въ родъ. Мужчины носятъ широкое, доходящее до колѣнъ, исподнее платье изъ оленьей кожи, или изъ толстой хлопчатобумажной ткани; на туловище они надѣваютъ родъ длиннаго камзола съ рукавами, который подпоясывается по стану; сандаліи на ногахъ, соломенная шляпа на головѣ—дополняютъ всегдашній, и будничный и праздничный, нарядъ Индійца. Нѣкоторыя племена вовсе не носятъ обуви. Надѣть сапоги — для Индійца пытка; также не способенъ онъ ѣздить верхомъ на лошади, и предпочитаетъ осла или мула. Грубой шерстяной коверъ, одноцвѣтный или полосатый, сопровождаетъ Индійца во всѣ его странствованія: днемъ служитъ ему защитою отъ непогоды и дождя, а ночью — единственнымъ покрываломъ.

Главное одѣяніе женщинъ заключается въ мѣшкѣ, доходящемъ до ногъ и перехватывающимся у таліи. Сверху набрасывается родъ

Digitized by Google

мантильи съ прорѣзками для рукъ, но безъ рукавовъ. По большей части эта одежда шерстяная, и нерѣдко очень пестрыхъ цвѣтовъ; у иныхъ племенъ дѣвушки одѣваются совсѣмъ въ бѣлое. Какъ ни некрасивъ кажется этотъ костюмъ въ описаніи, онъ очень живописенъ на дѣлѣ, на молодыхъ дѣвушкахъ; формы ихъ, напоминающія античныя статуи, къ которымъ подходятъ и самымъ цвѣтомъ, обрисовываются очень отчетливо; руки обнажены до самыхъ плечъ, а въ черные какъ смоль волосы вплетаются красивые цвѣты; черные глаза горятъ огнемъ юга, а каждая улыбка открываетъ два ряда ослѣпительной бѣлизны зубовъ. Между этими дѣвушками, хотя и рѣдко, встрѣчаются красавицы; часто женщина у Индійцевъ, какъ и у всѣхъ грубыхъ племенъ, находится въ униженіи и рабствѣ, и отправляетъ самыя тягостныя и низкія работы.

Жилище Индійца такъ же просто, какъ и его одежда. Въ мѣстахъ теплыхъ, обильныхъ лѣсомъ, Индіецъ строитъ хижину изъ неотесанныхъ бревенъ, воткнутыхъ въ землю одно подлѣ другаго; промежутки наполняются вьющимися растеніями и мхами. Крышу дѣлаютъ изъ соломы или пальмовыхъ листьевъ. Изнутри стѣны покрываются бамбуковыми досками, такъ плохо пригнатыми одна къ другой, что свѣтъ и воздухъ свободно проникаютъ внутрь. Обыкновенно, съ одной стороны кровля выдается въ видѣ навѣса, опирающагося на столбы; тутъ входъ. Большею частью хижина имѣетъ 25 футовъ длины, и 15 ширины; внутри перегородокъ не бываетъ никакихъ, но нерѣдко пристроена небольшая хижина, которая въ такомъ случаѣ служитъ кухнею. Въ болѣе холодныхъ, горныхъ странахъ хижина складывается изъ необожженнаго кирпича, а сверху покрывается глиняною, конической формы, кровлею. Мѣстами строятся изъ тесанныхъ камней, но безъ извести.

Посерединѣ хижины горитъ почти безпрерывно, и днемъ и ночью, огонь: это семейный очагъ; подлѣ него обыкновенно два большихъ камня, посредствомъ которыхъ кукуруза стирается въ муку, и глиняное блюдо, на которомъ пекутъ изъ нея хлѣбъ. Нѣсколько глиняныхъ, немуравленыхъ горшковъ и блюдъ, большая кружка для воды, нѣсколько сосудовъ изъ тыквы составляютъ все хозяйство Индійца; въ углу на полкѣ стоитъ нѣсколько сдѣланныхъ изъ дерева изображеній святыхъ. Ни столовъ ни скамеекъ нѣтъ; рогожки или кучи пальмовыхъ листьевъ служатъ Индійцу и постелью, и стуломъ, и даже савапомъ въ могилѣ. На стѣнѣ хижины висятъ съ одной стороны орудія мужчины: топоръ, сѣти, и т. п., а съ другой—орудія женщины; тѣ и другія немногочисленны и просты до-крайности. Къ своду хижины привѣшено нѣсколько корзи-

Digitized by Google

нокъ изъ пальмовыхъ листьевъ, содержащихъ въ себѣ запасы продовольствія Индійца и его семейства, а именно: соль, бобы, рисъ, яица, хлопчатую бумагу, жиръ, и т. п. Въ серединѣ хижины прикрѣплена къ своду койка, служащая вмѣстѣ и колыбелью для младенцевъ и забавою для молодыхъ людей. Обыкновенно въ хижинѣ съ Индійцомъ живутъ его собаки, свиньи и домашняя птица: послѣдняя заключается большею частью въ курахъ. При такомъ разнообразномъ народонаселеніи хижины легко себѣ представить, какой шумъ и безпорядокъ господствуютъ въ ней, и какая неопрятность вездѣ замѣтна въ ней повсюду. Мужчины обыкновенно нѣсколько понимаютъ и говорятъ по-Испански, а женщины и дѣти знаютъ только туземный языкъ. Главное произведеніе земли, воздѣлываемое Индійцами, кукуруза; они производятъ ея столько, сколько нужно для прокормленія ихъ семейства отъ жатвы до жатвы; кромѣ того для своего же употребленія они разводятъ бобы, тыкву, Испанскій перецъ, томатесъ (physalis и solanum), пататы и хлопчатникъ. Единственные предметы продажи у Индійца — свиньи и куры; онъ ежегодно продаетъ ихъ настолько, чтобъ заплатить общественныя повинности и слѣдующее священнику. Около хижинъ Индійцы въ большомъ количествѣ разводятъ фруктовыя деревья. Вообще Индіецъ, еслибъ захотѣлъ трудиться постоянно, могъ бы жить въ большомъ довольствѣ и изобиліи, но пезпёчность и лѣнь мѣшаютъ этому. Лишнія деньги Индіецъ или пропиваетъ или зарываетъ въ землю. Участь женщинъ въ этомъ народѣ вообще не завидна; вставъ утромъ въ 4 часа, женщины разводятъ огонь и приготовляютъ утреннюю похлебку изъ кукурузы. Мужчины въ это время продолжаютъ спать, и, поднявшись съ тѣмъ, чтобы выпить похлебку, опять ложатся, а женщины между тѣмъ мелютъ кукурузу для хлѣба. Такъ проходитъ и весь день; женщины приносятъ воду и дрова, ходятъ за дѣтьми, три раза впродолженіе дня приготовляютъ пищу, прядутъ бумагу и ткутъ все нужное для одежды на все семейство. Шитье платья, окрашиванье его и мытье лежитъ на нихъ же. По воскресеньямъ женщины же ходятъ продавать на рынокъ плоды, и глиняную посуду — собственнаго же издѣлія. Когда онѣ отправляются туда съ мужьями, то на обратномъ пути имъ нерѣдко приходится вести и поддерживать пьяныхъ мужей; если же который упадетъ совсѣмъ, жена его терпѣливо сидитъ надъ нимъ, и ждетъ, чтобы онъ пришелъ въ себя.

Дѣти Индійцевъ не отличаются крѣпостью здоровья; образъ жизни, равнообразная пища, употребляемая безъ разбора, совершенное отсутствіе заботливости о ихъ времяпрепровожденіи (дѣти

Digitized by Google

нерѣдко отъ-нечего-дѣлать ѣдятъ известь и землю) бываютъ причиною того, что изъ множества новорожденныхъ дѣтей немногія достигаютъ пятилѣтняго возраста. Это обстоятельство, преждевременные браки, наслѣдственныя болѣзни и неумѣренное употребленіе крѣпкихъ напитковъ—все вмѣстѣ приводитъ къ тому результату, что приращеніе въ Индійскомъ народонаселеніи почти незамѣтно, а заразительныя и повальныя болѣзни, оспа, холера и желтая горячка, производятъ между ними невознаградимыя потери.

Индійцы не довѣряютъ Европейскимъ врачамъ, и въ каждой деревнѣ ихъ есть по нѣскольку старыхъ женщинъ, занимающихся леченіемъ; онѣ знаютъ цѣлебныя свойства нѣкоторыхъ травъ, трутъ и намазываютъ больныхъ разными маслами, но чаще прибѣгаютъ къ суевѣрнымъ и безсмысленымъ средствамъ, напримѣръ, больному лихорадкою кладутъ на ноги чернаго пѣтуха; въ случаѣ желудочныхъ болей, которымъ Индійцы особенно подвержены, больному кладутъ на животъ курицу, но еще чаще лекарка беретъ поставить больному желудокъ на прежнее мѣсто, которое онъ будто бы оставилъ. Это леченіе—одно изъ самыхъ мучительныхъ: лекарка бьетъ по животу со всѣхъ силъ, третъ его, и, наконецъ, поставивъ будто бы желудокъ на прежнее мѣсто, туго стягиваетъ животъ пацієнта широкою повязкою, для того, утверждаетъ она, чтобы желудокъ опять не перемѣнилъ своего мѣста. Однимъ изъ главныхъ и самыхъ полезныхъ средствъ леченія служитъ темаскале, т. е. паровая баня; она устроивается самымъ простымъ образомъ. Весьма полезная послѣ полевыхъ трудовъ и для опрятности и чистоты, баня у Индійцевъ безъ разбора считается средствомъ отъ всѣхъ болѣзней; каждая родильница обязана на третій день послѣ родовъ сходить въ эту баню. Иногда, особенно если свирѣпствуетъ желтая горячка, дѣйствіе бани очевидно гибельно, однако Индійцы не обращаютъ на это вниманія. Притомъ, такъ какъ баня находится не въ самой хижинѣ, а въ нѣкоторомъ отъ нея разстояніи, то Индійцы, при своей легкой одеждѣ, весьма подвержены простудѣ.

Индійцы вѣрятъ вѣдьмамъ и въ насылаемыя ими болѣзни, дурному глазу, испугу маленькихъ дѣтей (причиняемому обыкновенно несвареніємъ желудка). Индіецъ питаетъ суевѣрное уваженіе къ стихійному духу вѣтровъ (Ehecatl), живущему въ водахъ. Если Индіецъ заболѣетъ ревматизмомъ, коликою или какою иною болѣзнью, онъ винитъ въ томъ Егекатля, и старается умилостивить его; на берега воды, которую переходилъ Индіецъ въ послѣдній разъ передъ болѣзнью, друзья его прино-

Digitized by Google

сять не бывшую еще въ употребленіи кружку съ водою, только что испеченый изъ кукурузы хлѣбъ въ новомъ кускѣ сукна, чашку съ похлебкою и шоколатомъ. Имя больнаго произносится трижды въ пустую кружку, она обращается отверстіемъ къ водѣ; это значитъ, что вызывается Егекатль для принятія принесенныхъ ему подарковъ. По той же причинѣ Индіецъ, переходя съ дѣтьми по мосту, смотритъ за ними особенно-внимательно, и если которое изъ нихъ упадетъ, онъ бьетъ палкою по тому мѣсту, боясь, чтобы тѣнь ребенка не осталась здѣсь и не была похищена водяными духами. Вѣрованія Индійцевъ въ русалокъ весьма сходны съ вѣрованіемъ Европейскихъ народовъ о томъ же предметѣ. Индіецъ вѣритъ, что въ глубинѣ рѣки въ томъ мѣстѣ, гдѣ теченіе ея спокойно, и берега осѣнены густыми деревьями, живетъ Атланисана, небольшое красивое существо, въ сумерки выплываетъ на поверхность воды, очаровательно поетъ, и всѣхъ заслушивающихся ея пѣнія увлекаетъ за собою въ пучину. Въ источникахъ рѣкъ живетъ, по мнѣнію Индійцевъ, *отецъ водъ*; по ночамъ онъ ходитъ на берегу, и стережетъ свои стада рыбъ. Въ случаѣ засухи Индійцы обращаются съ мольбами о дождѣ къ *матери водъ*, и приносятъ ей обѣты и жертвы на вершинахъ горъ. У нѣкоторыхъ рѣкъ и источниковъ въ опредѣленные дни приносятъ жертвы, состоящія изъ разныхъ съѣстныхъ припасовъ, и ставятся на берегъ какъ приношеніе водянымъ, чтобы они не лишили покровительствуемыхъ ими рѣкъ и ручьевъ обилія водъ. Вообще Индійцы эти остатки суевѣрій своихъ предковъ содержатъ въ глубокой тайнѣ отъ всѣхъ лицъ, не принадлежащихъ къ ихъ племени, и потому чрезвычайно-трудно собрать обстоятельныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ.

За обѣдомъ Индіецъ не употребляетъ ни ложекъ, ни ножей, ни вилокъ; скатертью служитъ только-что сорванный листъ пизанговаго дерева. Индіецъ беретъ въ каждую руку по ломтику маисоваго хлѣба, и этими ломтиками очищаетъ тарелку съ удивительною быстротою и ловкостью: правою онъ подноситъ ко рту пищу а лѣвою — придерживаетъ ее; съ каждымъ кускомъ пищи онъ съѣдаетъ и часть этой импровизованной ложки. Обѣдъ начинается благословеніемъ, причемъ каждый изъ присутствующихъ креститъ свою тарелку.

Считать для Индійца весьма трудно, и онъ считаетъ не по десяти, какъ Европейцы, а по пяти; такимъ образомъ десятокъ для него есть два раза пять, двадцать — четыре раза пять, сорокъ — два раза двадцать, 60 — три раза 20, 100 — пять разъ двадцать; 200 — 10 разъ 20, и т. д. Уже слово «двадцать» кажется Индійцу весьма боль-

Digitized by Google

шимъ числомъ, ибо оно на его языкѣ еще значитъ: «очень много». Трудность, съ какою Индійцы считаютъ, бываетъ очень вредна имъ въ коммерческихъ сдѣлкахъ.

Всѣ Индійцы живутъ почти одинаково, несмотря на различія состояній; между ними есть хотя не много (вслѣдствіе крайней лѣни, господствующей между этимъ племенемъ) по весьма достаточные; но все, что отличаетъ образъ жизни послѣднихъ отъ самаго бѣднаго Индійца, заключается въ томъ, что хижина нѣсколько просторнѣе, стѣны ея покрыты рогожками; въ углу — больше изображеній святыхъ, нѣсколько глиняныхъ подсвѣчниковъ и большее количество пестрыхъ тарелокъ, горшковъ и блюдъ. Вотъ отличія жилища богатаго Индійца; кромѣ того кухня у него помѣщается не въ самой хижинѣ, а въ пристройкѣ. Впрочемъ все семейство и самаго богатаго Индійца проводитъ ночь на полу, безъ головныхъ подушекъ, которыя замѣнлетъ кусокъ дерева, на простыхъ рогожахъ, безъ всякаго покрывала, кромѣ дневнаго одѣянія.

Пища Индійцевъ состоитъ по большой части изъ произведеній растительнаго царства; они ѣдятъ: кукурузу въ разныхъ видахъ, бобы, тыквы, разныя огородные овощи, отъ коихъ употребляется въ пищу корень растенія, напр. постарнакъ, фитолакъ, кактусъ, пальмовую капусту, и т. п. Плоды они очень любятъ, и потому воздѣлываютъ весьма охотно; рѣдко проходитъ обѣдъ у Индійца, за которымъ бы не было сырыхъ фруктовъ. Вся семья Индійца обѣдаетъ вмѣстѣ на полу; женщины сидятъ подложивъ подъ себя ноги, а мужчины на корточкахъ. На горной равнинѣ, Пулке, вода служитъ Индійцу обыкновеннымъ напиткомъ и во время обѣда и послѣ; впрочемъ Индійцы приготовляютъ и свои собственные крѣпкіе напитки, которые обыкновенно пьютъ по возвращеніи съ работы: въ иныхъ мѣстахъ для этого служитъ сокъ сахарнаго тростника, ананаса и банана; для крѣпости и броженія онъ настаивается корнемъ мимозы. На горной возвышенности Цолонхо приготовляется родъ пива изъ кукурузы и ячменя. Всѣ эти напитки изобилуютъ спиртомъ, и дѣйствуютъ довольно сильно. По праздничнымъ днямъ мужчины собираются вкругъ чана съ домашнею водкою, и черпаютъ изъ него до тѣхъ поръ, пока всѣ не повалятся на мѣстѣ. Нерѣдко и женщины принимаютъ участіе въ этихъ попойкахъ.

Дѣти остаются въ родительской власти, пока не обзаведутся своимъ семействомъ, и большею частью весьма смирны и послушны. Какъ только сынъ женится, онъ строитъ себѣ хижину

Digitized by Google

переходитъ туда, и отецъ уже болѣе о немъ не заботится. Вообще узы родственныя у Индійцевъ не очень крѣпки.

Умственное образованіе Индійцевъ стоитъ на самой низкой ступени, и мѣры, принятыя для его развитія, крайне не удовлетворительны. По закону, каждая Индійская деревня обязана имѣть одно или нѣсколько первоначальныхъ училищъ: но общины для собственныхъ выгодъ стараются нанимать учителей какъ можно дешевле, и нерѣдко избираютъ для того людей, даже не умѣющихъ писать правильно. Обязанность учителя заключается въ томъ, чтобы учить дѣтей читать, писать, и немного ариѳметикѣ. Обыкновенно онъ же и писецъ всей деревни, гдѣ нерѣдко онъ одинъ хоть какъ-нибудь и умѣетъ писать. Прежде всего необходимо было бы образовать хорошихъ элементарныхъ учителей для Индійцевъ, и преимущественно изъ ихъ же племени; въ видѣ опыта правительство Веракруцскаго штата составило проектъ подобнаго заведенія, но онъ остался безъ исполненія, ибо приходы объявили, что они не въ состояніи платить по 50 долларовъ въ мѣсяцъ на содержаніе предполагавшейся школы. Лѣнь Индійца и въ этомъ случаѣ заставляетъ его коснѣть въ совершенной безпечности о своемъ крайнемъ невѣжествѣ.

Главное занятіе Индійцевъ — земледѣліе и садоводство, но и здѣсь они остаются вѣрны пріемамъ своихъ предковъ: какъ тѣ поступали триста лѣтъ тому назадъ, такъ поступаютъ и нынѣшніе Индійцы; только на горныхъ мѣстахъ вошелъ въ употребленіе плугъ. Въ низменныхъ и прибрежныхъ странахъ поля очищаются отъ травъ и кустарника огнемъ, потомъ зерна кукурузы втыкаются въ ямочки, сдѣланныя концомъ палки. По краямъ нивы Индіецъ сажаетъ бобы, тыкву, Испанской перецъ и райскія яблоки. Кукуруза составляетъ для Индійца главную пищу, и жатва этого растенія, происходящая въ Декабрѣ и Январѣ, есть для нихъ истинный праздникъ, въ которомъ принимаютъ участіе и старый и малый. Окончивъ жатву, Индіецъ погружается въ свою обычную лѣнь до слѣдующаго посѣва.

Индійцы не вездѣ владѣютъ обширными полями, ибо Испанцы, при покореніи ихъ, отняли у нихъ земли, и самихъ владѣльцевъ обратили въ невольниковъ; этого избѣгли только племена, не оказывавшія Испанцамъ сопротивленія. Короли Испанскіе мало-по-малу облегчили участь Индійцевъ, и даровали имъ свободу: было предписано закономъ, чтобы тѣмъ деревнямъ Индійскимъ, у коихъ отобрана была земля при завоеваніи, возвратить участокъ поля не менѣе, какъ на 3,600 футовъ въ окружности. Въ мѣс-

Digitized by Google

тахъ, гдѣ этого участка бываетъ недостаточно, Индійцы нанимаютъ землю у сосѣднихъ владѣльцевъ на правахъ фермеровъ, или нанимаются въ работники, получая за обработываніе чужаго поля количество кукурузы, необходимое для прокормленія ихъ семействъ, и извѣстную денежную плату. Вообще положеніе Индійцевъ въ Мексикѣ далеко не тягостно, и не имѣетъ ничего общаго съ состояніемъ Негровъ въ Европейскихъ колоніяхъ въ Америкѣ.

Нѣкоторыя отрасли сельскаго хозяйства, приспособленныя особенно къ климату и почвѣ, исключительно принадлежатъ Индійцамъ, напр. воздѣлываніе ванили и кошениля. Нѣкоторыя полезныя растенія воспитываются также одними только Индійцами, напр., arum esculentum, chenopodium, тигровый цвѣтокъ (по-Индійски: озелошутшиль), ferraria pavonia, котораго жареные плоды вкусомъ весьма походятъ на каштаны, и нѣкоторыя другія растенія.

Индійцы имѣютъ большія способности къ нѣкоторымъ механическимъ искусствамъ и ремесламъ; они дѣлаютъ весьма-удачно изъ воска разныя изображенія плодовъ и другія,—любятъ торжественныя церемоніи всякаго рода. Изъ глины они вылѣпливаютъ посуду на манеръ старинной, находимой въ землѣ, довольно-красивой формы; нерѣдко они обманываютъ путешественниковъ, продавая свои издѣлія за древнія вещи. Кромѣ того Индійцы плетутъ изъ пальмовыхъ листьевъ красивыя корзинки, а изъ растенія агаве — нитки и веревки, покрываютъ лакомъ чашки, сдѣланныя изъ плодовъ кокосоваго дерева, вырѣзываютъ изъ дерева разную домашнюю посуду, и т. п. По берегамъ рѣкъ Индійцы занимаются ловлею рыбы и перевозкою путешественниковъ, а по близости городовъ — промышляютъ продажею дровъ и углей.

Индійцы удивительно способны къ переноскѣ тяжестей, и въ короткое время пробѣгаютъ значительныя разстоянія; ежедневно безъ большой усталости они могутъ сдѣлать отъ пятнадцати до двадцати часовъ пути, и, даже поднимаясь на самую крутую гору, несутъ на себѣ тяжесть отъ 70 до 100 фунтовъ; въ опасныхъ горныхъ проходахъ они переносятъ Европейцевъ на себѣ.

Таково нынѣ состояніе народа, нѣкогда, до прибытія Кортеца, господствовавшаго въ сѣверной Америкѣ. . . .

ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Пословица свидѣтельствуетъ, что бывало въ старину на недѣлѣ семь пятницъ, а въ наше время случились два четверга! 30 N одной изъ нашихъ газетъ вышелъ въ четвергъ 7 Февраля, и въ четвергъ же 8 Февраля появился 31, такъ что, благодаря этой щедрости на четверги, середѣ недостало мѣста. И еслибъ случился наканунѣ дождикъ, то тѣ, коимъ обѣщано что-нибудь послѣ дождика въ четвергъ, получили бъ исполненіе, можетъ быть очень для нихъ пріятное, цѣлымъ днемъ раньше. Знакомые съ ходомъ журнальнаго дѣла, мы видимъ въ этомъ не болѣе какъ одну изъ забавныхъ типографскихъ ошибокъ, какія часто бываютъ и съ нами; но нѣкоторые

Google

люди, имѣющіе привычку сомнѣваться во всемъ, и по этому считающіе себя проницательными, увѣряютъ, что это произошло вотъ отъ чего: въ этой газетѣ часто печатаются статьи о времясчисленіи, а потому годы и дни, Мартовскіе и Сентябрскіе, до того примелькались въ глазахъ наборщиковъ и корректоровъ, что они ушли днемъ впередъ, какъ авторъ годомъ; середа показалась имъ четвергомъ, и очутилось два четверга на одной недѣли, безъ середы. Впрочемъ Февраль, говорятъ, мѣсяцъ-недоумокъ и обиженъ въ счетѣ дней,—такъ вотъ ему и вознагражденіе.

Кто слѣдилъ за нашими журналами впродолженіи послѣднихъ 15 лѣтъ, тотъ не могъ не замѣтить съ печалію постепеннаго уменьшенія свѣдѣній положительныхъ, особенно объ иностранныхъ литературахъ. Наши критики и авторы кричали о Шиллерахъ и Гете, не зная по-Нѣмецки, осуждали Мольера и Расина, не читавъ, нетолько что не изучавъ представителей Французской литературы и народности. (Русская старая литература была извѣстна еще менѣе). Въ послѣднее время примѣтно стало возвращеніе къ лучшему въ этомъ отношеніи; замѣтимъ впрочемъ промахъ въ одной Петербургской газетѣ, которая пишетъ «что защитникъ католицизма Монталамберъ возсѣдаетъ теперь на томъ самомъ креслѣ (N 36), которое занималъ нѣкогда самый отчаянный Вольтеріанецъ», то есть Лагарпъ. Автору или переводчику этихъ строкъ вѣрно неизвѣстно послѣднее время жизни Лагарпповой и его обращеніе, а оно слишкомъ знаменито! Авторъ съ чувствомъ довольной гордости замѣчаетъ также: «извѣстно, какою посредственною извѣстностію пользуется Лагарпъ въ наше время». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что авторъ не читалъ Лагарпа: Лагарпъ, какъ *Французскій* критикъ, долго еще не потеряетъ своего достоинства, хотя, разумѣется, Нѣмецъ и Русскій, не согласятся и не должны согласиться съ нимъ во многихъ вопросахъ. За то въ этой газетѣ переведено очень умное письмо къ Бельгійцамъ Леона Гозлана, которое мы и помѣщаемъ: «Не знаю, съ какою цѣлію была напечатана въ одной Бельгійской газетѣ статья, перепечатанная потомъ Французскими журналами, и которая утверждаетъ, будто бы я получилъ отъ какого то Американца наслѣдство въ 50.000 франк. Къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что это извѣстіе пятьдесятъ тысячъ разъ ложно. Вмѣсто того, чтобы надѣлять меня этимъ сказочнымъ богатствомъ, Бельгійцы сдѣлали бы гораздо лучше, возвративъ мнѣ и моимъ товарищамъ тѣ деньги, которыя они украли у насъ и продолжаютъ красть каждый день, посредствомъ контрафакціи нашихъ сочиненій. Впрочемъ эта шутка имѣла, можетъ быть, и свою нравственную цѣль. Она можетъ подать нѣкоторымъ богачамъ благородную мысль— завѣщать бѣднымъ литераторамъ, доставлявшимъ имъ удовольствіе своими произведеніями, часть тѣхъ богатствъ, которыя они отказываютъ при своей кончинѣ балетнымъ танцовщикамъ».

Digitized by Google

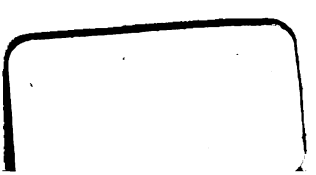
Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

AUG 27 1957



Digitized by Google

Digitized by Google